ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ТОМЪ XXVIII.

Россія

и

С—Саварна.

ИЗДАТЕЛИ: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ).
И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. «Издат. дѣло, бывш. Брокгаузъ-Ефронъ»
1899.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Библиотека "Руниверс"

Наиболѣе значительныя по объему оригин. статьи 55-го полутома

„Энциклопедическаго Словаря".

Россія.

VII. Общественное призрѣніе и благотворительность—А. Яновскій.

VIII. Исторія.
A) Россія въ археологическомъ отношеніи —проф. Д. Анучинъ.
B) Источники русской исторіи и русская исторіографія—П. Милюковъ.
C) Исторія Россіи—Ал. Кизеветтеръ.
D) Малороссія—Н. Василенко.
E) Хронологія по русской исторіи.

IX. Русское право.
A) Исторія русскаго права — проф. М. Дьяконовъ.
B) Русское гражданское право — проф. В. Нечаевъ.
C) Русское крестьянское обычное право —проф. В. Нечаевъ.
D и E) Гражданское судопроизводство, и русское торговое право и судопроизводство—А. Яновскій.
F) Русское уголовное право и судопроизводство—проф. К. К., А. С. Л. и Ф. Я.

X. Русскій языкъ и русская литература.
A) Русскій языкъ—академикъ А. Шахматовъ
B) Исторія русской литературы до 1848 г. —акад. А. Пыпинъ.
Исторія русской литературы новѣйшаго періода—С. Венгеровъ.

XI. Русское искусство.
A) Архитектура, Живопись, Гравированіе —А. Сомовъ.
B) Исторія русской музыки — проф. С. Буличъ.
C) Русскій театръ—Ф. Л.

XII. Русская наука:
Богословіе.
Математика—В. В. Бобынинъ и Р.
Астрономія и Геодезія—проф. Г. Левицкій.
Физика—А. Г.
Метеорологія—А. Л.
Минералогія и Кристаллографія—пр.-доц. П. Агафоновъ.
Геологія—прив.-доц. Б. П.
Химія—*
Ботаника—А. Еленкинъ.
Зоологія—проф. В. Шимкевичъ.
Анатомія—проф. А. Догель.
Гистологія и Физіологія—И. Т.
Медицина:—д-ръ А. и *
Сельскохозяйственная наука—проф. А. С
Технологія—проф. А. К.
Инженерное и строительное искусство—нижен. А. Таненбаумъ.
Географія и географическія изслѣдованія —Ю. Ш.
Исторія—Н. Карѣевъ.
Церковная исторія—А. Меліоранскій.
Востоковѣдѣніе—прив.-доц. В. Бартольдъ.
Классическая филологія—А. Малеинъ.
Славистика—прив.-доц. А. Погодинъ.
Исторія всеобщей литературы—прив.-доц. Ѳ. Батюшковъ.
Исторія русской литературы — А. Лященко.
Русскій языкъ и сравнительное языкознаніе—проф. С. Буличъ.
Философія—Э. Радловъ.
Соціологія—Н. Карѣевъ.
Русское Государственное право—Н. Л.
Гражданское и римское право—проф. В. Нечаевъ.
Торговое право и торговое судопроизводство—А. Яновскій.
Уголовное право—проф. К. К.
Экономическая наука—М. Туганъ-Барановскій.
Статистика—проф. И. К.
Финансовая наука—И. Я.
Военныя науки—проф. А. Лыкошинъ.

Въ Энциклопедическомъ Словарѣ употребляются, кромѣ мѣръ русскихъ, также и метрическія, французскія, которыя теперь приняты въ большей части европейскихъ государствъ. **Для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно—метрическихъ въ русскія—къ «Энциклопедическому Словарю» приложены таблицы въ V-мъ томѣ, послѣ страницы 468, въ прибавленіи.**

Для перевода русскихъ мѣръ въ англійскія и обратно—англійскихъ въ русскія—см. томъ XX, ст. Мѣры, стр. 326 и 327.

Библиотека "Руниверс"

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“,

начатый проф. И. Е. Андреевскимъ,

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. Арсеньева

и заслуженнаго профессора

Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

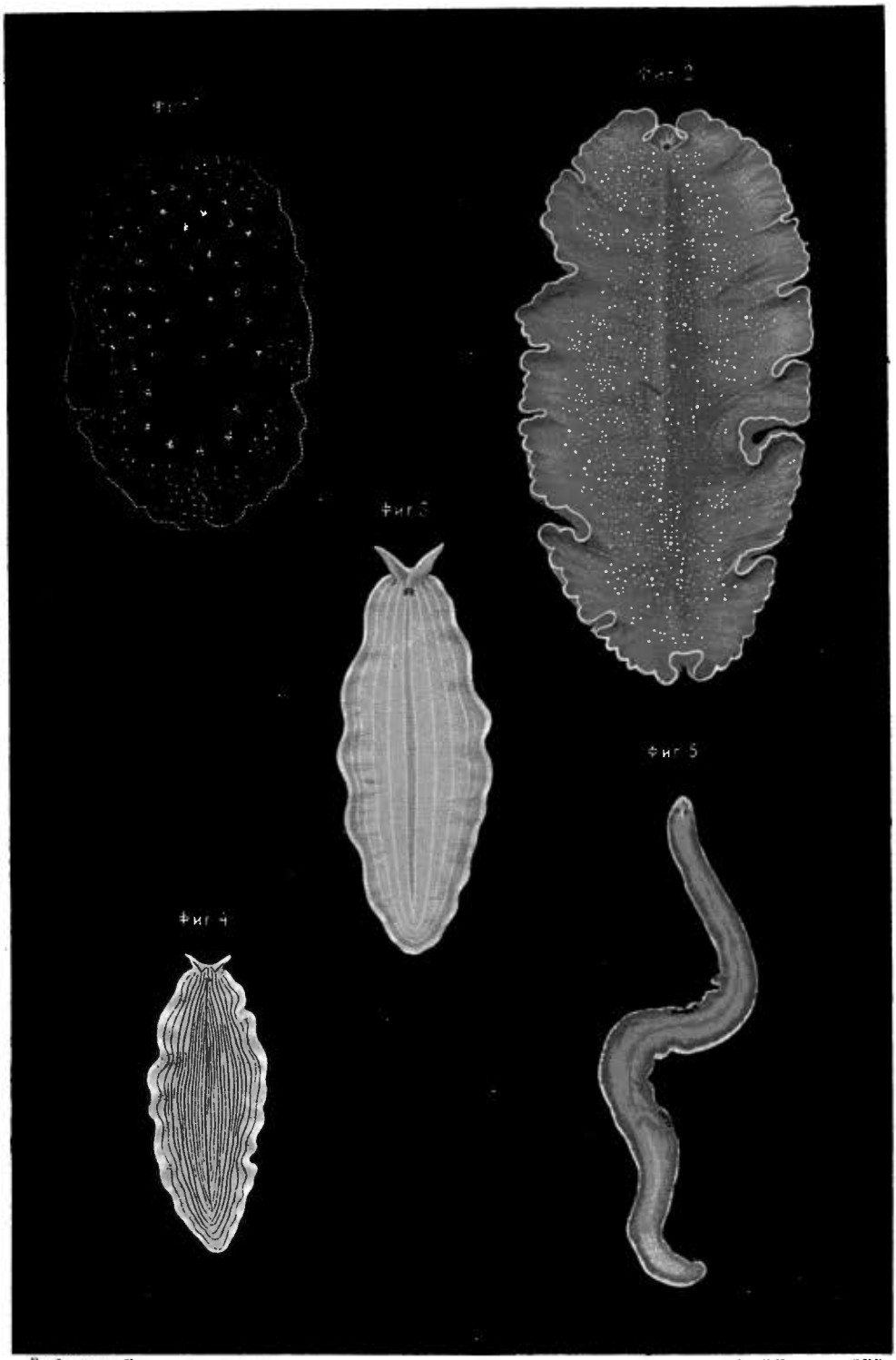
С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. **А. И. Воейкова**.	„	географіи.
Проф. **Н. И. Карѣева** . .	„	исторіи.
Академика **А. О. Ковалевскаго** и Проф. **В. Т. Шевякова**, . .	„	біологическихъ наукъ.
Проф. **Д. И. Менделѣева**.	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. **А. В. Совѣтова** . . .	„	сельскохозяйственный.
Владиміра Соловьева . . .	„	философіи.
Проф. **Н. Ѳ. Соловьева**	„	музыки.
А. И. Сомова . .	„	изящныхъ искусствъ.
Академика **И. И. Янжула** . .	„	политической экономіи и финансовъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РѢСНИЧНЫЕ ЧЕРВИ. I.

(Вѣтвистокишечные Polyclada)

Брокгауза и Ефрона, Энцыкл. слов. Лит. И. Кадушина, С.П.Б.

Фиг. 1. Planocera Graffii Lang. Фиг. 2. Yungia aurantiaca Lang. Фиг. 3. Prostheceraeus roseus Lang. Фиг. 4. Prostheceraeus vittatus Lang. Фиг. 5. Cestoplana faraglionensis Lang.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона.

Картогр. зав. А. Ильина. СПБ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

VII. Общественное призрѣніе и благотворительность въ Россіи.

Въ древней Руси органами общественнаго призрѣнія служили монастыри; при нихъ, какъ и при приходскихъ церквахъ, устраивались богадѣленныя избы, куда безъ разбора принимались профессіональные нищіе, образовавшіе особый классъ подъ именемъ «церковныхъ и богадѣльныхъ людей». На необходимость упорядоченія этого дѣла указывалъ уже Стоглавый соборъ, но энергично взялся за него Петръ Великій, который, преслѣдуя нищенство и воспрещая, подобно современнымъ ему законодательствамъ, частную благотворительность, предписывалъ духовному вѣдомству завести по всѣмъ губерніямъ богадѣльни, а магистратамъ устраивать для заключенія профессіональныхъ нищихъ-мужчинъ смирительные домы, для профессіональныхъ нищихъ-женщинъ — прядильные домы. Планъ фактически осуществленъ не былъ. Общую организацію дѣло общественнаго призрѣнія получило лишь при имп. Екатеринѣ II, которая, положивъ въ 1763 г. начало воспитательнымъ домамъ, Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. ввела въ составъ губернскихъ установленій особые приказы общественнаго призрѣнія. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій (1864) и учрежденій городского общественнаго управленія (1870) къ нимъ перешли обязанности приказовъ общественныхъ учрежденій, которые сохранились лишь въ губерніяхъ не-земскихъ; въ губерніяхъ Царства Польскаго ихъ замѣняютъ губернскіе и уѣздные совѣты общественнаго призрѣнія. Всѣ эти органы общественнаго призрѣнія подчинены мин-ву внутр. дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго состоятъ и благотворительныя общества. Другимъ наиболѣе обширнымъ вѣдомствомъ по дѣламъ благотворительности является Собственнаго Его Импер. Величества канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи, образованная въ 1828 г. Вѣдомство учрежденій Импер. Маріи съ теченіемъ времени разросталось, въ составъ его вошли, между прочимъ, Импер. женское патріотическое общество, основанное въ 1812 г., попечительство Импер. Маріи Александровны о слѣпыхъ, попечительство Императрицы Маріи Ѳедоровны о глухонѣмыхъ. Самостоятельное вѣдомство образуетъ Имп. Человѣколюбивое Общество, основанное въ 1802 г. и располагающее въ настоящее время въ обѣихъ столицахъ и въ 25 другихъ пунктахъ Имперіи 210 благотворительными заведеніями. Несравненно болѣе широко развѣтвленную организацію имѣетъ Россійское Общество Краснаго Креста, которое въ мирное время проявляетъ обширную благотворительную дѣятельность, особенно въ годины народныхъ бѣдствій; оно располагаетъ приблизительно 400 учрежденіями, въ томъ числѣ 3 инвалидными домами и множествомъ лѣчебницъ, пріютовъ, амбулаторій. Въ 1895 г. учреждено подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Имп. Вел. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, имѣющее цѣлью организацію трудовой помощи, т. е. доставленіе честно оплачиваемаго труда «тѣмъ изъ терпящихъ крайнюю нужду, которые тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта»; въ 1898 г. число открытыхъ попечительствомъ въ различныхъ пунктахъ Р. домовъ трудолюбія простиралось до 175, сверхъ того, 63 дома предположено учредить въ ближайшемъ будущемъ. Наконецъ, отдѣльныя благотворительныя учрежденія состоятъ и въ вѣдѣніи другихъ министерствъ; наиболѣе многочисленны благотворительныя учрежденія духовнаго вѣдомства. Многія благотворительныя заведенія носятъ сословный характеръ. Призрѣніе неимущихъ и неспособныхъ къ труду крестьянъ составляетъ мірскую повинность крестьянскихъ обществъ; аналогичная обязанность возложена закономъ и на прочія сословныя общества. Изъ вышеизложеннаго видно, что организація общественнаго призрѣнія въ Р. страдаетъ отсутствіемъ единства; не опредѣлено соразмѣрное участіе въ этомъ дѣлѣ общины, области и государства. При отсутствіи такой соразмѣрности и при сословномъ характерѣ обязательной помощи нуждающимся, дѣло общественнаго призрѣнія не могло быть въ достаточной степени разработано и учрежденіями земскаго и городскаго самоуправленія. Кое-что, однако, сдѣлано земствомъ и городами, не смотря на безусловную недостаточность самостоятельныхъ источниковъ для покрытія расходовъ по общественному призрѣнію *).

Израсходовано:	На народное здравіе.	На общественное призрѣніе.	На всѣ необязательные расходы.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ необязательныхъ: расходовъ на народное здравіе.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ необязательныхъ: тратъ на общественное призрѣніе
Въ 1871 г. по 31 губ. земствомъ . .	2074115	484995	8584060	24,4%	5,65%
» 1881 г. » 34 » » . .	7106245	2188374	21553278	32,9%	10,15%
» 1890 » » » » » . .	10343565	2786982	28490033	36,3%	9,78%

Необязательные расходы земствъ въ абсолютныхъ цифрахъ возросли за 20 лѣтъ въ 3,3 раза, расходы на народное здравіе—въ 4,9 раза, на общественное призрѣніе—болѣе чѣмъ въ 5½ разъ. Въ процентномъ отношеніи къ необязательному бюджету расходы на народ-

*) Въ качествѣ такихъ источниковъ законъ указываетъ, между прочимъ, кружечные сборы и различныя денежныя и штрафныя деньги, подробно исчисленныя въ 41 ст. Устава о обществ. призрѣніи (Св. Зак. т. XIII, изд. 1892 г.). Болѣе постояннымъ источникомъ доходовъ являются проценты отъ неприкосновенныхъ благотворительныхъ капиталовъ, оставшіеся отъ приказовъ обществ. призрѣнія. Такихъ капиталовъ въ 1869 г. выдано 28 земствамъ 6½ милл. руб.; къ 1890 г. они возросли въ тѣхъ же губерніяхъ до 8584717 руб.

Библиотека "Руниверс"

ное здравіе увеличились за тотъ же періодъ нѣсколько менѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза, а на общественное призрѣніе въ 1,7 раза. Въ приведенныя цифры не вошли пособія переселенцамъ и нѣкоторые другіе болѣе или менѣе значительные расходы, которые также могутъ быть отнесены къ области благотворительности (содержаніе пріютовъ и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, пособія пострадавшимъ отъ наводненія, выдача стипендій и т. п.). Наконецъ, самая постановка земско-медицинскаго дѣла такова, что отдѣлить его отъ общественнаго призрѣнія очень затруднительно (содержаніе хрониковъ при больницахъ, лѣчебницы для душевно-больныхъ). Заслуги земствъ въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія въ Р. выступаютъ особенно рельефно при сопоставленіи современнаго положенія его въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ. Ко времени введенія земскихъ учрежденій, въ вѣдѣніи 55 приказовъ состояло: больницъ 519 и отдѣленій ихъ 5, домовъ умалишенныхъ 33 и отдѣленій ихъ 6, богадѣленъ и инвалидныхъ домовъ 107 и отдѣленій ихъ 4, сиротскихъ домовъ 21 и отдѣленій 2, воспитательныхъ домовъ 8 и отдѣленій 14, училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей 16, фельдшерскихъ школъ 4, смирительныхъ и рабочихъ домовъ 27 и отдѣленій 3, а всего 735 заведеній и 34 отдѣленій. Численность главнѣйшихъ изъ этихъ благотворительныхъ заведеній къ началу 1890-хъ годовъ въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ видна изъ нижеслѣдующей таблицы:

Названіе благотворительныхъ заведеній.	Въ нач. 1860-хъ гг. въ 55 губ., имѣющихъ приказы, состояло.	Въ началѣ 1890-хъ гг. состояло: Въ 16 губ., имѣющихъ приказы.	Въ 28 земскихъ губ.
Больницъ и ихъ отдѣленій	524	111	745
Домовъ умалишенныхъ и ихъ отдѣленій. . . .	39	9	55
Богадѣленъ и инвалидныхъ домовъ	111	28	276
Сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ и ихъ отдѣленій.	45	6	56

Сравнительный обзоръ въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ собственно установленій для призрѣнія, безъ медицинскихъ учрежденій, даетъ слѣдующія данныя:

	Въ 28 земск. губерніяхъ.	Въ 18 не-земск. губ.	На одну губ. приходится. Земскую.	Не-земскую.
Установленій . .	1090	817	39	51
Призрѣваемыхъ и получающихъ пособіе	1072146	60522	38291	4034

Въ большей степени растетъ дѣло общественнаго призрѣнія въ городахъ, что, конечно, объясняется притокомъ крупныхъ пожертвованій и благотворительныхъ капиталовъ, переходящихъ въ владѣніе городскихъ общественныхъ управленій. Въ 50 губ. Европейской Россіи (кромѣ губерній Царства Польскаго) городами расходовалось въ 1880—84 гг. на содержаніе благотворительныхъ и др. общеполезныхъ заведеній (со включеніемъ больницъ) 2015568 руб. въ годъ, что составляло 5% всѣхъ городскихъ расходовъ, а въ 1894 г. израсходовано 7203799 руб. или 11,6% всѣхъ городскихъ расходовъ. Болѣе 500000 руб. расходовали на этотъ предметъ въ 1894 г. С.-Петербургъ (1981327 руб.), Москва (1813060 руб.), Одесса (709863 руб.) и Рига (504556 руб.); за этими городами слѣдуетъ Варшава, расходы которыи на благотворительныя заведенія достигали въ 1894 г. 150489 руб. Въ Москвѣ, Харьковѣ и С.-Петербургѣ сдѣланы попытки къ организаціи общественнаго призрѣнія на раціональныхъ началахъ путемъ учрежденія участковыхъ попечительствъ (см. Призрѣніе, XXV, 175).

Мірскіе расходы на благотворительность въ Европейской Россіи составили въ 1894 г. 896374 руб. или 1,5% общей суммы мірскихъ расходовъ. Мірскіе расходы на благотворительность слагаются изъ двухъ статей:

	Рубли.	% общей суммы.
Призрѣніе и лѣченіе сирыхъ и убогихъ	674561	75,3%
Разныя пожертвованія. .	221813	24,7%

Почти половина всѣхъ мірскихъ расходовъ на благотворительность (440723 руб.) приходится на призрѣніе сирыхъ и убогихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ расходы на этотъ предметъ составляютъ: въ Курляндской губ. 20,3%, Лифляндской губ. 18,6% и Эстляндской 6,1% всѣхъ мірскихъ расходовъ. Во всѣхъ другихъ губерніяхъ Европейской Россіи расходы на благотворительность, по большей части, меньше 1% и колеблются отъ 0,3% (Бессарабская, Виленская, Владимірская и др.) до 2% (Могилевская губ.). Кромѣ того изъ мірскихъ суммъ израсходовано въ 1894 г. 642631 руб. (1,1%) на содержаніе больницъ и оспопрививаніе. Наконецъ, призрѣніе сирыхъ и убогихъ производится въ деревняхъ и въ видѣ натуральной повинности (см. изданный въ 1897 г. мин-вомъ внутр. дѣлъ въ 1897 г. Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру положеній о крестьянахъ. Общій очеркъ заключеній, касающихся общественнаго призрѣнія, см. въ внутреннемъ обозрѣніи № 11 «Вѣстника Европы» за 1897 г.).

По даннымъ (не полнымъ), собраннымъ вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи въ 1896 г. («Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Россіи», изд. этимъ вѣдомствомъ, СПб., 1899), общая картина характера и объема благотворительности въ Р. представляется въ слѣдующемъ видѣ. Всѣхъ благотворительныхъ обществъ, братствъ, попечительствъ, комитетовъ и такъ назыв. благотворитель-

Библиотека "Руниверс"

Благотворительныя общества и учрежденія въ Россійской Имперіи [1]).

Наименованіе губерній, областей и градоначальствъ.	Число благотворительныхъ обществъ.	Число благотворительныхъ учрежденій.				Родъ учрежденій.											Число лицъ, воспользовавшихся благотворительностью.					Средства.				
		Для взрослыхъ.	Для дѣтей.	Для оказанія медицинской помощи.	Всего учрежденій.	Богадѣльни.	Дома трудолюбія.	Ночлежные дома.	Странноприим. дома.	Дешевыя столовыя.	Дешевыя квартиры.	Народныя читальни.	Дѣтскіе пріюты.	Ясли.	Школы благотворительнаго характера.	Лѣчебницы.	ДѢТИ. Мужч.	ДѢТИ. Женщ.	ВЗРОСЛЫЕ. Мужч.	ВЗРОСЛЫЕ. Женщ.	Лицъ и возрастъ въ достаточныхъ свѣдѣніяхъ не показаны.	Капиталы.	Членскіе взносы.	Разныя поступленія и пожертвованія.	Пособія.	Приблизительная стоимость недвижимостей.
1. Архангельская	7	6	6	1	13	5	1	—	—	—	—	—	5	—	1	1	497	404	985	1017	—	149902	3417	11812	4965	67500
2. Астраханская	8	10	9	2	21	7	—	1	—	1	1	—	4	—	5	2	4139	3193	368	926	80	1205830	4895	45674	48263	472250
3. Бессарабская	12	8	1	1	10	5	—	2	—	1	—	—	1	—	—	1	2307	2170	712	551	63	228490	5906	31384	4656	405300
4. Виленская	8	8	6	—	14	7	1	—	—	—	—	—	5	1	—	—	694	518	350	822	—	388250	11261	41640	39731	537630
5. Витебская	13	16	9	—	25	12	2	—	—	2	—	—	4	—	5	—	1380	1095	1497	1410	1002	186580	4160	20097	37315	169500
6. Владимірская	21	57	12	10	79	52	1	—	2	2	—	—	9	1	2	10	1057	824	6082	4628	62305	465793	66610	28054	18210	553788
7. Вологодская	13	29	9	2	40	26	2	—	—	1	—	—	3	—	6	2	762	606	1632	3607	51400	770830	5002	28579	13405	187258
8. Волынская	12	34	7	7	48	29	1	—	1	3	—	—	3	—	4	7	1029	1217	4346	4681	985	89075	8101	36252	18495	97750
9. Воронежская	11	51	8	7	66	43	—	—	6	—	2	—	6	—	2	7	1579	1720	12482	7764	12904	546012	5007	46951	9906	979680
10. Вятская	11	14	11	—	25	8	3	1	—	2	—	—	9	—	2	—	263	524	5265	2363	19278	1113134	811	21704	12467	419261
11. Гродненская	5	10	2	1	13	9	1	—	—	—	—	—	2	—	—	1	98	81	216	309	—	47490	1233	8576	5500	275440
12. Донскаго Войска Обл.	24	30	15	23	68	17	4	1	1	2	—	5	7	1	7	23	8144	6394	17306	13555	986	1212419	65051	78070	47296	1787169
13. Екатеринославская	9	10	4	—	14	7	1	1	—	1	—	—	3	—	1	—	193	385	567	486	299	97281	7332	16359	9900	64500
14. Казанская	23	27	12	7	46	22	—	2	—	3	—	—	6	—	6	7	3491	2136	89769	19344	—	663595	12564	43599	15771	45195
15. Калужская	3	17	5	1	23	13	1	—	2	1	—	—	5	—	—	1	221	233	3386	1926	8624	912560	1723	18420	800	199000
16. Кіевская	28	24	12	14	50	21	—	1	—	—	1	—	10	—	3	14	10012	9125	9517	3020	4934	1116750	25571	106511	89694	931400
17. Ковенская	7	7	3	6	16	2	1	—	—	4	—	—	3	—	—	6	196	129	635	588	21388	109392	4661	20589	11040	122500
18. Костромская	11	37	17	14	68	34	—	5	—	—	—	—	8	—	7	14	1463	1254	13140	7216	64727	1048619	8780	24490	5913	597760
19. Курляндская	47	37	19	7	63	36	1	—	—	—	—	—	19	—	—	7	1024	638	1576	2359	1438	1243793	22529	53450	6075	413099
20. Курская	14	33	6	1	40	30	—	1	1	1	—	—	6	—	—	1	943	229	1555	1832	189039	259304	4355	15176	18335	142250
21. Лифляндская	54	51	45	—	96	44	1	1	—	5	—	—	34	1	10	—	2012	2011	1911	2881	1325	1418705	35909	231261	59697	1764959
22. Минская	15	24	7	7	38	16	—	2	—	7	—	—	2	—	4	7	15935	7878	21066	13509	2362	174251	22885	85226	36710	477230
23. Могилевская	—	86	3	3	92	86	—	—	—	—	—	—	3	—	—	3	3686	2817	6089	2266	—	53030	2424	7529	37029	183305
24. Московская	41	81	16	—	97	71	—	3	4	2	1	—	14	1	1	—	334	578	249	1305	20425	3615360	12370	48327	96948	809700
25. Нижегородская	16	23	20	5	48	18	2	1	2	—	—	—	16	1	3	5	2611	1891	711	1873	14495	1014371	27552	138510	42306	1170910
26. Новгородская	13	10	5	—	15	8	—	—	1	1	—	—	5	—	—	—	656	365	4739	7429	3925	286530	2650	23156	1950	202600
27. Олонецкая	10	7	4	—	11	6	—	—	—	1	—	—	3	1	—	—	202	325	170	423	3204	309048	1148	15382	12178	47700
28. Оренбургская	5	3	4	3	10	3	—	—	—	—	—	—	4	—	—	3	603	272	610	265	—	113100	2729	9443	12900	97050
29. Орловская	6	27	11	2	40	24	—	1	1	1	—	—	9	1	1	2	239	1521	1471	3128	23287	489105	3475	28887	3002	928950
30. Пензенская	3	17	9	—	26	17	—	—	—	—	—	—	6	—	3	—	169	284	202	491	45000	231100	1190	12560	9875	270700
31. Пермская	10	24	26	—	50	21	—	2	—	1	—	—	24	—	2	—	705	917	1405	1887	82327	1956179	34849	8747	1087	66290
32. Подольская	12	7	2	—	9	5	—	—	1	1	—	—	2	—	—	—	314	159	278	298	—	140590	7909	20860	1640	36200
33. Полтавская	17	40	6	4	50	36	1	—	2	1	—	—	6	—	—	4	6992	6393	21054	15686	—	135248	7726	28374	55550	711735
34. Псковская	12	41	8	1	50	40	—	—	1	—	—	—	7	—	1	1	242	304	1469	1873	5602	318809	7976	18080	1938	262900
35. Рязанская	12	41	6	—	47	39	3	—	—	—	—	—	5	—	—	—	118	264	4616	2409	2235	938650	5604	47504	21826	542980
36. Самарская	9	14	11	6	31	9	1	1	1	3	—	—	10	—	—	6	350	232	2104	1136	111	549935	12013	33016	11720	184080
37. С.-Петербургская	10	13	8	3	24	13	—	—	—	—	—	—	4	—	4	3	433	453	329	870	16190	1008851	30925	71966	900	616400
38. Саратовская	9	28	13	—	41	26	2	—	—	—	—	—	10	—	3	—	922	890	1329	2138	—	827678	21557	49260	15908	585840
39. Симбирская	10	9	6	1	16	7	2	—	—	—	—	—	6	—	—	1	230	208	100	196	8604	743730	3560	13888	7085	151000
40. Смоленская	18	15	3	1	19	15	—	—	—	—	—	—	2	—	1	1	157	322	7020	2081	4968	102150	7825	34107	5770	80650
41. Таврическая	8	8	6	—	14	1	—	5	—	2	—	—	5	1	—	—	295	360	19318	3282	—	517664	11172	28521	3700	387850
42. Тамбовская	7	28	16	—	44	25	1	—	3	—	—	—	14	—	1	—	407	650	1827	1683	75300	638116	5959	64225	24850	1986110
43. Тверская	12	36	20	5	61	30	1	2	—	3	—	—	17	—	3	5	1556	1455	68416	10933	—	1503327	9235	37315	21500	1069600
44. Тульская	—	57	12	—	69	56	—	—	1	—	—	—	9	1	2	—	302	253	298	720	—	1220532	2220	22096	6259	428525
45. Уфимская	7	6	4	3	13	4	—	1	—	—	—	—	1	—	3	3	162	114	82	385	2353	139210	1540	19598	9133	62100
46. Харьковская	27	9	12	—	21	7	—	—	1	1	—	—	9	1	2	—	631	469	2055	1011	1333	634915	41627	74171	48236	445200
47. Херсонская	14	13	15	2	30	12	1	3	—	—	—	—	7	1	4	2	2042	1296	8278	9569	15724	134600	7236	48670	107590	285290
48. Черниговская	16	11	6	2	19	10	1	—	—	—	—	—	4	—	2	2	491	239	3247	2920	5741	910960	9636	16386	25418	350835
49. Эстляндская	16	17	15	4	36	16	1	—	—	—	—	—	13	—	2	4	698	664	4228	1763	1420	516500	4905	48565	14370	228500
50. Ярославская	15	42	17	1	60	37	2	2	—	2	—	—	13	—	3	1	407	662	787	859	—	1445094	11908	47372	13396	643115
51. Варшавская	10	57	86	27	170	48	—	3	4	8	—	—	70	1	13	27	17250	18343	40480	47161	114057	5045270	40387	790244	445390	5587500
52. Калишская	2	34	6	—	40	33	—	—	—	1	—	—	5	—	1	—	154	176	234	547	—	136156	2177	21239	1050	115850
53. Кѣлецкая	2	7	1	—	8	7	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	13	12	15	43	—	64695	1195	7998	140	34380
54. Ломжинская	2	8	1	—	9	7	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	5	9	128	234	—	52860	880	3880	300	25460
55. Люблинская	3	20	5	—	25	19	1	—	—	—	—	—	5	—	—	—	93	49	83	501	7845	206393	2094	18726	3525	129010
56. Петроковская	2	10	5	1	16	8	—	—	—	2	—	—	5	—	—	1	441	417	568	891	—	202521	12550	33275	85	116800
57. Плоцкая	3	9	4	—	13	8	—	—	—	1	—	—	4	—	—	—	165	232	37	57	531	50655	2010	8747	1087	66290
58. Радомская	1	7	4	—	11	7	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	40	43	45	88	—	59035	1598	16391	1060	25990
59. Сувалкская	1	1	2	—	3	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	19	10	6	19	—	5820	363	4958	—	27660
60. Сѣдлецкая	—	3	5	—	8	3	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	25	33	8	35	—	29032	1285	1113	—	23930
61. Бакинская	3	1	1	—	2	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	950	729	10	14	41478	173863	1280	47900	2800	3300
62. Елисаветпольская	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88	109	127	40	—	5020	1914	4135	1250	—
63. Кутаисская	5	2	—	1	3	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	116	538	2640	577	13082	68981	1440	94467	—	150000
64. Ставропольская	6	3	1	—	4	2	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	445	645	79	94	—	175200	3130	50546	4990	32000
65. Тифлисская	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2304	2648	292	174	727	190354	52304	114222	4700	129050
66. Эриванская	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	134	—	—	—	10141	2060	9843	750	57700
67. Дагестанская	7	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	310	342	1744	1023	—	21295	1080	11491	2580	—
68. Карсская	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	68	48	50	15	—	9850	1080	4094	—	—
69. Кубанская	9	5	7	1	13	2	—	2	—	1	—	—	2	—	5	1	162	350	2134	1926	2839	46600	9144	23623	13350	108500
70. Терская	10	2	—	1	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3129	77	492	590	2822	55623	3015	23202	—	23190
71. Енисейская	1	6	6	—	12	5	—	—	—	1	—	—	5	—	1	—	98	116	78	76	18990	677590	620	9915	6807	174500
72. Иркутская	2	11	9	2	22	9	—	1	—	1	—	—	6	—	3	2	507	768	1125	755	8363	1845312	1620	20700	8630	891500
73. Тобольская	4	9	8	1	18	8	—	—	1	—	—	—	7	—	1	1	497	264	96	595	5522	382963	1200	29287	3653	66686
74. Томская	17	15	8	1	24	10	1	3	—	1	—	—	6	1	1	1	434	458	420	649	5686	922247	17850	55934	4875	381700
75. Амурская	1	1	3	2	6	1	—	—	—	—	—	—	3	—	2	—	524	364	2537	3271	—	26160	—	1025	—	35900
76. Забайкальская	2	14	7	2	23	10	—	1	3	—	—	—	6	—	1	2	274	82	86	255	1736	170300	—	1043	4700	83000
77. Приморская	2	4	—	—	4	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	71	51	—	23752	1115	5544	1100	10265
78. Сыръ-Дарьинская [2]).	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
79. Якутская	1	6	2	—	8	4	—	1	—	1	—	—	2	—	—	—	64	57	17	9	64	89480	925	14940	18840	10400
80. Акмолинская	2	3	2	—	5	2	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	65	65	35	15	—	75090	500	2299	1590	28000
81. Закаспійская	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	13	11	—	—	29	10000	996	4146	—	5000
82. Самаркандская	1	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	54	20	—	—	—	4000	230	1600	—	20000
83. Семипалатинская	1	1	1	—	2	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	21	15	5	24	—	143090	—	—	500	20000
84. Семирѣченская	3	1	1	—	2	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	27	39	2	5	77	53460	1270	2600	200	36200
85. Тургайская	1	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	44	4	—	—	—	5450	460	432	1150	425
86. Уральская	5	4	1	1	6	1	—	1	—	1	—	1	1	—	—	1	98	38	3490	3796	3634	24253	1550	7750	500	9910
87. Ферганская	1	—	—	10	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	40	44237	—	—
88. г. Севастополь	2	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	43	—	—	—	—	7600	700	8000	—	—
89. г. Керчь-Еникле	5	2	1	1	4	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	1	262	229	776	237	—	177587	4345	15095	700	318600
90. г. Одесса	43	14	18	2	34	10	—	2	1	2	1	—	15	—	2	1	3780	2990	13786	12284	84685	1534766	60061	157296	88283	3892708
91. г. Кронштадтъ	8	4	12	—	16	2	1	—	—	—	1	—	6	—	6	—	10426	9829	8682	17669	10253	594526	2457	41344	10997	340000
92. г. Николаевъ	3	4	1	—	5	—	—	2	—	2	—	—	1	—	—	—	103	102	148	477	—	54130	2500	1500	12900	106500
93. В Кн. Финляндское	36	2	6	—	8	2	1	—	—	—	—	—	5	—	—	—	1279	1643	1231	1396	100	607088	7006	70903	130979	258561
ИТОГО	**906**	**1525**	**729**	**210**	**2464**	**1304**	**43**	**58**	**36**	**80**	**8**	**6**	**561**	**15**	**143**	**210**	**127774**	**109160**	**444591**	**270657**	**1088914**	**47981245**	**972820**	**3852964**	**1916029**	**36184110**
г. С.-Петербургъ	334	193	366	79	638	90	19	6	—	35	34	9	146	23	197	79	21218	23371	24273	38552	507358	157126500	226700	1838700	173541	—
г. Москва	164	201	191	61	453	120	5	3	4	10	40	19	56	12	123	61	15800	17000	34640	37718	332358	45668625	—	2028764	—	29639695
ВСЕГО	**1404**	**1919**	**1286**	**350**	**3555**	**1514**	**67**	**67**	**40**	**125**	**82**	**34**	**763**	**50**	**463**	**350**	**164792**	**149531**	**513504**	**346927**	**1928630**	**250776370**	**1199520**	**7720428**	**2089570**	**65823805**

[1]) Извлеченіе изъ сводной таблицы, приложенной къ «Сборнику свѣдѣній о благотворительности въ Россіи», составленному по распоряженію Главноуправляющаго Собственною Е. И. В. Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи, на основаніи данныхъ, собранныхъ къ 1896 г. (СПб., 1899).

[2]) Подробныя свѣдѣнія по Сыръ-Дарьинской области не могли быть внесены въ таблицу. Извѣстно только, что въ области имѣются 4 благотворительныхъ общества и 3 дѣтскихъ пріюта.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ныхъ корпорацій насчитывалось въ Р. 1404, въ томъ числѣ 334 въ СПб. и 164 въ Москвѣ. Благотворительныхъ учрежденій имѣется во всей Р. 3555, въ томъ числѣ въ СПб. 638, въ Москвѣ 453. Учрежденія эти, по родамъ благотворенія, раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Богадѣльни.	Дѣтскіе пріюты.	Учрежденія медицинской помощи.	Школы благотвор. характера.	Дешевыя столовыя.	Ночлежные дома.	Дома трудолюбія.	Странноприимные дома.	Ясли.	Дешевыя квартиры.	Народныя читальни.	Всего.
Въ С.Петербургѣ	90	146	79	197	35	6	19	—	23	34	9	638
» Москвѣ	120	56	61	123	10	3	5	4	12	40	19	453
» остальной Россіи. . . .	1304	561	210	143	80	58	43	36	15	8	6	2464
Всего.	1514	763	350	463	125	67	67	40	50	82	34	3555

Наибольшее число благотворительныхъ обществъ и учрежденій состоитъ въ вѣдѣніи мин-ва внутр. дѣлъ (2772), за которымъ слѣдуютъ общественныя учрежденія (959), духовное вѣдомство (713), вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи (317), мин-во народн. просв. (90), военное мин-во (52). Изъ 2900 обществъ и учрежденій, о времени основанія которыхъ доставлены были свѣдѣнія, 2817 основаны въ нынѣшнемъ столѣтіи (изъ нихъ въ первой половинѣ его только 348), и лишь 83 въ предшествующихъ, начиная съ XIII в., при чемъ 60 изъ нихъ относятся къ губерніямъ Царства Польскаго, Литовскимъ и Прибалтійскимъ и одно основано въ концѣ XVII в. въ Нарвѣ; остальныя 22 основаны въ XVIII в., преимущественно въ губерніяхъ Прибалтійскихъ.

Средства благотворительныхъ обществъ и учрежденій:

	Капиталовъ.	Членскіе взносы.	Разныя поступленія и пожертвованія.	Пособія.	Приблизительная стоимость недвижимости.
Въ С.-Петербургѣ	157126500	226700	1838700	173541	—
» Москвѣ	45668625	—	2028764	—	29639695
» остальной Россіи . . .	47981245	972820	3852964	1916029	36184110
Всего.	250776370	1199520	7720428	2089570	65823805

Число лицъ, воспользовавшихся благотворительностью въ теченіе года:

	Дѣти.		Взрослые.		Всего.
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	
Въ С.-Петербургѣ	21218	23371	24273	38552	107414
» Москвѣ	15800	17000	34640	37718	105158
» остальной Россіи . . .	127774	109160	444591	270657	952182
Всего.	164792	149531	503504	346927	1164754

Кромѣ того, воспользовавшихся благотворительностью, полъ и возрастъ которыхъ въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ не показаны, насчитывалось: въ С.-Петербургѣ 507358, въ Москвѣ 332358, въ остальной Р. 1088914, а всего 1928630 чел.

Въ Р. вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности посвящены: «Вѣстникъ благотворительности», издаваемый въ СПб. вѣдомствомъ дѣтскихъ пріютовъ, и «Трудовая помощь», изд. попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. *А. Я.*

VIII. Исторія. А. Россія въ археологическомъ отношеніи. Стремленіе къ сохраненію памяти о прошломъ выражалось у нашихъ предковъ въ веденіи лѣтописей. Достойными памяти признавались, однако, только важнѣйшія въ глазахъ народа событія: войны, нашествія не-

Библиотека "Руниверс"

пріятелей, смѣна князей, построеніе церквей, гладъ, моръ и т. п. Лишь въ позднѣйшее время, когда сталъ нарождаться интересъ къ болѣе широкому познанію исторіи, вниманіе было обращено и на бытовые памятники старины и тѣ остатки древности, которые попадались иногда случайно, въ землѣ, въ кладахъ и отдѣльныхъ находкахъ. Уже въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. подобными находками стали интересоваться болѣе образованные иностранцы, пріѣзжавшіе въ Р. и собиравшіе о ней свѣдѣнія, а по примѣру ихъ—и Петръ I, приказывавшій доставить ему въ Петербургъ всякіе «раритеты», въ томъ числѣ и нѣкоторые предметы древности, изъ Сибири и Заволжья, найденные, между прочимъ, и въ древнихъ могилахъ. Слухъ о томъ, что въ могилахъ или курганахъ Сибири, а также и на югѣ Р., попадаются разныя вещи, въ томъ числѣ цѣнныя, золотыя, рано распространился въ народѣ, и въ XVIII в. въ Сибири развился промыселъ «курганщиковъ», занимавшихся раскопкой кургановъ для извлеченія изъ нихъ золота и серебра. Этимъ объясняется разграбленіе множества древнихъ могилъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были расхищены, повидимому, уже въ древнія времена, людьми современными погребеніямъ и во всякомъ случаѣ знавшими не только о положеніи съ умершимъ цѣнныхъ вещей, но и о томъ, гдѣ именно онѣ клались. Въ большихъ курганахъ, раскопка которыхъ требовала-бы массы времени и средствъ, прокапывались узкіе ходы, прямо къ тому помѣщенію (иногда на значительной глубинѣ), гдѣ надо было ожидать цѣнныхъ вещей, которыя и расхищались. Въ XVIII в. кое-какія изъ подобныхъ вещей попали въ петербургскую кунстъ-камеру, гдѣ обратили на себя вниманіе ученыхъ иностранцевъ. Въ концѣ вѣка сдѣлались извѣстными любопытныя находки на югѣ Р., въ древней области скиѳовъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали привлекать къ себѣ вниманіе греческія древности, находимыя на почвѣ Крыма. Мало-по-малу, особенно подъ вліяніемъ иностранныхъ ученыхъ, поселившихся въ Р., или посѣщавшихъ ея югъ, эти древности сдѣлались такимъ же предметомъ изученія, какъ и памятники древней русской письменности (изслѣдованія Рауль-Рошетта и Кеппена въ 1820-хъ гг.). При Николаѣ I русская археологія впервые стала принимать характеръ науки, съ спеціальными органами, музеями, обществами, изданіями. Былъ преобразованъ Эрмитажъ, основана при немъ Императорская археологическая коммиссія, возникли археологическія общества въ Петербургѣ и Одессѣ, музей въ Керчи, положены основы русской и восточной нумизматикѣ, вышли цѣнныя изданія Ашика, гр. Уварова, Бэра, Фундуклея, Савельева и др., наконецъ, монументальное описаніе «Древностей Россійскаго Государства» и т. д. Еще большее развитіе получило дѣло изученія русскихъ древностей при Александрѣ II, стараніями правительства и общества. Изслѣдованіе крымскихъ и южно-русскихъ древностей стало вестись болѣе систематично и дало матеріалъ для цѣлаго ряда правительственныхъ изданій, каковы «Древности Босфора Киммерійскаго», «Древности Геродотовой Скиѳіи», «Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи» и др. и многихъ частныхъ трудовъ, русскихъ и иностранныхъ (Забѣлина, Герца, Стефани, Неймана, Кёне, Бергмана, Бруна, Ленормана и т. д.). Обратили на себя вниманіе и древности средней Р.: гр. А. С. Уваровъ описываетъ курганы древнихъ мерянъ во Владимірской и Ярославской губ., А. П. Богдановъ—курганы Московской губ., причемъ впервые обращаетъ вниманіе на изученіе останковъ самихъ погребенныхъ; Д. Я. Самоквасовъ производитъ многочисленныя раскопки въ Черниговской, Кіевской, Курской, Полтавской и др. губерніяхъ, другіе (напр. Ивановскій, Бранденбургъ, Кельсіевъ, Тышкевичъ, Алабинъ, Невоструевъ) — въ Петербургской, Новгородской, Тверской, въ Литвѣ, на Камѣ, въ Прибалтійскихъ губ. Котляревскій изучаетъ погребальные обычаи славянъ, Тизенгаузенъ издаетъ монеты восточнаго калифата, оріенталисты знакомятъ съ извѣстіями о древнихъ славянахъ и русскихъ, финскіе ученые (Аспелинъ и др.) систематизируютъ свѣдѣнія о финскихъ древностяхъ, Спасскій знакомитъ съ древностями Сибири, Берже и другіе — съ археологіей Кавказа. Открытіе около этого времени (въ концѣ 1850-хъ и въ 1860-хъ гг., въ Зап. Европѣ) древнѣйшихъ слѣдовъ человѣка, а также остатковъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, сказалось и въ расширеніи предѣловъ русской археологіи. Бэръ, Лерхъ и др. первые знакомятъ съ находками каменныхъ орудій на сѣверѣ Р.; устроенная Богдановымъ въ 1879 г. въ Москвѣ антропологическая выставка собираетъ массы предметовъ каменнаго, а отчасти и бронзоваго вѣковъ изъ разныхъ мѣстностей Р.; Ѳеофилактовъ, гр. Уваровъ, гр. Завиша, Кельсіевъ открываютъ древнѣйшіе слѣды человѣка на почвѣ Р., современные мамонту; проф. Иностранцевъ собираетъ и описываетъ любопытные остатки каменнаго вѣка, найденные на берегахъ Ладожскаго оз.; П. П. Кудрявцевъ составляетъ богатую коллекцію предметовъ неолитическаго вѣка изъ окрестностей д. Волосовой, близъ Мурома; Малаховъ и другіе изслѣдуютъ доисторическія древности Урала и т. д. Въ Москвѣ основывается (въ 1864 г.) археологическое общество; около того же времени возникаетъ антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія; археологическія розысканія производятся, кромѣ того, Имп. географическимъ обществомъ и его вост.-сибирскимъ отдѣломъ, обществами въ Гельсингфорсѣ, Казани, Кіевѣ, Тифлисѣ и т. д. Учреждаются археологическіе съѣзды, собирающіеся послѣдовательно въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Рязани, Тифлисѣ, Одессѣ, Ярославлѣ, Вильнѣ, Ригѣ и снова въ Кіевѣ (1899). Каждый такой съѣздъ вызывалъ усиленную дѣятельность въ соотвѣтственномъ районѣ, давалъ поводъ и средства для мѣстныхъ изысканій и раскопокъ, привлекалъ многихъ изслѣдователей, сообщенія которыхъ, сдѣланныя въ засѣданіяхъ съѣзда, выходили потомъ, въ обработанномъ видѣ и съ массою таблицъ, въ «Трудахъ» съѣздовъ, составляющихъ нынѣ около 25 томовъ in 4° и заклю-

Библиотека "Руниверс"

чающихъ въ себѣ богатые матеріалы по русскимъ древностямъ. Въ послѣднія 20 лѣтъ дѣло русской археологіи продолжаетъ развиваться; выходитъ много новыхъ археологическихъ изданій. Русскія древности все болѣе привлекаютъ вниманіе иностранцевъ и ставятся въ связь съ древностями другихъ странъ — азіатскаго Востока, греко-византійско-славянскаго юга, европейскаго Запада. Одною изъ попытокъ совмѣстнаго разсмотрѣнія доисторическихъ древностей Зап. Европы и Р. является книга чешскаго изслѣдователя Любора Нидерле: «Человѣчество въ до-историческія времена», вышедшая въ 1898 г. въ русскомъ переводѣ Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Вообще, однако, древнѣйшія археологическія эпохи въ предѣлахъ Р. еще недостаточно изслѣдованы. По *каменному вѣку* мы имѣемъ, правда, сочиненіе гр. А. С. Уварова: «Археологія Россіи. I. Каменный періодъ» (М., 1881, 2 части), но оно теперь значительно устарѣло; дополненіемъ къ нему можетъ служить изданіе проф. Иностранцева, «Человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера» (СПб., 1882), и статьи гр. Завиши, Кельсіева, проф. Антоновича и Армашевскаго, Кудрявцева, Штукенберга, Высоцкаго, Передольскаго и др. Покуда можно только сказать, что человѣкъ появился на почвѣ Европ. Р. въ очень отдаленную эпоху и, можетъ быть, еще засталъ здѣсь мамонта и другихъ, вымершихъ впослѣдствіи, крупныхъ животныхъ — носорога, пещернаго медвѣдя и т. д. Судя по тому, что въ предшествовавшій современному геологическій періодъ, такъ назыв. ледниковый, вся сѣв. половина Р. была покрыта великимъ скандинавско-финляндскимъ ледникомъ, человѣкъ долженъ былъ заселить сначала южныя части Р., а затѣмъ уже, по мѣрѣ стаиванія и отступанія ледника, подвигаться къ С. Древнѣйшіе слѣды человѣка оказываются въ лёссѣ (желтоземѣ), лежащемъ подъ черноземомъ. Слѣды эти заключаются въ грубо оббитыхъ каменныхъ, бо́льшею частью кремневыхъ орудіяхъ (остріяхъ, ножахъ, скребкахъ, проколкахъ и т. п.), въ остаткахъ золы и углей (слѣдахъ огня), расщепленныхъ костяхъ животныхъ (служившихъ въ пищу), изрѣдка — костяныхъ орудіяхъ (найдены въ нѣкоторыхъ пещерахъ Калишской губ., въ Польшѣ). Вообще, по древнѣйшему, такъ назыв. *палеолитическому* вѣку, находки у насъ скудны и далеко уступаютъ по богатству, разнообразію и художественности находкамъ изъ французскихъ, швейцарскихъ, южно-германскихъ пещеръ. Главнѣйшія извѣстныя покуда мѣстонахожденія палеолитическихъ древностей у насъ: Кіевъ (на Кирилловской улицѣ), дер. Костенки на Дону, нѣкоторыя пещеры близъ Калиша. Гораздо богаче представленъ у насъ позднѣйшій каменный періодъ, такъ назыв. *неолитическій*, не только отдѣльными находками, но и слѣдами поселеній и могилами. Окружавшая тогда человѣка флора и фауна была та же, что и теперь, только многіе виды животныхъ, нынѣ ставшіе рѣдкими — напр. бобръ, кабанъ, благородный олень — имѣли тогда болѣе обширное распространеніе и встрѣчались гораздо чаще. Наиболѣе извѣстныя мѣста находки предметовъ этой эпохи: стоянки на дюнахъ Оки, особенно близъ дер. Волосовой, около Мурома; южное побережье Ладожскаго озера; нѣкоторыя мѣстности по берегамъ Вислы и Днѣпра, въ Тульской и Костромской губ., въ Прикамскомъ и Приуральскомъ краѣ, въ Финляндіи, въ Олонецкой и Архангельской губ. Искусство обдѣлки камня достигло въ эту эпоху высокаго совершенства. Изъ кремня (иногда изъ кварцитовъ и др.), рядомъ мелкихъ ударовъ, отбивались и обдѣлывались наконечники стрѣлъ и копій, ножички, скребки, проколки и т. д., а изъ другихъ горныхъ породъ, не дающихъ раковистаго излома (напр. глинистыхъ сланцевъ, песчаниковъ, діорита, змѣевика), путемъ обтачиванія пескомъ съ водой, приготовлялись долота, топоры, песты, молотки, кирки и пр. Кромѣ того, пользовались звѣриными и птичьими костями, дѣлали изъ нихъ шила, стрѣлки, ножички, долота, рыболовные крючки и многія другія, отчасти неопредѣленнаго назначенія, орудія. Пользовались также деревомъ (хотя деревянныя орудія могли сохраниться только при исключительно благопріятныхъ условіяхъ) и глиной, изъ которой приготовлялись главнымъ образомъ горшки, первоначально чаще съ круглымъ дномъ, а позже и съ плоскимъ. Судя по множеству находимыхъ на мѣстахъ древнихъ поселеній звѣриныхъ, птичьихъ и рыбьихъ костей, слѣдуетъ заключить, что человѣкъ жилъ тогда въ стадіи звѣроловства, промышлялъ рыбу и звѣря, пользовался, вѣроятно, лукомъ со стрѣлами, копьемъ, удочкой, лодкой, можетъ быть лыжами, одѣвался въ звѣриныя шкуры и кожи, въ издѣлія изъ луба, жилъ въ землянкахъ и шалашахъ, небольшими поселеніями, разбросанными по берегамъ рѣкъ и озеръ. Слѣды взаимныхъ сношеній скудны, хотя иногда замѣтны въ издѣліяхъ изъ не-мѣстныхъ породъ камня. Художественныя стремленія проявляются въ орнаментаціи посуды, помощью отпечатковъ ногтей или пальцевъ, проведенныхъ черточекъ, извилинъ, вдавленныхъ ямокъ или даже сквозныхъ отверстій (вдоль края), затѣмъ въ украшеніи костяныхъ издѣлій—черточками, точками, даже рѣзными изображеніями животныхъ, птичьихъ головъ, рыбъ, которыя иногда (рѣже) дѣлались и изъ камня. Умершіе погребались уже съ извѣстнымъ ритуаломъ; на югѣ Р. найдены даже курганы съ погребеніями, относящимися, повидимому, къ этой эпохѣ—съ костякомъ, въ согнутомъ или сидячемъ положеніи, съ грубымъ около него горшкомъ и съ каменными орудіями. Изъ домашнихъ животныхъ человѣкъ обладалъ уже собакой (остатки ея найдены въ отложеніяхъ на берегу Ладожскаго озера и въ Волосовѣ), а на югѣ Р. онъ можетъ быть былъ знакомъ и съ земледѣліемъ, на что указываютъ, повидимому, находки г. Хвойка въ Трипольѣ, гдѣ были найдены, между прочимъ, остатки обугленной пшеницы и длинные кремневые, слегка загнутые осколки, позволяющіе предполагать въ нихъ серпы, хотя тамъ же было найдено и нѣсколько топориковъ изъ чистой мѣди. Распространеніе человѣка въ неолити-

Библиотека "Руниверс"

ческій періодъ было весьма обширно; слѣды его въ эту эпоху найдены отъ Чернаго до Бѣлаго моря и отъ зап. границы до Урала, а также въ Сибири. На крайнемъ СВ, у камчадаловъ, каменный вѣкъ бытовалъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, а у чукчей—до недавняго времени, но въ зап. и южной Сибири онъ относится также къ давнопрошедшимъ временамъ и слѣды его открываются только случайными находками и раскопками (напр. г. Савенкова около Красноярска). Каменный вѣкъ смѣнился всюду *металлическимъ*, и во многихъ странахъ Зап. Европы, Азіи и Америки—эпохѣ желѣза предшествовала *эпоха мѣди и бронзы* (т. е. сплава желѣза съ оловомъ, отчасти также—цинкомъ и свинцомъ). Въ естественномъ развитіи металлургіи обработка мѣди должна была предшествовать болѣе сложному приготовленію бронзы; и, дѣйствительно, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, во многихъ областяхъ существовалъ, повидимому, мѣдный вѣкъ ранѣе бронзоваго. Сдѣланное гдѣ-то въ Передней Азіи открытіе бронзы, представляющей многія преимущества передъ мѣдью, проникло ко многимъ народамъ, находившимся еще въ каменномъ вѣкѣ. Торговцы заносили изящные бронзовые мечи, топоры, наконечники копій и т. п. на берега Балтійскаго моря и обмѣнивали ихъ тамъ на янтарь и цѣнные мѣха. На территоріи Европ. Р. распространеніе знакомства съ мѣдью и бронзой шло разными путями: отчасти съ ЮЗ и З, изъ греческихъ черноморскихъ колоній, изъ долины Дуная и изъ Скандинавіи, отчасти съ В—изъ Сибири и Приуралья, отчасти, съ ЮВ—съ Кавказа. Западное вліяніе было довольно слабо; слѣды его могутъ быть констатированы—въ Финляндіи, Польшѣ, Подоліи—въ находкахъ бронзовыхъ орудій (цельтовъ, пальштабовъ, мечей, серповъ и т. д.) зап.-европ. типовъ, въ каменныхъ формахъ для отливки цельтовъ, серповъ, наконечниковъ копій (въ юго-зап. Р,), въ обширномъ распространеніи бронзовыхъ стрѣлокъ. Но въ бассейнѣ Днѣпра бронзовый вѣкъ вообще представленъ слабо и, повидимому, не вызвалъ самостоятельной промышленности, хотя кое-гдѣ, въ южной и въ средней Р., попадаются, въ могилахъ и кладахъ, находки каменныхъ орудій совмѣстно съ бронзовыми, и при томъ простѣйшихъ типовъ, напр. кованными, плоскими, листообразными наконечниками копій. Могилы этого начальнаго бронзоваго вѣка, также какъ и каменнаго, характеризуются на югѣ Р. костяками, погребенными въ скорченномъ положеніи и часто *окрашенными* красной охрой—обычай, о которомъ было высказано много предположеній и который свидѣтельствуетъ, повидимому, о раскраскѣ костей, уже послѣ разрушенія мягкихъ частей. На сѣверномъ Кавказѣ слѣды этого обычая найдены и въ могилахъ болѣе поздняго времени. Восточное вліяніе шло изъ Сибири, гдѣ, особенно въ Минусинскомъ краѣ, широко процвѣтала нѣкогда мѣдная промышленность. Въ тамошнихъ своеобразныхъ могилахъ и просто на поляхъ найдены тысячи мѣдныхъ литыхъ орудій, цельтовъ, долотъ, кирокъ, ножей, кинжаловъ и т. д., отчасти украшенныхъ изображеніями животныхъ—горныхъ козловъ, оленей, грифовъ и др.,—иногда вмѣстѣ съ каменными орудіями или слѣдами желѣза. Эта древняя культура какого-то тюркскаго народа, развившаяся, вѣроятно, подъ вліяніемъ съ юга, на почвѣ, изобилующей мѣдью, была распространена также въ Алтаѣ и охватывала южный и средній Уралъ, гдѣ русскіе открыли многочисленныя мѣдныя копи, оставленныя древнею чудью, со слѣдами работы и съ деревянными, каменными и мѣдными издѣліями этого народа. Съ Урала мѣдныя издѣлія проникли и въ бассейнъ Камы и Вятки, гдѣ найдено нѣсколько древнихъ могильниковъ (Ананьинскій, Котловскій, Пьяноборскій) съ положенными при костякахъ бронзовыми орудіями (цельтами, боевыми топорами, кинжалами и т. д.), но также и съ оружіемъ изъ желѣза. Мѣдная промышленность соединялась въ Сибири и съ золотою, какъ то доказываютъ происходящія оттуда золотыя украшенія, характеризуемыя тѣмъ же стилемъ (изображеніями животныхъ), но относящіяся уже, повидимому, къ болѣе поздней эпохѣ. Этотъ стиль украшеній, достигшій также высокаго развитія въ Передней Азіи и на Кавказѣ, оказалъ впослѣдствіи (въ эпоху великаго переселенія народовъ) значительное вліяніе на художественную промышленность Запад. Европы и отчасти Р., проявившись въ такъ назыв. «звѣриномъ орнаментѣ» многихъ памятниковъ зодчества и мелкихъ издѣлій. Древнѣйшія основы этого стиля надо искать въ странахъ присредиземнаго Востока, откуда онъ распространился, подвергаясь самостоятельной обработкѣ, какъ въ Греціи, такъ и на Кавказѣ. Доисторическія древности *Кавказа* обратили на себя вниманіе всего лѣтъ 20 тому назадъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ Байернъ сдѣлалъ любопытныя находки въ могильникѣ Самтавро, близъ Мцхета, а Г. Д. Филимоновъ произвелъ замѣчательныя раскопки близъ ст. Казбекъ и въ Кобаньскомъ могильникѣ, въ Осетіи. Здѣсь были открыты слѣды оригинальной культуры въ положенныхъ при умершихъ оружіи и украшеніяхъ, главнымъ образомъ бронзовыхъ. Скорченные (т. е. лежащіе на боку съ согнутыми въ колѣнахъ ногами) костяки имѣютъ при себѣ красивые, изящно изогнутые топорики, иногда украшенные орнаментомъ и изображеніями животныхъ, плоскіе кинжалы, пояса съ бронзовыми аграфами, большія дугообразныя фибулы (брошки) для застегиванія одежды, большія лопатковидныя булавки около головы, разнообразныя привѣски съ изображеніями горныхъ барановъ и козловъ, оленей, лошадей и т. д., спиральные наручники, массивные браслеты, разнообразныя бусы, глиняные орнаментированные кувшины и горшки и т. д. Эти замѣчательные могильники, бывшіе предметомъ изслѣдованій графа Уварова, Антоновича, Вирхова, Шантра и другихъ, выказываютъ отчасти слѣды глубокой древности, уходящей, по Вирхову, Шантру, Монтеліусу, до X—XIII-го вв. ранѣе нашей эры; въ другихъ случаяхъ они принадлежатъ къ болѣе позднимъ эпохамъ—первымъ вѣкамъ нашей эры и даже къ VI—VII вв. Въ нѣкоторыхъ могильникахъ Закавказья найдены

Библиотека "Руниверс"

слѣды культурнаго вліянія изъ странъ Евфрата и Тигра; открытыя въ долинѣ Аракса *клинообразныя надписи* указываютъ на распространеніе сюда ассирійской культуры чрезъ посредство народа страны Урарту, въ VIII—VII вв. до нашей эры. Съ другой стороны, эта кавказская культура испытала также извѣстное вліяніе со стороны черноморскихъ греческихъ колоній. На сѣверѣ она распространялась до Донской области, гдѣ найдены подобные же изогнутые топорики, хотя уже позднѣйшихъ типовъ, отчасти изъ желѣза, и гдѣ жили нѣкогда тѣ же аланы, предки нынѣшнихъ осетинъ, что и на Кавказѣ.

Желѣзный вѣкъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи смѣнилъ, повидимому, непосредственно вѣкъ каменный (нѣкоторые слѣды бронзоваго вѣка найдены и въ средней Р., напр. въ губ. Владимірской и Калужской). Въ южной Р. желѣзный вѣкъ начался, несомнѣнно, много раньше, чѣмъ на С; жившіе здѣсь въ VI—VII вв. до нашей эры *скиѳы* были уже знакомы съ желѣзомъ. Кто были эти скиѳы, въ точности неизвѣстно; повидимому, это названіе было у грековъ общимъ для нѣсколькихъ жившихъ здѣсь варварскихъ народовъ, отчасти кочевыхъ, отчасти земледѣльческихъ. Судя по нѣсколькимъ дошедшимъ до насъ изображеніямъ этого народа, онъ не представлялъ монгольскихъ чертъ и носилъ бороду; судя по нѣкоторымъ собственнымъ именамъ, въ средѣ его былъ иранскій элементъ. Высказывалось мнѣніе, что въ скиѳахъ можно видѣть предковъ позднѣйшихъ германцевъ и славянъ. О нравахъ и обычаяхъ этого народа наиболѣе подробныя свѣдѣнія сообщилъ греческій историкъ Геродотъ, посѣтившій сѣверные берега Чернаго моря въ V в. до нашей эры. Въ это время на входящемъ нынѣ въ предѣлы Р. черноморскомъ побережьѣ уже процвѣтали *греческія колоніи*, основанныя малоазійскими іоническими греками, главнымъ образомъ изъ Милета — Ольвія (при устьѣ Днѣпра), Пантикапея (на мѣстѣ нынѣшней Керчи), Фанагорія (противъ Пантикапеи), Тиросъ, Танаисъ и др. Это были небольшія республики, занимавшіяся торговлей хлѣбомъ и снабжавшія имъ Аттику. Въ обмѣнъ на хлѣбъ, а отчасти и на другіе продукты, они снабжали окрестное населеніе произведеніями греческой промышленности и искусства—мѣдными и желѣзными орудіями, глиняными амфорами, золотыми и серебряными украшеніями, тканями и т. д. Ольвія уже съ III—II в. до Р. Хр. стала подвергаться опустошеніямъ и окончательно пала въ III в. по Р. Хр. Пантикапея сдѣлалась центромъ богатаго Босфорскаго царства, также начавшаго падать со II в. нашей эры. Отъ всѣхъ этихъ городовъ остались теперь только немногія развалины, а главнымъ образомъ — гробницы, отчасти въ видѣ высѣченныхъ въ скалѣ катакомбъ или камеръ со сводами, отчасти въ видѣ ямъ въ землѣ, съ насыпанными надъ ними курганами. Эти греч. могилы оказываются часто богато украшенными; умершіе помѣщались въ богатыхъ саркофагахъ, въ одеждахъ, убранныхъ золотыми блестками; мужчины—въ шлемахъ, съ оружіемъ, женщины — съ золотыми діадемами, ожерельями, браслетами, перстнями, иногда и съ золотыми масками. Вообще могилы эти дали наибольшее количество золотыхъ украшеній, изящной худож. работы, V—III вв. до нашей эры; наиболѣе полное представленіе о ювелирныхъ произведеніяхъ лучшей поры греч. искусства даютъ коллекціи спб. Эрмитажа. Кромѣ того, здѣсь были находимы скульптурныя произведенія, мраморныя статуи и барельефы, глиняныя статуэтки и маски, многочисленныя надписи на мраморныхъ доскахъ, изящныя терракоты, амфоры и т. д. Эти произведенія греческаго искусства распространялись и среди скиѳовъ, особенно среди ихъ вождей и знатныхъ лицъ, снабжавшихъ этими вещами и своихъ умершихъ. Предпочитались варварами предметы болѣе имъ понятные, и греческіе художники умѣли, повидимому, приспособляться къ этому, изготовляя, напр., предметы конскаго убора, бляхи для налучьевъ, съ изображеніемъ оленей и другихъ животныхъ, золотые и серебряные сосуды съ изображеніемъ скиѳовъ, прекрасныя филиграновыя ожерелья и серьги для женщинъ и т. д. Скиѳскіе курганы встрѣчаются иногда рядомъ съ греческими, и различать ихъ не всегда легко: ближайшіе къ городамъ скиѳы были, вѣроятно, сильно эллинизированы, а греческіе поселенцы усваивали себѣ постепенно нѣкоторые скиѳскіе обычаи и вкусы. Но вообще въ скиѳскихъ могилахъ встрѣчается болѣе предметовъ варварскаго стиля, а большіе курганы такъ наз. скиѳскихъ царей указываютъ на особые, не свойственные грекамъ обычаи погребенія. Въ этихъ курганахъ погребальная камера лежитъ на значительной глубинѣ и соединенною съ боковыми камерами; въ главной камерѣ погребался царь съ его женой, а въ боковыхъ —воины и кони, всѣ съ дорогими украшеніями, оружіемъ, металлическими и глиняными сосудами и т. д. При кончинѣ царя, очевидно, убивались также его жена, слуги, лошади, для сопутствованія ему на тотъ свѣтъ, и полагались, вмѣстѣ съ одеждами, оружіемъ, украшеніями, запасами пищи и т. д., въ обширную могилу. Очень часто главная камера въ такихъ курганахъ оказывается ограбленною, но боковыя иногда уцѣлѣли отъ расхищенія, и въ нихъ-то обыкновенно и находятъ цѣнныя вещи. Кромѣ слѣдовъ греческаго вліянія, въ скиѳскихъ могилахъ, именно въ характерѣ и стилѣ нѣкоторыхъ предметовъ, находили аналогіи съ сибирскими древностями. По всей вѣроятности, уже тогда существовали сношенія между Черноморьемъ и Приуральемъ, чѣмъ можно объяснить, между прочимъ, и богатство скиѳско-греч. могилъ золотомъ. Скиѳы господствовали въ нынѣшней южной Р. до II ст. до Р. Хр., когда они подпали подъ власть тоже пришедшихъ изъ Азіи *сарматовъ*, жившихъ во времена Геродота еще къ В отъ Дона. Сарматы были арійскимъ племенемъ; объ отношеніи ихъ къ скиѳамъ неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Древніе писатели часто смѣшиваютъ названія этихъ племенъ и переносятъ данныя объ одномъ на другое; вообще, повидимому, нравы ихъ пред-

Библиотека "Руниверс"

сталяли много сходнаго, хотя, кажется, сарматы были народомъ осѣдлымъ и занимались земледѣліемъ. Въ виду того, что среди сармать также распространялись произведенія греческаго искусства и промышленности и устраиваемые ими курганы выказывають сходную со скиѳскими обстановку погребеній, различать тѣ и другіе весьма трудно, почему нѣкоторые изслѣдователи и пользуются общимъ названіемъ курганов «скиѳо-сарматскихъ». Единственная точка опоры въ этомъ случаѣ дается характеромъ греческихъ художественныхъ издѣлій, оцѣнка котораго можетъ быть, однако, предметомъ споровъ. Чертомлыцкій курганъ (въ 20 вер. къ СЗ отъ Никополя, на Днѣпрѣ), раскопанный И. Е. Забѣлинымъ, ранѣе, напр., всѣми признавался скиѳскимъ, а въ послѣднее время проф. Н. П. Кондаковъ отнесъ его къ II—I вв. до нашей эры и призналъ сарматскимъ. Подобное различіе взглядовъ проявлялось и относительно находившагося близъ Керчи Куль-обскаго кургана, давшаго массу цѣнныхъ предметовъ. Между прочимъ, въ обоихъ курганахъ найдено по сосуду, въ Куль-обскомъ — золотой (или, точнѣе, изъ электрона—сплава золота съ серебромъ), въ Чертомлыцкомъ — серебряный, съ весьма любопытными изображеніями на нихъ скиѳовъ или сарматовъ. Греч. издѣлія распространялись, вѣроятно, и за предѣлы обитанія собственно скиѳовъ: они были находимы въ нѣкоторыхъ курганахъ губ. Кіевской и Черниговской, въ обл. Донской и Кубанской. Въ предгорьяхъ Кавказа эта древняя культура, съ ея своеобразными, богато обставленными курганами, продолжала бытовать, повидимому, и послѣ того, какъ въ Новороссійскомъ краѣ она уже уступила мѣсто другимъ наслоеніямъ. Во II-мъ в. нашей эры на сѣв. берегахъ Чернаго моря появляется германское племя *готовъ*, перешедшихъ сюда изъ своихъ прежнихъ поселеній у Балтійскаго моря, и господствуетъ здѣсь до IV в., когда оно было вытѣснено на З гуннами. Ранѣе еще началось вліяніе *римлянъ*, которые въ 64 г. до Р. Хр., по смерти царя Митридата, овладѣли Босфорскимъ царствомъ. Съ развитіемъ торговыхъ сношеній римлянъ началось распространеніе въ нынѣшней Р. римскихъ императорскихъ монетъ II — IV вв. Масса кладовъ съ такими монетами найдена въ Юго-зап. краѣ, а отчасти и далѣе, во внутренней Р. Издѣлія, приписываемыя готамъ, часто встрѣчаются совмѣстно съ предметами римскаго искусства и промышленности. Готы усвоили себѣ многія характерныя черты азіатскаго художественнаго стиля, передавъ его отчасти и другимъ германцамъ. Въ готскихъ древностяхъ мы видимъ любопытное сочетаніе западныхъ формъ—напр. мечей, фибулъ— съ варварскими, богатыми, но пестрыми, азіатскими украшеніями, изъ драгоцѣнныхъ камней, гранатовъ, цвѣтного стекла (красной эмали) и т. д. Предметы этого такъ назыв. «готскаго» стиля находили въ Крыму, на берегахъ Азовскаго моря и даже во внутренней Р. (напр. въ Калужской губ.). Типичныя готскія могилы въ Р., однако, указать трудно, и обыкновенно въ классификаціи русскихъ древностей за скиѳо-сарматской эпохой ставятъ непосредственно *славянскую*, начиная ее съ V-го или VI-го в. Древнѣйшія могилы славянъ, однако, различать трудно, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, когда собственно поселились славяне въ Р. Легенда о приходѣ славянъ съ Дуная, которую нѣкогда думали пріурочить, по времени, къ эпохѣ распространенія въ Р. кладовъ римскихъ императорскихъ монетъ первыхъ вѣковъ нашей эры, не выдерживаетъ критики; подобные клады были находимы въ сѣверной Германіи, Скандинавіи, Галліи, и распространеніе ихъ объясняется торговыми сношеніями, какъ и послѣдующее распространеніе византійскихъ и восточныхъ монетъ. Есть основаніе думать, что славяне жили въ юго-западной Р. со временъ незапамятныхъ, можетъ быть съ эпохи каменнаго вѣка, но не выступали какъ господствующее племя и были извѣстны подъ другими названіями. Хорографическая и топографическая номенклатура не противорѣчитъ такому допущенію, тогда какъ далѣе къ С и В мы встрѣчаемся уже съ инородческою номенклатурою, на С — съ финскою, на В—съ тюркскою, свидѣтельствующею о первоначальномъ инородческомъ заселеніи этихъ областей. Несомнѣнныя славянскія могилы обозначаются въ Р. лишь въ болѣе позднюю эпоху, въ IX — XI вв. Нѣкоторые ученые, избѣгая этнографическихъ названій, предлагали называть эту эпоху *византійскою*, по характеризующимъ ее слѣдамъ византійскаго вліянія. Признаками славянскихъ могилъ (кургановъ) является ихъ относительная бѣдность: золото встрѣчается очень рѣдко, серебро чаще, но обыкновенно плохого достоинства, также бронза; оружіе желѣзное — топоры, рѣже мечи, наконечники копій и стрѣлъ, кольчуги, рѣже желѣзные шлемы и щиты (или точнѣе, средняя часть щитовъ, итва; остальной щитъ былъ изъ кожи); обычны также желѣзные ножики; изъ украшеній характерны височныя кольца (серебряныя или бронзовыя), обыкновенно съ загнутымъ S-образно однимъ концомъ, заплетавшіяся по нѣсколько въ волоса на вискахъ или прикрѣплявшіяся къ головному убору; шейные разомкнутые обручи или гривны (сплошные, витые, цѣпочатые); серьги (серебряныя, иногда золотыя), изъ колечка съ нанизанными на немъ тремя, часто шиповатыми или гранеными, шариками; браслеты, перстни; вмѣсто фибулъ — простыя пряжки; горшки довольно грубой работы, съ простымъ орнаментомъ изъ прямыхъ или волнистыхъ, поперечныхъ линій; огнива, оселки, пряслицы, костяные гребешки, желѣзные серпы, остроги, удила и стремена; бусы разнаго вида и состава; иногда византійскія и восточныя монеты, крестики и образки. Курганы разныхъ областей представляютъ варіаціи въ своемъ устройствѣ и въ обстановкѣ погребеній; можно различать, напр., курганы древлянскіе, сѣверянскіе и т. д. Нѣкоторые, впрочемъ — напр. полянскіе (по Антоновичу), съ погребеніями на конѣ,—приписываются иногда *тюркскимъ народностямъ*, напр. печенѣгамъ (по Бранденбургу), хотя обычай погребать воина съ его лошадью былъ распространенъ,

Библиотека "Руниверс"

повидимому, у многихъ народовъ. Н. И. Веселовскій встрѣтился съ нимъ особенно въ курганахъ сѣв. Кавказа, гдѣ найденъ одинъ большой курганъ съ сотнями конскихъ скелетовъ. Замѣчательна еще наличность во многихъ славянскихъ могилахъ слѣдовъ *трупосожженія*, двумя способами: при одномъ трупъ полагался въ одеждѣ, съ оружіемъ, украшеніями и т. д., на костеръ, который сожигался, и на *кострищѣ* этомъ насыпался курганъ; при другомъ сожженіе происходило въ особомъ мѣстѣ, съ котораго собирался потомъ пепелъ и останки вещей и полагались въ погребальную урну, которая и хоронилась, иногда съ другими сосудами (съ пищей?). Первый способъ обнаруженъ въ большихъ черниговскихъ (княжескихъ) курганахъ, раскопанныхъ г. Самоквасовымъ; онъ нашелъ тамъ, между прочимъ, большой желѣзный мечъ съ серебряной насѣчкой на рукояти (скандинавскаго типа), желѣзные шлемы, среднюю часть щита, удила, стремена, два турьихъ рога съ серебряной окладкой, на которой вычеканены любопытныя сцены охоты, двѣ византійскихъ монеты IX в. и т. д. Въ Гнѣздовскихъ курганахъ Смоленскаго уѣзда, раскопанныхъ В. И. Сизовымъ, найдены, между прочимъ, большія скорлупчатыя фибулы (скандинавско-балтійскаго типа), желѣзная кольчуга, шлемъ умбо щита, мечъ, арабскія монеты X в. и т. д. Могилы съ *погребальными урнами* находятъ въ Польшѣ и вообще въ бассейнѣ Вислы. Обычай трупосожженія появился въ зап. Европѣ въ отдаленныя времена, несомнѣнно — въ бронзовую эпоху, и продолжался въ желѣзномъ вѣкѣ, въ эпоху славянскихъ кургановъ, но здѣсь лишь мѣстами, въ меньшемъ числѣ случаевъ и притомъ въ сравнительно древнихъ могилахъ (X в.); иногда его слѣды находятъ рядомъ съ могилами, заключающими въ себѣ погребенія (скелеты), при чемъ и тамъ, и тутъ оказываются вещи одинаковаго характера. Съ принятіемъ и распространеніемъ у славянъ христіанства обычай хоронить подъ курганами мало-по-малу прекратился и замѣнился погребеніями при церквахъ, на кладбищахъ. Поэтому курганы позднѣйшихъ вѣковъ (XII—XVI ст.), встрѣчающіеся въ южной Р., приписываютъ обыкновенно тюркскимъ кочевникамъ; весьма вѣроятно, что имъ же должны быть приписаны и нѣкоторые болѣе древніе курганы (напр. съ остатками коней). Кромѣ кургановъ, остатки древнеславянской культуры встрѣчаются на многихъ *городищахъ* (см.), въ слояхъ разныхъ отбросовъ и т. д., а также въ *кладахъ* цѣнныхъ вещей, зарытыхъ особенно въ эпоху татарскаго нашествія (въ XIII в.) и найденныхъ, напр., въ Кіевѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Старой Рязани, въ Каневскомъ у., въ Гнѣздовѣ и т. д. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ славянскія могилы труднѣе отличаются отъ могилъ литовскихъ и финскихъ. Болѣе древніе *финскіе могильники*, V—VIII вв. (напр. въ губерніяхъ Рязанской, Тамбовской, Витебской), отличаются отсутствіемъ курганныхъ насыпей, т. е. представляютъ не курганы, а кладбища; кромѣ того, въ нихъ не встрѣчается нѣкоторыхъ видовъ украшеній и, наоборотъ, изобилуютъ разныя болѣе или менѣе массивныя, шумящія (т. е. снабженныя висящими лапками, колокольчиками, бубенчиками) подвѣски. Главное культурное вліяніе въ эту эпоху шло здѣсь съ В, вверхъ по Волгѣ, вмѣстѣ съ распространеніемъ восточной торговли. Въ эпоху *Сассанидовъ* эта торговля распространяла въ бассейнѣ Камы и Вятки, а отчасти и за Ураломъ, серебряныя блюда, кувшины и т. п., часто съ характерными изображеніями животныхъ, охотничьихъ сценъ и т. д.; такихъ издѣлій много въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Подъ вліяніемъ этихъ сношеній съ Востокомъ въ Поволжьѣ развился мѣстный торговый и культурный центръ; *Болгары* (въ Казанской губ.), распространявшій произведенія своей промышленности по всей средней Р., даже до Балтійскаго моря, откуда шло другое, западное вліяніе. Курганы, раскопанные гр. Уваровымъ во Владимірской и Ярославской губ., были приписаны имъ мерянамъ; финскими считаются также курганы въ губ. Московской, Тверской, Костромской, Петербургской. Различить курганы финскіе и славянскіе трудно потому, что въ ихъ обстановкѣ мы находимъ много сходнаго, равно какъ въ характерѣ и стилѣ вещей (украшеній), распространявшихся повсюду въ Р. изъ однихъ и тѣхъ же торговыхъ центровъ. Кромѣ Болгаръ, на Волгѣ, такіе центры существовали на Ю, особенно въ Корсунѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ. Корсунь (древній Херсонесъ) пріобрѣлъ особенно важное значеніе въ византійскую эпоху, такъ какъ отсюда шло, главнымъ образомъ, распространеніе христіанства, его символовъ (крестовъ, образковъ и т. д.), а равно и другихъ произведеній византійской промышленности. Изслѣдуемыя въ послѣднія десятилѣтія развалины Херсонеса могутъ быть сравниваемы съ развалинами Помпеи, и хотя уступаютъ послѣднимъ по количеству найденныхъ предметовъ (потому что Помпеи были засыпаны пепломъ Везувія въ короткое время, а Херсонесъ разграблялся и опустошался въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ), но превосходятъ ихъ разнообразіемъ представленныхъ эпохъ, отъ скиѳско-греческой (за 4 и болѣе вѣковъ до Р. Хр.) до византійско-славянской. Здѣсь найдены остатки жилищъ, храмовъ и нѣсколько этажей могилъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, на пространствѣ 14—15 вѣковъ. Будущимъ изслѣдованіямъ предстоитъ выяснить въ подробностяхъ особенности древней славянской, финской и тюркской культуры въ предѣлахъ Р., въ связи съ переживавшимися ими вліяніями изъ странъ, болѣе подвинувшихся впередъ въ гражданскомъ, промышленномъ и художественномъ отношеніи. Принимая, однако, во вниманіе, что финская и тюркская культуры въ Р. оказались неспособными къ дальнѣйшему развитію и должны были уступить культурѣ русско-славянской, создавшей русское государство, мы можемъ говорить, начиная съ IX-го в., уже о культурѣ *русской*, постепенно распространявшейся изъ Кіева, Смоленска, Новгорода и сложившейся затѣмъ въ новый великорусскій центръ во Владимірѣ, Суздалѣ, Рязани, Твери, Москвѣ. Первоначальному развитію этой

Библиотека "Руниверс"

культуры способствовали тѣ вліянія, которымъ она подвергалась, главнымъ образомъ со стороны Востока и Византіи. Вліяніе Востока особенно усилилось въ эпоху великаго переселенія народовъ. Они занесли въ Европу новые вкусы и обычаи, выразившіеся, между прочимъ, въ характерѣ украшеній, въ такъ назыв. звѣриномъ стилѣ, давшіе толчекъ къ новымъ архитектурнымъ формамъ и т. д. Позже южная Русь становится областью торговаго обмѣна и оживленныхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ, между греко-восточной промышленностью—сбывавшей свои издѣлія черезъ Кавказъ и Крымъ и доставлявшей ихъ по Волгѣ въ Болгары и западной—шедшей изъ Варягъ и изъ средней Европы. Въ великокняжескую эпоху въ предѣлахъ Р. существуютъ обширные и богатые рынки: Корсунь, Болгары, Итиль, Кафа, Кіевъ и др. Найденные клады цѣнныхъ вещей XII—XIII вв. указываютъ на сравнительно высокое развитіе промышленнаго искусства, имѣвшаго, повидимому, уже русскихъ мастеровъ. Татарское нашествіе затруднило, но не прекратило торговыя сношенія съ Востокомъ и Византіей. При недавнихъ раскопкахъ (для постановки памятника Александру II) въ московскомъ Кремлѣ найдены обломки различныхъ восточныхъ издѣлій XIV—XV вв., напр. арабо-египетскихъ стеклянныхъ, съ эмалевымъ и золоченымъ орнаментомъ, персидскаго фаянса, сосудовъ сарайскаго типа и т. д., указывающіе на продолжавшійся обмѣнъ съ Востокомъ.

Литература. Гр. А. Уваровъ, «Археологія Р. и каменный вѣкъ» (2 т., М., 1881); А. Иностранцевъ, «Человѣкъ каменнаго вѣка на побережьѣ Лад. озера» (СПб., 1882); Нидерле, «Человѣчество въ до-историческія времена» (пер. подъ ред. Анучина, 1898); Aspelin, «Antiquités du Nord finno-ougrien» (Гельсингфорсъ, 1877—84); «Mémoires de la Soc. finno-ougrienne» (ib., ст. Heickel'я и др.); «Antiquités du Bosphore Cimmérien» (1854, réd. p. S. Reinach, П., 1892); гр. Толстой и Кондаковъ, «Рус. древности въ памятникахъ искусства» (5 вып., 1889—98); Кондаковъ, «Рус. клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода» (I, СПб., 1896); «О научныхъ задачахъ исторіи древне-русс. искусства» (1899); «Труды археологическихъ съѣздовъ»: I въ Москвѣ (1869), 2 т. и атласъ; II—въ Петербургѣ (1872), 2 т. и атл.; III—въ Кіевѣ (1875), 2 т. и атл.; IV—въ Казани (1878), 2 т.; V—въ Тифлисѣ (1881), 2 т.; VI—въ Одессѣ (1884), 4 т.; VII—въ Ярославлѣ (1887), 3 т.; VIII—въ Москвѣ (1890), 4 т.; IX—въ Вильнѣ (1893), 2 т.; X—въ Ригѣ (1896), 2 вып. подг., и 2 т. «Мат. по арх. Кавказа» (изд. моск. арх. общ., вып. 1—7); «Мат. по археол. вост. губ.» (изд. имъ же, вып. 1—3); «Древности» (изд. моск. арх. общ., т. I—XV, 1865—94, и «Труды» его восточной и другихъ коммиссій); «Арх. Извѣстія и Замѣтки», 1893—99; Отчеты Имп. Археол. Коммиссіи, за года 1859—1896; «Матер. по археологіи Россіи» (изд. Имп. арх. коммис., №№ 1—21); «Записки Рус. (СПб.) Археол. Общества» (т. I—XI); «Извѣстія» того же общ., т. I—X; новая серія, т. I—VIII; «Труды Вост. Отд.» того же общ. (20 томовъ); «Записки Вост. Отдѣл.» (9 т.); «Зап. Отд. Слав. и Русс. Археол.» (4 тома) и мн. отд. изд., напр.: «Кіевскій Софійск. Соборъ» (4 вып.); Саввантовъ, «Описаніе стар. рус. утварей, одеждъ, оружія и пр.» (нов. изд., 1896); Бранденбургъ, «Старая Ладога» (1895) и др.; гр. Бобринскій, «Курганы у м. Смѣлы» (2 т.); «Древности Россійскаго Государства» (роскош. каз. изд., folio); «Древности Геродотовой Скиѳіи» (изд. Имп. акд. наукъ); Вельтманъ, «Моск. Оруж. Палата»; «Альбомъ фотографій съ предметовъ моск. Оруж. Палаты» (сост. подъ руковод. Филимонова); «Матеріалы по исторіи русск. одежды и пр.» (изд. по Высоч. пов. Прозоровымъ 1881, и сл., нѣск. выпусковъ); Забѣлинъ, «Домашній бытъ русск. царей и царицъ». Сочиненія по нумизматикѣ: восточной—Савельева, Френа, Тизенгаузена, русской — Черткова и Орѣшникова. Каталоги отдѣльныхъ собраній: гр. Уварова. Поля, кіевскаго унив. музея (монетъ), моск. антроп. выст. 1879 г., моск. археол. выст. 1890 г., рижской археол. выст. 1896 г., Леопардова, Ханенко, Щукина, Лемма, моск. истор. музея, СПб. Эрмитажа, минусинскаго, томскаго музеевъ и др. «Труды» обществъ: общ. люб. естеств., особенно антропол. его отдѣла, моск. общ. ист. и древн., новороссійскаго исторіи и древн., кіевскаго Нестора Лѣтописца, казанскихъ—естествоиспытателей и археологіи, исторіи и этнографіи, уральскаго люб. естествознанія, географическаго и его сибирск. отдѣловъ, кавказ. общ. археологіи и др. Труды по древн. русскому зодчеству, изданія памятниковъ, труды Даля, Павлинова, Султанова, Суслова. Труды по иконописи и народному искусству — Буслаева, Филимонова, Ровинскаго, Покровскаго и др.; по орнаменту—Стасова и т. д. Иностранныя изданія: Virchow, «Grabfeld v. Roban»; Chantre, «Le Caucase» (5 т.); Martin, «L'âge du bronze du Musée de Minoussinsk»; статьи bar. de Baye, Grempler, Heger. *Д. Анучинъ.*

В. Источники русской исторіи и русская историграфія. Основнымъ источникомъ русской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до середины XVI столѣтія (а въ отдѣльныхъ случаяхъ—и дальше) служатъ *лѣтописи.* Не смотря на почти двухсотлѣтнее пользованіе лѣтописями, этотъ наиболѣе эксплуатированный источникъ русской исторіи не можетъ, однако, считаться вполнѣ изученнымъ, даже въ его древнѣйшихъ частяхъ, издавна привлекавшихъ къ себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей. Хотя уже со времени изслѣдованій покойнаго Бестужева-Рюмина (см. его ст. о «Лѣтописяхъ» въ настоящемъ Словарѣ) окончательно установился взглядъ на лѣтописи, какъ на компиляціи изъ болѣе древнихъ, недошедшихъ до насъ источниковъ, тѣмъ не менѣе у многихъ изслѣдователей сохраняется до сихъ поръ излишнее довѣріе къ лѣтописному тексту и привычка пользоваться лѣтописью, какъ цѣльнымъ произведеніемъ, безъ дальнѣйшей критической провѣрки того, какъ произошло каждое изъ ея показаній. Насколько неосторожнъ такой способъ пользованія, особенно наглядно показали въ послѣдніе годы

Библиотека "Руниверс"

замѣчательныя изслѣдованія А. А. Шахматова о «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (см. его ст. въ Словарѣ подъ этимъ именемъ). Путемъ тонкаго анализа неизученныхъ доселѣ новгородскихъ лѣтописей, А. А. Шахматову удалось открыть въ начальной части ихъ прототипъ «Повѣсти», названный имъ «Начальнымъ сводомъ» (и въ свою очередь могущій быть сведеннымъ къ еще болѣе простому тексту). Основываясь на этомъ открытіи, мы можемъ отмѣтить въ «Повѣсти» не менѣе пяти послѣдовательныхъ наслоеній: 1) повѣсть о «началѣ земли русской», коротко разсказывавшую о томъ, какъ Кій, Щекъ и Хоревъ въ Кіевской области, а славяне, кривичи и меря — въ Новгородской, владѣли «каждо родомъ своимъ», какъ туда и сюда пришли варяги, какъ наслѣдникъ Рюрика, Игорь, съ своимъ «воеводой» Олегомъ выгнали кіевскихъ варяговъ, Аскольда и Дира, и завладѣли Кіевомъ, какъ Игорь и его воевода Свѣнельдъ воевали съ древлянами и угличами, какъ убитъ былъ древлянами Игорь и мстила за него Ольга и т. д. Составитель этой повѣсти не знаетъ ни греческихъ лѣтописцевъ, ни оффиціальныхъ историческихъ памятниковъ (за исключеніемъ, можетъ быть, древнѣйшаго списка Русской Правды), ни лѣтописныхъ легендъ. Ссылки составителя на «нынѣшнее время» (по поводу власти надъ хазарами, варяжской новгородской дани, присутствія варяжскаго элемента въ Новгородѣ) едва-ли могутъ относиться ко времени позднѣе Ярослава. 2) Эта повѣсть, дополненная свѣдѣніями изъ Амартола о греческихъ походахъ русскихъ князей и распредѣленная по годамъ сообразно догадкамъ, довольно неудачнымъ, новаго редактора, представляетъ собою «Начальный сводъ», составленный, по предположеніямъ А. А. Шахматова, въ концѣ XI в. 3) Вновь дополненный историко-географическими и историко-этнографическими данными о разселеніи славянъ, болѣе подробными извлеченіями изъ Амартола о княжескихъ походахъ на грековъ, о греко-угорскихъ и греко-болгарскихъ столкновеніяхъ, текстами договоровъ грековъ съ князьями, легендами и, наконецъ, новыми хронологическими догадками, «Начальный сводъ» превратился въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» первой редакціи, составленной въ 1116 г. 4) Новый редакторъ, съ помощью греческой «Лѣтописи Никифора вкратцѣ», систематически пересмотрѣлъ всѣ хронологическія показанія своихъ предшественниковъ и подвергнулъ ихъ коренной переработкѣ. Такъ произошла, съ прибавкой нѣсколькихъ новыхъ фактовъ и легендъ, вторая редакція «Повѣсти», составленная въ 1118 г. 5) Наконецъ, обѣ редакціи «Повѣсти», вмѣстѣ съ тѣми лѣтописями, съ которыми онѣ были соединены, оказали вліяніе другъ на друга и, кромѣ того, вторая редакція подверглась новому воздѣйствію «Начальнаго свода»: такъ произошли дошедшіе до насъ тексты «Повѣсти временныхъ лѣтъ» трехъ группъ, представляемыхъ списками Лаврентьевскимъ и Ипатьевскимъ и Софійскимъ временникомъ. Насколько важны всѣ эти наблюденія для историка, видно изъ того, что А. А. Шахматовъ, разобравъ хронологическіе домыслы разныхъ редакторовъ «Повѣсти» до 945 г., счелъ возможнымъ признать только за четырьмя изъ нихъ происхожденіе изъ первоисточниковъ (именно, годы договоровъ 907, 912, 945 и походъ Игоря 941). Относительно дальнѣйшаго лѣтописанія важенъ выводъ Шахматова о существованіи спеціально-новгородской лѣтописи, начинавшейся извѣстіемъ о крещеніи Новгорода въ 989 г. и сочиненной въ 1167—1188 г. Германомъ Волотой, священникомъ новгородской церкви св. Іакова. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе лѣтописи начинаютъ служить, вмѣсто цѣли нравственнаго назиданія, цѣлямъ государственной политики. Съ конца XV и начала XVI ст. онѣ не довольствуются тенденціознымъ изложеніемъ современныхъ лѣтописцу событій и начинаютъ вносить тенденціозное освѣщеніе въ изображеніе прошлаго. Сложился цѣлый рядъ оффиціозныхъ легендъ, доказывавшихъ справедливость московскихъ политическихъ притязаній, права московскаго государя на «всю Русь, на кіевское наслѣдство, наконецъ, на власть византійскихъ императоровъ» (см. Вавилонское царство, Бѣлый клобукъ). Учителями русскихъ въ этомъ отношеніи были, прежде всего, южные славяне; позже, въ XVII в., началось вліяніе и польской исторіографіи. Проводникомъ юго-славянскаго вліянія были хронографы (см.); одинъ изъ нихъ, передѣланный для русскихъ читателей въ 1512 г. извѣстнымъ сторонникомъ теоріи о Москвѣ—третьемъ Римѣ, старцемъ Филоѳеемъ (новѣйшая догадка Шахматова), заключалъ въ себѣ и образцы прагматическаго историческаго изложенія (житіе деспота Стефана Лазаревича, написанное виднымъ сербскимъ писателемъ Константиномъ Философомъ). Подъ вліяніемъ новыхъ образцовъ, форма лѣтописнаго изложенія мало-по-малу выходитъ изъ моды. Къ тенденціозной оффиціальной легендѣ присоединяется оппозиціонный памфлетъ (см. Сергій и Германъ, Пересвѣтовъ). Пріемы памфлета переносятся и въ историческое изложеніе (см. Курбскій). Форма «сказанія» является наиболѣе подходящей для новыхъ потребностей. Употреблявшаяся уже въ древній періодъ и все сильнѣе вторгавшаяся въ рамки лѣтописнаго изложенія начиная съ XIII в., эта форма теперь окончательно разрушаетъ лѣтописную. Накопленіе важныхъ событій въ смутную эпоху представляетъ благодарный матеріалъ для «сказаній», которыя быстро разростаются въ числѣ и образуютъ цѣлую литературу. Послѣ смутнаго времени проникаетъ въ русскую исторіографію вліяніе польской литературы и прежде всего отзывается на новой передѣлкѣ хронографа: въ основу его кладутся теперь не византійскіе и юго-славянскіе источники, а польская хроника Мартина Бѣльскаго. Скоро создается въ Кіевѣ и цѣлое изложеніе русской исторіи, удовлетворяющее новымъ ученымъ вкусамъ и опирающееся на польскую хронику Стрыйковскаго — именно лѣтопись Ѳеодосія Сафоновича и основанный на ней «Синопсисъ». Въ то же время, какъ кіевское духовенство возвеличивало въ «Си-

Библиотека "Руниверс"

нописцѣ» религіозную роль своего города въ русской исторіи, московскій дьякъ Ѳедоръ Грибоѣдовъ писалъ для царскаго обихода первую «Исторію о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской», въ которую включилъ и всѣ государственныя легенды XVI в. Гораздо важнѣе этой жидкой «исторіи» было произведеніе сослуживца и современника Грибоѣдова, эмигранта Григорія Котошихина, написанное для шведовъ, чтобы ознакомить ихъ съ тогдашней Р. Съ послѣднихъ годовъ XVII в. до новѣйшаго времени тянется непрерывный рядъ «записокъ» современниковъ, составляющихъ основной матеріалъ для бытовой исторіи, для исторіи придворныхъ и общественныхъ теченій. Крупнымъ дополненіемъ къ этой категоріи источниковъ являются «сказанія иностранцевъ о Р.» (см.). Житія святыхъ (см.) служатъ важнымъ матеріаломъ, за отсутствіемъ другихъ источниковъ, для бытовой исторіи древней Руси. Для изученія внутренней, особенно юридической, соціальной и экономической исторіи Р. несравненно большее значеніе имѣютъ «акты» (см.). Однако, уже по своему объему и количеству, этотъ родъ историческихъ источниковъ гораздо труднѣе поддается обработкѣ; къ тому же изслѣдователи, привыкшіе имѣть дѣло съ историческими фактами въ литературной передачѣ, сравнительно поздно оцѣнили значеніе документовъ, каждый изъ которыхъ самъ по себѣ уже является историческимъ фактомъ. Пользованіе актами требовало совершенно иныхъ пріемовъ ученой работы и иныхъ взглядовъ на задачи научнаго изслѣдованія, чѣмъ тѣ, которыми располагали старые изслѣдователи. Обращеніе съ этимъ матеріаломъ гораздо менѣе нуждалось въ «исторической критикѣ», изъ которой прежде дѣлали особую, самостоятельную цѣль историческаго изслѣдованія, и гораздо болѣе—въ теоретической подготовкѣ по общественно-юридическимъ наукамъ, которою прежде не успѣвали и даже не считали нужнымъ запастись. Вслѣдствіе этого изученіе актовъ только въ послѣднее время стало очередной задачей русской исторической науки. Самое состояніе этого рода источниковъ не обѣщаетъ отъ ихъ обработки такихъ плодотворныхъ результатовъ для русской исторіи, какіе достигнуты въ исторіи западной. За исключеніемъ юго-западной Руси, сохранившіеся въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ акты относятся къ довольно позднему времени (не раньше второй половины XVI ст.); акты первой половины XVI в. попадаются уже сравнительно рѣже, а за періодъ XII—XV вв. каждый актъ составляетъ своего рода unicum. Притомъ мы до сихъ не имѣемъ своднаго изданія всѣхъ древнѣйшихъ актовъ. Главными хранилищами, въ которыхъ сберегліись до нашего времени древнѣйшіе акты, были монастырскіе архивы. Отсюда они поступали въ теченіе XIX в. въ собственность частныхъ лицъ, общественные музеи и библіотеки, въ распоряженіе особой «археографической экспедиціи» (см.), путешествовавшей по монастырямъ, и, наконецъ, въ московскій архивъ министерства юстиціи (черезъ «коллегію экономіи»). Акты правительственныхъ архивовъ, хранившихъ дѣлопроизводство старыхъ русскихъ учрежденій, за немногими исключеніями, не восходятъ къ очень древнему времени: это объясняется позднимъ сформированіемъ московскихъ центральныхъ учрежденій (конецъ XV—средина XVI в.), плохимъ храненіемъ документовъ и, наконецъ, частыми пожарами, истребившими значительную часть документовъ (особенно пострадали архивы московскихъ учрежденій въ смутное время, въ пожаръ 1626 г. и въ 1812 г.). Степень сохранности документовъ стоитъ также въ тѣсной связи съ внутренними реформами въ дѣлопроизводствѣ московскихъ учрежденій. Такъ, послѣ реформы середины XVI в. мы сразу получаемъ въ распоряженіе рядъ документовъ первостепенной важности для внутренней исторіи; реформа, произведенная при патріархѣ Филаретѣ, создаетъ образцовый порядокъ, и дѣлопроизводство первыхъ десятилѣтій послѣ смуты сохраняется иногда почти въ неприкосновенной цѣлости. Съ началомъ XVIII в. сохранившееся дѣлопроизводство центральныхъ учрежденій, а со времени императрицы Екатерины II—и областныхъ начинаетъ подавлять своимъ количествомъ. Всего удобнѣе обозрѣть правительственные акты въ связи съ дѣятельностью создававшаго ихъ государственнаго механизма. Документы высшихъ государственныхъ учрежденій сравнительно болѣе изучались и чаще издавались. Архива боярской думы не осуществуетъ, такъ какъ ея дѣлопроизводство шло черезъ приказы. Остатки архива ближней канцеляріи хранятся въ спб. государственномъ архивѣ. Московскій архивъ министерства юстиціи издаетъ «Доклады и приговоры сената», хранящіеся въ немъ (и въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ). «Протоколы Верховнаго Совѣта напечатаны въ «Сборникѣ Имп. Истор. Общества». Изъ архива государственнаго совѣта часть документовъ (1768—1825) также была издана (СПб., 1869 — 74). См. также Комитетъ министровъ. Главнѣйшими предметами дѣятельности древнерусскихъ государственныхъ учрежденій были дипломатическія сношенія, военная служба и финансы; на второмъ планѣ стояла полиція (безопасности и нравовъ) и, наконецъ, судъ, смѣшиваемый съ управленіемъ. Документы дипломатическихъ сношеній, сохраняемые до 1801 г. въ московскомъ, а послѣ 1801 г.—въ петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, наиболѣе употреблялись въ дѣло историками: всѣ три общихъ русскихъ исторіи (Щербатова, Карамзина и Соловьева) положили въ свою основу именно разсказъ о внѣшней политикѣ Россіи. Сравнительно менѣе многочисленные и легче обозрѣваемые документы дипломатическихъ сношеній удобнѣе могли быть напечатаны, чѣмъ другіе правительственные акты (см. Дипломатія, Докончанье, Статейный списокъ). Къ нимъ примыкаютъ и донесенія иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ изъ Р. съ конца XVII в. (въ послѣднее время печатаются, какъ и документы съ конца XV в., въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества»). Гораздо менѣе изучены и почти совсѣмъ не изданы до-

Библиотека "Руниверс"

кументы финансовыхъ приказовъ, подчиненныхъ одно время посольскому приказу («чети Новгородская, Владимірская, Галицкая и Устюжская»). Финансовые документы разсѣяны, впрочемъ, и по другимъ приказамъ, такъ какъ въ большей или меньшей степени каждый изъ нихъ завѣдывалъ финансовыми сборами. Приказное дѣлопроизводство состоитъ вообще изъ «столбцовъ», т. е. входящихъ и исходящихъ бумагъ, и «книгъ», изъ которыхъ наиболѣе важны «записныя» и «приходныя» (тутъ же и расходъ). Военная служба вѣдалась, главнымъ образомъ, въ разрядномъ (документы его теперь въ моск. архивѣ юстиціи) и нѣкоторыхъ областныхъ приказахъ. Регулировалась она періодическими ревизіями служебной годности служилаго сословія, результаты которыхъ записывались въ «десятняхъ» (см.). Служебныя назначенія записывались въ столбцы, изъ которыхъ, для цѣлей мѣстничества, стали составляться «разрядныя книги» (древнѣйшая составлена въ серединѣ XVI в. за время отъ 1470-хъ годовъ; при царѣ Михаилѣ онѣ составлялись ежегодно, потомъ потеряли значеніе, съ измѣненіемъ порядковъ военной службы). Для тѣхъ же цѣлей составлялись «родословныя книги», первая изъ которыхъ, такъ наз. «государевъ родословецъ», составлена въ 1556 г. Въ 1686 г. составленъ новый текстъ родословныхъ книгъ. Отъ этихъ оффиціальныхъ разрядныхъ и родословныхъ книгъ надо отличать частныя, составлявшіяся для собственнаго употребленія частными лицами. Тѣсно связано было со службой служилое землевладѣніе, находившееся въ завѣдываніи помѣстнаго приказа: тамъ, главнымъ образомъ, хранились «писцовыя (переписныя, дозорныя) книги», туда посылались «челобитныя» о помѣстьяхъ, оттуда высылались «сыскныя грамоты» для справокъ на мѣстѣ, выдавались «отказныя» на право владѣнія и «ввозныя и послушныя», адресованныя крестьянамъ владѣльца. Въ случаѣ преступленій по службѣ, приказъ «отписывалъ» имѣнье на государя («отписныя книги»); въ случаѣ заслугъ, давалась «жалованная грамота», превращавшая помѣстье въ вотчину. Изъ документовъ, относящихся къ судоустройству и судопроизводству, наиболѣе изучены памятники русской кодификаціи (см. Русская Правда, Псковская и Новгородская судная грамота, Судебники, Указныя книги приказовъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, Полное Собраніе Законовъ). Документы судебнаго процесса въ значительномъ количествѣ сохранились въ монастырскихъ и частныхъ архивахъ (см. Грамоты, Челобитная, Запись поручная, Наказная память, Доѣздъ, Докладной списокъ, Судный списокъ). Всѣ перечисленныя отрасли управленія дѣлились между центральными учрежденіями и областными. Дѣлопроизводство старинныхъ областныхъ учрежденій сохранилось, въ исключительныхъ случаяхъ, въ составѣ архивовъ позднѣйшихъ (Екатерининскихъ) учрежденій, ихъ замѣнившихъ и въ свою очередь упраздненныхъ. Значительная часть послѣднихъ выслала свои архивы въ московскій архивъ министерства юстиціи, но ни одинъ ученый до сихъ поръ ими не воспользовался. Учредительные документы провинціальнаго управленія суть ставныя грамоты (см.), дѣлящіяся на три типа, соотвѣтственно степени ограниченія власти намѣстниковъ и усиленія мѣстнаго элемента: грамоты намѣстничьи (см. Кормленія), губныя (см.) и земскія (см. Уставныя земскія грамоты): въ первыхъ ограничиваются финансовыя, во вторыхъ—судебныя права намѣстниковъ, въ третьихъ тѣ и другія отнимаются. Съ появленіемъ воеводъ предѣлы ихъ вѣдомства стали опредѣляться «воеводскими наказами» (см. Воеводы). Принимаемый отъ предшественника казенный инвентарь перечислялся въ «росписномъ спискѣ». Финансовые документы «приказной избы» состояли изъ «окладныхъ книгъ», присылавшихся изъ центральныхъ учрежденій, собственныхъ «приходо-расходныхъ книгъ», наконецъ, «смѣтнаго списка», представлявшаго отчетъ объ истекшемъ годѣ, и «окладной росписи» или смѣты на будущій годъ. Въ уплатѣ податей давалась плательщикамъ «платежная отпись». Самыя подати (прямыя) раскладывались между собой плательщиками при помощи «разрубного списка». Центральныя учрежденія сносились съ мѣстными посредствомъ «памятей»; послѣднія отвѣчали имъ «отписками». Очень цѣнный, но наименѣе сохранившійся отдѣлъ актовъ составляютъ документы частнаго права. Главныя формы вещныхъ договоровъ древней Руси суть «купчія», «мѣновныя» и «данныя» (чаще всего «вкладныя») грамоты (см. Грамоты). Формы актовъ обязательственнаго права, по степени личной несвободы, ими устанавливавшейся, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) «полная» и «докладная» грамоты, устанавливавшія древнѣйшій видъ полнаго холопства. Освобожденіе отъ него и отъ слѣдующихъ видовъ несвободнаго состоянія давалось «отпускной». 2) «Служилая кабала»—договоръ займа, сопровождаемый обязательствомъ вмѣсто платежа процентовъ служить заимодавцу (обыкновенно до его смерти: См. Кабальное холопство). 3) «Ссудная запись» (см.) и близкая къ ней крестьянская «порядная» (см. Запись порядная)—договоръ о крестьянской работѣ, сопровождаемый займомъ и, съ середины XVII в., обязательствомъ не уходить отъ хозяина (см. Крестьяне). 4) «Жилая запись»—договоръ срочнаго найма во дворъ. 5) «Заемная кабала»—долговая росписка, обезпеченная поручительствомъ, и «закладная»—ея видъ, обезпеченный залогомъ. Главная форма договоровъ семейнаго права—«рядная запись», договоръ съ неустойкой о совершеніи брака, вмѣстѣ съ обязательствами совершить акты на недвижимое имѣніе («поступныя» и «росписки») и на людей («данныя»). Роспись приданаго иногда составляетъ особый актъ, предшествующій «рядной». Отдѣляются отъ рядной также «сговорная» и «срочная» (также «отсрочная») грамоты. О «духовномъ завѣщаніи» («изустная память»)—см. Грамоты. Безъ завѣщанія имущество дѣлилось посредствомъ «раздѣльной». О вещественныхъ памятникахъ русской исторіи см. Археологія, Археологическія общества въ Россіи. Музеи.

Библиотека "Руниверс"

Съ XVIII стол. начинается научная разработка русской исторіи. Главнѣйшими изслѣдователями русской исторіи въ началѣ вѣка были Татищевъ и Байеръ, въ серединѣ—Ломоносовъ и Миллеръ, въ концѣ—Щербатовъ и Болтинъ. Свѣдѣнія о ихъ жизни и сочиненіяхъ см. подъ ихъ именами; здѣсь излагаются общіе результаты ихъ ученой работы въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) взглядъ на задачи историческаго изученія, 2) пріемы изслѣдованія, 3) взглядъ на общій ходъ русской исторіи, 4) разработка древней этнографіи, 5) разработка лѣтописей, 6) разработка и изданіе актовъ. 1) Русскіе изслѣдователи ставили изученію исторіи практическія задачи. Татищевъ, соотвѣтственно своему утилитаристическому міровоззрѣнію, искалъ въ исторіи пользы для «самопознанія», посредствомъ расширенія личнаго опыта при помощи опыта прошлаго. Ломоносовъ, обработывавшій исторію въ духѣ ложноклассическихъ одъ и трагедій, ставилъ исторіи цѣлью возвеличеніе предковъ и моральное назиданіе потомковъ. Раціоналистъ Щербатовъ видѣлъ пользу отъ изученія исторіи въ открытіи связи между причинами и слѣдствіями и въ вытекающей отсюда «власти надъ будущими временами». Нѣмецкіе изслѣдователи, напротивъ, отказывались ставить историческому изученію практическія цѣли и находили, что единственной цѣлью его, какъ всякаго научнаго познанія, должно быть открытіе истины, независимой отъ какихъ-бы то ни было національныхъ или партійныхъ пристрастій. Къ нимъ присоединяется въ этомъ отношеніи и Болтинъ. 2) Научные пріемы изслѣдованія остаются совершенно неизвѣстны первымъ русскимъ изслѣдователямъ. Татищевъ, начавшій свои занятія русской исторіей по заказу Брюса, безъ всякой предварительной подготовки, ограничиваетъ свою задачу простымъ накопленіемъ фактовъ, не дѣлая никакого различія между первоисточникомъ и его обработкой, не входя ни въ какую оцѣнку сравнительнаго достоинства источниковъ и считая ихъ, безъ разбора, такими же «исторіями», какъ и его собственная. Его добросовѣстность выражается въ томъ, что онъ не считаетъ возможнымъ опустить ни одного показанія собранныхъ имъ источниковъ; его некритичность ведетъ къ тому, что всѣ эти показанія онъ ставитъ рядомъ, не указываетъ, откуда взято каждое, вводитъ въ текстъ свои догадки и соображенія и кончаетъ тѣмъ, что, съ цѣлью изданія своей «Исторіи» на иностранномъ языкѣ, переводитъ полученный такимъ образомъ сводъ данныхъ на современный ему языкъ. Въ результатѣ у Татищева, вмѣсто «Исторіи», получается только новая «лѣтопись», ненужная для ученаго употребленія тамъ, гдѣ ея источники извѣстны, и ненадежная тамъ, гдѣ эти источники потеряны. Пріемы Ломоносова—исключительно литературные: они сводятся къ реторической амплификаціи фактовъ. Усвоенный имъ «протяженный и пухлый стиль» еще болѣе прогрессируетъ у его послѣдователей второй половины XVIII в. — Эмина и Елагина. Щербатовъ представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ Татищевымъ: въ своей «Исторіи» онъ не просто нанизываетъ показанія источниковъ, а группируетъ ихъ по собственной системѣ, даетъ имъ свое освѣщеніе, словомъ, эмансипируетъ исторію отъ лѣтописи, давая мѣсто источникамъ лишь въ особыхъ цитатахъ и приложеніяхъ. Но эмансипація эта — очень относительная: Щербатовъ все-таки загромождаетъ свой историческій текстъ массой мелочей, исключительно потому, что мелочи эти указаны источниками. Съ другой стороны, онъ совершенно не въ состояніи критически отнестись къ своимъ источникамъ: по старой привычкѣ, онъ готовъ предпочесть «почтенныхъ польскихъ сочинителей», искажавшихъ лѣтописи своей средневѣковой ученостью, «неученымъ кіевскимъ монахамъ», составлявшимъ эти лѣтописи. Новый шагъ впередъ въ усовершенствованіи пріемовъ историческаго изслѣдованія представляетъ противникъ Щербатова, Болтинъ. Не связывая себя формой общаго историческаго изложенія, Болтинъ свободно выбираетъ темы для монографическаго изслѣдованія и окончательно научается подчинять источникъ поставленному вопросу. Относительно критической оцѣнки источниковъ онъ пользуется уже результатами работы нѣмецкихъ изслѣдователей. Изъ этихъ послѣднихъ Байеръ уже въ первой половинѣ вѣка вполнѣ владѣетъ пріемами научной критики, но примѣняетъ эти пріемы, соотвѣтственно общему характеру своей подготовки и своихъ ученыхъ взглядовъ, исключительно къ древнѣйшему періоду русской исторіи. Результаты, достигнутые имъ здѣсь, отчасти и до сихъ поръ сохраняютъ значеніе (напр. по норманнскому вопросу). Приложить пріемы исторической критики къ собственно-русскимъ источникамъ, именно лѣтописямъ, выпало на долю Шлецера, реформатора научныхъ взглядовъ въ самой Германіи: онъ проводитъ рѣзкія границы между первоисточникомъ, позднѣйшей компиляціей и ученымъ изслѣдованіемъ — границы, принимаемыя съ этихъ поръ и русскими учеными. 3) Во взглядѣ на общій ходъ русской исторіи нѣмецкіе изслѣдователи, наоборотъ, находятся въ зависимости отъ русскихъ, подобно тому, какъ эти послѣдніе зависятъ отъ своихъ источниковъ. Уже Татищеву Р. въ началѣ своей исторіи представляется наслѣдственной монархіей, управляемой «единовластными государями» Рюрикова дома, получившими свои полномочія «по завѣщанію» ихъ славянскихъ предшественниковъ. Это было, по мнѣнію Татищева, періодомъ процвѣтанія и славы русскаго государства. Второй періодъ—упадка—наступилъ тогда, когда Р. подѣлена была между размножившимися «наслѣдниками» княжескаго дома, начавшими «великаго князя за равнаго себѣ почитать» и ослабившими, такимъ образомъ, центральную власть. Упадокъ центральной власти повелъ за собой раздробленіе государства на части, отказъ литовскихъ князей, прежде «бывшихъ въ подданствѣ», отъ повиновенія, уничтоженіе княжеской власти въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ и водвореніе тамъ «собственныхъ демократическихъ правительствъ», наконецъ —

Библиотека "Руниверс"

порабощеніе Руси татарами. Возстановленіе центральной власти и уничтоженіе послѣдствій ея безсилія составляетъ содержаніе третьяго періода, начинающагося съ Ивана III: въ этотъ періодъ снова «сила и честь государя умножились». Практическій выводъ изъ всей этой схемы подчеркивается Татищевымъ: «изъ сего всякъ можетъ видѣть, сколько монаршескоо правленіе государству нашему прочихъ полезнѣе». Ломоносовъ принимаетъ схему Татищева цѣликомъ, разрисовывая только яркими красками величіе Р. въ первомъ періодѣ и уподобляя всѣ три періода ея исторіи тремъ періодамъ исторіи римской: царскому, республиканскому и императорскому. Щербатову, утопавшему въ мелочахъ и подробностяхъ, некогда было разработывать общей схемы русской исторіи. Его раціонализмъ требовалъ отъ него не столько установленія общаго схематизма, сколько прагматическаго изложенія частностей. Прагматизмъ этого изложенія — т. е. связываніе причинъ со слѣдствіями — не шелъ далѣе психологической мотивировки отдѣльныхъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ, въ духѣ раціонализма, Щербатовъ считалъ *причиной* историческихъ фактовъ психологическія побужденія дѣятелей исторіи. Гораздо шире ставитъ вопросъ объ историческихъ факторахъ Болтинъ. Настаивая, въ противоположность раціоналистическому міровоззрѣнію Щербатова, на закономѣрности и органичности историческихъ явленій, Болтинъ ищетъ для ихъ объясненія не психологическихъ, а естественныхъ причинъ, которыя и находитъ въ вліяніи «климата» и обусловливаемаго имъ «темперамента». Климатъ и темпераментъ создаютъ «нравы»; что касается «законовъ», они оказываютъ на «нравы» лишь второстепенное вліяніе, сами подвергаясь прямому вліянію «нравовъ» и находясь отъ нихъ въ прямой зависимости. Эти общія понятія должны были обратить особенное вниманіе Болтина на *внутреннюю* исторію Р. Онъ занимается отдѣльными вопросами этой внутренней исторіи при всякомъ удобномъ случаѣ; но общую схему внутренняго развитія Р. ему удается создать лишь при помощи извѣстной намъ Татищевской схемы, а также при помощи древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, бывшихъ тогда почти единственными источниками свѣдѣній о внутренней исторіи Р. Процвѣтаніе перваго періода объясняется, по Болтину, полнымъ соотвѣтствіемъ «нравовъ» и «законовъ». Раздробленіе Руси во второй періодъ повело къ измѣненію «нравовъ» въ различныхъ мѣстностяхъ, а это послѣднее вызвало появленіе новыхъ, мѣстныхъ законовъ. Наконецъ, по объединеніи Руси, «нравы» опять сдѣлались повсюду сходными, а за ними и законы вернулись къ первоначальному единству. Къ измѣненію законовъ послѣ Петра Болтинъ относится неодобрительно, считая новые законы несоотвѣтствующими русскимъ нравамъ. Эта

ютъ противъ нея лишь одно возр
отношенію къ пониманію перва
Некритичность возвеличенія Р.
періодѣ ея существованія слишк
лась въ глаза: противъ этого в
одинаково протестуютъ и Шлецеръ
товъ, и Болтинъ. Отвергнувъ Лов
тезисъ, что «величество славянс
довъ стоитъ близъ тысячи лѣтъ поч
мѣрѣ», изслѣдователи разошлись м
по вопросу, на какой ступени раз
дилась древняя Р. Щербатовъ изс
слишкомъ яркихъ краскахъ дикос
Руси и вызвалъ этимъ возраженія
Болтина. Однако, первый готовъ
стить, что и «кочевое общество»,
признавалъ древнерусское, не иск
ществованія городовъ, законовъ,
мореплаванія, а второй допускалъ,
бытные русскіе не стояли выше
ныхъ германцевъ «и всѣхъ вообш
при первоначальномъ ихъ совок
общества». Подобное столкновеніе
произошло и между двумя нѣмецк
дователями, Шторхомъ и Шлецеро
строилъ происхожденіе древнѣйше
и государственной жизни Руси н
развитіи днѣпровской торговли с
домъ и арабами, но считалъ эт
транзитной, т. е. чуждой окружа
менамъ. Шлецеръ призналъ мыс
«уродливой» и рѣшительно отвер
ствованіе древнерусской торговл
договоровъ, письменности и т. п.
этнографія неизбѣжно должна б
большое мѣсто въ первыхъ научны
ваніяхъ, такъ какъ польская ученос
загромоздила этотъ отдѣлъ своими
генеалогіями народовъ. Протест
этихъ генеалогій былъ первымъ уда
сеннымъ старому пониманію истор
гана національнаго самомнѣнія. Е
что этотъ протестъ исходилъ отъ
изслѣдователей и на первыхъ по
зался русскимъ ученымъ оскорбл
національнаго достоинства. Байе
подорвалъ главный аргументъ, до
автохтонность русскаго населенія
имени (скиѳы), которымъ называл
селеніе въ источникахъ разныхъ
объяснилъ какъ *сходство не этно
а лишь географическое*. По слѣда
пошли Миллеръ, повторившій его
и Шлецеръ, выставившій общій
до IX в. для исторіи Р. не сущес
мыхъ письменныхъ источниковъ. У
Байера вызвали шовинистическі
Тредьяковскаго, утвержденія Мил
жили поводомъ къ доносу на него
Ломоносова; только утвержденія
были, наконецъ, усвоены умнѣй
скимъ изслѣдователемъ, Болтины
лельно съ попытками нѣмцевъ, рус
дователи дѣлали и собственныя п

Библиотека "Руниверс"

отожествилъ древнихъ скиѳовъ съ сарматовъ—съ финнами, а древнее славянъ нашелъ въ «амазонахъ», ныхъ имъ въ «алазоны», для сбли- мологическаго смысла (хвастуны = Эта классификація перешла и къ вѣрному ученику Татищева въ во- ревней исторіи. Ломоносовъ и Щер- согласились съ Татищевымъ: скиѳ тожествляли съ чудью, опираясь на сарматовъ рѣшительно считали сла- Ломоносовъ къ славянамъ же отнесъ русь; Щербатовъ принялъ нѣмец- е о норманствѣ руси. Огромнымъ ередъ, сравнительно съ этими про- и гаданіями, была этнографическая ація Шлецера, основанная на сродъ- въ: славянъ онъ первый ввелъ въ -европейскихъ народовъ, указавъ на ъ языка съ нѣмецкимъ, греческимъ мъ. Онъ указалъ также на ближай- во литвы съ славянами и раздѣлилъ щепринятыхъ группъ урало-алтай- . 5) Важность изученія лѣтописей й исторіи почувствовалъ уже Тати- го многолѣтняя работа надъ лѣто- принесла соотвѣтствующей пользы асти вслѣдствіе ея совершенной ности, отчасти вслѣдствіе того, что лась неизданной до 1768—1784 гг. и ею пользовался и по ней вы- ской исторіи только Болтинъ. Щер- своей исторіи поневолѣ долженъ ъ всю работу сначала, привлекши омѣ напечатанныхъ тогда кенигс- а Никоновскаго списка, еще боль- и рукописныхъ, заимствованныхъ ею частью, изъ библіотекъ патрі- ипографской. Рукописи Татищева, въ пожарѣ его помѣстья, уже не ужить для Щербатова; но въ числѣ ему списковъ были нѣкоторые, е Татищеву и очень важные, напр. новогородскій и воскресенскій. днако, возможности оцѣнить свой Щербатовъ не съумѣлъ, какъ слѣ- воспользоваться. Не смотря на точ- на рукописи, никому недоступныя приблизительное изложеніе такъ же быть провѣрено, какъ точный пе- атищева, вовсе лишенный цитатъ. ченія являлись, такимъ образомъ, о несоизмѣримыми; тамъ, гдѣ они или другъ другу, повѣрка была-бы не только для посторонніхъ, но я самихъ авторовъ. Вотъ почему опираясь на Татищева, могъ отри- , заимствованные Щербатовымъ ъ лучшихъ лѣтописей, а Щербатовъ е въ состояніи отпарировать его даже тогда, когда по существу ршенно правъ. Новый періодъ въ Ѣтописей наступилъ тогда, когда за предположенія, что лѣтопись есть произведеніе Нестора и его продолжателей, и что, слѣдовательно, существуетъ одинъ коренной текстъ, который и надо возстановить изъ массы варіантовъ, по извѣстнымъ правиламъ критики, какъ возстановляли древнихъ классиковъ. Русскіе писатели, знавшіе разнообразіе существующихъ списковъ, не могли задаться такой задачей, даже если-бы имъ было понятно ея значеніе: они знали или чувствовали, что коренного текста не существуетъ, а имѣются на-лицо лишь разнообразныя комбинаціи навсегда исчезнувшихъ первоисточниковъ лѣтописи. Щербатовъ въ послѣдніе годы близко подошелъ къ этому представленію о лѣтописяхъ, какъ о мѣстныхъ сводахъ. Шлецеръ, знакомый съ общимъ изложеніемъ лѣтописей лишь въ нѣмецкомъ переводѣ Селлія, а съ отдѣльными списками—лишь въ самомъ ихъ началѣ, не могъ предвидѣть невыполнимости задачи «возстановить *очищеннаго* Нестора» и смѣло взялся за ея разрѣшеніе. Невозможность рѣшенія обнаружилась для него только во время самой работы. Сознаваясь, въ концѣ концовъ, въ неудачѣ своей попытки очистить Нестора отъ варіантовъ, которые онъ считалъ «ошибками и искаженіями переписчиковъ», онъ, однако, такъ и не понялъ причины неудачи, объясняя ее тѣмъ, что у него «было мало списковъ»», 6) Исторія Татищева была составлена исключительно по лѣтописнымъ источникамъ; исторія Щербатова впервые приняла во вниманіе *акты*. Въ промежуткѣ между обоими изданіями значеніе актовъ для исторіи было выяснено Миллеромъ, натолкнувшимся на этотъ богатый матеріалъ во время своей сибирской поѣздки (1733 — 1743). Онъ же сдѣлался (1765) первымъ директоромъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ хранятся духовныя и договорныя грамоты князей съ XIII в. и документы дипломатическихъ сношеній съ конца XV в. Эти матеріалы Щербатовъ впервые эксплуатировалъ для своего труда, съ особаго разрѣшенія Екатерины II, которой онъ былъ рекомендованъ Миллеромъ для составленія русской исторіи. Изданіе Щербатовской «Исторіи» дало толчокъ изданію самыхъ матеріаловъ Щербатовымъ—въ приложеніяхъ къ исторіи и обоими учеными—въ «Россійской Виѳліоѳикѣ» Новикова. Проектъ напечатанія особаго «дипломатическаго корпуса» былъ разрѣшенъ, но не осуществленъ, вслѣдствіе смерти Миллера. На документы архивовъ разряднаго и старыхъ дѣлъ (теперь они оба въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), необходимые для внутренней исторіи Р., Миллеръ тоже первый обратилъ вниманіе, но успѣлъ разработать по нимъ только исторію приказовъ и служилыхъ должностей Московскаго государства. Масса подготовленныхъ имъ матеріаловъ хранится въ рукописномъ видѣ въ его «портфеляхъ» (въ архивѣ мини-

Библиотека "Руниверс"

традиціи XVIII в., и притомъ не всегда придерживается самыхъ лучшихъ изъ нихъ. На исторію онъ смотритъ, прежде всего, какъ на литературное произведеніе, раздѣляя въ этомъ отношеніи взгляды и пріемы Ломоносова и его подражателей. Конечно, сентиментальная манера и «пріятный» языкъ Карамзина давали ему возможность ближе держаться дѣйствительности, чѣмъ ложноклассицизмъ и высокій «славенороссійскій» штиль Ломоносова; тѣмъ не менѣе, и въ новой Карамзинской манерѣ оставалось достаточно прикрасъ и условности, чтобы помѣшать вѣрному изображенію событій и характеровъ. Значеніе «Исторіи Государства Россійскаго» для послѣдующихъ поколѣній заключалось въ томъ, что Карамзинъ ввелъ въ оборотъ много новаго и важнаго матеріала; но за исключеніемъ Волынской лѣтописи, открытой имъ самимъ, заслуга открытія новыхъ источниковъ принадлежитъ молодому поколѣнію изслѣдователей, работавшихъ независимо отъ Карамзина. Иниціаторомъ и руководителемъ этихъ работъ былъ канцлеръ Н. П. Румянцевъ. Въ 1810 г. онъ вспомнилъ о проектѣ Миллера — издать «дипломатическій корпусъ» и поручилъ это изданіе преемнику и ученику Миллера, Бантышъ-Каменскому. Бантышъ-Каменскій успѣлъ издать I-й томъ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ»; по смерти его (янв. 1814 г.) канцлеру пришлось самому заботиться о подборѣ матеріала для продолженія изданія. Это заставило его начать розыски въ иностранныхъ архивахъ и русскихъ собраніяхъ рукописей, преимущественно монастырскихъ. Въ результатѣ, прежде всего, «дипломатическій корпусъ» превратился въ собраніе актовъ, относящихся къ *внутренней* исторіи Р.; затѣмъ, Румянцевъ принялся искать въ монастыряхъ древнѣйшихъ лѣтописей, вмѣсто нихъ наткнулся на массу историко-литературныхъ матеріаловъ и увлекся собираніемъ рукописей. Ближайшими помощниками его были Калайдовичъ и Строевъ, принявшіеся затѣмъ за описаніе русскихъ рукописныхъ собраній. Къ серединѣ двадцатыхъ годовъ обоихъ затмилъ Востоковъ. Независимо отъ Румянцевской «дружины», тому же дѣлу приведенія въ извѣстность рукописныхъ матеріаловъ служилъ митрополитъ Евгеній; но, стремясь не столько къ критической оцѣнкѣ матеріала, сколько къ лѣтописной полнотѣ, Евгеній являлся представителемъ устарѣлыхъ взглядовъ XVIII в. Меньше всего сдѣлало для изученія источниковъ русской исторіи московское историческое общество, открытое, по предложенію Шлецера, для изданія «очищеннаго Нестора». Двѣ попытки—Чеботарева и Тимковскаго — издать Лаврентьевскій списокъ лѣтописи остались неоконченными; единственное, что сдѣлано въ эти годы (1804—1823) отъ имени общества, принадлежитъ Калайдовичу. Господствующей мыслью всѣхъ этихъ ученыхъ кружковъ было, что писать общую исторію Р. нельзя, не приведя въ извѣстность матеріаловъ и не подготовивъ вспомогательныхъ пособій. Къ попыткѣ Карамзина они отнеслись сдержанно или даже неодобрительно, а на себя смотрѣли какъ на прямыхъ учениковъ и продолжателей Шлецера. Если эти послѣдователи Шлецера осуждали исторію Карамзина, какъ «не критическую», то молодое поколѣніе двадцатыхъ годовъ осудило ее также, какъ «не философскую». Карамзинъ въ общихъ своихъ взглядахъ на ходъ русской исторіи не пошелъ далѣе Татищевской схемы, сводившей исторію государства къ исторіи правительственной формы, измѣняемой по произволу государей. Между тѣмъ, новое романтическое теченіе, проникавшее тогда въ Р., задавалось вопросами о стихійныхъ элементахъ исторіи, о роли народа и народнаго характера, о всемірно-историческихъ «миссіяхъ» народовъ. Отвѣтомъ на *критическія* требованія современниковъ явилась «скептическая школа»; отвѣтомъ на *философскія* требованія молодого поколѣнія былъ цѣлый рядъ попытокъ философско-историческаго построенія русской исторіи, приготовившій путь для наиболѣе значительной попытки этого рода— для построенія славянофиловъ. Уже «скептическая школа» была переходомъ отъ чисто критическихъ требованій къ философскимъ. «Глава» этой школы, проф. М. Т. Каченовскій, началъ свою ученую дѣятельность, какъ послѣдователь Шлецера, но продолжалъ ее, какъ послѣдователь (не вполнѣ удачный) новыхъ романтическихъ идей. Его слушатели пошли еще дальше въ установленіи новыхъ «философскихъ» принциповъ исторической критики. Уступка Каченовскаго новымъ взглядамъ заключалась въ признаніи апріорной необходимости «баснословнаго періода» въ началѣ русской исторіи; онъ отказался приписывать «баснословіе» лѣтописи позднѣйшимъ переписчикамъ, какъ дѣлалъ Шлецеръ, и готовъ былъ возложить «вину» за это баснословіе на самого Нестора. Ученики Каченовскаго въ томъ же самомъ «баснословіи» видѣли уже высшее доказательство правдивости лѣтописца, вѣрно передавшаго въ своихъ легендахъ духъ времени и наивный складъ мысли своей эпохи. Плохо зная, однако, русскіе первоисточники, они дѣлали ихъ отвѣтственными за ошибки Кармзина и старались опровергнуть мнѣніе историографа о высотѣ древнерусской цивилизаціи тѣмъ, что считали источники, доказывающіе, будто-бы, это величіе, сочиненными позднѣе, не раньше XIII в., подъ вліяніемъ балтійско-нѣмецкой культуры. Благодаря этому непримиренному противорѣчію между Шлецеровскимъ и Нибуровскимъ пониманіемъ «исторической критики», идеи скептиковъ остались безъ серьезной разработки и студенческія упражненія школы скоро были разрушены до основанія критикой Погодина и Буткова. Интересъ молодого поколѣнія сосредоточился послѣ того на выясненіи исторической роли Р. во всемірно-историческомъ процессѣ, какъ того требовали новые философско-историческіе взгляды, вытекавшіе изъ распространившейся въ интеллигентныхъ кружкахъ 1820—1834 гг. философіи Шеллинга. Согласно этимъ взглядамъ, каждый народъ является носителемъ извѣстной идеи, представляющей ту или другую ступень въ развитіи самосознанія всего человѣчества; разъ,

Библиотека "Руниверс"

вивая въ своей исторіи эту идею, каждый народъ вноситъ, такимъ образомъ, свою долю въ процессъ всемірно-историческаго развитія, составляющій высшую степень развитія космическаго. Надо было непремѣнно найти и для Р. такую идею, которая-бы ввела ее въ плотно замкнутую цѣпь всемірно-историческаго процесса. Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана сторонникомъ идей французской реакціи начала XIX в., не подчинившимся вліянію Шеллингизма, П. Я. Чаадаевымъ. Содержаніе даннаго имъ отвѣта было безусловно отрицательное. Русскій народъ не одушевленъ никакой всемірно-исторической идеей; его прошлое—бѣлый листъ бумаги; его будущее будетъ таково же, если онъ не проникнется единственно-возможной всемірной идеей—соціальнымъ идеаломъ христіанства, осуществимымъ только посредствомъ вселенской церкви, въ ея западной, католической организаціи. Молодой тогда И. Кирѣевскій согласенъ былъ видѣть всемірно-историческую роль Россіи — въ осуществленіи религіозно-этическаго идеала, но не считалъ нужнымъ брать его изъ европейскаго прошлаго, предлагая воспользоваться прямо европейскимъ настоящимъ—романтическимъ возрожденіемъ религіи въ началѣ XIX в. Это было, однако, нарушеніемъ основного принципа новой философіи, по которому прошлое неразрывно связано съ настоящимъ и будущимъ, какъ «зерно» съ «плодомъ». Для того, чтобы русскій народъ могъ считаться носителемъ всемірно-исторической миссіи, надо было найти доказательства его мессіанства въ его прошломъ. Первый принялся искать этихъ доказательствъ Погодинъ, оффиціально призванный съ 1835 г. на каѳедру русской исторіи, чтобы защищать «историческое православіе» отъ «навѣтовъ скептиковъ». По своему топорному складу ума, онъ выполнилъ свою задачу крайне неискусно. «Зерно» русской всемірно-исторической миссіи онъ усмотрѣлъ въ фактѣ *добровольнаго* призванія династіи Рюрика и принялся затѣмъ удивляться случайностямъ, во-время сохранившимъ и во время прекратившимъ династію, во время сократившимъ, потомъ размножившимъ составъ княжескаго рода, во время давшимъ долголѣтіе его московскимъ представителямъ и т. д. Вопреки новой философской теоріи, требовавшей закономѣрности въ исторіи, у него все вышло «чудесно» въ русскомъ историческомъ процессѣ, находившемся, по его представленію, подъ особеннымъ покровительствомъ Провидѣнія. Это особое покровительство и было въ его глазахъ вѣрнымъ залогомъ будущей «великой» роли Р. Умнѣе взялся за рѣшеніе задачи Николай Полевой. Его «Исторія русскаго народа» является первой, хотя и слабой попыткой замѣнить обветшалую Татищевско-Карамзинскую схему русскаго историческаго процесса новою, болѣе соотвѣтствующею требованіямъ современной теоріи. Исторія должна не живописать случайныя событія и благодарные характеры, а изображать историческій процессъ въ его закономѣрности, установлять необходимую внутреннюю связь періодовъ національнаго развитія и раскрывать зависимость его отъ всемірно историческаго процесса. Полевой исходитъ изъ мысли, что русское національное развитіе совершенно оригинально и своеобразно. Основной чертой этого развитія онъ считаетъ, подобно своимъ предшественникамъ, идею единовластія: единственное его отличіе отъ нихъ заключается въ томъ, что эту идею онъ не находитъ готовой въ самомъ началѣ, а считаетъ закономѣрно развившейся въ теченіе историческаго процесса. Русская исторія *не* началась періодомъ «могущества» государственной власти; за тѣ она и не продолжалась періодомъ ея «паденія». Государственная власть медленно, но постоянно крѣпла въ исторіи Р.: ея постепенное усиленіе и составляетъ красную нить, связующую разные періоды. Князь - дружинникъ, принужденный дѣлиться властью съ феодалами - норманнами, превращается въ князя-родича, вытѣснившаго феодаловъ и замѣнившаго ихъ своими родственниками. Такимъ образомъ, удѣльный періодъ былъ результатомъ не ослабленія, а усиленія княжеской власти, и, слѣдовательно, былъ «необходимъ» въ общей связи русской исторіи. Необходимо было и татарское иго, во-первыхъ, какъ послѣдствіе азіатскихъ переворотовъ, котораго не могло-бы предотвратить никакое согласіе между князьями, во-вторыхъ, какъ средство объединить Русь, которая распалась между князьями, забывшими единство рода и превратившимися въ вотчинниковъ своихъ удѣловъ. Необходимость въ смыслѣ «закономѣрности» превращается у Полевого въ необходимость въ смыслѣ «цѣлесообразности; телеологія выдвигается въ его исторіи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подходитъ онъ къ осуществленію государственной идеи московскими князьями. На этомъ пунктѣ его схема вполнѣ сливается съ Карамзинской, съ которой сходна и въ томъ отношеніи, что исторію Россіи онъ строитъ на исторіи русской государственной власти. Такой результатъ очень мало соотвѣтствовалъ требованіямъ новаго философскаго взгляда на исторію. Движущее начало, способное объединить русскій историческій процессъ въ одно цѣлое и сообщить ему всемірно-историческое значеніе, надо было найти въ самомъ русскомъ *народѣ*, и притомъ, по духу философской теоріи, это должна была быть настоящая «идея», а не простой матеріальный фактъ того или другого государственнаго строя. Болѣе удовлетворительное рѣшеніе задачи, такъ поставленной, предложили славянофилы. Представители молодого поколѣнія 20-хъ—30-хъ годовъ, сдѣлавшіеся родоначальниками славянофильства, исходили изъ указанныхъ выше взглядовъ шеллингизма; но на рубежѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ основатели славянофильства прошли школу Гегеля, отожествлявшаго это всемірно-историческое развитіе идеи съ стадіями логическаго процесса,—и затѣмъ вернулись къ Шеллингу, противопоставившему «отрицательной, разсудочной» философіи Гегеля свою новую «положительную» философію мистическаго чувства. Это противоположеніе двухъ философскихъ системъ привело славянофиловъ къ противо-

Библиотека "Руниверс"

поставленію двухъ путей познанія: «логическаго, разсудочнаго»—и «цѣлостнаго, разумнаго». Первымъ путемъ, по ихъ мнѣнію, пошла европейская культура и наука: онъ привелъ ее къ внутреннему раздвоенію. Вторымъ путемъ идетъ Востокъ и достигнетъ высшаго проникновенія въ тайны жизни и вѣры. Исходя изъ этой антитезы, основатели славянофильства попытались обосновать съ ея помощью и разницу національныхъ «идей», развиваемыхъ Востокомъ и Западомъ во всемірной исторіи. И. Кирѣевскій, первый разработавшій теорію двухъ путей знанія, попробовалъ свести эту разницу къ конфессіональному различію Запада и Востока. «Раціонализмъ, разсудочность—это былъ основной принципъ католицизма, перешедшій отъ него и къ протестантизму». Напротивъ, принципомъ православія была «цѣлостность духа». Изъ разницы вѣры нельзя было, однако, вывести безъ дальнѣйшихъ справокъ и разницу національныхъ характеровъ. Хомяковъ обратилъ вниманіе своего друга на то, что истинное православіе было усвоено русскимъ народомъ очень несовершенно. Надо было, слѣдовательно, искать другой, болѣе коренной черты въ народномъ характерѣ, которая могла-бы послужить въ качествѣ всемірно-историческаго начала. Въ данномъ случаѣ помогла нѣмецкая и славянская наука. Историки-юристы, какъ Эверсъ и Рейцъ, изслѣдователи славянской старины, какъ Шафарикъ и Мацѣевскій, давно уже искали коренныхъ, положительныхъ чертъ въ общественномъ строѣ славянъ. И тѣ, и другіе находили эти черты въ «патріархальномъ бытѣ» славянъ, при чемъ нѣмцы искали слѣдовъ этого быта въ устройствѣ государственной власти, а славянскіе ученые—въ организаціи самого населенія. Ученія первыхъ сдѣлались исходной точкой «родовой теоріи» древнѣйшаго русскаго быта; ученія вторыхъ послужили источникомъ «общинной теоріи». Въ началѣ 40-хъ годовъ обѣ теоріи еще не противопоставлялись другъ другу; обѣ были развиты, въ видѣ «патріархальной теоріи», Петромъ Кирѣевскимъ. По этой теоріи княжеская власть переставала быть существеннымъ организаціоннымъ элементомъ въ древне-славянской исторіи: населеніе имѣло свою исконную организацію, управлялось родами и вѣчами. Князь явился случайнымъ, внѣшнимъ элементомъ, нисколько не измѣнившимъ коренныхъ устоевъ старославянскаго общественнаго строя. К. Аксаковъ привелъ этотъ взглядъ въ согласіе съ философской терминологіей школы, противопоставивъ, въ духѣ Гегеля, коренные славянскіе устои княжеской власти, какъ свободный нравственный союзъ — внѣшнему государственному принужденію. «Земля, община» не имѣетъ въ себѣ ничего юридическаго; она идетъ путемъ «внутренней правды». Все юридическое, формальное остается на долю «государства», призваннаго извнѣ, чуждаго землѣ по самому своему существу. Государство есть представитель «внѣшней правды». Хомяковъ, наконецъ, подставилъ подъ эти черезчуръ отвлеченныя категоріи болѣе реальные историческіе образы. «Земля» принимаетъ въ его конкретномъ изображеніи черты провинціи, «области», государство олицетворяется въ «дружинѣ». Вмѣсто любовнаго единенія земли и государства, Хомяковъ изображаетъ намъ въ прошломъ Р. упорную борьбу области и дружины. «Дружинѣ» при этомъ приписывается все темное въ русской исторіи: она является началомъ формальнымъ, разсудочнымъ, склоннымъ къ воспріятію всего чужестраннаго, начиная отъ византійско-римскихъ пытокъ, отъ татарскаго затворничества женщинъ до петровскаго европеизма. Итакъ, «земля», «область», «вѣче», «община»— вотъ то начало русской національной жизни, которое имѣетъ всемірно-историческое значеніе, гармонируетъ и съ особенностями восточной формы вѣры и вмѣстѣ съ ней составляетъ отличіе восточнаго міра отъ западнаго. Чтобы доказать господство этого начала въ русскомъ прошломъ, послѣдователи славянофиловъ должны были погрузиться въ серьезное изученіе соціальной исторіи Р. Источники внутренней исторіи Р. тогда только что начинали становиться общедоступными. Археографическая коммиссія печатала свое собраніе актовъ, отысканныхъ экспедиціей 1829 — 1834 гг. въ монастырскихъ и правительственныхъ архивахъ разныхъ губерній. Чиновникъ важнѣйшаго для внутренней исторіи московскаго архива (теперь архивъ мин-ства юстиціи), прослужившій въ архивѣ двадцать лѣтъ, И. Д. Бѣляевъ, является первымъ спеціалистомъ, употребившимъ свое солидное знакомство съ актовымъ матеріаломъ для доказательства славянофильскихъ теорій. Правда, прилагая теорію къ объясненію фактовъ, Бѣляевъ долженъ былъ съ самаго начала сдѣлать важныя отступленія отъ чисто славянофильскихъ взглядовъ. Такъ, община является у него не чисто «нравственнымъ», а договорнымъ союзомъ; вопреки Аксакову, онъ слѣдитъ въ исторіи за ея постепеннымъ сближеніемъ съ «дружиной». Затѣмъ, община развивается у Бѣляева постепенно изъ рода, въ зависимости отъ окружающихъ условій жизни: на днѣпровскомъ торговомъ пути—раньше, въ сторонѣ отъ него—позже. Подобно Хомякову, «землю» онъ представляетъ въ реальной формѣ «области» и задумываетъ въ концѣ жизни цѣлый рядъ изслѣдованій по исторіи областей, изъ которыхъ успѣваетъ издать только исторію сѣверо-западныхъ вѣчевыхъ общинъ (Новгородъ, Псковъ и Полоцкъ). На идеѣ непрерывнаго существованія общины основано извѣстное сочиненіе Бѣляева о «Крестьянахъ на Руси». Помимо этихъ работъ, ближайшимъ образомъ связанныхъ съ славянофильской теоріей, Бѣляеву принадлежитъ масса трудовъ по соціальной и экономической исторіи Р. Служилое сословіе, духовенство, города, крестьянство, земледѣліе и землевладѣніе, монетная система, финансы и войско, историческая географія, этнографія и статистика, важнѣйшіе юридическіе памятники, учрежденія и институты права—все это служило предметомъ изученія Бѣляева и почти по всѣмъ этимъ вопросамъ онъ написалъ капитальныя изслѣдованія. 25 томовъ «Временника» общества исторіи и древностей россійскихъ, изданныхъ Бѣляевымъ во время его секретарства (1848—57), соста-

Библиотека "Руниверс"

вляютъ единственное въ своемъ родѣ собраніе документовъ по соціальной и экономической исторіи Р. Въ разработкѣ своихъ драгоцѣнныхъ документовъ Бѣляевъ обнаружилъ, однако, слишкомъ мало критики; ему недоставало также теоретическаго знанія изучавшихся имъ вопросовъ. Нѣсколько выше въ послѣднемъ отношеніи стоитъ ровесникъ Бѣляева, В. Н. Лешковъ, также защитникъ славянофильскихъ началъ въ русской исторіи. Ученикъ Ганса и Савиньи, послѣдователь Гегеля, Лешковъ не былъ за то знатокомъ архивнаго матеріала. Свой спеціальный предметъ—полицейское (или, какъ онъ называлъ его, «общественное») право—онъ понималъ какъ право общественныхъ союзовъ, занимающее средину между частнымъ и государственнымъ правомъ. По гегеліанской схемѣ это право подавлялось въ древнемъ мірѣ—государствомъ, въ средневѣковомъ—личностью. Только въ Р. оба элемента находятся въ гармоніи, благодаря общинному началу, и только у насъ, поэтому, «общественное право» можетъ развиваться нормально. Сообразно этимъ идеямъ, Лешковъ кладетъ въ основу изученія древней исторіи изслѣдованіе древнѣйшаго общиннаго союза, какимъ считаетъ «вервь». Русская Правда, съ ея отрицаніемъ несвободы, съ ея игнорированіемъ частной земельной собственности, является, по Лешкову, «кодексомъ общинности». И во «второмъ періодѣ», который у Лешкова тянется отъ Русской Правды до XVIII в., всѣ законоположенія «явно проникнуты однимъ съ Правдою духомъ», хотя законодательнымъ органомъ и сдѣлалась княжеская (царская) власть вмѣсто общины. Князья не могли сдѣлаться собственниками земли и населенія, такъ какъ ихъ удѣлы—суть старыя автономныя общинныя единицы. Не ими созданные, эти удѣлы сохранились и послѣ паденія княжествъ, въ качествѣ «земщины», имѣвшей собственныя власти и игравшей активную роль въ организаціи Московскаго государства. Задачей историковъ - славянофиловъ становится, такимъ образомъ, доказать непрерывность существованія общиннаго начала на всемъ протяженіи русской исторіи. Для міровоззрѣнія, искавшаго своихъ идеаловъ въ прошедшемъ, неподвижное, неизмѣняющееся начало шеллинговой философіи исторіи приходилось какъ нельзя болѣе кстати. Для нихъ противниковъ, западниковъ, ожидавшихъ только въ будущемъ осуществленія идеальнаго общественнаго строя, смыслъ исторіи долженъ былъ заключаться, наоборотъ, не въ постоянствѣ основного начала національной жизни, а въ ея развитіи, въ историческомъ процессѣ. Для нихъ гораздо болѣе подходила эволюціонная философія исторіи гегеліанства. Многія основныя аксіомы мышленія были у нихъ одинаковы съ ихъ противниками, и въ томъ числѣ идея закономѣрности исторіи; но, они искали этой закономѣрности не въ сведеніи національнаго процесса къ абсолютному единству, а къ объясненію его въ его конкретномъ разнообразіи. Они не признавали абсолютныхъ идей, парящихъ надъ человѣчествомъ и поглощающихъ индивидуальныя стремленія народовъ и личностей. Они стремились «перенести исторію изъ воздушныхъ пространствъ на твердую почву» (Соловьевъ) и объяснить ее изъ реальныхъ стремленій личности къ счастью и наслажденію (Кавелинъ). Въ своихъ поискахъ не *неподвижности*, а *развитія* западники имѣли уже предшественниковъ. Эверсъ и Рейцъ, Погодинъ и Полевой уже пытались установить процессъ развитія русскихъ государственныхъ учрежденій изъ первоначальнаго состоянія «родового быта». Къ этимъ попыткамъ непосредственно примыкаютъ теоріи Соловьева и Кавелина. Менѣе знакомый съ философскими и общественно-юридическими науками, Соловьевъ выводитъ «законъ» русскаго историческаго развитія изъ исторіи отношеній между князьями правящей династіи. Онъ прямо идетъ по слѣдамъ Погодина и Полевого, подставляя только подъ отмѣченные ими факты новые философско-историческіе термины. Уже Погодинъ объяснялъ междукняжескія отношенія удѣльной Руси и мѣстничество Московской Руси отношеніями родства; Соловьевъ замѣняетъ въ его объясненіяхъ «родство» «родовымъ бытомъ» и приходитъ къ выводу, что «родовой бытъ» только при Петрѣ смѣнился государственнымъ. Уже Полевой отличалъ фазисы въ отношеніяхъ князей до-татарской Руси; Соловьевъ объясняетъ смѣну этихъ фазисовъ—внутренней борьбой рода съ размножающимися внутри него семьями. Полевой, наконецъ, останавливался въ недоумѣніи передъ превращеніемъ князя-родича въ князя-собственника: Соловьевъ тоже не можетъ объяснить этого превращенія внутренними причинами, и находитъ внѣшнія: семья побѣдила родъ только при условіи новой исторической обстановки—князь чувствовалъ себя родичемъ на богатомъ югѣ и почувствовалъ себя хозяиномъ, вотчинникомъ на дикомъ сѣверѣ, гдѣ у него не было конкуррента, въ старомъ вѣчевомъ населеніи. Систематику и теоретику Кавелину это введеніе внѣшней обстановки въ историческое объясненіе не нравится. Владѣльческій интересъ у князей понятенъ самъ собой: онъ-то и побуждаетъ семью бороться противъ рода за вновь возникающую семейную собственность. Причины разложенія рода надо искать въ немъ самомъ, и результатомъ этого разложенія должно явиться не сразу государство, а семья и отдѣльная собственность (вотчина), торжество которыхъ и наполняетъ промежуточный періодъ между господствомъ родового и государственнаго быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кавелинъ получаетъ возможность ввести въ свою схему начало, развитіе котораго его особенно интересуетъ въ историческомъ процессѣ — начало личности. Въ родовомъ бытѣ личности не существуетъ, такъ какъ не существуетъ никакихъ юридическихъ опредѣленій, никакихъ правовыхъ отношеній — а безъ нихъ самоопредѣляющаяся личность немыслима. Настоящій «*юридическій*» бытъ является лишь съ побѣдой семьи надъ родомъ, составляющей первый шагъ къ эмансипаціи личности; второй и послѣдній шагъ — побѣда личности надъ самой семьей, во имя государственныхъ началъ противъ семейныхъ, вотчинныхъ. Идея личности, въ западной исторіи находящаяся

Библиотека "Руниверс"

съ самаго начала въ антагонизмѣ съ родовымъ началомъ, у насъ въ Р. является лишь къ концу, какъ закономѣрный, органическій результатъ длиннаго процесса разложенія родового быта. Гегеліанецъ-Чичеринъ не можетъ принять схемы, въ которой личность занимаетъ такое видное мѣсто. По Гегелю, личность есть начало произвола и эгоизма, торжествующее лишь на низшихъ ступеняхъ развитія; напротивъ, *государство* есть проявленіе высшей свободы духа и самое полное обнаруженіе духа въ исторіи. Русская исторія должна, слѣдовательно, начинаться господствомъ личности и кончаться господствомъ государства. Всѣ явленія древнерусской жизни—родовыя отношенія, вотчинное начало, общинный бытъ, княжескіе и служебные договоры и т. д.—сводятся къ господству *«частнаго права»*; общество, въ которомъ оно господствуетъ, назыв. не государствомъ, а (по Гегелю) «гражданскимъ обществомъ». Итакъ, русская исторія въ своемъ развитіи проходитъ два періода: гражданскаго общества, управляющагося частнымъ правомъ, и государства. Періодъ родового быта долженъ быть отодвинутъ въ доисторическую эпоху. Сложившись окончательно въ 40-хъ и 50-хъ гг., славянофильскія и западническія историческія построенія успѣли за этотъ промежутокъ времени сдѣлаться предметомъ взаимной критики, существенно подорвавшей ихъ фактическое обоснованіе. Обѣ стороны удачнѣе критиковали основные тезисы противниковъ, чѣмъ защищали свои собственные. Главнымъ поводомъ, вызвавшимъ споры и давшимъ имъ почти все ихъ содержаніе, было различное значеніе терминовъ «родъ» и «община» въ употребленіи той и другой школы. К. Аксаковъ доказывалъ противъ Соловьева, что всѣ случаи, приводимые послѣднимъ въ доказательство родового быта въ древней Р., или объясняются семейнымъ началомъ, или свидѣтельствуютъ объ общинномъ бытѣ; междукняжескія отношенія не относятся къ родовому быту, потому что княжескій родъ находился въ совершенно исключительномъ положеніи; какъ и мѣстничество, они основываются на началѣ родословномъ, генеалогическомъ, а не родовомъ. Съ другой стороны, Б. Чичеринъ доказывалъ противъ Бѣляева, что послѣдній въ слишкомъ общемъ смыслѣ употребляетъ терминъ «община». Община въ собственномъ смыслѣ (какъ форма землевладѣнія) ничего не имѣетъ общаго съ древнѣйшей патріархальной общиной, давно исчезнувшей. Въ промежуткѣ земледѣльческое населеніе кочевало, не связанное землей, и, садясь на землю, владѣло ею на правахъ полной собственности. Образовалась община, какъ и другія общественныя группы въ Р., вслѣдствіе прикрѣпленія всѣхъ ихъ къ тяглу, изъ финансовыхъ соображеній Московскаго государства. Еще опаснѣе для историческихъ теорій пятидесятыхъ годовъ было то, что философскія системы, на почвѣ которыхъ онѣ создались, быстро устарѣли и потеряли свое вліяніе въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ. На смѣну имъ явились новыя, преимущественно реалистическія вѣянія. Прочный отрицательный результатъ разсмотрѣнныхъ системъ былъ тотъ, что послѣ нихъ нельзя уже было возвращаться къ историческимъ взглядамъ Карамзинской эпохи. Съ этимъ отрицательнымъ результатомъ стоялъ въ связи нѣкоторый положительный. Карамзинская схема построена была исключительно на исторіи власти: философскія построенія 40—50 годовъ единодушно признавали необходимость искать движущихъ силъ историческаго процесса въ самомъ народѣ и въ общественномъ строѣ. Если Чичеринъ возвеличивалъ «государство», то лишь потому, что въ него, по гегеліанскому словоупотребленію, включалъ и всѣ остальные элементы. Болѣе узкой, чѣмъ другія теоріи, и болѣе близкой къ старой схемѣ была Соловьевская: но и въ ней княжескія отношенія разсматривались, какъ *типъ* современнаго имъ общественнаго строя. Взаимная критика обоихъ направленій показала, что они оба односторонни и что основной недостатокъ обоихъ заключается въ чрезмѣрной абстрактности ихъ общихъ положеній. Новое поколѣніе изслѣдователей почувствовало потребность соглашенія и возвращенія къ конкретному изученію русской старины. Типичнымъ выразителемъ этого направленія является К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ первые годы своей ученой дѣятельности; то же настроеніе мы видимъ у Костомарова (см.), при чемъ оба историка тяготѣютъ преимущественно къ славянофильству и готовы выставить своимъ знаменемъ «народность». Близко къ новому направленію стоятъ историки быта и вѣрованій: Забѣлинъ, тяготѣющій къ западникамъ, Аѳанасьевъ, Буслаевъ. Примирительное настроеніе, выдвинувшее этихъ нейтральныхъ въ общественномъ смыслѣ изслѣдователей, продолжалось, однако, недолго. Въ самый моментъ выступленія новаго направленія, совпавшій съ реформами имп. Александра II-го, ученые споры пріобрѣли общественное значеніе, что не замедлило отразиться на ихъ содержаніи. Польское возстаніе содѣйствовало окончательной дифференціаціи историческихъ теорій. Историографія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ находилась подъ вліяніемъ общественной борьбы не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ историографія двухъ предыдущихъ десятилѣтій—подъ вліяніемъ философскихъ системъ. Прямой связи между западничествомъ и славянофильствомъ 40-хъ и 50-хъ годовъ и либерализмомъ и консерватизмомъ 60-хъ и 70-хъ гг. нельзя устанавливать, такъ какъ оба старыхъ направленія дали пищу обоимъ новымъ. Изъ западнической идеи государственности сдѣлано было консервативное употребленіе, тогда какъ западническая же идея прогресса въ общеевропейскомъ смыслѣ воспринята была либеральнымъ теченіемъ. Славянофильская доктрина «національнаго духа», выразившагося въ извѣстной вѣроисповѣдной и государственной формѣ, послужила консерваторамъ, а славянофильская же идея земщины—либерализму. 1) Западническій консерватизмъ, такъ ярко представленный въ публицистикѣ Катковымъ, въ области историографіи не имѣетъ выдающихся представителей: такое направленіе въ наукѣ русской исторіи

Библиотека "Руниверс"

было-бы слишкомъ очевиднымъ возвращеніемъ къ Карамзину. 2) Тѣмъ богаче представителями—и нестрѣе—группа сторонниковъ славянофильскаго консерватизма. Это направленіе сдѣлало даже попытку вновь обосновать славянофильскую теорію на данныхъ естествознанія, послѣ того какъ обветшалъ философскій фундаментъ, на которомъ это ученіе сложилось. Освободившая славянство отъ «всемірноисторической миссіи» и превратившая его въ абсолютно-замкнутый въ себѣ «культурно-историческій типъ», неподвижный и неизмѣняемый какъ типы естествознанія (Данилевскій—противникъ дарвинизма),—теорія Н. Я. Данилевскаго какъ нельзя болѣе подходила къ узкому націонализму эпигоновъ славянофильства. Подъ вліяніемъ національнаго возбужденія, вызваннаго польскимъ возстаніемъ 1863 г., къ этому направленію приблизились или присоединились многіе нейтральные изслѣдователи предыдущаго времени, напр. Бестужевъ-Рюминъ. Еще естественнѣе былъ такой переходъ для изслѣдователей западно-русской и южно-русской исторіи, видѣвшихъ въ полякахъ исконныхъ враговъ мѣстнаго русскаго населенія. Даже Костомаровъ, вполнѣ отрицательно относившійся къ московскому политическому идеалу, не колебался въ выборѣ между великорусской протекціей и полонизмомъ. Еще рѣшительнѣе перешелъ въ лагерь русскихъ націоналистовъ старый другъ Костомарова, Кулишъ. Болѣе молодой Кояловичъ уже безъ всякихъ колебаній вступилъ въ ряды того же направленія. Отъ стараго славянофильства это направленіе усвоило пониманіе исторіи какъ «національнаго самосознанія», восхваленіе всего, что считалось проявленіемъ коренныхъ особенностей «народнаго духа», и порицаніе всего, привнесеннаго историческимъ процессомъ, какъ чуждаго «заимствованія». Такъ какъ «заимствованіемъ» были заражены, по взгляду школы, культурные слои общества, а носителемъ коренныхъ началъ народности признавался простой народъ, то славянофильская формула находила полное примѣненіе къ политикѣ борьбы противъ высшихъ сословій во имя крестьянскихъ интересовъ, которой стало держаться правительство на окраинахъ. Этимъ объясняется и присоединеніе къ націоналистамъ мѣстныхъ представителей народной партіи. Дальнѣйшее увеличеніе числа сторонниковъ того же направленія стоитъ въ связи съ славянскими взглядами школы, формулировавшей, въ лицѣ Данилевскаго, свои политическія стремленія въ формѣ проекта всеславянской федераціи, съ центромъ въ Константинополѣ и съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ Р. Постепенно, однако, школа сокращала свои славянскія симпатіи, находя (см. К. Леонтьевъ), что славяне безвозвратно отдались во власть «тлетворному вліянію запада». Особенную группу среди сторонниковъ того же направленія занимаютъ нѣсколько изслѣдователей, національныя симпатіи которыхъ обнаружились за запоздалой защитѣ автохтонности восточныхъ славянъ и славянскаго происхожденія русской династіи (Иловайскій, Самоквасовъ, Забѣлинъ). 3) Промежуточное положеніе между консервативнымъ славянофильствомъ и либеральнымъ западничествомъ занялъ С. М. Соловьевъ, съ своими національными взглядами въ вопросахъ внѣшней политики и западническими представленіями о ходѣ внутренняго развитія Р. Впрочемъ, его многолѣтній и многотомный трудъ (28 томовъ въ 28 лѣтъ) долженъ считаться черезчуръ поспѣшно выполненнымъ, въ томъ смыслѣ, что историку, за массой очередныхъ мелочей, не было времени остановиться на существенномъ и главномъ. Печатая свой матеріалъ частями, по мѣрѣ приготовленія, онъ не имѣлъ возможности какъ слѣдуетъ его разработать и долженъ былъ предлагать его читателямъ въ сыромъ видѣ. Отъ того и его общіе взгляды оказываются, за нѣкоторыми блестящими исключеніями, черезчуръ внѣшнимъ образомъ привязанными къ матеріалу. Устремивъ все свое вниманіе на болѣе доступный наблюденію процессъ постепенной европеизаціи Р., онъ оставилъ въ сторонѣ внутренніе, органическіе процессы народнаго развитія. То немногое, что остается въ «Исторіи Р.» на долю собственно внутренней исторіи—за вычетомъ детальнаго, безъ комментаріевъ, пересказа законодательныхъ памятниковъ,—сводится къ отрывочному подбору случайныхъ фактовъ, попавшихъ въ руки историка между другими, болѣе интересовавшими его матеріалами. Изъ Соловьевской исторіи эти недостатки переходятъ и въ сочиненія бывшаго дерптскаго профессора Брикнера о Петрѣ и Екатеринѣ II. Въ другихъ своихъ работахъ Брикнеръ сознательно ограничивается задачей прослѣдить процессъ европеизаціи Р. Таже тема проходитъ красной нитью черезъ всѣ изслѣдованія А. Н. Пыпина, прослѣдившаго ее въ исторіи русской общественности, русской литературы и русской науки. Ясно выраженной задачей всѣхъ работъ Пыпина становится опроверженіе славянофильскихъ взглядовъ на русское прошлое; съ этой цѣлью онъ овладѣваетъ даже собственными темами противниковъ—областью славяновѣдѣнія и славянской литературы, чтобы и тамъ отдѣлить истину отъ тенденціи. Эта постоянная задняя мысль—полемика съ славянофильствомъ—заставляетъ автора ставить вопросы такъ, какъ ихъ поставили когда-то писатели опровергаемаго имъ направленія. Большимъ шагомъ впередъ, въ смыслѣ болѣе вѣрной постановки вопросовъ науки, было для разсматриваемаго направленія сознательное внесеніе новаго метода изученія общественныхъ явленій — метода сравнительно-историческаго. Съ одной стороны, этотъ методъ покончилъ съ славянофильскимъ предразсудкомъ, будто русская исторія абсолютно своеобразна и непохожа на всѣ остальныя. Съ другой стороны, онъ подорвалъ и другой предразсудокъ, нечуждый даже нѣкоторымъ противникамъ славянофиловъ—будто все сходное въ русской исторіи съ западной есть результатъ заимствованія. Сходное, по этому методу, должно было объясняться не заимствованіемъ, а аналогіей основныхъ процессовъ исторической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о «европеизаціи»

Библиотека "Руниверс"

Р. долженъ былъ стать на совсѣмъ другую почву, чѣмъ прежде. Это не былъ уже болѣе вопросъ о фактическомъ ходѣ и исходѣ заимствованій Р. у Европы, а вопросъ о степени сходства въ стадіяхъ самаго процесса, проходимаго русскимъ и европейскимъ обществомъ. Заслуга внесенія новаго метода принадлежитъ историкамъ-юристамъ (Сергѣевичу, М. М. Ковалевскому); первыя примѣненія его и были произведены въ области науки русскаго права. Не останавливаясь на приложеніи метода къ сравнительному изученію *славянскаго* права (см. Леонтовичъ), отчасти практиковавшемуся и раньше разсматриваемой эпохи (см. Иванишевъ), укажемъ, прежде всего, на А. Д. Градовскаго, результаты изслѣдованій котораго ставятъ его въ ряды либеральныхъ западниковъ, близко къ Чичерину, хотя по исходнымъ точкамъ зрѣнія онъ и долженъ-бы былъ быть причисленъ къ послѣдующей рубрикѣ — либерально-славянофильскаго направленія. Съ точки зрѣнія самого Градовскаго западничество было «апотеозою дѣятельности государственности, понимаемой въ довольно узкомъ смыслѣ — государственнаго механизма». У славянофильства Градовскій бралъ идею народнаго организма, самодѣятельнаго и способнаго къ культурному развитію. Отвергая всемірно-историческія претензіи славянофильства, онъ соглашался видѣть главное значеніе русскихъ началъ въ ихъ «общечеловѣчности» и, анализируя послѣднее понятіе, находилъ, что оно включаетъ въ себя, во-первыхъ, «совокупность тѣхъ *коренныхъ* условій, безъ которыхъ немыслима нормальная жизнь человѣка и цѣлаго народа» (личная безопасность, свобода совѣсти, мысли, слова, правый судъ и т. д.), и, во-вторыхъ, совокупность «*техническихъ* условій осуществленія человѣческихъ цѣлей» (пути сообщенія, орудія производства, техника въ поэзіи и искусствѣ и т. п.). «Народъ въ исторіи» для Градовскаго — «живая сила, нравственная личность, которой интересы, убѣжденія и стремленія руководятъ политикою государствъ». Подойдя, однако, съ этими взглядами къ изученію исторіи русской провинціи, онъ, подобно Чичерину, не нашелъ тамъ ни «народа» въ смыслѣ активной силы, ни «коренныхъ условій» нормальнаго общежитія. Это, впрочемъ, не заставило его отчаяться въ «народѣ» вообще и всю надежду возложить на «государство». Онъ только заключилъ, что созданіе автономной мѣстной единицы есть «дѣло будущаго» и указалъ на то, что начало этому дѣлу, какъ и вообще созданію нормальныхъ условій общественной жизни, положено уже «раскрѣпощеніемъ» сословій во второй половинѣ XVIII в. 4) Больше увѣренности въ активной роли народа, «земщины», уже въ прошлой русской исторіи встрѣчаемъ у В. И. Сергѣевича. Пассивность народа въ Московскомъ государствѣ представляется ему только временнымъ исключеніемъ изъ общаго правила. «Наша исторія—говоритъ онъ,—какъ и всякая другая, представляетъ не мало заимствованій, которыя только отклонили ее отъ надлежащаго пути, на который она, рано или поздно, а должна выдти. У насъ были тѣ задатки политической свободы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы развились представительныя учрежденія, распространившіяся теперь по всему образованному міру; но у насъ они были подавлены татарскими порядками и византійскими идеями». Открытію и изученію этихъ «задатковъ» и посвящена ученая дѣятельность В. И. Сергѣевича. Онъ находитъ ихъ вполнѣ развитыми въ періодъ «вѣча и князя» и видитъ ихъ проявленіе въ земскихъ соборахъ, аналогичныхъ западнымъ представительнымъ учрежденіямъ соотвѣтствующей эпохи: «сходства этихъ учрежденій такъ многосторонни, что никакъ не могутъ быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы дѣйствіемъ одинаковыхъ причинъ». Онъ ищетъ тѣхъ же задатковъ, наконецъ, и въ законодательныхъ коммиссіяхъ XVIII в. Оба послѣднія историческія явленія становятся предметомъ спеціальнаго изученія у ученика Сергѣевича, В. Н. Латкина. Сравнительно-историческій методъ примѣняется нашими историками-юристами, правда, нѣсколько упрощеннымъ образомъ, такъ какъ всѣ ихъ усилія направлены на открытіе однихъ только сходствъ, притомъ зачастую черезчуръ общихъ. Враждебныя высшимъ сословіямъ и культурнымъ слоямъ общества, славянофильскія идеи удобнѣе сочетались съ демократическимъ, чѣмъ съ либеральнымъ складомъ мыслей. Въ этомъ сочетаніи онѣ составляютъ особую «народническую» философію русской исторіи, очень популярную до послѣдняго десятилѣтія, а теперь подвергшуюся рѣзкой критикѣ. Довольно равнодушная къ «учрежденіямъ», народническая историческая теорія очень чувствительна ко всѣмъ проявленіямъ жизни, экономической, юридической и бытовой, самой народной массы. Государство и культурные классы, съ ея точки зрѣнія, только препятствовали народу осуществить свой общественный идеалъ; напротивъ, осуществленіе этого идеала —широко-демократическаго — можно наблюдать вездѣ, гдѣ народъ выступалъ на сцену самъ и дѣйствовалъ самостоятельно. Казачество и расколъ — наиболѣе яркія проявленія «народнаго идеала». Непосредственнымъ источникомъ этихъ народническихъ взглядовъ послужили многія сочиненія Костомарова. Еще послѣдовательнѣе развивалъ ихъ ближайшій другъ его, Мордовцевъ, историкъ «антигосударственныхъ элементовъ» нашего прошлаго. Къ тому же направленію примкнулъ Аристовъ. Наличность упомянутаго «народнаго идеала», степень его сознательности и возможность для него повліять на ходъ историческаго процесса подвергаются въ настоящее время сильному сомнѣнію, но за народническимъ направленіемъ остается та прочная заслуга, что оно обратило вниманіе на исторію крестьянства и обогатило исторіографію капитальными трудами В. И. Семевскаго и В. А. Мякотина.

Внѣ перечисленныхъ рубрикъ стоятъ и представляютъ совершенно новое явленіе въ исторіографіи историческія теоріи А. П. Щапова. Началъ этотъ изслѣдователь съ увлеченія славянофильствомъ, затѣмъ перешелъ

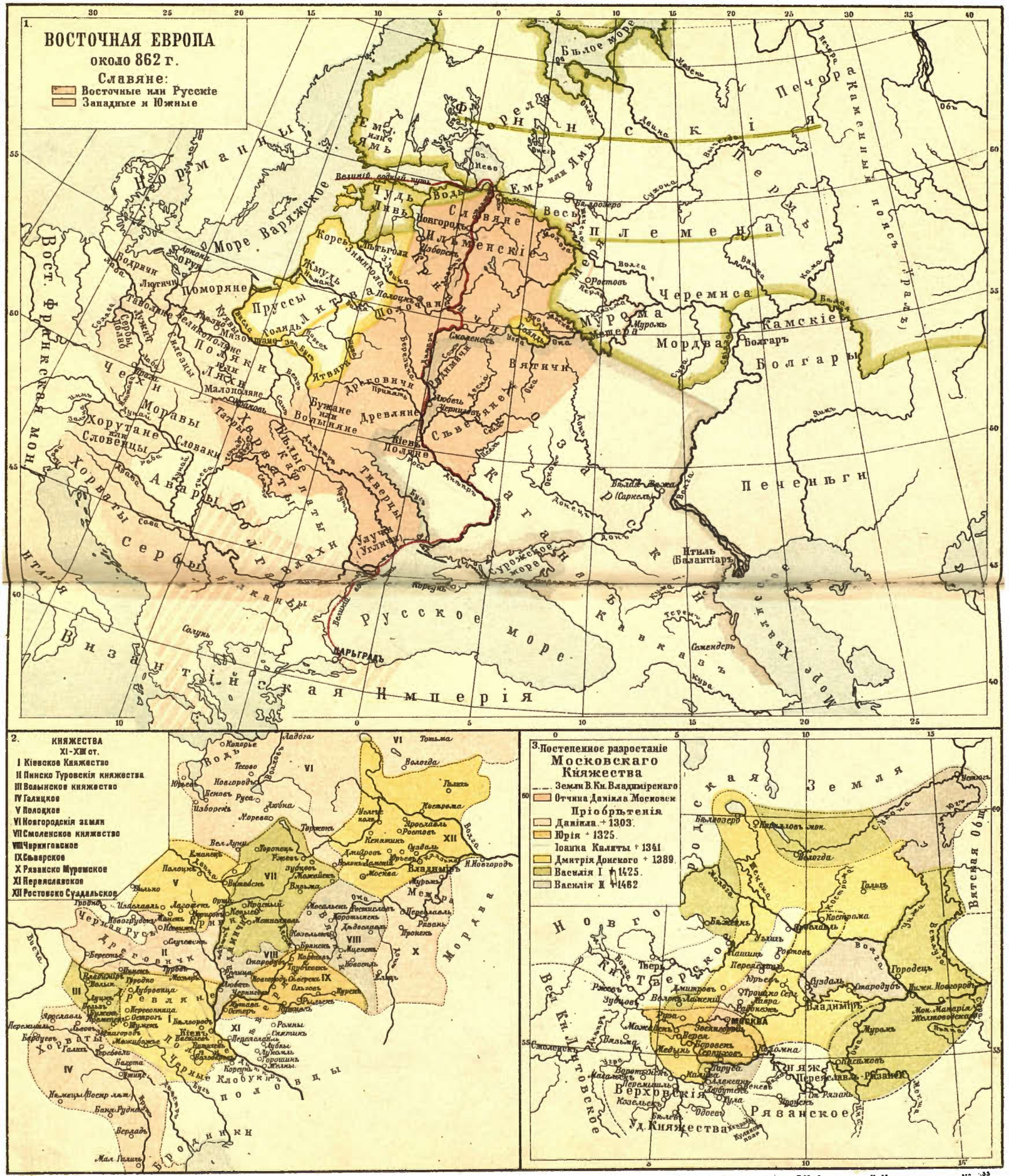
Библиотека "Руниверс"

къ народничеству, но съ 1863 г., подъ вліяніемъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», у него складываются новые взгляды. «Грѣшенъ былъ и я», говоритъ Щаповъ объ этомъ переломѣ; «до 1863 г. земство и земское саморазвитіе было моею idée fixe... Я защищалъ инициативу и самодѣятельность силъ народа въ дѣлѣ его соціальнаго саморазвитія... Со времени 1864 г. я сталъ думать... о взаимодѣйствіи и взаимоотношеніи силъ и законовъ внѣшней, физической природы и силъ и законовъ природы человѣческой, о законахъ этого взаимодѣйствія...., о проявленіяхъ ихъ въ исторіи, о значеніи ихъ въ будущемъ соціальномъ строѣ и развитіи народовъ... Я понялъ тогда, что какая-бы ни было, хотя бы самая совершенная абстрактная соціально-юридическая теорія не прочна, произвольна безъ единственно прочныхъ основъ — естественно - научныхъ, физико - антропологическихъ, потому что она не что иное, какъ временный продуктъ измѣняющейся... человѣческой мысли... Всѣ юридическія теоріи безъ теоріи строго-реальной и экономической почти ничего не значатъ». Свою «реальную и экономическую теорію» русской исторіи Щапову пришлось вырабатывать при самыхъ тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствахъ: этимъ, а также и самой трудностью задачи, объясняется, что отдѣльныя свѣтлыя мысли сложились у него въ не совсѣмъ удачное цѣлое и не получили тщательной научной обработки. Основную причину слабости русскаго культурнаго развитія Щаповъ уже ранѣе видѣлъ въ элементарности экономическаго процесса, въ свою очередь объяснимой тѣмъ, что русскому населенію пришлось прежде всего колонизовать дѣвственную территорію и что процессъ этой колонизаціи растянулся на цѣлые вѣка. Книга Бокля, только что вышедшая тогда и тотчасъ переведенная на русскій яз., заставила Щапова придать своимъ мыслямъ новую форму. Въ тысячелѣтнемъ *физико-этнологическомъ* развитіи русскаго народа, выработавшемъ у него «непосредственно-натуральный умственный складъ», Щаповъ сталъ находить теперь главную причину отсутствія въ древней Руси «интеллигентнаго, мыслящаго класса» и исключительнаго преобладанія «рабочаго класса». Вся исторія Р. получила для него смыслъ какъ исторія препятствій «умственному развитію» общества на «научно-раціональной основѣ». Онъ старался прослѣдить эти препятствія въ «естественно-психологическихъ» и въ «соціально-педагогическихъ условіяхъ» умственнаго развитія; въ низменномъ психологическомъ, физіологическомъ и антропологическомъ складѣ древнерусскаго населенія. Онъ пытался отмѣтить, затѣмъ, фазисы «наростанія новаго европейскаго интеллектуальнаго типа» со времени Петра, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, изученія естествознанія.

За послѣднія 20 лѣтъ русская историографія не находилась въ такой тѣсной связи съ общественными теченіями и не отличалась такимъ богатствомъ новыхъ мыслей, какъ въ 60-хъ и 70-хъ гг. Она носила скорѣе характеръ спокойнаго академическаго изученія, результаты котораго всего удобнѣе сгруппировать по университетамъ, такъ какъ университетскими лекціями и диссертаціями на ученыя степени почти исчерпывалось содержаніе этой историографіи. Ученое творчество отступаетъ въ ней на задній планъ передъ осторожнымъ эклектизмомъ: критика источниковъ получаетъ перевѣсъ надъ пользованіемъ ими. Такой характеръ имѣло особенно преподаваніе русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Родоначальникомъ этого направленія былъ здѣсь К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, воздерживавшійся, во имя ученаго безпристрастія, отъ высказыванія собственнаго мнѣнія и считавшій исключительной задачей современности критическую разработку источниковъ для будущихъ изслѣдователей. Такой чисто - вступительный и подготовительный характеръ имѣетъ и его «Русская исторія». Въ еще болѣе исключительной формѣ держался тѣхъ же мнѣній его преемникъ, Е. Е. Замысловскій. Молодое поколѣніе петербургскихъ историковъ стремится согласить это направленіе учителей съ болѣе реальнымъ направленіемъ московскаго университета или даже вполнѣ переходитъ на сторону послѣдняго. Различныя стадіи этого перехода можно прослѣдить въ лучшихъ петербургскихъ диссертаціяхъ, напр. «Сказанія и повѣсти о смутномъ времени», С. Ѳ. Платонова (1888); «Флетчеръ, какъ историческій источникъ», С. М. Середонина (1891); «Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ XVI в.», С. В. Рождественскаго. Рядомъ съ этимъ историко-критическимъ направленіемъ, и національныя взгляды К. Н. Бестужева-Рюмина отразились въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ его послѣдователей, напр. И. Филевича, Н. Д. Чечулина, отчасти Е. Ф. Шмурло. Ближе къ историкамъ-юристамъ, чѣмъ къ историкамъ, стоитъ А. С. Лаппо-Данилевскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго обложенія и кодификаціи. Въ московскомъ университетѣ надолго сохраняются слѣды дѣятельности блестящей плеяды профессоровъ и ученыхъ предыдущаго періода, Соловьева, Кавелина, Чичерина и Бѣляева. Живымъ посредникомъ между этимъ поколѣніемъ и современнымъ служитъ В. О. Ключевскій, замѣчательно удачно сгруппировавшій все, что было лучшаго въ ученіяхъ обоихъ лагерей около новой идеи 60-хъ годовъ—идеи изученія соціальной структуры общества. Со смѣлостью систематика В. О. Ключевскій соединяетъ осторожность изслѣдователя - спеціалиста: первое качество дало ему возможность выработать единственный въ своемъ родѣ университетскій курсъ русской исторіи, оказавшій вліяніе на все поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ; второе качество обезпечило за нимъ репутацію перваго знатока матеріала для соціальной исторіи XVII в. «Микроскопическія наблюденія» надъ этимъ матеріаломъ онъ такъ же любитъ, какъ и блестящія антитезы въ систематическомъ изложеніи: искусство анализа и синтеза одинаково ему доступно. Основной недостатокъ В. О. Ключевскаго заключается въ отсутствіи того коренного нерва ученой работы, который дается цѣль-

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТЫ РОССІИ I

Брокгауза и Ефрон: Энциклопедич словарь

Картографическое зав. Я.М. Ланднера Б. Мастерская ул. № п[illegible]

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

нымъ философскимъ или общественнымъ міровоззрѣніемъ и котораго не можетъ замѣнить величайшее мастерство схематизаціи. Стремленіе къ изученію соціальной исторіи и исторіи учрежденій сказалось въ темахъ московскихъ диссертацій историковъ-юристовъ С. А. Петровскаго, П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго и А. Н. Филиппова, а также историковъ—В. Е. Якушкина и П. Н. Милюкова. Работы М. К. Любавскаго по исторіи учрежденій литовско-русскаго государства соединяютъ это главное направленіе московскаго унив. съ другимъ—изученіемъ областной исторіи, завѣщанымъ также предыдущимъ поколѣніемъ и уже раньше отразившимся въ диссертаціяхъ Д. А. Корсакова, Г. И. Перетятковича, Д. И. Иловайскаго и Борзаковскаго. Такое же соединеніе тенденій видимъ въ докторской дисс. И. А. Линниченко, своими предыдущими произведеніями принадлежащаго къ школѣ кіевскаго университета. Традиціи университетскаго преподаванія русской исторіи восходятъ въ Кіевѣ ко времени Костомарова, еще въ сороковыхъ годахъ явившагося здѣсь представителемъ направленія, стремившагося къ изученію «народности». Параллельно съ славянофилами, южные сторонники изученія народности создали свою особую доктрину, отличавшуюся отъ славянофильской отсутствіемъ философской подкладки и сильно подчеркнутыми національно-автономистическими стремленіями. Идеальная цѣль доктрины— федеративный общественный строй — обосновывается посредствомъ доказательства древней самоотоятельности отдѣльныхъ русскихъ племенъ и силы вѣчевыхъ учрежденій, которыми они управлялись. Московскій періодъ считается отступленіемъ отъ нормальнаго хода русской жизни, результатомъ чуждыхъ вліяній, татарскаго и византійскаго. Весь интересъ кіевскихъ историковъ сосредоточился на древнѣйшей, кіевской эпохѣ русской исторіи, а въ позднѣйшихъ эпохахъ — на элементахъ, протестовавшихъ противъ московскихъ порядковъ, особенно на казачествѣ и гайдамачинѣ. Посредникомъ между поколѣніемъ Костомарова и современнымъ поколѣніемъ явился здѣсь В. Б. Антоновичъ, имѣвшій очень сильное вліяніе на молодыхъ историковъ и создавшій своимъ университетскимъ преподаваніемъ цѣлую школу. Уступая своему учителю въ талантѣ, тонкости критическаго анализа, широтѣ и глубинѣ знанія источниковъ, молодые изслѣдователи дали, однако, цѣлый рядъ полезныхъ монографій объ исторіи русскихъ княжествъ Днѣпровскаго бассейна и объ инородческомъ населеніи южныхъ степей (П. Голубовскій, Д. Багалѣй, М. Грушевскій, Н. Молчановскій, Л. Андріяшевъ, М. Довнаръ-Запольскій, П. Ивановъ, В. Ляскоронскій). Особое положеніе занимаютъ историки-юристы, посвящающіе и здѣсь свои труды разработкѣ мѣстной соціальной исторіи и исторіи учрежденій: И. В. Лучицкій, давшій рядъ цѣнныхъ работъ по исторіи землевладѣнія малороссійскихъ крестьянъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, разрабатывавшій исторію мѣстнаго права и колонизаціи, М. Н. Ясинскій и авторы изслѣдованій о правѣ литовскаго статута—Н. Максименко, І. Малиновскій и Г. Демченко. «Исторію запорожскаго казачества разрабатывалъ Д. Эварницкій (теперь въ Москвѣ). Въ сторонѣ отъ мѣстнаго движенія стоятъ, примыкая скорѣе къ петербургскому университетскому направленію, В. С. Иконниковъ, лучшій знатокъ библіографіи русской исторіи, и А. В. Романовичъ-Славатинскій, историкъ русскаго дворянства XVIII в. Кіевскій университетъ сдѣлался разсадникомъ профессоровъ и для другихъ университетовъ русской и австрійской Малороссіи. Такъ, М. Грушевскій недавно сдѣлался профессоромъ львовскаго университета и началъ, въ серіи львовскаго «наукового товариства імени Шевченка», изданіе своей «Исторіи Украіни-Руси». Д. И. Багалѣй съ 1883 г. занимаетъ каѳедру русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ и продолжаетъ тамъ кіевскую традицію, разрабатывая мѣстную исторію въ многочисленныхъ трудахъ, посвященныхъ исторіи колонизаціи, торговли и просвѣщенія края. Областной исторіи (малорусской и сибирской) посвящены диссертаціи П. Буцинскаго, а также И. Н. Миклашевскаго (по сельскохозяйственной исторіи). Ученая дѣятельность покойнаго И. И. Дитятина, ученика Градовскаго, примыкала къ общерусской работѣ историковъ-юристовъ, традиція которыхъ восходитъ къ московской историко-юридической школѣ. Элементы самоуправленія въ русскомъ прошломъ привлекали особенное вниманіе Дитятина. Въ казанскомъ университетѣ изъ историковъ Н. А. Ѳирсовъ и И. Н. Смирновъ, изъ историковъ-юристовъ С. М. Шпилевскій посвящали свои труды мѣстной исторіи, преимущественно исторіи приволжскаго инородческаго населенія. Д. А. Корсаковъ сосредоточиваетъ свой интересъ на исторіи XVIII в., разрабатываемой имъ въ направленіи либеральнаго западничества. Выдающимся эпизодомъ историко-юридическаго преподаванія была здѣсь дѣятельность Мейера по гражданскому и Е. Осокина по финансовому праву, въ 50-хъ годахъ. Ученые труды Н. П. Загоскина относятся къ отмѣченому уже общерусскому направленію историко-юридическихъ изслѣдованій. Въ настоящее время Загоскинымъ задумана сводная, двѣнадцатитомная «Исторія права русскаго народа», первый томъ которой представляетъ историографическое введеніе и изложеніе теорій, относящихся къ народности славянъ, ихъ древнему быту и зарожденію государства. Историческое и историко-юридическое преподаваніевъ юрьевскомъ (бывшемъ дерптскомъ) университетѣ до послѣдней реформы держалось старыхъ традицій германской науки. Проф. А. Г. Брикнеръ являлся посредникомъ между русской и нѣмецкой наукой, популяризируя въ Германіи выводы русской исторической литературы и разрабатывая въ Р. иностранные матеріалы для русской исторіи. Русскіе за границей и европейцы въ Р. привлекали его особенное вниманіе въ нашемъ прошломъ; ростъ европейскаго вліянія въ русской исторіи былъ его главной темой. Таже тема, но съ другой стороны—со стороны отраженія этого вліянія въ русскомъ національномъ самосознаніи,—сосредоточиваетъ на се-

Библиотека "Руниверс"

бѣ интересъ его преемника, Е. Ф. Шмурло, до сихъ поръ выступавшаго, впрочемъ, болѣе съ библіографическими и историографическими работами. Въ области историко-юридическаго преподаванія традиціи стараго дерптскаго университета восходили ко временамъ Эверса и Рейца, родоначальниковъ русской историко-юридической школы. Проф. И. Е. Энгельманъ извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ строгимъ анализомъ юридическихъ и бытовыхъ элементовъ въ институтѣ крѣпостного права. Ученикъ петербургскихъ юристовъ, М. А. Дьяконовъ, стремится вернуться отъ юридическихъ конструкцій къ историческому матеріалу и въ своихъ этюдахъ по исторіи древнерусскаго крестьянства продолжаетъ дѣло московскихъ изслѣдователей. Въ варшавскомъ университетѣ преподаваніе русской исторіи находится въ рукахъ Д. И. Цвѣтаева, извѣстнаго своими архивными работами по исторіи иностранцевъ въ Р., и И. П. Филевича. Исторію права преподавалъ до 1892 года Д. Я. Самоквасовъ въ націоналистическомъ духѣ, не чуждомъ и другимъ названнымъ преподавателямъ. Преподаваніе въ одесскомъ университетѣ велось И. Е. Перетятковичемъ и (до 1895 г.) А. И. Маркевичемъ, историкомъ мѣстничества и авторомъ нѣсколькихъ историко-критическихъ работъ; исторію русскаго права читалъ (до 1891 г.) Ѳ. И. Леонтовичъ, авторъ задружно-общинной теоріи и спеціалистъ по литовско-русскому праву. Въ послѣдніе годы общественныя теченія, повидимому, снова начинаютъ вліять на направленіе историческаго изученія. Вновь выдвинутая въ девяностыхъ годахъ теорія «экономическаго матеріализма» принесла въ этомъ отношеніи отрицательную пользу, устранивъ тяготѣніе надъ умами старой народнической точки зрѣнія, давно требовавшей коренного пересмотра. Первымъ положительнымъ результатомъ новаго направленія въ области детальнаго изслѣдованія является книга М. Туганъ-Барановскаго о «Русской фабрикѣ въ прошломъ и настоящемъ».

Отдѣльное существованіе русской исторіографіи, какъ вспомогательной исторической дисциплины, восходитъ къ очень недавнему времени. Начало общему обзору источниковъ и литературы русской исторіи положилъ только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, первымъ томомъ своей «Русской Исторіи» (1872). За нею, черезъ 20 лѣтъ, послѣдовалъ грандіозный «Опытъ русской исторіографіи» проф. В. С. Иконникова, излагающій пока, въ двухъ частяхъ перваго тома, исторію собиранія и изданія историческихъ матеріаловъ. Здѣсь исчерпывающимъ образомъ собрано все, что появлялось въ печати относительно архивовъ, библіотекъ и музеевъ, публичныхъ и частныхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, русскихъ и иностранныхъ, при чемъ повсюду отмѣчено, какіе именно источники этихъ хранилищъ были изданы или послужили предметомъ изученія или изложенія въ когда-либо изданныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ русскихъ и иностранныхъ ученныхъ. Филіація ученыхъ системъ и теорій русской историографіи послужила предметомъ изложенія съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, М. О. Кояловичемъ, въ его «Исторіи русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ» (2-е, посмертное изданіе, съ прибавленіемъ полемики противъ Бестужева-Рюмина и Д. А. Корсакова, а также біографіи автора, вышло въ 1893 г., СПб.), и авторомъ настоящей статьи, въ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли» (т. I, 2 изд., М., 1898). Библіографію по различнымъ отдѣламъ и вопросамъ русской исторіи см. подъ соотвѣтствующими словами. Указаніе на общіе библіографическіе труды по русской исторіи см. въ ст. Библіографія. Дополнительныя свѣдѣнія къ статьямъ Лѣтописи и Повѣсти временныхъ лѣтъ взяты изъ изслѣдованій А. А. Шахматова: «О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ» (М., 1897, «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.», кн. III) и о «Хронологіи древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ» (въ «Ж. М. Н. Пр.», 1897, апрѣль). Образцы различныхъ типовъ «актовъ», упоминаемыхъ въ обзорѣ источниковъ русской исторіи, см. въ «Актахъ, относящихся до юридическаго быта», изд. Н. В. Калачевымъ. *П. Милюковъ.*

С. **Исторія Р.** — *Придънпровская Р. IX — XII вв.*—Начальнымъ фактомъ русской исторіи слѣдуетъ считать водвореніе на русской равнинѣ славянской колонизаціи. Когда и какъ совершилось это водвореніе, въ точности неизвѣстно. Вопреки нѣкоторымъ фантастическимъ теоріямъ объ исконномъ жительствѣ славянъ на Ю нашей равнины, болѣе осторожные изслѣдователи видятъ въ появленіи здѣсь славянъ сравнительно поздній эпизодъ многовѣковаго колонизаціоннаго процесса, распространившаго славянскія поселенія въ разныхъ направленіяхъ изъ древнѣйшаго извѣстнаго намъ центра славянства— верхней Вислы, у Прикарпатья. Движеніе славянскихъ племенъ отъ этого центра вглубь нашей равнины съ наибольшей вѣроятностью можетъ быть относимо къ VI, VII, VIII вв. по Р. Хр. Топографія этихъ племенъ, сообщенная въ начальной лѣтописи, рисуетъ уже конечные результаты ихъ передвиженія, опредѣлившіеся къ IX—X вв. Окаймленные кольцомъ инородческаго населенія — литовскаго на З, финскаго на С и СВ, тюркскаго на ЮВ — славяне заняли бассейны Днѣпра, Днѣстра, Зап. Двины, Зап. Буга, оз. Ильменя, верхней Оки, размѣстившись на этомъ пространствѣ отдѣльными племенами. Границы «земель», занятыхъ племенами, опредѣлились частью естественными предѣлами—линіями водораздѣльныхъ волоковъ, частью перекрестнымъ столкновеніемъ отдѣльныхъ волнъ колонизаціоннаго потока. Быть можетъ, взаимная борьба племенъ, разновременно колонизовавшихъ равнину, послужила толчкомъ къ политическому объединенію племенъ подъ властью племенныхъ князей. Лѣтопись сообщаетъ нѣкоторые намеки на зародыши какой-то политической организаціи, возвышавшейся надъ отдѣльными родовыми союзами, на которые дробились древнія племена; но мы ничего не знаемъ о томъ, какъ далеко пошелъ процессъ политическаго объединенія племенъ до возникновенія варяжескихъ княжествъ и въ какихъ

Библиотека "Руниверс"

формахъ онъ выразился. Тотчасъ по водвореніи на рѣчныхъ бассейнахъ восточно-европейской равнины, славянскія племена были втянуты въ торговыя движенія, пересѣкавшія равнину въ различныхъ направленіяхъ. Каспійское, Черное и Балтійское моря служили ареной оживленнѣйшихъ торговыхъ сношеній этой равнины съ азіатскимъ Востокомъ и европ. Западомъ. На Каспійскомъ морѣ дѣятелями этихъ сношеній были арабы, на Черномъ—греки, на Балтійскомъ—норманны. Арабы съ половины VII в. проникаютъ во внутреннія и сѣверныя части Ирана, достигаютъ береговъ Каспійскаго моря и появляются на восточной половинѣ Кавказскаго перешейка. Ихъ появленіе возбуждаетъ враждебную тревогу хазаръ, раскинувшихъ свои владѣнія отъ нижней Волги до Ширвана. Послѣ кровавой борьбы, длившейся въ теченіе цѣлаго вѣка ($^1/_2$ VII — $^1/_2$ VIII в.), оба народа размежевались: арабы остались властителями западнаго побережья Каспійскаго моря, хазары, отброшенные къ СЗ, вознаградили себя расширеніемъ своего господства къ берегамъ Чернаго моря, до Таврическаго полуострова, и, встрѣтясь съ славянскими племенами, наложили на нихъ свое иго. Сосѣдство арабовъ дало могучій толчокъ развитію торговыхъ связей нашей равнины съ азіатскимъ Востокомъ. Монетные клады, найденные въ предѣлахъ Европ. Р., позволяютъ отнести начало этихъ связей еще къ VI, даже V в., но со второй половины VII в. онѣ быстро разростаются и принимаютъ внушительные размѣры. Посредниками между арабскими рынками и внутренними частями равнины служили хазары и камскіе болгары. Въ то же время на берегахъ Балтійскаго моря кипѣла не менѣе интенсивная торговая жизнь. Главные дѣятели этого движенія, предпріимчивые норманны, въ IX в. появляются и на внутреннихъ рѣчныхъ путяхъ равнины. Наконецъ, сѣверное черноморское побережье, усыпанное греческими колоніями, издавна входило въ сферу торговаго вліянія Византіи. Очутившись въ центрѣ всѣхъ этихъ торговыхъ движеній, славянскія племена явились поставщиками сырья на приморскіе рынки—мѣховъ, лѣса, меду, воска, рыбы и другихъ продуктовъ эксплуатаціи лѣсныхъ и рѣчныхъ природныхъ богатствъ. Въ общемъ, однако, активное участіе славянскихъ племенъ въ тогдашней торговлѣ не было значительно; торговыя движенія черезъ равнину носили транзитный характеръ. Въ IX и X вѣкахъ въ южно-русскихъ степяхъ начинаются броженія кочевыхъ ордъ, нарушившія правильное развитіе очерченныхъ выше отношеній, обрушившіяся страшной грозой на русскихъ славянъ и давшія толчокъ къ преобразованію политическаго строя южной Р. IX—X вв. заняты жаркой борьбой хозаръ, венгровъ (угровъ) и печенѣговъ, во время которой печенѣги, вытѣснивъ угровъ на З, къ нижнему Дунаю, раскидываютъ свои кочевья по всей южно-русской степи отъ Дона до Дуная, запружаютъ нижнее теченіе Днѣпра и, укрѣпившись на Ю, бросаются на мирныя поселенія русскихъ славянъ. Необходимость обороны отъ степной орды создаетъ благопріятную почву для прочнаго водворенія среди славянскихъ племенъ норманскихъ конунговъ, съ ихъ дружинами. Не менѣе самихъ славянъ заинтересованные очищеніемъ южныхъ торговыхъ путей отъ кочевыхъ варваровъ, норманны принимаютъ призывъ нѣкоторыхъ славянскихъ и финскихъ общинъ «княжить и володѣть ими». Такъ начинается процессъ переработки старыхъ племенныхъ организацій въ систему варяжскихъ княжествъ. Процессъ шелъ постепенно. Первоначально варяжскія княжества возникаютъ какъ-бы отдѣльными островками на разныхъ пунктахъ равнины. Въ IX в. намъ извѣстны три княжества на С, въ озерной области—Рюриково, Синеусово и Труворово, которыя затѣмъ сливаются въ одно, вобравъ въ себя области новгородскихъ славянъ, веси и кривичей,—и одно на Ю: княжество Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Въ X в. возникаютъ два новыхъ княжества на З: Турово и Рогволодово. Дальнѣйшее расширеніе территоріи варяжскихъ княжествъ совершается различными путями: новыя племена присоединяются добровольно къ образовавшимся уже княжескимъ центрамъ; сами князья изъ финансовыхъ и стратегическихъ побужденій насильственно распространяютъ свою власть на окрестныя земли (такъ, южное княжество Олега составилось изъ земли полянъ, подчинившихся добровольно, сѣверянъ и радимичей, которые промѣняли на подчиненіе Олегу хазарское иго, и древлянъ, покоренныхъ оружіемъ Олега); наконецъ, возникаютъ совершенно новые центры норманскаго господства, по мѣрѣ размноженія княжескаго рода, члены котораго призываются славянскими племенами на новые княжескіе столы. Лишь постепенно возникшія разновременно княжества спаиваются въ цѣльную систему, подъ господствомъ единаго рода кіевскихъ Игоревичей.

Образованіе варяжскихъ княжествъ не повлекло за собою немедленно глубокихъ перемѣнъ во внутреннемъ строѣ славянскихъ племенъ. Водворившись на княжескомъ столѣ, варяжскій конунгъ не думалъ разставаться съ походной ладьей и надолго сохранилъ еще въ своей дѣятельности черты странствующаго искателя военной добычи. По отношенію къ призывавшему его племени онъ становился въ положеніе князя-кормленщика, военнаго стража осѣдлыхъ поселеній, получавшаго за свои услуги вознагражденіе въ видѣ дани. Его правительственная дѣятельность, при такой постановкѣ его власти, не могла воздѣйствовать на измѣненіе внутренняго политическаго быта. Политическое объединеніе племенъ оставалось чисто внѣшнимъ, не сопровождаясь реорганизаціей стараго племеннаго суда и управленія. Не затронувъ внутренняго строя древнихъ племенъ, появленіе варяжскихъ князей дало замѣтный толчекъ развитію ихъ внѣшнихъ—военныхъ и торговыхъ—сношеній. Князья освобождаютъ славянъ отъ хазарскаго ига, вступаютъ въ дѣятельную борьбу съ печенѣгами, становятся во главѣ военно-торговыхъ экспедицій на Византію и на далекіе берега

Библиотека "Руниверс"

Каспійскаго моря. Но и эти совмѣстныя предпріятія не сглаживаютъ обособленности варяжскихъ князей, съ ихъ дружинами, отъ управляемаго ими славянскаго населенія. Типичный представитель варяжскихъ князей этого періода, Святославъ, дѣлаетъ даже попытку совсѣмъ порвать съ славянскимъ приднѣпровьемъ и перенести базисъ своихъ военныхъ набѣговъ въ придунайскую Болгарію. Лишь къ концу X и началу XI в. совершается болѣе тѣсное сближеніе варяжскихъ и славянскихъ элементовъ въ жизни древне-русскихъ княжествъ. Немногочисленный контингентъ варяжскихъ пришельцевъ растворяется въ массѣ туземнаго населенія; въ дѣятельности князей и ихъ дружинъ рѣзче обозначаются заботы о земскомъ строеніи, «нарядѣ» подчиненныхъ имъ областей; князь-авантюристъ превращается въ князя-правителя. Одновременно съ этимъ отдаленныя воинственныя экспедиціи и партизанская война съ пограничными кочевыми степняками смѣняются систематической обороной границъ, возведеніемъ оборонительныхъ линій «городовъ», правильной военной колонизаціей опасныхъ окраинъ. Перерожденіе характера княжеской власти, успѣхи болѣе устойчивой политической организаціи, вмѣстѣ съ попытками регулированія древнихъ обычныхъ отношеній, находятъ поддержку и опору въ важномъ культурномъ фактѣ—принятіи христіанства. Представители церковной іерархіи—въ подавляющемъ большинствѣ греки — явились на первыхъ порахъ естественными союзниками князей въ законодательной переработкѣ народнаго обычая, какъ продукта языческой старины. Греческое духовенство приноситъ съ собой, вмѣстѣ съ новой религіей, новыя политическія понятія о правахъ и обязанностяхъ правителя и подданныхъ, представленіе о князѣ, какъ о пастырѣ народа, отвѣтственномъ передъ Богомъ за благосостояніе подвластнаго ему общества. Эти новыя понятія проникали въ массу также туго, какъ и новая религія, но они несомнѣнно дѣйствовали на князей, давая религіозную санкцію начавшемуся перелому въ характерѣ ихъ дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, усиленіе государственнаго элемента въ княжеской политикѣ, сказавшееся въ княженіе Владиміра св. и Ярослава I, не привело къ подавленію стараго вѣчевого строя. Авторитетность народнаго вѣча даже нѣсколько болѣе окрѣпла, когда въ XI стол. возникла окончательно оформленная система княжествъ, обнявшая всю ту часть Р., которая жила тогда политической жизнью. Въ основу этой системы легли два начала: 1) родовые счеты членовъ размножившагося княжескаго рода Ярославичей и 2) областные интересы старинныхъ земель. Первое начало вытекало изъ общепризнанной фикціи, по которой политическая власть надъ всей русской землей считалась коллективнымъ достояніемъ рода Ярославичей, а пользованіе опредѣленными долями общеродового достоянія обусловливалось для каждаго отдѣльнаго князя степенью его родоваго старшинства. Князь садился на тотъ или другой «столъ» временно, впредь до измѣненія его относительнаго старшинства въ родѣ. Старѣйшіе князья занимали болѣе южныя княженія, какъ болѣе выгодные и въ то же время болѣе опасные. Съ каждой перемѣной въ личномъ составѣ княжескаго рода происходило общее перемѣщеніе всѣхъ князей по столамъ, сообразно измѣнившимся отношеніямъ въ степеняхъ старшинства. Конечнымъ пунктомъ этого «лѣствичнаго восхожденія» князей по столамъ являлось кіевское княжество: оно отдавалось самому старшему князю, бывшему для всѣхъ другихъ членовъ рода «въ отца мѣсто». Наряду съ княжескими счетами въ образованіи этой системы участвовали и земско-племенные интересы; такъ, основой для опредѣленія границъ самыхъ княжествъ XI—XIII вв. послужили старыя племенныя «земли». То были княжества кіевское, черниговское, переяславское, сѣверское, галицкое, волынское, пинско-туровскія, полоцкое, смоленское, рязанско-муромское, ростовско-суздальское и, наконецъ, сѣверныя новгородскія земли. Въ развитіи и разложеніи этой системы, сопровождавшемся кровавой борьбой различныхъ княжескихъ линій, сказалось взаимодѣйствіе тѣхъ же двухъ факторовъ. Ближайшимъ поводомъ междукняжескихъ столкновеній служили родовые счеты князей. Размноженіе княжескаго рода затрудняло отчетливое опредѣленіе мѣста каждаго князя въ общемъ распорядкѣ; изъ столкновеній личныхъ княжескихъ интересовъ возникли спорныя казуистическія толкованія отдѣльныхъ случаевъ. Все это затрудняло примѣненіе установившагося первоначально порядка во всей его чистотѣ. Столкновенія, возникавшія между князьями, разрѣшались «судомъ божіимъ», т. е. вооруженной усобицей. Хроническая усобица въ свою очередь подрывала авторитетъ родового преданія, ставила силу выше права, пріучала видѣть источникъ власти надъ княжествомъ въ насильственномъ захватѣ княжескаго стола. Старый распорядокъ, потрясенный запутанностью родовыхъ счетовъ, вытѣсняется новымъ, *вотчиннымъ,* при которомъ лѣствичное передвиженіе князей по столамъ смѣняется обособленіемъ отдѣльныхъ княжескихъ линій въ предѣлахъ фамильныхъ владѣній, наслѣдуемыхъ по нисходящей линіи. Смѣна стараго порядка новымъ прошла два фазиса. Усобицы XI в. выдвинули вопросъ о князьяхъ *изгояхъ* (см.). Не желая совсѣмъ лишиться «части» въ русской землѣ, изгои стремятся укрѣпить за собой княженія своихъ отцовъ. Это стремленіе сталкивается съ притязаніями другихъ князей, основанными на правилахъ «лѣствичнаго восхожденія». Вспыхиваетъ усобица, въ которой, по призыву самихъ князей, участвуютъ новые степные кочевники, смѣнившіе печенѣговъ половцы. Представителями изгоевъ являются въ этой борьбѣ черниговскіе князья, сыновья Святослава Ярославича. Усобица заключается съѣздомъ князей въ Любечѣ (1097), на которомъ право сыновей на отцовскую вотчину получаетъ общее признаніе. Усобицы XII в. вызываются стремленіемъ распространить тотъ же вотчинный принципъ и на обладаніе кіевскимъ великокняжескимъ столомъ. Во имя этого прин-

Библиотека "Руниверс"

ципа Мономаховичи стремятся устранить отъ кіевскаго стола Ольговичей и въ частности младшая линія Мономаховичей старается отрѣзать доступъ къ Кіеву представителямъ старшей линіи. Одновременно развертываются двѣ усобицы, постоянно переплетающіяся другъ съ другомъ. Онѣ завершаются полнымъ распаденіемъ стараго распорядка, торжествомъ вотчиннаго принципа, окончательнымъ закрѣпленіемъ удѣловъ за отдѣльными княжескими линіями. Междукняжескіе родовые счеты служили, однако, лишь наиболѣе выпуклымъ выраженіемъ отмѣченной политической эволюціи, не исчерпывая собою ея содержанія. Наряду съ интересами князей сказывались интересы «земель», вошедшихъ въ составъ княжествъ. Крѣпость первоначальнаго единства княжескаго рода опиралась на тѣсную общность этихъ земскихъ интересовъ. Политическое главенство Кіева въ ряду другихъ княжескихъ столовъ было создано его экономическимъ значеніемъ, которое, въ свою очередь, опредѣлилось его географическимъ положеніемъ. Господствуя надъ среднимъ и нижнимъ теченіемъ Днѣпра, Кіевъ являлся главнымъ объединительнымъ центромъ тѣхъ торговыхъ связей съ черноморскими рынками, которыя имѣли коренное значеніе для экономической жизни областей, включенныхъ въ систему древнихъ княжествъ. Послѣдовавшее затѣмъ занятіе южно-русскихъ степей азіатскими кочевниками, а также перемѣщеніе главныхъ торговыхъ путей Европы, питавшихъ ранѣе черноморскую торговлю, парализовало торговыя сношенія Р. съ черноморскими рынками и вмѣстѣ съ тѣмъ разорвало, мало по малу, взаимныя экономическія связи отдѣльныхъ русскихъ областей. По мѣрѣ того, какъ князья все болѣе сживались съ внутренними земскими интересами управляемыхъ ими областей, въ этихъ интересахъ получали все бо́льшее преобладаніе центробѣжныя стремленія. Разобщеніе единаго княжескаго рода на обособленныя линіи явилось лишь внѣшнимъ политическимъ выраженіемъ послѣдовательнаго роста этого областного партикуляризма. Родовые счеты князей быстро теряли свое реальное жизненное значеніе и превращались въ собраніе условныхъ формулъ, прикрывавшихъ болѣе глубокіе процессы междуобластной жизни. Начавшаяся такимъ образомъ переработка стараго политическаго уклада южной Р. была насильственно прервана опустошительнымъ вторженіемъ новыхъ варваровъ — татаръ, и новый *удѣльный* порядокъ, возникшій на смѣну стараго *очередного,* получилъ возможность развиться лишь на сѣверо-востокѣ Р. примѣнительно къ мѣстнымъ природнымъ условіямъ, весьма отличнымъ отъ южнаго приднѣпровья.

Быстрое исчезновеніе древнѣйшей южно-русской цивилизаціи подъ ударами дикихъ варваровъ въ значительной мѣрѣ объясняется недостаточностью достигнутыхъ ея развитіемъ результатовъ. Политическій и соціальный строй древнѣйшей Р. X—XIII вв. отличался грубостью и примитивностью. Въ основаніи политическаго строя лежалъ дуализмъ княжеской и вѣчевой власти; но ни взаимное отношеніе этихъ двухъ властей, ни внутренняя организація самаго вѣча не опирались на твердо установленныя начала. Не смотря на отсутствіе правильной періодичности собраній, вѣче несомнѣнно являлось правомѣрно дѣйствующимъ учрежденіемъ. Оно существовало повсемѣстно; его компетенція обнимала собою избраніе и призываніе князей, вопросы внѣшней политики — заключеніе мира и объявленіе войны, внутреннее законодательство— заключеніе *ряда* съ княземъ, контроль надъ администраціей и судопроизводствомъ, рѣшеніе отдѣльныхъ государственныхъ вопросовъ. Однако, при всей полнотѣ своего политическаго значенія вѣче не устраняло настоятельной потребности въ князѣ («тяжко бяше кіяномъ, не осталось бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Кіевѣ»), въ виду отсутствія правильной организаціи. Составъ вѣча, порядокъ созыва его и ходъ совѣщаній, способъ выработки вѣчевыхъ постановленій—все было предоставлено случаю. Фактически вѣче могло получать значеніе лишь въ чрезвычайные моменты народной жизни, при наличности сильныхъ и опредѣленныхъ массовыхъ настроеній, которыя могли объединить значительную часть мѣстнаго населенія. Въ обычное время вѣче заступалось княземъ, полнота власти котораго совпадала съ полнотой власти вѣча. Помимо управленія, суда, военнаго дѣла, князь, наряду съ вѣчемъ и независимо отъ него, обладалъ законодательными функціями (законы Ярослава и его сыновей о кровной мести, законы Владиміра Мономаха о рѣзѣ и т. п.). Отсутствіе опредѣленнаго порядка отношеній между вѣчемъ и княземъ открывало широкій просторъ для насильственныхъ столкновеній и лишало государственную жизнь устойчивыхъ основаній. Третій правительственный органъ древне-русскихъ княжествъ—дружинная дума — не занимала самостоятельнаго положенія въ строѣ государственныхъ учрежденій и представляла собою совѣтъ при князѣ, политическое значеніе котораго всецѣло опредѣлялось соціальнымъ положеніемъ дружиннаго класса. Управленіе отдѣльными округами входившими въ составъ княжествъ, было организовано на началахъ *кормленія* (см.). Сословная группировка древне-русскаго общества отличалась такой же малорасчлененностью и грубостью очертаній, какъ и строй государственныхъ учрежденій. Главнымъ основаніемъ общественнаго дѣленія служилъ наиболѣе элементарный признакъ—фактъ личной свободы. Общество дѣлилось на свободныхъ, полусвободныхъ и рабовъ. Въ средѣ самихъ свободныхъ древній законъ отмѣтилъ лишь одно дальнѣйшее дѣленіе—на дружинниковъ и свободныхъ, не принадлежащихъ къ дружинѣ, при чемъ принадлежность къ дружинѣ обусловливалась исключительно личной близостью къ князю. Юридически однородная масса свободныхъ людей подверглась, однако, замѣтному фактическому расчлененію, экономическими факторами котораго являлись землевладѣніе и торговый капиталъ. Памятники древнѣйшаго періода не содержатъ указаній на мобилизацію земельныхъ владѣній; земля еще не служитъ въ то время предметомъ оборота, не

Библиотека "Руниверс"

выбрасывается на рынокъ, но понятіе земельной собственности уже зарождается, особенно въ средѣ князей и дружинниковъ, которые, благодаря частымъ переходамъ изъ области въ область, раньше другихъ классовъ общества чувствуютъ потребность фиксировать свое право на занятыя ими земли. Такъ въ средѣ дружинниковъ формируется особый классъ землевладѣльцевъ — бояръ. Торговый капиталъ служитъ еще болѣе сильнымъ факторомъ общественной дифференціаціи. Памятники вскрываютъ съ достаточною ясностью антагонизмъ денежной аристократіи и экономически зависимой отъ нея массы—антагонизмъ, засвидѣтельствованный какъ фактами частыхъ возстаній черни изъ-за экономическаго гнета, такъ и попытками князей регулировать экономическія отношенія законодательнымъ порядкомъ (законы о рѣзѣ). Слабо развитая государственная организація представляла, однако, еще слишкомъ ненадежную охрану для свободы лица, въ результатѣ чего въ древней Р. слагается—обычная принадлежность примитивныхъ обществъ—классъ полусвободныхъ (см. Закупы). Разнообразіе соціальныхъ конфликтовъ осложнялось, наконецъ, существованіемъ класса рабовъ, многочисленность котораго доказывается какъ значительнымъ вывозомъ рабовъ на иностранные рынки, такъ и разнообразіемъ источниковъ рабства. Междукняжескіе счеты, междуобластная рознь, соціально-экономическіе антагонизмы внутри каждой области, наконецъ культурный расколъ между христіанскимъ меньшинствомъ и массой, фактически коснѣвшей въ старомъ языческомъ міровоззрѣніи, — все это держало кіевскую Р. въ состояніи хаотическаго броженія неустановившихся элементовъ, а примитивная государственная организація, скудное юридическое сознаніе не могли противопоставить этому броженію сколько-нибудь надежныхъ сдерживающихъ рамокъ. Вотъ почему южная Р. не обнаружила достаточной силы сопротивленія натиску степныхъ кочевниковъ. Борьба со степью, не прекращавшаяся въ теченіе всего древнѣйшаго періода, завершилась полнымъ разгромомъ приднѣпровской Р. Попытки Владиміра и Ярослава организовать систематическую оборону отъ печенѣговъ не предотвратили новаго пароксизма борьбы. Въ 30-хъ гг. XI ст. печенѣги опять бросаются на Кіевъ, тѣснимые съ востока торками и половцами. Въ теченіе тридцатилѣтія (1030—1060) кипитъ страшная бойня между Днѣпромъ и Дунаемъ. Нападая на Р. и отбиваясь отъ торковъ, печенѣжская орда разлагается на взаимно враждебныя колѣна и медленно переваливаетъ за Дунай, увлекая за собой торковъ. Часть торковъ снова возвращается на Р. и, вновь разбитая Владиміромъ Мономахомъ, осѣдаетъ, въ видѣ пограничныхъ военныхъ поселеній, въ Р. Въ это время къ степнымъ границамъ Р. придвигаются половцы. Весь XII в. уходитъ на борьбу съ новыми пришельцами. Наибольшая ея тяжесть падаетъ на княжества Черниговское, Сѣверское и Переяславское. Характеръ борьбы видоизмѣнялся по княжествамъ. Сѣверскіе князья предпочитаютъ оборонительную политику, военную колонизацію окраинъ, сооруженіе укрѣпленныхъ линій, сначала по Пселу, Ворсклѣ, Коломаку, а затѣмъ и въ бассейнѣ Донца. Отважный походъ Игоря Святославича (1185) далеко вглубь степи, воспѣтый въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», явился рѣзкимъ отступленіемъ отъ оборонительной системы и повлекъ за собой полный разгромъ укрѣпленныхъ линій, отъ котораго княжество начало оправляться лишь спустя 6 лѣтъ. Въ Переяславскомъ княжествѣ, болѣе обнаженномъ со стороны половецкой степи, все время идетъ наступательная борьба въ видѣ отдѣльныхъ княжескихъ набѣговъ на половецкія кочевья; въ тоже время и сама Переяславская земля почти ежегодно опустошается половецкими вторженіями. Княжество выходитъ изъ этой борьбы совершенно обезсиленнымъ; половцы занимаютъ всю территорію между Ворсклой и Сулой и отбрасываютъ осѣдлое населеніе за Сулу. Къ началу XIII в. наступаетъ нѣкоторая умиротворенность въ русско-половецкихъ отношеніяхъ, но послѣдовавшій затѣмъ татарскій погромъ привелъ къ полному запустѣнію южнаго Приднѣпровья. Славянское населеніе частью было истреблено, частью отхлынуло на С, въ болѣе безопасныя области, соотвѣтствующія сѣв. частямъ нынѣшнихъ губерній Орловской, Тульской и Рязанской, частью затерялось, въ видѣ жалкихъ остатковъ, среди половецкихъ и татарскихъ кочевій и растворилось въ инородческой массѣ. Съ этого времени южная Р. надолго отрывается отъ общаго хода русской исторической жизни. Въ XIV ст. значительная часть территоріи древне-русскихъ княжествъ входитъ въ составъ литовскаго государства, вмѣстѣ съ которымъ присоединяется къ Польшѣ. Лишь въ XVII в. Приднѣпровье примыкаетъ къ Московскому государству, сохраняя, однако, на долго особый соціальный и административный укладъ, развившійся въ эпоху борьбы мѣстнаго населенія съ польскими государственными порядками (см. исторію Малороссіи).

Древнѣйшій «кіевскій» періодъ русской исторіи представляетъ собою вполнѣ законченный циклъ историческихъ явленій. Въ процессахъ политическомъ и соціальномъ не усматривается непосредственнаго преемства между этимъ прологомъ исторіи Р. и ея дальнѣйшимъ движеніемъ. Такое преемство можно прослѣдить лишь въ явленіяхъ этнографическаго порядка. Сойдя съ исторической сцены, древнія племена русскихъ славянъ дали матеріалъ для новыхъ этнографическихъ образованій, которымъ принадлежала будущность. Не затронутое бурями степной борьбы, славянское населеніе древней Волыни и Галиціи явилось ядромъ малорусскаго племени, которое въ нѣсколько пріемовъ (XIII—XVII вв.) разливается по запустѣвшей послѣ тюркскихъ и монгольскихъ погромовъ южной степи. Древніе кривичи стали предками бѣлоруссовъ. Наконецъ, встрѣча новгородскихъ славянъ, кривичей, вятичей съ древне-финскими племенами центральной Р. положила начало племени великорусскому.

Сѣверо-восточная Р. XIII—XV вв.—Коло-

Библиотека "Руниверс"

низаціонное движеніе славянъ вглубь финскаго сѣв.-вост., вслѣдствіе свойствъ колонизуемой страны, шло впередь весьма медленно. Лишь къ XII в. замѣчаются ощязательные результаты этого движенія. Къ болѣе ранней эпохѣ можно отнести возникновеніе лишь четырехъ или пяти крупныхъ колонизаціонныхъ центровъ (Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль, Муромъ—городъ у Клещина озера). Дальнѣйшее заселеніе Окско-волжскаго бассейна происходитъ уже на глазахъ исторіи, втеченіе XII и XIII вв. Въ связи съ ходомъ и условіями этой колонизаціи въ сѣв.-вост. Р. возникаетъ своеобразный политическій порядокъ. Природныя условія—сплошной лѣсъ и болото—разбивали колонистовъ на разрозненныя небольшія кучки, терявшіяся въ лѣсномъ лабиринтѣ въ видѣ отдѣльныхъ поселковъ, починковъ, займищъ. Предѣлы первоначальныхъ колонизаціонныхъ округовъ послужили политическими границами возникавшихъ здѣсь новыхъ княжествъ. Ставъ во главѣ колонизаціоннаго движенія, князья явились здѣсь вотчинниками новозаселенныхъ пространствъ и, прочно осѣвъ на своихъ удѣлахъ, въ качествѣ ихъ безраздѣльныхъ собственниковъ, сосредоточили свою дѣятельность на ихъ дальнѣйшемъ расширеніи и обогащеніи. Удѣльныя княжества явились здѣсь съ самаго начала фамильнымъ достояніемъ княжескихъ семействъ, наслѣдовались князьями по нисходящей линіи и послѣдовательно дробились между сонаслѣдниками. Возникшая такимъ образомъ новая система сѣв.-вост. княжествъ состояла изъ нѣсколькихъ великихъ княженій, постепенно разбивавшихся на болѣе мелкіе второстепенные удѣлы. Въ началѣ XIII в. старѣйшее Владимірское княженіе имѣло въ своемъ составѣ четыре удѣла: ростовскій, переяславскій юрьевскій и стародубскій. Ко второй половинѣ XIII в. оно выдѣлило три новыхъ удѣла: суздальскій, костромской и московскій; Ростовское княжество выдѣлило удѣлы ярославскій и углицкій; Переяславское — тверской и дмитровогалицкій. Въ каждомъ изъ этихъ удѣловъ безостановочно шло, затѣмъ, дальнѣйшее дробленіе (XIV и XV вв.); на особенно дробныя доли разбились княжества Ярославское и Ростовское. Тотъ же процессъ совершался и въ другихъ княжествахъ — Рязанскомъ, Нижегородскомъ, Смоленскомъ. Взаимныя отношенія всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ княжествъ характеризуются полной разобщенностью владѣльческихъ интересовъ ихъ князей. Союзы, которые заключались между князьями и закрѣплялись договорными грамотами, являлись не столько признакомъ политической солидарности, сколько попытками урегулированія обостреннаго взаимнаго соперничества, лежавшаго въ основѣ междукняжескихъ отношеній. Это соперничество возникало, прежде всего, на почвѣ стремленія каждаго князя поднять возможно выше промышленную культуру своего удѣла, расширить ея площадь на счетъ окрестнаго дикаго лѣса и для этого привлечь себѣ возможно бо́льшее количество способнаго къ труду населенія. Составъ и строй общества сѣверовосточной Россіи удѣльной эпохи благопріятствовалъ обостренію этой междукняжеской конкурренціи въ погонѣ за населеніемъ. Вслѣдствіе измѣнившихся условій народнаго труда, общество въ сѣверовосточной Россіи явилось болѣе простымъ и болѣе подвижнымъ по своему составу, чѣмъ въ южномъ Приднѣпровьи. Сосредоточеніе народной дѣятельности на земледѣльческомъ хозяйствѣ и сельскихъ промыслахъ, малоразвитость хозяйственныхъ оборотовъ, скудость торговаго капитала устраняли рѣзкую дифференціацію между городскими и сельскими классами. Экономически общество дѣлилось на классъ землевладѣльцевъ (князья, бояре, слуги вольные, духовныя учрежденія) и классъ земледѣльцевъ (вольные крестьяне-арендаторы чужихъ земель и рабы-страдники). Эти классы не составляли сплоченныхъ земскихъ союзовъ. Экстенсивный характеръ эксплуатаціи природныхъ богатствъ обрекалъ населеніе на подвижную, бродячую жизнь, такъ какъ и само земледѣльческое хозяйство, съ его отраслями, носило кочевой характеръ. Междукняжескіе договоры санкціонировали, съ своей стороны, полную свободу народнаго передвиженія, такъ какъ отрицаніе этой свободы со стороны князя грозило-бы ему прекращеніемъ притока свѣжихъ переселеній въ его княжество. Свобода переселеній не распространялась лишь на тѣ общественные слои, которые стояли внѣ нормальнаго гражданскаго общежитія: рабовъ и полусвободныхъ слугъ. Итакъ, одновременно съ превращеніемъ на сѣверовостокѣ въ осѣдлыхъ вотчинниковъ своихъ удѣловъ, все прочее населеніе, обреченное на постоянное скитальчество, утратило прежнія общинныя связи и юридическое положеніе свободнаго лица въ удѣльномъ княжествѣ стало опредѣляться не принадлежностью къ тому или другому мѣстному міру, а личнымъ «рядомъ» съ мѣстнымъ княземъ, дѣйствіе котораго могло быть прекращаемо по усмотрѣнію одной изъ договаривающихся сторонъ. Порядокъ управленія, установившійся въ сѣверовосточныхъ княжествахъ, соотвѣтствовалъ указаннымъ измѣненіямъ въ характерѣ княжеской власти и общественнаго строя. Вѣче, еще существовавшее въ немногихъ древнѣйшихъ городахъ сѣверовостока, исчезаетъ въ новыхъ удѣльныхъ княжествахъ. Управленіе сосредоточивается въ рукахъ князя и его слугъ, получающихъ отъ князя въ кормленіе отдѣльные административные округа. Земли раздѣляются на *дворцовыя*, эксплуатируемыя княжескими холопами или свободными крестьянами, обязанными ставить на дворецъ продукты натурой, *черныя*, сдаваемыя свободнымъ земледѣльцамъ на оброкъ, и *служилыя*, т. е. освоенныя боярами и вольными слугами князя, а также духовными учрежденіями. Населеніе дворцовыхъ и черныхъ земель управлялось кормленщиками изъ состава княжихъ вольныхъ слугъ — боярами введенными и путниками, намѣстниками и волостелями; населеніе вотчинъ привилегированныхъ частныхъ землевладѣльцевъ управлялось самими землевладѣльцами, на основаніи жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ князь передавалъ вотчинникамъ право обложенія

Библиотека "Руниверс"

и суда надъ населеніемъ ихъ вотчинъ. Условія и размѣры этихъ пожалованій въ отдѣльныхъ случаяхъ были различны. Обыкновенно важнѣйшія уголовныя дѣла оставались все-таки подсудными мѣстному областному кормленщику. Единственнымъ объединяющимъ началомъ для всей этой дробной системы кормленныхъ округовъ являлась власть князя, раздававшаго кормленія и жалованныя грамоты. При князѣ собиралась *дума*. Дѣятельность ея въ этотъ періодъ носитъ характеръ случайныхъ собраній при князѣ тѣхъ введенныхъ бояръ, съ которыми князь считалъ нужнымъ посовѣтоваться по поводу отдѣльныхъ случаевъ правительственной практики. Описанный порядокъ, общій всѣмъ сѣверо-восточнымъ княжествамъ XIII—XIV вѣковъ, не распространялся на обширную область, захваченную новгородской военно-промышленной колонизаціей—озерный край, побережье Ледовитаго океана съ примыкающимъ къ нему на Ю Вологодскимъ краемъ, сѣв. часть Уральскаго хребта и Прикамье. Вмѣсто княжескихъ удѣловъ передъ нами развертывается здѣсь міръ новгородскихъ пригородовъ и погостовъ, развивающихся по образцу своей метрополіи—новгородской городской общины. Расширеніе тянувшей къ Новгороду территоріи и ростъ политическихъ вольностей новгородскаго народоправства шли параллельно. Древнѣйшее ядро новгородской колонизаціи составили новгородскія пятины. Къ половинѣ XI вѣка новгородская колонизація достигаетъ бассейновъ Онеги и Сѣв.-Двины (Земля Двинская или Заволочье), къ половинѣ XII вѣка бассейна Вычегды (Пермская земля), въ XIII в. —бассейна Печоры, распространяясь къ востоку отъ Урала на Югру и къ сѣверу отъ Ладожскаго озера—на всю область до Кольскаго полуострова (Тре или Терскій берегъ). Наконецъ, въ XIV вѣкѣ новгородцы достигаютъ бассейна Камы и Вятки. Зачатки вѣчевого народоправства въ Новгородѣ относятся еще къ древнѣйшему періоду. Свобода отъ внѣшнихъ погромовъ, пресѣкшихъ эволюцію вѣчевого уклада въ южной Россіи, и участіе въ балтійской торговлѣ обезпечили для Новгорода его дальнѣйшее развитіе. Съ XII вѣка устанавливаются правильныя торговыя связи Новгорода съ готландскими и нѣмецкими купцами; въ тоже время новгородское вѣче эмансипируется отъ подчиненія князю и присвоиваетъ себѣ право избранія высшей свѣтской и церковной администраціи—посадника, тысяцкаго, владыки. XIII в. является эпохой высшаго расцвѣта какъ и заморской торговли Новгорода—онъ вступаетъ въ ганзейскій союзъ,—такъ и его промышленной колонизаціи вглубь сѣверовостока и политическаго авторитета его вѣча. Страдая тѣми же пробѣлами, что и въ южной Россіи, вѣчевая организація Новгорода Великаго имѣла за то глубокіе корни во всемъ строѣ мѣстнаго быта, завершая собою цѣлую систему крупныхъ и мелкихъ самоуправляющихся общественныхъ союзовъ, которые имѣли свои вѣча и свои выборные исполнительные органы. Князь, призываемый вѣчемъ, занялъ въ Новгородѣ второстепенное мѣсто наемнаго слуги, съ точно ограниченной сферой дѣятельности, и былъ, кромѣ того, поставленъ подъ постоянный контроль выборнаго посадника. Общественный строй Новгорода Великаго также представлялъ собою дальнѣйшее развитіе древнѣйшихъ началъ славяно-русской жизни. Какъ и въ Кіевской Россіи, основой общественнаго дѣленія явился здѣсь торговый капиталъ. Сосредоточеніе капитала создало новгородскую боярскую аристократію, въ экономической зависимости отъ которой стояли капиталисты средней руки—*житьи люди*—и второстепенные торговые агенты—*купцы*. Низшіе слои населенія состояли изъ *черныхъ людей*—городского пролетаріата, *своеземцевъ*—мелкихъ земельныхъ собственниковъ, *смердовъ* и *холоповъ*, сидѣвшихъ на земляхъ Великаго Новгорода и на обширныхъ боярскихъ вотчинахъ и занимавшихся отчасти земледѣліемъ, отчасти и преимущественно—промышленной разработкой различныхъ угодій. Тѣ же бытовыя особенности повторялись и въ новгородскихъ пригородахъ и колоніяхъ, зависимость которыхъ выражалась въ финансовомъ обложеніи въ пользу метрополіи и въ самомъ порядкѣ управленія: посадники присылались въ пригороды изъ Новгорода, каждая пятина была приписана въ административномъ отношеніи къ одному изъ пяти концовъ Новгорода. Но эта связь не была крѣпкой; не разъ автономическія стремленія пригородовъ доходили до окончательнаго отторженія отъ Новгорода. Такъ едва не случилось съ Двинской землей, такъ дѣйствительно случилось съ Псковомъ и Вяткой.

Съ XIV вѣка и удѣльный порядокъ сѣверо-восточной Россіи, и общинно-вѣчевой порядокъ сѣверо-западной и сѣверной Россіи начинаютъ сходить съ своихъ основаній. Назрѣваютъ процессы, подготовившіе разрушеніе этихъ порядковъ и приведшіе къ собранію раздробленной Россіи въ единое Московское государство. Съ XIV в., наряду съ продолжающимся дробленіемъ сѣверо-восточной Россіи на новые удѣлы, намѣчается противоположное объединительное теченіе. Этому способствовало, прежде всего, *внѣшнее вліяніе татарскаго ига*: ханъ Золотой орды, смотря на себя, какъ на верховнаго обладателя Россіи, благопріятствуетъ объединенію князей, въ цѣляхъ бо́льшаго удобства управленія своимъ русскимъ «улусомъ»; такъ, сборъ ордынской дани съ различныхъ княжествъ поручается одному князю, за его личной отвѣтственностью передъ правительствомъ Золотой орды; тому же князю ханъ передаетъ затѣмъ и судебную власть надъ прочими князьями. Къ тому же результату вело естественное *разложеніе системы особыхъ удѣловъ*. Возвышая одного изъ князей на счетъ прочихъ, ханы лишь утилизировали въ своихъ цѣляхъ начавшуюся переработку политическихъ отношеній внутри самой Россіи. Основанная на междукняжеской конкурренціи, система сѣверо-восточныхъ княжествъ могла оказаться устойчивой лишь при полномъ равенствѣ мѣстныхъ условій во всѣхъ княжествахъ. Въ дѣйствительности, усиленный отливъ населенія изъ княжествъ, обойденныхъ благами природы, по-

Библиотека "Руниверс"

стоянно нарушалъ равновѣсіе политическихъ силъ отдѣльныхъ князей. Одно изъ княжествъ —московское—быстро возвысилось на счетъ прочихъ, благодаря своему положенію вдали отъ областей, опустошавшихся татарскими и литовскими набѣгами, и на перекресткѣ двухъ важныхъ торговыхъ путей: съ Волги къ Западной Двинѣ и изъ Новгорода въ Рязанскую область. Эти условія обезпечили московскому княжеству наиболѣе обильный притокъ населенія, поднявшій матеріальные рессурсы и политическій авторитетъ московскаго удѣла. Опираясь на эти преимущества, московскіе князья выступили «собирателями Руси» не въ качествѣ носителей отвлеченнаго принципа національнаго единства, а просто въ качествѣ болѣе счастливо обставленныхъ князей-вотчинниковъ, работавшихъ, подобно всѣмъ другимъ князьямъ своей эпохи, надъ расширеніемъ и хозяйственнымъ развитіемъ своего удѣла. Отсюда объясняется полное сходство «собирательныхъ» пріемовъ московскихъ князей съ обычными пріемами княжеской правительственной практики удѣльной эпохи. Образованіе московскаго княжества относится къ XIII в., ко времени раздробленія старой ростовской области между потомствомъ Всеволода III, сыновьями Ярослава Всеволодовича. Послѣ кратковременнаго пребыванія на московскомъ княженіи Михаила Ярославича Хоробрита здѣсь утверждается линія младшаго сына Александра Невскаго, Даніила Александровича, родоначальника московскихъ князей-собирателей. Уже Даніилъ расширяетъ московскій удѣлъ пріобрѣтеніемъ Переяславля отъ племянника князя Ивана Дмитріевича по духовному завѣщанію послѣдняго. Преемникъ Даніила, Юрій, удачнымъ набѣгомъ на Смоленскую область захватываетъ Можайскъ, а отъ Рязанскаго княжества насильственно отнимаетъ Коломну. Начиная съ Юрія, московскіе князья, по прежнему раздвигая фамильный удѣлъ осторожными пріобрѣтеніями, обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, притязанія на великое владимірское княженіе. Въ возникшей по этому поводу борьбѣ съ Тверью московскіе князья дѣйствуютъ не столько оружіемъ, сколько подкупомъ и интригами при дворѣ хана. Юрій получилъ ярлыкъ на великое княженіе, добившись въ ордѣ смерти своего соперника, тверского князя Михаила. Мстя за отца, сынъ Михаила, Димитрій, убилъ Юрія, но братъ послѣдняго Иванъ Даниловичъ Калита продолжалъ борьбу съ Тверью тѣми же средствами и съ тѣмъ же успѣхомъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія на великомъ княженіи тверскаго князя Александра Михайловича, Иванъ Калита, по порученію хана, произвелъ во главѣ татарскихъ войскъ страшную экзекуцію надъ Тверью, Новгородомъ и Рязанью, за попытки неповиновенія ханскимъ чиновникамъ, и получилъ великокняжескій ярлыкъ. Александръ Михайловичъ удалился въ Псковъ, откуда его принудили бѣжать въ Литву, наложеніемъ на псковичей церковнаго интердикта за принятіе ослушника ханской воли. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вернулъ себѣ милость хана и великокняжескій столъ, но не надолго: достаточно было одной поѣздки Ивана Калиты въ орду, чтобы окончательно погубить Александра. Великокняжеское достоинство прочно усвоивается, съ этого времени, московскими князьями. Калита переноситъ въ Москву великокняжескую и митрополичью резиденцію. Притокъ населенія въ Московское княжество увеличивается, размѣры удѣла быстро ростутъ. Со времени Калиты будущее московское единовластіе исподволь подготовляется двумя параллельными процессами: 1) московскій удѣлъ раздвигается новыми примыслами; 2) при раздѣлахъ его между князьями-сонаслѣдниками старшему изъ нихъ всегда выдѣляется большая часть, и этотъ такъ называемый «излишекъ на старѣйшій путь» съ теченіемъ времени становится все значительнѣе. Калита прикупаетъ къ своей вотчинѣ рядъ селъ въ Новгородской, Владимірской, Ростовской областяхъ и другихъ мѣстностяхъ и три города (Галичъ, Бѣлоозеро, Угличъ). Умирая, онъ завѣщаетъ Москву въ общее владѣніе всѣмъ тремъ своимъ сыновьямъ, предоставляя имъ пользоваться доходами съ Москвы поочередно и равдѣляетъ прочія владѣнія между женой и сыновьями Симеономъ, Иваномъ и Андреемъ, съ замѣтнымъ перевѣсомъ доли старшаго сына. Симеонъ Ивановичъ опять прикупаетъ къ Московскому княжеству рядъ селъ въ Переяславлѣ, Юрьевѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Дмитровѣ. Всѣ эти собственные примыслы, вмѣстѣ съ полученнымъ отъ отца удѣломъ, Симеонъ завѣщаетъ женѣ, но вскорѣ бывшія его владѣнія сосредоточиваются въ рукахъ его брата и преемника на великокняжескомъ столѣ Ивана Ивановича. Шестилѣтнее княженіе предпріимчиваго Ивана не ознаменовалось территоріальными пріобрѣтеніями, а по смерти его сосредоточившіяся въ его рукахъ владѣнія раздвоились: старый удѣлъ брата Симсона Иванъ завѣщалъ сыну своему Дмитрію, а свой собственный удѣлъ, полученный отъ отца—второму сыну Ивану, удѣлъ Андрея Ивановича перешолъ къ его сыну Владиміру. При Дмитріи Донскомъ могущество Московскаго княжества подверглось разнообразнымъ испытаніямъ и съ успѣхомъ выдержало ихъ. Пользуясь малолѣтствомъ Дмитрія и усобицей, поднявшейся въ самой ордѣ между ханами Авдуломъ и Муратомъ, суздальскіе князья на время вырываютъ великокняжескій столъ изъ рукъ московскаго княжескаго дома, но энергичная политика московскихъ бояръ заставляютъ суздальскаго князя Дмитрія Константиновича отказаться отъ своихъ притязаній. Дмитрій Ивановичъ утверждаетъ за собой великое княженіе и женится на дочери недавняго врага, суздальскаго князя Дмитрія. Затѣмъ послѣдовала борьба съ Тверью и Рязанью. Тверской князь Михаилъ Александровичъ поднимаетъ на Москву литовскаго князя Ольгерда и временно заручается отъ хана ярлыкомъ на великое княженіе. Но московскій князь уже не боится ни Литвы, ни орды. Послѣ военной неудачи подъ Москвой Ольгердъ разрываетъ съ Михаиломъ, а Дмитрій, не обращая вниманія на ханскій ярлыкъ, осаждаетъ Тверь—и Михаилъ сдается «на всю волю» его. Также удачно

Библиотека "Руниверс"

для Москвы окончилась борьба съ Рязанью: рязанскій князь Олегъ былъ разбитъ московскимъ войскомъ, согнанъ съ рязанскаго стола и замѣщенъ пронскимъ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ. Лишь помирившись съ Дмитріемъ, Олегъ вернулся на рязанское княженіе. Кромѣ того Дмитрій подчиняетъ себѣ князя ростовскаго и сгоняетъ съ княженій князей галицкихъ и стародубскихъ. Территорія Московскаго княжества увеличивается при немъ пріобрѣтеніемъ Вереи, Мещеры, Калуги, Дмитрова, Владиміра. Сильно выдвинувъ значеніе своего княжества въ средѣ прочихъ, Дмитрій дѣлаетъ крупный шагъ и къ сокращенію его внутренняго дробленія на удѣлы: все великое княженіе владимірское онъ завѣщаетъ въ *безраздѣльное* владѣніе старшему сыну Василію. Прочія владѣнія распредѣляются по прежнему между всѣми сыновьями и вдовой-княгиней, но доля старшаго сына подавляетъ своими размѣрами всѣ остальныя. При Василіи Дмитріевичѣ «собираніе» Р. дѣлаетъ крупные успѣхи. Василій «добылъ» Муромъ съ волостями и присоединилъ Суздаль, Нижній-Новгородъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. Василій Дмитріевичъ оставилъ послѣ себя единственнымъ наслѣдникомъ сына Василія, къ которому и перешло безраздѣльно все его княжество. Княженіе Василія II ознаменовалось продолжительной, кровавой усобицей между великимъ княземъ и дядей его, княземъ галицкимъ Юріемъ, искавшимъ великокняжескаго стола. Воспользовавшись помощью рязанскаго князя и князей можайскихъ, Юрій, вопреки волѣ хана, ссадилъ племянника съ Москвы на Коломну и самъ занялъ московскій столъ. Разладъ съ дѣтьми заставилъ его временно возвратить великокняжескій столъ Василію, но скоро онъ пожалѣлъ объ уступкѣ, вновь разбилъ Василія и умеръ великимъ княземъ. Борьба продолжалась сыновьями Юрія, Василіемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякой, и сопровождалась тяжелыми послѣдствіями—ослѣпленіемъ двухъ князей, отравленіемъ третьяго, татарскимъ нашествіемъ на Нижній-Новгородъ и самую Москву. Изъ періода смутъ великое княженіе вышло, однако, въ полной цѣлости и въ два послѣдующія княженія «собираніе Р.» быстро было доведено до благополучнаго окончанія. Иванъ III Васильевичъ присоединяетъ цѣлый рядъ удѣловъ, бо́льшею частью безъ особенныхъ усилій. Верейское княжество въ нѣсколько пріемовъ, по частямъ, отходитъ къ великому княженію въ силу договоровъ, пока, наконецъ, Михаилъ Ардреевичъ не отказалъ Ивану III въ духовной и всѣ остальныя части своей отчины. Съ этого времени Иванъ III начинаетъ проводить мысль о правѣ великаго князя на всѣ вымороченныя владѣнія московскихъ удѣльныхъ князей. Въ 1472 г. онъ овладѣваетъ, на основаніи этого притязанія, дмитровскимъ удѣломъ, по смерти дмитровскаго князя Юрія, своего брата, что вызываетъ протестъ другихъ братьевъ, Андрея Углицкаго и Бориса Волоцкаго, настаивавшихъ на раздѣлѣ вымороченаго удѣла, но скоро удовольствовавшихся выдѣломъ въ ихъ пользу немногихъ волостей. Впослѣдствіи Андрей Углицкій, часто возбуждавшій подозрѣнія въ крамольныхъ замыслахъ, былъ схваченъ и заточенъ Иваномъ III, его удѣлъ присоединенъ къ великому княженію. Борисъ Волоцкій мирно дождался смерти на своемъ удѣлѣ и, умирая, раздѣлилъ его между двумя сыновьями, Ѳедоромъ и Иваномъ. Вскорѣ вся доля Ивана, по его духовной, перешла къ Ивану III. — Уничтожая особные удѣлы внутри московскаго княженія, Иванъ III усердно раздвигалъ и внѣшніе предѣлы послѣдняго. Большая половина Рязанскаго княжества отошла къ Москвѣ по духовной мѣстнаго князя; присоединеніе другой половины оставалось лишь вопросомъ времени. Иванъ III привелъ въ полное послушаніе сидѣвшаго тамъ малолѣтняго наслѣдника рязанскихъ князей. Въ 1463 г. князья ярославскіе уступили ему свою отчину. Въ 1474 г. князья ростовскіе продали Ивану оставшуюся еще за ними половину Ростова. Въ 1485 г. было присоединено Тверское княжество, послѣ того какъ тверской князь Михаилъ бѣжалъ въ Литву, а тверскіе бояре толпами эмигрировали къ московскому князю, ожидая отъ него болѣе надежной охраны своихъ интересовъ. Преемнику Ивану III, Василію, оставалось уже немного дѣла по части уничтоженія самостоятельныхъ княжествъ низовой Р. Неосторожное поведеніе подросшаго рязанскаго князя дало поводъ покончить съ Рязанью. Выданный своими боярами, рязанскій князь былъ заточенъ въ Москвѣ, но спасся бѣгствомъ въ Литву. По случаю бездѣтной смерти волоцкаго князя присоединился къ Москвѣ удѣлъ волоцкій; за нимъ послѣдовали удѣлы двухъ бездѣтныхъ братьевъ Василія III — Семена Калужскаго и Дмитрія Углицкаго — и двухъ князей сѣверскихъ, стародубскаго и новгородъ-сѣверскаго. Уничтоженіе низовыхъ удѣловъ не сопровождалось борьбой мѣстнаго населенія за самостоятельность удѣльныхъ княжествъ. Подвергаясь ударамъ Москвы, удѣльные князья не находили поддержки въ управляемыхъ; напротивъ, нерѣдко руководители мѣстныхъ дружинъ устраивали выдачу своего князя московскому правительству. Право переходить отъ князя къ князю, по соображеніямъ практической выгоды, было характерной чертой удѣльнаго строя — и эта-то черта сдѣлалась одной изъ пружинъ разрушенія удѣльной системы, когда одинъ изъ князей оказался обладателемъ наиболѣе безопаснаго и наиболѣе выгодно расположеннаго удѣла.—Другой рядъ условій подтачивалъ крѣпость вольныхъ городскихъ общинъ Новгорода и Пскова и подготовилъ паденіе ихъ автономіи. Въ Новгородѣ главной причиной упадка была соціальная рознь между крупными капиталистами-боярами, сомкнувшимися въ настоящую олигархію, и низшимъ чернымъ населеніемъ, порабощаемымъ экономически и отстраняемымъ отъ участія въ политическихъ вольностяхъ городской республики. Олигархическій характеръ новгородскаго народоправства выражался: 1) въ монополизаціи выборныхъ магистратуръ тѣснымъ кружкомъ боярскихъ фамилій и 2) въ появленіи, бокъ-

Библиотека "Руниверс"

о-бокъ съ вѣчемъ, боярскаго «совѣта», который, явившись оплотомъ боярской аристократіи, быстро подавлялъ своимъ авторитетомъ значеніе вѣча. Одновременно съ развитіемъ этой соціальной розни усиливались партикуляристическія стремленія въ нѣкоторыхъ областяхъ новгородской державы. Этимъ двойнымъ антагонизмомъ—соціальнымъ и областнымъ — искусно пользуется московское правительство въ своихъ объединительныхъ цѣляхъ. При Василіи I вся Двинская земля едва не отложилась отъ Новгорода, чтобы перейти подъ власть Москвы: Новгородъ силою сдержалъ крамольныя стремленія двинскихъ бояръ. Внутренній соціальный разладъ въ новгородскомъ обществѣ дошелъ до образованія двухъ враждебныхъ партій—черныхъ людей, тянувшихъ къ Москвѣ и не видѣвшихъ основанія дорожить новгородской автономіей, и боярской партіи, искавшей опоры въ Польшѣ. Союзъ Новгорода съ Польшей позволилъ Ивану III придать борьбѣ съ Новгородомъ характеръ національно-религіознаго подвига. Послѣ перваго удачнаго похода на Новгородъ (1470) вел. князь удовольствовался казнью вожаковъ боярской партіи Борецкихъ, уничтоженіемъ договора между Новгородомъ и Казиміромъ, принужденіемъ новгородцевъ ставить архіепископа на Москвѣ и взятіемъ большого окупа. Непрекращавшаяся борьба классовъ привела къ окончательной гибели новгородскаго народоправства. Выждавъ полнаго развитія этой борьбы, Иванъ придрался къ обмолвкѣ новгородскихъ пословъ, назвавшихъ его «господаремъ», и, послѣ отказа новгородскаго вѣча санкціонировать этотъ титулъ, вновь осадилъ Новгородъ (1479) На этотъ разъ Новгородъ долженъ былъ покориться великому князю на всей его волѣ и войти въ составъ великаго княжества Московскаго. Уничтоженіе новгородскаго народоправства сопровождалось выселеніемъ многихъ мѣстныхъ жителей въ центральныя области московскаго княжества и водвореніемъ вмѣсто нихъ въ Новгородѣ московскихъ «переведенцевъ». Черезъ 10 лѣтъ (1489) таже мѣра была примѣнена къ новгородской колоніи Вяткѣ, окончательно порабощенной московскими воеводами. Что касается до Пскова, то московское правительство исподволь утвердило свое вліяніе на внутреннюю жизнь его, пользуясь его опаснымъ положеніемъ между Новгородомъ и Литвой. По отложеніи Пскова отъ Новгорода (1348), Псковъ признаетъ московскаго князя своимъ главой и соглашается избирать на псковское княженіе лицъ, угодныхъ великому князю. Въ 1399 г. эти князья принимаютъ названіе московскихъ намѣстниковъ, и постепенное расширеніе ихъ власти приводитъ къ ниспроверженію псковской автономіи. Василій II добивается права назначать псковскихъ князей-намѣстниковъ по своему усмотрѣнію, при чемъ они приносятъ присягу не только Пскову, но и великому князю. При Иванѣ III псковичи отказываются отъ права смѣщать назначенныхъ къ нимъ князей. Все это ставитъ псковскихъ князей въ полную независимость отъ вѣча и открываетъ московскому князю широкую возможность подъ любымъ предлогомъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь псковской общины. Разгромъ Новгорода отвлекъ на время вниманіе московскихъ князей отъ Пскова и отсрочилъ его паденіе, но при Василіи III московское правительство воспользовалось первымъ же столкновеніемъ псковичей съ ихъ намѣстникомъ, чтобы, подъ видомъ отправленія верховнаго великокняжескаго суда, отнять у Пскова его автономныя учрежденія. Это совершилось безъ особенныхъ потрясеній, такъ какъ самостоятельность Пскова была уже подточена предшествующимъ управленіемъ намѣстниковъ.

Московское государство XVI — XVII вв. — Успѣхи собирательной дѣятельности существенно видоизмѣнили политическую роль московскихъ князей, превративъ ихъ изъ удѣльныхъ вотчинниковъ въ представителей національныхъ интересовъ великорусской народности. Объединеніе Россіи поставило московскаго князя лицомъ къ лицу съ враждебными сосѣдями Россіи—татарами и Литвой, и сдѣлало изъ него вождя національной самообороны. Эта новая роль московскаго князя особенно ярко обозначилось въ княженіе Димитрія Донскаго, когда начались литовскіе походы подъ стѣны московскаго Кремля и когда на Куликовомъ полѣ московскій князь сталъ во главѣ общерусскаго ополченія противъ татарской орды. Съ окончательнымъ утвержденіемъ единодержавія національный характеръ власти московскаго князя принимаетъ новый оттѣнокъ и получаетъ религіозную санкцію. Въ своихъ отношеніяхъ къ подданнымъ моск. князья, начиная съ Ивана III, порываютъ съ удѣльнымъ преданіемъ. Получаетъ оффиціальное признаніе публицистическая теорія о Москвѣ—третьемъ Римѣ, о наслѣдованіи Москвой отъ порабощенной турками Византіи религіозно-политической гегемоніи на всемъ православномъ востокѣ, о наслѣдованіи московскимъ княземъ власти византійскаго царя. Бракъ Ивана III съ Зоей (Софьей) Палеологъ является какъ-бы символическимъ выраженіемъ и подтвержденіемъ этого ученія. Въ связи съ нимъ формулируется идея богоустановленности и неограниченности княжеской власти. Въ 1492 г. митрополитъ Зосима въ составленной имъ пасхаліи называетъ Ивана III «государемъ и самодержцемъ всея Р., новымъ царемъ Константиномъ въ новомъ градѣ Константина Москвѣ, всей Русской земли и иныхъ многихъ земель государемъ». Преемники Ивана III крѣпко держатся новой теоріи; Иванъ IV становится ея страстнымъ пропагандистомъ въ своихъ посланіяхъ и окончательно закрѣпляетъ ее, какъ оффиціальную традицію, принятіемъ царскаго титула. Новыя политическія идеи находятъ себѣ отраженіе какъ въ измѣненномъ дворцовомъ церемоніалѣ, во внѣшнихъ инсигніяхъ власти—царскомъ одѣяніи, государственномъ гербѣ и т. п., — такъ и въ переработкѣ государственныхъ порядковъ. Въ княженіе Ивана III и Василія III государственныя преобразованія еще ограничиваются частными опытами; въ царствованіе Ивана IV осуществляется широкая система-

Библиотека "Руниверс"

тическая государственная реформа. Эти преобразованія стоятъ въ тѣсной связи съ внѣшними отношеніями московской Р. Объединенная Р. попадаетъ въ положеніе военнаго лагеря, въ теченіе вѣковъ хронически осаждаемаго окрестными врагами. Задача національной самообороны надолго становится основной потребностью государства, односторонне напрягающею всѣ національные рессурсы въ одномъ направленіи. Со времени Дмитрія Донскаго до Ивана III московскимъ князьямъ пришлось выдержать не менѣе семи крупныхъ татарскихъ нашествій—при Дмитріи нашествіе Арапши на Рязань и Нижній, мурзы Бегича, разбитаго Дмитріемъ при Вожѣ, Мамая, разбитаго на Куликовомъ полѣ, и Тохтамыша, разорившаго самый московскій Кремль; при Василіи I нашествіе Тамерлана, затѣмъ Едигея, внезапно напавшаго на Москву, и наконецъ при Василіи II вторженіе Улу-Махмета, разорившаго Бѣлевъ, Нижній и снова продержавшаго въ осадѣ и Москву. Къ тому же времени относятся шесть столкновеній съ Литвой: три похода Ольгерда при Дмитріи Донскомъ и три года подрядъ повторявшіеся походы Василія I на Витовта, въ отвѣтъ на обнаруженныя послѣднимъ притязанія на Новгородъ и Псковъ. Съ вокняженія Ивана III задачи внѣшней борьбы еще болѣе осложняются. Татарское иго было свергнуто (1480), но опасность со стороны татаръ не потеряла своей остроты. Золотая орда разложилась на нѣсколько самостоятельныхъ ордъ, одинаково тревожившихъ русскую землю и въ тоже время враждовавшихъ другъ съ другомъ. Это втянуло московскаго князя въ сложную политическую игру. Иванъ III стремится поддерживать взаимную вражду татарскихъ царствъ въ цѣляхъ ихъ взаимнаго ослабленія. Въ Казанскомъ царствѣ онъ устанавливаетъ свое вліяніе на замѣщеніе ханскаго трона и держитъ сажаемыхъ имъ хановъ въ покорности своей волѣ. Для поддержанія этого вліянія на должной высотѣ потребовалось не менѣе пяти большихъ походовъ русской рати подъ Казань. Крымское ханство при Иванѣ III не приходило въ враждебныя столкновенія съ Москвой. Вначалѣ Крымъ былъ обезсиленъ борьбой съ Турціей и вторженіемъ золотоордынцевъ; впослѣдствіи утвердившійся въ Крыму Менгли-Гирей сдѣлался союзникомъ Ивана III въ виду общаго врага—Золотой орды. При Василіи III, послѣ паденія Золотой орды, крымскій ханъ начинаетъ соперничать съ Москвой изъ-за вліянія на Казань: московскимъ ставленникамъ на казанскій престолъ противопоставляются ставленники крымскіе. Отсюда рядъ новыхъ походовъ подъ Казань, для поддержки московскихъ ставленниковъ на казанскій тронъ, и рядъ вторженій крымскихъ Гиреевъ въ предѣлы Р. Вторженіе Менгли-Гирея охватило громадную территорію; до самой Москвы растянулись грабительскія шайки и болѣе 800 тыс. плѣнныхъ было уведено крымцами. Съ такой же послѣдовательностью разростается борьба съ Литвой. Неизсякаемымъ поводомъ къ столкновеніямъ Москвы съ Литвой служили переходы на московскую службу пограничныхъ служилыхъ князей—Воротынскихъ, Бѣльскихъ, Мезецкихъ, Вяземскихъ и т. д. Въ 1492 г. сдѣлана была попытка сближенія: литовскій князь Александръ женится на Еленѣ, дочери Ивана III, и подписываетъ трактатъ съ признаніемъ перехода служилыхъ князей къ Москвѣ и титула «государя всея Р.» за Иваномъ III. Въ 1500 г. снова открылась война, начавшаяся пораженіемъ литовцевъ при Ведрошѣ. Москва поднимаетъ на Литву крымцевъ, Литва выдвигаетъ противъ Москвы ливонскій орденъ, магистръ котораго Плеттенбергъ причиняетъ Москвѣ немалый уронъ осадой Пскова. Война закончилась новымъ договоромъ (1503), подтверждавшимъ постановленія прежняго. Война возгорѣлась вновь при Василіи III, вслѣдствіе перехода къ Москвѣ литовскаго вельможи князя Михаила Глинскаго. Послѣдовали три кампаніи (1513—14), увѣнчавшіяся взятіемъ Смоленска. Измѣна Глинскаго возобновила борьбу. Въ 1514 г. русскіе потерпѣли сильное пораженіе при Оршѣ. Начались переговоры, при посредствѣ цезарскаго посла Герберштейна (по совѣту Глинскаго Василій III еще въ началѣ своего княженія вступилъ въ сношенія съ имп. Максимиліаномъ). Переговоры не привели ни къ чему: обѣ стороны не хотѣли уступить Смоленска. Только въ 1522 г. было заключено перемиріе, по которому Смоленскъ остался за Москвой. Въ царствованіе Ивана IV внѣшняя борьба сохраняетъ прежнюю напряженность. Въ первую половину царствованія она сосредоточивается на восточной окраинѣ. Построеніе Свіяжской крѣпости (1550), подчиненіе Москвѣ приволжской горной черемисы рѣзко усилило московское вліяніе на казанское царство. Сажая на казанскій тронъ своего ставленника Шигъ-Али, Иванъ IV «отписалъ» всю горную сторону Казани къ г. Свіяжску. Это былъ подготовительный шагъ къ уничтоженію самостоятельности Казан. царства. Обычное обращеніе противумосковской партіи къ ногаямъ и крымцамъ вызвало царскій походъ подъ Казань, кончившійся покореніемъ царства (1551); вслѣдъ затѣмъ была покорена и обложена ясакомъ Башкирія. Взаимныя ссоры между ногайскими князьками облегчили покореніе Астрахани (1556). На агрессивную политику Москвы по отношенію къ татарскимъ ханствамъ Крымъ отвѣтилъ рядомъ новыхъ побѣговъ на южную Р. При моск. дворѣ образовалась партія, съ Сильвестромъ и Адашевымъ во главѣ, выдвигавшая планъ покоренія Крыма. Планъ этотъ рушился съ паденіемъ Сильвестра и Адашева, но южная окраина не переставала привлекать вниманіе Москвы. За Крымомъ стояла Турція. Султанъ Солиманъ требовалъ отъ Р. Казани, Астрахани и даже подчиненія царя. По приказу изъ Константинополя крымскій ханъ въ 1570—71 г. вторгся въ Р. и, отразивъ русское войско у Серпухова, явился подъ стѣнами Москвы. Была минута, когда Иванъ IV готовъ былъ согласиться на уступку Астрахани. Все это требовало усиленныхъ мѣръ по укрѣпленію границъ со стороны южной степи. При Иванѣ IV на степной Украинѣ организовывается

Библиотека "Руниверс"

систематическая оборонительная служба, правильно распредѣленная система разъѣздовъ «станичниковъ», т. е. сторожевыхъ отрядовъ, которые должны были наблюдать за состояніемъ степи въ военномъ отношеніи. Не смотря на страхъ татарскаго нашествія, Р. втянулась еще въ борьбу за Ливонію, наполнившую всю вторую половину царствованія Ивана IV. Война началась опустошительными русскими вторженіями въ Ливонію. Слабый ливонскій орденъ не выдержалъ этого натиска и распался на части, подѣленныя между Швеціей, Даніей, Польшей и польскимъ вассаломъ, герцогомъ курляндскимъ. Борьба съ орденомъ превратилась для Р. въ борьбу съ цѣлой группой европейскихъ державъ. Пока Швеція столкнулась съ Даніей, Иванъ IV вступилъ въ борьбу съ Польшей и Литвой за обладаніе Ливоніей. Неудачи заставили Ивана IV согласиться на трехлѣтнее перемиріе. Мысль о завоеваніи Ливоніи смѣняется планомъ созданія тамъ зависимаго отъ Р. вассальнаго государства. Датскій принцъ Магнусъ получаетъ отъ Ивана IV титулъ короля Ливоніи и предпринимаетъ осаду Ревеля. Это сплотило противъ Р. Швецію и Польшу. Польскій король Стефанъ Баторій быстро завоевалъ всю Ливонію, до самого Пскова. Неуспѣшная осада Пскова задержала дѣйствія Баторія, за то въ это время шведы заняли Эстляндію. И Швеція, и Польша усердно подстрекали на Москву крымцевъ. Въ этотъ критическій моментъ Иванъ IV воспользовался посредничествомъ Рима (въ лицѣ Поссевина), гдѣ питали виды на Москву по части католической пропаганды и союза противъ Турціи. Въ 1582 г. Иванъ IV добился перемирія на десять лѣтъ, цѣною отказа отъ притязаній на Ливонію. Въ 1583 г. заключено было перемиріе и съ Швеціей, съ оставленіемъ за нею всѣхъ завоеваній въ Эстляндіи. Описанная непрерывная военная борьба наложила рѣзкую печать на весь строй слагавшагося Московскаго государства. Она задала госуд. власти тяжелыя и неотложныя задачи гораздо раньше, чѣмъ естественная эволюція экономическихъ и соціальныхъ отношеній успѣла выработать надежныя средства къ ихъ успѣшному разрѣшенію. Въ экономическомъ отношеніи объединенная Москвою сѣверовосточная Р. едва начинала сходить съ ступени первобытной эксплуатаціи природныхъ, преимущественно зоологическихъ богатствъ. Общественная группировка носила самый элементарный характеръ. Между тѣмъ, очередная задача національной самообороны заставляла правительственную власть обращать вниманіе не столько на дальнѣйшее развитіе народнаго благосостоянія, сколько на мобилизацію всѣхъ наличныхъ рессурсовъ государства. Этимъ основнымъ стремленіемъ проникнуты всѣ преобразованія, предпринятыя московскимъ правительствомъ въ XV—XVI вѣкахъ. Въ это время совершается постепенно прикрѣпленіе всѣхъ общественныхъ классовъ къ различнымъ видамъ государственной службы и тягла. Взамѣнъ «вольныхъ княжескихъ слугъ» удѣльной эпохи формируется классъ «служилыхъ людей», обязанныхъ государству ратной службой; остальное населеніе составляетъ классъ «людей тяглыхъ», раздѣляющихся на людей «посадскихъ»—торгово-промышленныхъ тяглецовъ — и людей уѣздныхъ, крестьянъ разныхъ наименованій—тяглецовъ земледѣльческихъ. Организація всѣхъ этихъ классовъ была разсчитана на одну цѣль: возможно бо́льшее напряженіе боевыхъ и платежныхъ силъ населенія. Въ основу какъ распредѣленія населенія по «чинамъ», т. е. различнымъ общественнымъ состояніямъ, такъ и внутренняго устройства каждаго «чина» легло начало принудительной правительственной регламентаціи. Служилые люди разбивались на столичныхъ или «московскихъ» и провинціальныхъ или «городовыхъ». Въ московскихъ чинахъ служили потомки бывшихъ удѣльныхъ князей, старой дружины Московскаго княжества и верхнихъ слоевъ бывшихъ дружинъ низовыхъ удѣловъ. Ими замѣщались три чина боярской думы этой эпохи: бояре, окольничьи и думные дворяне. Московскіе чины недумные представляли собою соединительное звено между столичными и провинціальными элементами служилаго класса: съ нихъ начинали карьеру члены высшихъ слоевъ служилыхъ людей, чтобы потомъ продвинуться за порогъ боярской думы—и въ нихъ кончали карьеру отборные провинціальные дворяне, за особое отличіе переводимые на столичную службу. Такимъ обрѣзомъ служба московскихъ чиновъ строилась на двухъ основаніяхъ: «отечества» или породы и выслуги. Породою обусловливались крайніе возможные предѣлы служилой карьеры; выслуга опредѣляла степень успѣховъ внутри этихъ предѣловъ. Сплетеніе обоихъ принциповъ породило своеобразный институтъ мѣстничества, которымъ регулировались взаимныя отношенія служилыхъ фамилій. Организація провинціальнаго служилаго класса опиралась уже исключительно на принципъ выслуги. Въ составъ его входили: 1) потомки низшихъ слоевъ бывшихъ удѣльныхъ дружинъ и 2) новоприборные люди, поверстанные въ дворяне и дѣти боярскіе изъ простыхъ людей, вольноотпущенныхъ холоповъ, гулящихъ людей и т. п. Провинціальные служилые люди были сформированы въ рядъ уѣздныхъ служило-землевладѣльческихъ корпорацій, членами которыхъ являлись всѣ служилые землевладѣльцы уѣзда. Въ 1550 г. былъ осуществленъ первый опытъ устройства такой корпораціи въ предѣлахъ Московскаго уѣзда. Черезъ 6 лѣтъ этотъ порядокъ былъ распространенъ на всю территорію Московскаго государства. Присылаемые изъ столицы «разборщики» распредѣляли членовъ каждой такой корпораціи, сообразно со степенью ихъ служебной годности, по тремъ «статьямъ»: дѣтей боярскихъ городовыхъ, несшихъ легкую гарнизонную службу и лишь изрѣдка выступавшихъ въ болѣе близкіе походы, дѣтей боярскихъ дворовыхъ, ходившихъ въ болѣе отдаленные походы, и дѣтей боярскихъ выборныхъ, которые, помимо участія въ отдаленныхъ походахъ, отправляли еще временныя очередныя службы въ столицѣ, а иногда и окончательно переходили въ ряды столичной служилой массы. Матеріальнымъ обезпеченіемъ службы являлись земельные

Библиотека "Руниверс"

надѣлы, которые жаловались служилымъ людямъ изъ государственныхъ земель по установленнымъ окладамъ, пропорціонально служебнымъ тягостямъ, и назывались помѣстьями (см.). Отдѣльные случаи помѣстныхъ раздачъ княжескимъ слугамъ встрѣчаются въ Московскомъ княжествѣ уже довольно рано. Къ половинѣ XVI столѣтія, одновременно съ окончательной организаціей служилаго класса, устанавливается и правильная помѣстная система; размѣры помѣстныхъ окладовъ приводятся въ строгое соотвѣтствіе съ размѣрами службы, точно опредѣляется порядокъ полученія помѣстной дачи. Хотя специфическіе признаки помѣстнаго владѣнія—неотчуждаемость и пожизненность—и не распространялись на *вотчины* (см.), т. е. на земли, унаслѣдованныя или благопріобрѣтенныя путемъ гражданскихъ сдѣлокъ или пожалованныя государемъ въ полную наслѣдственную собственность, тѣмъ не менѣе и вотчинное землевладѣніе получило служилый характеръ: размѣры вотчинъ принимались во вниманіе при опредѣленіи величины помѣстной дачи; законъ началъ стѣснять свободу отчужденія вотчинъ за предѣлы служилаго класса, чтобы «земля изъ службы не выходила». Прикрѣпленіе вольныхъ слугъ къ государевой службѣ, обезпечиваемой земельнымъ надѣломъ, опиралось на другой соціальный процессъ—закрѣпощеніе нѣкогда свободнаго земледѣльческаго крестьянства. Затяжная задолженность крестьянской массы у кредиторовъ-землевладѣльцевъ, соединенная съ обязательствомъ погашать долгъ работой, превратила въ фикцію право свободнаго крестьянскаго перехода и привела къ вырожденію крестьянскаго передвиженія въ незаконный побѣгъ и въ крестьянскій вывозъ, т. е. выкупъ крестьянина у его кредитора другимъ помѣщикомъ, съ переводомъ крестьянскаго долга на его новаго владѣльца. Быстрое развитіе этихъ явленій привлекло къ нимъ вниманіе правительственной власти. Судебники Ивана III и Ивана IV не пошли далѣе такихъ ограниченій крестьянскаго перехода, которыя вытекали изъ чисто хозяйственныхъ мотивовъ (установленіе сроковъ для переходовъ примѣнительно къ началу и концу полевыхъ работъ и т. п.). Но съ конца XVI в. правительство, побуждаемое челобитьями заинтересованныхъ землевладѣльцевъ, приступаетъ къ подробной законодательной разработкѣ вопроса о крестьянскихъ побѣгахъ и крестьянскомъ вывозѣ и приходитъ, въ концѣ концовъ, къ введенію назрѣвшаго факта крестьянскаго прикрѣпленія въ общую систему государственныхъ учрежденій. Указъ 1597 г. установилъ пятилѣтнюю давность для отысканія бѣглыхъ крестьянъ, указъ 1607 г. превратилъ крестьянскіе побѣги изъ частно-гражданскихъ правонарушеній, преслѣдуемыхъ частнымъ искомъ потерпѣвшаго, въ государственное преступленіе, пресѣкаемое административно-полицейскими органами и карaемое государствомъ. Регулированіе крестьянскаго вывоза вызвано было также чисто государственнымъ мотивомъ поддержки мелкаго землевладѣнія противъ конкурренціи крупнаго. Въ отвращеніе полнаго отлива крестьянскаго населенія съ мелкихъ земельныхъ участковъ указы 1601—2 гг. оставляютъ право вывоза лишь въ средѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, запрещая пользованіе имъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Ограничивая вывозъ и преслѣдуя побѣгъ, правительство этимъ самымъ молчаливо признавало полное уничтоженіе крестьянскаго перехода. Указъ 1607 г., признавъ крестьянъ закрѣпленными за тѣми владѣльцами, за которыми они были записаны по писцовымъ книгамъ 1592—93 гг., окончательно возвелъ фактъ крестьянскаго прикрѣпленія въ узаконенную норму. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ крестьянству, какъ и къ служилому классу былъ примѣненъ принципъ безвыходности общественныхъ состояній. Зависимость крестьянъ отъ владѣльца превратилась какъ бы въ государственную повинность, состоящую въ обязанности обезпечивать своимъ подневольнымъ трудомъ служилоспособность землевладѣльца. Въ этомъ политическомъ своемъ назначеніи крѣпостная зависимость крестьянъ нашла и свои границы: законъ ставилъ предѣлы зависимости крестьянина отъ владѣльца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она или не отвѣчала прямо, или даже противорѣчила вышеуказанному политическому назначенію крестьянской закрѣпощенности. Въ отличіе отъ уѣзднаго крестьянства, посадское населеніе прикрѣпляется къ торгово-промышленному тяглу, падающему на посадскіе дворы, лавки и капиталы. Члены посадской общины, подобно членамъ уѣздныхъ дворянскихъ корпорацій, разбиваются на три статьи: людей лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, на основаніи расцѣнки ихъ «животовъ и промысловъ», т. е. опредѣленія ихъ сравнительной тяглоспособности. Болѣе крупные капиталисты изъ среды посадскихъ людей переводились въ столицу, гдѣ они составляли классъ гостей, гостинной и суконной сотенъ. Этотъ высшій слой посадскаго класса несъ и наиболѣе тяжелыя и отвѣтственныя службы торговопромышленнаго характера, долженъ былъ вкладывать свои капиталы въ финансовыя предпріятія казны, завѣдывать эксплуатаціей наиболѣе важныхъ отраслей государственнаго хозяйства, брать на откупъ наиболѣе крупныя статьи казеннаго дохода. Совокупность постановленій относительно посадскаго класса превращала торгово-промышленную дѣятельность посадскаго населенія въ такую же обязательную государеву службу, какою являлись ратная повинность служилыхъ людей и подневольный земледѣльческій трудъ крѣпостного крестьянства. Но экономическое развитіе русскаго города далеко отставало отъ законодательныхъ предначертаній. Фактически экономическая дифференціація города и деревни представлялась еще въ зародышѣ. Въ городахъ новгородско-псковскаго края почти все населеніе сидѣло на пашнѣ. На южной окраинѣ города являлись по преимуществу стратегическими пунктами и были переполнены ратными людьми. Только въ городахъ центральной Р. посадское населеніе дѣйствительно преобладало; за то именно здѣсь всего рѣзче сказывались послѣдствія закрѣпостительной политики по отношенію къ по-

Библиотека "Руниверс"

садскому классу. Строгое обложеніе посадскимъ тягломъ зарождавшейся лишь городской промышленности тормозило ея развитіе и заставляло посадское населеніе «брести разно», оставляя города «въ пустѣ».

Параллельно съ реорганизаціей общественныхъ классовъ создавался новый порядокъ управленія объединенной Р. Въ эпоху собиранія Р. политическое объединеніе бывшихъ удѣловъ не сопровождалось уничтоженіемъ ихъ административной особности. Завершеніе собирательной дѣятельности поставило на очередь административную реформу. Въ основаніе реформы центральныхъ учрежденій легли два начала: 1) разграниченіе частнаго государева хозяйства или спеціально-дворцоваго вѣдомства отъ государственнаго управленія, выразившееся первоначально въ раздѣленіи государства на опричнину и земщину, и 2) замѣна личныхъ административныхъ порученій системою устойчивыхъ учрежденій. Боярская дума получаетъ точно оформленную организацію и въ отношеніи личнаго состава—думное сидѣніе дѣлается спеціальною повинностью высшихъ слоевъ служилаго класса, и въ отношеніи порядка дѣлопроизводства. Въ компетенціи думы, которая по прежнему является участницей всѣхъ отправленій правительственной дѣятельности государя, все рѣзче выступаетъ на первый планъ ея законодательное значеніе: постановленія думы по отдѣльнымъ случаямъ правительственной практики получаютъ силу общаго закона. Управленіе земщиной распредѣляется между *четями*—областными приказами, вѣдомство которыхъ носитъ территоріальный характеръ, при чемъ территорія каждой чети слагается изъ совокупности отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, разбросанныхъ по разнымъ областямъ государства въ прихотливой чрезполосицѣ. Вѣдомство четей получило по преимуществу финансовый характеръ. Наряду съ этимъ нѣкоторыя наиболѣе важныя отрасли управленія выдѣляются въ особыя вѣдомства, различающіяся уже по роду дѣлъ и распространяющія свою компетенцію на всю территорію государства. Сюда относятся такія учрежденія, какъ разрядъ, вѣдавшій службу служилаго класса, помѣстный приказъ, вѣдавшій служилое землевладѣніе, посольскій приказъ, вѣдавшій дипломатическія сношенія съ иностранными государствами и т. п. (см. Приказы). Реорганизація мѣстнаго управленія заключалась въ постепенной переработкѣ старинной системы кормленій. Первоначально ставятся лишь извѣстные предѣлы произволу кормленщиковъ: «уставныя грамоты» нормируютъ бремя кормленныхъ поборовъ, упрощается процедура судебнаго преслѣдованія кормленщиковъ заинтересованными сторонами за противоуставные поборы, съуживается компетенція кормленщиковъ умноженіемъ случаевъ обязательнаго переноса рѣшенныхъ ими дѣлъ въ высшую московскую инстанцію. Наконецъ, кормленная администрація совершенно замѣняется новыми органами выборнаго земскаго управленія. Установленная реформами XVI ст. выборная служба получила характеръ натуральной государственной повинности, возложенной на населеніе. Выборные, «излюбленные» люди вѣдали не мѣстные общественные интересы, а отбывали, подъ личной отвѣтственностью и подъ отвѣтственностью избирателей, возложенныя на нихъ казенныя порученія. Таковы были и земскіе старосты, вѣдавшіе раскладку податей между членами податныхъ союзовъ, разверстку тяглой земли, сборъ и доставку въ казну казенныхъ платежей и нѣкоторыя обязанности полицейскаго характера, и губные старосты, вѣдавшіе уголовную полицію, и вѣрные головы, приставленные къ эксплуатаціи косвенныхъ сборовъ. Установленіе выборной администраціи взамѣнъ кормленій косвенно вызывалось реорганизаціей служилаго класса. Введеніе помѣстной системы отняло у кормленій прежнее значеніе, какъ средства матеріальнаго обезпеченія служилаго класса; въ тоже время ихъ дальнѣйшее существованіе должно было отрывать служилыхъ людей отъ возложенной на нихъ ратной службы. Организація земскаго самоуправленія и мотивы его введенія непосредственно примыкали, такимъ образомъ, къ общей системѣ государственныхъ преобразованій XV—XVI вв. Завершеніемъ этой системы явились возникшіе въ XVI в. земскіе соборы. Они представили собой лишь совмѣщеніе въ одномъ учрежденіи тѣхъ двухъ началъ, которыя дѣйствовали раздѣльно въ центральномъ и областномъ управленіи: начала приказной бюрократической службы, представленнаго на соборахъ личнымъ составомъ центральныхъ государственныхъ учрежденій, и начала натуральной общественной повинности, на которомъ было построено областное управленіе и которое было положено въ основу соборнаго представительства служилаго и торгово-промышленнаго класса. Кругъ государственныхъ преобразованій замыкался мѣрами по устройству войска и финансовъ. Основное ядро войска составляла помѣстная конница. Конные дворянскіе полки формировались изъ уѣздныхъ служилыхъ отрядовъ, которые являлись въ сборные пункты «конны, людны и оружны». Ежегодно весной и лѣтомъ выставлялись на опасныя границы три сформированныя изъ такихъ полковъ арміи: одна по Окѣ близъ Коломны, другая по Клязьмѣ близъ Владиміра, третья по Литовской границѣ. Осенью служилые люди распускались по усадьбамъ. На ряду съ помѣстной конницей появляется, затѣмъ, *стрѣлецкое* войско—постоянная пѣхота, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ и вознаграждаемая не помѣстными дачами, а денежнымъ жалованьемъ. Ростъ военныхъ потребностей вызвалъ организацію государственныхъ налоговъ. Въ тѣсной связи съ военными расходами въ сродинѣ XVI в. создается рядъ спеціальныхъ военныхъ податей. Съ возложеніемъ ратной повинности на классъ служилыхъ людей, наибольшее количество податного бремени было переведено на прочіе слои населенія (см. выше: Финансы).

Совокупность перечисленныхъ реформъ превращала только-что объединенную сѣверо-восточную Р. въ военную монархію съ сильной развитой государственной властью, съ насе-

Библиотека "Руниверс"

леніемъ, принудительно стянутымъ въ служилые и податные, обязанные круговой отвѣтственностью союзы, съ самыми слабыми зачатками общественной иниціативы и торгово-промышленнаго развитія. Жизнеспособность этого своеобразнаго строя основывалась на его соотвѣтствіи реальнымъ очереднымъ нуждамъ государства. Опираясь на него, Московское государство XV—XVI вв. не только выдержало страшный натискъ воинственныхъ сосѣдей, но и успѣло раздвинуть свои предѣлы, преимущественно въ южномъ и юго-восточномъ направленіи. Къ концу XVI в. крайними точками оборонительныхъ форпостовъ на южной Украинѣ являлись Бѣлгородъ и Воронежъ, тогда какъ въ началѣ вѣка предѣльной линіей южной военной колонизаціи служило побережье Оки въ мѣстностяхъ нынѣшнихъ Тульской и Рязанской губерній. Въ то же время на юго-востокѣ въ составъ государственной территоріи постепенно всасывается среднее и южное Поволжье, а на востокѣ казацкія экспедиціи перекидываются за Уралъ и достигаютъ бассейна Оби. Оказывая такія услуги дѣлу національной самообороны, политическая система Московскаго государства все-же ложилась тяжелымъ бременемъ на населеніе, проводилась на практикѣ путемъ кроваваго террора, соединялась съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ народныхъ рессурсовъ, далеко отставшихъ отъ роста государственныхъ потребностей. Поэтому она не переставала вызывать разнообразные какъ пассивные, такъ и активные протесты. Пассивные протесты выражались въ повальномъ уклоненіи массъ отъ службъ и податей, въ бѣгствѣ тяглецовъ въ козачество и въ несвободныя состоянія, въ ростѣ недоимокъ. Активный протестъ принялъ характеръ борьбы между московскимъ правительствомъ и боярствомъ. Боярство выставило на своемъ знамени старыя удѣльныя преданія, отжившія дружинныя права отъѣзда и ряда. Борясь за историческіе анахронизмы, дробясь на взаимно-враждующіе роды, боярство размѣняло политическую борьбу на дворцовыя интриги и династическіе счеты. Въ отвѣтъ на оппозицію боярства монархическое правительство, начиная съ Ивана III, вступило на путь террора. Поводомъ для проявленія борьбы при Иванѣ III явился вопросъ о престолонаслѣдіи. Боярская партія становится на сторону внука Ивана III, Дмитрія, вѣнчаннаго на великое княженіе, но затѣмъ развѣнчаннаго въ пользу Василія, сына Ивана отъ второго брака съ Софіей Палеологъ. Партія Софіи являлась представительницей новыхъ государственныхъ понятій и порядковъ. Боярство встрѣтило побѣду этой партіи крамольными заговорами, за что важнѣйшіе бояре—Ряполовскій, Патрикѣевы—поплатились смертью или ссылкой. При Василіи III и боярскія крамолы, и правительственный терроръ сохраняютъ прежній характеръ. Кн. Холмскій заточается въ тюрьму; Берсеню Беклемишеву, за ѣдкую критику новыхъ порядковъ, отрѣзываютъ языкъ. По смерти Василія III, въ малолѣтство Ивана IV, власть попадаетъ въ руки выдающихся боярскихъ фамилій, но при этомъ всего ярче обнаруживается отсутствіе у боярства опредѣленной политической программы и корпоративнаго единства. Бояре теряютъ время въ взаимной враждѣ, принимающей не политическій, а фамильный характеръ. Враждебныя партіи группируются вокругъ Шуйскихъ и Бѣльскихъ. Представители этихъ фамилій нѣсколько разъ мѣняются ролями, послѣдовательно перебивая другъ у друга власть и губя своихъ соперниковъ. Въ 1542 г. главой правленія окончательно становится Андрей Шуйскій, который и сохраняетъ за собой это положеніе до того момента, когда подросшій среди боярскихъ смутъ царь вдругъ дѣлаетъ порывистый шагъ къ самостоятельной власти, повелѣвъ схватить Шуйскаго и бросить на смерть псарямъ. При Иванѣ IV правительственный терроръ получаетъ характеръ систематическаго истребленія родовитаго боярства. Отписаніе земель на содержаніе учрежденной въ 1564 г. опричнины сопровождалось разгромомъ крупнаго вотчиннаго землевладѣнія, а послѣдовавшія въ эпоху опричнины казни повели къ поголовному истребленію наиболѣе видныхъ боярскихъ родовъ, потомковъ удѣльныхъ княжескихъ линій. Борьба московскихъ государей съ боярствомъ привела, такимъ образомъ, къ важной соціальной метаморфозѣ, смѣнѣ родословной знати новымъ боярствомъ, число служилаго происхожденія. Эта метаморфоза была существенно облегчена кризисомъ землевладѣльческаго хозяйства центральной Р., вызваннаго усиленнымъ отливомъ земледѣльческаго населенія на южныя окраины, ближе къ плодородному чернозему и дальше отъ московскихъ властей. Запустѣніе центральнаго пространства лишало бояръ-вотчинниковъ матеріальной опоры въ страшный для нихъ моментъ царскаго террора.

Разгромъ крамольнаго боярства не обезпечилъ московскаго государства отъ внутреннихъ потрясеній. Вслѣдъ за смертью Ивана Грознаго вспыхиваетъ смута. То была бурная реакція всѣхъ слоевъ населенія противъ предшествовавшаго режима, сдавившаго народную самодѣятельность. Смута явилась одновременно и политической, и соціальной революціей. Возстаніе противъ государственнаго порядка приняло форму междоусобицы общественныхъ классовъ, такъ какъ основная черта этого порядка—сословная спеціализація государственныхъ повинностей — порождала какъ разъ острый антагонизмъ сословныхъ интересовъ: антагонизмъ рядовой служилой массы противъ московскаго боярства, закрѣпощеннаго крестьянства противъ землевладѣльческаго дворянства, тяглыхъ посадскихъ людей противъ разночинцевъ-бѣломѣстцевъ. Первый актъ смуты состоялъ въ стремленіи боярства провести *политическую* реформу, ввести въ дѣйствующее право новое основаніе государственнаго порядка — *ограничительную запись*, которая обезпечила-бы боярству правомѣрное воздѣйствіе на верховную власть. Это стремленіе не увѣнчалось успѣхомъ, благодаря продолжавшейся междубоярской розни. Уже царствованіе Ѳедора явилось прелюдіей къ этому боярскому періоду смуты. При Ѳедорѣ развертывается усобица четырехъ боярскихъ партій: двухъ группъ титулованнаго боярства—Геди-

Библиотека "Руниверс"

миновичей (Голицыныхъ, Бѣльскихъ, Мстиславскихъ) и Рюриковичей (Шуйскихъ)—и двухъ группъ нетитулованнаго боярства—потомковъ старыхъ дружинниковъ (Романовыхъ-Юрьевыхъ) и свѣжихъ выходцевъ (Годуновыхъ). Первоначально Годуновъ разъединяетъ двѣ вѣтви титулованнаго боярства, сближаясь съ Бѣльскими противъ Шуйскихъ. Затѣмъ, съ возвышеніемъ Годунова, всѣ княжескія фамиліи составляютъ противъ него коалицію, которая терпитъ полное фіаско. Сначала слѣдуетъ разгромъ Гедиминовичей, потомъ падаютъ и Шуйскіе, послѣ неудачной попытки расторгнуть бракъ Ѳедора съ сестрой Годунова, Ириной. Тотчасъ по смерти Ѳедора боярство выдвигаетъ идею ограничительной записи. Наиболѣе сильный кандидатъ на царство, Годуновъ, умышленно затягиваетъ вопросъ о замѣщеніи трона, выжидая, пока проектъ ограничительной записи разстроится самъ собой подъ вліяніемъ боярскихъ разногласій. По занятіи трона Годуновъ, угрожаемый титулованнымъ и родовитымъ боярствомъ, пытается создать нѣчто въ родѣ демократической монархіи, ищетъ популярности у средняго служилаго слоя и пролетаріата и возобновляетъ терроръ по отношенію къ боярству. Отвѣтомъ на этотъ терроръ послужило подготовленное не безъ участія бояръ появленіе перваго самозванца. Царствованіе Лжедмитрія не могло не быть краткимъ. Случайное орудіе чужихъ притязаній, Лжедмитрій былъ силенъ лишь во время борьбы съ Годуновымъ, по устраненіи котораго бояре перестали нуждаться въ немъ. Искусно сыгравъ на національно-религіозной струнѣ народной толпы, Шуйскіе свергли Лжедмитрія и расчистили себѣ путь къ трону. Съ воцареніемъ Шуйскаго идея ограничительной записи была осуществлена, но все содержаніе записи свелось къ нѣкоторымъ гарантіямъ личной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, безъ упоминанія о какихъ-либо политическихъ ограниченіяхъ царской власти. Даже и этими гарантіями бояре не съумѣли воспользоваться во всемъ ихъ объемѣ. Не достигнувъ своей цѣли, боярскія партіи всколыхнули своими безпокойными движеніями низшіе слои населенія, которые, выступивъ на сцену, скоро обратились противъ самого боярства. Мѣстныя возстанія низшихъ массъ сливаются при Шуйскомъ въ крупное движеніе, надвигающееся съ южной Украйны подъ руководительствомъ бѣглаго холопа Болотникова. Начинается соціальная революція: казаки, холопы, крестьяне обрушиваются на помѣщичьи усадьбы и воеводскія канцеляріи. Одновременно съ этимъ районъ Тулы, Венева, Каширы, Рязани является очагомъ броженія провинціальной служилой массы, вождями которой становятся Сумбуловъ, Пашковъ, Ляпуновы. Оба ополченія, холопско-казацкое и служило-помѣщичье, соединились, но не надолго, ибо ихъ программы были діаметрально противоположны. Ихъ разъединеніе спасло Шуйскаго. Ляпуновы принесли повинную, ополченіе Болотникова было разбито подъ Тулой. Боярство, временно соединившись съ дворянствомъ, подавило возстаніе крестьянъ и холоповъ. Съ этого момента смута принимаетъ новый оттѣнокъ. Поочередное выступленіе на арену борьбы отдѣльныхъ слоевъ общества смѣняется совмѣстнымъ скопищемъ представителей всѣхъ классовъ подъ знаменемъ «тушинскаго вора». Движеніе тушинцевъ получаетъ безпрограммный, анархическій характеръ, что и подрываетъ его престижъ въ глазахъ болѣе охранительно настроенныхъ элементовъ населенія. Въ воспоминаніяхъ о смутѣ дѣятельность тушинцевъ обозначилась мрачными, отталкивающими чертами, а личность Михаила Скопина-Шуйскаго, приведшаго Москвѣ шведскую помощь противъ Тушина, подверглась идеализаціи. Помимо дѣйствій Скопина, сила тушинцевъ была подорвана вступленіемъ въ предѣлы Р. польскаго короля Сигизмунда. Русскіе тушинцы, съ Салтыковымъ во главѣ, заключаютъ съ Сигизмундомъ (1610 г.) договоръ о принятіи московской короны королевичемъ Владиславомъ. Этотъ договоръ заключалъ въ себѣ подробно развитый планъ государственной реформы, съ ясно просвѣчивающими сословно-дворянскими тенденціями. Статьи договора разбивались на три группы. Первая касалась національно-религіознаго вопроса и имѣла въ виду огражденіе неприкосновенности православной вѣры и церкви и предотвращеніе господства иноземцевъ въ управленіи. Вторая группа была посвящена политическому вопросу; здѣсь, кромѣ воспроизведенія гарантій личной неприкосновенности, выраженныхъ въ записи Шуйскаго, устанавлялись и политическія гарантіи—изданіе новыхъ законовъ и введеніе новыхъ налоговъ обусловливалось согласіемъ совѣта бояръ и *всей земли*. Третья группа, трактовавшая соціальный вопросъ, отличалась, въ противоположность второй, рѣзкимъ консерватизмомъ: въ ней выговаривалось запрещеніе крестьянскаго перехода и обѣщаніе не давать никакихъ вольностей холопамъ. Вскорѣ послѣ заключенія этого договора вожди служилаго дворянства, составивъ заговоръ, свергли Василія Шуйскаго. Въ этотъ моментъ боярство попыталось перетянуть у дворянства на свою сторону кандидатуру Владислава. Запертые въ Москвѣ между тушинцами и арміей Жолкѣвскаго, бояре вступили съ послѣднимъ въ переговоры и приняли договоръ 1610 г., съ немногими измѣненіями. Москва присягнула Владиславу; польское войско было впущено въ Москву. Занятіе Москвы поляками и невыясненность вопроса о вѣроисповѣданіи будущаго царя послужили поводомъ къ острому озлобленію народной массы на московскихъ бояръ. Пользуясь критическимъ положеніемъ боярства, рядовое дворянство еще разъ выступаетъ на сцену. Ляпуновъ формируетъ новое ополченіе, къ которому опять примыкаютъ казацко-холопскіе элементы, подъ начальствомъ Трубецкаго и Заруцкого. Замѣчательной попыткой придать этому ополченію твердую организацію явился актъ 30 іюня 1611 г.: созванный въ ополченіи земскій соборъ, исключительно изъ служилыхъ людей, декретировалъ установленіе правительственнаго тріумвирата изъ Ляпунова, Трубецкого и Заруцкаго, съ ограниченною властью. Законодательная власть отходила къ собору, которому,

Библиотека "Руниверс"

кромѣ того, присвоивалось право административныхъ назначеній и окончательнаго утвержденія приговоровъ о смертной казни и ссылкѣ. Тріумвиры обязывались отчетностью передъ соборомъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Въ заключеніе подтверждалась необходимость крестьянскаго закрѣпощенія. Этотъ актъ не предотвратилъ развитія соціальной розни среди ополченія и самъ Ляпуновъ палъ ея жертвой: казаки зарубили его саблями. Смута достигла высшаго развитія: родовитое боярство было окончательно дискредитировано; рядовое дворянство, выставившее опредѣленную политическую программу, не находило точки опоры для ея реализаціи; масса не имѣла ни программы, ни организаціи, и была способна лишь къ стихійному броженію. При общей анархіи Р. серьезно грозило иноземное вторженіе. Но эта внѣшняя опасность и дала исходъ смутѣ, выдвинувъ на первый планъ интересъ національный и религіозный, временно объединившій взаимно-враждебные классы. Новое національно-религіозное движеніе выразилось въ перепискѣ между городами и въ ополченіи Минина и Пожарскаго. Какъ въ исторіи этого ополченія, такъ и въ ходѣ избирательнаго собора 1613 г., оффиціально завершившаго смуту, наряду съ теченіями національнымъ и религіознымъ сказалось и третье — охранительное, вызванное реакціею противъ только-что пережитой смуты. На соборѣ 1613 г., сопровождавшемся усиленной избирательной агитаціей, старыя партіи въ послѣдній разъ свели счеты. Прежде всего соборъ принципіально устранилъ всѣ иноземныя кандидатуры—польскаго и шведскихъ королей, а также татарскихъ служилыхъ царевичей; затѣмъ были поочередно устранены кандидатуры всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ предшествующихъ событіяхъ — Голицына, Мстиславскаго, Трубецкого, Пожарскаго. Постепенно все сильнѣе выдвигалась кандидатура Михаила Романова, также не безъ вліянія усиленной агитаціи, руководимой Филаретомъ, Морозовымъ и особенно Ѳ. И. Шереметевымъ. Успѣхъ этой кандидатуры былъ облегченъ неприкосновенностью кандидата къ событіямъ смуты и родственною связью Романовыхъ съ прежней династіей.

Ближайшіе политическіе результаты смуты не оказались прочными. Назрѣвшія въ эпоху смуты идеи избирательной и ограниченной монархіи не пустили глубокихъ корней. Царь Михаилъ при воцареніи подписалъ ограничительную запись. Его преемникъ Алексѣй, также какъ и Михаилъ *выбранный* на царство, уже не далъ на себя «письма». При воцареніи Ѳедора не было примѣнено и выборное начало. Больше живучести обнаружило третье начало, если не порожденное, то сильно выдвинутое и расширенное смутой — начало соборнаго представительства. Первая половина XVII в. представляетъ высшій расцвѣтъ соборной дѣятельности; соборы созываются постоянно, устанавливается нѣчто въ родѣ соборныхъ сессій, продолжающихся по нѣсколько лѣтъ, расширяются рамки соборной компетенціи и соборнаго представительства. Но со второй половины XVII в. постепенно замираетъ и дѣятельность соборовъ, вырождающихся затѣмъ въ совѣщанія правительства съ свѣдущими людьми отдѣльныхъ «чиновъ» по поводу нѣкоторыхъ очередныхъ вопросовъ. При непрочности политическихъ результатовъ смуты, она оказала, однако, замѣтное, хотя и косвенное вліяніе на ускореніе намѣтившихся еще ранѣе соціально-экономическихъ процессовъ. Она довершила разгромъ старой боярской аристократіи и выдвинула, на счетъ родовитаго боярства, верхніе слои провинціальнаго дворянства; она обострила еще болѣе кризисъ земледѣльческаго хозяйства, расширивъ запустѣніе нѣкогда культурныхъ земель; она остановила успѣхи русской колонизаціи на южной окраинѣ, гдѣ возобновились по старому татарскіе набѣги; она окончательно разстроила платежныя силы тяглаго населенія. Сильно сокративъ народные ресурсы, на которые могла опираться государственная власть при своей устроительной дѣятельности, смута не устранила ни одной изъ тѣхъ задачъ, на которыя уходили всѣ силы Московскаго государства. Внѣшнія войны и внутреннія смуты по прежнему держатъ государство въ непрерывномъ напряженіи. Войны XVII в. вначалѣ носятъ характеръ прямыхъ послѣдствій смуты, но затѣмъ далеко выходятъ за эти рамки. Съ воцареніемъ Михаила предстояло вернуть Новгородъ и Смоленскъ отъ шведовъ и поляковъ и заставить Владислава отказаться отъ притязаній на московскій престолъ. Въ 1613 г. открылась война съ Швеціей. Послѣ четырехлѣтнихъ военныхъ дѣйствій неудачная для шведовъ осада Пскова и посредничество Англіи вызвали мирные переговоры. Англія хлопотала о перемиріи, стараясь—но безуспѣшно—получить за посредничество право свободной торговли черезъ Р. съ Персіей и Индіей. По Столбовскому миру 1617 г., Новгородъ съ его областью вернулся къ Москвѣ, но за Швеціей осталась Вотская пятина Великаго Новгорода, вмѣстѣ съ ближайшимъ побережьемъ. Еще прежде, чѣмъ закончились переговоры съ Швеціей, Владиславъ занялъ Дорогобужъ и пошелъ къ Москвѣ, громко заявляя о своихъ притязаніяхъ на московскій тронъ. Въ тоже время съ Украины подошелъ къ Москвѣ гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Послѣ неудачнаго приступа союзниковъ къ Арбатскимъ и Тверскимъ воротамъ Москвы, открылись мирные переговоры. Войну поспѣшили окончить Деулинскимъ миромъ (1618 г.), для скорѣйшаго освобожденія изъ польскаго плѣна отца-государя, Филарета, ради чего не настаивали ни на возвращеніи Р. Смоленска, ни на отреченіи Владислава отъ притязаній на московскую корону. Было ясно, что въ близкомъ будущемъ для достиженія этихъ цѣлей потребуется вторая польская война. Открытіе ея было еще ускорено подъ вліяніемъ обще-европейской политики того времени: по случаю 30-лѣтней войны, протестантскія державы, съ Швеціей во главѣ, старались дипломатическимъ путемъ поднять Москву на католическую Польшу. Такіе же воинственные призывы получались и отъ турецкаго султана. Война началась въ 1632 г. Успѣхи русскаго

Библиотека "Руниверс"

войска, осадившаго подъ начальствомъ Шеина Смоленскъ, были парализованы набѣгомъ на крымскаго хана, что отвлекло часть русскихъ силъ. Шеинъ сдалъ свой лагерь Владиславу, который, ставъ королемъ по смерти Сигизмунда, принялъ личное участіе въ кампаніи. Шеина казнили въ Москвѣ, какъ измѣнника, а Владиславъ осадилъ Бѣлую. Изнуренное состояніе польскаго войска и приближеніе турокъ къ границамъ Польши заставили Владислава вступить въ мирные переговоры. По Поляновскому миру (1634 г.) Владиславъ отказался отъ московской короны, но Смоленскъ, а также области Смоленская и Сѣверская, остались за Польшей. Не принявъ участія въ русско-польской борьбѣ, западныя государства, находившіяся во враждѣ съ Австріей, мечтали о полученіи различныхъ выгодъ отъ московскаго царя въ виду его борьбы съ союзницей императора, Польшей. Подобно Англіи, Голландія, Данія, Франція осаждали московское правительство просьбами о предоставленіи имъ свободной торговли чрезъ Р. съ Персіей, выставляя на видъ, что обогащеніе враговъ императора ослабитъ его союзника, короля польскаго, къ выгодѣ Р. Московскіе дипломаты не поддались на эту хитросплетенную аргументацію; упомянутыя домогательства остались безуспѣшными, но, благодаря имъ, расширялось постепенно поле дипломатическихъ сношеній Московскаго государства, осложнялось его международное положеніе. Султанъ былъ недоволенъ миромъ Р. съ враждебной ему Польшей; кромѣ того, Турцію озлобляли донскіе казаки набѣгами на туроцкія владѣнія, кончившимися взятіемъ у турокъ Азова. Р. была совершенно не въ силахъ начинать новую войну, которая и была предотвращена отказомъ Михаила принять взятый казаками Азовъ подъ свою руку. Миръ съ Польшей былъ объясненъ передъ султаномъ набѣгомъ на московскія украины подвластнаго султану крымскаго хана. Общее изнуреніе ярко обрисовалось на земскомъ соборѣ, созванномъ по вопросу объ Азовѣ, въ сказкахъ, поданныхъ соборными представителями. При Алексѣѣ Михаиловичѣ оборонительныя войны смѣняются наступательными. Новое царствованіе началось попыткой заключить съ Польшей наступательный союзъ противъ крымцевъ, не переставшихъ опустошать окраины Московскаго государства, но возстаніе Малороссіи противъ Польши подъ начальствомъ Хмельницкаго вызвало, вмѣсто союза, новую московско-польскую борьбу. Малороссія присоединилась къ московскому государству. Въ 1654 г. война началась одновременно въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и Малороссіи; въ томъ же году русскими были заняты Смоленскъ, Витебскъ, Могилевъ, Вильно. Польша соединилась съ крымцами, страшно опустошившими Украину. Успѣхи Р. были остановлены вмѣшательствомъ шведовъ, которые, захвативъ Варшаву и Краковъ, заявили притязанія на московскія завоеванія въ Литвѣ. Война съ Польшей неуловимо смѣнилась войной съ Швеціей. Просьбу Польши о мирѣ поддержала Австрія, которой не могло нравиться увеличеніе протестантской Швеціи на счетъ католической Польши. Польскій король обязался не мириться съ Швеціей безъ сношенія съ московскимъ государемъ и въ 1656 г. царь Алексѣй, прекративъ наступательныя дѣйствія въ Польшѣ, выступилъ походомъ въ шведскую Лифляндію. Московское войско взяло Динабургъ, Полоцкъ, Дерптъ, но отступило отъ Риги, послѣ неудачной осады. Не смотря на помощь со стороны Даніи, Р. быстро охладѣла къ шведской войнѣ. Причиной тому были внезапные успѣхи Яна Казиміра, который, опираясь на взрывъ національно-религіознаго чувства польскаго народа, началъ вытѣснять шведовъ изъ предѣловъ Польши. Москва одновременно вступила въ мирные переговоры съ Швеціей и Польшей, требуя отъ первой Ливоніи, а отъ второй—Литвы, Малой и Бѣлой Р. и избранія царя Алексѣя въ наслѣдники польскаго престола. Измѣна Выговскаго, который, принявъ гетманство послѣ Богдана Хмельницкаго, вновь передалъ Малороссію Польшѣ, побѣдилъ царскихъ воеводъ подъ Конотопомъ, тяжело отразилась на этихъ переговорахъ. Съ Швеціей наскоро былъ заключенъ Кардисскій миръ (1661), съ полнымъ отказомъ отъ всѣхъ ливонскихъ завоеваній. Съ Польшей переговоры были прерваны; избавившись отъ шведскаго нашествія, найдя опору въ Малороссіи, Польша не думала о мирѣ съ Москвой. Русскіе потеряли Вильно, Гродно и Могилевъ. Малороссія раздѣлилась: послѣ кратковременнаго гетманства Юрія Хмельницкаго, правобережная Украина, съ гетманомъ Тетерей, присягнула Польшѣ, лѣвобережная, съ гетманомъ Брюховецкимъ, примкнула къ Москвѣ. Янъ Казиміръ вторгся и въ лѣвобережную Украину и занялъ почти всю Малороссію. Успѣхи Польши были подрѣзаны двумя внезапными ударами: мятежемъ шляхты, подъ руководительствомъ Любомирскаго, и переходомъ правобережнаго малороссійскаго гетмана Дорошенка въ подданство султана, что грозило Польшѣ войной съ Турціей. При такихъ обстоятельствахъ было заключено въ Андрусовѣ (1667) перемиріе съ Польшей на 13 лѣтъ. Литва осталась за Польшей; къ Р. отошли Смоленскъ, Сѣверская область, лѣвобережная Украина и Кіевъ, выговоренный на два года, но сохраненный Россіей. Черезъ пять лѣтъ вспыхнула новая тяжелая война съ Турціей. Принявъ въ подданство Дорошенка, султанъ явился на Украинѣ, одинаково грозя и Польшѣ, и Р. Борьба съ турками и Дорошенкой изъ-за Малороссіи наполнила четыре послѣдніе года царствованія Алексѣя и почти все царствованіе Ѳедора Алексѣевича (1672—1681). По перемирію съ Турціей 1681 г., вся западная Украина была уступлена Турціи. Въ правленіе Софьи войны съ Турціей возобновились. Противъ Турціи составилась обширная коалиція изъ имперіи, Венеціанской республики, Польши. Польскій король Янъ Собѣсскій постарался привлечь къ коалиціи и Р., не остановившись для этого даже передъ заключеніемъ съ Р. въ 1686 г. тяжелаго для Польши вѣчнаго мира, которымъ за Р. закрѣплялись всѣ Андрусовскія пріобрѣтенія, включая и Кіевъ. Въ борьбѣ коалиціи съ Турціей на долю Р. досталась обязанность

Библиотека "Руниверс"

безпокоить Крымъ, отвлекая крымскаго хана отъ помощи турецкому султану. Русское войско дважды выступало въ походъ на Крымъ, подъ начальствомъ кн. В. В. Голицына (1687 и 1689 гг.), но оба раза вынуждено было вернуться, не достигнувъ внутреннихъ областей крымскаго ханства. Въ результатѣ напряженной внѣшней борьбы, наполнившей весь XVII вѣкъ русской исторіи, московское государство расширилось пріобрѣтеніемъ лѣвобережной Украины, возвращеніемъ старинныхъ областей Смоленской и Сѣверской, но лишилось всей бывшей Вотской пятины Великаго Новгорода. За то же время значительно раздвинулось поле государственной и народной колонизаціи. Послѣ крымскаго вторженія 1634 г. возобновляется прерванная смутой военно-колонизаціонная дѣятельность на южной и восточной окраинѣ. Въ 1636—1656 гг. создаются три оборонительныя линіи крѣпостей—Бѣлогородская, Симбирская и Закамская: строятся новые города, съ военными гарнизонами изъ мѣстныхъ крестьянъ, обращенныхъ въ служилыхъ людей, или изъ «переведенцевъ» съ верховыхъ городовъ. Борьба правобережной Малороссіи съ поляками, крымцами и турками вызываетъ усиленную иммиграцію въ лѣвобережныя московскія области. Для защиты вновь колонизуемыхъ мѣстностей выростаютъ и новыя оборонительныя линіи: въ 1680 г. вытягивается третья линія по Дону, въ концѣ XVII в. ставится на очередь вопросъ объ устройствѣ и четвертой линіи, по водораздѣлу Дона и Днѣпра. Гораздо медленнѣе колонизировалась юго-вост. окраина Европ. Р.; за то постепенно росла колонизація Сибири. Къ началу XVII в. русскія поселенія заняли бассейнъ Иртыша и Оби, къ двадцатымъ годамъ столѣтія они достигли бассейна Енисея, къ сороковымъ годамъ перешли за Лену и теченіемъ Алдана дошли до береговъ Восточнаго океана. Въ 1648—1666 гг. колонизуются Байкалъ и Амуръ; въ концѣ вѣка русскіе появляются на Камчаткѣ.

Наряду съ внѣшними войнами государству въ теченіе всего вѣка не перестаютъ угрожать внутреннія смуты. Новая династія уже не знала кровавой борьбы съ боярствомъ, но тѣмъ острѣе выступали наружу проявленія недовольства массы. Народные мятежи вызывались податными тягостями и злоупотребленіями администраціи. Въ 1648 г. разражается мятежъ въ Москвѣ, обрушившійся на представителей правящей бюрократіи—Морозова, Плещеева, Траханіотова—и тотчасъ же отразившійся аналогичными смутами въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ. Въ 1650 г. поднимается матежъ въ Псковѣ, перебросившійся въ Новгородъ и обнаружившій крайнее озлобленіе населенія на мѣстныхъ воеводъ. Дѣло дошло до формальной осады Новгорода и Пскова правительственными войсками. Въ 1662 г. опять вспыхиваетъ мятежъ въ Москвѣ, по поводу неудачи съ выпускомъ мѣдныхъ денегъ. Въ 1667—71 гг. громадное пространство Поволжья охватывается мятежемъ Разина, настоящимъ воспроизведеніемъ Болотниковщины—возстаніемъ казаковъ и крестьянъ противъ насилій помѣщиковъ и администраціи. Устроительная дѣятельность правительства, развивавшаяся при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прошла два фазиса. Въ началѣ XVII в. преобладаетъ реставраціонное направленіе. И правительство, и общество, въ лицѣ соборнаго представительства, трудятся частью надъ возстановленіемъ, частью надъ дальнѣйшей разработкой основъ до-смутнаго государственнаго порядка. Это теченіе увѣнчивается обширной кодификаціонной работой—изданіемъ Соборнаго Уложенія 1649 г., представившаго собою сводъ указнаго законодательства первой половины XVII в. Этимъ завершился процессъ преобразованія общественныхъ классовъ, начатый въ XVI стол. на основахъ закрѣпощенія службѣ и тяглу и обособленія сословій другъ отъ друга на основаніи строгой спеціализаціи государственныхъ повинностей. Съ одной стороны, Уложеніе окончательно санкціонируетъ закрѣпощенность крестьянства, при чемъ, помимо податныхъ обязанностей крестьянина по отношенію къ казнѣ, самый крѣпостной трудъ на помѣщика разсматривался какъ разновидность службы на государство, какъ матеріальное обезпеченіе служилоспособности помѣщика. Съ другой стороны, законодательство стремится разрушить выдвинутые жизнью мелкіе промежуточные общественные слои, фактически нарушавшіе освященную закономъ обособленность общественныхъ классовъ. Сюда слѣдуетъ отнести запрещеніе служилымъ людямъ «закладываться» за кого-либо ради отбыванія отъ службы, а также окончательное юридическое отграниченіе посада отъ уѣзда, путемъ принудительной приписки къ посадскому тяглу расположенныхъ около посада торговопромышленныхъ слободъ и запрещенія бѣломѣстцамъ торговать на посадѣ безъ приписки къ посадской общинѣ. Ограждая посадскихъ людей отъ торговопромышленной конкурренціи сторонніхъ элементовъ, законъ въ то же время замыкалъ этотъ классъ, запрещая посадскимъ людямъ записываться въ службу и поступать въ холопы, замыкалъ и каждую посадскую общину въ отдѣльности, допуская переходъ изъ посада въ посадъ не иначе, какъ по предписанію правительственной власти. Торговопромышленная дѣятельность посадскаго класса окончательно получаетъ характеръ принудительной службы. Сословная спеціализація службъ и повинностей подчеркивалась еще рѣзче проведенною въ царствованіе Михаила замѣною «сохи» «живою четвертью» (см. Финансы). Эта реформа сильно понизила обложеніе служилыхъ земель сравнительно съ обложеніемъ черносошныхъ крестьянскихъ участковъ и тѣмъ окончательно перемѣстила центръ тяжести податного бремени на тяглую массу. Рядъ другихъ мѣръ коснулся упорядоченія областного управленія, опять таки въ духѣ дальнѣйшаго развитія старыхъ началъ бюрократической централизаціи. Органомъ такой централизміи явилась новая должность—*воеводы*; то былъ агентъ приказной администраціи, присылаемый въ область и объединяющій управленіе всего уѣзда. Съ введеніемъ воеводъ уничтожаются послѣдніе остатки старыхъ кормленій; выборныя зем-

Библиотека "Руниверс"

скія учрежденія остаются, но земскіе старосты превращаются въ второстепенныхъ служителей, подчиненныхъ воеводамъ, и этимъ еще болѣе подчеркивается въ выборной земской службѣ тотъ элементъ казенной повинности, который былъ ей присущъ уже въ XVI в. Съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Михаила реставраціонное теченіе начинаетъ перебиваться другимъ, преобразовательнымъ. Вызванное непосредственными практическими нуждами, подсказанное неудовлетворительностью старыхъ учрежденій, это движеніе еще болѣе усиливается во второй половинѣ XVII вѣка и слагается, въ концѣ концовъ, въ подготовку реформы Петра Великаго. Реформы вызывались не столько сознаніемъ какихъ-либо новыхъ задачъ государственной политики, сколько исканіемъ новыхъ средствъ для лучшаго разрѣшенія старой вѣковой задачи: извлеченія изъ народной массы наибольшаго количества боевыхъ и платежныхъ силъ, въ цѣляхъ военной обороны. Такими новыми средствами были заимствованія изъ западно-европейской военной и промышленной техники, съ цѣлью облегчить населенію выполненіе казенныхъ службъ и поднять, вмѣстѣ съ производительностью народнаго труда, платежныя силы народа. Войны Михаилова царствованія вызываютъ увеличеніе войска, сопровождающееся реорганизаціей военнаго строя. Помѣстная дворянская конница все болѣе заслоняется новыми регулярными военными частями, которыя формируются по иноземному образцу. Является конница иноземнаго строя — рейтары, иноземная пѣхота — солдаты. Дороговизна этихъ нововведеній сразу повышаетъ налоговое бремя. Устанавливаются новыя подати: *стрѣлецкая*, взамѣнъ прежняго сбора хлѣбомъ на содержаніе стрѣлецкой пѣхоты, экстренный налогъ—«пятая деньга» (подоходное обложеніе), взимавшаяся по постановленію соборовъ 1614—1615 и 1633—1634 гг. Въ тоже время реорганизуется помѣстная дворянская служба. Періодическая мобилизація дворянскаго коннаго корпуса для защиты южной Украйны смѣняется постройкой укрѣпленныхъ линій, защита которыхъ ввѣряется мѣстному служилому населенію. При царѣ Алексѣѣ появляются территоріальные военные округа—на сѣверо-западѣ новгородскій, на юго-западѣ—сѣвскій, на югѣ—бѣлогородскій. Въ каждомъ изъ этихъ округовъ формируется свой военный корпусъ, пополняемый изъ служилыхъ людей даннаго округа и содержимый непосредственно на доходы городовъ, расположенныхъ въ чертѣ округа. Въ рукахъ военнаго окружнаго начальства сосредоточивается завѣдываніе и войскомъ, и финансовыми сборами, и администраціей. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича является попытка распространить эту организацію съ окраинныхъ мѣстностей на все Московское государство и вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣлить завѣдываніе округами между крупными вельможами. Олигархическая тенденція, сквозившая въ этомъ проектѣ, побудила патріарха возстать противъ его осуществленія—и территоріализація войска, въ связи съ образованіемъ военно-административныхъ округовъ, была завершена уже въ эпоху Петра, при учрежденіи губерній. Параллельно съ военными преобразованіями усиленно развиваются преобразованія финансовыя. Съ воцареніемъ Алексѣя правительство, не ограничиваясь количественнымъ увеличеніемъ налоговаго бремени, стремится къ установленію всеобщности и равномѣрности обложенія. Въ 1646 г. предпринимается дворовая перепись, въ видахъ предположенной замѣны посошнаго обложенія подворнымъ. Въ ожиданіи результатовъ переписи производится опытъ замѣны главныхъ прямыхъ податей налогомъ на соль въ повышенномъ размѣрѣ, по 2 гривны за пудъ. Мѣра эта вызвала народный бунтъ 1648 г., послѣ котораго соляной налогъ былъ отмѣненъ. Съ окончаніемъ подворной переписи правительство примѣняетъ «дворъ», какъ окладную единицу, частью къ новымъ налогамъ (поворотный сборъ по 2 гривны съ двора на жалованье ратнымъ людямъ), частью къ прежнимъ (при переложеніи на новый окладъ полоняничныхъ денегъ). Въ тоже время. въ виду новыхъ войнъ, по прежнему примѣняются экстренные подоходные сборы: за время съ 1654 по 1680 г. дважды собирается пятая деньга, пять разъ десятая, одинъ разъ пятнадцатая. Скудные результаты всѣхъ этихъ сборовъ, вслѣдствіе истощенности населенія, заставляютъ правительство прибѣгнуть къ рискованной операціи выпуска мѣдныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Сильное повышеніе цѣнъ и новые народные бунты привели къ отмѣнѣ операціи, черезъ девять лѣтъ послѣ ея введенія (1654—63). Къ концу XVII в. косвенные таможенные сборы объединяются въ единой *рублевой* пошлинѣ—10% съ рубля—при продажѣ товаровъ; посошное обложеніе окончательно замѣняется подворнымъ; для всего посадскаго населенія и для черносошныхъ крестьянъ сѣверныхъ уѣздовъ всѣ прямыя подати объединяются въ одну *стрѣлецкую*; населеніе прочихъ уѣздовъ остается при платежѣ полоняничныхъ денегъ, соединенныхъ съ ямскими въ одномъ окладѣ, по 10 коп. съ двора. Въ связи съ реформой посадскаго обложенія былъ реформированъ и порядокъ посадскаго управленія: посады были изъяты изъ вѣдомства воеводъ, власть которыхъ была передана выборнымъ головамъ, подчиненнымъ одному приказу Большой казны. Преобразованія техники военнаго и финансоваго дѣла совмѣщались съ попытками оживить производительныя силы страны, путемъ правительственнаго поощренія обрабатывающей промышленности. Уже при Михаилѣ начинается, а при Алексѣѣ еще болѣе усиливается вызовъ иноземныхъ мастеровъ и капиталистовъ для основанія въ Р. заводовъ и фабрикъ (см. выше Промышленность). Правительство покровительствуетъ новымъ заводамъ, освобождаетъ ихъ отъ податей, приписываетъ къ нимъ крѣпостныхъ крестьянъ. Со времени Ивана IV, который открылъ всѣмъ иноземнымъ купцамъ свободный доступъ къ Архангельскому порту и предоставилъ англичанамъ безпошлинную торговлю, какъ оптовую, такъ и розничную внутри Р., всѣ торговые промыслы въ Р. сосредоточились въ ру-

Библиотека "Руниверс"

кахъ иноземцевъ. Англичане завели торговыя конторы въ Архангельскѣ, Москвѣ и другихъ важнѣйшихъ русскихъ городахъ, откуда разсылали по всѣмъ направленіямъ приказчиковъ-скупщиковъ, минуя посредничество русскаго купечества. Царь Алексѣй, по челобитью русскихъ купцовъ, запретилъ иноземцамъ внутреннюю торговлю въ Р., дозволивъ имъ оптовую торговлю съ русскими лишь въ Архангельскомъ портѣ и порубежныхъ городахъ, съ платежемъ пошлинъ. Къ Архангельску пріѣзжали англичане, голландцы, шведы, датчане, купцы ганзейскихъ городовъ, французы. Вызванный государственными преобразованіями поворотъ русской жизни въ сторону сближенія съ западной культурой не исчерпывается тѣми спеціально техническими военными и финансовыми вопросами, на которыхъ сосредоточивалось вниманіе правительства. Наряду съ вліяніемъ нѣмецко-техническимъ, которое сказывалось на перестройкѣ государственнаго порядка, крѣпло вліяніе польско-схоластическое, содѣйствовавшее измѣненію общественныхъ взглядовъ и частнаго житейскаго обихода. Наплывъ иноземныхъ вліяній вызвалъ фанатическую реакцію массы, проявившуюся въ формѣ церковнаго раскола, по поводу предпринятаго при царѣ Алексѣѣ исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Протестъ противъ измѣненія церковнаго обряда вообще и противъ измѣненія его по *иноземнымъ* образцамъ—греческимъ и восточнымъ—въ особенности переходитъ въ протестъ противъ церковной іерархіи и царскаго правительства, которыя санкціонировали эти измѣненія (см. Расколъ). Оппозиція расколоучителей уже не могла остановить преобразовательнаго движенія, вызваннаго реальными и неотложными потребностями жизни. Разыгравшаяся въ концѣ вѣка дворцовая борьба между двумя линіями царскаго дома—дѣтьми царя Алексѣя отъ двухъ его браковъ—выдвинула на нѣкоторое время стрѣльцовъ, среди которыхъ широко были распространены симпатіи къ расколу. Подготовленный Милославскими стрѣлецкій мятежъ привелъ къ разгрому Нарышкиныхъ и отмѣнѣ провозглашеннаго было по смерти Ѳеодора единовластія Петра. На царство были посажены оба сына царя Алексѣя отъ разныхъ браковъ, Іоаннъ и Петръ, а черезъ нѣсколько дней, по требованію тѣхъ же стрѣльцовъ, главный врагъ Нарышкинской партіи, царевна Софія, была провозглашена правительницей государства. Торжество стрѣльцовъ не привело, однако, къ преобладанію анти-преобразовательной партіи. Правительство Софьи, руководимое однимъ изъ ярыхъ западниковъ конца XVII в., княземъ В. В. Голицынымъ, рѣзко отвергло всѣ притязанія раскольниковъ, а затѣмъ постаралось сломить своеволіе стрѣльцовъ, въ которыхъ перестало нуждаться. Призывъ подъ Москву дворянскихъ помѣстныхъ ополченій, назначеніе начальникомъ стрѣлецкаго войска преданнаго Софьѣ Шакловитаго, аресты и высылки наиболѣе буйныхъ стрѣльцовъ, казнь князя Хованскаго, державшаго руку стрѣльцовъ и раскольниковъ — все это принудило стрѣльцовъ къ полной покорности. Правленіе Софьи было проникнуто реформаціоннымъ духомъ. Въ новомъ столкновеніи Софьи съ Петромъ, окончившемся побѣдою Петра, стрѣльцы играли уже чисто пассивную роль вспомогательнаго орудія Софьи, дѣйствовали вяло и, въ концѣ концовъ, предали своего начальника Шакловитаго и Софью. Софья была заключена въ монастырь, Шакловитый казненъ, князь Голицынъ сосланъ. Возстановилось двоевластіе Іоанна и Петра, но фактически царемъ сдѣлался одинъ Петръ. Послѣ новаго стрѣлецкаго бунта, разыгравшагося во время первой заграничной поѣздки Петра, и страшнаго розыска, произведеннаго Петромъ по его возвращеніи, стрѣлецкое войско было уничтожено.

Имперія XVIII в. Исходъ дворцовой борьбы конца XVII в., расчистивъ власть Петру, предрѣшилъ характеръ дальнѣйшаго развитія преобразованій. Петръ круто выдвинулъ нѣмецко-техническое направленіе въ ущербъ польско-схоластическому, и сосредоточилъ свою кипучую дѣятельность на продолженіи военныхъ, финансовыхъ и административныхъ преобразованій. Исходныя точки реформы были уже даны опытами XVII в. Развитіе реформы было лишено систематической планомѣрности и шло толчками, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ текущихъ военныхъ событій и возраставшихъ финансовыхъ затрудненій. Лишь по второй половинѣ царствованія, къ 20-мъ годамъ XVIII в., намѣчается болѣе систематическій планъ реформы, навѣянный западными теоріями просвѣщеннаго абсолютизма и меркантилизма и опиравшійся на образцы иностранныхъ, главнымъ образомъ шведскихъ учрежденій. Выработка этого преобразовательнаго плана явилась коллективнымъ дѣломъ цѣлаго ряда лицъ, подававшихъ Петру преобразовательные проекты по однообразнымъ вопросамъ. Разбираясь въ этихъ проектахъ, Петръ придавалъ осуществленію намѣченныхъ преобразованій принудительный, террористическій характеръ. На ряду со свойствами личнаго характера Петра, лихорадочно-возбужденный темпъ преобразовательной работы обусловливался ходомъ внѣшнихъ событій. Война наполнила все царствованіе Петра. Конецъ 90-хъ гг. XVII ст. заняли азовскіе походы. Они явились продолженіемъ участія Р. въ европейской коалиціи противъ Турціи, которая составилась еще при предшественникахъ Петра. Взятіемъ Азова и сооруженіемъ воронежскаго флота престижъ Р., поколебленный неудачами кн. Голицина, былъ поднятъ и въ глазахъ союзниковъ, и въ глазахъ Турціи. Молдавія и Валахія обратились къ Петру съ предложеніемъ подданства и перенесенія военныхъ дѣйствій противъ Турціи на берега Дуная. Но въ это время члены коалиціи уже спѣшили помириться съ Турціей: Западная Европа готовилась къ другой грандіозной борьбѣ—за испанское наслѣдство. Распаденіе коалиціи заставило и Р. заключить съ Турціей перемиріе на 30 лѣтъ (3 іюля 1700 г.). Азовъ отошелъ къ Р., ежегодная дань Р. крымскому хану была уничтожена. Черезъ два мѣсяца по заключеніи этого перемирія началась война съ Швеціей, противъ которой

Библиотека "Руниверс"

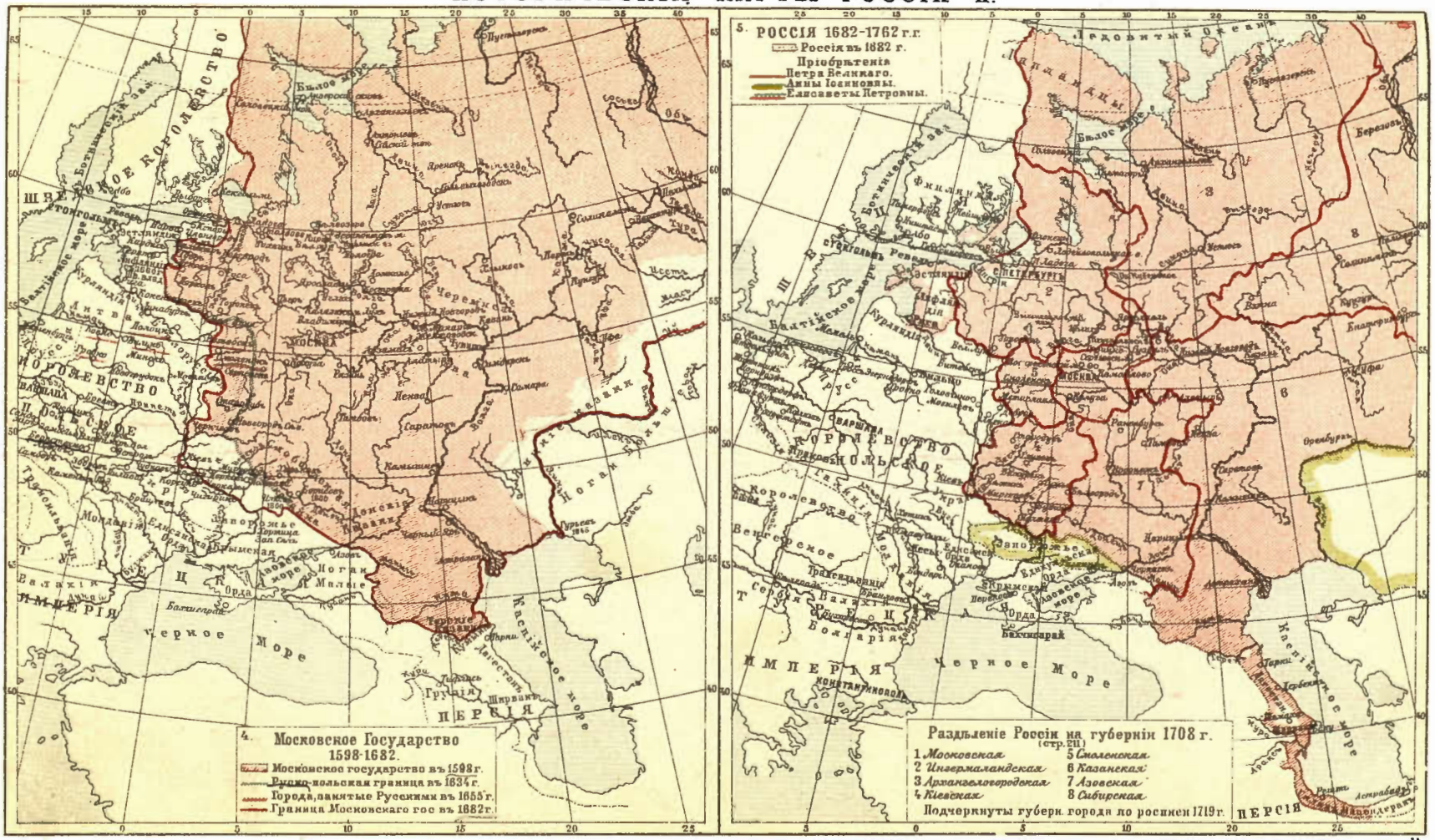
еще въ 1699 г. Петръ заключилъ союзъ съ Польшей. Польскій король Августъ и многохлопотавшій о заключеніи польско-русскаго союза лифляндскій дворянинъ Паткуль мечтали о томъ, что при раздѣлѣ будущихъ завоеваній Петръ удовольствуется Ингерманландіей и Кареліей. Пораженіе русскихъ подъ Нарвой еще болѣе повысило притязанія и надежды Августа. Онъ потребовалъ отъ Петра уступки Польшѣ Малороссіи; но союзъ былъ возобновленъ безъ выполненія этого условія. Карлъ XII послѣ нарвской побѣды, по выраженію Петра, «увязъ въ Польшѣ», а русскіе въ это время разорили Лифляндію, овладѣли Дерптомъ и Нарвой и утвердились на Невѣ взятіемъ Нотебурга и Ніеншанца и основаніемъ Петербурга (1703). Достигнувъ моря, Петръ началъ думать о мирѣ съ Швеціей и обратился съ просьбой о посредничествѣ къ Австріи, Англіи, Голландіи и Франціи. Державы, воевавшія съ Людовикомъ XIV, не сочувствовали усиленію Р. и холодно встрѣтили просьбу Петра. Переговоры съ Швеціей начались при посредничествѣ Франціи, но были прерваны въ виду требованія Карла XII возвратить Швеціи всѣ русскія завоеванія. Р. заняла Курляндію; Карлъ, принудивъ Польшу къ миру и смѣнивъ на польскомъ престолѣ Августа Станиславомъ Лещинскимъ, готовился къ походу въ глубь Р. Петръ опасался похода шведовъ на Москву, но Карлъ, разсчитывая на малороссійскихъ казаковъ и крымскаго хана, двинулся на Украину. Полтавская битва (1709 г.) перевернула весь ходъ и военныхъ, и дипломатическихъ дѣйствій. Карлъ бѣжалъ въ Турцію; Р. своимъ успѣхомъ привлекла къ себѣ зоркое вниманіе всей Европы, соединенное со страхомъ. Страхъ вызывалъ вражду. Франція и Польша подняли на Р. Турцію. Петръ пошелъ на разрывъ, ободренный надеждой на помощь балканскихъ славянъ, не переставшихъ въ теченіе всего царствованія Петра взывать къ покровительству Р. Господари Молдавіи и Валахіи заключили съ Петромъ формальные союзы противъ турокъ, подъ условіемъ провозглашенія независимости ихъ господарствъ. Измѣна валахскаго господаря Бранкована подвергла русское войско страшной опасности со стороны турокъ и заставила кончить прутскій походъ тяжелымъ для Р. миромъ съ Турціей: Азовъ опять перешелъ къ Турціи, новопостроенные русскіе города у Азовскаго моря разорены, Карлу XII было гарантировано свободное возвращеніе въ шведскія владѣнія. 1711—1715 гг. заняты были военными операціями въ Помераніи и Финляндіи. Углубленіе русскихъ войскъ въ Германію еще болѣе усилило враждебную Р. тревогу Европы. Окончаніе войны за испанское наслѣдство давало возможность европейскимъ державамъ внимательнѣе слѣдить за политическимъ ростомъ Р. Англія, Австрія, Франція держались по отношенію къ Р. частью съ холодной натянутостью, частью съ открытой враждебностью. Польша, гдѣ послѣ Полтавской битвы снова воцарился Августъ, Данія и Пруссія состояли въ союзѣ съ Петромъ, но двѣ первыя державы боялись Р. и интриговали противъ ея успѣховъ. Не смотря на все это, Петръ, послѣ успѣховъ въ Финляндіи, составилъ планъ высадки въ южную Швецію соединеннаго русско-датскаго флота. Планъ не осуществился вслѣдствіе разлада среди союзниковъ. Петръ началъ искать тогда сближенія съ Франціей. Послѣ его поѣздки въ Парижъ былъ заключенъ союзъ между Р., Франціей и Пруссіей, съ обязательствомъ открыть переговоры съ Швеціей при посредствѣ Франціи. Одновременно съ этимъ соглашеніемъ былъ рѣшенъ, однако—по предложенію шведскаго дипломата Герца—съѣздъ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ на Аландскихъ островахъ, безъ участія представителей Франціи. Аландскій конгресъ, во время котораго Карла XII смѣнила на престолѣ Ульрика Элеонора, не привелъ ни къ чему. Петръ возобновилъ войну. Не смотря на демонстративное крейсированіе англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ, русское войско нѣсколько разъ высаживалось въ Швеціи и опустошало окрестности Стокгольма. Это привело къ заключенію мира въ Ништадтѣ, въ 1721 г. Финляндія, кромѣ Выборга, была возвращена Швеціи, но Р. получила Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, съ уплатою Швеціи 2 милл. руб. Двухвѣковое стремленіе Р. къ Балтійскому побережью было удовлетворено. Не далѣе, какъ черезъ годъ, Петръ отправился уже въ новый походъ, въ Персію. Мысль о прикаспійскихъ пріобрѣтеніяхъ занимала Петра съ начала царствованія и еще болѣе усилилась послѣ прутскаго похода. Усиленіе Р. на Каспійскомъ морѣ должно было служить вознагражденіемъ за неудачу на Черномъ морѣ. Внутреннее разстройство Персидской монархіи, раскрытое посольствомъ въ Персію Волынскаго (1716), еще болѣе укрѣпило Петра въ планѣ персидскаго похода. Русскія войска быстро заняли западный берегъ Каспійскаго моря. Персидская война вызвала въ Европѣ новый взрывъ враждебнаго недовѣрія къ Р. и едва не привела къ новому разрыву съ Турціей, къ которой Персія обращалась за помощью и которую усердно подстрекали противъ Р. австрійскіе и англійскіе дипломаты. Завоеванія Петра подняли международное положеніе Р. на небывалую ранѣе высоту и увеличили государственную территорію болѣе, чѣмъ на 10000 кв. миль, но страшно повысили численность арміи. Въ одно первое десятилѣтіе XVIII в. война вызвала увеличеніе арміи съ 40 до 100 тыс. чел. и потребовала созданія военнаго флота. Военные расходы повысились, сравнительно съ бюджетомъ 1680 г., на 40 милл., при чемъ расходы на военныя потребности составляли въ общей суммѣ государственныхъ расходовъ 65%. Ростъ войска и военныхъ расходовъ повелъ за собою новую реорганизацію военнаго и финансоваго строя, которая въ свою очередь вызвала рядъ соціальныхъ и административныхъ преобразованій. Стрѣлецкая пѣхота и помѣстная дворянская конница стараго времени были замѣнены регулярной арміей (см. выше, Войско). Въ первую половину царствованія вводятся новые прямые налоги, отыскиваются новые предметы обложенія, широко примѣняется порча монеты посред-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ перечеканки серебряныхъ денегъ, производится переоброчка казенныхъ оброчныхъ статей, вновь облагаются оброкомъ владѣльческія рыбныя ловли, домашнія бани, мельницы, постоялые дворы, устанавливается рядъ казенныхъ монополій. Все это не предупредило финансоваго кризиса. На 1710 г. ожидался полумилліонный дефицитъ. Произведенная въ 1710 г. подворная перепись показала громадную убыль населенія по всей Р. Децентрализація финансоваго управленія, осуществленная съ учрежденіемъ губерній, не способствовала повышенію и упорядоченію поступленій; новые «запросные» и «неокладные» сборы поступали все съ большой недоимкой. Передъ правительствомъ опять встала задача, которую уже приходилось разрѣшать въ концѣ XVII вѣка — реформа порядка обложенія и консолидація прямого налога. Это было выполнено въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка. Подворное обложеніе было замѣнено подушнымъ, ради лучшаго достиженія всеобщности и равномѣрности обложенія. Косвенные налоги на время занимаютъ второстепенное мѣсто въ доходномъ бюджетѣ. Военныя и финансовыя реформы способствовали измѣненію структуры русскаго общества. Перемѣны въ порядкѣ службы завершили сословно-корпоративную организацію дворянства; реформа обложенія сопровождалась дальнѣйшимъ утвержденіемъ крѣпостной неволи крестьянства. Послѣ того какъ спеціальная повинность служилаго класса, ратная служба, была превращена въ всесословную повинность, дворянство получило свою спеціальную роль при выполненіи этой повинности: отбывъ рядовую службу въ гвардіи, дворяне дѣлались офицерами въ арміи, сославляя въ ней дворянско-офицерскую корпорацію. Другою спеціально-сословною повинностью дворянства явилось обязательное обученіе по утвержденной правительствомъ программѣ. Государственная служба по прежнему осталась для дворянства безсрочной и общеобязательной: гражданская служба въ канцеляріяхъ была поставлена въ-ровень съ военной службой въ полкахъ, а распредѣленіе членовъ каждой дворянской семьи между обоими родами службы было подчинено установленной закономъ пропорціи. Съ отмѣной помѣстныхъ ополченій земля перестала служить матеріальной основой *разверстки* служебныхъ тягостей, но всѣ дворянскія земли — какъ бывшія помѣстья, такъ и бывшія вотчины—стали разсматриваться какъ оффиціально-закрѣпленный за дворянствомъ фондъ матеріальнаго обезпеченія служилыхъ дворянскихъ фамилій. Поэтому указомъ 1714 г. узаконялась неотчуждаемость и недробимость дворянскихъ земель. Создавая изъ дворянства служилую сословную корпорацію, Петръ открылъ свободный доступъ въ его среду постороннимъ элементамъ. Табель о рангахъ окончательно замѣнила въ распорядкѣ службы старое начало породы началомъ личной выслуги, узаконивъ полученіе дворянства чиномъ, чѣмъ сильно способствовала демократизаціи высшаго общественнаго слоя. Указы о ревизіи и подушной подати завершили превращеніе низшихъ общественныхъ слоевъ въ однородную закрѣпощенную массу. Эти указы измѣнили юридическое основаніе прикрѣпленія, узаконивъ прикрѣпленіе запиской крестьянина за землевладѣльцемъ въ ревизскую сказку, и распространили крѣпостную неволю на новые общественные разряды —на дѣтей приходскаго духовенства, но имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, людей гуляющихъ и холоповъ, которые наравнѣ съ крестьянами были записаны въ ревизскія сказки за владѣльцами и обложены подушнымъ окладомъ. Вся эта юридически объединенная крѣпостная масса была отдана въ вѣдѣніе землевладѣльцевъ - дворянъ, отвѣтственными передъ казной за податную исправность своихъ крестьянъ и полицейскій порядокъ въ предѣлахъ своихъ имѣній. Административная реформа Петра стояла въ столь же тѣсной связи съ военными и финансовыми преобразованіями. Въ первую половину царствованія, подъ давленіемъ военныхъ тревогъ и въ виду необходимости обезпечить содержаніе новой регулярной арміи, довершается намѣченная уже въ XVII в. система военно-административныхъ округовъ. Имперія была раздѣлена на восемь такихъ округовъ, получившихъ названіе губерній. Постоянное передвиженіе войскъ, по случаю военныхъ дѣйствій, не дало возможности осуществить территоріализацію арміи по этимъ округамъ; тѣмъ не менѣе въ финансовомъ отношеніи каждая часть арміи была приписана къ одной изъ губерній и главнѣйшей функціей губернскаго управленія явилась передача губ. сборовъ непосредственно на содержаніе полковъ. Неопредѣленно широкая власть губернаторовъ должна была нѣсколько умѣриться введеніемъ коллегіальнаго и выборнаго начала въ механизмъ губернской администраціи (см. выше мѣстное управленіе). Фактически, однако, выборы ландратовъ скоро уступили мѣсто назначенію. Въ 1719—20 гг. административный строй подвергся новой переработкѣ, подъ вліяніемъ шведскихъ образцовъ и въ духѣ бюрократической централизаціи. Коллегіальное начало было перенесено изъ области въ центръ, при чемъ выборное начало было устранено. Учрежденныя по шведскому образцу коллегіи распредѣлили между собой управленіе имперіею по роду дѣлъ. На короткое время сенатъ сдѣлался какъбы общимъ присутствіемъ коллежскихъ президентовъ, которые были назначены изъ сенаторовъ; но скоро этотъ порядокъ былъ отмѣненъ, какъ противорѣчащій контролирующей роли сената по отношенію къ коллегіямъ. Коллегіи получили новыхъ, малочиновныхъ президентовъ, а старые вельможные президенты остались въ сенатѣ, что придало личному составу сената аристократическій оттѣнокъ и превратило коллегіи въ подчиненные органы сената. Въ исключительномъ положеніи остались коллегіи военная, адмиралтейская и иностранная: онѣ сохранили прежнихъ президентовъ и не подпали въ подчиненіе сенату, чѣмъ наглядно выразилось преимущественное значеніе вопросовъ внѣшней борьбы въ кругу очередныхъ государственныхъ задачъ. Съ учрежденіемъ центральныхъ коллегій исчезли ландратскія коллегіи въ губер-

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТЫ РОССІИ II.

Библиотека "Руниверс"

Брокгауза и Ефрона Энциклопедич. словарь

Картографическое зав. А.М. Ганкиера. Б. Мастерская ул. N° 11[38]

Библиотека "Руниверс"

піяхъ. Выборное начало было удержано въ уѣздахъ, гдѣ выборные изъ мѣстныхъ дворянъ земскіе коммиссары были облечены весьма разнообразными полномочіями, отъ сбора податей до полиціи нравовъ включительно. На практикѣ, однако, коммиссары скоро превратились въ подчиненныхъ агентовъ военнаго начальства, преимущественно по сбору подушной подати. Установивъ администрацію на началахъ централизаціи и бюрократической опеки, парализовавъ слабые зародыши общественнаго контроля, Петръ подчинилъ административный механизмъ двойному коронному контролю: тайному надъ финансами — *фискалами* и явному надъ судами — *прокуратурѣ*; высшее руководительство тѣмъ и другимъ сосредоточилось въ рукахъ генералъ-прокурора. Нѣсколько шире проявилась общественная автономія въ области городского управленія. Развивая реформу 1680-хъ годовъ, Петръ передалъ финансовые сборы, управленіе и судъ надъ торговопромышленнымъ населеніемъ городовъ выборнымъ изъ среды этого населенія бурмистрамъ, подчинявшимся бурмистерской палатѣ или ратушѣ, составленной также изъ выборныхъ лицъ. Однако, и въ эту сферу, съ преобразованіемъ ратушъ въ магистраты, въ 20-хъ годахъ XVIII в. былъ вдвинутъ бюрократическій элементъ. Служба въ магистратахъ была сдѣлана какъ-бы привилегіей высшаго, «первостатейнаго» слоя городского купечества. Въ этомъ сказалась основная тенденція экономической политики Петра—поощреніе крупной городской промышленности, завѣщанное ему преобразовательной программой XVII вѣка. Сближеніе съ Западомъ постепенно развило эту тенденцію въ сознательную меркантилистическую систему, выразившуюся въ трехъ направленіяхъ: 1) въ поощреніи горной промышленности, ради умноженія въ странѣ металлическаго запаса, 2) въ регулированіи внѣшней торговли на началахъ торговаго баланса и 3) въ поощреніи туземной фабричной промышленности (см. выше, Промышленность и Торговля). До 1719 г. Петръ продолжаетъ, подобно своимъ предшественникамъ, вызывать въ Р. заграничныхъ техниковъ и мастеровъ изъ Австріи, Венеціи, Голландіи, Швеціи, Германіи, а также посылать русскихъ за границу для обученія мастерствамъ. Въ 1719 г., съ учрежденіемъ мануфактуръ-коллегіи, эти мѣропріятія систематизируются. Всѣ мѣропріятія Петра, однако, не могли значительно ускорить ростъ фабричной промышленности, еще не опиравшейся на естественные успѣхи народнаго хозяйства. Въ началѣ XVIII в. Р. еще оставалась страною земледѣльческой и мелкой домашней промышленности.

Реформа Петра навсегда покончила съ внѣшними *формами* старой московской государственности, но въ тоже время довела до наивысшаго развитія тѣ самые принципы, которые лежали въ основѣ предшествующаго государственнаго строя. Переустройство войсковой и податной организаціи исходило изъ стараго начала поглощенія всѣхъ національныхъ рессурсовъ потребностями фиска, нуждами государственной военной обороны. Сословныя реформы измѣнили прежній порядокъ разверстки государственныхъ повинностей между общественными классами, но по прежнему оставили все населеніе сверху до низу закрѣпощеннымъ службѣ и тяглу. Административныя реформы видоизмѣнили схему правительственныхъ учрежденій, но еще рѣзче провели устраненіе общественныхъ союзовъ отъ участія въ текущемъ управленіи, которое было всецѣло передано въ руки бюрократіи. Мѣропріятія экономическія и учебно-образовательныя имѣли цѣлью вызвать къ жизни двѣ дѣйствительно новыя силы, которыя не играли дотолѣ видной роли въ государственномъ строительствѣ — промышленный капиталъ и научное знаніе. Но опыты первой категоріи предвосхищали предстоявшіе еще въ будущемъ результаты экономическаго развитія и потому не вполнѣ достигали цѣли, а опыты съ насажденіемъ знанія исходили изъ стараго, узко-прикладного воззрѣнія на книжное обученіе, съ перенесеніемъ лишь интереса отъ вопросовъ душевнаго спасенія къ вопросамъ техническаго прогресса. Завершая собой изстаринный процессъ государственнаго строенія, реформа Петра, тѣмъ не менѣе, подготовляла новую эру въ поступательномъ развитіи русской жизни. Сближеніе съ Западомъ, предпринятое ради заимствованій чисто техническаго характера, не остановилось въ этихъ первоначальныхъ рамкахъ и постепенно захватывало все новыя жизненныя сферы. Уже въ первую половину XVIII в. въ высшихъ слояхъ общества довольно широко распространяется вліяніе политико-философской западно-европейской литературы. Идеи естественнаго права, договорнаго происхожденія государства, народнаго суверенитета воспринимались русскими дѣятелями и своеобразно примѣнялись къ туземнымъ движеніямъ, обозначавшимся въ средѣ русскаго дворянства. Самыя эти движенія явились, въ свою очередь, косвеннымъ слѣдствіемъ Петровскихъ преобразованій. Со второй четверти XVIII столѣтія начинается процессъ постепеннаго раскрѣпощенія общественныхъ классовъ, постепеннаго формированія самоуправляющихся общественныхъ союзовъ—процессъ приблизившій Р., къ типу современныхъ европейскихъ государствъ. Начало этого процесса сдѣлалось возможнымъ благодаря ослабленію хронической внѣшней борьбы, которая сковывала дотолѣ свободу внутренняго развитія Р. и обрекала русское государство на положеніе вѣчно мобилизированнаго военнаго лагеря. Не всѣ задачи этой борьбы были уже разрѣшены къ началу XVIII в. Территоріальный ростъ русскаго государства еще не достигъ своихъ естественныхъ предѣловъ. Работа надъ округленіемъ границъ даже еще болѣе осложнилась послѣ того, какъ Р. начала участвовать въ международно-политическихъ комбинаціяхъ Европы. Но все-же та непрерывная военная борьба, которую приходилось вести Московской и Петровской Р., окончательно отошла въ область исторіи. По смерти Петра направленіе внѣшней политики Р. опредѣлилось двумя условіями: 1) войной съ Персіей, которая осталась еще отъ цар-

Библиотека "Руниверс"

ствованія Петра, и 2) борьбой Бурбоновъ и Габсбурговъ, раздѣлявшей Европу на два враждебные союза—австро-испанскій и англо-французскій. Ко второму союзу примыкали Швеція и Пруссія; Р. примкнула къ первому, такъ какъ съ персидскимъ вопросомъ тѣсно переплетался турецкій, въ которомъ интересы Р. гармонировали съ австрійскими и сталкивались съ французскими. Союзъ Р. съ Австріей повлекъ за собою враждебную демонстрацію англійскаго флота на Балтійскомъ морѣ близъ Ревеля и усиленныя анти-русскія интриги французской дипломатіи при дворѣ султана. Русская дипломатія поставила своей цѣлью предотвратить европейскую войну, въ которой Россіи пришлось-бы участвовать въ силу союзныхъ обязательствъ. Въ 1732 г. кончилась русско-персидская война, уступкой Персіи всѣхъ Петровскихъ пріобрѣтеній, на которыя преемники Петра смотрѣли какъ на излишнее бремя, и расширенію владѣній на счетъ Персіи предпочитали недопущеніе Турціи до Каспійскаго побережья. Призракъ турецкаго вопроса все тѣснѣе сближалъ Р. съ Австріей, которая въ свою очередь нуждалась въ Р., въ виду того, что Испанія порвала съ Австріей изъ-за вопроса о водвореніи въ Италіи испанскихъ принцевъ и перешла на сторону Франціи. Къ удовольствію Р., австро-испанскій конфликтъ не привелъ къ военному столкновенію; но возгорѣвшаяся вскорѣ послѣ того борьба за польскій престолъ втянула Р. въ военныя дѣйствія, какъ разъ въ то время, когда на Ю возобновлялась открытая борьба съ Турціей. Происки французскихъ дипломатовъ, старавшихся склонить Р. на сторону кандидатуры Станислава Лещинскаго на польскій престолъ, не увѣнчались успѣхомъ. Р. и Австрія рѣшили совмѣстно защищать кандидатуру саксонскаго курфюрста Августа III, за что Р. выговорила отказъ Августа отъ притязаній на Лифляндію. Пруссія, воздерживаясь отъ активной помощи Р. и Австріи, обѣщала имъ дружественный нейтралитетъ, Англія и Голландія примкнули къ Австріи. Франція была изолирована и начала сближаться съ Швеціей. По избраніи на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, русское войско вступило въ Польшу. Минихъ осадилъ Данцигъ, сдавшійся русскимъ послѣ продолжительной осады. Другой русскій корпусъ былъ посланъ на помощь Австріи въ виду начавшейся войны ея съ Франціей. Франція успѣла возбудить противъ Р. Порту. Вторженіе крымскаго хана въ Кабарду было признано въ Р. за casus belli. Минихъ вторгся въ Крымъ (1736), но, дойдя до Бахчисарая, поспѣшно возвратился, опасаясь вторженія турокъ въ юго-западную Россію. Въ 1737 г. русскіе заняли Очаковъ, но успѣшному продолженію войны препятствовало позднее выступленіе союзной австрійской арміи, вялость ея дѣйствій, незначительность ея успѣховъ. На открывшемся въ Немировѣ мирномъ конгрессѣ Р. заявила притязанія на Крымъ, Австрія на Молдавію и Валахію. Хотя обѣ державы сильно сократили затѣмъ свои требованія, конгрессъ былъ прерванъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій. Кампанія 1738 г. была неудачна и для русскихъ, и для австрійцевъ. Въ 1739 г. Минихъ разбилъ турокъ при Ставучанахъ, взялъ Хотинъ, занялъ Яссы, послѣ чего Молдавія изъявила готовность отдаться въ подданство Р.; но въ самый разгаръ русскихъ успѣховъ пришла вѣсть о заключеніи мира между Турціей и Австрісй, что вынудило и Р. вступить въ мирные переговоры. Результаты войны далеко не окупили принесенныхъ жертвъ. Р. удержала Азовъ, но съ обязательствомъ срыть его укрѣпленія, и получила право построить крѣпость на Дону; Турція, съ своей стороны, получила право построить крѣпость на Кубани. Р. не пріобрѣла права содержать флотъ на Черномъ морѣ; Кабарда была объявлена нейтральной полосой между Р. и Портой. По заключеніи Бѣлградскаго мира (1739 г.) Франція усиленно стремится къ разорванію австро-русскаго союза. Францію поддерживаетъ Пруссія; Фридрихъ II, вступивъ въ борьбу съ Австріею, усиленно добивался союза съ Р. Въ Петербургѣ боролись два иностранныхъ вліянія: австрійское, на сторонѣ котораго стояли Остерманъ и правительница Анна Леопольдовна, и прусское, опиравшееся на Миниха, который былъ озлобленъ на Австрію за ея поспѣшный миръ съ Турціей. Р. вошла въ союзъ съ Пруссіей, не порывая и съ Австріей и намѣчая въ будущемъ коалицію Р., Пруссіи и Австріи противъ Франціи. Тогда во Франціи составился планъ поднять на Р. Порту и Швецію и обезпечить въ будущемъ французское вліяніе на политику Р., подготовивъ въ Р., черезъ французскаго посла Шетарди, дворцовый переворотъ въ пользу дочери Петра, Елизаветы. Порта, угрожаемая Пруссіей, не двинулась, но Швеція, подъ давленіемъ Франціи, начала въ 1741 г. войну, объявивъ, что ведетъ ее противъ *иноземнаго* правительства Анны Леопольдовны, за права Елизаветы. Елизавета дала обѣщаніе вознаградить Швецію и, порвавъ всѣ прежніе трактаты съ Австріей, Англіей и Пруссіей, тѣсно примкнуть къ Франціи и Швеціи. Но Ласси разбилъ шведовъ у Вильманштранда, а дворцовый переворотъ въ пользу Елизаветы совершился раньше, чѣмъ предполагалъ Шетарди, и безъ участія шведовъ. Это дало возможность Елизаветѣ отказать Швеціи въ вознагражденіи и отвергнуть французское посредничество при переговорахъ съ Швеціей. Русское войско заняло всю Финляндію; Шетарди покинулъ Р. Елизавета требовала всей Финляндіи, но боязнь, чтобы въ наслѣдники шведскаго престола не былъ выбранъ датскій принцъ, вмѣсто намѣченнаго Елизаветой дяди—Голштинскаго герцога, заставила Р. удовольствоваться пріобрѣтеніемъ небольшой полосы земли, до р. Кюменя. Завѣдываніе иностранными дѣлами перешло къ Бестужеву, политической системой котораго былъ союзъ Р., Австріи, Саксоніи и морскихъ державъ противъ Франціи и и Пруссіи, въ видахъ обузданія ихъ завоевательныхъ стремленій. Франція и Пруссія ставятъ себѣ цѣлью сверженіе Бестужева. Въ Р. снова появляется Шетарди, а Фридрихъ II устраиваетъ два политическихъ брака: Петра III съ ангальтъ-цербстской принцессой Софіи (бу-

Библиотека "Руниверс"

дущей Екатеринѣ II), для парализованія вліянія Бестужева, и наслѣдника шведскаго—на сестрѣ прусскаго короля, для вытѣсненія русскаго вліянія изъ Швеціи. Однако, Бестужевъ съумѣлъ укрѣпить свое положеніе, вскрывъ донесенія Шетарди и представивъ Елизаветѣ заключавшіеся тамъ рѣзкіе отзывы о ней. Шетарди былъ высланъ изъ Р.,открыто ставшей противъ Пруссіи и Франціи. Снова русскій корпусъ былъ введенъ въ Германію, но заключеніе ахенскаго мира дало возможность вернуть его на родину. Исходъ войны за австрійское наслѣдство имѣлъ, между прочимъ, то важное слѣдствіе, что Франція перешла на сторону Австріи и Р.: возвышеніе Пруссіи стало казаться для Франціи еще болѣе опаснымъ, чѣмъ могущество Австріи. Такъ подготовилась комбинація, приведшая къ семилѣтней войнѣ. Когда, послѣ разгрома Саксоніи Фридрихомъ II, Августъ удалился въ Варшаву и сталъ взывать о помощи къ Р., русскіе вступили въ Пруссію, подъ начальствомъ Апраксина (1757 г.). Занявъ восточную Пруссію, вторгаясь въ Померанію, Силезію и Бранденбургъ, русскія войска одержали надъ пруссаками нѣсколько важныхъ побѣдъ при Гроссъ-Эгерсдорфѣ (1757), Цорндорфѣ (1758), Кунерсдорфѣ (1759), а въ 1760 г. заняли Берлинъ; но всѣ смѣнявшіе другъ друга главнокомандующіе—Апраксинъ, Фермеръ, Салтыковъ, Бутурлинъ — дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана, отдѣльными вторженіями въ непріятельскія владѣнія. Къ этому присоединялась несогласованность съ дѣйствіями союзныхъ войскъ австрійскихъ и французскихъ. Франція первая заговорила о мирѣ (1760), въ виду достаточнаго ослабленія Пруссіи. Австрія соглашалась мириться на условіи полученія лишь части Силезіи, Р. — на условіи полученія восточной Пруссіи, которую, впрочемъ, намѣревалась передать Польшѣ. Смерть Елизаветы рѣзко перевернула всѣ политическія комбинаціи. Союзъ Р. съ Австріей былъ разорванъ. Петръ III, боготворившій Фридриха II, возвратилъ ему всѣ русскія завоеванія, заключилъ союзъ съ Пруссіей и двинулъ русскія войска на помощь Пруссіи противъ Австріи. Съ своей стороны Фридрихъ II обѣщалъ свое посредничество между Р. и Даніей въ ихъ конфликтѣ изъ-за Шлезвига. Внезапное сближеніе Р. съ Пруссіей и разрывъ съ Австріей противорѣчили всему направленію русской внѣшней политики по смерти Петра. Этотъ поворотъ, вызванный личными пристрастіями Петра III, былъ усвоенъ, однако, и его преемницей, Екатериной II, на основаніи политическаго разсчета. Въ царствованіе Екатерины II на первый планъ выдвигались поочередно два крупныхъ вопроса внѣшней политики—польскій и турецкій. Разработка этихъ вопросовъ прошла двѣ стадіи: сначала польскій вопросъ скрѣпилъ связи Р. и Пруссіи, затѣмъ вопросъ турецкій обусловилъ возвращеніе Р. къ австрійскому союзу, соединенное съ новымъ охлажденіемъ къ Пруссіи. Тотчасъ по воцареніи Екатерина II, къ полному разочарованію Австріи, заявила, что она признаетъ заключенный Петромъ III миръ съ Пруссіей но условіемъ своего миролюбія ставитъ умѣренность Фридриха II по отношенію къ союзникамъ Р. и предлагаетъ свое посредничество при предстоящемъ замиреніи Европы. Австрія съ негодованіемъ отвергла русское посредничество и Губертсбургскій миръ былъ заключенъ безъ участія русской дипломатіи. Пока замирялась Европа, Р. стала твердою ногою въ Курляндіи. Екатерина рѣшила водворить въ Курляндіи герцога, независимаго отъ польскаго короля и всецѣло обязаннаго Р. своимъ возвышеніемъ. Сынъ польскаго короля Карлъ, посаженный герцогомъ въ Курляндію при Елизаветѣ, покинулъ Митаву, въ виду враждебныхъ демонстрацій со стороны Р., и въ курляндскіе герцоги былъ выбранъ ставленникъ Р.—Бирономъ. Русское вліяніе всецѣло водворилось въ Курляндіи. То былъ первый, отдаленный шагъ къ ослабленію Польши. Въ ожиданіи смерти польскаго короля Августа шли оживленныя сношенія между Р. и Пруссіей. Европейскіе дворы опасались уже возможности раздѣла Польши между Россіей и Пруссіей. Франція и Австрія намѣчали въ преемники Августу его сына, саксонскаго принца; но подъ давленіемъ русско-прусской агитаціи на польскій тронъ былъ выбранъ Станиславъ Понятовскій. Опека Р. и Пруссіи надъ Польшей сосредоточилась на двухъ вопросахъ — о положеніи диссидентовъ и о сохраненіи въ Польшѣ существующаго государственнаго порядка, служившаго вѣрнымъ залогомъ окончательнаго паденія польской самостоятельности. Р. стремилась къ безусловному господству въ Польшѣ, къ превращенію Польши во вторую Курляндію. Русскія войска не выходили изъ Польши; дипломатическіе представители Р. постоянно были заняты составленіемъ руссофильскихъ конфедерацій. За успѣхи въ Польшѣ Р. поплатилась войной съ Турціей: Франція, Австрія и Польша возбудили въ султанѣ вражду къ Р. Случайный переходъ казацкаго отряда черезъ турецкую границу у Балты, при преслѣдованіи польскаго ополченія, былъ принятъ Портой за достаточный поводъ къ войнѣ. Русскій посолъ Обрѣзковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ и въ январѣ 1769 г. татары вторглись въ Елизаветградскую провинцію. Весной 1769 г. война открылась переходомъ русской арміи черезъ турецкую границу. Скоро русскіе взяли Хотинъ и заняли Ясеы. Григорій Орловъ выставилъ широкій планъ возбужденія возстанія противъ Порты въ Греціи и славянскихъ областяхъ Турціи. Съ этой цѣлью въ Средиземное море была отправлена военная эскадра подъ начальствомъ Алексѣя Орлова. Масса русскихъ эмиссаровъ, преимущественно изъ грековъ, была разсыпана по Черногоріи, Далмаціи, Греціи для пропаганды возстанія. Во Франціи уже ожидали съ тревогой раздѣла Турціи. Однако, организація возстанія грековъ потерпѣла полное фіаско, хотя русскіе моряки сожгли турецкій флотъ при Чесмѣ (1770), а на сушѣ были одержаны серьезныя побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ. Р. начала выдвигать идею превращенія Крыма въ независимое государство, подъ покровительствомъ Р. Въ 1770 г. Долго-

Библиотека "Руниверс"

рукій вторгся въ Крымъ и взялъ Перекопъ, Керчь, Евпаторію. Спиридовъ осадилъ о-въ Паросъ. Успѣхи Р. тревожили Европу. Франція продолжала дѣятельно агитировать противъ Р. въ Турціи и Польшѣ, Австрія не могла примириться съ утвержденіемъ Р. на Дунаѣ, Англія, въ общемъ благоволившая къ Р., не одобряла проекта созданія независимыхъ государствъ изъ Крыма и дунайскихъ княжествъ. Союзникъ Р., Фридрихъ II, занялъ своеобразное положеніе. Онъ усиленно совѣтовалъ Екатеринѣ держаться умѣренности, отвергалъ планъ независимости Крыма и славянскихъ княжествъ, а также утвержденія Р. на одномъ изъ о-вовъ Архипелага и соглашался лишь на присоединеніе къ Р. двухъ Кабардъ и Азова съ округомъ, а также на предоставленіе Р. права содержать флотъ на Черномъ морѣ. Пугая Р. воинственными замыслами Австріи, а Австрію—безмѣрной притязательностью Р., Фридрихъ II воспользовался, для разрѣшенія конфликта, идеей раздѣла Польши. Идея эта давно носилась въ воздухѣ, разрабатывалась и въ Пруссіи, и въ Р. Теперь Фридрихъ II связалъ ее съ вопросомъ о ликвидаціи русско-турецкаго столкновенія, обусловливая умѣренность Р. по отношенію къ Турціи пріобрѣтеніями на счетъ Польши, при чемъ Пруссія и Австрія также должны были получить въ Польшѣ свои части. Раздѣлъ совершился въ 1772 г.: Р. пріобрѣла Бѣлоруссію (1775 кв. миль съ 1800000 жит.). Въ томъ же году открылись мирные переговоры съ турками въ Фокшанахъ и Бухарестѣ. Р. требовала независимости Крыма и уступки Керчи и Еникале. Въ виду распространенія чумы въ русскихъ войскахъ и опасности разрыва Р. съ Швеціей, Порта отвергла эти требованія. Послѣ перехода русской арміи черезъ Дунай, взятія Туртукая, осады Силистріи Турція заявила согласіе на независимость Крыма, но вмѣсто Керчи и Еникале предложила Кинбурнъ. Медленное движеніе русской арміи и разразившаяся внутри имперіи пугачевщина заставили-было Р. согласиться на эту комбинацію, но новые военные успѣхи привели къ заключенію болѣе благопріятнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774). Крымъ получилъ независимое существованіе, иначе говоря, Порта уступала тамъ Р. свободное поле для политическихъ вліяній и воздѣйствій; Р. присоединяла къ себѣ Керчь, Еникале, Кинбурнъ, всю степь между Бугомъ и Днѣпромъ, Азовъ, обѣ Кабарды, долины Кубани и Терека, получала $4^1/_2$ милл. контрибуціи и право свободной морской торговли по Черному морю, наконецъ, не менѣе важное право представительствовать передъ Портой о нуждахъ Молдавіи и Валахіи, т. е. право вмѣшательства во внутренніе вопросы турецкой монархіи. Условія мира возбудили крайнее неудовольствіе Франціи и Австріи. Близость Р. съ Пруссіей, не прерывавшаяся въ періодъ перваго раздѣла Польши и первой турецкой войны, проявилась еще разъ въ моментъ австро-прусскаго конфликта изъ-за баварскаго наслѣдства. Явившись посредницей между двумя державами, Р. рѣшительно приняла сторону Пруссіи, чѣмъ и былъ обусловленъ въ значительной мѣрѣ исходъ Тешенскаго конгресса. Но этотъ конгрессъ былъ уже конечной точкой русско-прусскаго сближенія. Р. была преисполнена агрессивныхъ стремленій по отношенію къ Турціи. Екатерина увлекалась фантастическимъ «греческимъ проектомъ», выполненіе котораго требовало тѣснаго союза съ Австріей. Іосифъ II, съ своей стороны, стремился къ возстановленію торговаго значенія Австріи на Черномъ морѣ. Свиданіе Екатерины съ Іосифомъ II въ Могилевѣ и поѣздка въ Р. прусскаго принца Фридриха-Вильгельма въ 1780 г. рѣзко оттѣнили перемѣщеніе симпатій Екатерины отъ Пруссіи къ Австріи. Планъ Р. состоялъ въ слѣдующемъ: образованіе изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи новаго самостоятельнаго государства Дакіи, пріобрѣтеніе для Р. Очакова, всей степи между Бугомъ и Днѣстромъ и одного или двухъ острововъ въ Архипелагѣ, наконецъ, возстановленіе Греческой имперіи, на мѣсто Турціи, съ возведеніемъ вел. кн. Константина Павловича на греч. престолъ. Іосифъ II заявлялъ притязанія на рядъ областей въ Молдавіи, Валахіи, Босніи и Сербіи, а также Истріи, Далмаціи и Венеціи. Сблизившись съ Австріей, Р. сдѣлала рядъ важныхъ подготовительныхъ шаговъ къ ослабленію Турціи: постройка Херсонской крѣпости, присоединеніе Крыма (1783), принятіе подданства грузинскаго царя Георгія, разсылка агентовъ на Кавказѣ и въ Египтѣ для возбужденія населенія противъ Турціи. Опять европейскія державы—на этотъ разъ Франція, Англія и *Пруссія* — ободряли султана выраженіями сочувствія. Въ 1787 г. Порта, въ виду поѣздки Екатерины въ Крымъ вмѣстѣ съ Іосифомъ II, понятой какъ политическая демонстрація, предъявила Р. ультиматумъ, съ требованіемъ отозвать воинственно настроенныхъ русскихъ консуловъ изъ Яссъ и Бухареста и признать царя грузинскаго Георгія вассаломъ Порты. Отвѣтомъ на ультиматумъ было начало военныхъ дѣйствій (1787) какъ со стороны Р., такъ и со стороны Австріи. Суворовъ одержалъ побѣду подъ Кинбурномъ, но затѣмъ потянулась безконечная осада Очакова, австрійцы дѣйствовали неудачно, война съ Турціей неожиданно осложнилась разрывомъ съ Швеціей. По примѣру первой войны рѣшено было отправить эскадру въ Средиземное море и Архипелагъ, придавъ этому характеръ священнаго похода противъ царства ислама, для освобожденія славянъ и грековъ, но эта экспедиція не состоялась, эскадра понадобилась на Балтійскомъ морѣ. Густавъ III воспользовался шведско-турецкимъ договоромъ 1739 г. о взаимной помощи на случай войны и, обезпеченный помощью Англіи и Пруссіи, а также турецкими субсидіями, потребовалъ отъ Р. отказа отъ принадлежавшихъ ей частей Финляндіи и Кареліи въ пользу Швеціи и возвращенія Крыма Турціи. Это было равносильно объявленію войны. Не смотря на внутреннія смуты въ Швеціи (аньяльская «конфедерація»), не смотря на морскія побѣды надъ шведами Грейга у Гохланда и Нассау-Зигена у Свенкзунда (1789), совмѣщеніе двухъ войнъ—турецкой и шведской—ста-

Библиотека "Руниверс"

вило Р. въ критическое положеніе. Р. была изолирована. Къ враждебнымъ ей Франціи и Пруссіи примкнула Англія, раздраженная на Р. за провозглашеніе вооруженнаго нейтралитета (1780); между тѣмъ, Австрія была значительно парализована нидерландскимъ возстаніемъ. Въ 1790 г. шведы одержали рядъ успѣховъ въ Финляндіи; Екатерина боялась ихъ появленія въ Петербургѣ. Нассау-Зигенъ, вновь одержавъ морскую побѣду у бухты Выборга, былъ жестоко разбитъ у Свенкзунда, на мѣстѣ своей первой побѣды. Утомленная войной Швеція согласилась, однако, начать мирные переговоры. По Верельскому миру (1790) не было установлено никакихъ территоріальныхъ измѣненій, но Р. отказалась съ тѣхъ поръ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Швеціи, отъ поддержанія русской партіи въ средѣ оппозиціонной трону аристократіи. Вяло подвигавшаяся турецкая война пошла успѣшнѣе послѣ взятія Очакова, въ концѣ 1788 г. Въ 1789 г. были взяты Галацъ, Рымникъ, Аккерманъ; австрійцы заняли Бендеры. Въ 1790 г. палъ Измаилъ; Порта уже заговаривала о мирѣ. Смерть Іосифа II измѣнила характеръ австрійской политики. Преемникъ его Леопольдъ II тяготѣлъ къ Пруссіи; но въ то время какъ послѣдняя, совмѣстно съ Англіей, стремилась отдалить Австрію отъ Р., Леопольдъ намѣчалъ общеевропейскую коалицію изъ Австріи, Пруссіи, Англіи и Р. противъ революціонной Франціи. Восточный вопросъ временно отходилъ на второй планъ въ международной политикѣ Европы. Въ 1791 г., послѣ новыхъ успѣховъ Р., взятія Анапы, побѣды у Мачина—состоялся миръ въ Яссахъ. Порта признала присоединеніе къ Р. Крыма и уступила Р. степь между Бугомъ и Днѣстромъ. По окончаніи этой войны вновь выдвигается польскій вопросъ. За время войны въ Польшѣ успѣло укрѣпиться вліяніе Пруссіи, въ ущербъ Р. Съ одобренія Пруссіи, національная партія въ Польшѣ провела конституцію 1791 г., съ отмѣной конфедераціи и liberum veto и съ установленіемъ наслѣдственной монархіи. Екатерина не хотѣла допустить такого оздоровленія польскаго государственнаго организма. Уже въ 1790 г. Потемкинъ поднималъ вопросъ о второмъ раздѣлѣ Польши. Тотчасъ по окончаніи турецкой войны Р. организовала въ Польшѣ тарговицкую конфедерацію и двинула къ Варшавѣ русское войско. Пруссія тотчасъ же предъявила притязанія на участіе въ раздѣлѣ, къ которому пріобщили и Австрію. По второму раздѣлу (1793) Р. получила Волынію, Подолію и Минскую губернію, всего 4533 кв. м. съ 3 милл. населенія. Два года спустя, послѣ возстанія поляковъ подъ предводительствомъ Костюшки, послѣ побѣды надъ поляками при Маціовицахъ и взятія Праги совершился третій и послѣдній раздѣлъ, уничтожившій польское государство. Р. получила остальную часть Литвы и Курляндію, въ общемъ свыше 2000 кв. м. Послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія не были спокойны. Въ 1795 г. Франція едва не подняла султана на третью войну съ Р. Для защиты Грузіи пришлось открыть войну съ Персіей, ознаменовавшуюся занятіемъ Баку и Дербента. Матеріальные результаты внѣшней политики Р. за XVIII в. выразились въ значительномъ расширеніи русской государственной территоріи и въ быстромъ развитіи кризиса въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ. Территоріальный ростъ русскаго государства послѣдовательно усиливался въ теченіе всего вѣка. Пространство Р. обнимало собою

Передъ воцареніемъ Петра I.	265126	кв. миль
При кончинѣ Петра I	275571	» »
» » Анны.	290802	» »
» » Елизаветы . . .	294497	» »
» » Екатерины II.	305794	» »

включая въ этотъ счетъ пріобрѣтенія Р. какъ въ Европѣ, такъ и въ Закавказьѣ, Сибири и Сѣв. Америкѣ. Эти успѣхи покупались непрерывнымъ напряженіемъ государственныхъ финансовъ и постояннымъ поглощеніемъ наибольшей части расходовъ военными нуждами. Въ теченіе вѣка параллельно ростутъ и размѣры обложенія, и размѣры государственнаго дефицита. Ростъ обложенія совершался главнымъ образомъ на счетъ косвенныхъ налоговъ. Уже къ царствованію Елизаветы обозначается усиленное возрастаніе сборовъ питейныхъ, таможенныхъ и разныхъ другихъ, охватившихъ почти всѣ виды промысла и крайне стѣснявшихъ промышленность. Въ 40-хъ годахъ $^3/_4$ расходнаго бюджета поглощались содержаніемъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ. Ко времени воцаренія Петра III дефицитъ равнялся $^1/_5$ общей суммы доходовъ. Не смотря на такое состояніе финансовъ, Екатерина II начала царствованіе попыткой облегчить платежное бремя населенія; но уже въ 1764 г. сбавка съ соляного налога была отмѣнена и кромѣ того частью повышены, частью введены разные сборы. Ожидавшіеся отъ всѣхъ этихъ мѣръ $1^1/_2$ милл. руб. предполагалось обратить на повышеніе служебныхъ окладовъ, съ цѣлью предотвращенія лихоимства чиновниковъ. Но поступленія далеко не оправдали ожиданій. Съ 1766 г. началъ вновь наростать дефицитъ. Турецкая война рѣзко измѣнила финансовое положеніе. Она стоила $47^1/_2$ милл. руб.: около 20 милл. было добыто путемъ новаго повышенія существовавшихъ налоговъ, затѣмъ впервые былъ затронутъ новый рессурсъ — государственные займы: учрежденъ былъ ассигнаціонный банкъ. Новыя войны съ Турціей и Польшей, занявшія послѣднее восьмилѣтіе Екатерининскаго царствованія, опять потрясли всѣ достигнутые во время мира финансовые успѣхи. Повышеніе налоговъ не устранило необходимости въ новыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ займахъ. Къ концу второй турецкой войны въ обращеніи находилось уже на 150 милл. руб. бумажныхъ денегъ и курсъ рубля упалъ до 40 коп.; но къ концу царствованія число бумажныхъ денегъ сократилось на 68 милл. руб., а курсъ рубля установился въ 68 коп. Русское государственное хозяйство встрѣчало XIX в. съ 44 милл. внѣшняго и 82 милл. внутренняго долга, при среднемъ годовомъ доходѣ въ 65 милл. руб. Военное и финансовое напряженіе, не прекращавшееся въ Р. въ теченіе всего XVIII ст., не могло

Библиотека "Руниверс"

способствовать значительному подъему народно-хозяйственной жизни. Хотя количество фабрикъ и заводовъ къ концу царствованія Екатерины II доходитъ до 2000, но такой успѣхъ достигается лишь при помощи усиленнаго покровительства промышленности. Послѣ льготнаго тарифа 1731 г. всѣ послѣдующіе тарифы прошлаго столѣтія носятъ охранительный характеръ. За 34 года (1726—1760) по европейской торговлѣ цѣна отпуска увеличилась въ два, а привоза—въ три раза; цѣна отпускныхъ издѣлій возросла на 790 тыс. руб., а привозныхъ—слишкомъ на $2^1/_2$ милл. руб. Рѣдкость капиталовъ въ Р. того времени выражалась весьма ярко въ высотѣ процента, 12, 15, 20%-нтный ростъ былъ явленіемъ обыкновеннымъ. Въ 1754 г., при учрежденіи коммерческаго банка, для ссуды денегъ подъ залогъ товаровъ былъ установленъ 6% ростъ, съ запрещеніемъ и частнымъ лицамъ брать больше; тѣмъ не менѣе, и въ началѣ XIX в. по разнымъ мѣстностямъ Р. практиковались 10, 25, 30%—росты. Во всѣхъ крупныхъ оборотахъ царили иностранные, преимущественно голландскіе и англійскіе капиталисты. Въ 1753 г. отмѣнены внутреннія таможни. Эта мѣра была нѣсколько парализована предоставленіемъ нѣкоторымъ лицамъ исключительныхъ преимуществъ по рыбному промыслу, хлѣбному и лѣсному торгу и проч., но въ началѣ царствованія Екатерины II какъ казенныя монополіи, такъ и привилегіи частныхъ лицъ на производство промысловъ были отмѣнены. Въ 1754 г. учрежденъ коммерческій банкъ, выдававшій только русскимъ купцамъ ссуды подъ залогъ товаровъ по 6%; въ 1757 г. учреждены банковыя конторы по городамъ для перевода суммъ изъ одного города въ другой посредствомъ векселей на магистраты, что облегчало пользованіе мѣдной монетой. Въ 1758 г. учрежденъ мѣдный банкъ, выдававшій подъ векселя мѣдныя деньги на годовой срокъ со взятіемъ по 6% и принимавшій денежные вклады изъ процентовъ. Въ 1786 г. учрежденъ государственный заемный банкъ, для выдачи ссудъ подъ залогъ городскихъ каменныхъ домовъ, фабрикъ, заводовъ и для принятія денежныхъ вкладовъ. Въ половинѣ XVIII в. общая цѣна товаровъ, обращавшихся на городскихъ рынкахъ, равнялась 18 милл. руб., но $^7/_{10}$ этого товарнаго обращенія приходились на долю внѣшней торговли.

При всей своей тяжести, внѣшняя борьба, которую вела Р. въ XVIII вѣкѣ, не могла идти ни въ какое сравненіе съ національной самообороной предшествующей эпохи. Это не могло не повести къ ослабленію закрѣпостительныхъ тенденцій государственной власти. Въ теченіе XVIII в. этимъ ослабленіемъ воспользовался лишь высшій классъ русскаго общества—дворянство. Знакомство съ западной образованностью помогло ему въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей осмыслить свои эмансипаціонныя стремленія, а часто возобновлявшійся спорный вопросъ о престолонаслѣдіи давалъ ему удобный поводъ предъявлять свои притязанія и добиваться ихъ осуществленія. Дворцовые перевороты первой половины XVIII в. послужили отправной точкой для процесса дворянской эмансипаціи, завершившагося во вторую половину вѣка. Главнымъ орудіемъ дворцовыхъ переворотовъ явилась гвардія, а двигателями этого орудія—тѣ взаимно соперничавшія группы, на которыя разбился классъ русскаго дворянства: потомки старой родовитой знати, случайные выходцы, приближенные къ царствующимъ особамъ, высшіе слои чиновнаго дворянства или «генералитетъ» и рядовая масса служилаго дворянства. Движенія этихъ партій начались тотчасъ послѣ смерти Петра, борьбой двухъ первыхъ группъ за политическое преобладаніе. Возведеніе на престолъ Екатерины I, при содѣйствіи гвардейской манифестаціи, означало побѣду случайныхъ выходцевъ Петровской эпохи надъ группой родовитыхъ фамилій. Въ результатѣ этой побѣды установилась диктатура Меншикова, наиболѣе сильнаго представителя побѣдившей группы. Учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта имѣло значеніе внѣшняго компромисса между двумя группами, но фактически Меншиковъ всецѣло властвовалъ и надъ совѣтомъ. Въ группѣ родовитыхъ фамилій въ это время назрѣваютъ два направленія: одно для достиженія политическаго преобладанія держится прежняго пути личныхъ связей съ царствующимъ домомъ, другое намѣчаетъ для той же цѣли новый путь политической реформы. Первое теченіе выразилось при Петрѣ II въ образѣ дѣйствій кн. Долгорукихъ, которые личнымъ вліяніемъ на молодого царя добились сверженія Меншикова и ссылки его въ Сибирь и поспѣшили закрѣпить свое положеніе обрученіемъ императора съ Екатериной Долгорукой. Преждевременная смерть Петра II разстроила эти планы. Долгорукіе прибѣгли было къ отчаянному средству—составленію подложнаго завѣщанія отъ имени Петра II о передачѣ короны его невѣстѣ; но въ этотъ моментъ выступилъ кн. Дм. Голицынъ съ кандидатурой Анны Іоанновны и проектомъ политической реформы. Проектъ былъ составленъ по образцу олигархической конституціи Швеціи, періода, предшествовавшаго реформѣ Карла XII, и явился плодомъ продолжительныхъ занятій Голицына по изученію западно-европейской политической литературы и конституціонныхъ учрежденій Польши, Англіи и въ особенности Швеціи. Проектъ намѣчалъ введеніе ограниченной монархіи, при чемъ ограничительными органами должны были явиться верховный тайный совѣтъ, съ законодательною властью, въ составѣ 10—12 членовъ, палата нисшаго шляхетства изъ 200 человѣкъ, охраняющая права шляхетскаго сословія, и палата городскихъ представителей, по два отъ каждаго города, для вѣдѣнія торговыхъ дѣлъ и интересовъ простого народа. Анна, находившаяся въ Митавѣ въ качествѣ курляндской герцогини, подписала присланныя ей туда ограничительныя условія, но въ самой Москвѣ планы Голицына встрѣтили двоякое противодѣйствіе со стороны собравшагося въ Москву на предстоявшую свадьбу Петра II провинціальнаго шляхетства. Испуганное олигархическимъ характеромъ Голицынскихъ проектовъ, чиновное и рядовое шляхетство раздѣлилось на сторонниковъ не-

Библиотека "Руниверс"

ограниченной монархіи, которые предлагали внезапно арестовать «верховныхъ господъ», и на сторонниковъ конституціонной реформы, но при условіи болѣе равномѣрнаго распредѣленія политическихъ правъ между слоями шляхетства. Въ многочисленныхъ проектахъ, составленныхъ шляхетскими конституціоналистами, обозначились двоякаго рода притязанія шляхетскаго класса: *политическія*, касавшіяся передачи законодательной инціативы собранію представителей всего шляхетства, а не олигархическому совѣту, и *соціальныя*, касавшіяся сокращенія обязательной дворянской службы и установленія для дворянства различныхъ служебныхъ и землевладѣльческихъ привилегій. Скоро обнаружилось, что центръ тяжести шляхетскихъ стремленій лежалъ въ его соціальныхъ притязаніяхъ, а политическая реформа намѣчалась лишь какъ средство для ихъ осуществленія. На этомъ обстоятельствѣ партія неограниченнаго самодержавія, руководимая Остерманомъ, построила свою побѣду. Агенты Остермана распространили въ шляхетскихъ кружкахъ увѣренность въ томъ, что служебныя и землевладѣльческія привилегіи могутъ быть получены прямо изъ рукъ монархическаго правительства. Ради устраненія верховниковъ, шляхетскій генералитетъ согласился просить прибывшую въ Москву Анну уничтожить подписанные ею ограничительные пункты и распустить верховный тайный совѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ созвать шляхетское депутатское собраніе для выработки государственной реформы. На торжественномъ представленіи Аннѣ верховниковъ и шляхетства первыя двѣ просьбы были исполнены; третья осталась намѣренно непонятой, и вмѣсто созыва депутатовъ подателямъ челобитной было предложено тутъ же во дворцѣ самимъ выработать преобразовательный проектъ втеченіе дня. Совѣщательная комната была окружена подготовленной Остерманомъ гвардіей, которая своими шумными манифестаціями принудила шляхетскихъ представителей просить о полномъ возстановленіи неограниченнаго самодержавія. Устранивъ политическія притязанія шляхетства, правительство послѣдовательно осуществило затѣмъ его соціальную программу. Раскрѣпощеніе дворянства пошло сверху. Уже Анна, ради упроченія только-что добытаго трона, развиваетъ двѣ параллельныя тенденціи. Какъ *палліативъ*, для подавленія возникшихъ броженій, былъ выдвинутъ правительственный терроръ, получившій отъ имени своего главнаго направителя названіе *бироновщины*. Гвардія была усилена двумя новыми полками, измайловскимъ и конногвардейскимъ; учреждена канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, началась вакханалія знаменитаго «слова и дѣла». Какъ *коренное средство*, для истребленія шляхетскаго недовольства, была предпринята законодательная разработка заявленныхъ въ 1730 г. соціальныхъ шляхетскихъ притязаній. Уже на второй годъ царствованія Анны была учреждена воинская коммиссія подъ предсѣдательствомъ Миниха, занявшаяся вопросомъ объ «урочныхъ лѣтахъ» дворянской службы. Въ 1736 г. изданъ манифестъ, установлявшій 25-лѣтній срокъ для (ранѣе безсрочной) обязательной шляхетской службы. Въ 1730 г. отмѣненъ Петровскій законъ о единонаслѣдіи и неотчуждаемости вотчинъ и шляхетское землевладѣніе освобождено отъ тяготѣвшей надъ нимъ регламентаціи. Въ 1731 г. учрежденъ шляхетскій кадетскій корпусъ, получившій характеръ не столько профессіональнаго военнаго училища, сколько привилегированнаго общеобразовательнаго заведенія для дѣтей дворянъ. Всѣ эти мѣры создавали дворянству привилегированное положеніе среди прочихъ общественныхъ классовъ и перемѣщали его интересы изъ центра въ провинцію. Въ царствованіе Елизаветы господствуютъ тѣ же тенденціи. Въ интересахъ землевладѣльческаго дворянства создается въ 1754 г. государственный заемный банкъ для выдачи дворянамъ ссудъ подъ закладъ ихъ имѣній. При дворѣ формируется кружокъ, усиленно пропагандирующій идею полной отмѣны обязательной дворянской службы. Изданный Петромъ III въ 1762 г. манифестъ «о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству» осуществилъ эту идею. Въ царствованіе Екатерины II процессъ дворянской эмансипаціи нашелъ свое окончательное завершеніе. Екатерина II вступила на престолъ, увлеченная идеями просвѣтительной философіи XVIII в. и занятая мечтой реформировать соціально-политическій строй Р. на началахъ разума и свободы. Первыми шагами въ этомъ направленіи явились составленіе «Наказа» и созваніе депутатовъ отъ всѣхъ общественныхъ классовъ, кромѣ духовенства и крѣпостного крестьянства, въ коммиссію для составленія проекта новаго государственнаго уложенія. Наказы, которыми снабдили депутатовъ ихъ избиратели, и пренія самихъ депутатовъ ясно показали, какъ измѣнились настроенія и вкусы руководящаго общественнаго класса—дворянства—со времени шляхетскихъ движеній 1730 г. Все вниманіе дворянскихъ обществъ и ихъ представителей сосредоточилось теперь на вопросахъ землевладѣльческаго хозяйства и мѣстнаго управленія, при чемъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ намѣчалось въ духѣ рѣзко выраженной сословной исключительности. Законодательные памятники Екатерининскаго царствованія, выросшіе изъ работъ этой коммиссіи, отразили на себѣ въ извѣстной мѣрѣ занимавшія Екатерину идеи личной и общественной свободы, но ограничили примѣненіе этихъ идей предѣлами высшихъ слоевъ общества, придавъ имъ характеръ сословныхъ привилегій. Жалованная грамота дворянству 1785 г. свела въ общій итогъ всѣ уже сложившіяся преимущества дворянскаго класса. Одни изъ нихъ являлись результатомъ недавняго раскрѣпощенія этого класса — свобода отъ обязательной службы, право ограждать судебной защитой неприкосновенность своихъ сословныхъ привилегій; другія — исключительное право владѣть землей, свобода отъ податей—были старыми преимуществами, оставшимися еще отъ закрѣпощеннаго режима, но теперь и они получали новое значеніе; изъ естественныхъ послѣдствій обязательной службы, онѣ тоже превратились въ

Библиотека "Руниверс"

сословныя привилегіи, основанныя исключительно на достоинствѣ дворянскаго званія. Наконецъ, грамота создавала корпоративную самодѣятельность дворянства въ сферѣ его сословныхъ интересовъ, установленіемъ дворянскихъ губернскихъ обществъ, надѣленныхъ, въ качествѣ юридическихъ лицъ, опредѣленными правами. Въ тоже время «Учрежденіе о губерніяхъ» предоставляло дворянству значительную роль и въ общегубернской администраціи. Одновременно съ дворянской грамотой была издана жалованная грамота городамъ, создававшая изъ всей совокупности городского населенія автономическую общественную единицу, «градское общество», избирающее изъ своей среды общую и шестигласную думы, для завѣдыванія полиціей и хозяйствомъ города. Разница между обѣими грамотами заключалась въ томъ, что жалованная грамота дворянству подводила итогъ уже назрѣвшему факту дворянской эмансипаціи, а грамота городамъ предвосхищала еще только ожидаемый ростъ городского развитія. Примѣненіе ея подверглось, поэтому, цѣлому ряду фактическихъ ограниченій. Во-первыхъ, новые органы городского самоуправленія не были согласованы съ созданной уставомъ о благочиніи городской полиціей, которая на практикѣ получала перевѣсъ, опираясь на поддержку губернатора. Во-вторыхъ, расцвѣтъ новыхъ началъ городской жизни парализовался тѣми соціально-экономическими условіями, которыя какъ разъ служили базисомъ для укрѣпленія сословно-дворянскихъ привилегій: господствомъ крѣпостного хозяйства, при слабомъ сравнительно развитіи торговаго обмѣна и городской промышленности. Въ исторіи крестьянства XVIII в. является эпохой интенсивнаго количественнаго разростанія крѣпостной массы и окончательнаго юридическаго закрѣпленія крѣпостной неволи. Указы о ревизіяхъ узаконили пріобщеніе лица къ крѣпостному состоянію путемъ записки за кѣмъ-либо въ ревизскую сказку, при чемъ нѣкоторымъ разрядамъ лицъ, какъ-то: непомнящимъ родства, вольноотпущеннымъ холопамъ, незаконнорожденнымъ дѣтямъ и т. п., было вмѣнено въ обязанность непремѣнно записываться за кѣмъ-либо, а сенатскимъ указомъ было запрещено приносить жалобы на незаконныя приписки, что давало возможность помѣщикамъ произвольно посягать на свободу множества лицъ и семействъ. Параллельно съ этимъ шли массовыя пожалованія населенныхъ крестьянами земель за государственныя заслуги или по частнымъ поводамъ, какъ выраженіе монаршей милости. Въ царствованіе Екатерины II такимъ путемъ было роздано ок. 800 тыс., въ краткое царствованіе Павла—около 530 тыс. душъ об. пола. Наконецъ, количественное разростаніе крѣпостной массы было усилено распространеніемъ крестьянскаго прикрѣпленія на Малороссію, Слободскую Украйну и Донскую область. Вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство XVIII в. постепенно стирало съ крестьянскаго прикрѣпленія присущій ему ранѣе государственный характеръ, превращая помѣщиковъ въ привилегированныхъ рабовладѣльцевъ. Въ 1726 г. крѣпостные лишаются права свободно уходить на промыслы, въ 1731 г.—брать откупа и подряды, въ 1761 г. — обязываться векселями и вступать въ поручительство; въ 1760 г. помѣщики получили право ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь; въ 1767 г. запрещены жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, въ 1792 г. возстановлена отмѣненная было въ 1771 г. продажа крестьянъ съ публичнаго торга за долги помѣщика, но запрещено употреблять при этомъ молотокъ. Отдавъ крѣпостныхъ крестьянъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ, законодательство XVIII в. воздержалось отъ какой-бы то ни было регламентаціи хозяйственнаго обихода и внутренней администраціи крѣпостныхъ вотчинъ. Въ опредѣленіи размѣра оброчныхъ платежей и барщинныхъ работъ, въ уголовной репрессіи надъ крѣпостнымъ населеніемъ, въ устройствѣ семейнаго быта своихъ крестьянъ помѣщикъ руководствовался исключительно собственнымъ произволомъ, на почвѣ котораго не замедлили развиться хищническая эксплуатація подневольнаго труда и грубое насиліе надъ личностью крестьянина. Установившійся къ половинѣ вѣка крѣпостной режимъ глубоко воздѣйствовалъ на весь жизненный складъ Р., парализуя успѣхи народнаго и государственнаго хозяйства и деморализуя общественные нравы и понятія.

Совершившаяся въ теченіе вѣка перестройка административныхъ учрежденій стояла въ тѣсной связи съ соціальной эволюціей. Въ ней можно различить два періода. Въ первую половину вѣка, въ связи съ политическими броженіями приливавшаго къ столицѣ дворянства и борьбой дворянскихъ партій за власть, дѣятельно перерабатывается строй высшихъ государственныхъ учрежденій, тогда какъ областныя учрежденія сокращаются въ числѣ и падаютъ въ значеніи. Со второй половины вѣка, съ отливомъ дворянскихъ интересовъ изъ центра въ область, на первый планъ выдвигается областная административная реформа. Тотчасъ по смерти Петра уничтожается рядъ областныхъ инстанцій—надворные суды, городовые магистраты, камериры и рентмейстеры—и какъ управленіе, такъ и судъ стягиваются въ рукахъ воеводъ и губернаторовъ. Выработанный вновь наказъ воеводамъ и губернаторамъ (1728) возстановлялъ власть дореформеннаго воеводы и въ значительной мѣрѣ воспроизводилъ содержаніе воеводскихъ наказовъ XVIII в. Затѣмъ, за исключеніемъ возстановленія магистратовъ при Елизаветѣ, областная администрація не занимала законодателя и оставалась безъ измѣненій вплоть до губернской реформы Екатерины II. Напротивъ, система центральныхъ учрежденій осложняется за это время рядомъ новыхъ инстанцій, смѣняющихъ другъ друга въ значеніи Императорскаго совѣта. При Екатеринѣ I возникаетъ верховный тайный совѣтъ, вносящій своимъ вмѣшательствомъ большую дезорганизацію во взаимныя отношенія сената и коллегій. Послѣ воцаренія Анны тайный совѣтъ уничтожается, но вскорѣ его замѣняетъ кабинетъ министровъ, который опять-таки становится между сенатомъ и верховной властью и дѣлается орудіемъ временщи-

Библиотека "Руниверс"

ковъ-иностранцевъ, преимущественно Миниха и Остермана. Впрочемъ, кабинетъ менѣе совѣта узурпируетъ распорядительную власть сената, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на вопросахъ внѣшней политики и военномъ управленіи. При Елизаветѣ и Петрѣ III дѣйствуютъ такіе же совѣты, составленные изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ — конференція и девятичленный совѣтъ. Хроническая перестройка высшихъ государственныхъ учрежденій, вызываемая борьбой партій и отдѣльныхъ временщиковъ, и разгромъ провинціальнаго административнаго механизма, подавленнаго единовластіемъ воеводъ и губернаторовъ, водворили къ половинѣ столѣтія полный хаосъ въ управленіи. Екатерина II, вступивъ на престолъ, нашла, что всѣ части управленія «вышли изъ своихъ основаній». Послѣдовавшія затѣмъ административныя реформы перестроили управленіе въ обратномъ направленіи сравнительно съ первой половиной вѣка, въ духѣ децентрализаціи управленія и замѣны личнаго произвола системой правомѣрныхъ учрежденій. Послѣ неудачи Панинской попытки создать постоянный Императорскій совѣтъ — учрежденіе съ конституціонно-олигархическимъ оттѣнкомъ, — послѣ созыва коммиссіи 1767 г., въ которой ярко проявилось тяготѣніе общественныхъ интересовъ къ вопросамъ провинціальной жизни, вниманіе правительства все сильнѣе сосредоточивается на областной административной реформѣ. «Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 г. совершенно преобразовало мѣстныя учрежденія и придало имъ тотъ видъ, какой они сохранили затѣмъ почти безъ измѣненій вплоть до 60-хъ годовъ XIX вѣка. Эта реформа внесла рядъ новыхъ началъ въ провинціальное управленіе: 1) умноженіе числа административныхъ территор. единицъ, соединенное съ уменьшеніемъ ихъ размѣра, 2) перемѣщеніе коллегій изъ центра въ область: губернскія палаты 1775 г. суть департаменты прежнихъ коллегій, распредѣленные по губернскимъ центрамъ, 3) раздѣленіе вѣдомствъ административно-полицейскаго, судебнаго и финансоваго по тремъ категоріямъ учрежденій (губернское правленіе и нижній земскій судъ съ капитанъ-исправникомъ, казенная палата и казначейства губернскія и уѣздныя, палаты уголовная и гражданская съ подчиненными имъ сословными судами дворянскими, купеческими и земскихъ хлѣбопашцевъ), 4) начало выборной службы, за исключеніемъ магистратовъ исчезнувшее при преемникахъ Петра I; губернскія учрежденія 1775 г. получили составъ коронный, но уѣздныя—составъ выборный, при чемъ выборнымъ учрежденіямъ былъ приданъ сословный характеръ; 5) обращеніе дѣятельности провинціальной администраціи не только на служеніе фиску, но и на задачи общественнаго блага. Помимо выраженія этой идеи въ общей формѣ въ разныхъ мѣстахъ «Учрежденія о губерніяхъ», сюда относится установленіе такихъ учрежденій, какъ приказы общественнаго призрѣнія и совѣстные суды. Однако, примѣненіе всѣхъ указанныхъ началъ въ интересахъ правомѣрности управленія и огражденія общественной и личной свободы значительно парализовалось двумя условіями: 1) учрежденія 1775 г. закрѣпили главенство въ областной жизни одного сословія — дворянства—надъ другими. Всѣ коронныя мѣста замѣщались изъ среды дворянства, а въ выборныхъ учрежденіяхъ дворянство получило перевѣсъ, заполняя собою, помимо сословно-дворянскихъ судовъ, еще нижне-земскій судъ, вѣдавшій, въ полицейскомъ отношеніи, всю совокупность уѣзднаго населенія, 2) вся система губернскихъ учрежденій была придавлена сверху властью намѣстника, названнаго «хозяиномъ губерніи». По мысли законодателя власть эта должна была направиться на строгое и точное наблюденіе за исполненіемъ закономъ со стороны всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; намѣстникъ долженъ былъ явиться «оберегателемъ порядка, ходатаемъ на пользу общую и государеву, заступникомъ утѣсненныхъ, побудителемъ безгласныхъ дѣлъ». На самомъ дѣлѣ неопредѣленность компетенціи намѣстника превращала его въ самовластнаго царька, своимъ произволомъ пересѣкавшаго правомѣрную дѣятельность сложныхъ и искусно скомбинированныхъ учрежденій. Оба эти условія получали особое значеніе при той рабовладѣльческой, крѣпостнической атмосферѣ, которая царила въ тогдашней общественной жизни. Центральное управленіе, притомъ, перерабатывалось постепенно какъ разъ въ духѣ стараго начала личнаго усмотрѣнія. Сенатъ превращается преимущественно въ судебное мѣсто; законодательная власть сосредоточивается въ лицѣ монарха (учрежденный въ 1769 г. совѣтъ уже не имѣлъ характера императорскихъ совѣтовъ предшествовавшихъ царствованій и вѣдалъ, главнымъ образомъ, руководительство войной); высшая администрація, съ перенесеніемъ коллегій въ провинціи, переходитъ къ вновь возникающимъ бюрократическимъ канцеляріямъ и коммиссіямъ, во главѣ которыхъ становятся генералъ-прокуроръ и другія довѣренныя лица. Такимъ образомъ, оба ряда Екатерининскихъ преобразованій привели далеко не къ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ къ нимъ было первоначально приступлено. Реформы, предпринятыя во имя общественной автономіи и правомѣрной законности, лишь закрѣпили основной процессъ XVIII вѣка—созданіе дворянской привилегіи, утвержденной на порабощеніи народа. Исходъ XVIII в. выдвигалъ двѣ очередныя проблемы для послѣдующаго движенія исторіи — распространеніе отвоеванной для одного дворянства эмансипаціи отъ закрѣпостительнаго гнета на всю совокупность населенія и превращеніе теоретически провозглашенныхъ началъ правового порядка въ управленіи въ жизненный фактъ, огражденный опредѣленными гарантіями. Намѣчались реформа соціальная и реформа политическая. Въ половинѣ вѣка объ реформы мало занимали рядовую общественную массу. Крестьянскій вопросъ дебатировался въ коммиссіи 1767 г., въ сатирической литературѣ, въ вольномъ экономическомъ обществѣ, но немногочисленные критики крѣпостной дѣйствительности не шли далѣе требованія нѣкоторой законодательной регламен-

Библиотека "Руниверс"

таціи крестьянско-помѣщичьихъ отношеній. Вопросъ о политическихъ гарантіяхъ заглохъ съ прекращеніемъ дворцовыхъ переворотовъ и изъ лозунга партійной общественной борьбы обратился въ предметъ мечтаній единичныхъ мыслителей. Но къ концу вѣка жизнь рѣзко поставила оба вопроса. Пугачевщина, завершившая непрерывный рядъ крестьянскихъ волненій XVIII в., напомнила о настоятельности соціальной реформы. Терроръ павловской эпохи, въ связи съ отзвуками революціонныхъ броженій на Западѣ Европы, обострилъ вкусъ къ политическимъ гарантіямъ въ передовыхъ кругахъ общества, включая сюда и молодого наслѣдника престола. Развитіе этихъ проблемъ наполняетъ собою исторію Р. XIX стол.

Имперія XIX в. Въ теченіе XIX в. русское государство продолжаетъ процессъ своего территоріальнаго расширенія по направленію къ востоку и все сильнѣе выдвигаетъ въ своей европейской внѣшней политикѣ задачи международнаго характера: разрѣшеніе восточнаго вопроса въ интересахъ славянскихъ народностей Балканскаго полуострова и поддержку политической реакціи на всемъ Европейскомъ материкѣ противъ революціонныхъ и прогрессивныхъ теченій. Въ послѣднія десятилѣтія XIX в. господствующимъ принципомъ внѣшней политики Р. становится охраненіе европейскаго міра. Въ внутренней жизни Р. совершается метаморфоза, разрушившая патріархально-крѣпостническій складъ соціальныхъ отношеній, обновившая промышленное развитіе, заложившая первыя сѣмена правомѣрной гражданственности въ строй общественныхъ учрежденій. Съ воцареніемъ Павла внѣшняя политика Р. впервые оставляетъ почву реальныхъ интересовъ и начинаетъ подчиняться отвлеченнымъ положеніямъ. Уже Екатерина II поощряла составленіе европейской коалиціи противъ революціонной Франціи, но при этомъ ея главной цѣлью было отвлечь вниманіе Европы отъ вопросовъ польскаго и восточнаго, чтобы обезпечить бо́льшую свободу дѣйствій для Р. Павелъ принялъ самое дѣятельное участіе въ этой коалиціи, но уже исключительно во имя борьбы съ революціоннымъ началомъ. Прежнія цѣли были забыты настолько, что къ коалиціи была пріобщена Турція, съ которою Р. заключила въ 1798 г. союзный и оборонительный договоръ. Одновременно была прекращена война съ Персіей. Русское войско двинулось въ Западную Европу; Суворовъ совершилъ знаменитые альпійскіе походы. Въ 1800 г. два обстоятельства вызвали рѣзкій поворотъ во внѣшней политикѣ Павла: 1) съ возвышеніемъ Наполеона, который принялъ званіе перваго консула, Франція перестала казаться Павлу очагомъ революціи; 2) Англія захватила островъ Мальту, что являлось посягательствомъ на права Павла, еще въ 1798 г. принявшаго достоинство великаго магистра мальтійскаго ордена. Павелъ сближается съ Наполеономъ и готовится къ борьбѣ съ Англіей. На англійскіе товары и суда въ русскихъ портахъ налагается амбарго; Павелъ отдаетъ распоряженія о движеніи русскихъ войскъ въ Индію. Смерть императора останавливаетъ выполненіе этого фантастическаго проекта. По воцареніи Александра былъ намѣченъ планъ невмѣшательства въ западно-европейскія дѣла, но вызывающій образъ дѣйствій Наполеона нарушилъ спокойныя намѣренія русской дипломатіи. Кн. Чарторыйскій, ставшій во главѣ м-ва иностранныхъ дѣлъ, выдвинулъ планъ присоединенія Р. къ противофранцузской коалиціи, въ надеждѣ, что борьба съ Наполеономъ поможетъ Польшѣ вернуть политическую самостоятельность, сохранивъ съ Р. династическую связь. Въ началѣ 1805 г. коалиція была составлена; къ Р. примкнули Швеція, Англія и Австрія. Пруссія ограничилась пропускомъ русскихъ войскъ черезъ свои владѣнія. Открывшаяся кампанія ознаменовалась капитуляціей Мака при Ульмѣ, занятіемъ Вѣны Наполеономъ, пораженіемъ австро-русской арміи подъ Аустерлицемъ. Австрія заключила унизительный Пресбургскій миръ, а Пруссія вступила въ наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей. Въ 1806 г. разрывъ этого союза и послѣдовавшій затѣмъ разгромъ Пруссіи войсками Наполеона вновь вызвалъ Р. къ борьбѣ съ Франціей. Не смотря на только-что открывшуюся войну съ Турціей, которая затянулась на цѣлыхъ семь лѣтъ (1806—12), и на шедшую еще съ 1804 г. войну съ Персіей, вспыхнувшую вслѣдствіе утвержденія русскихъ въ Закавказьѣ, Александръ, ради спасенія Пруссіи, въ 1806 г. объявилъ войну Наполеону. Правительство прибѣгло къ экстреннымъ мѣрамъ для поднятія воинственнаго одушевленія въ войскѣ и народѣ. Отъ имени св. синода Наполеонъ приравнивался къ антихристу и борьба съ нимъ объявлялась религіознымъ подвигомъ. Кампанія была начата неудачно, вслѣдствіе ошибокъ дряхлаго Каменскаго, назначеннаго главнокомандующимъ. Замѣнившій его Бенигсенъ выдержалъ натискъ Наполеона при Прейсишъ-Эйлау (янв. 1807). Въ конвенціи, заключенной между Р. и Пруссіей, были намѣчены довольно широкіе планы: изгнаніе французовъ за Рейнъ, превращеніе Германіи въ новую конституціонную федерацію подъ покровительствомъ Австріи и Пруссіи. Р. не выговаривала себѣ ничего и соглашалась даже на гарантированіе неприкосновенности Турціи, не смотря на то, что въ это самое время шла русско-турецкая война. Австріи и Англіи за присоединеніе къ конвенціи были обѣщаны территоріальныя приращенія, но обѣ державы остались въ сторонѣ, усматривая въ коалиціи шагъ къ возвышенію Пруссіи. Пораженіе Бенигсена подъ Фридландомъ (іюнь 1807 г.) заставило Р. думать о мирѣ, въ то время, какъ и самъ Наполеонъ, искавшій союзниковъ на континентѣ, намѣтилъ для этого Р. Такъ подготовилась комбинація, закрѣпленная тильзитскимъ свиданіемъ (іюль 1807 г.). По Тильзитскому договору польская часть Пруссіи превратилась въ вел. герцогство Варшавское, отданное саксонскому королю; Р. получила Бѣлостокскую область и обязалась заключить съ Турціей перемиріе и вывести войска изъ Молдавіи и Валахіи, съ тѣмъ, чтобы и турки не занимали этихъ княжествъ до заключенія мира. Франція брала

Библиотека "Руниверс"

на себя посредничество между Р. и Турціей, а Р.—между Франціей и Англіей. Въ секретныхъ договорахъ Франція и Р. обязывались помогать другъ другу во всѣхъ войнахъ, при чемъ Р. предоставлялось распространиться на счетъ Турціи до Балканъ и отнять Финляндію у союзницы Англіи, Швеціи. Англія отвергла русское посредничество; англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ. Р. отвѣчала на это разрывомъ торговыхъ сношеній съ Англіей. Въ 1808 г., послѣ отказа Швеціи промѣнять союзъ съ Англіей на союзъ съ Р., открылась русско-шведская война. Къ ноябрю 1808 г. вся Финляндія была уже занята русскими войсками и 16 марта 1809 г. Боргосскій сеймъ закрѣпилъ присоединеніе Финляндіи къ Р. Между тѣмъ, открывъ переговоры съ Турціей согласно тексту тильзитскаго трактата, Александръ, на основаніи словесныхъ условій съ Наполеономъ, требовалъ присоединенія къ Р. Молдавіи и Валахіи. Наполеонъ неожиданно противопоставилъ этимъ требованіямъ притязаніе на эквивалентное вознагражденіе Франціи на счетъ Пруссіи, что породило охлажденіе франко-русскихъ отношеній. Неудачи въ Испаніи, воинственныя приготовленія Австріи заставили, однако, Наполеона вновь искать поддержки Р. Въ сентябрѣ 1808 г. произошло эрфуртское свиданіе императоровъ, во время котораго была заключена секретная конвенція: Наполеонъ отказывался отъ посредничества между Р. и Турціей и соглашался на присоединеніе къ Р. дунайскихъ княжествъ, а Р. обязывалась помочь Франціи на случай войны ея съ Австріей. Во время австро-французской войны 1809 г. Р. двинула войска въ Галицію и заняла Краковъ, но, къ негодованію Наполеона, воздержалась отъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1809 г. русско-шведскій и австро-французскій конфликты разрѣшились. По Фридрихсгамскому миру Швеція признала присоединеніе къ Р. Финляндіи и аландскихъ о-вовъ; по Шенбрунскому миру Р. получила Тарнопольскую область въ Польшѣ, но бо́льшая часть Галиціи, вопреки желанію Александра, отошла къ Варшавскому вел. герцогству, что еще болѣе ухудшило отношеніе двухъ императоровъ. Конецъ 1809 и начало 1810 г. были заняты переговорами о женитьбѣ Наполеона на сестрѣ русскаго императора, вел. кн. Аннѣ Павловнѣ, и о заключеніи конвенціи относительно Польши; Р. требовала обязательства, что Польша никогда не будетъ возстановлена и что вел. герцогство Варшавское не будетъ расширяемо на счетъ областей старой Польши. Получивъ отказъ въ рукѣ вел. кн. Анны Павловны, Наполеонъ отказался утвердить конвенцію о Польшѣ. Р. открыто протестовала противъ присоединенія къ Франціи герцогства Ольденбургскаго и нарушила строгость континентальной системы, открывъ привозъ колоніальныхъ издѣлій подъ американскимъ флагомъ. Разрывъ съ Франціей былъ рѣшенъ. Обѣ стороны искали союзниковъ, Франція заключила договоры съ Австріей и Пруссіей; Р. обезпечила себѣ нейтралитетъ Швеціи. 12 (24) іюня 1812 г. союзныя войска перешли Нѣманъ, чѣмъ и началась «Отечественная война». Черезъ четыре дня послѣ ея начала закончилась война Р. съ Турціей, Бухарестскимъ миромъ, по которому Р. пріобрѣла Бессарабію. Въ эпоху отечественной войны на сторонѣ Р. были лишь Швеція, Англія и Испанія. По изгнаніи французовъ изъ Р. главнокомандующій Кутузовъ и общественное мнѣніе стояли за прекращеніе борьбы съ Наполеономъ, но имп. Александръ объявилъ, что борьба только начинается. Въ декабрѣ 1812 г. русское войско вступило въ вел. герцогство Варшавское. Пруссія, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, заключила съ Р. союзный договоръ въ Калишѣ (въ февралѣ 1813 г.). Послѣ побѣдъ Наполеона надъ союзными войсками при Люценѣ и Бауценѣ союзники отступили къ Бреславлю; состоялось перемиріе, предложенное самимъ Наполеономъ. 15 іюля Австрія заключила съ союзниками секретную конвенцію, съ обязательствомъ начать войну съ Франціей, если Наполеонъ не приметъ ихъ условій. Конгрессъ въ Прагѣ оказался безплоднымъ; война возобновилась съ участіемъ Австріи. Послѣ пораженія маршала Вандамма при Кульмѣ союзъ Р., Пруссіи и Австріи былъ скрѣпленъ въ Теплицѣ: союзники обязались не вступать съ Наполеономъ въ сепаратные переговоры. 6 (18) октября произошла «битва народовъ» подъ Лейпцигомъ. Наполеонъ, разбитый на голову, отступилъ къ Рейну, а по присоединеніи къ коалиціи Баваріи перешелъ за Рейнъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ Александръ получилъ вѣсть о заключеніи Гюлистанскаго мира съ Персіей, которымъ Р. упрочила за собой завоеванія на Кавказѣ. Среди союзниковъ открылись несогласія: Австрія и Англія все сильнѣе тяготѣли къ миру, Пруссія колебалась, Александръ настаивалъ на дальнѣйшемъ движеніи. Въ январѣ 1814 г. союзники вступили во Францію и, послѣ мирнаго конгресса въ Шатильонѣ, столь же безплоднаго, какъ и конгрессъ въ Прагѣ, скрѣпили коалицію договоромъ въ Шомонѣ (17 февраля 1814 г.), по которому Р., Австрія, Англія и Пруссія обязались въ теченіе 20 лѣтъ выставлять по 150 тыс. войска въ случаѣ отклоненія Франціею предложенныхъ ей условій. 18 (30) марта 1814 г. Парижъ былъ занятъ союзниками. На Вѣнскомъ конгрессѣ, открывшемся по низложеніи Наполеона, Александръ выдвинулъ два требованія: присоединеніе вел. герцогства Варшавскаго къ Р. и части Саксоніи—къ Пруссіи. Противъ этого возстали Франція и Австрія. Стараніями Талейрана и Меттерниха Франція, Австрія и Англія заключили конвенцію, къ которой примкнули Баварія, Вюртембергъ, Нидерланды и Ганноверъ и которая была направлена противъ Р. Рѣшено было начать войну, поднявъ противъ Р. Швецію и Турцію. Бѣгство Наполена съ Эльбы разстроило эти планы. Наполеонъ нашелъ текстъ конвенціи, забытый Людовикомъ XVIII во дворцѣ при выѣздѣ изъ Парижа и переслалъ его Александру. Тѣмъ не менѣе Александръ возобновилъ договоръ съ Австріей, Пруссіей и Англіей на прежнихъ началахъ, при чемъ часть вел. герцогства Варшавскаго была присоединена къ Р. подъ именемъ царства Польскаго и получило 15 ноября 1815 г.

Библиотека "Руниверс"

конституціонную хартію, Познань, Бромбергъ и Таурогенъ выдѣлены Пруссіи, Краковъ объявленъ вольнымъ городомъ, Величка и Тарнопольская область отошли къ Австріи. По окончаніи борьбы съ Наполеоновской Франціей Александръ, подпавшій подъ власть мистическихъ вліяній, поставилъ красугольнымъ камнемъ своей европейской политики актъ священнаго союза, имъ собственноручно написанный. Мечта Александра сдѣлать изъ этого союза оплотъ европейскаго мира и орудіе осуществленія евангельскихъ началъ въ международной политикѣ разрѣшилась на практикѣ превращеніемъ союза въ оплотъ европейской реакціи. Р., Австрія, Пруссія и Англія составили верховный совѣтъ, вѣдающій дѣла всей Европы; на Ахенскомъ конгрессѣ (1818) къ нему присоединилась и Франція. Англія скоро отстранилась отъ этой охранительной политики, Франція держалась ея непослѣдовательно, не участвовала въ рѣшеніяхъ Троппаускаго и Лайбахскаго конгрессовъ и лишь въ Веронѣ взяла на себя возстановленіе, вооруженною рукою, неограниченной монархіи въ Испаніи. Тѣмъ тѣснѣе сплотились Р., Австрія и Пруссія. Душою союза сталъ Меттернихъ, подчинившій своему вліянію императора Александра, что сказалось съ особенною силою, когда вспыхнуло возстаніе Греціи противъ Турціи. Подъ вліяніемъ Меттерниха Александръ осудилъ на Лайбахскомъ конгрессѣ греческое движеніе, какъ проявленіе революціоннаго духа, не обративъ вниманія на особенности греческаго вопроса, обусловленныя политическою ролью Р. на православномъ востокѣ. Грекъ Каподистрія, управлявшій иностранными дѣлами Р., получилъ отставку и былъ замѣщенъ Нессельродс; вождь греческихъ инсургентовъ Ипсиланти былъ исключенъ изъ русской службы; грекамъ было оффиціально отказано въ русской помощи. Передъ смертью Александръ измѣнилъ свое отношеніе къ восточному вопросу, убѣдившись въ двуличности Меттерниха. Дипломатическія сношенія Р. съ Турціей были прерваны и только смерть помѣшала Александру открыть военныя дѣйствія противъ Турціи. Императоръ Николай I тотчасъ по воцареніи рѣзко выразилъ намѣреніе держаться самостоятельнаго образа дѣйствій въ восточномъ вопросѣ. Не смотря на открытіе въ 1826 г. войны съ Персіей, изъ-за пограничныхъ споровъ, Турціи, помимо посредничества европейскихъ державъ, былъ предъявленъ ультиматумъ, съ требованіемъ выполнить всѣ принятыя ею по Бухарестскому трактату обязательства. Устрашенная Порта заключила съ Р. аккерманскую конвенцію, въ которой за Р. признавались спорные пункты на Черномъ морѣ и право покровительства надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей. По греческому вопросу Р. вошла въ соглашеніе сначала съ Англіей, Петербургскимъ протоколомъ, а затѣмъ съ Англіей и Франціей—Лондонскимъ договоромъ 1827 г., которымъ державы обязались добиться отъ Турціи необходимыхъ для Греціи реформъ на началахъ полнаго самоуправленія, съ сохраненіемъ верховной власти султана. Ободренные греки провозгласили независимость отъ Порты, выработали конституцію и выбрали Каподистрію президентомъ. Австрія не только не присоединилась къ Лондонскому договору, но убѣждала Турцію отвергнуть всякое иностранное вмѣшательство въ греко-турецкую распрю. За Австріей слѣдовала Пруссія. Порта приняла совѣтъ Австріи, на что подписавшія Лондонскій договоръ державы отвѣтили сожженіемъ турецко-египетскаго флота подъ Навариномъ. Султанъ приказалъ захватывать русскія торговыя суда на Черномъ морѣ и призвалъ мусульманъ къ борьбѣ съ невѣрными. Вслѣдъ за окончаніемъ войны съ Персіей Туркманчайскимъ договоромъ 10 февраля 1828 г., по которому Р. пріобрѣла Эриванскую и Нахичеванскую области, русскія войска перешли Прутъ (2 апр.), заняли Молдавію и Валахію, взяли 6 крѣпостей по Дунаю и кончили кампанію взятіемъ Варны. Въ тоже время въ Азіи были взяты Карсъ, Ахалцыхъ и рядъ пунктовъ по Черному морю. Англія, гдѣ перемѣнилось министерство, отшатнулась, между тѣмъ, отъ Греціи и Р.; Австрія хлопотала о заключеніи мира между Р. и Турціей не иначе какъ за ручательствомъ Европы. Весною русская армія возобновила кампанію и по взятіи въ Азіи Эрзерума, а въ Европѣ—Силистріи, двинулась за Балканы, заняла Адріанополь и вынудила у султана просьбу о мирѣ. Адріанопольскій миръ (1829 г.) былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Р. пріобрѣла устья Дуная и все восточное побережье Чернаго моря. Молдавія, Валахія и Сербія получили важныя преимущества; для Греціи Порта признала всѣ основанія Лондонскаго договора, а вскорѣ затѣмъ, въ обмѣнъ за уменьшеніе военной контрибуціи—и полную ея независимость. Исходъ войны вызвалъ озлобленіе Австріи и Англіи, которыя стремились поставить цѣлость Турціи подъ охрану и ручательство всей Европы. Императоръ Николай самъ былъ убѣжденъ въ необходимости сохраненія Турціи, для избѣжанія общеевропейской войны, но онъ отклонилъ планъ общеевропейской гарантіи, видя въ немъ выраженіе недовѣрія къ Р. Подъ вліяніемъ исхода русско-турецкой войны намѣчалось сближеніе Австріи съ Англіей, Р.—съ Франціей, которая мечтала съ помощью Р. вернуть потерянныя въ 1814 г. границы—Рейнъ и Альпы. Іюльская революція 1830 г. опрокинула всѣ эти комбинаціи. Англія, гдѣ торійское министерство смѣнилось вигистскимъ, протянула руку монархіи Людовика-Филиппа, а въ противовѣсъ англо-французскому союзу снова сплотился нарушенный восточнымъ вопросомъ тройственный союзъ Р., Австріи и Пруссіи, на старыхъ началахъ полицейской опеки. Пруссія обязалась наблюдать за сѣверной Германіей, Австрія взяла на себя охрану всего юга Европы, Р.—надзоръ за Польшей и за сохраненіемъ мира на Балканскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, отношенія союзниковъ не отличались прочностью. Пруссія тяготѣла къ Англіи и мечтала о реорганизаціи германскаго союза. Австрія хотя и извлекла для себя выгоду изъ сближенія съ Р., присоединивъ Краковъ вопреки желаніямъ берлинскаго двора, тоже была далека отъ

Библиотека "Руниверс"

искренней солидарности съ Р., боясь успѣховъ послѣдней на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому, когда между Франціей и Англіей возникъ раздоръ изъ-за испанскихъ браковъ, Австрія обнаружила склонность къ сближенію съ Франціей. Въ восточномъ вопросѣ тройственный союзъ, усиливъ въ періодъ 1830—1848 гг. противорусскую агитацію Франціи и Англіи, не создалъ для Р. надежной поддержки со стороны союзниковъ. Въ Греціи, послѣ убійства Каподистріи, свирѣпствовала борьба двухъ партій—русской, избравшей въ президенты брата Каподистріи, и англо-французской, стоявшей за утвержденіе въ Греціи конституціонныхъ учрежденій. Избранный на греческій престолъ баварскій принцъ Оттонъ подчинился англо-французскому вліянію и подвергъ оффиціальному гоненію вождей русской партіи. Въ Турціи послѣ Адріанопольскаго мира русское вліяніе сильно возросло. Во время возстанія египетскаго паши, завоевавшаго Сирію и грозившаго разрушить турецкую имперію, Р. поддержала Турцію посылкой военной эскадры и 15-тысячной арміи къ Константинополю, послѣ чего въ іюнѣ 1833 г. между Р. и Турціей былъ заключенъ Ункіяръ-Искелесскій договоръ о взаимномъ союзѣ и Порта, въ тайной статьѣ, обязалась закрыть входъ въ Дарданельскій проливъ для военсудовъ всѣхъ державъ. Усилія западно-европейскихъ державъ сосредоточиваются съ тѣхъ поръ на томъ, чтобы замѣнить единоличное вліяніе Р. на Турцію поставленіемъ Турціи подъ совокупную охрану всѣхъ державъ. Руководительницею этихъ усилій явилась Австрія, выдававшая себя за союзницу Р. и пользовавшаяся этимъ союзомъ въ своей охранительной политикѣ на западѣ. На свиданіи императоровъ въ Мюнхенгрецѣ (1833) Р. и Австрія обязались конвенціей дѣйствовать сообща въ восточномъ вопросѣ. Австрія смотрѣла на эту конвенцію лишь какъ на первый шагъ къ отмѣнѣ ункіяръ-искелесскихъ условій и замѣнѣ ихъ общеевропейскимъ контролемъ надъ Турціей; Меттернихъ настаивалъ, поэтому, на сообщеніи мюнхенгрецкой конвенціи Англіи и Франціи. Р. отклонила это предложеніе, но, по возобновленіи въ 1838—9 гг. возстанія египетскаго паши, Австрія добилась своей цѣли. Въ іюлѣ 1839 г. Портѣ было предложено отъ имени пяти великихъ державъ предоставить упорядоченіе турецко-египетскихъ отношеній ихъ совокупному вмѣшательству. Принудивъ (вопреки волѣ Франціи) египетскаго пашу отказаться отъ Сиріи, державы заключили въ 1841 г. совокупную конвенцію съ Турціей, по которой Босфоръ и Дарданеллы были объявлены закрытыми для судовъ *всѣхъ* націй, не исключая и Р. Революціонныя движенія 1848 г. снова выдвинули на первый планъ во внѣшней политикѣ Р. задачу поддержки реакціи. Уступки прусскаго короля конституціоннымъ требованіямъ вооружили императора Николая противъ Пруссіи, что выразилось въ военной демонстраціи во время прусско-датскаго конфликта. Тѣмъ ревностнѣе была помощь, оказанная Р. Австріи. Австрійское правительство получило русскую субсидію въ 6 милл. руб., а въ 1849 г. къ денежной помощи присоединилась военная: венгерское возстаніе было усмирено русской арміей. Поддержка Р. была оказана Австріи и во время австро-прусскаго столкновенія по вопросу о внутреннемъ устройствѣ Германіи. На съѣздахъ государей въ Варшавѣ императоръ Николай выступилъ посредникомъ между Австріей и Пруссіей, но это посредничество носило характеръ давленія со стороны Р. на Пруссію въ интересахъ Австріи, перешедшаго затѣмъ и въ военныя угрозы. Пруссія уступила и, по ольмюцкому соглашенію, отказалась отъ притязаній на гегемонію хотя бы только въ сѣв. Германіи. Временное замиреніе Европы было завершено признаніемъ Европою вновь народившейся имперіи Наполеона III, къ чему, подъ давленіемъ Австріи, присоединилась и Р. Однако, императоръ Николай настоялъ на заключеніи тайной конвенціи между Р., Австріей, Пруссіей и Англіей, съ обязательствомъ совмѣстно охранять status quo отъ наступательныхъ дѣйствій Франціи. Увѣренный въ Австріи и Пруссіи и игнорируя Францію, императоръ Николай предположилъ рѣшить восточный вопросъ совмѣстно съ Англіей путемъ раздѣла Турціи. Но Англія, по прежнему стоявшая на стражѣ цѣлости Турціи, предпочла союзъ съ Франціей, и когда условившійся споръ изъ-за «святыхъ мѣстъ» повлекъ за собою введеніе русскихъ войскъ въ дунайскія княжества, Англія и Франція ввели свои флоты въ турецкіе проливы. Вскорѣ послѣ объявленія султаномъ войны Р. (1853), Франція и Англія тоже ей объявили войну (1854). Ни Австрія, ни Пруссія не откликнулись на призывъ Р. о помощи, а когда союзники осадили Севастополь, Австрія приняла ихъ сторону и стала призывать къ вооруженію весь германскій союзъ. Внѣшняя политика императора Николая, стремившаяся совмѣстить поддержку реакціонныхъ правительствъ на западѣ съ водвореніемъ русской гегемоніи на Востокѣ, привела, такимъ образомъ, къ разрыву съ Р. всей сплотившейся противъ нея Европы. Въ Азіи за время царствованія императора Николая I Р. послѣдовательно закрѣпила за собою, послѣ ряда военныхъ экспедицій противъ хивинцевъ и коканцевъ, Киргизскую степь, низовья Сыръ-Дарьи, Заилійскій край, на дальнемъ востокѣ Сибири—лѣвый берегъ и устье Амура. Война съ Турціей и ея союзниками закончилась уже при имп. Александрѣ II парижскимъ миромъ (1856), по которому Черное море объявлено нейтральнымъ, Р. утратила право содержать тамъ военный флотъ, установлена свобода плаванія по Дунаю и автономія дунайскихъ княжествъ. Слѣдствіемъ войны была замѣна русско-австрійскаго единенія русско-прусскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, началось сближеніе Р. и Франціи, основанное на желаніи Р. добиться пересмотра парижскаго трактата и на желаніи Франціи добиться пересмотра вѣнскихъ постановленій 1815 г. Во время австро-французской войны 1859 г. Р. взяла сторону Франціи; Наполеонъ сталъ думать о формальномъ союзѣ съ Р., который, однако, былъ отклоненъ. Движенія среди балканскихъ славянъ противъ турецкаго господства и рѣзня христіанъ въ Си-

Библиотека "Руниверс"

ріи поддержали на время франко-русское сближеніе, такъ какъ Наполеонъ, совмѣстно съ Р., склонялся къ покровительству угнетеннымъ народностямъ; но разразившійся въ 1863 г. польскій мятежъ рѣзко порвалъ это сближеніе и еще крѣпче сплотилъ Р. съ Пруссіей. Въ то время какъ Франція, Англія и Австрія предприняли дипломатическое давленіе на Р. въ защиту Польши, Пруссія проповѣдывала необходимость строжайшей репрессіи въ польскомъ вопросѣ. Р. пыталась закрѣпить связь съ Пруссіей формальнымъ союзомъ, но Бисмаркъ отклонилъ этотъ планъ, боясь, что союзъ поможетъ Р. разгромить Австрію, но вся тяжесть войны съ Франціей падетъ на одну Пруссію. Шлезвигъ-голштинская война 1864 г. не охладила русско-прусскихъ симпатій, хотя Р. и возвышала голосъ на Лондонской конференціи за сохраненіе недробимости датскихъ владѣній. Во время австро-прусской войны 1866 г. Р. опять стояла на сторонѣ Пруссіи, а во время франко-прусской войны 1870 г. не только сохранила дружественный Пруссіи нейтралитетъ, но и принудила къ тому же Австрію и Италію. Смотря на побѣды Пруссіи, какъ на разрушеніе парижскаго трактата 1856 г., Р. не замедлила провозгласить возстановленіе своихъ правъ на Черномъ морѣ, что и было утверждено на Лондонской конференціи 1871 г. Послѣ образованія Германской имперіи, снова составилось тройственное соглашеніе Р., Австріи и Германіи въ видахъ совмѣстнаго поддержанія европейскаго мира. Въ 70-хъ годахъ опять выдвинулся на первый планъ восточный вопросъ. Въ 1875 г. Р., совмѣстно съ Австріей, Германіей и Франціей, безуспѣшно старалась посредничать между Турціей и возставшими герцеговинами. Болгарское возстаніе, турецкія звѣрства въ Болгаріи, война Сербіи и Черногоріи противъ Турціи вызвали Рейхштатское соглашеніе между Р. и Австріей, на слѣдующихъ началахъ: въ случаѣ побѣды Турціи державы обязывались не допускать никакихъ измѣненій въ положеніи возставшихъ княжествъ, въ случаѣ побѣды княжествъ—не допускать съ ихъ стороны никакихъ территоріальныхъ урѣзокъ Турціи. Австрія выговаривала себѣ вознагражденіе въ Босніи и Герцеговинѣ, Р.—участокъ Бессарабіи, отторгнутый у нея въ 1856 г. Разгромъ княжествъ Турціей былъ остановленъ русскимъ ультиматумомъ. По предложенію Р. дважды собиралась европейская конференція въ Константинополѣ и Лондонѣ, для обсужденія восточнаго вопроса. Послѣ того какъ Турція, побуждаемая Англіей, отвергла всѣ выработанныя на этихъ конференціяхъ требованія, Р. объявила Турціи войну (12 апрѣля 1877 г.). Бисмаркъ побуждалъ Р. къ рѣшительному шагу; Австрія обѣщала дружественный нейтралитетъ и дипломатическое содѣйствіе; Англія протестовала противъ объявленія войны. Изъ славянскихъ княжествъ только Черногорія возобновила военныя дѣйствія противъ Турціи; Сербія не тронулась, Румынія первоначально ограничилась пропускомъ русскихъ войскъ черезъ свои владѣнія и лишь впослѣдствіи присоединила свои войска къ русской арміи. Перейдя Дунай, русскія войска взяли Тырново и Никополь, въ Азіи — Ардаганъ и Баязетъ; но затѣмъ въ Азіи была снята осада Карса, а въ Европѣ начались неудачи подъ Плевной. Послѣ организованной Тотлебеномъ блокады, Плевна вмѣстѣ со всей арміей Османа паши сдалась, а незадолго до того въ Азіи былъ взятъ Карсъ. Перейдя черезъ Балканы, русская армія заняла Филиппополь и Адріанополь. Турція просила мира. Въ виду Константинополя, русская армія была остановлена согласіемъ Турціи на выставленныя Р. предварительныя мирныя условія. Тогда западныя державы вышли изъ выжидательнаго положенія. Австрія потребовала созванія конгресса въ Вѣнѣ, но, по желанію Р., Вѣна была замѣнена Берлиномъ. До созыва конгресса едва не вспыхнула война Р. съ Англіей и Австріей, настаивавшими на томъ, чтобы *всѣ условія* мира, заключеннаго между Турціей и Р. въ Санъ-Стефано, были подвергнуты пересмотру на конгрессѣ. Истощенная войной и въ виду нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Англіи, Р. приняла, въ концѣ концовъ, это требованіе. На Берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ поддерживалъ Австрію противъ Р. и Р. противъ Англіи. Р. получила по берлинскому трактату участокъ Бессарабіи у Дуная, Ардаганъ, Карсъ, Батумъ. Отношенія Р. послѣ конгресса къ Англіи и континентальнымъ державамъ не были благопріятны. Англія подчинила своему вліянію, въ ущербъ Р., Авганистанъ и Порту; Германія и Австрія заключили въ 1879 г. договоръ, направленный противъ Р., съ обязательствомъ помогать другъ другу въ случаѣ нападенія со стороны Р. и оставаться въ дружественномъ нейтралитетѣ въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ какой-либо другой державы. Этотъ договоръ нанесъ смертельный ударъ тройственному союзу Р., Австріи и Германіи. Въ царствованіе имп. Александра II были сдѣланы значительные успѣхи по части распространенія русскихъ владѣній въ Азіи. Въ 1856—64 гг. покоренъ Кавказъ, въ 1858 — 60 гг. присоединенъ отъ Китая Амурскій и Уссурійскій край, въ 1864 –81 гг. сдѣланъ рядъ крупныхъ поступательныхъ шаговъ вглубь Средней Азіи: въ 1864 г. взятъ Чемкентъ, въ 1865 г. — Ташкентъ, въ 1866 г. образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, въ 1868 г., по взятіи Самарканда, присоединена Зеравшанская область, въ 1870 г. занятъ Мангышлакъ, вопреки протестамъ Англіи. Въ 1873 г. предпринята экспедиція въ Хиву, доставившая Р. правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему хивинскія земли, часть которыхъ Р. уступила Бухарѣ; хивинскій ханъ отказался отъ права внѣшнихъ сношеній безъ вѣдома Р. Плаваніе по Аму-Дарьѣ было предоставлено исключительно Р., которая получала также право свободной торговли въ Хивѣ. Въ Хивѣ уничтожалось рабство. Тожественный по содержанію договоръ былъ заключенъ и съ Бухарой. Въ 1876 г. къ Р. присоединено все Коканское ханство, подъ именемъ Ферганской области. Въ 1881 г. завоеванъ Ахалъ-Текинскій оазисъ и образована

Библиотека "Руниверс"

Закаспійская область. Въ царствованіе имп. Александра III завершилось разрушеніе тройственнаго союза Р., Австріи и Германіи. Первые годы этого царствованія были еще отмѣчены внѣшними знаками прежняго единенія—свиданіями императоровъ въ Данцигѣ, Скерневицахъ и Кремзирѣ. Но въ тоже время Германія и Австрія возобновили въ 1882 г., на шесть лѣтъ, договоръ 1879 г., направленный противъ Р., а затѣмъ къ этому договору присоединилась Италія. Во время столкновенія Р. съ Англіей въ Центральной Азіи Германія, однако, поддержала Р., выразивъ султану одобреніе за то, что онъ не пропустилъ англійскаго флота черезъ Дарданеллы въ Черное море. Вскорѣ событія въ Болгаріи обострили отношенія Р. къ союзнымъ державамъ и повели къ формальному расторженію союза. Неодобреніе со стороны Р. филиппопольскаго переворота 1885 г., попытка установить надъ Болгаріею русскій протекторатъ, отказъ Р. признать Фердинанда Кобургскаго княземъ соединенной Болгаріи встревожили Австрію, боящуюся усиленія русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Противоположность интересовъ Р. и Австріи обнаружилась со всею ясности и повела къ взаимному охлажденію. Бисмаркъ долго старался удержать за Германіей роль примирительницы и посредницы, но существованіе союзнаго договора между Германіей, Австріей и Италіей, который въ 1888 г. былъ обнародованъ оффиціально, устраняло для Р. всякую возможность дорожить единеніемъ съ Германіей и Австріей. Съ начала 90-хъ гг. Р. все тѣснѣе сближается съ Франціей, парализуя значеніе тройственнаго союза Германіи, Австріи и Италіи и содѣйствуя тѣмъ самымъ бо́льшей устойчивости европейскаго мира. Въ Средней Азіи распространеніе русскихъ владѣній дошло, наконецъ, до границъ Авганистана; центръ тяжести англо-русскихъ конфликтовъ въ азіатской политикѣ перемѣстился на крайній востокъ Азіи, соперничество изъ-за вліянія на среднеазіатскія ханства смѣнилось соперничествомъ изъ-за вліянія на Китай. Въ связи съ очерченнымъ ходомъ внѣшней политики предѣлы Имперіи охватывали:

	кв. миль.
При кончинѣ имп. Александра I . . .	339871
» » » Николая I.	375774
» » » Александра II . .	389311

Внутренняя исторія Р. за XIX стол. разбивается на два періода. Первая половина вѣка уходитъ на отдѣльныя, лишенныя послѣдовательности попытки правительства подойти къ разрѣшенію очередной проблемы соціально-политическаго переустройства. Во второй половинѣ столѣтія разрѣшеніе крестьянскаго вопроса тотчасъ же вызываетъ реформированіе многихъ другихъ сторонъ прежняго порядка въ сферѣ управленія, суда, финансовъ, просвѣщенія. Р. вступила въ царствованіе Александра I съ двумя остро поставленными задачами—реформы политической и реформы соціальной, но безъ опредѣленно выясненнаго плана ихъ разрѣшенія. Въ началѣ царствованія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ террора предыдущей эпохи, новый государь и его ближайшіе сотрудники склонны были выдвинуть на первый планъ политическую реформу. Тотчасъ по воцареніи Александра I возстановлены были отмѣненныя имп. Павломъ жалованныя грамоты дворянству и городамъ, отмѣнена тайная экспедиція и пытка, облегчены цензурныя стѣсненія. Императоръ Александръ составилъ изъ своихъ интимныхъ друзей негласный комитетъ для обсужденія преобразовательной программы. Въ комитетѣ былъ поднятъ и крестьянскій вопросъ, но, въ виду разногласій по этому вопросу среди наиболѣе приближенныхъ къ государю лицъ, дѣятельность комитета сосредоточилась на обсужденіи политической реформы, при чемъ члены комитета, подобно самому государю, мечтали объ установленія въ Р. представительнаго образа правленія. Однако, преобразовательныя мѣры первыхъ лѣтъ далеко не соотвѣтствовали широтѣ этихъ замысловъ и ограничились: 1) учрежденіемъ въ 1801 г. непремѣннаго совѣта, съ законосовѣщательнымъ характеромъ и задачей «поставить силу и блаженство имперіи *на незыблемомъ основаніи закона*», 2) обнародованіемъ въ 1802 г. именного указа о правахъ и обязанностяхъ сената, въ которомъ сенату давалось, между прочимъ, право представлять государю о неудобствахъ, неясностяхъ или взаимной несогласованности законовъ и указовъ и 3) учрежденіемъ министерствъ, въ которомъ былъ подчеркнутъ принципъ отвѣтственности министровъ. На практикѣ, однако, непремѣнный совѣтъ не получилъ большого значенія; сенатская ремонстрація была ограничена законами, изданными *до* обнародованія указа 1802 г. о правахъ сената; принципъ министерской отвѣтственности остался мертвой буквой. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ первыхъ преобразовательныхъ опытовъ явилось установленіе министерствъ, т. е. завершеніе процесса, памѣченнаго уже въ царствованіе Екатерины II, послѣ реформы 1775 г. Указъ 12 декабря 1801 г. распространилъ право дворянъ пріобрѣтать земельную собственность на всѣ свободныя состоянія, включая и государственныхъ крестьянъ. Частная инициатива гр. Румянцева вызвала изданіе закона 20 февраля 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который предоставилъ землевладѣльцамъ отпускать крестьянъ на волю съ землей, на условіяхъ, устанавливаемыхъ свободнымъ соглашеніемъ. Этотъ законъ имѣлъ болѣе моральное, чѣмъ реальное значеніе; количество сдѣлокъ, совершенныхъ на его почвѣ, было ничтожно, но его изданіе произвело сильное впечатлѣніе на дворянство, какъ первый актъ законодательной инициативы въ освободительномъ направленіи. Недостаточность результатовъ, достигнутыхъ въ первый періодъ преобразованій, объяснялась какъ торопливостью преобразовательной работы, такъ и отсутствіемъ полнаго единства взглядовъ въ руководящихъ сферахъ. За единодушнымъ восторгомъ, которымъ общество встрѣтило обѣщаніе новаго государя царствовать «по духу и по сердцу его бабки», скрывалось далеко не одинаковое пониманіе смысла этого обѣщанія.

Библиотека "Руниверс"

Одни ждали дальнѣйшаго развитія задачъ, выдвинутыхъ жизнью въ эпоху Екатерины, и мечтали объ утвержденіи законности, о превращеніи сословныхъ привилегій въ общегражданскія права; другіе желали полнаго возвращенія къ Екатерининскимъ порядкамъ, понимали обезпеченіе законности въ формѣ возстановленія прежняго значенія сената и отнюдь не хлопотали о равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ. Первыя преобразованія имп. Александра осуществлялись среди борьбы этихъ двухъ противоположныхъ направленій. Прерванная участіемъ Р. въ европейскихъ коалиціяхъ 1805—6 гг. противъ Наполеона, преобразовательная работа возобновилась въ 1809 г. Приближеніе къ Александру Сперанскаго придало этой работѣ новый оттѣнокъ. Отдѣльные опыты уступили мѣсто выработкѣ систематическаго плана реформы, надъ которымъ работалъ Сперанскій. При этомъ политическая реформа еще сильнѣе заслонила собой реформу соціальную. Признавая уничтоженіе крѣпостного права необходимымъ элементомъ обновленія Р., Сперанскій отодвигалъ осуществленіе этой проблемы въ далекое будущее, предлагая начать съ преобразованія государственнаго строя. Основныя начала его плана были слѣдующія: раздѣленіе властей законодательной, исполнительной и судебной между тремя параллельными рядами учрежденій, скопированныхъ Сперанскимъ съ французской конституціи VIII года, и выборный составъ всѣхъ этихъ учрежденій, при чемъ избирателями и избираемыми должны были явиться земельные собственники всѣхъ сословій, включая и государственныхъ крестьянъ. Откладывая крестьянскую эмансипацію, Сперанскій считалъ необходимымъ созданіе сверху политической аристократіи, получающей полномочія отъ народа и состоящей изъ старшихъ сыновей знатныхъ фамилій. Органомъ этой аристократіи намѣчался государственный совѣтъ, какъ высшее учрежденіе, хранящее законы. Исполненіе плана, который было предположено вводить по частямъ, остановилось на двухъ актахъ — новомъ учрежденіи государственнаго совѣта, 1810 г., и министерствъ 1811 г. Паденіе Сперанскаго, отечественная война и поворотъ правительства въ сторону реакціи помѣшали дальнѣйшему выполненію плана, но и осуществленныя его части, будучи вырваны изъ общаго контекста, далеко не соотвѣтствовали первоначальнымъ намѣреніямъ реформатора. Государственный совѣтъ, вмѣсто того, чтобы явиться объединяющимъ органомъ высшихъ установленій — законодательнаго, судебнаго и исполнительныхъ—самъ занялъ мѣсто государственной думы, при чемъ личный составъ его былъ сдѣланъ не выборнымъ, а коронным. Преобразованіе министерствъ (1811) совершенно обошло принципъ министерской отвѣтственности; расширеніе правъ комитета министровъ не согласовалось съ правильнымъ соотношеніемъ исполнительной и законодательной власти. Преобразованіе сената и введеніе новыхъ областныхъ учрежденій, намѣченныхъ въ планѣ 1809 г., не состоялось. Хотя Александръ и во вторую половину царствованія не покидалъ вполнѣ прежнихъ конституціонныхъ плановъ, что выразилось въ дарованіи конституціи Царству Польскому (1815), въ обѣщаніи распространить «законосвободныя учрежденія» и на прочія части имперіи, въ порученіи Новосильцеву составить проектъ конституціи для Р., тѣмъ не менѣе наступившая эпоха «священнаго союза» сопровождалась и во внутренней политикѣ водвореніемъ обостренной реакціи. Неограниченный фаворъ Аракчеева ознаменовался господствомъ гнетущаго произвола и сопровождался рядомъ мѣръ, рѣзко противорѣчившихъ какъ стремленіямъ первой половины царствованія, такъ и направленію тѣхъ проектовъ, которые не переставали занимать государя. Одновременно съ обсужденіемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ проектовъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, въ составленіи которыхъ принялъ участіе и самъ Аракчеевъ, учреждаются военныя поселенія (1816), посягавшія на свободу значительной массы населенія; одновременно съ изготовленіемъ «уставной грамоты россійской имперіи», какъ называлась Новосильцевская конституція, создается новая организація цензуры, сковавшая печатное слово, и развертывается во всю ширь полицейская дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія, характеризуемая подвигами Магницкаго. Поворотъ правительства въ сторону реакціи совпалъ съ подъемомъ либеральныхъ настроеній въ передовыхъ кругахъ общества. Отечественная война, явившаяся великимъ актомъ народной самодѣятельности, обострила въ обществѣ національное чувство и сознаніе права на личную и общественную свободу, а заграничные походы близко познакомили военную молодежь съ прогрессивными теченіями западно-европейской жизни. Въ виду начавшейся сверху реакціи, преобразовательныя стремленія молодежи нашли себѣ исходъ въ основаніи тайныхъ обществъ. Зрѣвшіе въ этихъ обществахъ планы представляли собой дальнѣйшее развитіе тѣхъ самыхъ идей, которыя занимали Александра въ началѣ его царствованія. На очередь опять ставились сразу обѣ реформы—политическая и соціальная. По мѣрѣ развитія движенія первоначальная организація—«союзъ благоденствія»—разбилась на два самостоятельныя общества, сѣверное и южное. Въ первомъ преобладали конституціонно-монархическія тенденціи, во второмъ господствовали стремленія республиканскія. Оба союза на ряду съ измѣненіемъ формы правленія ставили себѣ задачей разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, при чемъ намѣчалось какъ освобожденіе безземельное, такъ и надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ землей. Наименѣе разработаннымъ оставался вопросъ о путяхъ и средствахъ къ практическому осуществленію всѣхъ этихъ плановъ. Смерть имп. Александра и возникшія недоразумѣнія по вопросу о престолонаслѣдіи застали членовъ тайныхъ обществъ врасплохъ. Попытка государственнаго переворота, произведенная 14 декабря 1825 г. вождями сѣвернаго общества, привела къ полному разгрому тайныхъ организацій. Съ

Библиотека "Руниверс"

Ерокгаузъ и Ефронъ Энциклопедич словарь

Картографическое зав Я М Ланцера Б Мастерская ул К° н°

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

воцареніемъ имп. Николая I закончились правительственныя колебанія между различными преобразовательными программами. Политическая реформа была окончательно снята съ очереди. Новое правительство поставило себѣ двѣ цѣли: охраненіе существующаго политическаго строя, путемъ подавленія всякихъ зародышей общественной самодѣятельности, и постепенную подготовку крестьянской реформы, но безъ всякаго участія общества, путемъ канцелярско-бюрократическимъ. Но и въ такихъ предѣлахъ преобразовательная работа въ царствованіе имп. Николая I подвигалась робко и съ частыми перерывами. Революціонные взрывы на Западѣ Европы въ 1830 и 1848 гг. тотчасъ возбуждали мысль о возможности ихъ отраженія въ Р. и побуждали правительство пріостанавливать разработку очередныхъ реформъ и сосредоточиваться на усиленіи полицейской опеки надъ общественною жизнью. Въ началѣ царствованія секретный комитетъ, учрежденный въ 1826 г., выработалъ проектъ различныхъ измѣненій въ центральныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, а также въ положеніи сословій, преимущественно крѣпостныхъ крестьянъ; но послѣ 1830 г. работы комитета были остановлены, а проектъ о состояніяхъ, прошедшій уже черезъ государственный совѣтъ, не былъ обнародованъ. По умиротвореніи Европы правительство вернулось къ преобразовательнымъ попыткамъ и въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ сдѣлало нѣсколько шаговъ, подготовлявшихъ почву для разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Рядомъ указовъ была подчеркнута необходимость ограниченія помѣщичьей власти во имя государственнаго характера института крѣпостного права. При всемъ ихъ теоретическомъ значеніи, эти указы имѣли весьма ничтожное дѣйствіе въ смыслѣ практическаго приступа къ предстоявшей реформѣ. Запрещеніе продажи крестьянъ въ розницу (1841) и покупки крестьянъ безземельными дворянами (1843), предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на волю съ землей при продажѣ имѣнія за долги помѣщика (1847), предоставленіе всѣмъ крестьянамъ вообще права пріобрѣтать недвижимую собственность (1848) затрогивали лишь частности крестьянскаго вопроса. Попытка болѣе общей мѣры была выдвинута гр. Киселевымъ въ секретномъ комитетѣ 1839—44 гг. и осуществилась въ формѣ указа объ обязанныхъ крестьянахъ (1842), которымъ устанавливалось личное освобожденіе крестьянъ, съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ, остающейся въ собственности помѣщика, но поступающей въ обязательное пользованіе крестьянъ на точно договоренныхъ и неизмѣнныхъ условіяхъ. Примѣненіе этой мѣры было предоставлено свободной иниціативѣ помѣщиковъ, почему ее и постигла на практикѣ та же участь, что и указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Этимъ ограничились результаты работъ многочисленныхъ комитетовъ Николаевскаго царствованія по вопросу о владѣльческихъ крестьянахъ. Опасеніе оппозиціи со стороны дворянства заставило выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ устройство казенныхъ крестьянъ, какъ подготовительный приступъ къ общей крестьянской реформѣ. Управленіе казенными крестьянами было ввѣрено вновь организованному министерству государственныхъ имуществъ. Направитель реформы, гр. Киселевъ, стремился замѣнить прежній исключительно фискальный характеръ управленія казенными крестьянами системой покровительства, направленнаго къ улучшенію матеріальнаго быта казенныхъ крестьянъ, поднятію ихъ образованія и огражденію дарованныхъ имъ правъ отъ произвольныхъ посягательствъ. Полному осуществленію всѣхъ этихъ благихъ цѣлей мѣшалъ, однако, чисто бюрократическій характеръ выработанныхъ Киселевымъ учрежденій. Въ 1846 г. были изданы положенія о новомъ устройствѣ городского общественнаго управленія въ Петербургѣ и Москвѣ (см. Городъ, IX, 325). Всѣ прочія мѣропріятія, проведенныя правительствомъ имп. Николая, носили болѣе или менѣе охранительный характеръ. Обширныя кодификаціонныя работы имѣли цѣлью фиксировать дѣйствующее право; измѣненія, произведенныя въ административныхъ учрежденіяхъ — расширеніе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи рядомъ новыхъ отдѣленій, усиленіе коронного элемента въ областныхъ учрежденіяхъ, ограниченіе дворянскаго выборнаго представительства вновь введеннымъ цензомъ — выражали собою ростъ бюрократической централизаціи на счетъ самодѣятельности общества. Съ 1848 г. преобразовательная дѣятельность вообще пріостанавливается. Реакціонно-охранительныя теченія окончательно берутъ верхъ и достигаютъ наивысшаго развитія. Между тѣмъ, господствующіе интересы передовыхъ круговъ общества все болѣе переходили отъ отвлеченно-философскихъ вопросовъ, всецѣло занимавшихъ поколѣніе 30-хъ годовъ, къ планамъ практическаго переустройства обветшавшаго «стараго порядка». Неудачи Крымской кампаніи наглядно обнаружили непригодность бюрократическо-крѣпостническаго режима и дали могучій толчекъ разностороннимъ преобразованіямъ послѣдующаго царствованія. Неотложность этихъ преобразованій обусловливалась какъ напряженнымъ обостреніемъ междусословной розни, такъ и затруднительнымъ состояніемъ государственнаго и народнаго хозяйства. Усиленіе военнаго бремени и безрезультатность попытокъ соціальнаго преобразованія устраняли коренную финансовую реформу въ теченіе всей первой половины XIX в. Для поправленія финансовъ за все это время принимались лишь частныя, паліативныя мѣры. Первое десятилѣтіе XIX в. ознаменовано хроническимъ дефицитомъ, для сокращенія котораго примѣнялись лишь два средства — все новые выпуски ассигнацій и займы на крайне невыгодныхъ условіяхъ (см. выше, Финансы). Съ 1817 г. министерство финансовъ (Гурьевъ) ставитъ на очередь сокращеніе количества ассигнацій путемъ займовъ, но всѣ его усилія привели лишь къ незначительному и кратковременному возвышенію курса ассигнацій. Канкринъ, замѣнившій Гурьева въ 1823 г., тотчасъ прекратилъ какъ выпускъ новыхъ, такъ и изъятіе изъ

Библиотека "Руниверс"

обращенія старыхъ ассигнацій, общее число которыхъ съ тѣхъ поръ оставалось неизмѣннымъ до 1843 г.—около 600 милл. руб. Программа Канкрина была изворачиваться естественными доходами государства, избѣгать займовъ, облегчать повинности, поднять хозяйственное положеніе народа. Обстоятельства не позволили, однако, выполнить эту программу. Возрастаніе чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ, недоимокъ и дефицитовъ по прежнему остается хроническимъ явленіемъ; по прежнему недостатки пополняются займами, заимствованіями изъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій и повышеніемъ налоговъ безъ измѣненія общихъ основъ налоговой системы, всею тяжестью ложившейся на низшіе слои населенія. Единственной крупной финансовой реформой этого періода является уничтоженіе ассигнацій, мѣсто которыхъ вскорѣ, однако, заняли кредитные билеты. Успѣхи народнаго хозяйства сковывались двойнымъ бременемъ государственнаго милитаризма и народной закрѣпощенности. Въ царствованіе императора Александра I оффиціально свидѣтельствовалось, что «продукты имперіи не находятъ болѣе рынковъ за границей, мануфактуры ея крайне подавлены, монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, солиднѣйшіе торговые дома находятся въ опасности, сельское хозяйство и торговля, также какъ фабричная промышленность, стоятъ на краю банкротства». Развитіе отечественной промышленности поддерживалось лишь системой усиленнаго покровительства. Послѣ краткаго уклоненія въ сторону фритредерской политики (либеральный тарифъ 1819 г.) правительство снова возвращается къ покровительственной системѣ, не измѣняя ей вплоть до начала 50-хъ гг. Въ оборотахъ нашей внѣшней торговли за первую половину XIX в. цѣна отпуска увеличилась почти въ 10, а привоза въ 12 разъ. Количество фабрикъ увеличилось за полстолѣтія съ 2 до 9 тысячъ. Ограниченные размѣры внутреннихъ народнохозяйственныхъ оборотовъ въ дореформенный періодъ XIX в. наглядно обрисовываются тѣмъ, что въ дѣятельности заемнаго и коммерческаго банковъ операціи, предназначенныя къ оживленію торговли и промышленности, составляли наименьшій процентъ оборотовъ. Капиталы почти не получали промышленнаго употребленія, что выражалось усиленнымъ накопленіемъ въ банкахъ частныхъ вкладовъ. Пониженіе процента по вкладамъ (съ 5 на 4) и по ссудамъ (съ 6 на 5), произведенное въ 1830 г., нисколько не повліяло ни на сокращеніе вкладовъ, ни на увеличеніе количества ссудъ. За недостаткомъ частной предпріимчивости, свободные капиталы были употребляемы правительствомъ на казенныя надобности. Учетъ векселей составлялъ не болѣе 4% всѣхъ оборотовъ заемнаго банка, а учетъ товаровъ—$2^1/_2$%. Но если крѣпостной строй тормозилъ промышленное развитіе, то, съ другой стороны, это развитіе, при всей скромности своихъ успѣховъ, приближало разрушеніе крѣпостного строя. Смѣна натуральнаго хозяйства мѣновымъ назрѣвала уже въ дореформенный періодъ. Торговый сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ поднималъ цѣнность земли; малопроизводительный крѣпостной трудъ, вознаграждаемый земельнымъ надѣломъ, начиналъ все болѣе тяготить землевладѣльца. Идея замѣны крѣпостного труда вольнонаемнымъ начинала все шире распространяться среди самихъ помѣщиковъ. Къ половинѣ вѣка и политическія, и экономическія, и моральныя условія—и соображенія государственной безопасности, и выгоды самихъ землевладѣльцевъ, и требованія нравственнаго чувства, высказывавшіяся въ литературѣ,—одинаково ставили на первую очередь крестьянскую реформу. Въ царствованіе имп. Александра II совершился, наконецъ, этотъ заключительный актъ эмансипаціоннаго процесса, начатый въ прошломъ вѣкѣ раскрѣпощеніемъ дворянства. Правительство новаго царствованія приступило къ преобразованіямъ безъ предварительно разработаннаго систематическаго плана. Первый шагъ — учрежденіе секретнаго комитета (1856)—заставлялъ опасаться продолженія прежней бюрократической волокиты въ подготовкѣ реформы. Рѣшающимъ моментомъ явилось перенесеніе работъ изъ стѣнъ канцелярій на поприще гласнаго общественнаго обсужденія. Открытіе губернскихъ комитетовъ, а затѣмъ редакціонныхъ коммиссій (см. Крестьяне) создало возможность высказаться по крестьянскому вопросу всѣмъ общественнымъ группамъ и укрѣпило рѣшимость правительства, обнаруживъ неосновательность прежнихъ страховъ передъ возможной оппозиціей реформѣ. Основанія реформы намѣчались постепенно. Въ секретномъ комитетѣ былъ установленъ всего одинъ основной принципъ будущей реформы: дарованіе крестьянамъ личной свободы, безъ выкупа. Высочайшій рескриптъ 20 ноября 1857 г. намѣчалъ весьма неопредѣленную постановку экономической стороны реформы, а именно десятилѣтній переходный періодъ, съ предоставленіемъ крестьянину въ пользованіе земельнаго участка, за оброкъ и барщину, и съ оставленіемъ за помѣщикомъ вотчинной полиціи, при чемъ вопросъ о дальнѣйшемъ земельномъ устройствѣ крестьянъ по истеченіи десятилѣтняго періода совершенно не былъ затронутъ. Къ 1858 г. печать и группы меньшинства въ губернскихъ комитетахъ повліяли на новую постановку реформы. Извѣстныя письма Ростовцева къ государю (см. Крестьяне) обнаружили, что въ руководящія сферы проникли идеи выкупа земельныхъ надѣловъ, вотчинной власти помѣщика, крестьянскаго самоуправленія. Съ этого момента борьба сосредоточивается на вопросахъ о способахъ выкупа и о размѣрахъ надѣла. Депутаты перваго призыва настаивали на обязательности выкупа, но при условіи уменьшенія надѣловъ и увеличенія крестьянскихъ повинностей; депутаты второго призыва пытались возродить идею безземельнаго освобожденія, исходя изъ положенія о неприкосновенности правъ частной собственности. Редакціонныя коммиссіи защищали необходимость освобожденія крестьянъ съ землей, выдвигая, въ противовѣсъ соображеніямъ гражданскаго права, политическое значеніе реформы; но, согласъ-

Библиотека "Руниверс"

но Высочайшей волѣ, ими былъ принятъ не обязательный, а добровольный выкупъ (въ 1863 г. примѣненъ обязательный выкупъ для западныхъ губерній, въ 1864 г.—для Царства Польскаго). Примыкая къ меньшинствамъ губернскихъ комитетовъ, коммисіи отстояли административное устройство крестьянъ на началахъ сословнаго самоуправленія, вопреки требованіямъ крѣпостниковъ о поставленіи помѣщиковъ начальниками сельскихъ обществъ. При окончательномъ обсужденіи законопроекта въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ представителямъ крѣпостнической партіи удалось добиться сильнаго пониженія нормъ надѣловъ и введенія дароваго нищенскаго надѣла, а въ способѣ опредѣленія крестьянскихъ оброчныхъ платежей (не только по цѣнности надѣльной земли, но и по количеству неземледѣльческихъ заработковъ) въ скрытомъ видѣ былъ допущенъ выкупъ личной свободы. Не смотря на это, положенія 19 февраля 1861 г. составляютъ величайшій моментъ во внутренней жизни Р. Имъ заканчивался цѣлый періодъ русской исторіи и открывалась перспектива всесторонняго обновленія нашего государственнаго и общественнаго быта. Уже во время разработки крестьянской реформы изъ среды общества раздались вѣскія заявленія о томъ, что эта мѣра есть лишь необходимая прелюдія къ общей государственной реформѣ суда, администраціи, земства. Правительство усвоило эту программу и провело рядъ дальнѣйшихъ преобразованій, но при этомъ проявило гораздо меньше довѣрія къ общественному мнѣнію. При разработкѣ второй капитальной реформы — земской (см. Земскія учрежденія) — въ правящихъ сферахъ уже обозначились всѣ признаки наступившей реакціи. Обращеніе къ обществу, въ видѣ учрежденія губернскихъ комитетовъ, повторено не было. Проектъ реформы былъ подготовленъ въ коммиссіи, съ участіемъ лишь нѣкоторыхъ экспертовъ, и прямо поступилъ въ государственный совѣтъ, который еще нѣсколько расширилъ основныя черты выработаннаго положенія. По идеѣ—всесословная самоуправляющаяся корпорація, земство, въ силу установленныхъ въ законѣ 1864 г. основаній избирательнаго права, сдѣлалось по преимуществу органомъ помѣстнаго дворянства. По кругу предоставленной ему дѣятельности и по своему положенію среди государственныхъ установленій земство явилось спеціально-хозяйственнымъ учрежденіемъ, но и въ этихъ рамкахъ было поставлено подъ строгій контроль администраціи и лишено какой-бы то ни было принудительной власти для приведенія въ дѣйствіе своихъ постановленій. Примѣненіе положенія о новыхъ земскихъ учрежденіяхъ было ограничено 33-мя губерніями. Реформа городского управленія (см. Городъ), законченная въ 1870 г., установила всесословное городское самоуправленіе на началахъ, въ общемъ аналогичныхъ съ самоуправленіемъ земскимъ по положенію 1864 г. Судьба этой реформы представила нѣчто среднее сравнительно съ реформами крестьянской земской. Подобно первой, она была предложена на гласное общественное обсужденіе. въ 1862 г. въ городахъ были учреждены для этой цѣли коммиссіи изъ представителей отъ всѣхъ сословій города. Подобно второй реформѣ, она была осуществлена независимо отъ заявленныхъ со стороны прогрессивной части общества пожеланій. Въ городскихъ коммиссіяхъ намѣчались весьма широкія основанія городского представительства, установленіе образовательнаго ценза наряду съ имущественнымъ, въ видахъ привлеченія къ городскому самоуправленію городской интеллигенціи, пропорціональное представительство каждаго сословія сообразно его численности, введеніе выборной городской полиціи и т. п. Между тѣмъ, положеніе 1870 г. установленіемъ трехклассной (прусской) системы выборовъ создало крайнюю непропорціональность представительства богатаго и бѣднаго городского населенія, ввело исключительно имущественный избирательный цензъ, устранило отъ выборовъ квартиронанимателей и установило тѣ же начала компетенціи городского управленія и административнаго за нимъ надзора, что и въ земствѣ. Наибольшей законченностью и послѣдовательностью отличалась судебная реформа (1864 г.). Удачный исходъ ея обусловливался многими обстоятельствами: 1) ея разработка попала въ хорошія руки: юристы, которымъ она была ввѣрена, съ Заруднымъ во главѣ, взялись за дѣло, подобно членамъ крестьянскихъ редакціонныхъ коммиссій, съ горячимъ одушевленіемъ; 2) разработка реформы не затруднялась борьбой классовыхъ интересовъ; 3) она велась систематически, ея руководящіе принципы твердо были установлены въ самомъ началѣ и получили утвержденіе прежде ихъ детальной разработки. 20 ноября 1864 г. Высочайшимъ рескриптомъ было объявлено объ открытіи суда «скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ», на началахъ отдѣленія судебной власти отъ административной, несмѣняемости судей, публичности и гласности судопроизводства, состязательности процесса, введенія суда общественной совѣсти—присяжныхъ засѣдателей, учрежденія присяжной адвокатуры, образованія самостоятельной мировой юстиціи. Почти въ то же время улучшено положеніе печати, представляющей, наряду съ гласнымъ судомъ, вѣрнѣйшій оплотъ истинной законности: 6 апрѣля 1865 г. отмѣнена предварительная цензура для болѣе объемистыхъ книгъ и для нѣкоторыхъ повременныхъ изданій. Еще раньше, 18 іюня 1863 г. изданъ новый университетскій уставъ, раздвинувшій предѣлы академической свободы и поднявшій образовательныя средства университетовъ. Кругъ предпринятыхъ преобразованій замыкался реорганизаціей военнаго и финансоваго управленія. Введеніе всеобщей воинской повинности (1874) непосредственно примыкало къ общему преобразовательному теченію направленному противъ стараго сословнаго общественнаго устройства. Уничтоженіе военныхъ поселеній, введеніе системы военныхъ округовъ, децентрализовавшей военное управленіе, организація военнаго суда на началахъ во многомъ аналогичныхъ съ судебной

Библиотека "Руниверс"

реформой 1864 г., ограниченіе тѣлесныхъ наказаній въ войскѣ, новое устройство среднеучебныхъ военныхъ заведеній,—все это имѣло цѣлью приспособить порядки военнаго вѣдомства къ основамъ обновленнаго гражданскаго общежитія. Преобразованія въ финансовомъ вѣдомствѣ далеко не отличались такой же послѣдовательностью и стройностью. Въ полномъ согласіи съ тенденціями новаго преобразовательнаго движенія была проведена лишь реформа государственнаго счетоводства, подъ главнымъ руководительствомъ В. А. Татаринова. Въ основу реформы легли начала, совершенно противоположныя прежней бюджетной системѣ: объединеніе и публичность бюджета, спеціальность кредитовъ, единство кассы, созданіе независимаго отъ распорядительныхъ управленій контрольнаго вѣдомства. Учрежденная въ 1859 г. коммиссія по пересмотру системы податей и налоговъ просуществовала до конца царствованія, но бо́льшую часть своихъ работъ не довела до окончательнаго завершенія, а проведенныя ею мѣропріятія отмѣчены въ значительной степени старыми дореформенными традиціями (см. выше, Финансы). Восточная кампанія 1853—56 гг. сильно увеличила размѣры государственнаго дефицита. За полнымъ отсутствіемъ кредита единственными источниками воспособленія государственному казначейству являлись неоднократно повторявшіяся попытки сокращенія расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ и усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ; но мѣры перваго рода приводили къ весьма ограниченнымъ результатамъ, а выпуски кредитныхъ билетовъ, при обязательномъ курсѣ бумажныхъ денегъ, роняли цѣнность кредитнаго рубля, вызывали отливъ звонкой монеты за границу и паденіе вексельнаго курса. Въ 60-хъ годахъ, за невозможностью выпускать далѣе кредитные билеты, дефициты покрываются частью выпускомъ билетовъ государственнаго казначейства, частью займами. 70-тые годы ознаменовались улучшеніемъ финансоваго положенія. Сокращеніе расходовъ на вооруженія, быстрое развитіе желѣзнодорожной сѣти и оживленіе промышленныхъ оборотовъ помогли разрѣшенію финансоваго кризиса, но восточная война 1877—78 гг. сразу остановила нарождавшіеся финансовые успѣхи. По окончаніи войны, вызвавшей нѣсколько займовъ, пришлось прибѣгнуть къ повышенію и умноженію налоговъ. Въ общемъ, періодъ 1855—1881 гг. ознаменовался въ финансовомъ отношеніи громаднымъ перевѣсомъ государственныхъ расходовъ надъ доходами, хотя послѣдніе и увеличились не менѣе, чѣмъ втрое, и столь же значительнымъ ростомъ государственнаго долга. Не избѣгло тяжелыхъ испытаній и народное хозяйство. Крестьянская реформа сопровождалась сельско-хозяйственнымъ кризисомъ. Торгово-промышленная жизнь, вступившая въ виду раскрѣпощенія труда въ періодъ необычайнаго оживленія, не миновала ни приступовъ спекулятивной горячки, ни тяжелыхъ промышленныхъ кризисовъ. Однако, общіе итоги экономическаго развитія Р. къ концу реформаціоннаго періода показали внушительный ростъ производительныхъ силъ страны сравнительно съ дореформенной эпохой. Значительно расширилась дѣятельность кредитныхъ установленій, совершенно замиравшихъ наканунѣ реформы.

По прежнему пользуясь усиленнымъ правительственнымъ покровительствомъ, фабричная промышленность сдѣлала грандіозные успѣхи. Количество фабрикъ съ 9843 въ 1850 г. поднялось къ 1887 г. до 25865. Характернѣйшимъ признакомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стимуломъ экономическаго развитія этого періода явилось быстрое расширеніе желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и почтово-телеграфныхъ сообщеній (см. выше, Пути сообщенія). Къ началу 1857 г. рельсовые пути обнимали всего 979 вер., къ 1876 г. — болѣе 18000 вер. Съ 1856 г. начинается возникновеніе пароходныхъ обществъ, первоначально на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, затѣмъ и на всѣхъ другихъ внутреннихъ моряхъ. Почтовый доходъ увеличивается почти въ $2^1/_2$ раза. Государственная телеграфная сѣть, равнявшаяся къ началу царствованія импер. Александра II 2000 вер., къ 1880 г. достигла 74863 вер. линій и 142584 вер. проводовъ, не считая желѣзнодорожныхъ и частныхъ телеграфныхъ линій. Всѣ эти и имъ подобные факты указывали на то, что Р. вступила въ новый періодъ внутренняго развитія. Какъ ни ограниченны были результаты этого развитія къ концу 26-лѣтняго царствованія импер. Александра II, все же они представляли разительный контрастъ съ картиной внутренней жизни дореформенной Р. Предстояло, повидимому, довершить начатыя преобразованія, распространивъ ихъ примѣненіе и на тѣ области, которыя оставались еще во многихъ отношеніяхъ на старомъ положеніи, и очистивъ осуществленныя нововведенія отъ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыя были допущены при ихъ разработкѣ. Однако, во вторую половину царствованія преобразовательныя работы все болѣе заслоняются полицейской борьбой съ крамолой. Въ отвѣтъ на дѣйствіе подпольныхъ организацій правительство дѣлало все новые шаги въ смыслѣ обостренія репрессіи. Массовые политическіе процессы чередовались съ общими репрессивными мѣрами. Послѣ процесса «нечаевцевъ» были введены (1871 г.) для дѣлъ по политическимъ преступленіямъ важныя отступленія отъ общаго порядка судопроизводства: первоначальныя дознанія по такимъ дѣламъ возложены на жандармскія управленія, а рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи этихъ дѣлъ предоставлено министру юстиціи, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ. Законъ 1872 г. предоставилъ комитету министровъ право уничтожать книги, выходящія безъ предварительной цензуры. Въ 1878 г. право арестованія подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ распространено на всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, полиціймейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ; за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ и сходкахъ установлена ссылка въ восточную Сибирь, а оказавшихъ сопротивленіе при обыскѣ и арестѣ постановлено предавать военному суду. Въ

Библиотека "Руниверс"

сковской эпохи. Новгородская судная грамота, извѣстная до сихъ поръ только въ отрывкѣ, окончательно редактирована въ 1471 г. и переписана на имя кн. Ивана 3-го съ сыномъ, но составлена несомнѣнно раньше, на основаніи весьма древнихъ обычаевъ. Въ сохранившейся части содержатся исключительно правила о судѣ. Во всѣ указанные сборники записано сравнительно небольшое число обычаевъ. Соотвѣтственно цѣли, ради которой сборники составлялись (потребности суда), въ нихъ почти исключительно вносились нормы, наиболѣе необходимыя въ судебной практикѣ, а не обычаи, опредѣляющіе разныя стороны государственной жизни. Въ сохранившихся договорахъ, опредѣляющихъ внутренній политическій бытъ, можно найти лишь нѣкоторыя нормы послѣдняго рода; огромное ихъ большинство такъ и осталось не зарегистрированнымъ. Для восполненія этого пробѣла нѣтъ другого средства, какъ изученіе тѣхъ слѣдовъ практики, какіе уцѣлѣли въ разсказахъ современниковъ о событіяхъ прошлой жизни.

Государственный бытъ. Когда возникаетъ государство въ древней Руси? Нѣкоторые изслѣдователи относятъ зарожденіе его къ XII-му и даже XV—XVI вв. Но если подъ государствомъ понимать совокупность населенія, занимающаго опредѣленную территорію и подчиненнаго единой власти, то существованіе государствъ у славянскихъ племенъ можно отмѣтить уже вслѣдъ за разселеніемъ ихъ по восточной Европейской равнинѣ. Первоначальный лѣтописецъ указываетъ мѣста поселеній каждаго племени и утверждаетъ, что у каждаго было свое *княженіе*, т. е. образъ правленія. Онъ же указываетъ, что на предложеніе хозаръ объ уплатѣ дани полянe «сдумавше вдаша отъ дыма мечь»; это обязательное для всего племени постановленіе было издано какою-то властью. Призваніе варяжскихъ князей изложено какъ постановленіе нѣсколькихъ славянскихъ и финскихъ племенъ, которыя раньше, прогнавъ варяговъ за море, «почаше сами въ собѣ володѣти». Съ появленіемъ варяжскихъ князей еще долго сохранялись племенные князья въ качествѣ ихъ подручниковъ; лѣтопись сохранила и имена нѣкоторыхъ. Столь давнее существованіе древнерусскихъ государствъ не предрѣшаетъ вопроса объ ихъ устройствѣ. Характернымъ ихъ признакомъ является ихъ слабость, непрочность, отсутствіе сплоченности между частями. Властные представители отдѣльныхъ родовъ или хозяйствъ еще не привыкли повиноваться, совсѣмъ не дисциплинированы, не знаютъ различія между своимъ и общественнымъ интересомъ. Каждый ставитъ на первый планъ свои собственныя выгоды, которыя онъ долженъ защищать собственными силами. Огражденіе безопасности отдѣльныхъ лицъ является дѣломъ частныхъ усилій. Права частное и публичное еще не различаются.

Территорія. Наша исторія начинается не съ единаго русскаго государства, а съ цѣлаго ряда государствъ (земли, княженія, волости, отчины, удѣлы, уѣзды), незначительныхъ по объему и съ непостоянными границами. Однѣ земли увеличиваются на счетъ другихъ и вслѣдъ затѣмъ распадаются на нѣсколько болѣе мелкихъ княженій. И то, и другое обусловливается слабостью государственной власти. Въ силу непостоянства границъ отмѣченный лѣтописцемъ племенной составъ княженій не могъ удержаться. Уже во 2-ой половинѣ IX вѣка отдѣльныя племена были политически раздроблены. «Полоцкая земля составилась изъ вѣтви кривичей съ частью дреговичей; Смоленская — изъ другой части кривичей съ частью радимичей; Черниговская — изъ части сѣверянъ съ другой частью радимичей и съ большинствомъ вятичей; Кіевская состояла изъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и части дреговичей; Новгородская—изъ племени ильменскихъ славянъ съ Изборской вѣтвью кривичей» (Ключевскій). Каждая земля имѣетъ политическимъ центромъ городъ, по имени котораго и называется. Собственно городъ означалъ огороженное и укрѣпленное мѣсто: «создать градъ на церкви», «чинити городъ на лодьяхъ», «створити городъ въ колѣхъ» — значило временно укрѣпиться въ томъ или иномъ мѣстѣ. Хорошо укрѣпленные пункты поселеній привлекали къ себѣ населеніе. Еще до призванія кн язей существовалъ рядъ ольшихъ городовъ, которые отчасти поименованы въ 1-мъ договорѣ Олега съ греками. Имѣется извѣстіе о Кіевѣ конца X и начала XI в., что въ немъ было 8 рынковъ и безчисленное множество народа. Кромѣ главнаго города, въ каждой землѣ были второстепенныя укрѣпленныя поселенія — пригороды, возникшіе или путемъ колонизаціи, или для защиты отдѣльныхъ частей территоріи, или, наконецъ, завоеваніемъ. Нѣкоторые изъ пригородовъ пріобрѣтали важное значеніе и вступали въ соперничество съ старшими городами, кончавшееся иногда политическимъ обособленіемъ пригорода или даже побѣдой его надъ старшимъ городомъ. По общему правилу, однако, пригороды стоятъ въ зависимости отъ главнаго города; по свидѣтельству современника, «на чемъ старѣйшіе (города) здумаютъ, на томъ пригороды станутъ». Такое подчиненіе олицетворяетъ политическое единство земли и ея независимость. Это выражено въ Русской Правдѣ по поводу правилъ о сводѣ: «а изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть». Въ позднѣйшихъ памятникахъ (междукняжескихъ договорахъ) та же мысль выражена яснѣе: князья взаимно обязуются въ чужой удѣлъ данщиковъ своихъ не всылать, ни приставовъ, ни грамотъ не давать. *Населеніе* древнерусскихъ земель распадается на двѣ крупныхъ группы: населеніе свободное и несвободное. Между свободными нѣтъ различія въ правахъ: сословія еще неизвѣстны. Но фактическая разница положеній — огромная: общественные классы — явленіе глубокой древности. Богатство, пріобрѣтенное или унаслѣдованное, знатность происхожденія, профессія, общественное положеніе давали однимъ преимущество передъ другими. Для обозначенія всѣхъ свободныхъ употреблялись термины «людіе» (людинъ) и «мужи». Различія положеній обозначались качественными прилагательными: лѣпшіе, нарочитые, передніе, старѣйшіе—съ одной сто-

Библиотека "Руниверс"

роны, и меньшіе, мезинніи, худые, черные люди—съ другой. Для разныхъ классовъ общества существовали и особыя названія. Бояринъ — крупный собственникъ. Русская Правда упоминаетъ о боярскихъ холопахъ и тіунахъ и о боярской дружинѣ. Другіе памятники нерѣдко говорятъ о боярскихъ селахъ. Значитъ, бояре были по преимуществу рабовладѣльцы и землевладѣльцы. Ихъ богатство доставляло имъ возможность содержать значительный штатъ военныхъ слугъ; плохо обезпеченная общественная безопасность дѣлала это необходимымъ. Огнищане (отъ огнище—очагъ, какъ символъ хозяйства; огнище иногда обозначаетъ раба, составляющаго необходимую принадлежность крупнаго хозяйства; по селамъ живетъ огневщина и смердина)—тоже крупные домохозяева. Сѣверные лѣтописные своды употребляютъ этотъ терминъ вмѣсто слова бояре. Княжіе мужи—это старшіе дружинники князя, т. е. тѣже бояре, по собственному желанію вступившіе въ составъ дружины. Средину общественной лѣстницы занимали торгово-промышленные классы, между которыми выдѣлялись гости и купцы. О важномъ значеніи торговли въ быту славянъ свидѣтельствуютъ самые древніе памятники. Первоначальная лѣтопись указываетъ направленіе великаго торговаго пути изъ варягъ въ греки. О торговлѣ съ Востокомъ разсказываютъ арабскіе писатели, что подтверждается находимыми при раскопкахъ диргемами VII—XI вв. Торговля съ Византіей велась весьма правильно, какъ видно изъ договоровъ съ греками и разсказа Константина Порфирогенета. Наконецъ, широкія торговыя сношенія съ нѣмцами подтверждаются сохранившимися договорами. Выгоды торговли нерѣдко выдвигали людей этой профессіи въ первые ряды общественныхъ классовъ: купцы упоминаются въ составѣ посольствъ, при обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ. Сдѣлавшись крупными землевладѣльцами, они могли перейти въ составъ боярства. Необезпеченность торговли вынуждала купцовъ быть въ тоже время и воинами: они носятъ оружіе, участвуютъ въ военныхъ походахъ, имѣютъ дружины для охраны торговыхъ каравановъ. Съ другой стороны, интересы торговли ставятъ купцовъ въ болѣе тѣсныя отношенія другъ къ другу: въ большихъ торговыхъ пунктахъ, напр. въ Новгородѣ, купцы дѣлятся на сотни и имѣютъ особую организацію и особый судъ. Названія низшихъ классовъ городского и массы сельскаго населенія—чернь, смерды, изорники, половники, позднѣе хрестіяне. Всѣ они считаются свободными: Русская Правда облагаетъ смердовъ уголовными штрафами за кражу, признаетъ у нихъ собственность, говоритъ о наслѣдствѣ послѣ смердовъ; рядъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ показываетъ, что смерды были главными плательщиками дани. По хозяйственному положенію они не составляли однородной группы. По свидѣтельству Владиміра Мономаха, смердъ—мелкій землевладѣлецъ, у котораго свое село, гумно, домъ; свой земельный участокъ онъ обработывалъ своимъ трудомъ. По сѣвернымъ памятникамъ смердъ и изорникъ—лишь съемщики чужой земли. Смердина, наряду съ огневщиной, населяетъ боярскія села. Нужно предположить повсемѣстный процессъ постепеннаго сосредоточенія недвижимой собственности въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ на счетъ мелкаго землевладѣнія. Это обусловливалось необезпеченнымъ положеніемъ мелкихъ хозяевъ и желаніемъ ихъ найти покровителя въ лицѣ сильнаго господина. Свидѣтельства о такомъ процессѣ имѣются отъ XII в.; но подробности его не могутъ быть изучаемы въ данный періодъ за отсутствіемъ памятниковъ. Онъ наблюдается и въ позднѣйшее время, не смотря на противодѣйствіе ему со стороны московскаго правительства. Превращеніе собственника въ арендатора должно было отразиться на пониженіи хозяйственной обезпеченности. Незавидное экономическое положеніе смерда нашло свой отзвукъ въ томъ презрѣніи, съ какимъ произносится иногда слово смердъ въ разсматриваемую эпоху. То князья, то бояре ихъ считаютъ своими. Въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ XIV—XV вв. встрѣчаются условія о выдачѣ бѣглыхъ смердовъ и половниковъ, о судѣ надъ ними лишь въ присутствіи господарей и о непринятіи отъ нихъ жалобъ на господъ. Отношенія съемщиковъ земли и рыболовныхъ угодій къ землевладѣльцамъ подробно изложены въ псковской судной грамотѣ; рядъ статей опредѣляетъ порядокъ взысканія долговъ съ арендаторовъ — знакъ, что задолжность ихъ была явленіемъ широко распространеннымъ. Это приводило къ разнымъ формамъ закрѣпощенія. На этой почвѣ создались переходныя ступени отъ свободнаго населенія къ несвободному. О такихъ полусвободныхъ или зависимыхъ группахъ извѣстно Русской Правдѣ. Она знаетъ закуповъ или ролейныхъ закуповъ и вдачей. Закупъ—наймитъ дворовый или пашенный, работающій за плату, которую получалъ, повидимому, впередъ; вдачъ—человѣкъ, отработывающій господскую «милость». Общая черта тѣхъ и другихъ, что они должники своихъ господъ. Но они не холопы: о вдачѣ это прямо выражено, что косвенно указываетъ на тенденцію заимодавцевъ считать ихъ несвободными. Свобода закуповъ ограждается въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ посягательствъ со стороны господъ. Но эта свобода чрезвычайно непрочная: рядъ проступковъ закупа (бѣгство, кража) ведетъ къ ея утратѣ. Господинъ имѣетъ право наказывать закупа за вину. *Несвободные* (холопъ, роба, челядьинъ, обѣльный, одерньоватый) составляютъ значительную часть населенія; ихъ контингентъ пополняется изъ весьма разнообразныхъ источниковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: 1) плѣнъ, 2) рожденіе отъ рабовъ (плодъ отъ челяди), 3) несостоятельность, когда кредиторы не соглашались на отсрочку уплаты долга (ждутъ-ли ему, продадутъ-ли его) и 4) нѣкоторые виды преступленій. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ рабство возникаетъ помимо воли раба; но извѣстны случаи, когда оно является результатомъ доброй воли свободнаго. Таковы: 1) самопродажа, 2) женитьба на несвободной и 3) поступленіе на службу тіуномъ или ключни-

Библиотека "Руниверс"

Начало преобразовательной дѣятельности Петра Великаго . . . 1698
Перенесеніе начала года съ 1-го сентября на 1-ое января 1699
Миръ съ Турціей 1700
Смерть послѣдняго патріарха Адріана 1700

XVIII вѣкъ.

Сѣверная война . . . . . 1700—1721
Пораженіе подъ Нарвой 1700
Возстаніе противъ Польши Палѣя 1702
Основаніе Петербурга 1703
Взятіе русскими Нарвы и Дерпта . 1704
Начало печатанія гражданскимъ шрифтомъ 1705
Астраханскій бунтъ . . . . . 1705—1706
Булавинскій бунтъ 1708
Гетманство Скоропадскаго . . . . . 1708—1722
Битва при Лѣсной 1708
Полтавская битва 1709
Учрежденіе сената 1711
Прутскій походъ 1711
Перенесеніе столицы въ СПб. . . 1713
Указъ о маіоратѣ 1714
Учрежденіе морской академіи . . 1715
Изданіе воинскаго устава 1716
Учрежденіе госуд. коллегій 1717
Смерть царевича Алексѣя Петров. 1718
Первая ревизія 1719
Ништадтскій миръ 1721
Учрежденіе святѣйшаго синода. 1721
Указъ о престолонаслѣдіи 1721
Принятіе Петромъ I императорскаго титула 1721
Первая малороссійская коллегія. 1722—1727
Война съ Персіей . . . . . 1722—1723
Табель о рангахъ 1722
Открытіе академіи наукъ 1726
Гетманство Даніила Апостола. . . 1727—1734
Рѣшительные пункты о Малороссіи 1728
Попытка верховниковъ ограничить самодержавіе при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны . . . 1730
Междугетманство . . . . . 1734—1750
Взятіе Очакова Минихомъ 1737
Бѣлградскій миръ 1739
Сверженіе Бирона 1740
Война со Шведами и миръ въ Або. 1741—1743
Гетманство Разумовскаго . . . . . 1750—1764
Указъ объ учрежденіи въ Р. перваго банка 1754
Основаніе моск. университета . . 1755
Основаніе публичнаго театра въ Петербургѣ 1756
Семилѣтняя война . . . . . 1756—1763
Основаніе академіи художествъ. 1757
Битва при Цорндорфѣ 1758
Битва при Кунерсдорфѣ 1759
Занятіе Берлина 1760
Указъ о вольности дворянства. . 1762
Уничтоженіе тайной канцеляріи. 1762
Учрежденіе медицинской коллегіи. 1763
Основаніе воспитательнаго дома въ Москвѣ 1763
Попытка Мировича 1764
Уничтоженіе гетманства въ Малороссіи и вторая малороссійская коллегія 1764
Отобраніе церковныхъ недвижимыхъ имуществъ 1764
Учрежденіе Смольнаго института. 1764
Учрежденіе вольно-экономическаго общества 1765
Коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія 1767
Уравненіе польскихъ диссидентовъ въ правахъ съ католиками 1768
Принятіе Польши подъ покровительство Россіи 1768
Гайдамацкое возстаніе въ Польшѣ. 1768
Учрежденіе ассигнаціонн. банка. 1768
Первая (при Екатеринѣ II) турецкая война . . . . . 1768—1774
Введеніе ассигнацій 1769
Битвы при Ларгѣ, Кагулѣ, Чесмѣ 1770
Чума въ Москвѣ 1771
Первый раздѣлъ Польши 1772
Пугачовскій бунтъ . . . . . 1773—1775
Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. . . 1774
Уничтоженіе Запорожской Сѣчи . 1775
Учрежденія для управленія губ. 1775
Вооруженный нейтралитетъ. . . . 1780
Коммиссія о народныхъ училищ. 1782
Окончательное утвержденіе крѣпостного права въ Малороссіи. 1783
Присоединеніе Крыма 1783
Подданство грузинскаго царя Ираклія 1783
Жалованная грамота дворянству. 1785
Городовое положеніе 1785
Учрежденіе государственнаго заемнаго банка 1786
Путешествіе Екатерины II въ Крымъ 1787
Вторая турецкая война . . . . . 1787—1791
Война со Швеціей . . . . . 1888—1790
Взятіе Очакова Потемкинымъ . . 1788
Битвы при Фокшанахъ и Рымникѣ 1789
Взятіе Измаила 1790
Верельскій миръ со Швеціей . . 1790
Миръ съ Турціей съ Іассахъ . . . 1791
Майская конституція въ Польшѣ 1791
Второй раздѣлъ Польши 1793
Основаніе Одессы 1794
Третій раздѣлъ Польши 1795
Учрежденіе духовныхъ академій въ С.-Петербургѣ и Казани . . 1797
Учрежденіе объ Императорской фамиліи 1797
Учрежденіе медико-хирургической академіи 1799
Походъ Суворова въ Италію . . . 1799

XIX вѣкъ.

Присоединеніе Грузіи 1801
Отмѣна пытокъ 1801
Учрежденіе государственнаго совѣта и министерствъ 1802
Присоединеніе Мингреліи 1803
Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803
Учрежденіе харьковскаго и казанскаго университетовъ 1804
Война Россіи и Австріи съ Наполеономъ 1805
Битва при Аустерлицѣ 1805
Возвышеніе Сперанскаго. 1806

Библиотека "Руниверс"

Война Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ . . . . . 1806—1807
Война съ Турціей . . . . . 1806—1812
Битва при Фридландѣ 1807
Тильзитскій миръ 1807
Война со Швеціей . . . . . 1808—1809
Фридрихсгамскій миръ 1809
Присоединеніе Имеретіи 1810
Паденіе Сперанскаго 1812
Отечественная война 1812
Бухарестскій миръ съ Турціей . . 1812
Бородинская битва 1812
Лейпцигская битва 1813
Гюлистанскій договоръ съ Персіей 1813
Взятіе Парижа 1814
Вѣнскій конгрессъ 1814
Священный Союзъ 1815
Присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи подъ именемъ Царства Польскаго 1815
Основаніе петербургскаго университета 1819
Наводненіе въ Петербургѣ 1824
Заговоръ декабристовъ 1825
Персидская война . . . . . 1826—1828
Наваринская битва 1827
Туркманчайскій миръ съ Персіей 1828
Учрежденіе спб. технологическаго института 1828
Турецкая война и Адріанопольскій миръ . . . . . 1828—1829
Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи 1830
Польское возстаніе . . . . . 1830—1831
Изданіе Свода Законовъ 1833
Учрежденіе унив. Св. Владиміра . . 1834
Начало жел. дорогъ въ Россіи . . 1836
Учрежденіе м-ва госуд. имуществъ . 1837
Присоединеніе уніатовъ къ православной церкви 1839
Введеніе кредитныхъ билетовъ . . 1843
Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845
Введеніе пивентарей въ Ю.-З. краѣ. 1847
Венгерская война 1849
Открытіе Николаевской жел. дор. . 1851
Крымская война . . . . . 1853—1856
Осада Севастополя . . . . . 1854—1855
Парижскій миръ 1856
Присоединеніе Амурскаго края . 1858
Покореніе Восточнаго Кавказа . 1859
Учрежденіе государственнаго банка 1860
Учрежденіе судебныхъ слѣдователей 1860
Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ (19 февраля) 1861
Учрежденіе Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ . 1861
Отмѣна откуповъ 1861
Университетскій уставъ 1863
Отмѣна тѣлесныхъ наказаній . . . 1863
Возстаніе въ Польшѣ 1863
Судебная реформа 1864
Земскія учрежденія 1864
Покореніе Зап. Кавказа 1864
Учрежденіе новороссійскаго университета 1864
Законъ о печати 1865
Взятіе Ташкента 1865
Образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства 1867
Уступка Россійскихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ 1867
Взятіе Самарканда 1868
Взятіе Бухары 1868
Учрежденіе варшавскаго унив . . 1869
Новое Городовое положеніе 1870
Лондонскій трактатъ 1871
Новый гимназическій уставъ . . . 1871
Уставъ реальныхъ училищъ 1872
Обмѣнъ Курильскихъ о-вовъ на Сахалинъ . . . . . .
Политехническая выставка въ Москвѣ 1872
Завоеваніе Хивы 1873
Всеобщая воинская повинность . 1874
Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874
Присоединеніе Кокандскаго ханства 1876
Турецкая война . . . . . 1877—1878
Берлинскій конгрессъ 1878
С.-Стефанскій договоръ 1878
Появленіе чумы въ Астраханской губ., въ ст. Ветлянкѣ 1878
Верховная распорядительная коммиссія 1880
Закрытіе III отд. Соб. Его Вел. канцеляріи 1880
Взятіе Геокъ-Тепе 1881
Кульджинскій договоръ 1881
Коммиссіи для составленія уложенія уголовнаго и гражданскаго 1881 и 1882
Учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка 1882
Временныя правила о печати . . 1882
Отмѣна подушной подати 1882
Кохановская коммиссія 1882
Начало фабричнаго законодательства 1882
Всероссійская выставка въ Москвѣ 1882
Законъ о выморочныхъ дворян. имуществахъ (первая изъ мѣръ, клонящихся къ расширенію дворянскихъ правъ и привилегій) . 1883
Законъ о раскольникахъ 1883
Правила о церковноприходскихъ школахъ 1884
Университетскій уставъ 1884
Присоединеніе Мерва 1884
Дворянскій земельный банкъ . . . 1885
Битва при Кушкѣ 1885
Конфликтъ съ Болгаріей 1885
Законы о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ и наймѣ сельскихъ рабочихъ (первые въ ряду мѣръ, имѣющихъ цѣлью опеку надъ крестьянами) 1886
Присоединеніе Пенде 1886
Открытіе Закаспійской желѣзной дороги 1886
Договоръ съ Великобританіей объ авганской границѣ 1887
Введеніе въ Остзейскомъ краѣ новыхъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій . . . . . 1888—1889
Открытіе университета въ Томскѣ . 1888

Библиотека "Руниверс"

Спасеніе Царской семьи при крушеніи поѣзда близъ ст. Борки (17 окт.) 1888
Законъ о переселеніяхъ 1889
Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ. 1889
Новое земское положеніе 1890
Изданіе новаго таможеннаго тарифа (усиленіе покровительственной системы) 1891
Голодъ . . . . . 1891—1892
Кронштадтскія и Тулонскія празднества . . . . . 1891 и 1893
Начало Сибирской жел. дор.; закладка Уссурійскаго участка во Владивостокѣ въ присутствіи нынѣ благополучно царствующаго Гос. Имп. Николая II. 1891
Новое Городовое Положеніе . . . 1892
Заключеніе торговыхъ договоровъ съ Германіей и другими государствами 1894
Преобразованіе м-ва государствен. имуществъ въ м-во земледѣлія и госуд. имуществъ 1894
Открытіе русскаго археологическаго института въ Константинополѣ 1894
Положеніе о видахъ на жительство и казенной продажѣ питей . 1894
Коммиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ. 1894
Разрѣшеніе сдѣлокъ на золотую валюту 1895
Всероссійская промышленная выставка въ Н.-Новгородѣ. 1896
Прекращеніе конфликта съ Болгаріей. 1896
Введеніе Судебныхъ Уставовъ въ Сибири 1896
Русско-японская конвенція 1896
Всеобщая народная перепись. . . 1897
Законъ о нормировкѣ рабочаго времени. 1897
Занятіе Портъ-Артура и договоръ съ Китаемъ о Квантунскомъ полу-овѣ . . . . . 1897—1898
Основаніе женскаго медицинскаго института 1897
Законы, ограничивающіе выпускъ кредитныхъ рублей и устанавливающіе новую монетную единицу золотой рубль = 1/15 императала . . . . . 1897—1898
Открытіе восточнаго института во Владивостокѣ 1899
Основаніе политехникумовъ въ Варшавѣ и Кіевѣ 1899
Созывъ въ Гаагѣ международной конференціи по разоруженію, по почину имп. Николая II. 1899

1900—*

IX. Русское право. **А. Исторія русскаго права.** 1) Очеркъ развитія государственныхъ учрежденій и источниковъ правообразованія до начала XVIII вѣка. *Періодъ княжескій или вѣчевой. Источники права* имѣютъ двоякое значеніе: это или тѣ творческія силы, которыя порождаютъ право, творятъ его, или тѣ формы, въ которыя отливается право и изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о немъ. Въ первомъ смыслѣ источниками права служатъ законодательная власть, создающая законъ, какъ главную и наиболѣе совершенную норму; судъ, поскольку онъ своими рѣшеніями вырабатываетъ новыя нормы права; частныя лица и органы правительства, поскольку они содѣйствуютъ созданію новыхъ юридическихъ обычаевъ. Во второмъ значеніи подъ понятіе источника подходятъ законъ, обычай, договоръ, судебныя рѣшенія. Въ древнее время отношеніе между видами источниковъ какъ разъ обратно наблюдаемому въ наши дни. Творческая дѣятельность законодательной власти едва зарождается; всѣ отношенія внутренней и внѣшней государственной жизни, а также отношенія между частными лицами опредѣляются обычаями и договорами. Хотя слово «законъ» (или поконъ) извѣстно первоначальной лѣтописи, но въ смыслѣ однозначущемъ съ терминами «нравъ, преданья, обычаи, пошлина» (какъ и въ средневѣковомъ зап.-европ. правѣ слово lex обозначаетъ не законъ, а обычай). Древнее право существуетъ не въ силу постановленій государственной власти, которой чужда идея творчества новыхъ правовыхъ нормъ; главная ея задача—охрана «старины». Дробность и разнообразіе обычаевъ—характерные признаки этой формы права. Еще первоначальная лѣтопись отмѣчаетъ разные обычаи у различныхъ славянскихъ племенъ. Въ историческое время, съ нарушеніемъ племенной обособленности, происходитъ сближеніе между разными обычаями путемъ вытѣсненія слабаго племеннаго права болѣе сильнымъ. За отсутствіемъ сборниковъ племенныхъ обычаевъ, этотъ процессъ не можетъ быть изучаемъ. Первыя записи обычаевъ относятся ко времени, когда объединеніе достигло уже значительныхъ успѣховъ. Такимъ памятникомъ является *Русская Правда* (XXVII, 307)—частный сборникъ обычаевъ, судебныхъ рѣшеній и немногихъ княжескихъ распоряженій. Древнѣйшая редакція сборника относится къ X—XI вв., но въ его составъ вошли обычаи доисторическаго происхожденія, какъ напр. месть, выкупъ, рабство, судъ послуховъ. Сборникъ дополнялся въ послѣдующее время, что отразилось какъ на редакціяхъ его, такъ и на разнообразіи сохранившихся списковъ. Завершеніе послѣдней редакціи Правды сокращенной изъ пространной относится ко второй половинѣ XIII в. Сравненіе сохранившихся редакцій убѣждаетъ въ томъ, что Правда—отнюдь не официальный сборникъ. Внѣшняя форма памятника (отъ лица князя нигдѣ не говорится и о князьяхъ упоминается въ 3-мъ лицѣ), переработка отдѣльныхъ статей въ смыслѣ постепеннаго обобщенія содержащихся въ нихъ правилъ, разнообразіе статей въ разныхъ спискахъ позднѣйшей редакціи; характерные комментаріи къ нѣкоторымъ статьямъ—все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Правда—разновременный трудъ многихъ частныхъ лицъ. Кромѣ обычаевъ, въ нее вошли записи отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній (первоначально во всей конкретной обстановкѣ),

Библиотека "Руниверс"

княжескіе уставы или уроки и заимствованное изъ Византіи право, чрезъ посредство Номоканоновъ. *Княжескіе уставы*—прообразъ законодательной дѣятельности. Первые князья, раздавая города своимъ мужамъ, установляли порядокъ управленія и суда; подчиняя своей власти новыя племена и земли, они опредѣляли размѣры дани. Эти первые уставы были несомнѣнно устные. Съ принятіемъ христіанства уставная дѣятельность князей расширяется подъ вліяніемъ духовенства. Съ представителями церкви совѣщался кн. Владиміръ «о строѣ и о уставѣ земленемъ»; въ пользу построенной въ Кіевѣ церкви онъ даровалъ десятину, что подтвердилъ особой грамотой. Этому-же князю приписывается и первый церковный уставъ, по которому церковь получила право суда по цѣлому ряду дѣлъ—надъ всѣми мірянами и по всѣмъ дѣламъ — надъ нѣкоторыми категоріями лицъ. Кромѣ этого устава извѣстны еще уставы кн. Ярослава, три новгородскихъ и одинъ смоленскій. Хотя подлинность всѣхъ ихъ, кромѣ послѣдняго, заподозрѣна, но возбуждаетъ сомнѣнія болѣе форма и лишь отчасти содержаніе уставовъ. О княжескихъ уставахъ упоминаетъ и Правда. *Договоръ*—иначе рядъ, крестное цѣлованіе, докончанье—одна изъ широко распространенныхъ формъ древняго права. Имъ опредѣляются не только международныя отношенія, но и междукняжескія, князей къ народу и къ дружинѣ, а также отношенія частныхъ лицъ. Право, занесенное въ договоры, далеко не всегда создается ими вновь; въ нихъ заносится и обычное право, для большей прочности и устраненія споровъ. Отличить договорное право отъ обычнаго тѣмъ труднѣе, что позднѣйшіе договоры повторяютъ нерѣдко правила прежнихъ того-же типа. Такъ возникла договорная старина. Важнѣйшіе изъ древнихъ международныхъ договоровъ заключены съ греками и нѣмцами. Договоры съ греками занесены въ первоначальную лѣтопись подъ 907, 912, 945 и 971 гг. Сомнѣніе въ ихъ подлинности, возбужденное Шлецеромъ, устранено вполнѣ Кругомъ, съ измѣненіемъ лишь даты второго договора (911 г. вм. 912). Но все-же договоры возбуждаютъ рядъ сомнѣній. Сохранился-ли текстъ ихъ полностью? Какое отношеніе между двумя первыми договорами? Чье право въ нихъ преимущественно отразилось? На какой территоріи договоры примѣнялись? Какъ эти вопросы, такъ и многіе другіе частные разрѣшаются различно. Неисправность текста, возникшая вслѣдствіе несовершенствъ перевода и усугубленная ошибками переписчиковъ, затрудняетъ разрѣшеніе возбужденныхъ недоумѣній. Тѣмъ не менѣе, какъ памятники политическихъ и торговыхъ сношеній древней Руси съ Византіей, договоры являются весьма важнымъ историческимъ источникомъ: не нужно только преувеличивать ихъ значеніе для изученія древнѣйшей исторіи права, такъ какъ статьи, относящіяся къ уголовному и гражданскому праву и процессу, возбуждаютъ наибольшія сомнѣнія. Договоры съ нѣмцами, гораздо лучше сохранившіеся, возбуждаютъ гораздо меньше недоумѣній. Вызванные къ жизни торговыми сношеніями русскихъ земель—Новгородской, Смоленской, Полоцкой—съ сосѣдними нѣмецкими городами по берегамъ и на островахъ Балтики, эти договоры имѣли цѣлью установить мирное разрѣшеніе столкновеній между мѣстнымъ населеніемъ (русскимъ или нѣмецкимъ) и пріѣзжими купцами (нѣмцами или русскими); значитъ, они примѣнялись одинаково на территоріяхъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Важнѣйшими изъ нихъ являются договоры: 1) Новгорода съ жителями Готланда 1189—1195 и 1198—99 гг., сохранившійся въ видѣ приписки къ позднѣйшему договору 1259 — 63 г.; 2) Смоленска съ Ригою и Готландомъ 1229—1230 гг., сохранившійся въ нѣсколькихъ спискахъ разныхъ редакцій, и 3) Новгорода съ Готландомъ, на нижненѣмецкомъ яз., 1270 г. По богатству юридическихъ нормъ эти договоры не уступаютъ Русской Правдѣ и упоминаютъ о такихъ институтахъ, свѣдѣній о которыхъ нѣтъ и въ Правдѣ. Договоры, опредѣлявшіе внутренній политическій бытъ княжествъ, были:1) междукняжескіе, которые уже съ XII в. заключались письменно; изъ нихъ сохранилось всего 66, за время 1341—1531 гг.; о содержаніи болѣе древнихъ можно отчасти судить по краткимъ лѣтописнымъ указаніямъ; 2) договоры князей съ народомъ, которыми опредѣлялись полномочія князя и отношенія его къ вѣчу; изъ нихъ дошли до насъ только новгородскіе, отъ 1264 по 1471 г., числомъ свыше 20, и 3) ряды съ дружиною или вольными слугами, заключавшіеся, повидимому, лишь устно, а потому и не дошедшіе до насъ. Кромѣ Рус. Правды были изданы еще два важныхъ мѣстныхъ сборника права: *Новгородская и Псковская судныя грамоты*. Вторая хотя имѣетъ дату — 1397 г.—но, очевидно, составлена въ нѣсколько пріемовъ, потому что въ составъ ея вошла грамота кн. Константина (Дмитріевича), бывшаго княземъ во Псковѣ въ 1407 и 1414 гг., а весь сборникъ утвержденъ при участіи священства пяти соборовъ, изъ которыхъ послѣдній относится къ 1462 г. Источники сборника указаны въ его заглавіи: онъ составленъ на вѣчѣ на основаніи грамотъ князей Александра и Константина и записанныхъ обычаевъ (приписковъ псковскихъ пошлинъ). Подъ кн. Александромъ обыкновенно разумѣютъ Александра Невскаго, который спасъ Псковъ отъ нѣмцевъ въ 1241 г.; но слѣдуетъ разумѣть Александра Тверского (1327—1330 и 1332—1337 гг.), который много содѣйствовалъ возникновенію политической независимости Пскова. Въ грамотѣ предусмотрѣнъ и дальнѣйшій порядокъ ея измѣненій и дополненій: «А который строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тоя строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ». Не смотря на позднюю окончательную редакцію, нормы права носятъ здѣсь слѣды глубокой старины. По богатству содержащихся нормъ матеріальнаго и формальнаго гражданскаго права, этотъ сборникъ далеко превосходитъ позднѣйшіе законодательные сборники мо-

Библиотека "Руниверс"

комъ; въ двухъ послѣднихъ случаяхъ только спеціальнымъ договоромъ можно было оградить свою свободу. Въ экономической жизни страны рабство играетъ двоякую роль: 1) на немъ покоится крупное землевладѣльческое хозяйство (села съ челядью) и 2) рабы являются однимъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли, наряду съ воскомъ и шкурами. Поэтому институтъ холопства подробно регулируется въ Русской Правдѣ. Юридически холопъ—только объектъ правъ. Свѣтское право совершенно не вмѣшивается въ отношенія господина къ холопу; оно лишь защищаетъ господскія права противъ третьихъ лицъ, такъ или иначе посягающихъ на чужихъ холоповъ, и обратно, привлекаетъ къ отвѣтственности господъ за ущербъ, причиненный ихъ холопами третьимъ лицамъ; холопы лично не отвѣтственны: «ихъ князь продажею не казнитъ». Фактически отъ этого строгаго взгляда бывали отступленія. Холопы владѣютъ не только движимымъ имуществомъ, но и дворами, имѣютъ свои хозяйства и передаютъ имущество по наслѣдству; все это существуетъ, однако, лишь, по доброй волѣ господъ. На смягченіе положенія холоповъ оказываетъ серьезное вліяніе церковь, представители которой вмѣшиваются въ личныя отношенія господъ къ холопамъ. Они не только рисуютъ христіанскій идеалъ рабовладѣльца, но установляютъ церковное наказаніе за убійство собственныхъ рабовъ и за жестокое съ ними обращеніе, вооружаются противъ продажи холоповъ въ руки поганыхъ, противъ торговли рабами вообще («прасольство душами») и, вліяя на совѣсть своихъ духовныхъ дѣтей, содѣйствуютъ освобожденію рабовъ, особенно въ формѣ отпущенія «по душѣ». Освобожденные холопы прекращали всякія отношенія къ старымъ господамъ и, подъ именемъ изгоевъ, вмѣстѣ съ другими, лишившимися средствъ къ существованію, становились подъ защиту церкви. *Государственная власть* по своей организаціи является смѣшанною изъ 3-хъ элементовъ: монархическаго, въ лицѣ князя, демократическаго, въ лицѣ вѣча, и аристократическаго въ лицѣ княжеской думы. Связь между этими элементами чрезвычайно слаба: она покоится всецѣло на добромъ согласіи сторонъ, чѣмъ въ значительной мѣрѣ объясняется слабость государственной власти. Къ тому же соотношеніе между элементами не остается постояннымъ: въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ выдвигается на первый планъ то одинъ, то другой элементъ, хотя всѣ они являются повсемѣстными и необходимыми. *Княжеская власть*—исконное явленіе нашей исторіи; ея корни восходятъ къ патріархальному быту. Сначала племенные князья, потомъ князья Рюриковичи имѣются всегда на лицо въ каждомъ княженіи. Рѣдкіе моменты, когда тотъ или иной столъ не былъ замѣщенъ, признаются бѣдственными и опасными. Безъ князя некому выполнять текущія задачи управленія: защиту страны, поддержаніе внутренняго порядка, отправленіе суда. Полнота власти князя зависитъ отъ степени довѣрія къ нему со стороны населенія. Князья-народные любимцы пользуются наибольшими полномочіями и безконтрольностью въ дѣлахъ управленія. Отсутствіе довѣрія вызываетъ рядъ народа съ княземъ. Невыполненіе условій ряда приводитъ къ столкновеніямъ, которыя оканчиваются или полнымъ разрывомъ и изгнаніемъ князя, или взаимными уступками. Столкновенія участились, когда число наличныхъ представителей княжеской фамиліи возросло и возникли вопросы о распредѣленіи между ними княженій и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Родовая теорія распредѣленія столовъ по старшинству и подчиненія младшихъ родичей старшему не подтверждается историческими данными. Столы распредѣлялись по разнымъ началамъ: по народному призванію, по началу отчины, по волѣ умирающаго князя, по старшинству. За невозможностью примирить эти сталкивающіяся между собой начала, князья захватываютъ столы силой или хитростью и затѣмъ приводятъ въ свое оправданіе ссылки на тѣ или другія начала, спѣшатъ заключеніемъ договоровъ съ другими князьями обезпечить за собой спокойное владѣніе добытымъ столомъ. Взаимныя отношенія князей опредѣляются не подчиненіемъ однихъ другимъ, а равенствомъ ихъ, какъ представителей независимыхъ государствъ. Поэтому всѣ князья называются братьями (исключеніе составляютъ князья - отцы и князья - дѣти). Могущество однихъ князей и слабость другихъ приводили, однако, къ тому, что одни назывались старѣйшими, великими, другіе—просто братьями или младшими братьями. Это различіе въ братствѣ могло соотвѣтствовать различію въ возрастѣ, но могло и не совпадать съ нимъ. Иногда сильнѣйшая сторона называется даже отцомъ или господиномъ. *Вѣче* есть форма непосредственнаго участія народа въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Это—собраніе свободныхъ и дѣеспособныхъ жителей земли (дѣти при отцахъ не участвуютъ). Каждый свободный имѣлъ право явиться на собраніе, но это не было его обязанностью. Памятники упоминаютъ о вѣчахъ во всѣхъ древнерусскихъ земляхъ. Повсемѣстность этого института объясняется тѣмъ, что только согласіе всего народа могло обезпечить проведеніе въ жизнь той или иной мѣры, за отсутствіемъ постояннаго войска и организованной полиціи. По той же причинѣ для постановленія рѣшенія въ собраніяхъ требуется единогласіе: не было средствъ привести въ исполненіе постановленіе большинства вопреки сильному меньшинству. Раздѣленіе мнѣній на вѣчахъ—нерѣдкое явленіе; рѣшеніе въ такихъ случаяхъ могло состояться лишь тогда, когда стороны приходили къ «одиначеству» на почвѣ взаимныхъ уступокъ; это иногда достигалось послѣ горячихъ споровъ, или даже кровопролитныхъ побоищъ. Сильное, энергичное меньшинство могло выйти побѣдителемъ изъ такихъ столкновеній. Предметомъ обсужденія на вѣчахъ могъ стать любой вопросъ государственной жизни, лишь бы нашлось достаточное число желающихъ принять въ этомъ участіе. Всего чаще на вѣчахъ рѣшались вопросы о призваніи и изгнаніи князей, о рядѣ съ ними, о военныхъ походахъ и о заключеніи мирныхъ договоровъ. Имѣются, однако,

Библиотека "Руниверс"

указанія и на участіе вѣчъ въ законодательной дѣятельности, въ дѣлахъ судебныхъ (судъ политическій и чрезвычайный), даже въ дѣлахъ управленія, хотя обычно дѣла суда и текущей администраціи вѣдаются единолично княземъ. Въ сѣв.-зап. земляхъ (Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ) вѣче и шире развилось, и дольше просуществовало, отчасти въ силу бо́льшаго развитія городскихъ классовъ, благосостояніе которыхъ поддерживалось торговыми сношеніями съ Западомъ, отчасти вслѣдствіе того, что эти земли не были захвачены татарскимъ нашествіемъ. Въ большинствѣ земель вѣча постепенно замираютъ послѣ завоеванія Руси татарами, такъ какъ разоренное населеніе лишено было возможности принимать дѣятельное участіе въ политической жизни: *Дума княжеская* — постоянный совѣтъ при князѣ, избираемый изъ среды ближайшихъ его сотрудниковъ—княжихъ мужей и бояръ, образующихъ высшій служилый классъ, переднюю дружину князя. Практическая нужда въ сотрудникахъ побуждала князей привлекать къ себѣ возможно большее число лицъ, сильныхъ по своему общественному положенію (бояръ). При отсутствіи обязательной службы, стремленіе удержать ихъ при себѣ вынуждало князей дѣйствовать всегда въ согласіи съ ними. Отсюда необходимость совѣщаться съ ними по всѣмъ дѣламъ, гдѣ оказывалось нужнымъ ихъ содѣйствіе. Въ обычномъ порядкѣ князь не предпринималъ никакого серьезнаго дѣла, «не повѣдавъ мужемъ лѣпшимъ думы своея», «не сгадавъ съ мужми своими». Соотвѣтственно этому нормальному порядку сложилось и общественное мнѣніе о томъ, что ближайшими совѣтниками князя должны быть старѣйшіе дружинники — «бояре думающіе». На почвѣ этой же практики вырабатывается обычная обязательность для князя совѣщаній съ думцами и право послѣднихъ на участіе въ совѣтахъ. Отъ этой нормы, какъ и отъ всякой другой, возможны были отступленія, но они не колебали общаго порядка. Нерѣдко въ совѣтахъ князей являются и представители духовенства, но ихъ участіе не было столь постояннымъ и обычнымъ. *Управленіе*, при слабости государственной власти, было крайне несложнымъ и нерасчлененнымъ. Судъ и администрація, центральное и мѣстное управленіе, государственное и домашнее хозяйство выполнялись нерѣдко однимъ и тѣмъ-же органомъ. Частные интересы не были отграничены отъ общественныхъ и государственныхъ. Отправленіе суда, военная организація для защиты страны, сборъ доходовъ—таковы немногосложныя задачи управленія. Главнымъ его органомъ является князь, который лично судитъ, предводительствуетъ войскомъ и собираетъ дань, объѣзжая страну (полюдье). Ближайшими помощниками князя были его дружинники, старшіе (княжіе мужи и бояре) и младшіе (отроки, дѣтскіе, гридь, дворяне); въ число послѣднихъ попадали и лица несвободнаго происхожденія. Съ древнѣйшихъ временъ князья раздаютъ своимъ мужамъ, а иногда и дѣтскимъ города для управленія и суда. Въ этой роли мужи наз. посадниками и замѣняютъ въ данномъ округѣ князя, связывая политически округъ съ тѣмъ стольнымъ городомъ, княземъ котораго они посажены. Въ стольномъ городѣ, по общему правилу, нѣтъ посадника (исключеніе—Новгородъ и Псковъ); помощниками князя, кромѣ его совѣтниковъ, являются тамъ тіуны и ключники—слуги князя въ тѣсномъ смыслѣ, по общему правилу холопы. Изъ должностныхъ лицъ упоминаются печатникъ, стольникъ, подкладникъ, ловчій, мечеюша, таможники, куносмцы и др. Войско было княжеское и народное: первое составляла княжеская дружина, при чемъ старшіе дружинники не только служили лично, но вводили въ составъ войска свои собственныя дружины. Народнымъ войскомъ было народное ополченіе, нерѣдко поголовное. Участіе его въ походахъ зависѣло отъ постановленій вѣча; въ случаѣ отказа вѣча помогать князю, послѣдній предпринималъ походъ лишь съ дружиною и охочими изъ среды народа. Предводителемъ народнаго ополченія является тысяцкій, назначаемый княземъ (исключеніе Новгородъ). Содержаніемъ войска въ походахъ являлась почти исключительно военная добыча, обогащеніе которою привлекало какъ князей съ дружинами, такъ и охочихъ людей. Финансовое управленіе сводилось главнымъ образомъ къ сбору дани, носившей сначала форму окупа, опредѣляемаго побѣдителемъ съ покоренныхъ народовъ. Въ половинѣ X в. размѣры дани опредѣляются уставами и уроками и она становится внутреннимъ постояннымъ налогомъ. Взимается дань съ дыма, съ плуга или рала и съ человѣка, т. е. съ отдѣльнаго хозяйства. Съ татарскаго завоеванія установляется дань въ пользу покорителей, которую потомъ взимали сами князья, подъ именемъ ордынскаго выхода, серебра или тягости. Одновременно возникаетъ и рядъ косвенныхъ сборовъ; главнѣйшимъ изъ нихъ была тамга.

X

Періодъ московскій или царскій отличается отъ предшествующаго совершенно инымъ соотношеніемъ элементовъ, образующихъ государство. Вмѣсто многочисленныхъ государствъ теперь возникаютъ два, Московское и Литовское, мало по малу поглотившія территоріи прежнихъ княжествъ. Въ средѣ юридически однороднаго свободнаго населенія зарождаются сословія. На мѣсто слабой государственной власти появляется все болѣе усиливающаяся единоличная власть государей. Эти перемѣны произошли медленно, въ теченіе $1^1/_2$ столѣтій, вслѣдствіе сложныхъ причинъ—особыхъ условій политическаго быта на сѣверѣ, боярскихъ вліяній, вліянія низшихъ классовъ населенія, монгольскаго ига, вліянія духовенства, византійскихъ вліяній, личныхъ качествъ государей и проч. Каждая изъ этихъ причинъ оцѣнивается разными историками весьма различно: *Источники права* остаются тѣже, но измѣняется соотношеніе между ними. Обычай продолжаетъ играть творческую роль, но получаетъ и иное значеніе. «Старина» имѣетъ огромный авторитетъ и въ глазахъ московскихъ государей: они не рѣшаются открыто ее нарушать, но постепенно ее измѣняютъ. Признаніе авторитета старины обнаруживается въ пріемахъ

Библиотека "Руниверс"

преобразовательной дѣятельности: государи вводятъ новшества не общими указами, а постепенно, въ отдѣльныхъ случаяхъ, пока практика не подготовитъ почвы для общаго указа. Нерѣдко новое право, создаваемое практикой, и совсѣмъ не находитъ отраженія въ указахъ. *Договоръ* въ области внутреннихъ государственныхъ отношеній не играетъ прежней роли и теряетъ всякое значеніе въ этой сферѣ съ уничтоженіемъ свободы службы. Междукняжескимъ договорамъ полагаетъ конецъ объединеніе государства. Все бо́льшее значеніе въ качествѣ творческой силы права пріобрѣтаетъ *воля государей*. Грамоты ихъ дѣлятъ на *жалованныя* и *уставныя*. Первыми даруются отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ имущества или права и привилегіи судебныя и финансовыя, или обезпечивается примѣненіе той или иной нормы (грамоты заповѣдныя и правыя). Вторыми вводятся правила въ сферѣ управленія; таковы уставныя грамоты намѣстничьяго управленія, губныя и земскія. Кромѣ этихъ двухъ группъ существуютъ еще *указныя* грамоты, адресованныя на имя разныхъ должностныхъ лицъ и содержащія въ себѣ распоряженія правительства по отдѣльнымъ вопросамъ. Съ объединеніемъ Московской Руси издается и первый оффиціальный сборникъ — *Судебникъ* 1497 г. Какъ и *Судебникъ* 1550 г., онъ является преимущественно собраніемъ процессуальныхъ нормъ, съ немногими лишь статьями матеріальнаго права, и по содержанію бѣднѣе не только Псковской грамоты, но и Русской Правды, изъ которыхъ онъ заимствуетъ немногія нормы, нерѣдко съ искаженіемъ ихъ смысла. Главнымъ источникомъ его являются грамоты намѣстничьяго управленія. Второй Судебникъ является исправленіемъ и значительнымъ дополненіемъ перваго. Въ немъ предусмотрѣнъ и порядокъ дальнѣйшаго развитія законодательства: по всѣмъ вопросамъ, не разрѣшеннымъ въ Судебникѣ, установленъ докладъ государю и всѣмъ боярамъ, рѣшенія которыхъ должны приписываться къ Судебнику. Такъ возникли *дополнительныя статьи* къ Судебнику или *указныя книги приказовъ*. Казуистичностью докладовъ, отсутствіемъ правилъ о публикаціи законовъ и разнообразною компетенціею приказовъ обусловливается различіе содержанія указныхъ книгъ; часто одинъ и тотъ же вопросъ возбуждался и разрѣшался нѣсколько разъ. Такъ развивалось законодательство въ теченіе столѣтія. Въ 1649 г. было издано *Соборное Уложеніе*, для разсмотрѣнія и утвержденія котораго созванъ былъ земскій соборъ, нѣкоторые члены котораго принимали участіе и въ дѣятельности коммиссіи. Быстрота, съ какой велось дѣло (началось 16 іюля 1648 г., окончено 29 января 1649 г.), указываетъ, что роль коммиссіи, составлявшей уложеніе, была значительно облегчена подготовленнымъ ранѣе матеріаломъ, напр. приказными книгами. Источники, которыми должна была пользоваться коммиссія, были правила св. апостоловъ и св. отцовъ, градскіе законы греческихъ царей, прежніе государевы указы и боярскіе приговоры, сличенные съ старыми судебниками; новыя же правила, не предусмотрѣнныя старыми указами, велѣно составить по «общему совѣту». Коммиссія обращалась и къ другимъ источникамъ, напр. къ Литовскому статуту, изъ котораго заимствованъ рядъ нормъ и отдѣльныхъ статей. Затѣмъ, при обсужденіи Уложенія, рядъ вопросовъ былъ возбужденъ челобитьями выборныхъ: насчитываютъ до 60 статей, явившихся отвѣтомъ на эти челобитья. По объему, богатству содержанія и системѣ Уложеніе далеко превзошло Судебники, хотя уступаетъ Литовскому статуту. Оно состоитъ изъ 25 главъ и 967 статей и было у насъ первымъ печатнымъ сборникомъ законовъ. И оно, однако, далеко не обнимало всѣхъ нормъ права. Въ дополненіе, разъясненіе и измѣненіе отдѣльныхъ его частей издавались новые указы, такъ наз. *новоуказныя статьи*, чтобы искоренить «злодѣйства, превзошедшія въ обычаи», по примѣру «всѣхъ государствъ окрестныхъ» и даже «по новымъ еуропскимъ обычаямъ».

Государственный бытъ. Территорія Московскаго государства выросла на территоріи великаго княжества Владимірскаго, путемъ предварительнаго раздробленія послѣдней и затѣмъ медленнаго ея собиранія и округленія. Присоединенія совершались бо́льшею частью путемъ захвата, рѣже покупкою селъ и городовъ, иногда по завѣщаніямъ и даже полученіемъ въ приданое. Среди соперничавшихъ за преобладаніе князей одержали верхъ московскіе, территорія которыхъ растетъ быстрѣе. Хотя и они также дѣлятъ свой удѣлъ между сыновьями, но эта невыгода отчасти устранялась тѣмъ, что старшіе сыновья получали большій удѣлъ. Особенно важное значеніе имѣло распоряженіе Дмитрія Донского, который первый распорядился въ завѣщаніи территоріею великаго княженія Владимірскаго, завѣщавъ ее безъ раздѣла старшему сыну; этому примѣру слѣдовали и его преемники. Присоединяемыя области обыкновенно инкорпорировались; слѣды ихъ прежней самобытности сохранились лишь въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ административныхъ особенностяхъ и въ титулѣ государей московскихъ. Лишь одна Малороссія по акту соединенія сохранила самобытность, но вскорѣ началось постепенное ея инкорпорированіе, завершившееся въ XVIII в. *Населеніе. Служилые люди.* Существенная перемѣна въ положеніи высшихъ классовъ населенія произошла въ XVI в., когда возникла обязательная служба взамѣнъ прежней вольной. Гарантіей свободы службы, т. е. свободы приказа на службу и отказа отъ нея, было право отъѣзда, признававшееся за каждымъ вольнымъ слугой въ многочисленныхъ междукняжескихъ договорахъ до смерти Василія III. Княжескія правительства взаимно обязуются на отъѣхавшихъ бояръ и вольныхъ слугъ нелюбья не держать, въ села и вотчины ихъ не вступаться и охранять за ними, какъ и недвижимости своихъ слугъ. Оно не было прямо отмѣнено указомъ, но уже съ XIV в. часто нарушается въ отдѣльныхъ случаяхъ: за отъѣздъ наказываютъ конфискаціей вотчинъ, заключеніемъ и даже смертью. Со временъ Ивана III берутъ записи о неотъѣздѣ съ подозрѣваемыхъ въ намѣреніи

Библиотека "Руниверс"

отъѣхать. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, когда можно было отъѣхать только въ иноземныя государства, въ среду служилыхъ людей начинаетъ проникать сознаніе, что отъѣздъ пятнаетъ служилаго человѣка. Такъ подготовлялась почва для обязательной службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ вольная служба перестраивается по типу невольной, образцомъ которой была служба подъ дворскимъ. Дворные люди или дворяне при уходѣ со службы (если они были лично свободны) лишались земель, которыми они надѣлялись подъ условіемъ службы. Это положило начало помѣстной системѣ. Дворянинъ-помѣщикъ былъ новымъ типомъ слуги, въ противоположность боярину-вотчиннику. Выгоды придворной службы привлекаютъ въ ряды дворовыхъ слугъ сначала дѣтей боярскихъ, потомъ и ихъ отцовъ. Со второй половины XV в. въ распоряженіи правительства оказалось такое количество слугъ, что всѣмъ имъ при дворѣ не нашлось мѣста. Правительство размѣщаетъ ихъ, въ томъ числѣ дѣтей боярскихъ и бояръ, по областямъ, надѣляя помѣстьями изъ дворцовыхъ и черныхъ земель. Вслѣдъ за установленіемъ правила, что служба отбывается съ земель, розданныхъ въ помѣстья, возникаетъ правило и о службѣ съ вотчинъ. Въ 1550 г. при испомѣщеніи въ Московскомъ и смежныхъ уѣздахъ избранной тысячи дѣтей боярскихъ предписано дать помѣстья также боярамъ и окольничимъ, у которыхъ въ этомъ районѣ не было помѣстій или *вотчинъ*. По указу 1556 г. установлена норма службы одинаково съ помѣстій или вотчинъ, въ зависимости отъ ихъ размѣра. Съ этихъ поръ уничтожилась всякая разница между двумя старыми типами службы: каждый служилый человѣкъ долженъ служить, начиная съ 15 лѣтъ до смерти. Но возникла разница по мѣсту службы: служить въ Москвѣ или по московскому списку было гораздо почетнѣе, чѣмъ по какому-либо другому городу, такъ какъ изъ среды московскаго дворянства замѣщались всѣ придворные чины и должности — боярина (въ отличіе отъ бытового значенія, сохранившагося до нашихъ дней въ формѣ «баринъ»), окольничаго, думнаго дворянина, стольника, стряпчаго, дворецкаго, крайчаго, казначея, постельничаго и др. Всѣмъ придворнымъ лицамъ, возведеннымъ въ соотвѣтственные чины и должности, ведутся списки, называемые боярскими книгами. Провинціальное дворянство образуетъ главную военную силу. Для приведенія ея въ извѣстность городовымъ дворянамъ, по каждому городу, ведутся съ XVI в. списки (десятни), въ которыхъ обозначаются свѣдѣнія о служебной годности каждаго дворянина, о размѣрахъ его помѣстнаго оклада и жалованья, а также данныя о поверстаніи въ отводъ или въ припускъ посвѣвшихъ въ службу новиковъ. При этомъ со второй половины XVI в. принимаются мѣры, чтобы въ службу верстались лишь дѣти служилыхъ отцовъ, соотвѣтственно ихъ отечеству и службѣ. Служилые люди въ совокупности представляли очень пеструю массу какъ по происхожденію, такъ и по служебному положенію. Въ ихъ составъ вошли съ одной стороны старые вольные слуги—бояре, а также князья Рюриковичи и Гедиминовичи, нѣкогда владѣтельные, и ихъ потомки; съ другой—дворные слуги, нерѣдко холопскаго происхожденія, и даже послужильцы князей и бояръ, сдѣлавшіеся господами, помѣщиками. Служебное положеніе тѣхъ и другихъ было весьма различно. Верхнія ступени служебной лѣстницы заняли титулованныя княжескія фамиліи и успѣли, въ общемъ, сохранить за собой такое положеніе въ теченіе всего періода. Это было возможно благодаря институту *мѣстничества*. Мѣстничество соотвѣтствовало наслѣдственности должностей и опредѣляло для каждаго служилаго человѣка унаслѣдованную отъ отцовъ служилую честь, что называлось отечествомъ. Соотвѣтственно этой чести каждый занималъ опредѣленное положеніе въ ряду другихъ. Для измѣренія чести существовалъ двоякій счетъ: по родословцу—для опредѣленія положенія каждаго члена фамиліи въ ряду его родичей и по разрядамъ—для измѣренія служебныхъ отношеній чужеродцевъ, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ назначеній на службу, записанныхъ въ разрядныхъ книгахъ. Служебное положеніе, разъ занятое предкомъ, переходило къ его потомкамъ. При всякомъ назначеніи на службу—въ военный походъ, въ посольство и пр.—іерархія должностей должна была строго соотвѣтствовать родословной и служебной чести назначаемыхъ. При несоотвѣтствіи возникалъ споръ о мѣстахъ, разрѣшаемый судомъ. Соотношеніе между родословными фамиліями не оставалось, однако, постояннымъ: съ теченіемъ времени одни упадали въ чести, другія поднимались, третьи «безъ остатку миновались». Все это усложняло мѣстническіе счеты, но начало родового аристократизма этимъ не было поколеблено. Лишь съ уничтоженіемъ въ 1682 г. мѣстничества разчищенъ путь новому началу выслуги. *Тяглые люди.* Въ противоположность служилымъ людямъ, все прочее свободное населеніе, кромѣ духовенства, образовало массу тяглыхъ людей. По различію тягла населеніе раздѣлялось на посадскихъ и уѣздныхъ людей или крестьянъ. *Посадскіе люди*—торгово-промышленное населеніе, проживавшее на посадахъ, которые возникали бо́льшею частью около городовъ, хотя были посады внѣ городовъ, а также и города безъ посадовъ. Особый характеръ занятій и имущества торгово-промышленныхъ классовъ уже въ половинѣ XV в. вызвалъ мѣры къ инымъ пріемамъ исчисленія причитающагося съ нихъ тягла. Къ сохѣ—окладной единицѣ земледѣльческаго населенія—были приравнены: лавка, неводъ, кузница, чанъ кожевенный и пр. Позднѣе въ соху на посадѣ кладется опредѣленное количество дворовъ. Это должно было повести къ обособленію посадскихъ людей отъ земледѣльческаго населенія. Второй Судебникъ цѣнитъ честь посадскаго и торговаго человѣка въ пять разъ выше чести крестьянина. Но обособленіе идетъ не глубоко, такъ какъ этому препятствовала трудность сосредоточить владѣніе посадскимъ тяглымъ имуществомъ въ рукахъ посадскихъ людей и помѣшать постоянному перемѣщенію уѣздныхъ людей на посады и обратно. При свободѣ распоряженія наличн-

Библиотека "Руниверс"

нымъ имуществомъ посадскіе дворы и лавки нерѣдко переходили въ руки не посадскихъ и даже не тяглыхъ людей. Сначала, до возникновенія сословныхъ различій, въ такихъ случаяхъ примѣнялось правило, что тягло взимается съ наличнаго владѣльца; но впослѣдствіи такая практика вызывала протесты, особенно со стороны служилыхъ людей, которые стремятся обѣлить свои дворы и обыкновенно этого добиваются. Тяглецы, въ свою очередь, жалуются на выходъ посадскаго имущества изъ тягла, такъ какъ отъ этого возрастало податное бремя остальныхъ. Вслѣдствіе этого правительство установляетъ новое правило, по которому бѣломѣстцамъ запрещалось пріобрѣтать тяглыя имущества. Это правило постоянно нарушалось, и правительство неоднократно возвращалось къ примѣненію стараго порядка. Такая двойственность политики наблюдается до конца періода. Второе затрудненіе при обособленіи посадскихъ людей отъ уѣздныхъ объясняется тѣмъ, что торговля и промыслы вовсе не составляли исключительнаго права посадскихъ людей. Около городовъ, на посадской и частновладѣльческой землѣ, существовали слободы, населенныя крестьянами и разными прихожими людьми, которые занимались торговлею и промыслами, но съ посадскими людьми тягла не тянули и податей никакихъ не платили. Особенно много такихъ слободъ заводили монастыри. Столь неравныя условія конкурренціи, тяжесть тягла и рядъ другихъ причинъ вынуждали посадскихъ людей покидать насиженныя мѣста и искать на новыхъ мѣстахъ лучшихъ условій жизни. Правительство борется съ этимъ явленіемъ, издавая рядъ частныхъ мѣръ о прикрѣпленіи къ тяглу, о чемъ имѣются свѣдѣнія начиная съ половины XVI в. Не смотря на это, во второй половинѣ вѣка посады сильно пустѣютъ. Послѣ смутнаго времени принимается рядъ энергическихъ мѣръ къ возворенію на прежнія мѣста ушедшихъ тяглецовъ. Но старое зло посадскаго быта было ослаблено лишь правилами Уложенія, по которому всѣ примыкающія къ посадамъ слободы, на какой-бы землѣ онѣ ни находились, должны быть приписаны къ посадамъ, со всѣмъ ихъ населеніемъ, и запрещено было впредь кому-бы то ни было заводить при посадахъ слободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе еще разъ категорически подтвердило правило о прикрѣпленіи тяглыхъ людей къ посадамъ. И эти мѣры, однако, не провели точной грани между посадскими и уѣздными людьми. Тѣ и другіе въ одномъ отношеніи даже сблизились, когда для посадовъ и уѣздовъ была введена общая окладная единица—тяглый дворъ. Вся совокупность посадскаго населенія не представляла однородной массы. Помимо обычнаго раздѣленія на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, изъ его среды выдѣляются *гости* и торговые люди *гостиной и суконной сотенъ*. Это были званія или чины, въ которые возводились лучшіе торговые люди, какъ-бы въ вознагражденіе за трудную и отвѣтственную службу въ сферѣ финансоваго управленія. Монопольная продажа питей, торговля мѣхами, сборъ торговыхъ пошлинъ и т. п. требовали спеціальной опытности, какой не могли имѣть приказные и служилые люди. Поэтому правительство привлекло къ этой финансовой службѣ людей изъ высшаго купечества: ихъ имущественная состоятельность являлась лучшей гарантіей казенныхъ интересовъ. Служба эта называлась *вѣрной* (присяжной) и ничѣмъ не оплачивалась, кромѣ финансовыхъ и судебныхъ льготъ. *Уѣздные люди* или *крестьяне* составляютъ вторую группу тяглаго населенія, разбиваясь на нѣсколько разрядовъ. Смотря по тому, на какой землѣ поселялся крестьянинъ, различались крестьяне владѣльческіе (вотчинниковы, помѣщичьи и монастырскіе), дворцовые и черныхъ тяглыхъ волостей. Въ XIV и XV вв. они пользовались полной свободой передвиженія. Князья запрещаютъ землевладѣльцамъ перезывать изъ своихъ владѣній тяглыхъ, вытныхъ людей: это значитъ, что они не рѣшаются запретить переходъ непосредственно, такъ какъ отъ князя, запретившаго переходъ, всѣ крестьяне ушли бы въ другое княженіе. Но отъ половины XV в. имѣются свидѣтельства грамотъ о стѣсненіи перехода въ троякомъ отношеніи: 1) переходъ ограниченъ однимъ срокомъ въ году (Юрьевъ день осенній); 2) запрещено отказываться серебрянникамъ (должникамъ), пока они не заплатили долга; 3) нѣкоторымъ землевладѣльцамъ разрѣшено совсѣмъ не выпускать крестьянъ. Въ Судебникахъ обобщено только первое ограниченіе: уходъ разрѣшенъ однажды въ году (недѣля до Юрьева дня и недѣля спустя). Къ этому прибавлено правило объ уплатѣ пожилого за пользованіе дворомъ. Во второмъ Судебникѣ къ этому присоединена плата за повозъ, т. е. за каждый возъ крестьянскаго имущества. Ни о какихъ другихъ ограниченіяхъ Судебники не говорятъ и ничѣмъ не угрожаютъ за нарушеніе правила о переходѣ. Отъ второй половины XVI в. сохранился, однако, рядъ извѣстій о возворенін на прежнія мѣста жительства не однихъ только вышедшихъ съ нарушеніемъ правилъ Судебниковъ, т. е. не въ срокъ и безъ уплаты пожилого; возвращенію подлежали также тяглые люди и старожильцы. Общаго указа, запрещающаго выходъ этимъ категоріямъ лицъ, не было издано; тѣмъ не менѣе въ цѣломъ рядѣ грамотъ правительство предписываетъ вернуть назадъ ушедшихъ тяглецовъ. Исключеніемъ являются случаи, когда уходящіе оставляли взамѣнъ себя другихъ жильцовъ. О старожильцахъ ведутся споры между владѣльцами и тяглыми общинами, спорятъ о томъ, чей кто старожилецъ, а не о томъ, перешелъ ли онъ съ соблюденіемъ правилъ Судебника. Закрѣпленія тяглыхъ людей требовали интересы фиска. Закрѣпощеніе старожильцевъ объяснить труднѣе: вѣроятно, оно возникло на почвѣ крестьянской задолженности, такъ какъ должникъ фактически лишенъ былъ возможности воспользоваться правомъ перехода. Такъ постепенно подготовлялась почва для указа 1597 г., установившаго пятилѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ (см. Крестьяне, XVI, 677). Отъ конца XVI в. сохранились сдѣлки на крестьянъ съ землею и безъ земли: такъ далеко

Библиотека "Руниверс"

зашло уже въ то время фактическое закрѣпощеніе крестьянъ. Въ первой половинѣ XVII в. крѣпостное право развивается дальше на началахъ, ранѣе заложенныхъ. Для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ существуютъ урочные годы, сначала въ пять лѣтъ, потомъ въ 10 и 15; но тяглыхъ людей и старинныхъ крестьянъ, записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, возвращаютъ, повидимому, безъ срока. За пріемъ бѣглыхъ взыскиваются пеня и подати по разсчету. Всякаго рода сдѣлки на крестьянъ составляютъ повседневное явленіе: прикрѣпленіе уже съ самаго начала носило характеръ личной крѣпости, а не прикрѣпленія къ землѣ (за исключеніемъ, отчасти, крестьянъ черныхъ и дворцовыхъ волостей). Наконецъ, вырабатывается правило о крѣпости дѣтей по отцамъ. Всѣ эти правила нашли болѣе или менѣе полное выраженіе въ Уложеніи, которое не внесло никакихъ новшествъ въ положеніе крѣпостныхъ. Параллельно съ возникновеніемъ и развитіемъ крѣпостной зависимости, видоизмѣняется и характеръ крестьянскаго порядка, т. е. условій поселенія крестьянъ на владѣльческой землѣ. Въ XVI вѣкѣ порядчикъ договаривается объ участкѣ земли, о податяхъ, оброкѣ и здѣльѣ, беретъ подмогу или ссуду съ обязательствомъ произвести на участкѣ тѣ или иныя хозяйственныя улучшенія или новыя постройки, или же обязуется взятое вернуть. О срокѣ поряда обыкновенно въ порядныхъ не упоминается. За нарушеніе условій поряда назначается неустойка. Съ самаго начала XVII в. вносится новое условіе — о вѣчномъ жительствѣ за владѣльцемъ или о невыходѣ изъ-за него, съ предоставленіемъ землевладѣльцу права вернуть ушедшаго. Вслѣдствіе необходимости выдавать ссуду каждому новому поселенцу, обусловленной крайнею бѣдностью порядчиковъ, порядная запись стала называться ссудной; порядчикъ беретъ въ ссуду столько-то рублей и за тѣ деньги обязуется жить въ крестьянахъ за такимъ-то владѣльцемъ; ссуда не подлежала возвращенію, пока порядчикъ жилъ за владѣльцемъ. Это сблизило ссудную крестьянскую запись съ записью въ кабальное холопство, такъ какъ и по той, и по другой возникала обязанность жить за долгъ — въ одномъ случаѣ на пашнѣ, въ другомъ во дворѣ господина. Между крестьяниномъ и кабальнымъ холопомъ осталось одно существенное различіе: первый былъ тяглецъ, а второй тягла не платилъ. Но и эта разница скоро отпала. Въ XVII вѣкѣ интересы фиска вызвали рядъ правительственныхъ мѣръ къ пополненію тяглой массы населенія. Когда попытки къ розысканію укрывающихся тяглецовъ не привели къ ожидаемымъ результатамъ, признано было необходимымъ включить въ тягло до тѣхъ поръ нетяглыхъ бобылей, что и было достигнуто введеніемъ новой окладной единицы — живущей четверти, обнимавшей извѣстное число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, при чемъ бобыльскій дворъ приравненъ половинѣ крестьянскаго. Эта реформа осуществлена въ 1624 — 31 гг. Послѣ переписи 1677 — 79 гг. окладной единицей становится жилой дворъ; зачислены въ тягло были не только крестьяне и бобыли, но также задворные люди и дѣловые, если они проживали не въ господскихъ, а въ особыхъ дворахъ, и разныхъ чиновъ монастырскіе люди (дѣтеныши, служки, служебники и т. п.). Въ составѣ задворныхъ людей числилось значительное количество полныхъ и кабальныхъ холоповъ, которые такимъ образомъ попали въ тягло и совершенно смѣшались съ крестьянствомъ. Позже можно различать только тяглыхъ людей отъ дворовыхъ, которые тягла не несутъ. *Несвободное населеніе.* Институтъ холопства продолжаетъ существовать и въ московскомъ правѣ, но смягчается въ своихъ юридическихъ признакахъ и сокращается въ объемѣ: нѣкоторые источники возникновенія холопства оказываются менѣе обильными (плѣнъ), а другіе совсѣмъ закрываются (несостоятельность влечетъ выдачу должника головою до искупа; самопродажа въ Уложеніи не упоминается, хотя извѣстна Судебнику 2-му). Въ XVII в. полное холопство совершенно заслоняется новымъ видомъ холопства—*кабальнымъ*. Упоминаемые съ конца XV в. кабальные люди — сначала только должники, взамѣнъ уплаты процентовъ (за ростъ) работающіе во дворѣ кредитора до уплаты долга. Юридически отношеніе прекращается уплатой долга. Но фактически освободиться «изъ кабалы» было почти невозможно; только милость кредитора могла прекратить зависимость. Въ завѣщаніяхъ нерѣдко господа отпускаютъ на волю своихъ кабальныхъ, прощая имъ долги; значитъ, они не считали ихъ свободными. Судебникъ 2-й, установляющій впервые нѣкоторыя правила о служилыхъ кабалахъ, въ отличіе отъ ростовыхъ, не называетъ кабальныхъ людей холопами. Только указы 1586 и 1597 гг. превратили кабальныхъ людей въ пожизненныхъ холоповъ ихъ кредиторовъ, запретивъ принимать отъ нихъ уплату долга и предписавъ имъ служить до смерти господъ. Послѣднее обязательство распространено также на добровольныхъ слугъ, прослужившихъ у господъ не менѣе полугода. Служба за ростъ превратилась въ службу за долгъ съ процентами, хотя форма служилой кабалы осталась прежняя. Временный характеръ кабальной неволи сообщилъ этому виду холопства совершенно личный характеръ: кабалу можно было дать только одному лицу, у господина не было права распоряженія личностью холопа. Однако, практика въ XVII в. нерѣдко отступала отъ этихъ началъ. Кабальные живутъ не только во дворѣ господина, но за дворомъ, на пашнѣ: въ числѣ задворныхъ людей было значительное количество кабальныхъ. Кабалы на имя отца и дѣтей, вопреки запрещенію, пишутся нерѣдко, иногда даже съ прибавленіемъ обязательства «служити вѣчно». Наконецъ, извѣстны и сдѣлки на кабальныхъ, напр. поступныя. Въ практикѣ, такимъ образомъ, господскія права на кабальныхъ сближались съ правами на крестьянъ. Послѣ реформы 1679 — 80 гг. значительный контингентъ кабальныхъ совершенно слился съ крестьянствомъ. Какъ разъ въ это время измѣнился и видъ служилой кабалы: она стала писаться

Библиотека "Руниверс"

въ формѣ простого челобитья о службѣ во дворѣ. Кабальное холопство просуществовало до Петровскихъ указовъ о ревизіи. *Государственная власть.* Изъ трехъ элементовъ власти власть князя получаетъ преимущественное развитіе. Причины ея возрастанія многообразны; соотношеніе между ними еще не установлено. Отношеніе князя къ его наслѣдственной территоріи опредѣляется, прежде всего, терминомъ «вотчина», отчего и политическій бытъ XIII и XIV вв. нерѣдко называется вотчиннымъ. Характернымъ его признакомъ является слитіе частнаго права съ публичнымъ: княженіе является какъ-бы наслѣдственною собственностью князя, которую онъ завѣщаетъ сыновьямъ, женамъ и родственникамъ. По отношенію къ свободнымъ князь—господинъ, по отношенію къ несвободнымъ—государь. Понятія о подданствѣ не существуетъ. Князь—больше хозяинъ, чѣмъ государь въ смыслѣ представителя государственной власти. На этой почвѣ выросло Московское царство. Ростъ власти князя идетъ параллельно расширенію его владѣній. Новая теорія власти создавалась главнымъ образомъ усиліями духовенства, воспитаннаго на византійскихъ государственныхъ образцахъ. Ея укорененію способствуетъ женитьба Ивана III на Софіи Палеологъ и сверженіе татарскаго ига. Великіе князья титулуются государями, царями и самодержцами. Послѣдній предикатъ обозначалъ сначала внѣшнюю политическую независимость представителя власти, но затѣмъ самодержавіе понимается въ смыслѣ полноты и неограниченности власти въ сферѣ внутреннихъ отношеній. Такое толкованіе термина, извѣстное уже Грозному, стало возможно послѣ того, какъ Іосифомъ Волоцкимъ формулирована была теорія власти московскаго государя, который равенъ людямъ только естествомъ, «властію же сана яко Богъ», и которому подчинено все церковное и монастырское. Проведеніе въ жизнь этой доктрины встрѣтило оппозицію со стороны духовенства и боярства. Уже іосифлянская теорія заключала существенную оговорку о неправовѣрномъ царѣ, который названъ слугою дьявола, и которому запрещалось повиноваться; только правовѣріе дѣлало царя истиннымъ представителемъ власти; истолкователемъ истинъ вѣры являлось духовенство. Отсюда руководящая роль послѣдняго. Одновременно къ намъ проникаетъ чисто католическая доктрина о преимуществѣ духовнаго авторитета надъ свѣтскимъ, согласно теоріи двухъ мечей и двухъ свѣтилъ. Пока государи шли объ руку съ виднѣйшими представителями іосифлянскаго духовенства, не было повода къ столкновеніямъ; но попытка Никона примѣнить доктрину къ жизни вызвала серьезныя государственныя замѣшательства и имѣла своимъ слѣдствіемъ уничтоженіе патріаршества при Петрѣ. Боярская оппозиція, въ противовѣсъ теоріи іосифлянъ, защищала необходимость сигклитскаго совѣта, въ которомъ цари совѣщались-бы съ своими «ближними пріятели», съ князьями и боярами, о всѣхъ дѣлахъ міра, устранили-бы изъ совѣта иноковъ и отняли-бы у нихъ волости съ крестьянами. Нѣкоторые прибавляли къ этому требованіе объ учрежденіи вселенскаго совѣта изъ людей всякихъ мѣръ, т. е. земскаго собора. При династіи Рюриковичей никто не указалъ, какими мѣрами надлежитъ обезпечить это право совѣта за боярами и простымъ всенародствомъ. Лишь съ пресѣченіемъ династіи предпринятъ былъ рядъ попытокъ ограничить власть государя: предполагалось ограничить Бориса и королевича Владислава; Шуйскій и царь Михаилъ при избраніи были ограничены. Эта практика не пустила, однако, глубокихъ корней. Впервые законодательную формулировку самодержавіе получило при Петрѣ.

Боярская дума является продолженіемъ думы княжеской. Соотвѣтственно измѣнившемуся составу служилыхъ людей, теперь въ думу входятъ чиновные люди, которымъ сказано боярство введенное или окольничество, или дѣти боярскія, которымъ велѣно «жить въ думѣ» и которыя позднѣе стали называться думными дворянами. Къ этимъ важнѣйшимъ думнымъ чинамъ слѣдуетъ присоединить еще думныхъ дьяковъ. Не всѣ, однако, думные чины принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ думы. Съ другой стороны, царь можетъ пригласить на совѣтъ и не думнаго человѣка: извѣстны совѣщанія государя съ дворецкимъ и дьяками «самъ третей у постели». Не смотря на непостоянство состава, дума—учрежденіе постоянное, дѣйствующее каждодневно; безъ нея не обходится ни одинъ государь, не исключая и Грознаго. Самостоятельнаго вѣдомства дума не имѣетъ и самостоятельной роли не играетъ; она всегда дѣйствуетъ или вмѣстѣ съ государемъ, или по его почину и уполномочію. Трудно, поэтому, отдѣлить государя отъ его боярскаго совѣта: они составляютъ какъ-бы единое цѣлое, одну верховную власть. Это единство всего отчетливѣе проявляется въ дѣлахъ законодательства и въ международныхъ сношеніяхъ. Законодательство, еще не отдѣленное отъ управленія и суда, составляетъ главную функцію думской и государевой власти. Въ думу восходятъ и ею рѣшаются всѣ дѣла, не разрѣшенныя подчиненными органами управленія, какъ по недостатку указныхъ нормъ, такъ и по неумѣнью или нерѣшительности. По всѣмъ такимъ дѣламъ постановлялось рѣшеніе въ слѣдующей формѣ: «государь указалъ и бояре приговорили», или «по государеву указу бояре приговорили». Эта формула остается неизмѣнной, начиная съ Судебника 1-го и кончая послѣдними указами конца XVII в. Такой порядокъ довольно рано получилъ и законодательную санкцію: онъ указанъ во 2-мъ Судебникѣ. Поступаютъ дѣла въ думу по распоряженію государя, по докладамъ изъ приказовъ и по челобитьямъ частныхъ лицъ. Рѣшенія думы, кратко формулированныя думнымъ дьякомъ, передавались въ соотвѣтственные приказы для окончательной редакціи и исполненія, при чемъ окончательная редакція еще разъ докладывалась въ думѣ. По нѣкоторымъ дѣламъ дума выдѣляла изъ своей среды коммиссіи: 1) отвѣтную, для переговоровъ съ послами, 2) для разбора мѣстническихъ споровъ и 3) судебную, для пере-

Библиотека "Руниверс"

смотра судебныхъ рѣшеній. Послѣдняя въ XVII в. превращается въ постоянное учрежденіе, подъ именемъ расправной палаты. Дума просуществовала до начала XVIII в., когда преобразуется въ боярскую консилію, засѣдающую въ ближней канцеляріи; консилія же преобразуется въ сенатъ. *Земскій соборъ* (XII, 499) представляетъ собою демократическій элементъ въ составѣ верховной власти, какъ дума — элементъ аристократическій. Чрезъ посредство земскаго собора народъ принимаетъ участіе въ государственномъ правленіи, но не непосредственно, какъ на вѣчахъ, а чрезъ представителей, естественныхъ или выборныхъ. Сначала на соборы созываются органы духовной и свѣтской администраціи, столичное дворянство и купечество. Это было представительство не по довѣрію избирателей, а по призыву правительства. Лишь на избирательномъ соборѣ 1598 г. впервые появляется выборный элементъ, развившійся и упрочившійся въ эпоху смуты, когда земскій соборъ пріобрѣлъ рѣшающее значеніе и политическій авторитетъ. Такой путь развитія объясняетъ и двоякій типъ земскихъ соборовъ: одни созывались для постановки рѣшенія, другіе только для подачи мнѣній. Первый типъ преобладаетъ въ первой, послѣдній—во второй половинѣ XVII в., когда дѣятельность соборовъ постепенно замираетъ: окрѣпшее правительство перестаетъ ихъ созывать, не надѣясь найти въ нихъ поддержку въ преобразовательной дѣятельности. Земскіе соборы прекратились также, какъ и возникли: по доброй волѣ правительства. Ихъ исчезновеніе нельзя, однако, объяснять ихъ ненадобностью или негодностью; услуги, оказанныя соборами правительству, не допускаютъ такого заключенія. Способствовала ихъ упадку слабость экономическая и политическая выборнаго представительства. *Управленіе.* Возрастающій объемъ территоріи и новыя задачи управленія вызываютъ болѣе сложную систему правительственной организаціи. Въ Московскомъ государствѣ впервые появляется раздѣленіе органовъ управленія на центральные и мѣстные; въ связи съ этимъ возникаютъ инстанціи. Центральныя учрежденія — приказы—носятъ на себѣ слѣды происхожденія изъ личныхъ порученій, для завѣдыванія каждымъ вновь обозначившимся кругомъ дѣлъ. Возникновеніе ихъ во время значительнаго господства вотчинныхъ интересовъ въ управленіи объясняетъ замѣтное преобладаніе сначала приказовъ придворно-хозяйственныхъ, изъ которыхъ и рядомъ съ которыми возникаютъ постепенно чисто государственные приказы. Открываемые по мѣрѣ практическихъ потребностей, приказы отличаются большимъ непостоянствомъ и спутанностью вѣдомствъ. Компетенція ихъ опредѣляется отчасти началомъ областнымъ, отчасти сословнымъ, отчасти родомъ дѣлъ, при чемъ ни одно начало не проведено во всей полнотѣ. Организація приказовъ также была не одинакова: то приказами управляютъ отдѣльныя лица, по именамъ которыхъ приказы и называются; то они находятся въ вѣдѣніи цѣлаго присутствія изъ 3—6 лицъ, рѣшающихъ дѣла по принципу единогласія. По инстанціонному положенію приказы стоятъ между мѣстными органами и думой: это—органы центральнаго управленія. Но даже и эта черта не выдержана вполнѣ: нѣкоторые приказы, являлись учрежденіями 2-й инстанціи для всѣхъ или нѣсколькихъ областей государства, оставались мѣстными органами для г. Москвы съ уѣздомъ. Приказы просуществовали до учрежденія коллегій; съ конца XVII в. значительно измѣнялось распредѣленіе между ними дѣлъ, вслѣдствіе открытія цѣлаго ряда новыхъ приказовъ. *Мѣстное управленіе* пережило рядъ существенно различныхъ организацій. Первымъ типомъ является система кормленій. Преемники посадниковъ—намѣстники и волостели—вѣдаютъ городами и волостями въ видѣ пожалованій за службу или за выѣздъ. Они получаютъ съ населенія кормъ по уставной грамотѣ, судятъ, взимая въ свою пользу пошлины. Судъ—ихъ главная обязанность, соотвѣтствующая обязанности населенія «даваться подъ судъ» кормленщиковъ; исключеніе составляли только имѣнія крупныхъ вотчинниковъ, получившихъ, по жалованнымъ грамотамъ, право иммунитета. Съ усложненіемъ задачъ управленія даже судъ оказался не по силамъ кормленщиковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ намѣчаться сыскъ, какъ особая форма процесса. У кормленщиковъ не было ни достаточныхъ средствъ, ни серьезныхъ побужденій къ сыску лихихъ людей. Эти дѣла и были прежде всего по челобитьямъ населенія изъяты изъ вѣдомства намѣстниковъ и переданы въ вѣдѣніе губныхъ учрежденій — выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Это были единственные общеземскіе органы: въ выборѣ ихъ принимало участіе все населеніе даннаго округа, не раздѣляясь на сословныя группы. Общественная группировка сказалась лишь въ томъ, что во главѣ стояли представители служилаго класса, при томъ непремѣнно грамотные, а ихъ помощниками были выборные изъ среды тяглыхъ людей. Они должны были, при содѣйствіи населенія губы, сыскивать и казнить лихихъ людей. Дальнѣйшее развитіе этой организаціи происходило при неблагопріятныхъ условіяхъ: интересы государственной службы стояли выше земскихъ интересовъ, а потому въ губные старосты разрѣшалось избирать лишь служилыхъ людей, негодныхъ къ службѣ; земскій характеръ учрежденій постепенно исчезалъ, и они превращались въ правительственные органы, осуществляющіе текущія задачи управленія силами мѣстнаго населенія. Въ этомъ видѣ губныя учрежденія просуществовали, съ временными перерывами, до начала XVIII в. Послѣдній ударъ управленію намѣстниковъ былъ нанесенъ въ половинѣ XVI в., когда спеціальнымъ указомъ было возвѣщено объ отмѣнѣ кормленій, о передачѣ всѣхъ дѣлъ, оставшихся въ вѣдѣніи кормленщиковъ, излюбленнымъ или земскимъ старостамъ и судьямъ и о замѣнѣ корма денежнымъ оброкомъ. Новыя земскія учрежденія, съ компетенціею судебною, полицейскою и финансовою, тяжело легли на тяглое населеніе, такъ какъ сопровождались введеніемъ новой подати и попол-

Библиотека "Руниверс"

нялись выборами изъ среды тяглыхъ людей. Этимъ въ значительной мѣрѣ предопредѣлилась ихъ дальнѣйшая судьба. Съ одной стороны, увеличеніе податного бремени, вызывавшееся введеніемъ новыхъ учрежденій, привело къ тому, что по мѣстамъ намѣстники продолжаютъ существовать до конца XVI в.; съ другой стороны постепенное прикрѣпленіе тяглаго населенія все болѣе подрывало значеніе земскихъ учрежденій. Ихъ число сокращается въ теченіе всего XVII в., хотя въ поморскихъ городахъ и уѣздахъ они просуществовали до учрежденія бурмистерскихъ палатъ. Третьимъ типомъ организаціи мѣстнаго управленія является должность воеводы. Существовавшая въ пограничныхъ уѣздахъ еще въ XVI в., она становится повсемѣстною съ начала XVII в.: интересы общественной безопасности требовали, въ расшатанномъ смутою государствѣ, сильной правительственной власти для каждаго уѣзда. Самою подходящею для этой цѣли оказалась власть военачальника. Но воевода, въ качествѣ мѣстнаго правителя — гораздо болѣе приказный, чѣмъ военный человѣкъ. Онъ управляетъ въ интересахъ государственныхъ, тогда какъ намѣстникъ управлялъ гораздо больше въ собственныхъ интересахъ. Отсюда различіе въ ихъ правительственномъ положеніи. Вѣдомство воеводы обнимаетъ весь кругъ задачъ мѣстнаго управленія и суда, но не всѣ задачи осуществляются имъ лично; нѣкоторыя изъ нихъ, напр. сборъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, поручены особымъ выборнымъ органамъ (вѣрные головы и цѣловальники, посадскіе и волостные старосты), по отношенію къ которымъ воеводы являются только наблюдающей и контролирующей инстанціей. Воевода долженъ руководиться выдаваемымъ ему наказомъ, государевыми указами и наказами своихъ предшественниковъ. Въ случаѣ неполноты этихъ источниковъ, ему предоставлено было право дѣйствовать, «смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру», лишьбы при этомъ не причинился ущербъ государевой казнѣ. Такой просторъ личнаго усмотрѣнія открывалъ широкій путь къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, съ которыми центральное правительство ведетъ упорную, но мало успѣшную борьбу. Главнѣйшимъ средствомъ въ этой борьбѣ являлся правительственный контроль, при сравнительно частой смѣнѣ воеводъ; но онъ касался почти исключительно охраны казенныхъ интересовъ, а отнюдь не огражденія частныхъ правъ. Въ интересахъ послѣднихъ хотя и изданъ рядъ мелкихъ предписаній, но для проведенія ихъ въ жизнь у правительства было также мало средствъ, какъ и для точнаго выполненія гораздо болѣе важныхъ, съ точки зрѣнія правительства, указовъ. Выведенное изъ терпѣнія постоянными жалобами на воеводъ, правительство въ концѣ XVII в. рѣшилось на крайнюю мѣру: для Сибири, гдѣ злоупотребленія воеводъ были особенно вопіющими, предписано изъ наказовъ и указовъ выписать статьи, разослать ихъ во всѣ земскія избы и предписать мѣстнымъ жителямъ: «будетъ который воевода учнетъ что дѣлать чрезъ тѣ ему данныя статьи, и имъ земскимъ всякого чина людемъ его въ томъ не слушать». Такимъ воплемъ отчаянія завершается борьба правительства съ злоупотребленіями мѣстной власти въ московскомъ періодѣ. Самыя задачи управленія значительно разростаются и усложняются. Первенствующую роль среди нихъ по прежнему занимаетъ, кромѣ правосудія, военное и финансовое управленіе. Охрана все болѣе удлиняющихся границъ требовала все большаго напряженія военныхъ силъ. Соотвѣтственно этому усложнялась и организація войска (см. Вооруженныя силы Россіи, XXVII, 171 — 2). Военные расходы по первымъ государственнымъ росписямъ конца XVII вѣка превышали половину бюджета. Возрастаніе государственныхъ нуждъ требуетъ постояннаго увеличенія государственныхъ доходовъ (см. Финансы Россіи, XXVII, 185—6).

2) Очеркъ развитія общихъ понятій о преступленіи и наказаніи по древнему русскому праву. Исторія русскаго уголовнаго права обыкновенно разсматривается по тремъ періодамъ, соотвѣтственно основному различію въ типахъ наказаній, господствовавшихъ въ каждый изъ этихъ періодовъ. Въ связи съ измѣненіемъ характера наказаній измѣнялись и принципіальныя воззрѣнія на преступленіе. Первый древнѣйшій періодъ характеризуется господствомъ мести и смѣнившей ее системой выкуповъ. Месть — первичная форма наказанія, осуществляемая потерпѣвшимъ и его ближними. Сначала она крайне неравномѣрна, такъ какъ опредѣляется степенью разгнѣваннаго чувства и силами пострадавшихъ. Въ историческое время она подлежитъ различнымъ ограниченіямъ, благодаря которымъ пріобрѣтаетъ публичный характеръ, потому что подлежитъ контролю общественной власти. Ограниченія мести сводятся: 1) къ сокращенію числа преступленій, за которыя допускается месть; 2) къ установленію срока, въ теченіе котораго можно мстить, и 3) къ съуженію круга мстителей. Древнѣйшая Русская правда знаетъ месть за убійство, увѣчья, кровавыя и синія раны, даже простой ударъ рукой или какимъ-либо не воинскимъ орудіемъ, а также за кражу. За увѣчья мстятъ дѣти; за раны и побои можетъ мстить лишь самъ потерпѣвшій, и притомъ лишь вслѣдъ за нанесеніемъ удара. Пространная Правда упоминаетъ только о мести за убійство и кражу и не облагаетъ наказаніемъ того, кто ткнетъ мечемъ за причиненный ударъ. Всѣ случаи правонарушеній изъ мести могутъ подлежать судебной оцѣнкѣ; судъ провѣряетъ, соблюдены ли правила мести. Помимо этого самъ судъ можетъ присудить месть. Намекъ на послѣсудебную месть содержится въ краткой Правдѣ и въ лѣтописномъ разсказѣ о судѣ надъ суздальскими кудесниками. Помимо указанныхъ ограниченій, важную роль въ смягченіи мести играетъ право убѣжищъ. Мѣстами убѣжищъ прежде всего являлись церкви, о чемъ сохранилось нѣсколько лѣтописныхъ указаній. Русская Правда въ одномъ случаѣ упоминаетъ объ убѣжищѣ въ частномъ домѣ: холопъ, ударившій свободнаго, могъ

Библиотека "Руниверс"

укрыться въ хоромахъ, и господинъ могъ его не выдать. Въ видѣ переживанія, неприкосновенность частнаго жилища вспоминается даже въ одномъ сѣверномъ памятникѣ московскаго періода. Постепенно ограничиваемая месть все болѣе и болѣе вытѣсняется системой выкуповъ. Выкупъ—это денежное вознагражденіе, уплачиваемое правонарушителемъ и его родственниками потерпѣвшему и его ближнимъ, подъ условіемъ отказа ихъ отъ мести. Такая замѣна одного обычая другимъ, по существу столь противоположнымъ, могла произойти лишь постепенно; отказъ отъ мести сопровождался, притомъ, обрядами, устраняющими всякое подозрѣніе въ трусости передъ противникомъ. Таковы различныя формы актовъ примиренія у германцевъ и западныхъ славянъ (см. Покора); наши памятники не сохранили подобныхъ указаній, но существованіе актовъ примиренія необходимо предположить и у насъ. Разъ упрочившись, выкупы слагаются въ довольно сложную систему правилъ. Размѣры выкупа, опредѣляемые сначала соглашеніемъ сторонъ, мало-по-малу фиксируются соотвѣтственно причиненнымъ ущербамъ. Вмѣшательство общественной власти въ дѣла этого рода вызываетъ установленіе штрафовъ и въ пользу власти. Такъ возникаютъ: 1) вира — штрафъ за убійство, поступающая въ пользу князя; 2) плата за голову, головщизна или головничество, поступающая въ пользу родственниковъ убитаго; 3) продажа—штрафъ за другія правонарушенія, кромѣ убійства и увѣчья (за увѣчье взималось полувирье), также взимаемый въ пользу князя. Въ пользу потерпѣвшихъ отъ другихъ преступленій, помимо убійства, уплачивается урокъ, проторъ, пагуба, или это вознагражденіе обозначается описательно: «за обиду», «за соромъ», «за муку» и т. п. Система выкуповъ — господствующая форма наказанія по Русской Правдѣ и современнымъ ей памятникамъ, но не единственная. Въ Русской Правдѣ, помимо мести, упоминается еще наказаніе, назначаемое за убійство въ разбоѣ, поджогъ и конокрадство — именно потокъ и разграбленіе. Разграбленіе означаетъ насильственное отнятіе имущества, потокъ же обнималъ разныя формы личныхъ наказаній: изгнаніе, обращеніе въ рабство и даже убійство. Отсюда могли развиться такія формы наказаній, какъ смертная казнь, тѣлесныя наказанія и лишеніе свободы, извѣстныя у насъ по византійскимъ образцамъ вслѣдъ за принятіемъ христіанства. Уже Владиміру св. епископы совѣтовали казнить разбойниковъ, хотя потомъ они-же предложили возстановить старый порядокъ взиманія виръ. Высказана вѣроятная догадка, что и при Ярославѣ смертная казнь примѣнялась и что постановленіе Ярославичей объ отложеніи убіенія за голову слѣдуетъ понимать въ смыслѣ вторичной замѣны смертной казни врами. Владиміръ Мономахъ поучаетъ дѣтей: «не убивайте и не повелѣвайте убити, аще будетъ повиненъ смерти». Есть указаніе, что осужденные на смерть могли отъ нея откупиться. Въ законодательныхъ сборникахъ смертная казнь впервые упоминается въ Псковской грамотѣ. Холопа, ударившаго свободнаго мужа, по уставу Ярославичей, предписано «любо бити и розвязавше». Изъ сопоставленія этого мѣста съ словами Даніила Заточника: «а безумнаго аще и кнутомъ бьеши, розвязавъ на санѣхъ, не отымети безумія его», явствуетъ, что и Русской Правдѣ было извѣстно тѣлесное наказаніе кнутомъ. Наконецъ, лѣтопись упоминаетъ о примѣненіи въ особыхъ случаяхъ членовредительныхъ наказаній въ XI и XII вв. Не смотря, однако, на все бо́льшее упроченіе въ практикѣ послѣднихъ видовъ кары, наказанія, вытекающія изъ саморасправы или примиренія потерпѣвшихъ съ нарушителями, занимаютъ въ первомъ періодѣ первенствующее мѣсто. Въ связи съ этимъ стоитъ и господствующее воззрѣніе древности на преступленіе. Это—не нарушеніе юридическихъ нормъ, грозящее безопасности государства или общества, а нарушеніе частныхъ интересовъ. Самый терминъ «преступленіе» неизвѣстенъ древности. Вмѣсто него употребляются выраженія: обида, соромъ, пагуба, проторъ. Обида вовсе не обозначала оскорбленія чести; такъ называли и убійство, и неплатежъ долга. Во всѣхъ приведенныхъ выраженіяхъ на первомъ планѣ стоитъ понятіе вреда, причиненнаго частному лицу или группѣ лицъ. Матеріальная сторона преступленія имѣла, такимъ образомъ, преобладающее значеніе; главное вниманіе обращалось на матеріальный ущербъ, причиняемый преступленіемъ, а не на грозящую отъ злой воли опасность. Въ эпоху Русской Правды отъ этой чисто матеріальной точки зрѣнія можно отмѣтить уже цѣлый рядъ отступленій: въ рядѣ статей обращается вниманіе на степень проявленія злой воли. Такъ, убійство на пиру въ свадьбѣ, совершенное явно, влечетъ болѣе мягкія послѣдствія, чѣмъ убійство въ разбоѣ; отвѣтственность купца за утрату чужихъ денегъ или товара видоизмѣняется въ зависимости отъ того, случилась ли такая пагуба отъ Бога или по винѣ самого купца; за истребленіе скота пакощами взыскивается бо́льшій штрафъ, чѣмъ за кражу скота; послѣдняя наказуется строже, если скотъ украденъ изъ хлѣва и клѣти, чѣмъ въ случаѣ кражи скота съ поля. Но оцѣнка внутренней стороны преступнаго дѣянія не идетъ глубоко; такъ, всѣ соучастники въ преступленіи наказуются одинаково, хотя виновность ихъ могла быть весьма различна. При взглядѣ на преступленіе, какъ на причиненіе вреда частнымъ лицамъ, и при слабомъ развитіи государственныхъ началъ, древнее право не знаетъ преступленій противъ государства и общества. Даже Русская Правда позднѣйшей редакціи перечисляетъ только преступленія противъ жизни, здоровья, тѣлесной неприкосновенности и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и другое явленіе: преслѣдованіе преступника въ древности было дѣломъ отнюдь не государственнымъ, а самихъ пострадавшихъ. Въ эпоху Русской Правды, подъ вліяніемъ духовенства, появляется и иное воззрѣніе на преступленіе, какъ на нарушеніе правилъ и предписаній, касающихся, главнымъ образомъ, религіозной и семейной

Библиотека "Руниверс"

жизни. Въ церковныхъ уставахъ перечисляется цѣлый рядъ дѣяній, нарушающихъ установленныя правила о брачномъ союзѣ и о соблюденіи обрядовъ православной вѣры, хотя бы эти дѣянія и не причиняли никому прямого вреда; такъ, подлежали наказанію тѣ, «кто молится подъ овиномъ или въ рощеньи или у воды», «кто ѣстъ и пьетъ съ иноязычниками и некрещеными» и т. п. Подъ этими же вліяніями начинаетъ слагаться и понятіе о преступленіяхъ государственныхъ. Изъ новгородской исторіи XII в. извѣстны случаи казни за измѣну. Псковская грамота назначаетъ смертную казнь за перевѣтъ. Тамъ же впервые формулируются и нѣкоторыя преступленія противъ порядка суда.

Во *второмъ* періодѣ основныя воззрѣнія на наказаніе и преступленіе существенно измѣняются, въ связи съ постепеннымъ усиленіемъ государственной власти, берущей въ свои руки какъ оцѣнку преступныхъ дѣяній, такъ и опредѣленіе за нихъ наказанія. На этой почвѣ она медленно, путемъ практики, проводитъ мысль, которую духовенство неоднократно выражало еще въ первомъ періодѣ: что власти установлены Богомъ «въ отмщеніе злодѣямъ и въ похвалу благотворящимъ, чтобы люди, если презрятъ страхъ Божій, вспомнили бы страхъ властителей земныхъ». Страхъ передъ властью долженъ поддерживаться страхомъ наказаній. Еще въ XI в. одинъ каноническій памятникъ рекомендовалъ «яро казнити на возображеніе злу». Эта новая точка зрѣнія на наказаніе не вытѣсняетъ вполнѣ стараго начала возмездія или воздаянія зломъ за зло, свойственнаго мести. На эту почву прежде всего становится и государственный судъ; еще въ Петровскомъ законодательствѣ она находитъ яркое выраженіе: «кто кого убьетъ, онаго кровь паки отмстить». Въ законодательныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ цѣлый рядъ наказаній назначается по принципу матеріальнаго таліона, т. е. въ составѣ наказанія воспроизводится составъ преступленія: за поджогъ назначается сожженіе, за увѣчья — изувѣчивающія наказанія и т. п. Утилитарныя наказанія занимаютъ, однако, первенствующее мѣсто. Цѣли, намѣчаемыя наказаніемъ, опредѣляются исключительно государственными и общественными интересами, въ угоду которымъ преступникъ всецѣло приносится въ жертву. Онѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) ограждение общества отъ преступниковъ полнымъ ихъ истребленіемъ («чтобъ лихихъ людей извести»), или изувѣченіемъ ихъ, чтобы предупредить возможность совершенія ими новыхъ преступленій (напр., виновнымъ въ поддѣлкахъ подъячимъ отсѣкали пальцы, «чтобы впредь къ письму были непотребны»), или, наконецъ, изъятіемъ преступниковъ изъ среды общества въ тюрьму или въ ссылку. 2) Устрашеніе преступниковъ и всѣхъ гражданъ отъ совершенія преступныхъ дѣяній тяжестью и жестокостью наказаній: «да и прочіе страхъ пріимутъ таковая не творити», «чтобы па то смотря другимъ неповадно было такъ чинить». 3) Извлеченіе матеріальныхъ выгодъ изъ имущества и личныхъ силъ преступника — конфискаціи, денежныя пени и эксплуатація труда преступниковъ со времени введенія у насъ каторжныхъ работъ при Петрѣ. Первыя двѣ цѣли по существу требовали самыхъ жестокихъ наказаній, которыя и процвѣтали въ московскомъ и Петровскомъ законодательствѣ. Уложеніе въ 60 статьяхъ, Воинскій Уставъ — въ 122 назначаютъ смертную казнь; отдѣльные указы угрожаютъ смертною казнью за самые ничтожные проступки, напр., за хитрость и нерадѣнье, за поклепные иски и пр. Несомнѣнно, что во многихъ указанныхъ случаяхъ имѣлась въ виду только угроза. Кромѣ смертной казни, рядъ изувѣчивающихъ наказаній и наказаніе кнутомъ (такъ наз. торговая казнь), назначаемое по Уложенію въ 140 случаяхъ и равносильное нерѣдко квалифицированной смертной казни, достаточно обрисовываютъ, какими способами предполагалось достигнуть цѣли устрашенія. Особенности карательной системы московской эпохи и Петровскаго законодательства обнаруживаются еще и въ формахъ уголовной санкціи. Господствующей была неопредѣленная санкція: не опредѣляется видъ наказанія, или, когда видъ указанъ, не опредѣленъ размѣръ наказанія. Напр.: «учинить наказаніе, что государь укажетъ»; или «учинить наказанье, смотря по винѣ»; или же: «взять пеню, что государь укажетъ», «посадить въ тюрьму до государева указа». Рядомъ съ этимъ существовали санкціи по формѣ безусловно опредѣленныя, но въ практическомъ примѣненіи столь же неопредѣленныя, какъ и вышеуказанныя, и имѣвшія лишь характеръ угрозы, (напр. въ цѣломъ рядѣ случаевъ относительно смертной казни). Вслѣдствіе этого, участь преступника нерѣдко совершенно зависѣла отъ произвола правительства. Происходившая отсюда неравномѣрность наказаній еще болѣе усиливалась вслѣдствіе все болѣе упрочившагося начала сословности. Наконецъ, къ числу особенностей карательной системы въ разсматриваемую эпоху слѣдуетъ отнести отсутствіе принципа индивидуальности наказаній. Какъ въ эпоху мести нерѣдко страдали невинные родственники, такъ и позднѣе подвергались наказанію невинные члены семьи: жена при мужѣ, дѣти при отцѣ. Подобныя мѣры особенно широко примѣнялись въ сферѣ политическихъ преступленій и преслѣдованій, при Грозномъ и Годуновѣ. Потому-то боярство, немало натерпѣвшееся отъ такихъ порядковъ, и внесло въ ограничительную запись Шуйскаго условіе: «отецъ виноватъ, и надъ сыномъ ничего не сдѣлати; а будетъ сынъ виноватъ, отецъ того не вѣдаетъ, и отцу никакого дурна не сдѣлати». Та же мысль выражена и въ Уложеніи: «А будетъ которая жена про измѣну мужа своего или дѣти про измѣну отца своего не вѣдали... и ихъ за то не казнити и никакого наказанія имъ не чинити». Практика и даже указы Петровской эпохи нерѣдко, однако, отступали отъ этого правила. Понятіе о преступленіи также постепенно измѣняется. Оно начинаетъ считаться дѣяніемъ не только причиняющимъ вредъ отдѣльнымъ лицамъ, но грозящимъ опасностью государству и обществу, а потому перестаетъ

Библиотека "Руниверс"

быть дѣломъ личнымъ или семейно-родовымъ и становится дѣломъ государевымъ и земскимъ. Преслѣдованіе преступленій, зависѣвшее раньше отъ иниціативы частныхъ лицъ, теперь становится обязанностью органовъ государства. Сначала государство преслѣдуетъ небольшой кругъ дѣяній, признаваемыхъ болѣе важными; это «лихія дѣла» — душегубство, разбой, кража съ поличнымъ,— совершаемыя «лихими людьми» или профессіональными преступниками. Въ этихъ названіяхъ сказывается еще матеріальный взглядъ на преступленіе и преступника; но затѣмъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе получаетъ чисто формальный взглядъ на преступленіе, возникшій и упрочившійся подъ вліяніемъ церковныхъ ученій. Въ преступленіи церковь видѣла прежде всего грѣхъ, нарушеніе Божественнаго закона, и называла преступниковъ «забывателями страха Божія». Отсюда естественно вытекало понятіе о преступленіи, какъ о нарушеніи закона свѣтскаго, который, прежде всего, долженъ служить поддержкой церковнаго ученія церкви. Вина преступника оказывалась, такимъ образомъ, двойственной: передъ Богомъ и передъ властью. Уложеніе и выражается о преступникахъ такъ: «кто забывъ страхъ Божій и презрѣвъ царское повелѣніе» учинитъ то-то. Нарушеніе велѣній власти—признакъ хотя и внѣшній, но опредѣленный, если эти велѣнія извѣстны подданнымъ. Но принципъ: nullum crimen sine lege — не былъ извѣстенъ праву разсматриваемой эпохи; власть не стѣснялась облагать наказаніемъ дѣянія не запрещенныя указами. Такъ, Уложеніе не упоминаетъ въ числѣ преступленій противъ величества оскорбленіе государя словомъ или порицаніе его дѣйствій; между тѣмъ, эти дѣянія подлежали наказанію не только въ эпоху Уложенія, но и болѣе чѣмъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ: Иванъ Грозный, будучи 14-тп лѣтъ отъ роду, приказалъ отрѣзать Бутурлину языкъ за невѣжливыя слова противъ государя. Уже Судебники различаютъ безхитростныя дѣянія, противополагаемыя умышленнымъ, но признаковъ различія не указываютъ. Умышленныя дѣянія, въ свою очередь, различаются въ зависимости отъ того, кѣмъ они совершены: вѣдомыми лихими людьми или лицами въ обыскахъ не облихованными. Въ Уложеніи обособляются дѣянія, совершенныя по злому умыслу, по небреженію и безъ умышленія или безъ хитрости, т. е. умышленныя, неосторожныя и случайныя. Это различіе не всегда выдерживается, между прочимъ и по строгости наказанія; разграниченіе между неосторожными и случайными дѣяніями еще очень шатко. Весьма мало привноситъ въ этотъ вопросъ и Воинскій Уставъ. Вопросъ о вмѣненіи стоитъ въ зависимости еще отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ условій, внѣшнихъ и субъективныхъ. Къ числу первыхъ относятся необходимая оборона и крайняя необходимость. Объ оборонѣ впервые упоминаютъ памятники XVII в., заимствуя это понятіе, вѣроятно, изъ Литовскаго статута. Право обороны понималось очень широко: можно было защищать себя и другихъ отъ всякаго незаконнаго нападенія; способы защиты были почти ничѣмъ не ограничены. Въ Воинскомъ Уставѣ оборона значительно ограничивается. Имъ впервые вводится понятіе о крайней необходимости, примѣнительно къ незначительнымъ кражамъ «изъ крайней голодной нужды»; наказаніе въ такихъ случаяхъ или совсѣмъ не примѣняется, или умаляется. Къ числу субъективныхъ условій вмѣненія, извѣстныхъ московскому праву изъ Градскихъ законовъ, относятся малолѣтство (аще 7 лѣтъ отрокъ) и явно болѣзненное психическое состояніе (бѣсные), устраняющія наказаніе даже при убійствѣ. Воинскій Уставъ упоминаетъ еще о состояніи аффекта и служебной ревности, какъ объ обстоятельствахъ, смягчающихъ наказаніе. Проявленіе воли во внѣшнемъ дѣйствіи начинаетъ различаться только Уложеніемъ, которое знаетъ обнаруженный умыселъ, покушеніе и совершенное дѣяніе. Умыселъ на государево здоровье наказуется наравнѣ съ оконченнымъ дѣяніемъ, умыселъ на жизнь господина—наравнѣ съ покушеніемъ. Воинскій Уставъ расширяетъ наказаніе за умыселъ въ преступленіяхъ противъ Величества; Морской Уставъ распространяетъ это правило и на общія преступленія: «всѣ убійцы и намѣренные къ тому будутъ казнены смертью». Покушеніе на госуд. преступленіе наказуется по Уложенію какъ совершеніе, при нѣкоторыхъ общихъ преступленіяхъ—снисходительнѣе. Воинскій Уставъ различаетъ покушенія оконченныя и неоконченныя, смягчая наказанія за послѣднія, если дѣяніе доведено до конца по желанію самого преступника. Что касается до соучастія въ преступленіи, то Уложеніе различаетъ: 1) главныхъ виновниковъ, интеллектуальныхъ и физическихъ, при чемъ послѣдніе наказывались иногда легче (холопы, дѣйствовавшіе по наученью господъ), иногда строже (подъячій — строже дьяка за составленіе невѣрнаго суднаго списка), иногда одинаково; 2) пособниковъ — «товарищей», которымъ назначается то меньшее наказаніе, то одинаковое съ главными виновниками («подводъ» и «поноровка»), и 3) прикосновенныхъ лицъ, которыя подлежатъ также весьма различнымъ наказаніямъ: пристанодержательство («станъ» и «пріѣздъ») наказуется какъ разбой; покупка и храненіе краденаго («поклажея») — тюрьмой или только отдачей на поруки; неоказаніе помощи въ случаѣ опасности отъ преступниковъ — кнутомъ; отказъ отъ ловли преступниковъ — пеней; недонесеніе играетъ важную роль при государственныхъ преступленіяхъ, всѣ соучастники подлежатъ наказанію наравнѣ съ главными виновниками, при чемъ не только не проводится различія между посторонними и членами семьи, но послѣдніе даже предполагаются соучастниками, если не докажутъ противнаго. Воинскій Уставъ также знаетъ всѣ эти формы участія, но въ большинствѣ случаевъ установляетъ одинаковыя наказанія для разныхъ соучастниковъ. Въ связи съ измѣненіемъ общихъ воззрѣній на наказаніе и преступленіе, иное значеніе получаютъ и отдѣльные виды преступленій. Въ противоположность первому періоду, постепенно вы-

Библиотека "Руниверс"

двигаются на первый планъ дѣянія, направленныя противъ церкви и государства. Эта перемѣна не замѣтна еще въ Судебникахъ. но только потому, что они чрезвычайно блѣдно отражаютъ современную имъ практику, Въ нихъ упомянуты только коромольникъ и градской сдавецъ, какъ государственные преступники, неправосудіе, взяточничество и подлогъ, какъ служебныя преступленія, и церковная татьба, какъ единственное преступленіе противъ церкви. Между тѣмъ въ дѣйствительности встрѣчались и преслѣдованія еретиковъ, и казни за «невѣжливыя слова» про государя, за поддѣлку монеты и пр. Уложеніе и Воинскій Уставъ ставятъ на первое мѣсто преступленія противъ вѣры и церкви. Далѣе слѣдуютъ преступленія политическія, особенно, подробно перечисленныя въ Воинскомъ Уставѣ, преступленія по службѣ, противъ порядка управленія и т. д. Преступленія противъ частныхъ лицъ стоятъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Крутой переворотъ въ понятіяхъ о преступленіи и наказаніи вноситъ Наказъ Екатерины. Въ Наказѣ буквально передается мысль Беккаріи, что «законы суть условія, посредствомъ коихъ независимыя и одинокія личности, утомленныя постоянною взаимною борьбою и пользованіемъ свободою, соединились въ общества». На этомъ положеніи зиждется и право наказанія, такъ какъ недостаточно установить залоги безопасности, т. е. законы; необходимо ихъ предохранить, установивъ наказанія для ихъ нарушителей. Ни судьи, ни правители не могутъ налагать на членовъ общества наказанія, точно не указанныя въ законѣ. Цѣли карательной дѣятельности государства опредѣляются двояко: необходимо воспрепятствовать виновному впредь вредить обществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отвратить гражданъ отъ содѣянія подобныхъ преступленій. Вся дѣйствовавшая система наказаній, основанная на одномъ устрашеніи, подвергнута рѣзкому осужденію, съ одной стороны за ея безчеловѣчность, такъ какъ смыслъ наказанія заключается вовсе не въ томъ, «чтобы мучить тварь чувствами одаренную»; съ другой—за безполезность, такъ какъ «страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвались беззаконія самыя безчеловѣчныя». Но такъ какъ въ каждомъ наказаніи заключается извѣстное страданіе, то размѣръ послѣдняго долженъ лишь превосходить выгоды, извлекаемыя изъ преступленій; «всякая строгость, превосходящая сіи предѣлы, безполезна и слѣдовательно мучительна». Прежде всего должна быть достигнута неизбѣжность наказанія, потому что «извѣстность и о маломъ, но неизбѣжномъ наказаніи сильнѣе впечатлѣется въ сердцѣ, нежели страхъ жестокой казни, совокупленный съ надеждою избыть отъ оныя». Наказаніе, далѣе, должно возможно быстрѣе слѣдовать за преступленіемъ, какъ въ виду того, чтобы преступленіе считалось причиною наказанія, такъ и въ интересахъ подсудимаго, чтобы избавить его отъ излишнихъ мученій неизвѣстности. Наконецъ, необходимо установить извѣстную соразмѣрность между наказаніями и преступленіями, такъ какъ весьма важно, чтобы преступленія совершались тѣмъ рѣже, чѣмъ больше вреда они причиняютъ, и слѣдовательно препятствія, сдерживающія отъ совершенія преступленій, должны быть соотвѣтственно сильнѣе. Этимъ требованіемъ положено было основаніе лѣстницѣ наказаній и классификаціи преступленій по ихъ важности съ точки зрѣнія вреда, причиняемаго обществу. Въ понятіе о преступленіи Наказъ также вноситъ существенныя измѣненія. «Ничего не должно воспрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенному, или всему обществу; всѣ дѣйствія ничего такого въ себѣ не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ». Важнѣе предупреждать преступленія, чѣмъ ихъ наказывать; отсюда высокое значеніе, которое Екатерина придавала воспитанію. Наказъ различаетъ голый умыселъ, приготовленіе, покушеніе и совершеніе, при чемъ весьма подробно защищаетъ положеніе о ненаказуемости голаго умысла, ибо «законы не могутъ наказывать намѣренія». Особенно важно, что это правило вполнѣ примѣнено и къ преступленіямъ противъ Величества: «слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ или соединяются или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному». Съ указаннымъ ограниченіемъ даже и письма не считаются дѣйствіями, направленными противъ Величества. Приготовленіе и покушеніе должны облагаться наказаніями, но въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ совершенныя дѣянія. По тѣмъ же мотивамъ рекомендуется наказывать менѣе строго соучастниковъ въ преступленіи, «которые не суть безпосредственными онаго исполнителями». Классифицируются преступленія въ Наказѣ по степени ихъ важности: самымъ тяжкимъ является то, которое грозитъ окончательнымъ разрушеніемъ общества, самымъ легкимъ—малѣйшее раздраженіе, причиненное частному человѣку. Особо и независимо отъ этихъ указаній предлагается схема преступленій, заимствованная у Монтескье и различающая преступленія: 1) противъ вѣры; 2) противъ нравственности; 3) противъ тишины и спокойствія и 4) противъ общественной безопасности. Только послѣдняя категорія подлежитъ уголовнымъ наказаніямъ въ собственномъ смыслѣ. Провозглашенныя Наказомъ въ сферѣ уголовнаго права новшества проникали въ жизнь съ чрезвычайной медленностью; не все намѣченное Наказомъ осуществлено даже нашимъ дѣйствующимъ правомъ. Этимъ, однако, нисколько не колеблется то положеніе, что Наказомъ открывается новая эпоха въ исторіи русскаго уголовнаго права. *М. Дьяконовъ.*

В. **Русское гражданское право** какъ въ своемъ историческомъ развитіи, такъ и современномъ состояніи, въ противоположность римскому и новому западно-европейскому, характеризуется неопредѣленностью формъ гражданско-правовыхъ отношеній и, особенно, невыработанностью отдѣльныхъ правомочій и обязанностей, связываемыхъ, для отдѣльныхъ лицъ, съ наличностью между ними того или другого отношенія (субъективныхъ правъ и обязанно-

Библиотека "Руниверс"

стей, какъ говорятъ юристы). Это стоитъ въ прямой связи съ историческимъ складомъ русскаго гражданскаго общества и отношеніемъ его къ власти, опредѣлявшей и опредѣляющей теперь формы проявленія правовой жизни (источники права).

Въ русскомъ гражданскомъ обществѣ только группы или классы, представляющіе собою опредѣленный соціально-экономическій интересъ, отличались рѣзкою замкнутостью и далеко не всегда въ состояніи были подчинить себѣ остальную массу; поскольку это подчиненіе достигалось, оно не вызывало активнаго противодѣйствія массы, вслѣдствіе ея неорганизованности и внѣшнихъ условій, отдававшихъ ее во власть господствующей группы. Главнымъ интересомъ правящихъ классовъ древняго періода русской исторіи была внѣшняя торговля. Онъ проявляется въ нормахъ гражданскаго права, но не соединяетъ всѣхъ торговцевъ въ однообразное цѣлое, въ виду различія въ способахъ добыванія объектовъ торговли (товара). Одни добываютъ ихъ путемъ обложенія данью охотничьихъ, звѣроловныхъ и земледѣльческихъ племенъ, населяющихъ Русь; другіе ведутъ самостоятельное земельное хозяйство, завязывая особыя связи съ населеніемъ; третьи организуютъ самостоятельные лѣсные и иные промыслы, а отчасти и ремесла. Центръ внутреннихъ торговыхъ сношеній и отправный пунктъ торговли внѣшней—городъ—не представляетъ, поэтому, однообразнаго населенія и права. Съ конца XII в., съ перенесеніемъ центра государственной жизни съ Ю и СЗ на СВ, господствующимъ становится интересъ земледѣльческій, опредѣляемый интересами сельскаго хозяйства. Онъ также обнимаетъ собою различные классы общества: князя съ дружиной, духовенство, старыхъ купцовъ, мѣстныхъ промышленниковъ; всѣ они захватываютъ постепенно земли и обработываютъ ее при помощи рабовъ (холоповъ, челяди) или вольнонаемныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе политическихъ, географическихъ и топографическихъ условій и этому интересу не удается сплотить въ одно цѣлое русскихъ землевладѣльцевъ XIII—XV вв. и безусловно подчинить себѣ перехожихъ крестьянъ. Другіе интересы духовенства (высшаго и монастырей) и князя съ дружиной часто противоположны между собою; крестьяне стремятся пользоваться свободой, не смотря на лежащія на нихъ обязательства; дружинники-землевладѣльцы, а отчасти и князья переплетаются другъ съ другомъ и особенно съ духовенствомъ тѣсной связью долговыхъ отношеній, въ одно и то же время и связывающихъ, и вызывающихъ антагонизмъ. Въ *Московскій періодъ* развитія взаимное отношеніе различныхъ группъ русскаго общества становится болѣе опредѣленнымъ. Господствующимъ классомъ является помѣстное, служилое дворянство, которому удается, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ крѣпостную теперь крестьянскую массу; купеческій, торговый элементъ населенія отходитъ на задній планъ и, получивъ новую тягловую организацію, не способенъ уже оказывать какое-либо вліяніе на развитіе права. Но и служилое дворянство, утративъ самостоятельное значеніе, не сплачивается въ опредѣленный классъ, члены котораго были бы солидарны другъ съ другомъ и по отношенію къ правительству. Среди помѣщиковъ и вотчинниковъ идетъ мелкая борьба изъ-за большаго или меньшаго количества оклада, отдѣльные члены класса отыскиваютъ себѣ земли, часто отнимая ихъ у другихъ служилыхъ людей. Въ средоточіи этой борьбы стоитъ московское правительство, отъ милостей котораго зависитъ служилое положеніе человѣка. Съ эпохи Петра до начала XIX столѣтія идетъ процессъ сложенія русскаго гражданскаго общества въ сословія, но среди отдѣльныхъ группъ одного и того же класса господствуетъ антагонизмъ интересовъ (крупное и мелкое, дворянское, купеческое и крестьянское землевладѣніе), не дающій возможности выдвинуть интересы обладанія на первый планъ сравнительно съ интересами оборота и неспособный парализовать развитіе послѣдняго. Рѣзкія различія въ культурномъ и экономическомъ составѣ общества препятствуютъ сложенію однаковыхъ идеаловъ семейнаго, личнаго и имущественнаго права и установленію въ жизни послѣдовательной системы гражданско-правовыхъ нормъ.

Исторія источниковъ русскаго гражданскаго права соотвѣтствуетъ составу русскаго гражданскаго общества. Характернымъ ея отличіемъ является недостатокъ выработки самостоятельныхъ классовыхъ нормъ «обычнаго права», способнаго служить опорой законодательства. «Старина», «пошлина» и «обычаи» захватываютъ и въ древней Руси, несомнѣнно, многія группы отношеній и складываютъ такъ или иначе внутренній *бытъ* ея отдѣльныхъ частей. но они не создаютъ *общихъ* нормъ гражданскаго права, дающихъ возможность говорить о народномъ «правосознаніи». Отсюда легкость воздѣйствія княжескаго и царскаго «указа» на юридическую организацію быта и привычка искать правовыя нормы не въ примѣненіи интересовъ, а въ указаніяхъ правительства. Въ памятникахъ перваго періода—Русской Правдѣ и Псковской судной грамотѣ замѣтны еще слѣды нѣкотораго общественнаго порядка, различнаго для отдѣльныхъ классовъ, но опирающагося на сложившіяся представленія о правѣ и неправдѣ. Позднѣйшіе памятники удѣльнаго періода и начала царскаго (уставныя грамоты и судебники) заняты по преимуществу устройствомъ внѣшняго порядка отношеній, установленіемъ власти намѣстниковъ и волостелей, пространства суда и пошлинъ. Внутренній бытъ отдѣльныхъ группъ населенія, родовыхъ, семейныхъ, товарищескихъ и общиныхъ союзовъ опредѣляется почти исключительно волей главенствующихъ ихъ членовъ, а поземельныя и договорныя зависимыя отношенія между отдѣльными лицами — частнымъ соглашеніемъ (договоромъ), на всей волѣ стороны, лучше поставленной экономически въ моментъ заключенія договора. Отсюда разнообразіе формъ и условій и почти полное отсутствіе какихъ-либо *общихъ нормъ*. Въ *Судебникахъ* встрѣчаются лишь нѣкоторыя ограничительныя постановленія, обязанныя своимъ происхожде-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ правительственной политикѣ: о выкупѣ родовыхъ имуществъ, о займахъ, о переходѣ крестьянъ. Укрѣпившіяся къ этому времени нормы византійскаго права (см. Кормчая книга) обнимали лишь нѣкоторыя отношенія семейнаго права. *Московское законодательство*, начиная съ конца XV вѣка, обращаетъ серьезное вниманіе на поземельныя отношенія, но лишь въ интересахъ государственной службы. Огромное количество челобитныхъ и данныхъ по ихъ поводу указовъ касаются именно поземельныхъ отношеній. Законодательство идетъ сбивчивымъ путемъ рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ, часто противорѣча само себѣ. По словамъ профессора Сергѣевича, «челобитья подаются небольшими сравнительно группами лицъ, имѣющихъ какіе-либо общіе интересы и недовольныхъ тѣми или другими порядками. *Челобитчики дѣйствуютъ во имя частныхъ своихъ интересовъ.* Въ нихъ нельзя видѣть представителей не только всего Московскаго государства или какого-либо изъ его сословій: они не всегда представляютъ даже мнѣніе всего того разряда лицъ данной мѣстности, къ которому принадлежатъ сами. Въ той средѣ, изъ которой выдѣлились челобитчики, почти всегда остаются иначе думающіе, которые къ челобитью не присоединяются... Правительство, получивъ челобитную, не ставитъ себѣ задачей выяснить разнообразные и взаимно сталкивающіеся интересы, путемъ приглашенія сторонниковъ разныхъ мнѣній къ обмѣну своихъ мыслей. Оно избираетъ ближайшій, но очень ненадежный путь, склоняясь къ челобитью то той, то другой стороны. Результатомъ этого является крайняя неустойчивость московскихъ порядковъ». Когда нѣтъ челобитной, и судному или иному приказу приходится самому найти норму, ея ищутъ въ иностранномъ источникѣ, главнымъ образомъ въ *Литовскомъ статутѣ*, а при его посредствѣ — въ римскомъ правѣ, греческомъ прохиронѣ и др. *Уложеніе царя Алексѣя* полно такихъ заимствованій; имъ по преимуществу обязана своимъ составомъ X-я глава, наиболѣе важная съ точки зрѣнія гражданскаго права. Со времени Уложенія исторія *кодификаціи* (см. XV, 549) подчеркиваетъ ту же общую черту развитія источниковъ права: недостатокъ опоры въ народномъ правосознаніи и поиски въ иностранныхъ источникахъ. Въ теченіе XVIII в. петербургское правительство дѣлаетъ энергическія законодательныя попытки сплотить неорганизованную массу русскаго населенія въ опредѣленныя группы въ интересахъ службы и развитія народнаго благосостоянія. Но и эти попытки опираются не на готовыя силы въ странѣ, а на теоретическія соображенія и западно-европейскіе образцы, взятые безъ соображенія съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ (напр. знаменитый указъ объ единонаслѣдіи). О составѣ «обычно-правовыхъ» воззрѣній населенія въ XVIII в. мы, къ сожалѣнію, не можемъ судить. Наказы депутатамъ Екатерининской коммиссіи показываютъ, что «обычно-правовое» сознаніе было слабо развито. Раскрывая множество неустройствъ въ русской гражданско-правовой жизни—почти полную неурядицу въ распредѣленіи правъ и обязанностей по землевладѣнію, отсутствіе детальныхъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ семейно-имущественныя отношенія, опеку, границы свободы и способы составленія завѣщаній, порядокъ наслѣдованія по закону, организацію кредита и связанныхъ съ нимъ обязательственныхъ сдѣлокъ и т. д.,—они предлагаютъ лишь отдѣльныя пожеланія, соображенія и субъективныя воззрѣнія, разростающіяся иногда въ цѣлые проекты. Выставляются на видъ лишь отдѣльныя нужды, а детальная разработка нормъ предоставляется усмотрѣнію правительства, которое, между тѣмъ, желало получить отъ общества именно указанія на основы и детали его юридическаго быта. Сплоченность интересовъ видна лишь въ области сохраненія привилегій и въ борьбѣ за главные источники дохода—землю и крѣпостныхъ людей, исключительное обладаніе которыми отстаиваютъ за собою дворяне. При такомъ состояніи «правосознанія» дѣйствительная русская гражданско-правовая жизнь направляется и въ XVIII в., поскольку ея не захватываетъ императорскій указъ, частной волей, т. е. *юридической сдѣлкой*. Законъ опредѣляетъ лишь формальныя ограниченія сдѣлки, въ видахъ точности ея исполненія и въ интересахъ судей, освобождая ихъ отъ необходимости оцѣнять ея внутреннее существо. Формально-правильная воля отдаетъ во многихъ случаяхъ одного контрагента во власть другого, обезпечиваетъ множество способовъ обхода и безъ того недостаточныхъ законовъ и ведетъ, въ концѣ концовъ, къ господству безправія. Плачевное состояніе суда еще болѣе обезпечиваетъ это господство безграничной частной воли. Русскіе судьи, вступившіе въ отправленіе своихъ обязанностей на основаніи судебныхъ уставовъ императора Александра II, должны были безъ всякой другой опоры, кромѣ «интерпретаціи», ввести частную волю въ законныя границы. Установляя, взамѣнъ произвольныхъ, судебныя нормы дѣятельности частныхъ лицъ, согласныя съ общимъ строемъ и задачами современнаго гражданскаго общества, эти судьи создаютъ первую съ возникновенія Руси *систему дѣйствующаго гражданскаго права*, не достигшую еще, однако, такой прочности, при которой можно говорить и о благоустроенномъ гражданско-правовомъ бытѣ. Многія узаконенія гражданскихъ законовъ, основанныя на прежнихъ условіяхъ быта, тормозятъ развитіе жизни и сдерживаютъ просвѣтительную дѣятельность суда.

Исторія личнаго права совершенно соотвѣтствуетъ составу русскаго гражданскаго общества и его отношеніямъ къ власти. Первоначально личность пользуется значительнымъ просторомъ; договоръ имѣетъ юридическую силу независимо отъ какихъ-бы то ни было ограниченій со стороны гражданско-правовой власти. Нѣтъ, однако, опредѣленныхъ указаній на то, кто собственно по древнему праву считается полноправнымъ субъектомъ юридическихъ отношеній. «Въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ — говоритъ проф. Владимірскій-

Библиотека "Руниверс"

Будановъ — отсутствіе понятія о лицѣ видно изъ отсутствія терминовъ, его выражающихъ. Правда, въ литературныхъ и законодательныхъ памятникахъ съ древнѣйшихъ временъ встрѣчаются переводные термины: «лицо» (съ греч. πρωσοπον) и «особа» (съ лат. persona); но изъ нихъ первый означаетъ не лицо въ нашемъ смыслѣ, а напротивъ—отрицаніе достоинства лица, именно одинъ изъ видовъ рабства. Отчасти въ Русской Правдѣ, еще болѣе въ псковской и новгород. судныхъ грамотахъ видно, впрочемъ, сознаніе свободными людьми своихъ субъективныхъ правъ. Объ грамоты излагаютъ свои нормы съ точки зрѣнія личности, обладающей правами, а не въ видѣ предписаній со стороны законодателя. До извѣстной степени справедливы слова проф. Дювернуа, относящіяся къ обѣимъ грамотамъ: «Не легко въ исторіи новоевропейскаго права найти, въ столь ранней эпохѣ, другой примѣръ такого сочетанія зрѣлости формъ выраженія правосознанія съ одной стороны, и съ другой — живой наличности всѣхъ факторовъ, на коихъ зиждется юридическій бытъ народа, общей воли, общаго согласія всѣхъ составныхъ частей волости, чувства вѣры, которымъ скрѣпляется для суда, для сторонъ сила этихъ нормъ, *наконецъ, энергіи личнаго сознанія права*, которая такъ видна въ готовности сторонъ и послуховъ идти на бой за правое дѣло». Уровень юридическаго развитія Пскова и Новгорода не былъ, однако, общимъ уровнемъ юридическаго развитія Россіи, а затѣмъ и «личная энергія», о которой идетъ рѣчь въ цитатѣ— столько же проявленіе «правосознанія», сколько и произвола, свойственнаго ранѣе нему быту и основаннаго на сознаніи силы, опирающейся на единомышленниковъ и друзей (послуховъ). Для послѣдующаго развитія русскаго права уровень личнаго правосознанія, достигнутаго въ Новгородѣ и Псковѣ, не составляетъ, во всякомъ случаѣ, исходнаго пункта. Говоря о московской эпохѣ вплоть до Уложенія, проф. Дювернуа самъ пишетъ: «Чтобы опредѣлить, насколько въ эту пору и позже государство поглощало личность, насколько salus rei publicae преобладалъ надъ всѣмъ и прежде всего надъ интересомъ отдѣльныхъ лицъ, мы возьмемъ... положеніе лица по законодательнымъ памятникамъ этой эпохи. Иной оцѣнки достоинства личнаго, кромѣ государственной, Уложеніе 1649 г. не знаетъ, и любопытнѣе всего то, что этотъ единственный для всѣхъ критерій обнимаетъ не свѣтскихъ только, а и духовнаго чина людей. Критерій этотъ и тутъ, и тамъ одинъ—степень близости къ власти не только въ смыслѣ іерархическомъ, но прямо въ смыслѣ фактической близости, которая, конечно, каждую минуту можетъ измѣниться. Никакихъ опредѣленій для лицъ, терпящихъ и наносящихъ безчестье, нѣтъ. Отвлеченныхъ, такъ сказать, чиселъ вовсе нѣтъ; есть только именованныя» (боярин, окольничій, стрѣлецъ, пушкарь, монастырскій слуга и т. д.). Для понятія о лицѣ въ XVIII в. знаменателенъ извѣстный указъ Петра объ освидѣтельствованіи *дураковъ* въ сенатѣ: «понеже какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей, движимое и недвижимое имущество даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ, таковымъ *дуракамъ*, что *ни въ какую науку и службу не годятся*, а другіе, не смотря на ихъ дурачество, но для богатства, отдаютъ за оныхъ дочерей своихъ и свойственницъ замужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно... того ради» и проч. «Здѣсь, говоритъ проф. Дювернуа, характерна забота власти не о лицѣ и его правахъ въ особенности, а объ интересахъ государства. Имущества движимыя и недвижимыя должно принадлежать тому, кто способенъ нести тягость личной службы государству». На Западѣ въ аналогичныя эпохи госуд. непризнанія правъ личности охранителемъ ея интересовъ выступалъ *союзъ*, къ которому она принадлежала — корпорація, цехъ и т. д. Въ Р. и союзный строй не являлся охранителемъ правъ личности. Община, напр., была неспособна противостоять внѣшнимъ воздѣйствіямъ ни со стороны землевладѣльцевъ, ни со стороны княжеской и царской власти. Остальные союзы какъ древней, такъ и новой Руси не были самопроизвольными образованіями. Родовые союзы московскаго періода служили средствомъ удержанія земли въ рукахъ опредѣленнаго круга родичей (родовой выкупъ) и въ тоже время удобнымъ способомъ политическаго воздѣйствія со стороны государства (родичи обязаны были одинъ за другого нести службу, могли быть привлекаемы къ отвѣту на судѣ). Мы не знаемъ примѣровъ, гдѣ-бы родовой союзъ служилъ опорой противъ царской опалы или защитой личности въ другихъ отношеніяхъ. Изъ законодательныхъ памятниковъ древней Руси лишь псковская судная грамота говоритъ о товариществахъ или сябровыхъ союзахъ; остальные памятники не только московской, но и петербургской эпохи почти не содержатъ указаній на свободные союзы, имѣющіе серьезное гражданско-правовое значеніе. Артели имѣютъ очень ограниченную сферу примѣненія и совершенно крѣпостную или семейную организацію (съ правами старосты, какъ большака семьи). Есть отдѣльныя указанія на существованіе торговыхъ товариществъ въ XVII в., но ни о ихъ структурѣ, ни о политическомъ или по крайней мѣрѣ экономическомъ значеніи мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ XVIII в. правительство стремится вызвать къ жизни промышленныя компаніи, надѣляетъ ихъ привилегіями, но въ тоже время парализуетъ ихъ дѣятельность, подчиняя ее интересамъ казны больше, чѣмъ интересамъ промышленности. Самая юридическая организація компаній представляется совершенно неясною, Есть свѣдѣнія и объ артеляхъ XVIII в., но «какія это артели? Довольно однихъ наименованій: Мейфова, Томсона, Стюартова, Непорова, Шилинская, Кокорина и другія подобныя, чтобы понять, въ какомъ отношеніи находились всѣ эти артели къ вопросу о свободномъ союзѣ и правѣ лицъ. Одно изъ существенныхъ условій поступленія въ артель составляетъ *отказъ поступившаго* отъ *права разбираться съ артелью судомъ;* при этомъ въ нѣкоторыхъ артеляхъ удерживается наказаніе провинившихся членовъ не только штрафомъ, но и тѣлесно» (Дювернуа). Лишь во

Библиотека "Руниверс"

второй половинѣ XIX в. начинается серьезная юридическая разработка правъ союзовъ, но и теперь она во многомъ еще несовершенна и далеко не стоитъ на уровнѣ западноевропейскаго развитія. Представляются юридически крайне неразвитыми не только активныя союзныя формы промышленности, но и пассивнаго обладанія. Тамъ, гдѣ по условіямъ обладанія оно было общимъ (напр. обладаніе такъ называемыми гостинными дворами въ городахъ), отношеніе этого обладанія къ правамъ города и свойство правъ обладателей на лавки, землю подъ ними и проходы оставалось неопредѣленнымъ до конца XIX в.

Современное русское право лицъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ, оставляетъ желать еще весьма многаго. Понятіе граждански-правоспособной личности далеко не обнимаетъ еще всѣхъ классовъ русскихъ гражданъ. *Личность* крестьянина подчинена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычному праву, отличному отъ общаго, запрещенія раздѣловъ, общинное землевладѣніе съ его фискальной стороны, зависимость отъ полицейской власти, неравноправность судебная). Отдѣльные инородцы (евреи, поляки, иностранцы) ограничены въ средствахъ пріобрѣтенія недвижимостей, а евреи—и въ свободѣ передвиженія. Религія налагаетъ ограниченія на брачное и семейное право. Существуетъ неравенство половъ въ наслѣдованіи. Дурная организація опеки отражается на гражданско-правовомъ положеніи несовершеннолѣтнихъ и умалишенныхъ. Отсутствіе ограниченій родительской власти оставляетъ дѣтей на произволъ родителей. Отсутствіе общественной организаціи отдѣльныхъ классовъ и сословныхъ группъ, хотя различіе между ними имѣетъ еще мѣсто въ правѣ (опека, усыновленіе), не даетъ членамъ этихъ классовъ и сословій надлежащей охраны ихъ правъ, тамъ, гдѣ они не защищены государственнымъ закономъ. Русскіе гражданскіе законы совсѣмъ почти не даютъ предписаній относительно юридической организаціи коллективныхъ лицъ; постановленія о товариществахъ и акціонерныхъ компаніяхъ крайне устарѣли. Публично-правовые союзы (земства, города, дворянскія, крестьянскія, купеческія и иныя общества) руководствуются въ своей гражданско-правовой дѣятельности отдѣльными положеніями, часто мѣняющимися, а частные союзы, сильно стѣсненные полицейскимъ надзоромъ—своими особыми уставами. Юридическое понятіе личности индивидуальной и коллективной тѣмъ не менѣе достаточно разработано уже теоріей и служитъ руководствомъ для судебной практики. Препятствія къ развитію современнаго русскаго личнаго права заключаются, поэтому, уже не въ недостаткѣ «правосознанія», а въ условіяхъ, о которыхъ упомянуто выше, въ очеркѣ русскаго гражданскаго общества.

Исторія отдѣльныхъ институтовъ русскаго гражданскаго права. Неустойчивость факторовъ русскаго правообразованія, недостаточная развитость отдѣльныхъ правоотношеній между членами русскаго гражданскаго общества, зависящая отъ неопредѣленности положенія личности въ обществѣ и особенно государствѣ, не лишаетъ, однако, возможности прослѣдить развитіе отдѣльныхъ институтовъ гражданскаго права, если не въ деталяхъ, то въ основныхъ ихъ чертахъ и главныхъ цѣляхъ, служить которымъ они были призваны. Въ этомъ отношеніи исторія русскаго гражданскаго права раздѣляется на 4-ре періода.

1. *Періодъ торгово-городского права* Кіева, Пскова и Новгорода обнимаетъ хронологически большой промежутокъ времени (съ древнѣйшихъ временъ до конца XV в.) и заключаетъ въ себѣ опредѣленный процессъ развитія, внѣшнимъ образомъ отмѣченный различіемъ ранняго городского права Русской Правды и позднѣйшаго — псковской судной грамоты. Особенности этого права противополагаютъ его праву *земскаго періода*, начавшагося лишь нѣсколько позднѣе кіевскаго, но послужившаго основой позднѣйшаго московскаго права *). Главное вниманіе Русской Правды обращается на защиту личности и имущества отъ правонарушеній уголовнаго и деликтнаго характера. Въ псковской судной грамотѣ виденъ уже установившійся внѣшній порядокъ отношеній, позволяющій обратить преимущественно вниманіе на заботы по организаціи внутренняго, гражданско-правового быта. На первомъ мѣстѣ во Псковѣ, какъ въ торговомъ городѣ, стоятъ *защита обладанія движимостью и долговыя отношенія*. Купленное на торгу, въ присутствіи свидѣтелей или особаго рыночнаго чиновника (мытника), переходитъ въ собственность покупщика и гарантируетъ его отъ претензій со стороны лица, у котораго проданныя вещи, по его заявленію, были украдены. Псковская судная грамота уничтожаетъ также силу сдѣлки, заключенной при ненормальномъ состояніи контрагентовъ (пьянство) или на объектѣ, оказавшійся негоднымъ (больная корова), и регулируетъ отношенія, возникающія по вопросу о плодахъ проданной вещи (приплодъ отъ коровы). Это указываетъ на относительную высоту юридическаго развитія. Обширнаго развитія достигли уже какъ въ Кіевѣ, такъ въ Псковѣ и Новгородѣ, *долговыя отношенія*, Между обыкновенными горожанами, по Русской Правдѣ, заемъ долженъ быть заключенъ передъ свидѣтелями; псковская судная грамота для займа свыше рубля не удовлетворяется ни свидѣтелями, ни старымъ способомъ доказательства—*досками* (бирками), но требуетъ заклада и *записи*. Купеческій заемъ, наоборотъ, можетъ быть доказываемъ этими способами, и лишь для доказательства уплаты требуется росписка, копія которой должна храниться въ ларѣ св. Троицы. Отвѣтственность по купеческому займу легче, чѣмъ по простому. По Русской Правдѣ, купецъ, взявшій товары и деньги въ кредитъ и потерявшій ихъ вслѣдствіе кораблекрушенія, нападенія враговъ или пожара, не подлежитъ обычнымъ для того времени способамъ взысканія — продажѣ въ рабство или какому-либо иному насилію со стороны кредиторовъ, а, въ

*) По отношенію къ древнѣйшей эпохѣ мы говоримъ такимъ образомъ о двухъ періодахъ не въ смыслѣ опредѣленнаго хронологическаго преемства, а въ смыслѣ особыхъ процессовъ правообразованія.

Библиотека "Руниверс"

качествѣ потерпѣвшаго по волѣ Божіей, освобождается отъ отвѣтственности. Регулируется уплата %%, что также указываетъ на нѣкоторое развитіе общественной власти. Обычный ростъ является вообще оченъ высокимъ —отъ 50 до 20%, и размѣры его опредѣляются соглашеніемъ самихъ контрагентовъ передъ свидѣтелями. Русская Правда борется съ %% по мѣсяцамъ для долгосрочныхъ договоръ, а Уставъ Владиміра Мономаха, дополняющій ея статьи, позволяетъ брать 50% роста лишь въ теченіе трехъ лѣтъ, при чемъ уже нельзя отыскивать капитала. Псковская судная грамота ставитъ уплату %% въ зависимость отъ истеченія срока займа. Оба памятника регулируютъ и другой, важный въ первоначальномъ быту и при торговыхъ сношеніяхъ договоръ *поклажи*, съ опредѣленіемъ отвѣтственности по договору, способовъ его заключенія и доказательства и съ различеніемъ depositum regulare и miserabile. Существенное различіе между древнѣйшимъ и позднѣйшими памятниками состоитъ въ томъ, что Русская Правда оставляетъ совсѣмъ въ сторонѣ отношенія по недвижимостямъ, хотя объектомъ гражданскаго оборота, кромѣ рабовъ (челяди), въ ней служатъ продукты звѣроловнаго, лѣсного и земледѣльческаго промысла. Скотъ, домашняя птица, бобры, охотничьи птицы, медъ, жито упоминаются какъ постоянные объекты сдѣлокъ. Охрана обладанія распространяется на возы сѣна, дрова, лодки рѣчныя и морскія. Упоминаются въ Рус. Правдѣ зависимыя отношенія землевладѣльца и «ролейнаго закупа», но не въ смыслѣ отношеній по землѣ, а лишь въ смыслѣ личной охраны закупа и ввѣренныхъ ему господиномъ движимыхъ вещей. Повидимому, и въ области *семейныхъ отношеній* и *наслѣдованія* Русская Правда имѣетъ въ виду гораздо болѣе городскія отношенія, чѣмъ сельскія, хотя говоритъ о семьѣ и наслѣдствѣ смерда, князя, боярина. Она знаетъ *малую семью*, состоящую изъ отца, матери и дѣтей. Хозяинъ семейнаго имущества—отецъ; при смерти онъ назначаетъ доли дѣтямъ и женѣ; жена—полная собственница своего имущества и можетъ надѣлить имъ того изъ дѣтей или дочерей, кто къ ней лучше относился. Къ ней переходитъ власть въ домѣ по смерти мужа, если она пожелаетъ жить вмѣстѣ съ дѣтьми; желаніе дѣтей о раздѣлѣ въ такомъ случаѣ не удовлетворяется. Бездѣтная семья есть семья выморочная. Наслѣдство безсыновняго смерда идетъ князю; у безсыновнихъ бояръ наслѣдуютъ ихъ дочери, а о дальнѣйшемъ переходѣ Правда ничего не говоритъ. «Ближній родственникъ» выступаетъ лишь, какъ опекунъ, но не наслѣдникъ. Объектами наслѣдованія и опеки называются дворъ (городской?), достающійся младшему сыну, движимое имущество и пускаемый въ оборотъ «товаръ». Подчиненность дѣтей родительской волѣ полная: должникъ продается съ женою и дѣтьми; послѣдніе по смерти отвѣчаютъ за долги отца своими долями. Въ псковской судной грамотѣ регулируются съ значительной обстоятельностью и поземельныя отношенія, но также, повидимому, по преимуществу городскія и пригородныя. Въ числѣ объектовъ обладанія псковская судная грамота знаетъ «село», принадлежащее господину и обрабатываемое по найму «изорникомъ», землю, обрабатываемую «огородникомъ», и воду, въ которой рыбу ловитъ «кочетникъ»—крестьяне, стоящіе въ зависимыхъ отношеніяхъ къ «господину». Упоминается также церковная земля, но главнымъ объектомъ является *городской дворъ*—свободная собственность горожанина. *Формы обладанія* представляются уже достаточно выработанными. Во главѣ стоитъ *отчина*, наслѣдственное владѣніе, считающееся, повидимому, достояніемъ рода: оно переходитъ отъ мужа къ женѣ и обратно лишь въ качествѣ «кормли» (пожизненнаго владѣнія). Переходъ по завѣщанію къ одному изъ членовъ рода («племяннику») свободенъ; при отчужденіяхъ чужеродцамъ «ближнее племя» имѣло право выкупа. Однако, признаковъ общаго родового владѣнія землей въ грамотѣ нѣтъ. Возможно общесемейное имущество живущихъ вмѣстѣ послѣ смерти отца братьевъ, но съ опредѣленіемъ доли каждаго и постоянной возможностью раздѣла. Отсюда слѣдуетъ, что и въ Псковѣ, какъ и въ раннемъ Кіевѣ, основной общественной единицей является малая семья; родовой кругъ («ближнее племя») обнимаетъ, повидимому, братьевъ и сестеръ съ ихъ дѣтьми; по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ выступаетъ этотъ союзъ при наслѣдованіи движимаго имущества (платья) послѣ супруговъ: одежда жены идетъ матери, сестрамъ и ихъ нисходящимъ женскаго рода, а мужа — отцу и братьямъ. Вмѣсто родового союза Псковъ, какъ и Новгородъ, знаютъ союзъ товарищескій (сябровой), земледѣльческій (владѣльцы въ одной межѣ, сообща защищающіе свое обладаніе) и промышленный (торговыя, промышленныя и охотничьи товарищества), построенный по началамъ долевого владѣнія или старыхъ формъ общей собственности. Псковская судная грамота ясно различаетъ *собственность* отъ *владѣнія*; нарушеніе послѣдняго приравнивается къ грабежу, споръ о собственности отдѣляется отъ спора о владѣніи, владѣніе временное и скоропреходящее—отъ безспорнаго и непрерывнаго, соединеннаго съ постоянными заботами объ объектѣ собственности и обращающагося по истеченіи 4 или 5 лѣтъ въ давностное, въ собственность. Эти постановленія говорятъ о высокомъ уровнѣ правосознанія хотя короткій срокъ давности и указываетъ еще на недостаточную прочность обладанія и большее покровительство обороту, чѣмъ обладанію. На рубежѣ между сдѣлками обязательственнаго и вещнаго права стоятъ отношенія найма. Обязавшійся совершить опредѣленную работу можетъ требовать платы лишь по ея окончаніи, но въ послѣднемъ случаѣ законъ строго выступаетъ за наймита. Отношенія къ изорнику и другимъ видамъ земледѣльческихъ рабочихъ обнимаютъ собою заразъ наемъ вещи, наемъ личный и договоръ ссуды. Сходъ изорника съ земли ведетъ не къ возврату его на прежнее мѣсто жительства, а лишь къ имущественной его отвѣтственности; на господина возлагается обязанность не сгонять изорника до филиппова заговѣнья. Отношенія поземельныя приближаются, въ общемъ, къ тому порядку, который сложился внутри

Библиотека "Руниверс"

страны, въ земскомъ правѣ, но они, повидимому, не влекли за собой тѣхъ послѣдствій зависимости и крѣпости, которыя образовались въ послѣднемъ. Сдѣлки по землѣ съ крестьянами, основанныя на выдачѣ имъ «покруты», и залоговыя отношенія между горожанами и землевладѣльцами занимаютъ, тѣмъ не менѣе, видное мѣсто въ постановленіяхъ грамоты.

2. *Періодъ земскаго права* (XII—XV вв.) переноситъ центръ тяжести правообразованія на недвижимости. Въ послѣдующей исторіи русскаго гражданскаго права надолго исчезаетъ законодательная нормировка обладанія движимостью и связаннаго съ нею гражданскаго оборота; трудно возстановить даже бытовыя черты этого оборота. Полное господство натуральнаго хозяйства, интересъ въ обладаніи землею и обезпеченіи ея обработки надежными, крѣпкими землѣ рабочими опредѣляютъ русскую исторію права вплоть до конца XVIII в.

Формы обладанія. Ранняя исторія обладанія недвижимостью на Руси не можетъ быть возстановлена за полнымъ отсутствіемъ данныхъ. Сколько-нибудь достовѣрныя извѣстія застаютъ на Руси уже полное господство частнаго обладанія князей, бояръ, монастырей, разнаго рода служилыхъ людей и крестьянъ. Послѣдніе быстро переходятъ въ разрядъ зависимыхъ нанимателей опредѣленныхъ участковъ («посилья») на чужихъ земляхъ. Свободное крестьянское землевладѣніе сохраняется лишь на сѣверѣ, и если по его организаціи можно судить о первоначальномъ строѣ землевладѣнія, то и послѣдній носилъ гораздо болѣе индивидуальный, чѣмъ общинный характеръ. Основой обладанія является участокъ, принадлежащій крестьянской семьѣ, большой или малой, независимо отъ другихъ сосѣднихъ владѣльцевъ или въ общей связи съ ними, если земля занята сразу нѣсколькими семьями и подѣлена между ними, или если семьи разрослись изъ одной, сохранивъ поземельную связь. Эта связь выражается обыкновенно въ отвѣтственности за подати и оброки, лежащіе на землѣ, и въ охранѣ общаго обладанія отъ захватовъ лицъ, не принадлежащихъ къ группѣ первоначальныхъ заимщиковъ или къ ихъ племени (борьба крестьянъ за землю съ основателями монастырей и съ захватами со стороны сильныхъ людей). Дареніе участковъ, отдача ихъ по душѣ въ монастырь, залогъ, продажа, завѣщаніе вполнѣ свободны, при чемъ трудно сказать, въ какой мѣрѣ считается правомъ притязаніе на выкупъ со стороны родичей или совладѣльцевъ. Права общины и родственниковъ возстановляются только по отношенію къ запустѣвшему участку, который необходимо дать во владѣніе другому лицу въ видахъ исправной уплаты податей. Въ остальныхъ мѣстностяхъ Р., начиная съ XII в., вездѣ видно господство частной собственности, по преимуществу князей, монастырей, бояръ и другихъ служилыхъ людей, но также и разнаго рода мелкихъ владѣльцевъ. Монастырское, княжеское и боярское землевладѣніе растетъ на счетъ остальныхъ, благодаря свободному обмѣну, куплѣ, залогу, завѣщанію, а главнымъ образомъ — благодаря привилегированному положенію крупныхъ собственниковъ. При отсутствіи административно-судебной защиты и при обремененности населенія податями или служебными повинностями, сколько-нибудь спокойное обладаніе и возможность обработки земли при помощи сельскохозяйственнаго инвентаря могли имѣть лишь сильные владѣльцы или тѣ изъ мелкихъ, которые встали подъ ихъ защиту. Въ связи съ этимъ стоитъ стремленіе мелкихъ владѣльцевъ передать землю монастырямъ или «окняжить» и «обоярить» ее, т. е. признать юридическими собственниками ея монастырь, князя или боярина, а самимъ владѣть въ качествѣ зависимыхъ владѣльцевъ. *Зависимое владѣніе* становится, такимъ образомъ, рядомъ съ собственностью, какъ самостоятельная форма обладанія. Господствующимъ его видомъ является *пожизненное владѣніе*, при которомъ владѣлецъ выговариваетъ себѣ право владѣнія землею до конца своей жизни; затѣмъ участокъ земли долженъ перейти въ верховному собственнику уже въ исключительное обладаніе (соглашенія съ монастырями). Но встрѣчается также и *родонаслѣдственное владѣніе* «доколѣ родъ изведетца», *временное зависимое владѣніе*, пока продолжается служба владѣльца (позднѣйшее помѣстье), и т. д. *Главная изъ древнихъ формъ залога*—передача земли во владѣніе кредитора земли до выкупа—настолько сближается съ передачей полной собственности, что историки права не различаютъ залога отъ продажи, доказывая, что старая купля всегда была куплей съ правомъ выкупа. На самомъ дѣлѣ условія, при которыхъ приходилось закладывать землю, были таковы, что должнику, кажется, безразлично было, какъ назвать сдѣлку—куплей съ правомъ выкупа (залогъ) или куплей «впрокъ», «вдернь», безъ выкупа. Гражданское право разсматриваемаго періода не знаетъ защиты обладанія опредѣленіемъ способовъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на недвижимости. Простой фактъ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія, удостовѣряемый свидѣтельскими показаніями, а при разногласіи послѣднихъ—поединкомъ, служилъ главной опорой судебныхъ рѣшеній. До судебнаго способа укрѣпленія, подобнаго германской Gerichtliche Auflassung и римской in jure cessio (фиктивный процессъ о собственности съ цѣлью ея передачи), на Руси не додумались. Письменныя памяти (купчія, межевыя, поступныя и иныя *грамоты*, см.) долго имѣютъ значеніе второстепенныхъ доказательствъ и только въ концѣ періода пріобрѣтаютъ нѣкоторый оффиціальный характеръ. Мелкіе владѣльцы, въ интересахъ защиты отъ сильныхъ людей, начинаютъ признавать землю княжеской собственностью и каждую сдѣлку освящаютъ докладомъ князю, съ просьбой о выдачѣ жалованной грамоты или утвержденіи купчей. Такимъ образомъ частные документы обращаются въ оффиціальные акты укрѣпленія, обязательные для княжескихъ судей данной мѣстности предпочтительно передъ давностью владѣнія. Необходимость испрошенія санкціи князя на пріобрѣтеніе земли въ его владѣніяхъ развивается и въ силу междукняже-

Библиотека "Руниверс"

скихъ договоровъ, по которымъ запрещалось пріобрѣтеніе земли служилыми людьми чужого князя безъ согласія мѣстнаго князя. Мало по малу переходъ земли изъ рукъ въ руки подчиняется княжескому надзору, укрѣпляющему обладаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ развивающему представленіе, что вся земля во владѣніяхъ князя принадлежитъ ему, какъ верховному собственнику, а частные владѣльцы обладаютъ ею лишь съ его согласія; крестьянскія «черныя» земли считаются уже прямо собственностью князя, хотя эта собственность и отличается отъ его собственности на дворцовыя земли. Это измѣненіе въ *правосозерцаніи* не измѣняетъ сильной мобилизаціи недвижимой собственности, такъ какъ продажа земельныхъ участковъ, находящихся во владѣніи, свободна. Сильная мобилизація недвижимой собственности объясняется тяжелымъ экономическимъ положеніемъ служилыхъ людей и всего населенія. Военная служба требовала большихъ расходовъ на дорогое вооруженіе, коней, провіантъ во время похода. Изъ духовныхъ грамотъ не только простыхъ дружинниковъ, но и высшихъ бояръ и самихъ князей видно, до какой степени доходила ихъ задолженность, особенно монастырямъ, игравшимъ роль банкировъ и ростовщиковъ; у нихъ можно было получить и деньги, и оружіе, и платье, даже женское, и заложить не только землю, но и движимое имущество. Основными сдѣлками тогдашняго гражданскаго оборота, поэтому, являются продажа земли и, еще чаще, близкій къ продажѣ залогъ, сопровождавшійся передачей владѣнія кредитору, и *личное долговое обязательство* (кабала), приводившее, въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, къ личному рабству должника кредитору или къ уплатѣ долга путемъ личной службы кредитору. Отсюда древніе *закупы* (см.) и *закладни* (см.) или закладники XIII и XIV в. Нѣсколько позднѣе образуется болѣе тяжелая форма личнаго обязательства, сопровождающаяся немедленнымъ обращеніемъ въ холопы—«кабала за ростъ служити», т. е. обязательство отрабатывать съ момента займа проценты на занятую сумму. Общей формой для всѣхъ сдѣлокъ гражданскаго права становится *кабала*—формальное письменное обязательство, сообщавшее кредитору безусловную власть надъ отданною въ кабалу вещью или личностью, съ правомъ кредитора обратить на нее взысканіе и осуществить свое право гдѣбы онъ ни нашелъ кабальное лицо или вещь. Кабалы *закладныя* и *служилыя* являются главными видами обязательственныхъ отношеній этого періода. Характерными особенностями кабалы этого періода является условность зависимости: при уплатѣ занятой суммы земля возвращается прежнему владѣльцу, а личность вновь дѣлается свободной. Тѣмъ не менѣе, кабала носитъ вещный характеръ: она сообщаетъ власть надъ вещью и лицомъ, и кредиторъ имѣетъ право передачи кабалы третьему лицу, со всѣми значащимися въ ней правами. Кабала считается дѣйствительной, хотя-бы и не была доказана наличность долговыхъ отношеній; крѣпость создается самой грамотой. Рядомъ съ долговыми сдѣлками стоятъ сдѣлки *личнаго найма на сельскія работы* (порядныя), устанавливавшія отношенія между землевладѣльцами и крестьянами. Порядная есть договоръ о наймѣ земли, соединенный съ установленіемъ нѣкоторой личной зависимости крестьянина отъ землевладѣльца (обязательство совершать въ пользу землевладѣльца выговоренныя имъ или отъ его воли зависящія услуги). Характерная особенность порядной въ этотъ періодъ — личная свобода нанявшагося и отсутствіе права воздѣйствія на его личность въ случаѣ неисполненія обязательства. Но крестьянская порядная никогда почти не выступаетъ одна; она сопровождается обыкновенно выдачей *ссудной кабалы* или сама содержитъ въ себѣ *ссудную кабалу*, заключающуюся въ обязательствѣ уплатить, при окончаніи срока найма или отказа отъ него, деньги, хлѣбъ и другія вещи, данныя крестьянину при порядѣ; эта ссуда отличается отъ *подмоги*, обыкновенно не взыскиваемой обратно, и составляетъ обычное долговое обязательство. Было-ли такое обязательство, по своимъ послѣдствіямъ, схоже съ ссудной кабалой или нѣтъ — для земскаго періода неясно. Позднѣе ссудная запись и служилая кабала различались одна отъ другой. Не исчерпывая всѣхъ обязательственныхъ отношеній земскаго періода (ему извѣстны также и неформальныя обязательства—«безкабальная ссуда», простой словесный долгъ безъ рабства и службы, а также и безъ заклада), указанныя формы, вмѣстѣ съ строемъ обладанія недвижимостями, вскрываютъ съ достаточной ясностью главныя черты быта, изъ котораго онѣ выросли. Въ основѣ этого быта лежала полная свобода личности, доходящая до права распоряжаться собой и своимъ имуществомъ на условіяхъ, опредѣляемыхъ лишь ея усмотрѣніемъ и положеніемъ въ обществѣ. Отсюда свобода продажи въ рабство и вступленія въ долговыя отношенія на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ; отсюда-же различныя формы зависимаго владѣнія землею. Эта свобода приводитъ постепенно къ установленію какъ личной, такъ и поземельной зависимости между политически и экономически сильными и слабыми представителями землевладѣнія и оборота — зависимости, существующей, однако, лишь до момента погашенія долга. Далеко не съ такой точностью могутъ быть опредѣлены за этотъ періодъ отношенія *семейныя и наслѣдственныя*. Памятники говорятъ больше всего о малой семьѣ, состоящей изъ отца, жены и дѣтей; сдѣлки на имущество совершаются или однимъ отцомъ семьи, или мужемъ и женой вмѣстѣ, или отцомъ съ дѣтьми. Послѣ смерти отца совершается раздѣлъ имущества между дѣтьми, женой и другими лицами. Раздѣлы крестьянскихъ семей, состоящихъ изъ нѣсколькихъ поколѣній, очень часты, что свидѣтельствуетъ о разложеніи большой семьи; послѣдняя сохраняется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ, гдѣ нераздѣльно владѣютъ землей цѣлыя поколѣнія, хотя и съ опредѣленіемъ наслѣдственныхъ долей. Личныя отношенія мужа къ женѣ и отца къ дѣтямъ съ юридической стороны не

Библиотека "Руниверс"

были опредѣлены совсѣмъ; произволу отца и мужа не противопоставляется никакихъ ограниченій. Имущественныя отношенія мужа къ женѣ построены, по крайней мѣрѣ по отношенію къ приданому имуществу, на началѣ общности пользованія и распоряженія. Полная общность имущества у отца и дѣтей, съ главенствомъ перваго, можетъ считаться несомнѣнной; лишь раздѣлъ или выходъ сына на самостоятельное хозяйство основывалъ для него самостоятельныя имущественныя права. Наслѣдованіе по закону боковыхъ родственниковъ въ этотъ періодъ ничѣмъ не подтверждается, по крайней мѣрѣ дальше братьевъ и сестеръ. Полная свобода завѣщанія также, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Бракъ подчиненъ уже церковному праву, хотя обрученіе (сговоръ) имѣетъ рѣшающее значеніе.

3. *Періодъ Московскаго государства* (XVI—XVII вв.) и въ гражданско-правовомъ отношеніи проявляетъ свойственныя ему характеристическія черты: усилившееся вліяніе государственной самодержавной власти и начало крѣпости, вносимое ею въ общественныя отношенія. Княжескія и боярскія отчины облагаются обязательствомъ государевой службы и подчиняются ея интересамъ. Ко времени Ивана IV эти отчины не могутъ переходить по наслѣдству безъ разрѣшенія государя ни къ кому, кромѣ дѣтей мужского пола, не могутъ быть также проданы инородцамъ или отданы по душѣ. Отъ государя зависѣло, отдать ли вотчину брату, племяннику или *внуку* умершаго, или взять вотчину на себя. Въ тоже время возникаетъ *помѣстье*— временное земельное владѣніе, связанное съ службой. Свободное землевладѣніе (собственность) земскаго періода превращается въ зависимое отъ государей поземельное владѣніе. Старыя вотчинныя права отчасти сохранили лишь вотчины *купленныя*, подлежавшія свободному обороту и переходившія, послѣ смерти вотчинника, кромѣ дѣтей, и къ *женѣ*; но послѣ смерти жены и дѣтей и эти вотчины переходили на государя, съ обязательствомъ казны дать часть ихъ денежной стоимости въ монастырь по душѣ и раздать другую часть «ближнему племени» (братьямъ и сестрамъ). Не смотря на обиліе незанятой земли и лѣсовъ въ Московскомъ государствѣ, ея не хватило на надѣленіе служилыхъ людей помѣстьями. Судебникъ 1550 г. узаконяетъ, поэтому, *право выкупа* для родственниковъ служилыхъ людей проданныхъ ими вотчинъ, чѣмъ значительно сокращаются размѣры свободныхъ купленныхъ вотчинъ, и цѣлый классъ служилыхъ людей обезпечивается землей, на которую онъ получаетъ право въ силу родства. Количество *родовыхъ отчинъ* такимъ образомъ возрастаетъ. Затѣмъ слѣдуютъ запрещенія отдавать отчины по душѣ въ богатые монастыри и, наконецъ, полное запрещеніе такой отдачи безъ государева дозволенія. Съ теченіемъ времени помѣстное обладаніе становится *наслѣдственнымъ* и *отчуждаемымъ*. Въ XVII в. разрѣшена была и продажа помѣстій за долги. Къ концу вѣка они по праву распоряженія уравниваются съ вотчинами, на которыхъ также лежала обязанность службы; что касается до правъ пользованія, то они были съ самаго начала одинаковы какъ для вотчинниковъ, такъ и для помѣщиковъ. Иными словами, изъ разнообразныхъ формъ поземельныхъ отношеній въ концѣ XVII в. создается одна: зависимое отъ государства земельное владѣніе, съ правами частнаго пользованія и распоряженія, отличающееся отъ современной собственности лишь обязанностью службы. Зависимые служилые люди съ зависимыми земельными владѣніями оставались только у монастырей и архіереевъ (архіерейскія и монастырскія дѣти боярскія); но во второй половинѣ XVII в. и эти дѣти боярскія, владѣвшіе вотчинами, записаны въ государеву службу и выведены были изъ зависимыхъ отношеній къ архіереямъ и монастырямъ. Городскіе дворы получаютъ въ этотъ періодъ, какъ уже было замѣчено, тягловую организацію, подобную той, которую имѣло крестьянское землевладѣніе на черныхъ земляхъ. Обложивъ эти дворы податью съ круговой порукой, правительство сильно стѣснило право распоряженія горожанъ своей, прежде свободной собственностью. Установленіе болѣе правильнаго судебнаго порядка защиты имущественнаго обладанія побуждаетъ владѣльцевъ озабочиваться пріобрѣтеніемъ прочныхъ доказательствъ обладанія землею. Грамоты на земли, поэтому, не только составляются отъ лица продавца, вручаются покупателю и подписываются свидѣтелями, но пишутся спеціальными площадными подъячими и записываются у воеводъ въ книги. При составленіи писцовыхъ книгъ грамоты предъявляются писцамъ, которые на основаніи ихъ дѣлаютъ свои записи, сообщая этимъ доказательную силу и самымъ книгамъ. Раздача помѣстій и вотчинъ въ интересахъ службы потребовала правильной регистраціи всѣхъ земель, находившихся въ частномъ обладаніи *помѣстнаго приказа*. Запись въ книги въ XVII в. дѣлается основнымъ моментомъ пріобрѣтенія (укрѣпленія) обладанія землею. Чтобы прочно, безъ спора и опасенія отобранія, владѣть землею, необходимо было получить приказную *справку* земли за собой, т. е. записать ее въ приказѣ и получить изъ него *отказныя грамоты*. Правительство собирало при совершеніи записи пошлины, заставлявшія владѣльцевъ уклоняться отъ нея. Однако, выгоды записи были настолько велики, что огромная масса земель была записана. Къ записи прибѣгали и владѣльцы по давности, потерявшіе или вовсе не имѣвшіе въ рукахъ грамотъ, устанавливающихъ ихъ права владѣнія. Въ XVII в. правительство признавало силу давностнаго владѣнія лишь за этой записью; въ судебныхъ спорахъ требовалось непремѣнно доказательство грамотами и записью. Обязанность записи распространялась не только на купчія, сдаточныя, мѣновыя и иныя грамоты отчужденія, но, повидимому, и на *залоговыя;* просроченная закладная, обращавшаяся въ купчую, во всякомъ случаѣ должна была быть записана въ приказѣ. Незаписанныя имѣнія могли быть объявлены порожними и справлены за искателями помѣстій въ качествѣ жа-

Библиотека "Руниверс"

лованья за службу. Публичныя формы укрѣпленія имуществъ гарантировали земельный кредитъ, имѣвшій и въ это время огромное развитіе (см. ниже). Существовавшія съ Ивана IV «писцовыя межевыя» или просто «межевыя книги», содержа описаніе межъ, не удовлетворяли своему назначенію въ виду несовершенства техники (см. Генеральное межеваніе). Въ теченіе всего XVII в. мы встрѣчаемся съ царскими указами о межеваніи земель. Въ концѣ XVII в. дѣлается, хотя и неудачно, попытка общаго межеванія (см.). Система сервитутовъ и сосѣдскихъ правъ является совсѣмъ неразработанной, хотя частными сдѣлками сервитутныя отношенія устанавливались еще въ XIV — XV вѣковъ. Упоминаемые въ Уложеніи сервитуты,—тѣ же, которые вошли и въ современное право,— повидимому, не нормы, выросшія изъ жизни, а заимствованныя постановленія. Система раздачи угодій въ чужихъ и казенныхъ имуществахъ столько же нарушала права и отношенія частныхъ землевладѣльцевъ, сколько и спутывала отношенія частнаго землевладѣнія къ государственному. Къ концу XVII в. неудобство этого положенія дѣла ощущается съ достаточною ясностью; законодательство царей Алексѣя и Ѳеодора стремится положить ему предѣлъ, но въ этой сферѣ не удается создать что-нибудь прочное. Недостаточна была и юридическая организація поземельнаго кредита. Нѣкоторыя законодательныя постановленія въ области *залога недвижимыхъ имуществъ* мы имѣемъ отъ первой половины разсматриваемаго періода. Въ 1557 г. право заимодавца - залогодержателя пахать землю за ростъ было ограничено пятилѣтнимъ срокомъ, по истеченіи котораго должникъ могъ взять отчину себѣ, съ уплатой впредь одной пятой части долга ежегодно и съ ограниченіемъ права распоряженія; въ случаѣ нарушенія этихъ условій, земля снова переходила къ кредитору. Ко времени Уложенія право владѣнія кредитора заложенной отчиной—но, кажется, не за ростъ, который былъ запрещенъ Уложеніемъ, а вмѣсто уплаты должныхъ денегъ,— остается въ силѣ. При неисправности залогодателя закладная кабала по прежнему превращалась въ купчую безъ всякой доплаты, и заложенное имущество, послѣ справокъ о неуплатѣ денегъ, записывалось въ помѣстномъ приказѣ за кредиторомъ.

Гражданскій оборотъ. Въ области *обязательственнаго права* московскаго періода господствующій интересъ по прежнему представляли *долговыя отношенія*. Усиленныя требованія, предъявленныя московскимъ государствомъ къ служилымъ людямъ, еще больше увеличили ихъ задолженность. Указомъ 25 дек. 1557 г. служилые люди, а вмѣстѣ съ ними и остальное населеніе, были освобождены отъ уплаты процентовъ по долговымъ обязательствамъ, и погашеніе долговъ заимодавцамъ изъ частныхъ лицъ было разсрочено на 5 лѣтъ. На будущее время установленъ былъ законный ростъ въ 10% съ суммы долга, взамѣнъ прежнихъ 20%. Вплоть до Уложенія возможно было заключеніе долговыхъ обязательствъ словесныхъ или облеченныхъ въ простую письменную форму «записи» или «памяти». Господствующей формой, наиболѣе обезпечивающей строгость взысканія, является, однако, старая *заемная кабала*, получившая дальнѣйшую законодательную разработку. Она должна быть написана площадными подъячими и скрѣплена, смотря по суммѣ, 2—6 свидѣтелями. Написанная собственноручно или своимъ человѣкомъ по приказу господина и подписанная кабала имѣла силу одинаковую съ написанной площадными подъячими. Для актовъ ниже 10 рублей были установлены облегченныя формы. Результатомъ неисправности по кабалѣ было принудительное взысканіе въ видѣ *правежа* (см.), повидимому, неизвѣстнаго раннѣму праву, и «выдачи головою до искупа» (см.), обращавшей всѣхъ должниковъ, за исключеніемъ служилыхъ людей, въ кабальныхъ холоповъ на время уплаты долга. По «кабаламъ за ростъ служити» характерно для моск. періода прекращеніе права должниковъ возвращать занятыя деньги и тѣмъ освобождаться отъ кабалы или перемѣнить кабалу одного лица на кабалу у другого. Кабальный холопъ сталъ крѣпокъ лично заимодавцу сперва одинъ, а потомъ и съ дѣтьми. Въ XVII в. служилая кабала за ростъ вырождается въ фиктивную формальную сдѣлку, не сопровождавшуюся дѣйствительнымъ займомъ и имѣвшую цѣлью обратить свободнаго человѣка въ холопа. Въ концѣ вѣка такая фиктивная кабала замѣняется *житейской записью*. Въ томъ же смыслѣ измѣняются отношенія *личнаго найма* и, въ частности, *найма* въ *крестьяне*. Указъ 1597 г. всякое личное услуженіе, длившееся болѣе полугода, обратилъ въ источникъ кабальнаго холопства. Царь Василій Шуйскій въ 1608 г. безъ согласія и совѣта боярской думы отмѣнилъ постановленіе 1597 г. и запретилъ выдавать обязательныя кабалы на такихъ вольныхъ слугъ; но въ слѣдующемъ году боярская дума собственной властью отмѣнила этотъ указъ царя и возстановила дѣйствіе закона 1597 г. Уложеніе еще болѣе сократило срокъ свободной службы: давность полугодовая была уменьшена до трехъ мѣсяцевъ. Характерной особенностью *крестьянскихъ порядныхъ* второй половины XVI и XVII вв. составляетъ вещный характеръ устанавливаемаго ими отношенія: прежде неисполненіе условій договора влекло за собою имущественную отвѣтственность, въ видѣ взысканія неустойки или убытковъ; теперь практикуется возвращеніе крестьянина на прежнее мѣсто. Крестьянскія порядныя и ссудныя записи постепенно сближаются съ служилой кабалой, хотя отношенія господина къ кабальному (временному и личному) холопу были мягче, чѣмъ отношенія господина къ крестьянину, ставшему потомственно-крѣпкимъ господину человѣкомъ. Продажа нѣкоторыхъ предметовъ, особенно важныхъ въ государевой службѣ и сельскомъ хозяйствѣ—напр. лошадей—была подчинена правительственному надзору. Лошадь подлежитъ пятненію, при участіи особыхъ пятельщиковъ и съ записью въ книги у цѣловальниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Семейныя отношенія въ Московскомъ государствѣ выясняются съ большей опредѣленностью, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ. Малая семья и здѣсь является господствующей, но въ крестьянскомъ быту — вслѣдствіе прикрѣпленія къ землѣ, а въ служиломъ—вслѣдствіе условій помѣстнаго землевладѣнія, она иногда разростается въ большую, съ совмѣстнымъ владѣніемъ землей въ опредѣленныхъ доляхъ. Не образуется, однако, союза болѣе широкаго въ юридическомъ смыслѣ, чѣмъ индивидуальная семья; родъ получаетъ лишь нѣкоторыя права по выкупу и наслѣдованію имуществъ, а также по пріобрѣтенію помѣстныхъ земель. Бытовыя отношенія главы семьи къ ея членамъ опредѣлены съ достаточной ясностью «Домостроемъ». Въ юридическомъ быту на первый планъ выступаетъ общность имущества мужа и жены, установляемая обыкновенно рядными записями, составляемыми при заключеніи брака. Существованіе общности видно и изъ предпочтительнаго права жены на вотчины, пріобрѣтенныя во время существованія брака. Дѣти въ имущественномъ отношеніи подчинены отцу: они не имѣютъ права выкупа имущества, проданнаго отцомъ, ибо обязаны уважать его волю; они отвѣчаютъ своей личностью и имуществомъ за долги отца. Жена и дѣти до конца XVII в. отдаются головою до искупа вмѣстѣ съ дѣтьми; мужъ идетъ въ кабалу съ женою и дѣтьми. *Личныя отношенія* мужа и жены, *а также родителей и дѣтей* законодательствомъ, кромѣ церковнаго, не регулируются. Памятники говорятъ о правѣ мужей и отцовъ на закладъ и отдачу въ услуженіе своихъ женъ и дѣтей; наказывается, въ концѣ XVII в., лишь убійство женъ и дѣтей, при чемъ убійство дѣтей влечетъ за собою кару лишь въ легкой сравнительно формѣ. Памятники полны свѣдѣніями о жестокости мужей и отцовъ и говорятъ лишь объ одной формѣ защиты: въ рядныхъ записяхъ и сговорныхъ договорахъ, а также и особыхъ актахъ (поручныхъ), родственники выговариваютъ иногда обязательство мужа: «смирять жена своя повины и полюдцки, а не безвѣчьемъ». За нарушеніе этихъ договоровъ судъ взыскиваетъ на виновномъ и его поручителяхъ. Есть указанія и на вмѣшательство духовной власти въ семейныя отношенія. Главной заботою послѣдней было принудить населеніе совершать церковный бракъ. Масса населенія долго ограничивалась въ установленіи брака обрученіемъ жены и своими свадебными обрядами, не прибѣгая къ вѣнчанію. Этому способствовала, можетъ быть, сложность требованій, установленныхъ русскою церковью въ московскій періодъ для заключенія брака, особенно необходимостью получить «вѣнечную память» отъ архіерея и уплатить много брачныхъ сборовъ. Правила о разводѣ свидѣтельствуютъ о преобладающемъ положеніи мужа сравнительно съ женою.

Наслѣдственное право московскаго періода богаче нормами, чѣмъ другіе отдѣлы. Оно проводитъ послѣдовательно право дочерей на наслѣдованіе въ случаѣ отсутствія сыновей, предпочтительно передъ братьями наслѣдодателя. Въ жалованныхъ отчинахъ и помѣстьяхъ прожиточныя части дочерей и женъ приближаются къ наслѣдственнымъ. Однако, наслѣдованіе женщинъ не дѣлаетъ ихъ собственницами имущества; послѣ нихъ оно идетъ въ родъ ихъ отца, если они не оставили нисходящихъ. Кругъ *бокового родства* («ближняго рода») расширяется сперва до четвертой степени, а затѣмъ и далѣе (указъ 1560 г.); но изъ постановленій послѣдней четверти вѣка (новоук. ст. 1676 г.) видно, что и послѣ этого указа боковое наслѣдованіе было ограничено. Особенно важнымъ является ограниченіе наслѣдственнаго права женщинъ: сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ. При наслѣдникахъ-мужчинахъ разныхъ поколѣній и степеней всѣ имѣютъ одинаковое право наслѣдованія. Боковые родственники наслѣдуютъ въ *родовыхъ вотчинахъ*. Вотчины, *купленныя изъ казны*, поступаютъ въ собственность женъ, какъ общее пріобрѣтеніе во время замужества. Отчины, пожалованныя за службу, даются вдовамъ въ пожизненное владѣніе, во многихъ случаяхъ уравнивавшееся съ собственностью, такъ какъ вдовамъ часто представлялось право продажи, залога и отдачи такихъ вотчинъ по душѣ. Указъ 1627 г. далъ выслуженнымъ вотчинамъ значеніе родовыхъ, такъ что послѣ его изданія жены наслѣдовали лишь *купли*. Значеніе *завѣщанія*, въ виду опредѣленія правъ на отчины, за исключеніемъ купленныхъ, въ интересахъ службы, сильно сокращается.

4. *Петербургскій періодъ* выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ принциповъ гражданскаго права, появленіе которыхъ обусловливается, прежде всего, коренными измѣненіями въ строѣ государственной службы и землевладѣнія, установленіемъ сословнаго начала, проникнутаго крѣпостными тенденціями, измѣненіемъ и развитіемъ формъ промышленности, постепеннымъ освобожденіемъ частной жизни отъ государственной опеки, съ одной стороны, и возрастающей заботой законодательства о нѣкоторыхъ сторонахъ гражданско-правовой жизни—съ другой.

Формы обладанія. Образовавшіяся въ XVII вѣкѣ два направленія, стремившіяся каждое подчинить своему исключительному вліянію развитіе поземельнаго обладанія: государственное и частно-владѣльческое—вступаютъ между собою въ рѣзкую борьбу въ XVIII стол. подъ вліяніемъ политическихъ, финансовыхъ, военныхъ и экономическихъ условій. Указъ объ единонаслѣдіи 1714 г. окончательно уравниваетъ помѣстья и вотчины, утверждая ихъ наслѣдственность въ опредѣленныхъ родахъ и исключая доступъ къ однажды розданнымъ помѣстьямъ новыхъ служилыхъ людей. Съ другой стороны онъ удерживаетъ обязанность государственной службы, уже не только военной, но и гражданской, для всѣхъ дворянъ, независимо отъ того, владѣютъ они или нѣтъ помѣстьями и отчинами. Предписывая оставлять недвижимыя имѣнія только одному наслѣднику, Петръ дѣлаетъ это въ интересахъ побужденія обезземеленныхъ дворянъ къ службѣ. За этой общей мѣрой слѣдуетъ рядъ другихъ, имѣющихъ цѣлью распространить права государства на отдѣльные объекты частнаго земельнаго обладанія. Въ началѣ XVIII в. издается

Библиотека "Руниверс"

рядъ указовъ, ограничивающихъ для помѣщиковъ и вотчинниковъ право пользованія лѣсами, примѣнительно къ нуждамъ кораблестроенія. Ограниченія касались не только рубки лѣса, но и пользованія имъ въ другихъ отношеніяхъ, напр., какъ выгономъ. Помѣщики принуждались къ искусственному древонасажденію (посѣвъ дубовыхъ рощъ). Правительство поддерживаетъ свое право въѣзда въ частные лѣса и предоставленія его другимъ лицамъ, существовавшее еще въ Московскомъ государствѣ. Кромѣ установленія особыхъ заповѣдныхъ лѣсовъ, Петръ даетъ право соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ рубить лѣсъ для ихъ нуждъ вездѣ, гдѣ они найдутъ подходящій, не различая частныхъ и казенныхъ имѣній. Въ виду дороговизны дровъ въ Петербургѣ Петръ въ 1719 г. разрѣшаетъ свободную рубку дровъ около Петербурга въ частныхъ владѣніяхъ. Ограничиваются также права частныхъ владѣльцевъ на нѣдра земли: каждому предоставляется право искать руду какъ на казенныхъ (свободныхъ), такъ и на частныхъ земляхъ; при нахожденіи руды частныя земли могли быть экспропріированы въ интересахъ рудопромышленника. Ограниченіямъ подвергается, далѣе, ловля жемчуга, пользованіе разнаго рода угодьями (въ частности—рыбной ловлей), постройка мельницъ и постоялыхъ дворовъ, охота и т. д. Большая часть подобныхъ мѣръ не имѣли серьезнаго успѣха, но, вмѣстѣ съ конфискаціями, съ постояннымъ отнятіемъ у служилыхъ людей ихъ владѣній за проступки по службѣ или для казенныхъ надобностей, онѣ пріучили населеніе къ мысли о возможности всякаго рода нарушеній частной собственности. «Правосознаніе» XVIII в. въ этомъ отношеніи является очень смутнымъ. Въ разныхъ ходатайствахъ о льготахъ, напр. въ наказахъ депутатамъ Екатерининской коммиссіи, постоянно встрѣчаются просьбы объ отобраніи земель для расширенія дворовъ, о закрытіи фабрикъ и заводовъ, истребляющихъ лѣсъ и потому поднимающихъ на него цѣну, объ обязательствѣ покупать лѣсъ не въ окрестностяхъ городовъ, а въ другихъ болѣе отдаленныхъ пунктахъ и т. д. Не смотря на это, XVIII в. долженъ быть признанъ создателемъ современнаго *понятія о частной собственности*, какъ *основной формѣ обладанія*. Необходимое, въ видахъ увеличенія госуд. доходовъ, правильное веденіе земледѣльческаго хозяйства, подъ руководствомъ помѣщиковъ — этихъ «ста тысячъ даровыхъ полицеймейстеровъ»,—требовало установленія болѣе постоянныхъ и опредѣленныхъ ихъ отношеній къ землѣ, къ правительству, къ сосѣдямъ, т. е. юридической организаціи землевладѣнія, совершенно парализуемой тѣми попытками вмѣшательства, которыя предпринималъ Петръ. При Аннѣ Іоанновнѣ отмѣняется указъ объ единонаслѣдіи; Екатерина II предоставляетъ охраненіе лѣсовъ самимъ помѣщикамъ, уничтожаетъ свободную рубку дровъ подъ Петербургомъ и возстановляетъ право помѣщиковъ на нѣдра земли. Неурядица въ пограничныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ между собою съ казной вызываетъ несравненно лучшую, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, организацію государственнаго межеванія. Заботы правительства о путяхъ сообщенія, въ связи съ межеваніемъ, содѣйствуютъ разграниченію частнаго обладанія отъ общаго, установленіемъ большихъ и малыхъ публичныхъ дорогъ, частныхъ дорожныхъ легальныхъ сервитутовъ, бечевниковъ и т. д. Освобожденіе дворянъ отъ службы окончательно укрѣпляетъ понятіе частной собственности, или, вѣрнѣе, пока еще сословнаго «недвижимаго населеннаго имѣнія», рядомъ съ которымъ существуетъ свободная городская собственность на дворы, а также нѣкоторые виды условныхъ владѣній (поземельные надѣлы мелкихъ служилыхъ людей. госуд. крестьянъ, казаковъ, солдатъ и инородцевъ). Тогда же установляется и современное дѣленіе недвижимыхъ имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя, являющіяся компромиссомъ между старой связанностью имуществъ и потребностями свободнаго оборота. Особыя формы землевладѣнія создаются на пустыхъ земляхъ Малороссіи и Новороссіи и переходятъ къ намъ вмѣстѣ съ землями, пріобрѣтенными отъ Польши (см. Чиншевое право). Не заинтересованное больше въ правильномъ переходѣ изъ рукъ въ руки недвижимыхъ имуществъ, ставшемъ дѣломъ частнаго соглашенія, государство устраняетъ прежнее значеніе *справки* имѣнія за пріобрѣтателями и ограничивается формальной повѣркой актовъ пріобрѣтенія и сборомъ крѣпостныхъ пошлинъ. Акты на имѣнія составлялись на мѣстахъ, а записка ихъ и повѣрка принадлежала вотчинной коллегіи. Съ 1714 г. къ мѣстнымъ крѣпостнымъ дѣламъ было пріурочено и взысканіе пошлинъ. Такимъ образомъ процессъ совершенія актовъ и ихъ повѣрки отдѣлился отъ процесса ихъ укрѣпленія; стороны, опасаясь хлопотъ и расходовъ, стараются избѣжать послѣдняго акта или пользуются имъ ради противоправовыхъ цѣлей. По словамъ одного изъ наказовъ Екатерининской коммиссіи, «иное лицо, зная, что данное имѣніе уже продано, входитъ въ сдѣлку съ продавцомъ, совершаетъ вторую купчую и немедленно отправляется записать ее въ книгу вотчинной коллегіи; первый же покупщикъ, не зная объ этомъ за дальностью своего жительства отъ Москвы, представляетъ купчую къ явкѣ уже послѣ той записки и, согласно правиламъ уложенія, то имущество справляется не за нимъ, а за тѣмъ, кто предъявилъ купчую ранѣе» (Пахманъ). Другія слабыя стороны организаціи обладанія недвижимостями тоже выясняются изъ Наказовъ. Недостаетъ, прежде всего, правильной защиты *владѣнія*. Указы первой половины вѣка борятся съ нарушителями чужого обладанія и запрещаютъ всякое самоуправство, но не отдѣляютъ защиты владѣнія отъ защиты собственности. Наказы богаты подробностями о насиліяхъ и захватахъ, чинимыхъ сильными людьми по отношенію къ землямъ болѣе слабыхъ и мелкихъ помѣщиковъ. Лишь со второй половины вѣка поссессорная защита отдѣляется отъ петиторной, но послѣдовательнаго и детальнаго развитія института владѣнія русское законодательство не даетъ даже и въ современныхъ гражданскихъ законахъ. Крайняя черезполосность, происхо-

Библиотека "Руниверс"

дящая отъ дробленія имуществъ при наслѣдованіи, отсутствіи системы сервитутовъ, особенно дорожныхъ, недостаточное отдѣленіе индивидуальнаго обладанія отъ общаго по отношенію къ лѣсамъ, водамъ и нѣдрамъ земли содѣйствуютъ неясности вещныхъ правъ на землю. Давность, вмѣсто того чтобы служить къ укрѣпленію обладанія, является новымъ стимуломъ къ захватамъ, сравнительно легкимъ при неустроенной системѣ пріобрѣтенія собственности.

Область *гражданскаго оборота* въ XVIII стол., какъ и въ Московскомъ государствѣ, меньше другихъ интересовала законодательство, но и въ ней можно прослѣдить тѣже два основныхъ теченія, которыя характеризуютъ развитіе формъ обладанія. Первое стремится поставить подъ строгій надзоръ закона частную волю, проявляющуюся въ юридическихъ сдѣлкахъ, направляя ее къ интересамъ государственной казны и препятствуя достиженію цѣлей, которыя шли-бы въ разрѣзъ съ мѣропріятіями правительства по отношенію къ имуществамъ частныхъ лицъ. Отсюда крайнее стѣсненіе гражданскаго оборота, въ отношеніи лицъ, предметовъ и формъ. Въ половинѣ вѣка было издано распоряженіе, ограничивавшее обязательственныя права всѣхъ провинціальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ администраторовъ въ области сдѣлокъ, совершаемыхъ ими въ мѣстахъ ихъ службы; они имѣли право лишь покупать дома для жительства, а не для иныхъ, промышленныхъ или спекулятивныхъ цѣлей. Требованіе наличности въ обязательствѣ, кромѣ свободной воли, еще и «побудительной причины», переходило въ XVIII ст. въ требованіе указанія въ сдѣлкѣ *мотивовъ* ея совершенія. Злоупотребленія, связанныя съ такимъ требованіемъ, еще въ 1729 г. побудили къ его отмѣнѣ. Главнымъ общимъ стѣсненіемъ оборота было требованіе *крѣпостного порядка* совершенія *всякаго рода актовъ*, установленное Петромъ I въ фискальныхъ цѣляхъ,—требованіе, исполненіе котораго вело къ цѣлому ряду формальностей, часто превосходившихъ цѣну сдѣлки или налагавшихъ на контрагентовъ несоотвѣтствующія этой цѣнѣ жертвы. Всѣ эти ограниченія вызывали со стороны частныхъ лицъ, противодѣйствіе, выражавшееся во всевозможныхъ обходахъ законныхъ предписаній и парализовались мѣрами самого правительства, стремившигося къ развитію торговли и промышленности. По воинскому уставу, напр., къ числу письменныхъ доказательствъ отнесены были (съ силой половиннаго доказательства) и домашніе акты—купеческія книги и письма, духовныя завѣщанія и договоры; военные люди могли, поэтому, не совершать нѣкоторыхъ актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ. Регламентомъ главному магистрату Петръ I установилъ во всѣхъ большихъ городахъ институтъ маклеровъ, на обязанности которыхъ лежало участіе во всѣхъ торговыхъ договорахъ; ихъ журналы имѣли значеніе, равное судебнымъ протоколамъ. Въ 1729—31 гг. было разрѣшено составлять на дому духовныя завѣщанія и приданыя росписи. Уставъ о векселяхъ 1729 г. дозволилъ писаніе векселей въ домахъ и даже безъ свидѣтелей, чѣмъ были въ значительной степени вытѣснены изъ оборота крѣпостныя заемныя письма безъ заклада и залога. При Екатеринѣ II и въ области обязательственнаго права замѣтенъ явный поворотъ къ освобожденію частныхъ сдѣлокъ отъ стараго стѣснительнаго правительственнаго контроля. Совершеніе крѣпостныхъ актовъ осталось обязательнымъ лишь для оборота недвижимостей; для прочихъ актовъ созданы нотаріальный (маклерскій) и явочный порядки, отличающіеся отъ теперешнихъ лишь большими формальностями; нѣкоторые явочные акты (духовныя завѣщанія, вѣрющія письма, отпускныя и др.) должны были обязательно являться въ мѣстахъ, вѣдавшихъ крѣпостныя дѣла. Признавъ необходимость отдѣленія сферъ частной и государственной дѣятельности, законодательство не нашло возможнымъ взять въ свои руки иного рода надзоръ за оборотомъ—выработку юридическихъ формъ его, дополняющихъ частную волю или направляющихъ ее согласно требованіямъ общаго блага и интересамъ третьихъ лицъ. Въ теченіе XVIII и въ первой половинѣ XIX в. тщетно было-бы искать въ русскомъ правѣ разработанной системы отдѣльныхъ обязательствъ, съ точнымъ распредѣленіемъ между контрагентами субъективныхъ правъ и обязанностей. Были приняты только отдѣльныя мѣры относительно отвѣтственности по закладнымъ, продажи заложенныхъ имуществъ, найма имуществъ и личнаго, отдачи на сохраненіе. Гражданскій оборотъ не былъ обширенъ и съ трудомъ отливался въ новыя гражданско-правовыя формы, о чемъ можно судить по двумъ примѣрамъ. Стремясь регулировать залоговыя отношенія, законодательство въ 1737 г. уничтожаетъ старое правило объ обращеніи закладной въ купчую при неуплатѣ долга и замѣняетъ этотъ порядокъ публичными торгами, съ цѣлымъ рядомъ предварительныхъ мѣръ. Въ 1744 г. пришлось, однако, возстановить старое правило объ обращеніи закладной въ купчую, ибо публичные торги оказались еще менѣе пригодными. Только банкротскій уставъ 1800 г. установилъ новый порядокъ окончательно. Введеніе векселей, обезпечивавшихъ и въ тоже время облегчавшихъ оборотъ, долго не прививалось къ русской жизни. Строгость взысканія, дававшая векселю предпочтеніе передъ долгами обезпеченными залогомъ, нарушала права залогопринимателей, и дворяне просятъ Екатерининскую коммиссію объ измѣненіи этого порядка; въ ту же коммиссію поступило ходатайство купцовъ, жаловавшихся, что выдача векселей безъ обезпеченія имуществомъ и явки векселей въ городскія управленія для наложенія запрещеній на имущества ведетъ къ массѣ злоупотребленій. Оборотъ могъ двигаться въ формѣ тяжелаго реальнаго кредита, но не личнаго, даже для купцовъ.

Въ области *семейнаго права* петербургскій періодъ продолжаетъ заботиться о правильныхъ формахъ заключенія *брака*. Петръ борется съ принужденіемъ ко вступленію въ бракъ, отмѣняетъ обязательную силу обрученія, лишаетъ юридическаго значенія брачныя неустойки

Библиотека "Руниверс"

(заряды), разрѣшаетъ смѣшанные браки, устанавливаетъ нѣкоторыя другія формальности, но въ то же время пользуется брачнымъ законодательствомъ для политическихъ цѣлей (запрещеніе брака «дуракамъ» и неграмотнымъ дворянамъ). Меньше всего обращалось вниманія на личныя и имущественныя отношенія супруговъ. Въ концѣ вѣка первыя были опредѣлены въ уставѣ благочинія моральными сентенціями, вошедшими въ современные законы гражданскіе. Форма имущественныхъ отношеній оставалась неопредѣленной: рядомъ съ указами, устанавливавшими полную дѣеспособность женъ въ распоряженіи своимъ личнымъ и приданымъ имуществомъ, идетъ практика, не разрѣшавшая женамъ безъ дозволенія мужей писать купчія и закладныя, а также договоры о приданомъ (рядныя записи), писавшіеся на имя мужа и какъ-бы передававшіе имущество жены въ его собственность. И въ самомъ законодательствѣ не разъ высказывалась мысль объ общности имуществъ у супруговъ (признаніе недѣйствительными купчихъ и закладныхъ между супругами въ 1780 г. и др.). Законъ о раздѣльности имуществъ, дѣйствующій теперь, создался случайнымъ образомъ и не можетъ считаться продуктомъ историческаго развитія. Столь же неопредѣленны личныя и имущественныя отношенія родителей и дѣтей. И по отношенію къ дѣтямъ уставъ благочинія довольствуется нравственными сентенціями, вмѣсто точнаго опредѣленія правъ отца и ихъ ограниченій, а учебники гражд. права конца вѣка опредѣляютъ эти отношенія положеніями катихизиса. Имущественная самостоятельность была признана за «отдѣленными» дѣтьми, но понятіе послѣднихъ и ихъ отличія отъ неотдѣленныхъ не были точно установлены, и эта неясность перешла въ современное право. Большимъ прогрессомъ должна быть признана организація опеки (при Екатеринѣ II), до тѣхъ поръ почти нетронутой законодательствомъ. *Наслѣдственное право* стоитъ въ тѣсной связи съ одной стороны съ новыми законами о формахъ обладанія, съ другой — съ старыми порядками перехода имуществъ, обязанныхъ государевой службой. Современный русскій порядокъ наслѣдованія стоитъ въ тѣсной исторической связи съ постановленіями XVIII в.; ими объясняются его противорѣчія, несообразности и недостатки (см. ниже).

5. *Современное русское гражданское право* по составу своего главнаго источника—т. X ч. 1-й Свода Законовъ—непосредственно примыкаетъ къ только что описанному историческому развитію, отражая на себѣ всѣ его недостатки и пробѣлы, не смотря на то, что по своей формѣ свод. гражд. законовъ является заимствованіемъ изъ иностранныхъ кодексовъ конца XVIII и начала XIX вв. Новые законы и уставы, появившіеся съ конца 50-хъ гг., и судебная практика, выросшая при дѣйствіи «Судебныхъ уставовъ императора Александра II», въ значительной степени преобразовали старое право и создали, отчасти, новую систему, далеко, впрочемъ, не свободную отъ недостатковъ. Судебная практика могла восполнить многіе пробѣлы закона въ составѣ и разработкѣ юридическихъ нормъ, но она не могла ни создать *учрежденій*, необходимыхъ для правильной организаціи юридическаго быта, ни придать опредѣленность юридическимъ формамъ обладанія и оборота тамъ, гдѣ сама жизнь противодѣйствовала этой опредѣленности. Не могла, далѣе, судебная практика слить въ одно цѣлое двѣ разрозненныя группы русскаго гражданскаго общества: крестьянскую, руководствующуюся обычнымъ правомъ, и привилегированную, для которой прежде всего и была составлена 1-я часть X-го тома. Въ концѣ 1880-хъ гг., къ тому же, совершенъ былъ огромный шагъ назадъ въ развитіи права, путемъ раздѣленія судебной практики на два теченія: одно, совершающееся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ и имѣющее послѣднимъ источникомъ правительствующій сенатъ, и другое, основой котораго являются земскіе начальники, съ верховной инстанціей въ видѣ губернскихъ присутствій.

Формы обладанія. Признавая основной формой обладанія индивидуальную собственность, русское законодательство не даетъ этому институту детальнаго развитія ни въ смыслѣ точнаго опредѣленія правомочій собственника, ни въ смыслѣ созданія и послѣдовательной разработки сосѣдскихъ правъ и сервитутовъ, ни въ смыслѣ точнаго опредѣленія объекта собственности, способовъ ея пріобрѣтенія и укрѣпленія, а также и ея защиты путемъ прямыхъ исковъ и особенно путемъ детальной разработки института владѣнія. Опредѣляя собственность какъ полное и исключительное обладаніе вещью, русскіе гражданскіе законы не содержатъ, однако, нормъ, ясно отдѣляющихъ это исключительное обладаніе лица отъ объектовъ *права пользованія общаго* (см.) и сами называютъ право собственности, такъ или иначе, соприкасающееся съ этими правами, правомъ собственности неполной. Изъ формъ зависимаго владѣнія русская жизнь знаетъ, въ сущности, лишь одну — *чиншевое владѣніе*, признанное закономъ 1889 г. подлежащимъ уничтоженію въ главныхъ мѣстахъ его распространенія (въ Юго-западномъ краѣ), какъ не соотвѣтствующее современному экономическому быту. Государство, однако, само установляетъ условное вѣчно-наслѣдственное пользованіе или владѣніе разнаго рода поселенцевъ, въ видахъ обезпеченія ихъ участи или заселенія участковъ пустой земли. У насъ, поэтому, представляется еще невозможнымъ установить въ полной силѣ правило, по которому индивидуальная собственность можетъ терпѣть рядомъ съ собою только сервитутъ. Наши законы даютъ примѣрное перечисленіе нѣкоторыхъ сервитутовъ, подъ видомъ правъ *участія частнаго* и *угодій въ чужихъ имуществахъ*, но ничего не говорятъ о томъ, до какихъ предѣловъ возможно обремененіе частныхъ имѣній договорными сервитутами, и молчитъ даже о способахъ ихъ установленія и прекращенія. На практикѣ встрѣчаются, поэтому, сервитуты, установленные нотаріальнымъ и крѣпостнымъ порядкомъ, идущіе въ предоставляемыхъ ими правомочіяхъ дальше нормальнаго понятія

Библиотека "Руниверс"

сервитута и стѣсняющіе права всѣхъ послѣдующихъ обладателей имѣнія. Русское индивидуальное обладаніе не охранено также достаточнымъ образомъ по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ. Лишь нѣкоторые виды *сосѣдскаго права* установлены закономъ; многіе другіе, особенно отношенія, регулируемыя на Западѣ *водянымъ правомъ* (см. Водовладѣніе, VI, 760), почти совсѣмъ не затронуты законодательствомъ. Полному проведенію въ жизнь современныхъ понятій объ индивидуальной собственности на недвижимости препятствуетъ сохранившееся до сихъ поръ дѣленіе имѣній на *родовыя и благопріобрѣтенныя*, затрудняющее обращеніе имѣній и часто заставляющее прибѣгать къ фиктивнымъ сдѣлкамъ. Наконецъ, русское право сохраняетъ видъ обладанія имуществами, противоположный индивидуальному обладанію—*общинное землевладѣніе* крестьянъ, весьма неопредѣленное по своей организаціи. Борьба различныхъ жизненныхъ теченій, направляющая русскую поземельную политику, ведетъ не только къ сохраненію заповѣдныхъ имѣній, но и къ установленію вновь (закономъ 1899 г.) имѣній временно-заповѣдныхъ. Многія формы обладанія, напр. пользовладѣніе, остаются совсѣмъ нетронутыми законодательствомъ; опорой для судебной практики по отношенію къ пользовладѣнію должны служить спеціальныя постановленія со пожизненномъ владѣніи родовымъ имѣніемъ, предоставленнымъ однимъ супругомъ другому по духовному завѣщанію. Редакціонная коммиссія по составленію новаго гражд. уложенія, издавшая въ 1893 г. проектъ вотчиннаго устава, признаетъ существующій порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на недвижимое имущество одною изъ слабыхъ сторонъ нашихъ дѣйствующихъ законовъ; начиная съ 50-хъ годовъ вопросъ о преобразованіи этой части законодательства путемъ введенія правильной вотчинной системы является предметомъ непрерывныхъ заботъ законодательной власти, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ: вышеупомянутый проектъ остается до сихъ поръ не утвержденнымъ. Недостатки существующей системы, по словамъ той же коммиссіи, «заключаются частью въ отсутствіи надлежащимъ образомъ организованной гласности земельныхъ правъ и въ сложности и дороговизнѣ производства по совершенію сдѣлокъ о недвижимомъ имуществѣ, частью же затрогиваютъ самое существо земельныхъ правоотношеній, выражаясь въ юридической неопредѣленности и непрочности правъ, также въ излишнихъ стѣсненіяхъ относительно распоряженія ими». *Вводъ во владѣніе*, въ смыслѣ окончательнаго реальнаго укрѣпленія правъ на недвижимость, потерялъ практическое значеніе; новый пріобрѣтатель всегда рискуетъ встрѣтить владѣльца по *давности*, претендующаго на все или часть имѣнія. *Объектъ недвижимой собственности*, вслѣдствіе недостатковъ и устарѣлости генеральнаго и спеціальнаго *межеванія* и отсутствія кадастра, у насъ также неопредѣленъ точно, и акты, хранящіеся у старшаго нотаріуса, не гарантируютъ дѣйствительнаго состава обладанія. *Виндикаціонный* искъ, разработанный гражданскими законами въ деталяхъ по отношенію къ отвѣтственности добросовѣстнаго и недобросовѣстнаго владѣльца, является у насъ ничѣмъ не ограниченнымъ, кромѣ давности срока, и пріобрѣтатель всегда рискуетъ быть вовлеченнымъ въ споръ. Кредиторъ, дающій деньги подъ залогъ имѣнія, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что имѣетъ дѣло съ дѣйствительнымъ собственникомъ имѣнія и, слѣдовательно, рискуетъ дѣйствительностью сдѣлки. Самая организація *залоговыхъ отношеній* также полна недостатковъ. Проектъ новаго вотчиннаго устава желаетъ введенія у насъ западноевропейскихъ началъ т. наз. ипотечной системы, но со многими ограниченіями. Болѣе рѣшительныя реформы встрѣчаютъ препятствіе въ неподготовленности къ нимъ русскаго землевладѣнія и невозможности предпринять теперь же необходимыя подготовительныя мѣры въ видѣ кадастра, принудительной записи всѣхъ имѣній и т. п. *Защиту владѣнія* судебные уставы предоставили мировому суду, а затѣмъ она перешла къ органамъ, его замѣнившихъ. Но въ гражданскихъ законахъ теорія владѣнія совершенно неразработана. Нельзя сказать съ достовѣрностью защищаетъ ли русскій гражданскій законъ владѣніе движимостью рядомъ съ владѣніемъ недвижимостью? защищаетъ ли онъ только владѣніе въ видѣ собственности или и держаніе alieno nomine (напр. арендатора)? Имъ не опредѣлено съ точностью, въ чемъ состоитъ нарушеніе владѣнія, подлежащее защитѣ.

Защита обладанія *движимостью* установляется закономъ, гласящимъ, что «движимыя вещи считаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано». Затѣмъ существуетъ рядъ постановленій о правѣ *полнаго и неполнаго пользованія* движимыми вещами, какъ видахъ *вещнаго* права, и объ «особыхъ видахъ» этого пользованія. Не смотря на неопредѣленность и неполноту закона, изъ толкованій сената возникла послѣдовательная система нормъ обладанія, которою и руководствуются теперь суды. По отношенію къ *собственности* проведены послѣдовательно начала полноты и исключительности обладанія; право собственности рѣзко отграничено отъ чиншеваго права и другихъ видовъ временнаго и наслѣдственнаго владѣнія. *Владѣніе, отдѣльное отъ права собственности*, сдѣлалось въ толкованіи сената, и совершенно правильно, лишь вещнымъ правомъ пользованія, а *право распоряженія, отдѣльное* отъ права собственности, стало или правомъ управленія по законному или договорному правомочію (опека, довѣренность), или слилось съ ограниченіемъ права распоряженія, обусловленными запрещеніями, лежащими на имѣніи. Въ то же время выдвинуто и понятіе неполной, *ограниченной условіями собственности*, находящейся въ рукахъ поссессіонныхъ владѣльцевъ, государственныхъ крестьянъ и другихъ владѣльцевъ, такъ какъ подведеніе ея подъ простое пользованіе было-бы нарушеніемъ правъ владѣльцевъ. Далѣе, сенатъ точнѣе опредѣляетъ право пользованія общаго, а другіе виды общаго обладанія частныхъ лицъ сводитъ къ

Библиотека "Руниверс"

различію собственности и сервитута, создавая сельскіе сервитуты пастьбы скота, водопоя и др. Устраняя давностное пріобрѣтеніе сервитутовъ и проводя начало исключительно законнаго и договорнаго ихъ установленія, съ укрѣпленіемъ ихъ одинаковымъ съ собственностью порядкомъ, сенатъ подчиняетъ этимъ самымъ возникновеніе правъ въ чужой вещи контролю государственной власти и суда, чѣмъ въ значительной степени пресѣкается возможность установленія, подъ видомъ «правъ участія частнаго» и «угодій въ чужихъ имуществахъ», такихъ вещныхъ правъ, которыя искажаютъ самое право собственности. Недостатки въ организаціи современной системы укрѣпленія парализуютъ, впрочемъ, въ значительной степени старанія суда, такъ какъ старшіе нотаріусы иногда укрѣпляютъ именно такія права подъ видомъ сервитутовъ. Къ заслугамъ нашей судебной практики въ области сервитутнаго права принадлежитъ также признаніе извѣстнаго европейскимъ кодексамъ сервитута, установленнаго волей стараго собственника строенія (сервитутъ оконъ въ домахъ, построенныхъ на одномъ дворѣ и потомъ проданныхъ врозь). Не дозволяя установленія сервитутовъ по давности, сенатъ признаетъ, однако, давностное прекращеніе сервитутовъ, въ чемъ опять видна тенденція ограничить права этого рода. Наоборотъ, по отношенію къ дозволимымъ сервитутамъ проводится возможная широта воззрѣнія (сервитутъ свѣта; рѣш. № 64, 1895 г.). Въ области *сосѣдскихъ правъ* сенатомъ подробно разработанъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ имѣній по поводу пониженія и повышенія уровня проточныхъ водъ и связаннаго съ ними подтопа прибрежной земли, права прохода и проѣзда, возведенія строеній на межѣ и др., но оставленъ безъ разработки рядъ другихъ (рытье ямъ, вредящихъ сосѣду, отношенія по стоящимъ на межахъ деревьямъ и т. п.). Толкуя раздѣленіе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя, судебная практика стремится установить понятіе родового имѣнія согласно точному смыслу закона, не придавая ему распространительнаго толкованія; она признаетъ, напр., благопріобрѣтеннымъ имѣніе, подаренное члену рода, исключаетъ изъ понятія родового имущества всѣ объекты, кромѣ земель и домовъ на собственной землѣ и сильно и колеблется по вопросу о признаніи родовыми имуществъ, перешедшихъ по выдѣлу и данныхъ въ приданое. По отношенію къ крестьянскому имуществу, судебная практика не признаетъ *общей семейной собственности на крестьянскій дворъ*, считая домохозяина единственнымъ распорядителемъ, а *общинное владѣніе* стремится утвердить на понятіи юридическаго лица. Не обладая правомъ измѣнять учрежденія и не имѣя косвенныхъ къ тому средствъ, судебная практика въ области порядка укрѣпленія вещныхъ правъ стремилась установить однообразный порядокъ оцѣнки различныхъ актовъ и дѣйствій, входящихъ въ составъ современной системы, и выяснить соотношенія договорнаго (пріобрѣтательнаго) и укрѣпительнаго элементовъ, значеніе акта традиціи и ввода во владѣніе. Послѣ попытокъ примирить юридическое значеніе послѣдняго съ силою утвержденныхъ и отмѣченныхъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ купчихъ и др. актовъ, практика пришла къ убѣжденію, что центромъ тяжести въ укрѣпительномъ процессѣ должно быть внесеніе актовъ въ реестръ крѣпостныхъ дѣлъ, чѣмъ была отмѣнена юридическая сила ввода во владѣніе. Въ области *залоговыхъ отношеній* заслугою практики является признаніе законности совершенія нѣсколькихъ закладныхъ на одно и тоже имущество, что необходимо по условіямъ современнаго оборота. Въ области защиты владѣнія судебной практикѣ принадлежитъ установленіе опредѣленныхъ точекъ зрѣнія на всѣ почти вопросы, связанные съ догмой владѣнія. Особенно слѣдуетъ отмѣтить здѣсь защиту, рядомъ съ собственникомъ, и арендатора, отказъ въ защитѣ владѣнія движимости поссессорными исками, установленіе состава нарушенія владѣнія. Въ защитѣ *обладанія движимостью* сенатъ также становится на точку зрѣнія современнаго оборота, сперва изъятіемъ отъ виндикаціоннаго иска цѣлаго ряда объектовъ движимаго обладанія, а затѣмъ и проведеніемъ того взгляда, что лишь недобросовѣстное пріобрѣтеніе движимости даетъ право на виндикаціонный искъ, добросовѣстный же владѣлецъ имѣетъ предпочтительную передъ собственникомъ защиту.

Гражданскій оборотъ въ теченіе XIX в., особенно второй его половины, необыкновенно возросъ сравнительно съ XVIII в. Между тѣмъ юридическимъ его руководителемъ до сихъ поръ остаются постановленія объ обязательствахъ, основанныя на старыхъ указахъ XVIII в. и полныя пробѣловъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ. Въ напечатанномъ недавно (въ «Вѣстникѣ Права») проектѣ постановленій объ обязательствахъ, какъ составной части будущаго гражданскаго уложенія, составители его такъ характеризуютъ старыя русскія нормы объ этомъ предметѣ: «въ т. X ч. I-й почти нѣтъ общихъ положеній по обязательственному праву: составленію, совершенію, исполненію и прекращенію договоровъ посвящено всего 26 статей, тогда какъ въ законахъ губерній Царства Польскаго этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ болѣе 300 статей, а въ законахъ губерній Прибалтійскихъ—около 700 статей... Постановленія, относящіяся къ наиболѣе распространеннымъ договорамъ, напр. къ продажѣ, личному и имущественному найму, подряду, довѣренности, не содержатъ въ себѣ разрѣшенія самыхъ обыденныхъ вопросовъ. Наконецъ, по нѣкоторымъ договорамъ, напр. перевозкѣ, простому товариществу, страхованію, пожизненной рентѣ, коммиссіи, мировой сдѣлкѣ, законы гражданскіе не содержатъ въ себѣ никакихъ правилъ. То же должно сказать о веденіи чужихъ дѣлъ безъ порученія, о незаконномъ обогащеніи, о бумагахъ на предъявителя и проч. Вообще, ни въ одномъ отдѣлѣ нашихъ гражданскихъ законовъ не встрѣчается такъ много пробѣловъ, какъ въ обязательномъ правѣ». При такомъ положеніи дѣла, русской судебной практикѣ предстояла трудная задача создать изъ ничего цѣлую систему обязательственнаго права, въ виду сильнаго развитія обязательственныхъ

Библиотека "Руниверс"

сдѣлокъ въ оборотѣ. До какой степени успѣшна была эта работа, можно судить по слѣдующимъ словамъ составителей новаго проекта: «проектъ широко воспользовался весьма цѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Многія правила, установленныя правительствующимъ сенатомъ въ разъясненіе и дополненіе дѣйствующаго закона, почти цѣликомъ восприняты проектомъ, какъ напр. правила о значеніи обмана и существенной ошибки при заключеніи договоровъ, объ условіяхъ, о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ, о силѣ договора для участвующихъ въ немъ лицъ, о дѣленіи договоровъ на contractus nominati и innominati, объ exceptio non adimpleti contractus, объ уступкѣ требованій, объ очисткѣ при возмездныхъ договорахъ и мн. друг.». Тѣмъ не менѣе, судебная практика не могла охватить всѣхъ проявленій обязательственнаго права *общими нормами,* будучи принуждена ограничиваться разрѣшеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, примѣнительно къ ихъ особенностямъ. Отсюда справедливость отдѣльныхъ рѣшеній, но отсюда же и множество противорѣчій, колебаній и неточностей въ формулировкѣ руководящихъ началъ. Основныя начала западно-европейскаго гражданскаго оборота—принципіальное признаніе дѣйствительности договора въ силу простого непротивозаконнаго соглашенія сторонъ и оцѣнка отношеній по доброй совѣсти—долго не могли быть проведены русской судебной практикой въ жизнь съ желательною послѣдовательностью: быстрый переходъ отъ стараго формальнаго правосудія къ новому, основанному на доброй совѣсти, былъ невозможенъ столько же по привычкамъ судей, сколько и по условіямъ жизни. Насадить начала доброй совѣсти, честности и аккуратности въ сдѣлкахъ можно было столько же путемъ покровительства словеснымъ соглашеніямъ, сколько и уваженіемъ къ законности—къ формамъ, гарантирующимъ одного контрагента отъ злоупотребленій другого. Русскіе законы, вслѣдствіе обилія формальныхъ требованій, предъявляемыхъ къ сдѣлкамъ и отдѣльнымъ ихъ частямъ, затрудняли установленіе разумной середины между указанными цѣлями правосудія. Опираясь на законы ради покровительства законности, судебная практика невольно должна была сразу внести въ свою дѣятельность излишній формализмъ, который и послужилъ основаніемъ многочисленныхъ по ея адресу упрековъ (Оршанскій въ обзорахъ касс. практики, Побѣдоносцевъ § 8 III-го т. «Курса»). Постепенно, однако, судебная практика освобождается отъ этого недостатка и оказываетъ покровительство свободному соглашенію каждый разъ, гдѣ это по условіямъ отдѣльныхъ случаевъ представляется желательнымъ. Въ настоящее время дѣйствительными признаются всѣ словесныя соглашенія, кромѣ договоровъ, для дѣйствительности которыхъ безусловно предписана форма; но и въ послѣднемъ случаѣ не всѣ договоры считаются недѣйствительными по формальнымъ недостаткамъ, а лишь тѣ, въ которыхъ форма тѣсно сливается съ существомъ сдѣлки (договоры о переходѣ недвижимостей, векселя, завѣщанія). Сенатъ не даетъ никакой обязательной схемы договоровъ, признавая дѣйствительнымъ всякій договоръ, законный по цѣли, хотя-бы онъ и не имѣлъ опредѣленнаго наименованія или былъ заключенъ подъ видомъ другого. Поскольку требуется письменность сдѣлокъ, ей дается широкое пониманіе: не только законные акты—крѣпостные, нотаріальные, явочные и домашніе—имѣютъ силу доказательствъ, но и письма, телеграммы и т. д. Въ борьбѣ съ сдѣлками противозаконными, безнравственными, фиктивными или противорѣчащими современнымъ основамъ оборота—свободѣ собственности и личности, — опорой сената сдѣлалась ст. 1529-ая т. X, ч. 1, путемъ широкаго толкованія который онъ осуществлялъ контроль надъ частной волей, вводя ее въ законныя границы. И здѣсь, впрочемъ, замѣтны колебанія по отдѣльнымъ вопросамъ: иногда волѣ дается больше, чѣмъ слѣдуетъ, простора, иногда она чрезмѣрно ограничивается. Во всякомъ случаѣ, оцѣнка сдѣлокъ по ихъ внутреннему содержанію проводится практикой послѣдовательно, а отнесеніе многихъ вопросовъ, съ ней связанныхъ, къ фактической обстановкѣ сдѣлки, не подлежащей контролю сената, значительно расширяетъ свободу суда для борьбы съ гражданской неправдой. По отношенію къ отдѣльнымъ договорамъ слѣдуетъ указать на заслуги русской судебной практики въ разработкѣ юридической природы долговыхъ отношеній, деталей купли-продажи и имущественнаго найма согласно условіямъ современнаго оборота. Сенатъ покровительствуетъ покупателямъ противъ обмановъ продавцовъ, квартиронанимателямъ противъ эксплуатаціи домовладѣльцевъ, арендаторамъ противъ нарушеній ихъ правъ. Въ области такъ называемыхъ реальныхъ контрактовъ (ссуда, поклажа и др.), какъ чисто бытовыхъ сдѣлокъ, практика сената даетъ меньше устойчивыхъ рѣшеній; различіе ссуды и займа, фиктивныя сдѣлки, совершенныя подъ видомъ поклажи, отдѣльныя правомочія сторонъ не находятъ иногда должной квалификаціи. И здѣсь причиной этому является не столько незнакомство съ теоріей права и непослѣдовательность воззрѣній, сколько разнообразіе бытовыхъ условій, при которыхъ эти договоры видоизмѣняются отъ дружеской услуги до оборотнаго консенсуальнаго контракта. Наиболѣе слабо поставленной въ практикѣ является отвѣтственность за вредъ и убытки. Разсчетъ убытковъ особенно труденъ; сенатъ не допускаетъ оцѣнки ихъ по убѣжденію судьи и требуетъ доказательства каждаго мелочного факта, какъ-бы ни была, по убѣжденію суда, незначительна и умѣренна претензія истца. Это отмѣчаютъ и составители проекта гражд. уложенія, приводя рядъ литературныхъ мнѣній относительно крайней затруднительности у насъ процесса объ убыткахъ. Новый проектъ ставитъ себѣ задачу расширенія свободы судьи въ этомъ отношеніи. Пробѣлы практики объясняются и здѣсь неразвитостью русской экономической жизни. Широкая отвѣтственность за правонарушенія возможна при такомъ состояніи оборота, когда

Библиотека "Руниверс"

создались точныя мѣрки ущербовъ и масштабы вины и отвѣтственности. Въ процессахъ объ отвѣтственности за вредъ, причиненный желѣзными дорогами и другими общественными предпріятіями, взгляды практики шире, пріемы оцѣнки свободнѣе, суммы убытковъ крупнѣе. О новомъ проектѣ обязательственнаго права см. Уложеніе гражданское.

Въ дѣйствующемъ *семейномъ* правѣ точно установлены формы церковнаго заключенія брака, ограниченъ до крайнихъ предѣловъ разводъ, опредѣлены права незаконнорожденныхъ дѣтей; лишь въ 1891 г. изданы новыя правила объ узаконеніи этихъ дѣтей черезъ послѣдующій бракъ. Обезпеченная такимъ образомъ съ внѣшней стороны, семья совсѣмъ не регулирована со стороны внутреннихъ отношеній и особенно со стороны защиты слабо поставленныхъ ея членовъ. Строгая, «неограниченная» личная супружеская власть находитъ себѣ противовѣсъ лишь въ уголовныхъ законахъ, а не въ гражданско-правовой защитѣ личности жены, и въ тоже время стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ имущественной равноправностью жены, несомнѣнно установливаемой гражданскими законами, хотя ей и противорѣчатъ нѣкоторыя статьи торговаго права. Подробности личныхъ отношеній замѣнены моральными сентенціями, которыми пользуется судъ для смягченія участи женъ, при злоупотребленіи правами мужа. Неразрѣшенъ вопросъ о средствахъ понужденія супруговъ къ совмѣстной жизни. Благодаря этому молчанію судебная практика отказываетъ во всякомъ иномъ понужденіи, кромѣ признанія ушедшей жены не имѣющей права на содержаніе отъ мужа, а мужа, оставившаго жену—обязаннымъ къ выдачѣ ей содержанія. Личныя отношенія родителей и дѣтей находятся въ такомъ же положеніи. Пожизненная и неограниченная родительская власть по закону есть власть *въ интересахъ отца*, а не дѣтей; ограниченій ея въ смыслѣ правительственной (опекунской) защиты дѣтей отъ злоупотребленій не существуетъ; мѣсто ихъ снова занимаютъ моральныя сентенціи. Судъ иногда восполняетъ эти пробѣлы, лишая родителей ихъ власти и оставляя дѣтей на попеченіи посторонниихъ лицъ. У насъ нѣтъ *учрежденій*, способныхъ оказывать защиту дѣтямъ, и неудовлетворительно организована *опека*, задача которой, въ ея современной формѣ—быть замѣной родительской власти не только для сиротъ, но и для дѣтей дурныхъ родителей. Отсутствіе у родителей права пользованія имуществомъ дѣтей гарантируетъ права состоятельныхъ дѣтей, но и здѣсь дурная организація опеки часто препятствуетъ осуществленію благихъ намѣреній законодателя. О дѣйствительномъ строѣ семейныхъ отношеній въ Р. гражданскіе законы, во всякомъ случаѣ, не даютъ никакого представленія. Въ жизни эти отношенія крайне разнообразны, начиная отъ большой крестьянской семьи, поглощающей личность жены и дѣтей, до малой интеллигентной семьи, построенной на началахъ полной равноправности сторонъ и представленіи о родительской власти, какъ власти въ интересахъ дѣтей. Такое разнообразіе семейныхъ отношеній—одна изъ причинъ неуспѣха реформъ въ этой области, но еще важнѣе—кромѣ указаннаго выше отсутствія учрежденій и органовъ, способныхъ взять въ свои руки защиту нуждающихся въ ней членовъ семьи—связь русскаго семейнаго права съ правомъ церковнымъ въ установленіи и прекращеніи брака.

Наслѣдственное право. Порядокъ законнаго наслѣдованія опирается до сихъ поръ на старые законы и указы, возникшіе еще при обязательной службѣ дворянъ съ помѣстій и отчинъ. Сюда относится ограниченіе наслѣдованія женщинъ въ нисходящей линіи, полное устраненіе ихъ въ боковыхъ, когда есть на лицо наслѣдники-мужчины той же линіи и степени, исключеніе отъ наслѣдованія восходящихъ и замѣна его отдачей имѣнія въ ихъ пожизненное владѣніе, ограниченія въ наслѣдованіи супруговъ. Наиболѣе характернымъ историческимъ остаткомъ въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ является наслѣдованіе зятя и невѣстки въ имуществѣ тестя и свекра (ст. 1151—1153), восходящее къ началамъ совмѣстнаго владѣнія отца и «припущенныхъ» къ его помѣстью дѣтей; право невѣстки опредѣлялось здѣсь правомъ ея на прожиточную часть изъ имѣнія своего мужа, находившагося въ совмѣстномъ владѣніи съ отцомъ. Право мужа на имущество свекра возникло позднѣе, искусственно, въ интересахъ уравненія правъ мужа съ женою. Свобода завѣщанія не ограничена обязательной долей прямыхъ наслѣдниковъ; наслѣдники не раздѣлены на наслѣдниковъ въ собственномъ смыслѣ и легатаріевъ (см. Легатъ). Отвѣтственность наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя отличается большою строгостью. Русское право не знаетъ ни beneficium inventarii, ни, тѣмъ болѣе, ограниченія отвѣтственности полученнымъ имуществомъ. Объясненіемъ этому служатъ съ одной стороны старые взгляды на отношенія наслѣдодателя и наслѣдниковъ (прежде всего отца и дѣтей; послѣдніе отвѣчали безусловно за кабальные долги отца своей личностью и имуществомъ), съ другой—неустойчивость обладанія, неразвитость оборота, отсутствіе ипотечной системы и гласнаго кредита и связанная съ этимъ затруднительность учета долговъ и стоимости наслѣдственнаго имущества. Постановленія русскихъ гражданскихъ законовъ о наслѣдованіи вообще преслѣдуютъ только одну цѣль—распредѣленіе наслѣдственнаго имущества между наслѣдниками и установленіе общаго правила объ отвѣтственности ихъ за долги. У насъ нѣтъ постановленій гарантирующихъ интересы кредиторовъ въ случаѣ отказа наслѣдника отъ наслѣдства во вредъ кредиторамъ: нѣтъ, вообще, детальныхъ правилъ, опредѣляющихъ отношенія наслѣдниковъ, кредиторовъ и легатаріевъ, чѣмъ еще больше подчеркивается господство строгаго начала универсальнаго преемства въ наслѣдованіи и безусловной отвѣтственности за долги наслѣдодателя.

Положеніе русской судебной практики въ области наслѣдственнаго права болѣе затруднительно, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ. Будучи совершенно устарѣлыми, гражданскіе законы

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ отдѣлѣ даютъ опредѣленные и ясные принципы. Связанный этими нормами, судъ съ большимъ трудомъ можетъ проводить въ жизнь начала справедливости, согласуя старые законы съ новыми потребностями быта. Низшіе суды старались-было и здѣсь выступить на защиту новыхъ условій жизни: они пытались поколебать принципъ исключенія женщинъ отъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, установивъ равенство обоихъ половъ во второй, третьей и т. д. линіяхъ на основаніи молчанія закона; старались придти на помощь наслѣдникамъ, установляя сроки для пріема наслѣдства въ интересахъ ознакомленія съ нимъ, облегчить отвѣтственность за долги, согласовать по возможности интересы наслѣдниковъ, легатаріевъ и кредиторовъ и т. д. Сенатъ, въ качествѣ блюстителя закона, отвергъ многія изъ этихъ попытокъ и, создавъ сравнительно стройную логическую догму наслѣдственныхъ отношеній, уклонился въ этомъ отдѣлѣ отъ требованій справедливости дальше чѣмъ во всѣхъ другихъ. Заслуги сената заключаются, однако, въ установленіи многочисленныхъ частныхъ нормъ, по возможности устраняющихъ рѣзкость нормъ дѣйствующаго права. Таково, напр., ограниченіе права наслѣдника отречься отъ наслѣдства въ ущербъ кредиторамъ, разграниченіе между формальнымъ отреченіемъ отъ наслѣдства и дѣйствительнымъ его принятіемъ, распредѣленіе долей отвѣтственности наслѣдниковъ, установленіе состава лицъ, отвѣчающихъ за долги, распредѣленіе имущества между кредиторами наслѣдодателя и наслѣдника, а также многочисленныя, хотя и не всегда послѣдовательныя правила о пріобрѣтеніи наслѣдства, утвержденіе въ правахъ наслѣдства, толкованіи завѣщательныхъ распоряженій и т. д.

Литература по исторіи русскаго гражданскаго права. Неволинъ, «Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ»; Владимірскій-Будановъ, «Пособіе при изученіи исторіи русскаго права»; Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія»; Пахманъ, «Исторія кодификаціи гражданскаго права»; Энгельманъ, «О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву»; его же, «О давности по русскому праву»; Дювернуа, «Источники права и судъ въ древней Руси»; Ключевскій, «Происхожденіе крѣпостного права» («Русск. Мысль», 1885); Дьяконовъ, «Очерки по исторіи сельскаго населенія Россіи» (СПб., 1898); Рождественскій, «Служилое землевладѣніе»; Латкинъ, «Лекціи по исторіи права XVIII в.» (СПб., 1899). — *Современное право*: Мейеръ, «Русское гражданское право» (СПб., 1897); Побѣдоносцевъ, «Курсъ гражданскаго права» (3 тома, СПб., 1896); Шершеневичъ, «Учебникъ русскаго гражданскаго права» (Казань, 1896); Анненковъ, «Система русскаго гражданскаго права» (3 тома, СПб., 1894 — 8); Дювернуа, «Чтенія по гражданскому праву» (СПб., 1898—9). Монографическая литература—у Поворинскій, «Указатель литературы по русскому гражданскому праву» (СПб., 1885). Обзоры судебной практики въ «Курсѣ» Побѣдоносцева, у Оршанскаго (см.), въ юридическихъ журналахъ. Систематическая обработка рѣшеній примѣнительно къ статьямъ Свода — въ изданіяхъ Боровиковскаго и Гаугера, систематическій сборникъ положеній въ изд. г. Вербловскаго; указатели: старый—Москальскаго и новый—Брилліанта и Шклявера (СПб., 1899).

В. Нечаевъ.

С. **Русское крестьянское обычное право** сдѣлалось предметомъ внимательнаго изученія русскихъ этнологовъ и юристовъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этнологи нашли въ немъ новый драгоцѣнный матеріалъ для изученія древнѣйшихъ ступеней общественнаго развитія. Изъ юристовъ одни видѣли въ немъ выраженіе не искаженныхъ случайностями историческаго процесса народныхъ воззрѣній на основные устои общественной жизни (Кавелинъ, Якушкинъ, Ефименко, Оршанскій), другіе (Пахманъ, Гольмстенъ) стремились свести нормы обычнаго права къ тѣмъ же началамъ гражданскаго права, какія господствуютъ и въ оффиціальномъ русскомъ правѣ, а отклоненія отъ этого послѣдняго объяснить особенностями политико-экономическаго строя крестьянской жизни. Взглядъ на обычное право, какъ на продуктъ дикаго произвола и невѣжества, никогда не получалъ сколько-нибудь серьезнаго научнаго обоснованія. Результаты изученія русскаго обычнаго права, пока не могутъ быть сведены къ одному цѣльному воззрѣнію. Можно, однако, считать выясненнымъ, что обычное право русскихъ крестьянъ, находящееся въ настоящее время подъ воздѣйствіемъ многихъ неблагопріятныхъ факторовъ, не представляетъ собою особой по духу и складу системы, основанной на «трудовомъ началѣ»; только иногда, при благопріятныхъ условіяхъ, въ немъ замѣтно проявленіе и дѣйствіе началъ равенства и справедливости. Сужденія о значеніи нормъ обычнаго права часто расходятся уже потому, что различно смотрятъ на *составъ источниковъ* обычнаго права. Примѣшивая этнографическую сторону дѣла къ юридической, изслѣдователи часто подъ обычнымъ правомъ понимаютъ черты нравовъ и быта, которыя носятъ названіе обычаевъ, но не составляютъ обычнаго *права*. Къ этимъ обычаямъ присоединяютъ иногда представленія о крестьянскихъ идеалахъ правового строя, образовавшихся у отдѣльныхъ группъ или личностей; наконецъ, не различаютъ *санкціи* нормъ обычнаго права въ глазахъ крестьянъ отъ дѣйствительныхъ причинъ ихъ образованія. Изслѣдуя крестьянское обычное право, т. е. дѣйствительно существующій порядокъ отношеній между крестьянами, стараются объяснить не этотъ порядокъ, а заключающееся въ немъ *правосознаніе* крестьянства, т. е. проводятъ взгляды Пухты на обычное право (см. XXIV, 910), какъ на явленіе, имѣющее источникъ въ народно-правовомъ убѣжденіи. Поэтому часто исключаютъ изъ состава права дѣйствительныя нормы, на основаніи которыхъ рѣшаются столкновенія изъ-за права, противопоставляютъ имъ черты *быта*, характеризующія мирное состояніе отношеній; отдѣльныя судебныя рѣшенія оспариваютъ на основаніи идеаловъ справедливости, выразившихся въ воззрѣніяхъ одной изъ сторонъ или

Библиотека "Руниверс"

почерпнутыхъ изъ бесѣдъ съ крестьянами. Съ этой точки зрѣнія часто подвергается рѣзкой критикѣ основной источникъ нашихъ свѣдѣній объ обычномъ правѣ крестьянъ: «Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» (1873—74), въ которыхъ собраны рѣшенія крестьянскихъ судовъ ряда губерній, вмѣстѣ съ отвѣтами крестьянъ на вопросы о существованіи у нихъ тѣхъ или иныхъ обычаевъ. По отношенію ко многимъ рѣшеніямъ указываютъ на внѣшнія вліянія (волостного писаря, волостного и высшаго начальства), на приговоры, искажающіе крестьянскую правду въ тѣхъ или иныхъ интересахъ или просто по невѣжеству. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что сила правового сознанія и крѣпость обычно-правового строя, если онъ существуетъ въ качествѣ прочнаго и постояннаго порядка отношеній, могутъ быть парализованы лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Рядъ изслѣдователей и юристовъ (Оршанскій, Пахманъ, Мухинъ, Духовской и др.) кладутъ на этомъ основаніи въ основаніе своихъ изслѣдованій именно матеріалъ, заключающійся въ Трудахъ коммиссіи, лишь восполняя его данными, собранными въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ. Серьезное значеніе этого матеріала не отрицаетъ, не смотря на его недостатки, и г. Якушкинъ. Чего нибудь въ родѣ свода юридическихъ обычаевъ для отдѣльныхъ мѣстностей нѣтъ; существуютъ лишь частные сборники обычаевъ, составленные любителями-этнографами (сводъ этихъ сборниковъ см. въ книгѣ Е. И. Якушкина). Субъективныя воззрѣнія изслѣдователей, какъ и этнографическія данныя, не отдѣлены здѣсь отъ дѣйствительнаго правопорядка. Недостаточно изучена связь современнаго обычнаго права съ историческимъ складомъ правоотношеній, хотя отдѣльныя сопоставленія и указали на близкое сходство нѣкоторыхъ нормъ съ древнѣйшими правилами русской жизни, временъ Русской Правды, Грамотъ, Судебниковъ. Съ болѣе широкой точки зрѣнія изслѣдованы семейныя отношенія, особенно брачное право.

Содержаніе обычно-правовыхъ нормъ крестьянъ въ области гражданскаго права опредѣляется совокупностью многихъ внѣшнихъ и внутреннихъ факторовъ, которые не могутъ быть сведены къ одному неопредѣленному понятію «народной правды». Среди нихъ главную роль играютъ вліянія, подъ которыми складывается *строй крестьянскаго землевладѣнія*. Право владѣнія, основанное на трудѣ («трудовое начало»), является формой, приложимой лишь къ такому общественному состоянію, при которомъ нѣтъ столкновенія претендентовъ на обработку земли, по причинѣ ея обилія. Юридическія формы обладанія возникаютъ именно въ видахъ опредѣленія правъ претендентовъ по какому-либо признаку, напр. по началу пріоритета захвата. При распредѣленіи обладанія между лицами, обработавшими своимъ трудомъ опредѣленные участки, въ случаѣ ихъ столкновенія между собою изъ-за малоземелья, пришлось-бы или прибѣгнуть къ тому же началу, или создать особыя формы общаго обладанія, при которыхъ возможенъ былъ-бы для всѣхъ желающихъ доступъ къ обработкѣ и пользованію землей. Въ первомъ случаѣ получились-бы права, ничѣмъ не отличающіяся отъ современныхъ формъ индивидуальнаго обладанія. Что касается до формъ общаго обладанія, то теперь, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что представленія крестьянъ объ этихъ формахъ вовсе не такъ чисты и опредѣленны, какъ думаютъ защитники общиннаго землевладѣнія. Если оставить въ сторонѣ неопредѣленныя мечтанія о «черномъ передѣлѣ», когда вся земля будетъ раздѣлена по числу работниковъ, прилагающихъ къ ней свой трудъ, и будетъ передѣляться по мѣрѣ возрастанія народонаселенія, то мы не найдемъ въ крестьянскомъ «правовоззрѣніи» представленія о такой формѣ, гдѣ приложеніе труда къ землѣ совмѣщается съ общимъ обладаніемъ, обработкой и раздѣломъ продукта,— т. е. формѣ обладанія, соотвѣтствующей современному понятію «юридическаго лица». Оцѣнивая съ идеальной точки зрѣнія общинное землевладѣніе, изслѣдователи обыкновенно имѣютъ въ виду кажущуюся справедливость раздѣла земли и отдѣльныхъ подробностей его, выражающуюся въ точномъ равненіи качествъ земли, долей, кусковъ, клиньевъ и т. д. Но всѣ эти свойства раздѣла — результатъ опасенія каждаго домохозяина быть обдѣленнымъ и неспособности его возвыситься до дѣйствительно общаго обладанія, при которомъ заботятся больше о доходности земли и о справедливости *распредѣленія* продукта, а не о равенствѣ обладанія объектомъ. У крестьянъ часто устанавливается система строго разграниченнаго отъ сосѣдей и постороннихъ лицъ обладанія; волостной судъ установляетъ сервитутныя и сосѣдскія права, существующія и при порядкѣ частной собственности (право проѣзда, прогона скота къ водопою, пользованія водою изъ колодца, право рубки вѣтвей, спускающихся на сторону сосѣда, подтопъ), и допускаетъ рядъ договорныхъ сервитутовъ. Господство трудового начала и непризнаніе формъ обладанія, установляемыхъ оффиціальнымъ правомъ, видятъ иногда въ томъ, что крестьяне не признаютъ права частнаго обладанія на объекты, къ которымъ такъ или иначе не приложенъ трудъ обладателя, и которые, поэтому, считаются ничьими, «божьими» (наприм. лѣсъ, невоздѣланные луга и пастбища, воды); только объекты труда, добытые на божьихъ земляхъ, считаются неприкосновенною собственностью (стога скошеннаго сѣна, нарубленный лѣсъ, пойманная въ капканъ или силки дичь и т. д.). Но это воззрѣніе обусловлено съ одной стороны старыми привычками къ обширнымъ, пустымъ и никѣмъ не занятымъ землямъ, съ другой—крайней обдѣленностью крестьянъ въ настоящее время лѣсомъ, лугами и другими угодьями. Крестьянское обычное право, съ этой точки зрѣнія, ничѣмъ не отличается отъ права древнихъ и современныхъ некультурныхъ народовъ. *Крестьянская семья*—второй основной устой современнаго крестьянскаго быта—является продуктомъ бытового и нравственнаго крестьянскаго воззрѣнія на существо отношеній старшихъ къ младшимъ, отца и мужа—къ дѣтямъ и женѣ, а также внѣшнихъ вліяній, связанныхъ съ положеніемъ

Библиотека "Руниверс"

крестьянина, какъ платежной силы, стоящей въ личной и поземельной зависимости отъ общины и поставленной подъ властный контроль администраціи. Различаютъ три формы крестьянской семьи: *патріархальную большую семью*, съ отцомъ-патріархомъ во главѣ и съ подчиненными ему взрослыми, женатыми и неженатыми дѣтьми съ ихъ потомствомъ; *семью артельнаго типа*, составленную изъ нѣсколькихъ нераздѣлившихся послѣ смерти отца братьевъ, съ ихъ потомствомъ, или и изъ постороннихъ другъ другу лицъ (складниковъ или сябровъ—форма, извѣстная еще псковской судной грамотѣ), подъ главенствомъ старшаго или выборнаго большака-домохозяина; *малую семью*, состоящую изъ мужа, жены и дѣтей. Общими чертами всѣхъ трехъ типовъ признается крѣпкая личная власть домохозяина надъ подчиненными членами и обще-семейный характеръ имущества; въ этомъ видятъ уваженіе къ нравственному авторитету старшаго въ родѣ и справедливое, основанное на трудовомъ началѣ ограниченіе его безусловныхъ правъ въ имущественномъ отношеніи, создающее въ малой семьѣ и самостоятельность женщины. Существованіе трехъ формъ семьи указываетъ, однако, на то, что ея организація не можетъ быть объяснена только этими чертами «правовоззрѣнія». Сохраненіе большой семьи объясняется, прежде всего, строемъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, при которомъ большое количество рабочихъ рукъ, мужскихъ и женскихъ, обезпечиваетъ въ одно и тоже время и большій участокъ земли, и успѣшность его обработки, и возможность полученія постороннихъ доходовъ путемъ отхожихъ промысловъ нѣкоторыхъ членовъ семьи. Польза этой организаціи въ хозяйственномъ отношеніи, а слѣдовательно и для исправнаго отбыванія повинностей, настолько ясно сознается и крестьянами, и правительствомъ, что съ обѣихъ сторонъ употребляются всевозможныя мѣры къ охраненію большой семьи отъ распаденія. Волостные суды поддерживаютъ власть домохозяина, не допуская жалобъ на него со стороны подвластныхъ по поводу *личныхъ семейныхъ отношеній*. Если суды вмѣшиваются иногда въ отношенія мужа и жены, свекра и невѣстки, отца и дѣтей, то лишь по собственному усмотрѣнію или по указанію постороннихъ лицъ. Наказаніе, налагаемое на главу дома, сопровождается при этомъ обращеніемъ къ подвластнымъ съ увѣщаніемъ почитать старшихъ, а иногда и совмѣстнымъ ихъ съ отцомъ наказаніемъ. Крестьянское обычное право, какъ и законъ, не допускаютъ раздѣловъ семьи или выдѣла отдѣльныхъ членовъ безъ согласія главы семьи, если подати уплачиваются исправно; наоборотъ, оно допускаетъ принудительный выдѣлъ, если совмѣстная жизнь отца и дѣтей грозитъ упадкомъ хозяйства. Въ интересахъ хозяйственнаго благосостоянія судъ лишаетъ даже отца родительской власти, передавая «большину» въ семьѣ одному изъ сыновей, если отецъ разстраиваетъ хозяйство своимъ поведеніемъ. Но всѣ эти ограниченія дѣлаются въ интересахъ хозяйства и общины, а не въ интересахъ дѣтей, чѣмъ существенно отличаются крестьянскія ограниченія родительской власти отъ ограниченій ея въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Административно-хозяйственными мотивами, а не принципіальнымъ уваженіемъ къ трудовому началу и общей семейной собственности, объясняется и постоянное вмѣшательство «міра» и суда въ имущественныя распоряженія главы семьи, выражающееся въ запрещеніи произвольныхъ завѣщаній, чрезмѣрно неравныхъ раздѣловъ его между дѣтьми при жизни отца (самое же право дѣлить дѣтей по усмотрѣнію за отцомъ безусловно признается) и произвольнаго, неосмотрительнаго отчужденія его въ чужія руки. Каждый членъ семьи признается при этомъ имѣющимъ право на отцовскій имущественный надѣлъ, потому что онъ будущій полноправный членъ общины, имѣющій право на надѣлъ и *обязанный взять его* для отбыванія повинностей, которое невозможно безъ имущественнаго инвентаря. Этимъ же положеніемъ членовъ общины и цѣнностью рабочихъ рукъ объясняется въ значительной степени признаніе семейныхъ и имущественныхъ правъ за незаконнорожденными, пріемышами и усыновляемыми, не смотря на презрѣніе къ ихъ происхожденію, выражающееся въ позорящихъ прозвищахъ. По отношенію къ интересамъ подвластныхъ членовъ большая семья не даетъ никакихъ гарантій ни личныхъ, ни имущественныхъ. Въ личныхъ отношеніяхъ члены семьи безправны, въ имущественныхъ они зависимы отъ отца и домохозяина. Весь ихъ заработокъ земледѣльческій и отхожій идетъ въ семью и расходуется на общія нужды, независимо отъ числа членовъ семьи. Сынъ, добывающій на сторонѣ большія деньги и имѣющій мало дѣтей, живущихъ въ семьѣ, работаетъ, такимъ образомъ, на многосемейныхъ братьевъ, остающихся въ деревнѣ. При общемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ неравномѣрное участіе въ его тягостяхъ всѣхъ членовъ не такъ замѣтно, какъ при заработкахъ на сторонѣ. Отсюда, въ послѣднемъ случаѣ, стремленіе къ раздѣлу, въ современномъ быту тѣмъ болѣе частое, что отхожіе промыслы все болѣе и болѣе растутъ. Артельная семья, какъ основанная на добровольной, а не на принудительной связи, все болѣе и болѣе исчезаетъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ связанныхъ съ ея существованіемъ выгодъ. Малая семья, образовавшаяся послѣ раздѣла, теряетъ и тѣ выгоды большой, которыя связаны съ контролемъ надъ домохозяиномъ со стороны общины. За невозможностью передачи «большины» кому-либо изъ подвластныхъ, дѣти и жена остаются въ полной власти главы семьи; право его на распоряженіе имуществомъ является неограниченнымъ, такъ какъ ни подвластная жена, ни малолѣтнія дѣти не въ состояніи контролировать его дѣйствія. Передача хозяйства женѣ—рѣдкое исключеніе. *Наслѣдственное право* крестьянъ тѣсно связано съ организаціей только-что указанныхъ типовъ семьи. Большая крестьянская семья—крѣпостная хозяйственная единица, стоящая рядомъ съ другими подобными единицами, но не связанная съ ними никакими узами. Наслѣдниками являются, по-

Библиотека "Руниверс"

этому, члены семьи, т. е. прежде всего сыновья и другіе правоспособные члены семьи, имѣющіе сдѣлаться самостоятельными членами-плательщиками въ общинѣ. Доли сыновей и другихъ членовъ семьи часто опредѣляются предсмертными распоряженіями домохозяина, чѣмъ подчеркивается его преимущественное право на имущество, а не семейный характеръ послѣдняго. При отсутствіи раздѣла, совершеннаго отцомъ, сыновья и управомоченные члены семьи получаютъ равныя доли. Раздѣлъ идетъ «по отцамъ», т. е. къ наслѣдству призываются и получаютъ его лишь ближайшіе самостоятельные члены, главы семействъ, на которыя имѣетъ распасться большая семья, если не будетъ жить на артельномъ началѣ. Выдѣленные дѣти и члены семьи не наслѣдуютъ. При распаденіи артельной семьи за смертью ея большака наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ слова не происходитъ, а имущество дѣлится по наслѣдственнымъ отцовскимъ долямъ правоспособныхъ членовъ семьи, составлявшихъ общій хозяйственный союзъ. Здѣсь, поэтому, наслѣдуютъ и женщины, вдовы и дочери, если въ ихъ линіи и колѣнѣ нѣтъ мужчинъ; въ патріархальной-же семьѣ дочери наслѣдуютъ только тогда, когда по смерти отца не осталось наслѣдниковъ мужского пола, способныхъ вести хозяйство. На послѣднихъ, если они остались, лежитъ обязанность выдать дочерей замужъ и наградить по своей волѣ—постановленія, восходящія къ эпохѣ Русской Правды и знаменующія связь современнаго экономическаго быта крестьянъ съ древнимъ. Вслѣдствіе изолированности хозяйства семьи, перехода земли къ міру послѣ выморочности семьи и незначительности движимаго имущества, боковое наслѣдованіе наступаетъ лишь при отсутствіи не только сыновей и дочерей, но и жены, которая наслѣдуетъ въ малой семьѣ предпочтительно передъ боковыми родственниками; въ противномъ случаѣ, не имѣя другого обезпеченія, за уничтоженіемъ связи съ своею родною семьею, она осталась бы на попеченіи міра, на обязанности котораго лежитъ вообще забота о сиротахъ. И здѣсь, такимъ образомъ, дѣло идетъ объ интересахъ міра больше, чѣмъ объ имущественной самостоятельности женщины. *Обязательственныя отношенія* у крестьянъ, по причинѣ ограниченности ихъ гражданскаго оборота, не представляютъ разнообразія формъ. Купля - продажа, наемъ личный и имущественный, заемъ, ссуда, поклажа, довѣренность въ ихъ простѣйшихъ выраженіяхъ исчерпываютъ кругъ договорныхъ отношеній, общихъ оффиціальному и обычному праву, хотя въ послѣднемъ опредѣляются гораздо детальнѣе. Но рядомъ съ ними существуютъ и другія договорныя отношенія, отличающіяся, несомнѣнно, своеобразіемъ воззрѣній на силу и пространство договорнаго права. Признавая ненарушимыми только тѣ формы быта, которыя связаны съ положеніемъ владѣльцевъ общественной земли и плательщиковъ, обычное крестьянское право, подобно древнему, допускаетъ свободное дѣйствіе договора во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, хотя-бы имъ затрогивались основные институты гражданскаго быта. Г. Якушкинъ, напр., приводитъ слѣдующій договоръ: «Въ 1884 г. крестьянинъ К., Купянскаго у., заключилъ договоръ о бракѣ со вдовой солдаткой А. По смыслу этого договора, А. поступаетъ въ домъ крестьянина Б., какъ жена и хозяйка. Даже въ томъ случаѣ, если-бы вернулась ушедшая отъ К. его жена, хозяйкой въ домѣ и женой должна оставаться А. Договоръ этотъ заключенъ съ согласія отца К. и его двухъ родныхъ дядей, подписавшихся подъ договоромъ въ числѣ двухъ свидѣтелей. При заключеніи договора присутствовалъ сельскій староста, подписавшій его и приложившій свою печать». Свобода условій договора выражается и въ многочисленныхъ сдѣлкахъ усыновленія, принятія въ семью постороннихъ членовъ съ правами наслѣдованія, обязанностью прокорма стариковъ и т. д., а также въ недопускаемыхъ закономъ мировыхъ сдѣлкахъ по поводу проступковъ и преступленій, считающихся у крестьянъ, вопреки оффиціальному праву, частнымъ дѣломъ (что свидѣтельствуетъ о неразвитости представленій политическихъ и общественныхъ). Съ другой стороны, тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ имущественныхъ распоряженіяхъ, затрогивающихъ интересы семьи, а слѣд. и общины, судъ не признаетъ силы договоровъ, хотя-бы и правильно составленныхъ, входя въ повѣрку выгодности условій и противодѣйствуя безнравственному, хотя и легальному обогащенію одного контрагента на счетъ другого. Понятіе основанія обязательства у крестьянъ, такимъ образомъ, шире законнаго. Въ связи съ этимъ стоятъ взгляды крестьянъ на отвѣтственность за убытки, опредѣляемые по совѣсти и условіямъ крестьянской жизни на началахъ мировой сдѣлки (опять черта, аналогичная древнему праву), на разсрочку и отсрочку уплаты долговъ и т. д. Поскольку интересъ общины договоромъ не затрогивается, договоръ имѣетъ безусловную силу, и подлежитъ исполненію, а неисполненіе его ведетъ къ уплатѣ убытковъ и часто къ наказанію виновнаго розгами. Моментъ заключенія договора пріурочивается или къ реальному, полному или частичному исполненію съ одной стороны, или къ дачѣ задатка, или къ совершенію символическихъ дѣйствій (битье по рукамъ, передача изъ полы въ полу, литки и могарычи, замолитвованіе, передача знаковъ и т. д.). Положеніе договаривающихся сторонъ часто неравно; нѣкоторыя обязанности разсматриваются какъ актъ милости контрагента; въ личномъ наймѣ выступаетъ начало личнаго подчиненія. Очень распространены обязательства изъ неправомѣрныхъ дѣйствій, особенно касающихся имущества. Бѣдность заставляетъ дорожить каждой мелочью, а возможность получить вознагражденіе при наличности повода поощряетъ корысть. Отсюда затруднительность опредѣленія убытка, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ опредѣляется цѣною поврежденной вещи, и необходимость «судить по человѣку», рѣшать дѣло мировой, дѣлить «грѣхъ пополамъ». Къ числу обычныхъ договоровъ принадлежитъ у крестьянъ, несомнѣнно, и *бракъ* (часто формаль-

Библиотека "Руниверс"

ный контрактъ купли продажи), какъ это видно изъ уплаты убытковъ при неисполненіи соглашенія.

Уголовное право крестьянъ, поскольку оно существуетъ не смотря на существованіе закона, носитъ на себѣ слѣды грубости нравовъ, стоящей въ связи съ изолированностью крестьянъ отъ общественной и государственной жизни. Уголовное преступленіе—частное дѣло, касающееся лишь интересовъ потерпѣвшаго или его родныхъ, могущее окончиться примиреніемъ, наложеніемъ пени или вызывающее месть обиженныхъ: таково народное воззрѣніе на преступленіе. Мировая сдѣлка, уплата убытковъ и самоуправство являются, поэтому, послѣдствіемъ преступленія. Самоуправство, самосудъ и месть проявляются въ разнообразныхъ формахъ, но по отношенію къ нѣкоторымъ преступленіямъ выработаны опредѣленные виды наказаній. Воровъ и конокрадовъ жестоко бьютъ; за легкія преступленія и обиды полагается *папой* (выставка виноватымъ вина для распитія вмѣстѣ съ обиженнымъ и посредниками); въ большомъ ходу *посрамленіе,* соединяемое съ наказаніемъ розгами. Краденая вещь привязывается на шею вору, и онъ проводится по селенію передъ издѣвающеюся толпой; иногда воровъ, особенно женщинъ, раздѣваютъ до-нага, запрягаютъ въ телѣгу рядомъ съ лошадью или вмѣсто нея и употребляютъ другія издѣвательства.

Литература. Кавелинъ, рецензія на «Бытъ русскаго народа», Терещенки («Соч.», IV, М., 1859); Оршанскій, «Народный судъ и народное право» (въ «Изслѣд. по русскому праву обычному и брачному», СПб., 1879); Пахманъ, «Обычное гражданское право Россіи» (СПб., 1877, 2 т.); А. Ефименко, «Изслѣдованія народной жизни» (I, М., 1884); Мухинъ, «Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ» (СПб., 1888); Е. Якушкинъ, «Обычное право. Матеріалы для библіографіи» (2 вып., Ярославль, 1865 и 1896 гг.), гдѣ и остальная литература.

В. Нечаевъ.

D. Гражданское судопроизводство. Петръ Великій не былъ склоненъ отрѣшиться отъ выработавшагося въ московскую эпоху преобладанія въ частномъ правѣ элементовъ публичнаго свойства. Слѣдственное начало сначала было имъ даже усилено: указомъ 1716 г. во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ былъ введенъ розыскъ. Позже, однако, въ дѣятельности Петра замѣчается поворотъ въ противоположную сторону: указомъ 1723 г. вводится «судъ по формѣ», скорый, устраняющій господство письменности, состязательный по принципу. Но указъ этотъ былъ слишкомъ кратокъ и не могъ замѣнить собою всего исторически накопившагося матеріала судебной практики. Съ другой стороны, вводя два порядка, законодатель недостаточно ясно ихъ разграничилъ. Какъ слабо состязательное начало утверждалось въ практикѣ судовъ, видно изъ одного указа Анны Іоанновны, который свидѣтельствуетъ, что «не точію въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и въ самыхъ нижнихъ судахъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городахъ воеводы, и въ ратушахъ бурмистры, спорныя дѣла слушаютъ безъ истцовъ и отвѣтчиковъ, и во время того слушанія, въ тѣ палаты, гдѣ судьи присутствуютъ, ихъ не впускаютъ». Только ощупью дѣловая практика XVIII стол. добирается до различенія дѣлъ частныхъ и публичныхъ: первыя именуются «челобитчиковыми», вторыя—«народными», «интересными» (сопряженныя съ интересомъ казны), «криминальными». Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. письменное производство было удержано и даже усилилось, соотвѣтственно большему числу судебныхъ инстанцій и возрастанію вліянія канцелярій въ судахъ съ сословнымъ выборнымъ составомъ. Сводомъ Законовъ, кромѣ дѣленія взысканій на безспорныя и спорныя, установлены были 4 главныхъ и 18 особенныхъ порядковъ гражданскаго судопроизводства, да сверхъ того еще примирительное разбирательство и особыя изъятія для разныхъ губерній Россіи и Сибири. Сохранилась въ Сводѣ и примѣсь слѣдственнаго начала; такъ, напр., судебныя мѣста обязаны были, не довольствуясь доказательствами, приведенными истцомъ и отвѣтчикомъ, разъяснять дѣло всѣми потребными обязательствами, собирать справки, требовать свѣдѣній изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ и т. д. Многія дѣла, соединенныя съ общественнымъ интересомъ, переходили на ревизію изъ низшихъ инстанцій въ высшія безъ жалобы сторонъ. Бывали случаи, что и самое дѣло заводилось въ судѣ безъ исковой просьбы, а вслѣдствіе того только, что полиція, пріостановивъ взысканіе вслѣдствіе возбужденнаго противъ него спора, препровождала дѣло въ надлежащій судъ. Основаніемъ для рѣшенія служила «докладная записка изъ дѣла», составленная въ канцеляріи. Въ судопроизводствѣ, не смотря на допущеніе рукоприкладства, господствовала тайна, что, въ связи съ рѣшительнымъ преобладаніемъ канцелярій, собираніемъ справокъ и пересылкою дѣла на ревизію или пересмотръ по жалобамъ черезъ длинный рядъ инстанцій, приводило къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ, безконечной волокитѣ и сутяжничеству. Тщетно боролся съ этимъ законодатель, устанавливая штрафы за неправые иски и апелляціи и опредѣляя особыхъ стряпчихъ казенныхъ дѣлъ, обязанныхъ наблюдать за скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ, соединенныхъ съ государственнымъ интересомъ: медленность составляли естественное послѣдствіе всего строя нашего дореформеннаго процесса. Судебною реформою 1864 г. въ основаніе гражданскаго судопроизводства положены начала устности, гласности, состязательности, болѣе свободной оцѣнки доказательствъ судомъ и разрѣшенія дѣлъ, на основаніи закона, согласно внутреннему убѣжденію судей. Судебные сроки сокращены; вмѣсто прежнихъ разнообразныхъ формъ процесса установлены болѣе общія и естественныя дѣленія порядковъ судопроизводства. Все это, въ связи съ главными началами судоустройства —ограниченнымъ числомъ инстанцій, выдѣленіемъ дѣлъ маловажныхъ въ вѣдомство мировой юстиціи, отдѣленіемъ судебной власти отъ законодательной и административной, независимымъ и почетнымъ положеніемъ судей и присяжной адвокатуры, сосредоточеніемъ над-

Библиотека "Руниверс"

зора за правильнымъ теченіемъ судебныхъ дѣлъ въ самихъ же судебныхъ мѣстахъ—вдохнуло совершенно новую жизнь въ дѣло гражданской юстиціи. Вслѣдъ за уставомъ гражданскаго судопроизводства издано было нотаріальное положеніе, задачей котораго было предотвращеніе тяжбъ путемъ упорядоченія самого совершенія гражданскихъ сдѣлокъ. Частью въ дополненіе, частью въ измѣненіе устава гражданскаго судопроизводства изданъ рядъ узаконеній, которыя и вошли въ составъ (или приложенія) устава по изд. 1892 г. (Св. Зак. т. XVI ч. I; продолж. 1893 г.). Сюда относятся: положеніе объ охранительномъ судопроизводствѣ 14 апр. 1866 г., которое впослѣдствіи восполнено было закономъ 12 марта 1891 г. о порядкѣ узаконенія дѣтей и объ усыновленіи; законъ 16 янв. 1868 г. о судебно-межевомъ разбирательствѣ; законъ 1 іюля 1868 г., установившій кассаціонные залоги; законъ 1 іюля 1868 г. о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности и примыкающій къ нему законъ 7 марта 1879 г., ограничившій личное задержаніе, какъ способъ взысканія долговъ, самыми тѣсными предѣлами; законъ 10 мая 1877 г., введшій судебныя пошлины въ сферу мировой юстиціи, которая Судебными Уставами предполагалась безвозмездною; законъ 9 іюля 1889 г., введшій у насъ институтъ обезпеченія доказательствъ; законъ 12 іюня 1890 г., допустившій какъ разсмотрѣніе дѣлъ въ отсутствіи истца, такъ и предварительное исполненіе заочныхъ рѣшеній; законъ 3 іюня 1891 г., введшій упрощенный порядокъ судопроизводства и нѣкоторыя существенныя измѣненія въ сокращенное судопроизводство; законъ 8 іюня 1893 г., ограждающій, на время кассаціоннаго производства, имущественные интересы лицъ, противъ которыхъ постановлено рѣшеніе и др. При распространеніи судебныхъ уставовъ на окраины допущены были изъятія изъ общихъ правилъ гражд. судопроизводства, вызванныя или мѣстными условіями (распространеніе компетенціи мировой юстиціи на иски цѣною до 2000 руб., со включеніемъ и исковъ о недвижимостяхъ, передача кассаціонныхъ функцій по дѣламъ мировой юстиціи второй инстанціи общихъ судебныхъ мѣстъ—при введеніи Судебныхъ Уставовъ въ Закавказьѣ въ 1866 г. и въ Сибири и сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ въ 1894 — 96 гг.), или же необходимостью согласовать процессуальныя правила съ мѣстнымъ матеріальнымъ правомъ (при введеніи Судебныхъ Уставовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ 1875 г., и въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, въ 1889 г.). Кореннымъ образомъ измѣнилось судопроизводство по маловажнымъ дѣламъ съ замѣною въ 1889 г. въ большинствѣ губерній Европейской Россіи мировыхъ судей земскими начальниками и городскими судьями. Изъ вѣдѣнія судовъ изъяты такія имущественныя требованія присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, въ основаніи которыхъ лежатъ отношенія публичнаго права, напр. требованія податей, налоговъ, штрафовъ, вычеты изъ жалованья и т. п. Требованія частныхъ лицъ къ государству не подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ, когда ихъ предметомъ служитъ какое-либо не прекратившееся еще отношеніе публичнаго свойства (напр. требованіе о возвратѣ излишне взысканной подати). Имущественныя требованія частныхъ лицъ къ казнѣ, имѣющія въ своемъ основаніи отношенія частнаго свойства, всегда подлежатъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, при чемъ, однако, во избѣжаніе столкновенія властей, истцамъ, основывающимъ свои требованія на договорахъ подряда, поставки и содержанія оброчныхъ статей, предоставляется избрать или путь судебной защиты, или же обращеніе съ жалобою по начальству; одинъ изъ этихъ путей исключаетъ другой. Наконецъ, вѣдѣнію судебной власти не подлежатъ такія дѣла, которыя хотя и представляютъ собою споръ о правѣ гражданскомъ, но разрѣшеніе которыхъ предоставлено духовной власти (дѣла о расторженіи браковъ). Всецѣло основанный на началѣ состязательности, уставъ гражд. судопроизводства безусловно запрещаетъ суду самому собирать доказательства или справки. Свои рѣшенія судъ основываетъ исключительно на доказательствахъ, представленныхъ сторонами; но если онъ найдетъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ сторонами обстоятельствъ, существенныхъ для разрѣшенія дѣла, недостаточно выяснены, то объявляетъ объ этомъ тяжущимся и назначаетъ срокъ для представленія соотвѣтствующихъ разъясненій и доказательствъ. Вообще судъ, не возбуждая самъ новыхъ требованій, не выдвигая возраженій фактическаго свойства, управляетъ ходомъ процесса, производитъ разныя дѣйствія, направленныя къ пособію тяжущимся въ представленіи доказательствъ (вызовъ свидѣтелей, содѣйствіе полученію документовъ изъ присутственныхъ мѣстъ и т. п.), принимаетъ охранительныя мѣры (обезпеченіе иска), руководитъ ходомъ состязанія, направляя его къ разъясненію дѣла. Съ устраненіемъ слѣдственнаго начала, отпало и активное участіе прокурорской власти въ гражданскомъ процессѣ; только по нѣкоторымъ дѣламъ, сопряженнымъ съ общественнымъ и государственнымъ интересомъ, судъ выслушиваетъ заключеніе прокурора. Нѣсколько болѣе активное участіе принадлежитъ прокурору въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ интересомъ казенныхъ управленій, но и здѣсь оно не идетъ далѣе права подавать просьбы объ отмѣнѣ судебныхъ рѣшеній. Законъ 1891 г. объ узаконеніи дѣтей и объ усыновленіи предоставилъ прокурору право подавать частныя жалобы на опредѣленія по этому предмету окружныхъ судовъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ—именно по дѣламъ брачнымъ, въ которыхъ нѣтъ отвѣтчика, прокуроръ всецѣло вступаетъ въ роль стороны. Въ кассаціонныхъ департаментахъ сената заключеніе оберъ-прокуратуры обязательно выслушивается по всѣмъ дѣламъ, но здѣсь она выступаетъ въ роли хранителя законовъ, а не защитника тѣхъ или другихъ интересовъ.—Предоставивъ суду рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію и по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, уставъ гражд. судопр. въ ст. 9 указываетъ, что въ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія въ законахъ рѣшеніе должно быть основано на общемъ смыслѣ законовъ. Этимъ положенъ конецъ практиковавшемуся въ дореформенныхъ судахъ обычаю «требовать указа на указъ». Обыкновенный порядокъ производства дѣла въ окружномъ судѣ, съ обмѣномъ состязательныхъ бумагъ между сторонами (исковое прошеніе, отвѣтъ, возраженіе и опроверженіе), отличается нѣкоторою медленностью и разсчитанъ на то, чтобы стороны и судъ имѣли достаточно времени для основательной подготовки къ процессуальнымъ дѣйствіямъ. На практикѣ многосложныя дѣла, требующія такой подготовки, встрѣчаются рѣдко; поэтому установлены два суммарныхъ порядка процесса: сокращенное судопроизводство и упрощенное судопроизводство. Въ порядкѣ *сокращеннаго* судопроизводства (см.) могутъ производиться всѣ дѣла, если тяжущіеся на это согласятся и судъ съ своей стороны не встрѣтитъ къ тому препятствій. Нѣкоторыя дѣла, особенно объ исполненіи договоровъ и обязательствъ, обязательно производятся сокращеннымъ порядкомъ. Въ порядкѣ *упрощеннаго* судопроизводства (см.) дѣла разрѣшаются единолично однимъ изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго собранія суда, или уѣзднымъ членомъ окружнаго суда. Упрощенный порядокъ примѣняется, по особой просьбѣ истца, лишь къ искамъ о платежѣ денегъ по письменнымъ обязательствамъ и по договорамъ о наймѣ недвижимаго имущества, а равно къ искамъ о сдачѣ, за истеченіемъ договорнаго срока, состоявшаго въ наймѣ имущества. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (иски о возвратѣ доходовъ, о вознагражденіи за убытки и судебныя издержки, о представленіи отчетности) судъ можетъ ограничиться рѣшеніемъ вопроса о правѣ на искъ, и тогда опредѣленіе количества взысканія производится отдѣльно, путемъ такъ назыв. *исполнительнаго производства* (XIII, 452). Особые порядки гражданскаго судопроизводства (XXII, 297) установлены: 1) для дѣлъ казеннаго управленія, 2) для исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ, 3) для дѣлъ брачныхъ (о личныхъ и по имуществу и правахъ супруговъ) и о законности рожденія, 4) для примирительнаго разбирательства, т. е. для окончанія процесса мировою сдѣлкою и разрѣшенія споровъ третейскимъ судомъ. Вопросы процессуальнаго характера, возбуждаемые сторонами въ теченіе процесса, являются предметамъ *частныхъ производствъ* (см.), отдѣльныхъ отъ разсмотрѣнія существа иска. Сюда относятся отводы, просьбы объ обезпеченіи иска, о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу, о вступленіи третьяго лица въ дѣло, устраненіе судей и прокуроровъ, пріостановленіе, возобновленіе и уничтоженіе судебнаго производства. Наряду съ формами искового судопроизводства существуетъ еще въ окружныхъ судахъ охранительное судопроизводство дѣла о раздѣлѣ наслѣдства, о вводѣ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ, о выкупѣ родовыхъ имуществъ, объ удостовѣреніи въ безвѣстномъ отсутствіи, объ узаконеніи дѣтей и объ усыновленіи). На всякое рѣшеніе окружнаго суда по существу дѣла (кромѣ рѣшеній, постановленныхъ въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства) тяжущіеся имѣютъ право приносить апелляціонную жалобу. Отъ апелляціонныхъ жалобъ отличаются *частныя* (см.), допускаемыя отдѣльно отъ апелляціи лишь въ случаяхъ положительно указанныхъ закономъ. На всѣ рѣшенія судебной палаты допускаются кассаціонныя жалобы. Рѣшенія окружныхъ судовъ вступаютъ въ силу по истеченіи срока на подачу апелляціонной жалобы, но въ извѣстныхъ случаяхъ допускается предварительное ихъ исполненіе. Рѣшенія судебныхъ палатъ считаются окончательными, но, по просьбѣ отвѣтчика, могутъ быть приняты мѣры для обезпеченія его интересовъ впредь до разрѣшенія кассаціонной жалобы. Рѣшенія, вступившія въ законную силу, могутъ быть отмѣнены, помимо кассаціи, еще вслѣдствіе просьбъ о пересмотрѣ рѣшеній и вслѣдствіе просьбъ не участвовавшихъ въ дѣлѣ третьихъ лицъ (см. Возобновленіе судебныхъ дѣлъ). Для приведенія рѣшенія въ исполненіе (а также для обезпеченія иска, ввода во владѣніе) выдается судомъ исполнительный листъ (см. Исполненіе рѣшенія).

Порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ вообще представляетъ собою суммарный порядокъ судопроизводства. Искъ можетъ быть заявленъ словесно. Производство дѣла чисто словесное, письменная подготовка не требуется, веденіе протоколовъ для мирового судьи не обязательно. Къ постановленію рѣшенія мировой судья приступаетъ лишь въ случаѣ неуспѣха попытокъ склонить стороны къ прекращенію дѣла миромъ. Рѣшенія мировыхъ судей на сумму не свыше 30 руб. считаются окончательными и могутъ быть обжалованы лишь въ кассаціонномъ порядкѣ; на прочія рѣшенія мировыхъ судей допускается апелляціонная жалоба въ съѣздъ мировыхъ судей. Рѣшенія мировыхъ учрежденій могутъ быть приведены въ исполненіе не только судебными приставами, состоящими при мировыхъ съѣздахъ, но и полицейскими чинами, и волостными и сельскими властями. Мировой судья можетъ разсрочить уплату присужденной суммы на опредѣленные сроки, сообразно платежеспособности должника. Въ области охранительнаго судопроизводства спеціально на мировыхъ судей возложено принятіе мѣръ по вызову наслѣдниковъ умершаго и по охраненію его имущества. Правила производства дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей представляютъ слѣдующія главнѣйшія отличія отъ правилъ, примѣняемыхъ мировыми судьями: подтвержденіе свидѣтельскихъ показаній присягою допускается только въ случаяхъ болѣе важныхъ, и то по усмотрѣнію земскаго начальника или городского судьи; по многимъ дѣламъ подсудность сокращена до 300 руб.; кассаціонное производство передано губернскимъ присутствіямъ, которымъ по отношенію къ поводамъ кассаціи предоставлена широкая дискреціонная власть (см. Земскіе начальники, XII, 510). *Ф. Я.*

Библиотека "Руниверс"

Е. Торговое право и судопроизводство. Въ до-Петровской Руси не было условій для различенія элементовъ торговаго и гражданскаго права. Торговыя сношенія не были развиты; торговля, какъ посредничество между производителями и потребителями, мало отличалась отъ простой продажи продуктовъ производства. Не было и торговаго сословія, которое могло-бы путемъ обычая вырабатывать нормы для регулированія отношеній, ему одному свойственныхъ; торговля была одною изъ формъ службы государству. Нѣкоторыя нормы, созданныя торговымъ оборотомъ (напр. слѣды конкурснаго процесса), нашли себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ и проникли въ Уложеніе 1649 г., но онѣ имѣли характеръ общегражданскій, примѣнялись ко всѣмъ классамъ населенія, а не къ однимъ только торговымъ людямъ. Новоторговый уставъ 1667 г. содержитъ въ себѣ лишь постановленія полицейскія и финансовыя. Не было почвы для выдѣленія торговаго права изъ обще-гражданскаго и въ XVIII стол. Стремленія Петра Вел. организовать торговый классъ на началахъ автономіи встрѣчали отпоръ со стороны самого этого класса. Въ то же время, настаивая на самоуправленіи купечества, предоставляя ему право собственнаго суда, законодатель обязывалъ послѣдній руководиться уложеніями, указами, уставами и другими нормами общаго права и отрицалъ силу обычая. Эта законодательная политика, проходящая черезъ всѣ реформы XVIII в., преграждала путь къ возникновенію и развитію торговыхъ обычаевъ, игравшихъ такую значительную роль въ исторіи торговаго права Западной Европы. При такихъ условіяхъ ни русская жизнь, ни судебная практика не выработали матеріала для торговаго уложенія; проектъ такого уложенія, составленный въ 1814 г., отличался неполнотою и представлялъ собою сколокъ съ французскаго Code de commerce. Сперанскій, приступая къ составленію Свода Законовъ, призналъ, что гражданскіе законы должны обнимать собою и все то, что въ иностранныхъ законодательствахъ составляетъ предметъ торговаго уложенія. Если, тѣмъ не менѣе въ составъ Свода (т. XI) были включены особые «Учрежденія и уставы торговые», то это объясняется тѣмъ, что уставъ торговый, являясь, по мысли Сперанскаго, однимъ изъ уставовъ государственнаго благоустройства, вмѣстѣ съ тѣмъ отнесенъ къ особеннымъ законамъ объ имуществахъ. Это—сводъ постановленій преимущественно торгово-публичнаго права («государственной экономіи»), въ который постановленія торгово-частнаго права включены, между прочимъ, въ виду сословнаго характера обязательствъ и договоровъ «торговлѣ свойственныхъ», который рѣшительно преобладалъ въ первоначальной редакціи устава торговаго и могъ въ свою очередь препятствовать включенію торгово-частныхъ законовъ въ «общіе законы объ имуществахъ». Въ изданіи 1887 г. уставъ торговый подвергнутъ былъ существенной переработкѣ. Изъ него выдѣлены были въ самостоятельные уставы постановленія о векселяхъ, правила судопроизводства торговаго и постановленія о консульствахъ. Это не только сократило число статей устава торговаго почти на двѣ трети, но повліяло и на внутреннее его содержаніе. Во-первыхъ, уставъ пересталъ быть сословно-купеческимъ закономъ: право на торговлю не есть болѣе право купеческаго сословія, какъ одно изъ его правъ состоянія, а принадлежитъ всѣмъ и каждому. Во-вторыхъ, уставъ отрѣшенъ отъ формальной связи съ особенностями производства въ коммерческихъ судахъ; не только торговые законы, но и торговые обычаи получаютъ теперь примѣненіе во всѣхъ судахъ, а не въ однихъ лишь судахъ коммерческихъ. Тѣмъ не менѣе уставъ торговый, въ изд. 1887 и 1893 г., крайне бѣденъ юридическимъ содержаніемъ; его постановленія большею частью устарѣли, и между ними полицейскія преобладаютъ надъ частно-правовыми. Въ своей новой редакціи уставъ торговый раздѣляется на три книги. Въ первой книгѣ два раздѣла, изъ которыхъ первый трактуетъ о наймѣ приказчиковъ и о торговыхъ порученіяхъ, а второй — о торговыхъ товариществахъ. Постановленія перваго раздѣла заимствованы изъ таможеннаго устава 1755 г., цехового устава 1799 г. и Положенія о пошлинахъ за право торговли 1865 г., при чемъ редакція 1887 г. ввела нѣкоторыя обобщенія. Постановленія о товариществахъ основаны на манифестѣ 1 янв. 1807 г., а также на положеніи 6 дек. 1836 г. объ акціонерныхъ компаніяхъ, но послѣднее положеніе введено въ составъ обще-гражданскихъ законовъ, а не торговыхъ. Книга II устава торговаго содержитъ русское морское право; это — одна изъ наиболѣе разработанныхъ частей нашего торговаго права, но, основываясь, главнымъ образомъ, на уставѣ о купеческомъ водоходствѣ 1781 г., она представляетъ морское дѣло такъ, какъ оно было организовано сто лѣтъ тому назадъ; многія постановленія ея — техническаго и полицейскаго содержанія и никакого отношенія къ частному морскому праву не имѣютъ. Книга III въ четырехъ раздѣлахъ трактуетъ: о биржахъ и ярмаркахъ, о купеческихъ и маклерскихъ книгахъ, о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ и о товарныхъ складахъ, учрежденіе которыхъ издано въ 1888 г. Такимъ образомъ юридическое содержаніе нашего торговаго устава сводится къ устарѣвшимъ постановленіямъ морского права съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ опредѣленій объ отношеніяхъ между хозяиномъ и приказчикомъ, о товариществахъ, о торговыхъ книгахъ, да о товарныхъ складахъ съ выдачею складочныхъ свидѣтельствъ (см. Варрантъ, V, 540). Совершенно отсутствуютъ въ нашемъ торговомъ уставѣ постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ, составляющія существеннѣйшую часть западно-европейскихъ торговыхъ уложеній. Для восполненія этого пробѣла приходится обращаться къ обще-гражданскимъ законамъ, преимущественно къ той части т. X ч. 1, которая трактуетъ объ обязательствахъ; но постановленія ея совершенно не приспособлены къ особенностямъ торговаго оборота. Съ другой стороны, въ т. X ч. I имѣются нѣкоторыя постановленія, спеціально относящіяся къ области торговаго права; таково, напр., прило-

Библиотека "Руниверс"

женіе къ ст. 1238 объ открытіи и принятіи наслѣдства послѣ лицъ, производившихъ торговлю. Въ другихъ частяхъ Св. Зак. также имѣются постановленія, относящіяся до торговаго права. Въ уставъ о промышленности (Св. Зак. т. XI ч. 2) вошли законоположенія о товарныхъ знакахъ и о привилегіяхъ на открытія и изобрѣтенія; положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ 8 іюня 1898 г. даетъ матеріалъ для выясненія понятія торговаго предпріятія по нашему законодательству. Въ случаѣ недостатка законовъ, права и обязанности, проистекающія изъ сдѣлокъ и отношеній, торговлѣ свойственныхъ, опредѣляются принятыми въ торговлѣ обычаями (ст. 2 Уст. Торг. и ст. 352 Уст. судопр. торг.); но они мало извѣстны судебной практикѣ. Еще въ мартѣ 1882 г. сенатору Н. А. Туру Высочайше поручено было составить проектъ торговаго уложенія, но въ 1884 г. редакціонная коммиссія по составленію гражданскаго уложенія рѣшила включить матеріалъ торговаго права въ гражданское уложеніе. Еще ранѣе возбужденъ былъ вопросъ объ изданіи новаго устава о векселяхъ (V, 737), который съ распространеніемъ въ 1863 г. векселеспособности на всѣхъ лицъ, могущихъ вступать въ долговыя обязательства, также утратилъ сословный свой характеръ. Съ повсемѣстнымъ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ совершенно отпалъ опредѣленный уставомъ о векселяхъ безспорный порядокъ взысканія по векселямъ черезъ полицію. Въ коммерческихъ судахъ дѣла о взысканіи по векселямъ (на сумму свыше 500 руб.) разсматриваются единолично членомъ суда, по назначенію предсѣдателя, на основаніи правилъ упрощеннаго судопроизводства и устава гражд. судопроизводства, изъ которыхъ для коммерческихъ судовъ сдѣлано только одно изъятіе: частная жалоба на постановленіе объ отмѣнѣ принятой мѣры обезпеченія останавливаетъ исполненіе этого постановленія. Въ случаѣ обращенія векснльнаго дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ коммерческіе суды руководствуются правилами торговаго судопроизводства. Въ губерніяхъ Царства Польскаго дѣйствуетъ французскій Code de Commerce.

Уставъ торговаго судопроизводства въ сущности распадается на два устава: 1) учрежденіе коммерческихъ судовъ и правила судопроизводства въ нихъ и 2) правила о производствѣ дѣлъ о торговой несостоятельности. Коммерческіе суды, впервые появившіеся въ Р. въ началѣ текущаго столѣтія (если не считать торговыхъ словесныхъ судовъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ городскихъ поселеніяхъ до 1888 г.), въ настоящее время существуютъ въ столицахъ, въ Одессѣ, Таганрогѣ, Керчи, Кишиневѣ и Архангельскѣ. Лица, входящія въ ихъ составъ, частью назначаются Высоч. властью изъ кандидатовъ, выбранныхъ купечествомъ, частью непосредственно избираются купечествомъ, частью опредѣляются министромъ юстиціи. Апелляціонною инстанціей для коммерческихъ судовъ служитъ судебный департаментъ правительствующаго сената. Кругъ вѣдомства коммерческихъ судовъ простирается только на тотъ городъ и уѣздъ, для котораго они учреждены; въ прочихъ мѣстностяхъ торговыя дѣла разсматриваются общегражданскими судами, на основаніи устава гражданскаго судопроизводства или правилъ о производствѣ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. Въ коммерческихъ судахъ существуютъ два порядка судопроизводства: словесная расправа и письменное производство. Первая составляетъ общее правило, второе является исключеніемъ, допускаемымъ только особымъ опредѣленіемъ суда, по собственному его усмотрѣнію или по просьбѣ одной изъ сторонъ. При словесной расправѣ всѣ устныя объясненія сторонъ записываются въ протоколъ или излагаются сторонами въ особыхъ запискахъ, прочитываются въ засѣданіяхъ суда и прилагаются къ протоколу. Каждая сторона имѣетъ право представлять такія записки для приложенія къ протоколу, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ судъ можетъ требовать ихъ, вмѣсто записи словесныхъ объясненій заключающихся въ протоколѣ. Письменное производство сопряжено съ обмѣномъ состязательныхъ бумагъ между сторонами (не болѣе двухъ съ каждой стороны). Бумаги докладываются суду; присутствіе сторонъ при этомъ не требуется, но если онѣ объ находятся на лицо, то допускаются къ словеснымъ объясненіямъ, которыя, впрочемъ, не могутъ содержать новыхъ доказательствъ или опроверженій, въ бумагахъ не означенныхъ. По окончаніи письменнаго состязанія въ канцеляріи суда составляется докладная записка, которая сообщается сторонамъ для прочтенія и рукоприкладства и служитъ основаніемъ для рѣшенія дѣла. Впрочемъ, на практикѣ письменное производство почти совершенно вытѣснено нынѣ словесною расправою, которая отличается отъ перваго и тѣмъ, что при ней исковыя пошлины не взыскиваются. Въ основѣ производства въ коммерческихъ судахъ положены вообще начала устности, гласности и состязательности, но въ немъ сохранились характерные слѣды дореформеннаго процесса, напр. штрафы за неправые иски и апелляціи, залогъ правой апелляціи, широкое примѣненіе присяги (см. Коммерческіе суды, XV, 860).

Правила о производствѣ дѣлъ о торговой несостоятельности, обнимая все наше конкурсное право (за исключеніемъ лишь правилъ 22 мая 1884 г. о ликвидаціи дѣлъ частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита, вошедшихъ въ составъ устава кредитнаго), трактуютъ какъ о конкурсахъ, такъ и объ администраціяхъ по дѣламъ торговымъ (см. Конкурсъ, XVI, 3) и примѣняются не только коммерческими судами, но, съ извѣстными измѣненіями, и общими судебными мѣстами. Проектъ новаго устава о несостоятельности, составленный сенаторомъ Н. А. Туромъ, былъ въ 1889 г. препровожденъ на заключеніе судебныхъ учрежденій, совѣщательныхъ по части торговли и промышленности установленій, университетовъ и состоящихъ при нихъ юридическихъ обществъ. Новая редакція проекта, исправленнаго на основаніи поступившихъ отзывовъ, напечатана въ 1896 г. *А. Яновскій.*

Библиотека "Руниверс"

F. **Русское уголовное право и судопроизводство въ XVIII и XIX вв,** 1) *Историческій очеркъ уголовнаго законодательства.* Первоисточникомъ дѣйствующаго уголовнаго законодательства является Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Ко времени вступленія на престолъ Петра Великаго Уложеніе 1649 г. значительно устарѣло. Еще въ 1695 г. приказамъ было поручено составить проектъ дополнительныхъ статей къ Уложенію и новоуказнымъ статьямъ, а въ 1700 г. была образована «Палата объ Уложеніи», которая черезъ два года составила проектъ «Новоуложенной книги», не получившій, однако, утвержденія. Въ 1714 г. съ тою же цѣлью была учреждена коммиссія при сенатѣ. Работы ея продолжали канцелярія земскихъ дѣлъ и помѣстный приказъ. Къ 1718 г. было составлено 10 главъ Своднаго уложенія, но окончено оно не было, такъ какъ коллегіямъ было поручено «учинить сводъ россійскихъ законовъ со шведскими», а въ 1720 г. для этого была учреждена новая коммиссія, работавшая до самой смерти Петра Великаго. 30 марта 1716 г. былъ изданъ для сухопутной арміи Воинскій Уставъ, въ составѣ котораго къ уголовнымъ законамъ относились патентъ о поединкахъ, артикулъ воинскій и краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжбъ. Въ основу Воинскаго Артикула былъ положенъ шведскій артикулъ Густава Адольфа, въ позднѣйшей его обработкѣ при Карлѣ XI, съ многочисленными измѣненіями и дополненіями по лучшимъ европейскимъ военнымъ законодательствамъ того времени. Въ 1720 г. для флота былъ изданъ Морской Уставъ, постановленія котораго, относившіяся къ уголовному законодательству, въ существенныхъ чертахъ были аналогичны съ постановленіями Артикула воинскаго. Такъ какъ Воинскій Артикулъ былъ полнѣе и современнѣе Уложенія 1649 г., то указомъ 10 апрѣля 1716 г. было повелѣно примѣнять его не только военнымъ, но и общимъ судамъ, при чемъ Воинскій Артикулъ не отмѣнялъ собою Уложенія 1649 г., а долженъ былъ служить дополненіемъ къ нему. При преемникахъ Петра Великаго продолжались попытки кодификаціи и пересмотра уголовныхъ законовъ, при чемъ предполагалось то согласовать Уложеніе 1649 г. съ позднѣйшими узаконеніями, то составить новое Уложеніе. При имп. Елизаветѣ въ 1741 г. изъ нѣсколькихъ сенаторовъ была составлена коммиссія для пересмотра указовъ и составленія реестра тѣмъ изъ нихъ, которые должны быть отмѣнены какъ «съ состояніемъ настоящаго времени несходные и пользѣ государственной противные». Работы этой коммиссіи не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ 1754 г. при сенатѣ была учреждена новая коммиссія, съ участіемъ депутатовъ отъ городовъ и провинцій; она составила планъ новаго Уложенія, утвержденный сенатомъ, а затѣмъ и проектъ первыхъ двухъ частей Уложенія — судной и криминальной. Онъ не былъ утвержденъ императрицей, повидимому, потому, что составители проекта не только не смягчили суровость карательной системы, но даже усилили примѣненіе смертной казни. Манифестомъ 14 декабря 1766 г. имп. Екатерина II призвала всѣ сословія Имперіи, кромѣ духовенства, къ составленію новаго Уложенія по всѣмъ частямъ законодательства, при чемъ въ руководство коммиссіи былъ данъ написанный императрицею «Наказъ» (см.), проникнутый гуманными воззрѣніями на уголовное право. Хотя коммиссія депутатовъ не выполнила возложеннаго на нее дѣла, но идеи «Наказа» отразились отчасти на позднѣйшихъ мѣропріятіяхъ. При Александрѣ I, въ 1810 г. составленіе проекта уголовнаго уложенія было поручено бывшему профессору въ Галле, Якобу, который въ 1812 г. окончилъ свой проектъ, представлявшій передѣлку баварскаго уголовнаго уложенія. Въ 1813—14 г. новый проектъ уголовнаго уложенія, разработанный коммиссіей составленія законовъ, былъ разсмотрѣнъ департаментомъ законовъ госуд. совѣта, но на разсмотрѣніе общаго собранія государственнаго совѣта былъ внесенъ только въ 1824 г. и, за смертью имп. Александра I, утвержденъ не былъ. XV-й т. составленнаго при имп. Николаѣ I Свода Законовъ былъ посвященъ спеціально законамъ уголовнымъ, матеріальнымъ и формальнымъ, но многія уголовныя постановленія были разбросаны и въ другихъ томахъ, преимущественно въ XI-мъ и XIV-мъ. Матеріальные уголовные законы, вошедшіе въ составъ XV тома, представляли весьма существенные недостатки: не было установлено лѣстницы наказаній, не были опредѣлены свойства отдѣльныхъ наказаній, въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ была даже сохранена неопредѣленная санкція (напр. наказать яко ослушника законовъ). Въ виду этого 29 декабря 1836 г. было повелѣно приступить къ систематическому пересмотру уголовныхъ законовъ подъ руководствомъ министра юстиціи и гр. Сперанскаго, а за смертью этихъ лицъ завѣдываніе работами было возложено на главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Вел. канцеляріи, гр. Блудова. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 15 августа 1845 г. получило Высочайшее утвержденіе и при новомъ изданіи Свода Законовъ, въ 1857 г., было введено въ XV томъ Свода, какъ 1-я его книга. Почти одновременно съ составленіемъ проекта уложенія о наказаніяхъ начались подготовительныя работы по пересмотру формальныхъ уголовныхъ законовъ: въ 1843 г. гр. Блудовъ затребовалъ отъ чиновъ судебнаго вѣдомства замѣчаній о доказанныхъ практикой недостаткахъ дѣйствовавшаго порядка, въ 1850 г. учрежденъ при II отдѣленіи комитетъ для составленія проекта устава уголовнаго судопроизводства. Съ 1857 по сентябрь 1861 г. гр. Блудовымъ были внесены въ госуд. совѣтъ 4 проекта по уголовному судопроизводству; но болѣе коренной характеръ реформы былъ предрѣшенъ «Основными положеніями преобразованія по судебной части», Высочайше утвержденными 29 сентября 1862 г., и новый уставъ уголовнаго судопроизводства, вмѣстѣ съ другими судебными уставами, былъ обнародованъ 20 ноября 1864 г. Реформы царствованія имп. Александра II (освобожденіе крестьянъ, от-

Библиотека "Руниверс"

мѣна тѣлесныхъ наказаній, судебная реформа) потребовали пересмотра Уложенія о наказаніяхъ: 27 декабря 1865 г. было повелѣно согласовать его съ Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и въ 1866 г. послѣдовало новое (3-е) изданіе Уложенія о наказаніяхъ. Въ 1885 г. Уложеніе о наказаніяхъ и Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями были изданы, въ составѣ XV тома Свода Законовъ, новымъ изданіемъ, которое, вмѣстѣ съ своднымъ продолженіемъ къ нему 1895 г., составляетъ въ настоящее время дѣйствующій законъ. Въ настоящее время дѣйствующее уголовное законодательство находится въ періодѣ коренной реформы. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ госуд. совѣта 11 декабря 1879 г. установлены основныя положенія для руководства при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ Уложенія о наказаніяхъ, а Высочайшимъ повелѣніемъ 30 апрѣля 1881 г., для составленія проекта новаго уголовнаго уложенія, былъ учрежденъ особый комитетъ, изъ состава котораго для выработки первоначальнаго проекта и объяснительной записки была образована редакціонная коммиссія. Законченная ею работа находится въ настоящее время на разсмотрѣніи госуд. совѣта. Въ 1894 г. для пересмотра законоположеній по судебной части была учреждена, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, особая коммиссія. Въ 1899 г. она закончила свои работы, составленые ею проекты переданы на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ и въ 1900 г. будутъ внесены на обсужденіе государственнаго совѣта. *А. С. Лыкошинъ.*

2) *Основныя черты современнаго русскаго уголовнаго права.* Источники дѣйствующаго *матеріальнаго* уголовнаго права въ Р. суть: уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (изд. 1845 г.), уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, уставъ о ссыльныхъ, уставъ о содержащихся подъ стражею, воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ и уставъ сельско-судебный. Кромѣ того, карательныя постановленія содержатъ въ себѣ нѣкоторые уставы казенныхъ управленій и промышленности—таможенный, акцизный и др. Карательные церковные законы, примѣняемые церковно-судебной властью, заключаются въ уставѣ духовныхъ консисторій, въ Кормчей книгѣ и въ духовномъ регламентѣ. Основная характерная особенность *уложенія о наказаніяхъ* состоитъ въ томъ, что оно въ сущности есть не уложеніе, а сводъ. Редакторы его, по собственнымъ ихъ словамъ (объяснительная записка къ проекту 1844 г.), «постоянно имѣли въ виду всѣ соотвѣтствующія постановленія свода законовъ уголовныхъ и не прежде составляли новыя опредѣленія или правила, какъ удостовѣрясь, что въ существующихъ законахъ нѣтъ такихъ, которыя можно-бы было признать достаточными и удовлетворительными». Поэтому уложеніе, прежде всего, заключаетъ въ себѣ тѣ недостатки, которые присущи своду. Эти недостатки Н. С. Таганцевъ («Журналъ Граждан. и Уголовн. Права», 1873 г., № 1) сводитъ къ тремъ: полная рознь принциповъ между отдѣлами уложенія и различія въ самыхъ взглядахъ на понятіе о преступленіи и на существенныя условія наказуемости; отсутствіе послѣдовательно проведеннаго критерія для сравнительной оцѣнки преступныхъ дѣяній; отсутствіе началъ, дѣйствительно общихъ всему уложенію, и потому формальное противорѣчіе отдѣльныхъ его постановленій. Послѣдовательно проведены въ уложеніи только принципъ недовѣрія къ судьямъ и стремленіе ограничить область судейскаго усмотрѣнія, съ помощью лѣстничной системы наказаній, при которой дѣятельность судьи сводится къ простымъ ариѳметическимъ выкладкамъ. Эта система, однако, оказалась стройной только на бумагѣ и совершенно непригодной на практикѣ. Она выразилась въ отсутствіи обобщеній, въ казуистичности, многостатейности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неполнотѣ уложенія. Къ характернымъ чертамъ уложенія можно отнести еще механическое заимствованіе нѣкоторыхъ положеній изъ иностранныхъ кодексовъ и крайнюю невыработанность терминологіи. Еще сильнѣе, чѣмъ всѣ эти недостатки, чувствуется устарѣлость уложенія. По мѣткому замѣчанію Іеринга, ни одна область права не отражаетъ на себѣ въ такой степени переживаемую эпоху, какъ область права уголовнаго. Естественно, что уложеніе, изданное въ 1845 г. и подвергшееся лишь частичному исправленію въ 1866 г., не удовлетворяетъ своему назначенію теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, послѣ судебной и другихъ коренныхъ реформъ царствованія Александра II. Весь матеріалъ, составляющій содержаніе уложенія, распадается на XII раздѣловъ (и 1711 статей); первый раздѣлъ заключаетъ въ себѣ общую часть, остальные—особенную. Понятія преступнаго дѣянія уложеніе не опредѣляетъ. Дѣленія наказуемыхъ дѣяній по тяжести наказанія нѣтъ: хотя уложенію и извѣстны два термина — преступленіе и проступокъ, — но техническаго значенія они не имѣютъ. Причины, устраняющія вмѣняемость, перечислены ограничительно. Право обороны стоитъ въ зависимости отъ важности блага, на которое было направлено посягательство. Состояніе крайней необходимости не отличено отъ психическаго принужденія. Съ внутренней стороны дѣянія различается зло случайное, дѣяніе неосторожное и умышленное, со стороны внѣшней—обнаруженіе умысла (въ общемъ правилѣ не наказуемое, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ — преступленія государственныя — обложенное даже смертной казнью), приготовленіе, покушеніе и совершеніе. Покушеніе, остановленное по собственной волѣ покусившагося, если содѣланное само по себѣ не преступно, не наказуемо; остановленное не собственной волей влечетъ наказаніе, положенное за оконченное дѣяніе, съ пониженіемъ въ степени. Уложенію извѣстны три формы участія въ преступленіи: безъ предварительнаго соглашенія (скопъ), по предварительному соглашенію (заговоръ) и шайка. Въ первомъ случаѣ различаются главные виновные и участники, во второмъ — зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели и пособни-

Библиотека "Руниверс"

ки. Прикосновенными къ дѣлу признаются попустители, укрыватели и недоносители. Для каждой категоріи совиновниковъ опредѣлена особая мѣра отвѣтственности, отправною точкою которой служитъ наказаніе, положенное за содѣянное; только за недонесеніе о совершенномъ преступленіи назначаются спеціально положенныя наказанія. Образованіе шайки разсматривается и наказывается какъ delictum sui generis. Въ основѣ карательной системы лежитъ лѣстница наказаній въ техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. такая система, при которой всѣ роды наказаній, подѣленные на виды и степени, располагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ степеней и отношеніе между двумя рядомъ стоящими степенями признается всегда одинаковымъ, все равно, принадлежатъ ли они къ одному виду и роду или нѣтъ (см. таблицу, т. XVIII, 178). По тяжести, наказанія дѣлятся на уголовныя, влекущія за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія, и исправительныя. Уголовныя наказанія: смертная казнь, ссылка въ каторжныя работы, ссылка на поселеніе въ Сибирь и ссылка на поселеніе въ Закавказье. Послѣднее наказаніе — исключительное, стоящее внѣ лѣстницы и назначаемое лишь въ особо указанныхъ случаяхъ. Уголовныя наказанія для всѣхъ одинаковы; но въ отношеніи наказаній исправительныхъ, уложеніе раздѣляетъ всѣхъ преступниковъ на двѣ главныя категоріи: изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Исправительныя наказанія: ссылка на житье, исправительныя арестантскія отдѣленія, крѣпость, тюрьма, арестъ, выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взысканія. Параллельно съ лѣстницей общихъ наказаній стоятъ наказанія особенныя (исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности и др.), назначаемыя за преступныя дѣянія по службѣ. Кромѣ главныхъ наказаній установлены дополнительныя: конфискація имущества, церковное покаяніе, отдача подъ особый надзоръ полиціи и др. Виды пораженія правъ: а) лишеніе всѣхъ правъ состоянія — разрушаетъ права сословныя, семейственныя и имущественныя; б) лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ — поражаетъ права сословныя и служебно-политическія и в) лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ—влечетъ за собою лишеніе права вступать на госуд. службу, быть избирателемъ и избираемымъ на почетныя и соединенныя съ властью должности. Судъ не можетъ опредѣлить иного наказанія, кромѣ того, которое въ законахъ за судимое имъ преступленіе именно предназначено. Когда за дѣяніе положено нѣсколько различныхъ степеней или даже родовъ наказаній, судъ свободно выбираетъ родъ и степень. Избраніе мѣры въ предѣлахъ степени всегда предоставляется усмотрѣнію суда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда законъ особо указываетъ, что должна быть назначена высшая или низшая мѣра. При наличности въ дѣлѣ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, судъ переходитъ отъ одной степени лѣстницы къ другой вверхъ или внизъ, съ нѣкоторыми установленными въ ст. 150 ограниченіями. Въ случаяхъ рецидива или совокупности преступныхъ дѣяній, наказаніе назначается на основаніи особыхъ правилъ. Уложеніе допускаетъ назначеніе наказанія и по аналогіи, «если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе нѣтъ опредѣленнаго наказанія» (ст. 151). Правила замѣны наказанія, какъ по причинамъ юридическимъ, такъ и по фактической невозможности примѣнить въ данномъ случаѣ данное наказаніе, отличаются особенной сложностью. Наказаніе отмѣняется: за смертью преступника, за примиреніемъ съ обиженнымъ, за давностью и вслѣдствіе помилованія. Сроки давности, отъ 6 мѣс. до 10 лѣтъ, поставлены въ связь съ сравнительной тяжестью наказанія. Давность не распространяется на преступленія государственныя и длящіяся и на умышленное убійство родителей. Сравнительно съ уложеніемъ, *уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями*, по своей технической обработкѣ, стоитъ значительно выше: въ немъ нѣтъ казуистики, больше обобщеній, лѣстничной системы онъ не придерживается— но самый фактъ одновременнаго существованія двухъ кодексовъ ведетъ къ путаницѣ понятій, неурядицѣ, колебаніямъ практики. По общему правилу, уставъ примѣняется судебными мѣстами низшей подсудности — мировыми судьями, земскими начальниками и т. п.; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при совокупности преступныхъ дѣяній, его обязаны примѣнять и общія судебныя установленія. За проступки, означенные въ уставѣ, назначаются выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взысканія до 300 руб., арестъ до 3 мѣс. и заключеніе въ тюрьмѣ до 1 года 6 мѣс. Въ отличіе отъ уложенія, уставъ даетъ не исчерпывающій, а лишь примѣрный перечень увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствъ. *Уставъ о ссыльныхъ* первоначально былъ изданъ въ 1822 г.; въ 1832 г. онъ былъ введенъ въ XIV т. Свода Законовъ; въ 1855 г. система наказаній его была измѣнена и приспособлена къ уложенію. Главное содержаніе устава—правила о порядкѣ отправленія и слѣдованія ссыльныхъ, управленія ими и надзора за ними. Въ ряду этихъ правилъ имѣются постановленія «о наказаніяхъ за преступленія и проступки ссыльныхъ». Основные виды наказаній для ссыльныхъ: плети, розги, прикованіе къ телѣжкѣ, увеличеніе срока работъ, переводъ изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ, переводъ съ поселенія въ каторжныя работы. Изъ преступныхъ дѣяній спеціально предусмотрѣны побѣгъ съ мѣста водворенія или работъ или съ дороги и обмѣнъ именъ и фамилій. Кромѣ суда, наказанія ссыльнымъ могутъ быть опредѣляемы въ весьма широкихъ предѣлахъ мѣстной административной властью, «по собственному удостовѣренію въ учиненной винѣ, или же по формальному полицейскому изслѣдованію». *Уставъ о содержащихся подъ стражей* обнимаетъ собою учрежденіе мѣстъ заключенія, порядокъ управленія ими и порядокъ содержанія заключенныхъ. Изъ мѣръ дисциплинарныхъ здѣсь упо-

Библиотека "Руниверс"

минаются выговоры, арестъ, лишеніе горячей пищи, наказаніе розгами, бритье половины головы и закованіе въ кандалы. *Воинскій уставъ о наказаніяхъ* — спеціальный кодексъ нарушеній военнаго правопорядка и сборникъ изъятій, съ соблюденіемъ которыхъ къ военнослужащимъ примѣняются общіе уголовные законы *). Онъ изданъ впервые въ 1868 г., взамѣнъ военно-уголовнаго устава 1839 г., державшагося системы формальной обособленности военно-уголовнаго законодательства отъ общаго. Нынѣ дѣйствуетъ второе изданіе, 1875 г. Примѣняется уставъ не только военными судами, но и общими, когда дѣла о военнослужащихъ подлежатъ ихъ разсмотрѣнію (напр. при соучастіи въ совершеніи общаго преступнаго дѣянія). Главныя изъятія въ постановленіяхъ о преступномъ дѣяніи касаются причинъ невмѣненія — приказа, необходимой обороны и состоянія крайней необходимости. Кромѣ общихъ уголовныхъ наказаній, уставу извѣстны еще смертная казнь, не сопровождающаяся лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и заточеніе въ крѣпости. Изъ наказаній исправительныхъ къ военнослужащимъ примѣняются на основаніи уложенія лишь высшія, влекущія лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, низшія же замѣняются особыми видами лишенія свободы: заключеніемъ въ крѣпости и содержаніемъ на гауптвахтѣ—для офицеровъ, отдачей въ дисциплинарные батальоны и военной тюрьмой — для нижнихъ чиновъ, а равно дисциплинарными взысканіями. Большее развитіе сравнительно съ уложеніемъ, имѣетъ система особенныхъ наказаній. Спеціальные виды пораженія правъ—ограниченіе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ и переводъ въ разрядъ штрафованныхъ (для нижнихъ чиновъ). Переведенные въ этотъ разрядъ могутъ быть подвергаемы, въ дисциплинарномъ порядкѣ или взамѣнъ заключенія въ военной тюрьмѣ, тѣлесному наказанію. Уставомъ преподаны особыя правила о наказаніи по мѣрѣ участія въ преступленіи, объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину, о повтореніи и о совокупности. Во многихъ случаяхъ положены наказанія двоякаго рода: для мирнаго времени и для военнаго. Основныя группы воинскихъ преступныхъ дѣяній: нарушенія подчиненности и чинопочитанія, уклоненіе отъ службы, нарушенія обязанностей караульной службы, нарушеніе воинскаго благочинія, нарушеніе обязанностей службы во время военныхъ дѣйствій. *Сельско-судебный уставъ* былъ изданъ въ 1839 г. для государственныхъ крестьянъ, но положеніемъ 19 февраля 1861 г. дѣйствіе его распространено на всѣхъ лицъ крестьянскаго сословія. Примѣняется исключительно крестьянскими судами, параллельно съ общимъ положеніемъ и мѣстными обычаями, на слѣдующихъ основаніяхъ: дѣяніе должно быть учинено въ предѣлахъ волости (учиненное въ городѣ или мѣстечкѣ наказывается по общимъ законамъ), крестьяниномъ противъ крестьянина-же, должно быть маловажнымъ и не должно находиться въ связи съ преступленіями или проступками, подлежащими разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введено въ дѣйствіе положеніе о земскихъ начальникахъ, волостные суды руководствуются, при опредѣленіи наказаній за проступки, временными правилами о волостномъ судѣ, Высочайше утвержденными 12 іюля 1889 г.

Литература. Богдановскій, «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ» (1857); Сергѣевскій, «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.» (1888); его же, «Проекты уголовнаго уложенія 1754—56 гг.» (1882); Н. Таганцевъ, «Лекціи по русскому уголовному праву» (1887—1892); его же, «Курсъ русскаго уголовнаго права» (1874—1878); Н. Неклюдовъ, Переводъ учебника Бернера (1865); его же, «Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права» (1876—1880); его же, «Руководство для мировыхъ судей» (1874); Владиміровъ, «Учебникъ русскаго уголовнаго права» (1889); Есиповъ, «Очеркъ русскаго уголовнаго права» (1894); Лохвицкій, «Курсъ русскаго уголовнаго права» (1867—1871); Сергѣевскій, «Русское уголовное право» (1896); Фойницкій, «Ученіе о наказ. въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ» (1889); его же, «Курсъ уголовн. права, часть особенная» (1893); Кузьминъ-Караваевъ, «Военно-угол. право» (1895); его же, «Характеристика уложенія и воинскій уставъ о наказаніяхъ» (1890). *К.-К.*

3) *Уголовный процессъ въ XVIII и XIX вв.* Распространеніе розыскного процесса въ ущербъ обвинительному, начавшееся еще въ XVI в., продолжалось при Петрѣ Великомъ. Въ 1697 г. было предписано «суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскомъ». Въ 1716 г. было издано «краткое изображеніе процессовъ» (приложеніе къ Воинскому уставу), заимствованное изъ нѣмецкихъ источниковъ и вводящее слѣдственный (инквизиціонный) процессъ. Собственное признаніе разсматривается какъ «лучшее свидѣтельство всего свѣта», почему для исторженія у обвиняемаго признанія въ большихъ размѣрахъ продолжаетъ примѣняться пытка. Въ то же время былъ введенъ ревизіонный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ и учреждены особыя должностныя лица, наблюдавшія за ходомъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ или собиравшихъ необходимыя доказательства. Указъ «о формѣ суда», изданный въ 1723 г., долженъ былъ примѣняться и къ дѣламъ уголовнымъ, за нѣкоторыми изъятіями; но въ дѣйствительности «судъ по формѣ» для уголовныхъ дѣлъ не имѣлъ почти никакого значенія. При составленіи Свода Законовъ судопроизводственныя законоположенія временъ Петра I и Екатерины II, измѣненныя ихъ преемниками, вошли во 2 кн. XV т. Свода. По Своду уголовный процессъ дѣлился на три части: слѣдствіе, судъ и исполненіе приговора. Слѣдствіе и исполненіе принадлежали полиціи, которая производила также и судъ по маловажнымъ проступкамъ. Слѣдствіе распадалось на предварительное и формальное. Судъ, получивъ

*) Уставъ военно-морской о наказаніяхъ (XVI кн. св. морск. пост.) есть сколокъ съ устава воинскаго, дополненный лишь постановленіями о нарушеніяхъ военно-морской службы.

Библиотека "Руниверс"

слѣдствіе, разсматривалъ, правильно ли оно произведено, въ случаѣ необходимости подвергалъ обвиняемаго вторичнымъ допросамъ, и затѣмъ, на основаніи собраннаго слѣдователемъ письменнаго матеріала и въ отсутствіе подсудимаго, постановлялъ приговоръ или мнѣніе, руководствуясь указанными въ законѣ правилами о силѣ доказательствъ, которыя дѣлились на совершенныя и несовершенныя. Одного совершеннаго доказательства было достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ; несовершенныя доказательства лишь въ совокупности могли составить совершенное доказательство. Если противъ подсудимаго имѣлись нѣкоторыя улики, а полныхъ доказательствъ виновности не было добыто, то подсудимый или оставлялся въ подозрѣніи—и тогда при открытіи новыхъ уликъ могъ быть вновь привлеченъ къ суду,— или отдавался подъ поручительство, также съ оставленіемъ въ подозрѣніи, или приносилъ очистительную присягу. Право обжалованія было до крайности стѣснено и замѣнено, въ извѣстныхъ предѣлахъ, ревизіей дѣла въ высшей инстанціи, или по требованію закона, или по разногласію между судомъ и начальникомъ губерніи. Въ 1860 г. были учреждены судебные слѣдователи для производства предварительныхъ слѣдствій. Судебные уставы 1864 г. ввели въ уголовный процессъ двѣ стороны—обвиненіе и защиту, дѣйствующія отдѣльно и независимо отъ суда, и состязаніе между ними; предварительное слѣдствіе, впрочемъ, сохранило розыскной характеръ; въ мировомъ производствѣ требованіе устности выдержано въ бо́льшей степени, чѣмъ въ общихъ судахъ; введена гласность судебнаго слѣдствія; установлено участіе общества въ отправленіи правосудія, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей и сословныхъ представителей. Разсмотрѣніе дѣла по существу ограничено двумя инстанціями; учреждено особое кассаціонное производство по отмѣнѣ приговоровъ (см. выше, Судоустройство). Позднѣйшими законами уставъ угол. судопр. во многомъ дополненъ и измѣненъ, отступленіемъ отъ коренныхъ началъ судебной реформы. Въ 1871 г. изданы правила о порядкѣ дѣйствія корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій. Въ 1872 г. измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, для сужденія которыхъ образовано особое присутствіе сената. Въ 1878 г. нѣкоторыя преступленія противъ порядка управленія изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей и переданы суду судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Въ 1882 г. расширена карательная власть мировыхъ судей, которымъ по нѣкоторымъ преступленіямъ предоставлено право заключать въ тюрьму на время до 1 года и 6 мѣс. Въ 1887 г. ограничена гласность судебнаго разбирательства. Въ 1889 г. вновь уменьшено число дѣлъ, подвѣдомственныхъ суду присяжныхъ. Вслѣдъ за обнародованіемъ въ томъ же году положенія о земскихъ начальникахъ изданы правила о производствѣ дѣлъ въ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. По закону 1896 г. ходатайство о вызовѣ въ судъ новыхъ свидѣтелей, не вызывавшихся на предварительномъ слѣдствіи, разрѣшается судомъ, который принимаетъ въ соображеніе важность тѣхъ обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей. Въ 1897 г. измѣнены формы и обряды судопроизводства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ. По общимъ положеніямъ нашего устава уголовнаго судопроизводства, никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ опредѣленномъ уставомъ порядкѣ. Судебное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено какъ должностными лицами (прокуратура, полиція, административныя и казенныя учрежденія, органы судебной власти), такъ и частными лицами. Обличеніе обвиняемыхъ передъ судомъ предоставлено въ мировыхъ установленіяхъ полицейскимъ и административнымъ властямъ и частнымъ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, а въ общихъ судебныхъ установленіяхъ возложено на прокуратуру, кромѣ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть возбуждены только по жалобѣ потерпѣвшаго и прекращены примиреніемъ: въ этомъ случаѣ обличеніе предъ судомъ предоставлено частнымъ обвинителямъ. Дѣла, изъятыя изъ вѣдомства мировыхъ судей (или должностныхъ лицъ, ихъ замѣнившихъ), подсудны окружнымъ судамъ съ присяжными засѣдателями, если за преступленіе, составляющее предметъ дѣла, положено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ; въ противномъ случаѣ дѣло подсудно окружному суду безъ присяжныхъ засѣдателей, кромѣ преступленій, подсудныхъ судебнымъ палатамъ и сенату съ участіемъ сословныхъ представителей. Всякое преступное дѣяніе судится, по общему правилу, въ томъ судѣ, которому подвѣдомственна мѣстность, гдѣ преступленіе учинено. По преступленіямъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, производится предварительное слѣдствіе; но по дѣламъ о преступленіяхъ, не влекущихъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ, къ судебному производству можетъ быть приступлено и безъ предварительнаго слѣдствія, если прокуроръ, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, признаетъ возможнымъ предложить суду обвинительный актъ; безъ предварительнаго слѣдствія могутъ также разсматриваться дѣла, производимыя въ порядкѣ частнаго обвиненія и рѣшаемыя безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Дознаніе производится полиціей, предварительное слѣдствіе судебнымъ слѣдователемъ, подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора и при содѣйствіи чиновъ полиціи. Для воспрепятствованія обвиняемому уклоненія отъ суда и слѣдствія принимаются слѣдующія мѣры: отобраніе вида на жительство или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства, отдача подъ особый надзоръ полиціи, отдача на поруки, взятіе залога, домашній арестъ и взятіе подъ стражу. На всякое дѣйствіе слѣдователя допускается жалоба

Библиотека "Руниверс"

въ окружный судъ. По заключеніи слѣдствія все производство отсылается прокурору окружнаго суда или его товарищу. Заключеніе прокурора о преданіи обвиняемаго суду излагается въ формѣ обвинительнаго акта, представляемаго прокурору судебной палаты, если дѣло касается преступленія, влекущаго за собою лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ, а въ остальныхъ случаяхъ предлагаемаго окружному суду. Заключеніе о прекращеніи или пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія прокуроръ предлагаетъ окружному суду, который при несогласіи съ мнѣніемъ прокурора представляетъ вопросъ о прекращеніи дѣла на разрѣшеніе палаты. Палата, получивъ обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи дѣла, постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду или о прекращеніи дѣла. По дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія, обвинительный актъ замѣняется жалобой частнаго обвинителя. При разсмотрѣніи дѣла по существу въ судебномъ засѣданіи должны присутствовать: не менѣе трехъ судей, прокуроръ или его товарищъ и секретарь или его помощникъ. Каждый періодъ засѣданій съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей открывается особымъ публичнымъ судебнымъ засѣданіемъ для привода присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ и объясненія имъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности. Прокуроръ или частный обвинитель и подсудимый имѣютъ право отвести, безъ объясненія причинъ, по 3 присяжныхъ засѣдателя. Изъ числа неотведенныхъ лицъ, если ихъ не менѣе 18, назначаются по жребію 12 комплектныхъ и 2 запасныхъ присяжныхъ засѣдателя. По исполненіи обрядовъ открытія судебнаго засѣданія читается обвинительный актъ или частная жалоба; затѣмъ предсѣдатель спрашиваетъ подсудимаго, признаетъ-ли онъ себя виновнымъ; если подсудимый признаетъ себя виновнымъ и это не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, то судъ можетъ прямо перейти къ заключительнымъ преніямъ; при отрицательномъ отвѣтѣ подсудимаго судъ приступаетъ къ судебному слѣдствію, т. е. къ разсмотрѣнію и повѣркѣ доказательствъ. Молчаніе подсудимаго не признается доказательствомъ его виновности. По окончаніи судебнаго слѣдствія происходятъ судебныя пренія; право послѣдняго слова принадлежитъ во всякомъ случаѣ подсудимому или его защитнику. Затѣмъ судъ приступаетъ къ постановленію вопросовъ о виновности, а по дѣламъ безъ участія присяжныхъ—и вопросовъ о наказаніи; вопросы исправляются и дополняются по замѣчаніямъ сторонъ и присяжныхъ. Въ дѣлахъ съ присяжными засѣдателями предсѣдатель, вручивъ старшинѣ вопросные пункты, резюмируетъ обстоятельства дѣла, разъясняетъ законы и общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ. Для совѣщанія присяжные удаляются въ особую комнату, входъ въ которую охраняется стражей. По возвращеніи въ залу засѣданій отвѣты присяжныхъ прочитываются старшиной вслухъ; въ случаѣ обвинительнаго рѣшенія судъ ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ о наказаніи. Приговоры окружныхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а также судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, считаются окончательными; противъ приговоровъ первой инстанціи, постановленныхъ безъ участія присяжныхъ, допускаются апелляціонные отзывы подсудимыхъ, частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, равно какъ и протесты лицъ прокурорскаго надзора. Жалобы и протесты въ кассаціонномъ порядкѣ допускаются только противъ окончательныхъ приговоровъ, которые не могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ. На рѣшенія кассаціон. д-та сената жалобы ни въ какомъ случаѣ не допускаются и никѣмъ не могутъ быть принимаемы. Дѣло, по которому приговоръ отмѣненъ, обращается для новаго производства или въ судъ, постановившій приговоръ (въ другомъ составѣ присутствія), или въ другой судъ равной степени. По дѣламъ, приговоры по которымъ вошли въ законную силу, могутъ быть, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, подаваемы прокуратурой и осужденными или ихъ родственниками въ уголовный кассаціонный департаментъ сената просьбы о возобновленіи дѣла (VI, 903). Изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства установлены изъятія: 1) по преступленіямъ государственнымъ, которыя вѣдаются судебными палатами, съ сословными представителями, или, по Высочайшему повелѣнію, особымъ присутствіемъ сената, также съ участіемъ сословныхъ представителей, если за преступленіе назначено лишеніе или ограниченіе правъ, или верховнымъ уголовнымъ судомъ; 2) дѣла по преступленіямъ должности, которыя разсматриваются окружнымъ судомъ, судебной палатой, кассаціоннымъ департаментомъ сената или верховнымъ уголовнымъ судомъ, смотря по должности, занимаемой обвиняемымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ — съ участіемъ сословныхъ представителей. Особыя правила установлены также для дѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры, а также о преступленіяхъ и проступкахъ, относящихся до разныхъ частей административнаго управленія. Производство дѣлъ въ мировыхъ судахъ является болѣе упрощеннымъ, чѣмъ въ общихъ судахъ. Предварительное слѣдствіе отсутствуетъ; лишь по усмотрѣннымъ лично судьей преступнымъ дѣйствіямъ онъ можетъ поручить полиціи произвести предварительное розысканіе. Приговоръ мирового судьи считается окончательнымъ, когда имъ опредѣляется: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше 15 руб., арестъ не свыше 3 дней и когда вознагражденіе за вредъ и убытки не превышаетъ 30 руб.; въ этихъ случаяхъ допускается кассаціонная жалоба въ мировомъ съѣздѣ. На неокончательные приговоры стороны могутъ приносить отзывы въ мировой съѣздъ. Приговоры мирового съѣзда считаются окончательными; жалобы и протесты противъ нихъ приносятся въ кассаціонномъ порядкѣ въ сенатъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебно-административныя учрежденія 1889 г., земскіе начальники и городскіе судьи руководствуются правилами о производствѣ судебныхъ дѣлъ, изданными 29 дек. 1889 г. Вѣдомству земскаго началь-

Библиотека "Руниверс"

ника или городского судьи подлежать, по общему правилу проступки, предусмотрѣнные въ Уставѣ о наказаніяхъ налаг. миров. суд., если убытки или взысканіе превышаютъ 300 руб. Производство дѣлъ у земск. начальниковъ и город. судей почти тожественно съ производствомъ у мировыхъ судей. Жалобы на неокончательныя рѣшенія земск. начальниковъ и городскихъ судей приносится въ уѣздный съѣздъ, приговоры котораго окончательны и апелляціи не подлежатъ. На окончательные приговоры земскаго начальника и городского судьи и на приговоры уѣздныхъ съѣздовъ допускаются жалобы сторонъ и протесты товарища прокурора въ случаѣ постановленія приговора по дѣлу, изъятому изъ вѣдомства земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и волостныхъ судовъ, и въ случаѣ допущенія, при производствѣ или рѣшеніи дѣла, столь существеннаго нарушенія закона, что приговоръ невозможно признать въ силѣ судебнаго рѣшенія. Жалобы и протесты на окончательные приговоры земскаго начальника и городского судьи вносятся въ съѣздъ, а на приговоры съѣзда—въ губернское присутствіе. Дѣла по проступкамъ, вызывающимъ гражданскій искъ въ размѣрахъ отъ 300 до 500 р., и дѣла по нарушенію ст. 170[1] Уст. о нак. (кражи со взломомъ) подлежать вѣдѣнію уѣздныхъ членовъ окружнаго суда.

4) *Военно-уголовное судопроизводство.* Какъ для дореформеннаго, такъ и для современнаго военнаго процесса въ Россіи типичнымъ образцомъ служилъ и служитъ процессъ уголовный общій. Главное отличіе прежняго военнаго процесса состояло въ томъ, что военный судъ вовсе лишенъ былъ самостоятельности; судебная власть всецѣло сосредоточивалась въ рукахъ военнаго начальства, которому исключительно принадлежало право возбужденія преслѣдованія, производства слѣдствія, «наряда» суда и утвержденія приговоровъ. Нынѣшній военный процессъ, подобно общему, построенъ на началахъ устности, гласности, состязательности и равноправности сторонъ; но всѣ эти начала приняты лишь принципіально и окружены множествомъ самыхъ существенныхъ ограниченій. Кромѣ того, въ военномъ вѣдомствѣ рядъ судебныхъ функцій сохраненъ за военными начальниками — возбужденіе судебнаго преслѣдованія, преданіе суду и, въ отношеніи судовъ низшей подсудности (полковыхъ), даже утвержденіе приговоровъ. Институтъ присяжныхъ засѣдателей военному процессу неизвѣстенъ вовсе. Военно-судебная реформа совершена была въ 1867 г., когда были изданы военно-судебный уставъ для сухопутной арміи и военно-морской судебный—для флота. Послѣдній безъ коренныхъ измѣненій сохраняетъ свою силу и до настоящаго времени, первый же въ 1883—1885 гг. былъ подвергнутъ полному пересмотру, при чемъ законодательство пошло еще далѣе по пути ограниченія основныхъ началъ и смѣшенія судебной власти съ административной. — Военные суды суть: полковые, военно-окружные и главный военный судъ (кассаціонная инстанція). Соотвѣтственные судебные органы во флотѣ: экипажные суды, военно-морскіе и главный военно - морской. Полковые суды учреждаются при каждой отдѣльной части войскъ изъ строевыхъ офицеровъ, назначаемыхъ на срокъ: предсѣдатель — на 1 годъ, члены (два)—на 6 мѣсяцевъ. Вѣдомству полковыхъ судовъ подлежатъ дѣла только о нижнихъ чинахъ, въ предѣлахъ, близкихъ къ предѣламъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій. Военно-окружные суды состоятъ изъ постоянныхъ членовъ и временныхъ. Постоянные члены (предсѣдатель и военные судьи) назначаются изъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, временные—изъ строевыхъ офицеровъ, на 4 мѣсячный срокъ. Предварительное слѣдствіе производится или судебными (по общимъ прест. дѣяніямъ), или военными слѣдователями (по воинскимъ а въ нѣкотор. случаяхъ—и по общимъ дѣяніямъ). Обвиненіе на судѣ принадлежитъ военной прокуратурѣ. Для защиты подсудимыхъ назначаются кандидаты на военно-суд. должности или прикомандированные къ суду офицеры; по дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими угол. законами, могутъ быть назначаемы также присяжные повѣренные, или же защитники могутъ быть избираемы самими подсудимыми. Въ судахъ полковыхъ нѣтъ представителей публичнаго обвиненія и защитники не допускаются. Судебное преслѣдованіе возбуждается военными начальниками, имѣющими права командира отдѣльной части. Имъ же подаются жалобы по дѣламъ уголовно - частнымъ; ими же производится примирительное разбирательство. По общему правилу, военная подсудность распространяется только на военнослужащихъ, но въ порядкѣ изъятій она имѣетъ весьма широкое примѣненіе и къ лицамъ невоеннымъ (см. Подсудность военная, XXIV, 120). Производство каждаго дѣла начинается съ дознанія, которымъ и исчерпывается предварительное изслѣдованіе по дѣламъ, подсуднымъ полковому суду. По дѣламъ, подсуднымъ военно-окружн. суду, дознаніе передается военнымъ начальникомъ военному или судебному слѣдователю, для производства предварительнаго слѣдствія; но по дѣламъ о преступленіяхъ воинскихъ, разъясненныхъ дознаніемъ съ достаточной полнотой, виновные могутъ быть предаваемы суду и безъ производства слѣдствія. Полковой судъ разбираетъ дѣла устно. Двери засѣданія закрываются, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ общихъ уголовныхъ законахъ, еще и въ слѣдующихъ: по дѣламъ о нарушеніяхъ воинской дисциплины и по всѣмъ прочимъ, когда признаетъ это необходимымъ начальникъ, предавшій обвиняемаго суду. Приговоръ представляется на утвержденіе командира полка, который можетъ, утверждая его, смягчить наказаніе до двухъ степеней, а при несогласіи съ приговоромъ представляетъ дѣло въ военно-окружный судъ. Обжалованіе утвержденнаго приговора подсудимымъ не допускается. Предварительное слѣдствіе производится, въ общемъ, на началахъ устава угол. судопроизводства, но право привлеченія лица въ качествѣ обвиняемаго принадлежитъ не слѣдователю, а начальству. Въ отношеніи военно-

Библиотека "Руниверс"

служащихъ мѣрами пресѣченія могутъ быть избираемы: отдача подъ ближайшій надзоръ начальства, домашній арестъ и арестъ въ мѣстахъ заключенія. Оконченное слѣдствіе поступаетъ къ военному прокурору, обязанному въ теченіе 7 дней разсмотрѣть его и отправить къ начальнику, отъ власти котораго зависитъ преданіе суду или которымъ было возбуждено слѣдствіе, съ заключеніемъ о преданіи обвиняемаго суду, или о возможности ограничиться дисциплинарнымъ взысканіемъ, или о прекращеніи слѣдствія, или о неподсудности дѣла. Нижнихъ чиновъ предаютъ суду начальники, пользующіеся правами командира полка, офицеровъ—высшія начальствующія лица; генералы предаются суду Высочайшей властью. По дѣламъ о нарушеніи подчиненности и чинопочитанія, на время допроса потерпѣвшихъ начальниковъ офицерскаго званія, изъ залы суда удаляются постороннія лица и подсудимый, которому потомъ предсѣдательствующій сообщаетъ сущность показанія потерпѣвшаго. Вопросы ставятся судомъ на свое разрѣшеніе въ совѣщательной комнатѣ, безъ участія сторонъ. Всѣ приговоры военно-окружныхъ и замѣняющихъ ихъ временныхъ военныхъ судовъ почитаются окончательными и подлежатъ обжалованію только въ кассаціонномъ порядкѣ—въ главный военный судъ. Поводы возобновленія дѣлъ—тѣ же, что и въ общемъ процессѣ. Изъ общаго порядка военно-уголовнаго судопроизводства установлены изъятія по уголовнымъ дѣламъ, производимымъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства, по преступленіямъ по должности лицъ военно-судебнаго вѣдомства, по дѣламъ, относящимся до разныхъ частей административнаго управленія, по дѣламъ смѣшанной подсудности и по дѣламъ о нарушеніи законовъ о печати. Въ военное время военные суды функціонируютъ на особыхъ началахъ (воен.-суд. уст., раздѣлъ IV).

К.-К.

G. **Сводъ Законовъ.** Вся масса русскаго законодательства собрана въ трехъ *Полныхъ Собраніяхъ законовъ Россійской Имперіи*, изъ которыхъ первое обнимаетъ время съ 1649 г. по 12 дек. 1825 г., второе—время съ 12 дек. 1825 г. по 29 февр. 1881 г., а третье начинается съ 1 марта 1881 г. Для обнародованія законовъ съ 1863 г. служитъ *Собраніе узаконеній и распоряженій правительства*, издаваемое правит. сенатомъ. Для руководства гражданскихъ правительственныхъ мѣстъ изданъ *Сводъ Законовъ* въ XV томахъ, являющійся извлеченіемъ изъ Полнаго Собранія Законовъ. Первое изданіе Свода состоялось въ 1832 г., второе въ 1842 г., третье въ 1857 г. Въ 1876 г. приступлено къ новому изданію Свода, но оно осталось незаконченнымъ; въ 1885—97 гг. большинство томовъ изданія 1876 г. замѣнены новыми, при чемъ въ составъ Свода (т. XI) вновь введены уставы ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній и вновь образованъ XVI томъ. Такимъ образомъ нынѣ дѣйствующій Св. Зак. состоитъ изъ 16 томовъ, изъ которыхъ одни (т. IV, т. VIII, ч. 2 и т. XII ч. 1) изданы въ 1857 г., другіе (т. IX)—въ 1876 г., третьи—въ теченіе 1887—95 гг.; къ ранѣе изданнымъ томамъ существуютъ сводныя продолженія 1890, 1891, 1893 и 1895 гг. Согласно схемѣ, начертанной гр. Сперанскимъ, Сводъ Законовъ распадается на 8 главныхъ отдѣловъ: 1) законы основные, учрежденія установленій центральныхъ, мѣстныхъ, общественныхъ и законы о порядкѣ службы гражданской (т. I—III); 2) уставы о повинностяхъ (т. IV); 3) уставы казеннаго управленія (т. V—VIII); 4) законы о состояніяхъ (т. IX); 5) законы гражданскіе и межевые (т. X); 6) уставы государственнаго благоустройства (государственное хозяйство, т. XI—XII); 7) уставы благочинія (т. XIII и XIV); 8) законы уголовные (т. XV). Вновь образованный въ 1892 г. XVI томъ обнимаетъ судоустройство и судопроизводство. Схема эта въ основныхъ своихъ чертахъ сохранилась понынѣ, хотя реформы имп. Александра II и общій ходъ законодательства за послѣднее полстолѣтіе сильно поколебали соображенія, положенныя въ основаніе распредѣленія содержанія Свода. Въ составъ Свода Законовъ не входятъ законоположенія по части вѣдомствъ военнаго и военно-морского, для которыхъ составлены особые своды (см. ниже), равно какъ законы и положенія, относящіяся до вѣдомства православнаго исповѣданія, и значительнѣйшая часть постановленій по вѣдомству министерствъ Императорскаго Двора и иностранныхъ дѣлъ. Не введены въ составъ Свода мѣстные гражданскіе законы губерній прибалтійскихъ, Царства Польскаго, Бессарабіи, для которыхъ существуютъ особые сборники.

Н. **Законодательство военное** впервые появилось въ Р. отдѣльно отъ общаго при Петрѣ Великомъ, когда были изданы Воинскій (1716) и Морской (1720) Уставы. Затѣмъ въ царствованіе Петра и его преемниковъ изданъ рядъ законоположеній, опредѣлявшихъ разныя отрасли организаціи вооруженныхъ силъ, управленія ими и довольствія ихъ. До царствованія имп. Николая I весь этотъ законодательный матеріалъ не былъ кодифицированъ. Въ 1835 г. было начато составленіе Свода Военныхъ Постановленій, вступившаго въ силу 1 января 1840 г. Второе изданіе Свода состоялось въ 1859 г. Въ 1869 г. начато третье изданіе, которое до сихъ поръ не закончено; изъ 24 книгъ, на которыя раздѣленъ Сводъ 1869 г. не изданы IX, X, XI, XIX и XXI. Кромѣ того, многія узаконенія, изданныя въ отмѣну и измѣненіе постановленій Свода 1869 г., не введены въ соотвѣтствующія книги Свода (напр. положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, уставы дисциплинарный и военно-судебный и др.). Къ Своду Военныхъ Постановленій 1869 г. изданы въ 1874, 1879 и 1887 гг. три продолженія, заключающія въ себѣ узаконенія, послѣдовавшія по 1 іюля 1886 г. Кромѣ того, въ 1888 г. отдѣльной книгой изданы Постановленія о довольствіи войскъ, замѣнившія собою кн. 3 части IV Свода 1859 г. Штаты военно-сухопутнаго вѣдомства собраны въ особомъ сводѣ (1893 г.); табели по довольствію войскъ также изданы отдѣльными сборниками; строевые же уставы, наставленія и инструкціи, по мѣрѣ ихъ утвержденія издаются отдѣльными книжками. Законодательный матеріалъ, заклю-

Библиотека "Руниверс"

чающійся въ приказахъ по военному вѣдомству (гдѣ объявляются Высочайше утвержденныя положенія военнаго совѣта), систематизированъ въ неоффиціальномъ сборникѣ ген.-лейт. Коссинскаго (послѣднее изданіе 1896 г.). Такимъ образомъ въ настоящее время дѣйствующее военное законодательство составляютъ: 1) Сводъ Военныхъ Постановленій 1869 г., 2) тѣ статьи Свода 1859 г., которыя не отмѣнены и не замѣнены соотвѣтствующими книгами Свода 1869 г., 3) рядъ уставовъ, инструкцій и наставленій, не включенныхъ въ Сводъ 1869 г. и 4) узаконенія, объявленныя въ приказахъ по военному вѣдомству со времени изданія соотвѣтствующихъ книгъ Свода Военныхъ Постановленій. *А. С. Лыкошинъ.*

Кодификація военно-морскихъ законовъ произведена значительно позже — въ 1886 г., когда впервые былъ изданъ Сводъ Морскихъ Постановленій, состоящій изъ 18 книгъ, сгруппированныхъ въ 5 частей. Съ 1886 г. къ Своду Морск. Постановленій изданы три продолженія — въ 1892, 1895 и 1898 гг. Въ послѣднее вошли узаконенія по 31 дек. 1897 г.

X. Русскій языкъ и Русская литература. А. **Русскій языкъ**—терминъ, употребляемый въ двухъ значеніяхъ. Онъ обозначаетъ: I) совокупность нарѣчій великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ; II) современный литературный языкъ Р., представляющійся въ своемъ основаніи однимъ изъ великорусскихъ нарѣчій.

I) *Русскій языкъ* — это совокупность тѣхъ говоровъ, поднарѣчій и нарѣчій, на которыхъ говоритъ русскій народъ, т. е. извѣстныя племена и народности, объединенныя общностью нравовъ, вѣрованій, преданій и самого языка. Языкъ—это одинъ изъ наиболѣе существенныхъ признаковъ, характеризующихъ народность въ смыслѣ культурнаго облика того или другого племени. Какъ всякій другой элементъ культуры, принадлежащей болѣе или менѣе обширному племени, языкъ разнообразится въ зависимости отъ различныхъ общественныхъ, географическихъ и прежде всего историческихъ условій. Эти разнообразные оттѣнки языка, состоящіе въ различномъ произношеніи звуковъ, въ замѣнѣ однихъ звуковъ другими, въ измѣненіи грамматическихъ формъ и синтактическихъ оборотовъ, называются нарѣчіями, поднарѣчіями, говорами. Различіе между этими терминами вполнѣ относительное: о нарѣчіяхъ говорятъ тамъ, гдѣ имѣется въ виду противопоставить имъ языкъ, характеризующій болѣе или менѣе значительную народность въ ея настоящемъ или прошедшемъ; о поднарѣчіяхъ—тамъ, гдѣ требуется указать, что они, какъ части, связаны съ цѣлымъ, опредѣляемымъ какъ нарѣчіе, въ противоположеніи къ еще болѣе обширному цѣлому, называемому языкомъ и т. д. Строго говоря, каждая мелкая общественная группа имѣетъ свой «языкъ»: его можно назвать языкомъ, когда о немъ говорятъ безотносительно; его назовутъ говоромъ, поднарѣчіемъ, нарѣчіемъ, если потребуется опредѣлить его отношеніе къ языку тѣхъ болѣе крупныхъ единицъ, въ составъ которыхъ входитъ эта общественная группа. Сравненіе русскаго языка съ церковно-славянскимъ, сербскимъ, польскимъ, чешскимъ и др. показываетъ, что онъ восходитъ вмѣстѣ съ ними къ одному общему, не дошедшему до насъ въ письменныхъ памятникахъ, языку; такой выводъ стоитъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ историческихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ происхожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ отъ одной общей племенной группы. Русскій языкъ, какъ и русскій народъ, можно назвать славянскимъ нарѣчіемъ, славянскимъ племенемъ, имѣя въ виду, что этотъ народъ и его языкъ входили нѣкогда въ составъ того предполагаемаго цѣлаго, которое впослѣдствіи распалось на отдѣльныя, дожившія до настоящаго времени славянскія племена и нарѣчія. Языкъ этого общаго предка всѣхъ славянъ принято называть въ наукѣ общеславянскимъ; въ свою очередь, онъ восходитъ къ индоевропейскому праязыку, отъ котораго произошли литовскій, германскіе, латинскій, греческій, древнеиндійскій и др. языки. Славянское племя, еще до своего распаденія на нѣсколько племенъ, не могло сохранить полнаго единства въ нравахъ и языкѣ вслѣдствіе разселенія на болѣе или менѣе обширномъ пространствѣ. Такимъ образомъ, еще въ общеславянскую эпоху различались отдѣльныя славянскія нарѣчія и говоры, отличавшіеся между собою болѣе или менѣе значительными звуковыми и другими особенностями. Но намъ остается неизвѣстнымъ, какія это были нарѣчія, какъ именно они группировались и соотвѣтствовали ли они хоть отчасти современнымъ разновидностямъ славянской рѣчи. Исторія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій и между прочимъ русскаго начинается со времени распаденія общеславянской семьи. Вмѣсто одного языка, явились три діалектическія группы—*южнославянская*, *западнославянская* и, наконецъ, *восточнославянская*, объединившіяся впослѣдствіи подъ общимъ именемъ *русской*. Ближайшаго родства между русской группой и которой-либо изъ двухъ другихъ группъ доказать нельзя. Сравнительное изученіе отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій приводитъ къ возстановленію языка, общаго нѣкогда всему русскому народу, но уже съ самаго начала, съ эпохи отдѣленія отъ языка общеславянскаго, распадавшагося на отдѣльные нарѣчія и говоры, неизвѣстные намъ, впрочемъ, во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Въ теченіе отдѣльной своей жизни русскій языкъ успѣлъ значительно измѣниться сравнительно съ языкомъ общеславянскимъ: эти измѣненія, отразившіяся во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, сближаютъ ихъ между собой, отличая вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ. Таковы, напр., явленія полногласія: произношеніе «борода» вм. общеславянскаго «борда» характеризуетъ всѣ русскія нарѣчія, между тѣмъ какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ находимъ «brada» (церк.-слав. брада, сербск. брада, чешск. brada), «broda» (польск. и верхне-лужицк. broda). Точно также общеславянскіе звуки *tj*, *dj* въ русскомъ языкѣ, во всемъ составѣ его говоровъ и нарѣчій, перешли въ *ч* и *жс* (хочешь, межа), между тѣмъ какъ въ остальныхъ славянскихъ язы-

Библиотека "Руниверс"

кахъ находимъ *шт* и *жд* (церк.-слав. хоштеши, межда), *с* и *з* или *dz* (польск. chcesz, miedza) и др. Съ теченіемъ времени общерусскій языкъ распался на нѣсколько нарѣчій, діалектическихъ группъ. Сравнительное изученіе современныхъ нарѣчій даетъ возможность возстановить число этихъ группъ и охарактеризовать ихъ взаимныя отношенія. Дѣленіе русскихъ говоровъ на великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія не можетъ быть признано древнимъ. Образованіе этихъ нарѣчій стоитъ въ тѣсной связи съ образованіемъ трехъ великихъ народностей, на которыя распалось русское племя. Не подлежитъ сомнѣнію, что народности эти сложились на памяти исторіи: нельзя говорить о бѣлоруссахъ, малоруссахъ, великоруссахъ въ X или XI в.; но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно сомнѣваться и въ томъ, чтобы между древнерусскими племенами, о которыхъ повѣствуютъ лѣтописцы, не слѣдовало различать болѣе или менѣе обширныхъ группъ, объединявшихся, по своему географическому сосѣдству, въ языкѣ и обычаяхъ. При этомъ весьма вѣроятно и то, что первоначальная группировка русскихъ племенъ не соотвѣтствовала современной группировкѣ русскихъ говоровъ; сравнительное изученіе великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ приводитъ къ убѣжденію, что великорусское нарѣчіе соединило говоры, принадлежавшіе нѣкогда къ разнымъ діалектическимъ группамъ. Въ этомъ нарѣчіи различаются южное и сѣверное поднарѣчія. Въ первомъ изъ нихъ неударяемыя *о*, *е* принимаютъ окраску звуковъ *а* и *ы* (*и*), при извѣстныхъ же условіяхъ переходятъ въ *а* (*и*), напр. вада, сяло́; звукъ *г* произносится какъ звонкая придыхательная согласная, сходно съ малорусскимъ *г*; звукъ *а* склоненъ къ переходу въ *у* (городу́ вм. городо́въ); звукъ *т* въ *в* л. обоихъ чиселъ не отвердѣваетъ (хо́дить, беру́ть). Во второмъ, сѣверновеликорусскомъ, поднарѣчіи *о* неударяемое остается безъ измѣненія, *е* неударяемое склонно къ переходу въ *о* (сёло́), звукъ *г* произносится какъ звонкая мгновенная согласная (какъ латинское *g*), звукъ *в* не переходитъ въ *у* (городо́ф вм. городо́въ); звукъ *т* въ 3 лицѣ обоихъ чиселъ отвердѣваетъ (хо́дитъ, беру́тъ). Указанные здѣсь признаки южновеликорусскаго поднарѣчія, рѣзко отличающіе его отъ сѣверновеликорусскаго, роднятъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ: они прямо указываютъ на то, что южно-великорусскіе и бѣлорусскіе говоры принадлежали раньше къ одной діалектической группѣ, отличавшейся отъ той, которая соотвѣтствовала современному сѣверновеликорусскому поднарѣчію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, можно указать на нѣкоторыя черты языка, общія обоимъ великорусскимъ поднарѣчіямъ и чуждыя говорамъ бѣлорусскимъ: таковы, напр., переходъ *ы* въ *о* передъ *й* (мою вм. мыю; просто́й и прасто́й вм. простый) или образованіе именит. множеств. на *а* вм. *ы* (города́, дома́). Вотъ почему надо признать, что нѣкогда южновеликорусскіе и бѣлорусскіе говоры составляли одну діалектическую группу, но, по ея распаденіи, одна часть ея образовала бѣлорусское нарѣчіе, а другая, примкнувъ къ сѣверноруссской группѣ, составила, вмѣстѣ съ нею, нарѣчіе великорусское. Различіе между малорусскимъ нарѣчіемъ, съ одной стороны, великорусскимъ и бѣлорусскимъ—съ другой, гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между великорусскими и бѣлорусскими говорами: ясно, что древнерусскіе говоры, соотвѣтствующіе малорусскому нарѣчію, составляли особую діалектическую группу. Имѣя въ виду, что исторія русскаго народа не свидѣтельствуетъ о слишкомъ значительныхъ передвиженіяхъ русскихъ племенъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ ихъ застаютъ IX—X вв., можно съ увѣренностью утверждать, что первоначально русскій языкъ распадался на три большія діалектическія группы: *южную*, сидѣвшую на юго-западѣ Европ. Р., *среднюю*, занимавшую среднюю ея часть, и *сѣверную*, заселявшую сѣверъ. Памятники языка удостовѣряютъ, что уже въ XI и XII вв. выступали наружу тѣ звуковыя особенности, которыя въ настоящее время характеризуютъ русскія нарѣчія: мѣна *ч* и *ц*, столь обычная и теперь на сѣверѣ, встрѣчается уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ Новгородской и сосѣднихъ областей; переходъ *ѣ* въ *и*, смѣшеніе *ы* и *и*—черты, свойственныя современнымъ малорусскимъ говорамъ—встрѣчаются уже въ памятникахъ XII в., писанныхъ въ Кіевской и Волынской земляхъ; въ самомъ началѣ XIV в. мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ говоровъ средней діалектической группы сильное аканье, т. е. переходъ *о* въ *а* и *е* въ *я*. Такимъ образомъ, на основаніи свидѣтельства древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, можно предполагать исконное дѣленіе русскаго языка на три діалектическія группы. Исторія народа подтверждаетъ такое дѣленіе: южныя племена, соотвѣтствующія современнымъ малорусскимъ, начиная съ конца XII ст., живутъ отдѣльною отъ остальныхъ русскихъ племенъ жизнью; сѣверныя племена, вмѣстѣ съ восточною отраслью племенъ среднерусскихъ, образуютъ, съ теченіемъ времени, Московское государство, а западная отрасль послѣднихъ племенъ входитъ въ составъ государства Литовско-русскаго. Усиленіе политическихъ центровъ въ средней Р.—на востокѣ въ бассейнѣ Оки, на западѣ въ бассейнѣ Западной Двины,—стоитъ въ тѣсной связи съ распаденіемъ политическаго союза, объединившаго, подъ руководствомъ князей-Рюриковичей, всѣ земли, занятыя русскими племенами. Результатомъ паденія Кіева, вызваннаго не столько внѣшними, сколько внутренними причинами, было тяготѣніе среднерусскихъ племенъ къ двумъ противоположнымъ центрамъ новой областной жизни, смѣнившей прежній племенной бытъ. Сначала только нѣкоторыя, а впослѣдствіи, въ силу историческихъ условій, всѣ восточныя племена среднерусской группы потянули къ Владиміру и Москвѣ, между тѣмъ какъ западныя племена этой группы примкнули къ Полоцкой землѣ, гдѣ уже издавна, вслѣдствіе благопріятныхъ условій, были заложены основанія новой, чуждой древней Руси, государственной жизни. — Москвѣ, вокругъ которой сосредоточились сначала лишь нѣкоторыя сѣ-

Библиотека "Руниверс"

верныя и среднерусскія племена, удалось—благодаря естественному тяготѣнію другихъ родственныхъ племенъ къ центру, имѣвшему сначала областной, а потомъ и государственный характеръ,—объединить всю страну, занятую сѣверной группой и восточной отраслью среднерусской группы. Въ самой Москвѣ образовалось новое нарѣчіе, совмѣщавшее особенности среднерусскихъ и сѣверныхъ говоровъ: отъ первыхъ оно заимствовало гласныя (аканіе), отъ вторыхъ согласныя (напр. *г*=лат. *g*). Въ бассейнѣ Оки, сначала вокругъ Владиміра, а потомъ Москвы, стала образовываться великорусская народность, при чемъ и языкъ обѣихъ, нѣкогда обособленныхъ, діалектическихъ группъ началъ переживать общія явленія: въ цѣломъ рядѣ пограничныхъ мѣстностей, а также въ областяхъ вновь колонизованныхъ, стали образовываться смѣшанные говоры, между тѣмъ какъ особенности московскаго нарѣчія проникали, благодаря культурнымъ вліяніямъ, въ города и областные центры. Въ результатѣ, въ области, занятой великорусской народностью, получилась довольно пестрая смѣсь различныхъ говоровъ; понять ее возможно только при историческомъ изученіи каждой мѣстности. Полоцкая область, объединившая среднерусскія племена съ нѣкоторыми сѣверными и южными русскими племенами въ бассейнахъ Березины и Припяти, уже по самой разноплеменности этнографическаго своего состава, была призвана къ политической жизни; тѣсный союзъ русскаго ея населенія съ Литвой обезпечилъ ростъ новаго государства. Благодаря ему окрѣпла бѣлорусская народность; западныя вѣтви среднерусскаго племени получили при этомъ полный перевѣсъ надъ другими элементами и расширили свое вліяніе къ сѣверу (Псковская обл.). Центръ древнерусскаго *племеннаго* союза, Кіевъ, послѣ распаденія союза не скоро получилъ возможность стать областнымъ и государственнымъ центромъ: для этого потребовалось литовское завоеваніе. Центрами областной жизни южной Руси стали Галичъ и Владиміръ-Волынскій: эти города были, повидимому, мѣстомъ столкновенія двухъ главныхъ племенъ южнорусскихъ—сѣверныхъ и южныхъ; отсюда ихъ областное (а не только племенное) значеніе и ихъ политическій ростъ. Современный малорусскій языкъ сохранилъ ясныя указанія на двойственность главныхъ элементовъ, которые отразились въ его нарѣчіяхъ и говорахъ: рядомъ съ сѣверномалорусскимъ нарѣчіемъ мы находимъ украинско-галицкое нарѣчіе, имѣющее нѣсколько значительныхъ разновидностей. Наиболѣе рѣзко отличается отъ прочихъ разновидностей восточноукраинское нарѣчіе, въ которомъ меньше всего точекъ соприкосновенія съ сѣверномалорусскими говорами (ср. *і* изъ *о*, постоянно смягчающее согласныя; средній звукъ между *ы* и *и*; мягкое *р*; мягкое *т* въ 3 л. ед. и мн. др.). Имѣя въ виду, что населеніе современной Полтавщины и слободской Украйны, вѣроятно, пришло главнымъ образомъ изъ такъ называемаго Побережья, т. е. изъ мѣстности между Днѣстромъ и Бугомъ, до сихъ поръ весьма населенной, восточноукраинскіе говоры можно признать наиболѣе характерными представителями южномалорусскаго нарѣчія. Западноукраинскіе и галицкіе говоры представляютъ своеобразныя сочетанія южномалорусскихъ звуковыхъ чертъ съ сѣверномалорусскими. Соображая все это, слѣдуетъ заключить, что современные малорусскіе говоры восходятъ къ двумъ древнимъ малорусскимъ нарѣчіямъ—сѣверному и южному; отражая эти нарѣчія лишь частью въ первоначальной чистотѣ, бо́льшая часть малорусскихъ говоровъ представляетъ смѣшеніе обоихъ типовъ, съ явнымъ, впрочемъ, преобладаніемъ южнаго типа. Смѣшанное населеніе положило основаніе малорусской народности, подобно тому, какъ великорусская народность явилась результатомъ столкновенія нѣсколькихъ среднерусскихъ и сѣверныхъ племенъ. Какъ великорусская народность образовывалась въ связи съ политическимъ ростомъ государства въ бассейнѣ Оки, такъ точно начало развитія народности малорусской стоитъ въ тѣсной связи съ государственной дѣятельностью Даніила и его преемниковъ: при нихъ начало осѣдать населеніе, пришедшее въ броженіе вслѣдствіе татарскаго нашествія.

Современный составъ русскихъ говоровъ въ значительной еще степени отражаетъ судьбу отдѣльныхъ областей древней Руси. Какъ указано выше, *великорусское* нарѣчіе дѣлится на два главныхъ поднарѣчія—сѣверное и южное.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе слышится въ областяхъ, частью издавна населенныхъ новгородскими славянами и родственными имъ кривичами, частью уже въ историческое время колонизованныхъ тѣми же племенами. Въ Европ. Р. сюда относятся губерніи Новгородская, С.-Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Владимірская, Вятская и Пермская. На этомъ громадномъ пространствѣ рѣзко выдѣляется цѣлый рядъ мѣстныхъ говоровъ, но до сихъ поръ ихъ не удалось сгруппировать въ болѣе или менѣе обширныя дѣленія. Попытка Даля различить въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи вост. и зап. поднарѣчія встрѣтила серьезныя затрудненія въ звуковыхъ данныхъ; это обстоятельство стоитъ, конечно, въ связи съ тѣмъ, что новгородская колонизація долгое время шла на С и В почти безпрерывно. Къ Ю отъ указаннаго пространства тянутся съ одной стороны области, гдѣ проходитъ древняя граница между сѣв. и среднерусскими говорами, а съ другой — области, сравнительно недавно колонизованныя Владимірскимъ и затѣмъ Московскимъ государствомъ, а потому до сихъ поръ представляющія пеструю смѣсь обоихъ элементовъ, образовавшихъ Владиміръ и Москву: сѣвернаго (сѣверно-великорусскаго) и среднерусскаго (южно-великорусскаго). Къ областямъ, гдѣ издавна проходила граница между обоими русскими нарѣчіями, принадлежатъ современныя губерніи Псковская, Тверская и Московская. *Псковская* губ. только въ сѣв. своей части принадлежитъ къ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Окаютъ (говорятъ на *о*), кажется, только въ Порховскомъ у.: въ Псков-

Библиотека "Руниверс"

(комъ и Островскомъ уѣздахъ замѣчается смѣшеніе сѣверно-русскихъ и среднерусскихъ (бѣлорусскихъ) особенностей: здѣсь акаютъ и якаютъ (вада, вяду), смѣшиваютъ *е* и *у*, измѣняютъ *г* въ концѣ словъ на *х* (парохъ вм. порогъ, Псков.), произносятъ *ч* вм. *ы* (мэю, Остр.), употребляютъ мягкое *т* въ 3 л. ед. и мн. (работаютъ), но рядомъ со всѣми этими среднерусскими чертами наблюдаются и сѣверно-русскія: *г* произносится какъ лат. *g* (а въ Островскомъ у. оно переходитъ въ концѣ словъ въ *х*: сапо́къ), въ род. ед. вм. *ого* говорятъ *ово, ова* (яво́, худо́ва), вм. *ч* употребляютъ твердое *и* (цокаютъ). Говоръ южн. уѣздовъ—Великолуцкаго, Опочецкаго, Холмскаго, Торопецкаго можно причислить къ бѣлорусскимъ, хотя и здѣсь встрѣчаются черты, заимствованныя изъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія: поканіе, произношеніе *г* какъ лат. *g*. Исторія Псковской земли объясняетъ все разнообразіе ея говоровъ: здѣсь происходила борьба новгородскаго вліянія съ вліяніемъ Литовско-русскаго государства. Сначала, Псковъ — пригородъ Новагорода Великаго, но частью уже съ XIII вѣка и постоянно съ начала XIV в. онъ принимаетъ къ себѣ князей литовскихъ. Вѣроятно, что эта борьба была слѣдствіемъ столкновенія между двумя русскими племенами—древними поселенцами Псковскаго края, кривичами, и населеніемъ, двигавшимся съ Ю, изъ Полоцкой земли. Только такое предположеніе объяснитъ тѣ рѣзкія отличія псковскаго говора отъ новгородскаго, которыя уже для XIV в. указаны Соболевскимъ. Въ самой Новгородской области происходило столкновеніе между обѣими народностями: въ XV в. населеніе юго-зап. ея окраины тянуло къ Литовско-русскому княжеству и смѣсной судъ новгородскаго и литовскаго тіуновъ для Великихъ Лукъ былъ обезпечиваемъ договорами. Сосѣдняя съ Псковской *Тверская* губ. представляетъ такой же пестрый составъ русскаго населенія. Сѣв.-зап. ея уѣзды (Вышневолоцкій, Осташковскій, Старицкій, Тверской) акаютъ, а юго-зап. (Зубцовскій и въ особенности Ржевскій) имѣютъ рядъ типическихъ бѣлорусскихъ особенностей (здѣсь, между прочимъ, дзекаютъ, т. е. произносятъ *т* и *д* какъ *ц* и *дз*). Напротивъ, сѣв. и вост. уѣзды (Бѣжецкій, Калязинскій, Корчевской, Кашинскій) принадлежатъ къ области сѣверновеликорусскаго нарѣчія. Область, занимаемая Тверской губ., соотвѣтствуетъ области древняго Тверского княжества: образованіе его относится къ XIII в., а наибольшій политическій ростъ—къ слѣдующему XIV вѣку. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь произошло столкновеніе древнихъ поселенцевъ — кривичей (занимавшихъ не только верховья Волги, но также бассейны верхнихъ ея притоковъ — Мологи и Шексны)—съ новыми поселенцами, шедшими съ З и ЮЗ. Появленіе этихъ элементовъ у верховьевъ Волги стоитъ въ тѣсной связи съ броженіемъ среднерусскихъ племенъ, которое было вызвано нашествіемъ татаръ; усиливъ древнее населеніе этихъ мѣстностей, новые пришельцы содѣйствовали образованію самаго Тверского княжества, которое, вскорѣ послѣ татарскаго нашествія, получаетъ преобладающее значеніе въ сѣверо-восточной Руси. Въ *Московской* губ. издавна сходились поселенія сѣверноруссkія (съ С и В) и среднерусскія (съ Ю и З). Въ настоящее время среднерусскіе акающіе говоры въ значительной степени расширились на счетъ сѣверноруссkихъ окающихъ, въ сѣв. части Московской губ.: въ Волоколамскѣ—этой древней новгородской колоніи—акаютъ; новгородскіе выходцы, вѣроятно, ассимилировались тѣмъ самымъ новымъ поселенцамъ, которые въ Тверской землѣ съ Ю и З потѣснили кривичей. Граница южновеликорусскаго и сѣверно-великорусскаго нарѣчій проходитъ теперь на В отъ Москвы: наблюдатели указываютъ, что въ самомъ Московскомъ у. по Ярославской дорогѣ населеніе еще не такъ давно говорило на *о*; въ Дмитровскомъ и Богородскомъ уу. окающіе говоры имѣютъ до сихъ поръ значительное распространеніе. Сама Москва до сихъ поръ оказывается на границѣ двухъ или нѣсколькихъ русскихъ племенъ: на В отъ Москвы окаютъ, на ЮВ и З господствуютъ весьма отличныя другъ отъ друга, хотя и одинаково акающія нарѣчія. Являясь естественнымъ центромъ, Москва не навлзывала своего языка и народности примкнувшимъ къ ней областямъ; напротивъ, она восприняла ихъ говоры и племенныя черты. Въ результатѣ Москва образовала свое особенное нарѣчіе, соединившее звуковыя черты тѣхъ главныхъ нарѣчій, которыя сталкивались у ея стѣнъ; заимствовавъ изъ среднерусскаго нарѣчія вокализмъ (гласныя), московское нарѣчіе получило свой консонантизмъ (согласныя) отъ сѣверно-русскаго нарѣчія: въ Москвѣ акаютъ, но *г* произносятъ какъ латинское *g* (а въ концѣ слова какъ *х*), измѣняютъ *г* въ *в* въ род. ед. мѣстоименій и прилагательныхъ, не смѣшиваютъ *у* и *в*, имѣютъ твердое *т* въ 3 лицѣ единств. и множ. и т. д. Итакъ, московскій говоръ трудно признать среднерусскимъ или сѣверно-русскимъ. Это — говоръ великорусскаго нарѣчія, главный и типическій его представитель. Москва стала центромъ новой народности — великорусской; содѣйствовавъ сближенію нарѣчій среднерусскаго и сѣверно-русскаго, она положила основанія государственнаго и общаго литературнаго языка. Предѣлы сѣверно-русскаго нарѣчія простирались нѣкогда южнѣе, чѣмъ теперь. Лѣтопись сохранила указаніе на то, что Муромъ примыкалъ къ союзу сѣверно-русскихъ племенъ, призвавшихъ князей. Дѣйствительно, и въ настоящее время Муромскій у. Владимірской губ. принадлежитъ къ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія; но политически онъ въ удѣльный періодъ тянулъ къ Рязани. Это явленіе указываетъ, вѣроятно, на то, что Ока была нѣкогда границей сѣв. и среднерусской колонизаціи, но среднеруссы, вслѣдствіе благопріятныхъ политическихъ условій, перешли мѣстами и за нее. Это особенно ясно при изученіи говоровъ заокской части Касимовскаго у., гдѣ проф. Будде обнаружилъ существованіе сѣверно-русскаго нарѣчія, испытавшаго на себѣ среднерусское (южно-великорусское) вліяніе: очевидно, что

Библиотека "Руниверс"

древніе поселенцы ассимилировались новому притоку русскаго населенія, шедшаго съ Ю или З. Среднее Поволжье (современныя губерніи Нижегородская, Казанская, Симбирская) было колонизовано подъ охраной сначала Владимірскаго, а потомъ Московскаго великаго княжества и царства. Составъ новыхъ поселенцевъ, среди которыхъ находимъ представителей обоихъ племенъ, образовавшихъ великорусскую народность, показываетъ, откуда шла колонизація. Въ названныхъ губерніяхъ встрѣчаются частью акающіе, частью окающіе говоры; тамъ же образовались смѣшанные говоры, соединившіе различныя сѣверно-русскія и среднерусскія черты (напр., аканіе, но при этомъ произношеніе *г* какъ латинскаго *g*, твердое *т* въ 3 л., стяженіе *ае* въ *а*). Такіе же разнообразные говоры представляютъ мѣстности къ Ю отъ этихъ губерній—Пензенская, Саратовская и сосѣднія съ ними съ В губерніи.

Южновеликорусское нарѣчіе обнимаетъ современныя губерніи Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую, нѣкоторыя части Смоленской, Курской и Черниговской; кромѣ того, южновеликорусскіе говоры, какъ мы видѣли, занимаютъ значительную часть Московской и Тверской губ.; равнымъ образомъ они распространены въ губерніяхъ, колонизованныхъ южновеликоруссами одновременно съ сѣверноруссами (см. выше). Колонизація южныхъ окраинъ Московскаго государства шла изъ пограничныхъ съ степью мѣстностей: вотъ почему въ Воронежской губ., въ Области Войска Донскаго, наконецъ въ Новороссіи, мы встрѣчаемъ населеніе, говорящее по-южновеликорусски. Весьма трудно установить зап. границу южновеликорусскаго нарѣчія, такъ какъ на З оно сосѣдитъ здѣсь съ родственнымъ по происхожденію нарѣчіемъ бѣлорусскимъ: отличительными признаками бѣлорусскихъ говоровъ слѣдуетъ признать только дзеканіе и отвердѣніе *р*. Разсмотримъ затѣмъ отдѣльно нѣкоторыя окраины южновеликорусскаго нарѣчія. Рязанская земля представляется заселенной уже въ XI в.: это удѣлъ младшей линіи черниговскихъ князей. Весьма вѣроятно, что они послѣдовали въ эту страну за русскимъ населеніемъ, осѣдавшимъ среди финскаго племени; слѣдовательно, Рязань колонизована тѣмъ русскимъ племенемъ, которому принадлежали и Курскъ, и Елецъ, т. е. племенемъ, сидѣвшимъ въ княжествахъ Новгородъ-Сѣверскомъ и Черниговскомъ. Трудно допустить, чтобы заселеніе Рязани шло только съ З и СЗ, изъ губерній Тульской и Калужской. Въ концѣ XI в. земли по верхнему теченію Оки еще не были вполнѣ покорены русскимъ князьямъ; сохраняя свою племенную обособленность, вятичи врядъ-ли могли пуститься въ колонизаціонное движеніе и остановить—по крайней мѣрѣ собственными силами, безъ содѣйствія сѣверянъ—распространеніе сѣверноруссовъ, уже въ IX в. дошедшихъ до нижняго теченія Оки (Муромъ). Во всякомъ случаѣ господствующимъ русскимъ племенемъ въ Рязани были среднеруссы: языкъ до сихъ поръ роднитъ рязанцевъ съ туляками, калужанами и бѣлоруссами, свидѣтельствуя объ ихъ одноплеменности. Позднѣйшая судьба разъединила эти части среднерусскаго племени, но рѣзкія звуковыя отличія, напр. аканіе, до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о ихъ бывшемъ единствѣ. Большая часть Тульской губ. (кромѣ южныхъ ея уѣздовъ), Калужская губ. и сѣв. часть Орловской губ. были въ древности заселены упомянутыми выше вятичами. Это племя, вмѣстѣ съ радимичами и вѣроятно также дреговичами (сидѣвшими на З отъ радимичей), въ древности, на мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселеній, примыкало, повидимому, къ польскимъ говорамъ, съ которыми пережило нѣкоторыя общія фонетическія явленія (дзеканіе): намекъ на это находимъ у лѣтописца, который выводитъ родоначальниковъ вятичей и радимичей—Вятка и Радима—отъ ляховъ. Впослѣдствіи эта звуковая черта, подъ вліяніемъ сосѣднихъ говоровъ (сѣверянъ, граничившихъ съ вятичами съ Ю и В), почти совсѣмъ исчезла, оставивъ слабые слѣды, напр., въ Мещовскомъ у., гдѣ до сихъ поръ извѣстно произношеніе зля вм. для. Смѣшанный характеръ современныхъ калужскихъ говоровъ сказывается и въ другихъ чертахъ: рядомъ съ сохраненіемъ *ы* въ мыю, рыю или переходомъ его въ *э* (мэю, рэю) извѣстно произношеніе *ой* вм. *ый* въ им. ед. муж. р. именъ прилагательныхъ (прастой, сляпой); это *ой*, очевидно, заимствовано изъ другихъ говоровъ. Тѣмъ не менѣе, отсутствіе дзеканія прямо указываетъ, что населеніе указанныхъ губерній было втянуто въ сферу вліянія говоровъ, образовавшихъ южновеликорусское нарѣчіе. Въ Черниговской, Курской и части Орловской губ. сохранились древніе сѣверскіе говоры, въ первой—въ смѣшеніи, а во второй—въ сосѣдствѣ съ говорами малорусскими: разрѣженное послѣ татарскаго нашествія населеніе Сѣверской земли должно было раздѣлить свои земли съ новыми колонистами, шедшими сначала изъ Полѣсья, а впослѣдствіи потянувшими съ ЮЗ. Наплывъ этихъ новыхъ элементовъ начался въ эпоху литовско-русскаго владычества надъ этими землями. На время почти всѣ земли родственныхъ между собой вятичей, радимичей и дреговичей были соединены въ одно политическое тѣло: рука литовско-русскихъ князей доходила и до Ельца, но въ скоромъ времени Одоевскіе, Новосильскіе, Мценскіе, Мезецкіе (Мещовскіе), Мосальскіе князья принуждены были покориться Московскому государству. Въ Смоленской землѣ сходились нѣкогда сѣверноруссія и среднерусскія поселенія: это видно какъ изъ того, что самъ Смоленскъ признается въ лѣтописи кривичскимъ (сѣверноруссскимъ) городомъ, такъ и въ особенности изъ того, что сѣв. уѣзды Смоленской губ. (Порѣчскій, Бѣльскій, Духовщинскій) сохранили до сихъ поръ въ своемъ говорѣ сѣверноруссскую черту — цоканіе. Среднеруссы южной и восточной части Смоленской земли рано подпали подъ вліяніе восточныхъ (сѣверскихъ) говоровъ и утратили нѣкоторыя типическія черты въ своемъ языкѣ; напротивъ, въ зап. части сохранились дзеканіе и твердое *р*, что и заставляетъ дѣлить Смоленскую

Библиотека "Руниверс"

губ. между бѣлоруссами и южновеликорусами.

Бѣлорусское наръчіе — это прямой потомокъ той вѣтви среднерусскаго нарѣчія, которая, какъ мы видѣли, сосѣдила издавна съ польскими говорами и пережила вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя общія звуковыя явленія (дзеканіе). Восточные говоры среднерусской семьи рано отошли въ сферу вліянія вост. вѣтви среднерусскаго нарѣчія; напротивъ, зап. племена (дреговичи, радимичи и часть вятичей), пользуясь, вѣроятно, приливомъ населенія изъ опустошенной татарами Сѣверщины, образовали, въ союзѣ съ Литвой, особое государство и слились въ одну народность. Одно время бѣлоруссы могли начать поступательное движеніе къ С и СВ: они доглотили полоцкихъ кривичей, о которомъ свидѣтельствуютъ цокающіе говоры Себежскаго, Велижскаго, Витебскаго и Городокскаго у. Витебской губ. и оттѣснили кривичей въ Псковской и Тверской землѣ (см. выше). Только нын. Могилевская губ. (земля радимичей, живш. между Днѣпромъ и Сожемъ) не сохранила слѣдовъ столкновенія различныхъ русскихъ племенъ (исключеніе составляетъ южн. часть Гомельскаго у., куда проникли малорусскія особенности). Въ нын. Минской губ., составлявшей нѣкогда южную часть Полоцкаго и свв. часть Кіевскаго княжествъ, проходитъ до сихъ поръ діалектическая граница среднеруссовъ и южноруссовъ. Теперь она уже не такъ рѣзко выражена: въ древности среднее и нижнее теченія Березины и нижнее теченіе Свислочи составляли границу Полоцкаго и Кіевскаго княжествъ; а въ настоящее время мы встрѣчаемъ рядъ переходныхъ говоровъ отъ бѣлорусскихъ къ сѣверномалорусскимъ въ серединѣ Минской губ., а именно въ южной части Минскаго у., въ уѣздахъ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ (Соболевскій, «Опытъ діалектологіи»). Говоры южной части Мозырскаго у. (по правую сторону р. Припяти) можно относить уже къ сѣверномалорусскому нарѣчію. Въ Пинскомъ у. бѣлоруссы столкнулись не только съ сѣверными, но и съ южными малоруссами. Въ нын. Гродненской губ., наконецъ, бѣлоруссы встрѣтились какъ съ мазовецкими говорами, оказавшими вліяніе на ихъ языкъ, напр. въ Волковыскомъ у., такъ и съ сѣверномалорусскими, оказавшими на нихъ рѣшительное вліяніе: ср. малорусскіе дифтонги въ бѣлорусскихъ (акающихъ) говорахъ Слонимскаго, Волковыскаго, Сокольскаго и др. уу. Въ виду указаннаго выше предположенія объ исконномъ сосѣдствѣ зап. вѣтви среднерусскаго племени съ польскими говорами, я думаю, что появленіе южноруссовъ въ бассейнѣ Нѣмана сравнительно новаго происхожденія: впрочемъ, оно во всякомъ случаѣ имѣло мѣсто уже въ XI и XII ст., такъ какъ иначе непонятно совпаденіе границъ кіевскаго (южнорусскаго) княжества съ діалектическими границами среднерусскаго (бѣлорусскаго) и малорусскаго нарѣчій.

Малорусское наръчіе дѣлилось нѣкогда, какъ указано выше, на два главныя поднарѣчія—сѣверное и южное. Вторженіе южныхъ малоруссовъ въ область, занятую сѣверными, отодвинуло границы малорусскихъ поселеній къ С: сѣверные малоруссы заняли Подляшье (губ. Сѣдлецкая и часть Гродненской) и углубились въ Полѣсье, перейдя за Припять. Этимъ ихъ движеніемъ раздвигались границы Кіевскаго княжества, доходившія до середины современной Минской губерніи. Западная вѣтвь сѣверныхъ малоруссовъ была откинута вторженіемъ южныхъ малоруссовъ къ З, и Угорская Русь едва-ли не представляетъ остатки сѣверномалорусскихъ племенъ, отступившихъ передъ напоромъ южномалоруссовъ — волынянъ: по крайней мѣрѣ можно указать нѣсколько звуковыхъ чертъ, сближающихъ *угорусское* нарѣчіе съ сѣверномалорусскимъ (напр. измѣненіе долгаго *о* не въ *і*, а въ *у*, а также въ *уі*. Къ В отъ этого поднарѣчія расположены *галицкое* и *подольско-холмское* поднарѣчія: первое изъ нихъ принадлежитъ несомнѣнно южно-малорусской семьѣ, но оно восприняло не мало чертъ первоначальныхъ жителей этой мѣстности, сѣверно-малоруссовъ, ассимилировавшихся позднѣйшимъ посельщамъ—южанамъ; таковы. напримѣръ: переходъ звука *а* послѣ мягкихъ свистящихъ, шипящихъ и *j* въ смягчающее предшествующую согласную *е*: произношеніе щестья и щесте, дэржеть, взівъ, вы. щястья, дэржять, взявъ, обще подляшскому и галицкому поднарѣчіямъ. Второе поднарѣчіе, подольско-холмское, еще ближе къ чистому типу южно-малорусскаго нарѣчія: мало отличаясь отъ украинскаго нарѣчія, занимающаго обширныя пространства къ востоку, оно сближается съ *западно-украинскимъ* поднарѣчіемъ, простирающимся на востокъ до Днѣпра, тѣмъ, что приняло нѣсколько сѣверно-малорусскихъ чертъ. Присутствіе въ западно-украинскомъ этихъ наносныхъ звуковыхъ особенностей (напримѣръ отвердѣніе *р*, *т* твердое въ 3 лицѣ, произношеніе *и* какъ *ы*) отличаетъ его отъ *восточно-украинскаго* поднарѣчія, чуждаго какого-бы то ни было вліянія со стороны сѣверно-малорусскихъ говоровъ: это поднарѣчіе занимаетъ нын. губ. Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую и Новороссійскія. Очевидно, восточные украинцы никогда не сосѣдили съ сѣверными малоруссами: вотъ почему правильнѣе всего выводить ихъ изъ южной части задднѣпровской Украины (южной части нын. Подольской губ.). Въ сѣверозападной части нын. Полтавской губ. и южной части Черниговской восточно-украинскіе говоры подверглись вліянію сѣверно-малорусскаго говора Подесенья и образовали особое поднарѣчіе—*сѣверско-украинское* или *пѣжинско-переяславское*. Сѣверные малоруссы перешли за Днѣпръ, гдѣ смѣшались съ остатками сѣверянъ, сравнительно поздно, очевидно—подъ охраной литовско-русской государственной власти. Древнія поселенія ихъ, какъ и всего малорусскаго племени, не переходили за Днѣпръ. Теперь мы застаемъ *сѣверно-малорусское* нарѣчіе, съ одной стороны, на крайнемъ западѣ, на границахъ съ Польшей—это *подляшское* поднарѣчіе, занимающее Сѣдлецкую губ., а въ Гродненской—уу. Брестъ-Литовскій и части Бѣльскаго, Кобринскаго и Пружанскаго уу. Съ другой стороны, на восто-

Библиотека "Руниверс"

кѣ *польское* поднарѣчіе занимаетъ въ Кіевской губ. сѣв. части Кіевскаго и Радомысльскаго уу., въ Волынской—Овручскій и прилегающія части сосѣднихъ уѣздовъ. Весьма вѣроятно, что раньше сѣверно-малорускія поселенія простирались нѣсколько южнѣе: къ сѣверу они оттѣснены частью вторженіемъ южныхъ малороссовъ (см. выше), частью татарскимъ погромомъ, превратившимъ Кіевщину въ Украйну. Такимъ образомъ современная группировка малорусскихъ говоровъ по ту сторону Днѣпра ясно отражаетъ судьбы южнорусской народности, какъ онѣ сложились частью въ первые вѣка нашей исторіи, частью уже послѣ татарскаго нашествія. Лѣтопись сохранила воспоминаніе о движеніи южныхъ племенъ на сѣверъ: она говоритъ о вторженіи волынянъ въ область дулѣбовъ и о потерѣ угличами и тиверцами южныхъ поселеній, доходившихъ до Чернаго моря и Дуная. Южные малороссы потѣснили къ сѣверу сѣверныхъ малороссовъ; эти послѣдніе потѣснили средне-русскія племена въ бассейнѣ Припяти. Татарское нашествіе открыло южнымъ малороссамъ новые колонизаціонные пути черезъ Кіевъ, въ опустошенное Заднѣпровье, въ степи, нѣкогда охраняемыя и частью заселенныя средне-русскимъ племенемъ—сѣверянами.

Краткій очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка. Въ теченіе многовѣкового существованія русскаго языка, его звуки и формы, его синтактическій строй и лексическій составъ подверглись значительному измѣненію. Прослѣдить эти измѣненія и связать настоящее русскаго языка, во всѣхъ разнообразныхъ говорахъ, съ его прошедшимъ составляетъ задачу исторической грамматики. Изслѣдователь располагаетъ самыми разнообразными средствами для возстановленія различныхъ эпохъ, которыя переживалъ русскій языкъ въ своемъ историческомъ развитіи. Съ одной стороны, сравнительное изученіе современныхъ русскихъ говоровъ свидѣтельствуетъ о болѣе или менѣе отдаленныхъ эпохахъ, когда эти говоры еще не успѣли обособиться и составляли одно цѣлое, возстановляемое въ своихъ звукахъ и формахъ на основаніи данныхъ настоящаго. Съ другой стороны, сравнительное изученіе славянскихъ языковъ, въ связи съ изученіемъ родственныхъ языковъ индо-европейскихъ, возстановляетъ составъ языка общеславянскаго и такимъ образомъ даетъ возможность съ увѣренностью говорить о той древнѣйшей эпохѣ жизни русскаго языка, въ которой онъ переживалъ явленія, впервые обособившія его отъ другихъ членовъ славянской семьи. Наконецъ, изученіе письменныхъ памятниковъ на протяженіи восьми вѣковъ (XI—XVIII) даетъ матеріалъ, получающій значеніе живого свидѣтельства въ трудѣ изслѣдователя, ставящаго его въ связь съ данными современныхъ живыхъ говоровъ. Древнѣйшую эпоху обособленной жизни русскаго языка можно назвать эпохой общерусскою, такъ какъ въ это время, несмотря на возникновеніе мѣстныхъ говоровъ, русскій языкъ еще не распался на отдѣльныя части и на всемъ своемъ протяженіи переживалъ общія явленія. За этою эпохой слѣдовала эпоха распаденія русскаго языка на три главныя нарѣчія — сѣверное, среднее и южное; распаденіе это произошло не сразу, а подготовлялось постепенно историческими событіями IX—XI вв. Начиная съ XII в., исторія русскаго языка распадается на исторіи отдѣльныхъ его нарѣчій: но взаимная связь между отдѣльными членами русской семьи долго еще не утрачивается, да не утрачена она и до сихъ поръ; она поддерживается столкновеніями племенъ и колонизаціонными движеніями населенія. Тѣмъ не менѣе, начиная съ XII в., нельзя доказать существованія въ языкѣ явленій общерусскихъ; вмѣсто нихъ выступаютъ явленія, или свойственныя одному только нарѣчію, или общія лишь нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ виду всего вышесказаннаго, настоящій очеркъ распадается на три отдѣла: въ 1-мъ дается характеристика эпохи общерусской; во 2-мъ указаны главнѣйшія явленія, предшествовавшія распаденію русскаго языка на три главныхъ его нарѣчія, при чемъ различены явленія, общія всему языку, и явленія діалектическія; въ 3-мъ отдѣлѣ изложена въ самыхъ общихъ чертахъ судьба звуковъ и формъ общерусскаго языка въ его нарѣчіяхъ: сѣверномъ (сѣверно-великорусскомъ), среднемъ (распавшемся на бѣлорусское и южновеликорусское) и южномъ (малорусскомъ).

1. Въ общерусскій языкъ перешли звуки и формы общеславянскаго языка, принадлежавшіе этому языку частью въ цѣломъ его составѣ, частью лишь въ отдѣльныхъ его діалектахъ. Къ числу общеславянскихъ звуковъ, оставшихся въ общерусскомъ языкѣ безъ измѣненія, относятся: гласныя *а*, *у* (въ слоговомъ и неслоговомъ употребленіи, т. е. *w*), *и* (полнаго и неполнаго—передъ неслоговымъ *и*—образованія), *и* (полнаго и неполнаго—передъ неслоговымъ *и*—образованія, а также въ неслоговомъ употребленіи, т. е. *й*); дифтонгическое сочетаніе *ие* (ѣ); *ä* (т. е. нѣмецкій звукъ *ä*), являвшееся въ общеславянскомъ языкѣ діалектически послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ гласными *и*, *е* (*ие*); звуки *ъ* и *ь*, т. е. весьма краткія и неопредѣленныя (глухія) *у* и *и* (*у* и *и* ирраціональныя), бывшія въ одномъ положеніи болѣе сильными, въ другомъ — болѣе слабыми; согласныя—задненебныя, при чемъ при *г*= лат. *g* въ русскій языкъ перешло и *г* приблизительно=лат. *h* (условно обозначаю это второе *г* буквою *h*); смягченныя: *р*, *л*, *н*; *ч*, *жс*, *ш*; *и* (изъ *к*), *з* при діалектическомъ *дз* (изъ *г*), *с* (изъ *х*); смягченныя губныя передъ смягченнымъ *л* (общеславянская діалектическая группа губная + *j* не перешла въ русскій языкъ); средненебная согласная *j*, чередовавшаяся, при извѣстныхъ условіяхъ, съ *й*. Въ числѣ группъ согласныхъ звуковъ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе группъ *dl* и *tl*, діалектически уже въ общеславянскомъ языкѣ измѣнившихся въ *l*, а также отсутствіе группъ *кв*, *гв*, *хв*, вмѣсто которыхъ общерусскій языкъ сохранялъ общеславянскія діалектическія *кw*, *гw*, *хw* (напр. въ словѣ *гвоздь*). — Остальныя гласныя и согласныя

Библиотека "Руниверс"

подверглись въ общерусскомъ языкѣ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ. Среди относящихся сюда явленій отмѣтимъ слѣдующія: а) Переходъ группъ *ч'т'* (*ч* мягкое и *т* мягкое) и *дж'д'* при *ж'д'* въ *ч'* и *ж'*: общеслав. *свеч'т'а*, *меджд'а* измѣнились въ *свѣча*, *межа* (ср. старослав. свѣшта, межда).—б) Переходъ начальнаго *ä* (общеслав. діалект. вм. *je*) въ *ѳ* и далѣе въ *о* (ср. переходъ начальныхъ *е*, *а* въ *о* въ словахъ, заимствованныхъ въ позднѣйшую эпоху): *äдинъ* перешло въ *одинъ*, *äсетръ* въ *осетръ* и т. д.—в) Взаимное сближеніе между гласными и согласными, вызвавшее появленіе новыхъ рядовъ согласныхъ (смягченныхъ и лабіализованныхъ) и измѣненіе нѣкоторыхъ гласныхъ въ направленіи къ *и* (палатализація) и къ *у* (лабіализація). А именно, въ общерусскомъ языкѣ сталъ дѣйствовать законъ полной ассимиляціи согласныхъ слѣдующимъ гласнымъ по органамъ произношенія: передъ гласными передняго ряда (*е*, *ѣ* носовымъ, *ѣ*, *и*, *ь*) согласныя палатализировались, а передъ гласными задняго ряда (*о*, *о* носовымъ, *у*, *ъ*) онѣ лабіализировались. Должно отмѣтить при этомъ, что степень палатализаціи и лабіализаціи зависѣла отъ слѣдующей гласной: такъ передъ *и* согласныя становились мягкими, а передъ *е*—полумягкими. Вновь возникшія сочетанія звуковъ могли подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ: между тѣмъ какъ сочетанія «согласная мягкая + *и* (*ѣ*)» оставались безъ измѣненія, вслѣдствіе однородности составныхъ элементовъ, въ сочетаніяхъ «полумягкая согласная + *е* (простое или носовое) или *ь* (болѣе сильное)» измѣненію подверглись сначала полумягкія согласныя, становившіяся все болѣе палатальными, т. е. переходившія въ мягкія, а потомъ и гласныя, одновременно съ этимъ стремившіяся къ утратѣ или уменьшенію палатальнаго своего характера. При этомъ *е* измѣнялось въ болѣе открытое *ä*: общеслав. *jeste* измѣнилось въ общерусск. *jest'ä*. Но тамъ, гдѣ за *е* слѣдовала палатализованная согласная, оно переходило въ *е* закрытое, склонное къ *и* (общерусск. *м'елютъ* съ закрытымъ *е*); напротивъ, гдѣ за *е* слѣдовала согласная лабіализованная, тамъ оно переходило въ *ѳ* (нѣмец. *ö*, франц. *eu*, но съ болѣе открытымъ произношеніемъ), ассимилируясь этой согласной (общерусск. *м'ѳду* вм. общеслав. *меду*). Носовое *е*, теряя палатальный характеръ, переходило въ носовое *а*: общерусск. *п'ать* съ носовымъ *а* (см. ниже) вм. общеслав. *п'еть* съ носовымъ *е*. Болѣе сильное *ь*, послѣ мягкой согласной, становилось болѣе закрытымъ передъ палатальною согласною (*д'ьн'ь*),—переходило въ *й* (нѣмецкое *ü*, французское *u*) ирраціональное передъ согласною лабіализованною (*д'йнъ*, откуда впослѣдствіи *дѣнь*). Что касается болѣе слабаго *ъ*, то полумягкія согласныя передъ нимъ не пріобрѣтали полной мягкости, если только этому не содѣйствовала какая-нибудь аналогія: *несетъ* съ полумягкимъ *т*, но *костъ* съ мягкимъ *т*, подъ вліяніемъ мягкаго *т* въ *кости*. Такъ возникли въ общерусскомъ языкѣ мягкія согласныя: губныя (извѣстныя въ общеслав. только передъ мягкимъ *л*) и зубныя (*т*, *д*, *с*, *з*, *р*, *л*, *н*); новыя гласныя: *ä* (въ конечномъ открытомъ слогѣ), *ѳ*, *е* закрытое, *а* носовое, *ь* закрытое, *й* ирраціональное. Лабіализація согласныхъ приняла въ общерусскомъ языкѣ широкіе размѣры: изъ общеслав. лабіализованными были получены задненёбныя согласныя, а также, повидимому, согласная *в*; въ самомъ общерусскомъ языкѣ лабіализованныя согласныя возникали передъ лабіализованными гласными, но впослѣдствіи, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ древняго лабіализованнаго ряда задненёбныхъ согласныхъ, они вытѣсняли нелабіализованныя согласныя передъ всѣми непалатализованными гласными. Доказательствомъ этого служитъ распространеніе въ общерусскомъ языкѣ звука *ѳ*, замѣнившаго *е* не только въ слогѣ передъ слогомъ съ лабіализованною гласною, но вообще въ слогѣ передъ слогомъ съ гласною непалатализованною: не только *м'ѳду*, но и *с'ѳла*. Равнымъ образомъ это доказывается вытѣсненіемъ звука *l* звукомъ *ł* (*л*), по происхожденію своему представляющимся согласною лабіализованною. Распространеніе звука *ѳ* послѣ мягкихъ согласныхъ передъ слѣдующей твердой согласной имѣло слѣдствіемъ вытѣсненіе звука *е* послѣ издревле смягченныхъ согласныхъ (*j*, *ж*, *ш* и т. д.): *jему*, *чего*, *жены* переходили въ *jѳму*, *чѳго*, *жѳны*; вытѣсненіе же *е* послѣ издревле смягченныхъ согласныхъ звукомъ *ѳ* передъ твердой согласной повлекло вытѣсненіе звука *е* звукомъ *ѳ* и въ конечномъ открытомъ слогѣ: зв. ед. *божѳ*, пм. ед. *лицѳ*, *твоjѳ*, *вашѳ* и т. д. Неизмѣненнымъ оставался звукъ *е* только въ положеніи послѣ неслогового *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ: *доброе листиѣе*.—г) Переходъ *l* въ *ł* (*л*) повлекъ за собой измѣненіе предшествующихъ *ѳ* (изъ *е*), *й* (изъ *ь*)—въ *о* и *ъ*, тамъ, гдѣ звукомъ *ł* замыкался слогъ: *м'ѳлю* переходило въ *молко* (ср. позже *молоко*), *в'йлкъ* (изъ вьлкъ) переходило въ *вълкъ* (*волкъ*).—д) Носовыя гласныя *о*, *ѳ* (въ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаніяхъ), *а* (изъ *е* носового, согласно предыдущему) потеряли въ общерусскомъ языкѣ свое носовое свойство: при этомъ *о* носовое перешло въ *у* (путь, воду), *ѳ* носовое въ *ѣ* (р. ед. *землѣ*, вин. мн. *мужѣ*), *а* носовое въ *а* съ предшествующей мягкой или твердой согласной: *п'ать*, *ход'а*, *ида* (вм. *иды*, подъ вліяніемъ аналогіи).—е) Долгія *р* и *л* въ положеніи послѣ гласныхъ *о* и *е* и передъ согласными перешли въ общерусскомъ языкѣ въ группы *рр* и *лл*, гдѣ первыя *р* и *л* были неслоговыми, а вторыя *р* и *л*—слоговыми звуками: *воррна*, *голлва* вм. общеслав. *ворна*, *голва* съ долгими *р* и *л*.—ж) Позже общерусскій языкъ, утратившій *р* и *л* чистыя, замѣнилъ и слоговыя *р* и *л* (какъ древняго, такъ и новаго, только что указаннаго происхожденія) соотвѣтствующими лабіализованными и палатализованными согласными, неизвѣстными въ слоговомъ употребленіи, т. е. неслоговыми звуками; но вслѣдствіе этого предшествующіе болѣе слабые звуки *ъ*, *ь* переходили въ болѣе сильные: *мълва*, *върхъ*, *дьрнъ* съ неслоговыми *л*, *р* и сильными *ъ*, *ь*, причемъ *ь* переходило передъ *л* въ *ъ* (*вълкъ*), передъ лабіализованнымъ *р* въ *й* иррац. (*дйрнъ*), а передъ палатализованнымъ — въ закрытое *ь* (*върхъ*).

Библиотека "Руниверс"

Группы же согласныхъ *рр*, *лл*, въ своемъ стремленіи вокализировать второй элементъ (ср. болѣе ранній переходъ долгихъ *р* и *л* неслоговыхъ въ слоговыя), превращали его въ гласную: въ *о*, когда предшествующія *р*, *л* были тверды, въ *е*, когда они были мягки. Такъ, вмѣсто общеслав. *берѣ* явилось *бѐрег* (непосредственно изъ *бер'рг*), вмѣсто общеслав. *ворна—ворòна*, вмѣсто *шелмъ—шòлом* (непосредственно изъ *шòллмъ*). Явленіе это называютъ полногласіемъ: формы какъ *глава́*, *глас*, *время*, *древо*, *чрево* и т. д. оказываются въ русскомъ языкѣ заимствованными изъ языка церковнославянскаго. — з) Дифтонгическое сочетаніе *ѣ* (*ие*) подверглось измѣненіямъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ еще въ общерусскую эпоху, а именно: въ неударяемомъ слогѣ, предъ слогомъ съ ударяемымъ *и*, оно перешло въ *и*; ср. общерусск. *сидѣть* вм. *сьдѣть*, *дитѝна* вм. *дѣтѝна*, *низѝный* вм. *нѣзѝный*; въ положеніи передъ звукомъ *а*, *ъ*, ассимилируясь ему, оно переходило въ *а*, смягчающее предшествующую согласную: *неслахъ*, *бяху* вм. *несьахъ*, *бьяху*.— и) Въ имперфектѣ *аа*, *яа* стянулись въ одно *а*, повидимому, еще въ общерусскую эпоху: *несяху*, *печаше*, *хожахъ*. Бо́льшая часть формъ склоненія и спряженія общеслав. языка продолжала жить и въ общерусскомъ языкѣ. Впрочемъ, еще въ общерусскую эпоху утраченъ рядъ формъ сложнаго склоненія прилагательныхъ: а именно въ тѣхъ сложеніяхъ, гдѣ сохранялись въ окончаніи мѣстоименныя формы, начинавшіяся съ основы *je*, вмѣсто падежной формы прилагательнаго, въ первой части сложенія являлась основа на-*о*: *добраего*, *добруему*, *добрѣемъ* замѣнялись черезъ *доброего*, *доброему*, *доброемъ*, можетъ быть, по образцу *моего*, *твоему*, *коемъ*; отсюда, съ замѣной полныхъ формъ мѣстоименія энклитическими—*доброго*, *доброму*, *добромъ* (ср. діалект. общерусск. *мого*, *твому*). Въ спряженіи общерусскій языкъ утратилъ сигматическій аористъ (напр. ст.-слав. нѣсъ, рѣхъ). Равнымъ образомъ утрачены формы *бимъ*, *би* и т. д., служившія въ общеслав. языкѣ для образованія описательной формы сослагательнаго наклоненія. Кромѣ того, общерусскій языкъ утратилъ почти всѣ образованія настоящаго времени безъ соединительной гласной: сохранивъ образованія съ согласными основами, какъ *есмь*, *дамь*, *имь*, *вѣмь* и изъ гласныхъ основъ *имамь*, общерусскій языкъ вытѣснилъ образованія, подобныя *дѣлаамь*, *знаамь* и т. д.—образованія, восходящія, по свидѣтельству большинства слав. языковъ, къ общеславянской эпохѣ (карпаторусск. *співам* и т. п. явились подъ вліяніемъ польск. и словацк. говоровъ). Личное окончаніе *ть* 3 л. един. и множ. переносилось изъ наст. вр. въ формы имперфекта: *играшеть*, *бяхуть* вм. общеслав. *играше*, *бяху*. Окончаніе *ши* во 2 л. ед. ч. наст. вр. уже въ общерусскую эпоху начало вытѣсняться окончаніемъ *шь* (оба окончанія восходятъ къ общеслав. языку), а подъ вліяніемъ этого, и *хочи* (2 л. ед.) переходило въ *хочь*.

2. Въ эпоху, непосредственно предшествовавшую распаденію русскаго языка, имѣлъ мѣсто рядъ звуковыхъ явленій, частью общихъ всему языку, частью же коснувшихся только отдѣльныхъ его діалектовъ. Къ общимъ явленіямъ относятся: а) исчезновеніе изъ произношенія слабыхъ *ъ*, *ь*, слабо-ирраціональныхъ *ы* (въ положеніи передъ неслоговымъ *и*) и *и* (въ такомъ же положеніи); слабыми и неслоговыми (несоставляющими слогъ) эти звуки были 1) тамъ, гдѣ на нихъ не падало ударе́ніе (удержавшееся, впрочемъ, только въ первомъ слогѣ слова), и 2) тамъ, гдѣ за ними не слѣдовало слога съ слабымъ же и неслоговымъ звукомъ. Такимъ образомъ, общерусскія *кънязь*, *далъ*, *гънати*, *конъца*, *дъска*, *тъстѝ* (д. ед. отъ *тъсть*) и т. д. перешли въ *князь*, *дал*, *гнати*, *кон'ца*, *дска* (*цка*), *тсти* (*цти*). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что языкъ не стѣснялся появленіемъ необычныхъ группъ согласныхъ, возникавшихъ послѣ выпаденія *ъ*, *ь*; его не затрудняли даже такія группы, гдѣ *р*, *л* оказывались между согласными: *крстити* (откуда *кстить*), *пл'сков* (откуда *псковъ*), *крвав* (др.-русск. *кровавъ*). Но, аналогія родственныхъ образованій часто требовала возстановленія исчезнувшаго звука, и такимъ образомъ вм. *ъ*, *ь* появлялись сильно ирраціональныя *ы*, *и*: общерусск. *крывав*, *блыха*, *дрыжати* съ сильнымъ иррац. *ы*, *тривога*, *слиза* съ сильнымъ иррац. *и*. Совершенно также *у́мыйемъ* (съ болѣе слабымъ ирраціональнымъ *ы*, въ противоположность *мыйемъ* съ сильнымъ ирраціональнымъ *ы*), *людйе* (съ слабымъ ирраціональнымъ *и*, въ противоп. *людий* съ сильнымъ иррац. *и*), *листйе* и т. п. переходили въ *у́мйемъ*, *людйе*, *листйе*.—б) Сильныя *ъ*, *ь*, *й* перешли въ эту же эпоху въ *о*, *е*, *ё*: *вълкъ*, *сънъ*, *дъску*, *дньгъ*, *пьсъ* *льнъ* измѣнились въ *волк*, *сон*, *дску*, *ден'* *п'ёс*, *л'ён*; между тѣмъ болѣе сильныя ирраціональныя *ы*, *и* оставались безъ измѣненія, исключая случаевъ, гдѣ они, подъ вліяніемъ аналогіи, были замѣнены сильными *ъ*, *ь* (откуда *о*, *е*): ср. *жеребый* (вм. *жеребий*, подъ вліяніемъ *жеребя́*), откуда *жеребей* (др.-бѣлор. *жеребей*, малор. *соловэ́й*); *гусый* (род. мн. вм. *гусий*, подъ вліяніемъ *гусьмъ*, *гусьхъ*), откуда *гусей* (ср. малор. *гусэ́й*, бѣлор. *гусей*).—в) Конечныя открытыя неударяемыя гласныя *и*, *ы*, *е*, *о*, находясь въ чередованіи съ такими же ударяемыми гласными въ родственныхъ формахъ и образованіяхъ, переходили въ слабыя ирраціональныя *и*, *ы*, слабыя *ь*, *ъ*, которыя, въ силу общаго закона, затѣмъ отпадали: *буд'* вм. *бу́ди* (ср. *иди*; великор. и малор. *буд'*), *ходи́т'* вм. *ходи́ти* (ср. *нести*; великор. *ходит'*, бѣлор. *хадзи́ц'*, малор. діалект. *ходит'*); *несьт'* вм. *несьте* (2 л. мн. повел., ср. *спитѐ*; малор. *несѝт'*); ср. еще *там*, *так* вм. *тамо*, *тако*; малор. *туд* вм. *туды* и др.—г) Звукъ *е*, въ положеніи послѣ группы «смягченная согласная + неслоговое *и*», переходилъ въ открытомъ конечномъ слогѣ въ *ä*, подобно тому какъ всякое *е* звучало какъ *ä* въ томъ же положеніи послѣ смягченной согласной: *людйä*, *листйä* вм. *людйе*, *листйе* (изъ *людйе*, *листйе*).—д) Неслоговое *и* въ положеніи послѣ согласной вскорѣ обратилось въ *j*: *людjä*, *листjä*, *братjа* и т. д. въ положеніи же передъ *и* оно исчезло совсѣмъ: *козий* (вм. *козйий*), *птичий*, *третий*.—е) Полумягкія согласныя, возникавшія еще въ общерусскую эпоху въ положеніи передъ слабымъ

Библиотека "Руниверс"

ь, оказавшись, послѣ исчезновенія такого ь, безъ защиты, отвердѣвали въ конечномъ слогѣ, если этому не препятствовала какая-нибудь аналогія: твор. ед. *народом* вм. *народом'*, мѣст. ед. *в том* вм. *въ том'*, но *голуб'*, *сем'* подъ вліяніемъ *голуби*, *семи*; 3-е лицо въ сѣверновеликор. и сѣверномалор. имѣетъ твердое *т* изъ *т* полумягкаго (*говоритъ* и т. п., въ сѣверноруссскихъ памятникахъ уже въ XIII в.), а что касается мягкаго *т* въ южновелик., бѣлор. и южномалор., то всего вѣроятнѣе объяснять его вліяніемъ древнихъ формъ на *ти* (фонетически вм. *ть* передъ вин. мѣстоименія *и*): *любити* (и), *побиюти* (и) и т. п. Равнымъ образомъ мягкое *т* въ сѣверновеликор. *есть* объясняется вліяніемъ формъ какъ *есте*, *ести* для 3 л. ед.—ж) Вслѣдствіе выпаденія ъ и ь, въ языкѣ появился рядъ группъ, гдѣ происходила встрѣча неоднородныхъ по мягкости согласныхъ: въ устраненіе подобныхъ встрѣчъ, предшествующія твердыя согласныя, ассимилируясь слѣдующимъ мягкимъ, переходили въ мягкія: *слю* (изъ *сълю*) переходило въ *сʼлю* (откуда *шлю*), *легче* (изъ *лъгче*)—въ *легʼче* и т. д.—з) Группа *чн* перешла въ *шн*: ср. малор. *смашний*, бѣлор. *памошник*, великор. *нашной*.—п) Согласно предыдущему, общерусскій языкъ имѣлъ звукъ *а* въ положеніи послѣ *j* въ конечномъ открытомъ слогѣ вм. болѣе древняго *е*; тотъ же звукъ въ извѣстномъ положеніи былъ извѣстенъ послѣ *ж*, *ч*, *ш* въ серединѣ слова (діалект. *жäлъзо*, *жäнихъ*, *пшäница*). Звукъ *о* замѣнилъ *е* въ положеніи передъ твердыми согласными, а послѣ *j*, *ж*, *ч*, *ш*, *ц* и т. п.—въ конечномъ открытомъ слогѣ. Наконецъ, однородный звукъ *ѵ* былъ получент изъ общеслав. языка въ положеніи послѣ общеслав. смягченныхъ согласныхъ (*мужѵ*, *лѣбити* и т. д.). Всѣ три звука *ä*, *ö*, *ѵ* измѣнились въ эпоху, предшествовавшую распаденію русскаго языка, въ *а*, *о*, *у* въ положеніи послѣ издревле смягченныхъ согласныхъ, неизвѣстныхъ въ языкѣ въ твердомъ видѣ (т. е. послѣ *j*, *ж*, *ч*, *ш*, *ц* и т. п.); такъ явились: *колʼа* (им. ед. вм. *колʼä* изъ *колʼйе*), *людіа* (им. мн.), діалект. *жалъзо* (сѣверновеликор. *жалъзо*, малор. *залізо*); *княжо* (зв. ед.), *жона*, *пшоно*, *четире*, *мужу*, *ношу*, *лячу*, *шучу* и т. п.—і) Повидимому, еще до распаденія своего, русскій языкъ утратилъ древнія отношенія въ количествѣ и удареніи гласныхъ; долгія гласныя исчезли изъ языка, а въ связи съ этимъ исчезли и разные виды ударенія на долгихъ гласныхъ.—Къ діалектическимъ явленіямъ этой эпохи въ области звуковъ относятся: а) появленіе сочетаній *кы*, *гы*, *хы* вм. *кы*, *гы*, *хы*. Въ разныхъ говорахъ древнерусскаго языка сказалось стремленіе къ еще болѣе тѣсному сближенію согласныхъ съ слѣдующими гласными (это стремленіе, какъ мы видѣли, началось еще въ общерусскую эпоху): вслѣдствіе этого лабіализованныя задненёбныя согласныя не могли сочетаться съ слѣдующимъ *ы* (звукомъ средненёбнымъ); утративъ лабіализацію, задненёбныя согласныя передъ *ы* переходили въ согласныя средненёбныя, но языкъ, допускавшій въ то время только аффектированное произношеніе согласныхъ (съ палатализаціей или лабіализаціей), замѣнилъ твердыя среднёбныя согласныя мягкими (палатализованными); послѣднія повліяли на измѣненіе слѣдующаго *ы* въ *и*: такъ, уже въ памятникахъ XII в. находимъ *великии*, *паки* вм. *великый*, *пакы*. Но діалектически *кы*, *гы*, *хы* держались до XV—XVI въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ.—б) Благодаря лабіализованному своему характеру, звукъ *в* во многихъ древнерусскихъ говорахъ переходилъ въ *у* неслоговое, а это отразилось, между прочимъ, на смѣшеніи предлоговъ *у* и *в*; до сихъ поръ не только въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, но и въ великорусскихъ нарѣчіяхъ—сѣверномъ и южномъ—мы находимъ говоры, смѣшавшіе предлоги *у* и *в* и произносящіе *в* какъ неслоговое *у*.—г) Діалектическій переходъ *л* въ *у* неслоговое также относится къ глубокой древности.—д) Ассимиляція *j* предшествующей согласной, столь распространенная въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и западныхъ говорахъ южновеликорусскаго нарѣчія, должна быть признана весьма древнимъ діалектическимъ явленіемъ, въ виду единичныхъ случаевъ такой ассимиляціи въ сѣверновеликор. говорахъ: *третʼтяно*, *платʼте*.—е) Къ весьма древнимъ діалектическимъ явленіямъ можно отнести переходъ *а* въ положеніи между двумя смягченными согласными въ *е* закрытое (сѣверновеликор. *петь*, *дѣдя*, южновеликор. *грезь*, *пуправлѣють*). Въ нѣкоторыхъ говорахъ *а* и *о* переходили въ *е* закрытое послѣ мягкой согласной даже передъ слѣдующею твердою согласною, при условіи неударяемости этихъ гласныхъ (ср. сѣверновеликор. *взелá*, *несý*).—ж) Звонкія согласныя въ конечномъ слогѣ и въ положеніи передъ глухими согласными перешли діалектически въ соотвѣтствующія глухія уже въ очень отдаленную эпоху жизни русскаго языка: ср. великорусское, бѣлорусское и западномалорусское произношеніе *сут* вм. *суд*; діалектически же звонкія согласныя сохраняются до сихъ поръ въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ (но преимущественно въ украинскомъ).—Въ области формъ для эпохи, предшествующей распаденію русскаго языка, отмѣтимъ слѣдующія явленія: форма им. мн. муж. р. замѣняется формою вин. мн., очевидно—подъ вліяніемъ совпаденія этихъ формъ въ именахъ женск. и средн. р.: ср. малор. *пачы*, *коні*, *вітці*, великор. *столы*, *сады*; им. мн. прилаг. великор. *добрые* (вм. *добрии*) и т. д. Въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ окончаніе им. вин. мн. ср. на *а*, *ая* замѣняется окончаніями соотвѣтственныхъ образованій ж. и м. р.: *добрыя* вм. *добрая*, *тѣ* вм. *та*. Въ именахъ муж. и ср. р. формы дат. мн. *омъ*, мѣстн. мн. *пхъ* и тв. мн. *ы* замѣняются формами *амъ*, *ахъ*, *ами*, заимствованными отъ именъ жен. р., при чемъ это произошло, вѣроятно, не безъ вліянія им. мн. ср. р. на *а* (*села—селамъ*) и склоненія прилагательныхъ, гдѣ всѣ три рода имѣли для этихъ падежей общія окончанія. Форма р. именъ м. р. на древнее ъ (ь) рано вытѣсняется формой на *овъ* (*евъ*), заимствованною отъ основъ на *у*: ср. совр. малор. *панів*, великор. *садóвъ*; кромѣ того, форма на ъ вытѣсняется окончаніемъ *ий* изъ основъ на древнее *и* краткое: совр. малор.

Библиотека "Руниверс"

конíй, великор. *князей*. Въ связи съ распространеніемъ окончаній основъ на *у* и *и* въ склоненіе другихъ основъ, стоитъ смѣшеніе ихъ съ основами на *о*: вм. *сыну* рано является *сына* (р. ед.), вм. *гости—гостя* (р. ед.). Между прочимъ, изъ основъ на *у* заимствуется въ основы на *о* окончаніе мѣстн. ед. *у*, вытѣснявшее *ѣ* въ особенности въ основахъ на согласныя задненёбныя (въ древнерусск. яз. ср. мѣстн. ед. *торжку*, совр. малор. *чоловіку*, бѣлор. *жирябенку, на гвоздику*); кромѣ того *у* вытѣснило въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ окончаніе *ѣ* (ударяемое), вслѣдствіе чего уже въ древнемъ языкѣ *ѣ* мѣстн. ед. въ словахъ съ подвижн. удареніемъ было всегда неударяемо: *на низу́, на дубу́*. Далѣе изъ основъ на *у* взяты окончанія: им. мн. — *обе* (малор. *панове*, древнерусск. *попове*, сѣверноруссk. діалект. *стожове*); р. ед.—*у*, особенно распространяющееся въ склоненіи именъ неодушевленныхъ и др. Сходно съ этимъ объединяются склоненія основъ ср. рода: основы на *ес* почти совсѣмъ исчезаютъ, замѣняясь основами на *о*: *неба* вм. *небесе*. Окончанія основъ на твердыя согласныя сближаются съ окончаніями мягкихъ основъ: такъ, подъ вліяніемъ *овъ* въ мягкихъ основахъ является *евъ* (*конев*ъ), подъ вліяніемъ *ови — еви* (*манастыреви*); вм. *ѣ* въ р. ед. и им. вин. мн. ж. р. рано является *и*, подъ вліяніемъ окончанія *ы* въ твердыхъ основахъ (*братии, души, овци*) и т. д.—Среди явленій синтактическихъ обращаютъ на себя вниманіе: окончательное вытѣсненіе въ именахъ м. р., означающихъ предметы одушевленные, формы вин. ед., тожественной съ им. ед.—вытѣсненіе, повлекшее за собою замѣну вин. мн. формою род. мн. въ склоненіи именъ, означающихъ лица муж. р., и утрату формы вин. п. ед. м. р. *и* (вмѣсто чего и для неодушевленныхъ въ поздн. языкѣ употребляется род. *его*). Къ тому же времени относится начало утраты двойственнаго числа въ формахъ склоненія и спряженія; вмѣсто него появляется множ. ч. Въ ту же отдаленную эпоху начинается утрата аориста и имперфекта: они замѣняются формами прошедшаго сложнаго (прич. на *лъ* съ формами наст. или аориста отъ *быти*, вм. котораго впослѣдствіи формы *былъ, была, было*). Уже въ общеслав. языкѣ, повидимому, при сложномъ прошедшемъ могла опускаться форма 3 л. ед. есть: *ходилъ* вм. *ходилъ есть*; въ русскомъ языкѣ стали опускаться и формы прочихъ лицъ и чиселъ, по крайней мѣрѣ при ясно выраженномъ подлежащемъ. Отмѣтимъ появленіе оборотовъ, какъ *бывало ходилъ, бывало читаю* (великор. и малор.). Опущеніе наст. вр. вспомог. глагола въ сложномъ прошедшемъ стоитъ въ связи съ общимъ исчезновеніемъ его (какъ связки) въ языкѣ. Весьма рано конструкція числительныхъ, начиная съ *пяти*, распространилась на числительныя *два, три, четыре*; этимъ объясняется появленіе оборотовъ какъ *прошло два лѣта, летѣло два лебедя* (великор. и бѣлор.), ср. сербск. пије вино тридесет јунака; равнымъ образомъ это повліяло на появленіе р. мн. въ опредѣленіяхъ при именахъ, стоящихъ (въ им. или вин. мн.) послѣ названныхъ числительныхъ: древнерусск. *по два гроши польскихъ*, совр. малор. *три дошчі добрих*, великор. *два красивых стола*.

3. Прежде чѣмъ остановиться на позднѣйшихъ явленіяхъ, слѣдовавшихъ за распаденіемъ единства русскаго языка, мы разсмотримъ нѣсколько звуковыхъ явленій, пережитыхъ отдѣльными нарѣчіями въ очень древнее время, когда еще не утратилось единство языка и когда эти нарѣчія еще переживали, рядомъ съ явленіями мѣстными, явленія, общія всему языку. Къ такимъ явленіямъ относятся: въ *южнорусскихъ* говорахъ измѣненіе долгихъ *о, ō, е* въ дифтонгическія сочетанія *уо, йō, іе*; переходъ этихъ долгихъ гласныхъ въ дифтонги, очевидно, предшествовалъ потерѣ долготы въ гласныхъ, а потерю эту слѣдуетъ признать явленіемъ общерусскимъ, хотя и позднимъ сравнительно съ другими явленіями. Долгія *о, ō, е* были получены общерусскимъ языкомъ изъ общеслав. *о, е* долгихъ, а здѣсь они замѣняли краткія *о, е* вслѣдствіе перехода звуковъ *ъ* и *ь* въ сосѣднемъ слогѣ въ слабыя и неслоговыя гласныя. Такъ явились южнорусск. *дуомъ, мйōдъ* (*ō* въ *м'ōдъ* изъ *е* по указанной выше причинѣ), *пiечь*. Памятники XII в. доказываютъ, что къ тому времени разсматриваемое явленіе уже совершилось, такъ какъ они передаютъ однимъ общимъ знакомъ гласные звуки въ словахъ какъ *печь, шесть, камень* и въ *дѣти, сѣсти, горѣти*, гдѣ *ѣ* надо читать, конечно, какъ *ie*. Въ *среднерусскихъ* говорахъ къ древнѣйшимъ мѣстнымъ звуковымъ явленіямъ относится такъ называемое «аканіе»—явленіе, тѣснымъ образомъ связанное съ судьбой удареній. Удареніе въ этихъ говорахъ значительно усилилось, сравнительно съ удареніемъ общерусскаго языка и другихъ русскихъ говоровъ; это усиленіе повліяло на ослабленіе неударяемыхъ слоговъ слова, при чемъ гласныя не вполнѣ закрытыя (каковы *и, у, ы*) переходили въ этихъ слогахъ въ гласныя неполнаго образованія, которыя обозначимъ черезъ *ŏ* (изъ *а, о*) и *ĕ* (изъ *е, ō, ā*); такъ явились въ среднерусскихъ говорахъ: *вŏдá, сĕлó, цвĕты́, плĕса́ть; пŏстухá, пĕтухá; гŏрŏдŏ, умрĕтĕ* и т. п. Полученныя отношенія между неударяемыми и ударяемыми слогами могли сохраняться только тамъ, гдѣ въ словѣ не оказывалось рядомъ нѣсколькихъ неударяемыхъ слоговъ съ гласными неполнаго образованія, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ изъ двухъ рядомъ стоящихъ передъ удареніемъ слоговъ слогъ, ближайшій къ удареню, долженъ былъ усилиться: въ связи съ этимъ усиленіемъ стоялъ переходъ гласной неполнаго образованія въ гласную полнаго образованія, при чемъ *ŏ* и *ĕ* безразлично переходили въ *а*; такъ, рядомъ съ *гŏдá, вŏдá* явились *гŏрадá, пŏгадú, зŏважу*; рядомъ съ *сĕлó, вĕснá—вĕс'алá, сĕр'абрó* и т. д. Понятно, что въ скоромъ времени гласная *а* переходила и въ начальные неударяемые слоги: вм. *вŏдá, сĕлó* появлялись *вадá, сяло́*; обратное явленіе также не замедлило сказаться: вм. *гŏрадá, вĕс'алá* появились *гŏрŏдá, вĕсĕлá*. Разграниченіе въ употребленіи, съ одной стороны, *ŏ, ĕ*, а съ другой—*а*, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ и произошло въ отдѣльныхъ среднерусскихъ говорахъ. За удареніемъ, изъ двухъ рядомъ стоящихъ слоговъ перевѣсъ полу-

Библиотека "Руниверс"

чалъ, повидимому, слогъ болѣе удаленный отъ ударенія: гласныя *ŏ, ĕ* переходили въ немъ въ *а;* такъ рядомъ съ *олŏвŏ, в нарŏдѣ* явились *ólъва, въ гóрдъ'а;* а это вызывало, съ одной стороны, возможность появленія произношенія: *слóва, в нарóд'а,* а съ другой — *ólъвŏ, в нóрдѣ.* Разграниченіе въ употребленіи звуковъ *ŏ, ĕ* и *а* въ этихъ случаяхъ принадлежитъ отдѣльнымъ среднерусскимъ нарѣчіямъ. Въ *сѣверноруссскихъ* говорахъ, отличавшихся отъ остальныхъ, между прочимъ, сохраненіемъ общеслав. произношенія *г* какъ мгновенной согласной (лат. *g*), произошло въ весьма отдаленное время совпаденіе звуковъ *ч* и *ц* въ одномъ звукѣ, при чемъ, если въ позднѣйшее время и являлись два звука—и *ч,* и *ц,*— то употребленіе ихъ не соотвѣтствовало первоначальному между ними различію. Къ древнѣйшимъ явленіямъ въ тѣхъ же говорахъ слѣдуетъ отнести переходъ дифтонгическаго сочетанія *ие* (*ѣ*) какъ въ *и,* такъ и въ *е* закрытое. Древность смѣшенія *ч* и *ц* и перехода *ѣ* въ *и* и *е* доказывается новгородскими памятниками XI вѣка. Относительно среднерусскихъ говоровъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что западная часть ихъ въ весьма отдаленную эпоху пережила нѣсколько общихъ явленій съ польскими говорами. Сюда относятся: пріобрѣтеніе звуками *д'* и *т'* свистящаго оттѣнка (отсюда позже *дз* и *ц* мягкія), а также потеря мягкаго *р* (въ польскомъ яз. мягкое *р* перешло въ *rz*, ср. словацкое твердое г при чешскомъ ř).

Послѣ распаденія русскаго языка, отдѣльныя части его переживали общія явленія, чуждыя другимъ частямъ. Но части эти еще не вполнѣ обозначились; создавшіяся между ними діалектическія отличія стираются подъ вліяніемъ новыхъ столкновеній. вызванныхъ движеніями народныхъ массъ. Нѣкоторыя рѣзкія разграниченія выступаютъ наружу, однако, довольно рано: такъ, южнорусскіе говоры не переживаютъ въ эту эпоху какихъ-нибудь общихъ явленій съ сѣверноруссскими или съ восточною отраслью среднерусскихъ говоровъ; напротивъ, южнорусскіе говоры сближаются все тѣснѣе съ западною отраслью этихъ говоровъ, что соотвѣтствуетъ поступательному движенію южноруссовъ къ сѣверу. Среднерусскіе говоры переживаютъ рядъ общихъ явленій съ сѣверноруссскими, но особенно тѣсно сближеніе восточной ихъ отрасли съ сѣверноруссскими говорами; этому соотвѣтствуетъ движеніе среднеруссовъ, тѣснимыхъ съ юга, въ область сѣверноруссскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ особый интересъ представляетъ взаимное другъ на друга вліяніе западной и восточной отрасли среднерусскихъ говоровъ. Сообразно съ этимъ, я сначала разсмотрю явленія, общія между тѣми или другими главными нарѣчіями русскаго языка (южнорусскія и западно-среднерусскія, среднерусскія и сѣверноруссскія, восточно-среднерусскія и сѣверноруссскія), а потомъ перейду къ обзору нѣкоторыхъ мѣстныхъ, болѣе ограниченныхъ діалектическими границами явленій.

а) *Явленія, общія южнорусскимъ (малорусскимъ) говорамъ и западной отрасли среднерусскихъ говоровъ (говорамъ бѣлорусскимъ).* Въ области звуковъ: а) распространеніе произношенія *в* какъ неслоговое *у* или билабіальное *в* (англ. *w*) въ концѣ слова и передъ согласными: укр. *сынíw*, бѣлор. *сыноу*, при чемъ въ связи съ этимъ стоитъ смѣшеніе предлоговъ *въ* и *у*. Звукъ *ф* почти не извѣстенъ ни въ бѣлор., ни въ малор.; вм. него: *хв, х.* б) Распространеніе перехода *л* передъ согласными и въ концѣ слова въ *у* несл.: бѣлор. *воук, спау*, малор. *воук* (*вовк*), *ходыу* (*ходыо*). в) Переходъ сильноиррацiональныхъ *ы* и *и*, являвшихся въ древнерусскомъ языкѣ на мѣстѣ *ъ* и *ь* тамъ, гдѣ группа согласныхъ препятствовала ихъ выпаденію, въ *ы* и *и* полнаго образованія: бѣлор. *дрыжыть, трывога, блiстыть*, малор. *крывавый, глытаты, дрыжать*; тотъ же переходъ—въ положеніи передъ *й*, хотя діалектически въ бѣлорусскомъ извѣстно и другое измѣненіе сильно ррац. *ы* и *и*. г) Отвердѣніе звуковъ *ж, ш, ч.* д) Появленіе *дж* вм. *ж*: малор. *выджу, роджу*, бѣлор. *урыджай, праваджаць*. е) Ассимиляція звука *у* предшествующимъ согласнымъ въ случаяхъ, какъ бѣлор. *свiнiя, суддзя*, малор. *земля, ниччу*. ж) Отвердѣніе губныхъ передъ мягкими согласными и въ концѣ словъ: бѣлор. *сем*, малор. *сiм*; бѣлор. *землю, пэю*, малор. *зэмлю, пэю*. з) Переходъ неударяемаго *и* послѣ гласныхъ и въ началѣ слова въ *й*: бѣлор. *за йзвощика, пайскаць, во й давай, нейдзь, йрвацi*, малор. *йму, йно*; ср. *голка* вм. *иголка* въ малор. и бѣлор. и) Появленіе приставочныхъ *в* и *г* передъ начальными *у* и *о*: малор. и бѣлор. *вутка*, малор. *вораты* и *гораты* (пахать), бѣлор. *гораць* и т. п.—Въ области ударенiй отмѣтимъ частый переносъ ударенія съ предлога на зависящее отъ него имя: бѣлор. *на лъсу, падъ нóги, на стóроны*, малор. *на зэмлю, пидъ гóлову, на барщ, до мосту, за дýшу*. Въ причастіяхъ на *лъ* формы женск. р. нерѣдко принимаютъ удареніе средняго рода: бѣлор. *брáла, спáла, звáла*, малор. *спáла, брáла, ждáла*, при чемъ въ сложныхъ съ предлогами удареніе обыкновенно переносится съ предлога на корень во всѣхъ родахъ—малор. *порвáла, напiвъ, пидчэсла, помэръ*, бѣлор. *умёр, атдáли, падняли* и т. д. В области формъ малорусское и бѣлорусское нарѣчія сходятся: а) въ сохраненіи формъ съ *и, з, с* въ основахъ на гортанныя; бѣлор. *у гарози, у боцiхъ, у вусь, дзiцiць, жонцi*, малор. *у боци, руцi*; б) въ сохраненіи формъ зв. пад. на *е, о, у*, при чемъ окончаніе *у* употребляется не только въ мягкихъ основахъ м. р., но и въ основахъ на задненёбныя согласныя: малор. *вовку, снiгу*, бѣлор. *сынку*; в) въ сохраненіи нѣкоторыхъ единичныхъ формъ дв. ч. въ именахъ женск. р.: галицк. *дви нози, дви руцi, три дорози*, бѣлор. *тры бядзь*; г) въ распространеніи окончанія 1-го л. мн. *мо* вм. *м*: малор. *вэдэмó, хвалымó*, бѣлор. *спiмó, бяжымó, дамó*; д) въ появленіи окончанія *ьм, ьте* въ повел. накл. вм. *им, ите* въ глаголахъ типа *хвалити*: бѣлор. *да хадзьмъ*, древнебѣлор. *хвалите*, малор. *хвалим, хвалíтэ*; е) въ исчезновеніи формъ дѣепричастія на *а, л*, подобныхъ великор. *ведя, неся, хваля*, вм. чего всегда *—учи, —ючи, —ячи*; ж) въ сохраненіи окончаній *ем, ех* древнихъ основъ на *ѣ*: бѣлор. *снѣх*, малор. *костэм, костэх* и въ распространеніи окончанія *ех*, равно какъ и *ох* (изъ основъ на *у*), на другія основы: бѣлор. *капачóх, ко-*

Библиотека "Руниверс"

хаблёх, у нутрох, малор. *людёх, мисох, конёх;* з) въ появленіи стяженныхъ формъ въ склоненіи именъ прилагательныхъ: бѣлор. *была, сыра, синю, чиста* (вм. *чистое*), *вясёлы* (вм. *весёлые*), малор. *молода, добрэ* (вм. *доброе*), *били* (вм. *билыйи*), *добри* (вм. *добрий*, дат. ед. ж. р.) и т. д.; вѣроятно, сюда же должно отнести появленіе въ им. ед. окончаній *ы, и* вм. *ый, ий*: малор. *сыны*, бѣлор. *ѣлы, святы, малы*; и) въ употребленіи окончанія *у* въ мѣстн. ед. словъ муж. и ср. р. и въ особенности въ словахъ на задненёбныя согласныя: бѣлор. *у пóлю, у уху, на коню, при канцу, на копику, на рынку,* малор.: *в ýху, хлопцю, вэсилло, чоловику;* і) въ появленіи окончанія *е* вм. *и* въ 3 л. ед. числа въ формахъ какъ малор. *говорэ, ходэ,* бѣлор. *косе, ходзе, купе* и нѣк. др. В) синтактическомъ отношеніи укажемъ: а) общее образованіе описательной формы будущаго въ малор. и бѣлор.: *пысатыму, хвалытымеш, рабíцíму;* б) вытѣсненіе древнихъ формъ им. вин. дв. ч. въ именахъ м. р. формами множ. ч.: малор. *два сыны, два козаки,* бѣлор. *два браты, два паны, два ваукí*; в) сохраненіе различія между формами род. и вин. мн. въ названіяхъ животныхъ: малор. *конiв* и *конí, рыб* и *рыбы,* бѣлор. *коняй* и *конi, сабак* и *сабаки;* г) распространеніе мѣстоименной основы *як* вм. *как*: малор. *якый-то, якэбудь,* бѣлор. *якійся;* д) употребленіе предлога *за* съ вин. п. при сравненіяхъ: малор. *зэмля бильша за мисяць,* бѣлор. *таменій за яблó*; е) на измѣненіе предлога *съ* въ *з* подъ вліяніемъ фонетическихъ причинъ и вызванное этимъ смѣшеніе его съ предлогомъ *изъ*.

б) *Явленія, общія сѣверноруссскимъ (сѣверновеликорусскимъ) и среднерусскимъ (бѣлорусскимъ и южновеликорусскимъ) говорамъ.* В) области звуковъ: а) переходъ дифтонгическаго сочетанія *ие (ѣ)* въ *е* — закрытое передъ мягкими согласными, открытое въ другихъ случаяхъ; выше было указано, что въ сѣверноруссскихъ говорахъ еще раньше *ѣ* измѣнялось діалектически въ *и* и *е* закрытое: сѣвернор. и среднер. *мера, сели, столе (стале);* б) переходъ звуковъ *ё, ä, ю* послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о; а, у* (ср. такой переходъ въ болѣе древнюю эпоху въ положеніи послѣ *ж, ч, ш, j* и т. д.; среднерусск. (подъ удареніемъ): *учёк, пёс, нёс;* сѣвернор.: *нёс, нёсла, сёло;* для *а* изъ *ä* древнерусск. *есмя, естя,* собр. сѣвернор. и южновеликор. (тульск.) *меня, тебя,* діалект. сѣвернор. *дáйтя, грузíтя, ёстя* (3 л. ед.); діалектически *ö* и *ü* сохраняются передъ (а въ особенности между) мягкими согласными до сихъ поръ: южновелик. *т'ötя, бjöть, бjüть, пjüть*; в) нефонетическое вытѣсненіе звука *е* (изъ *ѣ*) звукомъ *ё* (восходящимъ къ *о*): сѣвернор. и среднер. *вёдра, гнёзда, убёг;* г) появленіе звука *е* открытаго передъ твердой согласной, съ одной стороны — благодаря фонетическому измѣненію закрытаго *е* въ этотъ звукъ передъ отвердѣвшею согласною: *конец (канец),* діалект. *сем, верх;* съ другой стороны—благодаря вытѣсненію звука *ё* изъ нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, подъ вліяніемъ звуковой аналогіи: южновелик. и бѣлор. *бярем, вялем, пляцем,* сѣверновелик. (рѣдко) *ведем* и т. д., подъ вліяніемъ *береть, вяземе, пляцеш;* бѣлор. *умéрли, прынéсло,* подъ вліяніемъ *умéрци, прынéсць;* наконецъ, *е* появляется вм. *я* въ конечномъ открытомъ ударяемомъ слогѣ, благодаря установившемуся въ цѣломъ рядѣ формъ чередованію *е* открытаго ударяемаго и *е* неударяемаго и, напротивъ, совершенной единичности чередованія ударяемаго *а* (*я*) съ неударяемымъ *е*: бѣлор. *спицé, бяжыцé* вм. *спиця, бяжыця*, подъ вліяніемъ *пляцíце, завéце* (ср. *пляцé* при *ъдзе* въ 3 л. ед.), сѣверновелик. *хотитé, ъдитé, несетé* подъ вліяніемъ *хóдите, игráете* (ср. *ведé, берé* при *ъде*); ср. діалект. бѣлор. *спицé*, великор. *хотитé* вм. *спиця, хотитя* подъ вліяніемъ чередованія *ё* съ неударяемымъ *е*; д) общимъ для сѣверноруссскихъ и бóльшей части среднерусскихъ говоровъ (какъ восточныхъ, такъ и западныхъ) слѣдуетъ признать измѣненіе сильно-ирраціональнаго *ы* въ положеніи передъ *й* въ *ö*, несмягчавшее предшествующей согласной: *добрöй, слъпöй, мöю;* изъ *ö*, какъ увидимъ ниже, въ сѣвернор. и восточно-среднерусс. *о: доброй, слъпой, мою,* а въ западно-среднерусскихъ и нѣкоторыхъ (рѣдкихъ) сѣверноруссс. говорахъ—*э: добрэй, слъпэй, мэю;* діалектически, въ южновеликор. сохраняется *ö*: *ждр. мöю, крöю*. В области формъ: твердыя и мягкія основы, сблизившія еще въ предшествующую эпоху нѣкоторыя изъ своихъ окончаній, стремятся къ еще бóльшему сближенію; слѣдствіемъ этого является, напр., вытѣсненіе окончанія *ѣ* въ им. вин. мн. м. и ж. р. и въ р. ед. женск. р. основъ на мягкую согласную: им. мн. *конi, гужы* вм. *коне, гуже; землí, душы* вм. *земле, душе;* въ тв. ед. ж. р. вм. *ею* является *ёю: землёю, даубнёю,* въ бѣлор. говорахъ даже въ мѣстоименіяхъ: *таёю, усёю*. Благодаря совпаденію формъ род., дат. и мѣстн. въ именахъ женск. р. съ мягкой основой (*земли*), всѣ три падежа могутъ получать общее окончаніе и въ другихъ основахъ женск. р.: общимъ для великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ является переносъ окончанія *öй* изъ р. ед. ж. р. прилагательныхъ въ дат. и мѣстн. ед. р. ед. *молодöй* (изъ *молодые* по указанному выше закону) стало и формой дат. и мѣстн. ед.: такъ объясняется появленіе формы *молодэй* въ говорахъ, обратившихъ *ы* передъ *й* въ *э*; ср. *маладэй* въ южновеликор. говорахъ Калужской, Тульской, Орловской губ.; *глупэй, дурнэй* въ нѣкоторыхъ бѣлор. говорахъ (при *чужый*); *сырэй, друпэй* въ олонецкихъ говорахъ. Самыя окончанія р. ед.: *ый* (откуда *öй*), *ой* явились въ великор. и бѣлор. говорахъ нефонетически вм. *ые, ое* (изъ *ыи, оъ*), подъ вліяніемъ формъ дат. и мѣстн. ед. на *ой*; точно такъ въ тѣхъ же говорахъ, въ противоположность малорусскимъ, окончаніе твор. ед. *ою* перешло въ *ой* не фонетически, а подъ вліяніемъ стремленія сблизить по числу слоговъ форму тв. ед. съ формами другихъ падежей ед. ч.: великор. и бѣлор. *молодой (маладой)* вм. *молодою, травой* вм. *травою*. Подъ вліяніемъ чередованія *ой* и *öй* въ род., дат. и мѣстн., вм. *ой* въ тв. ед. также являлось *öй*: ср. бѣлор. *старэй бабэй,* южновеликор. *съ аднэй,* олонецк. *подъ плитэй*. Отмѣтимъ, что и въ формѣ им. вин. мн. вм. *ые* должно было явиться фонетически *öе:* но *ö* и

Библиотека "Руниверс"

въ бѣлор., и въ великор. говорахъ уступало мѣсто звуку *ы* полнаго образованія, заимствованному изъ именного склоненія; впрочемъ, въ бѣлор. извѣстны діалект. *нашкя, гнилля* и т. п. Общимъ для великор. и бѣлор. говоровъ оказывается смѣшеніе тв. и мѣстн. ед. въ склоненіи мѣстоименій и прилагательныхъ: бѣлорусс. мѣстн. ед. *тымъ, на сивымъ, у другімъ*, великор. *в нимъ, в такимъ случаѣ*, но *с нѣмъ*. Окончаніе *е* въ им. вин. ср. р., существовавшее въ общерусс. языкѣ послѣ *й* (тогда какъ послѣ *j* звукъ *е* измѣнялся въ *о*), которому предшествовала гласная, т. е. въ случаяхъ какъ *моé, добрóе* (ср. малор. *мое, доброе*), въ великор. и бѣлор. замѣнено окончаніемъ *ё*, заимствованнымъ изъ именъ какъ *лицо, плечо*: ср. великор. и бѣлор. *моё (маё)* при діалект. бѣлор. *моé, таé*; вытѣсненіе формъ *моé, своé* черезъ *моб, своё* вызвало въ великор. говорахъ *моеё, своеё* вм. *моéё, своéё* въ р. ед. ж. р. Равнымъ образомъ великор. и бѣлор. говоры вытѣснили ударяемое окончаніе *я* въ им. вин. ед. именъ ср. р.: діалект. общерусс. *житья* (малор. *життя*), *рытья* (др.-малор. *вырытя*) перешли въ великор. и бѣлор. въ *житьё (жицицё), рытьё*, подъ вліяніемъ именъ какъ *плечо, яйцо;* при этомъ вытѣсненіе *я* черезъ *ё* вызвало появленіе бѣлор. формъ какъ *мужьё, звярjо, жардзьё* и т. п., великор. діалект. *кумовьё* при *кумовья*. Въ глагольныхъ образованіяхъ отмѣтимъ распространеніе основъ на *ыва, ива* для значеній несовершеннаго и многокр. видовъ, при чемъ коренное *о* ударяемое замѣняется (хотя далеко не постоянно) черезъ *а*, въ противоположность малор. говорамъ, гдѣ подобное *а* почти неизвѣстно, при чемъ вм. *ыва, ива* находимъ *ува, юва:* великор. *занáшивать, похáживать, отморáживать*, бѣлор. *загáльваць, загáрнываць, улáмливаць* (малор. *приговарювати* обязано бѣлорусскому вліянію). Укажемъ еще на возможность появленія формъ съ *к, г* вм. *ч, ж* въ наст. вр.: великор. *пекёть пекеть*), бѣлор. *пякець*. Въ области синтаксиса отмѣтимъ потерю сравнительною степенью формъ рода и падежей и появленіе вмѣсто нихъ парѣчія, употребляемаго и въ качествѣ прилаг.-сказ.: *она добрье (дабрый) мужа.*

2) *Явленія, общія сѣверноруссскимъ и восточно-среднерусскимъ (т. е. южно-великорусскимъ) говорамъ.* Въ области звуковъ: а) переходъ *ѳ* (изъ *ы*) въ *о*; выше было указано, что переходъ *мыо* въ *мою* принадлежитъ какъ сѣверноруссскимъ, такъ и всѣмъ среднерусскимъ говорамъ (въ западныхъ лишь діалектически сохранялось *ы*); но дальнѣйшій переходъ *мою* въ *мою* характеризуетъ именно эпоху общей жизни сѣвернор. и восточно-среднер. говоровъ; ср. сѣверновеликор. *доброй, сильной*, южновеликор. *глухой, хрою* и т. д.; б) переходъ сильно-иррац. *и* передъ неслоговымъ *и* въ *е* (ср. болѣе древній переходъ *ый* въ *ѳй*): *пей, шея;* в) переходъ сильно-иррац. *ы* и *и*, замѣнившихъ древнія *ъ* и *ь* въ группахъ согласныхъ, въ *о* и *е* (въ противоположность малор. и бѣлор., гдѣ вмѣсто этого — *ы* и *и* полнаго образованія): *блоха, дрожать, крошить, гремѣть, трезвонъ;* г) отвердѣніе *ж* и *ш* (не повсемѣстное), при чемъ предшествующее *е* можетъ измѣняться въ *ё*: *лёжа, одёжа* (бѣлор. *адвежа);* болѣе позднее отвердѣніе *ч* (также не повсемѣстное): *конеч, отеч;* сохраненіе *ч* мягкаго (только въ единичныхъ діалектахъ *ч* отвердѣло); д) діалектическое, но весьма распространенное смягченіе задненёбныхъ согласныхъ послѣ предшествующихъ мягкихъ звуковъ: *чайкю, ручкя* въ губ. Ярославской, Вологодской, Костромской, Вятской, Новгородской, Калужской, Тульской, Орловской и др.; е) смягченіе губныхъ передъ мягкими задненёбными согласными: *лапкы, шапкы* и др. Относительно ударенія можно отмѣтить переносъ его на *ся* въ прич. на *лся* подъ вліяніемъ формъ ж. и ср. р.: *взялся* вм. *взялся*; также *взялúсь* вм. *взялúсь* и т. п. Въ области формъ: а) полное сближеніе твердыхъ и мягкихъ основъ, вызвавшее, напр., утрату мѣстн. ед. на *и* (*ю*) въ мѣст. ед. отъ мягкихъ основъ (ср. бѣлор. *на конй, у пóлю, на кораблй, при цару): на конь, въ лицѣ, при конѣ* (лишь въ словахъ на *ье* сохранилось *ы: въ забытый);* вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ окончаній мягкихъ основъ переходятъ въ твердыя: *у сёстры*, при чемъ этому содѣйствуетъ тожество окончаній родит., дат. и мѣстн. ж. рода въ именахъ прилагательныхъ, тожество извѣстное и въ болѣе древнюю эпоху, когда при древнемъ *земль* (р. ед.) явилось новое *земль* (дат. и мѣстн.); б) исчезновеніе древнихъ формъ склоненія основъ на задненёбную согласную, гдѣ вм. *г, к, х* стояли *з, ц, с;* ср. новообразованія: *рукъ, дорогъ, ухъ, лáвкъ* и т. д.; в) равнымъ образомъ средненёбныя согласныя замѣнили указанные звуки въ формахъ повелительнаго наклоненія; *пекú, берегú* вм. *пеци, березú* (бѣлор. и малор. *печи, стережи*); г) формы дв. числа м. р. на *а* получаютъ значеніе множественнаго, когда отличаются удареніемъ отъ формы родит. п.: *городá, парусá, глазá, рогá* (исключенія какъ *рукавá* рѣдки); въ связи съ этимъ, за окончаніемъ *а (я)* именъ собирательныхъ, восходящимъ частью къ древнему *а* въ словахъ женск. р. *(братья, господа, зятья)*, частью къ древнему *е* въ словахъ средн. рода *(листья, колья)*, укрѣпляется значеніе окончанія им. мн. м. р., и слова эти начинаютъ склоняться во множ. ч. *(друзья* вм. *дружья*, подъ вліяніемъ *други*, и далѣе *друзьямъ, друзей)*, тѣмъ болѣе, что и въ именахъ мужск. р. было уже извѣстно окончаніе *я* въ им. мн. изъ *е: людья, гостья* (въ болѣе древнюю эпоху), *дворяня, татаровя* (въ болѣе новую), откуда, подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, и *а: болра, мѣщана*. Неударяемое окончаніе *я* съ теченіемъ времени исчезло въ большинствѣ великор. говоровъ, замѣнившись окончаніемъ *ья: сыновья* перешло въ *сыновья* подъ вліяніемъ *князя* (ср. *сыновемъ* и древнее *княземъ; сыновехъ* и древнее *зятехъ*). Напротивъ, ударяемое *а, я* распространилось даже на имена ж. р.: *старостá, хлопотá, грядá, податя, земля, озимя, вещá;* д) въ склоненіи числительныхъ вм. *ма* (подъ вліяніемъ *ми*) являются *мя: двумя, четырмя;* діалектически (сѣвернор.) *мя* переходитъ и въ мѣстоименія; е) дѣепричастіе на *я* получаетъ особенное распространеніе и образуется также отъ глаголовъ въ совершенномъ видѣ (съ значеніемъ прош. вр.): *увидя, ушеся, спустя;* ж) формы звят. падежа исчезли окон-

Библиотека "Руниверс"

чательно. Среди синтактическихъ явленій укажемъ на появленіе формъ дв. ч. м. р. на *а* не только при *два*, но и при числительныхъ *три, четыре: три брата*, вм. *братьі*; при этомъ формы дв. числа теряли свое древнее мѣсто ударенія (если оно приходилось на окончаніи) и получали удареніе, сходное съ род. ед.: *два глàза* вм. *глазá, два рòга* и т. д.; подъ вліяніемъ этого, форма род. ед. послѣ названныхъ числительныхъ замѣняла формы им. вин. мн. въ именахъ женск. и ср. рода: *два селá* (а не *сёла*), *три верстьі* (а не *вёрсты*). Діалектически то же самое распространялось на имена прилагательныя, употребленныя въ значеніи существительныхъ: *два малàго* вм. *двое малыхъ*. Описательная форма будущаго времени образуется только посредствомъ соединенія *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола несовершеннаго вида. Всѣ одушевленныя муж. и женск. р. во множ. числѣ употребляютъ форму род. пад. вм. вин.: *въ домъ ведутъ трехъ лошадей, двухъ коровъ*; діалектически можетъ сохраняться и форма вин. мн. При глаголѣ *болѣть* лицо обозначается не вин. пад. (какъ въ малор. и бѣлор.), а предлогомъ *у* съ род.: *у меня болитъ голова* и др. Дѣепричастіе прош. вр. употребляется въ значеніи прош. вр.: *церковь сгорѣвши давно, старостá еще не уѣхатчи*. Также въ значеніи прош. вр. отъ глаголовъ возвратныхъ (на *ся*): *лошадь запряжомши, я занямши, мостъ сломивши*.

Не смотря на взаимныя столкновенія русскихъ нарѣчій, въ результатѣ коихъ нѣкоторыя изъ нихъ переживали общія, отмѣченныя выше явленія, новая группировка говоровъ не уничтожила того дѣленія языка на три области, которое восходитъ къ глубокой древности: области южнорусскихъ (малорусскихъ), среднерусскихъ и сѣверорусскихъ (сѣверновеликорусскихъ) говоровъ. Впрочемъ, общая жизнь западной и восточной половины среднерусскихъ говоровъ была порвана, и въ области среднерусскихъ говоровъ обозначаются двѣ новыя группы говоровъ, которыя, сообразно съ названіемъ двухъ новыхъ народностей, называютъ бѣлорусскою и южновеликорусскою. Но связь между обѣими группами продолжается до сихъ поръ: это зависитъ частью отъ того, что въ южновеликорусской области находятся говоры, издавна тянувшіе къ западной половинѣ, частью же отъ того, что политическія и культурныя условія способствовали проникновенію вліянія южновеликорусскихъ говоровъ далеко на западъ. Ниже мы укажемъ на данныя, свидѣтельствующія о взаимномъ вліяніи бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говоровъ. Указывая на малорусскія, сѣверновеликорусскія, бѣлорусскія и проч. явленія, мы оставимъ въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, о которыхъ было уже говорено выше.

Малорусское нарѣчіе рѣзко стало отличаться отъ другихъ русскихъ нарѣчій послѣ перехода звуковъ *и, е* (а также *ä, ë*) въ средненёбныя гласныя, передъ которыми должны были отвердѣть (въ силу ассимиляціи) мягкія согласныя; *и* перешло въ звукъ близкій къ *ы*, что повело въ однихъ говорахъ къ смѣшенію древнихъ *и* къ *ы* въ одномъ общемъ звукѣ—*и* средненёбномъ, а въ другихъ къ смѣшенію ихъ въ одномъ звукѣ—*ы*: *сыла* и *сила* (съ средненёбн. *и*); звуки *е, ä, о* совпали въ одномъ звукѣ *е* средненёбномъ, переходившемъ затѣмъ въ *е* (несмягчающее предшествующей согласной), а діалектически, въ неударяемыхъ слогахъ — въ *и* средненёбное: *бэрэ, вызлá*. Но тамъ, гдѣ согласная не могла отвердѣть подъ вліяніемъ аналогичныхъ образованій, *о* переходило въ *о* (*л'он—л'на*), а *и* сохранялось безъ измѣненій: *козий* (съ мягкимъ *з*). Повидимому, разсматриваемое явленіе началось въ южномалорусскихъ говорахъ и уже оттуда передалось въ остальные, вообще болѣе склонные къ консерватизму. Съ юга же шло измѣненіе дифтонговъ *ие, уо, йъ* въ *и*, и до сихъ поръ еще не охватившее всей малорусской области: *тисто, дим* (изъ *дуом* черезъ посредство *дуóм, дúом, дúм*), *нис* (т. е. *нёсъ* изъ *нйъс* черезъ посредство *нйс*). Напротивъ, съ сѣвера идетъ отвердѣніе *р*, заходящее довольно далеко на югъ Украйны и охватившее Галицію; оттуда же идетъ развитіе дифтонгическихъ сочетаній вм. группъ «мягкая согласная + слѣдующее *а*»: *сйаду* вм. *с'аду*; *йа* переходило въ *е*, а при извѣстныхъ условіяхъ — въ *и*: *с'еду, ж'ил, ч'ис* въ сѣверномалорусскихъ и угрорусскихъ говорахъ. Общимъ всему малорусскому нарѣчію оказывается подобное измѣненіе сочетаній мягкая губная + *а*: *пjать, вjану*. Діалектически имѣло мѣсто стяженіе *оа, ое* и др., послѣ выпаденія между этими гласными неслогового *и*, въ *а, е* и т. д.: *ма* вм. *моя, мэ* вм. *мое, добрä, добрэ, добри* (им. мн.) и т. д. Въ словахъ жен. р. им. вин. мн. на *ы* стало притягивать на себя ударение: *жинкú, молитвú* и др. Чередованіе *добрэ* и *доброе* вызывало, съ одной стороны, по явленіе *добрэ*, а съ другой—формъ какъ *добрэ, сильнэ, самэ, хорошэ*, въ значеніи нарѣчій.—Въ синтактическомъ отношеніи любопытно употребленіе дат. пад. вмѣсто мѣстнаго послѣ предлоговъ *в, на, об, по, при: пры ёму, у нашому роду* и т. п. Можетъ быть, подобное смѣшеніе падежей объяснитъ, почему древнее окончаніе дат. *ови* перешло въ *овъ* (ср. мѣстн. ед. на *ѣ*); совр. *сынови*, вм. ожид. *сыновы*.

Сѣверорусское нарѣчіе пережило рядъ явленій послѣ окончательнаго распаденія русскаго языка. Такъ, древнее *г=h*, являвшееся въ окончаніи род. ед. мѣстоименнаго склоненія (*ого, его*), а также еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, исчезало въ большинствѣ сѣверновеликорусскихъ говоровъ между гласными, при чемъ *оо* (а подъ вліяніемъ этого и *ео*) переходило въ *ово (ево)*: *тово, доброво, мово* вм. общер. *тоѣо, доброѣо, моѣо*. Что касается діалектич. *ово* въ южновеликор. говорахъ, то, конечно, оно заимствовано ими изъ говоровъ сѣв.-русскихъ. Во многихъ говорахъ имѣла мѣсто замѣна конечнаго *я* черезъ *ё* по причинѣ вышеуказанной: ср. діалект. *дружьё, спитё, завтрё, напившсё* (напился), *колёсьё, колосьё*; *ё* замѣняетъ діалектически и *е* на мѣстѣ ударяемаго *ѣ*: *телёга, колёно, крёсла*; въ окончаніи им. вин. ср. р. *ё* вм. *я* явилось не фонетическимъ путемъ, подъ вліяніемъ окончанія *о*: *селенья* перешло въ *селёнё*. Весьма распространенно выпаденіе неслогового *и* меж-

Библиотека "Руниверс"

ду гласными: діалект. *дрлаэтъ, играэмъ, добраа.* Во многихъ говорахъ группы гласныхъ подверглись ассимиляціи и стяженію: *играатъ* *играть* (съ долгимъ *а*), *добра* (съ долгимъ *а*), *уметъ* (вм. *умѣетъ* съ долгимъ *е*), *хозява.* Діалектически находимъ замѣну неударяемаго *а* черезъ *о: тровá.*—Въ области формъ отмѣтимъ: замѣну окончанія *ми* въ тв. мн. существ. черезъ *м* и *мы; ногам, рукам, съ людмы* (въ бѣлор. говоры *м*, повидимому, проникло изъ сѣверноруссскихъ); замѣну окончанія *ми* въ тв. мн. прилаг. и мѣстоименій черезъ *ма: слезам горючима;* очевидно, *ма*—изъ дв. ч.; смѣшеніе дат. съ твор. мн. также подъ вліяніемъ дв. ч., гдѣ оба падежа имѣютъ одну форму. Во многихъ говорахъ окончаніе *ы* (р. ед.) переносится въ дат. и мѣстн. (ср. сказанное выше о сходныхъ явленіяхъ): *на травы, к воды.* Сравн. степень принимаетъ окончаніе *яя* и *яе* вм. *ъе*, при чемъ, повидимому, это объясняется вліяніемъ дѣепричастій на *ая, яя: полняя, скоряе* (ср. южновелик. *льотючи, скорючи*, подъ вліяніемъ дѣепр. на *учи*). — Весьма распространенно въ говорахъ употребленіе члена: указат. мѣст. *тъ* получаетъ мѣсто за словомъ: *домо-тъ, баба-та, глаза-тъ.* Важно отмѣтить описательный оборотъ съ прич. страд. для выраженія прош. вр., при чемъ лицо выражается предлогомъ *у* съ род. п.: *у отця на другой женеюсь, у всѣхъ упхано изъ дому, у меня вездѣ робатывано, у его въ наймиты было нанятось.* Въ виду возможности замѣны прич. страд. прош. дѣепричастіемъ на *вши*, возможны обороты какъ: *у него за конями ушетци.*

Бѣлорусская группа говоровъ находилась, какъ указано выше, подъ сильнымъ вліяніемъ говоровъ малорусскихъ: вотъ почему цѣлый рядъ бѣлорусскихъ явленій уже разсмотрѣнъ нами въ предыдущемъ отдѣлѣ. Среди спеціально бѣлорусскихъ (и притомъ сравнительно новѣйшаго происхожденія), звуковыхъ явленій вниманіе изслѣдователя останавливается между прочимъ на діалектическомъ распространеніи звуковъ *ŏ, ĕ* (такъ мы обозначаемъ звуки неполнаго образованія, являвшіеся въ слогахъ неударяемыхъ вмѣсто *о, а, е, ѣ* и т. д., см. выше) на счетъ звука *а (я)* и на переходѣ этихъ звуковъ въ *ы, и.* Во многихъ бѣлорусскихъ говорахъ вытѣсненіе *а (я)* звуками *ы, и* происходитъ только при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ звуковыхъ условій, а именно: *ы* и *и* вытѣсняютъ *а* въ слогѣ передъ ударяемымъ, если въ ударяемомъ слогѣ находится *а: выдá, дычкá, гылывá* (при *вадѣ, дачкою*); *лисá, пислá, рикá* (при *у лясý, нясли́, рякý*); такое *ы* послѣ губныхъ согласныхъ, а также послѣ слога съ гласною *у*, переходитъ въ *у: пупá* (но *папý*), *дурукá, гусукá.* Въ склоненіи весьма распространенна въ бѣлорусскихъ говорахъ потеря различія между удареніемъ вин. и им. пад. словъ женск. р. съ подвижнымъ удареніемъ: *вадý, душý, зямлю, на гарý* и т. п. Подъ вліяніемъ чередованія въ діалектахъ *ы* и *э* въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ, какъ *маладэй* и *маладый, нашэя* и *нашыи, портэя* и *портыи*, звукъ *э* вытѣсняетъ діалектич. *ы* и въ окончаніяхъ именъ существительныхъ: *воз травэ*, имен. мн. *валэ, дворэ.* Весьма характерны новообразованія въ формахъ зв. пад. словъ ж. р., въ которыхъ отбрасывается окончаніе *о: мам, баб, маладух, тёт.* Вм. *иваешь, иваетъ* и т. д. употребляются сокращенныя формы на *аешь, уетъ*: *абарачаитца, выговаруешь, спрашую* и нѣк. др. Бѣлорусскіе говоры на востокѣ все болѣе и болѣе подвергаются вліянію говоровъ южновеликорусскихъ: они утрачиваютъ здѣсь характерныя цеканіе и дзеканіе, проникаясь и другими звуковыми, формальными и синтактическими особенностями, восходящими отчасти къ сѣверорусскому вліянію на южновеликорусскіе говоры. Такъ, въ дзекающихъ говорахъ Смоленской губ. является окончаніе *ой* вм. *ы* при *эй* и *ый* въ им. ед. прилагат.: *сухóй, кривóй, сядóй, якóй;* тамъ же возможно появленіе *в* вм. *г: прежняя, майво, сяводни* и т. д. Восточнѣе бѣлорусскіе говоры принимаютъ еще болѣе великорусскую окраску, но бѣлорусское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ выдаютъ такія звуковыя явленія, какъ *стаття, свиння* или *пакрый, памыюся* (Мосальскій и Жиздринскій уу. Калужской губ.); любопытно также сохраненіе въ нихъ формъ мѣстн. ед. какъ *у сараю, на большаку*, им. мн. какъ *рукавы, луги, повóды*; рядомъ съ этимъ извѣстны и формы на *а* (*лугá*), проникшія въ соединенія съ числительными *два, три, четыре*, но, вопреки великорусскому и сходно съ бѣлорусскимъ, не всегда утратившія удареніе мн. ч.: *два барскихъ дома, я яго училъ гадá три.*

Южновеликорусскіе говоры испытали на себѣ вліяніе сѣверноруссскихъ, говоровъ и до сихъ поръ, благодаря въ особенности культурному значенію Москвы, вліяніе это продолжается. Выше было указано, какія явленія можно признать общевеликорусскими; отмѣтимъ здѣсь распространеніе *в* вм. *г* въ род. ед. въ южновеликорусскихъ говорахъ, появленіе *г* = *ɣ* вм. *г* = *h* (рядомъ съ *х* въ концѣ слова: *друга, но друхъ*), *т* твёрдаго въ 3 лицѣ ед. и множ. и нѣкоторыхъ другихъ сѣверноруссскихъ звуковыхъ особенностей. Къ собственно южновеликорусскимъ явленіямъ, проникшимъ и въ бѣлорусскіе говоры, а отчасти и въ сѣверновеликорусскіе, слѣдуетъ, кажется, отнести появленіе *мши* вм. *вши* въ дѣеприч. прош. вр.: *выпимши, ухамши;* вѣроятно, *мши* надо объяснять изъ *вши* не фонетическимъ путемъ, а какъ аналогичное образованіе (Соболевскій указываетъ на вліяніе *вземши*). Появленіе въ южновеликорусской области говоровъ, весьма сходныхъ съ бѣлорусскими, объясняется, какъ указано выше, тѣмъ, что древними колонизаторами при-Окской области были не только восточные, но и западные среднеруссы: ср. распространеніе здѣсь окончанія *эй* вм. *ой* въ род., дат., мѣстн. прилагательныхъ и мѣстоименій, появленіе удареній *вадý, галавý*, единичные случаи, какъ *свинья, судья* даже въ рязанскихъ говорахъ, и мн. др.

II. Одновременно съ принятіемъ и распространеніемъ христіанства начинается русская письменность и кладутся основанія русскаго литературнаго языка. Первыя попытки писать по-церковнославянски были сдѣланы, конечно, въ Кіевѣ; родоначальникомъ письменнаго

Библиотека "Руниверс"

русскаго языка слѣдуетъ признать церковнославянскій, который, вмѣстѣ съ духовенствомъ и священными книгами, былъ перенесенъ къ намъ изъ Болгаріи. Но подъ инославянской оболочкой рано началъ пробиваться живой языкъ народа: церковнославянскія буквы стали изображать русскіе звуки, и книжный языкъ сталъ отражать живое произношеніе. До сихъ поръ еще нашъ церковнославянскій языкъ, даже перейдя изъ кіевскаго юга на сѣверъ и востокъ, сохранилъ слѣды своего первоначальнаго произношенія на Руси: напр. слово Господь мы произносимъ съ южнорусскимъ *г*, чуждымъ сѣверновеликорусскому и московскому нарѣчію. Если въ церковномъ языкѣ не сохранилось еще бо́льшаго количества южнорусскихъ особенностей, то это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что въ самомъ Кіевѣ съ теченіемъ времени сложилось особое нарѣчіе, чуждое діалектической нестроты окружавшихъ его говоровъ. Кіевъ былъ центромъ общерусскаго племеннаго союза: смѣшанное населеніе его, постоянный притокъ иноземныхъ элементовъ и въ особенности близкое сосѣдство съ Переяславщиной, гдѣ слышалось уже совершенно иное нарѣчіе (сѣверское, отразившееся въ современномъ южновеликорусскомъ), — все это содѣйствовало образованію здѣсь языка, который сталъ бы общерусскимъ, если бы Кіевъ сохранилъ свое общерусское значеніе. Мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на то, что и подборъ словъ въ кіевской рѣчи обличалъ ея смѣшанный характеръ: Владиміръ Мономахъ или лѣтописецъ, вложившій въ его уста рѣчь на Долобскомъ съѣздѣ, употреблялъ слово «лошадь», въ такой формѣ извѣстное только въ великорус. говорахъ. Въ скоромъ времени русскій языкъ получилъ доступъ и въ самостоятельную, зародившуюся въ центрѣ русской земли письменность: лѣтописи, историческія сказанія и юридическіе акты пишутся языкомъ, близкимъ къ живой рѣчи и только въ подборѣ словъ и синтактическихъ оборотовъ обличающимъ свою зависимость отъ церковной письменности. Когда роль Кіева для извѣстной части русской земли перешла ко Владиміру, а затѣмъ, со второй четверти XIV в., къ Москвѣ, туда перенеслись и памятники кіевской литературы, а также, вѣроятно, тотъ городской языкъ, которымъ въ Кіевѣ говорили духовенство и дружинники. Но съ теченіемъ времени въ новыхъ центрахъ русской земли образуется, при содѣйствіи тѣхъ элементовъ, которые тянули къ этимъ центрамъ, особое нарѣчіе, получающее общеобластное значеніе. Сложившееся въ Москвѣ нарѣчіе можно назвать великорусскимъ по преимуществу, именно въ виду того, что образованіе его стоитъ въ тѣсной связи съ ростомъ Московскаго государства и образованіемъ великорусской народности. Оно, какъ мы видѣли, отражаетъ въ стройномъ цѣломъ по крайней мѣрѣ два племенныя нарѣчія, сталкивавшіяся въ бассейнѣ Оки: среднерусское, отъ котораго москвичи унаслѣдовали акапіе, и сѣверно-русское, повліявшее на произношеніе согласныхъ *в*, *г*, на измѣненіе придыхательнаго *г* въ *в* въ род. пад. мѣстоименнаго склоненія (таво, прастова), на отвердѣніе *т* въ 3 л. ед. и мн. Борьба между сѣверноруссскими и среднерусскими элементами не окончилась еще и въ XVIII в., который, напр., знаетъ еще сѣверноруссское *яе* (бѣляе, темняе), уступившее впослѣдствіи мѣсто среднерусскому *не* (бѣлѣе, темнѣе). Это, по происхожденію своему, городское нарѣчіе въ скоромъ времени проникаетъ и въ письменность: все дѣлопроизводство дьяковъ и приказовъ, равно какъ вся свѣтская литература Московскаго государства отражаютъ языкъ стольнаго города. Недолго соперничаютъ съ нимъ мѣстныя нарѣчія Новгорода, Твери и Рязани, гдѣ въ разное время зарождается письменность, не чуждавшаяся, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ, языка народнаго. Уже въ XVI в. мы видимъ въ великорусской письменности полное и, пожалуй, условное однообразіе: между письменными знаками и живыми звуками устанавливается извѣстное соглашеніе; въ основаніе книжнаго языка кладется живое произношеніе московскаго нарѣчія; въ памятникахъ рѣдко отражается его аканіе, но за то еще рѣже пробиваются въ нихъ звуковыя особенности другихъ діалектовъ. До XVIII в. письменный языкъ московскій имѣетъ постояннаго соперника въ языкѣ церковнославянскомъ: нѣкоторыя отрасли литературы принадлежатъ исключительно языку церкви, который устойчиво сохраняетъ унаслѣдованное изъ Кіевской Руси произношеніе (такъ до сихъ поръ въ род. пад. мѣстоименнаго склоненія слышится придыхательное *г*, чуждое московскому нарѣчію). Въ XVIII в., благодаря свѣтскому характеру, который приняли ученость и образованность, произошло, на почвѣ расширявшей свои задачи письменности, сліяніе обоихъ языковъ—приказнаго московскаго и церковно-славянскаго; оставаясь въ основѣ своей народнымъ, литературный языкъ обогатился неистощимымъ запасомъ церковно-славянскихъ словъ. Сначала онъ съ трудомъ справляется съ этимъ наплывомъ церковно-славянскихъ элементовъ, а также иноземныхъ словъ и терминовъ, неудержимымъ потокомъ хлынувшихъ съ Запада. Но уже во второй половинѣ XVIII стол. мы видимъ образцы чистаго языка, который, не покидая родной почвы, сознательно пользуется церковно-славянскими и западно-европейскими заимствованіями. Съ этого времени литературный языкъ получаетъ то направленіе, благодаря которому онъ въ поэзіи и прозѣ Пушкина достигаетъ одного изъ высшихъ моментовъ своего развитія. Языкъ городского населенія въ Великороссіи въ значительной степени близокъ къ языку письменному: московское вліяніе проникало во всю русскую землю черезъ города, распространявшіе московскіе нравы, культуру и языкъ. Объединеніе русской земли въ XVII и XVIII ст. подъ одной общей госуд. властью указало языку великорусскому новыя задачи: онъ долженъ былъ стать языкомъ общимъ для всей Р., органомъ литературы и государственной жизни, но, конечно, общность языка и литературы для Великороссіи и Малороссіи, долгое время жившей отдѣльною культурною жизнью, можетъ быть обезпечена только на

Библиотека "Руниверс"

почвѣ свободнаго развитія и свободнаго соперничества. Вполнѣ естественно, что въ Малороссіи образовался свой литературный языкъ: его будущая судьба и отношеніе къ великорусскому литературному языку не могутъ быть опредѣлены теперь, когда взаимныя отношенія малорусскаго и великорусскаго нарѣчій регулируются не жизнью, а административными распоряженіями и въ значительной степени ими вызваннымъ украйнофильствомъ.

Историческое изученіе русскаго языка началось лишь очень недавно. Главные труды принадлежатъ Буслаеву, Срезневскому, Далю, Колосову, Потебнѣ и Соболевскому. Основанія исторической грамматики заложены Ѳ. И. Буслаевымъ въ его книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» (М., 1844). Ему же принадлежитъ «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (М., 1858), который съ 3-го изд. носитъ загл.: «Историческая грамматика русскаго языка». И. И. Срезневскій далъ общій очеркъ развитія русскаго языка сравнительно съ другими славянскими языками, въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» (СПб., 1849). В. И. Даль, въ своей статьѣ «О нарѣчіяхъ русскаго языка» (СПб., 1852) и въ составленномъ имъ «Толковомъ словарѣ живаго великорусскаго языка» (М., 1863), далъ замѣчательное по полнотѣ и точности описаніе современныхъ великорусскихъ говоровъ, въ ихъ грамматическомъ и лексическомъ составѣ. М. А. Колосовъ, въ «Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст.» (1872) и въ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варш., 1878), далъ сводъ того, что въ его время знали о древнерусскомъ языкѣ и о современныхъ великорусскихъ говорахъ. А. А. Потебня первый попытался опредѣлить составъ языка минувшихъ временъ на основаніи изученія современныхъ нарѣчій русскаго языка. Его трудъ: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (Воронежъ, 1865) до сихъ поръ не потерялъ въ этомъ отношеніи своего значенія. Звуковая сторона русскаго языка нашла истолкованіе въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій Потебни, озаглавленныхъ: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» (Воронежъ, 1876—83); ему же принадлежатъ капитальныя работы по историческому синтаксису русскаго языка: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (1874; второе изданіе, 1888). Соболевскій, въ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884), доказалъ, что ужо въ XII в. южнорусскіе говоры содержали черты современнаго малорусскаго нарѣчія, т. е. что это нарѣчіе—прямой потомокъ тѣхъ древнихъ говоровъ, которыми говорили въ Галичѣ и на Волыни (и, конечно, также въ Кіевщинѣ). Его «Лекціи по исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888; 2-е изд., СПб., 1891) даютъ очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка до новѣйшаго времени, а «Очеркъ русской діалектологіи» (СПб., 1892) содержитъ полный обзоръ тѣхъ свѣдѣній о современныхъ русскихъ говорахъ, которыми располагаетъ наука. Достойны вниманія труды проф. Е. Ѳ. Будде, давшаго рядъ обстоятельныхъ очерковъ современныхъ говоровъ Рязанской, Курской и Тульской губ. Весьма цѣнно Б. М. Ляпунова, «Изслѣдованіе о языкѣ Синод. списка 1-й Новгор. лѣтописи» (1899). Важнѣйшія изслѣдованія по бѣлорусскому языку принадлежатъ проф. Е. Ѳ. Карскому («Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», М., 1886, и др.). Малорусск. языкъ разработанъ въ трудахъ Потебни (кромѣ вышеуказанныхъ, отмѣтимъ «Замѣтки о малорусскомъ языкѣ»), Житецкаго («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», 1876; «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», 1889), Огоновскаго («Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache») и друг. Вопросъ о взаимномъ отношеніи русскихъ нарѣчій обстоятельно разсмотрѣнъ Соболевскимъ, Ягичемъ въ «Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка» и въ «Критико-палеографическихъ статьяхъ», въ новѣйшее же время въ «Archiv f. sl. Philologie» (т. XX, «Einige Streitfragen»), Пыпинымъ, въ его «Исторіи русской этнографіи», а также въ ст. «Споръ между южанами и сѣверянами» («Вѣстникъ Европы», 1886, апр.), наконецъ, недавно А. Крымскимъ. Отмѣтимъ еще трудъ П. Н. Милюкова, «Очерки по исторіи русской культуры» (ч. I), и его статью: «Колонизація Р.» въ этомъ Словарѣ. *А. Шахматовъ.*

В. Исторія русской литературы. Исторія русской литературы, для удобства обозрѣнія основныхъ явленій ея развитія, можетъ быть раздѣлена на три періода: I—отъ первыхъ памятниковъ до татарскаго ига; II—до конца XVII вѣка; III—до нашего времени. Въ дѣйствительности, эти періоды рѣзко не раздѣлены и переходятъ одинъ въ другой, какъ старое отзывается въ новомъ, но основныя ихъ черты различны.

I. Если въ понятіе литературы внести широкое понятіе художественнаго творчества народа въ словѣ (а не только въ письмѣ), то первымъ фактомъ такой исторіи должно стать изложеніе народной словесности, существовавшей искони до письма. Такъ обыкновенно начинаютъ историки. Это естественно тамъ, гдѣ затѣмъ письменность развивалась изъ этого основанія. У насъ этого не было: народная поэзія, при самомъ началѣ письменности, подверглась гоненію книжниковъ и существовала въ устномъ преданіи до первыхъ записей въ XVII вѣкѣ, лишь отрывочно и случайно отражаясь въ памятникахъ письменности. Въ устномъ преданіи она дошла до нашего времени, переживъ историческую судьбу народа, многое совсѣмъ утративъ, а многое сохранивъ въ очень измѣненной формѣ (см. Народная поэзія). Русская письменность начинается съ христіанства. Первыя книги и грамота явились въ церковной жизни, вѣроятно, еще до Владиміра Святого, такъ какъ уже были написаны договоры Олега и Игоря съ греками. Первыя книги были богослужебныя и церковно-учительныя, взятыя у предварившихъ русскій народъ въ христіанствѣ болгаръ (и моравянъ ?) и писанныя на старославянскомъ языкѣ, ставшемъ церковнымъ. Этимъ опредѣлилась первая форма литературнаго языка русской письменности. Первые книжники были служители церкви, которымъ гра-

Библиотека "Руниверс"

мота была необходима для исполненія ихъ служенія. Ихъ первыя писанія направлялись въ особенности на церковное поученіе, почему въ этой области письменности надолго, частію даже донынѣ, утвердилось господство церковно-славянскаго языка. Но этотъ языкъ, хотя близкій, былъ все-таки чужимъ нарѣчіемъ, и въ письменномъ употребленіи у русскихъ съ первыхъ же шаговъ сказалось и вліяніе родной рѣчи: переписывая южнославянскія (и моравскія ?) книги, русскій писецъ невольно (а иногда и намѣренно, чтобы быть болѣе понятнымъ своему русскому читателю) видоизмѣнялъ церковно-славянскую фонетику и грамматическія формы на русскія, замѣняя и самыя слова русскими. Съ другой стороны, грамота нашла примѣненіе въ дѣлахъ правленія и во всемъ томъ, что требовали записи: слово «грамота» (съ греческаго) стало названіемъ правительственнаго распоряженія, частной сдѣлки, въ народномъ языкѣ (и донынѣ)—названіемъ письма. Грамота стала средствомъ письменности не только церковной, но свѣтской, гражданской, стала средствомъ литературы. Распространеніе грамоты съ самаго начала было предметомъ заботы князей. Владиміръ Святой основалъ первую школу. Не видно, чтобы потомъ школьное дѣло получило правильную постановку; оно оставалось предметомъ лишь отрывочныхъ попеченій князей, епископовъ, монастырей; ученье шло и частное. Вѣроятно, съ этой поры установилось обученіе по букварю, часослову и псалтыри, удержавшееся до нашихъ дней. Впослѣдствіи упоминаются спеціалисты обученія — «мастера» (въ Новгородѣ). Во всякомъ случаѣ грамотность росла; книги были нужны для умножавшихся церквей и монастырей, для дѣлъ правленія, наконецъ для частныхъ дѣлъ и любознательности. Были ревнители книжнаго дѣла не только между князьями, но и между княгинями; уже въ первые вѣка собирались библіотеки. Такимъ образомъ, первой основой просвѣщенія было христіанство. Источникомъ новой вѣры, знаній, умственныхъ и нравственныхъ возбужденій была Византія, какъ прямо, такъ и посредственно: прямо, потому что русская церковь въ первые вѣка была подчинена константинопольской патріархіи и первые митрополиты были греки, приходившіе, безъ сомнѣнія, съ греческой свитой и клириками (частію, вѣроятно, также южно-славянами); посредственно, потому что первыя церковныя книги, послужившія основаніемъ русской грамоты и литературы, были южно-славянскіе и моравскіе переводы съ греческаго, начиная съ переводовъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ св. Кирилла и Меѳодія. Съ теченіемъ времени количество этихъ произведеній все возрастало: въ древнюю Русь приходили новые труды письменности южнославянской, затѣмъ появляются и собственные труды. Воздѣйствіе южнаго славянства продолжалось въ теченіе всего древняго періода и до половины средняго; послѣдніе его факты принадлежатъ XV-му столѣтію. Русскіе книжники также переводили съ греческаго, учась языку отъ пріѣзжихъ грековъ; при чрезвычайномъ распространеніи паломничества, книжники бывали въ Константинополѣ, на Аѳонѣ, приносили книги, а также и легенды. Такъ собралась обширная литература церковнаго содержанія, составляющая наибо́льшую долю древней русской письменности: книги Св. Писанія и толкованія къ нимъ, церковные уставы, книги богослужебныя, творенія св. отецъ догматическія и учительныя, житія святыхъ, въ отдѣльности и цѣлыми собраніями (Патерики, Прологи), переводы греческихъ лѣтописцевъ (Амартолъ, Малала, Манассія), сборники мудрыхъ изреченій и т. д. Эта литература имѣла видное историческое значеніе. При слабомъ развитіи школы и другихъ сторонъ литературной дѣятельности, церковная письменность оставалась, въ теченіе вѣковъ, главной, почти единственной пищей, нравственной и умственной, для русскихъ книжниковъ, а при ихъ посредствѣ—и для самаго народа, когда послѣ извѣстнаго періода «двоевѣрія» христіанство, хотя въ популярной формѣ, возобладало надъ умами. Церковное міровоззрѣніе, на разныхъ ступеняхъ пониманія и чувства, стало всеобщимъ и, рядомъ съ непосредственнымъ вліяніемъ церкви, сильно содѣйствовало образованію народнаго характера. Народъ сталъ понимать себя какъ «святую Русь». Это представленіе уже съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи возымѣло великое значеніе и въ международныхъ столкновеніяхъ съ Востокомъ, и въ самое время татарскаго ига, внушая русскому народу, при всѣхъ бѣдствіяхъ, чувство превосходства надъ всѣми «погаными» и «невѣрными» и давая ему нравственную силу въ тяжелыхъ историческихъ испытаніяхъ. Здѣсь развивался и нравственный мотивъ для основанія русскаго *царства*. Была и обратная сторона: какъ церковное благочестіе, такъ и эта письменность, не просвѣщенныя и не уравновѣшенныя школой, впадали въ обрядовую внѣшность, крайнюю исключительность, которыя впослѣдствіи, въ московскомъ періодѣ, развились въ нетерпимость, мѣшавшую самымъ успѣхамъ образованія. Съ другой стороны, церковная письменность получала значеніе между-славянское: въ ней собралось почти все содержаніе южно-славянской православной письменности, болгарской и сербской. Послѣ паденія южно-славянскихъ царствъ, въ концѣ XIV вѣка, ихъ литературная дѣятельность стала падать и наконецъ совсѣмъ заглохла, такъ что ихъ древнее наслѣдіе сохранилось только въ письменности русской. Какъ, съ возвышеніемъ московскаго царства, сюда стали направляться политическія ожиданія православнаго Востока, а также славянскаго юга, такъ послѣдній находилъ въ единствѣ церковной письменности залогъ общенія. Наконецъ, эта письменность послужила школой для русскихъ писателей: изъ Св. Писанія, отцовъ церкви, житій святыхъ они почерпали и содержаніе, и форму, и стиль своихъ произведеній. Славные учители, Василій Великій, Григорій Богословъ, Златоустъ, были великими образцами и авторитетами въ церковномъ поученіи; житія и легенды дали образецъ душевнаго спасенія; въ разсказахъ лѣтописи неизмѣнно приводятся примѣры и

Библиотека "Руниверс"

поученія изъ Писанія, отцовъ церкви, византійскаго хронографа; сама исторія представляется исполненіемъ божественной воли, въ благополучіи—Божіей милостью, слѣдствіемъ молитвы и заступничества святыхъ угодниковъ, въ бѣдствіи—наказаніемъ за грѣхи. Въ такихъ условіяхъ начиналась литература.

Какъ во главѣ русской іерархіи стояли первые митрополиты-греки, такъ они стоятъ въ ряду первыхъ русскихъ писателей, въ переводахъ. Таковы были въ XI вѣкѣ Леонтій, Георгій (около 1065—79), Іоаннъ II (1080—89), въ началѣ XII-го—Никифоръ (1104—1121). Съ половины XI вѣка являются и первые русскіе писатели, изъ церковнаго круга и въ томъ направленіи, которое опредѣлялось церковнымъ служеніемъ. Это были Лука Жидята, новгородскій архіепископъ (1035 — 59), первый поставленный изъ русскихъ, по волѣ великаго князя Ярослава, авторъ краткаго поученія о христіанской нравственности, и первый митрополитъ изъ русскихъ, поставленный по волѣ того же Ярослава, Иларіонъ (около 1051 — 54), авторъ поученій и похвалы князю Владиміру. Жизнь и школа древнихъ писателей русскихъ обыкновенно мало извѣстна; нѣкоторые изъ нихъ въ это первое время обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ дарованіемъ, и большое искусство стиля. Таковъ былъ Иларіонъ: онъ воспитался на византійскихъ образцахъ, но достигалъ истиннаго одушевленія и краснорѣчія. Кіево-печерскій игуменъ Ѳеодосій (1062—74) былъ авторомъ нѣсколькихъ поученій, посланій (къ вел. князю Изяславу) и молитвъ; указаны греческіе образцы нѣкоторыхъ поученій, носящихъ въ рукописяхъ его имя. Рядомъ съ поученіями общаго церковнаго характера, въ XI-мъ вѣкѣ мысль писателей обращается къ самой русской жизни, въ формѣ жизнеописанія святыхъ подвижниковъ и въ опытахъ исторіи. Таковы были писанія Іакова Мниха, которому принадлежатъ житіе и похвала князю русскому Володимиру и житіе святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и писанія знаменитаго Нестора Лѣтописца (род. 1056, ум. около 1114), который составилъ другое житіе Бориса и Глѣба, житіе Ѳеодосія Печерскаго и сказаніе о перенесеніи его мощей; ему же приписывалось написаніе «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ, заключающемъ житія печерскихъ подвижниковъ, упомянутъ именно «Несторъ, иже написа лѣтописецъ»: въ Патерикъ вошли его сказанія о печерскихъ подвижникахъ, какъ и въ лѣтопись, но самая Повѣсть, какъ теперь вообще полагаютъ, въ ея нынѣ извѣстномъ объемѣ, составлена не имъ. Князь Владиміръ, утвердившій русское христіанство, былъ уже ближайшимъ поколѣніемъ понятъ какъ великое историческое лицо и послужилъ предметомъ нѣсколькихъ житій и восхваленій: лѣтопись сообщила и сказанія, получавшія уже легендарный характеръ, о самомъ крещеніи князя Владиміра и русскаго народа. Для потомства князь Владиміръ сталъ святымъ и равноапостольнымъ, для народной поэзіи—ласковымъ княземъ и краснымъ солнышкомъ, средоточіемъ богатырской былины. На рубежѣ двухъ столѣтій стоитъ писатель-князь Владиміръ Мономахъ (1053—1125). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, подъ заглавіемъ «Поученіе», соединены три сочиненія Мономаха: Поученіе дѣтямъ, Посланіе къ князю Олегу Святославичу и молитва. Поученіе въ высокой степени любопытно, какъ произведеніе древняго русскаго князя, игравшаго дѣятельную историческую роль; здѣсь отразились и его нравственныя начала, и черты княжескаго быта; поученіе замѣчательно и живымъ языкомъ, свободнымъ отъ церковной книжности. Въ половинѣ XII столѣтія дѣйствовалъ Климентъ Смолятичъ, кіевскій митрополитъ, избранный безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ (и потому не признанный нѣкоторыми князьями и епископами). Древняя лѣтопись говоритъ о немъ, какъ о философѣ и книжникѣ, какого еще не бывало въ русской землѣ; имя его, однако, было потомъ мало извѣстно. Въ послѣднее время издано его Посланіе къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ, посвященное толкованію писанія. По наклонности къ притчамъ и прообразамъ, онъ считается предшественникомъ Кирилла Туровскаго, какъ-бы представителемъ особой литературной школы, а по формѣ посланіе является началомъ тѣхъ вопросо-отвѣтныхъ произведеній, которыхъ образчикомъ была чрезвычайно потомъ распространенная «Бесѣда трехъ святителей». Сочиненія Кирилла, епископа туровскаго (жившаго около 1130—82 гг.), своими особыми достоинствами могутъ дѣйствительно внушать мысль о литературной школѣ. Уроженецъ города Турова, и сынъ богатыхъ родителей, онъ принялъ постриженіе и святостью жизни пріобрѣлъ великое уваженіе: онъ заключился даже въ «столпѣ», куда перенесъ и свои книги. Кіевскій митрополитъ, по просьбѣ князя туровскаго и жителей, поставилъ его епископомъ Турова. Его писанія состоятъ изъ молитвъ, сочиненій объ иноческой жизни и словъ (съ достовѣрностью считаютъ принадлежащими ему восемь или девять словъ). Слова Кирилла Туровскаго, еще болѣе нежели поученія Иларіона, представляютъ чрезвычайно замѣчательное, даже единичное явленіе въ древней письменности по ихъ высокой литературной обработкѣ. Старые книжники, съ этой поры и послѣ, вообще близко держались греческихъ (переводныхъ) образцовъ, но Кириллъ, хотя также отчасти съ ними связанный, является самостоятельнымъ писателемъ крупнаго дарованія: это—ораторъ, знакомый съ пріемами искусства. Новѣйшимъ изслѣдователямъ древняго періода онъ кажется почти загадкой или явленіемъ исключительнымъ: это — ученикъ византійскихъ церковныхъ ораторовъ, но вообще онъ своихъ образцовъ не повторялъ. Едва-ли кто изъ послѣдующихъ церковныхъ ораторовъ можетъ сравниться съ Кирилломъ по изяществу рѣчи, принимающей иногда и поэтическіе оттѣнки. Древнему періоду принадлежатъ еще нѣсколько другихъ произведеній замѣчательнаго достоинства: они свидѣтельствуютъ о живомъ поэтическомъ творчествѣ, еще не подавленномъ церковно-аскетическими запрещеніями, и о разнообразныхъ литературно-народныхъ ви-

Библиотека "Руниверс"

тересахъ. Таково, во-первыхъ, знаменитое «*Слово о Полку Игоревѣ*», повѣствующее, какъ настоящая поэма, о походѣ князя Игоря противъ половцевъ, въ концѣ XII вѣка. Это—произведеніе единственное въ своемъ родѣ во всей до-Петровской письменности, произведеніе высокаго достоинства, къ удивленію—не оставившее никакой поэтической традиціи въ древней письменности мало слѣдовъ его вліянія. Найденное случайно въ концѣ XVIII вѣка гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ рукописи XV—XVI вѣка, сгорѣвшей потомъ въ пожарѣ 1812 г., «Слово» было издано весьма неумѣло. Съ тѣхъ поръ оно вызвало множество изданій и комментаріевъ; послѣдніе пріобрѣтаютъ нѣкоторую почву только теперь, съ развитіемъ изученія народной поэзіи, къ которой «Слово» различнымъ образомъ примыкаетъ. Оно открывается обращеніемъ къ «соловью стараго времени», вѣщему Бояну, и даетъ намъ красивый, хотя неясный, намекъ на стараго народно-дружиннаго пѣвца. Разсказъ о походѣ, о битвѣ, о скорби покинутой Ярославны исполненъ поэтическими чертами рѣдкой красоты, параллели которыхъ отыскиваются теперь въ народно-поэтическомъ преданіи. «Слово» было написано книжникомъ, надъ которымъ, однако, еще владычествовала народно-поэтическая стихія; почему рядомъ съ «Богородицей Пирогощей» являются на сценѣ Дажь-богъ, Хорсъ, оборотень Всеславъ, народное причитаніе, призывы силъ природы и т. д. Авторъ «Слова»—вмѣстѣ съ тѣмъ горячій патріотъ: онъ съ гордой радостью вспоминаетъ имена князей, прославлявшихъ русскую землю, и, разсказывая о пораженіи и плѣнѣ князя, скорбитъ о раздорахъ, которые дѣлятъ русскую землю и отдаютъ ее насилію погаными. Во всей поэмѣ неизмѣнно господствуетъ тонъ высокаго одушевленія. Отрывочный остатокъ княжеской литературы древняго періода представляетъ «Слово» или «Моленіе» Даніила Заточника, обращенное къ князю Ярославу Всеволодовичу, вѣроятно, въ первой четверти XIII вѣка. Это — моленіе провинившагося дружинника, сосланнаго на озеро Лаче; но Даніилъ былъ человѣкъ книжный, и свое моленіе обставилъ нравоучительными текстами изъ Писанія, народною мудростью и замысловатымъ остроуміемъ, вслѣдствіе чего личное посланіе стало весьма распространеннымъ памятникомъ литературы нравоучительныхъ изреченій. Къ началу XII-го столѣтія относится замѣчательный памятникъ древней письменности—«Хожденіе» Даніила игумена, ходившаго въ Іерусалимъ въ 1106—1108 годахъ. Паломничество стало распространяться съ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства, и до такой степени, что церковная власть нашла нужнымъ воздерживать странниковъ (чтобы противодѣйствовать бродяжеству), объясняя, что душу можно спасти и дома доброю жизнью (такъ — въ «Вопросахъ Кирика» къ арх. Нифонту). Паломники, какъ особый разрядъ людей, подлежали церковному вѣдѣнію и суду «Хожденіе» Даніила, впослѣдствіи самый распространенный памятникъ паломнической литературы, занимаетъ въ ней первое мѣсто и по своему литературному достоинству. Оно проникнуто благочестивымъ настроеніемъ, написано «вѣрныхъ ради человѣкъ», чтобы, слышавъ о святыхъ мѣстахъ, о нихъ поскорбѣли и получили равную мзду съ тѣми, кто доходилъ до нихъ. Авторъ прибавляетъ, однако, что бо́льшую мзду можно получить, оставаясь дома добрыми людьми. Въ Св. землѣ у Гроба Господня, Даніилъ молится за русскую землю и русскихъ князей. Разсказъ его отличается точностью описаній и полною вѣрой въ легендарныя сказанія, какія онъ раньше зналъ и здѣсь слышалъ и въ которыхъ, какъ въ то же время въ лѣтописи, мы имѣемъ первыя свидѣтельства о широко распространенной потомъ апокрифической литературѣ. Около 1200 г. странствовалъ въ Царьградъ новгородскій архіепископъ Антоній, въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ (Андрейковичъ). Антоній видѣлъ въ Царьградѣ только нескончаемое множество святынь, великолѣпные храмы, наполненные священными предметами библейской и евангельской исторіи, мощами святыхъ и мучениковъ и пр.—и хожденіе его опять сполна принадлежитъ области легенды и апокрифическаго сказанія. Кромѣ историческаго значенія въ судьбахъ русской древней письменности Хожденіе Даніила имѣетъ большое значеніе для изслѣдованій палестинской топографіи и археологіи, а хожденіе Антонія доставляетъ важныя указанія для археологіи Царяграда. Изъ этого періода сохранилась еще любопытная лѣтописная запись отъ 1163 года (съ продолженіемъ отъ 1329 г.), какъ въ томъ году изъ Великаго Новгорода, отъ святой Софіи ходили 40 мужей-каликъ ко граду Іерусалиму, ко гробу Господню, какъ они гробъ Господень цѣловали и рады были, взяли у патріарха благословеніе и святыя мощи, и принесли ихъ въ Новгородъ; невольно вспоминаются при этомъ сорокъ каликъ въ былинѣ.

Наконецъ, замѣчательнымъ памятникомъ древняго періода была лѣтопись. Основаніемъ ея была знаменитая «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть». По новымъ изслѣдованіямъ, «Повѣсть» не была первымъ началомъ лѣтописанія; ей предшествовалъ сводъ извѣстій, составленный въ Кіевѣ въ половинѣ XI столѣтія, на основаніи русскихъ записей и греческихъ источниковъ. Впослѣдствіи «Повѣсть», имѣвшая не одну редакцію, стала обычнымъ началомъ лѣтописи, въ ея различныхъ мѣстныхъ развѣтвленіяхъ. Гдѣ было начало лѣтописи, кто были лѣтописцы? Эти вопросы вызывали разныя рѣшенія; писцами, которые нѣсколько разъ себя назвали, были духовныя лица, отъ игумена до пономаря; классическимъ древнимъ лѣтописцемъ представляется монахъ Несторъ, какъ въ поэтической реставраціи Пушкина—монахъ Пимень; древнимъ средоточіемъ лѣтописанія является монастырь, но въ томъ его значеніи (особливо Печерскаго монастыря въ Кіевѣ), какое имѣлъ онъ въ кіевскомъ періодѣ: монастырь былъ уже ознаменованъ святостью подвижниковъ, онъ былъ близокъ къ князю какъ нравственный, затѣмъ и политическій авторитетъ; въ немъ собраны были ученые

Библиотека "Руниверс"

книжники, въ немъ стекались извѣстія. Нѣкоторые изслѣдователи полагали, что по живости политическихъ интересовъ лѣтопись можетъ считаться именно дѣломъ самихъ городовъ. Какъ-бы то ни было, древнѣйшая лѣтопись свидѣтельствовала о живой литературной дѣятельности и широкихъ интересахъ. Лѣтописецъ, почти единственный разъ въ древней письменности, хотѣлъ дать понятіе о цѣломъ славянскомъ племени; онъ исчисляетъ русскія племена, съ любовью собираетъ преданія о древнихъ князьяхъ, приводитъ документы княжескаго архива (договоры Олега и Игоря), разсказываетъ о печерскихъ подвижникахъ, даетъ нерѣдко живой разсказъ о событіяхъ текущихъ. Все это освѣщено благочестивымъ настроеніемъ. Исторія начинается съ библейскаго разсказа о сотвореніи міра; послѣ Вавилонскаго столпотворенія, когда языки раздѣлились, въ Іафетовомъ племени выдѣлилось славянство, и среди его племенъ—русскій народъ. Вся исторія совершается по волѣ Божіей: княженья и народъ держатся милосердіемъ Божіимъ и молитвою; за грѣхи Богъ казнитъ всякими бѣдствіями—голодомъ, моромъ, трусомъ и нашествіемъ иноплеменныхъ. Лѣтописецъ восхваляетъ князей благочестивыхъ и книжныхъ. Старѣйшая лѣтопись, веденная въ Кіевѣ, и лѣтопись галицко-волынская отличаются отъ позднѣйшаго лѣтописанія своею народною свѣжестью. Какъ христіанинъ, и вѣроятно лицо духовное, лѣтописецъ не даетъ вниманія тому народному быту, въ которомъ хранились еще остатки язычества, но онъ съ любовью разсказываетъ преданія историческія о первыхъ князьяхъ, о борьбѣ съ иноплеменниками, о первыхъ святыхъ подвижникахъ; у него еще хранится память о цѣломъ славянствѣ, къ которому принадлежитъ русскій народъ; онъ разсказываетъ о началѣ славянской грамоты и, раньше, о посѣщеніи русской земли ап. Андреемъ, предсказавшимъ величіе Кіева, матери русскихъ городовъ, и будущій свѣтъ христіанства въ русской землѣ. Лѣтопись галицко-волынская своимъ оживленнымъ, иногда поэтическимъ разсказомъ напоминаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ Слово о Полку Игоревѣ...

Съ первыхъ вѣковъ своего христіанства русская земля имѣла святыхъ подвижниковъ, какъ Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, какъ еще раньше, два мученика варяга, какъ мученики-князья св. Борисъ и Глѣбъ; доходили даже сказанія о святыхъ западно-славянскихъ, какъ, чешскіе Вячеславъ и Людмила. Почитаніе памяти святыхъ людей еще въ древнемъ періодѣ положило начало литературѣ *житій*, весьма распространившейся впослѣдствіи: житія давали исторію, но вмѣстѣ и легенду, такъ какъ сказанія о святыхъ иногда еще при ихъ жизни получали въ народной фантазіи поэтическую окраску въ церковномъ направленіи. Святость обыкновенно проявлялась чудесами, такъ что обычнымъ заглавіемъ такихъ жизнеописаній было «Житіе и чудеса». Съ укрѣпленіемъ христіанства, при сильномъ возбужденіи религіознаго чувства, область житій—агіографія—распространилась по всей русской землѣ: каждый большой городъ имѣлъ свою святыню, въ видѣ мѣстнаго святого, чудотворной иконы, знаменитаго храма (какъ св. Софія, кіевская и новгородская, св. Троица псковстая, Богородица владимірская) и т. п. Въ древнемъ періодѣ возникла и мысль о собраніи въ цѣлое такихъ сказаній, результатомъ чего былъ знаменитый «Патерикъ Печерскій», сборникъ житій печерскихъ подвижниковъ, составившійся изъ трудовъ Симона, перваго епископа во Владимірѣ (ум. 1226), и монаха Поликарпа: впослѣдствіи онъ былъ распространенъ въ чтеніи и подвергся разнымъ редакціямъ.

Древній періодъ русской письменности, какъ и жизни, носитъ вообще своеобразный характеръ, котораго уже не встрѣчаемъ потомъ въ народной жизни и письменности. Это была пора свѣжей непосредственности, дѣятельной боевой жизни, оставившей слѣдъ въ поэтическихъ преданіяхъ народа; пора международнаго общенія, еще не возбуждавшаго вѣроисповѣдныхъ опасеній; пора оживленной и разнообразной письменной дѣятельности, создавшей типы литературнаго труда для послѣдующихъ вѣковъ (лѣтопись, житіе, учительное слово, хожденіе), которые, однако, не умѣли развить поэтическаго наслѣдія древней Руси (такова одинокость Слова о Полку Игоревѣ). Владиміръ Святой, Ярославъ и другіе князья заботились о школѣ; лѣтопись упоминаетъ князей книголюбцевъ; князь Всеволодъ зналъ пять языковъ; творенія такихъ писателей, какъ Иларіонъ и Кириллъ Туровскій, указываютъ, повидимому, на правильное изученіе словеснаго искусства (по византійскимъ образцамъ); Владиміръ Мономахъ оставилъ чрезвычайно любопытную автобіографію; Слово о Полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ о высокомъ поэтическомъ настроеніи писателя-патріота. Удѣльная форма государства стала источникомъ политической слабости—цѣлаго, но удѣлы, располагавшіеся по естественнымъ областямъ «земель», открывали возможность мѣстнаго развитія. Древняя Русь имѣла уже нѣсколько центровъ политическихъ, которые становились и культурными: Кіевъ, Галичъ, Новгородъ, Ростовъ, Тверь, наконецъ, Москва. Древній періодъ представляетъ и примѣры живого общенія съ Западомъ: любопытные намеки Слова о Полку Игоревѣ о нѣмцахъ и венедицахъ, грекахъ и Моравѣ. поющихъ славу Святослава, имѣютъ параллель въ вліяніи западнаго искусства, доходившемъ до отдаленнаго Владиміра. Не выясненъ вопросъ о частныхъ свойствахъ племени, игравшаго наиболѣе дѣятельную роль въ Кіевѣ. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что это племя было тѣже великоруссы, отступившіе впослѣдствіи на сѣверъ; болѣе вѣроятно другое мнѣніе, что въ Кіевѣ дѣйствовала таже южная отрасль племени. которую видимъ здѣсь въ послѣдующіе вѣка—и упомянутыя особенности культурнаго характера древняго періода подкрѣпляютъ это предположеніе. Политическая несостоятельность удѣльно-вѣчевой формы, изъ которой не выработалась федерація, движеніе народной колонизаціи на сѣверо-востокъ, частью

Библиотека "Руниверс"

по условіямъ первобытнаго экономическаго быта, вслѣдствіе частью необходимости отграничить финно-тюркскихъ инородцевъ, частью по внушеніямъ богатырскаго удальства, — еще съ XII вѣка намѣтили новую политическую систему, которая и стала мало-по-малу утверждаться на сѣверо-востокѣ, гдѣ не были такъ сильны удѣльно-вѣчевыя преданія. Это было зарождавшееся стремленіе къ сосредоточенію, къ утвержденію земли подъ власти одного княжескаго рода. Оно едва возникало, когда совершилось нашествіе монголо-татаръ, на время подѣйствовавшее оглушающимъ образомъ. Въ концѣ концовъ, подъ татарскимъ игомъ процессъ завершился возвышеніемъ Москвы, которая положила конецъ и самому игу.

II. Съ татарскаго нашествія начинается и новый періодъ политической жизни древней Руси, и новый періодъ письменности. По мнѣнію Соловьева, татарское иго не измѣнило основного процесса государственности; но во всякомъ случаѣ въ этотъ процессъ вошелъ чужой, вообще мало благопріятный элементъ униженія передъ ордой и татарскаго насилія. Татарское иго способствовало и расколу русскаго цѣлаго на Русь восточную и западную. Въ культурномъ отношеніи, въ исторіи образованія національнаго характера, татарское иго было великимъ бѣдствіемъ. Кромѣ матеріальнаго разрушенія, было разрушеніе нравственное. Погибло много національной старины, которая составляетъ нравственный капиталъ народа; національная жизнь надолго поглощена была одной заботой самосохраненія и, когда благодаря запасу силы, оно было достигнуто, утвержденіе государственности въ Москвѣ совершилось съ немалымъ ущербомъ нравственнымъ. Современные лѣтописцы, разсказывая о первыхъ путешествіяхъ князей въ орду на поклонъ, говорятъ о страхѣ и «обидѣ» —т. е. обидѣ для цѣлаго народнаго чувства; но мало по малу, терпя насиліе, пріучались и сами къ насилію, и огрубѣніе нравовъ, шедшее изъ этого источника, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Сами по себѣ, татары не могли имѣть прямого вліянія на русскихъ. При первомъ порабощеніи русскій чувствовалъ себя выше побѣдителя, который былъ въ его глазахъ и на вѣка остался «злымъ» и «поганымъ». Вскорѣ оказалось вліяніе болѣе высокой культуры; татары переѣзжали жить на Русь, принимали христіанство; въ числѣ русскихъ святыхъ уже въ XIII—XIV столѣтіи является Петръ, царевичъ ордынскій. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше подобные факты умножались, — но рядомъ продолжались и факты насилія, и татарскіе князья и мурзы, вступавшіе въ русскую службу, вѣроятно долго сохраняли свою первобытную природу. Въ виду опасности для государственнаго бытія, вся политика князей была направлена на усилія національнаго самосохраненія; среди заботъ о сосредоточеніи силъ забывали думать о просвѣщеніи. Школа и книжность угасли, не обновляясь новымъ содержаніемъ. Русь Литовская загородила Москву отъ сношеній съ Западомъ; народное чувство все больше укрѣплялось въ противопоставленіи святой Руси поганому Востоку, но въ своемъ культурномъ одиночествѣ перешло въ крайнее самомнѣніе, враждебно относившееся не только къ восточному вліянію, но и къ западному, и къ послѣднему, быть можетъ, еще болѣе, такъ какъ здѣсь проявлялась давно внушенная греками ненависть къ латинству. Вѣка татарскаго владычества скудны памятниками литературы. Въ эпоху тяжелаго внѣшняго гнета съ особенною силою развивается религіозное настроеніе; при отсутствіи просвѣщенія и культурнаго развитія нравственныя силы уходятъ въ аскетизмъ. Это было время чрезвычайнаго размноженія монастырей, особливо на сѣверѣ. Суровые аскеты удалялись въ пустыни, строили тамъ келіи; слава подвижничества привлекала учениковъ; въ пустынѣ основывался монастырь, богатѣлъ вкладами, становился землевладѣльцемъ и центромъ монастской книжности. Среди такихъ основателей бывали сильные характеры, которые содѣйствовали укрѣпленію монашескаго идеала и вліянія какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Игумены монастырей имѣли нерѣдко значительное политическое значеніе, какъ совѣтники князей; изъ ихъ среды выходили іерархи. Какъ нѣкогда митр. Петръ оказалъ великую услугу московскому княженію, перенесши митрополичій престолъ въ Москву, такъ игумены монастырей (Пафнутій Боровскій, Іосифъ Волоцкій и др.) были приверженцами Москвы и не мало послужили московскому авторитету. Преп. Сергій благословилъ Димитрія на борьбу съ Мамаемъ; митр. Геронтій съ «соборомъ», архіеп. Вассіанъ возбуждали Ивана III къ борьбѣ съ Ахматомъ. Іерархи и игумены обращались, по древнему обычаю, съ учительными посланіями къ князьямъ. Князю былъ важенъ союзъ съ іерархіей и для душевнаго спасенія, и для цѣлей политическихъ. Въ концѣ концовъ митрополитъ вѣнчалъ великаго князя московскаго на царство и освятилъ его власть церковнымъ благословеніемъ. Окруженные славою подвижниковъ и легендой, монастыри становились народной святыней; къ нимъ устремлялось паломничество (особенно когда, послѣ взятія Константинополя турками, былъ почти загражденъ путь въ Палестину). Въ смутныя военныя времена монастыри дѣлались и пунктами военной обороны (Псково-печерскій монастырь во время Баторія, Троицкая лавра въ междуцарствіе), и это умножало ихъ авторитетъ. Наконецъ, въ монастыряхъ сосредоточивалось церковное книжничество. Литературная дѣятельность за этн вѣка не была обильна. Въ XIII вѣкѣ, отъ епископа владимірскаго Серапіона осталось нѣсколько поученій, изображающихъ, между прочимъ, «томленіе и муку» отъ нашествія немилостивыхъ иноплеменниковъ. Серапіонъ укоряетъ паству за не-христіанскія суевѣрія (вѣра въ волхвовъ и пр.) и объясняетъ, что за грѣхи Богъ и посылаетъ на людей казни, голодъ и моръ, трясеніе земли и самое нашествіе. Къ первымъ временамъ ига долженъ относиться памятникъ, отъ котораго недавно только отыскано любопытное начало—«Слово о погибели русскія земли». На первыхъ страницахъ описывается бывалое, при старыхъ князьяхъ, могущество и процвѣтаніе русской земли, и толь-

Библиотека "Руниверс"

ко въ послѣднихъ сохранившихся строчкахъ говорится не ясно о «болѣзни» христіанъ во времена автора, т. е. вѣроятно болѣзни отъ татарскаго нашествія. Цѣлый составъ памятника остается неизвѣстенъ; можно только сказать, что картина прежняго могущества Руси изображается широкими чертами, напоминающими «Слово о Полку Игоревѣ»; есть намеки на стиль народной поэзіи, но больше, чѣмъ въ старомъ Словѣ, книжныхъ риторическихъ украшеній. Ко второй половинѣ XIII в. относится «Правило» митр. Кирилла II и «поученіе къ попомъ». «Правило», составленное на соборѣ съ епископами, опять указываетъ на грѣхи, вынудившіе отъ Бога наказаніе, и даетъ наставленія о церковномъ благоустройствѣ; оно возстаетъ противъ «бѣсовскихъ игрищъ», кулачныхъ боевъ. Поученіе къ попамъ состоитъ въ объясненіи ихъ высокихъ церковныхъ обязанностей. Къ этому времени относятъ также нѣсколько поученій, принадлежащихъ неизвѣстнымъ писателямъ и направленныхъ въ особенности противъ остатковъ язычества—того, что̀ назвали тогда «двоевѣріемъ»: замѣчательно въ особенности «Слово нѣкоего Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ». Въ XIV в. продолжается литература церковнаго поученія или поучительнаго посланія. Таковы были труды московскихъ митрополитовъ Петра (родомъ съ Волыни), Алексія (сына черниговскаго боярина), епископа сарайскаго Матѳея, митр. Кипріана (пришельца, южнаго славянина), Кирилла Бѣлозерскаго. Ихъ общая тема—осужденіе грѣховной жизни, иногда лишь съ нѣкоторыми чертами современнаго быта, и призывы къ благочестію, съ угрозами Божія гнѣва. Въ посланіяхъ Кипріана (митрополита кіевскаго, потомъ московскаго, 1376—1406) любопытна увѣренность въ близкомъ концѣ міра: «нынѣ послѣднее время и лѣтамъ скончаніе приходитъ и конецъ вѣку сему; бѣсъ же вельми рыкаетъ, хотя всѣхъ поглотити». Онъ былъ противникомъ монастырскихъ имѣній: отрекшись отъ міра, не должно обязываться мірскими дѣлами и снова строить то, что разорилъ. Кипріанъ былъ большой труженикъ, занимался переводами учительныхъ книгъ и особенно заботился объ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Книжная дѣятельность митрополита Кипріана имѣетъ то особенное значеніе, что онъ былъ начинателемъ южно-славянскихъ воздѣйствій въ нашей старой письменности. Кириллъ Бѣлозерскій (1337 — 1427)—одинъ изъ знаменитѣйшихъ и типическихъ подвижниковъ средняго періода, юношей принялъ постриженіе въ Москвѣ; шестидесяти лѣтъ онъ удалился въ пустынное житіе и поселился въ пещерѣ; слава святости привлекла ему учениковъ, и онъ сталъ основателемъ монастыря, который вскорѣ пріобрѣлъ великую славу, былъ любимъ московскими князьями и царями, сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ (ему принадлежало до 20000 крестьянъ) и былъ школой и пріютомъ «бѣлозерскихъ старцевъ», игравшихъ роль въ XV в. Въ своихъ посланіяхъ къ князьямъ Кириллъ былъ обычнымъ моралистомъ и примирителемъ. Онъ совѣтовалъ заботиться о правосудіи, объ исправленіи народныхъ нравовъ («великая пагуба душамъ —крестьяне пропиваются, а души гибнутъ»), просилъ князя унимать подвластныхъ ему людей «отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже все это прогнѣвляетъ Бога». Въ томъ же вѣкѣ архіепископъ новгородскій (1331—1352) св. Василій написалъ тверскому епископу Ѳеодору посланіе, гдѣ объяснялъ вопросъ о раѣ и адѣ: объ этомъ много говорили въ Твери, и Ѳеодоръ училъ свою паству, что рай, гдѣ жилъ Адамъ, болѣе не существуетъ, а есть только рай мысленный. Василій опровергаетъ его указаніями на (апокрифическія) сказанія о раѣ на востокѣ (пустынникъ Макарій жилъ въ двадцати поприщахъ отъ рая, Евфросинъ принесъ оттуда три цѣлебныхъ яблока), и приводитъ разсказъ «своихъ дѣтей новгородцевъ», которые видѣли адъ «на дышущемъ морѣ» и рай за горою, гдѣ «написанъ былъ Денсусъ лазоремъ чуднымъ» (икона, изображающая Спасителя съ Богородицей и Іоанномъ Крестителемъ); за горой былъ свѣтъ великій и слышались голоса ликованія. Какъ выяснено теперь, разсказъ новгородцевъ есть легенда, въ тоже время распространенная на Западѣ. Съ татарскими нашествіями, повидимому, не прервались паломничества къ святымъ мѣстамъ, но они были несомнѣнно затруднены, и памятники рѣдки. XIV-му вѣку принадлежитъ, вѣроятно, «Бесѣда о святыняхъ Царяграда», недавно отысканная и еще не вполнѣ изслѣдованная, какъ думаютъ нѣкоторые — составленная упомянутымъ арх. новгородскимъ Василіемъ; сказаніе Стефана Новгородца, ходившаго около половины XIV в. въ Царьградъ и дивившагося его святынямъ и великолѣпію, такъ что и «умъ сказати не можетъ», и «въ Царьградъ какъ въ дуброву войти»; хожденіе нѣкоего архимандрита Агреѳенія, описывавшаго святыя мѣста Палестины; хожденіе смоленскаго дьякона Игнатія, который въ 1387 г. сопровождалъ митрополита Пимена въ Царьградъ, а потомъ былъ въ Іерусалимѣ; сказаніе дьяка Александра, бывшаго въ Царьградѣ по торговымъ дѣламъ. Тому же вѣку принадлежитъ опытъ эпическаго разсказа—«Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», принадлежащее рязанскому іерею Софонію или Софронію; дальнѣйшая обработка того же сюжета, «Задонщина», относится уже къ XV в. Отдѣльныя историческія повѣсти объ особенно замѣчательныхъ событіяхъ возникли еще въ древнемъ періодѣ; впослѣдствіи онѣ размножаются, и въ XIV—XV вв. находимъ цѣлый рядъ повѣстей (о житіи и храбрости Александра Невскаго, о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ, о нашествіи Батыя на русскую землю, о убіеніи кн. Михаила Черниговскаго въ ордѣ, о убіеніи кн. Михаила Тверского, Рукописаніе Магнуса короля Свѣйскаго и т. д.): эти повѣсти заносились иногда въ лѣтопись, но обращались въ рукописяхъ и отдѣльными статьями. Сюда относится и Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ; оно отличается отъ другихъ повѣстей тѣмъ, что авторъ старался украсить свое повѣствованіе поэтическими чертами, для чего воспользовался «Словомъ о Полку Игоревѣ» какъ образцомъ «Задонщина», писанная менѣе натянутымъ книжнымъ язы-

Библиотека "Руниверс"

комъ, также преисполнена подражаніями «Слову»—но именно на этомъ и сказалась великая разница литературныхъ періодовъ. То, что было въ «Словѣ» непосредственнымъ внушеніемъ поэтической фантазіи и чувства, въ сказаніяхъ XIV—XV в. становится безжизненной фразой: позднѣйшіе книжники часто совсѣмъ не понимали поэтическаго образа, примѣняли его нескладно или фальшиво, вѣщій Боянъ «Слова» превратился въ «вѣщанаго боярина, горазнаго пѣвца въ Кіевѣ»; слова: «о Русь, за шеломянемъ еси» (за горой) получили слѣдующій видъ: «русская земля, то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала», т. е. совершенно потеряли смыслъ.

XV-й вѣкъ былъ эпохой уже опредѣлявшагося окончательно историческаго процесса, въ результатѣ котораго Москва объединила удѣлы; великій князь московскій былъ уже безспорнымъ властителемъ, удѣльные князья становились его придворными; самый Новгородъ потерялъ свою независимость. Политическое возвышеніе Москвы долго не сопровождалось возвышеніемъ ея книжнаго просвѣщенія; до XV в. она была, по выраженію Буслаева, татарскимъ лагеремъ, проводила анти-національныя начала, въ книжности уступала Кіеву и Новгороду XII в. Книжные интересы были гораздо сильнѣе въ Новгородѣ и другихъ прежнихъ центрахъ. Составитель лѣтописнаго сборника въ первой половинѣ XVI в. (Тверская лѣтопись) извинялъ недостатки своего труда тѣмъ, что онъ—не кіевлянинъ, не новгородецъ, не владимірецъ, а ростовскій человѣкъ, конечно указывая тѣмъ центры книжной дѣятельности; Москву онъ не назвалъ вовсе. Въ прежнихъ центрахъ книжность заявляла себя преимущественно обиліемъ мѣстныхъ сказаній историческихъ и житійныхъ: легенда развивалась въ Черниговѣ, Владимірѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ, Муромѣ, но въ особенности въ Новгородѣ, между прочимъ отражая враждебныя отношенія его къ Москвѣ (напр. поставленный изъ Москвы архіепископъ чудесно наказывается за неуваженіе къ новгородской святынѣ). Въ концѣ концовъ политическое преобладаніе, обратившееся въ господство, должно было внушить мысль о необходимости просвѣщенія и развить книжную дѣятельность. На первый разъ явилась чужая помощь: въ Москвѣ водворяется вліяніе южно-славянское. Выше названъ, какъ его первый представитель, митрополитъ Кипріанъ. Въ концѣ XIV вѣкъ пали оба южно-славянскія царства, сербское и болгарское: предъ паденіемъ въ нихъ оживилась книжная дѣятельность, нѣкоторое время державшаяся и подъ турецкимъ игомъ, пока, наконецъ, взятіе Константинополя не подорвало послѣднія силы южнаго славянства. Въ Москву приходятъ дѣятели этой послѣдней поры южно-славянской книжности. Ихъ школа была византійская, риторическая, какой не знали на Руси, особливо въ Москвѣ,—и здѣсь для подобныхъ риторовъ представилось широкое поприще. Въ началѣ XV в. дѣйствовали въ русской книжности два иноземца. Одинъ былъ грекъ, митрополитъ Фотій, въ Москвѣ (1410—1431 г.), не вполнѣ владѣвшій славяно-русскимъ языкомъ, витіеватый моралистъ, по отзыву митрополита Макарія, вялый и скучный: поученія его не имѣли почти никакого отношенія къ русской жизни, но между прочимъ и онъ ожидалъ близкой кончины міра: «грядетъ ночь, житія нашего престатіе». Другой былъ южный славянинъ, вызванный митрополитомъ Кипріаномъ, Григорій Цамблакъ, одно время митрополитъ кіевскій (1416), авторъ многочисленныхъ поученій и сказаній, большой ораторъ, не столько моралистъ, сколько догматикъ, защищавшій православіе противъ латинства: сочиненія его были очень распространены между русскими читателями. Еще одинъ пришелецъ, много работавшій на Руси въ половинѣ XV в., былъ сербинъ Пахомій Логоѳетъ: это былъ представитель южно-славянской учености и риторскаго искусства, по словамъ русскихъ книжниковъ, «отъ юности усовершившійся въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшій всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростію». «Всѣ философіи» Пахомія примѣнены были на Руси къ одному дѣлу, которое считалось настоятельнымъ: по порученію вел. князя и митрополита съ соборомъ, Пахомій писалъ каноны, похвальныя слова святымъ, сказанія и особливо житія; послѣднія, впрочемъ, состояли, большею частью, только въ новыхъ редакціяхъ уже существовавшихъ житій. Дѣло въ томъ, что никто въ Р. не могъ тогда сравняться съ Пахоміемъ въ витійствѣ: онъ вложилъ въ свои писанія вынесенныя съ славянскаго юга и Аѳона «добрословіе» и «плетеніе словесъ», изумлявшія русскихъ книжниковъ. Пахомій сталъ для послѣднихъ высокимъ образцомъ; плетеніе словесъ, мало заботившееся объ исторической точности и стиравшее въ первоначальныхъ простыхъ записяхъ живыя черты жизни и исторіи, стало обычнымъ стилемъ церковно-историческихъ писаній. Къ южнославянскому книжному искусству обращались и въ XVI в. Такъ, соловецкая братія посылала монаха Богдана на югъ найти искусника для новаго изложенія житій своихъ святыхъ, и Богданъ вернулся съ двумя похвальными словами св. Зосимѣ и Савватію, написанными иноком Львомъ Филологомъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, Пахомій Логоѳетъ былъ авторомъ еще одного произведенія, которое надолго стало весьма распространеннымъ образовательнымъ чтеніемъ въ древней Руси: это былъ знаменитый «Хронографъ», единственная книга по всеобщей исторіи, впослѣдствіи распространявшаяся въ различныхъ новыхъ редакціяхъ. Риторическая школа Пахомія нашла послѣдователей и между русскими книжниками: такъ, въ числѣ списателей житій славится Епифаній, получившій за свое добрословіе прозваніе «Премудраго». Это становилось обычнымъ стилемъ для житія и вообще для изложенія возвышенныхъ предметовъ: въ первой половинѣ XVII в. мы встрѣчаемся съ нимъ у историковъ междуцарствія въ формѣ, доходящей до уродливости; во второй половинѣ XVII в. къ нему присоединилась, или пришла на смѣну, схоластическая риторика кіевской школы. На пе-

Библиотека "Руниверс"

реходѣ отъ XV в. къ XVI-му в. совершалась дѣятельность новгородскаго архіепископа Геннадія (1485—1504) и его союзника Іосифа игумена Волоцкаго (1440—1515). Новгородъ издавна велъ обособленную жизнь, сохраняя до послѣдняго столкновенія съ Москвой вѣчевую жизнь, поддерживая торговыя сношенія съ нѣмецкимъ Западомъ, которыя сопровождались извѣстными культурными вліяніями, имѣя свою лѣтопись, легенду, эпическое преданіе. Новгородская легенда и эпосъ отличались,—какъ можно судить по письменнымъ памятникамъ и пѣсеннымъ остаткамъ,—широкимъ размахомъ фантазіи, силою образовъ (легенды объ Антоніи Римлянинѣ, Іоаннѣ Новгородскомъ, Варлаамѣ Хутынскомъ, Знаменіи, сказанія архіеп. Василія объ адѣ и раѣ, былины о Васильѣ Буслаевѣ, гостѣ Садкѣ); новгородская колонизація провела энергическое населеніе на сѣверъ, гдѣ сохранилось впослѣдствіи богатое эпическое преданіе (Олонецкій и Архангельскій край). Повидимому, здѣсь шла и дѣятельная религіозная жизнь; не останавливаясь на внѣшнемъ обрядовомъ благочестіи, здѣсь ставили вопросы по существу церковной жизни, и свободомысліе выразилось возникновеніемъ ересей. Въ половинѣ XIV в. церковныя власти были встревожены появленіемъ «стригольниковъ». Историки еще не остановились на одномъ объясненіи происхожденія этой секты: одни приписываютъ ей источникъ богомильскій, другіе, съ бо́льшею вѣроятностью, думаютъ, что она была занесена въ Новгородъ изъ Германіи, гдѣ, послѣ страшной Черной смерти, возникла секта бичующихся (гейслеровъ, флагеллантовъ), пропаганда которой, быть можетъ, достигла и Новгорода. Стригольники отвергали священство, такъ какъ оно поставляется «на мздѣ», и самыя таинства; будучи, повидимому, чѣмъ-то въ родѣ духовныхъ христіанъ, они сами становились толкователями Писанія и уважали въ особенности евангеліе. Повидимому, дальнѣйшимъ развитіемъ стригольничества была ересь жидовствующихъ, явившаяся также въ Новгородѣ во второй половинѣ XV вѣка: начало ея связываютъ съ пріѣздомъ въ Новгородъ изъ западной Руси князя Михаила Олельковича (1471 г.), съ которымъ пришло нѣсколько евреевъ, и особливо ученый Схарія, по словамъ обличителя секты, Іосифа Волоцкаго, «діаволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи». Въ тогдашнемъ отсутствіи какихъ-либо школьныхъ знаній всякая наука представлялась чародѣйствомъ, и тѣмъ болѣе у человѣка, поучавшаго церковнымъ ересямъ. Въ чемъ именно заключалась ересь, опять не ясно: есть обвиненіе въ прямомъ жидовствѣ, ставится въ преступленіе погибельная ученость; была, повидимому, наклонность къ раціонализму; было, наконецъ, у фанатиковъ, грубое оскорбленіе святыни. Съ другой стороны, между еретиками были люди книжные и благочестивые; великій князь Иванъ Васильевичъ взялъ въ Москву поповъ Дениса и Алексѣя, зараженныхъ ересью, и ересь стала распространяться въ Москвѣ, при самомъ дворѣ великаго князя. Архіеп. Геннадій выступилъ непримиримымъ гонителемъ ереси. Вообще, это былъ человѣкъ энергическій: въ исторіи русской письменности онъ извѣстенъ своимъ опытомъ собрать полный текстъ библейскихъ книгъ, при чемъ книги, не отыскавшіяся въ рукописяхъ, онъ велѣлъ перевести вновь, между прочимъ—съ Вульгаты и съ еврейскаго языка. Геннадій требовалъ отъ князя казни еретиковъ, ссылаясь, между прочимъ, на испанскую инквизицію, о которой слышалъ отъ цесарскаго посла, проѣзжавшаго черезъ Новгородъ. Отчасти онъ и пустилъ въ ходъ инквизиторскіе пріемы надъ еретиками, осужденными въ Москвѣ и присланными въ его распоряженіе. Не менѣе ревностнымъ и ожесточеннымъ преслѣдователемъ ереси въ своихъ писаніяхъ былъ игуменъ Волоколамскаго м-ря Іосифъ. Первымъ средствомъ, которое предлагалъ Геннадій противъ еретиковъ, было не убѣждать, а «жечи да вѣшати»; съ этимъ соглашался и игуменъ волоколамскій. Іосифъ написалъ противъ ереси нѣсколько посланій, изъ которыхъ составился обширный сборникъ «Просвѣтитель». Сообщивъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній объ ереси (онъ считалъ въ числѣ еретиковъ и тогдашняго московскаго митрополита Зосиму), Іосифъ даетъ систематическое опроверженіе лжеученій и вмѣстѣ памфлетъ, исполненный церковно-славянскими ругательствами. Строгій ревнитель православія, для охраны котораго онъ не останавливался ни передъ какими средствами истребленія, допуская и «богопремудростное коварство», т. е. обманъ, Іосифъ былъ и типическій книжникъ своего времени. Ученіемъ онъ пріобрѣлъ большое знаніе церковной литературы; на каждомъ шагу онъ цитируетъ Писаніе и отцовъ церкви, собирая изъ нихъ аргументы за безпощадное истребленіе еретиковъ. Но это былъ только начетчикъ, чуждый критики; онъ ставитъ рядомъ законъ Моисея и ученіе Христа, не сомнѣвается черпать свои доказательства изъ сочиненій апокрифическихъ, гражданскія постановленія византійскихъ императоровъ ставитъ рядомъ съ соборными правилами и т. п. Дѣятельность Іосифа Волоцкаго совпадаетъ съ окончательнымъ паденіемъ удѣльной системы и установленіемъ московскаго единодержавія. Онъ стоитъ вполнѣ на сторонѣ новаго политическаго строя, защищая, вмѣстѣ съ тѣмъ, монастырское землевладѣніе и монастырское богатство, какъ источники политическаго вліянія. Это яркій представитель обрядоваго благочестія и вообще древне-русскаго просвѣщенія, господствовавшаго потомъ до временъ Петра Великаго. Этотъ результатъ среднихъ вѣковъ русской жизни производилъ-бы удручающее впечатлѣніе, если-бы крайность не вызвала въ то самое время противодѣйствія отъ людей иного нравственнаго склада, во главѣ которыхъ стоялъ Нилъ Сорскій (1433—1508), «великій отецъ церкви русской», по выраженію архіеп. Филарета. Это былъ инокъ изъ школы Кирилло-Бѣлозерскаго м-ря, владѣвшаго одною изъ самыхъ богатыхъ тогда библіотекъ; но главнымъ образомъ, повидимому, онъ выработалъ свои церковные взгляды во время довольно продолжительнаго пребыванія на Аѳо-

Библиотека "Руниверс"

нѣ. Это было аскетическо-созерцательное направленіе, воспринятое съ великою искренностію и силою характера. Нилъ основалъ себѣ уединенное пустынножительство, удалялся отъ міра, корысти и «безсловесныхъ (неразумныхъ) попеченій». Въ дѣлахъ церковно-общественныхъ онъ принималъ участіе только тогда, когда былъ къ нимъ прямо призываемъ. Это была во всемъ рѣзкая противоположность Іосифу Волоцкому: вмѣсто обрядоваго благочестія, властолюбія, кровожадной нетерпимости, слѣпой вѣры въ букву, отсутствія критики—религіозное созерцаніе, мягкое снисхожденіе къ ошибкѣ, свобода «разсмотрѣнія» писаній, отдѣленіе истиннаго отъ сомнительнаго. На соборѣ 1503 г., созванномъ для рѣшенія церковныхъ вопросовъ, Нилъ возсталъ противъ монастырскаго землевладѣнія, за которое стоялъ Іосифъ. Они совершенно расходились и въ вопросѣ о томъ, какъ поступать съ еретиками. Словомъ, оказалось въ церковныхъ идеяхъ и въ жизни два совершенно противоположныхъ теченія, представителями которыхъ были, съ одной стороны, «іосифляне», съ другой—«бѣлозерскіе старцы», съ Ниломъ Сорскимъ во главѣ. Нилъ Сорскій былъ высокій идеалистъ; его преданіе сказывалось потомъ въ идеалистическихъ стремленіяхъ русской церковной жизни, создавая настроенія братолюбія и самоотверженія. Практически, однако, оказалась сильнѣе другая сторона. Историки замѣчаютъ, что на политическихъ взглядахъ Іосифа Волоцкаго воспитался Иванъ Грозный; строгое ученіе Іосифа стало достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя возстала противъ нововведеній Никона: читая Іосифа Волоцкаго, приготовляешься къ писаніямъ протопопа Аввакума.

Паломничество продолжалось, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше измѣнялись условія странствованія. Троицкій іеромонахъ Зосима (около 1420 г.) еще засталъ Константинополь христіанскимъ, былъ на Аѳонѣ и только «съ нужею» дошелъ до святого града Іерусалима, «злыхъ ради араповъ»: въ святомъ градѣ святыни были въ рукахъ окаянныхъ сарацинъ, и имъ надо было платить за поклоненіе. Зосима повторялъ обычныя легендарные разсказы, но описывалъ и личныя невзгоды: на обратномъ пути ихъ корабль былъ ограбленъ морскими разбойниками, они скакали по кораблю какъ дикіе звѣри, блистая мечами и копьями, «яко воздуху устрашитися отъ нихъ». Въ 1465—66 г. странствовалъ ко святымъ мѣстамъ гость Василій—новымъ путемъ: описаніе начинается съ Бруссы, откуда онъ шелъ въ Іерусалимъ черезъ Малую Азію; разсказъ—обычное перечисленіе святынь, съ апокрифическими подробностями, но было и купеческое любопытство: отмѣчались большіе торги и кермасераи (караванъ-сараи). Далѣе, два путешествія совершилъ священноинокъ Варсонофій (1456 и 1461—62): оба раза онъ былъ въ Іерусалимѣ, а во второй разъ — и въ Египтѣ, и первый изъ русскихъ паломниковъ посѣтилъ и описалъ Синайскую гору. Его хожденіе повторяетъ обычные разсказы, но не лишено своеобразныхъ личныхъ впечатлѣній, а кромѣ того сохранило важныя указанія для топографіи святыхъ мѣстъ въ XV вѣкѣ. Къ тому же времени относятся два особенныхъ путешествія, которыя были первыми въ своемъ родѣ. Суздальскій іеромонахъ Симеонъ былъ однимъ изъ спутниковъ митр. Исидора въ путешествіи на флорентинскій соборъ: проѣзжая черезъ Германію, Тироль, Сѣверную Италію, онъ поражался невиданнымъ великолѣпіемъ городовъ, на югѣ—чудесами природы: каждый встрѣченный большой городъ казался ему столь великолѣпнымъ, что выше не можетъ ничего быть, но потомъ онъ видѣлъ города еще болѣе удивительные—и каждый разъ онъ отмѣчаетъ: «градъ каменъ», потому что дома зналъ только деревянные. Другой спутникъ Исидора, епископъ суздальскій Авраамій, далъ описаніе мистеріи, представленіе которой онъ видѣлъ въ одномъ флорентинскомъ монастырѣ и которая произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе: «по всему видѣти подобіемъ яко самую пречистую Дѣву Марію», и вообще «великое то видѣніе чюдно и радостно и отнюдь не сказанно» (т. е. невыразимое никакими словами). Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ присоединился въ 1466 г. къ посольству, отправлявшемуся въ Шемаху, потомъ черезъ Персію отправился въ Индію, прожилъ тамъ три года, въ 1472 г. вернулся, но умеръ на дорогѣ въ Смоленскѣ. Путешествіе его любопытно, хотя разсказъ не всегда ясенъ: факты онъ мѣшаетъ съ фантастикой, иногда не умѣетъ понимать ихъ. Первый комментаторъ Никитина, Срезневскій, ставилъ его очень высоко и заключалъ, что изъ современныхъ ему путешественниковъ могутъ сравниться съ нимъ только разсказы ди-Контц и Васко-да-Гамы; но была та разница, что писанія нашего путешественника остались для русскихъ читателей отрывочнымъ и даже малораспространеннымъ разсказомъ приключеній и не способствовали расширенію географическихъ знаній.

Наступалъ XVI вѣкъ. Чтобы составить себѣ болѣе точное представленіе о складѣ литературы и положеніи вещей въ томъ вѣкѣ, когда установился складъ русской народности въ московскомъ царствѣ, необходимо дать себѣ отчетъ въ образовательныхъ средствахъ средняго періода и характерѣ слагавшагося міровоззрѣнія. Послѣ первыхъ начинаній школы въ древнемъ періодѣ, мы не имѣемъ свѣдѣній о какой-либо школѣ выше первоначальной. Нѣтъ сомнѣнія, что были школы, поддерживавшія церковную и приказную грамотность, но упадокъ книжнаго обученія можно видѣть уже изъ малочисленности литературныхъ памятниковъ за первые вѣка татарскаго ига; даже въ болѣе позднее время, въ XVI и началѣ XVII в., есть указанія, что даже въ средѣ боярскаго сословія «грамотѣ не умѣютъ». Съ конца XIV в. понадобилась книжная помощь отъ южно-славянскихъ единоплеменниковъ; въ первой половинѣ XVI в. опять искали ученаго иноземца для настоятельныхъ церковныхъ трудовъ, и вызванъ былъ съ Аѳона Максимъ Грекъ. Въ то время, когда на Западѣ блисталъ учеными силами вѣкъ Возрожденія и Реформаціи, когда дѣлались великія научныя

Библиотека "Руниверс"

открытія, Московская Русь оставалась въ густомъ мракѣ среднихъ вѣковъ. Упомянутая выше оторванность Руси отъ Запада, огрубѣніе нравовъ подъ татарскимъ игомъ, поглощеніе національной силы борьбой за возстановленіе государственнаго національнаго единства не давали возможности предпринять образовательную дѣятельность. Единственною умственной пищей оставалось то «книжное почитаніе», которое унаслѣдовано было отъ стараго періода и пополнялось потомъ, отчасти, скуднымъ вкладомъ собственныхъ трудовъ, гораздо болѣе — переводами произведеній византійской литературы, частью только собственными и въ особенности приходившими со славянскаго юга. Составомъ этой литературы исчерпывались всѣ образовательныя средства нашихъ среднихъ вѣковъ. Господствующее мѣсто занимали въ ней многочисленные переводы изъ твореній святыхъ отецъ — слова, поученія, толкованія Священнаго Писанія, житія святыхъ, въ Прологахъ и Минеяхъ и въ отдѣльныхъ сказаніяхъ. Сборники учительнаго содержанія, изъ твореній св. отцовъ, въ особенности изъ Златоуста, появлявшіеся еще съ древняго періода и позднѣе, какъ знаменитый Святославовъ Сборникъ, Златоструй, Маргаритъ, Измарагдъ, Златая Цѣпь, Матица, достигали въ обращеніи до самаго московскаго періода. Исторію творенія представлялъ древній «Шестодневъ» Іоанна, экзарха болгарскаго; ветхозавѣтную исторію излагала древняя Палея, гдѣ къ свѣдѣніямъ библейскимъ прилагались апокрифическія сказанія. Астрономію и физическую географію излагала (переведенная, повидимому, въ XIV в.) книга визант. купца, потомъ монаха VI в. Козьмы Индикоплова, который опровергалъ систему Птолемея, какъ противорѣчащую Писанію, и представлялъ землю какъ плоскій, продолговатый отъ востока къ западу четыреугольникъ, покрытый небомъ какъ сводомъ; обитаемая земля окружена океаномъ, по краю возвышается стѣна и край земли сходится съ краемъ неба; земля стоитъ на тверди и подъ нею ничего нѣтъ; ученіе объ антиподахъ безсмысленно и противорѣчитъ Писанію и т. д. Описаніе произведеній природы давала переведенная въ концѣ XIV в. византійская поэма VII в. Георгія Писиды—но переведенная дурно, такъ что многія мѣста остаются невразумительны. Другой источникъ познаній о природѣ представлялъ «Физіологъ», сборное произведеніе II—III в., описаніе животныхъ, птицъ, рыбъ, камней и т. д., эпизоды котораго переходили въ средневѣковую народную миѳологію и христіанскую символику. Первоначальная редакція нашего «Физіолога» была южно-славянская, восходящая ко врхмени до XIII в. Таковы были почти всѣ свѣдѣнія о строеніи міра и природы, какія были въ рукахъ древняго книжника. Въ XV—XVI в. къ нимъ прибавляются въ сборникахъ отдѣльныя статьи, опять переводнаго происхожденія, съ попытками болѣе правильнаго объясненія, напр. о шарообразности земли, о свойствѣ грома и молніи и т. п.; но русскій книжникъ долженъ былъ недоумѣвать между этими свѣдѣніями и чистой фантастикой, подкрѣпляемой ссылками на Писаніе... Историческія свѣдѣнія мало подвинулись съ тѣхъ поръ, какъ еще въ древности получены были переводы византійскихъ хронистовъ — Амартола, Малалы, позднѣе Манассіи и др. Во второй половинѣ XV в. возникаетъ «Хронографъ», который пытается дать историческимъ свѣдѣніямъ нѣкоторую систему. Исходя, въ основѣ, изъ тѣхъ же источниковъ, онъ присоединяетъ къ нимъ, довольно отрывочно, свѣдѣнія о болгарской и сербской исторіи, вноситъ русскія извѣстія, въ дальнѣйшихъ редакціяхъ пользуется польскими хрониками и «Космографіей». И въ позднѣйшихъ обработкахъ, сильно расширившихъ его первоначальное содержаніе, «Хронографъ» остается, однако, весьма архаическимъ собраніемъ историческихъ свѣдѣній, отрывочнымъ и запоздалымъ.

Наконецъ, въ образованіи древне-русскаго міровоззрѣнія заняла важное мѣсто легенда, въ самомъ широкомъ смыслѣ и разнообразныхъ развѣтвленіяхъ. Первобытное язычество было наполнено вѣрой въ чудесное: миѳологія была стремленіемъ объяснить чудесными силами явленія природы и человѣческой жизни, олицетворяя ихъ въ сверхъестественныхъ существахъ, которыя становились высшими и низшими божествами. Введеніе христіанства должно было устранить эту миѳологію, замѣняя ее цѣльной библейской космогоніей, и устранить первобытный обычай высокимъ нравственнымъ ученіемъ и церковными установленіями. Смѣна стараго новымъ произошла не вдругъ — и это не могло быть иначе, такъ какъ приходилось дѣйствовать на обширную народную массу, съ твердо укоренившимся вѣковымъ міровоззрѣніемъ, когда, притомъ, на первое время было очень невелико и число учащихъ. Психологическая почва оставалась, и на ней, повидимому, уже вскорѣ стало утверждаться новое вѣроученіе, также исполненное чудеснаго. Періодъ «двоевѣрія былъ очень продолжителенъ: многое изъ первобытнаго преданія, имѣвшаго языческій источникъ, сохранилось въ народной вѣрѣ до сихъ поръ, даже у народовъ съ высокимъ уровнемъ цивилизаціи; тѣмъ болѣе двоевѣріе должно было крѣпко держаться въ тѣ вѣка русской жизни, когда школа почти отсутствовала. Тѣмъ больше успѣха среди народныхъ читателей должна была имѣть та доля новой христіанской литературы, которая состоитъ въ книгахъ апокрифическихъ (въ старомъ русскомъ наименованіи: отреченныхъ, ложныхъ). Подъ именемъ книгъ апокрифическихъ разумѣются тѣ, которыя не вошли въ узаконенный церковью каноиъ, т. е. въ списокъ книгъ Священнаго Писанія—книги неканоническія. Есть апокрифы ветхозавѣтные, до-христіанскіе, и еще большее число новозавѣтныхъ. Это былъ, прежде всего, цѣлый рядъ евангелій (до тридцати), возникшихъ еще въ первые вѣка христіанства, но во время составленія канона не признанныхъ достовѣрными, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ сказанія повторяемы были и отцами церкви (напр., изъ первоевангелія Іакова); далѣе, нѣсколько апокалипсисовъ, исторіи

Библиотека "Руниверс"

апостоловъ; отдѣльныя легенды о Христѣ и Богоматери; сказанія о святыхъ и мученикахъ; писанія, которыя считались еретическими, и т. д. Словомъ, это была обширная легенда на темы Ветхаго и Новаго Завѣта и церковной исторіи, исполненная чудеснаго. Нѣкогда она была, такъ сказать, популярнымъ распространеніемъ, а также реальнымъ примѣненіемъ состава вѣроученія; впослѣдствіи она распространилась по всему христіанскому міру, восточному и западному, принимаемая съ полною вѣрою не только въ народныхъ массахъ, но и среди самого клира. Апокрифическія сказанія были тѣмъ болѣе завлекательны, что очень часто они дополняли недосказанное книгами каноническими, раскрывали таинственное, отличались настоящей поэзіей (напр. многія сказанія о Христѣ и Богоматери), наконецъ, обильно питали ту потребность чудеснаго, какая свойственна народной религіи. Эти отреченныя, ложныя книги стали проникать въ нашу письменность съ первыми памятниками христіанской литературы, изъ южно-славянскаго источника. Апокрифическія черты находятся въ лѣтописномъ изложеніи христіанскаго вѣроученія и въ другихъ эпизодахъ лѣтописнаго разсказа; сохранились списки нѣкоторыхъ апокрифовъ отъ первыхъ вѣковъ нашей письменности; не смотря на то, что на «ложныхъ» книгахъ лежало церковное запрещеніе, сами іерархи увлекались ими и давали имъ мѣсто въ своихъ писаніяхъ (новгородскій архіеп. Василій, даже Іосифъ Волоцкій и др.). Церковныя запрещенія противъ апокрифическихъ книгъ были помѣщены въ постановленіяхъ апостольскихъ, рано перешли въ письменность славянскую, и затѣмъ, вмѣстѣ съ церковными книгами, въ русскую. На славянской почвѣ списокъ ложныхъ книгъ былъ дополненъ, напр., включеніемъ книгъ богомильскихъ, и въ русской письменности образовалась, наконецъ, обширная статья «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», гдѣ, за перечисленіемъ книгъ, которыя подобаетъ честь, слѣдуетъ списокъ книгъ отреченныхъ, чтеніе которыхъ навлекаетъ пагубу душамъ и церковное наказаніе, а самыя книги должны быть сжигаемы на тѣлѣ читавшаго. Въ старой русской письменности были извѣстны: по исторіи ветхозавѣтной — ложныя сказанія о міротвореніи (Богомъ и діаволомъ), объ Адамѣ и Евѣ и въ связи съ этимъ о крестномъ древѣ, о Енохѣ, о потопѣ и Ноѣ, Авраамѣ, Завѣты двѣнадцати патріарховъ, сказанія о Соломонѣ; по исторіи новозавѣтной — сказаніе Афродитіана персянина о Рождествѣ Христовѣ, первоевангеліе Іакова, Евангеліе Ѳомы, Евангеліе Никодимово, Преніе Христа съ діаволомъ, ложныя сказанія о Христѣ, приписываемыя болгарскому попу Іереміи (какъ Христа въ попы ставили, какъ Христосъ плугомъ оралъ и пр.), Слово Адама во адѣ къ Лазарю, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Слово о видѣніи апостола Павла, Вопросы Іоанна Богослова къ Господу на Ѳаворской горѣ, Вопросы его же къ Аврааму; далѣе, апокрифы позднѣйшіе, связанные съ именами отцовъ церкви, святыхъ, мучениковъ, предвѣщанія, суевѣрныя молитвы и заклинанія и пр.—Бесѣда трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; Слово Меѳодія Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ (о концѣ міра), Епистолія о недѣлѣ (о почитаніи воскреснаго дня), сказаніе о мученіи св. Георгія, сказаніе объ инокѣ Макаріи римлянинѣ, жившемъ въ двадцати поприщахъ отъ рая, сказаніе о двѣнадцати пятницахъ, ложныя молитвы, сказаніе о трясавицахъ (лихорадкахъ) дочеряхъ Иродовыхъ; суевѣрныя и гадательныя книги, какъ Громникъ, Молніянникъ, Коляднікъ, Зелейникъ, Трепетникъ, Путникъ, Сносудецъ, Чаровникъ, Рафли, Аристотелевы Врата, Луцидаріусъ (книга, переведенная въ XVI в. съ нѣмецкаго, разговоръ между ученикомъ и учителемъ—о разныхъ предметахъ природы, на основаніи апокрифическихъ книгъ, средневѣковыхъ преданій и т. д.). Это была цѣлая литература легенды, въ большинствѣ завлекательной и доступной для массы. Въ средневѣковой западной литературѣ апокрифъ былъ не менѣе, если не болѣе извѣстенъ и многоразлично обработанъ въ поэзіи и въ искусствѣ, но у насъ положеніе его было иное. Въ западной жизни легенда издавна имѣла свой противовѣсъ въ начаткахъ науки; эпоха Возрожденія выдвинула античныя идеи, которыя стали во главѣ новаго литературнаго развитія. У насъ легенда господствовала безраздѣльно въ теченіе вѣковъ, и религіозное настроеніе приняло, подъ ея вліяніемъ, особую складку—упорство и неподвижность суевѣрія. Множество рукописей болѣе популярныхъ апокрифовъ (какъ Бесѣда трехъ святителей, сказаніе о крестномъ древѣ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Двѣнадцать пятницъ, сказаніе о трясавицахъ и т. д.) указываетъ на распространеніе ихъ въ массѣ. Понятно, что они отразились, наконецъ, въ народной поэзіи, именно въ духовныхъ стихахъ, начиная съ знаменитаго стиха о Голубиной книгѣ.

Когда все больше возрастала власть Москвы и іерархія становилась на сторону единовластія и самодержавія, въ союзѣ съ ними слагалась легенда, говорившая о московскомъ «царствѣ». Повидимому, гораздо ранѣе его осуществленія она давала уже образное представленіе преемства, переносившаго на Москву древнее политическое и церковное значеніе Царяграда и дѣлавшаго московскихъ государей единственными и законными продолжателями византійскихъ императоровъ. Легенда слагалась изъ нѣсколькихъ мотивовъ. Была византійская сказка (о Вавилонскомъ царствѣ), очень распространенная у насъ въ разныхъ редакціяхъ, извѣстная и на Западѣ,— о томъ, какъ греч. царь Левъ (Василій) отправилъ въ градъ Вавилонъ пословъ, чтобы «взять знаменіе» отъ святыхъ трехъ отроковъ, невредимыхъ въ пещи вавилонской, и добыть вещи, принадлежавшія нѣкогда царю Навуходоносору. Великій чудовищный змій облегъ весь градъ Вавилонъ, но послы, претерпѣвъ разные ужасы, достигли цѣли: въ числѣ драгоцѣнностей былъ царскій скипетръ и «шапка Мономаха». Въ дальнѣйшихъ варіантахъ сказки роль императора Льва прямо занимаетъ Иванъ

Библиотека "Руниверс"

Грозный. Далѣе, было другое сказаніе, гдѣ, начиная съ Ноя, передается исторія великихъ властодержцевъ, какіе бывали на землѣ, отъ царей египетскихъ до римскаго царя Августа,—и отъ сродника его Пруса, по имени котораго называлась Прусская земля, производился Рюрикъ, призванный новгородцами по совѣту Гостомысла. Потомокъ Рюрика, Владиміръ, устрашивъ войной греческаго императора, получилъ отъ Константина Мономаха драгоцѣнные дары—часть животворящаго древа, царскій вѣнецъ и «крабицу сердоликовую, изъ нея же Августъ кесарь веселяшеся»... Прежде думали, что эта генеалогія отъ Августа кесаря составилась подъ вліяніемъ польскихъ «ученыхъ» баснословій; но съ бо́льшей вѣроятностью полагаютъ теперь, что здѣсь опять дѣйствовало вліяніе южно-славянское. У южныхъ свавянъ давно велась борьба противъ церковныхъ и политическихъ притязаній грековъ; болгарскіе и сербскіе властители брали себѣ высокіе титулы, и мысль о «царствѣ» предполагала полную независимость. Именно при митр. Кипріанѣ было отмѣнено въ Москвѣ церковное поминаніе визант. императоровъ, что произвело большое неудовольствіе въ Константинополѣ: патріархъ прислалъ князю наставленіе, что какъ есть одна православная церковь, такъ есть только одинъ «каѳолическій царь». Сербинъ Пахомій называлъ въ своихъ писаніяхъ вел. князя Василія Васильевича «боговѣнчаннымъ наремъ»—и эта мысль начинаетъ все больше укрѣпляться въ умахъ русскихъ людей. О паденіи царствъ южнославянскихъ у насъ слышали мало, но сильное впечатлѣніе должно было произвести паденіе Константинополя. Съ этимъ являлся новый и самый сильный мотивъ говорить о преемствѣ, когда, притомъ, греческая царевна стала московской великой княгиней. Въ писаніяхъ старца псковскаго Елеазарова монастыря, Филоѳея, въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка, говорилось положительно: «Всѣ христіанскія царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти». Въ концѣ столѣтія, при учрежденіи русскаго патріаршества, почти тѣже слова сказалъ константинопольскій патріархъ Іеремія царю Ѳедору Ивановичу. Степенная книга, трудъ митр. Макарія при Грозномъ, такъ сказать оффиціально установила упомянутую легенду о преемствѣ царскаго достоинства. Разсказавъ о томъ, какъ Владиміръ принялъ богатые дары и царскій вѣнецъ отъ Константина Мономаха, она замѣчаетъ, что Владиміръ принялъ ихъ «мужества ради своего и благочестія—и не просто рещи такову дарованію не отъ человѣкъ, но (по) божіимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяюще и преводяще славу греческаго царства на россійскаго царя». При Иванѣ Грозномъ установилось, наконецъ, могущественное московское царство, ставшее единственнымъ православнымъ царствомъ: оно осуществляло давнія національныя стремленія, становилось прибѣжищемъ для гонимаго восточнаго христіанства, стремилось установить и внутри быть, отвѣчающій церковному православію и достоинству великаго государства. Въ наслѣдіе отъ прежнихъ вѣковъ остались великія неустройства. Не говоря о политическихъ затрудненіяхъ отъ остатковъ старыхъ княжескихъ и боярскихъ притязаній, внутренній бытъ не отвѣчалъ требованіямъ церковнаго благоустройства: еще Геннадій жаловался на невѣжество духовенства, церковныя книги были испорчены, возникали ереси, въ народѣ жили старыя языческія суевѣрія. Еще въ началѣ вѣка вызванъ былъ съ Аѳона ученый грекъ Максимъ, для дѣла, которое считалось неотложнымъ: нужно было, на первый разъ, перевести Толковую Псалтырь, и въ Москвѣ не было человѣка, способнаго на такую работу. Максимъ Грекъ (род. около 1480 г. въ Албаніи, ум. въ Москвѣ, 1556) учился въ Греціи и Италіи, жилъ во Флоренціи во времена Савонаролы, которому удивлялся—и обладалъ большой церковной ученостью. Прибывъ въ Москву, онъ, еще не зная славянскаго языка и работая съ помощью переводчика (Дмитрія Герасимова), исполнилъ данную ему работу, которая была высоко одобрена соборомъ; ему даны были другія подобныя порученія, но вскорѣ его положеніе стало крайне трудно. Невѣжественные писцы, ему служившіе и выросшіе въ суевѣрномъ страхѣ передъ буквою, стали обвинять его въ нарушеніи догматовъ, когда онъ исправлялъ невѣрные прежніе переводы; говорили, что этимъ онъ порочитъ русскихъ чудотворцевъ, спасавшихся по старымъ книгамъ—и церковныя власти принимали эти обвиненія. Онъ не сходился съ властями и въ другихъ случаяхъ: онъ рѣзко говорилъ противъ господствующаго невѣжества, противъ монастырскаго землевладѣнія (когда во власти были ученики Іосифа Волоцкаго), о неправильности устраненія власти константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви; наконецъ, онъ оставался греческимъ патріотомъ, и были заподозрѣны его сношенія съ грекомъ Скиндеромъ, который былъ въ Москвѣ посломъ турецкаго султана. Въ концѣ концовъ онъ подвергся ссылкѣ, обвиненъ въ неправославіи, даже въ волхованіи противъ великаго князя, посаженъ въ тюрьму, лишенъ (на десятки лѣтъ) причастія; тщетно онъ просилъ отпустить его на Аѳонъ, тщетно просили объ этомъ восточные патріархи... Труды Максима Грека состоятъ, главнымъ образомъ, изъ толкованій Св. Писанія; далѣе, это—сочиненія догматико-полемическія (противъ іудеевъ, магометанъ, католиковъ, лютеранъ, армянъ), нравоучительныя и обличительныя, по поводу исправленія книгъ, противъ суевѣрій и апокрифическихъ книгъ, противъ упадка нравовъ; онъ настойчиво говоритъ о необходимости ученія, восхваляетъ западныя школы (тотчасъ оговариваясь, что хвалитъ не латинство, а науку); послѣ него остались замѣтки историческія и филологическія. Какъ переводчикъ и толкователь Писанія, Максимъ первый является у насъ вооруженнымъ пріемами критическаго знанія, въ которыхъ видна школа западнаго, именно итальянскаго Возрожденія. Личная судьба его отражала все положеніе

Библиотека "Руниверс"

тогдашней русской жизни въ дѣлѣ просвѣщенія: она была въ состояніи застоя, обрядоваго формализма, и при первой встрѣчѣ съ требованіями христіанскаго достоинства и книжнаго знанія стала къ ихъ представителю въ крайнюю вражду. Чрезвычайно характерны слова, писанныя ему митроп. Макаріемъ: «узы твоя цѣлуемъ, яко единаго отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ» (онъ посылалъ ему только «денежное благословеніе»). Только въ послѣдніе годы жизни участь его была облегчена, онъ поселился въ Троицкой лаврѣ, гдѣ посѣтилъ его царь Иванъ Васильевичъ. Сочиненія Максима пользовались великимъ уваженіемъ; великими почитателями его были Курбскій, ревнитель православія Зиновій Отенскій; въ XVII в. его трудами пользуются Захарій Копыстенскій, Смотрицкій; патріархъ Адріанъ ставилъ переводы его въ примѣръ какъ образцовые. Еще при жизни Максима въ церковной жизни начались новыя волненія. Башкинъ возымѣлъ недоумѣнія, съ которыми обратился къ духовному отцу, т. е. началъ поученія; духовный отецъ не съумѣлъ дать поученія и донесъ властямъ; началось слѣдствіе; на соборномъ судѣ Башкинъ проговорился, что его мысли одобрялись «заволжскими старцами» (школой Нила Сорскаго); привлечены были къ суду бывшій троицкій игуменъ Артемій, почитатель Максима Грека, Ѳеодосій Косой, даже святой впослѣдствіи Ѳеодоритъ, просвѣтитель лопарей и обличитель дурныхъ монаховъ. Башкинъ и Ѳеодосій считались главными ересіархами У перваго было сомнѣніе во многихъ догматахъ и обрядахъ, недовѣріе къ святоотеческимъ писаніямъ, изъ которыхъ могла быть почерпаема защита отвергаемаго имъ монастырскаго землевладѣнія; самъ онъ отпустилъ на волю своихъ холоповъ, потому что «Христосъ всѣхъ братьями нарицаетъ, а мы держимъ рабовъ». Въ 1554 г. Максимъ Грекъ былъ приглашенъ на соборъ, судившій Башкина, но отказался, думая что и его привлекаютъ къ этому дѣлу. Личность Ѳеодосія Косого до сихъ поръ не выяснена. Холопъ моск. боярина, онъ бѣжалъ въ бѣлозерскій край и принялъ монашество, что избавляло отъ преслѣдованія; въ монастырѣ ему «во мнишествѣ бѣ угождая господинъ его». Думаютъ, что онъ увлекся ученіемъ заволжскихъ старцевъ, которое оказалось ему не по силамъ; преданный суду, онъ содержался въ одномъ изъ московскихъ монастырей, успѣлъ бѣжать, пробрался въ Литву, нашелъ здѣсь покровителей, женился и сталъ развивать свое ученіе въ еще болѣе отрицательномъ направленіи. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Обличенію его ереси посвятилъ обширный трудъ инокъ Отенскаго монастыря Зиновій (ум. въ 1568 г.): «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Зиновія называютъ ученикомъ Максима Грека, но онъ расходился съ учителемъ въ весьма важныхъ вопросахъ, напр. о монастырскихъ имѣніяхъ, о церковной обрядности, исключительность которой Максимъ осуждалъ. Книга Зиновія — очень многословная; изложеніе—книжное, но иногда живое и образное. Церковные историки отмѣчаютъ у него новую, важную черту: вопреки обычаю русскихъ книжниковъ говорить только «отъ писанія», накопленіемъ выписокъ, Зиновій вводитъ логическое разсужденіе, раціональное объясненіе церковныхъ истинъ. Ученикомъ Нила Сорскаго, потомъ ученикомъ и другомъ Максима Грека былъ князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ: человѣкъ упорный, нерѣдко необузданный, онъ вмѣшался въ борьбу іосифлянъ съ «заволжскими старцами» и продолжалъ преданія Нила Сорскаго въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ и исправленіи книгъ. Іосифляне взяли верхъ; на соборѣ Вассіанъ былъ осужденъ и сосланъ въ Волоколамскій монастырь, гдѣ прежде заключенъ былъ Максимъ Грекъ: это было именно гнѣздо враговъ, и, по словамъ Курбскаго, иноки «уморили» Вассіана. Въ той же борьбѣ явилась, на помощь идеямъ Нила, Максима Грека и Вассіана Патрикѣева, мнимая «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа»—рѣзкое, но мало искусное нападеніе на владѣніе монастырей землями «со христіаны», на монастырскую роскошь, на вмѣшательство иноковъ въ дѣла правленія, между тѣмъ какъ они должны трудомъ снискивать свое пропитаніе и спасать души. Авторъ «Бесѣды» скорбитъ, что Богъ гнѣвается на всю землю за иноческіе грѣхи и за «царскую простоту». Основаніе московскаго царства повело къ особому возбужденію литературной дѣятельности въ прежнемъ архаическомъ направленіи, но съ большею силой. Ему уже предшествовала легенда, указывавшая его путь: это было царство православное; оно должно было охранить чистоту вѣры, на ней основать народную жизнь; царь —единодержавный властитель, дѣйствующій съ благословенія церкви и въ союзѣ съ нею; онъ грозенъ врагамъ, но и своимъ подданнымъ, потому что отъ Бога власть миловать и казнить, никому, кромѣ Бога, не давая отчета. Идеалъ былъ византійскаго стиля, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, осложненный воспоминаніями о власти татарской, когда ханъ въ теченіе двухъ вѣковъ былъ властителемъ и даже называемъ былъ царемъ. Половина XVI в. была ознаменована церковнымъ вѣнчаніемъ перваго царя. Вѣнчаніе было совершено со всѣмъ торжествомъ, тѣмъ болѣе, что юный царь, самъ риторъ, любилъ внѣшніе эффекты. Ближайшимъ совѣтникомъ былъ митроп. Макарій (1542—1563). Нужно было думать о благоустроеніи царства; быть можетъ, настоянія Максима Грека побудили разсмотрѣть состояніе церкви и народной жизни. Собранъ былъ, въ присутствіи и съ участіемъ царя, соборъ, постановленія котораго были редактированы, какъ полагаютъ, Макаріемъ, въ извѣстномъ «Стоглавѣ»; результатъ былъ, однако, сомнительный. Все настроеніе было консервативное: полагалось, что задача состоитъ именно въ поддержаніи «изшатавшейся» старины, которая была благочестива, не знала ересей и т. д. Соборъ обратилъ вниманіе на порчу церковныхъ книгъ, повелѣвалъ держать только исправленныя, но не думалъ о томъ, что исправлять было некому; онъ издавалъ запрещенія противъ грубыхъ языческихъ суевѣрій, апокрифическихъ книгъ и т. п. — но для народной массы это была

Библиотека "Руниверс"

также старина и всеобщій обычай. Соборъ утвердилъ нѣкоторые церковные обычаи, перешедшіе отъ старины—но впослѣдствіи, въ XVII в., они были признаны самою церковною властью неправильными, такъ что Стоглавъ сталъ авторитетомъ для старообрядства. Далѣе, объединяя русскую землю и царство въ господствующемъ церковномъ настроеніи, естественно пришли къ мысли объединить и народныя святыни. Нѣкогда отдѣльныя земли и княженія имѣли свои мѣстныя святыни: рѣшено было сдѣлать ихъ предметомъ общаго почитанія для русскаго народа, и въ 1547 и 1549 гг. произведена канонизація старыхъ мѣстныхъ и нѣкоторыхъ новыхъ святыхъ, а также необходимое для канонизаціи составленіе житій. Далѣе, новымъ объединительнымъ трудомъ митроп. Макарія было составленіе громадныхъ «Четіихъ Миней», гдѣ, въ порядкѣ святцевъ, онъ хотѣлъ собрать все содержаніе русской церковной письменности, включая и книги Св. Писанія; такъ, напр., въ день пророка Іереміи (мая 1) помѣщены книги его пророчествъ, въ день праведнаго Іова (мая 6) — книга Іова, въ день св. Іоанна Богослова (сент. 26) — его Евангеліе и Апокалипсисъ и пр. Въ Минеяхъ митроп. Макарія помѣщены, затѣмъ, памятники разныхъ отдѣловъ древней русской письменности, между прочимъ житія святыхъ русскихъ, отчасти составленныя именно для сборника Макарія. Двѣнадцать книгъ Миней первой редакціи Макарій положилъ у св. Софіи въ Новгородѣ, въ 1541 г., на поминъ родителей; въ Москвѣ онъ продолжалъ работу и въ 1552 г. окончилъ вторую редакцію, экземпляры которой положилъ въ Успенскій соборъ и поднесъ царю. Другимъ, также характернымъ трудомъ Макарія была «Степенная книга», впервые начатая, какъ думаютъ, митр. Кипріаномъ. Это былъ первый опытъ послѣдовательной исторіи: названіе ея происходитъ изъ того, что авторъ хотѣлъ провести исторію по генеалогическимъ «степенямъ» отъ перваго православнаго князя Владиміра до царя московскаго; въ началѣ приведена и оффиціальная теперь генеалогія отъ Пруса и Августа Кесаря... Въ параллель этимъ произведеніямъ московской литературы становится «Домострой», соединяемый съ именемъ извѣстнаго попа Сильвестра. Это былъ сборникъ житейскихъ и нравственныхъ наставленій, картина нравовъ и вмѣстѣ общественный идеалъ приверженцевъ старины, тогда именно стоявшихъ во главѣ общества. Его названіе стало какъ-бы техническимъ для обозначенія системы воспитанія и быта, гдѣ за внѣшнимъ порядкомъ и суровымъ патріархальнымъ домостроительствомъ, основаннымъ на страхѣ, не было мѣста для умственнаго и общественнаго интереса. Вся указанная литература старалась, такимъ образомъ, собрать и привести въ порядокъ данныя національной жизни, какъ подобаетъ царству, и закрѣпить ихъ на будущее, для котораго не полагалось никакого иного направленія. Но что уже настоящее начинало искать иныхъ путей, оказалось въ это же первое царствованіе въ дѣятельности писателя, который возсталъ и противъ политическихъ принциповъ новаго царства, и противъ той скудости просвѣщенія, какою оно довольствовалось. Это былъ знаменитый князь А. М. Курбскій (род. около 1528, ум. 1583). Переписка его съ Иваномъ Грознымъ осталась въ нашей литературѣ единственнымъ памятникомъ своего рода. Царственность была еще недавняя, и Грозный не могъ воздержаться отъ злостныхъ нападеній на непокорнаго, который называлъ себя потомкомъ древнихъ ярославскихъ князей; но Курбскій высказывалъ и нѣчто другое — онъ не признавалъ ни разумности, ни благочестивости царства, которое видитъ свое право и величіе въ безчеловѣчныхъ жестокостяхъ. Изображенію характера и дѣяній Грознаго Курбскій посвятилъ цѣлую «Исторію великаго князя московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима»—первый, внѣ лѣтописи, опытъ настоящей исторіи, съ опредѣленною темой, съ опредѣленнымъ личнымъ взглядомъ; здѣсь опять высказалось его враждебное отношеніе и къ личности, и къ политикѣ Ивана Грознаго. Была, затѣмъ, другая сторона дѣятельности Курбскаго, въ которой сказался ученикъ и почитатель Максима Грека. Курбскій радуется благочестію русскаго народа: «вся наша земля русская, отъ края и до края, яко пшеница чистая, вѣрою божіею обрѣтается; храмы божіи на лицѣ ея водружены, подобно частымъ звѣздамъ небеснымъ»; но онъ скорбитъ, что въ ней нѣтъ просвѣщенія: «мы, какъ аспиды, затыкаемъ уши отъ божьихъ словесъ и прельщаемся славою сего міра, ведущаго насъ по пространному пути въ погибель». Нѣкогда храбрый воевода въ царскомъ воинствѣ, онъ бѣжалъ въ Литву, спасаясь отъ грозившаго преслѣдованія и казни. Живя на Литвѣ, въ трудныхъ условіяхъ, онъ сталъ учиться; помня сожалѣніе Максима Грека, что многія книги великихъ учителей еще не переведены на славянскій языкъ, а между тѣмъ, послѣ взятія Константинополя, переведены уже на латинскій, онъ выучился по-латыни и принялся переводить книги отеческія и ученыя, трудясь надъ защитой православія въ зап. Руси, обуреваемой тогда религіозными волненіями. Личность и дѣятельность Курбскаго вызывали противорѣчивыя сужденія историковъ: одни осуждали его себялюбивую боярскую тенденцію, его невѣрныя показанія въ «Исторіи» Грознаго, его личные недостатки; другіе находили для него оправданіе въ условіяхъ времени и, не защищая частныхъ ошибокъ, высоко цѣнили это сознаніе личнаго достоинства, возмущенное безумнымъ тиранствомъ, это сознаніе ничтожества тогдашней книжности, исполненной, однако, самодовольства, это стремленіе къ просвѣщенію, побуждавшее учиться въ преклонныхъ лѣтахъ, — наконецъ, ревностную защиту православія, тѣснимаго въ родственной западной Руси. Курбскій былъ самымъ энергическимъ и характернымъ представителемъ просвѣтительнаго движенія среди общества, государства и церкви, полагавшихъ, что достигнутъ уже верхъ славы, могущества и истины. Курбскій продолжалъ тоже дѣло которое, въ другихъ формахъ, начинали Нилъ

Библиотека "Руниверс"

Сорскій и Максимъ Грекъ; но это были еще немногія, разрозненныя силы, и отъ господствующей среды имъ предстояло только преслѣдованіе. Нилъ Сорскій подпадалъ уже подозрѣнію въ ереси; Максимъ Грекъ, попавъ въ Москву, половину жизни провелъ въ монастырскихъ тюрьмахъ; Вассіанъ Патрикѣевъ обвиненъ въ ереси и заточенъ. Такому же обвиненію подвергся и еще одинъ изъ среды «заволжскихъ старцевъ», Артемій: по своему благочестію и книжному знанію поставленный троицкимъ игуменомъ, потомъ обвиненный въ ереси и заточенный, онъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ, вмѣстѣ съ княземъ Курбскимъ, былъ защитникомъ православія. Всѣмъ этимъ ревнителямъ, искавшимъ исправленія русской религіозной жизни, не удалось помочь дѣлу. Видимо возбужденные, они не умѣли сдерживаться и давали противъ себя оружіе: люди, преданные вѣрѣ и отечеству, обвинялись какъ враги вѣры и отечества, а спасителями являлись приверженцы застоя, въ которомъ крылась причина многихъ настоящихъ и послѣдующихъ бѣдствій.

Семнадцатый вѣкъ наступалъ въ буряхъ междуцарствія. Литературный трудъ высказался только въ политическихъ посланіяхъ и исторіяхъ того времени, составленныхъ частью въ теченіе событій, но обыкновенно редактированныхъ позднѣе. Бо́льшею частью, это обычный книжный стиль лѣтописи и житій, иногда доведенный до уродливости «добрословіемъ», въ которомъ полагалось краснорѣчіе, но не считалась обязательной историческая точность. Какъ видно изъ любопытнѣйшихъ пѣсенъ, сохраненныхъ англійскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ, который жилъ въ Россіи въ 1619—20 г., народная поэзія не осталась чужда тогдашнимъ событіямъ: въ пѣсняхъ Джемса есть образчики самой настоящей и трогательной поэзіи, но книга только одинъ разъ воспользовалась народнымъ творчествомъ—въ сказаніи о Скопинѣ Шуйскомъ. Національная жизнь вращалась на двухъ интересахъ — царства и церковной жизни. Водвореніе новой династіи не встрѣтило затрудненій: было много непорядковъ и потерь, которыя предстояло исправлять и вознаграждать; но самая идея царской власти была несокрушима. Она воспитывалась еще съ конца XV в., и въ эпоху междуцарствія даже ложная тѣнь царственности могла привлекать самозванцамъ приверженцевъ. Въ церковномъ отношеніи, національное чувство было поднято тѣмъ, что съ послѣднихъ годовъ XVI в. русская церковь имѣла своего патріарха. Среди заботъ возстановленія ущербовъ, нанесенныхъ смутнымъ временемъ, параллельно съ ростомъ царскаго авторитета и политическаго вліянія Р. на югѣ и востокѣ, жизнь церковная тянулась тѣмъ же старымъ порядкомъ, въ формахъ обрядоваго благочестія, въ неподвижной приверженности къ старинѣ. Завѣты Нила Сорскаго и Максима Грека, убѣжденія Курбскаго оставались втунѣ, и въ замѣнъ все возрастало національное и церковное самомнѣніе. «Третій Римъ» осуществлялся. Когда угнетенныя церкви Востока и самые высшіе вост. іерархи присылали въ Москву посланцевъ съ просьбами о «милостынѣ» и съ восхваленіями русскаго благочестія, когда, притомъ, въ Москвѣ замѣчали, что на Востокѣ есть разница въ обрядѣ противъ московскаго, русскіе люди убѣдились, что истинное благочестіе находится только у нихъ, что греческая вѣра подъ игомъ поганыхъ испортилась и упала. Но этому самомнѣнію пришлось наконецъ понести тяжелыя испытанія. Еще въ началѣ столѣтія стали сказываться церковныя недоумѣнія, при встрѣчахъ съ южнорусскими богословами, имѣвшими свою ученую школу (вопросъ о Катихизисѣ Лаврентія Зизанія), при печатаніи священныхъ книгъ. При царѣ Михаилѣ повторились безобразныя обвиненія за мнимую порчу книгъ, какъ нѣкогда противъ Максима Грека, и только заступничество іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, бывшаго въ Москвѣ, побудило къ оправданію обвиненныхъ «справщиковъ» (редакторовъ изданій). Тоже повторялось при царѣ Алексѣѣ. Іерусал. патріархъ Паисій, бывши въ Москвѣ, замѣтилъ въ русскомъ обрядѣ и вѣроученіи нѣкоторыя неисправности и указывалъ на нихъ царю и московскому патріарху. Въ средѣ самаго духовенства, приближеннаго къ царю (духовникъ царскій Вонифатьевъ и его друзья), были люди, видѣвшіе необходимость болѣе правильнаго установленія церковной жизни, и въ этомъ кругу составлена была «Книга о вѣрѣ», гдѣ, между прочимъ, именно опровергалось столь распространенное въ Москвѣ понятіе объ упадкѣ греческой вѣры. Рѣшено было послать на Востокъ опытнаго человѣка, строителя Богоявленскаго монастыря въ Кремлѣ, Арсенія Суханова. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ на Востокъ и ему принадлежатъ два труда, знаменательныхъ для исторіи тогдашнихъ церковныхъ понятій и тогдашней литературы, весь интересъ которой заключался именно въ церковныхъ спорахъ. Изъ перваго путешествія къ грекамъ Сухановъ вывезъ «Пренія о вѣрѣ» (съ греками, въ Молдавіи): увидѣвъ у грековъ разныя мелкія обрядовыя отличія отъ московскихъ, онъ убѣдился, что греческая вѣра испорчена и что настоящая вѣра находится въ Москвѣ; когда ему приводили ученыя богословскія объясненія, онъ отвергалъ «высокую науку», которой не зналъ, и утверждалъ, что это — наука «езуитская». Грекамъ онъ противопоставлялъ московскія ученія и обряды, именно ту старую вѣру, которую утверждали книжники XV—XVI в. и которую тщетно старались очистить Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ, Курбскій и пр. По мнѣнію Суханова, у грековъ отъ настоящей вѣры только «слѣдъ остался». Свои укоризны онъ довелъ до послѣдняго предѣла: греки наказаны за свою гордость, царство ихъ отдано басурманамъ, сами они должны обращаться въ басурманство, церкви ихъ превращены въ мечети, своихъ патріарховъ они сами удавляютъ и сажаютъ въ воду (факты послѣдняго рода дѣйствительно были въ то самое время). Русское православіе стоитъ превыше всего и русскіе могутъ не обращать вниманія на наставленія и «зазиранія» грековъ. «Пренія» Суханова произвели въ Москвѣ неблаго-

Библиотека "Руниверс"

пріятное впечатлѣніе. Вскорѣ его опять послали на Востокъ, въ Египетъ и Іерусалимъ, изучить церковные обряды и обычаи на мѣстѣ, но ему сказано было отъ имени царя, чтобы онъ писалъ правду «безъ прикладу». Онъ дѣйствительно отложилъ «прикладъ», т. е. собственныя разсужденія, описалъ обстоятельно видѣнную церковную жизнь на Востокѣ, но и не «прикрывалъ наготы слабости человѣческой». Наконецъ, еще разъ, при Никонѣ, Суханова послали на Аѳонъ за греч. рукописями, которыя были нужны для исправленія книгъ. Впослѣдствіи Сухановъ не настаивалъ на своихъ мысляхъ, можетъ быть измѣнилъ ихъ, принимая участіе въ самомъ исправленіи книгъ; но его писанія стали авторитетомъ для старообрядства и неудобнымъ пунктомъ для нѣкоторыхъ церковныхъ историковъ. Вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ принадлежитъ, въ его подробностяхъ, церковной исторіи; сущность его характерна, какъ свидѣтельство о состояніи книжнаго знанія. При отсутствіи школъ, оно было крайне скудно, и съ теченіемъ времени, отъ переписыванья книгъ неумѣлыми писцами, вкралось множество ошибокъ въ изложеніе догматовъ, молитвъ и обрядовъ. Церковная власть давно это видѣла: на Стоглавомъ соборѣ это стало цѣлымъ государственно-церковнымъ вопросомъ — но какъ исправить книги по всему царству и кто исправитъ ихъ вѣрно? При Иванѣ Грозномъ основана была первая типографія въ Москвѣ, —лѣтъ черезъ сто по изобрѣтеніи книгопечатанія,—но одичаніе было такъ велико, что суевѣрная толпа разрушила типографію. Печатаніе книгъ, однако, началось; оно было правительственно-церковнымъ дѣломъ и направилось на первое время исключительно на книги церковныя, особливо богослужебныя: работали справщики подъ властью и по благословенію митрополита и освященнаго собора, потомъ патріарха; книга становилась авторитетомъ. Въ концѣ концовъ, авторитетъ дѣлался фатальнымъ: при недостаткѣ школы и невѣжествѣ, развивалось грубое пониманіе самой вѣры, внѣшнее обрядовое благочестіе въ ущербъ духовному и нравственному, съ преувеличеніемъ значенія обряда (который и долго послѣ того смѣшивался съ «догматомъ»); явилось и суевѣрное преувеличеніе буквы. Но гдѣ взять правильные тексты? Справщики употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы ихъ тексты были правильны, но у нихъ не было средствъ доискаться правильности, потому что могли быть ошибки и въ старыхъ переводахъ, которыми они пользовались, а затѣмъ, поправка, ими сдѣланная, опять могла, у невѣжественныхъ приверженцевъ старой буквы, показаться ересью: что было въ первой половинѣ XVI в. съ Максимомъ Грекомъ, то повторилось теперь со справщикомъ Діонисіемъ. Кончилось тѣмъ, что книги, которыя были напечатаны при патріархѣ Іосифѣ и въ которыхъ найдено было необходимымъ сдѣлать исправленія при Никонѣ, стали именно авторитетными въ расколѣ: онъ основательно, повидимому, могъ утверждать, что стоитъ за старую вѣру. Исправленіе книгъ, о которомъ говорили еще на Стоглавомъ соборѣ, а затѣмъ исправленіе обряда, стало, наконецъ, неотложной необходимостью, такъ какъ изъ-за него поднимались уже внутренніе раздоры, и вмѣстѣ съ тѣмъ вопросомъ національнаго достоинства: московскіе люди съ пренебреженіемъ говорили о вѣрѣ грековъ, а между тѣмъ авторитетные люди указывали немало грубыхъ ошибокъ въ московскихъ книгахъ и обрядѣ. Но людей, которые могли-бы исправить недостатки, не было—и съ половины XVII в. начинается вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ. Русь южная и западная, уже нѣсколько вѣковъ оторванныя отъ политической связи съ восточною, вели свою культурную жизнь въ тяжелыхъ условіяхъ политической зависимости отъ Польши и религіозной опасности отъ захватовъ католицизма. Вліяніе обѣихъ силъ было настойчиво, и русская народность теряла многое: высшій классъ мало-по-малу отрывался отъ народа, принимая польскіе обычаи и языкъ; унія, придуманная какъ переходная ступень къ католичеству, раздѣлила и народную массу въ религіозномъ отношеніи. Но опасность вызвала противодѣйствіе: началась борьба; какъ средство защиты, явилась забота о школѣ и типографіи; для сосредоточенія силъ основались братства. Эта церковно-народная дѣятельность находила опору въ сношеніяхъ съ константинопольской патріархіей. Необходимость борьбы съ католичествомъ привела къ основанію училищъ съ тѣми же школьными пріемами, какими дѣйствовала противная сторона. Южныя и западныя русскія братства, школы, типографіи составили нравственную силу, какой не знала Москва: эта сила, организованная и общественная, принимала средства наличной науки, давала мѣсто самодѣятельности. Здѣсь не было того подавленнаго состоянія мысли, которымъ создавалось въ Москвѣ подчиненіе буквѣ и обряду, и боязнь «мнѣнія», т. е. критической мысли, наконецъ полное безсиліе въ элементарномъ вопросѣ исправленія книгъ. При всѣхъ внѣшнихъ трудностяхъ политическаго и церковнаго положенія, въ юго-зап. Руси достигнуты были великіе результаты: кн. Константинъ Острожскій въ первый разъ издалъ церковно-славянскую Библію (1580—81); Петръ Могила окончательно установилъ въ Кіевѣ высшую школу, коллегію (1631), изъ которой образовалась позднѣе академія. Борьба съ католицизмомъ, хотя и не обходилась безъ потерь, безъ отпаденій, но приносила и благіе плоды: воспитывала сознательную ревность къ народному дѣлу, создавала научную школу, гдѣ въ первый разъ въ русскую жизнь проникли воздѣйствія западнаго просвѣщенія, хотя еще только въ схоластической формѣ. Вліяніе этой школы сказалось потомъ въ общей русской умственной и церковной жизни съ половины XVII вѣка и простиралось до половины XVIII столѣтія. Въ Москвѣ почувствовали, наконецъ, необходимость обратиться къ юго-западной школѣ. Это былъ характерный историческій моментъ, съ котораго начинается переломъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, патріархъ Никонъ, старые московскіе книжники и справщики, призванные кіевскіе ученые и

Библиотека "Руниверс"

справщики, ученые греки (какъ Арсеній) были дѣйствующія лица исторической драмы, которую продолжали потомъ другія лица, и въ финалѣ которой были съ одной стороны Расколъ, съ другой — Реформа. Патріархъ Никонъ, въ вопросѣ о преимуществѣ русской или греческой вѣры и обряда, принялъ сторону греческую и, какъ человѣкъ характера до грубости суроваго, повелъ дѣло рѣшительно и круто: отмѣнилъ нѣкоторые церковные обычаи (какъ, напр., нескладное пѣніе), устранилъ прежнихъ справщиковъ и поручилъ дѣло исправленія ученымъ людямъ, кіевлянину Епифанію Славинецкому и Арсенію Греку. Епифаній (ум. 1675 г.) послѣ кіевской школы учился и за границей, и по возвращеніи назначенъ былъ учителемъ кіевской братской школы. Въ Москвѣ онъ былъ во главѣ ученаго братства, вызваннаго изъ Кіева любителемъ просвѣщенія, бояриномъ Ртищевымъ. Занимаясь исправленіемъ книгъ въ качествѣ справщика, Епифаній много работалъ также надъ переводомъ твореній отцовъ церкви, что продолжалъ ученикъ его, чудовскій монахъ Евѳимій, фанатическій врагъ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева. Епифаній былъ ревнителемъ греческаго ученія, хотя въ его писаніяхъ, напр. многочисленныхъ поученіяхъ, господствуетъ схоластическая преувеличенная риторика кіевской школы. Онъ писалъ и противъ раскола, причину котораго видѣлъ въ крайнемъ невѣжествѣ: раскольники—«слѣпые невѣжды, едва письмена слагати навыкшіе, грамматическія же хитрости ниже наченшіе вкушати». Какъ приверженецъ греч. ученія, Епифаній жилъ въ Москвѣ мирно; великій келейный трудолюбецъ, онъ не мѣшался въ начинавшіяся распри. Но не таково было вообще положеніе кіевлянъ, приносившихъ въ Москву латинскую ученость, непривычную московскимъ людямъ. Кіевскіе богословы не пользовались довѣріемъ у московскихъ людей стараго закала: въ ихъ учености, мало вразумительной москвичамъ, подозрѣвали латинство; старые справщики, лично оскорбленные, видѣли въ новоисправляемыхъ книгахъ порчу вѣры и вскорѣ стали во главѣ раскола. Ссора между царемъ и властолюбивымъ патріархомъ, судъ вселенскихъ патріарховъ надъ Никономъ, умножали волненіе. Ссылка главнѣйшихъ предводителей раскола, поднимавшихъ настоящее церковное возстаніе, только разжигала религіозныя страсти; гонимые расколоучители становились страдальцами за вѣру и пріобрѣтали тѣмъ больше прозелитовъ, и ихъ религіозная ревность вскорѣ перешла въ страшный фанатизмъ. Царь былъ безсиленъ среди этого раздора: онъ долженъ былъ поддерживать постановленія церковной власти, и въ тоже время сочувствовалъ втайнѣ ревнителямъ вѣры, которые были нѣкогда почитаемы въ его семьѣ. Раздоръ перешелъ въ литературу, по крайней мѣрѣ, рукописную. Защитники старой вѣры не оставили «новшествъ» безъ отвѣта: въ посланіяхъ къ единомышленникамъ, въ особыхъ трактатахъ они писали озлобленныя обличенія, осыпали проклятіями своихъ противниковъ, и, не перенося нарушенія священной старины, которая одна, по ихъ мнѣнію, давала душевное спасеніе, не умѣя объяснить себѣ страшнаго дѣла (на сторону котораго становился и самъ царь), и рѣшали, что приходятъ послѣднія времена и антихристъ уже явился въ лицѣ Никона. Противъ исправленія книгъ, противъ преслѣдованія, противъ обличеній, какія издавала церковная власть, со стороны раскола явилась обширная литература. Она заключаетъ въ себѣ догматическія и обрядовыя опроверженія новой вѣры, посланія, историческіе разсказы. Въ эту первую пору самымъ сильнымъ и оригинальнымъ писателемъ раскола былъ знаменитый протопопъ Аввакумъ. Типическій представитель старой вѣры, богатырская натура физически и нравственно, онъ перенесъ заточенія, тюрьмы, пытки, ничего не уступивъ изъ своихъ убѣжденій, и пользовался великимъ авторитетомъ въ своей средѣ. Изъ своего заточенія въ Пустозерскѣ онъ продолжалъ свои обличенія и, наконецъ, «за великія на царскій домъ хулы», былъ сожженъ (въ 1681 г.). Онъ былъ сурово благочестивъ по старой вѣрѣ, не останавливался предъ обличеніемъ сильныхъ людей, строго поучалъ, даже билъ за грѣхи своихъ прихожанъ. Этому отвѣчалъ и языкъ его писаній—рѣзкій, образный, своеобразно соединявшій церковную терминологію съ чисто народною рѣчью. Таковы его посланія, такова его автобіографія, чрезвычайно любопытная по содержанію и по выразительному языку. Писанія Аввакума остались единственными въ своемъ родѣ. Развитіе раскола произвело цѣлую литературу, до сихъ поръ не вполнѣ изслѣдованную. Расколоучители дѣйствовали посланіями, какъ протопопъ Аввакумъ и діаконъ Ѳедоръ, защищали свое дѣло «челобитными», обращенными къ правительству, какъ напр. суздальскій священникъ Никита Добрынинъ, прозванный Пустосвятомъ, романовскій священникъ Лазарь, челобитная соловецкая, позднѣе, писанія братьевъ Денисовыхъ и т. д. Далѣе, расколъ имѣлъ своихъ историковъ, какъ Филиповъ, написавшій исторію Выговской пустыни. Когда фанатизмъ раскола, еще при жизни Аввакума, дошелъ до цѣлаго ученія о самосожженіи, послѣдователи котораго сожигались сотнями и тысячами, это вызвало въ средѣ самого раскола «Отразительное писаніе», единственное въ своемъ родѣ по страшнымъ картинамъ самосожженія. Съ другой стороны, съ конца XVII в. начинается обширная литература обличеній раскола: «Жезлъ правленія» Симеона Полоцкаго, «Увѣтъ духовный», съ именемъ патріарха Іоакима, Опроверженіе Соловецкой челобитной Юрія Крижанича, «Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ», Димитрія Ростовскаго, окружныя посланія сибирскаго митроп. Игнатія и т. д. Эти обличенія, настаивая на невѣжествѣ послѣдователей раскола, отличаются обыкновенно крайней нетерпимостью; рядомъ съ ними шли суровыя административныя преслѣдованія. Въ томъ же тонѣ они продолжались и потомъ: безпристрастное научное изслѣдованіе раскола и вмѣстѣ съ нимъ болѣе гуманное и справедливое отно-

Библиотека "Руниверс"

шеніе къ расколу началось только въ новѣйшее время, съ конца пятидесятыхъ годовъ. Между тѣмъ кіевское направленіе пріобрѣтало новыхъ дѣятелей. Въ Москвѣ поселился Симеонъ Полоцкій (1629—80), бѣлоруссъ, довершившій свое ученое образованіе въ кіевской коллегіи, гдѣ онъ овладѣлъ всѣми пріемами латинской схоластики и риторства. Симеонъ сдѣлался извѣстенъ царю Алексѣю въ 1656 г., когда, въ одинъ изъ пріѣздовъ царя въ Полоцкъ, поднесъ ему привѣтственные «метры». Около 1663 — 64 г., когда въ Полоцкѣ, занятомъ поляками, становилось небезопаснымъ пребываніе приверженцевъ русской власти, Симеонъ переселился въ Москву, имѣя отъ своего учителя, Лазаря Барановича, рекомендацію къ жившему тогда въ Москвѣ газскому митрополиту, ученому Паисію Лигариду. Здѣсь онъ нашелъ новыхъ покровителей въ двухъ восточныхъ патріархахъ, прибывшихъ въ Москву по дѣлу Никона, и положеніе его установилось прочно: ему поручили устроить школу въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ (будущая Заиконоспасская академія), онъ назначенъ былъ учителемъ царскихъ дѣтей, по порученію собора написалъ книгу противъ раскола («Жезлъ правленія», 1666), сталъ придворнымъ проповѣдникомъ (при чемъ настаивалъ особенно на необходимости школьнаго ученія) и стихотворцемъ на разные случаи. Его многочисленныя проповѣди, въ двухъ сборникахъ, изданы были послѣ его смерти: «Обѣдъ душевный« и «Вечеря душевная» (1681—1683). Его плодовитое стихотворство собрано въ «Вертоградѣ Многоцѣнномъ» и «Рифмологіонѣ». Наконецъ, онъ писалъ и драматическія произведенія: «Комедія о Навуходоносорѣ царѣ» и «Комедія притчи о Блудномъ сынѣ»; послѣдняя издана была съ многочисленными картинками въ 1685 г. Симеонъ Полоцкій былъ типическій писатель кіевской школы; въ Кіевѣ онъ не былъ-бы ничѣмъ исключительнымъ, но его историческое значеніе въ томъ, что онъ явился представителемъ этой школы въ Москвѣ, въ средѣ книжниковъ старато закала. Онъ былъ ученый богословъ-схоластикъ, но и убѣжденный защитникъ «вызволенныхъ наукъ» (artes liberales), школы и свѣтской книжности; съ нимъ начинается, хотя еще въ грубомъ зародышѣ, поворотъ литеатурной жизни, исканіе новаго содержанія и новой формы; по образовательнымъ стремленіямъ онъ былъ предшественникомъ другихъ кіевлянъ, которые стали потомъ ревностными сотрудниками реформы. Ближайшимъ ученикомъ Симеона былъ Сильвестръ Медвѣдевъ (род. 1641, казненъ въ 1691 г., за мнимое участіе въ заговорѣ Шакловитаго), наслѣдовавшій отъ него ученость, но не осторожность. Симеонъ не былъ любимъ московской іерархіей; въ немъ, какъ вообще въ кіевлянахъ, подозрѣвали наклонность къ латинству, но его спасала близость ко двору; теперь враги называли Медвѣдева ученикомъ іезуита. Медвѣдеву принадлежатъ нѣсколько цѣнныхъ трудовъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ его авторство оспаривалось, но безъ достаточныхъ доказательствъ): «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ»—первый опытъ русской библіографіи; «Извѣстіе истинное» и пр.—исторія исправленія книгъ; «Созерцаніе краткое» и пр.—извѣстія о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 г. Затѣмъ онъ вмѣшался въ догматическій споръ (о пресуществленіи св. даровъ на литургіи), обвиненъ былъ въ латинствѣ, навлекъ на себя ненависть патр. Іоакима (о немъ Медвѣдевъ даже на пыткѣ не усомнился сказать, что патріархъ — изъ военныхъ людей — «учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ»), привлеченъ былъ къ розыску о Шакловитомъ и погибъ. Догматическій споръ о пресуществленіи хлѣба и вина на литургіи прикрывалъ борьбу двухъ партій. Почва борьбы была опять церковная; расколъ былъ внѣшнимъ образомъ подавленъ, но теперь шелъ споръ латинскаго схоластическаго ученія, которое представлялъ Медвѣдевъ, и «греческаго ученія», которое защищали монахъ чудовскій Евѳимій, ученикъ Епифанія Славинецкаго, и ученые греки, братья Лихуды (Іоанникій, ум. 1717, Софроній, ум. 1730), пріѣхавшіе въ Москву въ 1685 г., съ рекомендаціями константинопольскаго патріарха, и здѣсь ставшіе приверженцами патр. Іоакима. Послѣдній былъ упрямый приверженецъ старины, врагъ царевны Софьи; Медвѣдевъ, напротивъ, былъ ея почитателемъ, ожидая отъ ея партіи успѣховъ просвѣщенія, и противникомъ грековъ, которые, въ лицѣ Лихудовъ, были слугами обскурантизма, ссылаясь, однако, на свои науки. Медвѣдевъ укорялъ своихъ противниковъ за слѣпую вѣру въ грековъ, «яко младенцы и яко обезьяна человѣку послѣдствующе», и указывалъ необходимость собственнаго просвѣщенія. Роль Лихудовъ была здѣсь не изъ лучшихъ; но впослѣдствіи они сами подвергались гоненію, а затѣмъ, при Петрѣ Вел., когда обстоятельства измѣнились и не было почвы для полемическихъ услугъ, они много работали въ духовныхъ школахъ, составляли учебники и т. п., все въ томъ же схоластическомъ направленіи, какому принадлежала ихъ собственная ученость. Въ сторонѣ отъ политическихъ и церковныхъ волненій держался Димитрій Туптало, впослѣдствіи митр. Ростовскій, питомецъ той же кіевской школы (1651—1709): главнымъ трудомъ его было составленіе обширныхъ Четіихъ-Миней, на основаніи труда митр. Макарія, греческихъ и латинскихъ источниковъ; извѣстенъ, затѣмъ, его «Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ». Димитрій былъ человѣкъ мягкаго права и совершенно свободный отъ московскаго изувѣрства, но былъ суровымъ врагомъ раскола, который былъ, въ его глазахъ, плодомъ грубаго невѣжества. Въ Ростовѣ онъ основалъ школу, которою съ любовью занимался; онъ хорошо зналъ классиковъ, слѣдилъ за ученой латинской литературой и ужасался невѣжеству духовенства въ своей епархіи. Ко второй половинѣ XVII в. принадлежитъ еще одна книга, которая, какъ въ концѣ XVI стол. писанія Курбскаго, открывала среди умственнаго тумана просвѣты общественнаго самосознанія. Но условіямъ старой литературы, которая все еще была письменностью, литературный трудъ не всегда доходилъ до массы общества. Случайности,

Библиотека "Руниверс"

какъ заграничная жизнь Курбскаго, могли затруднять распространеніе книги; сочиненіе Григорія Котошихина было совсѣмъ неизвѣстно современникамъ. Котошихинъ (род. около 1630, ум. 1667), подъячій посольскаго приказа, бѣжавшій изъ Россіи, поступившій на службу въ Польшѣ, потомъ въ Швеціи и казненный тамъ за убійство, остался бы безвѣстнымъ перебѣжчикомъ, о которомъ сохранилась строчка въ бумагахъ посольскаго приказа: «И въ прошломъ въ 172 (1664) Гришка своровалъ, измѣнилъ, отъѣхалъ въ Польшу»,— если бы въ 1837—38 гг. профессоръ гельсингфорсскаго университета С. В. Соловьевъ не нашелъ въ шведскихъ архивахъ сочиненія Котошихина въ шведскомъ переводѣ, а потомъ, въ библіотекѣ упсальскаго университета и въ русскомъ подлинникѣ. Сочиненіе Котошихина является однимъ изъ важнѣйшихъ и въ своемъ родѣ единственнымъ источникомъ для изображенія внутренней жизни московскаго государства въ половинѣ XVII стол. Сочиненіе написано послѣ бѣгства и закончено въ Швеціи. Авторъ былъ человѣкъ умный и наблюдательный; ingenio incomparabili, какъ говорилъ его шведскій біографъ. Открытіе сочиненія Котошихина важно потому, что книга представила новый богатый источникъ свѣдѣній о старомъ русскомъ бытѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ является случайно сохранившимся отголоскомъ неяснаго движенія въ пользу новаго образованія. Котошихинъ относится отрицательно къ московскому быту, осуждаетъ грубость нравовъ, недостатокъ просвѣщенія — и это было именно предчувствіе иного порядка вещей, инстинктъ общественнаго сознанія, подготовлявшаго новый періодъ общественной жизни и образованія. Среди самихъ московскихъ людей созрѣвало сознаніе своей культурной отсталости и въ этомъ сознаніи былъ уже шагъ къ заботамъ о просвѣщеніи. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича явился братъ-славянинъ изъ далекой Хорватіи, католическій священникъ Юрій Крижаничъ, съ цѣлыми планами политическими и просвѣтительными, исполненіе которыхъ должно было возвеличить единственное свободное славянское государство, надежду всего славянства. Онъ писалъ ученые трактаты (о славянскомъ языкѣ), высказывался по русскимъ церковнымъ вопросамъ (опроверженіе раскольничьей Соловецкой Челобитной, сочиненіе объ обрядѣ крещенія и др.) и, главное, написалъ обширный трудъ о русскомъ государствѣ, которое нуждалось въ просвѣщеніи и сознаніи своего политическаго значенія. Но проповѣднику просвѣщенія и возрожденія славянства не посчастливилось въ Москвѣ: онъ пріѣхалъ туда въ концѣ 1659 г., а въ январѣ 1661 г. былъ уже сосланъ въ Сибирь. Какъ было съ Котошихинымъ, такъ случилось и съ Крижаничемъ: ихъ труды остались безплодны для ихъ современниковъ; они разысканы только новѣйшей археографіей, въ единственныхъ экземплярахъ — ихъ собственныхъ рукописяхъ. Они не вошли въ свое время въ литературу и стали только историческимъ свидѣтельствомъ о движеніи умовъ той эпохи.

Заканчивая обозрѣніе древняго періода русской письменности, должно остановиться на одномъ ея отдѣлѣ, который стоялъ особнякомъ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ вмѣшиваясь въ ея общее теченіе, и въ цѣломъ представляя въ ней элементъ эпической фантазіи. Христіанская письменность отнеслась враждебно къ подлиннымъ элементамъ эпоса и лирики въ народной поэзіи, но уже съ древняго періода появляются переводныя произведенія поэтическаго характера, приходившія на первый разъ изъ византійскаго и латино-романскаго источника, черезъ южнославянское посредство. Такова была *Александрія*, баснословная исторія Александра Македонскаго, чрезвычайно распространенная между книжниками въ редакціяхъ болгарской, сербской и позднѣйшихъ. Основа псевдо-Каллисѳена, возникшая въ Александріи, была потомъ распространена на славянской и на русской почвѣ; въ концѣ концовъ македонскій герой былъ христіанизованъ, къ нему пріурочены апокрифическія сказанія (Меѳодій Патарскій, Макарій римскій и пр.). *Троянскія сказанія* извѣстны были въ древнемъ періодѣ въ видѣ «Притчи о кралехъ»: она имѣла латино-романскій источникъ, переведена была первоначально, повидимому, въ западно-сербскихъ краяхъ (въ Далмаціи или Босніи) и перешла на славянскій Востокъ; въ сокращенномъ и значительно обрусѣвшемъ видѣ, она была очень распространена въ хронографахъ, а также отдѣльно, подъ назв. «Повѣсти о созданіи и о плѣненіи Троискомъ». Позднѣе явился переводъ еще одной латинской исторіи о Троѣ, Гвидона де-Колумны, которая была въ числѣ первыхъ печатныхъ книгъ Петровскаго времени. Въ томъ сборникѣ, гдѣ найдено было «Слово о Полку Игоревѣ», находилось *Девгеніево Дѣяніе*, отысканное потомъ въ двухъ болѣе позднихъ рукописяхъ; позднѣе, найденъ былъ и греческій первообразъ «Девгенія»: — византійскій героическій эпосъ X-го вѣка изъ борьбы византійцевъ съ сарацинами. Какъ можно судить по сличенію славяно-русской повѣсти съ византійскими редакціями, въ первой стерлись черты историческія и любовныя, и взамѣнъ усиленъ элементъ религіозный, выдвинута на первый планъ борьба православныхъ съ погаными. Къ тому же циклу относится очень любимая въ старину повѣсть о царѣ *Синагрипѣ* (Синографѣ) и его мудромъ совѣтникѣ *Акирѣ* (Акирѣ), также византійскаго происхожденія, основана на чрезвычайно распространенномъ мотивѣ состязанія въ мудрости, задачами и загадками. Далѣе идетъ знаменитое въ средніе вѣка сказаніе *объ Индѣйскомъ царствѣ* или царствѣ пресвитера Іоанна, заключавшемъ необыкновенныя богатства и чудеса природы: сказаніе переведено съ латинскаго, быть можетъ, еще въ XIII или XIV вв., и, вѣроятно, въ той же западно-сербской области, откуда вышла Троянская притча и сербская редакція Александріи. Къ XIV и XV вв. относятся старѣйшіе списки знаменитой повѣсти *о Варлаамѣ и Іоасафѣ*: греческая передѣлка сказанія о жизни Будды, составленная въ половинѣ VII в., получила христіанскій догматическій и

Библиотека "Руниверс"

нравоучительный характеръ и великую славу въ средніе вѣка, на Западѣ и на Востокѣ; она дважды была напечатана у насъ въ XVII в. Притчи Варлаама, которыми онъ поучалъ царевича о тщетѣ мірской суеты, были очень любимы; имя царевича Іоасафа стало священно въ народной поэзіи,—съ нимъ соединенъ извѣстный духовный стихъ, воспѣвающій красоты пустыни и спасительность пустыннаго житія. Повѣсть о *Стефанитѣ и Ихнилатѣ* опять имѣетъ первый источникъ въ Индіи, въ Панчатантрѣ, переведенной въ VI в. на пеглевійскій языкъ, подъ именемъ Калилы-ва-Димны (Прямодушный и Лукавый, имена двухъ шакаловъ, разсказывающихъ апологи): отсюда повѣть перешла во всѣ литературы средневѣковаго Востока и Запада, и съ греческаго источника былъ сдѣланъ южнославянскій переводъ, повидимому, не позже XIII в. Многочисленныя повѣсти *о царѣ Соломонѣ* были вмѣстѣ съ тѣмъ и «отреченныя книги», упомянутыя уже въ старѣйшихъ редакціяхъ статьи о ложныхъ книгахъ. Эти «отреченныя» сказанія говорятъ о царѣ Давидѣ, завѣщавшемъ Соломону строеніе храма, объ этомъ строеніи, на которое были употреблены безчисленныя богатства, о власти Соломона надъ демонами, о приходѣ царицы Савской, споривпшей съ Соломономъ мудрыми загадками: о Соломоновыхъ судахъ, о Соломонѣ и Китоврасѣ. Библейская исторія представляетъ уже Соломона въ ореолѣ особеннаго величія, какъ мудраго царя и боговдохновеннаго писателя; апокрифъ еще возвеличиваетъ его мудрость до власти надъ демонами, а съ другой стороны повѣсть о Соломонѣ и Китоврасѣ переходитъ въ романическую сказку. Сказанія о дѣтствѣ Соломона принимаютъ, наконецъ, народный стиль, а споръ съ Китоврасомъ вошелъ пѣликомъ въ былину о Васильѣ Окуловичѣ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ сказаній о мудрыхъ загадкахъ составлена была и русская старая повѣсть о *купцѣ Басаргѣ и сынѣ его Добромыслѣ*. Въ среднемъ періодѣ горизонтъ повѣсти расширяется. Вѣроятно въ концѣ XV в. написана была полу-историческая повѣсть о мутьянскомъ (молдавскомъ) воеводѣ *Дракулѣ*—историческомъ лицѣ, извѣстномъ своею жестокостью. Къ концу XVI в. относятъ «повѣсть о Динарѣ царицѣ»—грузинской Тамарѣ, XII—XIII столѣтія: повѣсть, разсказывающая подвиги ея въ войнѣ съ персидскимъ царемъ, была переведена на русскій съ греческаго (стихотворнаго) подлинника. Къ временамъ Грознаго относятся полу-историческія повѣсти о турскомъ царѣ *Махметѣ* и волошскомъ воеводѣ *Петрѣ*, подъ именемъ нѣкоего Ивана Пересвѣтова (очевидно—псевдонимъ), съ намеками на московское царство. Мораль была не особенно глубокая; думаютъ, что повѣсть должна была представить оправданіе жестокостей Грознаго. Турскій царь говорилъ: «аще не такою грозою великій народъ угрозити, ино и правды въ землю не ввести... и какъ конь подъ человѣкомъ безъ узды, такъ и царство подъ царемъ безъ грозы». Волошскій воевода восхвалялъ московское царство, но вычиталъ въ своихъ мудрыхъ книгахъ, что будетъ на царя «ловленіе отъ ворожебъ и отъ кудесъ, отъ людей ближнихъ», — этимъ Иванъ Васильевичъ и оправдывалъ свои злодѣйства. Наконецъ, «повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа», изъ того же времени, предостерегала нѣкоего царя отъ чаръ и волхвованія коварныхъ синклитовъ. Далѣе, были повѣсти неяснаго восточнаго происхожденія: сказаніе о *двунадцати снахъ* царя *Шахаиши*, предвѣщательнаго, эсхатологическаго содержанія; знаменитый *Шемякинъ Судъ*, восточный разсказъ, имѣвшій длинную литературную исторію и странно пріуроченный у насъ къ князю XV вѣка Дмитрію Шемякѣ; сказка о *Еруслапѣ Лазаревичѣ*, съ сюжетомъ изъ персидской Шахъ-наме.—Болѣе поздній слой нашей старой повѣсти отмѣченъ западнымъ вліяніемъ, проводникомъ котораго были Польша и Западная Русь. Этимъ путемъ шли особенно западно-европейская повѣсть, средневѣковые сказочные сборники, рыцарскіе романы, шутливые разсказы и т. п. Однимъ изъ старѣйшихъ, если не самымъ старымъ памятникомъ этого рода былъ *Бова Королевичъ* и рядомъ съ нимъ *Тристанъ*, два рыцарскіе романа, изъ которыхъ одинъ сталъ знаменитъ, какъ народная сказка, другой—извѣстенъ пока лишь въ единственной старой рукописи, указывающей путь ихъ прихода въ русскую письменность. Старѣйшая форма «Бовы» и «Тристана» сохранились въ бѣлорусскомъ сборникѣ повѣстей XVI вѣка; въ бѣлорусскомъ текстѣ указано, что онъ взятъ изъ «сербскихъ книгъ», а послѣдніе несомнѣнно переведены съ итальянскаго, котораго слѣдъ замѣтенъ во многихъ словахъ и оборотахъ. Сербскій переводъ итальянскаго романа указываетъ опять на туже область западныхъ вліяній, изъ которой вышли Троянская притча и сербская редакція «Александріи». Въ той же бѣлорусской рукописи находится повѣсть *объ Атылѣ*, королѣ угорскомъ, легендарная исторія Атиллы. Встрѣчаются также рыцарскія или чудесныя повѣсти чешскаго происхожденія: исторія *о королевичѣ Брунцвикѣ*, наполненная чудесными приключеніями въ невѣдомыхъ сказочныхъ странахъ, исторія *о Василіи королевичѣ Златовласомъ*, сказка о разборчивой невѣстѣ, имѣющая много параллелей въ народныхъ сказкахъ и въ литературѣ. Изъ польскаго источника пришла одна изъ знаменитѣйшихъ (средневѣковыхъ книгъ — *Римскія Дѣянія*, сборникъ разнородныхъ исторій, составившійся путемъ постепеннаго накопленія разсказовъ, сначала на латинскомъ языкѣ и обошедшій всѣ европейскія литературы. Другой сборникъ, занятый спеціально назидательными повѣствованіями—*Великое Зерцало*, названіе котораго объясняется его громадностью: въ русскихъ редакціяхъ число повѣстей простирается до девяти сотъ. Первымъ началомъ сборника было средневѣковое Speculum exemplorum, собраніе повѣстей, служившее для назидательнаго чтенія и какъ матеріалъ для проповѣдей. Въ XVII столѣтіи оно было расширено въ громадную книгу іезуитомъ Майеромъ: разсказы распредѣлены по рубрикамъ, снабжены указаніемъ источниковъ и объясненіями, изобилуютъ чудесами; мораль отличается обыкновенно аскетизмомъ,

Библиотека "Руниверс"

а также особымъ духомъ іезуитскаго ханжества. Русскій переводъ книги, съ польскаго, сдѣланъ былъ по желанію царя Алексѣя Михайловича, и былъ очень распространенъ въ старыхъ библіотекахъ, въ полномъ составѣ или въ отдѣльныхъ статьяхъ. Далѣе, съ польскаго взята знаменитая повѣсть *о Семи мудрецахъ*, также индійскаго корня; она распространилась по всѣмъ литературамъ Востока и Запада, испытала разныя видоизмѣненія, и уже въ концѣ своего литературнаго поприща явилась на русскомъ языкѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка идетъ новый притокъ западнаго чтенія, главнымъ образомъ, если не исключительно, черезъ польскую литературу. За началомъ, которое дали раньше Бова и Тристанъ, послѣдовали теперь: «*Исторія* о *Мелюзинѣ*», «*Петръ Золотые Ключи*», «*Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Октавіанѣ*», объ «*Аполлонѣ королѣ тирскомъ*», повѣсти шуточныя, какъ напр. «*Смѣхотворныя повѣсти*», не яснаго происхожденія повѣсти, съ легендарными и апокрифическими отголосками, о травѣ табакѣ, о высокоумномъ хмѣлѣ. Къ старымъ рукописямъ восходятъ «Судное дѣло у леща съ ершомъ», повѣсть «*о куръ и лстивой лисицѣ*» и т. д. Являются, наконецъ, попытки бытовой повѣсти. Начало ея можно видѣть, въ другой литературной формѣ, въ старыхъ житіяхъ, напр. житіи Петра и Февроніи. Въ «чудесахъ» славныхъ иконъ или особенно чтимыхъ святыхъ приводились разсказы, составлявшіе своеобразную повѣсть, какъ напр. исторію о «*бѣсноватой женѣ Соломоніи*» въ чудесахъ св. Прокопія и Іоанна устюжскихъ. Внѣ области житій, но близко къ этой послѣдней исторіи, является повѣсть о «*Саввѣ Грудцынѣ*», съ бытовою основой и нравоучительно-легендарными потребностями: дѣйствіе происходитъ во времена царя Михаила. По-видимому, концу XVII вѣка принадлежитъ и «*Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушкѣ*» — настоящая бытовая повѣсть, съ живыми чертами нравовъ и съ оттѣнкомъ народнаго юмора, хотя нравы первобытны и настоящаго романическаго элемента нѣтъ. Къ концу XVII вѣка можно отнести, наконецъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній старой поэзіи, гдѣ легендарные мотивы народнаго міровоззрѣнія и черты реальнаго быта нашли выраженіе въ формѣ чрезвычайно свѣжаго народнаго стиха; это—«*Повѣсть о Горѣ-Злочастіи и какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ*». Старая повѣсть незамѣтно переходитъ въ новый слой повѣсти Петровскаго времени и вообще первой половины XVIII вѣка. Переводная дѣятельность, начавшаяся въ XVII столѣтіи, продолжаетъ разростаться, когда увеличивается знаніе иностранныхъ языковъ. Литература повѣсти по прежнему живетъ въ рукописяхъ; за первую половину XVIII вѣка существуетъ большая масса разнообразной рукописной повѣсти, гдѣ продолжаютъ обращаться старые переводы, вмѣстѣ съ болѣе поздними: къ рыцарскимъ исторіямъ присоединяются исторіи любовныхъ приключеній, настоящіе романы, иногда огромнаго объема; являются переводы знаменитыхъ произведеній европейской литературы, какъ «Потерянный рай» Мильтона, «Телемакъ» Фенелона (переведенный еще до Тредьяковскаго) и др., и, наконецъ, русскіе опыты, подъ вліяніемъ переводныхъ исторій, съ любопытными отголосками броженія въ русскихъ нравахъ. Эта рукописная повѣсть опять незамѣтно сливается съ печатной литературой. При Петрѣ напечатана была старая популярная Троянская исторія; въ шестидесятыхъ годахъ XVIII в. стала впервые распространяться литература переводнаго романа, и въ томъ числѣ явились въ печати многія вещи, ходившія въ первой половинѣ столѣтія въ рукописяхъ. Наконецъ, стала искать своего права въ письменности чисто народная поэзія. Древнѣйшіе книжники, съ вновь пріобрѣтенной христіанской точки зрѣнія, презирали и осуждали эту поэзію вмѣстѣ съ народнымъ обычаемъ какъ остатокъ язычества и потому дѣло бѣсовское и грѣховное. Съ одиннадцатаго вѣка до конца семнадцатаго не прекращаются эти осужденія въ церковныхъ поученіяхъ, въ посланіяхъ іерарховъ, въ постановленіяхъ соборовъ, въ царскихъ грамотахъ; но все это оказывало мало дѣйствія въ народномъ быту, особливо сельскомъ, гдѣ народная пѣсня, бытовой обрядъ, игра составляли единственную поэтическую пищу и веселье. Народная пѣсня продолжала существовать, только не въ книгѣ: высокоумный книжникъ считалъ ее ниже своего благочестія и достоинства. «Слово о Полку Игоревѣ» осталось единственнымъ памятникомъ своего рода, и затѣмъ только въ единичныхъ случаяхъ отголосокъ народный проникалъ въ книгу; но въ народѣ поэзія продолжала жить и развиваться. За отсутствіемъ данныхъ, трудно судить о процессѣ этого развитія; но сохранившаяся донынѣ былина указываетъ, что народный эпосъ сберегъ нерѣдко весьма древніе эпическіе мотивы (былины Владимірова цикла), что затѣмъ онъ еще живо дѣйствовалъ въ наши средніе вѣка, внося въ свой составъ новые сюжеты (эпосъ новгородскій, былины южнорусскія) и даже заимствуя свой матеріалъ изъ книжныхъ источниковъ (былины на темы изъ сказаній о царѣ Соломонѣ). Заѣзжій англичанинъ, баккалавръ Ричардъ Джемсъ, сохранилъ отъ начала XVII в. записи современныхъ ему пѣсенъ (о Ксеніи Годуновой). Вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ, а въ средніе вѣка несомнѣнно, народная пѣсня, особливо эпическая и шуточная, имѣла своихъ спеціальныхъ носителей: это были скоморохи, народные увеселители, пѣвцы, фокусники и актеры. Власть, наконецъ, принимала противъ нихъ мѣры; они ходили многолюдными ватагами, человѣкъ во сто, и совершали насилія; самыя пѣсни и «глумы» ихъ были «бѣсовскіе». Въ концѣ концовъ, когда грамотность становилась гораздо шире, чѣмъ прежде, нашлись любители пѣсенъ, которые стали записывать ихъ: записей отъ XVII в., можетъ быть конца XVI-го, сохранилось немного—это обыкновенно былины. Къ началу XVIII в. относится запись Кирши Данилова, безъ сомнѣнія продолжающая тотъ же старый интересъ къ пѣснѣ: его сборникъ—также

Библиотека "Руниверс"

почти исключительно эпическій. Производительность пѣсни продолжалась и въ XVIII в. (пѣсни о Петрѣ Великомъ, военныхъ событіяхъ и т. п.). Далѣе, продолжала существовать, кромѣ эпоса, другая, еще болѣе богатая область народной поэзіи—обрядовая и бытовая лирика и такъ называемыя мелкія эпическія пѣсни. Здѣсь, даже еще въ бо́льшей степени, чѣмъ въ эпосѣ, сохранилась далекая древность, съ намеками на языческій бытъ и обрядъ: они хранились консервативными народными обычаями, теряя первоначальное, прямо миѳическое значеніе и оставаясь поэтическимъ символомъ или увеселеніемъ въ годовомъ календарномъ обиходѣ народной жизни, особливо сельской. Этой памятью обычая пѣсня сберегласъ не только въ сельскомъ, но и купеческомъ, наконецъ, дворянскомъ помѣщичьемъ, связанномъ съ деревней, быту до второй половины XVIII в., когда она въ первый разъ была закрѣплена въ печатныхъ «Пѣсенникахъ». Но жизнь народной поэзіи была не только пассивнымъ сбереганіемъ, а также забвеніемъ и измѣненіемъ старины: совершалось и новое творчество. Такъ развивалась былина послѣ кіевскаго цикла. Въ народной поэзіи выразилось и то средневѣковое міровоззрѣніе, которое, послѣ водворенія христіанства, стало складываться въ умахъ народной массы въ формѣ «двоевѣрія». Здѣсь все больше занимала мѣста легенда, особенно апокрифическая, такъ какъ самый апокрифъ часто имѣлъ именно популярное происхожденіе. Въ этомъ народномъ міровоззрѣніи имѣли свой источникъ *духовные стихи*. Ихъ основа—книжная, но разработанная въ смыслѣ религіозной фантастики: ихъ матеріалъ данъ евангельской исторіей (Христосъ, Богородица, Лазарь, Страшный судъ), житіями святыхъ (св. Георгій, Алексѣй Божій человѣкъ, Ѳедоръ Тиронъ), сказаніями космогоническими («Голубиная книга»), благочестивыми повѣстями (стихъ о царевичѣ Іоасафѣ) и т. д.

III. Въ прежнее время существовало убѣжденіе, а въ обычныхъ понятіяхъ и теперь сохраняется мнѣніе, что новый поворотъ русской государственной и общественной жизни съ восемнадцатаго вѣка былъ исключительно результатомъ личной дѣятельности Петра Великаго. Для однихъ это было великимъ дѣломъ, давшимъ русскому народу и государству новую широкую историческую роль на почвѣ европейскаго просвѣщенія, для другихъ — почти революціоннымъ переворотомъ, настоящимъ преступленіемъ, потому что Петръ измѣнилъ началамъ русской народности и далъ исторіи русскаго народа ложное и зловредное направленіе. Споръ объ этомъ не кончился, въ сущности, и до сихъ поръ въ области публицистики; но онъ долженъ считаться конченнымъ въ области историческаго изслѣдованія, которое, главнымъ образомъ со временъ Соловьева, объясняетъ реформу Петра какъ естественный и неизбѣжный выводъ изъ предыдущаго развитія. Сообразно съ этимъ, начало новаго періода въ исторіи русской литературы должно считать не со времени Петра, а ранѣе, приблизительно съ половины XVII вѣка, когда особенно ярко стали сказываться первые признаки ослабленія московской старины XV—XVI вѣка и весьма неяснаго на первый разъ стремленія къ европейской наукѣ. Давно указано, что первые признаки потребности дополнить скудныя домашнія знанія съ помощью иноземцевъ восходятъ еще къ XV вѣку; чѣмъ дальше, тѣмъ все размножаются вызовы иноземцевъ, составившихъ, наконецъ, подъ Москвой цѣлую колонію—«Нѣмецкую слободу». Иноземцы исполняли всякаго рода техническія работы для двора и для государства, работы необходимыя, но для которыхъ у русскихъ просто не было знанія; съ простыми техниками приходили, наконецъ, болѣе или менѣе ученые люди, и русскіе на первый разъ съ немалымъ страхомъ видѣли опыты естественно-историческаго знанія. Въ Нѣмецкой слободѣ царь Михаилъ и Алексѣй имѣли не только знающихъ техниковъ, но и спеціалистовъ военнаго дѣла; въ той же слободѣ царь Алексѣй нашелъ опытныхъ людей, устроившихъ для него первый театръ, который, какъ извѣстно, привелъ его въ великое восхищеніе. Въ тоже время, особливо со второй половины XVII вѣка, въ письменность, еще хранившую церковно-славянское одѣяніе, все больше проникаютъ переводы книгъ, болѣе или менѣе научнаго характера, съ западно-европейскихъ языковъ. Для безпристрастнаго взгляда не подлежитъ спору, что это было уже движеніе въ духѣ позднѣйшей реформы. Рядомъ съ этимъ шло другое, столь же знаменательное явленіе, указывавшее, что старая Русь временъ Стоглава отживала свое время: это было исправленіе книгъ. Этотъ трудъ, необходимость котораго еще въ началѣ XVI в. указывалъ Максимъ Грекъ, и въ половинѣ XVII в. былъ непосиленъ московскимъ книжникамъ; но по крайней мѣрѣ эту необходимость поняли сполна и, сознавъ недостаточность своихъ средствъ, обратились за помощью къ той наукѣ, которая въ XVI и XVII вѣкѣ успѣла зародиться на родственной, хотя исторически давно разъединенной почвѣ—въ южной и западной Руси. Сила вещей привела не только къ исправленію книгъ, но и къ подрыву цѣлаго стараго міросозерцанія, какимъ жили люди стараго вѣка: вѣра въ букву писанія, внѣшнее обрядовое благочестіе, цѣлый запасъ фантастическихъ понятій, выросшихъ на старой почвѣ, должны были отступить передъ требованіями знанія, хотя бы на первый разъ тяжело схоластическаго. Защитники старины чуяли въ этихъ нововведеніяхъ что-то «латинское»— и до извѣстной степени были правы: кіевская наука установлялась по образцамъ латинскихъ школъ и люди стараго вѣка въ Москвѣ не могли понять, чтобы средствами схоластической науки могло быть защищаемо православіе. Обѣ стороны совсѣмъ не понимали другъ друга, и въ результатѣ совершился *расколъ*—дѣйствительное распаденіе между первобытной «старой» вѣрой и новымъ церковнымъ ученіемъ, которое стремилось основать по возможности научное богословіе и исправить церковную жизнь. Протопопъ Аввакумъ, чистѣйшій питомецъ старой Руси, съ вѣрнымъ инстинктомъ говорилъ, что

Библиотека "Руниверс"

въ ихъ ученіи была «послѣдняя Русь», и по своему объяснялъ, съ какой поры началась гибель этой Руси, говоря, что видѣлъ въ аду «миленькаго» царя Алексѣя. Дѣйствительно, при царѣ Алексѣѣ началось паденіе этой старой Руси и наступилъ новый періодъ русской жизни. Наплывъ кіевской учености въ Москву былъ началомъ новой литературы. Правда, кіевская наука была спеціально церковная и схоластическая, но это была во всякомъ случаѣ черта науки европейской: въ схоластикѣ, до Кіева доходилъ отголосокъ Возрожденія, извѣстное знакомство съ классиками, даже вкусъ къ нимъ. Приходила впервые риторика и піитика, т. е. теорія какой-то новой литературы: этой литературы еще не было на русскомъ языкѣ, но она заявляла уже о своемъ будущемъ водвореніи. Питомецъ кіевской школы Симеонъ Полоцкій былъ, собственно говоря, первымъ русскимъ псевдо-классикомъ —въ той же формѣ, какую потомъ примѣнялъ Кантемиръ: въ неуклюжихъ стихахъ Симеона Полоцкаго шла уже новая литературная струя, чуждая прежней письменности, какъ въ тоже время она пробивалась въ драматическихъ опытахъ пастора Грегори. Эти начинанія появляются задолго до дѣятельности Петра; въ его время пріемы литературы остаются тѣже, и главными литературными дѣятелями являются по прежнему ученые кіевской школы— Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій и другіе. Новая литература, отмѣченная спеціально возбужденіями реформы,—дѣятельность Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова, особливо Ломоносова,—наступила уже послѣ Петра, главнымъ образомъ съ половины XVIII столѣтія. Но если въ спеціально литературномъ отношеніи реформа не была началомъ новаго направленія, то личность и дѣятельность Петра стали, однако, могущественной опорой новаго направленія и создали для дальнѣйшаго времени нравственное и умственное возбужденіе такой силы, какого русская жизнь не испытывала ни ранѣше, ни позже, и которое дѣйствуетъ даже до сихъ поръ, черезъ два вѣка послѣдующей исторіи. Въ русской жизни явился человѣкъ исполинской силы характера и замысловъ, который какъ-бы по исторической необходимости хотѣлъ восполнить то, что было потеряно вѣками застоя, невольнаго и волнаго,—и слѣпилъ установить новую политическую и умственную жизнь русскаго народа. Совершенно понятно, что свои главныя усилія онъ направилъ на политическое укрѣпленіе государства: войско, флотъ, техническая школа, фабрика и заводъ, администрація были главные предметы его заботы; онъ былъ довольно равнодушенъ къ тѣмъ спеціально церковнымъ вопросамъ, которые одни поглощали все вниманіе прежняго времени и его ближайшихъ предшественниковъ; онъ не строилъ никакихъ теорій, но самъ «на тронѣ вѣчный былъ работникъ» и строго требовалъ такой же работы отъ другихъ. При всѣхъ тягостяхъ его времени его имя осталось символомъ неутомимаго труда и высокаго самоотверженія на пользу государства, въ которомъ олицетворялась для него вся народная жизнь. Эта энергія, источникомъ которой была по истинѣ беззавѣтная любовь къ родинѣ, и необычайные результаты, пріобрѣтенные цѣною геніально-разносторонняго труда, послужили тѣмъ нравственно-общественнымъ стимуломъ, который создалъ великое историческое значеніе Петровской реформы. Петръ не могъ остаться чуждъ литературѣ или книжному дѣлу. Съ его именемъ и дѣятельностью связываются черты, неизвѣстныя старой письменности и ставшія потомъ неизмѣнной принадлежностью литературной жизни. Чуждый старымъ церковнымъ интересамъ, онъ старался дать литературѣ свѣтскій, т. е. реально-жизненный и общественный характеръ. Измѣнилась самая внѣшность книги. Такъ называемая гражданская азбука отдѣлила свѣтскую книгу отъ церковной. Въ прежнее время книга была почти только церковная и издавалась «по благословенію церковной власти»; теперь книга хотя и оставалась дѣломъ по преимуществу оффиціальнымъ, но могла издаваться только «повелѣніемъ царскаго Величества». Содержаніе книги нерѣдко бывало совсѣмъ невиданное. Цѣль Петра была двоякая: съ одной стороны, онъ хотѣлъ дать книги съ учебнымъ матеріаломъ и техническими свѣдѣніями; съ другой, онъ усиленно и опять впервые заботился о томъ, чтобы ввести общество и самый народъ въ свои планы, объяснить необходимость и пользу преобразованій, пріобщить народъ къ своему дѣлу, найти сознательныхъ исполнителей. Отсюда печатаніе во всеобщее свѣдѣніе «реляцій», основаніе первыхъ «вѣдомостей», цѣлыя сочиненія для объясненія политическихъ мѣръ и событій, шумныя празднованія побѣдъ, съ иллюминаціями, фейерверками, аллегорическими картинами и т. п. Печатались книги по исторіи, географіи, миѳологіи, чтобы ввести читателя въ содержаніе европейской литературы. Въ книгахъ историческихъ, переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ, Петръ настаивалъ, чтобы сохранялись неизмѣнно отзывы о Р., хотя бы неблагопріятные. Наконецъ, онъ принималъ непосредственное участіе въ самомъ изданіи книгъ: собиралъ свѣдѣнія, указывалъ, что должно перевести, заботился о приготовленіи переводчиковъ, самъ просматривалъ и правилъ переводы и корректуры, иногда занимаясь этимъ на походѣ. Ближайшіе сотрудники его въ этомъ дѣлѣ были люди церковные, но среди которыхъ находились ревностные слуги реформы. Таковъ былъ въ началѣ Стефанъ Яворскій (1658 — 1722); ему Петръ поручилъ «мѣстоблюстительство» патріаршаго престола, закрытаго съ тѣхъ поръ какъ въ обоихъ послѣднихъ патріархахъ Петръ видѣлъ только враговъ своего. Позднѣе въ Яворскомъ сказалось іерархическое властолюбіе, и Петръ разошелся съ нимъ, хотя снисходилъ къ нему. Самымъ ревностнымъ сотрудникомъ Петра былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ (1681 — 1736). Ѳеофанъ былъ въ жизни тогдашняго русскаго общества явленіемъ исключительнымъ, но весьма характернымъ: человѣкъ сильнаго ума, ученый богословъ, вліятельный іерархъ и участникъ въ законодательствѣ, онъ былъ въ свое время наибо-

Библиотека "Руниверс"

лѣе образованнымъ человѣкомъ въ русскомъ обществѣ. Это была именно такая сила, какая нужна была Петру: человѣкъ съ умомъ именно критическимъ, онъ, какъ и самъ Петръ, былъ чуждъ всякому фанатизму и хотѣлъ опираться только на здравый смыслъ. Когда, уже послѣ смерти Петра, съѣхались въ Петербургъ нѣмецкіе ученые въ только-что открытую академію, Ѳеофанъ сталъ съ ними въ самыя дружескія отношенія; по его смерти одинъ изъ нихъ, Байеръ, оставилъ самые восторженные отзывы о великомъ его умѣ и учености. Такими же питомцами кіевской школы были другіе сотрудники Петра, переводчики и проповѣдники Ѳеофилактъ Лопатинскій, Бужинскій и др. Подъ крыломъ Ѳеофана установилась литературная дѣятельность князя Антіоха Кантемира (1708—1744): сынъ молдавскаго господаря, учившійся въ Россіи, по рожденію и школѣ чуждый старому преданію, онъ вооружался противъ старины именно потому, что видѣлъ въ ней вражду къ новому образованію, которое понималъ какъ жизненную необходимость. Его ставятъ обыкновенно во главѣ новой литературы, какъ сатирика, воспитавшагося на идеяхъ реформы. Фактически это не вполнѣ точно, такъ какъ сатиры его были изданы въ первый разъ долго спустя послѣ его смерти, когда въ литературѣ проходилъ уже Ломоносовъ, а его стихотворная форма — силлабическій стихъ, наслѣдіе отъ временъ Симеона Полоцкаго — въ это время давно устарѣла. Время Петра начинало создавать своихъ людей. Любопытны, прежде всего, путешествія Петровскаго времени — боярина Б. П. Шереметева, стольника П. А. Толстого, кн. Б. Ив. Куракина, гр. А. А. Матвѣева, Ив. Ив. Неплюева и др.,—гдѣ наглядно и нерѣдко чрезвычайно характерно отражается столкновеніе двухъ вѣковъ и двухъ ступеней развитія, и новое міросозерцаніе видимо начинаетъ брать верхъ новостью и богатствомъ своего содержанія. Правильной школы все еще не было, но широкій горизонтъ новой жизни увлекалъ людей серьезнаго ума, которые, помня завѣты старины, кровно съ нею связанные, становились, однако, ревностными поборниками преобразованій. Таковъ былъ крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ (род. около 1670, ум. 1726), самоучка стараго вѣка, который здравымъ смысломъ и наблюденіемъ приходилъ къ убѣжденію въ необходимости просвѣщенія и преобразованій. Не менѣе, если не болѣе замѣчателенъ питомецъ Петровскаго времени В. Н. Татищевъ (1685 — 1750). Онъ учился только въ технической школѣ, былъ самоучкой въ вопросахъ философской и исторической науки, которые, однако, очень сильно его интересовали. Онъ познакомился, сколько могъ, съ тогдашнимъ положеніемъ исторической науки, былъ знакомъ съ скептическими взглядами Бейля и въ своихъ историческихъ трудахъ былъ склоненъ къ сомнѣнію и раціонализму. Понятно, что онъ былъ настойчивымъ защитникомъ науки («Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ»): это было уже самостоятельно выработанное убѣжденіе, какъ самостоятельно возникла у него и мысль написать русскую исторію. Татищевъ засталъ это дѣло почти на той ступени, какую представляли собой «Степенная книга» и «Хронографъ». Попытка дать нѣчто систематическое вызвала во второй половинѣ XVII в. «Синопсисъ» Иннокентія Гизеля, нескладную книгу съ историческимъ баснословіемъ и скудными данными о Р. московскаго періода. Въ 1715 г. секретарь русскаго резидента въ Швеціи, кн. Хилкова, Манкіевъ, жившій вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну, опять человѣкъ малороссійской школы, составилъ замѣчательное по времени и по личнымъ условіямъ автора обозрѣніе русской исторіи до временъ Петра (до 1712 г.); но его книга оставалась въ рукописи до 1770, г., когда была напечатана Миллеромъ. Трудъ Татищева не имѣлъ никакой помощи въ этихъ предшественникахъ; нѣкоторое руководство доставили ему только нѣмецкіе ученые академики, начавшіе тогда заниматься вопросами древней русской исторіи; въ цѣлой работѣ онъ былъ предоставленъ самому себѣ и приступилъ къ ней весьма раціонально, стараясь прежде всего собрать документальныя свидѣтельства древнихъ лѣтописей. Онъ дѣлалъ сводъ этихъ извѣстій и сопровождалъ ихъ обширными комментаріями, гдѣ много любопытныхъ опытовъ исторической критики. Татищевъ также принадлежалъ къ тѣсному ученому кружку Ѳеофана, хотя имѣлъ репутацію большого вольнодумца. Историческій трудъ Татищева въ свое время также остался неизданнымъ.—Бурныя событія и крутыя мѣры реформы не могли не возбуждать недовольства между приверженцами стараго порядка. Въ литературѣ это выразилось только отрывочно, и конечно не въ печати, которая была дѣломъ еще только правительственнымъ и церковнымъ, а въ рукописныхъ памфлетахъ, авторы которыхъ иногда рѣшались даже заявлять ихъ оффиціально. Въ числѣ такихъ противниковъ реформы былъ М. П. Аврамовъ (1681—1752), при Петрѣ директоръ типографіи, близкій къ самому царю, потомъ впавшій въ ханжество и увидѣвшій въ реформѣ дѣло, опасное вѣрѣ. Онъ сдружился съ врагами Ѳеофана, подавалъ свои проекты всѣмъ правительствамъ, отъ Петра до Елизаветы; его заточали въ монастырь, ссылали въ Охотскій острогъ, но онъ продолжалъ возставать противъ новѣйшаго вольнодумства, наконецъ, грозилъ даже тѣмъ, кто «діадиму на себѣ носитъ», и кончилъ жизнь въ «безвѣстномъ» отдѣленіи тайной канцеляріи. Ранѣе Аврамова, книгописецъ Григорій Талицкій написалъ (въ 1700 г.) «тетрадки», гдѣ говорилось о пришествіи въ міръ Антихриста, и по вычисленіямъ выходило, что Петръ и есть Антихристъ; «тетрадки» встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ не только въ народѣ, но и въ средѣ высшаго духовенства. Талицкій хотѣлъ вырѣзать свои тетрадки на деревѣ для бо́льшаго распространенія, но былъ схваченъ и сожженъ, вмѣстѣ съ его другомъ Савинымъ. По этому поводу Стефанъ Яворскій написалъ книгу: «Знаменія пришествія Антихристова и кончины вѣка, отъ писаній божественныхъ явленна» (1703). Но убѣжденіе, что Петръ—Антихристъ, крѣпко держалось въ расколѣ:

Библиотека "Руниверс"

въ одной раскольничьей лицевой (т. е. иллюстрированной) рукописи Толковаго (т. е. съ толкованіями) Апокалипсиса Петръ изображенъ Антихристомъ, а антихристово воинство представлено солдатами въ военной формѣ Петровскаго образца. Изъ раскольничьей среды вышла также извѣстная народная картинка: «Мыши кота погребаютъ», въ которой несомнѣнно заключается сатира на Петра и его обстановку. Вражда къ Петру между приверженцами старины и въ расколѣ не была, однако, мнѣніемъ цѣлой народной массы: напротивъ, при всѣхъ тягостяхъ, падавшихъ на народъ въ его время, народный инстинктъ угадывалъ въ Петрѣ великую силу и понималъ его подвиги на пользу государства: историческія пѣсни его времени относятся къ нему сочувственно.

Литературная жизнь новаго, «послѣ-Петровскаго» характера стала складываться только въ половинѣ столѣтія. Все еще было слишкомъ мало средствъ школьнаго образованія; немногія наличныя школы были очень разношерстныя и несогласованныя (см. выше, Образованіе). Знаніе иностранныхъ языковъ внушало, однако, интересъ къ иностранной литературѣ; мало по малу развивается тотъ книжный интересъ, съ котораго начинается литературная дѣятельность. Люди, затронутые этимъ интересомъ, были на первый разъ немногочисленны; всѣ они были на счету и происходили изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества. Такъ, изъ Астрахани былъ родомъ поповичъ Тредьяковскій; изъ Архангельска происходилъ крестьянинъ Ломоносовъ; къ дворянскому сословію принадлежалъ учившійся въ кадетскомъ корпусѣ Сумароковъ. В. К. Тредьяковскій (1703—1769) началъ свое ученіе въ Астрахани у капуцинскихъ монаховъ, былъ года два въ славяно-греко-латинской академіи, затѣмъ «убѣжалъ» изъ Москвы и отправился въ Голландію, гдѣ его пріютилъ русскій посланникъ графъ Головкинъ; но его тянуло дальше и, «шедши пѣшъ», онъ добрался до Парижа, который его окончательно очаровалъ, какъ и французская литература. Вернувшись въ Р., онъ былъ переводчикомъ при академіи наукъ, потомъ профессоромъ элоквенціи и сталъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ и переводчикомъ. Изъ своей учености и увлеченія французской литературой онъ построилъ литературную теорію, которая была у насъ первою формальною программою псевдо-классицизма. Его собственные опыты въ стихотворствѣ стали надолго знамениты своею неуклюжестью; тѣмъ не менѣе, большой заслугой его было то, что онъ впервые поставилъ вопросъ о правильномъ русскомъ стихосложеніи: онъ началъ, по старому обычаю, силлабическими стихами, но скоро понялъ, что настоящей формы русскаго стиха надо искать въ нашей народной поэзіи. Его представленіе объ исторіи поэзіи было совершенно псевдо-классическое. Величайшіе образцы всѣхъ родовъ поэзіи дали греки и римляне; затѣмъ были вѣка варварства; поэзія возродилась у новыхъ европейскихъ народовъ по тѣмъ же древнимъ образцамъ, которые, поэтому, обязательны и для насъ. Чтобы основать литературу, достаточно слѣдовать этимъ образцамъ. Объясняя свойства эпопеи, лирики, драмы, Тредьяковскій самъ пытался писать разнородныя стихотворныя произведенія, даже трагедіи, перевелъ наставленіе о поэзіи Горація (прозой) и Буало (стихами), и стихами перевелъ даже написаннаго прозой Телемака. Біографія М. В. Ломоносова (1711—1755) извѣстна. Какой-то необычайный инстинктъ тянулъ сына поморскаго рыбака къ школѣ; уже взрослымъ юношей онъ находитъ эту школу въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, наконецъ, за границей. Въ Москвѣ его школа была церковно-схоластическая, за границей —научно-техническая (металлургія); но сила собственнаго ума и возможность шире взглянуть на область науки въ Германіи (подъ руководствомъ Христіана Вольфа) создали его широкое научное міровоззрѣніе и вмѣстѣ потребность литературной дѣятельности. Пушкинъ назвалъ Ломоносова первымъ нашимъ университетомъ, и названіе это вѣрно по многосторонности его дарованія и знаній, въ которой онъ не имѣлъ тогда равнаго: не мудрено, что онъ сталъ въ литературѣ предметомъ поклоненія, которое удержалось неизмѣнно до начала нынѣшняго столѣтія. Его считали великимъ ученымъ и великимъ поэтомъ. Дѣйствительно, въ то время не было другого русскаго ученаго, который вполнѣ стоялъ-бы на уровнѣ европейской науки; въ первый разъ на русскомъ языкѣ высокіе предметы науки излагались съ такой ясностью и изящной простотой, какъ у Ломоносова; великое, почти религіозное уваженіе къ наукѣ было господствующей чертой его міровоззрѣнія. По обычаю времени, онъ писалъ оды и похвальныя слова, но въ этихъ произведеніяхъ всегда бывала серьезная мысль или цѣлые трактаты научно-общественнаго содержанія. Въ его взглядахъ на русскую жизнь неизмѣнною мыслью была первостепенная важность знанія; величайшимъ и единственнымъ героемъ его былъ Петръ Вел. Поэтомъ Ломоносовъ, собственно говоря, не былъ; у него не было свободнаго лирическаго вдохновенія, но онъ находилъ настоящее поэтическое одушевленіе въ тѣхъ возвышенныхъ идеяхъ научныхъ и патріотическихъ, какія имъ владѣли, и его одушевленіе захватывало читателей. Позднѣйшему читателю и критику его поэтическія творенія могутъ казаться слишкомъ высокопарными, преувеличенными, неестественными; но должно вспомнить, что образованное русское общество того времени еще переживало отголоски временъ Петра, и Ломоносовъ отвѣчалъ тому общественному чувству, которое радовалось новымъ успѣхомъ и новой славѣ Р.; еще не было тонкаго художественнаго вкуса и нѣсколько рѣзкіе тоны панегирика не бросались въ глаза. Въ академіи Ломоносовъ всегда горячо стоялъ за интересы русской науки и пользы русскаго народа и не однажды съ раздраженіемъ, переходившимъ даже мѣру справедливости, возставалъ противъ всего, въ чемъ видѣлся ему ущербъ славѣ и пользамъ русской націи. По своимъ научнымъ изученіямъ онъ былъ естествоиспытатель; но начинавшаяся литера-

Библиотека "Руниверс"

тура требовала много трудовъ, для которыхъ еще не было дѣлателей, и Ломоносовъ становится не только поэтомъ, но историкомъ, изслѣдователемъ языка, техникомъ, занимается вопросами народнаго хозяйства и быта и т. д. Третій знаменитый писатель того времени былъ А. П. Сумароковъ (1718—1777): онъ былъ прославляемъ современниками и ближайшимъ потомствомъ какъ одно изъ свѣтилъ русскаго Парнасса, и эта слава можетъ дать понятіе о положеніи тогдашней литературы. У него было извѣстное легкое дарованіе, весьма плодовитое, но весьма поверхностное. Онъ очень рано вступилъ на литературное поприще, и первые успѣхи его трагедій, на придворной сценѣ, передъ слушателями очень мало избалованными, исполнили его величайшей самонадѣянности. Чрезвычайно самолюбивый, онъ вообразилъ себя созидателемъ и главою русской литературы. Его школа была невелика и состояла изъ нѣкоторой начитанности во французской литературѣ; законодателемъ литературы былъ для него Буало, предѣломъ совершенства—Расинъ, Корнель, Мольеръ и особенно Вольтеръ, рядомъ съ которымъ ему нравилось ставить свое имя, такъ какъ онъ былъ писателемъ «во всѣхъ родахъ» и думалъ, что во всѣхъ родахъ даетъ образцы русскимъ писателямъ. Но его трагедіи, въ которыхъ онъ любилъ брать и русскіе сюжеты, были неумѣлыми копіями съ французскихъ, драматическіе эффекты не разъ выходили у него простой нелѣпостью; его комедіи—обыкновенно грубоватые фарсы на однообразныя темы. Наиболѣе живыми изъ его произведеній остаются тѣ, гдѣ проходятъ сатирическія картинки русскаго быта; его злѣйшими врагами и предметомъ его усердныхъ обличеній были подъячіе. Дѣятельность трехъ названныхъ писателей совершалась главнымъ образомъ во времена императрицы Елизаветы; это были извѣстнѣйшія имена тогдашней литературы. Времена Екатерины II открывали для литературы новый просторъ и вызывали новыхъ людей. Сама императрица давно увлечена была «философскими» идеями вѣка и, вступивъ на престолъ, нашла не только литературный, но и практическій путь для ихъ развитія: быть представительницей «просвѣщенія» отвѣчало и ея личнымъ вкусамъ и самолюбію, и политическимъ соображеніямъ, такъ какъ нужно было привлечь общество на свою сторону и, заставивъ забыть прошлое, начать славное царствованіе. Она сама вскорѣ предалась литературнымъ трудамъ, переводила «Велизарія» Мармонтеля, вмѣстѣ съ приближенными, во время путешествія по Волгѣ, работала надъ знаменитымъ «Наказомъ», который надолго остался авторитетнымъ собраніемъ идей эпохи просвѣщенія о различныхъ предметахъ управленія (главнѣйшимъ его источникомъ послужилъ Монтескьё). Въ то же время она приняла участіе въ легкой нравоописательной и сатирической журналистикѣ, позднѣе написала длинный рядъ драматическихъ пьесъ, особливо комедій. Наконецъ, она вела обширную (французскую) переписку съ европейскими философами, какъ Вольтеръ, Дидро, Циммерманъ, и представителями литературныхъ круговъ, какъ г-жа Жоффренъ и въ особенности Мельхіоръ Гриммъ. Въ 1783 г., при ея ближайшемъ интересѣ, учреждена Россійская академія, президентомъ которой была княгиня Дашкова и въ трудахъ которой Екатерина принимала также живѣйшее участіе (здѣсь печатались ея «Записки» по русской исторіи, а также «Были и Небылицы»). Важной мѣрой для развитія книжнаго дѣла было разрѣшеніе вольныхъ (т. е. частныхъ) типографій. Въ концѣ царствованія открылась систематическая, хотя по размѣрамъ ограниченная дѣятельность по учрежденію народныхъ училищъ. Въ другомъ отношеніи важнымъ фактомъ было основаніе Вольнаго (т. е. опять частнаго) Экономическаго общества, какъ поощреніе общественной иниціативы. При тогдашнемъ складѣ русскаго общества личные вкусы императрицы были ободряющимъ примѣромъ; литературная производительность съ шестидесятыхъ годовъ XVIII в., сравнительно съ прежнимъ, чрезвычайно возрасла. Первые годы царствованія Екатерины II подавали самыя свѣтлыя надежды. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ созывъ депутатовъ въ коммиссію о составленіи новаго уложенія; сама она гордилась «Наказомъ». Въ кругу образованныхъ людей должны были съ удовольствіемъ увидѣть ея особенный вкусъ къ литературѣ—дѣло небывалое, тѣмъ болѣе, что этотъ вкусъ былъ настроенъ въ просвѣтительномъ и гуманномъ направленіи. Въ эпоху «Наказа» сказалось особенное оживленіе въ литературѣ: появилось вдругъ нѣсколько небольшихъ журналовъ, которые намѣревались давать нравоучительное и нравоописательное чтеніе. Главными изъ нихъ были два: «Всякая Всячина», Козицкаго, гдѣ участвовала своими трудами сама императрица, и «Трутень», Новикова (другіе: «Адская почта» Эмина; «И то, и сіо», «Парнасскій Щепетильникъ» Чулкова; «Смѣсь»; «Поденщина»—Тузова и т. д.). Образцомъ служили иностранныя изданія подобнаго рода, особенно знаменитый «Spectator» Аддисона, изъ котораго русскіе нравоописатели брали иногда цѣликомъ. Всѣ эти изданія существовали недолго (1769—1770), и въ ихъ исторіи любопытно столкновеніе мнѣній между журналами Козицкаго (статьи имп. Екатерины) и Новикова. «Всякая Всячина» настаивала на умѣренномъ изображеніи пороковъ; «Трутень» искалъ суроваго изобличенія. Повидимому, это послѣднее вызвало недовольство императрицы, но въ 1772 г. Новиковъ началъ въ томъ же духѣ изданіе «Живописца», имѣвшаго большой успѣхъ. На этотъ разъ Новиковъ хотѣлъ найти опору своей сатирѣ въ произведеніяхъ самой императрицы, посвятивъ свое изданіе автору комедіи «О Время». Предметъ сатиры Новикова былъ частью давно уже намѣченъ—легкомысленное пристрастіе ко всему иностранному, взятки и казнокрадство; но было много новаго и сильнаго въ его живой сатирѣ, и если она часто не договаривала, ея сдержанность была видимо вынужденная. Онъ прямѣе, чѣмъ кто-либо изъ тогдашнихъ писателей, возстаетъ противъ безобразій крѣпостного права и изображаетъ тяжелое положеніе крестьянъ; отъ

Библиотека "Руниверс"

современной испорченности онъ обращается съ сочувствіемъ къ старинѣ и стариннымъ добродѣтелямъ. Первыя комедіи императрицы: «О время» и «Именины госпожи Ворчалкиной» (1772) имѣли большой успѣхъ, и это возбудило въ Екатеринѣ пристрастіе къ драматической формѣ, особливо къ комедіи. Ею написано до тридцати пьесъ, которыя не всѣ напечатаны: кромѣ комедій, это были оперы, пословицы и драматическія хроники изъ древней русской исторіи, въ подражаніе «Шакеспиру», которое, впрочемъ состояло только въ томъ, что пьесы писались «безъ соблюденія театральныхъ правилъ». Три комедіи, «Шаманъ сибирскій», «Обманщикъ» и «Обольщенный», направлены были противъ начинавшаго распространяться мистицизма и масонства; другія комедіи представляютъ довольно безобидную сатиру нравовъ, возстающую противъ суевѣрія, ханжества, невѣжества и т. п. Пьесы не имѣли художественнаго значенія, но любопытны чертами быта и нравовъ. Затѣмъ императрица писала аллегорическія сказки— о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ; собирала «выборныя россійскія пословицы»; составляла педагогическія книжки, «Были и небылицы»; писала «Записки» по древней русской исторіи, которую изображала оптимистически. Къ концу царствованія, настроеніе императрицы совершенно измѣнилось. Съ одной стороны, съ лѣтами остывалъ прежній философскій ея идеализмъ, съ другой, она была испугана взрывомъ французской революціи: тогда господствовало мнѣніе, что источникомъ революціи была именно свободомыслящая философія, которую нѣкогда императрица такъ ревностно поощряла. Это увеличило ея нетерпимость ко всякой свободной мысли. Не то мы видимъ въ началѣ правленія, когда, какъ сказано выше, ея великодушныя идеи, ея стремленія къ просвѣщенію и справедливости, въ болѣе образованномъ кругу оказали значительное и благотворное дѣйствіе на умы, что̀ и обнаружилось небывалымъ прежде оживленіемъ литературы. Правда, основной фондъ литературнаго содержанія не былъ великъ; общество, которое до тѣхъ поръ жило только по оффиціальнымъ указаніямъ, не могло вдругъ пріобрѣсти самостоятельность (хотя иногда думало, что имѣетъ ее), необходимую для нормальнаго развитія литературы; но во всякомъ случаѣ въ тѣсномъ кругѣ тогдашняго образованнаго общества началось извѣстное возбужденіе, и въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка успѣли даже выразиться нѣкоторыя особенныя направленія общественной мысли. Самымъ крупнымъ лицомъ въ области поэзіи былъ Г. Р. Державинъ (1743 — 1816), прославленный пѣвецъ Фелицы, поэзія котораго была предметомъ безусловнаго удивленія до временъ Пушкина, впервые ограничившаго прежнюю ея оцѣнку. Державинъ несомнѣнно владѣлъ крупнымъ и оригинальнымъ талантомъ, который въ особенности подходилъ къ его задачѣ—превозносить обоготворяемую имъ повелительницу, подвиги ея воиновъ, мудрость правленія,—а вмѣстѣ высказать свою нравственную философію, во вкусѣ вѣка, слегка скептическую, но не весьма опредѣленную. Его дарованіе умѣло стать выше прежней, рутинной оды, какія писали его предшественники и продолжали писать современники: онъ внесъ въ оду извѣстную, конечно все-таки искусственную, простоту, которую приняли тогда за подлинную и которую онъ хотѣлъ дать натянутому строю оды нѣкоторую естественность и реализмъ. Фантазія Державина была широкая и бурная, но слишкомъ часто ему вредилъ недостатокъ чувства мѣры; возвышенный тонъ переходилъ легко въ высокопарность и напыщенность. Знаменитая ода «Богъ» казалась современникамъ вершиною поэзіи; въ дѣйствительности, въ ней слишкомъ много этой отвлеченной высокопарности и, можетъ быть, мало настоящаго религіознаго чувства. Его философія была житейская философія вѣка: надо быть справедливымъ, честнымъ, но не очень заботиться о мудреныхъ вопросахъ и спѣшить пользоваться благами жизни. Какъ человѣкъ, онъ могъ внушать уваженіе, потому что въ разныхъ высокихъ положеніяхъ, какія онъ занималъ, онъ хотѣлъ стоять за правду, впрочемъ, портя эту заслугу неуживчивымъ самомнѣніемъ. Свою поэзію онъ ставилъ очень высоко, но вмѣстѣ и крайне тѣсно и односторонне. Основа его теоріи была, по тогдашнему обычаю, псевдо-классическая, хотя смягченная нѣкоторыми новыми литературными вѣяніями: онъ обращался къ самимъ древнимъ классикамъ, зналъ нѣмецкихъ поэтовъ, увлекался Оссіаномъ и подъ его вліяніемъ находилъ «бардовъ» у древнихъ славянъ. Но поэзія, въ его глазахъ, не есть независимая сила и творчество человѣческаго духа. Его предшественникъ Тредьяковскій изображалъ нѣкогда поэзію какъ пріятную забаву, которая можетъ служить въ литературѣ «фруктами и конфектами на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ»; Державинъ восхвалялъ Фелицу за то, что поэзія любезна ей, «какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». При этомъ несложномъ взглядѣ Державинъ не затруднялся «прибѣгать къ своему таланту», когда нужно было достигнуть какихъ-нибудь личныхъ выгодъ хвалебной одой сильному человѣку. Такъ, разсказываетъ онъ самъ въ своихъ запискахъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что Екатерина была очень довольна изображеніями Фелицы, написанными тогда, когда Державинъ былъ еще далекъ отъ двора. Впослѣдствіи, когда онъ находился уже въ ея ближайшей обстановкѣ, она «неоднократно, такъ сказать, прашивала его, чтобы онъ писалъ въ родѣ оды Фелицы», но онъ не написалъ, потому что не было уже «воспламенѣнія», когда онъ ближе узналъ характеръ и факты правленія. Недостатокъ вкуса сказался у Державина особенно впослѣдствіи, когда онъ, въ старые годы, писалъ свои нескладныя драматическія произведенія. Во времена Екатерины, когда дѣйствительно совершались громкія военныя и политическія дѣла, ода могла еще сохранять свой смыслъ не только какъ придворное привѣтствіе, но и какъ популярное истолкованіе событій, и оды писали почти всѣ сколько нибудь замѣтные писатели, даже тотъ И. И. Дмитріевъ (1760 — 1837), который въ сатирѣ «Чужой

Библиотека "Руниверс"

толкъ», составившей ему великую славу, осмѣивалъ одописцевъ. Едва-ли не самыми нелѣпыми, по уродливой напыщенности, были оды также славнаго въ свое время стихотворца В. П. Петрова (1736—1799). Какъ образецъ легкой шутливой поэзіи славилась «Душенька», поэма И. Ѳ. Богдановича (1743—1803), которую восхвалялъ еще и Карамзинъ: это была передѣлка старинной повѣсти Лафонтена, взятой изъ Апулея. Поэма Богдановича написана тяжело, ея остроуміе грубовато, и успѣхъ ея доказываетъ только, какъ мало еще былъ развить вообще художественный вкусъ: немногое было нужно, чтобы понравилась новинка, покинувшая напыщенную риторику обычнаго стихотворства для шутки и забавы. Въ первые годы царствованія Екатерины выступилъ писатель, получившій крупное значеніе въ русской литературѣ—Д. И. Фонъ-Визинъ (1744—1792), въ особенности оригинальный въ двухъ своихъ комедіяхъ: «Бригадиръ» и «Недоросль». Это были первыя комедіи съ настоящимъ русскимъ бытовымъ содержаніемъ и живымъ, реальнымъ языкомъ. Какъ вообще литературныя формы того времени были скопированы главнымъ образомъ съ французскихъ, такъ и въ комедіяхъ Фонъ-Визина очевидно вліяніе французскихъ образцовъ, не только въ пріемахъ постановки, но и въ подробностяхъ (такъ напримѣръ съ французскаго взято извѣстное, повидимому, чисто-русское разсужденіе г-жи Простаковой о географіи); но въ нихъ были, однако, и подлинныя русскія черты, что и доставило имъ въ свое время великій успѣхъ. Фонъ-Визинъ хотѣлъ быть не только комикомъ, но и моралистомъ; самую слабую часть его комедій составляютъ разсужденія добродѣтельныхъ лицъ, но и тѣ въ свое время нравились, потому что это были начатки сужденій объ общественной нравственности и XVIII в. любилъ вообще разсуждать о морали. Фонъ-Визинъ осуждалъ дурное воспитаніе, но оставались неясны средства воспитанія хорошаго; онъ осуждалъ пристрастіе къ французскому языку и перениманіе французскихъ обычаевъ, но причины этой подражательности опять не видны. Нѣсколько разъ онъ былъ за границей и съ великимъ самомнѣніемъ и грубыми насмѣшками говорилъ о французскомъ обществѣ, нравахъ, даже литературѣ (забывая, сколько самъ былъ послѣдней обязанъ): это не лучшая черта его литературной дѣятельности. Ко второй половинѣ царствованія Екатерины драматическая литература очень развилась. Еще дѣйствовалъ Сумароковъ; его продолжателемъ въ драмѣ явился Я. Б. Княжнинъ (1742—1791), «пересмѣшливый», по вѣрному замѣчанію Пушкина, усердно слѣдовавшій псевдо-классическимъ образцамъ; его трагедіи («Дидона», «Ярополкъ и Владиміръ», «Владиславъ», «Титово милосердіе»), составившія его славу у современниковъ, повторяли, даже просто переводили Расина, Корнеля, Вольтера, Метастазія и пр.; не болѣе самостоятельны были его комедіи—передѣлки съ чужихъ образцовъ, которые, впрочемъ, Княжнинъ старался приноровлять къ русскимъ нравамъ, хотя все-таки не умѣлъ удалить условностей французской комедіи (интриганъ-слуга и т. п.). Нелѣпость простого повторенія французской комедіи, какъ это бывало у Сумарокова, давно уже указывалъ В. И. Лукинъ (1737—1794), который въ своихъ комедіяхъ, все-таки заимствованныхъ съ французскаго, дѣлалъ опыты такихъ переложеній на русскіе нравы. За псевдо-классической комедіей перешла теперь и «мѣщанская комедія»: еще при жизни Сумарокова была переведена «Евгенія» Бомарше, и хранитель «русскаго Парнасса» съ великимъ негодованіемъ обрушился на этотъ новый «пакостный родъ слезныхъ комедій». Тѣмъ не менѣе онъ утвердился и даже сталъ модой, потому что, вмѣстѣ съ «комической оперой, все-таки расширялъ область драмы и давалъ мѣсто изображеніямъ народной жизни. Къ этому роду принадлежатъ нѣкоторыя пьесы имп. Екатерины, «Анюта» Михаила Попова (1772), пьесы М. Матинскаго, «Мельникъ» А. О. Аблесимова (1742—1783), Прокудина-Горскаго; «Яга-Баба» и «Калифъ на часъ», кн. Д. Горчакова. Въ концѣ столѣтія пользовались большой извѣстностью пьесы М. И. Веревкина (1733—1795), у котораго есть черты настоящаго комизма и вѣрнаго изображенія нравовъ, Д. В. Ефимьева (1768—1804), А. И. Клушина (1780—1804), издававшаго сатирическій журналъ «С.-Петербургскій Меркурій», П. А. Плавильщикова (1759—1812), знаменитаго въ свое время актера, а также образованнаго писателя. Въ смыслѣ общественномъ, единственнымъ послѣ Фонъ-Визина крупнымъ произведеніемъ тогдашней комедіи была «Ябеда», въ стихахъ, В. Я. Капниста (1757—1824). Это былъ по своему времени весьма образованный и остроумный человѣкъ, съ общественными интересами, любитель латинской поэзіи, другъ Державина. Его «Ода на рабство» (противъ рабства) могла быть напечатана только въ 1806 г., въ его «Лирическихъ стихотвореніяхъ». «Ябеда», то разрѣшаемая, то запрещаемая при имп. Павлѣ, была представлена въ первый разъ въ 1798 и потомъ явилась вновь на сценѣ уже при Александрѣ I. Это — весьма яркая и желчная картина старинной, общепринятой судейской продажности и крючкотворства. Въ подражаніе «Ябедѣ» написана была комедія Судовщикова, «Неслыханное диво, или честный секретарь». Таже потребность ввести въ литературу изображеніе русскаго быта внушила Василію Майкову (1728—78) комическую поэму «Елисей или раздраженный Вакхъ»: изображенія весьма грубоваты, но многое изъ народнаго быта и языка схвачено удачно. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось, что подобныя произведенія представляютъ особое народное направленіе въ литературѣ временъ Екатерины, въ отличіе отъ подражательнаго: въ дѣйствительности этого не было, потому что нерѣдко одни и тѣже писатели могли быть причислены къ обоимъ направленіямъ. Вниманіе къ народной жизни, заботы о введеніи въ литературу національнаго элемента начинаются, притомъ, съ первыхъ шаговъ новой литературы: Тредьяковскій указываетъ основу для правильнаго русскаго стихосложенія въ народной поэзіи; Сумароковъ, при всемъ желаніи быть россійскимъ Расиномъ и Вольтеромъ, усиливается писать

Библиотека "Руниверс"

пѣсни въ народномъ стилѣ; Ломоносовъ болѣе серьезно ставитъ вопросъ о народной жизни въ «Запискѣ о размноженіи русскаго народа»; въ сатирическихъ журналахъ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ («Трутень» и «Живописецъ» Новикова) находятся эпизоды, которые говорятъ объ интересѣ къ народной жизни и вѣрномъ ея пониманіи и т. д. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ свидѣтельствъ этого интереса къ народности являются съ конца семидесятихъ годовъ многочисленные пѣсенники, начиная въ особенности съ знаменитаго пѣсенника Чулкова (позднѣе, Новиковскій). Въ дѣйствительности народная пѣсня продолжала жить даже въ быту высшихъ классовъ, повидимому, безъ перерыва отъ временъ московской старины: простота нравовъ, жизнь въ помѣстьяхъ среди народа, недостатокъ другихъ развлеченій дѣлали народную пѣсню въ ея живомъ подлинномъ видѣ весьма любимымъ удовольствіемъ, которое приносилось и въ барскій бытъ въ столицахъ. При дворѣ имп. Елизаветы бывали оффиціальные пѣсенники, былъ даже придворный малорусскій бандуристъ; въ среднемъ кругу это было также любимое удовольствіе. По всей вѣроятности, существовали издавна письменные сборники; такимъ былъ, въ первой половинѣ столѣтія, знаменитый сборникъ Кирши Данилова. Сборникъ Чулкова, гдѣ, рядомъ съ русскими, помѣщены и малороссійскія пѣсни, повидимому имѣлъ въ основѣ сборникъ рукописный. Искусный стихотворецъ въ ложно-классическомъ родѣ, И. И. Дмитріевъ, издалъ также сборникъ народныхъ пѣсенъ, постаравшись, впрочемъ, выгладить (т. е. испортить) ихъ по книжному стилю; въ 1790 г. явился извѣстный сборникъ пѣсенъ Прача, гдѣ онѣ были положены на музыку; на народный стиль покушался даже Державинъ. Очевидно, въ этомъ вкусѣ, для котораго не могло быть иностранныхъ образцовъ, сказывалось инстинктивное влеченіе къ народнымъ элементамъ поэзіи; въ періодъ предполагаемой «оторванности отъ народа» онъ былъ прямымъ ея опроверженіемъ. Эти влеченія къ народному вообще не были тогда формулированы, но они представляли постоянно дѣйствовавшую силу, которая, съ успѣхами науки и литературы, расширялась и въ началѣ новаго вѣка стала опредѣленной и сознательной. Какъ историческая наука съ восемнадцатаго вѣка возстановляла древность, забытую въ московскомъ періодѣ, такъ этотъ интересъ къ народности собиралъ изъ устъ народа и мало по малу вводилъ въ литературу ту народную поэзію, которая въ старомъ періодѣ, съ XI в. и до второй половины XVII в., даже во времена тишайшаго царя Алексѣя Михайловича, предавалась только проклятію и истребленію.—Въ числѣ общественныхъ и литературныхъ явленій, вызванныхъ упомянутымъ умственнымъ возбужденіемъ въ правленіе Екатерины, особенно выдвинулось движеніе масонское. Такъ называемый масонскій «орденъ» возникъ, какъ дѣятельное общественное явленіе, въ началѣ XVIII в. въ Англіи. Каково-бы ни было его происхожденіе, онъ пріобрѣлъ тогда характеръ замкнутаго общества, принявшаго своимъ принципомъ личное нравственное совершенствованіе, помощь собратьямъ, христіанское благочестіе, но съ полною терпимостью ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Общество настаивало на глубокой тайнѣ своихъ ученій и обрядовъ; члены общества узнавали другъ друга по особымъ знакамъ; въ собраніяхъ—«ложахъ»—совершались символическіе обряды. Орденъ, имѣвшій форму собранія рабочихъ каменщиковъ, возводилъ свое начало къ строенію Соломонова храма, отъ временъ котораго велось, будто бы, прданіе масонскаго ученія и символическаго обряда. Изъ Англіи масонство мало по малу распространилось, въ видѣ тайныхъ обществъ, по всѣмъ странамъ Европы, вездѣ удерживая свою таинственность, тѣсную солидарность «братьевъ», но въ концѣ концовъ видоизмѣняя свои ученія. Такъ называемое «англійское» масонство всего болѣе сохранило первоначальную простоту; нѣсколько болѣе сложно было «шотландское»; въ своихъ дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ на материкѣ масонство все болѣе осложнялось новыми прибавками, т. е. выдумками въ ученіи и обрядахъ. Для выдумокъ было достаточно поводовъ уже въ предполагаемой библейской древности ордена: развивалась съ одной стороны обрядность, придумывались новые высокопарные титулы начальствующихъ «братьевъ»; преданіе о сохраненіи ордена со временъ Соломонова храма разрабатывалось привлеченіемъ сюда же таинствъ египетскихъ, халдейскихъ, греческихъ и т. д.; припято было, что хранителями орденской тайны были въ средніе вѣка рыцари храма (отсюда масонское «тамплиерство») и пр. Такъ какъ религіозное ученіе ордена отдалялось отъ оффиціальной церкви, допуская напримѣръ полную терпимость, не придавая значенія церковной обрядности и противопоставляя ей свою собственную, то являлся также большой просторъ для развитія символизма и мистики. Наконецъ, въ число хранителей орденской тайны были включены средневѣковые мистики и алхимисты, и во второй половинѣ XVIII стол., всего больше въ Германіи, развилась особая форма масонства, подъ названіемъ «розенкрейцерства» или братства Розоваго креста (Rosenkreuzer, Rose-Croix).. Начало русскаго масонства, по преданію, относится къ временамъ Петра Великаго; болѣе достовѣрны извѣстія о русскихъ масонахъ при имп. Аннѣ и Елизаветѣ; но главнымъ образомъ распространеніе масонскихъ ложъ, и весьма значительное, относится ко временамъ Екатерины II. Первымъ ревностнымъ ихъ адептомъ сталъ извѣстный кабинетъ-секретарь и частью литературный сотрудникъ императрицы И. П. Елагинъ, который вступилъ въ сношенія съ главной англійской ложей въ Лондонѣ и получилъ отъ нея титулъ гросмейстера русской провинціальной ложи. Подъ его управленіемъ ложи стали размножаться, особливо въ Петербургѣ и въ Москвѣ; самъ онъ ревностно предался дѣлу, старался собрать свѣдѣнія объ учеяіяхъ ордена, о существующихъ «системахъ», которыхъ было тогда уже много, наконецъ, усиливался объединить свои познанія въ цѣлое и составилъ большое сочиненіе объ исторіи ор-

Библиотека "Руниверс"

дена, которая должна была вмѣстѣ дать его вѣроученіе. Работа предназначалась, конечно, только для «братьевъ», составляла тайну и не могла быть издана. Это—наивная компиляція всякой таинственной премудрости, символики и мистицизма, какую Елагинъ могъ набрать изъ книжныхъ и рукописныхъ масонскихъ источниковъ, особливо, кажется, французскихъ. Въ разгарѣ движенія, когда умножались ложи и въ нихъ проникали разныя «системы», когда русскіе «братья» ревностно заботились о прочномъ установленіи ордена на русской почвѣ, онѣ усиленно старались привлечь въ свой кругъ даровитаго человѣка, на котораго видимо возлагали большія надежды для своего дѣла. Это былъ Н. И. Новиковъ (1744—1818). Съ обычнымъ скуднымъ образованіемъ того времени, но съ живымъ дѣтельнымъ умомъ, Новиковъ рано обратилъ на себя вниманіе, работалъ при коммиссіи о составленіи Уложенія и былъ великимъ поклонникомъ либеральныхъ начинаній императрицы. Въ 1769—1770 г. онъ издавалъ сатирическій журналъ «Трутень», въ 1772—1773 г.—«Живописецъ», и въ скромныхъ рамкахъ тогдашней сатиры успѣлъ высказать серьезное пониманіе положенія русской жизни, не всегда сходное съ господствовавшимъ тогда панегирикомъ, къ которому императрица успѣла привыкнуть. Эти изданія Новикова прекратились, вѣроятно, не по его доброй волѣ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ предпринялъ сложныя и драгоцѣнныя изданія матеріаловъ для русской исторіи («Древняя Россійская Вивліоѳика» и др.), издалъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», первый нѣсколько обширный опытъ исторіи литературы. Въ тѣ же годы онъ задумалъ учрежденіе народныхъ школъ на частныя средства и успѣлъ привлечь къ этому дѣлу участіе общества. Этотъ ученый по тогдашнему человѣкъ, любитель просвѣщенія, филантропъ и организаторъ казался необходимымъ для масонскаго дѣла, и Новиковъ дѣйствительно былъ привлеченъ въ орденъ. Въ началѣ онъ отнесся къ дѣлу очень осторожно, но потомъ ревностно предался ему, встрѣтивъ людей, раздѣлявшихъ его просвѣтительные взгляды. Въ 1779 г. онъ переѣхалъ въ Москву и развилъ здѣсь обширную издательскую и образовательную дѣятельность. Дружба съ И. Е. Шварцемъ (ум. въ 1784 г.), профессоромъ московскаго университета и мистическимъ идеалистомъ, окончательно увлекла Новикова въ это направленіе. Вмѣстѣ они учредили «Дружеское общество», къ которому примкнуло много вліятельныхъ масоновъ и которое, кромѣ изданія книгъ, брало на себя задачи воспитанія: въ молодомъ кружкѣ, который учился и работалъ подъ руководствомъ Дружескаго общества, были одно время Карамзинъ и рано умершій другъ его, А. А. Петровъ. Эта дѣятельность Новикова возбудила крайнюю подозрительность имп. Екатерины. По складу своего ума она не понимала ничего идеальнаго и мистическаго; кромѣ того ей не нравилась самостоятельная мысль и дѣятельность, ускользавшая отъ контроля; въ предпріятіяхъ Новикова она осуждала (серьезно или не серьезно) аферу, а главное—подозрѣвала политическіе замыслы, которыхъ не было. Предпріятія Новикова были уничтожены, имущество основанной имъ Типографической компаніи конфисковано, онъ самъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, изъ которой былъ освобожденъ лишь при вступленіи на престолъ имп. Павла. Къ кругу Новикова принадлежалъ въ Москвѣ писатель нѣсколько старшаго поколѣнія, М. М. Херасковъ (1733—1807), въ тѣ времена кураторъ московскаго университета. Это былъ плодовитый стихотворецъ, лирикъ, драматургъ и эпикъ. Знамениты были у современниковъ его поэмы «Россіада», воспѣвавшая завоеваніе Казани Іоанномъ Грознымъ, и «Владиміръ», изображавшая крещеніе Руси. Въ своихъ фантастико-историческихъ повѣстяхъ, какъ «Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ» (1768), онъ изображаетъ господство разума и добродѣтели въ идеальномъ государствѣ; защищая внутреннюю религію отъ ханжества, онъ сближается со взглядами масонства, къ которому впослѣдствіи присталъ. Это былъ лично достойный человѣкъ, немного простодушный любитель литературы, одобрявшій первые опыты Фонъ-Визина и Державина, а потомъ Карамзина и Жуковскаго. Тѣмъ же философско-нравоучительнымъ характеромъ отличается недавно изданное фантастическое «Путешествіе въ землю Офирскую» князя М. М. Щербатова (1733—90). Главнымъ трудомъ этого писателя была многотомная «Исторія Россійская», только недавно правильно оцѣненная: она написана тяжело, но, по признанію новѣйшей критики, была въ значительной мѣрѣ опорой для «Исторіи» Карамзина. Щербатовъ держался своеобразнаго взгляда: въ разсужденіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»,—изданномъ также только въ новѣйшее время,—онъ является противникомъ крутой реформы Петра, и ея излишествамъ приписываетъ поврежденіе нравовъ своего времени; но этотъ любитель благочестивой старины былъ также человѣкъ французскаго образованія и въ извѣстной мѣрѣ свободомыслящій. Въ «Путешествіи» онъ даетъ картину идеальнаго государства, которая была, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикой государства наличнаго: религія Офирской земли—деистическая; духовной касты нѣтъ; нравы—простые и строгіе, законъ свято соблюдается; императоръ не чуждается простыхъ людей и всегда можетъ знать объ истинномъ положеніи государства. Судьба, подобная судьбѣ Новикова, постигла другого оригинальнаго писателя той эпохи, А. Н. Радищева (1749—1802). Получивъ высшее образованіе за границей, въ лейпцигскомъ унив., Радищевъ былъ охваченъ тѣмъ разнообразнымъ броженіемъ, какое отличало европ. литературу конца вѣка. Въ своей книгѣ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790) онъ примѣнялъ къ русской жизни философскія идеи объ общественной справедливости, о человѣческомъ правѣ и достоинствѣ и т. п., и рядомъ съ теоретическими разсужденіями помѣстилъ рядъ картинъ изъ русскаго народнаго быта, гдѣ, между прочимъ, обличалъ ужасы крѣпостного права. Екатерина II, въ концѣ царство-

Библиотека "Руниверс"

ванія встревоженная событіями французской революціи, увидѣла въ книгѣ Радищева настоящую опасность для государства: онъ «хуже Франклина», писала она; она сравнивала его съ Пугачевымъ, сама занялась обличеніемъ его преступленій и передала его въ распоряженіе извѣстнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Шешковскаго, а затѣмъ суду. Судъ приговорилъ Радищева къ смертной казни, замѣненной ссылкой въ Сибирь. Возвращенный при имп. Павлѣ и снова поступивъ на службу при Александрѣ I, онъ сталъ опять опасаться преслѣдованія и отравился. Вступленіе на престолъ Александра I встрѣчено было съ величайшимъ энтузіазмомъ. Послѣ только что пережитыхъ тяжелыхъ послѣднихъ лѣтъ личность новаго императора, исполненнаго наилучшихъ намѣреній, подавала самыя широкія надежды. Дѣйствительно, первые годы принесли не мало правительственныхъ мѣръ, производившихъ отрадное впечатлѣніе на общество. Позже это впечатлѣніе нѣсколько охладѣло, но война двѣнадцатаго года и затѣмъ войны за освобожденіе Европы создали необычайное возбужденіе, которое различнымъ образомъ отразилось на литературѣ. Европейская реакція, наступившая послѣ вѣнскаго конгресса и установленія священнаго союза и отразившаяся у насъ господствомъ Аракчеева и обскурантовъ, опять подѣйствовала гнетущимъ образомъ, но прежнія патріотическія возбужденія въ извѣстномъ кругѣ общества еще успѣлись подъ впечатлѣніемъ либеральныхъ движеній въ Европѣ. Около 1820 г. въ русскомъ обществѣ, какъ никогда прежде, стали распространяться идеи западнаго либерализма, и такъ какъ онѣ не могли найти выраженія въ литературѣ и общественной дѣятельности, то стали искать пріюта въ тайныхъ обществахъ («Союзъ благоденствія»). Это возбужденіе отразилось потомъ въ первыхъ произведеніяхъ Пушкина.

На переходѣ отъ XVIII в. къ XIX-му самымъ крупнымъ лицомъ литературы былъ Н. М. Карамзинъ (1766—1826). Въ своей ранней молодости онъ провелъ нѣсколько лѣтъ подъ вліяніемъ «Дружескаго общества», гдѣ, въ дружбѣ съ упомянутымъ выше Петровымъ, пріобрѣлъ значительное литературное образованіе и интересовался нравственными вопросами. Сентиментальное направленіе было воспринято имъ какъ готовое внушеніе западной литературы. Задатки его давала уже мистическая философія круга Новикова: въ этой мистикѣ была наклонность къ деизму, къ угадыванію законовъ «натуры», къ самоуглубленію, къ внутренней жизни души. Затѣмъ открывалось обширное вліяніе западной литературы — Руссо и его послѣдователей французскихъ и нѣмецкихъ, англійскаго романа Ричардсона, юмора Стерна. Карамзинъ, по природѣ склонный къ чувствительности и меланхоліи, жадно воспринималъ эти вліянія. Первымъ крупнымъ произведеніемъ его были «Письма русскаго путешественника». Свое путешествіе онъ совершилъ въ 1789 — 90 г.; онъ проѣхалъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію и, живя въ Парижѣ, видѣлъ первыя волненія революціи. Тонъ «Путешествія» — сентиментальный, иногда съ легкой шуткой, во вкусѣ Стерна; авторъ съ увлеченіемъ описываетъ красоты природы, съ любознательностью присматривается къ нравамъ. Интересъ книги возвышался особенно разсказами о литературной жизни Европы. Карамзинъ считалъ долгомъ посѣщать знаменитыхъ писателей и въ первый разъ въ русской литературѣ давалъ живыя свѣдѣнія о дѣйствующихъ лицахъ европейскаго просвѣщенія. Не меньшій успѣхъ имѣли сентиментальныя повѣсти Карамзина, какъ знаменитая «Бѣдная Лиза», и повѣсти историческія, въ которыхъ проявляется уже сентиментальная риторика будущей «Исторіи». Конецъ вѣка въ западной литературѣ наполненъ былъ реакціей противъ сухой разсудочной философіи. Возникла потребность въ идеализмѣ, въ узаконеніи непосредственной жизни сердца, въ мечтательномъ общеніи съ «натурой»; простая дѣйствительность забывалась, и Карамзинъ, въ своихъ увлеченіяхъ, воображалъ себя «республиканцемъ»; на самомъ дѣлѣ въ общественныхъ и политическихъ вопросахъ онъ былъ въ полной мѣрѣ консерваторомъ. Онъ былъ самымъ даровитымъ представителемъ сентиментальнаго направленія и сталъ у насъ главою школы, гдѣ, рядомъ съ нимъ, ставятъ еще Дмитріева и Озерова. Было много второстепенныхъ писателей этого направленія: В. С. Подшиваловъ (1765 — 1813), питомецъ Дружескаго Общества; В. В. Измайловъ (1773—1830), поклонникъ Руссо, издатель «Вѣстника Европы» и «Россійскаго Музеума», гдѣ появлялись первыя стихотворенія Пушкина; кн. П. И. Шаликовъ (1768 — 1852), доводившій чувствительность до каррикатуры, дѣлавшей смѣшнымъ все направленіе; В. Л. Пушкинъ (1770—1830), дядя поэта, великій поклонникъ Карамзина, ломавшій за него копья противъ Шишкова, авторъ очень извѣстнаго въ свое время «Опаснаго сосѣда». Въ свое время очень цѣнили А. П. Бенецкаго (1780—1809), образованнаго, остроумнаго писателя и прекраснаго стилиста. А. Е. Измайловъ (1779—1831), сначала сентиментальный повѣствователь, извѣстенъ былъ потомъ какъ издатель журнала «Благонамѣренный» и какъ баснописецъ, не безъ остроумія, впрочемъ, грубоватаго. Старомодный поэтъ, кн. Ив. М. Долгорукій (1764—1823; «Бытіе сердца моего», «Капище моего сердца») былъ противникомъ сентиментальнаго направленія. Немалой заслугой Карамзина были его журналы («Московскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы») по разнообразію содержанія, въ которые онъ вносилъ и вопросы политическіе. Наконецъ, онъ совсѣмъ устранился отъ литературной дѣятельности, отдавшись новому труду, который составилъ его главную славу. Первые восемь томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», вышедшіе въ 1816 г., были рѣдкимъ событіемъ въ исторіи нашей литературы. Въ первый разъ русская исторія излагалась талантливымъ, уже знаменитымъ писателемъ, вооруженная многосторонними изслѣдованіями, но вмѣстѣ въ красивой, общедоступной формѣ, въ тонѣ національной гордости и съ сенти-

Библиотека "Руниверс"

ментальнымъ краснорѣчіемъ, которое должно было особенно дѣйствовать въ популярномъ чтеніи (въ цѣломъ «Исторія» доведена до 1611 г.; двѣнадцатый томъ ея, по смерти автора, былъ изданъ Блудовымъ). Успѣхъ книги былъ необычайный: «Исторія» была настоящимъ откровеніемъ для массы общества, которая не знала прежнихъ, нерѣдко тяжелыхъ изслѣдованій и всю постройку историческаго зданія приписывала одному Карамзину. Еще при жизни его, однако, началась критика (Арцыбашевъ, Полевой, Лелевель и др.), а молодой либеральный кругъ находилъ исторію слишкомъ консервативной и неправильно представлявшей происхожденіе русскаго государства. Нѣсколько позднѣе Н. Полевой издалъ нѣсколько томовъ «Исторіи русскаго народа», какъ-бы въ противовѣсъ точки зрѣнія Карамзина. Гораздо позже стала извѣстна «Записка о древней и новой Р.», важная для опредѣленія политическихъ взглядовъ Карамзина: онъ осуждаетъ реформу Петра Вел. и либеральныя начинанія имп. Александра I. Новѣйшая критика указала, въ какой большой степени Карамзинъ опирался на своихъ предшественниковъ: нѣмецкихъ, какъ Байеръ, Шлёцеръ, Стриттеръ, Миллеръ, и русскихъ, какъ Татищевъ, Болтинъ и особенно князь Щербатовъ. Карамзинъ имѣлъ большое значеніе и какъ преобразователь литературнаго языка. Здѣсь онъ встрѣтилъ ожесточеннаго противника въ адмиралѣ А. С. Шишковѣ (1754—1841). Этотъ авторъ «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» былъ великій приверженецъ «стараго», т. е. церковно-славянскаго слога. Онъ обвинялъ Карамзина и его послѣдователей въ порчѣ языка, въ нарушеніи завѣта отцовъ и даже въ недостаткѣ патріотизма, когда они хотѣли приблизить литературный языкъ къ разговорной рѣчи, избѣгали тяжелой славянщины, не пугались словъ иностранныхъ и стремились сообщить языку изящество и легкость. Нападенія Шишкова породили цѣлую литературу. Самъ Карамзинъ не мѣшался въ полемику, которую повели его приверженцы, въ особенности П. И. Макаровъ (1765—1804) и Д. В. Дашковъ (1788—1839). Отразить нападенія даже въ то время было не особенно трудно. Шишковъ предполагалъ, что церковно-славянскій и русскій—одинъ языкъ, и не понималъ, что языкъ необходимо измѣняется съ ходомъ исторіи и распространеніемъ новыхъ понятій. Партіи выдѣлились въ два кружка: «Бесѣды любителей русскаго слова» и россійской академіи, гдѣ Шишковъ былъ президентомъ и гдѣ исповѣдывалось его ученіе, и образовавшагося нѣсколько позднѣе «Арзамаса», гдѣ собралось новое поколѣніе писателей и предметомъ почитанія былъ Карамзинъ (участниками были Жуковскій, Батюшковъ, Дашковъ, А. Тургеневъ, Блудовъ, кн. Вяземскій и др., подъ конецъ и юный Пушкинъ). Споръ о старомъ и новомъ слогѣ былъ послѣдней стадіей въ установленіи независимости русскаго литературнаго языка: въ литературѣ послѣ-Петровской, которая впервые становилась свѣтскою, самъ собою возникалъ вопросъ о правѣ русскаго литературнаго языка и объ его отношеніяхъ къ церковно-славянскому. Рѣшеніе, въ первый разъ данное Ломоносовымъ, завершилось Карамзинымъ и его товарищами и получило фактическую силу въ произведеніяхъ новаго поколѣнія писателей: во главѣ его сталъ Пушкинъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, Шишковъ помирился съ Карамзинымъ: Россійская академія присудила послѣднему золотую медаль за его «Исторію». Архаизмъ Шишкова привлекалъ немногихъ; къ нему примыкали писатели стараго классическаго направленія и противники литературныхъ нововведеній. Таковы были, напр., кн. Д. П. Горчаковъ (1758—1824), извѣстный своими сатирами, Н. М. Шатровъ (1765—1841), кн. С. А. Ширинскій-Шахматовъ (въ монашествѣ Аникита, 1783—1837). Въ старомъ классическомъ складѣ писали сатирики А. Н. Нахимовъ (1782—1815) и М. В. Милоновъ (1792—1821); въ началѣ своей дѣятельности былъ послѣдователемъ Шишкова и противникомъ Карамзина и плодовитый драматургъ кн. А. А. Шаховской (1777—1846), впослѣдствіи обратившійся къ романтизму.

Школа Карамзина была недолговѣчна: стали бросаться въ глаза смѣшныя стороны чувствительности, не имѣвшей, притомъ, ни цѣннаго поэтическаго, ни общественнаго содержанія; а главное—въ поэзіи явились гораздо болѣе значительныя силы и съ болѣе жизненнымъ направленіемъ. Въ началѣ столѣтія открылась поэтическая дѣятельность В. А. Жуковскаго (1783—1852). Его первое литературное образованіе проходило въ Благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, который по своему воспитательному складу былъ продолженіемъ «Дружескаго общества». Въ университетѣ и пансіонѣ дѣйствовали еще личные друзья и послѣдователи Новикова (И. П. Тургеневъ—отецъ Николая и Александра Тургеневыхъ, М. М. Херасковъ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій и др.). Атмосфера была нравственно-философская и литературная; здѣсь образовались, отчасти по врожденнымъ наклонностямъ характера, отчасти по литературнымъ вліяніямъ, мечтательно-романтическіе вкусы, которымъ Жуковскій остался вѣренъ на всю жизнь. Его первыя стихотворенія, гдѣ онъ уже черпалъ изъ западно-европейской романтики, обратили на себя вниманіе тонкостью чувства и «сладостью стиха». Его имя стало знаменитымъ, когда въ двѣнадцатомъ году былъ написанъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», исполненный патріотическимъ одушевленіемъ. Современники не замѣчали странности формы, гдѣ русскіе воины являлись въ классическихъ вооруженіяхъ и въ романтическомъ освѣщеніи: классическая условность еще не была забыта, къ романтической начинали привыкать. «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» и другое подобное стихотвореніе изъ той же поры, а также стихотвореніе по поводу взятія Варшавы, были почти единственными отзывами поэзіи Жуковскаго на современную жизнь; она витала обыкновенно только въ мірѣ личнаго чувства, въ меланхолическихъ мечтахъ. Очень много поэтическаго труда Жуковскій положилъ на усвоеніе русской лите-

Библиотека "Руниверс"

ратурѣ западнаго романтизма. Подъ конецъ жизни онъ перевелъ Одиссею, по изготовленному для него нѣмецкому подстрочному переводу. Его поэзіи отвѣчалъ личный характеръ, мягкій и доброжелательный; нѣжное чувство привязывало его къ Пушкину, которому онъ оказывалъ немалыя услуги. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ за границей; религіозно-мистическое настроеніе сближало его съ Гоголемъ. Отъ новѣйшаго литературнаго круга онъ былъ далекъ. Въ ходѣ литературнаго развитія Жуковскій, кромѣ переводныхъ трудовъ, всегда изящныхъ и расширявшихъ горизонтъ русской поэзіи, имѣлъ еще заслугу высокаго пониманія существа поэзіи. Его опредѣленіе поэзіи отвѣчало всему его міровоззрѣнію; его религіозное чувство было всегда окрашено мистической мечтательностью; онъ сливалъ жизнь земную и загробную—тамъ откровеніе тайнъ, оттуда идутъ высокія внушенія. Поэзія «есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», и съ другой стороны «поэзія есть добродѣтель». Опредѣленіе было слишкомъ личное, но во всякомъ случаѣ ставившее поэзію въ самыя высокія сферы нравственной жизни. Младшимъ современникомъ Жуковскаго былъ К. Н. Батюшковъ (1787—1855), но его литературное поприще было прервано слишкомъ рано и печально душевной болѣзнью, въ которой онъ прожилъ послѣдніе десятки лѣтъ своей жизни. Это было живое и разнообразное дарованіе, не успѣвшее развиться до полной самобытности. Въ своей поэзіи онъ все еще находится въ зависимости отъ европейскихъ образцовъ, старыхъ и новыхъ; но онъ вдумывался въ чужую поэзію, самъ увлекался ею и то, что было бы раньше простымъ подражаніемъ, становилось его искреннимъ, иногда глубокимъ увлеченіемъ. Была у него особенность и въ выработкѣ стиха; здѣсь, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, онъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Пушкина. Болѣе свѣжая атмосфера общественной жизни въ царствованіе Александра I, хотя испорченная, позднѣе, возвратомъ реакціи, отозвалась бо́льшимъ оживленіемъ литературныхъ интересовъ. Въ это время составилъ свою славу И. А. Крыловъ (1768—1844). Онъ началъ свое литературное поприще еще во времена Екатерины комедіями и сатирическимъ журналомъ, средняго достоинства и успѣха, и лишь въ зрѣлые годы остановился на томъ родѣ, который именно отвѣчалъ его таланту. Частью онъ пересказывалъ традиціонные сюжеты басенъ, но много также написалъ оригинальныхъ и съ первыхъ шаговъ на этой дорогѣ превзошелъ своихъ предшественниковъ, Хемницера и Дмитріева. У него остается еще ложно-классическая манера, но вмѣстѣ съ тѣмъ много живого остроумія, знанія русскаго быта и языка. По общему складу міровоззрѣнія это былъ человѣкъ разсудка, довольно равнодушный къ волненіямъ жизни, какія совершались вокругъ него, недовѣрчивый къ увлеченіямъ, было ли ихъ предметомъ общественное благо, наука и т. п.; это была умѣренность, но и скептицизмъ, который въ концѣ концовъ не внушаетъ сочувствія. Другимъ весьма извѣстнымъ и почитаемымъ писателемъ того времени былъ Н. И. Гнѣдичъ (1784—1833), главнѣйшимъ трудомъ котораго былъ переводъ Иліады: онъ положилъ многіе годы на совершеніе этого труда, возбудившаго удивленіе современниковъ, — что указывало, между прочимъ, какъ еще мало было людей, способныхъ на серьезныя предпріятія подобнаго рода. Въ переводѣ Гнѣдича видна серьезная работа надъ Гомеромъ, но, по старому пристрастію къ ложно-классической высокопарности, Гнѣдичъ далъ слишкомъ много мѣста церковно-славянскимъ элементамъ языка, употребляя иногда слова совсѣмъ неизвѣстныя въ обычной рѣчи. Въ области драмы въ началѣ столѣтія прославленнымъ именемъ былъ В. А. Озеровъ (1770—1816): его трагедіи были подновленнымъ повтореніемъ ложно-классической трагедіи, съ бо́льшей легкостью стиха и искренностью чувства, а иногда и съ оттѣнкомъ новѣйшей чувствительности. Въ цѣломъ онѣ искусственны и натянуты; но публика того времени не знала лучшаго и трагедіи Озерова имѣли громадный успѣхъ, особливо «Дмитрій Донской», вызывавшій патріотическое одушевленіе. Кн. Вяземскій, великій почитатель Озерова, огорчался тѣмъ, что Озерова не любилъ Пушкинъ, котораго конечно отталкивала его напыщенная искусственность. Самъ кн. П. А. Вяземскій (1792—1878), родственникъ и другъ Карамзина, близко связанный съ литературными кругами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, поддерживавшій Н. А. Полевого въ первые годы изданія «Телеграфа», впослѣдствіи совершенно разошелся съ новымъ литературнымъ движеніемъ и не оставилъ прочныхъ слѣдовъ въ области поэзіи, хотя былъ плодовитымъ стихотворцемъ; въ свое время обратила на себя вниманіе только его книга о Фонъ-Визинѣ (1848), не потерявшая интереса и до сихъ поръ. При Александрѣ I-мъ долго не было ни одного яркаго дарованія, которое могло-бы овладѣть умами силою творчества. Такимъ дарованіемъ во второмъ десятилѣтіи вѣка явился совсѣмъ юный тогда Пушкинъ. Историческое значеніе А. С. Пушкина (1799—1837) опредѣляется тѣмъ, что онъ составляетъ центральное явленіе въ развитіи нашей новѣйшей литературы. Онъ тѣсно связанъ съ прошлымъ, но и завершаетъ его: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ первый, отъ кого идутъ корни послѣдующей литературы. Его сила была геніальная: на послѣднихъ Пушкинскихъ торжествахъ одинъ изъ ораторовъ, авторитетный (хотя иногда парадоксальный) историкъ, не безъ основанія сказалъ, что два историческихъ человѣка имѣли громадное вліяніе на развитіе русскаго общества—Петръ Вел. и Пушкинъ. Какъ у того, такъ у другого это вліяніе было глубокое и разностороннее. Прежде всего Пушкинъ, какъ никто изъ предшественниковъ, высоко ставилъ значеніе самой поэзіи: она создается только вдохновеніемъ, ей принадлежитъ царственная свобода, она не ищетъ одобреній и не боится хулы черни; она призвана создавать сладкіе звуки, но и жечь сердца людей. Этимъ создано было, въ принципѣ, самостоятельное значеніе художественнаго творчества, а затѣмъ и всей литературы,

Библиотека "Руниверс"

какъ выраженія свободной общественной мысли. Далѣе, это была избранная натура, но онъ былъ и представитель общества; требуя себѣ свободы во имя поэзіи, онъ требовалъ ея и въ смыслѣ общественномъ, во имя человѣческаго достоинства. Отсюда вражда и подозрѣніе, какія преслѣдовали его всю жизнь со стороны извѣстныхъ круговъ; отсюда великая любовь и слава, которыя встрѣтили его, еще юношу. Съ этими задатками геніальнаго дарованія, охватывавшаго громадный поэтическій горизонтъ, и съ свободой общественнаго чувства, Пушкинъ сталъ первымъ истинно-національнымъ поэтомъ. Въ сравненіи съ нимъ кажутся чрезвычайно тѣсными и односторонними всѣ прежніе опыты русской поэзіи, и даже впослѣдствіи никто изъ русскихъ поэтовъ не былъ способенъ къ этой великой многосторонности, которую Достоевскій называлъ всечеловѣчностью. Вліяніе Байрона было только преходящее; надъ нимъ возобладало спокойное поэтическое содержаніе, которое давало ему силу воссоздавать далекую и чуждую жизнь, съ ея нравами и настроеніемъ, и тѣмъ могущественнѣе изображать картины русской жизни, старой и современной, общественной и народной. Передъ нимъ блекнутъ всѣ предшествующіе опыты коснуться русской народности. Его барское воспитаніе тѣхъ временъ, не отъ него зависѣвшее, шло на французскомъ языкѣ и литературѣ, но впослѣдствіи онъ со страстью погружался въ народную поэзію, чтобы исправить недостатки своего «проклятаго» воспитанія. Русская жизнь была для него предметомъ постояннаго изученія, въ ея настоящемъ и прошломъ, въ языкѣ и обычаѣ; отсюда становились возможны блестящія и разнообразныя картины, отъ «Руслана и Людмилы», отъ «Русалки» и «Сказокъ» до «Вѣщаго Олега», «Бориса Годунова», «Капитанской дочки» и т. д. Съ другой стороны, ему были близки и его тревожили волненія современной жизни. Въ молодые годы его увлекаютъ мечты общественной и народной свободы, дружеская связь соединяетъ его съ вожаками либеральнаго движенія; позднѣе опыты личной жизни и событій охладили его, но и теперь онъ продолжаетъ искать путей для служенія общественному прогрессу, хочетъ быть не только поэтомъ, но и публицистомъ, и не забываетъ прежнихъ друзей, которымъ шлетъ привѣты «во глубины сибирскихъ рудъ»... Вліяніе Пушкина на дальнѣйшее развитіе литературы было весьма обширно, не столько, однако, въ непосредственныхъ, частныхъ воздѣйствіяхъ, сколько въ широкомъ общественно-поэтическомъ внушеніи. Его ближайшая школа, даже крупнѣйшія дарованія его круга, какъ Е. А. Баратынскій (1800—44) и Н. М. Языковъ (1803—46), не развили дальше его наслѣдія; баронъ А. А. Дельвигъ, К. Ѳ. Рылѣевъ кончили свое поприще раньше; Д. В. Веневитиновъ (1805—27) умеръ слишкомъ юнымъ и развивался независимо, какъ и кн. В. Ѳ. Одоевскій (1803—69). А. А. Бестужевъ-Марлинскій (1795—1837) увлекся въ крайности романтизма и на время имѣлъ большой успѣхъ, но затѣмъ былъ совершенно забытъ. Повидимому, великій примѣръ Пушкина мало подѣйствовалъ на ближайшихъ современниковъ; тѣмъ не менѣе только послѣ него расширилась область поэзіи, началось развитіе русской повѣсти (въ исторической драмѣ онъ остался непревзойденнымъ), установился созданный имъ стиль и языкъ. Когда потомъ являются новыя высокія созданья русской литературы, можно было видѣть, что почва для нихъ приготовлена была Пушкинымъ. Еще ранѣе, чѣмъ завершилась дѣятельность Пушкина, въ русской литературѣ прошелъ свое краткое поприще писатель отъ него независимый, который произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, но донынѣ какъ будто остался одинокимъ — А. С. Грибоѣдовъ (1795—1829). Онъ получилъ по тогдашнему серьезное образованіе (между прочимъ, его руководителемъ былъ проф. моск. унив., классикъ и эстетикъ Буле), рано поступилъ въ военную службу, гдѣ велъ взбалмошную жизнь, потомъ жилъ въ Петербургѣ, увлекался театромъ и театральнымъ міромъ; наконецъ, по службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ жилъ на Кавказѣ, съ пріѣздами въ Петербургъ, и, въ качествѣ русскаго посланника въ Персіи, былъ убитъ въ Тегеранѣ во время бунта персидской черни. Его литературное образованіе и вкусы сложились независимо отъ того, что̀ дѣлалось въ кругу Пушкина, хотя, конечно, были точки соприкосновенія; между прочимъ, Грибоѣдова занимали вопросы русской исторіи, къ которымъ кругъ Пушкина (не онъ самъ) былъ равнодушенъ. У Грибоѣдова была сильная наблюдательность, направленная именно на современное общество; онъ не остался равнодушенъ къ либеральному движенію двадцатыхъ годовъ. Это была живая, страстная натура, но способная и къ холодному, серьезному размышленію. Его комедія, знаменитое «Горе отъ ума», осталась въ ряду его произведеній единственнымъ, гдѣ сказался во всей силѣ его блестящій талантъ; она осталась единственной общественной сатирой, съ которой послѣ ничто не сравнялось въ русской драмѣ. Комедія вызывала весьма разнообразныя сужденія относительно ея художественнаго значенія и ея общественнаго смысла; ставились вопросы, отвѣчала ли она установленнымъ формуламъ комедіи или не сохранила ихъ и обращалась въ сатиру, куда направлялись общественные идеалы писателя, какъ мирился въ немъ либерализмъ съ пристрастіями къ старинѣ. Относительно перваго критика примирилась съ нарушеніемъ драматическаго формализма ради широкой картины нравовъ; относительно второго она убѣждалась, что къ Грибоѣдову нельзя было-бы примѣнять тѣхъ общественныхъ теорій, какія сложились впослѣдствіи (въ видѣ «славянофильства» или «западничества»); его общественные идеалы—какъ это было и въ кругу такъ наз. декабристовъ — были тѣмъ броженіемъ общественной мысли, которое только нѣсколько позднѣе развилось въ болѣе опредѣленныя частныя направленія. Еще на глазахъ Пушкина развилась великая литературная сила, которой вскорѣ суждено было возымѣть въ литературѣ обширное вліяніе. Это

Библиотека "Руниверс"

былъ Н. В. Гоголь (1809—1852). Чистый малороссъ по происхожденію, проведшій юность подъ впечатлѣніями малорусской среды, мелкопомѣстной дворянской и сельской народной, онъ началъ «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки», которые сразу доставили ему извѣстность невиданной оригинальностью разсказа и шутливаго юмора. Поселившись въ Петербургѣ, гдѣ онъ вскорѣ попалъ въ кружокъ Пушкина и испыталъ вліяніе личности великаго поэта, Гоголь сильно расширилъ и углубилъ содержаніе своихъ жизненныхъ наблюденій: «Вечера» были какъ будто только игрой своеобразнаго дарованія, въ послѣдующихъ его произведеніяхъ чувствуется высокій подъемъ художественныхъ и общественныхъ замысловъ. Таковы были его такъ называемыя петербургскія повѣсти и рядъ драматическихъ пьесъ, съ «Ревизоромъ» во главѣ. Эта комедія произвела чрезвычайное впечатлѣніе, съ которымъ могло равняться только впечатлѣніе «Горя отъ ума» (которое, впрочемъ, долго не могло завоевать себѣ мѣсто на сценѣ и въ полномъ текстѣ стало извѣстно только около шестидесятыхъ годовъ). Разница двухъ комедій—въ томъ, что Грибѣдовъ изображалъ пустоту высшаго круга общества и отсутствіе идеаловъ, а Гоголь взялъ прямо реальную жизнь, въ ея далекихъ, невидныхъ захолустьяхъ, и указалъ на ней глубокую внутреннюю порчу нравовъ и управленія, восходившую, очевидно, и до высшихъ слоевъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изобразилъ эту мелкую жизнь съ глубиной психологическаго анализа, такъ что въ цѣломъ комедія, построенная на фактѣ провинціальнаго простодушія, получала для внимательнаго наблюдателя настоящій трагическій смыслъ. Рядомъ съ этимъ производили сильное впечатлѣніе повѣсти Гоголя («Портретъ», «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій», «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Шинель», «Носъ», «Коляска»). Эти разнообразные сюжеты, шутливые, историческіе, народно-фантастическіе, нравоописательные, свидѣтельствовали о великомъ разнообразіи таланта и широкой наблюдательности, а вмѣстѣ затрогивали общественные вопросы и нравственное чувство въ такой мѣрѣ, какъ этого еще не бывало въ нашей литературѣ. Наконецъ, самымъ сильнымъ изъ произведеній Гоголя были «Мертвыя Души». Но въ самомъ расцвѣтѣ таланта Гоголя его стало подтачивать мистическое настроеніе. Корни этого настроенія лежали въ Гоголѣ издавна и не были выяснены широкимъ образованіемъ, какого Гоголь не имѣлъ; оно усиливалось физической болѣзненностью, а также и самомнѣніемъ. Въ школѣ Пушкина у Гоголя развилось возвышенное представленіе объ искусствѣ; теперь понятіе его о служеніи искусству приняло религіозно-мистическій характеръ. Представленіе о «пророкѣ», какъ жрецѣ искусства, стало у Гоголя представленіемъ о художникѣ-аскетѣ; дѣйствіе искусства становилось дѣломъ душевнаго спасенія. Это настроеніе, замѣтное уже въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ», развилось въ особенности въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Гоголь увѣрился, что его художественное призваніе есть именно душеспасительное, и не усумнился издать наполненную его новыми мыслями книгу: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Книга привела его поклонниковъ въ ужасъ и негодованіе. Гоголь порицалъ въ ней прежнія произведенія, создавшія его славу, отвергалъ ихъ дѣйствіе, которое одно и было его исторической заслугой. Второй томъ «Мертвыхъ Душъ», написанный въ этомъ новомъ настроеніи и изданный уже послѣ смерти Гоголя, свидѣтельствуетъ объ упадкѣ таланта, подавленнаго мистико-нравоучительной тенденціей. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Гоголю принадлежитъ созданіе новѣйшей русской литературы. Пушкинъ положилъ ея первую основу—идею свободной дѣятельности искусства, составляющей независимое проявленіе высшихъ силъ человѣческаго духа, и вмѣстѣ идею нравственнаго долга, лежащаго на литературѣ. Это содержаніе Пушкинъ выразилъ и подкрѣпилъ рядомъ геніальныхъ поэтическихъ произведеній. Къ этому общему содержанію Гоголь присоединилъ изображеніе русской дѣйствительности, исполненное первостепеннаго художественнаго реализма, глубокой психологической наблюдательности и юмора, вызванное полусознаваемымъ чувствомъ упомянутаго общественнаго долга литературы и вызвавшее въ обществѣ самыя одушевленныя сочувствія. Это было то, чего давно жаждало русское общество; сочиненія Гоголя, поражавшія своимъ художественнымъ богатствомъ, стали съ тѣмъ вмѣстѣ могущественнымъ орудіемъ общественнаго сознанія. Результаты дѣятельности Пушкина усвоены были въ общемъ художественномъ подъемѣ, въ усовершенствованіи формы и стиля; произведенія Гоголя возбудили общественное чувство, расширили литературное изображеніе на всѣ слои общества — и это изображеніе руководилось уже не одними художественными интересами, но и чувствомъ общественной правды и человѣчности. Со временъ Гоголя русская повѣсть и романъ развились до господствующаго положенія: на его основѣ съ конца сороковыхъ годовъ дѣйствовала плеяда тѣхъ новѣйшихъ писателей, которымъ принадлежитъ окончательное установленіе русской литературы, занявшей въ наше время почетное мѣсто въ международной литературѣ европейской. Первые начатки русской повѣсти, какъ выше указано, восходятъ ко временамъ до-Петровскимъ; конецъ XVII и первая половина XVIII в. представляютъ массу переводныхъ повѣстей, составившихъ переходъ отъ старой «письменности» къ новѣйшей печатной литературѣ; большая масса переводныхъ романовъ идетъ съ шестидесятыхъ годовъ XVIII стол. и ихъ количество указываетъ, какъ выросла въ обществѣ любовь къ этой литературѣ, затрогивавшей (хотя еще въ слабой степени) дѣйствительную жизнь и особенно жизнь чувства. Въ концѣ вѣка появляются оригинальные русскіе опыты: Карамзинъ даетъ повѣсть сентиментальную и начатки повѣсти исторической; пе-

Библиотека "Руниверс"

редъ тѣмъ въ другой формѣ — напримѣръ въ мелкихъ разсказахъ сатирическихъ журналовъ, въ сатирическихъ поэмахъ, комедіяхъ и комическихъ операхъ, въ «Путешествіи» Радищева — затрогиваются черты народнаго быта, которымъ, впрочемъ, еще долго не привелось получить болѣе прочное мѣсто въ литературѣ; въ формѣ повѣстей изъ древняго міра или странъ фантастическихъ (въ формѣ, прямо заимствованной изъ западной литературы) дѣлаются намеки на современный строй общества, какъ у Хераскова или кн. Щербатова. Сентиментальная повѣсть Карамзина имѣла подражателей, но не надолго: слащавая ея неестественность слишкомъ бросалась въ глаза. Ее смѣнили романтическія поэмы, а затѣмъ романтическія повѣсти: романтическихъ повѣствователей было очень много; наиболѣе извѣстными именами были здѣсь Н. А. Полевой и Бестужевъ-Марлинскій. Опыты нравоописанія давали повѣсти Булгарина (надъ которыми смѣялся Пушкинъ), Бѣгичева, Калашникова, Погодина. Съ конца шестидесятыхъ годовъ въ историческомъ романѣ сталъ образцомъ популярный въ всей Европѣ Вальтеръ-Скоттъ: громадный успѣхъ имѣлъ написанный по этому образцу «Юрій Милославскій» Загоскина, гдѣ, впрочемъ, прибавилась еще историческая сентиментальность Карамзина; другіе романы Загоскина были слабѣе. Не лишены достоинствъ историческія повѣсти Полевого. Особнякомъ стояли повѣсти кн. В. Ѳ. Одоевскаго, отчасти изъ аристократическаго быта, отчасти фантастическія во вкусѣ Гофмана. Повѣсти Пушкина давали высокіе художественные образцы, но остались безъ особеннаго дѣйствія въ смыслѣ общественномъ; рѣшительное вліяніе возымѣли здѣсь произведенія Гоголя. Въ дальнѣйшемъ развитіи русской повѣсти и вообще всей новой литературы дѣйствовали, кромѣ этихъ общихъ основъ, еще другіе элементы, если не совершенно новые, то не достигавшіе раньше той степени вліянія, съ какою мы встрѣчаемъ ихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Это было, прежде всего, значительное расширеніе научныхъ интересовъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ впервые окрѣпла внутренняя жизнь университетовъ, съ притокомъ новыхъ силъ въ лицѣ новаго поколѣнія профессоровъ, довершившихъ свое научное воспитаніе за границей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ европейской науки. Здѣсь было начало дѣятельности такихъ профессоровъ какъ Грановскій (наиболѣе типичный представитель этого научно-гуманитарнаго направленія), Рѣдкинъ, Крюковъ, нѣсколько позднѣе Кудрявцевъ и др. Независимо отъ этого оживленія университетской науки, и даже ранѣе, открылось сильное вліяніе нѣмецкой философіи, которая, особливо въ ученіяхъ Шеллинга и Гегеля, сильно увлекала наиболѣе живые и возбужденные умы молодыхъ поколѣній и была своего рода школой: она впервые ставила въ русскомъ обществѣ общій вопросъ о философскомъ опредѣленіи цѣлаго міросозерцанія, обнимавшаго идеи нравственныя, общественныя, художественныя и становившагося сознательнымъ руководствомъ въ жизни личной и общественной. Чрезвычайно характерно, что Пушкинъ, достигшій своего возвышеннаго представленія объ искусствѣ силою своего геніальнаго инстинкта, сочувственно встрѣтился съ тѣми же представленіями, которыя у молодыхъ любителей философіи построены были путемъ теоретическихъ изученій. Таковъ былъ сначала философскій кружокъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго и Д. В. Веневитинова, потомъ, въ тридцатыхъ годахъ, кружокъ Н. В. Станкевича, непосредственнымъ питомцемъ котораго былъ знаменитый В. Г. Бѣлинскій, въ своей критикѣ (1834—1848) первый сознательный и восторженный истолкователь Пушкина и Гоголя. Изъ философскихъ основаній вышло, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, и обособленіе двухъ главныхъ литературныхъ лагерей того времени, такъ называемыхъ западниковъ и славянофиловъ (съ одной стороны Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій, В. П. Боткинъ, И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ и др., съ другой А. С. Хомяковъ, И. В. и П. В. Кирѣевскіе, К. С. и позднѣе И. С. Аксаковы, косвенно М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ и др.). Различіе между ними заключалось въ самыхъ основныхъ нравственныхъ идеяхъ, которыя, впрочемъ (какъ, напримѣръ, церковныя идеи славянофиловъ), не могли быть въ то время высказаны съ нѣкоторой ясностью, — но въ литературѣ выразилось, хотя опять неполно, въ тѣхъ вопросахъ, какіе были ей доступны, именно философско-историческихъ. Славянофилы извлекли изъ философскихъ теорій представленіе объ историческомъ предназначеніи русскаго народа и видѣли законъ его исторической жизни въ свободномъ и безпримѣсномъ развитіи національныхъ данныхъ: реформа Петра являлась нарушеніемъ этого нормальнаго развитія, порчею русской исторіи, измѣною русской народности. Ихъ противники думали какъ разъ наоборотъ: отрицая мистическое предназначеніе, они полагали, что народъ развивается исторіей, и реформу Петра считали великимъ актомъ въ русской исторіи, хотя, быть можетъ, и тяжелымъ, но неизбѣжнымъ и въ результатахъ благотворнымъ выходомъ русскаго народа изъ патріархальнаго быта на широкое общечеловѣческое поприще. Въ высшей степени важнымъ пріобрѣтеніемъ этого философско-литературнаго спора было стремленіе выяснить историческую судьбу народа. Отсюда естественно вытекала мысль о настоящемъ положеніи народа и, при философской постановкѣ вопросовъ нравственныхъ, естественно развивалась, хотя въ то время, по внѣшнимъ условіямъ литературы, умалчивалась въ печати, мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, одинаково горячо принимаемая обоими враждующими литературными лагерями. Эти два круга представляли цвѣтъ русской общественной мысли того времени, высоко стоявшей надъ уровнемъ большинства.... Интересъ къ народу и народности развивался и независимо отъ указанныхъ литературныхъ теченій, какъ продолженіе того естественнаго, инстинктивнаго чувства къ своему народному, какое ска-

Библиотека "Руниверс"

зывалось уже въ восемнадцатомъ вѣкѣ среди ученическаго преклоненія передъ ложнымъ классицизмомъ, отвергавшимъ народное, какъ вульгарное. Съ конца XVIII в. этотъ интересъ продолжалъ развиваться и въ XIX-мъ получилъ сильную опору съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, въ художественной реставраціи, которая была узаконена Пушкинымъ и частью Гоголемъ (въ малороссійскихъ повѣстяхъ), во-вторыхъ—въ успѣхахъ научной этнографіи. Въ этой послѣдней сошлись разныя теченія: прежній непосредственный интересъ; новыя открытія, напр. «Слова о Полку Игоревѣ», потомъ «древнихъ россійскихъ стихотвореній» Кирши Данилова; вмѣшательство научныхъ изслѣдованій; наконецъ, сознательный интересъ къ судьбамъ народа, и въ упомянутомъ философско-историческомъ смыслѣ, и въ смыслѣ чисто-общественномъ. Этнографическая любознательность, даже инстинктивная, мало освѣщенная научнымъ пониманіемъ (какъ напримѣръ въ трудахъ И. П. Сахарова). находила сочувствіе и въ людяхъ болѣе вооруженныхъ въ научномъ отношеніи. Въ концѣ концовъ явилась потребность поставить сознательно и научно изслѣдованія народа и народнаго быта. Въ 1845 г. выраженіемъ этой потребности стало основаніе Русскаго Географическаго Общества. Почти одновременно съ этимъ начинается обильная и плодотворная дѣятельность цѣлаго рода замѣчательныхъ ученыхъ, историковъ, этнографовъ, археологовъ, наконецъ беллетристовъ — описателей народнаго быта. С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ, Ѳ. И. Буслаевъ, А. Н. Аѳанасьевъ, М. А. Максимовичъ, И. И. Срезневскій, И. Е. Забѣлинъ, Н. И. Костомаровъ, В. И. Даль и много другихъ усердныхъ работниковъ на этомъ поприщѣ положили много труда на то, чтобы раскрыть прошедшія судьбы народной жизни и современное богатство народнаго преданія и поэзіи, оставшееся наслѣдіемъ отъ древнихъ вѣковъ народной мысли и фантазіи, изслѣдовать народный обычай, въ которомъ сохранились не только слѣды древняго народнаго быта, но и практическій бытовой смыслъ и т. д. Ревностное изученіе было не только холоднымъ научнымъ разъясненіемъ предмета; оно внушалось любящимъ гуманнымъ чувствомъ, и само его внушало. Въ тѣже годы, когда организовалось въ Географическомъ Обществѣ изученіе народной жизни. основано было, особливо трудами князя В. Ѳ. Одоевскаго, общество посѣщенія бѣдныхъ, общественный смыслъ котораго выражался его названіемъ... Такими интересами наполнялось общественное настроеніе, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какія внѣшнимъ образомъ подавляли литературу. Естественно, что присоединилось. наконецъ, вліяніе литературы европейской. Эта давняя стихія нашего литературнаго развитія дѣйствовала теперь въ новомъ направленіи; изъ разнообразныхъ теченій литературы европейской наша литература выбирала тѣ, которыя отвѣчали возникавшимъ въ ея собственной средѣ стремленіямъ и надеждамъ. Теперь эту роль играла литература, одушевляемая вопросами общественнаго характера и въ частности соціализмомъ. Въ тридцатыхъ годахъ такъ наз соціализмъ привлекалъ уже молодыя поколѣнія: имъ увлекался Герценъ, и это было рѣзкое различіе его тогдашняго кружка съ кружкомъ Станкевича и Бѣлинскаго, которые въ то время увлекались метафизическими вопросами по Гегелю, что въ общественномъ смыслѣ дѣлало ихъ консервативными и прямо равнодушными къ вопросу соціальному. Одно время занятъ былъ соціализмомъ и В. П. Боткинъ, потомъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Бѣлинскаго. Впослѣдствіи упомянутое разногласіе между Герценомъ и Бѣлинскимъ совершенно изгладилось: послѣдній отвергъ свою прежнюю точку зрѣнія, какъ грубое заблужденіе, съ обычною горячностью увлекся именно общественными вопросами и въ литературѣ искалъ орудія для нравственнаго воздѣйствія на общество въ соціальномъ смыслѣ. Въ послѣдніе годы жизни его интересовали писатели французскаго соціализма; съ другой стороны, онъ сталъ относиться менѣе враждебно къ московскимъ славянофиламъ, у которыхъ въ извѣстной мѣрѣ могли быть ему сочувственны указанія на идею народнаго права и достоинства. Уже изъ этого понятно, что «соціализмъ» сороковыхъ годовъ вовсе не былъ тѣмъ страшнымъ разрушительнымъ ученіемъ, какимъ считали его, напримѣръ, во время процесса Петрашевскаго и какимъ многіе считали его еще десятки лѣтъ спустя. Это была извѣстная форма идеализма, направленнаго на улучшеніе общественныхъ отношеній, несомнѣнно въ улучшеніи нуждавшихся: на первомъ планѣ стояли мечты объ освобожденіи крестьянъ. Это настроеніе молодыхъ образованныхъ поколѣній именно и объясняетъ, почему въ концѣ пятидесятыхъ годовъ первое заявленіе о крестьянской реформѣ встрѣчено было въ лучшей части общества съ такимъ энтузіазмомъ и почему для великаго и труднаго дѣла тотчасъ нашлось столько ревностныхъ и искреннихъ исполнителей. Въ западной литературѣ, кромѣ теоретиковъ соціализма, въ томъ же направленіи дѣйствовала обширная область романа и драмы: великой популярностью пользовались тогда романы Евгенія Сю, Жоржъ Занда, Диккенса, въ которыхъ высказалось общественное броженіе, искавшее новыхъ формъ соціальныхъ отношеній. Все это отразилось на развитіи русской повѣсти послѣ Пушкина и Гоголя. Ея господствующей чертой является, во-первыхъ, глубокій реализмъ, выработанный, на основѣ Пушкина и Гоголя, собственными силами русскихъ писателей и впослѣдствіи произведшій такое сильное впечатлѣніе въ литературѣ европейской, когда, наконецъ, она познакомилась съ писателями новѣйшаго періода нашей литературы. Во-вторыхъ, это былъ психологическій анализъ, разлагавшій, между прочимъ, ту сложную, раздвоенную внутреннюю жизнь, какая создавалась идеальными запросами и невозможностью найти для нихъ мѣсто въ суровой, часто мрачной дѣйствительности. Нѣкогда образчикъ этого раздвоенія изобразилъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»; теперь непримиримый разладъ идеала и дѣйствительности изображала вся могущественная поэзія

Библиотека "Руниверс"

Лермонтова, которая внесла въ русскую повѣсть и романъ долю сильнаго, до сихъ поръ не вполнѣ выясненнаго вліянія. Наконецъ, третью, опять широко распространившуюся, почти господствующую черту новѣйшей повѣсти составило ея направленіе общественное: стремленіе вникнуть въ судьбу той обездоленной части общества и цѣлаго народа, которая несетъ на себѣ непосильную тяжесть ненормальныхъ общественныхъ отношеній. Какъ ни велики были завѣты, оставленные Пушкинымъ и Гоголемъ, новая литература приносила черты содержанія имъ неизвѣстныя; напримѣръ, Гоголь, въ одиночествѣ своего тѣснаго круга и личной замкнутости, остался совершенно чуждъ тому возбужденію, какое господствовало среди лучшихъ людей сороковыхъ годовъ. Его преемники, подъ всѣми упомянутыми вліяніями, создавали ту новую повѣсть, которая за послѣднее время создала славу русской литературы и въ которой чисто русское содержаніе пріобрѣтало высоту общечеловѣческаго значенія. Эти сложныя возбужденія тридцатыхъ и особливо сороковыхъ годовъ принесли съ собою то высоконравственное настроеніе, простоту и правдивость, какимъ удивлялась потомъ западноевропейская критика. Русская повѣсть еще недостаточно изслѣдована въ этихъ ея источникахъ, но ихъ разнообразіе, воспринятое и развитое богатствомъ личныхъ талантовъ, дало ей разнообразное и глубокочеловѣчное содержаніе. «Записки Охотника» Тургенева, первыя произведенія Григоровича, Достоевскаго, Писемскаго, Некрасова, Салтыкова, затѣмъ послѣдующая литература разсказовъ изъ народной жизни, были результатомъ этого новаго возбужденія: нерѣдко здѣсь явно слышится вліяніе Гоголя (какъ напримѣръ въ «Бѣдныхъ людяхъ» отразилась «Шинель»), мечты объ освобожденіи крестьянъ («Записки Охотника», которыя съ сочувствіемъ были привѣтствуемы и славянофилами; «Деревня» и «Антонъ Горемыка»), «сельская идиллія» Жоржа Занда («Рыбаки» Григоровича), отголоски соціалистическаго романа (у Достоевскаго), проявленія народно-поэтическихъ элементовъ («Пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ» Лермонтова, поэзія Кольцова), изображенія внутренняго нравственнаго разлада, отражавшаго и разладъ общественный («лишніе люди» у Тургенева и другихъ, какъ продолженіе Онѣгина и Печорина) и т. д. Какъ выше замѣчено, внѣшнія условія литературы были тягостны, и это нерѣдко отзывалось болѣе или менѣе жестоко на личной судьбѣ писателей (осужденіе Достоевскаго и Плещеева, ссылка Салтыкова, эмиграція Герцена, арестъ и ссылка Тургенева, постоянныя цензурныя притѣсненія)—но это не уменьшало силы движенія, и дѣло литературы оставалось священнымъ нравственнымъ долгомъ. Въ этомъ внутреннемъ одушевленіи былъ источникъ той простоты, задушевности и человѣчной вдумчивости, которыя потомъ удивляли европейскихъ читателей. Когда въ наше время французскіе критики, недовольные успѣхомъ русской литературы во Франціи, утверждали, что эта литература (Тургеневъ, Достоевскій, Григоровичъ и т. д.) сама воспиталась на французскихъ идеяхъ и образцахъ, то въ этой вспышкѣ національнаго самолюбія была доля правды—но только доля. Изъ французской литературы дѣйствовали у насъ общественныя идеи, но и это вліяніе было уже второстепеннымъ факторомъ, потому что основное въ этомъ направленіи было самостоятельно создано въ произведеніяхъ Гоголя и подкрѣплено общимъ подъемомъ общественной мысли. Въ литературной формѣ русская повѣсть, при всемъ интересѣ къ повѣсти западной, осталась самобытна. Отъ ошибокъ и преувеличеній романтической школы предохранилъ здоровый реализмъ, основанный Пушкинымъ и Гоголемъ. Изображенія народной среды никогда не достигали у европейскихъ писателей той выразительности и простоты, которыя такъ легко давались русскимъ писателямъ. Не смотря на весь гнетъ крѣпостного права и чиновническаго самоуправства, они не оставили въ общемъ тонѣ жизни того осадка пренебреженія къ народу и мѣщанской мелочности, какой въ западной жизни, при всемъ развитіи новѣйшей демократіи, до сихъ поръ уцѣлѣлъ отъ средневѣковаго феодализма и питается современнымъ господствомъ буржуазіи. Сила русской повѣсти и романа была выработана собственнымъ трудомъ общественнаго сознанія, волненіями нравственнаго чувства и искреннимъ стремленіемъ къ общественному благу въ единеніи съ народомъ. Отсутствіе политической жизни заставляло сосредоточиваться, и здѣсь была основа сильнаго художественнаго и общественнаго дѣйствія. Въ большой мѣрѣ именно вліяніямъ литературы была обязана своимъ успѣхомъ «эпоха великихъ реформъ».

Литература. Общія сочиненія. Начатки литературной исторіи, списки писателей. Johannis Petri Kohlii, «Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum» (Альтона, 1729); Backmeister, «Russische Bibliothek» (Рига и Лпц., 1772—87); «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русс. писателяхъ», Дмитревскаго (изд. по-нѣмецки въ Лейпцигѣ, по-французски въ Ливорно въ 1771 г. и т. д., а также въ книгѣ П. Ефремова: «Матеріалы для исторіи русс. литературы», СПб., 1867); «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» Ник. Новикова (СПб., 1772; перепечатанъ въ «Матеріалахъ» Ефремова); епископъ Дамаскинъ (1737—1795), «Краткое описаніе россійской ученой исторіи» (издано въ I т. «Исторіи Росс. Академіи», М. Сухомлинова) и «Библіотека россійская или свѣдѣнія о всѣхъ книгахъ, въ Р. съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ»; Шторхъ и Ф. Аделунгъ, «Систематическое обозрѣніе литературы въ Р. въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806» (СПб., 1810); В. В. Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи» (СПб., 1783—1821); «Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки Смирдина» (СПб., 1828; 4 прибавленія, СПб., 1829 — 56); Н. Гречъ, «Опытъ исторіи русской литературы» (СПб., 1822) и, въ передѣланномъ видѣ: «Учебная книга русской словесности» (СПб., 1830); митрополитъ Евгеній, «Словарь историч. о бывшихъ въ Р.

Библиотека "Руниверс"

писателяхъ духовнаго чина» (1818; 2 изд., СПб., 1827); его же, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, отечественныхъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Р.» (1838; 2 изд., М., 1845); М. А. Максимовичъ, «Исторія древней русс. словесности» (кн. I, Кіевъ, 1839); А. В. Никитенко, «Опытъ исторіи русской литературы» (кн. I, введеніе, СПб., 1845); В. Г. Бѣлинскій, «Сочиненія» (въ статьяхъ о Пушкинѣ установлена исторія новой русской литературы съ художественной точки зрѣнія); А. П. Милюковъ, «Очеркъ исторіи русской поэзіи» (СПб., 1847; 3 изд., 1864); С. П. Шевыревъ, «Исторія русской словесности преимущественно древней» (М., 1858—1860); А. Д. Галаховъ, «Исторія русской словесности древней и новой» (СПб., 1863 — 68 и 1875, со включеніемъ статей А. Н. Веселовскаго, А. И. Кирпичникова, О. Ѳ. Миллера и П. О. Морозова по древней литературѣ); Ор. Ѳ. Миллеръ, «Опытъ историческаго обозрѣнія русс. словесности съ хрестоматіею, расположенною по эпохамъ» (2 изд., СПб., 1865—66); И. Порфирьевъ, «Исторія русс. словесности» (ч. I: «Древній періодъ», 5 изд., Казань, 1891; ч. II: «Новый періодъ», отд. I, изд. 2, 1896; отд. II, изд. 2, 1888; отд. III, 1891); П. В. Владиміровъ, «Введеніе въ исторію русс. словесности» (Кіевъ, 1896); А. Н. Пыпинъ, «Исторія русс. литературы» (СПб., 1898—99); арх. Филаретъ, «Обзоръ русс. духовной литературы» (I, 862—1720, II, 1720—1858, Харьковъ, 1873; изд. 3, СПб., 1884); Г. Геннади, «Справочный словарь о русс. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX стол.» (т. I, А—Е, Берл., 1876; т. II, Ж—М; съ дополн. Н. Собко, 1880); С. А. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь русс. писателей и ученыхъ» (СПб., 1886 — 98; вышло 5 т. А, Б, В); кн. Н. Н. Голицынъ, «Библіографическій словарь русс. писательницъ» (СПб. 1889). Библіографическія пособія: В. И. Межовъ, «Исторія русск. и всеобщей словесности. Библіографическіе матеріалы, съ 1855—70 г.» (СПб., 1872); его же, «Русская историческая библіографія за 1865 — 1876 г.»; А. Н. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русс. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.» (СПб., 1875); его же, «Указатель къ русс. повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 г. и къ историческому розысканію о немъ» (СПб., 1898); Н. В. Губерти, «Матеріалы для русс. библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русс. книгъ XVIII стол.» (3 вып., изъ «Чтеній моск. Общ. ист. и древн. росс.», М., 1878 — 1891); С. А. Венгеровъ, «Русская поэзія. Собраніе произведеній русс. поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями и библіографическими примѣчаніями и портретами» (вышелъ I т., СПб., 1898, XVIII вѣкъ); его же, «Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ» (СПб., 1896—1899, 3 т., А—Б). Описанія рукописей: древнѣйшее обстоятельное описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ XV в. издано Н. К. Никольскимъ: «Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря XV в.» (СПб., 1897, изданіе Общества любителей древней письменности). Новѣйшія ученыя описанія: собранія гр. Ѳ. А. Толстого (составлено К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ, 1825—27); «собранія Царскаго и Библіотеки моск. общ. исторіи и древн., Строева»; А. Х. Востоковъ, «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музея» (СПб., 1842); А. В. Горскій и К. И. Неустроевъ, «Описаніе рукописей синодальной библіотеки» (М., 1855—1869); Викторовъ, «Славяно-русс. рукописи В. М. Ундольскаго» (М., 1870); Андрей Поповъ, «Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печатной библіотеки А. И. Хлудова» (М., 1872; первое прибавленіе, 1875); Н. Петровъ, «Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи» (Кіевъ, 1875—1879); Арсеній. «Описаніе рукописей Троицко-Сергіевой Лавры» («Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Росс.», 1878 и 1879); «Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря» (Казань, 1881 — 1886); Ф. Добрянскій, «Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки» (Вильна, 1882); Н. Барсуковъ, «Рукописи археографической коммиссіи» (СПб., 1882); А. Ѳ. Бычковъ, «Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. публичной библіотеки» (СПб., 1882); А. Викторовъ, «Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Р.» (СПб., 1890); М. Сперанскій, «Рукописи тверского музея» (М., 1890); П. Строевъ, «Описаніе рукописей монастырей Богоявленскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго» (СПб., 1891; изд. общества любителей древней письменности); Лопаревъ, «Описаніе рукописей Имп. общества любителей древней письменности» (I—II, СПб., 1891 — 93); А. Титовъ, «Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. Вахрамѣеву» (1888—1892); А. Родосскій, «Описаніе 432-хъ рукописей спб. духовной академіи» (СПб., 1893); А. Титовъ, «Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. Титова» (СПб., 1893); А. И. Яцимирскій, «Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина» (М., 1896); арх. Леонидъ, «Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова» (М., 1893—94). Литература переводная. *а) Св. Писаніе.* Полнаго перевода Библіи на Руси до XV в. не существовало; переведены были только избранныя мѣста, употреблявшіяся при богослуженіи. Это разъяснено А. Горскимъ и К. И. Неустроевымъ въ «Описаніи Синодальной библіотеки». См. еще Вяч. Срезневскій, Древній славянскій переводъ Псалтири» (СПб., 1877); Гр. Воскресенскій, «О переводѣ Апостола» (Москва, 1879); «О переводѣ Евангелія» (въ «Трудахъ VI археол. съѣзда», Одесса, 1886); «О Евангеліи отъ Марка» (Сергіевъ Посадъ, 1894; въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист.- и Др.», 1896); Ив. Рождественскій, «О книгѣ Эсѳирь» (СПб., 1885); Вас. Лебедевъ, «О книгѣ Іисуса Навина» (СПб., 1890); Ив. Евсѣевъ, «О книгѣ прор. Исаіи» (СПб., 1897); П. В. Владиміровъ, «Докторъ Фран-

Библиотека "Руниверс"

пискъ Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ» (СПб., 1888; изд. общ. любит. древн. письм.); С. Буличъ, «Церковно-славянскіе элементы въ современ. литер. и народномъ рус. языкѣ» (СПб., 1893). *б) Учительная литература.* Въ «Исторіи Церкви» Голубинскаго (т. I, пол. 1, 715 — 757) представленъ библіографическій обзоръ существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной и вообще заимствованной письменности. См. еще П. В. Владиміровъ, «Обзоръ южно-русскихъ и западно-рус. памятниковъ письменности отъ XI до XVII стол.» («Чтенія Истор. Общ. Нестора Лѣтописца», Кіевъ, 1890, кн IV, 101—142 и отд.); А. Соболевскій, «Западное вліяніе на литературу Моск. Руси XV—XVII вв.» (въ VI кн. «Вѣстника Археологіи и Исторіи» и отд., СПб., 1899); А. С. Архангельскій, «Творенія отцовъ церкви въ древне-рус. письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала» (СПб., 1888); его же, «Творенія отцовъ церкви. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій» (Казань, 1889 — 1890; обстоятельныя рецензіи П. В. Владимірова въ «Кіевск. Университетскихъ Извѣстіяхъ», 1891, и И. Н. Жданова, въ «Отчетѣ о 34 присужденіи наградъ Уварова», «Записки Имп. Академіи Н.», т. 71, СПб., 1893); В. Малининъ, «Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII в. Публичной Библ.» (Кіевъ, 1878); В. Яковлевъ, «Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія «Измарагда» (Одесса, 1893); Н. Петровъ, «О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго пролога» (иноземные источники, Кіевъ, 1875); А. И. Пономаревъ, «Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи» (СПб., 1890; отдѣльныя поученія изъ Пролога изданы во II вып. «Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы» А. И. Пономарева); еп. Антоній (нынѣ митр. спб., въ мірѣ А. Вадковскій), «Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія» (СПб., 1892); Е. В. Пѣтуховъ, «Матеріалы и замѣтки по древн. рус. литературѣ» (Кіевъ, 1893; о «Златой цѣпи»); Сухомлиновъ, «О сборникахъ подъ назв. Пчела» («Изв. Акд. Наукъ», 1853, т. II); Безсоновъ, «Книга Пчела» («Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1857, кн. 25); В. Семеновъ, «Древне-русская Пчела по пергаменному списку» (СПб., 1893, «Сборникъ» рус. отд. яз. Акд. Наукъ, т. LIV); статьи о Пчелѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1892, № 4, и 1893, № 7; «Матеріалы для литерат. исторіи русскихъ Пчелъ» (М., 1895); «Шестодневъ», составленный Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, по харатейному списку Моск. Синодальной Библіотеки 1263, слово въ слово и буква въ букву (М., 1879, изъ «Чтеній» 1873, кн. III; трудъ Бодянскаго и Андрея Попова); «Книга глаголемая Козмы Индикоплова» (СПб., 1886; изд. общ. любителей древней письменности); «Шестодневъ Георгія Писида», И. А. Шляпкина (СПб., 1882, въ «Памятн. древн. письменности»); А. Карнѣевъ, «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога» (СПб., 1890; изд. общ. любит. древн. письменности); Ал. Александровъ, «Физіологъ» (Казань, 1893; сербскій текстъ по рукоп. XVI в.); Г. Поливка, «Zur Geschichte des Physiologus in der slavischen Literaturen», «Archiv f. slav. Philologie» (т. XV, 246; т. XVIII, 523); Андрей Поповъ, «Обзоръ Хронографовъ рус. редакціи» (М., 1866—1869); къ нему «Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ Хронографы русской редакціи» (М., 1869); М. Сперанскій, «Сербскіе хронографы и русскій первой редакціи» (Варшава, 1896; изъ «Рус. Филол. Вѣстника»); В. Истринъ, «Хронографы въ рус. литер.» (СПб., 1898; изъ «Визант. Вр.»); П. Милюковъ, «Очерки по исторіи рус. культуры» (СПб., 1897; цѣльный, хотя сжатый обзоръ древняго круга свѣдѣній). *в) Апокрифы. Изданія:* А. Пыпинъ, «Памятн. стар. рус. литер.» (СПб., 1862); Н. Тихонравовъ, «Памятн. рус. отречен. литературы» (1863); Порфирьевъ, «Апокрифич. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ» (СПб., 1877) и «Апокр. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ» (СПб., 1890); Поповъ, «Библіогр. матеріалы»; «Палея историческая», издана А. Поповымъ въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос.» (1881, кн. 1); «Палея толковая», издана учениками Тихонравова (М. 1890—1897); И. Франко, «Памятники українъско-руськоі мови і литературы. Т. I. Апокріфи старозавітні» (Львовъ, 1896; изд. Общества Шевченка). *г) Изслѣдованія:* А. Пыпинъ, «Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ» («Лѣтоп. Археогр. Коммиссіи», 1860, I вып. «Лѣтоп. Археогр. Коммиссіи»); его же статья объ апокрифахъ («Русское Слово», 1862, № 1—2); Порфирьевъ, «Апокрифич. сказанія о ветхозавѣтныхъ событіяхъ» (Казань, 1872); Тихонравовъ, Отреченныя книги древней Руси» («Сочин.», т. I); Успенскій, «Толковая Палея» (Казань, 1876); И. Ждановъ, «Палея» («Унив. Извѣстія», Кіевъ, 1881); В. Истринъ, «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи въ «Изв. II отд. Академіи Наукъ», 1897—1898; Веселовскій, «Опыты по исторіи христіанской легенды» («Ж. Мин. Нар. Просв.», 1875, № 4); Веселовскій, «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» (СПб., 1872); М. Соколовъ, «Матеріалы и замѣтки по старин. литер.» (М. 1888); М. Сперанскій, «Апокрифическія евангелія». (М., 1895) и «Изъ исторіи отречен. литературы. I. Гаданія по Псалтири. II. Трепетники» (СПб., 1899, въ «Памят. древн. письм.»); В. Сахаровъ, «Эсхатологич. соч. сказанія» (Тула, 1879); А. Шепелевичъ, «Этюды о Данте. Видѣніе св. Павла» (Харьк., 1891—92); Истринъ, «Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокрифич. видѣнія Даніила» (М. 1897; изъ «Чтеній» моск. общ. ист. и древн.»); Порфирьевъ, «Апокрифич. молитвы» («Труды IV археолог. съѣзда», Казань, 1891, т. II); Красносельцевъ, «Къ вопросу о греческихъ источникахъ. Бесѣды трехъ святителей» (Одесса, 1890); И. Ждановъ, «Бесѣда трехъ святителей и Іоса monachorum» («Жур. Мин. Народн. Просв.», 1892, № 1); А. Васильевъ, «Anecdota graeco-byzantina» (Москва, 1893). Древній періодъ. *а)* Обзоръ литературныхъ явленій домонгольскаго періода у Е. Голубинскаго: «Исторія русской церкви» (М., 1880).

Библиотека "Руниверс"

Ранѣе И. И. Срезневскій издалъ обширный трудъ: «Древніе памятники русскаго письма и языка XI—XIV в.» Общее повременное съ выписками, въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», т. X, 1861 — 1863, и отд., СПб., 1863; 2-ое изданіе 1882, безъ выписокъ); «Свѣдѣнія и замѣтки о мало-извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», № I — XCI, СПб., 1867 — 1881); см. также Н. В. Волковъ, «Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI — XIV в. и ихъ указатель» (СПб., 1898). Указанія на сочиненія анонимныя, сохранившіяся въ позднихъ спискахъ или извѣстныя только по упоминаніямъ — см. въ «Исторіяхъ церкви» Макарія (II, 138, 164, 169; III, 142, 168) и Голубинскаго (т. I). Далѣе, М. И. Сухомлиновъ, «О псевдонимахъ въ древней русской словесности» (СПб., 1855); Е. Пѣтуховъ, «Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древн. рус. литературѣ» (въ «Сборникѣ отд. рус. яз. Академіи Наукъ», т. XLII, 1887). *б) Поученія.* Первые писатели изъ грековъ оставили полемическія сочиненія противъ латинянъ: митрополитъ Левъ (992—1008), Георгій (1065—1079), Іоаннъ II (1080—1089), Никифоръ (1104—21): см. Андрей Поповъ, «Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ» (XI—XV в.; М., 1875). Необходимое дополненіе къ этому—разборъ А. С. Павлова въ 19-мъ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ и отд. «Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ» (СПб., 1878). «Поученіе еп. Новгородскаго Луки Жидяты» (1035—1059; издано въ «Русскихъ достопамятностяхъ», М., 1815, въ «Исторіи церкви» м. Макарія, т. I, въ «Исторической христоматіи» Ѳ. Буслаева, М. 1861, и въ «Памятникахъ древне-рус. литературы» А. И. Понаморева, в. I, со статьей о Лукѣ); «Слово о законѣ и благодати и похвала Владиміру», митр. Иларіона (въ «Прибавл. къ Твореніямъ святыхъ отецъ въ рус. переводѣ», М., 1844; въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1848, кн. 7; въ «Извѣстіяхъ II отд. Академіи Наукъ», т. V; въ «Памятникахъ древне-рус. литературы» Пономарева, вып. I, со статьей объ Ил.); «Поученія преп. Ѳеодосія Печерскаго» изданы митр. Макаріемъ въ «Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ» (1856, кн. II), въ «Исторіи церкви», т. II, и въ «Памятникахъ древне-рус. литературы» Пономарева, вып. I. Срезневскій указалъ на Златоструй, какъ на источникъ поученія о казняхъ Божіихъ («Свѣдѣнія и замѣтки», XXIV, 1866—1867). Митр. Антоній (Вадковскій), въ книгѣ «Изъ исторіи христіанской проповѣди» (СПб., 1892, 313—336), оспариваетъ принадлежность Ѳеодосію этого поученія и поученія о чашахъ (ср. «Исторію церкви»[Голубинскаго, I, 672—677). Поученіе Владиміра Мономаха издано въ первый разъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ съ помощью Болтина, подъ заглавіемъ «Духовная вел. кн. Владиміра Мономаха» (СПб., 1793); потомъ «Полн. Собр. Лѣтоп.», I, стр. 107, и въ «Лѣтописи по Лаврентьевскому списку» (СПб., 1897, стр. 232—247 и прилож. стр. 41); см. Погодинъ, «Изслѣдованіе о жизни и дѣлахъ Владиміра Мономаха» («Ученыя Записки II отд. Академіи», 1863, кн. VII, вып. 2); С. Протопоповъ, «Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую эпоху» («Ж. М. Н. Пр.», 1874, кн. 2); В. А. Воскресенскій, «Поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха» («Учебная библіотека», СПб., 1893); Соловьевъ, о личности Владиміра Мономаха въ «Исторіи Р.» (1894, кн. I, стр. 315 и сл.) и Лошнюковъ («Кіевск. Унив. Извѣстія», 1873, ноябрь, 1—44 стр.); замѣчанія о Поученіи находимъ въ рецензіи И. Н. Жданова на «Твореніяотцовъ церкви», Архангельскаго въ «Отчетѣ о 24 присужденіи Уваровскихъ премій», стр. 122—124, въ рец. Е. Будде на изданіе Лаврентьевской лѣтописи въ «Рус. Филолог. Вѣстн.», 1898, № 1—2, въ книгѣ М. Сперанскаго, «Изъ исторіи отреченныхъ книгъ». «Гаданія по Псалтири» (СПб., 1899, стр. 5, 55 и дал.). О Климентѣ Смолятичѣ XII в.—Х. Лопаревъ, «Посланіе митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ» (СПб., 1892; «Памятники древн. письменности») и особенно Н. К. Никольскій: «О литературныхъ трудахъ митроп. Климента Смолятича» (СПб., 1892). Сочиненія Кирилла, еп. туровскаго (1130—82), у Сухомлинова, «Рукописи гр. Уварова» (т. II, СПб., 1858) и А. Пономарева, «Памятники древне-рус. церковно - учительной литературы» (т. I, СПб., 1894). О заимствованіяхъ Кирилла изъ древне - греческихъ образцовъ у Никольскаго, «Климентъ Смолятичъ», стр. 87. О Ѳеодосіи-грекѣ, монахѣ XII в., оставившемъ переводъ посланія папы Льва I къ патріарху Флавіану о четвертомъ вселенскомъ соборѣ, см. въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей», 1848, № 7 (здѣсь изданъ самый переводъ) и у Голубинскаго (т. I, полов. 1, стр. 699—700). в) *Памятники историческіе.* Іаковъ мнихъ, въ XI в., написалъ два сказанія: о Владимірѣ св. и св. Ольгѣ и «О первыхъ мученикахъ русскихъ Борисѣ и Глѣбѣ». Второе издано Срезневскимъ, въ «Сказаніяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ» (СПб., 1860, въ литографическомъ снимкѣ и въ чтеніи), О. Бодянскимъ по списку XII в. въ «Чтеніяхъ», 1870, кн. I. «Память и житіе Владиміра» издано въ «Христіанск. Чтеніи», 1849. О Іаковѣ см. въ «Исторіяхъ церкви» Макарія (т. II) и Голубинскаго (т. I, полов. I, стр. 615—619). Преп. Несторъ (род. въ 1056 г., ум. ок. 1114) оставилъ другое сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (у Срезневскаго въ «Сказаніяхъ», СПб., 1860) и житіе Ѳеодосія Печерскаго (у Бодянскаго въ «Чтеніяхъ», 1858, кн. 3, по рукописи XII вѣка). Въ настоящее время только очень немногіе признаютъ Нестора авторомъ первоначальной лѣтописи. О Печерскомъ Патерикѣ, составленномъ въ началѣ XIII в. изъ біографическихъ трудовъ преп. Нестора, еп. владимірскаго Симона и печерскаго инока Поликарпа см. Кубаревъ, въ «Журн. Мин. Пр.», 1838, № 10, и въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.», 1847, кн. 9, и 1858, кн. 3; В. Яковлевъ, «Древне-кіевскія религіозныя сказанія» (Варшава, 1875); М. Викторовъ, «Составители Кіево-Печерскаго Патерика и позднѣйшая его судьба» (Воронежъ, 1871); Голубинскій,

Библиотека "Руниверс"

«Исторія церкви» (I, 1, стр. 628 — 640); А. Шахматовъ, «Житіе Антонія и Печерская лѣтопись» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1880, № 3). Объ историческихъ повѣстяхъ—И. Срезневскій, «Памятники X в. до Владиміра св.» въ («Изв. Акд. Наукъ», т. III, 1854, и въ «Историч. Чтеніяхъ», СПб., 1855, стр. 1—26); И. П. Хрущовъ «О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ XI—XII ст.» (Кіевъ, 1878). г) *О лѣтописи*: Кубаревъ, въ «Историч. Сборникѣ» (М., 1842, т. IV); Сухомлиновъ, «О древей рус. лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ» (въ «Ученыхъ Зап. II отд. Акд. Наукъ», кн. III, 1856); Срезневскій, «Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ» (въ «Извѣстіяхъ», т. II); «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (СПб., 1862, изъ «Записокъ»); Костомаровъ, «Лекціи по рус. исторіи» (СПб., 1861); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, «О составѣ рус. лѣтописей до конца XIV в.» (СПб., 1868; изъ вып. IV «Лѣтописи занятій Археогр. Коммиссіи»); А. Маркевичъ, «О лѣтописяхъ» (Одесса, 1883—85); И. Тихомировъ, «О лѣтописяхъ Тверской, Псковской и Лаврентьевской» («Ж. М. Н. Пр.», 1876, № 2; 1883, № 10; 1884, № 10); І. Селиговъ, «О новгородскихъ лѣтописяхъ и о рос. исторіи В. Татищева», въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.» (1887, кн. IV и отд., М., 1888); А. Шахматовъ, «Хронологія древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ» («Ж. М. Н. Пр.», 1897, № 4); «О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. Изслѣдованіе» (I—III, М., 1897).—Древнѣйшіе списки лѣтописи изданы Археограф. коммиссіей въ «Полн. Собр. Рос. Лѣтописей»; отдѣльно—«Лѣтоп. по Ипатскому списку» (СПб., 1871); «Лѣтопись по Лаврентьевскому списку» (изд. 3, СПб., 1897). д) *Паломники:* Даніилъ игуменъ, ходившій въ Св. Землю въ 1106—1108 г. Изданія: 1) подъ ред. А. С. Норова, СПб., 1864 г. 2) наиболѣе полное—М. Веневитинова (въ «Правосл. Палест. Сборникѣ», вып. 3 и 9, СПб., 1883—85). Путешествіе Даніила переведено на франц. яз. Норовымъ (СПб., 1864), на греч. Епифаніемъ Маттеи (СПб., 1867), на нѣм. А. Лескинымъ (Лпц., 1884). «Путешествіе новгородск. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII ст.», съ предислов. и примѣчаніями П. Савваитова, изд. Археогр. комм. (СПб., 1872). Позже найдено нѣсколько новыхъ списковъ (копенгагенскій изданъ Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ», LX, СПб., 1876, 340—352; другіе найдены В. М. Истоминымъ, Х. М. Лопаревымъ); готовится палестинскимъ обществомъ новое изданіе по всѣмъ спискамъ. е) Свидѣтельства о *древней поэзіи* собраны въ книгѣ И. Н. Жданова: «Рус. поэзія въ до-монгольскую эпоху» («Кіев. Унив. Извѣстія», 1879 и отд.). Литература о «Словѣ о Полку Игоревѣ» чрезвычайно обширна. Оно издано въ первый разъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ при сотрудничествѣ Малиновскаго и Бантышъ-Каменскаго въ 1800 г., подъ заглав. «Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ князя новгородъ-сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ рус. языкомъ въ исходѣ XII ст., съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Другія изданія: Н. Тихонравовъ, «Слово» и пр. для учащихся (2 изд., М., 1868); А. Потебня, «Слово и пр. Текстъ и примѣчанія» (Воронежъ, 1878). Изслѣдованія: Вс. Миллеръ, «Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ» (М., 1877, разборъ А. Н. Веселовскаго въ «Ж. М. Н. Пр.», 1877, № 8); Е. Барсовъ, «Слово и пр., какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси» (М., 1887—90, 3 т., не окончено). Обзоры литературы: А. Смирновъ, «Литература Слова со времени открытія его до 1876 г.» (изъ «Филолог. Записокъ», Воронежъ, 1877); И. Ждановъ, «Литература Слова о Полку Игоревѣ» (Кіевъ, 1880; изъ «Унив. Извѣстій»); П. Владиміровъ, «Слово о Полку Игоревѣ» (вып. I, Кіевъ, 1894, изъ «Унив. Извѣстій»). «Слово» или «Моленіе Даніила Заточника» (начала XIII в.) издано И. А. Шляпкинымъ въ «Пам. древней письм.» (СПб., 1889, въ предисловіи обзоръ литературы); изслѣдованіе А. Лященки: «О моленіи Даніила Заточника» (СПб., 1896). Средній періодъ, татарскій и московскій. а) *Поученія.* Е. Пѣтуховъ, «Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в.» (СПб., 1888); «Правило митр. Кирилла, почти по современной рукописи», въ «Р. Достопамятностяхъ» (М., 1815, I, 106 — 118; дополненія у Востокова, «Опис. рук. Рум. муз.», 302, 321, «Русс. Истор. Библ.», VI, 84—102). «Поученія митр. Петра»—въ Прибавл. къ Твор. св. отецъ» (1844) и въ «Памятн. др.-рус. каноническаго права» А. Павлова, т. I. «Поученія митр. Алексія» въ «Прибавл. къ Твор. св. отцовъ» (1849); приписываемый ему переводъ Евангелія изданъ митр. Леонтіемъ (М., 1892). «Поученіе еписк. Сарайскаго Матѳея»—см. «Исторія рус. церкви», Макарія, т. V. И. Д. Мансветовъ, «Митр. Кипріанъ въ его литургической дѣятельности» (М., 1882); «Посланія Кипріана—въ «Памятн. древне-русс. каноническаго права», Павлова, т. I; о Кипріанѣ и Епифаніи у Шевырева, «Ист. русс. слов.», III, Ключевскаго, «Др.-русс. житія святыхъ» (М. 1871, стр. 78—112). Кириллъ игуменъ Бѣлозерскій—его Посланія въ «Актахъ Истор.» т. I, № 12, 16, 27; въ «Христом.» Буслаева, стр. 927—932, у Никольскаго: «Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» (СПб., 1898). Николаевскій, «Русская проповѣдь въ XV и XVI в.». («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1868); митр. Фотій (1410—1431) — въ «Исторіи церкви» Макарія т. V; Павловъ, «Памятники древне-русскаго каноническаго права» (СПб., 1880, «Русс. Истор. библіот., т. VI); А. Вадковскій (митр. Антоній), «Изслѣдованіе о поученіяхъ митр. Фотія» («Прав. Собес.» 1875, мартъ, сентябрь; перепеч. въ его книгѣ: «Изъ исторіи христіанской проповѣди»). Григорій Цамблахъ — Шевырева, «Исторія русской словесн.», IV; Макарія, «Ист. русс. церкви, т. V; П. А. Сырку, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1884, № 11; еп. Мельхисидека, «Жизнь и сочиненія Григорія Цамблака» (Бухакурестъ, 1884, на румынск. яз.). б) *XVI вѣкъ.* Геннадій, архіеп. Новгородскій—Гранцицкій, «Правосл. Обозрѣніе», 1878, сент.; 1880, августъ; въ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ», Костомарова (СПб., 1874, стр. 311 и др.). Объ среси жидовствующихъ: Ник. Руд-

Библиотека "Руниверс"

невъ, «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русс. церкви со времени Владиміра св. до Іоанна Грознаго» (М., 1838); «Исторія» Соловьева, т. V; «Исторія церкви» Макарія и Филарета; Пановъ, «Ересь жидовствующихъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1877, № 1—3); Сервицкій, «Опытъ» («Прав. Обозр.», 1862, № 6—8). Іосифа Волоколамскаго «Просвѣтитель» изданъ въ «Правосл. Собесѣдникѣ» (1859); см. И. П. Хрущовъ, «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, игумена Волоцкаго» (СПб. 1868); О Нилѣ Сорскомъ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ: А. Правдинъ, «Нилъ Сорскій и уставъ его скитской жизни, въ «Христ. Чтеніи» (1877, январь); А. С. Архангельскій, «Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ дрерней Руси» (СПб., 1882, ч. I, «Пам. древн. письменности»); «Судное дѣло Вассіана», въ «Чтеніяхъ» моск. общ., 1847, № 9. Полемич. сочиненія Вассіана изданы А. С. Павловымъ въ «Правосл. Собес.», 1863. См. еще Хрущовъ, «Князь-инокъ В. Патрикѣевъ» («Др. и Нов. Россія», 1875, № 3). Вопросовъ о нестяжаніи касался А. С. Павловъ въ ст. «Земское направленіе русс. духовн. письменности» («Прав. Собесѣдникъ», 1863, кн. 1) и въ «Ист. очеркѣ секуляризаціи церк. земель» (Одесса, 1871). «Бесѣда преп. Сергія и Германа» изд. Археограф. коммиссіей подъ ред. В. І. Дружинина и М. Дьяконова (СПб., 1889). Четіи-Минеи митр. Макарія: оглавленіе, составленное въ XVII в. справщикомъ инокомъ Евѳиміемъ, издано В. Ундольскимъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др.», 1847, кн. 4; архим. Іосифъ, «Подробное оглавленіе великихъ Четіихъ-Миней митр. Макарія, хранящихся въ Моск. Патріаршей (нынѣ Синодальной) библіотекѣ» (М., 1892); Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ» (М., 1892); Н. Лебедевъ, «Макарій митр. всероссійскій» (въ «Чтеніяхъ» общ. любит. дух. просв.», 1877, ч. II; 1878, ч. I); К. Заусцинскій, «Макарій, митр. всея Россіи» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1881, № 10 и 11). Великія Четіи-Минеи издаются Археогр. коммиссіей (вышли пока сентябрь, октябрь и треть ноября). Сочиненія Максима Грека изданы казанской духовн. акд. (Казань, 1859—62); А. Горскій, «Максимъ Грекъ, святогорецъ», (въ «Прибавл. къ твореп. св. отецъ», М., 1859, ч. XVIII); В. Иконниковъ, «Максимъ Грекъ» (Кіевъ, 1865 — 66); Ѳ. Калугинъ, «Зиновій, инокъ Отенскій» (СПб., 1894); Емельяновъ, «Ересь Башкина и Ѳеодосія Косого» (въ «Труд. Кіевск. Дух. Академіи», 1862, II); Н. Костомаровъ, «Историч. монографіи» (т. I, «Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в.»); Жмакинъ, «Митр. Даніилъ и его сочиненія» (М., 1881, изъ «Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.»). «Стоглавъ» изданъ въ «Правосл. Собес.», 1862; другое изд. «Стоглава» (СПб. 1863, Кожанчикова), по сокращ. редакціи О значеніи Стоглава см. въ «Истор. русс. церкви», Макарія. См. Добротворскій, ст. о Стоглавѣ въ «Прав. Собесѣдникѣ», 1862; И. Ждановъ, «Матеріалы для исторіи стоглаваго собора» («Ж. Мин. Нар. Просв.», 1876, № 7 и 8); Н. Лебедевъ, «Стоглавый соборъ 1551 г. Опытъ изложенія его внутрен. исторіи» (вып. I, М., 1882); см. также «Исторію канонизаціи святыхъ», В. Васильева (М., 1893), и Е. Голубинскаго (Сергіевъ Пос. 1894). Изданія «Домостроя»: Д. Голохвастова въ «Временникѣ» моск. общ. исторіи и древн., 1849, кн. I (съ 64-ой гл.), В. Яковлева (СПб., 1897, безъ 64 гл.), В. Яковлева (Одесса, 1887; здѣсь собраны всѣ редакціи «Домостроя»), А. Попова, съ предислов. Забѣлина (М., 1882, изъ «Чтеній»; старѣйшая редакція «Домостроя»); см. И. Некрасовъ, «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи др.-русс. Домостроя» (М., 1873, изъ «Чтеній»); арх. Леонидъ, «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ» (въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ. Исторіи и Др.», 1874, кн. I); А. Михайловъ, «Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи» («Журн. Мин. Народ. Пр.», 1889, февраль, мартъ, разборъ соч. Некрасова; послѣдній отвѣчалъ тамъ же, іюнь, стр. 372—390; отвѣтъ Михайлова—«Еще къ вопросу о Домостроѣ»—тамъ же, 1890, августъ). в) *Паломники и путешественники.* «Посланіе архіеп. Новгород. Василія къ еписк. Тверскому о земномъ раѣ»—(въ «Полн. Собр. Лѣтоп.» VI, 87 — 89, подъ 1347 г.). Ему Д. Ѳ. Кобеко («Опытъ исправленія текста о святыняхъ Царяграда», въ «Извѣстіяхъ Акад. Наукъ», т. II, 1897, кн. 3 и 4) приписываетъ «Бесѣду о святыняхъ Царяграда», изданную Л. Н. Майковымъ въ «Матер. и изслѣдов. по старин. русс. литер.» (вып. I, СПб., 1890). «Хожденіе Стефана Новгородца» (въ «Сказаніяхъ русс. народа» Сахарова, т. II). «Хожденіе Епифанія» (быть можетъ Епифанія Премудраго, XIV в.) изд. архим. Леонидомъ въ «Правосл. Палест. Сборникѣ», т. XVI, вып. 3 (СПб., 1896). «Хожденіе Игнатія Смольнянина» 1389 — 1455 изд. подъ ред. С. В. Арсеньева въ «Правосл. Палест. Сборн.», в. 12 (СПб., 1887). «Хожденіе дьяка Александра»—у Сахарова («Сказанія», т. II). «Хожденіе инока Зосимы» (1419—1422) издано, подъ ред. Х. М. Лопарева, въ «Правосл. Палестинскомъ Сборникѣ» (вып. 24, СПб., 1889). «Хожденіе гостя Василія» (конца XV в.) издано въ «Палестинск. Сборникѣ» архим. Леонидомъ. «Хожденіе священноинока Варсонофія ко святому граду Іерусалиму въ 1456 и 1461—1462», открытое Н. С. Тихонравовымъ, издано подъ ред. С. Долгова (М., 1896: «Палест. Сборникъ», т. XV, вып. 3). «Путешествіе Симеона Суздальца»—въ «Сказаніяхъ русс. народа» Сахарова, т. II. «Разсказъ Авраамія» изданъ по списку XVI в. у Андрея Попова, «Историко-литер. обзоръ древне-русс. полемич. сочиненій противъ латинянъ» (М., 1875, прилож., стр. 399 — 406). «Разсказъ о мистеріи Вознесенія» — у Н. С. Тихонравова (въ «Вѣстн. общ. древне-русс. искусства», Москва, 1874—75). См. А. Н. Веселовскій, «Italienische Mysterien in einem russisch. Reisebericht des XV Jahrh.» (въ «Russische Revue», 1876, т. X, 425 и д.); Срезневскій, «Хожденіе за три моря Афанасія Никитина» (въ 1466—72, СПб., 1857, изъ «Ученыхъ зап. II отд. Академіи Наукъ», кн. II); «Хожденіе Познякова» — И. Е. Забѣлинъ въ «Чтеніяхъ» (1884), Х. Лопаревъ, въ «Палест. Сборн.» (вып. 18,

Библиотека "Руниверс"

СПб., 1887). «Хожденіе Трифона Коробейникова»—С. О. Долговъ въ «Чтеніяхъ» (1887, кн., I), Лопаревъ въ «Палестин. Сборникѣ» (вып. 27, СПб., 1888). «Житіе и хожденіе въ Іерусалимъ и Египетъ казанца Василія Яковлева Гагары 1634—37»—въ «Палест. Сборникѣ» (вып. 33, 1891, подъ редакціей С. О. Долгова). «Хожденіе діакона Іоны Маленькаго» издано архим. Леонидомъ въ «Пам. древн. письмен.» (СПб., 1882) и С. О. Долговымъ въ «Палестинск. Сборникѣ» (вып. 42, 1895). «Проскинитарій» Арсенія Суханова (изданъ Н. И. Ивановскимъ въ прилож. къ «Правосл. Собес.», 1880, и въ «Палестин. Сборникѣ», т. VII, СПб., 1889). г) *Расколъ.* Общіе обзоры литературы—А. С. Пругавинъ, «Расколъ—сектантство. Вып. 1. Библіографія старообрядчества и его развѣтвленій» (М., 1887); Сахаровъ, «Указатель литературы о расколѣ» (1887—88). Исторія: Н. Рудневъ, «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ» (М., 1838); Н. Субботинъ, «Матер. для ист. раскола за первое время его существованія» (М., 1875—1888); пр. Макарій, «Исторія русс. церкви» (т. XII и нач. XIII, СПб., 1883); Н. Гиббенетъ, «Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона» (СПб., 1882—1884); Н. Каптеревъ, «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII стол.» (М., 1885); «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Вып. 1. Время патр. Іосифа» (М., 1887, изъ «Правосл. Обозр.»); С. Бѣлокуровъ, «Арсеній Сухановъ» (М., 1891—1897, изъ «Чтеній»); А. Щаповъ, «Русскій расколъ старообрядчества» (Казань, 1859); П. Мельниковъ, «Историч. очерки поповщины» (ч. I, М., 1864; продолженіе въ «Русск. Вѣстн.», 1864, № 5; 1866, № 5, 9; 1867, № 2); А. Бороздинъ, «Протопопъ Аввакумъ» (СПб., 1898); П. Смирновъ, «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.» (СПб., 1898). д) *Писатели кіевской школы.* С. Голубевъ, «Кіевскій митр. Петръ Могила и его сподвижники» (I т., Кіевъ, 1883, т. II, Кіевъ, 1898); Пекарскій, «Представители кіевской учености въ половинѣ XVII стол.» («Отеч. Записки», 1862, кн. 2, 3, 4); С. Любимовъ, «Борьба между представителями великорусскаго и малорос. направленія въ концѣ XVII и нач. XVIII в.» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1875, авг., сент.); Н. Сумцовъ, «Іоанникій Галятовскій и Лазарь Барановичъ» (Харьковъ, 1885); А. Архангельскій, «Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южн. Руси къ концу XVI в.» (Кіевъ, 1886); П. Владиміровъ, «Д-ръ Францискъ Скорина» (СПб., 1888); В. Завитневичъ, «Палинодія Захарія Копыстенскаго» (Варшава, 1883); М. Марковскій, «Антоній Радивиловскій, южно-русс. проповѣдникъ XVII в.» (Кіевъ, 1894); В. Эйнгорнъ, «Книги Кіевской и Львовской печати въ Москвѣ въ 1670 г.» (М., 1895, изъ «Чтеній», 1895, IV); «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Мих.» («Чтенія», 1893—94); Л. Майковъ, «Симеонъ Полоцкій» (въ «Древн. и Нов. Россіи», 1875, 2 изд. дополн., въ «Очеркахъ изъ ист. русс. литер.», СПб., 1889); В. Поповъ, «Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ» (М., 1886); І. Татарскій, «Симеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность» (М., 1886); А. Прозоровскій, «Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность» (М., изъ «Чтеній», 1896). Изъ соч. Сильвестра Медвѣдева, «Извѣстіе истинное» издано С. Бѣлокуровымъ въ «Чтеніяхъ» (М., 1885, кн. 4). «Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 7191, 7192»—А. Прозоровскимъ въ «Чтеніяхъ» (М., 1894, кн. 4). Свящ. П. Смирновъ, «Іоакимъ, патр. московскій» (М., 1881); И. А. Шляпкинъ, «Дмитрій Ростовскій и его время» (СПб., 1891); Пѣвницкій, «Епифаній Славинецкій» (въ «Трудахъ Кіевской Дух. Акад.», 1861, кн. 2—3); С. Н. Брайловскій, «Каріонъ Истоминъ» (въ «Чтеніяхъ въ общ. любит. духовн. просв.», 1889, апрѣль, май, іюнь); «Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Моск. Руси въ XVII в. Чудовскій инокъ Евѳимій» (въ «Чтеніяхъ въ общ. любит. дух. просв.», 1889). е) *Житія и сказанія.* Ѳ. И. Буслаевъ, «Историческіе очерки русс. народной словесности и искусства» (СПб., 1861); Ив. Некрасовъ, «Зарожденіе національной литературы въ сѣв. Руси» (Одесса, 1870); В. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ» (М., 1871); В. Васильевъ, «Исторія канонизаціи русс. святыхъ» (М., 1893, изъ «Чтеній Моск. Общ.»); Е. Голубинскій, «Исторія канонизаціи святыхъ въ русс. церкви» (Сергіевъ Посадъ, 1894); Е. Голубинскій, «Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра» (Серг. Посадъ, 1892); Ив. Некрасовъ, «Пахомій Сербъ, писатель XV в.» (въ Записк. Новорос. Унив.» VI, стр. 1—99, Одесса, 1871); Ив. Яхонтовъ, «Житія св. сѣверорусскихъ подвижниковъ Поморскаго края, какъ историч. источникъ» (Казань, 1882); Н. П. Барсуковъ, «Источники русс. агіографіи» (СПб., 1882, изданіе общ. любит. древн. письменности; указаны рукописи и изданія обширной древнерусской житійной литературы). Нѣсколько новгородскихъ житій у Костомарова въ «Памятникахъ старинной русс. литературы» (вып. IV, СПб., 1862). А. Кадлубовскій, важныя изслѣдованія о старыхъ житіяхъ въ «Р. Филол. Вѣстникѣ» (1897—98); свящ. І. Ковалевскій. «Юродство во Христѣ» (М., 1895).

ж) *Лѣтописи* и *историческіе труды:* «Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку» (изд. Археогр. коммиссіи, СПб., 1888); Новгородскія лѣтописи (такъ называемая Новгородская вторая и Новгородская третья), изд. Археогр. ком. (СПб., 1879); Псковскія лѣтописи (1—ая и 2—ая) въ «Полн. Собр. Русс. Лѣтописей» (т. IV—V); Лѣтописи Софійская и Русская, тамъ же, т. V—VI; Лѣтопись Воскресенская, тамъ же, т. VII и VIII; Никоновская лѣтопись, тамъ же, т. IX и XI; Тверская лѣтопись, тамъ же, т. XV; «Лѣтописный сборникъ Авраамки», тамъ же, т. XVI; И. А. Тихомировъ, «Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ» (Воскресенскаго, Никоновской лѣтописей, ея продолженій, двухъ Софійскихъ и четвертой Новгородской, въ «Лѣтописи занятій Археогр. Коммиссіи», вып. X, СПб., 1895); А. Пресняковъ, «Царственная книга,

Библиотека "Руниверс"

ея составъ и происхожденіе» (СПб., 1893); Буслаевъ, о Царственной книгѣ въ «Историч. Очеркахъ», т. II, 308 и д.; «Книга Степенная Царскаго родословія» издана Гер. Миллеромъ (М. 1775, 2 ч.); Устряловъ, «Сказанія кн. Курбскаго» (СПб., 1833 и др. изд.); М. П—скій, «Кн. Курбскій. Историко-библіогр. замѣтки по поводу послѣдняго изд. его Сказаній» (въ «Учен. Запискахъ Казанск. Унив.», 1873 и отд., Каз., 1873); А. Н. Ясинскій, «Сказанія кн. Курбскаго, какъ историч. матеріалъ» (Кіевъ, 1889); Н. К. Михайловскій, «Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ» (СПб., 1895 и 1897, т. VI); «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (изд. 3 Археогр. коммиссіи съ предисл. А. А. Куника, СПб., 1884); Ал. И. Маркевичъ, «Григорій Карповъ Котошихинъ и его соч. о Моск. государствѣ» (Одесса, 1895). О «Синопсисѣ» Иннокентія Гизеля у П. Милюкова, «Главныя теченія русс. историч. мысли» (М., 1897, с. 5—12). Дьякъ Ѳеодоръ Грибоѣдовъ, «Исторія о царяхъ и вел. князьяхъ земли русской, съ предисл. С. Ѳ. Платонова» (СПб., 1896, «Памятн. древн. письм.»); Манкіевъ, «Ядро Росс. исторіи» (изд. Миллеромъ, М., 1770, 3 изд., М., 1791).

з) *Историческія повѣсти и сказанія.* Сказанія о началѣ Москвы—Карамзинъ, «Исторія Государства Россіи» (II, примѣч. 301); Ѳ. И. Буслаевъ, «Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія» (въ «Лѣтоп. русск. литер. и древн.», т. IV); И. Забѣлинъ, «Древности Москвы и ихъ изслѣдованія» («Вѣстникъ Европы», 1867, мартъ, іюнь); М. Дьяконовъ, «Власть моск. государей» (СПб., 1889, обзоръ сказаній и публицистическихъ сочиненій о роли Московскаго царства); В. Яковлевъ, «Сказанія о Царьградѣ по древнимъ рукописямъ» (СПб., 1868). «Повѣсть о Царьградѣ» (его основаніи и взятіи турками въ 1453 г.) Нестора—Искандера, XV в., сообщ. архим. Леонидъ (СПб., 1886, «Памятники древн. письмен.»; разборъ Г. Дестуниса въ «Ж. Мин. Нар. Пр.», 1887, февр.). Сказанія о смутной эпохѣ подробно изучены С. Ѳ. Платоновымъ: «Сказанія и повѣсти о Смутномъ времени» (СПб., 1888); самые памятники изданы имъ въ «Русс. Историч. Библіотекѣ» (т. XIII, СПб., 1891).

и) *Литература свѣтская*: «Слово о погибели русской земли» (XIII в.) издано Х. М. Лопаревымъ (СПб., 1892; «Памятники древней письменности, LXXXIV). Объ этомъ Ждановъ, «Русскій былевой эпосъ» (СПб., 1895, стр. 96). «Сказанія о *Мамаевомъ побоищѣ*»: разборъ ихъ у С. П. Тимоѳеева, «Сказаніе о Куликовской битвѣ» («Журн. Мин. Пар. Пр.», 1885, августъ и сентябрь). «Повѣсти *о Вавилонскомъ царствѣ* изданы Тихонравовымъ въ «Лѣтопис. русс. литер. и древн.» (1859, т. I, кн. 1; 1859—60, т. III, кн. 5); А. Н. Веселовскій, «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ» («Славян. сборникъ», СПб., 1876, стр. 122—165); «Ист. русс. словесн.» Галахова (1880, т. I, 409 сл.); И. Н. Ждановъ, «Повѣсти о Вавилонѣ и сказанія о князьяхъ Владимірскихъ», «Русс. былевой эпосъ» (СПб., 1895, стр. 1—151); А. Н. Пыпинъ, «Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (СПб., 1857); А. Веселовскій, «Памятники литературы повѣствовательной» (глава въ I т. «Исторіи русской словесности», А. Галахова, изд. 2, стр. 394—517); его же, «Къ вопросу объ источникахъ сербской *Александріи*» («Журн. Мин-ва Нар. Просвѣщенія», 1884, іюнь, сент.; 1885, окт.); «Изъ исторіи романа и повѣсти» (СПб., 1886—1888); «Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ» (СПб., 1893); В. Истринъ, «Александрія русскихъ хронографовъ» (Москва, 1893, изъ «Чтеній»); «Александрія» (СПб., 1880—1887; автографическое изданіе лицевой рукописи XVII в., общ. любит. древн. письменности); А. Веселовскій, «Южно-славянская *повѣсть о Троѣ*» («Изъ исторіи романа и повѣсти», II, 25—121); «Повѣсти *о царѣ Синагрипѣ и Ахирѣ Премудромъ*»—«Памятники старинн. рус. литер.» (СПб., 1860—62, т. II, 359—373); А. Веселовскій, «Новыя отношенія муромской легенды о *Петрѣ и Февроніи*» («Журн. Мин. Народ. Просв.», 1871, апрѣль; въ «Исторіи словесн.», Галахова, I, 415 и дал.). «Сказаніе о *Дигенисѣ*»: А. Н. Пыпинъ, «Очеркъ» (1857); А. Веселовскій, «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ» («Вѣстн. Европы», 1876, апр.); Н. Баталинъ, «Сказаніе *объ индѣйскомъ царствѣ*» (Воронежъ, 1879, изъ «Филолог. Записокъ»); В. Истринъ, «Сказаніе объ индѣйскомъ царствѣ» (Москва, 1893); А. Кирпичниковъ, «Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о *Варлаамѣ и Іоасафѣ*» (Харьковъ, 1876; разборъ А. Веселовскаго «Журн. Мин. Пар. Пр.», 1877, іюль); «Житіе Варлаама и Іоасафа» (СПб., 1886, изд. общ. любит. древн. письм.); Ив. Франко, «Варлаамъ и Іоасафъ», въ «Записк. товарищества имени Шевченка» (Львовъ, 1895—96). *Стефанитъ и Ихнилатъ* (съ предислов. и примѣчаніями Ѳ. И. Булгакова. СПб., 1877; изд. общ. любит. древн. письм.) и съ предисл. и подъ ред. А. Е. Викторова, въ «Пам. древн. письм.», М. 1881); С. Смирновъ въ «Филологическихъ Запискахъ», 1879, вып. III. *Сказанія о Соломонѣ*: изданы Тихонравовымъ: въ «Лѣтоп. русс. литер. и древн.» (т. IV, Москва, 1862, стр. 112—153) и въ «Памятникахъ отреченной русс. литер.» (М. 1863, т. I, стр. 254—272); А. Веселовскій. «Изъ исторіи литер. общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ» (СПб., 1872). *Повѣсть о Дракулѣ* — у А. Пыпина («Очеркъ ст. повѣстей», 215—218, 344—349—текстъ). Изслѣдованіе о ней І. Богдана на румын. яз. съ изданіемъ текста русс. повѣстей вызвало рецензію А. Яцимирскаго, въ «Извѣстіяхъ русс. отдѣл. акад. наукъ» (1897, кн. II). *Сказаніе Ив. Пересѣтова о турскомъ царѣ Махметѣ*», изд. И. М. Добротворскимъ въ «Ученыхъ Записк. Казанск. Унив.» (1865, I, вып. 1), А. Поповымъ въ «Изборникѣ хронографовъ» (М. 1869, стр. 165—167); «Повѣсть нѣкоего боголюбива мужа»—въ «Москвитянинѣ» 1844 и въ «Ист. Христ.» Буслаева (1861, ст. 877—883). О ней А. Веселовскій въ «Истор. русс. слов.» Галахова (I, 506—507). О *Двенадцати снахъ царя Ша-*

Библиотека "Руниверс"

хашши—А. Веселовскій, въ «Ист. русс. слов.» Галахова, I, стр. 431. С. Ѳ. Ольденбургъ, «Къ вопросу объ источникахъ. Слово о 12 снахъ Шахаиши» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1892, т. 284, стр. 135—140). *Шемякинъ Судъ*: А. Пыпинъ, въ «Архивѣ Калачова» (СПб., 1859, кн. IV, стр. 1 — 10); Аѳанасьевъ, «Русс. народн. сказки» (Москва, 1897, II, 276 — 279); Сухомлиновъ, «Повѣсть о судѣ Шемяки» въ «Сборникѣ II отд. Академіи» (1873, т. X); «Повѣсть о судѣ Шемяки», изд. общ. люб. древн. письм., съ предисл. Ѳ. Булгакова 1879; Д. Ровинскій, «Русскія народныя картинки» (СПб., 1881, I, 189; IV, 166—176; V, 99, 148—150); С. Ольденбургъ, «Библіогр. указанія о Шемякиномъ судѣ въ русской и иностранной литературахъ» въ «Жив. Стар.» (1891, вып. III). *Еруслань Лазаревичъ*: Аѳанасьевъ, «Русскія народныя сказки» (Москва, 1897, II, 441 — 445); Н. Тихонравовъ (текстъ сказки, XVIII в. и примѣч.) въ «Лѣтоп. русс. литер. и древн.» 1859, т. II, кн. 4; Костомаровъ, «Памятники стар. русс. литер.» (СПб., 1860, стр. 325 — 339, текстъ по рукоп. XVII в.); В. Стасовъ, «О происхожденіи русскихъ былинъ» («Собр. соч.», III, 1894, стр. 948 и др.); Веселовскій, «Мелкія замѣтки къ былинамъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1890, № 3, гл. XIV).—*Бова Королевичъ*: Веселовскій, «Изъ исторіи романа и повѣсти» (II, СПб., 1888, стр. 229—305; прил. стр. 129—172 и 237—262). *Тристанъ*—Веселовскій, «Изъ исторіи русскаго романа» (II, 1888, стр. 132 — 228; въ прил. 1 — 127 текстъ романа). *Аттила*—тамъ же, стр. 307—350; прил. 175—236. *Исторія о Брунцвикѣ* издана М. Петровскимъ въ «Памятн. древн. письмен.» (СПб., 1888); см. Поливка, «Kronika o Brunczvikovi» (Прага, 1892). *Василій Златовласый*—изданіе И. Шляпкина, въ «Памятн. древн. письмен.», 1882; о немъ Веселовскій, въ «Замѣткахъ по литературѣ и народн. словесности» (СПб., 1886, стр. 62 — 80). *Римскія дѣянія*: изданіе общ. любит. древн. письм. 2 вып., СПб., 1877—1878; С. Л. Пташицкій, «Средневѣковыя зап.-европ. повѣсти въ русс. и славянской литературахъ». Исторія «Римскихъ дѣяній» въ «Историч. Обозрѣніи» (СПб., т. VI и IX и отд. СПб., 1893, съ подробнымъ сличеніемъ состава русскихъ списковъ съ польскимъ подлинникомъ). *Великое зерцало*: П. Владиміровъ, въ «Чтеніяхъ» (Москва, 1883 — 1884 и отд.); «Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ» (Казань, 1885, изъ «Учен. Записокъ Казанск. Унив.»); Е. Пѣтуховъ, «Очерки изъ литературной исторіи *Синодика*» (СПб., 1895); нѣсколько синодиковъ издано обществомъ любит. древн. письм. *Исторія о семи мудрецахъ* (изд. обществомъ любит. древн. письм. 2 вып., съ предисл. О. Булгакова СПб., 1878); М. Мурко, «Die Geschichte von den Sieben Weiden bei den Slaven» (Вѣна, 1890, въ «Sitzungsberichte» вѣнской акад., т. CXXII). *Исторія о Мелюзинѣ* издана обществомъ любит. древн. письм. (2 вып., СПб., 1879 — 1880). *Исторія о рыцарѣ Петрѣ - золотыхъ ключахъ* въ «Очеркѣ» А. Пыпина (стр. 233—237). *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ*: Тихонравовъ, въ «Лѣтоп. русск. литер. и древности» (М., 1859, т. I); М. Мурко, «Die russische Uebersetzung des Apollonius von Tyrus und d. Gesta Romanorum» (въ «Archiv f. slav. Phil.», т. XIV). *Повѣсти о злыхъ женахъ* изданы въ «Очеркѣ» Пыпина (262—278) и въ «Памятникахъ стар. русск. литер.» Костомарова (II, 453, 461); см. также въ «Русск. народн. картинкахъ» Д. Ровинскаго (III, 169 — 170). *О повѣсти о табакѣ о хмѣлѣ*: Костомаровъ, «Памятники стар. русск. литер.» (II, 447—449); Ровинскій, «Русс. народн. картинки». *Повѣсть о Савѣ Грудцынѣ* въ «Лѣт. русск. литер.» Тихонравова (II, кн. 4, 61 — 80); Костомаровъ, «Памятники» (I, 169—192). *Прeніе живота и смерти*: Костомаровъ, «Памятники» (II, 439—443); Веселовскій, «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ», («Вѣстникъ Европы», 1875; «Russische Revue», т. IV; въ «Ист. слов.» Галахова, т. I, 493 — 496); Ѳ. Д. Батюшковъ, «Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы» (СПб., 1891). *Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи* найдена А. Н. Пыпинымъ («Очеркъ», стр. 293), изд. Костомаровымъ, «Соврем.», 1856, мартъ, и въ «Памятникахъ стар. русск. литер. I; о ней Веселовскій въ «Ист. слов.» Галахова (I, 474—480) и въ «Разысканіяхъ въ области русск. дух. стиха», гл. XIII (и въ «Сборн. отд. русск. яз.», т. XLVI). *Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ*—«Москвитянинъ» (1853, т. I).

Народная поэзія. Обозрѣніе изученія был. эпоса сдѣлано въ книгѣ А. М. Лободы: «Русскій богатырскій эпосъ» (Кіевъ, 1896); Dr. I. Machal, «O bohatyrském epose, slovanskem» (Прага, 1894).—*Изданія былинъ*: «Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ» (М., 1818, подъ редакціею К. Калайдовича), перепзданы въ 1878 г. въ Москвѣ, позднѣе въ СПб. въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина. Скоро выйдетъ изъ печати новое изданіе Кирши (академіи наукъ) подъ редакціею П. Н. Шеффера, дополненное и провѣренное по рукописи. «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ и изданныя П. А. Безсоновымъ» (М., 1860—1870, вып. 1—4: былины Владимірова цикла; вып. 5—новгородскія и княжескія); «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ» (вып. I и II, М., 1861—1862, подъ редакціей Безсонова; вып. III, Петрозаводскъ, 1864, вып. IV, СПб., 1867, подъ ред. О. Ѳ. Миллера); «Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ въ 1871 г.» (СПб., 1873; переизданются Имп. академіей наукъ, т. I и II); «Русскія былины старой и новой записи, подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера» (М., 1894).—*Изслѣдованія*: К. С. Аксаковъ, «Богатыри времени кн. Владиміра» («Русская Бесѣда», 1856, кн. IV); Ѳ. Буслаевъ, «Историческіе очерки русск. народной словесности и искусства» (СПб., 1861); Ѳ. И. Буслаевъ. «Русск. богатырскій эпосъ» («Русскій Вѣстникъ», 1862, № 3, 9 и 10; перепеч. въ книгѣ «Народная поэзія», СПб., 1887); Л. Н. Майковъ, «О былинахъ Владимірова цикла» (СПб., 1863); Квашнинъ - Самаринъ, «Русск. былины въ историко-географ. отношеніи» («Бесѣда», 1871, и «Русскій Вѣстникъ», 1874); Ор. Ѳ. Миллеръ, «Илья Муромецъ и Богатырство

Библиотека "Руниверс"

Кіевское. Сравнительно критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ русск. народнаго эпоса» (СПб., 1870); В. В. Стасовъ, «Происхожденіе русск. былинъ» («Вѣстникъ Европы», 1868 и въ «Собр. сочиненій»); А. Н. Веселовскій, «Южно-русскія былины» (СПб., 1881); «Былины о Садкѣ Новгородскомъ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1886, декабрь; другія сочин. Веселовскаго о былинахъ см. въ «Указателѣ» къ трудамъ его, изд. 2, СПб., 1896); М. Халанскій, «Великорусскія былины кіевск. цикла» (Варшава, 1885); «Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русск. былевого эпоса» (Варшава, 1893—95); Н. П. Дашкевичъ, «Былины объ Алешѣ Поповичѣ» («Унив. Извѣстія», 1883); И. Н. Ждановъ, «Къ литературной исторіи русск. былевой поэзіи» (Кіевъ, 1881); «Русскій былевой эпосъ» (СПб., 1895); В. Ѳ. Миллеръ, «Экскурсы въ область русс. народнаго эпоса» (М., 1892); «Очерки русск. народной словесности. Былины» (М., 1897), *Пѣсни*: Сахаровъ, «Сказанія русск. народа» (СПб., 1838—39); Шейнъ, «Русскія народныя пѣсни» (М., 187); «Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.» (т. I, вып. 1, СПб., 1898); А. И. Соболевскій, «Великорусскія народныя пѣсни» (СПб., 1895—1899); Е. Барсовъ, «Причитанія Сѣв. края» (М., 1872); Л. Майковъ, «Великорусскія заклинанія» (СПб., 1869); Д. Садовниковъ, «Загадки рус. народа» (СПб., 1876); В. Даль, «Пословицы русск. народа» (1861, 2 изд., 1879). *Пѣсни историческія* собраны у Рыбникова, Кирѣевскаго (вып. 6—пѣсни о Грозномъ царѣ; вып. 7—отъ Ивана IV до Петра I; вып. 8—пѣсни о Петрѣ; вып. 9—XVIII в. въ историч. пѣсняхъ послѣ Петра; вып. 10—«Нашъ вѣкъ въ русск. истор. пѣсняхъ»); П. И. Вейнбергъ, «Русск. народныя пѣсни объ Иванѣ Грозномъ» (Варшава, 1872; разборъ Веселовскаго въ «Вѣстн. Европы», 1872, августъ); А. Веселовскій, «Сказки объ Иванѣ Грозномъ» («Древняя и Новая Россія», 1876, № 4); Ѳ. И. Буслаевъ, «Русская поэзія XVII в.» въ «Очеркахъ нар. слов.» (т. I, 517—547); Н. Я. Аристовъ, «Объ историческомъ значеніи русс. разбойничьихъ пѣсенъ» («Филол. Зап.», 1874—1875 и отд., Воронежъ, 1875). *Изслѣдованія о нар. поэзіи* (особливо обрядовой): И. Снегиревъ, «Русскіе простонародные праздники» (М., 1837); А. Терещенко, «Бытъ русскаго народа» (СПб. 1848); Аѳанасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (1865 — 1869); Н. Крушевскій, «Заговоры какъ видъ русск. нар. поэзіи» (Варшава, 1876); А. Веселовскій, «Розысканія въ области духовн. стиховъ», VI—X (СПб., 1883; изслѣдованія о колядскихъ пѣсняхъ); Н. Сумцовъ, «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ» (Харьковъ, 1881); его же, «Заговоры» (библіогр. указатель, Харьковъ, 1896); А. Потебня, «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій» (1867); «Разборъ сборника пѣсенъ Головацкаго» (СПб., 1880); «Объясненія малорусс. и сродныхъ народныхъ пѣсенъ» (1883 — 87); Вестфаль, «О русс. народной пѣснѣ» («Рус. Вѣстникъ», 1879, сентябрь); Ор. Миллеръ, «Опытъ истор. обозр. рус. словесности» ч. I); Máchal, «Nákres slovanského bájeslovi» (Прага, 1891); П. Владиміровъ, «Введеніе въ ист. русс. словесности» (Кіевъ, 1896). *О пѣснѣ новаго образца*: Михневичъ, «Извращеніе народнаго пѣснотворчества», «Ист. Вѣстн.» 1880, т. III, декабрь; Гл. Успенскій, «Новые народные стихи» (Соч. т. III, СПб., 1891, 650—652); И. Львовъ, «Новое время—новыя пѣсни» (Устюгъ, 1891); Н. Позняковъ, «Къ вопросу объ упадкѣ народнаго творчества» (М. 1897; изъ «Вѣстн. воспитанія»). *Сказки*: Аѳанасьевъ, «Народныя русс. сказки» (М. 1855; 3 изд. 2 т., М., 1897); Худяковъ, «Великорусскія сказки» (СПб., 1860 — 63); «Матеріалы для изученія народн. словесности» (СПб. 1863); Д. Садовниковъ, «Сказки и преданія Самарскаго края» (СПб., 1884); Д. А. Ровинскій. «Русск. народныя картинки» (СПб., 1881, 5 томовъ и атласъ). *Духовные стихи:* Кирѣевскій, «Дух. стихи» («Чтенія Общ. ист. и др.», 1848, № 9); Безсоновъ, «Калѣки перехожіе» (1861 — 64); Варенцовъ, «Духовные стихи» (1860); В. Мочульскій, «Историко-литерат. анализъ стиха о Голубиной книгѣ» (Варш. 1887); А. Кирпичниковъ, «Св. Георгій и Егорій храбрый. Изслѣдованія литерат. исторіи христіанской легенды» (СПб., 1879); А. Веселовскій, «Розысканія въ области русс. духовнаго стиха» (СПб., 1879—1891; подробное содержаніе см. въ «Указателѣ» къ трудамъ Веселовскаго, 2 изд., СПб. 1898).

Время Петра Великаго. Е. Шмурло, «Петръ Великій въ русс. литературѣ» (СПб., 1888); *Академія наукъ*. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Вел.» (СПб., 1862); Милюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры» (СПб., 1897, гл. IV); Д. Ровинскій, «Русскія народн. картинки» (т. IV, стр. 256—269; т. V, стр. 155—163); «Пѣсни Кирѣевскаго» (вып. 8, М., 1870); Е. Барсовъ, «П. В. въ народн. преданіяхъ Сѣв. края» («Бесѣда», 1872, V); о Петрѣ какъ Антихристѣ см. у Мельникова, «Историч. очерки поповщины» (М., 1864; прод. въ «Рус. Вѣстникѣ», 1864, 1866, 1867); В. Щепкинъ, «Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея» (М., 1897, изъ «Археол. изв. и зам.»). *Стефанъ Яворскій:* «Проповѣди» (М., 1804—1805). Неизданныя проповѣди Ст. Яворскаго и ст. Чистовича (въ «Христ. Чтеніи» 1867 и отд. СПб., 1867); Ю. Самаринъ, «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ» (М., 1844; полнѣе въ V т. «Соч. Самарина», М., 1880); Ф. Терновскій, въ «Труд. Кіев. дух. Акад.» (1864) и въ «Древней и Новой Р.» (1879, № 8); И. Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» (СПб., 1868); Н. Тихонравовъ, «Московск. вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій», «Сочиненія» (Москва, 1898, т. II); П. Морозовъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель» (СПб., 1880). *Посошковъ:* А. Брикнеръ, въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1874—1879; «Завѣщаніе отеческое» (изд. Е. М. Прилежаева, СПб., 1893); Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Вел.» (СПб., 1897); И. Морошкинъ, «Ѳеофилактъ Лопатинскій» («Рус.

Библиотека "Руниверс"

Старина», 1886); «Собраніе словъ Гавріила Бужинскаго» (Гер.-Фр. Миллера, М., 1784); Ев. Пѣтуховъ, «Пр. Буж., и изслѣд.» (Юрьевъ, 1898); Ф. Терновскій, «Русское проповѣдничество при Петрѣ Вел.» въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» (1870); П. Знаменскій, «Духовныя школы въ Р. до реформы 1808 г.» (Казань, 1881). Въ книгѣ Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ Вел.» данъ историческій обзоръ литерат. явленій (I т.) и библіографическое описаніе книгъ Петровскаго времени (т. II). Дополненіе къ ней А. Ѳ. Бычкова, «Каталогъ хранящимся въ Имп. Публ. Библіот. изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ» (СПб., 1867). *Путешествія при Петрѣ*: М. А. Веневитиновъ, «Русскіе въ Голландіи» (М., 1897; первое путешествіе самого Петра). Путешествіе стольника П. А. Толстого издано въ «Р. Архивѣ», 1888; Путешествіе Б. П. Шереметева или «Статейный списокъ посольства ближняго боярина и намѣстника вятскаго Б. П. Ш—ва» издано, съ гравюрами, М., 1773, потомъ въ «Древней Рос. Вивліоѳикѣ», изд. 2, М., 1788, ч. V, стр. 252—432; Дневникъ неизвѣстнаго бывшаго въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697—98 г. и «Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшаго подъ именемъ дворянина росс. посольства въ 1697 и 1698 гг.» (СПб., 1788; въ «Моск. Вѣстн.», 1830, ч. VI; въ «Отеч. Зап.», 1846, № 8); Пекарскій «Наука и литература» (т. I, 148—150); Дневникъ неизвѣстнаго, въ 1714—1717 гг. посѣтившаго Голландію, Испанію, Италію и Францію, приписываемый Пекарскимъ одному изъ Нарышкиныхъ («Наука и литер.», I, 145, 152—154); Статейный списокъ посольства А. А. Матвѣева во Францію въ 1705 г. изложенъ Пекарскимъ въ «Современникѣ» (1856, № 6, стр. 39—66); Дневники и путевыя замѣтки кн. Б. Ив. Куракина—въ «Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина» (т. I и сл., СПб., 1890).

Новый, послѣ-Петровскій, періодъ литературы.—*Антіохъ Кантемиръ*: «Сочиненія, письма и избранные переводы, со статьею о Кантемирѣ и примѣчаніями В. Стоюнина» (редакція изданія П. А. Ефремова, СПб., 1867—68, 2 т.); стихотворенія, въ «Русской поэзіи» С. А. Венгерова (т. I); И. И. Шимко, «Новыя данныя для біографіи Кантемира» (СПб., 1891, изъ «Ж. М. Нар. Пр.»). *В. Н. Татищевъ*, «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ» (кн. I—IV, 1768—1784; V, М., 1847—48, «Чтенія Общ. ист. и древн.»); Н. А. Поповъ, «Татищевъ и его время» (М., 1861); Бестужевъ-Рюминъ, «Біографіи и характеристики» (СПб., 1882; стр. 1—174); Анд. Островскій, «Д[illegible]овная В. Н. Татищева» (Казань, 1885); Н. [illegible]. Поповъ, «Ученые и литературные труды Татищева» (СПб., 1886; изъ «Журн. Мин. Нар. Пр.»); «Разговоры о пользѣ наукъ и училищъ Татищева» (М., 1887; изъ «Чтеній», 1887, кн. I). *Повѣсти переходнаго времени XVII и первой половины XVIII в.* указаны А. Н. Пыпинымъ въ «Сборникѣ Общества люб. росс. слов.» (М., 1891); «Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописн. романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и проч.» и отд. (М., 1888); «Изъ исторіи народн. повѣсти. Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о россійск. матросѣ Василіи» (СПб., 1887; текстъ и введеніе); Л. Н. Майковъ, «Одна изъ русск. повѣстей Петровскаго времени», въ его «Очеркахъ изъ ист. русс. литер.» (СПб., 1889). *Театръ*: Н. Тихонравовъ, «Первое пятидесятилѣтіе русск. театра» (М., 1872); «Русс. драматическія произведенія 1672—1725 г.» (СПб., 1874); П. Морозовъ, «Исторія русс. театра до полов. XVIII ст.» (СПб., 1889); П. Пекарскій, «Исторія Имп. Акад. Наукъ» (СПб. 1870—73; во II томѣ подробныя біографіи Тредьяковскаго и Ломоносова); А. Куникъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII в.» (СПб., 1865); «Матеріалы для исторіи Имп. Акад. Наукъ подъ ред. М. Сухомлинова» (СПб., 1885—1898). *Тредьяковскій*: «Сочиненія» переизданы Смирдинымъ (СПб., 1849); Перевлѣсскій, «Избранныя сочиненія» (М., 1849, съ біограф. и обзоромъ литературы); стихотворенія Тредьяковскаго перезданы въ I т. «Русской поэзіи» Венгерова; М. Петровскій, «Библіогр. замѣтки о нѣкоторыхъ трудахъ Тредьяковскаго. Страничка изъ исторіи русскаго стихосложенія» (Казань, 1890). *Сумароковъ*: «Сочиненія» Сумарокова въ 10 том. изданы Новиковымъ (М., 1781; 2 изд., 1787); стихотворенія вошли въ I т. «Русской поэзіи» Венгерова; Н. Буличъ, «Сумароковъ и современная ему критика» (СПб., 1854); В. Стоюнинъ, «А. П. Сумароковъ» (СПб., 1856); Н. Лонгиновъ, «Русск. театръ въ СПб. и Москвѣ, 1749—1772» (СПб., 1870; изъ XI т. «Сборника» II отд. Акад. Наукъ). *Ломоносовъ*: самое полное изданіе соч. Ломоносова начато Академіей наукъ, подъ редакціею М. И. Сухомлинова (СПб., 1891—1898). Обзоры литературы о Ломоносовѣ у В. Межова; «Юбилеи Лом., Карамзина и Крылова» (СПб., 1871); С. И. Пономаревъ, «Матеріалы для библіографіи литер. о Ломоносовѣ»; С. Венгеровъ, «Русская поэзія» (т. I, Ломоносовъ). Подробная біографія въ книгѣ Пекарскаго, «Ист. Академ. Наукъ»; А. Куникъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII в.» (СПб., 1865); П. Билярскій, «Матеріалы для біографіи Ломоносова» (СПб., 1865); В. И. Ламанскій, «Лом. и петербургская Академія Наукъ. Матеріалы» (М., 1865; изъ «Чтеній»); «Ломоносовъ» (біографическій очеркъ, СПб., 1864); «Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова московскимъ университетомъ» (М., 1865); «Памяти Ломоносова» (Харьковъ, 1865); А. Будиловичъ, «Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ» (СПб., 1869); А. Будиловичъ, «Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности» (СПб., 1871); Е. Будде, «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русск. языка по поводу новаго академическаго изданія сочин. Ломоносова» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1898, № 3); В. Истоминъ, «Главн. особенности языка и слога произведеній Ломоносова» (въ «Русск. Филолог. Вѣстн.», 1896). «Душенька» *Богдановича*: много изданій съ 1783; послѣд. въ I т. «Русск. поэзіи»

Библиотека "Руниверс"

Венгерова. «Сочиненія и письма» *Хемницера* (СПб., 1873; лучшее изданіе съ біограф. статьею и примѣчаніями Я. К. Грота). «Собраніе сочиненій» *Я. Б. Княжнина* (5 ч., СПб., 1817—18, изд. Смирдина, СПб., 1847—48); Стих. Княжнина съ обзоромъ литературы въ I т. «Русск. поэзіи». О *В. И. Лукинѣ* см. А. Н. Пыпинъ, въ «Соч. и переводахъ Лукина и Б. Е. Ельчанинова» (СПб., 1868). *Костровъ*: «Полное собр. всѣхъ сочин. и переводовъ въ стихахъ» (СПб., 1802; изд. Смирдина СПб., 1849) и въ I т. «Русск. поэзіи» Венгерова, со ст. П. Морозова. — *В. П. Петровъ*: собр. стих. въ I т. «Русск. поэзіи» Венгерова (со статьей И. Шляпкина).—*М. М. Хераскова*: «Творенія» (въ 12 частяхъ; 2 изд., М., 1807—1812); «Эпическія творенія» (3 изд., М., 1820); отд. «Бахаріана или Неизвѣстный, волшебная повѣсть, почерпнутая изъ рус. сказокъ» (М., 1803); въ I т. «Русской поэзіи» «Россіада» (съ біографіей, М. Хмырова).— *В. И. Майковъ*: «Соч.» (СПб., 1867, со статьей Л. Н. Майкова, также въ «Оч. русской литер.», СПб., 1889 и въ I т. «Русской поэзіи»). *Державинъ*: «Сочиненія» (изд. Акад. наукъ, съ обширнымъ примѣч. Я. К. Грота, въ 7 том., СПб., 1864—1873; въ VIII т. «Жизнь Державина»; въ IX — дополненія и полная библіографія, СПб., 1880; избранныя стих. въ I т. «Русской поэзіи»). *Фонъ-Визинъ*: наиболѣе полное изданіе П. А. Ефремова: «Сочиненія, письма и избранные переводы Фонъ-Визина, съ примѣч. и статьей П. А. Пятковскаго» (СПб., 1866); «Матеріалы для полнаго собранія соч. Фонъ-Визина», Н. С. Тихонравова (СПб., 1894); кн. А. П. Вяземскій, «Фонъ-Визинъ» (СПб., 1848, въ «Соч.» Вяземскаго, т. V, 1880). *Импер. Екатерина II*: «Сочиненія» собраны въ первый разъ въ новомъ изданіи Смирдина (СПб., 1849; подъ ред. В. Ѳ. Солнцева, СПб., 1893, 3 тома; новое изданіе «Наказа», Л. Пантелѣева, подъ ред. И. Безгина, СПб., 1893); литература объ имп. Екатеринѣ, съ перечисленіемъ ея переписки, въ «Словарѣ русскихъ писательницъ» кн. Н. Голицына (СПб., 1889); Пекарскій, «Матеріалы для исторіи журн. и лит. дѣятельности Екатерины», въ прилож. къ III т. «Зап. Акад. Наукъ», 1863; Добролюбовъ, «Русская сатира въ вѣкѣ Екатерины»; «Собесѣдникъ любителей русскаго слова»: объ статьи въ «Современникѣ» и въ I т. «Сочиненій» Д—ва, 1861; В. Солнцевъ, «Всякая Всячина» и «Спекторъ» (СПб., 1892; изъ «Журн. Мин. Нар. Пр.»); В. Стоюнинъ, «Педагог. сочиненія» (СПб., 1892, стр. 98 — 188, «Развитіе педагогич. идей въ Россіи въ XVIII ст.»); М. Лонгиновъ, «О драматич. сочиненіяхъ имп. Екатерины» (въ «Молвѣ» 1857; дополненія къ этой статьѣ Г. Геннади, въ «Библ. Зап.» 1858, т. I, 498—508); П. Безсоновъ, «О вліяніи народнаго творчества на драмы Екатерины» («Заря», 1870, № 4); А. Брикнеръ, О комич. операхъ «Горе-богатырь» (въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1870, № 12). *А. О. Аблесимовъ*: «Соч.» изд. Смирдина (СПб., 1849); «Мельникъ» Аблесимова въ «Дешевой Библ.» Суворина. О Аблесимовѣ въ «Словарѣ» Венгерова и въ I т. «Русской поэзіи». *М. И. Веревкинъ*: Н. М. Тупиковъ, «Ист.-лит. очеркъ» (1895; изъ «Ежегодника Имп. театровъ» за 1893—94). *В. Я. Капнистъ*: «Соч.» (изд. Смирдина, СПб., 1849); «Ябеда» въ «Дешев. библ.» Суворина; избранныя стих. Капниста въ «Русской поэзіи» (со статьей В. И. Саитова); А. И. Незеленовъ, «Литератур. направленія въ Екатерининскую эпоху» (СПб., 1889). *Мистическое и масонское движеніе*: М. Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты» (М., 1867); А. Пыпинъ, по поводу книги Лонгинова («Вѣстникъ Европы», 1867, т. II—IV), «Русское масонство до Новикова» (тамъ же, 1868, іюнь, іюль); «Матеріалы для ист. масонскихъ ложъ» (тамъ же, 1872, январь, февраль, іюль, ноябрь); «Хронологическій указатель русскихъ ложъ 1731—1822» (СПб., 1873); Пекарскій, «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи» (СПб., 1869); А. И. Незеленовъ, «Новиковъ, издатель журналовъ. 1769 — 1785» (СПб., 1875); Н. Тихонравовъ, «Сочин.» (т. III, ч. I., М., 1898; о Новиковѣ и Шварцѣ); Ф. Терновскій, «Русское вольнодумство при Екатеринѣ II» (въ «Трудахъ Кіев. дух. Акад.», 1868, № 3, 7); И. Наумовъ, «Вольтерьянство русскихъ писателей Екатерининъ. временъ» (СПб., 1876). — Подробный обзоръ нашей *исторіографіи* XVIII в. въ книгѣ П. Н. Милюкова, «Главн. теченія русской историч. мысли» (М., 1897, 2 изд., 1898); «Сочиненія» Щербатова» подъ ред. И. Хрущова (т. I. 1896, т. II, 1898); А. Пыпинъ, «Крыловъ и *Радищевъ*» («Вѣстн. Европы», 1868, май); В. Якушкинъ, «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в. Къ біографіи Радищева» («Рус. Стар.» 1882, сент.); М. Сухомлиновъ, «Радищевъ» (въ «Сборникѣ русскаго отд. Акад.» т. XXXIII. СПб., 1883, и въ его «Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по русской литер.», СПб., 1889, т. II); В. Якушкинъ, «Радищевъ и Пушкинъ» (въ «Чтеніяхъ», 1886, кн. 2, и въ книгѣ «О Пушкинѣ», СПб., 1899). *Мемуары* XVIII в.: кн. Я. П. Шаховской, «Записки» (М., 1810 2 изд., СПб., 1821); В. А. Нащокинъ, «Записки» (изд. Д. И. Языковымъ, СПб. 1842); кн. Нат. Бор. Долгорукова, «Записки» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1867; изд. Суворина, съ біографіей С. Н. Шубинскаго); М. В. Даниловъ, «Записки артиллеріи маіора Данилова» (М., 1842, въ «Русскомъ Архивѣ», 1888); А. Т. Болотовъ, «Жизнь и приключенія Болотова» (СПб., 1870 — 73, доведены до 1795); его-же, «Памятникъ протекшихъ временъ» (М., 1875); С. А. Порошинъ, «Записки, служащія къ исторіи вел. кн. Павла Петровича» (СПб., 1844; полное изданіе въ «Рус. Старинѣ», 1881); Г. Р. Державинъ, «Записки», въ «Собраніи сочин.» (т. VI); кн. Ек. Р. Дашкова—лучшее изданіе ея записокъ на фр. яз. «Mon histoire», въ «Архивѣ кн. Воронцова», т. XXI; русскій переводъ «Русская Старина» 1874 (отрывки); А. В. Храповицкій, «Дневникъ» (изд. М. Барсуковымъ, СПб., 1874); «Истинное повѣствованіе» и пр. Г. И. Добрынина («Русская Старина», 1871); М. Гарновскій, «Дворъ имп. Екатерины въ 1783—1788 г. (тамъ же, 1876); А. М. Грибовскій, «Записки объ имп. Екатеринѣ», 1766 — 1833 (М., 1864; изданіе по подлинной рук. въ «Русскомъ Архивѣ»

Библиотека "Руниверс"

1899); Г. С. Винскій, «Записки» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1877). *Карамзинъ.* С. Пономаревъ, «Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ въ Зап. Акад. наукъ», т. XLV, 1880); Сочиненія Карамзина изд. 4, СПб., 1834, въ 9 том.; изд. 5 (Смирдина) въ 3 т., СПб., 1848; переводы К. изд. 4, СПб., 1833—35, 4 т. «Повѣсти» Карамзина и «Письма рус. путешественника» перевизданы въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина;—лучшее изданіе «Исторіи Госуд. Россійскаго», Эйнерлинга, въ 3 книгахъ (СПб., 1842—43; къ нему «Ключъ» или алфавитный указатель П. Строева, СПб., 1844); «Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина» (СПб., 1862); «Письма Карамзина къ Дмитріеву» (СПб., 1866); М. Погодинъ, «Карамзинъ въ его сочиненіяхъ, письмахъ и отзывахъ современниковъ» (М., 1866); Н. Тихонравовъ, «Четыре года изъ жизни Карамзина. 1785—88» (въ «Рус. Вѣстникѣ» и въ «Сочиненіяхъ», т. III, ч. I., М., 1898); А. Пыпинъ, «Общественное движеніе при Александрѣ I» (2 изд., СПб., 1885, стр. 183—260; о Карамзинѣ, какъ о публицистѣ и авторѣ «Записки о древней и новой Р.»); В. Сиповскій, «Карамзинъ, авторъ Писемъ рус. путешественника» (СПб., 1899). *Жуковскій:* Лучшее изданіе «Сочиненій» Жуковскаго, подъ ред. П. Ефремова; въ VI т. письма Жуковскаго; Ив. Бычковъ, «Бумаги Жуковскаго, поступившія въ Имп. Пуб. Библ., въ 1884 г.» (СПб., 1887; изъ «Отчета» за 1884); письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, въ «Рус. Архивѣ», 1895; «Библіографическія замѣтки о Жуковскомъ», Лѣтописца Димитрія, въ «Библ. Зап.» (1892, № 4, стр. 281—283, и № 7, 498—499); К. Зейдлицъ, «Жизнь и поэзія Жуковскаго по личнымъ воспоминаніямъ и неизданнымъ источникамъ» (СПб., 1883); Загаринъ, «Жуковскій и его произведенія» (2 изд., М., 1883, разборъ въ «Сочиненіяхъ» Н. Тихонравова, т. III); «В. А. Жуковскій, чествованіе его памяти въ СПб. въ 1883 г.» (изд. Н. Стояновскаго, СПб., 1883). *Мих. Никит. Муравьевъ:* «Полное собраніе сочиненій» (СПб., 1819—20, въ изд. Смирдина, СПб., 1847, 1856). О немъ В. Сантовъ въ примѣч. къ «Сочиненіямъ Батюшкова» (СПб., 1887). Е. Пѣтуховъ, въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» (1894, августъ). *А. С. Шишковъ:* «Собраніе сочиненій» (изд. Рос. Академіи, СПб., 1819—39); «Записки, мнѣнія и переписка Шишкова», изд. Н. Киселева и Ю. Самарина (Б., 1870); В. Стоюнинъ, «А. С. Шишковъ» (СПб., 1880); Щебальскій, «Шишковъ, его союзники и противники» («Русскій Вѣстникъ», 1870, № 11). *Ив. Ив. Дмитріевъ:* «Сочиненія» (много изданій; въ изд., СПб., 1823, находится «Извѣстіе о его жизни и стих. кн. П. А. Вяземскаго); «Взглядъ на мою жизнь» (Москва, 1866). Наиболѣе полное изданіе Дмитріева подъ ред. А. А. Флоридова (СПб., 1893; прил. къ журн. «Сѣверъ»). *В. А. Озеровъ:* «Сочиненія» (5 изд., СПб., 1828; два изд. Смирдина, 1846 и 1847; изд. Вольфа, 1856). О немъ статья кн. П. Вяземскаго въ I т. его «Сочиненій», СПб., 1876; Селинъ, «Значеніе Озерова въ русс. литературѣ» («Кіев. Унив. Изв.», 1870, октябрь); Л. Майковъ, «Кн. Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ» (въ «Пушкинѣ», СПб., 1899).—*Н. И. Гнѣдичъ:* «Полное собр. сочиненій» подъ ред. Виленкина-Минскаго (СПб., 1884; объ этомъ Галаховъ въ «Журн. мин. нар. просв.», 1884, ч. CCXXXIII); изд. «Иліады» въ «Дешевой Библіот.» Суворина; «Н. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, по неиздан. источникамъ», сообщилъ П. Н. Тихановъ (СПб., 1884); С. Пономаревъ, въ «Русск. Старинѣ», 1884, т. XLIII, и въ «Сборникѣ русск. отд. Академіи Наукъ» т. XXXVIII (поправки къ тексту Иліады). *И. А. Крыловъ:* первое изд. басенъ вышло въ 1809 г. (23 басни) и съ тѣхъ поръ повторялось множество разъ. Полное собр. соч., съ біографіей, написанною Плетневымъ (СПб., 1847; 2 изд., 1895; VI т. «Сборника рус. отд. Акад. Наукъ», СПб., 1869, весь посвященъ «Чтеніямъ» 2 февраля 1868 г. въ память И. А. Крылова» — статьи Грота, Никитенка, Срезневскаго, Бычкова, Макарія, В. Кеневича); «Библіогр. и историч. примѣчанія о баснях Крылова», В. Кеневича (2 изд., СПб., 1878, стр. 261—296; «Указатель статей о Крыловѣ и его сочиненій, съ 1808 по 1871 г.»); Л. Майковъ, «Первые шаги Крылова на литературномъ поприщѣ», «Историко-литерн. очерки» (СПб., 1895); К. Арабажинъ, «Біограф. очеркъ Крылова» (при 2 иллюстр. изд. «Басенъ» Крылова, спб. комитета грамотности. 1895). *А. Ѳ. Мерзляковъ:* «Сочиненія» издан. общ. люб. рос. словесн., подъ ред. М. Полуденскаго (М., 1867). О немъ въ «Біограф. словарѣ проф. Моск. унив.» (М. 1855). «Сочиненія Батюшкова», подъ ред. Л. Майкова. т. II; *Ю. А. Нелединскій-Мелецкій:* «Сочиненія» въ собраніи Смирдина (въ одной книжкѣ съ соч. Дельвига, СПб., 1850; болѣе полное изд. СПб., 1876); о немъ въ «Хроникѣ недавней старины» (СПб., 1876), «Соч. Батюшкова», подъ ред. Л. Майкова (т. II). *Ѳ. Н. Глинка:* о немъ Н. В. Путята (въ «Бесѣдахъ Общ. люб. русск. слов.», М., 1867, вып. I); А. А. Котляревскій, «Объ археолог. трудахъ Глинки» (тамъ-же); А. Жизневскій, «Ѳ. Н. Глинка» (Тверь, 1890); А. Милюковъ, біографія Глинки, въ «Истор. Вѣстн.», 1880, т. II. *С. Н. Глинка:* въ «Справоч. словарѣ» Геннади: «Записки» (СПб., 1895). *Д. И. Горчаковъ:* «Сочиненія» (М., 1890). О немъ С. Н. Брайловскій, въ «Филол. Записк.» (1892, вып. 3—4). *Н. И. Николевъ:* о немъ А. А. Чебышевъ, въ «Филол. Запискахъ», 1891, и въ «Рус. поэзіи» Венгерова (т. I). *Кн. И. М. Долгорукій:* «Бытіе сердца моего» (1-е изд., 1803; 4-е изд. Смирдина, 1849); «Кладбище моего сердца» въ «Чтеніяхъ» (М., 1872—73; потомъ въ «Рус. Архивѣ», 1890). О немъ М. Дмитріевъ: «Кн. И. М. Долгорукій и его сочиненія (2 изд., М. 1863); Л. Майковъ, въ «Соч. Батюшкова», т. II. *А. Н. Нахимовъ:* «Сочиненія» изд. 1815 г., изд. Смирдина (вмѣстѣ съ соч. Милонова и Судовщикова) 1849, 1852; о немъ и неизданныхъ сочиненіяхъ Р. С. Чириковъ въ «Русск. Старинѣ», 1880, № 11 и 12. *М. Милоновъ:* «Сатиры, посланія и др. мелкія стихотворенія» (СПб., 1819; изд. Смирдина. 1849, 1852). О немъ Галаховъ, «Историч. Христоматія» (т. II); «Библ. Зап.», 1893, № 12, стр.

Библиотека "Руниверс"

878—879; М. Мазаевъ, «По поводу столѣтія со времени рожденія Милонова» («Библіографъ», 1893, № 1). *А. Ѳ. Воейковъ*: о немъ «Справоч. Словарь» Геннади; Е. Колбасинъ, «Литер. дѣятели прошлаго времени» (СПб., 1859); Ефремовъ, «Домъ сумасшедшихъ» въ «Русск. Стар.», 1874, т. IX; 1875, т. XII; въ «Соч. Батюшкова». *А. Е. Измайловъ*: «Полное собр. соч.» (М., 1891). О немъ А. Галаховъ, «Соврем.», 1849—50; П. А. Измайловъ, въ «Русск. Старинѣ», 1875, т. XIV; Эртауловъ, «Литературная характеристика», въ «Дѣлѣ», 1879, № 4; С. Н. Брайловскій, въ «Филолол. Записках», 1891, вып. VI. *К. Н. Батюшковъ*: обстоятельная біографія Л. Н. Майкова, при изд. «Сочиненій» Батюшкова (СПб., 1887); въ примѣчаніяхъ Майкова и Саитова подробныя указанія о дѣятельности писателей времени Александра I; Л. Майковъ, «Батюшковъ, его жизнь и сочиненія» (изд. 2, СПб., 1896—одна біографія и характеристика). *А. С. Грибоѣдовъ*: «Полное собраніе сочиненій», подъ ред. И. А. Шляпкина (т. I: прозаическія статьи и переписка; т. II—поэзія, СПб., 1889); «Библіогр. указатель литературы о Грибоѣдовѣ», подъ ред. Н. Лисовскаго. О немъ «Сочиненія Бѣлинскаго» (т. III); И. А. Гончаровъ, «Мильонъ терзаній», въ «Вѣстн. Евр.», 1872, № 3 и въ «Собр. сочиненій»; Алексѣй Весловскій, «Этюды и характеристики» (М., 1894); «Горе отъ ума» изд. А. Суворина (СПб., 1886, съ предисловіемъ издателя: «Горе отъ ума и его критики»); А. И. Смирновъ, «Грибоѣдовъ и его жизненная борьба и судьба комедіи его», въ «Варш. Унив. Изв.», 1895, т. VI, и отд.; В. Боцяновскій, «А. С. Грибоѣдовъ, по поводу столѣтія со дня его рожденія» (СПб., 1895; изъ «Ежегодника Импер. театровъ». Сезонъ 1893—94). *Кн. А. А. Шаховской*: о немъ С. Т. Аксаковъ въ его «Разныхъ сочиненіяхъ» (М., 1858); Лонгиновъ, въ «Библіогр. Запискахъ», «Современникѣ» 1856, іюль и ноябрь. *М. Н. Загоскинъ*: біографія при I т. «Собранія сочиненій» (СПб., 1898); С. Аксаковъ, въ «Москвитян.» 1858 и въ «Собр. соч.».—*Кокошкинъ*: о немъ въ «Соч. Батюшкова» подъ ред. Л. Майкова, т. III, стр. 390—292. *Н. И. Хмѣльницкій*: «Сочин.» (изд. Смирдина, СПб., 1849, съ біографіей Хмѣльницкаго, С. Дурова); о немъ Н. А. Добротворскій, «Истор. Вѣстникъ» 1889, № 12. *П. А. Катенинъ*, «Сочиненія и переводы въ стихахъ» (СПб., 1832). О немъ Е. Пѣтуховъ, въ «Истор. Вѣстн.», 1888, № 9. *О театральной жизни начала XIX в.*: «Записки» С. П. Жихарева: «Отеч. Записки» 1854—55, отд. СПб. 1859;—новое изданіе «Записокъ» (М. 1890): С. Т. Аксаковъ, «Разныя сочиненія» (М., 1858); П. Араповъ, «Лѣтопись русск. театра» (СПб., 1861); Р. Зотовъ, «Театральныя воспоминанія» (СПб., 1859), *А. С. Пушкинъ*. Библіограф. свѣдѣнія. В. И. Межовъ, «Puschkiniana. Библіогр., указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литер. и искусства» (СПб., 1886); В. Зелинскій, «Русск. критич. литература о произвед. Пушкина» (М., 1887); С. Либровичъ, «Пушкинъ въ портретахъ» (СПб., 1890); «Альбомъ московской Пушкинской выставки 1880 г.» подъ ред. Л. Поливанова (М., 1882).—Изданія: посмертное изд. соч. Пушкина въ 11 т. (СПб., 1838 — 41); П. Анненкова, 6 томовъ (СПб., 1855; 7-ой дополнительный томъ, СПб., 1857); нѣсколько изданій подъ ред. П. А. Ефремова; изд. Общества для пособія нуждающимся литер. и учен. подъ ред. П. О. Морозова, СПб., 1887, въ 7 томахъ; академическое изданіе подъ ред. Л. Н. Майкова; вышелъ въ СПб., 1899, I т., заключающій въ себѣ «лицейскія стихотворенія»; описаніе рукописей Пушкина, поступившихъ въ Румянцовскій музей, дано В. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г.—Біографія и критика; П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина» (СПб., 1873); «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» (СПб., 1874); «Воспоминанія и критическіе очерки» (III, СПб., 1881, стр. 225—267); «Общественные идеалы Пушкина»; П. Бартеневъ, «Родъ и дѣтство Пушкина» (въ «Отеч. Запискахъ», 1853); «Матеріалы для біографіи Пушкина» (М., 1855, изд. «Моск. Вѣдомостей»); «Пушкинъ въ южн. Р.» (М., 1862 и «Русск. Архивъ», 1866); «А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія» (съ портретомъ, СПб., 1856; 2 изд., 1865, Н. Г. Чернышевскаго); В. Стоюнинъ, «А. С. Пушкинъ» (СПб., 1881); «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину. Пушкинскіе дни въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи» (СПб., 1881); рѣчь Достоевскаго въ «Дневн. Писателя», 1880 г. и «Собр. сочин.» (о ней ст. А. Градовскаго въ «Голосѣ», 1880, № 174, и письмо Кавелина, въ «Вѣстн. Европы», 1880, ноябрь); Рѣчь Тихонравова въ «Вѣстн. Европы», 1880, и въ III т. «Соч.»; Л. Майковъ, «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки» (СПб., 1899); В. Якушкинъ, «О Пушкинѣ» (М., 1899); «Соч. Бѣлинскаго», особенно т. VIII; Н. Чернышевскій, «Сочиненія Пушкина», въ «Соврем.», 1855; повторено въ «Критическихъ очеркахъ» (СПб., 1893); А. Пыпинъ, «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» (изд. 2, СПб., 1890, стр. 38 — 92). *Сверстники Пушкина: Бар. А. А. Дельвигъ*, «Соч.» подъ ред. В. В. Майкова (СПб., 1893, приложеніе къ «Сѣверу»); біографія В. П. Гаевскаго, «Соврем.», 1853—1854 г. (объ этомъ у Тихонравова, «Соч.», т. III, ч. 2, стр. 169—181).—*К. Ѳ. Рылѣевъ*, «Соч. и переписка», изд. его дочери, подъ ред. П. Ефремова (СПб., 1872, 2 изд., 1874); Соч. Рылѣева подъ ред. М. Мазаева (СПб., 1893 г., прилож. къ «Сѣверу»). *А. Бестужевъ-Марлинскій*, «Полное собраніе соч.» въ 12 ч., 4-е изд., СПб., 1847; нѣкоторыя повѣсти переизданы въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина. Біографія въ «Словарѣ» Венгерова (т. III)·—*Кн. П. А. Вяземскій*: библіографическія указанія С. Пономарева въ XX т. «Сборника русс. отд. Акад. Наукъ», СПб., 1880, стр. 59—178; продолженіемъ ихъ является работа Д. Языкова: «Вяземскій въ русс. литературѣ», въ «Библ. Зап.» 1892, № 6; рѣчь о Вяземскомъ М. Сухомлинова, тамъ же, стр. 32—52; В. Спасовичъ, «Вяземскій, его польскія отношенія, знакомства» (въ «Сочин.», т. VIII, СПб., 1896); «Остафьевскій

Библиотека "Руниверс"

архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ 1812—19 г.» (изд. гр. Шереметева, подъ ред. В. Саитова, СПб., 1899). *П. А. Плетневъ*, «Соч. и переписка» (СПб., 1885); «Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ» (СПб., 1896); «П. А. Плетневъ». Біографическій очеркъ А. Скабичевскаго, въ «Вѣстн. Евр.», 1885, № 11. *Е. А. Баратынскій*: «Сочиненія, съ портретомъ автора, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями» (Казань, 1885); «Словарь» Венгерова, т. II; Н. Котляревскій, «Памяти Баратынскаго» («Вѣстн. Европы», 1895, № 7); Н. Стороженко, «Поэтъ-мыслитель», въ сборникѣ моск. Общ. любит. русс. слов. «Починъ», т. I. *Д. В. Веневитиновъ*: «Полное собраніе соч.», подъ ред. А. П. Пятковскаго (СПб., 1862); М. Веневитиновъ, «Къ біографіи Д. Веневитинова» («Истор. Вѣстн», 1884, т. XVII; также въ «Русс. Архивѣ», 1885); «Жизнь и труды Погодина», Н. Барсукова (СПб., 1888, т. II). *Кн. В. Ѳ. Одоевскій*: брошюра Пятковскаго (СПб., 1870); Н. Сумцова (Харьковъ, 1884); А. Ѳ. Кони, въ настоящемъ «Энциклоп. Словарѣ». *Кн. А. И. Одоевскій*: «Полное собраніе стихотвореній». Собралъ бар. Е. А. Розенъ (СПб., 1883); «Сочин. кн. А. И. Одоевскаго», съ біографич. очеркомъ и пр. М. Н. Мазаева (СПб., 1893, прилож. къ «Сѣверу»); А. Сироткинъ, въ «Истор. Вѣстн.», 1883, № 5. *Н. М. Языковъ*: «Стихотворенія»; при нихъ приложены его портретъ, facsimile, свѣдѣнія о его жизни и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и иныхъ изданіяхъ (изд. приготовлено П. Перевлѣсскимъ, СПб., 1858, М., 1887); В. Шенрокъ, «Языковъ, біографическій очеркъ, по неизданнымъ матеріаламъ» («Вѣстн. Европы», 1897, № 11 и 12). *И. И. Козловъ*: «Стихотворенія» (СПб., 1833, 1834; 1840; въ 1855 изд. Смирдина). Наиболѣе полное изд. подъ ред. А. И. Введенскаго, СПб., 1892. Н. Полевой о поэмѣ Козлова «Кн. Долгорукая», въ его «Очеркахъ русс. литер.» (1839, I). *Н. А. Полевой*: «Драматическія соч. и переводы» (СПб., 1842—43), «Очерки русс. литерат.» (СПб., 1839), «Исторія русс. народа» (М., 1829—33), Повѣсти въ «Телеграфѣ» и въ отдѣльныхъ изданіяхъ; о немъ Бѣлинскій, «Соч.», т. I, V и XII; И. З. Крыловъ, «Очеркъ жизни и литерат. трудовъ Полевого» (М., 1849); Н. Чернышевскій, въ «Очеркахъ Гоголевскаго періода», въ «Соврем.», 1855, и въ отд. изд. СПб., 1892; С. Ставринъ, Полевой и «Моск. Телеграфъ», въ «Дѣлѣ», 1875, № 5 и 7; Панаевъ, «Литературныя воспоминанія» (СПб., 1876); «Воспоминанія Ксеноф. Полевого» (СПб., 1888); М. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія и статьи по русс. литерат.» (СПб., 1889, II, отр. 365—431: «Полевой и его журн. «Моск. Телеграфъ»); «Дневникъ Н. Полевого» въ «Истор. Вѣстникѣ», 1888, № 3 и 4; А. Бороздинъ, «Журналистъ двадцатыхъ годовъ», въ «Истор. Вѣстн.» 1896, № 3; В. Боцяновскій, «Полевой какъ драматургъ», въ «Ежегодникѣ Имп. театровъ», сезонъ 1894—95; П. Милюковъ, «Главныя теченія русс. исторической мысли» (М., 1897, I, стр. 239—240, 263—276). *М. Ю. Лермонтовъ*. Лучшія изданія: «Первое полное собраніе сочин. Лермонтова» подъ ред. П. Висковатова (6 томовъ, М., 1891; въ VI т. біографія); «Полное собраніе соч.» подъ ред. Арс. Введенскаго (СПб., 1891, 4 т.; прилож. къ «Нови»). О немъ: В. Зелинскій, «Сборникъ критическихъ статей о соч. Лермонтова»; «Къ библіографіи о Лермонтовѣ» («Библіографъ», 1891, № 7—8, стр. 106—110); объ юбилейныхъ изданіяхъ его сочиненій статьи въ «Библіогр. Зап.» (1892, № 1, 48—50; № 5, 374—375); «Лермонтовская литература въ 1891 г.» («Вѣстн. Европы», 1891, № 9); Арс. Введенскій, «Лермонтовъ въ изданіяхъ 1891 г.» («Историч. Вѣстникъ», 1891, № 10); В. Острогорскій, «Мотивы Лермонтовской поэзіи» («Русс. Мысль», 1891, № 1 и 2); Н. Котляревскій, «М. Ю. Лермонтовъ» (СПб., 1891). *А. В. Кольцовъ*: первое изд., М., 1835; «Стих. Кольцова», съ портретомъ и статьею о его жизни и сочин., писанною В. Бѣлинскимъ (СПб., 1846), и другія изданія. Новыя юбилейныя изданія: подъ ред. А. І. Лященка, СПб., 1893 (гдѣ въ первый разъ собраны письма Кольцова); изд. подъ ред. Арс. Введенскаго, СПб., 1894 (изд. Маркса). Самая полная біографія Кольцова составлена М. Де-Пуле: «А. В. Кольцовъ» (СПб., 1878); Огарковъ, «Кольцовъ, его жизнь и литературная дѣятельность» (СПб., 1891; біографическая библіотека Павленкова). В. Водовозовъ, «Кольцовъ, какъ народный поэтъ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1861, кн. 10 и 11); Е. Сталинскій, «Кольцовъ и Сребрянскій» (Воронежъ, 1868, изд. газ. «Донъ»); П. Владиміровъ, «Кольцовъ какъ человѣкъ и какъ поэтъ» (Кіевъ, 1894). *Н. В. Гоголь*. Обзоры литер. о Гоголѣ: Геннади, «Справочный словарь» (т. I); С. Пономаревъ, въ «Изв. Нѣжинскаго Института», 1882; Горожанскій, «Библіографич. указатель съ 1829 по 1882», въ прилож. къ «Русс. Мысли», 1883; Д. Языковъ, «Гоголь въ русс. литер. съ 1883 по 1892 г.», въ «Библ. Зап.», 1892, № 2 (къ этому дополненія Горожанскаго, Майкова и Н. Буковскаго, тамъ же, № 5, 7 и 8); «Критическая литература о произведеніяхъ Гоголя», составилъ В. Зелинскій. «Сочиненія и письма Гоголя», изд. Кулиша, въ 6 т., СПб., 1857; 2 послѣдніе тома (письма) не повторялись (къ этому необходимъ «Указатель къ письмамъ Гоголя», сост. В. Шенрокомъ, 2-е изд. М., 1888); критическое изданіе (10-е) «Сочин. Гоголя» подъ ред. Н. С. Тихонравова, т. I—V, М., 1889—1890; т. VI—VII, ред. В. Шенрока, СПб., 1896; общедоступное изданіе А. Маркса, въ 5 томахъ.—Біографія и критика: отзывы Бѣлинскаго (въ «Литер. мечтаніяхъ», въ статьѣ «О русс. повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», о «Мертвыхъ душахъ», о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки» и др.); Н. Чернышевскій, «Очерки Гоголевскаго періода» (СПб., 1892; изъ «Соврем.», 1855—57); В. И. Шенрокъ, «Матеріалы для біографіи Гоголя» (М., 1892—98); А. Н. Пыпинъ, «Характеристики литер. мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» (2 изд., СПб., 1890); Алексѣй Веселовскій, «Этюды и характеристики» (М., 1894, стр. 550—609;) и «Гоголь и Чаадаевъ» («Вѣстн. Европы», 1895, № 9); Н. В. Волковъ. «Къ исторіи русс. комедіи. I. Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки

Библиотека "Руниверс"

«Пріѣзжій изъ столицы» (СПб., 1899). Другое объясненіе въ ст. Александровскаго: «Этюды по психологіи художественнаго творчества. «Ревизоръ» Гоголя» (въ «Ежегодникѣ коллегіи П. Галагана», 1897—98, Кіевъ, 1898).

А. Н. Пыпинъ.

IV. Новѣйшій періодъ. *Послѣдніе годы дореформенной эпохи (1848—1855).* Съ 1848 г. наступаетъ литературно-политическое безвременье, длящееся до 1855 г. Это семилѣтіе можно назвать одною изъ самыхъ темныхъ полосъ въ исторіи русской мысли. Она была вызвана ни на чемъ не основанною боязнью, что европейское революціонное возбужденіе можетъ распространиться и на Россію. Литература и наука, при полномъ отсутствіи общественной жизни, были единственными поприщами, на которыхъ сколько-нибудь замѣтно могли сказаться вліянія европейскихъ настроеній; на нихъ, поэтому, пала вся тяжесть реакціи. Цензурныя стѣсненія уравняли всѣ партіи и направленія. Передовой «Современникъ» и квасной патріотъ Погодинъ, сочиненія Гоголя и Пушкина, славянофилы, любимецъ царской семьи Жуковскій и даже Булгаринъ—всѣ подвергались самымъ непостижимымъ цензурнымъ придиркамъ. Въ оффиціальной докладной запискѣ, написанной по наступленіи другой эпохи, дѣятельность цензуры въ 1848—1855 гг. была названа «эпохою цензурнаго террора». Небывало строгія мѣры были направлены противъ *личности* писателей. Первымъ пострадалъ Салтыковъ. Вина его состояла въ томъ, что въ мартовской книжкѣ «Отечеств. Зап.» за 1848 г.—первой, которая вышла послѣ революціонныхъ событій на Западѣ — была напечатана его повѣсть: «Запутанное дѣло». Какъ и во многихъ молодыхъ людяхъ конца сороковыхъ годовъ, въ Салтыковѣ бродилъ тотъ же неопредѣленный и туманный «соціализмъ», который сказался и въ литературной дѣятельности его сверстниковъ: въ Достоевскомъ—привлеченіемъ сочувствія къ ничтожной по своему соціальному положенію личности Дѣвушкина, въ Григоровичѣ—возбужденіемъ жалости къ Антону Горемыкѣ, въ Тургеневѣ—отыскиваніемъ высокихъ душевныхъ свойствъ въ крѣпостномъ крестьянинѣ, въ Некрасовѣ и Плещеевѣ—призывами къ добру, правдѣ и справедливости, въ разныхъ мелкихъ представителяхъ «натуральной школы» (Бутковъ и др.)—описаніемъ петербургской нищеты и т. д. Въ «Запутанномъ дѣлѣ» «соціалистическая» или, какъ называетъ ее Тургеневъ, «теплая демократическая струйка» сказалась явственнѣе только потому, что здѣсь большое мѣсто занимаютъ авторскія разсужденія. Въ апрѣлѣ 1849 г. послѣдовалъ арестъ членовъ будто-бы революціоннаго «общества» Петрашевцевъ, къ числу которыхъ принадлежали многіе писатели и ученые: кромѣ самого Петрашевскаго (1822 — 67), издавшаго, подъ псевдонимомъ *Кирилова*, замѣчательный «Словарь иностранныхъ словъ»—братья Достоевскіе, Плещеевъ, Пальмъ, поэтъ С. Ѳ. Дуровъ, лексикографъ и беллетристъ Ф. Толь, химикъ Ѳ. Львовъ, гигіенистъ Д. Д. Ахшарумовъ. Кромѣ кружка Петрашевскаго, было много другихъ, гдѣ разсуждали совершенно въ томъ же духѣ о строгостяхъ цензуры, о безобразіи крѣпостного права, о продажности чиновничества, съ огромнымъ интересомъ читали сочиненія Кабе, Фурье, Прудона, съ восторгомъ слушали письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Таковъ былъ, напримѣръ, кружокъ извѣстнаго педагога и переводчика Иринарха Введенскаго, къ которому принадлежали молодые литераторы и студенты Г. Е. Благосвѣтловъ, А. П. Милюковъ, Н. Г. Чернышевскій. По случайнымъ лишь причинамъ избѣгъ преслѣдованія за участіе въ «заговорѣ» Петрашевскаго извѣстный теоретикъ позднѣйшаго славянофильства Н. Я. Данилевскій, политически пострадавшій по другому, столь же неосновательному поводу. Наконецъ, только смерть избавила отъ преслѣдованій Валеріана Майкова, какъ сотрудника «Словаря иностранныхъ словъ» Кириллова, и Бѣлинскаго, какъ автора письма къ Гоголю. Въ дѣйствительности, весь «заговоръ» Петрашевцевъ сводился къ *преніямъ* по тремъ «главнымъ вопросамъ»: необходимости освобожденія крестьянъ, реформы судопроизводства и смягченія цензуры, т. е. къ тѣмъ реформамъ, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ были провозглашены съ высоты трона. Единственнымъ вѣрнымъ «обвиненіемъ» было увлеченіе «фурьеризмомъ». Всѣ Петрашевцы несомнѣнно увлекались идеями французскихъ соціальныхъ реформаторовъ; но въ этихъ увлеченіяхъ не было ничего опаснаго. Изъ соціальныхъ системъ тогдашняя передовая молодежь черпала только общегуманную подкладку, стремленіе положить общее благо, правду и справедливость въ основу общественной жизни. Непріятности коснулись и Островскаго, хотя онъ принадлежалъ къ такъ наз. «молодой редакціи Москвитянина», воевавшей съ «западниками» во имя «истинно-русскаго», патріархальнаго склада жизни. Въ 1850 г. не только было запрещено поставить на сцену комедію Островскаго: «Свои люди сочтемся», но даже писать о ней рецензіи, а самъ авторъ былъ отданъ за нее подъ надзоръ полиціи. За восторженный некрологъ Гоголя Тургеневъ былъ водворенъ на мѣсяцъ на Съѣзжую, а затѣмъ высланъ изъ столицы. Приказано было строго цензуровать все, что пишется о Гоголѣ; затѣмъ объявлено было совершенное запрещеніе говорить о немъ. Понадобилось три года хлопотъ и усилій, чтобы осуществить, съ помощью вел. кн. Константина Николаевича, изданіе полнаго собранія сочиненій Гоголя, при чемъ заглавіе «Мертвыя души» было замѣнено другимъ: «Похожденія Чичикова». Когда московскіе славянофилы, въ 1853 г., представили въ цензуру 2-й томъ «Москов. Сборника», онъ былъ запрещенъ, а всѣ его сотрудники отданы подъ надзоръ полиціи. «Кирѣевскій и Черкасскій», писалъ по этому поводу Хомяковъ,—«въ большомъ негодованіи, особенно Кирѣевскій. Богомольный монархистъ, ему и не снилось, чтобы его въ чемъ-нибудь заподозрѣли, и онъ считаетъ себя сильно оскорбленнымъ. Мысль и ея движеніе теперь подозрительны, какое-бы ни было ея направленіе». Всего опаснѣе казался Хомяковъ, хотя о немъ благосклонно отзывался

Библиотека "Руниверс"

самъ императоръ. «Когда бѣднаго Павлова схватили» — разсказываетъ Хомяковъ Гильфердингу — «велѣно было прежде всего искать моихъ писемъ» (Н. Ф. Павловъ былъ сосланъ въ Пермь за то, что у него нашли «запрещенныя книги», и притомъ самой невинной категоріи—на иностранныхъ языкахъ). Безнадежное уныніе овладѣло всѣми, кто еще недавно бодро и смѣло глядѣлъ въ будущее. «Есть съ чего съ ума сойти», писалъ (въ 1850 г.) Грановскій; «положеніе становится нестерпимѣе день ото дня. *Благо Бѣлинскому, умершему во время.* Много порядочныхъ людей впало въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее — *когда же развалится этотъ міръ*». Въ одинъ-два года какъ личный составъ литературы, такъ и общая литературная физіономія эпохи измѣняются существеннѣйшимъ образомъ. Особенно велики были перемѣны въ области теоретической мысли, сразу лишившейся вождей въ лицѣ «во время умершаго» Бѣлинскаго и во время ушедшаго за границу Герцена (въ теченіе всего 1848 г. онъ еще имѣлъ возможность вернуться изъ своей легальной поѣздки, но въ 1849—50 гг., подъ вліяніемъ вѣстей изъ Россіи, онъ окончательно сжигаетъ за собою корабли, напечатавъ «Съ того берега» и др.). Изъ рядовъ дѣятелей художественной литературы выбываетъ Достоевскій, въ томительные годы пребыванія въ Мертвомъ домѣ не написавшій ни одной строчки. Салтыковъ промолчалъ до наступленія новаго царствованія. Поэзіи Плещеева невзгода сообщила навсегда исключительно-грустный характеръ. Въ произведеніяхъ Тургенева меланхолическій оттѣнокъ никогда не проявлялся съ такою силою, какъ въ разсматриваемые годы: именно тогда имъ былъ созданъ типъ «лишняго человѣка». Герой «Переписки» съ ужасомъ восклицаетъ, что «у насъ русскихъ нѣтъ другой жизненной задачи, какъ разработка нашей личности». Въ жизни Некрасова разгромъ передовыхъ кружковъ выразился даже въ чисто-количественномъ отношеніи: онъ крайне вяло работалъ въ эти тяжелые годы. Въ томъ фактѣ, что онъ не постѣснялся подписать свое имя подъ почти-лубочными романами: «Три страны свѣта» и «Мертвое озеро», ярко сказалась одна изъ характернѣйшихъ чертъ эпохи—общее пониженіе литературнаго тона. Главный органъ литературной жизни—ежемѣсячная журналистика — въ 1848—55 гг. много потеряла и въ опредѣленности стремленій, и въ чувствѣ собственнаго достоинства. Замолкли западники, замолкли и славянофилы; у славянофиловъ даже постояннаго органа своего не было. Когда въ 1852 г. они издали «Московскій Сборникъ», онъ вызвалъ только нѣсколько мимолетныхъ рецензій, потому что въ литературныхъ кружкахъ было извѣстно о цензурной невзгодѣ, постигшей издателей. Но, помимо брезгливости, были тутъ соображенія и менѣе высокаго свойства. Хотя и опальное, славянофильство было сравнительно благонадежно во мнѣніи властныхъ сферъ, и сражаться съ нимъ было не безопасно. Практическій Некрасовъ, какъ издатель «Современника», очень скоро это понялъ—и вотъ, въ главномъ органѣ западничества, въ объявленіи о подпискѣ на 1849 г., попадаются такія фразы: «Въ настоящую минуту уже стало очевидно, что міръ славяно-русскій и міръ романо-германскій—два совершенно особенные міра. У насъ свое дѣло, своя задача, своя цѣль, свое назначеніе, а потому и своя особенная дорога, свои особенныя средства. Чувства народной самобытности теперь получили у насъ окончательно право гражданства и т. д.». Это былъ языкъ Хомякова и Кирѣевскаго, и можно было-бы тутъ усмотрѣть полный отказъ отъ западнической программы, если-бы не было ясно, что все это пишется ради цензуры. Современники не могли не замѣтить такого капитальнаго явленія, какъ исчезновеніе журнальныхъ оттѣнковъ. «Вслѣдствіе отсутствія строго-раздѣленныхъ партій въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ»,—говорилось въ одномъ изъ журнальныхъ обозрѣній 1851 г.,— «и самые журналы не представляютъ рѣзкихъ между собою отличій, а могутъ быть раздѣляемы только по нѣкоторымъ и бо́льшею частью весьма слабымъ оттѣнкамъ». Множество писателей теперь одновременно участвовали въ разныхъ журналахъ: Григоровичъ, Писемскій, Полонскій, Фетъ, Щербина, Потѣхинъ, Михайловъ помѣщали свои произведенія въ одно и то же время въ «Современникѣ», «Отечеств. Зап.» и «Москвитянинѣ». Дружининъ одновременно сотрудничалъ въ «Современникѣ» и въ «Библ. для Чтенія» Сенковскаго; въ послѣднюю онъ даже перенесъ свои «Письма иногороднаго подписчика», когда разошелся на нѣкоторое время съ «Современникомъ». Нѣсколькими годами раньше такое явленіе было-бы совершенно немыслимо. Исчезла, однако, только идейная полемика: полемика въ смыслѣ руготни и личной перебранки распустилась, наоборотъ, пышнымъ цвѣтомъ и, къ соблазну читающей публики, приняла грубый характеръ заазываній къ себѣ подписчиковъ. Вражда между первенствующими журналами—«Отеч. Зап.» и «Современникомъ»—началась еще съ 1846 г., когда бо́льшая часть кружка Бѣлинскаго вмѣстѣ съ нимъ ушла отъ Краевскаго въ купленный у Плетнева Некрасовымъ и Панаевымъ «Современникъ»; но она не выходила за предѣлы частныхъ отношеній. Только теперь, когда журналистика сошла съ высоты, на которую ее поставила нравственная сила лучшихъ людей сороковыхъ годовъ, когда журналисты изъ знаменосцевъ превратились въ поставщиковъ занимательнаго чтенія, мелкія страсти могли безпрепятственно выйти наружу. Перебранка между журналами длилась вплоть до наступленія новыхъ временъ, когда стало возможно говорить о серьезныхъ интересахъ общественной жизни. Вмѣстѣ съ утратой опредѣленности направленія и чувства собственнаго достоинства, журналистика переходнаго времени потеряла также живость и отзывчивость. Въ весеннихъ журнальныхъ книжкахъ 1848 г. говорилось о новостяхъ парижскихъ театровъ и ни единымъ словомъ не упоминалось о событіяхъ политическихъ—а еще за годъ до того искандеровскія «Письма изъ Avenue Marigny» и «Парижскія пись-

Библиотека "Руниверс"

ма» Анненкова знакомили публику съ предреволюціоннымъ общественнымъ возбужденіемъ. Когда, въ маѣ 1848 г., умеръ Бѣлинскій, «Современникъ» посвятилъ ему десять строкъ, «Отечественныя Записки» — около двадцати. Журналы начинаютъ наполнять свои страницы статьями, ясно отражающими глубокій застой умственной жизни. Въ отдѣлѣ «наукъ» помѣщаются тяжеловѣснѣйшіе ученые трактаты, съ цифрами, таблицами, спеціальными рисунками, напр. обширное руководство къ приготовленію торфа, исторія тонкорунаго овцеводства, трактатъ о рыбоводствѣ. Въ сферѣ литературной ослабленіе журнальной отзывчивости ярко сказалось въ упадкѣ критики, во главѣ которой теперь сталъ А. В. Дружининъ, писатель не безъ достоинствъ, но совершенно несоотвѣтствовавшій тому понятію о «первомъ критикѣ», о вождѣ поколѣнія и властителѣ думъ, которое было создано Бѣлинскимъ. Дружининъ—занимательный рецензентъ, не больше. Какъ беллетристъ, Дружининъ, начавшій «Поленькой Саксъ»—блестящей повѣстью на тему о семейныхъ отношеніяхъ, отразившей общее стремленіе молодой литературы пересмотрѣть установившіеся общественно - политическіе взгляды,—теперь совсѣмъ захирѣлъ. Онъ пишетъ рядъ ничтожныхъ повѣстей и романовъ, не оставившихъ никакого слѣда въ литературѣ. Несоразмѣрно своимъ литературнымъ силамъ выдвинулся П. В. Анненковъ. Онъ имѣетъ безспорныя заслуги какъ издатель перваго полнаго собранія сочиненій Пушкина и какъ авторъ воспоминаній о писателей 1840-хъ годовъ; но его вялый писательскій темпераментъ дѣлалъ его еще менѣе пригоднымъ, чѣмъ Дружининъ, для первенствующаго положенія въ литературѣ. Разсматриваемые годы богаты только статьями о старо-русской литературѣ, для которыхъ дало внѣшній поводъ выходившее тогда Смирдинское «Собраніе русскихъ авторовъ». Это было ничѣмъ инымъ, какъ направленіемъ силъ въ сторону наименьшаго сопротивленія: его навязала журналистикѣ реакціоннаго періода трудность касаться болѣе живыхъ явленій. Статья Галахова о Богдановичѣ вызвала, однако, цензурное гоненіе, потому что стиль и пріемы статьи напоминали, по мнѣнію цензуры, «духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи (!), дававшей преднамѣренною неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ». Приходилось, такимъ образомъ, отдать отдѣлъ критики предметамъ еще болѣе безобиднымъ и уже ничего общаго съ современностью не имѣющимъ. И вотъ, наступаетъ въ «критическомъ» отдѣлѣ періодъ самаго мелочнаго крохоборства. «Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ они измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подпись А или В въ такомъ-то журналѣ или альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопродавцевъ, на которомъ году написалъ первое стихотвореніе» — вотъ какъ характеризовалъ Добролюбовъ задачи непосредственно предшествовавшей ему критики. Было въ ней, однако, одно исключеніе: именно въ началѣ 50-хъ годовъ опредѣлилось вполнѣ одно изъ серьезнѣйшихъ дарованій русской критики—Аполлонъ Григорьевъ (1832—1864). Дѣятельность его связана съ такъ называемой «молодой редакціей» «Москвитянина», въ составъ которой входили Островскій, Писемскій, остроумный поэтъ-пародистъ Б. Н. Алмазовъ, немного тяжеловѣсный, но образованный критикъ-эстетикъ Е. Н. Эдельсонъ, Алексѣй Потѣхинъ, Печерскій-Мельниковъ, талантливый бытописатель московскаго мѣщанства И. Т. Кокоревъ, Мей, Т. И. Филипповъ, этнографъ С. Б. Максимовъ, талантливый разсказчикъ и самъ авторъ превосходныхъ сценъ изъ народнаго быта И. Ѳ. Горбуновъ и др. Это не былъ кружокъ однородный; съ наступленіемъ новаго періода онъ разбрелся по самымъ разнообразнымъ изданіямъ. Теперь его сплачивалъ по преимуществу глубокій упадокъ западническаго лагеря, который, прекративъ всякую серьезную идейную полемику съ славянофильствомъ, въ рядѣ мелкихъ выходокъ продолжалъ сектантски-враждебно относиться ко всему, что исходило изъ славянофильскаго лагеря. Изъ-за внѣшней связи «молодой редакціи» съ Погодинымъ тогдашніе западники проглядѣли, что новое «русское» направленіе находилось въ прямой связи съ завѣтомъ Гоголя изображать дѣйствительную жизнь. Островскій создавалъ бытовую комедію и открывалъ русскому искусству совершенно неизвѣстный ему до тѣхъ поръ міръ купечества; Писемскій какъ никто другой зналъ провинціальную жизнь; Мельниковъ — несомнѣнно самый колоритный и выдающійся изъ всѣхъ нашихъ писателей-этнографовъ. Въ общемъ все это дѣйствительно составляло «новое слово», и не напрасно говорилъ о немъ знаменоносецъ и теоретикъ «молодой редакціи», Аполлонъ Григорьевъ. Если-бы критика западническаго лагеря стояла тогда на высотѣ своего призванія, она постаралась-бы съ своей точки зрѣнія освѣтить новый матеріалъ, данный московскимъ кружкомъ. Если очистить міросозерцаніе Григорьева, которое онъ самъ называлъ «органическимъ», отъ мистическаго жаргона и туманнѣйшихъ вѣщаній, то «органическая» критика сводится къ требованіямъ вполнѣ безспорнымъ. За десять лѣтъ до Тэна Григорьевъ доказывалъ, что каждый писатель—не только органическій продуктъ своего народа и времени, но даже той мѣстности, гдѣ онъ родился. Отсюда вытекали и то требованіе самобытности, которое онъ предъявлялъ къ каждому литературному произведенію, и тотъ восторгъ, въ который онъ пришелъ, когда въ произведеніяхъ Островскаго увидѣлъ полное осуществленіе своихъ мечтаній о бытовой окраскѣ литературы. Стройно и опредѣленно формулировать свое міросозерцаніе ему не удалось; онъ вѣчно отклонялся въ сторону и изъ-за полемическихъ экскурсовъ забывалъ главное. И такъ какъ безпорядочность и неясность изложенія за-

Библиотека "Руниверс"

трудняли чтеніе его статей, то публика знала его преимущественно по экстравагантнымъ выходкамъ, которыхъ всегда было много въ его писаніяхъ и которыя враждебная ему печать выставляла на видъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ прошелъ, поэтому, безслѣдно и не поднялъ уровня эпохи.

Начальные годы «эпохи великихъ реформъ» (1855—1862). 1855-й годъ есть рубежъ между старою и новою Россіей. Литература въ Россіи, въ силу слабаго развитія общественной жизни, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь служитъ выразительницей духовныхъ силъ страны. Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ она ярко отражаетъ новое теченіе русской государственной жизни; ею овладѣваетъ страстное возбужденіе, подъ вліяніемъ котораго журналистика становится могущественнымъ факторомъ общественной жизни. Съ небывалымъ воодушевленіемъ выдвигается понятіе о *гражданинѣ*, о его правахъ и обязанностяхъ. Наступаетъ единственный въ новѣйшей исторіи русской мысли періодъ, когда почти не существовало никакихъ партійныхъ разногласій. Основныя его черты — безграничное, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ умиленіе и радостная суетливость, съ которою русскій человѣкъ принялся нагонять потерянные годы. Оскорбленное исходомъ войны патріотическое чувство видѣло главную причину неудачи въ результатахъ отсутствія общественнаго контроля — въ казнокрадствѣ и всяческихъ злоупотребленіяхъ, достигшихъ во время войны неслыханныхъ размѣровъ. Обличеніе этихъ золъ раздается какъ въ публицистикѣ, такъ и въ беллетристикѣ. Весеннія вѣянія эпохи были настолько сильны, что ихъ вліяніе испыталъ даже Герценъ, только что основавшій въ Лондонѣ «вольный» органъ русской печати, «Колоколъ». Когда появилась первая вѣсть грядущаго освобожденія крестьянъ — рескриптъ 20 ноября 1857 г.—онъ написалъ восторженный привѣтъ импер. Александру II, начинавшійся словами: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ». Въ концѣ 50-хъ годовъ значеніе «Колокола» достигло своего апогея; членамъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу оффиціально раздавали нѣкоторые №№ «Колокола» со статьями по крестьянскому вопросу. Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Р. Герценъ всегда имѣлъ точныя; доставляли ему ихъ люди самаго разнообразнаго душевнаго склада: въ числѣ его корреспондентовъ былъ, напр., такой принципіальный противникъ всего революціоннаго, какъ Иванъ Аксаковъ. «Колоколъ» являлся своего рода высшей инстанціей; представители администраціи боялись стать предметомъ его обличеній. Въ общемъ, тогдашній «Колоколъ» гораздо больше напоминаетъ позднѣйшія безцензурныя газеты, чѣмъ эмигрантскій органъ. Источникъ умѣренности его лежалъ въ общемъ оптимистическомъ настроеніи эпохи, въ искреннемъ убѣжденіи, что все будетъ исправлено благодаря гласности и добрымъ намѣреніямъ руководящихъ сферъ. Это убѣжденіе сказалось рельефно въ небываломъ количествѣ частныхъ записокъ и проектовъ, которые въ то время подавались на имя государя и административныхъ учрежденій. Когда въ 1857 г. открылся комитетъ по крестьянскому дѣлу, туда на первыхъ же порахъ поступило до 100 разныхъ проектовъ. Изъ записокъ, касавшихся общей постановки внутренней политики, многія исходили отъ представителей литературы и науки—Кавелина, Кошелева, Юрія Самарина, Хомякова, Тютчева, Константина Аксакова. Даже Тургеневъ, во всю свою жизнь не написавшій ни одной «дѣловой» строчки, въ концѣ 50-хъ годовъ подалъ записку о введеніи всеобщаго обязательнаго обученія. Особенный интересъ для исторіи литературы имѣютъ записки славянофиловъ, представляющія одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для изученія ихъ міросозерцанія. Въ 40-хъ годахъ тѣ стороны славянофильскаго ученія, которыя направлены противъ темныхъ сторонъ стараго порядка, не могли стать предметомъ гласнаго обсужденія; свободны славянофилы были только въ славословящихъ частяхъ своего освѣщенія русской государственной жизни. Этимъ и объясняется вражда къ нимъ западниковъ, также не имѣвшихъ возможности сколько-нибудь полно высказаться, но молчаніемъ оттѣнявшихъ свое отношеніе къ ходу событій. Съ наступленіемъ эпохи реформъ въ дѣятельности славянофильства на первый планъ выдвигается та глубокая преданность народному благу, которая заставила Герцена сказать, что западники и славянофилы, подобно Янусу, смотрѣли въ разныя стороны, но сердце у нихъ билось одно. Въ эпоху реформъ славянофилы энергически защищаютъ крестьянскую реформу въ наиболѣе ея широкихъ предположеніяхъ и горячо поддерживаютъ гласный судъ, самоуправленіе, свободу слова и печати. Особенно широко ставилъ вопросы Константинъ Аксаковъ. Въ своей докладной запискѣ, поданной молодому государю въ 1856 г., онъ, опираясь на примѣръ московской Руси, предлагалъ созвать земскій соборъ. Литературнымъ центромъ всеобщаго оживленія на первыхъ порахъ становится возникшій въ 1856 г. журналъ М. Н. Каткова, «Русскій Вѣстникъ». Онъ энергично взялся какъ за критику старыхъ порядковъ, такъ и за указаніе путей созиданія новыхъ условій общественной жизни. Въ цѣломъ рядѣ научно-публицистическихъ статей Бунге, Головачева, Унковскаго, Заруднаго, Лохвицкаго, Бориса Утина, Побѣдоносцева и др. говорилось о необходимости преобразованій въ области судебной, о вредѣ сословныхъ преимуществъ, объ основахъ будущей крестьянской реформы, о благодѣтельности самоуправленія и др. Чрезвычайную сенсацію произвели обличительныя статьи С. Громеки о полиціи, ея взяткахъ и вымогательствахъ. Особенно ярко сказывалось направленіе журнала въ отдѣлѣ «Современной лѣтописи», главнымъ сотрудникомъ которой былъ самъ Катковъ, впервые здѣсь развернувшій свой блестящій публицистическій талантъ. Онъ выступилъ убѣжденнымъ англоманомъ - конституціоналистомъ, съ нѣсколько аристократическимъ оттѣнкомъ, и горячо проповѣдывалъ необходимость пересадить въ Р. установившуюся въ Англіи не-

Библиотека "Руниверс"

поколебимую законность, свободу личности и общественной инициативы. Весьма знаменательнымъ признакомъ времени является то, что не только измѣнилось общее направленіе цензурнаго вѣдомства, но встрѣчались отдѣльные цензора, которые, изъ-за сочувствія къ свободному слову, рисковали своею служебною карьерою. «Рус. Вѣстникъ» имѣлъ такого цензора-друга въ лицѣ Н. Ѳ. Крузе. «Русскій Вѣстникъ» становится и центромъ «обличительной» беллетристики, начало которой положилъ именно здѣсь, въ 1856 г., Салтыковъ-Щедринъ, своими «Губернскими очерками», сразу выдвинувшими автора въ первые ряды литературы. Чтобы понять то глубокое наслажденіе, съ которымъ читались тогда «Губернскіе очерки», надо вспомнить всю безмѣрность злоупотребленій дореформенной эпохи — и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду, что въ возможности гласнаго обличенія этихъ злоупотребленій всѣ радостно усматривали похороны старыхъ порядковъ и стараго безправія. Необычайный успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» создалъ цѣлый рядъ повѣстей въ «щедринскомъ» родѣ. Изъ нихъ наибольшее вниманіе обратили на себя «Старые годы» Мельникова-Печерскаго, «Откупное дѣло» Елагина, и разсказы Н. В. Селиванова. Выработался даже оригинальный типъ «литератора-обывателя», исключительно въ «гражданскихъ» цѣляхъ публикующаго результаты своихъ наблюденій. То же стремленіе не столько доставить эстетическое удовольствіе, сколько принести «пользу», легло въ основу такъ назыв. «гражданскихъ мотивовъ», постепенно завладѣвающихъ стихотворнымъ отдѣломъ журналистики и имѣющихъ затѣмъ большой успѣхъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Характерною стороною «гражданской» поэзіи второй половины 50-хъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выраженіемъ однородности настроенія эпохи служитъ то, что наиболѣе замѣтными представителями ея были отнюдь не «либералы». Первыми отозвались въ стихахъ на новое настроеніе Розенгеймъ и Бенедиктовъ, оба совершенно чуждые какихъ-бы то ни было связей съ передовымъ лагеремъ. Причислять къ «гражданской» поэзіи Некрасова (какъ это дѣлается иногда) — большая ошибка: по источникамъ вдохновенія «муза мести и печали» не имѣла ничего общаго съ банальными стихотвореніями Бенедиктова и Розенгейма. Суровая поэзія Некрасова была выраженіемъ того глубокаго стремленія къ созданію новаго строя жизни и духа, который охватилъ лучшіе наши кружки начиная съ 40-хъ годовъ, между тѣмъ какъ Бенедиктовъ, Розенгеймъ и другіе «обличали» и взывали къ «гражданскимъ» чувствамъ потому, что это было разрѣшено и даже оффиціально одобрено. Пустозвонностью отзывался въ значительной степени и обличительный театръ конца 50-хъ годовъ; исключеніе и тутъ приходится сдѣлать для крупнаго писателя — Островскаго («Доходное мѣсто»). «Чиновникъ» гр. Соллогуба, въ которомъ герой патетически восклицаетъ: «крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями», имѣлъ шумный успѣхъ на сценѣ; но это свидѣтельствовало только о настроеніи общества, жадно ловившаго всякій намекъ на обновленіе отжившаго строя. Люди, умѣвшіе разбираться въ литературныхъ явленіяхъ, тогда же видѣли внутреннюю фальшь и фразерство «Чиновника»; Н. Ф. Павловъ помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» блестящую и ѣдкую критическую статью о пьесѣ гр. Соллогуба. Изъ другихъ драматурговъ обличительной эпохи имѣли еще успѣхъ Н. М. Львовъ, авторъ комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», и особенно Алексѣй Потѣхинъ, обратившій на себя вниманіе также романами и повѣстями, изображавшими борьбу старыхъ и новыхъ понятій. Общее оживленіе охватило и сферы, съ идейными возбужденіями обыкновенно ничего общаго не имѣющія. Къ числу самыхъ чуткихъ журналовъ того времени принадлежалъ «Морской Сборникъ». Объясняется это тѣмъ, что стоявшій во главѣ морского вѣдомства вел. князь Константинъ Николаевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе горячихъ поборниковъ реформъ, и такъ какъ общей цензурѣ «Морской Сборникъ» не подлежалъ, то онъ и пользовался гораздо бо́льшей свободой, чѣмъ другіе органы печати. Первыя обличенія злоупотребленій, обнаружившихся во время войны, появились въ «Морскомъ Сборникѣ»; здѣсь же были напечатаны первыя статьи о судебной реформѣ. Наибольшее впечатлѣніе произвели «Вопросы Жизни» Пирогова, появившіеся на страницахъ «Морского Сборника» въ 1856 г. Пироговъ возставалъ противъ обычая съизмала приготовлять ребенка къ спеціальной дѣятельности: истинная задача педагогіи — воспитать *человѣка,* который, усвоивъ себѣ основы общечеловѣческой культуры, пусть и избираетъ самъ, по желанію и способностямъ, ту или другую спеціальность. Въ томъ же «Морск. Сборникѣ» появляется рядъ статей о воспитаніи—Бэма, Даля, пастора Зедергольма, встрѣтившихъ самый сочувственный отзвукъ въ друг. журналахъ. Все это привело къ большому оживленію въ учебномъ дѣлѣ. Университеты широко раскрываютъ двери всѣмъ желающимъ, не исключая и женщинъ; профессора читаютъ публичныя лекціи, привлекающія множество слушателей; въ студенчествѣ пробуждается страстный интересъ къ общественной жизни.

Система довѣрія къ общественнымъ силамъ и совпадающій съ нею періодъ общественнаго единодушія въ стремленіи къ реформамъ длится, однако, очень недолго. Послѣ появленія въ 1857 г. рескрипта на имя виленскаго ген.-губернатора, возвѣщавшаго близость уничтоженія крѣпостного права, появляются стремленія затормозить реформу или съузить ея рамки. Сторонники этихъ стремленій не имѣли сколько-нибудь серьезнаго представительства въ литературѣ, но были сильны своими связями и по временамъ достигали того, что печать была стѣсняема въ обсужденіи реформы. Эти неожиданныя стѣсненія, которыя какъ-бы указывали на колебаніе въ реформаторскомъ настроеніи, заставляли тѣснѣе сплачиваться людей, не знавшихъ колебанія. Вотъ почему уже въ концѣ 50-хъ годовъ обозначаются первые признаки борьбы міросозерца-

Библиотека "Руниверс"

ній и поколѣній. Это былъ органическій процессъ, вызванный не однимъ только измѣненіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ во всякую эпоху коренныхъ переломовъ, изъ общаго хора первоначально умѣренныхъ требованій начинаютъ выдѣляться болѣе рѣшительныя стремленія. Открытой борьбы между умѣренными и радикальными элементами еще нѣтъ, но радикальное настроеніе растетъ. Усиливается рознь между умѣренно-прогрессивными «отцами», людьми сороковыхъ годовъ, помнящими суровость только-что завершившейся эпохи и потому довольствующимися сравнительно немногимъ—и бурно отрицающими все старое «дѣтьми», которые о прошедшемъ судятъ не по непосредственному впечатлѣнію, а больше по разсказамъ. Центромъ радикальнаго настроенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ становится «Современникъ», въ лицѣ главныхъ своихъ теоретиковъ—Чернышевскаго и Добролюбова. Н. Г. Чернышевскій (1828—89) былъ человѣкъ чрезвычайно разнообразныхъ знаній. Онъ оставилъ яркій слѣдъ въ критикѣ, философіи, публицистикѣ, политической экономіи. Какъ мыслитель, онъ былъ врагъ всего неяснаго и больше всѣхъ содѣйствовалъ переходу отъ туманной философіи 40-хъ годовъ къ научно-позитивному міропониманію. Какъ политико-экономъ, онъ укрѣпилъ и обострилъ то отрицательное отношеніе къ буржуазному строю, которое началось еще въ 40-хъ годахъ, но затѣмъ замерло подъ вліяніемъ реакціи. Какъ публицистъ и полемистъ, онъ выработалъ тотъ особый типъ журнальныхъ статей, который состоитъ въ томъ, что научно-философскія темы берутся не какъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія, а только въ общихъ своихъ очертаніяхъ, съ непосредственнымъ приложеніемъ къ вопросамъ времени. Какъ критикъ и эстетикъ, Чернышевскій въ своей диссертаціи: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» (1855) выдвинулъ теорію *подчиненія* искусства требованіямъ жизни. Этотъ утилитарный взглядъ былъ не продолженіемъ, а отклоненіемъ отъ традицій Бѣлинскаго, хотя именно Чернышевскій и положилъ начало культу великаго искателя истины, своими извѣстными статьями о «Гоголевскомъ періодѣ русской литературы». Непреклоннымъ ригористомъ, какъ и Чернышевскій, былъ Н. А. Добролюбовъ (1836—61), скоро ставшій во главѣ критическаго отдѣла «Современника». Подобно чрезвычайно-мягкому въ личной жизни Чернышевскому, и Добролюбовъ таилъ въ своей душѣ неисчерпаемый запасъ нѣжности и мягкости, ярко выступающій въ его интимной жизни; но въ общественной дѣятельности онъ былъ безпощаденъ и рѣзокъ. Глубоко преданный идеѣ дѣйствительнаго прогресса, онъ не выносилъ парадированія прогрессивностью; начальные «вопли о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и проч.» его крайне раздражали. Въ «Свисткѣ»—сатирическомъ приложеніи къ «Современнику» — онъ далъ полную волю своему тонкому остроумію и провелъ рѣзкую демаркаціонную линію между людьми либеральничающими, потому что это дозволено, и людьми, для которыхъ свобода общественной жизни составляетъ лозунгъ всѣхъ духовныхъ стремленій. Совершенно невѣрно представленіе о Добролюбовѣ, какъ о разрушителѣ по преимуществу. Кто, какъ не онъ, создалъ Островскому настоящую, всероссійскую славу, которую были безсильны ему доставить ближайшіе литературные друзья изъ «Москвитянина»? Кто краснорѣчивѣе его комментировалъ «Обломова»? Несправедливо также усматриваютъ въ Добролюбовѣ «разрушителя эстетики» и упразднителя искусства. Онъ является не провозвѣстникомъ публицистическаго искусства, а основателемъ *публицистической критики*. Съ него начинается та полоса русской критики, не закончившаяся и понынѣ, когда литературное произведеніе оцѣнивается по преимуществу какъ факторъ прогресса или регресса. Статьи Добролюбова какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты новаго міросозерцанія. Въ исторіи русской литературы нѣтъ періода, равнаго по интенсивности творчества концу 50-хъ и началу 60-хъ годовъ. Помимо появленія въ свѣтъ лучшихъ произведеній С. Т. Аксакова («Семейная Хроника» и «Воспоминанія»), по возрасту и развитію принадлежащаго къ другой эпохѣ, къ этому времени относится созрѣваніе, а отчасти и нарожденіе цѣлой фаланги великихъ талантовъ. «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ», «Отцы и дѣти», «Обломовъ», «Гроза», «Губернскіе очерки», «Тысяча душъ», «Горькая судьбина», «Записки изъ Мертваго дома», «Севастопольскіе разсказы»—весь этотъ фундаментъ храма славы новѣйшаго русскаго романа и русской драмы создался въ первые годы новой эпохи. Знаменательно, что даже въ жизни представителей такъ наз. «чистой» поэзіи—Майкова, Полонскаго, Фета—конецъ 50-хъ годовъ былъ эпохой расцвѣта таланта. Некрасовъ изъ автора нѣсколькихъ хорошихъ стихотвореній превращается въ крупнаго поэта, вѣщее слово котораго воспитываетъ рядъ поколѣній въ любви къ обездоленнымъ и неимущимъ. Въ общемъ получается картина небывалаго литературнаго оживленія. Тѣсная связь его съ оживленіемъ общественно-политическимъ всего ярче, однако, сказывается не въ появленіи цѣлаго ряда высоко-талантливыхъ произведеній, а въ той по преимуществу общественной окраскѣ, которая отнынѣ становится одною изъ основныхъ чертъ нашей литературы. Если и прежде наша литература не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово, то отнынѣ всѣ крупные ея дѣятели въ той или другой формѣ отзываются на потребности времени и становятся художниками-проповѣдниками. Ярче другихъ думы и ожиданія начальныхъ лѣтъ эпохи реформъ отразилъ самый крупный писатель того времени, И. С. Тургеневъ (1818—83), въ талантѣ котораго чуткость къ колебаніямъ общественной атмосферы является наиболѣе характерною чертою. Одинъ изъ самыхъ тон-

Библиотека "Руниверс"

кихъ художниковъ всемірной литературы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою образецъ самаго тѣснаго взаимодѣйствія литературы и общественной жизни. Въ общеніи съ Бѣлинскимъ онъ выработалъ себѣ весьма опредѣленное общественное міросозерцаніе. Въ «Запискахъ охотника» онъ выполнилъ Аннибаловскую клятву своей молодости—бороться съ крѣпостнымъ правомъ; въ меланхолическихъ произведеніяхъ первой половины 50-хъ гг. онъ отразилъ общую подавленность тяжелой эпохи; теперь онъ возбужденно отдается воплощенію въ художественныхъ образахъ новыхъ общественныхъ настроеній и теченій. Творческое чутье тянетъ его къ подведенію итоговъ прошлаго поколѣнія и къ гаданію о близкомъ будущемъ. Олицетвореніе вынужденной бездѣятельности 40-хъ годовъ, Рудинъ («Рудинъ», 1856), умираетъ за чужое дѣло; неприспособленный къ активной роли въ жизни Лаврецкій («Дворянское гнѣздо», 1859) добровольно очищаетъ мѣсто и съ грустью, но безъ горечи, благословляетъ молодыя, грядущія силы. Въ «Наканунѣ» (1860) эти молодыя силы впервые выступаютъ на арену общественной жизни, а въ «Отцахъ и дѣтяхъ» (1862) начинается пора открытой борьбы двухъ поколѣній. Названныя четыре произведенія, образующія, вмѣстѣ съ отразившими настроеніе сороковыхъ годовъ «Записками Охотника», основаніе значенія Тургенева, представляютъ собою наиболѣе яркое проявленіе одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей новѣйшей русской литературы —сближенія литературы и жизни. Вслѣдствіе удивительной способности придавать еще неопредѣлившемуся опредѣленныя очертанія, едва зарождающееся кристализовать въ ясныхъ художественныхъ образахъ, произведенія Тургенева являлись могущественнымъ факторомъ выработки новыхъ общественныхъ теченій. Романами Тургенева не только зачитывались—его героямъ и героинямъ подражали въ жизни: всякая дѣвушка воображала себя Еленой, полъ-поколѣнія захотѣло стать Базаровыми. Не менѣе крупную роль, хотя совершенно иного свойства, сыграло другое подведеніе итоговъ — «Обломовъ» (1859), И. А. Гончарова (1812—91). Для насъ въ знаменитомъ романѣ больше всего интересна бытовая сторона его — изображеніе жизни въ Обломовкѣ и другія картины «нравовъ»; но въ моментъ появленія «Обломова» тайна его колосальнаго успѣха лежала не въ эпическихъ его достоинствахъ. Нужна была кличка для обозначенія дореформенной инертности и косности—и она быстро вошла во всеобщій обиходъ, какъ только Добролюбовъ ее формулировалъ въ своей знаменитой статьѣ: «Что такое Обломовщина». По свидѣтельству современниковъ, всякій усматривалъ въ себѣ элементы «Обломовщины»; всѣмъ казалось, что найдено объясненіе несовершенствъ нашего общественнаго строя. Такимъ-то образомъ пріобрѣлъ широкую популярность писатель, по общему складу своего духовнаго существа всего менѣе склонный къ тому, чтобы стать писателемъ-проповѣдникомъ. Онъ уловилъ «моментъ»—и его произведеніе явилось, помимо его творческихъ намѣреній, однимъ изъ сильнѣйшихъ ферментовъ новаго настроенія. Въ эти же послѣдніе дни мира достигъ высшей точки своей извѣстности А. Ѳ. Писемскій (1820—81), напечатавшій въ 1858 и 1859 гг. лучшія свои вещи — романъ «Тысячу душъ» и драму «Горькая судьбина». Въ «Тысячѣ душъ» Писемскій, въ лицѣ Калиновича, вывелъ администратора новаго типа, искренно задающагося цѣлью содѣйствовать искорененію старыхъ непорядковъ. Герой Писемскаго купилъ свою порядочность дорогою цѣною тяжелыхъ страданій и внутренняго перерожденія. Чисто-литературный интересъ произведенія — въ томъ, что перерожденіе это психологически вполнѣ подготовлено и потому художественно правдиво. «Тысячей душъ» Писемскій занялъ одно изъ крупныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго общественнаго романа — и это особенно характерно, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ считался человѣкомъ чисто физіологическаго таланта, творившаго, не задаваясь никакими идейными проблемами. Еще менѣе, казалось бы, подходилъ къ роли выразителя новыхъ общественныхъ теченій недавній столпъ полу-славянофильской «молодой редакціи Москвитянина», крупнѣйшій драматургъ новѣйшей русской литературы — А. Н. Островскій (1823—86). А между тѣмъ въ какой яркой формѣ выразилась эта перемѣна! Онъ пишетъ «Доходное мѣсто» (1856), «Воспитанницу» (1859), «Грозу» (1860), которыя, помимо всякихъ комментаріевъ, совершенно опредѣленно примыкаютъ къ новымъ вѣяніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся его предыдущая дѣятельность получаетъ совершенно новое толкованіе: его далъ Добролюбовъ, въ одной изъ тѣхъ составляющихъ эпоху статей, которыя сразу и навсегда устанавливаютъ значеніе и смыслъ дѣятельности того или другого писателя. Въ «Темномъ Царствѣ» Добролюбова выяснено значеніе Островскаго какъ писателя исключительно гуманнаго, гуманнаго безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякаго тенденціознаго желанія прославлять «истинно-русскія» начала жизни, будто-бы сохранявшіяся въ патріархальномъ быту московскаго купечества. И въ появившемся послѣ «Темнаго Царства» лучшемъ произведеніи Островскаго—«Грозѣ» —всѣ уже единодушно усмотрѣли только одну потрясающую картину дикаго самодурства, хотя и въ достаточной степени «истинно-русскую». Изъ второстепенныхъ выразителей общественнаго «момента» второй половины 50-хъ годовъ большой успѣхъ выпалъ на долю М. В. Авдѣева (1821—1876). Въ воздухѣ носились новыя представленія о семейныхъ отношеніяхъ, въ крайнемъ своемъ развитіи создавшія въ 60-хъ годахъ теорію такъ называемаго «гражданскаго брака». Ихъ и отразилъ, отчасти, Авдѣевъ, въ своемъ романѣ «Подводный камень» (1860). Благотворно подѣйствовалъ общій подъемъ русской жизни и на талантъ лучшихъ представителей поэзіи. О какомъ-бы то ни было гоненіи на поэзію тогда не было еще и рѣчи. Хотя Чернышевскій и провозгласилъ уже теорію подчиненія искусства жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ высшей степени почтительно относился къ воплощенію русской по-

Библиотека "Руниверс"

эзіи—Пушкину. Добролюбовъ не только тонко понималъ поэзію, но и самъ былъ человѣкъ съ истинно поэтическою жилкой; кромѣ цѣлаго ряда остроумныхъ пьесъ въ «Свисткѣ», онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній. «Гражданскую» поэзію Розенгеймовъ и Бенедиктовыхъ онъ поднялъ на смѣхъ столько-же за ея мелкоту, сколько за прозаичность. При такомъ настроеніи вождей движенія въ полномъ душевномъ равновѣсіи доживаетъ послѣдніе дни почета поэтическая плеяда, на которую чрезъ нѣсколько лѣтъ посыплется цѣлый градъ насмѣшекъ и оскорбленій; но въ свою очередь и она еще не посвящаетъ себя всецѣло «чистому» искусству. Въ дѣятельности А. Н. Майкова (1821—97) начало эпохи великихъ реформъ является временемъ и очень напряженнаго творчества, и высшаго признанія. Публика съ необычной для Майкова горячностью привѣтствовала его теперь, когда онъ, на вошедшихъ въ моду литературныхъ вечерахъ, выступалъ съ новѣйшими произведеніями своей раньше столь строго-античной и безстрастной музы. Въ его творчествѣ господствуетъ полоса преклоненія предъ такими людьми, какъ Гусъ и Савонарола; изъ трехъ римлянъ, дѣйствующихъ въ «Трехъ смертяхъ» (поэма начата еще въ 1841 г., но въ окончательномъ видѣ появилась въ 1857 г.), самый безпокойный, самый нервный—это поэтъ Луканъ. Когда Майковъ выступалъ на литературное поприще, поэтъ рисовался ему въ видѣ грека-пастуха, который, сдѣлавъ себѣ изъ тростника свирѣль, оживилъ лѣсъ и долы сладкими звуками («Искусство»). А теперь тоже представитель античнаго міра, Луканъ, такъ рисуетъ задачу «дара пѣсенъ»: «Народовъ мысли — образъ дать, ихъ чувству — слово громовое, вселенной душу обнимать и говорить за все живое — вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя». Луканъ гордится тѣмъ, что возбудилъ противъ себя «злобу мрачныхъ изувѣровъ, ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ, съ которыхъ маски онъ сбивалъ». Даже чисто-антологическая картинка, въ родѣ вошедшей во всѣ дѣтскія книжки «Нивы», заканчивается моленіемъ «о духовномъ хлѣбѣ», о томъ, чтобы «повѣяло весной» и чтобы пустили «свѣжіе ростки» «мысли сѣмена». Несомнѣнно хорошо чувствовалъ себя въ эти годы всеобщаго мира и другой виднѣйшій представитель старой поэтической школы — Я. П. Полонскій (1820—98). Нельзя считать простою случайностью, что наивно-поэтическое дарованіе Полонскаго именно теперь создало самое выдержанное, самое художественно-цѣльное произведеніе свое — прелестную поэму «Кузнечикъ-Музыкантъ». Очевидно, поэтъ чувствовалъ возможность вполнѣ отдаться своему настроенію: идиллическій сюжетъ никому не казался мало достойнымъ и недостаточно «серьезнымъ». Третій поэтъ-хранитель Пушкинскихъ традицій, представитель поэзіи, отрѣшенной отъ условій мѣста и времени—А. А. Фетъ-Шеншинъ (1820—92),—имя котораго скоро должно было стать, и стать надолго, синонимомъ безцѣльнаго творчества, въ то время былъ еще близокъ къ «Современнику», гдѣ печатались его стихотворенія и письма изъ-за границы. Безспорнымъ признаніемъ пользовалось въ это время и дарованіе Ѳ. И. Тютчева, современника и послѣдователя Пушкина. Продолжали въ полномъ спокойствіи свою дѣятельность и два поэта небольшого, но изящнаго таланта—Мей и Щербина, — выступившіе въ началѣ 50-хъ годовъ и въ эпоху писаревскаго гоненія на поэзію тоже причисленные къ школѣ «чистаго искусства». Это до извѣстной степени правильно по отношенію къ незлобивому Мею, но далеко не точно по отношенію къ Щербину. Запечатлѣвъ память о себѣ въ исторіи русской поэзіи «Греческими мелодіями» (1850), посвященными культу античной красоты, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ злыхъ и желчныхъ эпиграмматистовъ нашихъ. Большая часть его эпиграммъ направлена противъ радикальныхъ стремленій; но жертвою его язвительнаго остроумія часто являлись и люди того лагеря, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Изъ другихъ поэтовъ школы «чистаго искусства» во второй половинѣ 50-хъ годовъ получаетъ извѣстность гр. Алексѣй Толстой (1817—75). Расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на 60-ые годы, когда онъ написалъ свою драматическую трилогію и историческій романъ «Князь Серебряный». Трилогія отводитъ Толстому одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской исторической драмѣ; романъ его богатъ только внѣшнимъ интересомъ. На значеніе Толстого какъ лирика и эпика (историческія балады въ старорусскомъ стилѣ) существуютъ два взгляда: однимъ онъ кажется поэтомъ очень большой силы, другіе находятъ его вычурнымъ и неестественно-наряднымъ. Всецѣло принадлежитъ второй половинѣ 50-хъ годовъ безотрадная поэзія И. С. Никитина (1824—61). Въ противоположность мажорному тону его знаменитаго земляка, Кольцова, лира Никитина настроена очень минорно: онъ рисуетъ грубость, невѣжество, эксплуатацію сильнымъ слабаго. И это не было въ немъ результатомъ напускныхъ «гражданскихъ» чувствъ, а вѣрнымъ отраженіемъ его собственныхъ наблюденій. Въ грусти его нѣтъ ничего ходульнаго; знаменитая элегія: «Вырыта заступомъ яма глубокая» принадлежитъ къ трогательнѣйшимъ стихотвореніямъ всей русской поэзіи. Искренность чувства доставила теперь успѣхъ и поэзіи Ю. Жадовской, въ сороковыхъ годахъ довольно сурово встрѣченной Бѣлинскимъ. Къ разсматриваемой эпохѣ относится также появленіе цѣлаго ряда поэтовъ-юмористовъ и представителей легкой сатиры. Собственно родоначальникомъ юмористическаго стихотворства слѣдуетъ считать коллективное поэтическое лицо Кузьмы Пруткова, стихотворенія котораго относятся къ концу дореформенной эпохи («Современникъ», 1854). Нѣкоторое участіе принимали въ ихъ сочиненіи Некрасовъ и Алексѣй Толстой, главное—В. и А. М. Жемчужниковы, изъ которыхъ послѣдній до сихъ поръ является бодрымъ поэтомъ-гражданиномъ. Изъ выступающихъ въ концѣ 50-хъ годовъ поэтовъ-юмористовъ особенно выдается переводчикъ Беранже и основатель сатирической газеты «Искра» (1859), В. С. Курочкинъ. «Искра» зорко

Библиотека "Руниверс"

слѣдила за общественной жизнью и неумолимо обличала всякую пошлость. Изъ ея сотрудниковъ Д. Д. Минаевъ обладалъ легкимъ и бойкимъ стихомъ, а П. И. Вейнбергъ составилъ себѣ впослѣдствіи почетную извѣстность какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ переводчиковъ иностранныхъ поэтовъ—Гейне, Шекспира и многихъ другихъ. Высоко-литературными достоинствами обладаютъ также переводы М. И. Михайлова, въ 1862 г. арестованнаго за составленіе прокламаціи и вскорѣ умершаго въ Сибири.

Реакція и эпоха «нигилизма». Распространеніе радикальныхъ стремленій въ молодежи, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и петербургскими пожарами 1862 г., произвело сильное впечатлѣніе какъ на руководящія сферы, такъ и на часть общества. Начинается реакція; появляется желаніе затормозить дѣло реформъ. Катковъ отказывается отъ либеральной программы и становится глашатаемъ обузданія и подавленія прогрессивныхъ стремленій. Въ средѣ молодежи господство получаетъ не серьезный радикализмъ «Современника», а поверхностный, кричащій, внѣшній радикализмъ «Русскаго Слова». Центральной фигурой является теперь Д. И. Писаревъ (1841—68), благодаря несравненному блеску его стиля и необыкновенной легкости его литературной манеры. Въ 3—4 года напряженной дѣятельности онъ подвергъ смѣлому анализу весь строй старыхъ понятій. Пересмотрѣвъ кодексъ старой морали, старой эстетики и старой науки, онъ пришелъ къ полному разрушенію прежняго «идеалистическаго» міросозерцанія и старался замѣнить его міросозерцаніемъ «трезвымъ», достойнымъ «развитой личности» и «мыслящаго реалиста». Онъ не убоялся посягнуть на славу величайшаго русскаго поэта, отлично сознавая, что создаетъ себѣ репутацію вандала. Искусство онъ отрицалъ, однако, не вполнѣ: онъ только не хотѣлъ признавать за нимъ первостепеннаго значенія. Главнымъ образомъ надо «полезное дѣло» дѣлать, а какъ отдыхъ можно себѣ позволить и искусствомъ позабавиться. На мѣсто искусства Писаревъ ставилъ науку, но не всѣ ея отдѣлы, а исключительно естествознаніе. Боясь чаръ «идеализма», онъ даже Грановскаго причислилъ къ «сиренамъ», сладкій гласъ которыхъ можетъ сбить съ пути истиннаго реалиста. Однако, его проповѣдь «разумнаго эгоизма» не только не привилась, но подкопала все зданіе утилитаризма—подкопала именно своею *нравственною* несостоятельностью. Одни взгляды на искусство не въ состояніи никого дискредитировать: Левъ Толстой еще съ гораздо бо́льшею рѣзкостью уничтожаетъ эстетику, всю изящную литературу и въ частности Пушкина—и это нимало не ослабляетъ «толстовщину». «Писаревщина» пала потому, что въ основѣ ея «разумнаго эгоизма» лежало не общественное благо, не самопожертвованіе, а принципъ индивидуальнаго благополучія. Тотъ же принципъ масса читающей публики находила и въ романѣ Чернышевскаго: «Что дѣлать». Суровая фигура аскета Рахметова и великодушный поступокъ Лопухова, покидающаго родину, чтобы дать возможность любимой имъ женѣ сойтись съ человѣкомъ, котораго она полюбила, казалось, ясно говорили о первостепенномъ значеніи самопожертвованія въ общественной и личной жизни; но вниманіе большинства читателей сосредоточилось по преимуществу на героинѣ романа, Вѣрѣ Павловнѣ, съ легкимъ сердцемъ принимающей приносимыя для нея жертвы и видящей рядъ розовыхъ сновъ. Отсюда весьма кратковременное, но очень яркое отклоненіе отъ идеаловъ Добролюбова и Чернышевскаго-публициста, которое чаще всего характеризуется тургеневской кличкой «нигилизмъ». У Тургенева, однако, воплощеніе нигилизма, Базаровъ — человѣкъ во всякомъ случаѣ крупный, весьма мало напоминающій тѣхъ крикливыхъ адептовъ «новыхъ идей», радикализмъ которыхъ, главнымъ образомъ, въ томъ и выражался, что мужчины носили длинные волосы, а женщины ихъ стригли. Фальшь многочисленныхъ «противонигилистическихъ» романовъ и повѣстей, появившихся въ срединѣ и концѣ 60-хъ гг., заключается не въ томъ, что лохматые, нечесанные, грязные мужчины и утратившія всякую женственность дѣвицы выдуманы: они несомнѣнно были и несомнѣнно оскорбляли тонко чувствующихъ людей—но надо было понять, что ко всякому массовому движенію примѣшиваются умственные и нравственные поддонки, имѣющіе слишкомъ мало общаго съ истинными выразителями движенія. Базаровымъ нигилизма въ литературѣ былъ Писаревъ: нигилизмъ вульгарный внѣшне-крикливый и неглубокій выразился въ другихъ дѣятеляхъ «Рус. Слова». Самая характерная фигура между ними—Г. Е. Благосвѣтловъ, редактировавшій журналъ до его закрытія въ 1866 г., а затѣмъ основавшій «Дѣло». Умственнымъ созданіемъ его былъ В. Зайцевъ, часто заставлявшій о себѣ говорить рѣзкими выходками и яростнымъ ниспроверженіемъ всяческихъ авторитетовъ. Это онъ сказалъ, что «юнкерская» поэзія Лермонтова пригодна только для чахоточныхъ барышень. Цѣлый рядъ подобныхъ выходокъ былъ высказанъ въ редакціонныхъ собраніяхъ Благосвѣтловымъ, а Зайцевъ ихъ только изложилъ на бумагѣ. Такимъ же разрушителемъ былъ полковникъ Н. В. Соколовъ (умеръ эмигрантомъ въ 1880-хъ годахъ), помѣщавшій въ «Русскомъ Словѣ» статьи политико-экономическаго характера. Серьезное противодѣйствіе поверхностному радикализму «Русск. Слова» нападки консервативныхъ и умѣренныхъ органовъ оказать не могли: онѣ только обострили отрицательное направленіе. «Современникъ» попытался образумить Писарева и другихъ дѣятелей «Рус. Слова», доказывая, что они только вредятъ успѣху того міросозерцанія, во имя котораго ополчаются, что они не реалисты, а лже-реалисты, что они ополчаются противъ метафизической философіи, не зная ее и потому не умѣя указать ея дѣйствительно слабыя стороны, и т. д. Но «Современникъ» не вышелъ побѣдителемъ изъ этого спора, потому что не могъ выставить бойца, равнаго Писареву. Добролюбовъ умеръ, Чернышевскій, въ 1862 г. арестованный и въ 1864 г. осужденный, выбылъ изъ рядовъ дѣйствующей литературы, а замѣнившій его и

Библиотека "Руниверс"

Добролюбова М. А. Антоновичъ не стоялъ на высотѣ положенія. Онъ былъ сухъ и разсудоченъ, а надо было покорять не столько умъ, сколько сердце. Еще важнѣе то, что онъ самъ былъ такой же «разноситель», какъ и сотрудники «Русскаго Слова». Когда появились «Отцы и Дѣти», онъ выступилъ противъ Тургенева со статьей: «Асмодей нашего времени», въ которой приравнивалъ перваго писателя своего времени къ обскуранту Аскоченскому и доказывалъ, что Базаровъ есть злостная клевета на молодое поколѣніе. Позднѣе (1868) Антоновичъ написалъ неслыханно-рѣзкій памфлетъ противъ Некрасова. Въ полемикѣ противъ «Рус. Слова», которую велъ Антоновичъ въ 1864 и 65 гг. подъ псевдонимомъ «Посторонняго сатирика», онъ былъ правъ по существу, но на публику потокъ ругательствъ и взаимныхъ изобличеній производилъ крайне тягостное впечатлѣніе и не могъ не уронить престижа обоихъ журналовъ. Больше всего «расколъ между нигилистами» доставлялъ удовольствія многочисленнымъ уже тогда врагамъ новыхъ стремленій и молодого поколѣнія. Отъ недавняго единодушія теперь не оставалось уже ни малѣйшаго слѣда; литературно-общественная мысль распадалась на рядъ партій и фракцій. Крайнюю правую составляли обскурантская «Домашняя Бесѣда» В. И. Аскоченскаго и крѣпостническая «Вѣсть» Скарятина. «Домашняя Бесѣда» была болѣе забавна, чѣмъ сердита, и ее только вышучивали, но за «Вѣстью» стояла опасная по своимъ связямъ общественная группа, и съ нею надо было полемизировать серьезно. Самымъ опаснымъ врагомъ прогрессивныхъ теченій являлись «Московскія Вѣдомости», съ 1863 г. перешедшія къ Каткову и подъ его талантливымъ редакторствомъ (при значительномъ содѣйствіи П. М. Леонтьева) превратившіяся въ органъ первостепенной политической важности и огромнаго вліянія. Когда польское возстаніе было подавлено, онѣ начинаютъ создавать рядъ новыхъ опасностей, причисляя къ нимъ, одну за другою, всѣ великія реформы императора Александра II. Другой органъ Каткова—«Русскій Вѣстникъ», совершенно утративъ свой прежній характеръ, становится главнымъ пріютомъ «противонигилистической» беллетристики. Начавъ съ облеченныхъ во всѣ формы уваженія къ противнику «Отцовъ и Дѣтей», «Русскій Вѣстникъ» даетъ своимъ читателямъ «Взбаламученное море» Писемскаго, «Марево» В. П. Клюшникова, рядъ романовъ Лѣскова-Стебницкаго и Всеволода Крестовскаго, гдѣ «нигилисты» — въ лучшемъ случаѣ дурачки, а бо́льшею частью — воры, мошенники, грабители, убійцы и поджигатели. Особенное положеніе въ ряду литературно-общественныхъ партій первой половины 60-хъ годовъ заняли такъ называемые «почвенники», сгруппировавшіеся около журнала «Время». Главными сотрудниками его были Аполлонъ Григорьевъ, Достоевскій и Страховъ. Уже одно присутствіе Аполлона Григорьева въ роли перваго критика дѣлало журналъ какъ-бы продолженіемъ «молодой редакціи Москвитянина»: лозунгъ близости къ народной «почвѣ» прямо вытекалъ изъ «органической» критики Григорьева. Въ политическомъ отношеніи «Время» держало себя солидарно съ лучшими органами прогрессивной мысли, горячо поддерживая всѣ начинанія эпохи реформъ; вотъ почему было возможно появленіе во «Времени» нѣсколькихъ стихотвореній Некрасова и очерковъ Щедрина. Но журналъ кореннымъ образомъ расходился съ духомъ эпохи по вопросу о народности, которую онъ понималъ какъ полнѣйшее подчиненіе народному міровоззрѣнію. Столь же кореннымъ образомъ онъ расходился съ тою «соблазнительною ясностью», которую эпоха, на основѣ естествознанія, вносила въ вопросы сверхчувственнаго бытія. Главный полемистъ «Времени», Н. Н. Страховъ (Косица), въ своей позднѣйшей дѣятельности все тѣснѣе примыкалъ къ тону «Рус. Вѣстника». У Страхова есть горячіе поклонники, ставящіе его очень высоко. Несомнѣнно, это былъ критикъ и публицистъ очень образованный, любившій литературу и сдѣлавшій многія интересныя поясненія къ нашимъ писателямъ. Съ его именемъ не связано, однако, ни одно прочно установившееся толкованіе, которое могло-бы считаться его неприкосновеннымъ вкладомъ въ исторію русской критической мысли. Почти всю свою жизнь Страховъ считалъ себя лучшимъ истолкователемъ Толстого, но какъ же онъ понималъ его? Какъ философа смиренномудрія, какъ проповѣдника идеаловъ скромнаго семейнаго счастья и вообще какъ рѣшительнаго врага всего того, что выработано радикальною русскою мыслью. Это толкованіе теперь рухнуло безслѣдно. Съ конца 70-хъ гг. Толстой становится предметомъ вражды для людей того направленія, котораго держался Страховъ; выясняется, притомъ, что основы позднѣйшаго духовнаго облика Толстого заключались уже въ первыхъ его произведеніяхъ.

Оригинальнымъ проявленіемъ уравнительныхъ теченій эпохи реформъ было выступленіе на литературное поприще такъ называемаго «разночинца». Литература первой половины вѣка, даже въ такихъ радикальныхъ выразителяхъ своихъ, какъ Бакунинъ и Герценъ, была, за самыми малыми исключеніями, дворянская. Теперь же и вожди теоретической мысли, и рядъ новыхъ беллетристовъ по происхожденію принадлежатъ либо къ духовенству, либо къ мелкому чиновничеству. Самое крупное дарованіе въ ряду послѣднихъ — Н. Г. Помяловскій, авторъ превосходнѣйшей картины отжившаго педагогическаго быта — «Очерковъ Бурсы» — и двухъ замѣчательныхъ романовъ, «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ», въ которыхъ звучитъ насмѣшливая нота по отношенію къ личному благополучію, хотя-бы и достигнутому непредосудительными путями. Другіе беллетристы-разночинцы 60-хъ гг. — Николай Успенскій, Левитовъ, Вороновъ и въ особенности Ѳ. М. Рѣшетниковъ—оставили яркій слѣдъ въ сферѣ повѣстей и разсказовъ изъ народной жизни. Послѣ ихъ «трезвой правды» (выраженіе Тургенева по отношенію къ Рѣшетникову) прежнее барски-соболѣзнующее, смягченное и приподнятое изображеніе народной

Библиотека "Руниверс"

жизни исчезаетъ навсегда, хотя лишь нѣсколькими годами раньше большой успѣхъ имѣли разсказы изъ народной жизни Марко-Вовчка (псевд. М. А. Марковичъ), талантливые и поэтическіе, но сентиментальные. Въ томъ же родѣ писала свои разсказы изъ простой жизни Кохановская - Соханская, подкрашенные, притомъ, славянофильски-утрированнымъ преклоненіемъ предъ стариною. Этой сентиментальности у писателей разночинцевъ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ (въ особенности Левитовъ) нечужды и идеализаціи народа. Чисто-мужицкія стороны народной жизни, то что *только* крестьянину свойственно, въ литературѣ прежняго времени отраженія не находили; напротивъ того, въ произведеніяхъ народниковъ - разночинцевъ онѣ выразились очень замѣтно. Разсказы изъ народной жизни писалъ въ 60-хъ годахъ еще В. А. Слѣпцовъ, лучшимъ произведеніемъ котораго, впрочемъ, является повѣсть «Трудное время». Здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ у Помяловскаго, осмѣяно стремленіе къ личному благополучію въ буржуазномъ стилѣ.

Старое славянофильство было представлено въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ «Днемъ» Ивана Аксакова. Неопредѣленное положеніе занимали «Отечественныя Записки», гдѣ тогда главными дѣятелями являлись суховатый критикъ С. С. Дудышкинъ, публицистъ Н. В. Альбертини, туманный эстетикъ Николай Соловьевъ,—а также «Библіотека для Чтенія» П. Д. Боборыкина. Оба эти журнала, мало привлекавшіе читающую публику, то выступали какъ представители западнически-прогрессивныхъ традицій сороковыхъ годовъ, то разными выходками противъ молодого поколѣнія приближались къ реакціонной печати. Не имѣла также успѣха умѣренно-прогрессивная «Русс. Рѣчь», основанная въ 1861 г. графиней Е. В. Сальясъ (псевд. Евгенія Туръ), въ 1849 г. очень удачно дебютировавшей романомъ «Племянница», но дальнѣйшей своею дѣятельностью возлагавшихся на нее надеждъ не оправдавшей.

Эпоха высшаго развитія альтруизма въ русскомъ обществѣ (семидесятые годы). Несостоятельность утилитаризма скоро выяснилась для лучшихъ элементовъ русскаго общества. Крѣпнетъ сознаніе, что однимъ разрушеніемъ стараго и стремленіемъ къ матеріальной «пользѣ» не проживешь. Возникаетъ потребность въ выработкѣ идеаловъ положительныхъ. Окраску эпохѣ даетъ теперь не грубоватый «разночинецъ», а «кающійся дворянинъ», желающій искупить и загладить вину своего сословія передъ народомъ. Вмѣсто идеала личнаго усовершенствованія выдвигается принципъ общественнаго блага. Отсюда интересъ къ общественнымъ наукамъ и мистическое преклоненіе предъ народомъ. Изъ теоретиковъ Н. К. Михайловскій удовлетворяетъ жаждѣ изученія общественныхъ наукъ и становится однимъ изъ главарей движенія. Публицистика заполняется изслѣдованіемъ экономическаго быта народа; въ сферѣ художественнаго творчества «мужицкая беллетристика» занимаетъ первенствующее положеніе. Какъ особая фракція альтруистически - демократическаго настроенія, возникаетъ прогрессивное «народничество», имѣющее то общее съ славянофильствомъ, что оно тоже провозглашаетъ принципъ «особенности» русскаго народа, но усматриваетъ ее исключительно въ общинно-артельныхъ «устояхъ» русской народной жизни. Всѣ фракціи прогрессивной мысли сливаются въ стремленіи отдать себя служенію народу, жертвуя для этого личными и даже культурными интересами. Такой историческій моментъ не могъ всецѣло воплотиться въ литературѣ; писателей, *вполнѣ* стоящихъ на его высотѣ, онъ не далъ. Но если семидесятые годы оказались неблагопріятными для *созданія* первостепенныхъ талантовъ, то они оказались чрезвычайно благопріятными для *развитія* трехъ великихъ писателей — Салтыкова, Достоевскаго и Толстого, унаслѣдованныхъ русскою литературою отъ эпохъ предыдущихъ. Созрѣвшее дарованіе Салтыкова доходило по временамъ до истинно-свифтовской силы. Чѣмъ круче становились времена, тѣмъ опредѣленнѣе становилось его міросозерцаніе, тѣмъ цѣльнѣе его творчество Съ 70-хъ гг. въ его произведеніяхъ слышится уже не холодный юморъ, а глубокая иронія; властно предъявляются требованія наболѣвшаго сердца. Символически резюмируетъ всю дѣятельность Щедрина въ послѣднія 20 лѣтъ его жизни діалогъ «торжествующей свиньи» съ правдой. Сатирикъ проникнутъ несокрушимой твердостью человѣка, котораго стихійной силой пригнуло къ землѣ, но который тѣмъ не менѣе сохранилъ въ себѣ гордое стремленіе къ небу. Связь Достоевскаго съ настроеніемъ 70-хъ годовъ для многихъ въ свое время была неясна; ихъ даже пугалъ апогей славы Достоевскаго, который относится къ срединѣ и концу 70-хъ годовъ и получилъ такое грандіозное выраженіе въ похоронахъ, ему устроенныхъ (1881). Но именно эти похороны, на которыхъ было такое огромное количество молодежи, ясно показали, что въ успѣхѣ Достоевскаго надо было разобраться. Достоевскій въ одно и то же время совмѣщалъ въ себѣ противоположные элементы. Никто не могъ быть такимъ злымъ и жестокимъ, но никто также не могъ доходить до такой всепроникающей любви къ униженнымъ и оскорбленнымъ. И вотъ это-то и было оцѣнено теперь, между тѣмъ какъ въ 60-хъ годахъ изъ-за выходокъ противъ либерализма къ великому дарованію автора, «Записокъ изъ Мертваго дома» и «Преступленія и Наказанія» относились холодно. Въ семидесятыхъ годахъ Достоевскій былъ вождь не умственный, а нравственный; никто не учился у него, *что* любить, но учились самой любви, проникались силою ея и страстностью. Еще менѣе сознавалась въ свое время тѣснѣйшая связь между альтруистическими теченіями 70-хъ годовъ и Львомъ Толстымъ. Критика, призн[illegible]икій талантъ, относилась къ нем[illegible]внутренняго смысла его произ[illegible]понимала. Достаточно сказать, ч[illegible]Карениной» усмотрѣли тогда ан[illegible]освѣтскихъ аморовъ. Когда на[illegible]ь и 80-хъ годовъ стали обращать[illegible]ѣ списки толсто-

Библиотека "Руниверс"

вской «Исповѣди», а затѣмъ послѣдовалъ рядъ нравственно-философскихъ трактатовъ и разсказовъ, поразившихъ необыкновенною рѣзкостью своей критики, въ этомъ усмотрѣли «переворотъ». Самъ «великій писатель земли русской» тоже признавалъ себя перерожденнымъ и съ пренебреженіемъ говорилъ о томъ періодѣ своей жизни, когда онъ писалъ «только» романы. Однако, начинающееся теперь усердное изученіе его литературной дѣятельности совершенно твердо устанавливаетъ тотъ фактъ, что нѣтъ «новаго» Толстого, что на всемъ протяженіи его 50-лѣтней дѣятельности и черезъ всѣ его великія произведенія проходитъ одна и таже красная нить — исканіе смысла жизни и желаніе добиться правды. Толстого нельзя, поэтому, пріурочить ни къ одной эпохѣ: великій геній, онъ стоитъ какъ-бы внѣ времени и пространства. Вполнѣ свободны отъ отпечатка своего времени не могутъ быть, однако, и геніи—и всего ближе Толстой подходитъ именно къ семидесятымъ годамъ, съ которыми его органически роднитъ сила и жгучесть овладѣвшаго имъ порыва. Изъ менѣе крупныхъ дарованій къ 70-мъ годамъ относится расцвѣтъ таланта самой замѣчательной изъ русскихъ писательницъ, Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (1825—1889), подписывавшей свои произведенія: «Крестовскій-псевдонимъ». Она начала писать въ 50-хъ гг. и составила себѣ серьезное литературное положеніе своими романами изъ провинціальной жизни; но лучшія ея вещи—«Большая медвѣдица», «Альбомъ», «Первая борьба» и др. — относятся къ 70-мъ годамъ. Она теперь чрезвычайно выростаетъ и въ художественномъ, и въ общественномъ смыслѣ, освобождается отъ прежней идеализаціи забитыхъ женскихъ фигуръ и съ большою энергіею выводитъ на чистую воду пошлые элементы жизни.

Установить точныя хронологическія границы «семидесятыхъ» годовъ трудно. Приблизительно начало ихъ можно отнести къ 1866—70 гг. Вѣхами могутъ служить прекращеніе «Современника» и «Русскаго Слова» (1866), «Историч. письма» Миртова (1868—70), первыя статьи Н. К. Михайловскаго. Перешедшія въ 1868 г. къ Некрасову, Салтыкову и Елисѣеву, «Отеч. Записки» становятся центральнымъ органомъ новаго фазиса литературно-общественной мысли. «Отеч. Зап.» начали съ констатированія ошибокъ только-что умершаго Писарева, а главное—съ научной выработки блестящимъ соціологомъ и критикомъ Н. К. Михайловскимъ новаго идеала, общественнаго по преимуществу. Во взглядахъ его на прогрессъ былъ данъ новый лозунгъ, устранявшій опасность Писаревскаго утилитарнаго эгоизма и индивидуализма. Рядомъ съ этимъ Михайловскій высоко ставилъ и значеніе личности, но только давалъ ей другое назначеніе. Признаніемъ «субъективнаго метода» въ соціологіи онъ старался показать, что въ исторической жизни идеалъ, элементъ *желательнаго*, имѣетъ огромное практическое значеніе. Изъ другихъ дѣятелей «Отечественныхъ Записокъ» видную роль играли умный «внутренній обозрѣватель» Г. З. Елисѣевъ, талантливый публицистъ Демертъ, философъ-позитивистъ В. В. Лесевичъ, критики Добролюбовской школы А. М. Скабичевскій, М. К. Цебрикова, М. А. Протопоповъ, позднѣе публицисты С. Н. Кривенко, В. П. Воронцовъ и С. Н. Южаковъ. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ «Отечеств. Записки» становятся центромъ «мужицкой беллетристики». Это была въ большей степени публицистика, чѣмъ беллетристика. Она скоро раскололась на два теченія—идеализирующее и пессимистическое. Во главѣ перваго сталъ Н. Н. Златовратскій. Въ его произведеніяхъ сѣренькій мужичокъ сплошь да рядомъ превращается въ эпическаго Микулу - Селяниновича, который подчасъ даже говоритъ былиннымъ складомъ и почти бѣлыми стихами. Въ такихъ же эпическихъ очертаніяхъ рисовалъ сибирскіе народные типы Н. И. Наумовъ. Деревенскихъ Лассалей выводилъ въ своихъ произведеніяхъ П. В. Засодимскій (Вологдинъ). Сюда же примыкалъ Ф. Д. Нефедовъ. Среднее положеніе занимаетъ Н. Е. Петропавловскій-Каронинъ, чуждый сентиментальнаго преувеличенія доблестей мужика, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко вѣрующій въ его большія внутреннія силы. Съ перенесеніемъ всѣхъ источниковъ бѣдности и другихъ народныхъ невзгодъ внѣ мужика не могъ согласиться крупнѣйшій талантъ 70-хъ годовъ—Глѣбъ Успенскій. Въ своихъ полубеллетристическихъ, полупублицистическихъ очеркахъ народной жизни Успенскій съ глубокою душевною болью, но все же прямо и опредѣленно показывалъ, что мужикъ—не только представитель стихійно-величественныхъ «устоевъ», что онъ грубъ, жестокъ, корыстолюбивъ, что опоэтизированное идеализаторами народа общинное чувство часто переходитъ въ мелочное желаніе не дать сосѣду воспользоваться самымъ крошечнымъ лишнимъ кускомъ, что всѣ будто-бы вѣковые нравственные народные «устои» мгновенно исчезаютъ при столкновеніи съ городской жизнью и т. д. Въ конечномъ результатѣ пессимистическое отношеніе Успенскаго къ душевнымъ качествамъ народа не только не ослабляло стремленія придти къ нему на помощь, но усугубляло сознаніе, что интеллигенція должна внести свѣтъ въ тьму народнаго невѣжества. Этотъ же призывъ идти на помощь мужику, «сѣсть на землю», доставилъ большое значеніе появлявшимся въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Письмамъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта. Внѣ сферы «мужицкой беллетристики» въ «Отеч. Зап.» впервые пріобрѣлъ широкую извѣстность П. Д. Боборыкинъ. Этому талантливому и образованному писателю предстояло занять серьезное мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго романа, благодаря большой отзывчивости его на вѣянія времени. Онъ отразилъ въ многочисленныхъ романахъ цѣлый рядъ общественныхъ «моментовъ», но не шелъ, большею частью, дальше общихъ ихъ контуровъ и не углублялся въ самую сущность разнородныхъ теченій. Много обѣщали русскому общественному роману дебютировавшіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» Кущевскій и С. И. Смирнова; но Кущевскій послѣ своего «Николая Негорева» вскорѣ умеръ, а Смирнова не пошла

Библиотека "Руниверс"

дальше опытовъ своей ранней молодости — «Огонька», «Силы характера», «Попечителя учебнаго округа». Большія ожиданія возбудило появившееся въ «Отеч. Зап. 1868 г. начало романа Д. К. Гирса († 1886) «Старая и Новая Россія», но дальше первой части романъ не пошелъ, а все остальное, написанное Гирсомъ, не возвышается надъ уровнемъ посредственности. На рубежѣ 80-хъ годовъ въ «Отечеств. Зап.» появляются талантливые очерки С. Н. Терпигорева (болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ Сергѣй Атава, † 1895): «Оскудѣніе», въ которыхъ правдиво изображено неумѣнье деревенскаго дворянства приноровиться къ новымъ формамъ жизни послѣ крестьянской реформы. Бытописателемъ новыхъ, тяжелыхъ условій деревенской жизни, гдѣ рѣшающее значеніе получаютъ теперь «паукн», всякаго рода кулаки, міроѣды и скупщики дворянскихъ имѣній, выступилъ И. А. Салонъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ «ОтечественыхъЗаписках» заявило себя яркое дарованіе В. М. Гаршина († 1888). Въ его меланхолическомъ творчествѣ особенно ясно сказался тотъ душевный разладъ, который, наряду съ самопожертвованіемъ, составляетъ одну изъ наиболѣе характеристичныхъ чертъ литературнаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ. Разладъ былъ вызванъ тѣмъ, что рядомъ съ глубокой потребностью въ дѣятельной борьбѣ со зломъ не было увѣренности въ торжествѣ добра, да и самая борьба противорѣчила столь же глубокому и всепроникающему чувству гуманности. Изъ старыхъ писателей этотъ разладъ отчасти изобразилъ Тургеневъ въ фигурѣ Нежданова («Новь»). Въ творчествѣ другого блестящаго представителя поколѣнія 70-хъ годовъ, В. Г. Короленко, разладъ чувствовался недолго; личныя условія жизни, занесшія его въ сибирскую тайгу, отбросили его отъ литературной дѣятельности, а когда онъ вернулся къ ней, въ восьмидесятыхъ годахъ, борьбы уже никакой не было. Теперь онъ всецѣло отдается основному настроенію своей души — глубокой любви къ людямъ и стремленію доискаться лучшихъ сторонъ человѣческаго духа, подъ какой-бы непроницаемой корой наносной житейской грязи онѣ ни скрывались. Этой любви было гораздо меньше въ подававшемъ большія надежды, но загубленномъ нуждою А. О. Осиповичѣ-Новодворскомъ († 1882). Въ поэтической формѣ разладъ между требованіями чуткой совѣсти и нежеланіемъ активно противодѣйствовать злу выразился въ первомъ періодѣ дѣятельности Н. М. Виленкина-Минскаго. Впослѣдствіи онъ сдѣлался проповѣдникомъ отрѣшенной отъ условій времени и мѣста «чистой красоты» и теоретикомъ эгоистическиндивидуалистическаго символизма («При свѣтѣ совѣсти»), но въ семидесятыхъ годахъ онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность какъ пѣвецъ общественныхъ порывовъ и настроеній. И младшій сверстникъ Минскаго—С. Я. Надсонъ († 1887)—отразилъ ту же борьбу противоположныхъ теченій. Онъ не могъ стать поклонникомъ объективнаго и «чистаго искусства», но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная и хрупкая душевная организація мѣшала ему быть борцомъ; и въ общемъ лирика его больше склоняется къ жалобамъ, чѣмъ къ протесту. Внѣ общественныхъ теченій развивалось изящное, но холодное дарованіе гр. А. А. Голенищева-Кутузова, поэта интимныхъ настроеній, пѣвца красотъ природы и стремленія къ безпечальному успокоенію. Тоже внѣ тѣсной связи съ общественными настроеніями пріобрѣлъ извѣстность въ 70-хъ годахъ симпатичный поэтъ изъ народа И. З. Суриковъ († 1880), котораго тяжелая жизнь настроила очень печально. Гораздо бодрѣе смотритъ на жизнь другой поэтъ-крестьянинъ С. Д. Дрожжинъ, начавшій писать въ 70-хъ годахъ, но получившій извѣстность позднѣе. Изъ другихъ молодыхъ талантовъ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ выдвинулись М. Н. Альбовъ—авторъ скорѣе психіатрическихъ, чѣмъ психологическихъ этюдовъ, К. С. Баранцевичъ—бытописатель жизни людей, прозябающихъ подъ гнетомъ сѣрой дѣйствительности, но ею, однако, не задавленныхъ, и А. И. Эртель—авторъ разсказовъ изъ народнаго быта и романовъ изъ жизни болѣющей «проклятыми вопросами» интеллигенціи. Плодовитый романистъ И. Н. Потапенко выступилъ только въ восьмидесятыхъ годахъ, но основныя настроенія свои онъ получилъ въ семидесятыхъ годахъ и въ лучшихъ своихъ вещахъ является талантливымъ выразителемъ того же альтруистическаго теченія, которымъ опредѣляется значеніе Гаршина и Короленко. Сюда же примыкаетъ симпатичное дарованіе Д. Н. Мамина-Сибиряка, обратившаго на себя вниманіе талантливыми разсказами и романами изъ уральской жизни. І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) началъ свою литературную дѣятельность въ «Словѣ» и «Отечеств. Зап.», повѣстями, вѣрно изображавшими внутреннюю жизнь тѣхъ кружковъ, которые жили исключительно общественно-народными интересами, но, позднѣе, въ 80-хъ годахъ, примкнулъ къ теченіямъ, враждебно и насмѣшливо относившимся къ движенію 70-хъ годовъ. Г. А. Мачтетъ остался горячимъ приверженцемъ народолюбовыхъ идей этого десятилѣтія.

Не закончилась еще вполнѣ и полоса 60-хъ годовъ. Могикане «мыслящаго реализма» еще нѣкоторое время съ успѣхомъ подвизаются въ «Дѣлѣ». Здѣсь расцвѣтаетъ крайне тенденціозная беллетристика, посвященная прославленію «новыхъ людей». Главные представители ея — А. К. Михайловъ-Шеллеръ, Н. Ф. Бажинъ, И. В. Федоровъ-Омулевскій, отчасти К. М. Станюковичъ; послѣдній, впрочемъ, больше всего обязанъ своею извѣстностью появившимся позднѣе «Морскимъ разсказамъ», написаннымъ очень жизненно и тепло. Изъ публицистовъ «Дѣла» пользовались извѣстностью рѣзкій критикъ П. Н. Ткачевъ, плодовитый компиляторъ С. С. Шашковъ, талантливый, но чрезчуръ увлекавшійся эффектными перспективами популяризаторъ В. О. Португаловъ, критикъ-публицистъ Н. В. Шелгуновъ. Лучшая часть дѣятельности послѣдняго—та, когда онъ, ведя «Очерки русской жизни» въ «Русс. Мысли» 80-хъ годовъ, совершенно отрѣшился отъ Благосвѣтловскихъ способовъ обсуждать литературно-общественныя явленія и далъ просторъ благороднѣй-

Библиотека "Руниверс"

шимъ сторонамъ своей духовной личности. Изъ другихъ органовъ прогрессивной печати «Недѣля» П. А. Гайдебурова съ середины 70-хъ годовъ становится центромъ односторонняго «народничества» (статьи П. П. Червинскаго о «деревнѣ», дѣятельность О. И. Каблица-Юзова). Умѣренно-прогрессивная общественная мысль имѣла своими органами «Вѣстникъ Европы» М. Стасюлевича, «СПб. Вѣдомости» В. Ф. Корша, «Голосъ» А. Краевскаго и В. Бильбасова. «Вѣстн. Европы» 70-хъ годовъ въ беллетристическомъ своемъ отдѣлѣ былъ по преимуществу органомъ литературныхъ корифесвъ (Тургеневъ, Гончаровъ, Алексѣй Толстой, Крестовскій - псевдонимъ, отчасти Островскій). Чрезъ научно - публицистическій отдѣлъ журнала прошла вся многополезная работа лучшаго историка русской общественности—А. Н. Пыпина, критическая и публицистическая дѣятельность К. К. Арсеньева, В. Д. Спасовича и Е. И. Утина, послѣдніе отголоски теоретической мысли сороковыхъ годовъ въ статьяхъ Кавелина. Веденіе «Внутреннихъ Обозрѣній» Л. А. Полонскимъ давало журналу оттѣнокъ буржуазнаго либерализма, который исчезъ, когда Полонскій въ 1880 г. оставилъ «Вѣстн. Европы». «С.-Пет. Вѣдомости» Коршевской редакціи (1863—74) далеко ушедшимъ въ своихъ идеалахъ кружкамъ казались черезчуръ смиренномудрыми (по выраженію Салтыкова — «пѣнкоснимателями либерализма»); но недобровольное удаленіе изъ газеты В. Ѳ. Корша и всѣхъ главныхъ сотрудниковъ доказало, что при томъ обратномъ ходѣ, которымъ тогда пошла внутренняя политика, роль газеты не имѣла ничего комическаго. Въ общемъ «С.-Пет. Вѣд.» были однимъ изъ наиболѣе видныхъ проявленій новой литературной силы—ежедневной печати, развитію которой много способствовалъ законъ о печати 1865 г. Въ газетахъ начинаетъ теперь сосредоточиваться значительная часть литературныхъ силъ. Главными дѣятелями Коршевскихъ «С.-Пет. Вѣд.» явились: выдающійся защитникъ принциповъ самоуправленія кн. А. И. Васильчиковъ, К. К. Арсеньевъ, публицисты Н. П. Колюпановъ и Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, Э. К. Ватсонъ, представители позитивной философіи Вырубовъ и Де-Роберти, П. Д. Боборыкинъ, пламенный провозвѣстникъ новаго русскаго искусства В. В. Стасовъ, «музыкальный нигилистъ» Ц. А. Кюи и въ особенности фельетонисты А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ. Блестящій талантъ А. С. Суворина далъ значеніе прежде ничтожному воскресному фельетону, а язвительный юморъ литературнаго обозрѣвателя В. П. Буренина, тогда по преимуществу направленный противъ консервативной печати, сдѣлалъ его однимъ изъ наиболѣе ненавидимыхъ въ извѣстныхъ кругахъ застрѣльщиковъ либеральнаго лагеря. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ съ этими литературными діоскурами происходитъ рѣшительная метаморфоза: пріобрѣтенная А. С. Суворинымъ газета «Новое Время» становится центромъ націонализма и рѣзкихъ нападокъ на прогрессивную мысль. Соперничавшій Вѣдомостями» «Голосъ» сначала былъ представителемъ умѣреннаго консерватизма, но позднѣе дѣлается органомъ буржуазнаго либерализма. Главными его сотрудниками были Л. Панютинъ (Нилъ Адмирари), Е. Л. Марковъ, Г. К. Градовскій, проф. А. Д. Градовскій, проф. В. И. Модестовъ, акад. В. П. Безобразовъ. Консервативная мысль имѣла своими органами дворянско-землевладѣльческую, въ стилѣ англійскаго торизма, газету «Русскій Міръ», главнымъ дѣятелемъ которой былъ извѣстный консервативный публицистъ, генералъ Р. А. Фадѣевъ. Ретроградный «Гражданинъ» кн. В. Мещерскаго требовалъ, чтобы къ реформамъ была «поставлена точка» и дворянству возвращена его руководящая роль; но въ романахъ самаго кн. Мещерскаго петербургскій большой свѣтъ былъ подвергнутъ жестокому осмѣянію. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ началѣ 70-хъ гг., выдвигаются романисты Б. М. Маркевичъ и В. Г. Авсѣенко и драматургъ Д. В. Аверкіевъ, рядомъ съ изобличеніемъ нигилизма пытающіеся создать положительныхъ героевъ, изъ среды представителей большого свѣта и древне-русской жизни; В. Г. Авсѣенко предпринялъ также критическій походъ противъ «петербургской» журналистики. Внѣ сферы воинствующей беллетристики «Русск. Вѣстникъ» далъ двѣ замѣчательныя эпопеи изъ раскольничьей жизни Мельникова-Печерскаго: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», принадлежащія къ самымъ увлекательнымъ книгамъ русской литературы. Къ изображенію этого-же міра «древляго благочестія» и вообще къ этнографической беллетристикѣ переходитъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ недавній обличитель нигилизма—Лѣсковъ. Яркій талантъ, проявленный имъ здѣсь на почвѣ вполнѣ нейтральной, примиряетъ съ нимъ публику, да и самъ онъ мало-по-малу отходитъ отъ прежнихъ единомышленниковъ и подъ конецъ жизни даже печатаетъ въ «Вѣстн. Европы» разсказъ, высмѣивающій клерикальное святошество. На поприщѣ этнографической беллетристики въ 70-хъ годахъ дебютировали также авторъ бьющихъ на внѣшніе эфекты повѣстей и разсказовъ изъ средне-азіатской жизни Н. Н. Каразинъ и талантливый беллетристъ-путешественникъ Вас. Немировичъ-Данченко. Значительное развитіе получаетъ въ 70-хъ гг. историческій романъ. Отчасти это было результатомъ ложно понятаго успѣха «Войны и Мира», гдѣ историческія рамки играютъ второстепенную роль, отчасти—удовлетвореніемъ вкуса тѣхъ неприхотливыхъ слоевъ публики, которые еще только начинаютъ читать и на первыхъ порахъ больше всего цѣнятъ «занимательность». Вотъ почему изъ историческихъ романистовъ наибольшій успѣхъ имѣлъ наименѣе удовлетворяющій литературнымъ требованіямъ Всеволодъ Серг. Соловьевъ. Гораздо выше по художественнымъ достоинствамъ историческіе романы гр. Е. В. Сальяса и Г. П. Данилевскаго, но и въ нихъ требованія «занимательности» стоятъ на первомъ планѣ. Къ историческому роману перешелъ теперь и Д. Л. Мордовцевъ, до тѣхъ поръ извѣстный какъ историкъ народныхъ движеній и публицистъ.

Библиотека "Руниверс"

Эпоха разброда и исканія новыхъ идеаловъ (восмидесятые и девяностые годы). Эпоха, нами переживаемая и начинающаяся съ восьмидесятыхъ годовъ еще не завершилась и потому намѣчены могутъ быть только ея общіе контуры. Никогда противодѣйствіе духу эпохи великихъ реформъ не было такъ сильно, какъ въ 80-хъ годахъ. Этому содѣйствовало то обстоятельство, что численно выросъ тотъ малокультурный слой общества, который Салтыковъ назвалъ «улицей». Отсюда небывалый успѣхъ мелкой и шовинистической прессы. Въ слояхъ культурныхъ русскій идеализмъ направляется на новый путь. Огромный успѣхъ имѣетъ толстовское ученіе о непротивленіи злу насиліемъ. Утилитаризмъ и матеріализмъ еще больше, чѣмъ въ 70-хъ годахъ, теряютъ приверженцевъ; на первый планъ, подъ вліяніемъ Л. Толстого, выступаетъ интересъ къ вопросамъ философски-религіознаго характера. Появляется новая форма превращенія въ мужиковъ, безъ всякой протестующей подкладки. «Опрощиваются» теперь не съ тѣмъ, чтобы вліять на народъ, а для того, чтобы отряхнуть съ собственныхъ ногъ пыль цивилизаціи и зажить жизнью первобытной близости къ природѣ. Въ литературѣ исчезаетъ прежняя прямолинейность; партійные оттѣнки прогрессивнаго лагеря сглаживаются. Недобровольно исчезаютъ главные органы прежняго радикализма — «Отеч. Зап.» и «Дѣло». Изъ писателей, выступившихъ въ 70-хъ годахъ, идеализаторы народа умолкаютъ, чувствуя, что нѣтъ аудиторіи, сочувствіе которой поддерживало-бы ихъ повышенное настроеніе. Появляющійся на литературномъ поприщѣ А. П. Чеховъ чуждъ восторга и увлеченія, но дарованіе его очень крупно и можетъ многое дать русской литературѣ. Ослабленіе общественныхъ стремленій создаетъ почву, на которой опять возникаетъ теорія «чистаго» искусства. Выразителями этого настроенія, кромѣ отрѣшающагося отъ прежняго направленія, Минскаго, являются нѣсколько поэтовъ, получающихъ извѣстность въ 80-хъ годахъ. Талантливѣйшій изъ нихъ— К. М. Фофановъ, въ почти-безсознательномъ творчествѣ котораго перлы истинной поэзіи перемѣшаны съ огромнымъ количествомъ не имѣющихъ никакой цѣны риѳмованныхъ строкъ. Изящный судебный ораторъ и красиво оцѣнивающій литературныя явленія критикъ, С. А. Андреевскій, выступаетъ съ рядомъ стихотвореній и поэмъ, въ которыхъ «красота и меланхолія» объявляется «единственно-законною» областью поэзіи. Чуждается также жизни князь Д. Н. Цертелевъ, какъ публицистъ примыкающій къ «Московск. Вѣдомостямъ». Интересъ къ безцѣчальному искусству создастъ теперь успѣхъ А. Н. Апухтину († 1893), начавшему писать еще въ шестидесятыхъ годахъ, но затѣмъ замолкшему. Возобновляютъ также свою поэтическую дѣятельность осмѣянные въ шестидесятыхъ годахъ К. К. Случевскій и П. А. Кусковъ. Внѣ связи съ общерусской жизнью выступаетъ талантливый поэтъ еврейства, С. Г. Фругъ. Въ сферѣ беллетристики 1880-ые и 1890-ые годы характеризуются появленіемъ ряда писателей не лишенныхъ таланта, чуждыхъ тенденціозности, но не оставляющихъ въ читателѣ опредѣленнаго и яркаго впечатлѣнія. Получаетъ извѣстность рядъ женщинъ писательницъ — Ольга Шапиръ, М. В. Крестовская, А. М. Шабельская, Мердеръ (Северинъ), Бларамбергъ (Ардовъ), А. А. Виницкая, В. І. Дмитріева, Л. П. Микуличъ-Веселицкая. Вниманіемъ читающей публики пользуются А. А. Тихоновъ-Луговой, братъ его В. А. Тихоновъ, кн. Голицынъ (Муравлинъ), Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), П. П. Гнѣдичъ, А. Бѣжецкій, Щегловъ-Леонтьевъ, В. Л. Кигнъ (Дѣдловъ и др). Особую группу составляютъ въ 80 и 90-хъ годахъ нѣсколько публицистовъ (изъ «Русскаго Вѣстника», «Рус. Обозр.», «Моск. Вѣд.» и «Нов. Врем.») которые въ 70-хъ гг. принимали активное участіе въ анти-государственной дѣятельности. Изъ нихъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ († 1896) обладалъ недюжиннымъ критическимъ талантомъ, А. А. Дьяковъ-Незлобинъ († 1895) —беллетристическимъ и фельетоннымъ. Исключительно съ точки зрѣнія вновь усвоенныхъ имъ идей разсматриваетъ явленія общественной жизни Л. Тихомировъ. Однимъ изъ главныхъ вдохновителей этой группы являлся беллетристъ и публицистъ К. Н. Леонтьевъ († 1891), мрачное византійство котораго принимаетъ по-временамъ характеръ прямого изувѣрства. Гораздо большимъ безпристрастіемъ отличается консервативный публицистъ, критикъ и романистъ К. Ѳ. Головинъ (псевд. Орловскій).

Если настроеніе семидесятыхъ годовъ и слабѣетъ, то многіе остаются безусловно вѣрными старымъ идеаламъ. Взамѣнъ «Отеч. Зап.» и «Дѣла» процвѣтаетъ «Русс. Мысль» (главный дѣятель — публицистъ и критикъ В. А. Гольцевъ), возникаетъ «Сѣв. Вѣстникъ» А. М. Евреиновой; съ начала 90-хъ гг. преобразовывается «Рус. Богатство», постепенно занимающее такое-же положеніе, какъ нѣкогда «Отеч. Зап.». Во главѣ съ Михайловскимъ и Короленко, здѣсь сосредоточивается все литературное теченіе 70-хъ годовъ. Изъ новыхъ талантовъ «стараго стиля» здѣсь выдвигается Л. Мельшинъ (псевдонимъ) — авторъ замѣчательныхъ очерковъ «Міръ отверженныхъ» (личныя наблюденія автора на каторгѣ) и поэтъ, подписывающій свои стихотворенія иниціалами *П. Я.* Изъ старыхъ журналовъ усиливающаяся реакція оттѣняетъ стойкость «Вѣстн. Евр.». Сюда переселяется Салтыковъ послѣ закрытія «Отеч. Зап.»; здѣсь же освободительныя стремленія русскаго общества пріобрѣтаютъ замѣчательнаго союзника въ лицѣ даровитаго философа и публициста, отчасти поэта — Владиміра Соловьева, пріобрѣтаютъ именно союзника, а не выразителя, потому что самъ по себѣ Соловьевъ—человѣкъ метафизическаго міросозерцанія. Сила ударовъ, которые онъ наноситъ рыцарямъ мрака и угнетенія, въ томъ, отчасти, и заключается, что онъ говоритъ отъ имени вполнѣ ортодоксальныхъ воззрѣній. Узкому націонализму и стѣсненію свободы совѣсти и слова онъ противопоставляетъ правильно понятое христіанство. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ полемистовъ нашихъ, Соловьевъ нанесъ рѣши-

Библиотека "Руниверс"

тельные удары теоріи представителя нео-славянофильства, Николая Данилевскаго, который теорію богоизбранности русско-славянскаго міра пытался обосновать на объективно-научныхъ данныхъ, а также В. В. Розанову, критику и публицисту безусловно талантливому и подчасъ даже глубокомысленному, но доходящему весьма часто до болѣзненно-страннаго обскурантизма и циническої темноты мышленія. Изъ публицистовъ, борющихся противъ обскурантизма и человѣконенавистничества во имя христіанской морали, выдается еще сотрудникъ «Недѣли», союзникъ и почитатель Л. Толстого—М. О. Меньшиковъ.

Въ 90-хъ годахъ кризисъ, переживаемый старымъ демократизмомъ не только въ Р., но и въ Европѣ, создаетъ почву, на которой выростаетъ пустоцвѣтъ декадентскаго равнодушія къ истинѣ и презрѣнія къ самопожертвованію. Изъ иностранныхъ писателей особенный успѣхъ имѣетъ Ибсенъ, съ его пересмотромъ всего того, что демократическій духъ XIX в. призналъ за благо. Въ сферѣ теоретической мысли наибольшій интересъ возбуждаетъ Ницше, съ его желаніемъ «стать по ту сторону добра и зла» и создать религію обожающей себя личности. Проникаютъ къ намъ и благерствующее французское декадентство и символизмъ, съ ихъ афектированнымъ презрѣніемъ къ нравственнымъ задачамъ искусства и поклоненіемъ извращенности во всѣхъ ея видахъ. Все это ослабляетъ альтруистическое теченіе въ самой чуткой части русскаго общества—учащейся молодежи. Это длится, однако, недолго. Въ литературѣ проповѣдь эгоизма и извращенныхъ вкусовъ идетъ только отъ нѣсколькихъ второстепенныхъ дарованій. Изъ нихъ наибольшую извѣстность пріобрѣтаютъ образованный, но гонящійся за всякою новизною поэтъ, романистъ и критикъ Д. С. Мережковскій; его жена — З. Н. Гиппіусъ-Мережковская, несомнѣнный талантъ которой не даетъ ничего цѣннаго въ изысканной погонѣ за «новой красотой»; романистъ и поэтъ Ѳедоръ Сологубъ (псевдонимъ), талантъ котораго принялъ болѣзненное направленіе; поэтъ К. Д. Бальмонтъ, больше всего, впрочемъ, извѣстный какъ переводчикъ Шелли, Байрона, Гёте. Къ «новому» теченію примыкаетъ яростное нападеніе мнимаго «идеализма» (ст. А. Волынскаго въ измѣнившемся «Сѣв. Вѣстникѣ») на все созданное демократической русской мыслью. Это окончательно раскрываетъ глаза на «новое теченіе» и дискредитируетъ его въ глазахъ людей, искренно прислушивающихся къ каждому «новому слову». Въ срединѣ 90-хъ годовъ возникаетъ новое умственное теченіе, получающее названіе «марксизма» или «неомарксизма» и вступающее въ борьбу съ «народниками» 70-хъ годовъ и вообще съ старымъ демократизмомъ. Русскій марксизмъ (главные теоретики — П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій, Бельтовъ) идетъ рука объ руку съ теоріею экономическаго матеріализма, по которому важнѣйшимъ факторомъ исторіи являются исключительно экономическія причины, борьба классовъ и интересовъ. Какъ ни смотрѣть на марксизмъ по существу, появленіе его показываетъ несомнѣнно, что апатія, овладѣвшая обществомъ подъ вліяніемъ реакціи 80-хъ гг. и нашедшая крайнее выраженіе въ индифферентизмѣ и декадентствѣ, прошла. Въ формѣ художественной марксизмъ еще не успѣлъ проявиться, но марксисты не безъ основанія гордятся свѣжимъ дарованіемъ Максима Горькаго (псевдонимъ А. Пѣшкова), давшаго рядъ яркихъ картинъ изъ жизни городского пролетаріата.

Новѣйшій русскій театръ послѣ Островскаго и Алексѣя Толстого далъ только одно высокое явленіе— «Власть тьмы» Льва Толстого. А. В. Сухово-Кобылинъ не пошелъ дальше извѣстной пьесы своей «Свадьба Кречинскаго» (1855), Н. Е. Чернышевъ имѣлъ успѣхъ съ затрагивавшей женскій вопросъ «Испорченной жизни» (1861), Николай Потѣхинъ—съ своими сценическими пьесами «Злоба дня» и «Мертвая петля»; А. И. Пальмъ въ «Старомъ баринѣ» (1873) вѣрно обрисовалъ избалованнаго, неприспособленнаго къ требованіямъ новой трудовой жизни представителя барства сороковыхъ годовъ; В. А. Крыловъ написалъ нѣсколько интересныхъ пьесъ, касающихся вопросовъ дня, но огромная часть пьесъ имъ написанныхъ и передѣланныхъ съ иностранныхъ языковъ (больше 100) имѣютъ цѣли исключительно сценическія. Сценическими достоинствами завоевали себѣ также успѣхъ В. А. Дьяченко, Л. Н. Антроповъ, П. П. Гнѣдичъ, Е. П. Карповъ (пьесы изъ народной жизни), Невѣжинъ, Н. Я. Соловьевъ, кн. А. И. Сумбатовъ, В. А. Тихоновъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ и др. Въ послѣднее время выдѣляются чисто-литературными достоинствами вдумчивыя пьесы Владиміра Немировича-Данченко. Умно-задуманныя пьесы П. Д. Боборыкина мало сценичны. Историческая драма представлена приподнятыми пьесами Д. В. Аверкіева и Чаева.

Литература, посвященная систематической разработкѣ исторіи новѣйшаго періода, очень незначительна. Кромѣ популярной, болѣе біографической, чѣмъ систематической «Исторіи новѣйшей русской литературы» А. М. Скабичевскаго (3 изд. СПб., 1897), можно указать только послѣдніе главы нѣм. «Geschichte d. rus. Litteratur» А. А. Рейнгольдта (Лейпцигъ 1886) и крайне-безтолковую «Исторію русской литературы» К. Петрова (8 изд., СПб., 1892). Для исторіи новѣйшаго романа представляетъ интересъ «Русскій романъ» К. Головина (СПб., 1897) и отчасти «Le roman russe» Мельхіора де-Вогюе; для исторіи новѣйшей критики—IV часть «Исторіи русской критики» И. И. Иванова (СПб., 1900). Съ чрезвычайною осторожностью слѣдуетъ пользоваться тенденціозною книгою А. Л. Волынскаго: «Русскіе критики» (СПб., 1896). Для изученія отдѣльныхъ писателей и литературныхъ настроеній обширный матеріалъ даютъ собранія сочиненій Аполлона Григорьева, Анненкова, Дружинина, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, Михайловскаго, Скабичевскаго, сборники статей Арсеньева, Протопопова, Буренина, Страхова, Ник. Соловьева. «Русскіе писатели послѣ Гоголя» Ор. Миллера (4 изд., 1890) и др. Рядъ отдѣльныхъ характеристикъ даетъ «Критико-біографическій

Библиотека "Руниверс"

словарь» Венгерова, а также настоящій Словарь. *С. Венгеровъ.*

XI. Русское искусство. I. Архитектура, живопись и гравированіе. Исторія искусства въ Р., точно такъ же, какъ и исторія русской культуры вообще, распадается на два неравные, рѣзко разграниченные періода: *древній*, простирающійся съ незапамятныхъ временъ до эпохи преобразованій Петра Великаго, и *новый*, обнимающій собою два послѣднія столѣтія. Въ теченіе перваго періода, изъ элементовъ, заимствованныхъ отъ Византіи, занесенныхъ къ намъ съ Востока и отчасти Запада, равно какъ и коренившихся въ духѣ и бытѣ народа и слившихся съ нимъ племенъ, медленно, но непрерывно, вырабатывался оригинальный типъ искусства, обѣщавшій достигнуть высокаго совершенства, но вдругъ остановленный въ своемъ развитіи Петровскими реформами. Второй періодъ ознаменованъ пересадкою къ намъ западно-европейскаго искусства и, такъ сказать, тепличнымъ его существованіемъ, продолжавшимся до той недавней поры, когда передовые наши художники, подъ вліяніемъ пробудившагося въ русскомъ обществѣ національнаго самосознанія, стали гнушаться академическою рутиною и устремились отъ подражательности чужестраннымъ образцамъ къ непосредственному воспроизведенію дѣйствительности и къ изученію родной художественной старины, съ цѣлью положить ее въ основу своего творчества.

Еще въ глубочайшей древности славянскія племена, изъ которыхъ образовалось русское государство, не были совершенно лишены художественнаго инстинкта и, подобно другимъ младенческимъ народамъ, искали въ своихъ издѣліяхъ удовлетворенія не только матеріальныхъ потребностей жизни, но и чувства изящнаго. Они строили для себя жилища, конечно, весьма незатѣйливыя, но уже имѣвшія нѣкоторую форму и требовавшія нѣкотораго знакомства со строительнымъ дѣломъ. Быть можетъ, у нихъ имѣлись болѣе обширныя сооруженія для чествованія божествъ, хотя существованіе такихъ капищъ составляетъ спорный вопросъ въ средѣ ученыхъ. Матеріаломъ для построекъ у доисторическихъ нашихъ предковъ служило дерево, въ огромномъ количествѣ распространенное повсюду въ мѣстахъ ихъ осѣдлости. Свои орудія они пытались обдѣлывать въ видѣ фигуръ животныхъ, а сосуды и другую утварь украшать узорами. Движимые религіознымъ чувствомъ, они вырубали изображенія своихъ боговъ, пользуясь при этомъ какъ деревомъ, такъ и камнемъ, а въ память своихъ покойниковъ ставили ихъ истуканы, такъ называемыя «каменныя бабы», на могильныхъ курганахъ. Произведенія этого примитивнаго искусства, сдѣланныя изъ дерева, исчезли безслѣдно, и объ ихъ существованіи мы знаемъ только изъ скудныхъ свидѣтельствъ старинныхъ путешественниковъ; каменныхъ же, глиняныхъ и металлическихъ издѣлій собрано археологами весьма много, но для пріуроченія ихъ къ болѣе или менѣе раннему времени, равно какъ и для опредѣленія ихъ принадлежности тому или другому племени, нѣтъ достаточно прочныхъ основаній. Всѣ они походятъ на подобныя имъ произведенія вообще народовъ, не вышедшихъ изъ дѣтства.

Достовѣрная исторія русскаго искусства начинается только съ принятія св. Владиміромъ христіанства. Еще задолго до этого великаго событія, наши предки были знакомы съ художественными произведеніями Византіи, то дѣлая воинственные набѣги на нее, то вступая съ нею въ мирные договоры и торговыя сношенія. Когда же православіе сдѣлалось государственною религіею Руси, явилась на ней надобность имѣть для богослуженія храмы, устроенные и убранные на подобіе константинопольскихъ церквей, а благовѣрнымъ князьямъ жить въ палатахъ и среди обстановки, напоминающихъ образъ жизни восточныхъ императоровъ. Удовлетворить этой потребности могли только греки, на долю которыхъ выпало быть просвѣтителями Руси и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Тотчасъ по своемъ крещеніи, Владиміръ вызываетъ изъ Царяграда зодчихъ, каменщиковъ, живописцевъ, мозаичистовъ; въ Кіевѣ и сосѣднихъ мѣстахъ воздвигаются церкви, украшенныя иконами, мозаикою, рѣзьбою. Всѣ эти работы исполняются византійскими руками и въ византійскомъ стилѣ. То же самое происходитъ и при ближайшихъ преемникахъ Владиміра, хотя въ это время начинаютъ дѣйствовать и туземные мастера, выученные греками. Такимъ образомъ русская архитектура и прочія художественныя отрасли въ самомъ своемъ началѣ получаютъ совершенно византійскій характеръ, черты котораго не утрачиваются ими и впослѣдствіи, при заимствованіяхъ изъ другихъ источниковъ. Важнѣйшія произведенія этого зодчества явились прежде всего въ великокняжеской столицѣ, Кіевѣ. Первою каменною церковью, сооруженною здѣсь Владиміромъ, была Васильевская, названная такъ въ честь святого, имя котораго было дано ему при крещеніи. Она была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ стоялъ кумиръ Перуна. Отъ нея дошли до насъ лишь жалкіе остатки, позволяющіе, однако, получить понятіе объ ея планѣ и способѣ кладки. Не сохранилось также и другой кіевской церкви, заложенной почти одновременно съ Васильевскою, во имя Успенія Богородицы, и извѣстной подъ названіемъ Десятинной вслѣдствіе того, что великій князь постановилъ отдавать въ ея пользу десятую часть своихъ доходовъ съ городовъ и имѣній. Она была отдѣлана съ величайшею по тому времени роскошью, мраморомъ, яшмою, мозаикою, живописью, надѣлена драгоцѣнною утварью и служила усыпальницею Владиміра и его супруги, великой княгини Анны. Въ половинѣ XVII стол., при нашествіи Батыя на Кіевъ, Десятинная церковь была ограблена и превратилась въ развалины, частью которыхъ, въ XII стол., воспользовался митрополитъ Петръ Могила для постройки на ея мѣстѣ скромной церкви Рождества Богородицы. Впослѣдствіи, когда эта полукаменная, полудеревянная церковь пришла въ ветхость, ее срыли до основанія. Теперь на ея мѣстѣ стоитъ новый обширный храмъ, не

Библиотека "Руниверс"

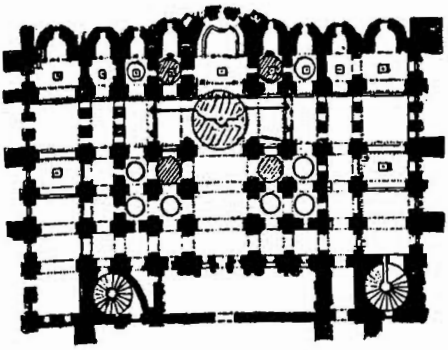
имѣющій ничего общаго съ первоначальною Десятинною церковью, кромѣ названія. Обѣ древнія церкви, Васильевская и Десятинная, были почти одинаковой величины и, представляя въ планѣ продолговатый четырехугольникъ съ тремя выступающими изъ восточной стороны полукруглыми абсидами, вполнѣ подходили къ общему типу византійскихъ храмовъ X вѣка. Сложены онѣ были изъ большихъ необтесанныхъ камней и кирпичныхъ плитъ, соединенныхъ толстымъ слоемъ цемента. Самый замѣчательный архитектурный памятникъ разсматриваемой эпохи въ Кіевѣ — Софійскій соборъ, заложенный Ярославомъ Мудрымъ въ 1037 г., въ память его побѣды надъ печенѣгами. Въ теченіе почти девятисотлѣтняго своего существованія, храмъ этотъ часто подвергался грабежамъ и опустошеніямъ, былъ близокъ къ разрушенію, а потомъ искаженъ пристройками и надстройками. Внѣшность его сдѣлалась нисколько не похожа на прежнюю, но въ его внутренности сохранилось многое отъ первоначальнаго сооруженія и древнихъ украшеній. Въ своемъ планѣ, онъ представляетъ четырехугольникъ, почти квадратъ, раздѣленный столбами на пять кораблей, изъ которыхъ средній шире остальныхъ. Каждый корабль оканчивается съ востока полукруглою абсидою, и всѣ корабли пересѣкаются трансептомъ, отдѣленнымъ отъ крайнихъ изъ нихъ парами колоннъ. Надъ западнымъ концомъ четырехугольника устроена верхняя галлерея (хоры). Все зданіе увѣнчивалось большимъ куполомъ на барабанѣ надъ среднимъ пространствомъ и двѣнадцатью меньшими главами надъ западною и восточною частями. Къ сѣверо-западному углу собора примыкаетъ башня, заключающая въ себѣ лѣстницу, ведущую на хоры; вѣроятно, она сообщалась со стоявшимъ невдалекѣ великокняжескимъ дворцомъ. Другая башня у юго-западнаго угла, также съ лѣстницею, составляетъ, повидимому, пристройку XII в. Всего любопытнѣе въ Кіево-Софійскомъ соборѣ—древнія мозаики и фрески, уцѣлѣвшія на его стѣнахъ. Въ абсидѣ главнаго алтаря, въ верхней части полусферическаго свода, изображенъ мозаичною работою на золотомъ фонѣ колоссальный образъ Богоматери во весь ростъ, стоящей на четырехугольномъ, украшенномъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями помостѣ и молитвенно воздѣвшей свои руки. Это изображеніе, извѣстное въ народѣ подъ названіемъ «Нерушимой Стѣны», окаймлено орнаментомъ поздне-византійскаго стиля и надписью на греческомъ языкѣ. Подъ нимъ тянется, въ видѣ фриза, мозаичная же картина, символически представляющая таинство Евхаристіи: въ срединѣ—церковный престолъ, осѣненный ripidion'омъ подлѣ него, справа и слѣва, стоятъ [illegible] съ ripidion'ами въ рукахъ; изображенный [illegible] Спаситель, отступивъ отъ престола, въ правой части картины преподаетъ шествующимъ подходящимъ къ нему апостоламъ Пречистую Кровь, а въ лѣвой части, другимъ шести апостоламъ—Пречистое Тѣло. На золотомъ фонѣ этого фриза, вверху, начертаны слова Спасителя, устанавливающія таинство причащенія. Еще ниже, помѣщены колоссальныя фигуры святыхъ, во весь ростъ, сохранившіяся только по плечи или по поясъ. Кромѣ главной абсиды, мозаиками были украшены и другія мѣста храма: главный куполъ—поясными изображеніемъ Христа-Вседержителя и четырьмя фигурами ангеловъ, барабанъ купола—ликами апостоловъ, такъ назыв. тріумфальная арка—иконами Христа, Богородицы и Іоанна Крестителя (Деисусъ) въ медальонахъ, столбы этой арки—«Благовѣщеніемъ» и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ мозаикъ осыпались, другія уцѣлѣли только отчасти и впослѣдствіи реставрированы масляною краскою, но доселѣ свидѣтельствуютъ о быломъ великолѣпіи собора. Сочиненіе, рисунокъ, типы, краски, техника набора и самое размѣщеніе этихъ изображеній по храму—чисто византійскіе, наглядно доказывающіе, что исполнены они пріѣзжими греками, которые даже снабдили ихъ надписями на своемъ языкѣ. То же самое должно сказать и фрескахъ, въ изобиліи покрывавшихъ стѣны собора, долго скрывавшихся подъ слоемъ штукатурки и лишь недавно очищенныхъ отъ нея и отъ неискусныхъ записей. Они изображаютъ эпизоды житія Богородицы и земной жизни Спасителя, дѣянія св. апостоловъ и великомученика Георгія, ветхозавѣтныя сцены и фигуры (въ ростъ или по грудь) пророковъ и другихъ святыхъ. Особенно интересны фрески, покрывающія собою стѣны и столбы обѣихъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры; здѣсь изображены охота на разныхъ звѣрей, представленія въ гипподромѣ, праздничныя увеселенія восточныхъ императоровъ—сцены, знакомящія насъ со многими частностями константинопольской придворной жизни. Кромѣ Софійскаго собора, въ Кіевѣ есть еще нѣсколько церквей, основанныхъ въ XI и XII вв., но ни одна изъ нихъ не дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ. Отъ Успенскаго храма въ Печерской лаврѣ (XI в.), нѣкогда блиставшаго «золотомъ и мусіей», остались только голыя стѣны, составляющія центральную часть собора новѣйшей постройки. Въ церкви Михайловскаго Златоверхаго монастыря, выстроенной въ XII в., этому времени принадлежатъ лишь стѣны до нѣкоторой высоты, три алтарныя абсиды и главный куполъ; отъ всего ея древняго убранства сохранились частями мозаики средней алтарной ниши, изъ которыхъ меньше прочихъ повреждена изображающая таинство Евхаристіи—близкое подраженіе мозаикѣ того же содержанія въ Софійскомъ соборѣ; въ отношеніи стиля и техническаго исполненія, она гораздо хуже этой послѣдней, что, вмѣстѣ съ сопровождающими ее уже не греческими, но славянскими надписями, дастъ поводъ предполагать, что она—произведеніе не византійскихъ мастеровъ, а ихъ русскихъ учениковъ. Въ церкви упраздненнаго Кириллоскаго монастыря уцѣлѣли стѣны до сводовъ и основаніе барабана подъ главнымъ куполомъ, а также фрески, писанныя также русскими художниками, которые видимо уже до нѣкоторой степени освободились отъ рабскаго подражанія своимъ византійскимъ наставникамъ и вносили въ искусство свои личныя наблюденія надъ дѣйствительностью. Въ та-

Библиотека "Руниверс"

комъ же родѣ, какъ въ Кіевѣ, строились первыя каменныя церкви и въ городахъ сосѣднихъ съ нимъ областей (напр. Спасскій соборъ въ Черниговѣ, Софійскій соборъ въ Полоцкѣ и др.). Въ основаніи онѣ постоянно имѣли прямоугольникъ, болѣе или менѣе близкій къ квадрату, и возвышались въ видѣ кубической массы, изъ которой, съ востока, выступали наружу три или одна полукруглыя или трехгранныя абсиды; надъ срединою зданія помѣщалась глава, состоящая изъ барабана, прорѣзаннаго нѣсколькими узкими окнами, и изъ полусферическаго купола съ крышею византійской формы. Четыре массивныхъ столба внутри церкви, соединенные арками, подпирали барабанъ. Наружныя стѣны, за исключеніемъ восточной, раздѣлялись пилястрами каждая на три части, соотвѣтственно числу внутреннихъ кораблей; два яруса узкихъ и длинныхъ оконъ съ закругленнымъ верхомъ впускали свѣтъ въ зданіе; иногда эти окна группировались по три. Бывали, впрочемъ, отступленія отъ этого типа, вызванныя желаніемъ дать сооруженію болѣе величавый видъ и увеличить его вмѣстительность; такъ, кубическая форма церкви иногда удлиняется чрезъ устройство трапезы съ западной стороны; вмѣсто трехъ абсидъ являются пять; большая, средняя глава окружается четырьмя меньшими и т. п. Вообще же строители этихъ церквей держались византійской центрально-купольной системы, какъ примѣнялась она въ небольшихъ церквахъ Пелопоннеса и греческаго архипелага (см. Византійское искусство, т. VI, стр. 273).—

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ древнія церкви сѣверной Руси, въ Новгородѣ, Псковѣ и ихъ областяхъ, гдѣ каменное зодчество распространилось позже, чѣмъ на югѣ. Самая значительная изъ этихъ церквей—соборъ св. Софіи въ новгородскомъ кремлѣ. Онъ заложенъ въ 1045 г. вел. кн. Владиміромъ Ярославичемъ и освященъ въ 1052 г. Для его сооруженія и украшенія были выписаны греческіе мастера. Какъ почти всѣ старинные храмы въ Р., новгородская св. Софія сильно измѣнена позднѣйшими передѣлками и пристройками, которыя въ настоящее время загораживаютъ первоначальное зданіе со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ восточной. По своимъ размѣрамъ и отдѣлкѣ, оно было гораздо скромнѣе кіевскаго Софійскаго собора, хотя представляло собою подражаніе ему. Храмъ былъ весь сооруженъ изъ мѣстнаго сѣраго, слегка желтоватаго камня кремнистой породы, проложеннаго рядами тонкихъ, слабо-обожженныхъ кирпичныхъ плитъ красно-бураго цвѣта, такъ что, оставаясь снаружи не отштукатуреннымъ, казался сѣрымъ, покрытымъ горизонтальными красными полосками. Сначала онъ имѣлъ лишь одну главу, но впослѣдствіи, вѣроятно послѣ пожара, постигшаго его въ 1403 г., были пристроены еще четыре главы вокругъ прежней; позднѣйшею пристройкою должно считать также башню у юго-зап. угла собора, которая увѣнчана особою главою и заключаетъ въ себѣ лѣстницу, ведущую на хоры. Форма кровлей надъ главами, имѣющая теперь видъ груши, была вначалѣ, безъ всякаго сомнѣнія, полусферическая. Главный придѣлъ во имя Рождества Богородицы — наименѣе измѣнившійся. Въ немъ уцѣлѣлъ старинный иконостасъ, и входъ въ него запираются мѣдными вратами романскаго стиля, привезенными изъ набѣга новгородцевъ на Сигунту, въ Швеціи (отсюда ихъ названіе — Сигунтскія ворота). Другія ворота, также мѣдныя, находятся при входѣ въ соборъ и зовутся Корсунскими (Херсонскими), хотя они чисто-нѣмецкой работы. Внутренность новгородской св. Софіи была украшена живописью, которая, въ главной абсидѣ, содержаніемъ и распредѣленіемъ походила на роспись кіевскаго собора. Живопись эта, не разъ подновленная, утратила свой первоначальный видъ и мѣстами совершенно исчезла. Особенно любопытна, въ срединѣ свода главнаго купола, колоссальная поясная фигура Христа, о которой существуетъ мѣстная легенда. Преданіе гласитъ, что живописцы хотѣли изобразить правую руку Христа благословляющею, но что на другой день послѣ того, какъ была она написана, находили ея пальцы сжатыми вмѣстѣ; они переписали ее, но за-ночь она снова сжалась. То же чудо повторилось еще разъ; наконецъ, раздался небесный гласъ, повелѣвающій оставить десницу Спасителя сжатою, ибо она держитъ въ себѣ судьбу Новгорода и, когда раскроется, то наступитъ ему конецъ. Въ настоящее время, послѣ многократныхъ поновленій, рука Христа представляется раскрытою или, вѣрнѣе, сложенною для благословенія, но нарисованною очень неправильно. Св. Софія послужила, болѣе или менѣе, прототипомъ для другихъ древнѣйшихъ церквей Новгорода. Всѣ онѣ меньше, чѣмъ она. Ихъ фасады, въ общихъ чертахъ, напоминали собою аѳинскій Каѳоликонъ и другіе южно-византійскіе храмы, съ тою лишь разницею, что каждая сторона храма, вмѣсто того, чтобы представлять какъ-бы мезонинъ надъ среднею частью и болѣе низкія стѣны съ ея боковъ, образуетъ вверху, надъ всѣмъ своимъ протяженіемъ, трехугольный фронтонъ, и церковь покрыта одною, общею крышею съ восемью крутыми скатами. Какъ на примѣръ такихъ фасадовъ, можно указать на новгородскія церкви Преображенія, Іоанна Богослова, Петра и Павла, Димитрія Солунскаго и нѣкот. др. Подобное устройство крышъ явилось какъ болѣе соотвѣтствующее, чѣмъ отлогое покрытіе по сводамъ, условіямъ мѣстнаго климата, обильнаго дождями и снѣгомъ. Такой же типъ, съ нѣкоторыми варіаціями, представляютъ и церкви всего сѣв. края, т. е. ладожскія, псковскія и пр. Ихъ абсиды, многогранныя снаружи и круглыя внутри, имѣютъ два яруса узенькихъ оконъ, обрамленныхъ арочками на колонкахъ, полувыступающихъ изъ стѣны; грани абсидъ обдѣланы также тонкими и длинными полуколонками или пилястрами. На каждой сторонѣ самаго корпуса церкви, первоначальное византійское расчлененіе стѣны на три части (средняя, болѣе высокая часть, соотвѣтствующая концу основного греческаго креста въ планѣ, или та, которая завершается мезониномъ; подлѣ этой части, справа и слѣва, по болѣе низкому компартименту

Библиотека "Руниверс"

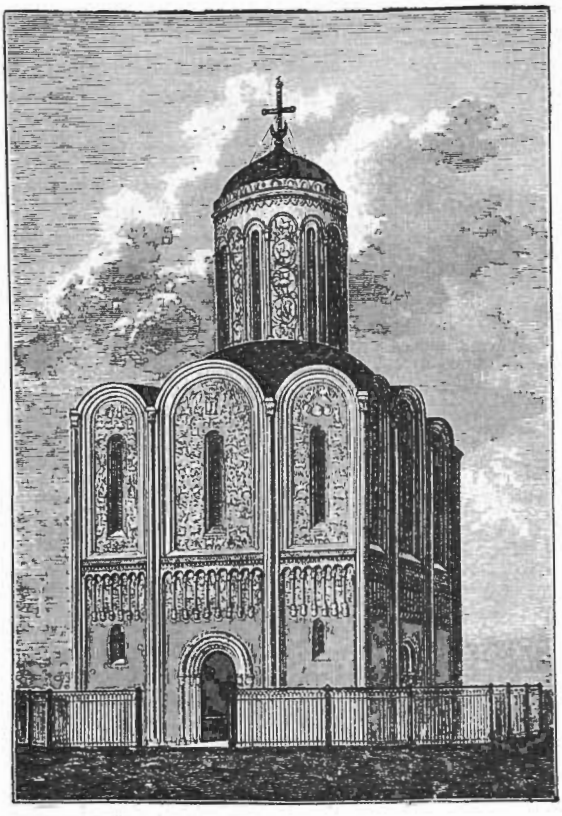
1. Планъ собора Св. Софіи въ Кіевѣ.

2. Церковь Іоанна Богослова въ Новгородѣ.

3. Церковь Покрова на Нерли по Владимірѣ на Клязьмѣ.

4. Дмитровскій соборъ по Владимірѣ на Клязьмѣ.

Брокгаузъ и Ефронъ. „Энцикл. Слов."

Спб., Тип. Ефрона.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Церковь Рождества Богородицы въ Путинкахъ въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

1. Исаакіевскій соборъ въ СПб.

2. Соборъ Воскресенія Христова въ Смольномъ м-рѣ (СПб.).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

стѣны), превратилось въ одинъ общій фасадъ, раздѣленный на три плоскости небольшими вертикальными выступами, образующими вверху трехдужную или двухдужную фальшивую арку—мотивъ, происхожденіе котораго можно искать въ являвшихся на этихъ мѣстахъ у византійцевъ трехлопастныхъ или двухлопастныхъ окнахъ. Барабаны подъ куполами (всегда полусферическими, но въ позднѣйше время превратившимися въ грушевидные или луковицевидные) довольно высоки; они круглые, съ узкими, рѣдкими окнами и опоясаны вверху карнизомъ въ видѣ зигзаговъ или же маленькихъ арочекъ, иногда даже стрѣльчатыхъ и вообще свидѣтельствующихъ о сильномъ романскомъ вліяніи, которое все болѣе и болѣе проникало въ страну, благодаря ея торговымъ сношеніямъ съ Зап. Европою. Иногда на церковномъ фасадѣ являются небольшіе рельефные кресты, въ большинствѣ случаевъ помѣщенные безъ всякой симметріи. Такъ какъ бассейны оз. Ильменя и берега Волхова богаты сѣрымъ известковымъ плитнякомъ, то для постройки новгородскихъ церквей служилъ преимущественно этотъ матеріалъ, съ прибавкою краснаго песчаника и кирпича. Камни трудно поддавались правильной отескѣ и потому шли въ дѣло едва обработанными. Вслѣдствіе этого, кладка стѣнъ зданія не отличается правильностью, и всѣ линіи его идутъ вкривь и вкось; небрежность постройки во многихъ случаяхъ простирается до того, что самый планъ не имѣетъ геометрической правильности, представляя напр. одно крыло греческаго креста ниже или длиннѣе другого, съ пестрого прямыми углами, или внутренніе столбы неодинаковой величины; то же самое должно сказать и о фасадахъ, въ которыхъ замѣтна наклоненность стѣнъ то внутрь, то наружу, кривизна фронтоновъ, неправильность формы и расположенія оконъ и т. д. Послѣднія вообще очень малы, узки, съ дугообразнымъ верхомъ или же, въ болѣе позднихъ постройкахъ, оканчиваются вверху стрѣлкой, которая иногда образуется только двумя кирпичами, поставленными наклонно одинъ къ другому. Въ нѣкоторыхъ церквахъ сохранились наличники надъ окнами и дверями, представляющіе византійскій денткулъ, грубо выдѣланный при помощи кирпичей, выступающихъ изъ стѣны.

Третій районъ древней Руси, въ которомъ византійское зодчество приняло особый характеръ, и притомъ болѣе изящный, чѣмъ на Ю и на С страны, была Владимірско-Суздальская область. Въ XII в., послѣ того, какъ Кіевъ уступилъ свое первенство Владиміру, и суздальскіе князья перенесли велико-княжескій престолъ съ береговъ Днѣпра на Клязьму, при Юріи Долгорукомъ, особенно же при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ Большомъ Гнѣздѣ, въ ихъ родовомъ владѣніи возникли цвѣтущіе города и стали возводиться бѣлокаменные храмы. Послѣднихъ насчитывается тамъ до десяти. Всѣ они невелики, одноглавые и имѣютъ много общаго между собою. Матеріаломъ для ихъ постройки служилъ известковый камень, привозившійся, какъ полагаютъ, изъ Волжской Болгаріи. Планъ ихъ — такой же, какъ и кіевскихъ церквей: прямоугольникъ съ тремя алтарными абсидами. Но стѣны ихъ выше, пропорціи стройнѣе, архитектурная отдѣлка красивѣе. Въ послѣдней, при всей ея своеобразности, явственно видно отраженіе западнаго, романскаго искусства. Какъ на образецъ владимірско-суздальскаго зодчества, укажемъ на церковь Покрова Богородицы на Нерли, близъ Боголюбова, построенную въ 1165 г. и лучше другихъ сохранившуюся. Сѣверный, зап. и южный ея фасады раздѣляются, въ вертикальномъ направленіи, на три пространства, которыя, однако, не образуютъ вверху одного общаго фронтона, а оканчиваются каждый въ видѣ полукружія; каждое пространство отдѣлено отъ сосѣдняго выступомъ во всю вышину стѣны, обдѣланнымъ въ видѣ длинной колонны. На половинѣ высоты церкви проходитъ по этимъ фасадамъ карнизъ, состоящій изъ арочекъ, подпираемыхъ полуколонками, стоящими на кронштейнахъ. Въ верхней части каждаго отдѣленія фасада, въ срединѣ, находится высокое и длинное окно съ закругленнымъ верхомъ, а въ среднемъ отдѣленіи, внизу, входная дверь, имѣющая совершенно романскій характеръ: она углубляется въ толщу стѣны въ видѣ постепенно уменьшающейся арки и обрамлена рядомъ концентрическихъ, орнаментированныхъ валовъ и подпирающихъ ихъ полуколоннъ. Вверху абсидныхъ стѣнъ находится такой же карнизъ, какъ и опоясывающій фасады; но короткія полуколонки подъ его аркатурою чередуются съ длинными, тянущимися до самаго фундамента зданія. Поверхъ церкви, крыша которой изгибается криволинейно по сводамъ и краямъ стѣнъ, высится глава съ цилиндрическимъ, высокимъ барабаномъ, орнаментированнымъ также арками на полуколоннахъ и опоясаннымъ въ вершинѣ бордюромъ изъ ряда маленькихъ арокъ и ряда зигзаговъ. Между арками барабана, чрезъ одну, продѣланы окна такой же формы, какъ и въ фасадахъ. По подобному же окну находится и въ каждой абсидѣ. Очень близкое сходство съ церковью Покрова на Нерли имѣетъ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ—самый замѣчательный въ краѣ храмъ какъ по красотѣ архитектурныхъ формъ, такъ и по декоративной отдѣлкѣ. Онъ выстроенъ между 1193 и 1197 гг. Всеволодомъ Юрьевичемъ, при его дворѣ, и посвященъ патрону его новорожденнаго сына, св. Димитрію Солунскому. Видимо, великій князь хотѣлъ придать своей придворной церкви возможное изящество. Для ея постройки, какъ гласитъ преданіе, былъ присланъ къ нему нѣмецкимъ императоромъ искусный зодчій, который, однако, не посмѣлъ отступить отъ типа церквей, укоренившагося въ разсматриваемыхъ мѣстностяхъ, а только сообщилъ ему бо́льшую гармоничность формъ и богатую орнаментацію. Особенно любопытны вырубленныя на камнѣ рельефныя изображенія Христа и святыхъ, фантастическихъ звѣрей и птицъ, растенія и пр., покрывающія сплошь верхнія части трехъ фасадовъ собора до опоясывающаго его средняго карниза, а также рельефныя фигуры и орнаменты, помѣщенные между колонками этого карниза, на ихъ кронштейнахъ и на подкупольномъ ба-

Библиотека "Руниверс"

рабанѣ. Эти изображенія имѣютъ въ себѣ мало византійскаго и представляютъ, очевидно, нѣмецкую передѣлку устарѣлыхъ римскихъ образцовъ, съ примѣсью элементовъ, занесенныхъ съ Востока. Подобными рельефами, но въ меньшемъ количествѣ, украшены фасады церкви Покрова на Нерли, и въ гораздо большемъ—стѣны Георгіевской церкви въ Юрьевѣ Польскомъ, построенной въ 1152 г. и возобновленной въ 1234 г. Внутри Димитріевскаго собора замѣчательна стѣнная живопись, открытая при его реставраціи въ 1830-хъ годахъ. Она лучше всего сохранилась на западной стѣнѣ, подъ хорами, гдѣ представлены Страшный Судъ и Небесное Царство. Особенно мило по своей наивности изображеніе Богородицы, сидящей на престолѣ, между двумя колѣнопреклоненными ангелами, и трехъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, окруженныхъ душами праведниковъ, изъ которыхъ одна (душа бѣднаго Лазаря) сидитъ на лонѣ средняго изъ патріарховъ, Авраама. Престолъ Богоматери осѣненъ трельяжемъ съ вьющимися по немъ фантастическими растеніями; небывалыя, причудливыя по формамъ деревья высятся позади патріарховъ; на вѣтвяхъ этихъ деревьевъ сидятъ и порхаютъ райскія птицы. Въ другой части фрески изображенъ ап. Петръ, ведущій праведниковъ въ Рай, и ангелы, вызывающіе трубнымъ гласомъ умершихъ изъ земли и изъ моря. Роспись Димитріевскаго собора исполнена, повидимому, гораздо позже его отстройки; во всякомъ случаѣ, она—одинъ изъ древнѣйшихъ и притомъ интереснѣйшихъ памятниковъ древне-русской монументальной живописи, въ которомъ византійскій стиль, подъ кистью владимірскаго художника, уже значительно измѣнился и принялъ въ себя многія черты нашей иконописи. Прочія церкви Владимірско-Суздальской области въ большей или меньшей степени утратили свой первоначальный видъ. Изъ нихъ, укажемъ на Успенскій соборъ во Владимірѣ — нѣкогда самый великолѣпный храмъ средней Руси, послужившій, вмѣстѣ съ Димитріевскимъ соборомъ, образцомъ для главнаго храма первопрестольной Москвы, ея Успенскаго собора. Владимірскій Успенскій соборъ сооруженъ Андреемъ Боголюбскимъ, въ 1158—60 гг., но въ 1185 г. сильно пострадалъ отъ пожара и вслѣдъ затѣмъ перестроенъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, окружившимъ его съ трехъ сторонъ новыми стѣнами, проломавшимъ большія отверстія въ прежнихъ наружныхъ стѣнахъ, такъ что онѣ превратились во внутренніе столбы и получился какъ-бы новый, болѣе обширный храмъ, скрывшій въ себѣ первоначальное зданіе, при чемъ, на углахъ пристройки, были возведены четыре главы, и соборъ сдѣлался изъ одноглаваго пятиглавымъ. Затѣмъ, онъ еще не разъ испыталъ несчастія и подвергался исправленіямъ, совершенно отнявшимъ отъ него прежній видъ. Только недавно, въ царствованіе Александра III, реставрировали его, насколько представлялось возможнымъ, согласно изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ немъ археологами. Укажемъ еще на церковь Рождества Богородицы въ Боголюбскомъ монастырѣ, въ 11 верстахъ отъ Владиміра, бывшую нѣкогда дворцовымъ храмомъ кн. Андрея. Сама по себѣ, она нисколько не интересна, такъ какъ, послѣ многихъ передѣлокъ, получила видъ заурядныхъ церквей XVIII столѣтія; но при ней сохранилась часть княжескихъ бѣлокаменныхъ палатъ—единственный дошедшій до насъ памятникъ гражданскаго зодчества разсматриваемыхъ временъ. Этотъ остатокъ древней постройки, примыкающій къ церкви, и надъ которымъ возведена ея нынѣшняя, кирпичная колокольня, представлялъ, въ своей наружности, тѣ же архитектурныя детали, какія мы видимъ въ Димитріевскомъ соборѣ и другихъ владимірскихъ церквахъ: фасады оканчиваются вверху въ видѣ полукружій, они отдѣлены одинъ отъ другого длинными колоннами, ихъ перерѣзываетъ горизонтально на двѣ части карнизъ, состоящій изъ арочекъ, подпираемыхъ короткими колонками на кронштейнахъ, и т. д.

Въ Кіевской, Новгородской, Псковской, Владимірско-Суздальской и др. областяхъ, каменные храмы воздвигались исключительно въ княжескимъ резиденціяхъ, большихъ городахъ и богатыхъ монастыряхъ: на ряду съ ними существовали — и притомъ еще въ большемъ количествѣ — скромныя деревянныя церкви, постройка которыхъ и была единственно возможна для селъ и мѣстечекъ. Такихъ церквей, конечно, не сохранилось до нашего времени ни одной, и мы можемъ только догадываться о томъ, каковы онѣ были. Основаніемъ для нашихъ заключеній по этому предмету служатъ, съ одной стороны, изображенія подобныхъ церквей на древнихъ иконахъ и рисункахъ, а съ другой—уцѣлѣвшія деревянныя церкви XIV стол. и позднѣйшаго времени, въ которыхъ, зная приверженность русскаго народа къ преданіямъ и однажды установившимся обычаямъ, должно видѣть подражаніе образцамъ болѣе ранней эпохи. Вслѣдствіе свойства своего строительнаго матеріала, деревянныя церкви, и по плану, и по наружности, существенно отличались отъ каменныхъ, византійскаго типа. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ, онѣ представляли четырехугольный срубъ съ двускатною, какъ у нынѣшнихъ крестьянскихъ избъ, или что рѣже—съ четырехскатною кровлей, съ крестомъ или небольшой главкой наверху. Эта примитивная форма въ большинствѣ случаевъ усложнялась приставкою къ срубу, съ восточной стороны, небольшого помѣщенія для алтаря, а съ западной—еще сруба, для трапезы, и крытаго крыльца (паперти) передъ нею. Нерѣдко средняя часть дѣлалась выше алтарной и трапезной, а вокругъ церкви устраивались на выступающихъ изъ ея корпуса бревнахъ, или на особомъ срубѣ, или же на столбахъ, галлереи, въ которыхъ собирались нищіе (отсюда ихъ названіе — нищевники), сидѣли пришедшіе на богослуженіе въ ожиданіи его начала или стояли богомольцы, слушая его, когда въ самой церкви было слишкомъ тѣсно, и т. д. Варіацію этого простого типа представляли церкви, въ которыхъ, для приданія имъ величественности, на среднемъ срубѣ помѣщался другой, шестигранный или восьмигранный, и уже надъ нимъ, поверхъ

Библиотека "Руниверс"

крыши со столькими же скатами, ставилась глава на цилиндрической или многогранной призматической шейкѣ. Были также церкви, имѣвшія въ планѣ не три прямоугольника, а соединеніе трехъ шести- или восьмиугольниковъ, расположенныхъ въ рядъ отъ З къ В, при чемъ каждый изъ нихъ получалъ видъ башни, образуемой двумя или тремя срубами, поставленными одинъ на другой и изъ которыхъ верхній, меньшій въ сравненіи съ среднимъ и низшимъ, кончался крутою, такъ наз. шатровою крышею и маленькою главою. Наконецъ, основные срубы, прямоугольные или многогранные въ планѣ, ставились, съ ихъ увѣнчаніемъ, не по одной линіи, а крестообразно, и церковь получала видъ пяти башенъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, къ которому иногда прибавлялись еще четыре меньшія башни на пристройкахъ между крылами креста. Не останавливаясь на различныхъ видоизмѣненіяхъ въ означенныхъ типахъ церквей, вообще замѣтимъ, что наши древніе зодчіе, строя изъ дерева, не были стѣсняемы обязанностью подражать образцамъ византійской религіозной архитектуры и могли свободно пользоваться принципами и пріемами, выработанными народомъ при постройкѣ его жилищъ, барскихъ хоромъ и княжескихъ дворовъ. Такимъ образомъ, подобно общимъ, весьма разнообразнымъ формамъ деревянныхъ церквей, ихъ декоративныя детали: чешуйчатыя крыши, рѣзные подзоры подъ ними, фронтоны въ видѣ такъ назыв. бочекъ или кокошниковъ, обдѣлка оконъ фигурными наличниками, точеные столбы крыльецъ и галлерей, балясины рѣшетокъ—все было продуктомъ чисто-народной изобрѣтательности, искони изощрявшейся на постройкахъ изъ дерева.

Суздальско-Владимірское княжество процвѣтало недолго и въ началѣ XIV ст. уступило первенство своему бывшему удѣлу, Москвѣ, которая стала пріобрѣтать все большее и большее политическое значеніе и вскорѣ сдѣлалась объединительницею всей Руси. Московскіе великіе князья, обстраивая свою столицу, хотѣли, чтобы она не уступала во внѣшнемъ блескѣ Владиміру, и на первыхъ порахъ брали оттуда мастеровъ для сооруженія въ ней церквей, монастырей и другихъ зданій. Первые храмы, возведенные въ Москвѣ и ея окрестностяхъ этими мастерами, а также призванными изъ Новгорода и Пскова,—Спасъ-на-Бору, первоначальные кремлевскіе соборы Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій, Успенскій соборъ въ Звенигородѣ, Рождественская церковь въ Саввинскомъ монастырѣ, тамъ же, соборъ Троицко-Сергіевой лавры и пр.—были вполнѣ владимірско-суздальскаго типа и строились также изъ бѣлаго камня, но вообще такъ неискусно, что нѣкоторые изъ нихъ рушились прежде своего окончанія или вскорѣ послѣ него,—доказательство упадка техники того времени. Насколько возможно судить по тому, что сохранилось отъ нихъ послѣ передѣлокъ и перестроекъ, въ отношеніи внѣшней отдѣлки они были проще своихъ владимірскихъ образцовъ: скульптурныя украшенія на поляхъ фасадовъ исчезли; поясъ аркатуръ, горизонтально перерѣзывающій фасады, сдѣлался менѣе богатымъ или же замѣнился полосою незатѣйливаго орнамента; вмѣстѣ съ тѣмъ появились нѣкоторыя новыя архитектурныя формы, изъ которыхъ важнѣйшая—луковичныя главы пока еще умѣреннаго размѣра, смѣнившія собою шаровидныя византійскія покрытія XI в., какъ въ Кіевской св. Софіи, и шлемообразныя XII в., какъ во владимірскомъ Димитріевскомъ соборѣ. Эта форма главъ, равно какъ и стрѣльчатое очертаніе арокъ и порталовъ, съ заостреніемъ въ вершинѣ, образуемымъ изогнутостью дугъ вовнутрь (напоминающее килевидную арку мусульманской архитектуры), занесена къ намъ очевидно съ Востока и составляетъ характерную особенность ранняго московскаго зодчества. Послѣднее, кромѣ того, стало пробовать примѣнять въ каменныхъ сооруженіяхъ мотивы, свойственные деревяннымъ постройкамъ, каковы напр. выпуклые пояса на срединѣ колоннъ у дверей и въ аркатурахъ, кокошники при основаніи главъ и вверху стѣнныхъ фронтоновъ, какъ-бы точеные столбы у крыльецъ и т. п.

Со вступленія на великокняжескій престолъ Іоанна III начинается эпоха самодержавнаго могущества московскихъ государей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наступаетъ расцвѣтъ русскаго искусства. Присоединивъ къ своей отчинѣ обширныя земли, переставъ быть ханскимъ данникомъ и женившись на греческой принцессѣ, отпрыскѣ византійскихъ императоровъ, Іоаннъ считалъ необходимымъ окружить себя подобающимъ величіемъ и украсить свою резиденцію на славу. Прежде всего его вниманіе обратили на себя кремлевскія святыни. Успенскій соборъ, построенный еще при Іоаннѣ Калитѣ, сталъ слишкомъ тѣсенъ при увеличившемся населеніи Москвы, обветшалъ и грозилъ паденіемъ; надо было соорудить, вмѣсто него, новый, болѣе роскошный храмъ. Исполненіе этого предпріятія было возложено на московскихъ мастеровъ Ив. Кривцова и Мышкина; но они оказались несостоятельными: едва довели они постройку до сводовъ, часть ея обрушилась. Чтобы пособить бѣдѣ, приглашены были псковскіе зодчіе, но они не рѣшились взяться за исправленія. Тогда великій князь, вѣроятно по совѣту своей супруги, воспитанной въ Италіи, вызвалъ изъ этой страны архитектора Фіоравенти, уроженца Болоньи, прозваннаго за свое искусство Аристотелемъ. Этому артисту, привезшему съ собою въ Москву своего сына, Андрея, и ученика, Петра, было поручено, если возможно, поправить и довершить работу московскихъ мастеровъ, а не то строить сызнова, при чемъ указано взять за образецъ владимірскій Успенскій соборъ, продолжавшій считаться верхомъ совершенства. Осмотрѣвъ этотъ послѣдній, Фіоравенти разбилъ до основанія остатки сооруженія Кривцова и Мышкина и въ 1475 г. приступилъ къ постройкѣ новаго храма, съ искусствомъ и знаніемъ, которыми, по словамъ лѣтописца, дивились тогдашніе москвичи. Черезъ три года московскій Успенскій соборъ былъ оконченъ и освященъ. Онъ вышелъ «чуденъ вельми величествомъ, и высотою и свѣтлостью; такого же прежъ не бывало

Библиотека "Руниверс"

на Руси». Послѣ того, въ разныя времена, онъ подвергался многимъ исправленіямъ, перестройкамъ и передѣлкамъ, такъ что не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ; тѣмъ не менѣе, основныя черты его сохранились. Придерживаясь вообще типа владимірскихъ церквей, Фіоравенти сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ него: удлинилъ зданіе на одну треть; вмѣсто трехъ абсидъ устроилъ пять, обозначающихся снаружи лишь незначительными выступами изъ восточной стѣны; четыремъ столбамъ, подпирающимъ своды внутри собора, далъ не четырехугольную, а круглую форму и поставилъ ихъ на высокіе пьедесталы; вмѣсто дубовыхъ связей, дотолѣ употреблявшихся на Руси при кладкѣ стѣнъ, скрѣпилъ послѣднія желѣзными; наконецъ, измѣнилъ соотношенія между нѣкоторыми частями зданія съ цѣлью гармоніи и большей прочности. Гла,имірское вліяніе сильнѣе всего выразилось въ наружности собора. Его фасады были также опоясаны полосою аркатуръ на колонкахъ и раздѣлены пилястрами на компартименты съ дугообразнымъ верхомъ; барабаны пяти главъ были украшены полуколонками между окнами и узорчатыми карнизами, теперь не существующими. Другой кремлевскій соборъ, Архангельскій, выстроенъ въ 1504—1509 гг. приглашеннымъ изъ Италіи «стѣннымъ и полатнымъ мастеромъ» миланцемъ Алевизомъ, на мѣстѣ разобранной церкви того же имени, существовавшей со временъ Іоанна Калиты. Если мысленно откинуть отъ этого храма всѣ позднѣйшія пристройки, то онъ окажется очень похожимъ по плану на Успенскій соборъ; но его внѣшность представляла, какъ представляетъ и теперь, смѣсь русскаго съ итальянскимъ. Тогда какъ Успенскій соборъ имѣлъ облицовку изъ бѣлаго камня, Архангельскій соборъ первоначально былъ двуцвѣтный: нештукатуреныя его стѣны были красныя, кирпичныя, пилястры же съ ихъ капителями, карнизы, тяги и прочія украшенія—бѣлокаменныя. Формы и орнаментація этихъ деталей — чисто итальянскія. Таковы напр. скульптурныя раковины, заполняющія собою полукруглыя верхи компартиментовъ на фасадахъ, и родъ пальметокъ, стоящихъ надъ каждымъ изъ этихъ полукружій, поверхъ кровли. Третій соборъ Кремля, Благовѣщенскій, сооруженъ въ 1484—1489 гг. Онъ весьма невеликъ и вначалѣ имѣлъ обычный планъ владимірскихъ церквей — квадратъ съ тремя абсидальными выступами и четырьмя столбами внутри. Впослѣдствіи была пристроена съ трехъ сторонъ болѣе низкая, чѣмъ онъ, галлерея съ четырьмя башнями по угламъ, возвышающимися до самой его крыши и оканчивающимися вверху рядомъ кокошниковъ. Надъ башнями поставлено по такой же главѣ, какъ и меньшія главы самого собора, такъ что изъ пятиглаваго онъ превратился въ девятиглавый. Отъ первоначальной его наружности остались открытыми только абсиды, верхнія части фасадовъ, ограниченныя вверху кокошниками, и пять старыхъ главъ, изъ которыхъ средняя имѣетъ въ основаніи также кокошники. Послѣдняя частность, равно какъ и близость архитектуры этой церкви къ владимірскому стилю, объясняются тѣмъ, что ее строили не иностранцы, а псковскіе мастера. Только-что разсмотрѣннымъ нами храмамъ почти современенъ Архангельскій соборъ въ Чудовѣ монастырѣ. Подобно имъ, онъ очень измѣнился вслѣдствіе позднѣйшихъ передѣлокъ (въ XVII, XVIII и XIX вѣк.), однако, не настолько, чтобы нельзя было признать его близкимъ подражаніемъ одноглавымъ владимірскимъ церквамъ.

Искусствомъ итал. мастеровъ Іоаннъ III пользовался для сооруженія не однѣхъ только церквей, но и зданій гражд. характера. Фрязинъ Марко Руфъ, въ 1484 г., строитъ въ Кремлѣ, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, каменную (кирпичную) палату для государевой казны (прозывавшуюся поэтому «казеннымъ дворомъ») и другую «набережную палату», на Зап. отъ Благовѣщенскаго собора, для самого великаго князя и его княгини. Тотъ же Руфъ, вмѣстѣ съ Петромъ-Антоніемъ Соларіо, воздвигаетъ въ 1491 г. Грановитую палату. Миланецъ Алевизъ, о которомъ было говорено выше, сооружаетъ въ 1499—1508 г. новый дворецъ, составляющій нынѣ низъ кремлевскихъ теремовъ (верхніе ихъ этажи относятся къ царствованію Михаила Ѳедоровича). Наконецъ, кремлевскія стѣны съ ихъ башнями и съ перекинутыми чрезъ рѣку Москву и рѣчку Неглинную мостами (изъ нихъ сохранился только одинъ, передъ Троицкими воротами)—произведеніе упомянутаго Соларіо и его соотечественниковъ. При всѣхъ этихъ постройкахъ, итальянскіе зодчіе были менѣе стѣснены предъявленными имъ требованіями, чѣмъ при церковныхъ сооруженіяхъ, и могли свободнѣе проявлять свою самостоятельность, соображаясь, однако, съ мѣстными обычаями и вкусомъ. Въ заслугу имъ должно быть поставлено то, что они научили русскихъ мастеровъ болѣе совершенной техникѣ и познакомили ихъ съ архитектурными мотивами, которые, будучи умѣстно примѣняемы къ дѣлу и разрабатываемы въ русскомъ духѣ, внесли обновленіе и разнообразіе въ наше искусство. Замѣчательно, что съ приходомъ къ намъ итальянцевъ, въ русскомъ зодчествѣ происходитъ важный переворотъ: оно перестаетъ въ каменныхъ постройкахъ болѣе или менѣе близко держаться исключительно византійскихъ образцовъ и предается необычайной изобрѣтательности. Причиною тому нельзя, однако, считать одно итальянское вліяніе; она кроется глубже — въ пробужденіи народнаго самосознанія по прекращеніи княжескихъ междоусобій, сверженіи татарскаго ига, объединеніи Руси подъ твердымъ скипетромъ наслѣдниковъ Калиты и возвышеніи Москвы, привлекшей въ себя художественныя силы изъ другихъ городовъ; итальянцы же своимъ вліяніемъ только содѣйствовали этому перевороту, обогативъ русскихъ мастеровъ техническими познаніями и указавъ имъ на возможность идти самостоятельнымъ путемъ. Храмы византійскаго типа, въ родѣ Кремлевскихъ соборовъ, еще строились въ XVI, въ XVII и даже въ XVIII стол., но въ половинѣ XVI вѣка начинаютъ появляться каменныя церкви совсѣмъ иныхъ формъ. Какъ на

Библиотека "Руниверс"

одну изъ первыхъ между такими церквами, можно указать на церковь Вознесенія Господня въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ, построенную въ 1521 г. Она имѣетъ въ планѣ равноконечный крестъ, ограниченный 12-ью стѣнками. Эти стѣнки образуютъ башню, которая, на нѣкоторой высотѣ, переходитъ, посредствомъ кокошниковъ, въ восьмигранный барабанъ съ окнами, оканчивающійся вверху кокошниками, по два на каждой грани, и высокимъ шатромъ въ видѣ восьмигранной усѣченной пирамиды, съ небольшой башенкой на верхнемъ основаніи. Церковь окружена со всѣхъ сторонъ двухъярусной галлереей, нижній этажъ которой представляетъ рядъ арокъ, а верхній, осѣненный теперь крышею на столбахъ, первоначально былъ открытый. Три широкія, свободно раскинувшіяся крыльца ведутъ на этотъ этажъ. Очевидно, общая форма этого зданія заимствована отъ деревянныхъ башнеобразныхъ церквей, какія уже давно строились на Руси; къ тому же и раздѣлка стѣнъ, лопатки по угламъ, косыя тяги напоминаютъ деревянные раскосы, а полосы, украшающія шатеръ, похожи на систему стропилъ, хотя въ карнизахъ, капителяхъ и нѣкоторыхъ другихъ деталяхъ замѣтно отраженіе итальянскаго вліянія. Не менѣе интересна церковь Усѣкновенія главы Іоанна Продтечи въ селѣ Дьяковѣ, лежащемъ подлѣ Коломенскаго, выстроенная въ 1529 г. Она состоитъ изъ средней восьмигранной башни, къ которой съ Востока примыкаетъ полукруглая алтарная часть, и изъ четырехъ меньшихъ, также восьмигранныхъ башенъ, соединенныхъ снаружи одна съ другою (съ сѣверн., западн. и южн. сторонъ) прямыми стѣнами, такъ что между ними образуются три галлереи. Каждая галлерея имѣетъ въ срединѣ дверь и прежде имѣла по бокамъ этихъ дверей теперь задѣланные проемы въ родѣ оконъ. Средняя башня значительно выше остальныхъ. Ея восьмигранникъ заканчивается вверху карнизомъ, надъ которымъ стоятъ рядъ кокошниковъ и, выше этихъ послѣднихъ, рядъ трехугольныхъ фронтончиковъ, упирающихся на меньшіе кокошники, находящіеся въ промежуткамъ между большими. Надъ этимъ основаніемъ поднимается второй восьмигранникъ; на каждомъ изъ его угловъ помѣщено по полукруглому выступу, примыкающему къ цилиндрическому барабану, который окаймленъ вверху сильнымъ карнизомъ и увѣнчанъ полусферическою главою съ острымъ подвышеніемъ, на которомъ утверждены крестъ и яблоко подъ нимъ. Меньшія башни состоятъ также изъ двухъ восьмигранниковъ, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ и раздѣленныхъ другъ отъ друга тремя рядами трехугольныхъ фронтончиковъ; верхніе, болѣе узкіе осьмигранники служатъ шейками главъ и снабжены лопатками по угламъ; вверху ихъ идетъ карнизъ, надъ которымъ лежатъ главы такого же очертанія, какъ и глава средней башни. Надъ западнымъ фасадомъ церкви стоитъ звоница; но она, повидимому, устроена въ позднѣйшее время. Довольно взглянуть бѣгло на планъ и общую форму этой церкви, чтобы убѣдиться въ происхожденіи ея архитектуры отъ архитектуры деревянныхъ башенныхъ церквей, мотивы которой разыграны здѣсь чрезвычайно талантливо и оригинально. Церковь эта любопытна въ особенности потому, что послужила прототипомъ для еще болѣе своеобразнаго памятника русскаго зодчества—для Покровскаго собора въ Москвѣ, извѣстнаго преимущественно подъ названіемъ церкви Василія Блаженнаго. Не вдаемся въ подробное описаніе этого храма, необычайностью своихъ формъ и затѣйливостью внѣшнихъ украшеній возбуждающаго удивленіе иностранцевъ: большинству нашихъ читателей, безъ сомнѣнія, онъ достаточно извѣстенъ, тѣ же изъ нихъ, которые не видали его въ натурѣ, могутъ составить себѣ представленіе о немъ по рисунку, помѣщенному на одной изъ прилагаемыхъ таблицъ. Скажемъ только, что Покровскій соборъ выстроенъ при Іоаннѣ Грозномъ (въ 1555 г.), въ память покоренія имъ Казанскаго царства и, на своемъ вѣку, много разъ исправлялся и передѣлывался, но, не смотря на то, донынѣ сохранилъ главныя черты своей первоначальной физіономіи. Это—скорѣе не одинъ храмъ, а группа храмовъ, стоящихъ на одномъ общемъ основаніи, родственныхъ по характеру и сообщающихся между собою. Въ планѣ собора, равно какъ и въ наружности, есть много общаго съ Дьяковскою церковью. Подобно ей, онъ представляетъ среднюю башню и расположенныя вокругъ нея, кресть-накрестъ, четыре менѣе высокія башни; но между этими послѣдними архитекторъ (имя котораго, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ) помѣстилъ еще по башнѣ, такъ что всѣхъ башенъ получилось не пять, а девять. Средняя башня, оканчивающаяся вверху пирамидально, своимъ складомъ рѣзко отличается отъ остальныхъ, которыя всѣ увѣнчаны луковичными главами, причудливо орнаментированными различнымъ образомъ, и имѣютъ каждая свои архитектурныя детали. Съ восточной стороны, къ собору пристроенъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ придѣлъ во имя Василія Блаженнаго, увѣнчанный невысокою главою. Шатровая колокольня, также какъ и галлерея вокругъ всего зданія,—сравнительно поздней постройки.

Послѣ первыхъ опытовъ перенесенія въ каменное храмоздательство формъ и пріемовъ деревянныхъ сооруженій—опытовъ, которыми надо считать Вознесенскую церковь с. Коломенскаго и Предтеченскую с. Дьякова, русское зодчество смѣло пошло по открытому такимъ образомъ пути, съ удивительною находчивостью разрабатывая и—можно сказать—до безконечности варіируя свои мотивы и ихъ комбинацію. До высшаго, самаго блестящаго развитія оно достигло въ XVII столѣтіи. Въ это время въ Москвѣ и центральной Р. являются церкви весьма разнообразныя по конструкціи и деталямъ, оригинальностью своего стиля, гармоничностью своихъ частей и нерѣдко красотою свидѣтельствующія о богатой фантазіи и вкусѣ тогдашнихъ русскихъ архитекторовъ, мастерски умѣвшихъ къ основнымъ, національнымъ элементамъ присоединять то, что подходило изъ занесеннаго къ намъ и съ Запада, и съ Востока. Не смотря на всѣ частныя отличія церквей этой цвѣтущей поры

Библиотека "Руниверс"

нашего искусства, ихъ можно раздѣлить на три рода. Однѣ изъ нихъ, каковы напр. находящіяся въ подмосковныхъ селахъ Медвѣдковѣ и Спасскомъ, Архангельскій соборъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ с. Елизаровѣ, Переяславльскаго уѣзда, и проч., представляютъ, въ главной своей массѣ, шатровыя башни, т. е. вѣнчающіяся пирамидальнымъ верхомъ. Другія (напр. церкви с. Троицкаго-Голенищева, близъ Москвы, Рождества-въ-Путинкахъ, въ самой Москвѣ, приведшая въ восторгъ французскаго архитектора Вьоллѐ-ле-Дюка, Воскресенія-въ-Гончарахъ, также въ Москвѣ, и др.) имѣютъ главный корпусъ въ видѣ продолговатаго параллелепипеда, къ которому, съ одной изъ его длинныхъ граней, пристроенъ болѣе низкій, чѣмъ онъ, алтарь, а съ другой—также менѣе высокая трапеза, при чемъ на главномъ корпусѣ высятся два или три шатра. Церкви третьяго, особенно распространеннаго рода — кубическія, съ пятью главами, состоящими на двухъ, трехъ и болѣе рядахъ кокошниковъ, постепенно сокращающихся къ основанію главъ и имѣющими довольно тонкія, не открывающіяся вовнутрь шейки и увѣнчанія въ видѣ луковицъ (московск. церкви Рождества-въ Бутыркахъ, Грузинской Богородицы, Николы въ Хамовникахъ, Николы на Столпахъ, подмосковныя с. Останкина и с. Тайницкаго, многія церкви въ Ярославлѣ, Суздалѣ, Костромѣ и др. мѣстахъ). Во многихъ случаяхъ основная масса храма усложняется пристройкою придѣловъ, крылецъ, папертей, галлерей и колоколенъ, которыя, какъ указано нами въ иномъ мѣстѣ (см. Колокольня, т. XV, стр. 726), съ XVII в. начинаютъ воздвигаться не отдѣльно отъ церквей, а въ связи съ ними. При этомъ шатеръ становится любимою формою покрытій для колоколенъ и, употребляясь какъ таковое, по большей части прорѣзывается рядами слуховыхъ оконъ, однимъ надъ другимъ. Многое изъ того, что древне-русское зодчество выработало для церквей, было, въ его блестящую пору, примѣняемо и къ сооруженіямъ гражданскаго характера. Эти послѣднія —за исключеніемъ городскихъ укрѣпленій съ ихъ башнями—были по большей части деревянныя. Не только люди средняго класса, но и бояре, и цари, предпочитали жить въ деревянныхъ хоромахъ и дворцахъ, обыкновенно состоявшихъ изъ многихъ отдѣльныхъ построекъ, расположенныхъ безъ всякой симметріи и соединенныхъ между собою переходами и сѣнями. Какъ на примѣръ подобныхъ сооруженій, можно указать на дворецъ, выстроенный въ 1667 г. Алексѣемъ Михайловичемъ въ с. Коломенскомъ. Дворецъ этотъ уже не существуетъ, но его модель донынѣ хранится въ московской Оружейной Палатѣ. Это былъ неправильный, но вообще красивый конгломератъ двухэтажныхъ корпусовъ и многоэтажныхъ башенъ, съ причудливыми крышами, крыльцами, лѣстницами, вышками. Нижній этажъ былъ занятъ царскою мыльней, кухнею, складомъ хозяйственныхъ принадлежностей и помѣщеніями для слугъ; вверху находились покои царя, царицы и ихъ дѣтей. Дворецъ былъ раскрашенъ въ разные цвѣта и отдѣланъ съ большою роскошью какъ внутри, такъ и снаружи. Въ московскомъ Кремлѣ не существовало каменныхъ дворцовыхъ зданій, кромѣ палатъ временъ еще Іоанна III. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ впервые были выстроены каменные жилые царскіе аппартаменты надъ палатами, возведенными Алевизомъ, нынѣ извѣстные подъ названіемъ «Теремовъ». Алексѣй Михайловичъ подновилъ, расширилъ и украсилъ дворецъ своего отца. Работы по этой части произведены русскими мастерами съ участіемъ нѣмецкихъ и польскихъ художниковъ, которыхъ въ то время было довольно много въ Москвѣ. Каменные царскіе дворцы имѣлись также въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, напр. въ Ипатьевскомъ, близъ Костромы, и въ Саввинскомъ Звенигородскомъ.

Въ концѣ XVII столѣтія русскій архитектурный стиль начинаетъ портиться отъ излишнихъ и нераціональныхъ заимствованій изъ западно-европейскаго искусства, которое, какъ извѣстно, переживало тогда вѣкъ жеманства и вычурности. Строющіяся въ это время церкви вообще сохраняютъ тотъ или другой установившійся передъ тѣмъ типъ, но въ отдѣлку сильно примѣшиваются западныя детали, примѣненныя въ дисгармоніи съ другими архитектурными мотивами и въ искаженномъ видѣ: являются разорванные фронтоны, надкарнизныя и надоконныя украшенія, получившія названіе пѣтушьихъ гребешковъ, длинныя колонны съ капителями въ родѣ коринѳскихъ и т. п. Образчиками такихъ сооруженій могутъ служить церкви Владимірской Богоматери на Никольской улицѣ, Воздвиженія Честнаго Креста, на Воздвиженкѣ, црк. въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, црк. въ с. Филяхъ, въ Петровскомъ-Разумовскомъ, и мн. др.

Сравнительно съ архитектурою, *живопись* въ древней Руси отличалась гораздо меньшею самостоятельностью. Иначе и быть не могло при тогдашнихъ воззрѣніяхъ и потребностяхъ народа. Принесенная къ намъ византійцами, какъ пособница религіи, эта отрасль искусства долго имѣла у насъ почти исключительнымъ назначеніемъ служить церкви, оставалась строго подчиненною ея уставамъ, не смѣла отступать отъ греческихъ образцовъ. Производимыя ею изображенія угодниковъ Божіихъ и библейскихъ событій были, въ глазахъ народа, не картинами, а священными предметами, и только тогда допускались въ дома и храмы, когда вполнѣ удовлетворяли правиламъ, освященнымъ преданіемъ. Это осуждало нашу живопись на неподвижность, мѣшало ей свободно развиваться и принимать оригинальныя черты. Въ статьѣ «Иконописаніе» (т. XII, стр. 902) мы уже очертили вкратцѣ общій характеръ и исторію старинной русской живописи на доскахъ; къ изложенному тамъ можемъ только прибавить, что тѣ же правила композиціи, тотъ же пошибъ рисунка, тѣ же краски, тѣ же техническіе пріемы, которые употреблялись при писаніи станковыхъ образовъ, примѣнялись и при монументальныхъ работахъ, при росписи стѣнъ внутри храмовъ. Древнерусскіе соборы и другія значительныя церкви почти всегда

Библиотека "Руниверс"

украшались стѣнною живописью, которая была подражаніемъ греческой въ отношеніи не только выбора сюжетовъ и способа ихъ трактованія, но и распредѣленія по мѣстамъ. Въ алтарной апсидѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, чаще всего изображались колоссальная фигура Богоматери или Христосъ, сидящій на престолѣ, съ Богородицею и Іоанномъ Предтечею по бокамъ, а ниже—сцена установленія таинства Евхаристіи и фигуры отцовъ церкви и святыхъ іерарховъ. Противоположная алтарю западная стѣна обыкновенно бывала занята обширною картиною второго пришествія Христова, Страшнаго Суда, блаженства праведниковъ въ раю и мученія грѣшниковъ въ гіенѣ огненной. На сводѣ главнаго купола помѣщался громадный ликъ благославляющаго Вседержителя, а подъ нимъ, въ барабанѣ купола, между окнами, также весьма крупныя фигуры апостоловъ. Остальныя стѣны церкви, даже столбы, если они въ ней имѣлись, сплошь покрывались изображеніями святыхъ, представленныхъ во весь ростъ или въ погрудныхъ медальонахъ, и картинами евангельскихъ и ветхозавѣтныхъ событій. Памятниковъ очень старинной русской стѣнописи сохранилось крайне мало, да и тѣ, которые дошли до настоящаго времени, сильно искажены позднѣйшею многократною реставраціей, такъ что мы можемъ составить себѣ лишь слабое понятіе о томъ, каковы они нѣкогда были. На наиболѣе любопытные изъ нихъ мы указали выше, говоря о кіевскомъ и новгородскомъ соборахъ св. Софіи, Михайловскомъ Златоверхомъ и Кирилловскомъ монастыряхъ, въ Кіевѣ, и Димитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ; къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить недавно расчищенную и возстановленную роспись Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, исполненную славившимся въ XV вѣкѣ мастеромъ Андреемъ Рублевымъ въ сотрудничествѣ съ грекомъ Ѳеофаномъ и старцемъ Прохоромъ. Вѣрность свою византійскимъ преданіямъ русская живопись сохраняла вплоть до половины XVII ст. Съ этого времени, рядомъ съ прежнимъ иконнымъ письмомъ, заводится у насъ живопись въ западно-европейскомъ духѣ. То и дѣло стали являться въ Москву, на царскую службу, иностранные живописцы, хотя и не важные мастера своего дѣла, однако, достаточно способные удовлетворять мало развитому вкусу нашихъ предковъ. Кромѣ того, чрезъ Польшу и Украйну, стали проникать къ намъ въ изрядномъ количествѣ гравюры какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Подъ руководствомъ пріѣзжихъ иноземцевъ и подъ вліяніемъ привозныхъ эстамповъ, молодое поколѣніе русскихъ изографовъ научилось писать новымъ, такъ называвшимся тогда фряжскимъ пошибомъ, любовь къ которому значительно распространилась если не въ массѣ народа, то въ высшей сферѣ общества. Первымъ учителемъ этого пошиба былъ голландскій художникъ Янъ Деттерсонъ, вызванный въ Москву Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, въ 1643 г., и состоявшій до конца своей жизни при посольскомъ приказѣ. Ему дано было въ обученье нѣсколько юношей, имена которыхъ, однако, намъ неизвѣстны. Самъ Диттерсонъ писалъ портреты царя, царицы, наслѣдника престола и нѣкоторыхъ изъ русскихъ сановниковъ. Мѣсто этого художника, умершаго въ 1655 или 1656 г., занялъ при дворѣ Алексѣя Михайловича шляхтичъ Станиславъ Лопуцкій, плохой комнатный декоративный живописецъ, выдававшій себя за великаго мастера и смѣло бравшійся за исполненіе портретовъ, за изображенія животныхъ и растеній и за всякія другія художественныя работы. По увольненіи его отъ царской службы, былъ принятъ на нее, въ 1667 г., искусный голландскій живописецъ Даніэль Воухтерсъ, къ которому перешли ученики Лопуцкаго, въ томъ числѣ талантливые Дороѳей Ермолинъ и Иванъ Безминъ, пользовавшіеся потомъ благорасположеніемъ двора и знати, но не подписывавшіе своихъ произведеній, изъ которыхъ иныя, быть можетъ, и сохранились, но остаются неизвѣстными для насъ. Вообще, въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія, Москва была уже богата живописцами; кромѣ Ермолина и Безмина, въ ней трудились В. Познанскій, К. Умбрановскій, Л. Смоляниновъ, С. Лисицкій, Б. Давыдовъ, М. Чоглоковъ, А. Филипповъ, М. Селиверстовъ, Л. Чулковъ, П. Топоровъ, братья Гр. и И. Одольскіе, Симеонъ Ушаковъ и др. Всѣ эти художники писали преимущественно портреты, запросъ на которые усилился не только въ придворномъ кругу, но и со стороны богатыхъ людей всѣхъ классовъ и даже среди духовенства. Между портретами духовныхъ лицъ, принадлежащими этому времени, встрѣчается, однако, немало такихъ, которые имѣютъ иконописный характеръ и исполнены, видимо, ремесленниками или монахами, тщетно старавшимися сравняться съ живописцами, прошедшими школу непосредственнаго изученія натуры. Мало-по-малу, вліяніе иностранныхъ художниковъ пробралось и въ религіозную живопись, такъ что благочестивые люди и само духовенство стали охотно принимать въ дома и церкви образа, исполненные въ новомъ родѣ, и приверженность къ прежней иконописи упорно хранили одни лишь старообрядцы.

Скульптуры въ до-Петровской Руси, собственно говоря, не существовало. По древнему постановленію православной церкви, статуи и рельефныя лицевыя изображенія не допускаются въ число священныхъ предметовъ, и это постановленіе соблюдалось у насъ встарину гораздо строже, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ, ваяніе было исключено изъ области религіознаго искусства—той области, которая на Западѣ Европы была широко открыта для него и особенно благопріятна для его развитія. Правда, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ нашихъ храмахъ, вопреки означенному постановленію, встрѣчались рѣзанныя изъ дерева и расцвѣченныя распятія и фигуры святыхъ; но это было не болѣе какъ злоупотребленіе, проникшее на Русь чрезъ ея сношенія съ ганзейскими городами и Польшею и распространенное далеко не всюду (преимущественно въ земляхъ Новгородской пятины и на юго-западной окраинѣ).

Библиотека "Руниверс"

Вообще же задача ваянія ограничивалась второстепенными, декоративными работами: изготовленіемъ архитектурныхъ орнаментовъ, выбиваніемъ изъ металла окладовъ для образовъ, литьемъ тѣльниковъ и складней, рѣзьбою изъ дерева иконостасовъ и надпрестольныхъ сѣней, различными подѣлками изъ кости и камня для украшенія домашней утвари и т. п. Въ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ подобнаго рода мы видимъ, рядомъ съ дѣтскою неумѣлостью ихъ исполнителей въ рисункѣ, когда приходилось передавать живую натуру, тщательность и мелкоту работы, значительную ремесленную ловкость и умѣнье своеобразно комбинировать орнаментальные мотивы, заимствованные съ разныхъ сторонъ.

Русскій орнаментъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ уцѣлѣвшіе его образцы и археологическія находки, до XII в. былъ почти рабскимъ подражаніемъ византійскому; но съ этого времени стали все болѣе и болѣе притекать въ него элементы западно-европейскіе (романскіе и итальянскаго Возрожденія) и азіатскіе (персидскіе, индѣйскіе, туранскіе и монгольскіе), которые, сливаясь съ византійскою основою и съ мѣстными народными элементами (славянскими и финскими), наконецъ, въ XVI и XVII стол., образовали особый стиль, поражающій своею оригинальностью, разнообразіемъ и красотою. Какъ и во всякой другой орнаментистикѣ, въ него входятъ геометрическій узоръ и офантазированныя формы растительнаго и животнаго царствъ; но эти составныя части, и по очертанію, и по роли, играемой ими въ общей композиціи, существенно отличаются отъ того, какими онѣ являются у другихъ народовъ. Замѣчательна изобрѣтательность нашихъ старинныхъ орнаментистовъ въ сочетаніи этихъ частей, равно какъ и осмысленность, съ которою они соображались съ назначеніемъ своихъ изобрѣтеній: орнаментъ, сочиненный для рукописныхъ заставки или инціала, совсѣмъ иного рода, чѣмъ придуманный для вышивки, ювелирнаго издѣлья, рѣзьбы изъ дерева, стѣнописи и т. д. Въ большинствѣ случаевъ, соблюдается симметричность, но иногда, тамъ, гдѣ это умѣстно или требуется условіями орнаментируемаго пространства, допускается по большой части небросающееся въ глаза отступленіе отъ симметріи. Къ числу наиболѣе характерныхъ русскихъ орнаментовъ принадлежитъ сплетеніе лентообразныхъ полосъ, то расширяющихся, то съуживающихся, ломающихся подъ разными углами, изгибающихся, перепутывающихся между собою и переходящихъ въ подобія листьевъ и въ фигуры грифоновъ, птицъ и другихъ небывалыхъ животныхъ, рѣже въ человѣческіе облики. Весьма часто орнаментъ состоитъ изъ завитковъ, образуемыхъ стеблями вьющагося растенія, какъ-бы винограда или хмѣля, и заключающихъ въ своей срединѣ нѣчто въ родѣ цвѣточной распуколки, гроздія, ананаснаго плода или шишки хвойнаго дерева. Иногда, преимущественно въ отдѣлкѣ большихъ плоскихъ пространствъ, напр. въ иконостасахъ, орнаментъ получаетъ видъ тонкой филигранной работы, уразноображенной розетами и бусами. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, орнаментъ оставляется монохромнымъ; почти всегда онъ оживленъ раскраскою, съ участіемъ позолоты и серебренія. Въ этой раскраскѣ главную роль играютъ чистые, яркіе цвѣта—красный, голубой, желтый и зеленый, рѣдко приведенные въ гармонію, но тѣмъ не менѣе производящіе своимъ сочетаніемъ весьма сильный и живописный эффектъ.

Крутой переворотъ во внутренней и внѣшней жизни Р., ознаменовавшій собою начало XVIII стол., нарушилъ естественное теченіе ея исконнаго русскаго искусства. Всесторонне обновляя наше отечество и вводя его въ семью просвѣщенныхъ государствъ Европы, Петръ Великій старался завести въ немъ, рядомъ съ европейскою наукою, и европейское искусство, въ увѣренности, что оно не замедлитъ акклиматизироваться на русской почвѣ и принести обильные плоды. Однако, между Русью до-Петровскаго времени и Р. обновленною была столь огромная разница, а превращеніе первой во вторую совершилось столь насильственно и быстро, что пересаженные къ намъ отпрыски западныхъ художествъ, вмѣсто того, чтобы привиться къ уже существовавшему мѣстному корню, принялись особнякомъ и долго оставались блѣднымъ и чахлымъ растеніемъ, несвойственнымъ странѣ и чуждымъ народу. Виною тому были не столько самъ Петръ, сколько ближайшіе его преемники, не имѣвшіе ни его генія и энергіи, ни его любви къ отечеству, и не умѣвшіе дѣйствовать въ его духѣ. Разсматриваемый фактъ въ значительной степени зависѣлъ также отъ тогдашняго состоянія художественныхъ школъ въ Европѣ, находившихся въ упадкѣ, вдавшихся въ изысканность и жеманство и потому неспособныхъ благотворно вліять на искусство, стоявшее предъ тѣмъ въ сторонѣ отъ нихъ.

Преобразователь Р., во всѣхъ своихъ начинаніяхъ побуждаемый намѣреніемъ надѣлить ее прежде всего практически-полезными плодами западной цивилизаціи, руководствовался тою же идеею и въ отношеніи искусства. Онъ не столь любилъ его, сколько считалъ нужнымъ для того, чтобы новая жизнь, къ которой повелъ онъ наше отечество, получила вполнѣ европейскій колоритъ. Кромѣ того, искусство представлялось ему необходимымъ какъ пособіе при различныхъ его предпріятіяхъ, каковы были сооруженіе и украшеніе новой столицы, постройка крѣпостей, верфей, кораблей, устройство машинъ, печатаніе книгъ съ гравюрами и т. п. Наличные русскіе художники, ни по своему направленію, ни по своимъ познаніямъ, не соотвѣтствовали такимъ задачамъ, для исполненія которыхъ приходилось обзавестись новыми художественными силами. Къ достиженію этой цѣли Петръ стремился всѣми мѣрами. Нѣсколько молодыхъ людей, выказавшихъ способность или охоту къ искусству, были отправлены, для его изученія, одни въ Италію (живописцы И. и Р. Никитины и Захаровъ и архитекторы Еропкинъ и Исаковъ), другіе въ Голландію (живописецъ А. Матвѣевъ и архитекторы Устиновъ и Коробовъ) или въ Парижъ (граверъ Коровинъ).

Библиотека "Руниверс"

При с.-петербургской типографіи заведена школа рисованія, въ которую на первый разъ переведены рисовальщики, состоявшіе при московской Оружейной палатѣ, а затѣмъ посылались въ ученье люди даже немолодыхъ лѣтъ. Самъ Государь зорко слѣдилъ за успѣхами этой школы и нерѣдко посѣщалъ ее. Во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ онъ пріобрѣталъ картины, статуи, собранія медалей и всякія рѣдкости, долженствовавшія способствовать развитію артистическаго вкуса въ обществѣ и служить образцами для работъ русскихъ художниковъ. Не довольствуясь этимъ, онъ задумалъ основать академію наукъ, открытую уже послѣ его кончины, при чемъ ставилъ ей въ обязанность не только воздѣлывать науки, но и «производить художества». Однако, всѣ эти мѣры могли принести результаты только въ будущемъ, а пылкій геній Петра не терпѣлъ отлагательства: оно, впрочемъ, было и невозможно, потому что, при множествѣ разнообразныхъ новыхъ предпріятій, къ помощи искусства требовалось прибѣгать на каждомъ шагу. Особенная нужда чувствовалась въ архитекторахъ, для сооруженія въ Петербургѣ дворцовъ, церквей, коллегій, укрѣпленій и другихъ зданій. Съ этою цѣлью вызванъ въ Р. цѣлый рядъ иностранцевъ. Леблонъ, Трезини, Микетти, Швертфегеръ, Ферстеръ, Брандтъ, Панови, Гаманъ, Гербель, Миниxъ — всѣ нашли себѣ въ невской столицѣ довольно занятій и производили въ ней и ея окрестностяхъ наиболѣе важныя постройки. Кромѣ этихъ зодчихъ, выписаны были изъ чужихъ краевъ художники другихъ спеціальностей. Графъ К. Б. Растрелли-отецъ изготовлялъ, по порученію Государя, статуи для его Лѣтняго сада. Живописцы Тангауеръ, Каравакъ, Гзель съ женою Маріею-Доротеей удовлетворяли тогдашней потребности у насъ въ произведеніяхъ кисти, обращенной почти исключительно на портреты, плафоны и миніатюры, потому что картины другого рода не играли еще значительной роли въ убранствѣ дворцовъ и богатыхъ домовъ, и притомъ привозились по большей части изъ-за границы. Церковная же живопись, во избѣжаніе соблазна въ народѣ, если бы ее производили люди, незнакомые съ нашимъ вѣроисповѣданіемъ, исполнялась, до возвращенія Матвѣева и Никитиныхъ изъ путешествія, московскими мастерами. Въ кругъ обязанностей, принятыхъ на себя иностранцами, почти постоянно входило обученіе русскихъ своимъ мастерствамъ; но это исполнялось лишь настолько, насколько позволяло время, оставшееся у этихъ художниковъ свободнымъ отъ ихъ собственныхъ работъ; сверхъ того, успѣшности обученія въ немалой степени мѣшало незнаніе учителями русскаго языка и надменное отношеніе ихъ ко всему русскому. Несомнѣнно бо́льшую пользу, чѣмъ выписные иностранцы, могли-бы принести петровскіе пенсіо́неры, вернувшіеся изъ путешествія; но, во-первыхъ, ихъ было очень немного, а во-вторыхъ, со смертью Петра, они очутились въ печальныхъ условіяхъ. Призывая иностранцевъ въ Р., Петръ смотрѣлъ на нихъ только какъ на проводниковъ въ нее европейской культуры; онъ вѣрилъ въ способности своего народа и желалъ вызвать его къ самодѣятельности. Въ слѣдовавшія послѣ Петра четыре царствованія забота о томъ была брошена и, вмѣсто старанія о развитіи народныхъ силъ, наступило совершенное подчиненіе ихъ господству иноземцемъ. При дворѣ и въ правительствѣ, все чужое пользовалось почетомъ и кредитомъ, все русское пренебрегалось и оттѣснялось на задній планъ. По части искусства, пользовались уваженіемъ только произведенія сначала голландцевъ и нѣмцевъ, а потомъ итальянцевъ. Русскіе же художники, образовавшіеся при Петрѣ Вел., были въ загонѣ, и для полученія новыхъ отечественныхъ артистовъ принимались лишь слабыя мѣры. На самое искусство смотрѣли не какъ на дѣло, нужное для общества и народа, а какъ на предметъ, назначенный служить для утѣхи двора и для сообщенія ему европейской внѣшности. Правда, въ новооткрытой академіи наукъ, согласно петровскому завѣту, устроено было особое художественное отдѣленіе, куда преподавателями поступили Гзель съ женою, скульпторъ Оспе́ръ и архитекторъ Марцеліусъ; но они вели свое дѣло далеко не блестяще, и изъ всѣхъ учениковъ академической школы усвоили себѣ нѣкоторое мастерство только двое или трое. Дѣятельность отдѣленія почти всецѣло поглощалась сочиненіемъ проектовъ для иллюминацій, фейерверковъ, тріумфальныхъ арокъ, театральныхъ декорацій, разныхъ аллегорій по случаю придворныхъ празднествъ, гравированіемъ на мѣди въ такъ называвшейся «фигурной палатѣ» портретовъ, видовъ, ландкартъ, плановъ, чертежей къ академическимъ изданіямъ и другими полуремесленными работами.

Воцареніе императрицы Елизаветы Петровны предвозвѣстило наступленіе лучшаго времени для русскаго искусства. Дочь Петра Вел. была въ душѣ патріотка, любила блескъ и роскошь и своимъ примѣромъ внушала знати вкусъ къ изящному. При ней Петербургъ украсился многими красивыми зданіями; ея дворцы стали наполняться художественными предметами, которые начали дѣлаться необходимыми и въ обстановкѣ богатыхъ частныхъ домовъ. Потребность въ художникахъ усилилась; но такъ какъ своихъ, русскихъ, было мало налицо, а иностранцы, уже находившіеся въ Р., были по большей части неудовлетворительны и не особенно многочисленны, то пришлось снова прибѣгнуть къ вызовамъ изъ чужихъ краевъ. Такимъ образомъ явились къ намъ портретистъ гр. де-Ротари, писавшій также историческія и аллегорическія картины, плафонный живописецъ Фонтебассо, портретисты Л. Токкѣ и Г. Гротъ, братъ послѣдняго Іоганнъ, живописецъ животныхъ, декораторы Дж. Валерьяни и А. Перезиноттн, Гарсія, Джузеппе и Джироламо Бони и др. По части архитектуры, главнымъ дѣятелемъ явился гр. Растрелли Младшій, надѣлившій Р. многими замѣчательными зданіями (Смольный монастырь, Зимній и Царскосельскій дворцы, Пажескій корпусъ, соборъ Сергіевской пустыни близъ Стрѣльны, Андреевскій соборъ въ Кіевѣ и др.). Кромѣ гр. Растрелли-

Библиотека "Руниверс"

отца, порядочныхъ скульпторовъ не было. За то гравированіе, при измѣнившихся требованіяхъ отъ него, сдѣлалось болѣе художественнымъ. О немъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, а теперь замѣтимъ только, что гравюра была единственная отрасль художественной дѣятельности, въ которой русскіе преобладали надъ иностранцами если не въ отношеніи мастерства, то по крайней мѣрѣ своею численностью. Изъ отечественныхъ художниковъ елизаветинскаго времени, посвятившихъ себя прочимъ спеціальностямъ, выдаются лишь живописцы А. Антроповъ, И. Бѣльскій, И. Вишняковъ и только-что начавшіе свою карьеру ученики Валеріани, Г. Козловъ и Д. Левицкій, рисовальщикъ перспективныхъ видовъ Махаевъ и даровитый архитекторъ С. Чевакинскій (строитель изящнаго собора Николы Морского въ СПб.). Вообще въ русскихъ художникахъ того времени иногда обнаруживался значительный талантъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказывались недостатокъ основательной подготовки, особенно по части рисунка, и отсутствіе оригинальности. Заведенія, существовавшія при академіи наукъ и при конторѣ строенія дворцовъ и садовъ Ея Величества, единственные тогдашніе разсадники художественнаго образованія, не имѣли ни правильной организаціи, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, и преслѣдовали каждое свою особую цѣль, состоявшую для перваго изъ этихъ заведеній въ приготовленіи рисовальщиковъ и граверовъ, а для второго — въ доставленіи мастеровъ для дворцовыхъ убранствъ и построекъ. Объемъ преподаванія въ обоихъ училищахъ былъ ограниченъ и зависѣлъ отъ разныхъ случайностей, среди которыхъ бо́льшая или меньшая надобность въ мастерахъ для опредѣленныхъ работъ занимала первое мѣсто. Такое положеніе дѣла не могло не остановить на себѣ вниманія передовыхъ людей того времени, въ кругу которыхъ зародилась мысль объ учрежденіи въ Р. спеціальнаго художественнаго училища по образцу европейскихъ академій искусства. Еще въ 1746 г., профессоръ Стубе-де-Пирмонтъ, исполнявшій должность непремѣннаго секретаря академіи наукъ, подавалъ правительству записку о необходимости основать такую академію, но его проектъ остался безъ движенія, оттого ли, что былъ неудовлетворителенъ, или оттого, что его составитель не нашелъ поддержки ни у кого изъ любимцевъ императрицы. Затѣмъ, одиннадцать лѣтъ спустя, основатель и первый кураторъ московскаго университета, И. И. Шуваловъ, вошелъ съ докладомъ въ сенатъ, испрашивая разрѣшенія завести особую «трехъ знатнѣйшихъ художествъ академію». Любопытно, что мотивами этой мѣры онъ выставлялъ не столько необходимость развить въ русскомъ обществѣ вкусъ къ изящному и имѣть національное искусство, сколько славу, которую новое учрежденіе можетъ принести нашему правительству въ Европѣ, и экономію, какая произойдетъ отъ того, что впредь не надо будетъ выписывать къ намъ дорого-стоющихъ иностранцевъ. Докладъ Шувалова былъ утвержденъ сенатскимъ указомъ 6 ноября 1757 г. Въ этомъ указѣ куратору московскаго университета давалось полномочіе открыть академію при семъ университетѣ, и на ея содержаніе ассигновалось по 6000 въ годъ. Приступивъ къ осуществленію своего плана, Шуваловъ прежде всего озаботился выборомъ профессоровъ для новоучреждаемаго училища. Взять ихъ изъ числа художниковъ, имѣвшихся у насъ въ эту пору, значило бы только влить старое вино въ новые мѣха. Надо было запастись свѣжими дѣятелями, способными вести и упрочить преподаваніе искусствъ на новыхъ началахъ. Заимствовать такихъ дѣятелей казалось всего удобнѣе изъ Франціи, бывшей въ ту пору всесвѣтскою законодательницею вкуса. Поэтому Шуваловъ обратился въ парижскую академію съ просьбою указать ему нѣсколькихъ французскихъ художниковъ, соотвѣтствующихъ его желаніямъ, и пригласить ихъ на русскую службу. Среди самыхъ членовъ парижской академіи нашелся одинъ, Л.-Ж. Лелорренъ, который согласился отправиться въ Россію и быть первымъ насадителемъ въ ней академической живописи. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Петербургъ ри[illegible]щикъ, впослѣдствіи знаменитый, Ж.-М. Вьенъ, архитекторъ Валленъ-де-ла-Мотъ и скульпторъ Н.-Фр. Жилле. Для граверная класса былъ выписанъ искусный берлинскій мастеръ Г.-Фр. Шмидтъ. Изъ русскихъ, въ личный составъ академіи попалъ одинъ лишь С. Чевакинскій, въ качествѣ преподавателя черченія. Помѣстить академію предполагалось въ Москвѣ, такъ какъ она должна была составлять лишь отдѣленіе тамошняго университета; но приглашенные изъ-за границы профессора рѣшительно отказались ѣхать въ такую глубь дикой, по ихъ мнѣнію, страны и жить вдали отъ двора и его антуража. Вслѣдствіе этого Шувалову пришлось измѣнить свое первоначальное намѣреніе и открыть академію въ Петровской столицѣ. Одновременно съ вызовомъ профессоровъ былъ составленъ первый контингентъ академическихъ учениковъ. Въ него вошли 16 молодыхъ людей, признанныхъ наиболѣе склонными къ искусству между воспитанниками московскаго университета, и 22 мальчика изъ солдатскихъ дѣтей, набранныхъ въ Петербургѣ. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1758 г. было приступлено къ преподаванію въ академіи, чѣмъ и началось ея фактическое существованіе. Съ этого времени, исторія русскаго искусства, можно сказать, сливается съ исторіей академіи. Въ теченіе цѣлаго столѣтія академія является не только единственнымъ въ Р. питомникомъ, надѣляющимъ ее художниками всѣхъ спеціальностей, но и центромъ, изъ котораго искусство проникаетъ въ общество и около котораго группируется все важное, что только предпринимается по художественной части. Направленіе ея дѣятельности, проповѣдываемые ею эстетическіе принципы, становятся направленіемъ и принципами всего русскаго искусства. Но возникнувъ не вслѣдствіе потребности, ощущавшейся въ народѣ, а по мысли сильныхъ міра, вкусившихъ отъ европейской цивилизаціи, въ подражаніе иностраннымъ заведеніямъ подобнаго рода, и будучи при самомъ основаніи своемъ снабжена профессорами-

Библиотека "Руниверс"

французами, академія сразу приняла характеръ подражательный. Его сохранила она и тогда, когда ея педагогическій персоналъ сталъ все болѣе и болѣе наполняться природными русскими, учениками иностранцевъ; его надолго закрѣпили за нею безучастіе массы общества къ отечественнымъ художникамъ, существовавшимъ почти одними правительственными заказами, и та система воспитанія, которой постоянно держалась она до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, не смотря на неоднократное измѣненіе ея устава. Контингентъ ея воспитанниковъ составлялся изъ мальчиковъ, наудачу взятыхъ изъ толпы преимущественно безродныхъ дѣтей и простолюдиновъ; послѣ долгой дрессировки въ академической школѣ, подъ ферулою псевдо-классицизма, большинство этихъ мальчиковъ пропадало безслѣдно, и только немногимъ изъ нихъ, наиболѣе способнымъ и трудолюбивымъ, удавалось сдѣлаться настоящими художниками, но такими, которые, не почерпнувъ солиднаго общаго образованія и не чувствуя подъ ногами національной почвы, владѣли лишь техническимъ мастерствомъ и проводили свое дарованіе лишь въ благовѣйномъ подражаніи знаменитымъ корифеямъ итальянскаго и французскаго искусства. Шестилѣтнее пребываніе въ чужихъ краяхъ, куда отправлялись лучшіе питомцы академіи тотчасъ по выпускѣ своемъ изъ нея, не приводило этихъ малоразвитыхъ юношей къ самостоятельности, а, напротивъ того, способствовало имъ еще болѣе обезличиваться.

Оставляя въ сторонѣ русскую скульптуру, исторія которой по основаніи академіи очерчена съ достаточною подробностью въ статьѣ «Ваяніе» (т. V, стр. 668—70), бросимъ бѣглый взглядъ на движеніе у насъ съ этой поры другихъ отраслей искусства.

По архитектурѣ, первые видные художники не изъ иностранцевъ выступили на сцену въ царствованіе Екатерины II. То были: А. Кокоринов, талантливый ученикъ гр. Растрелли, занимавшій постъ директора академіи, много способствовавшій разумной постановкѣ преподаванія въ ней на первыхъ порахъ и прославившійся проектомъ ея грандіознаго, нынѣ существующаго зданія, достроеннаго, однако, не имъ, а Ю. Фельтеномъ; В. Баженовъ, ученикъ академіи, извѣстный своими проектами Екатерингофскаго дворца въ СПб., грандіознаго дворца, долженствовавшаго охватывать собою весь моск. Кремль, и дворца въ Царицынѣ, близъ Москвы (оставшагося неоконченнымъ), сооружитель зданій арсенала и сената, въ Москвѣ, арсенала въ СПб., Михайловскаго замка, достроеннаго итальянцемъ Бренною, и мн. др. построекъ въ обѣихъ столицахъ, въ Гатчинѣ и Павловскѣ; И. Старовъ, ученикъ Кокоринова въ академіи, строитель Таврическаго дворца въ СПб. и Троицкаго собора въ Александро-Невской лаврѣ. Всѣ трое, какъ свидѣтельствуютъ о томъ ихъ произведенія, прекрасно изучивъ стили античнаго-римскій и цвѣтущей эпохи Возрожденія, болѣе или менѣе удачно примѣняли къ дѣлу ихъ формы, и только Баженовъ попробовалъ придать царицынскому дворцу готическій характеръ. Ничего оригинальнаго не было и въ сочиненіяхъ вышеупомянутаго Фельтена, которому принадлежатъ, между прочимъ, зданіе Стараго Эрмитажа, лютеранскія церкви св. Екатерины и св. Анны и армянская церковь на Невскомъ просп., въ СПб. Важнѣйшимъ архитектурнымъ предпріятіемъ въ первые годы царствованія Александра I была постройка Казанскаго собора въ нашей сѣверной столицѣ. Сооружитель этого зданія, А. Воронихинъ, взялъ для него за образецъ римскій соборъ св. Петра, съ его двукрылою колоннадою; но будучи стѣсненъ и мѣстомъ, и средствами для этой постройки, создалъ лишь сравнительно-скромное подобіе ватиканскаго храма, составляющее, однако, и донынѣ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ новѣйшаго церковнаго зодчества въ Р. Около времени постройки Казанскаго собора распространился по всей Европѣ архитектурный стиль, порожденный во Франціи стремленіемъ Наполеона I сравняться величіемъ съ древними римскими цезарями и воскресить вокругъ себя холодный, суровый блескъ ихъ эпохи. Стиль этотъ, извѣстный подъ названіемъ стиля Имперіи, едва ли не сильнѣе всего привился у насъ, благодаря пристрастію нашего высшаго общества ко всему французскому, хотя плохо соотвѣтствовалъ нашимъ условіямъ жизни и климату. На каждомъ шагу, въ Петербургѣ и Москвѣ, стали являться древнеримскіе портики, фронтоны, ряды колоннъ или полуколоннъ на фасадахъ, огромныя арки, подражанія античнымъ ротондамъ, храмамъ, базиликамъ. Какъ на особенно характерный образчикъ подобной архитектуры, укажемъ на зданіе спб. биржи, произведеніе француза Т. де-Томона, которому принадлежалъ также недавно уничтоженный Большой театръ въ СПб. Подчиняясь господствующему вкусу, въ стилѣ имперіи работали и многіе изъ русскихъ зодчихъ того времени, въ томъ числѣ академическіе профессора А. Мельниковъ и братья Алекс. и Анд. Михайловы. Въ этомъ же стилѣ былъ сочиненъ несчастнымъ К. Витбергомъ его грандіозно-мистическій проектъ Храма Спасителя, впослѣдствіи брошенный вслѣдствіе своей неосуществимости. Въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ пользовался большимъ уваженіемъ архитекторъ Вас. Стасовъ, въ своихъ церковныхъ постройкахъ (Троицкомъ соборѣ въ Измайл. полку, Преображенск. соборѣ, Конюшенской и Знаменск. церквахъ въ СПб.) соединявшій форму латинскаго креста въ планахъ и обработку внѣшности сооруженій въ стилѣ имперіи съ пятиглавымъ ихъ увѣнчаніемъ, до нѣкоторой степени напоминающимъ одинъ изъ наиболѣе обычныхъ типовъ старинныхъ русскихъ церквей. Талантливый Росси надѣлилъ Петербургъ великолѣпнымъ Михайловскимъ дворцомъ (нынѣ музей имп. Александра III), зданіемъ Главнаго Штаба и Александринскимъ театромъ со служащими для него фономъ домами министерства внутр. дѣлъ и театральной дирекціи и красивою перспективою ихъ корпусовъ, выходящихъ на Театральную улицу. Царствованіе имп. Николая I, особенно во второй своей половинѣ, было эпохою весьма оживленной архитектурной дѣятельности. Этотъ монархъ, великій любитель искусства,

Библиотека "Руниверс"

считалъ необходимымъ, чтобы его процвѣтаніе въ Р. соотвѣтствовало высокому положенію, занятому ею среди прочихъ государствъ Европы. Онъ придумывалъ одно за другимъ крупныя художественныя предпріятія, самъ слѣдилъ за ихъ исполненіемъ, поощрялъ художниковъ своимъ милостивымъ вниманіемъ и, занимая лучшихъ изъ нихъ крупными, хорошо оплачиваемыми заказами, лично преподавалъ имъ указанія и совѣты. Но столь непосредственное попеченіе Государя о русскомъ искусствѣ, благотворное во многихъ отношеніяхъ, имѣло и невыгодныя послѣдствія: оно стѣсняло свободу художественнаго творчества, мѣшало художникамъ идти тѣмъ путемъ, на который ихъ влекли духъ времени и стремленія, пробудившіяся въ обществѣ, а вело по направленію, зависѣвшему отъ личнаго вкуса Государя, дѣлало искусство черезчуръ оффиціальнымъ. Между многочисленными архитектурными предпріятіями Николаевской эпохи важнѣйшими были постройка Исаакіевскаго собора въ СПб. и московскаго Храма Спасителя, тянувшіяся во все продолженіе этой эпохи и доставившіе работу цѣлой толпѣ художниковъ всѣхъ спеціальностей. Исаакіевскій соборъ, созданіе француза О. де-Монферрана, при всей своей громадности, дорогой мраморной облицовкѣ, множествѣ своихъ гигантскихъ монолитныхъ колоннъ, роскоши внѣшняго скульптурнаго убранства и внутренней отдѣлки, лишенъ оригинальности, представляетъ повтореніе весьма ординарныхъ формъ стиля Возрожденія и мало походитъ на православную церковь. Еще болѣе колоссальный Храмъ Спасителя, произведеніе К. Тона, питомца нашей академіи и потомъ ея вліятельнаго профессора, составляетъ полное выраженіе типа церковныхъ построекъ, изобрѣтеннаго этимъ художникомъ, который старался возвратиться въ немъ къ типу древнерусскихъ соборовъ съ пятиглавымъ увѣнчаніемъ и усовершенствовать этотъ типъ при помощи новѣйшей техники, но, по недостатку основательнаго знакомства съ русскою художественною археологіей (она находилась только въ зачаткѣ въ его пору), впавшій въ произволъ и многія погрѣшности. Тѣмъ не менѣе, изобрѣтеніе Тона до такой степени понравилось Государю, что въ Петербургѣ, въ его окрестностяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ явились церкви болѣе или менѣе близкія по типу къ храму Спасителя, построенныя или самимъ Тономъ, или его учениками (церковь св. Екатерины, въ Нарвской части, Введенская въ Семеновскомъ полку, Благовѣщенская въ Конногвардейскомъ, св. Миронія въ Измайловскомъ, Царскосельскій, Гатчинскій, Петергофскій соборы и проч.); мало того, было предписано впредь, при постройкѣ церквей, держаться этого типа, какъ образцоваго. Въ русскомъ стилѣ, какъ понималъ его Тонъ, сооруженъ имъ также большой Кремлевскій дворецъ въ Москвѣ, замѣчательный обширностью и роскошью главныхъ своихъ залъ. Не смотря на несовершенство произведеній Тона, ему должно быть поставлено въ заслугу, что онъ открылъ русскимъ зодчимъ глаза на наше древнее искусство и первый сдѣлалъ попытку воскресить его въ новѣйшей отечественной архитектурѣ. Важнѣйшія казенныя и общественныя постройки въ концѣ царствованія Николая I, кромѣ Тона, поручались главнымъ образомъ А. Брюллову (реставрація Зимняго дворца послѣ пожара, Пулковская обсерваторія, лютеранская церковь св. Петра въ СПб. и готическая православная церковь въ Парголовѣ), Н. Бенуа (придворныя конюшенныя зданія въ Петергофѣ, желѣзнодорожный воксалъ, тамъ же, и проч.) и А. Штакеншнейдеру, привилегированному, такъ сказать, соорудителю дворцовъ для особъ Августѣйшей Фамиліи (дворцы вел. кн. Маріи Николаевны, нынѣ зданіе государственнаго совѣта; вел. кн. Николая Николаевича, нынѣ Ксеніевскій институтъ; дворцы Знаменской и Михайловской мызъ близъ Петергофа и пр.). Что касается до частныхъ построекъ, то надъ ними былъ установленъ правительственный контроль, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дозволялось придавать имъ неординарную физіономію.

Съ восшествіемъ Александра II на престолъ, условія, въ которыхъ находилось наше искусство, перемѣнились несравненно къ лучшему, какъ перемѣнились условія и всей вообще духовной и матеріальной жизни Р. Великія реформы этого Государя, открывшія широкое поле для самодѣятельности его подданныхъ и поднявшія народное самосознаніе, духъ свободы и прогресса, повѣявшій свѣжестью во всѣхъ сферахъ дѣятельности, возбудили аналогичныя явленія въ области искусства; выйдя изъ подъ излишней правительственной опеки, оно стало отзывчивымъ на вопросы, занимавшія общество, стремящимся удовлетворять новымъ, возникшимъ въ немъ потребностямъ. Архитектура, какъ художественная отрасль, ближайшимъ образомъ соприкасающаяся съ интересами жизни, получила множество разнообразныхъ задачъ. Сѣть желѣзныхъ дорогъ, быстро покрывшая Россію, устройство судовъ на новыхъ началахъ, открытіе новыхъ и коренное преобразованіе многихъ изъ прежнихъ правительственныхъ учрежденій, размноженіе банковъ, акціонерныхъ обществъ и другихъ коммерческихъ, финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій—все это вело къ постройкѣ или къ переустройству зданій, приспособленныхъ къ той или иной опредѣленной цѣли, все задавало архитекторамъ кипучую работу, на которой они могли изощрять свою изобрѣтательность. Съ другой стороны, усилившееся движеніе капиталовъ въ частныхъ рукахъ и нерѣдкое обращеніе ихъ въ недвижимую собственность, въ доходные дома, призывали зодчихъ къ практической дѣятельности, возбуждали полезное соревнованіе между ними и пріучали ихъ подчиняться не одной своей фантазіи, но и желаніямъ заказчиковъ. Независимо отъ этихъ обстоятельствъ, успѣхи, сдѣланные русскою архитектурою со средины 1850-хъ годовъ, въ значительной степени зависѣли отъ того, что преподаваніе этого искусства и прикладныхъ къ нему знаній въ академіи улучшилось, образовался новый разсадникъ дѣльныхъ архитекторовъ въ преобразованномъ строп-

Библиотека "Руниверс"

тельномъ училищѣ (нынѣ Николаевскій институтъ гражданск. инженеровъ) и установилась болѣе тѣсная товарищеская связь между зодчими въ основанномъ ими архитектурномъ обществѣ. Два главныхъ стремленія явственно обозначаются въ новѣйшей русской архитектурѣ: во-первыхъ, забота ея представителей придавать постройкамъ полное соотвѣтствіе ихъ назначенію, съ сбереженіемъ при этомъ матеріала и полезнаго пространства,—забота, мало смущавшая прежнихъ зодчихъ; во-вторыхъ, желаніе сообщать зданіямъ, независимо отъ прочности и удобства, красивую отдѣлку, со строгою выдержанностью ихъ въ стилѣ, вполнѣ подходящимъ къ ихъ характеру. Въ послѣднемъ отношеніи, особеннаго вниманія заслуживаютъ опыты вернуться къ элементамъ византійской и древнерусской архитектуры, возродить ихъ, очистить и примѣнять какъ въ крупныхъ церковныхъ и публичныхъ сооруженіяхъ, такъ и въ менѣе важныхъ, частныхъ постройкахъ. Эти опыты, начатые, какъ сказано выше, К. Тономъ, продолжали его ученики и продолжаютъ съ возрастающимъ успѣхомъ многіе изъ современныхъ художниковъ, принявшіеся болѣе обстоятельно изучать памятники старины, разсѣянные въ разныхъ концахъ Имперіи. Между двигателями нашего зодчества по этому новому пути, больше всѣхъ заслуживаютъ признательности знатоки византійской архитектуры Д. Гримъ, А. Горностаевъ и Р. Кузьминъ и разрабатыватели собственно-русскаго стиля въ архитектурѣ и орнаментистикѣ, уже сошедшіе въ могилу Ѳ. Рихтеръ, А. Монигетти, Л. Даль, В. Гартманъ, В. Шервудъ, А. Павлиновъ и донынѣ трудящіеся В. Сусловъ, И. Ропетъ, Н. Султановъ, Л. Бенуа и А. Померанцевъ. Изъ ряда прочихъ русскихъ архитекторовъ послѣдняго времени выдаются, по количеству, важности, талантливости или техническому достоинству своихъ произведеній покойные А. Кракау, И. Штромъ, К. Рахау, Р. Бернгардъ, В. Львовъ, М. Макаровъ, А. Резановъ и еще здравствующіе В. Шрейберъ, М. Месмахеръ, А. Томишко, И. Стефаницъ и нѣк. др.

Выше было сказано, что живопись въ западно-европейскомъ родѣ завелась у насъ еще до Петра Вел. и что какъ при этомъ государѣ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ Р. уже имѣла своихъ художниковъ по ея части. Однако, то были отдѣльныя личности, не связанныя между собою однаковостью образованія и стремленій. Русская школа живописи начинается собственно съ А. Лосенка. Ученикъ сперва скромнаго доморощеннаго живописца, а потомъ Лелоррена и гр. де-Ротари, этотъ художникъ довершилъ свое развитіе въ Парижѣ, подъ руководствомъ корифеевъ тамошней академіи, и затѣмъ изучалъ въ Италіи ея великихъ мастеровъ. Такимъ образомъ онъ усвоилъ себѣ манеру тогдашнихъ французскихъ академистовъ, нѣсколько очищенную заимствованіями отъ болѣе строгихъ рисовальщиковъ старыхъ итальянскихъ школъ и отъ антиковъ. Сдѣлавшись профессоромъ и потомъ директоромъ петербургской академіи, Лосенко положилъ основаніе направленію, которое надолго приняла наша живопись. Отличительною чертою этого направленія была строгость рисунка, держащагося не столько натуры, сколько формъ античной скульптуры и итальянскаго искусства эпохи эклектиковъ. Бѣдность фантазіи, слѣдованіе въ композиціи опредѣленнымъ, рутиннымъ правиламъ, условность колорита и вообще подражательность составляли слабыя стороны живописцевъ, выходившихъ изъ академіи.

Чтобы удобнѣе было очертить ходъ развитія нашей живописи со времени основанія академіи, остановимся прежде всего на историческомъ родѣ этого искусства, считавшемся, по эстетикѣ прошлаго вѣка, высшимъ, наиболѣе способнымъ возбуждать благородныя чувства и мысли. Черпая для себя темы изъ священной исторіи, античнаго міра, миѳологіи и аллегоріи, образовавшіеся въ академіи исторические живописцы трактовали ихъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ современные имъ французы и итальянцы, и сравнительно рѣдко обращались за сюжетами къ отечественной исторіи, если же брались за воспроизведеніе ея эпизодовъ, то она являлась у нихъ до такой степени искаженною стараніемъ держаться иностранныхъ образцовъ и соблюсти академическія условія, что въ изображенномъ трудно найти что-либо русское, кромѣ названія. Это отсутствіе національности и оригинальности сдѣлалось грѣхомъ, общимъ для историческихъ живописцевъ, слѣдовавшихъ за Лосенкомъ. Изъ нихъ, послѣ его смерти, пользовались извѣстностью Г. Козловъ, еще прежде него вступившій въ число академическихъ преподавателей, П. Соколовъ, рано умершій ученикъ Натуара и П. Баттони въ Римѣ, и И. Акимовъ, ближайшій послѣдователь Лосенка, въ особенности способствовавшій упроченію его направленія въ академической школѣ. Кромѣ Акимова, въ концѣ прошедшаго столѣтія на поприщѣ исторической живописи трудились И. Тупылевъ, Е. Мошковъ, Ѳ. Яненко, А. Волковъ и нѣк. др. Но первое мѣсто на немъ занималъ Г. Угрюмовъ, исполнившій массу картинъ религіознаго и историческаго содержанія и прекрасно писавшій также портреты. Онъ явился сильнымъ соперникомъ иностранцевъ, нахлынувшихъ въ Петербургъ послѣ французской революціи, и поддержалъ въ глазахъ императора Павла I репутацію русскихъ художниковъ и самое существованіе академіи. Подъ его руководствомъ образовалась группа живописцевъ, доведшихъ рисунокъ до удивительнаго мастерства и славившихся въ царствованіе Александра I и въ началѣ Николаевской эпохи, въ томъ числѣ столпы академической школы А. Егоровъ, В. Шебуевъ и Анд. Ивановъ. Первый, занимаясь почти исключительно религіозною живописью, подражалъ старымъ итальянцамъ, преимущественно Рафаэлю. Второй питалъ пристрастіе къ Пуссену и работалъ по большей части также для церквей, лишь иногда принимаясь за ту или другую тему русской исторіи и миѳологіи. Анд. Ивановъ былъ скромный и добросовѣстный труженникъ, искусный рисовальщикъ, не оставившій по себѣ ни одного произведенія, которое выходило-бы изъ уров-

Библиотека "Руниверс"

ня ординарности; его имя не забудется въ исторіи главнымъ образомъ потому, что онъ былъ учителемъ К. Брюллова и первымъ наставникомъ своего знаменитаго сына, Алекс. Иванова, и своею многолѣтнею педагогическою дѣятельностью способствовалъ образованію не одного поколѣнія другихъ художниковъ. Еще не сошли со сцены ученики Угрюмова, еще академическій классицизмъ, настойчиво поддерживаемый ими, царилъ въ русской живописи, когда прибыла въ Россію, предшествуемая восторженными хвалами, картина К. Брюллова: «Послѣдній день Помпеи». Она поразила всѣхъ и каждаго. Ея творецъ былъ сразу признанъ міровымъ геніемъ, равнымъ съ величайшими живописцами всѣхъ временъ и народовъ. Маститые вожди нашей школы преклонились предъ нимъ, какъ предъ болѣе сильнымъ мастеромъ, молодые художники приняли его за пророка новаго искусства. На самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ состояніи русской живописи, «Помпея» должна была показаться созданіемъ необычайнымъ, хотя, въ сущности, она представляетъ собою соединеніе академическаго классицизма съ уже возникшимъ тогда на Западѣ романтизмомъ, есть не болѣе какъ театральная живая картина мелодраматическаго характера, монтированная въ эффектной декораціи, при эффектномъ бенгальскомъ освѣщеніи. Но своимъ колоссальнымъ размѣромъ, новизною сюжета, сложностью живописно-раскинутой композиціи, блескомъ и гармоніей красокъ и виртуозностью исполненія она представляла поразительный контрастъ съ сравнительно небольшими, шаблонно-однообразными и тусклыми произведеніями тогдашнихъ русскихъ живописцевъ. Брюлловъ первый изъ нихъ сбросилъ съ себя оковы академической рутины и выступилъ на путь свободнаго творчества; кромѣ того, въ заслугу ему должно быть поставлено то обстоятельство, что своими блестящими работами онъ возбудилъ въ публикѣ живой интересъ къ искусству и поднялъ въ ея глазахъ значеніе художника. Слава Брюллова не помѣшала войдти еще при его жизни въ извѣстность двумъ его товарищамъ по воспитанію, П. Басину и Ѳ. Бруни, которые, вмѣстѣ съ нимъ, составляли въ 1840-хъ гг. тріумвиратъ, главенствовавшій въ академіи, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ Николая I и получавшій самые важные правительственные заказы. Послѣдніе въ достаточномъ количествѣ доставались также на долю нѣсколькихъ живописцевъ менѣе значительнаго таланта, трудившихся въ это время и позже, каковы А. Марковъ, С. Живаго, Ѳ. Завьяловъ, Ѳ. Брюлло, Н. Тихобразовъ, Н. Майковъ, П. Шамшинъ и др., частью державшіеся старыхъ академическихъ принциповъ, частью слѣдовавшіе по стопамъ Брюллова. Большинство ихъ было занято работами для Исаакіевскаго собора, въ украшеніи котораго видное участіе принимали также иностранные живописцы К. Пітейбенъ, К. Дузи, Ч. Муссини, І. Дорнеръ, Е. Плюшаръ и Т. Неффъ. Въ началѣ эпохи имп. Александра II, явились къ намъ изъ Италіи двѣ картины русскихъ живописцевъ, написанныя, по примѣру Брюлловской «Помпеи», въ колоссальномъ размѣрѣ,—произведенія, исполненныя еще въ Николаевское время: «Проповѣдь ап. Іоанна на островѣ Патмосѣ» Ѳ. Моллера и «Явленіе Мессіи народу» Ал. Иванова. Первая изъ этихъ картинъ была встрѣчена публикою равнодушно, какъ неудачный трудъ художника, взявшагося за задачу не по своимъ силамъ и чрезчуръ увлекшагося принципами гнѣздившейся въ Римѣ кучки нѣмецкихъ артистовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «назареевъ». Напротивъ того, картина Иванова, плодъ тридцатилѣтней борьбы ея автора съ трудностями передать глубокую идею композиціею и техникою, чуждыми всякой условности, всякихъ школьныхъ преданій, въ формахъ непосредственно взятыхъ изъ реальнаго міра, возбудила энтузіазмъ въ большинствѣ образованнаго общества, но не оказала того вліянія на русскую живопись, какое несомнѣнно имѣла бы, если бы явилась многими годами раньше: наши художники познакомились съ нею уже тогда, когда духъ времени влекъ ихъ изъ области міровыхъ, общечеловѣческихъ идей на почву близкой дѣйствительности и народныхъ интересовъ, и если научились чему-либо отъ Иванова, то лишь вдумчивости и настойчивости, съ какими должно добиваться намѣченной цѣли. «Явленіе Мессіи», вмѣстѣ съ тѣмъ, было у насъ послѣднимъ монументальнымъ произведеніемъ религіозной и исторической живописи, которая, послѣ него, вошла въ прежнюю колею академической рутины и подражательности, или приняла оттѣнокъ бытовой живописи и размѣнялась на мелкія, несложныя задачи. «Содомъ» К. Венига выказываетъ только его приверженность къ Рафаэлю и другимъ итальянскимъ классикамъ; «Мученики» К. Флавицкаго — попытка поддѣлаться подъ Брюллова; «Тайная Вечеря» Н. Ге — порожденіе не искренняго религіознаго чувства и исканія исторической правды, а увлеченія фантастическою «Жизнью Іисуса» Ренана. «Свѣточи Нерона», «Фрина» и другія большія полотна Г. Семирадскаго—прекрасно написанныя сцены изъ древне-римскаго и греческаго быта, полныя свѣта и воздуха, но разыгрываемыя неопытными или равнодушными къ своимъ ролямъ актерами, разодѣтыми въ археологически-вѣрные костюмы. Въ нашей церковной живописи, напрасно кн. Г. Гагаринъ, въ бытность свою вице-президентомъ академіи (1859—72), противодѣйствовалъ рутинѣ проповѣдью обращенія къ начальному источнику нашего искусства—къ византійскому искусству: никто изъ художниковъ, за исключеніемъ А. Бейдемана, не тронулся этою проповѣдью, и отдѣлывавшійся тогда Московскій Храмъ Спасителя наполнился разнокалиберною живописью, то шаблонно-академическою, то эффектно-кричащею, то смахивающею на жанръ. Только въ послѣдніе годы, въ лицѣ В. Васнецова, украсившаго иконами и стѣнною росписью Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, паша религіозная живопись получила мастера, отличающагося оригинальностью и поэтичностью концепціи, искренностью выражаемаго въ нихъ благочестиваго чувства и вполнѣ православнымъ духомъ. Гораздо удачнѣе выхо-

Библиотека "Руниверс"

дили картины нашихъ новѣйшихъ живописцевъ, когда они брались за темы не изъ священной и всеобщей исторіи, а изъ отечественнаго прошлаго, и, держась реалистическаго направленія, а также пользуясь размножившимися въ литературѣ изслѣдованіями о русской старинѣ, трактовали изображаемые эпизоды просто и естественно, какъ происшествія дня, со стараніемъ воскресить кистью не только давнопсчезнувшія лица, но и всю окружавшую ихъ обстановку. Начало этому роду живописи, который можно назвать національно-историческимъ жанромъ, положили молодые художники, оканчивавшіе академическій курсъ въ 1860-хъ годахъ, и съ того времени онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ нашемъ искусствѣ, почти совершенно вытѣснившимъ изъ него античныхъ боговъ и геросвъ. Къ числу живописцевъ, особенно отличившихся на поприщѣ историческаго жанра, принадлежатъ: П. Чистяковъ («Софья Витовтовна на свадьбѣ Василія Темнаго»), Г. Мясоѣдовъ («Бѣгство Отрепьева изъ литовской корчмы» и «Дѣдушка русскаго флота»), Н. Шустовъ («Іоаннъ III раздираетъ ханскую грамоту»), К. Флавицкій («Княжна Тараканова»), А. Литовченко («Іоаннъ Грозный показываетъ свои сокровища Горсею»), К. Маковскій («Дѣти Бориса Годунова»), В. Шварцъ (небольшія сцены московскаго царскаго быта), Н. Ге («Петръ Великій, допрашивающій царевича Алексѣя»), В. Якоби (сцены временъ Анны Іоанновны), В. Перовъ («Пугачовщина» и «Никита Пустосвятъ»), И. Рѣпинъ («Іоаннъ Грозный и его сынъ»), Н. Невревъ («Романъ Галицкій»), В. Суриковъ («Боярыня Морозова» и «Казнь стрѣльцовъ») и нѣк. др.

Если принять въ соображеніе состояніе русскаго общества въ XVIII столѣтіи, то легко догадаться, что изъ всѣхъ родовъ живописи больше другихъ долженъ былъ пользоваться въ немъ почетомъ портретный родъ. Въ вѣкъ быстро выроставшихъ величія и богатства и столь же быстраго паденія въ ничтожество, когда тщеславіе, гордость предъ низшими и раболѣпіе предъ высшими составляли язву не только людей близкихъ къ трону, но и простыхъ смертныхъ, каждый, кому улыбалась Фортуна, хотѣлъ имѣть свое изображеніе, чтобы оставить потомству память о своей важности, о своемъ щегольствѣ роскошнымъ парикомъ, блестящимъ костюмомъ, золотымъ шитьемъ, кружевами, орденами и брилліантами, или же изображеніе своего милостивца, дабы выказать предъ нимъ почтеніе и преданность. Отсюда происходило, что въ ту пору, когда вкусъ къ искусству вообще былъ развитъ у насъ еще въ ничтожной степени, портреты были распространены въ значительномъ количествѣ. Удовлетворяя запросу на нихъ, Лосенко, Козловъ, Акимовъ, Угрюмовъ и другіе исторические живописцы отрывались отъ возвышенныхъ сюжетовъ, чтобы увѣковѣчивать на полотнѣ физіономіи своихъ современниковъ; но, кромѣ нихъ, мы находимъ въ прошломъ столѣтіи рядъ художниковъ, пользовавшихся извѣстностью преимущественно въ качествѣ портретистовъ. Первымъ въ этомъ ряду, послѣ живописцевъ Петровской эпохи, долженъ быть упомянутъ А. Аргуновъ, ученикъ иностранцевъ, которому завѣдываніе школою иконописанія, заведенною И. Шуваловымъ при св. синодѣ, не мѣшало добросовѣстно исполнять очень схожіе портреты. Затѣмъ слѣдуетъ назвать учениковъ этого художника, К. Головачевскаго и И. Саблукова. Изъ портретистовъ, получившихъ образованіе въ академіи, первый выдающійся — Ѳ. Рокотовъ, ученикъ Лагрене, впослѣдствіи подвергшійся вліянію гостившаго въ Петербургѣ шведа Эриксена. Обладая весьма развитою техникою и пріятнымъ, хотя и нѣсколько изысканнымъ колоритомъ, онъ былъ особено искусенъ въ женскихъ портретахъ. Но превосходство надъ этимъ мастеромъ принадлежало Д. Левицкому и В. Боровиковскому, которые по всей справедливости считаются замѣчательнѣйшими портретистами Екатерининскаго времени. Явившись сильными соперниками гр. де-Ротари, Делабарта, Лампи отца и сына, Бромптона и другихъ иностранцевъ, привлеченныхъ въ Россію большимъ требованіемъ въ ней на портреты, они неоднократно изображали императрицу и особъ августѣйшей фамиліи, и въ свою долгую жизнь переписали портреты почти всѣхъ сподвижниковъ Екатерины и многихъ изъ дѣятелей временъ Павла и Александра Благословеннаго. Подъ руководствомъ Левицкаго образовалось нѣсколько искусныхъ портретистовъ, изъ которыхъ, какъ на талантливыхъ, должно указать на Шабанова, Новикова, Мельникова и особенно на С. Щукина. Тревожное состояніе Европы въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX стол. загнало въ наше отечество множество французскихъ эмигрантовъ и выходцевъ изъ другихъ странъ, въ томъ числѣ и художниковъ. Не смотря на то, что это были по большей части люди дюжиннаго дарованія, они нашли у насъ благодарныя для себя занятія и нерѣдко оттѣсняли русскихъ отъ дѣла. Такъ было и въ отношеніи портретной живописи, модными исполнителями которой сдѣлались Лемонье, Куртейль, Вуаль, Ромбауеръ, Кюгельхенъ, Тишбейнъ и нѣкоторые другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ соціальнаго переворота, произведеннаго во Франціи великою революціею, вкусъ времени измѣнился: парадные, щеголяющіе всякою роскошью, изобилующіе аксессуарами портреты предшествовавшей эпохи уступили мѣсто болѣе скромнымъ изображеніямъ, съ пустыми, однотонными фонами, съ безцвѣтными и некрасивыми костюмами. Этими двумя обстоятельствами, наплывомъ неважныхъ иностранныхъ художниковъ и упрощеніемъ требованій отъ портретной живописи, объясняется, почему многіе изъ портретовъ, писанныхъ въ первые годы царствованія Александра I, уступаютъ портретамъ екатерининскихъ временъ. Позже, уже послѣ паденія Наполеона, явился къ намъ англійскій портретистъ Дау, оставившій въ Россіи массу своихъ произведеній, образцовыхъ по эффектости и силѣ красокъ, по смѣлому и широкому пріему письма, каковы напримѣръ портреты героевъ отече-

Библиотека "Руниверс"

ственной войны, украшающіе собою одну изъ залъ Зимняго дворца. Между тѣмъ, къ этому времени выступили на сцену два русскихъ портретиста, могущіе соперничать съ лучшими изъ пріѣзжихъ иностранцевъ — А. Варнекъ и О. Кипренскій. Первый рисовалъ очень вѣрно, прекрасно владѣлъ свѣтотѣнью и воздушною перспективою, но не отличался большою естественностью и силою колорита. Второй, напротивъ того, былъ не особенно строгій рисовальщикъ; за то его кисть была чрезвычайно изящна, краски сильны и блестящи, а умѣнье живописно ставить и освѣщать изображаемую натуру сообщало его портретамъ картинность, за которую современники звали его русскимъ ванъ-Дейкомъ. Кромѣ Варнека и Кипренскаго, въ 1820—30 гг. имѣли репутацію искусныхъ портретистовъ П. Басинъ, тогда еще молодой художникъ, усвоившій многое изъ манеры Дау, В. Тропининъ, трудившійся въ Москвѣ, старавшійся походить то на Рембрандта, то на Грёза, и нерѣдко приближавшійся къ нимъ, и А. Венеціановъ, не щеголявшій эффектами и сѣроватый въ колоритѣ, но отличный знатокъ перспективы и свѣтотѣни, уважавшійся сверхъ того за точность передачи природы и за добросовѣстную законченность письма, перенятую имъ отъ его учителя, Боровиковскаго. Возвращеніе К. Брюллова на родину затмило извѣстность этихъ художниковъ. Еще живя въ Италіи, его «Помпеи» выказалъ себя великолѣпнымъ портретистомъ, поселившись же въ Петербургѣ, еще болѣе прославился въ качествѣ такового. Между портретами, вышедшими изъ-подъ кисти Брюллова, есть много неоконченныхъ или исполненныхъ небрежно, но вообще можно сказать, что въ нихъ его талантъ проявлялся ярче и сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ родахъ живописи: изображаемые персонажи не только отражались у него на полотнѣ, какъ въ зеркалѣ, со всѣми своими внѣшними чертами, но и получали болѣе интенсивную жизнь, благодаря способности художника глубоко вникать въ ихъ нравственный характеръ и находить для каждаго лица наиболѣе подходящія позу, обстановку, освѣщеніе. Мастерская техника усиливала поразительность этихъ портретовъ. Было весьма естественно, что молодое поколѣніе художниковъ пустилось въ своихъ портретныхъ работахъ подражать Брюллову; но и тутъ, также какъ въ исторической живописи, онъ не породилъ мало-мальски достойныхъ себя подражателей, за исключеніемъ одного лишь блеснувшаго на минуту А. Тыранова. По смерти Брюллова, пальму первенства въ портретѣ раздѣляли между собою два художника, развившіеся почти совсѣмъ въ сторонѣ отъ его вліянія: С. Зарянко, нежданно превратившійся изъ перспективнаго живописца въ портретиста и приводившій публику въ восторгъ удивительно рельефною лѣпкою головъ и натуральнымъ, до оптической обманчивости, воспроизведеніемъ аксессуаровъ, и И. Макаровъ, любимый живописецъ дамъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, которыя, подъ его изящною, плавною, но несильною въ колоритномъ отношеніи кистью превращались въ очаровательныя созданія. Въ 1860—70 гг. этихъ художниковъ смѣнили новые таланты, внесшіе въ портретную живопись еще большее разнообразіе. При этомъ рѣдко кто изъ нихъ занимался ею исключительно, тогда какъ почти не было жанриста или историческаго живописца, который не производилъ-бы портретовъ. Ограничиваясь указаніемъ на особенно отличившихся по этой части, назовемъ И. Келлера, В. Перова, И. Крамского, К. и В. Маковскихъ, А. Литовченка, А. Харламова и Н. Ярошенка. Вообще въ нашей портретной живописи за послѣднее время наблюдались два главныхъ направленія: одно, виднымъ представителемъ котораго былъ И. Крамской, состояло въ точной, ничѣмъ неприкрашенной характеристикѣ лицъ не только съ внѣшней, но и съ внутренней, духовной стороны; другое, выражающееся особенно въ произведеніяхъ К. Маковскаго и Харламова, стремилось прежде всего къ пріятности красокъ, къ эффектности освѣщенія, къ картинности въ постановкѣ натуры и въ подборѣ аксессуаровъ. Вполнѣ слить оба направленія воедино не удалось никому изъ упомянутыхъ выше художниковъ. Не удается это и нынѣ трудящимся портретистамъ, въ ряду которыхъ самыми талантливыми надо признать И. Рѣпина и В. Сѣрова.

Жанръ, въ наши дни столь усердно воздѣлываемый повсюду, считался въ былыя времена второстепенною, побочною отраслью живописи. Особенно въ нашемъ искусствѣ, долго служившемъ для услады лишь высшаго общества и подчинявшемся академической рутинѣ, изображеніе повседневной жизни и народнаго быта считалось дѣломъ неважнымъ—забавой, которою художникамъ позволительно развлекаться въ видѣ отдыха отъ другихъ, болѣе серьезныхъ трудовъ. Жанровыя картины въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго выходили по большей части изъ-подъ кисти историческихъ живописцевъ, которые, исполняя ихъ, не могли отрѣшиться отъ условности и подражательности, усвоенныхъ ими еще на школьной скамьѣ. Жизнь простыхъ смертныхъ, съ ея типами, нравами, обычаями, воспроизводилась лишь съ малыми отступленіями отъ правилъ, узаконенныхъ для такъ назыв. высокихъ, благороднымъ сюжетовъ. Хотя академія не разъ задавала своимъ ученикамъ, для конкурса на медали, программы въ родѣ «посидѣлокъ», «сѣнокоса въ деревнѣ» и «пастуховъ со стадомъ», хотя зрѣлые художники, каковы напр. И. Танковъ, Ѳ. Яненко, И. Акимовъ, брались изображать праздники въ провинціальныхъ городахъ, путешественниковъ, застигнутыхъ бурею, проводы ратниковъ на войну и т. п., однако, картины на подобныя темы представляли не живыя лица и сцены, а манекены, сгруппированные согласно академическимъ правиламъ композиціи, поставленные въ принужденныя позы, съ надлежащимъ образомъ придуманными жестами, съ условно-схематическимъ выраженіемъ на лицахъ, съ костюмами и околичностями, свидѣтельствующими о слабо развитой наблюдательности исполнителей этихъ картинъ или объ ихъ стараніи облагородить дѣйствительность. Подъ названіемъ русскихъ простолю-

Библиотека "Руниверс"

диновъ выводились на сцену актеры, привыкшіе играть роли то античныхъ героевъ, то французскихъ пейзановъ. Очень мало дѣйствительно русскаго было также въ картинахъ и рисункихъ на сюжеты изъ нашего народнаго быта, доставившихъ извѣстность поляку А. Орловскому, въ 1810—30 гг. Родоначальникомъ національныхъ нашихъ жанристовъ надо признать А. Венеціанова. Онъ жилъ среди простого народа, отлично зналъ и любилъ его; благодаря же артистическому образованію, полученному имъ не подъ академическою ферулою, между его врожденною наблюдательностью и природою не стояло никакихъ ширмъ, которыя мѣшали-бы ему видѣть дѣйствительность правильно и воспроизводить ее всецѣло, не съ прибавками или убавками, общепринятыми въ тогдашней живописи. Однако, онъ не тотчасъ же увлекъ на свой путь другихъ художниковъ какъ потому, что почва для народнаго жанра была еще недостаточно подготовлена, такъ и потому, что въ своихъ работахъ онъ не шелъ дальше добросовѣстной передачи случайно попадавшихся типовъ и сочиненія нехитрыхъ идиллическихъ сценъ. Послѣ картинокъ Венеціанова, съ этикетомъ жанровъ стали являться у насъ, подъ вліяніемъ Брюллова, изображенія итальянскаго и восточнаго быта, или же хотя и русскія по сюжету, но задуманныя съ цѣлью щегольнуть эффектностью, подчасъ и поласкать чувственность зрителя, а не съ тѣмъ, чтобы выставить въ вѣрномъ свѣтѣ ту или другую сторону народной жизни (фигуры разныхъ итальянокъ М. Скотти и Н. Тихобразова, «Турчанка въ банѣ» С. Деладвеза, «Крестьянка, ставящая свѣчу передъ образомъ» Г. Михайлова, «Поцѣлуй» Ѳ. Моллера и т. д.). Между тѣмъ, въ русскомъ обществѣ уже зрѣли національныя идеи и возникали стремленія, охватившія его въ началѣ царствованія Александра II и нашедшія себѣ осуществленіе въ великихъ реформахъ этой эпохи. Литература, какъ вѣрное зеркало общественнаго настроенія, уже отражала въ себѣ эти идеи и стремленія, тогда какъ изобразительныя искусства еще оставались равнодушными къ нимъ. Первый изъ художниковъ, кто откликнулся на общественные вопросы, затрогиваемые литературою, былъ П. Федотовъ—скорѣе диллетантъ, чѣмъ настоящій живописецъ, произведшій лишь нѣсколько картинъ, но явившійся въ нихъ, равно какъ и въ своихъ рисункахъ, тонкимъ наблюдателемъ и остроумнымъ сатирикомъ, рельефно выставляющимъ на видъ грустныя или смѣшныя черты современной отечественной жизни. Однако путь, открытый для жанристовъ Федотовымъ, нѣкоторое время оставался пустымъ—до тѣхъ поръ, пока Р., отрезвленная неудачею крымской кампаніи, не пробудилась отъ самодовольнаго усыпленія и, подъ скипетромъ царя-Освободителя, не двинулась къ всестороннему прогрессу. Лишь только въ русскомъ обществѣ оживилось національное чувство, проснулось сознаніе собственныхъ достоинствъ и недостатковъ, закипѣла работа надъ обновленіемъ жизненнаго строя и все это стало выражаться въ литературѣ, получившей нѣкоторую свободу, живопись, уже подготовленная къ тому Федотовымъ, пустилась звучно вторить голосу общественнаго мнѣнія и печати. Поднимали-ли они вопросы о положеніи крестьянъ и меньшихъ братій, о несостоятельности прежнихъ административныхъ порядковъ, о сословныхъ порокахъ, объ искорененіи въ народѣ пьянства, о необходимости широкаго распространенія въ немъ грамотности и т. п.,—на все это немедленно откликивалась кисть нашихъ живописцевъ, то ограничиваясь прямою иллюстраціею литературныхъ произведеній, то изобрѣтая свои сюжеты подъ вліяніемъ навѣянныхъ ими мыслей и впечатлѣній. Такимъ образомъ, русскій жанръ принялъ публицистическій характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предался полному реализму, безъ котораго его цѣль—обличеніе и исправленіе соціальныхъ недостатковъ—была бы недостижима. Увлекаясь этою цѣлью, большинство новѣйшихъ жанристовъ пренебрегало изображеніемъ отрадныхъ явленій, которыя, при всей непригляднности народной русской жизни, все-таки нерѣдки въ ней. Стараніе дѣйствовать больше на умъ, чѣмъ на чувство зрителя, слишкомъ прямая проповѣдь морали въ ущербъ художественному впечатлѣнію, тенденціозность, пересоленный сарказмъ или юморъ, составляютъ недостатки, общіе многочисленнымъ художникамъ, трудившимся въ указанномъ направленіи. Поощряемые интересомъ, съ которымъ публика встрѣчала ихъ произведенія, они продолжали идти по тому же пути и тогда, когда вопросы, волновавшіе общество въ періодъ государственныхъ реформъ, утратили прежнее значеніе. Обличительный и тенденціозный характеръ бытовая живопись особенно упорно сохраняла въ группѣ артистовъ, образовавшихъ въ 1872 г. товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ или примкнувшихъ къ нему впослѣдствіи. Наиболѣе выдающіеся жанристы этой группы — бар. М. П. Клодтъ, Г. Мясоѣдовъ, К. Савицкій, И. Прянишниковъ, Н. Неврев, В. Максимовъ, В. Маковскій, И. Рѣпинъ, И. Ярошенко и высокодаровитый В. Перовъ. Изъ бытовыхъ живописцевъ, непринадлежавшихъ къ названному товариществу, заслуживаютъ быть упомянутыми И. Соколовъ, К. Трутовскій, В. Якобій, Ф. Журавлевъ, А. Корзухинъ и А. Волковъ. Въ послѣднее время, «идейныя» жанровыя картины стали все рѣже и рѣже являться на выставки; да и вообще бытовая живопись перестала быть отраслью, усердно воздѣлываемою въ нашемъ искусствѣ; ее вытѣснилъ изъ него пейзажъ.

Баталическій родъ живописи, близко соприкасающійся теперь съ жанромъ, въ прежнее время стоялъ отдѣльно отъ него. Подходя съ одной стороны къ пейзажу, а съ другой къ исторической живописи, онъ подчинялся тѣмъ же условіямъ, какъ и они. Въ картинахъ этого рода, мѣсто дѣйствія, воздухъ и освѣщеніе изображались съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ красоты линій и распредѣленія свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ, какія были установлены тогда для ландшафтовъ; отъ фигуръ выведенныхъ на сцену людей и животныхъ требовались академическая

Библиотека "Руниверс"

строгость рисунка и условное благородство экспрессіи и движенія. Индивидуальность человѣка, личность отдѣльнаго солдата, стушевывалась въ общей массѣ фигуръ, а если и выступала наружу, то принимала дѣланное, принужденное выраженіе. Такъ изображались сраженія и другія военныя сцены въ картинахъ живописцевъ конца прошлаго столѣтія, между которыми первенствовали М. Ивановъ и Сем. Щедринъ, болѣе извѣстные, однако, въ качествѣ пейзажистовъ. При Александрѣ I, русская школа была очень бѣдна баталистами, и только одинъ изъ нихъ, В. Мошковъ, могъ соперничать съ эльзасцемъ Ж.-Ф. Свебахомъ-де-Фонтеномъ, парижаниномъ О. Дезарнò и вышеупомянутымъ польскимъ художникомъ А. Орловскимъ, которымъ доставалось большинство заказовъ по воспроизведенію военнаго быта. Дезарнò и Орловскій продолжали работать и въ первые годы царствованія Николая I. Этотъ государь особенно любилъ и поощрялъ батальную живопись, вслѣдствіе чего она привлекала къ себѣ при немъ очень многихъ художниковъ, въ ряду которыхъ главными были А. Зауервейдъ, К. Пиратскій и Б. Виллевальдъ. Характеръ изображеній военной жизни оставался вообще такимъ же, какъ и прежде, самымъ же необходимымъ въ нихъ считалось точное воспроизведеніе формъ одежды, аммуниціи и всяческихъ отличій полковъ и родовъ оружія. Но наступили другія времена; вмѣстѣ съ духомъ военнаго сословія существенно измѣнился взглядъ на его призваніе, и баталическая живопись получила иное, болѣе жизненное направленіе: подъ солдатскимъ мундиромъ художники стали видѣть прежде всего человѣка, на солдатскій бытъ смотрѣть какъ на бытъ прочихъ смертныхъ, и военныя событія воспроизводить такъ, какъ они происходятъ въ дѣйствительности, безъ скрытія ея печальныхъ подробностей, безъ прибавки къ ней вымышленныхъ эпизодовъ геройства, — словомъ, стали относиться къ баталическимъ сюжетамъ, какъ къ жанровымъ. Представителями этого направленія явились В. Тиммъ, К. Филипповъ, А. Коцебу, Н. Сверчковъ, А. Шарлемань и нѣк. др. Въ томъ же духѣ трудились выступившіе позже нихъ баталисты П. Грузинскій, О. Ковалевскій, Н. Дмитріевъ-Оренбургскій и А. Кившенко. Особнякомъ отъ этихъ послѣднихъ долженъ быть упомянутъ В. В. Верещагинъ, какъ не простой иллюстраторъ военной исторіи, а оригинальный художникъ, своими отдѣльными баталическими картинами и цѣлыми ихъ серіями краснорѣчиво протестующій противъ войны и проповѣдующій идею мира.

Пейзажная живопись, входя въ программу нашей академіи художествъ съ самаго ея учрежденія, долго не шла въ ея школѣ дальше болѣе или менѣе искуснаго подражанія иностраннымъ образцамъ. Русскіе ландшафтисты XVIII стол. подчинялись въ своей дѣятельности тѣмъ же принципамъ, которые въ Западной Европѣ имѣли тогда силу закона для ихъ художественной отрасли благодаря эстетическому ученію Лэреса и произведеніямъ знаменитыхъ Пуссена и К. Лоррена. И они, подобно пейзажистамъ Франціи, Германіи и др. странъ, считали недостойнымъ истиннаго художника изображать природу такою, какова она есть, но стремились облагораживать ее въ своихъ картинахъ и для того устранять въ нихъ всѣ ея случайности и несовершенства, видоизмѣнять ея формы и краски и оживлять ее фигурами, могущими, по тогдашнимъ понятіямъ, возвысить ея красоту и смыслъ. Рядъ пейзажистовъ русской школы открывается Сем. Щедринымъ, выпущеннымъ изъ академіи вскорѣ послѣ ея открытія, довершившимъ свое образованіе въ Парижѣ, подъ руководствомъ Казановы, а затѣмъ работавшимъ нѣкоторое время въ Римѣ. Онъ пользовался благоволеніемъ имп. Павла I, по порученію котораго написалъ цѣлую серію видовъ Гатчины и другихъ загородныхъ дворцовъ и парковъ. Для размноженія этихъ видовъ посредствомъ гравюры, былъ устроенъ при академіи особый классъ, ввѣренный надзору Щедрина. Послѣдовательно проходя должности преподавателя, профессора, адъюнкт-ректора и, наконецъ, директора академіи, этотъ художникъ образовалъ многихъ пейзажистовъ, въ томъ числѣ В. Причетникова, В. Петрова, Я. Филимонова, А. Мартынова и С. Галактіонова — людей болѣе или менѣе даровитыхъ, но которымъ духъ времени не позволилъ освободиться отъ подражательности. Почти одновременно съ Щедринымъ, дѣятелемъ на поприщѣ пейзажа выступилъ М. Ивановъ, о которомъ мы уже упомянули, говоря о баталистахъ. Ученикъ академіи, онъ совершенствовался въ Парижѣ у Лепренса и въ Римѣ у Гаккерта, ѣздилъ, кромѣ Франціи и Италіи, въ Грузію и Арменію, находился при Потемкинѣ въ его крымскихъ походахъ и произвелъ множество видовъ (преимущественно акварелью и карандашемъ) посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Гаккерту былъ обязанъ своимъ окончательнымъ развитіемъ и третій значительный русскій пейзажистъ, славившійся въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—Ѳ. Матвѣевъ, проведшій большую часть своей жизни въ Италіи и въ изображеніяхъ этой страны соединявшій стиль названнаго художника съ манерою Ж. Верне. Но никто изъ нашихъ пейзажистовъ этого времени не пользовался извѣстностью столь заслуженно, какъ Ѳ. Алексѣевъ, спеціальность котораго составляли перспективные виды городовъ, но который былъ искусенъ и въ прочихъ ландшафтныхъ сюжетахъ. Современники называли его русскимъ Канелеттомъ. Дѣйствительно, въ своихъ многочисленныхъ видахъ Петербурга, Москвы, Тавриды и др. мѣстностей, Алексѣевъ приближался къ знаменитому венеціанцу въ отношеніи передачи эффектовъ освѣщенія, глубины воздуха, теплоты и блеска красокъ, точности рисунка и мастерского пріема кисти. Изъ пейзажистовъ слѣдовавшаго затѣмъ поколѣнія особенно выдаются М. Воробьевъ и Сильв. Щедринъ. Первый былъ прямой продолжатель направленія своего наставника, Алексѣева, подобно ему въ совершенствѣ зналъ перспективу и писалъ преимущественно картины, въ которыхъ можно было выказать это знаніе. Многочисленные его пейзажи, отзывающіеся вліяніемъ К. Лоррена и

Библиотека "Руниверс"

Ж. Вернѣ, изображаютъ мѣста, посѣщенныя имъ при двукратной поѣздкѣ его въ Европ. Турцію и Палестину, а также виды Москвы, Петербурга и его окрестностей. Особенно уважались его пейзажи, передающіе полусвѣтъ бѣлыхъ ночей петербургской весны или борьбу лунныхъ лучей съ огненнымъ освѣщеніемъ. Умъ, познанія и сердечное отношеніе Воробьева къ молодымъ художникамъ привлекали къ нему этихъ послѣднихъ и сдѣлали его главою школы, изъ которой вышли почти всѣ петербургскіе пейзажисты недавняго времени. Сильв. Шедринъ, ученикъ сперва своего дяди, Сем. Щедрина, а потомъ М. Иванова, вначалѣ обратилъ на себя вниманіе любителей искусства видами Петербурга, еще не чуждыми манерности, но, очутившись въ Италіи, измѣнилъ свое направленіе, сталъ отдѣлываться отъ всякихъ условностей и воспроизводить вполнѣ правдиво красивые пункты Рима и береговъ Неаполитанскаго залива; кисть его получила свободу и сочность, краски блескъ и естественность. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ-бы важное вліяніе на развитіе у насъ пейзажа, какъ проводникъ въ него реализма, если-бы трудился на родинѣ, а не въ Италіи, и не сошелъ бы слишкомъ рано въ могилу. Подъ руководствомъ М. Иванова образовался въ академіи еще одинъ пейзажистъ, имя котораго сохранится въ исторіи русскаго искусства, а именно К. Рабусъ—художникъ, не обладавшій особенно яркимъ талантомъ, но очень образованный, много путешествовавшій, добрый и участливый къ юношеству. Онъ былъ для Москвы тѣмъ же, чѣмъ Воробьевъ для Петербурга,—отличнымъ учителемъ, которому обязаны своимъ образованіемъ рѣшительно всѣ пейзажисты, выпущенные до 1857 г. моск. училищемъ живописи и ваянія. Въ 1830-хъ гг. выступаютъ на сцену ландшафтисты школы Воробьева: высокодаровитый М. Лебедевъ, подававшій надежду превратиться въ первокласснаго мастера, но умершій во цвѣтѣ лѣтъ; трудолюбивые братья Г. и Н. Чернецовы, С. Воробьевъ-сынъ, М. Эльсонъ, Л. Фрикке, Дороговъ, А. Жаметъ, художникъ-любитель гр. А. Мордвиновъ и др. Около того же времени началъ свою карьеру И. Айвазовскій, въ лицѣ котораго русское искусство уже болѣе 50 лѣтъ владѣетъ достойнымъ соперникомъ лучшихъ маринистовъ въ цѣлой Европѣ. Въ произведеніяхъ названныхъ художниковъ, пейзажъ мало-по-малу освобождался отъ условностей и рутины, но еще былъ далекъ отъ того цвѣтущаго состоянія, котораго онъ достигъ на нашихъ глазахъ, благодаря общему оживленію русскаго искусства по вступленіи на престолъ Александра II. Молодые пейзажисты, только-что окончившіе тогда курсъ академіи и совершенствовавшіеся въ чужихъ краяхъ, съ одной стороны болѣе сильно, чѣмъ ихъ предшественники, проникшись убѣжденіемъ, что природа прекрасна во всей своей реальности, что нѣтъ нужды, изображая ее, отступать отъ дѣйствительности для того, чтобы возбуждать художественное чувство въ зрителѣ, съ другой—стали зорче присматриваться и примыкать къ новымъ движеніямъ ландшафтной живописи въ Европѣ. Явилось большое разнообразіе и въ выборѣ сюжетовъ, и въ пріемахъ ихъ обработки. Одни, какъ напр. М. Эрасси и А. Мещерскій, писали красивые горные виды во вкусѣ женевца Калама; другіе, какъ напр. Э. Дюкеръ и А. Боголюбовъ, усвоили себѣ взглядъ на натуру и технику дюссельдорфца А. Ахенбаха; третьи, какъ напр. Л. Лагоріо, образовались изученіемъ лучшихъ франц. и др. мастеровъ. Но большинство нашихъ молодыхъ пейзажистовъ стало стремиться къ самостоятельности, работаетъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ природы, прінскиваетъ собственные пріемы для ея воспроизведенія и беретъ для своего творчества предпочтительно отечественные сюжеты. Выдающіеся представители этого большинства: И. Шишкинъ, сдѣлавшійся единственнымъ въ своемъ родѣ живописцемъ русскихъ лѣсовъ, удивительный рисовальщикъ, которому, однако, лишь рѣдко удавалось отдѣлаться отъ тяжеловатости и тусклости колорита; бар. М. К. Клодтъ, въ своихъ деревенскихъ видахъ искавшій дѣйствовать на зрителя больше всего силою красокъ и вѣрностью ихъ градаціи на разныхъ планахъ при томъ или другомъ освѣщеніи; В. Орловскій, плодовитый изобразитель суши и моря, полей и дубравъ, очень искусный въ техникѣ, но довольно равнодушный къ поэзіи природы; Ю. Клеверъ, любитель то яркихъ эффектовъ зимняго солнца въ минуты его восхода или заката, то сѣраго сумрака ненастныхъ дней сѣверной осени. Кромѣ этихъ художниковъ, въ 1860—80-хъ гг., по части пейзажа трудились съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ: чрезвычайно даровитый, но слишкомъ рано умершій Ѳ. Васильевъ, А. Куинджи, маринисты А. Беггровъ и Р. Судковскій, С. Аммосовъ, Л. Каменевъ, А. Саврасовъ, А. Киселевъ и мн. др. Публика встрѣчала ихъ произведенія съ живымъ интересомъ, что подстрекало ихъ младшихъ собратій къ соревнованію съ ними и было причиною того, что пейзажная живопись сдѣлалась самою распространенною, наиболѣе воздѣлываемою отраслью въ русскомъ искусствѣ. Въ ряду современныхъ намъ пейзажистовъ болѣе другихъ получили извѣстность Е. Волковъ, Н. Дубовской, І. Крачковскій, К. Крыжицкій, А. Бенуа (акварелистъ), недавно умершій И. Видогуровъ и И. Левитанъ. Замѣтимъ въ заключеніе, что возникновеніе на Западѣ Европы импрессіонизма и декадентства не прошло безслѣдно для русскаго искусства, и что въ послѣднее время нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ пейзажистовъ, въ погонѣ за новизною, видимо увлекаются этими направленіями.

Гравированіе завелось на Руси одновременно съ книгопечатаніемъ, во второй половинѣ XVI ст., притомъ сначала какъ рѣзьба деревянныхъ эстампныхъ досокъ (ксилографія). Оно служило дополненіемъ къ типографскому дѣлу, производя картинки для помѣщенія въ богослужебныхъ и душеспасительныхъ книгахъ. Отдѣльные ксилографически-гравированные листы, назначенные для обращенія въ народѣ, появились гораздо позже, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII ст. Старинныхъ

Библиотека "Руниверс"

русскихъ ксилографовъ можно раздѣлить на двѣ школы, представляющія значительныя отличія одна сть другой. Граверы, работавшіе для юго-западныхъ типографій (кіевской, львовской, черниговской, новгородъ-сѣверской), почти вполнѣ подчинялись западно-европейскому вліянію, цѣликомъ копировали нѣмецкіе оригиналы и повторяли работы другъ друга. Московскіе ксилографы выказали больше самостоятельности; въ крупныхъ изображеніяхъ они держались преимущественно русско-византійскаго рисовальнаго пошиба, въ мелкихъ же картинкахъ, заставкахъ и другихъ книжныхъ украшеніяхъ подражали западнымъ образцамъ на ряду съ граверами юго-западныхъ типографій. Какъ въ той, такъ и другой школѣ гравюры нерѣдко исполнялись самими типографами. Въ художественномъ отношеніи работы обѣихъ школъ очень плохи: ни юго-западныя типографіи, ни московская, во все продолженіе своего существованія, не внесли ни малѣйшихъ улучшеній въ гравированіе на деревѣ, не выставили ни одного искуснаго въ немъ мастера, не выпустили ни одного дѣйствительно художественнаго произведенія, и въ XVIII стол. низвели русскую ксилографію на степень фабричнаго ремесла. Другой родъ гравированія, рѣзьба и вытравленіе рисунковъ на металлѣ (серебрѣ и мѣди), существовалъ у насъ, насколько извѣстно, еще въ XIV в., но сперва служилъ не для размноженія изображеній посредствомъ печатанія, а для украшенія переплетовъ евангелій, окладовъ иконъ и различныхъ предметовъ какъ церковной, такъ и домашней утвари, съ заполненіемъ выгравированнаго чернетью, или безъ употребленія этой послѣдней. Образцы гравированія на мѣдныхъ доскахъ собственно для эстамповъ появляются только въ половинѣ XVII стол. Первыми мастерами этого искусства въ Москвѣ были знаменщики и рисовальщики Серебряной палаты (составлявшей отдѣленіе Оружейной), главную обязанность которыхъ составляло вырѣзываніе «травъ», орнаментовъ и надписей на государевой посудѣ. Изъ нихъ, впереди прочихъ долженъ быть поставленъ знаменитый царскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ, награвировавшій крѣпкою водкою, между прочимъ, «Троицу» и «Семь смертныхъ грѣховъ» (1663). За нимъ слѣдуютъ уже спеціальные граверы: Л. Бунинъ (сюита «Страстей Христовыхъ», съ голландскаго оригинала, цѣлый Букварь 1693 г. и множество листовъ для Синодика 1702 г.), А. Трухменскій и его ученикъ, В. Андреевъ. У кого именно учились эти граверы—неизвѣстно, но можно съ увѣренностью сказать, что они переняли свое дѣло отъ кого-нибудь изъ иностранныхъ художниковъ, которые постоянно призывались на службу при Оружейной палатѣ. Кромѣ Москвы, граверы на мѣди имѣлись въ это время въ Кіевѣ и Черниговѣ. Ихъ работы, сравнительно съ произведеніями московскихъ серебрениковъ, были смѣлѣе и художественнѣе по исполненію, но менѣе оригинальны, представляя почти рабское подражаніе иностраннымъ образцамъ и техническимъ пріемамъ. Лучшій изъ этихъ юго-западныхъ мастеровъ, Л. Тарасевичъ, ученикъ братьевъ Киліановъ въ Аугсбургѣ, извѣстенъ въ особенности своими картинками къ печерскому Патерику, изданному въ Кіевѣ, въ 1702 г., и награвированнымъ въ Москвѣ, по порученію Шакловитаго, портретомъ царевны Софіи Алексѣевны, экземпляры котораго, по приказанію Петра Великаго, разыскивались и уничтожались до такой степени усердно, что ни одного изъ нихъ не дошло до насъ. Когда Петръ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ Р., гравированіе находилось въ Москвѣ въ совершенномъ упадкѣ. Между тѣмъ государь, гордясь своими побѣдами, устраивая по ихъ случаю пышныя торжества и любя всякаго рода праздники, желалъ видѣть свои подвиги и забавы воспроизводимыми въ эстампахъ, дабы знали о нихъ современники и потомство; сверхъ того, граверы были нужны ему для изданія географическихъ картъ, инженерныхъ плановъ, техническихъ чертежей и т. п. Поэтому были приглашены въ Москву голландскіе мастера А. Схонебекъ (въ 1698 г.) и П. Пикартъ (въ 1702 г.). Первый до самой своей смерти состоялъ при Оружейной палатѣ; второй, въ 1714 г., былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ до 1727 г. работалъ при государственной типографіи. Эти художники произвели массу листовъ, изображающихъ портреты, аллегоріи, виды Москвы и Петербурга, придворныя увеселенія и пр. Подъ ихъ руководствомъ образовалось нѣсколько русскихъ граверовъ, изъ которыхъ наиболѣе искусными должно признать А. и И. Зубовыхъ и А. Ростовцева. Кромѣ Схонебека и Пикарта, при Петрѣ Великомъ работали въ Р., но недолго, голландскіе же граверы І. Бликландтъ и Г. де-Виттъ. Вызовъ чужеземныхъ мастеровъ продолжался и по кончинѣ Петра. Такъ, въ 1726 г. былъ приглашенъ изъ Амстердама въ Петербургъ, для гравированія чертежей къ Комментаріямъ новоучрежденной академіи наукъ, Отт. Эллигеръ, не успѣвшій, однако, оказать какого-либо вліянія на образованіе русскихъ граверовъ, а затѣмъ, при Петрѣ II, хорошій нѣмецкій мастеръ Х.-А. Вортманъ, который, будучи поддерживаемъ директоромъ «грыдыровальнаго» департамента академіи наукъ, профессоромъ аллегоріи Штелиномъ, положилъ основаніе школѣ граверовъ, процвѣтавшей почти тридцать лѣтъ и произведшей огромное количество портретовъ, видовъ, книжныхъ иллюстрацій и цѣлыхъ серій эстамповъ. Лучшіе граверы, вышедшіе изъ этой школы,—И. Соколовъ, который, по увольненіи Вортмана въ отставку (въ 1747 г.), занялъ вмѣсто него должность главнаго мастера при департаментѣ, А. Грековъ, Г. Качаловъ, Е. Виноградовъ и трудолюбивый исполнитель огромныхъ перспективныхъ видовъ М. Махаевъ—выказали себя граверами, могущими выдержать сравненіе съ опытнѣйшими иностранными мастерами того времени. Еще болѣе успѣшно пошло дѣло послѣ того, какъ въ руководители граверовъ департамента, на мѣсто умершаго Соколова, былъ приглашенъ (въ 1757 г.) знаменитый берлинскій художникъ Г.-Ф. Шмидтъ, который вскорѣ послѣ того взялся быть пре-

Библиотека "Руниверс"

подавателемъ и въ новоучрежденной академіи художествъ. Проведя въ Петербургѣ всего пять лѣтъ, онъ, тѣмъ не менѣе, оказалъ огромное вліяніе на улучшеніе русскаго гравированія. Поступившіе подъ его наблюденіе бывшіе ученики и сотрудники Соколова, Грековъ и Виноградовъ, а еще болѣе его собственные ученики, Н. Колпаковъ, Д. Герасимовъ и Я. Васильевъ, въ значительной степени усвоили себѣ пріемы его блестящаго, свободнаго рѣзца и произвели нѣсколько отличныхъ портретовъ и др. эстамповъ, донынѣ цѣнимыхъ любителями искусства. Но самый талантливый изъ учениковъ Шмидта былъ Е. Чемесовъ, умершій всего 28-ми лѣтъ отъ роду, но своими немногими произведеніями (портреты Гр. Орлова, съ гр. деРотари, Елизаветы Петровны въ черной мантильѣ, съ него же, фельдмаршала Миниха и пр.), исполненными съ рѣдкимъ вкусомъ и ловкостью рѣзца и превосходящими въ отношеніи рисунка Шмидтовскія работы, заслужившій право считаться лучшимъ русскимъ граверомъ XVIII стол. По отъѣздѣ Шмидта обратно въ Берлинъ, Чемесовъ раздѣлялъ, вмѣстѣ съ вѣнскимъ художникомъ Тейхеромъ, завѣдываніе гравировальнымъ классомъ въ новой академіи, но вскорѣ вышелъ изъ нея. Преподаваніе въ сказанномъ классѣ было поручено бездарному С. Иванову и французу А. Радигу, мастеру очень искусному, но лѣнивому. Поэтому, академія въ первое время своего существованія принесла очень мало пользы для развитія у насъ гравюры. Царствованіе Екатерины II образовало только двухъ замѣчательныхъ граверовъ: И. Берсенева, совершенствовавшагося потомъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ Бервика и умершаго тамъ въ молодыхъ лѣтахъ (его работы—превосходный портретъ Гр. Орлова, «Магдалина» съ А. ванъ-деръ-Верфа, «Св. Андрей Первозванный», съ Лосенка и др.), и Г. Скородумова, который сначала работалъ рѣзцемъ, но, будучи посланъ для довершенія своего образованія въ Лондонъ, пристрастился тамъ, подъ руководствомъ Бартолоцци, къ гравированію пунктирной манерой, достигъ въ ней большого совершенства (портреты Екатерины II en-face, съ Рокотова, ея же въ профиль, съ Шубина, вел. кн. Александра и Константина Павловичей, Михельсона, гр. Румянцева и мн. др.). Въ 1787—1801 гг. работалъ въ Петербургѣ отличный англ. граверъ черной манерой Дж. Уокеръ, но у него не было русскихъ учениковъ, кромѣ И. Селиванова, исполнившаго всего 4 портрета. Въ 1796 г. должность проф. академіи художествъ занялъ извѣстный въ то время граверъ И.-С. Клауберъ, приглашенный изъ Аугсбурга. Уступая въ талантѣ Шмидту, но трудолюбивый и добросовѣстный, онъ тотчасъ же поднялъ русское гравированіе на такую высоту, на которой оно никогда не стояло. Вокругъ него собралась толпа учениковъ, къ чему до нѣкоторой степени способствовало учрежденіе, по волѣ имп. Павла I, особаго гравировальнаго ландшафтнаго класса, просуществовавшаго, впрочемъ, недолго. Благодаря Клауберу, въ началѣ нынѣшняго столѣтія явился у насъ рядъ художниковъ, искусно гравировавшихъ одновременно портреты, историческіе сюжеты, ландшафты и виньетки. Изъ нихъ Е. Скотниковъ, П. Масловскій и Н. Плаховъ отличались преимущественно въ портретномъ родѣ; между граверами пейзажей, первое мѣсто принадлежитъ С. Галактіонову (лучшіе эстампы—«Болото», съ Я. Рюисдаля, и «Павелъ и Виргинія», съ Ж. Верне), а за нимъ заслуживаютъ быть упомянутыми А. Ухтомскій, И. Телѣгинъ и братья К. и И. Чесскіе. Галактіоновъ, Скотниковъ, И. Чесскій и М. Ивановъ гравировали весьма милыя иллюстраціи для разныхъ изданій (между прочимъ, для басней Крылова изд. 1817 и 1825 г.). Но главная заслуга Клаубера состоитъ въ томъ, что онъ приготовилъ, въ лицѣ Уткина, одного изъ первоклассныхъ европейски-знаменитыхъ граверовъ. Этотъ художникъ, окончившій свое образованіе въ Парижѣ, у Бервика, былъ особенно искусенъ въ портретахъ (лучшія его работы въ этомъ родѣ—портреты Н. А. Муравьева, съ Панова, митроп. Михаила Десницкаго, съ П. Соколова, Суворова, съ пастели Шмидта, гр. Уварова, съ Голике, Екатерины II на прогулкѣ въ Царскосельск. паркѣ, съ Боровиковскаго, и нѣк. др.), но оставилъ также нѣсколько замѣчательныхъ гравюръ съ историческихъ картинъ («Іоаннъ Креститель» съ Р. Менгса, «Эней спасаетъ своего отца изъ пылающей Трои», съ Доменикино, «Св. Василій Великій», съ Шебуева, и пр.). Въ продолженіе 35 лѣтъ управляя гравировальнымъ классомъ, Уткинъ образовалъ многихъ учениковъ, изъ которыхъ наиболѣе даровитые—К. Аѳанасьевъ, начавшій впервые гравировать у насъ на стали, А. Олещинскій, перебравшійся потомъ въ Парижъ, Д. Андрузскій (портретъ Петра Великаго, съ предполагаемаго оригинала Матвѣева), А. Пищалкинъ («Мадонна съ безбородымъ Іосифомъ», съ Рафаэля, и «Взятіе Богородицы на небо», съ К. Брюллова) и Ѳ. Іорданъ, извѣстный своимъ пятнадцатилѣтнимъ трудомъ—огромнымъ эстампомъ съ «Преображенія» Рафаэля, произведшій массу портретовъ и друг. гравюръ и до глубокой старости не покидавшій своего опытнаго, но нѣсколько холоднаго и сухого рѣзца. Іорданъ, принявшій отъ Уткина должность преподавателя гравюры въ академическомъ классѣ и занимавшій ее много лѣтъ, образовалъ, однако, только двухъ учениковъ, не лишенныхъ таланта: И. Пожалостина («Несеніе креста», съ А. Карраччи, «Охотники», съ Перова, «Янъ Усмовецъ», съ Угрюмова, портреты К. Брюллова и друг.) и П. Константинова («Несеніе Креста», съ С. дель Пьомбо). Этихъ художниковъ можно назвать послѣднимъ у насъ могиканами классической гравюры на мѣди. Еще Уткину, на склонѣ его жизни, суждено было видѣть начало повсемѣстнаго вымиранія этой художественной отрасли. Первый ударъ нанесла ей литографія, удешевившая популяризацію произведеній искусства. Затѣмъ, гравированіе на деревѣ, воскресшее въ новомъ видѣ и съ новыми техническими пріемами, отняло отъ металлической гравюры ту область, въ которой она находила значительное примѣненіе,

Библиотека "Руниверс"

а именнно иллюстрированіе книгъ и журналовъ. Наконецъ, изобрѣтеніе фотографіи и основанныхъ на ней автоматическихъ способовъ воспроизведенія рисунковъ и натуры сдѣлало для большинства публики ненужными сравнительно-дорогіе оттиски съ металлическихъ досокъ, гравированныхъ отъ руки. Сами граверы, вмѣсто того, чтобы гордиться, какъ прежде, употребленіемъ исключительно рѣзца, развѣ лишь съ предварительною прокладкою штриховъ помощью травленія, стали прибѣгать въ своихъ работахъ ко всяческимъ облегчительнымъ средствамъ — къ рулеткамъ, линевальнымъ машинкамъ, гильошированію, фотогравюрѣ и пр. Упадокъ гравюры замѣтенъ въ нашемъ отечествѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Наши профессіональные граверы или сидятъ безъ дѣла, или снискиваютъ себѣ кусокъ хлѣба чисто-ремесленными работами. Не умеръ одинъ лишь офортъ, какъ способъ гравированія, не требующій долгой спеціальной подготовки, доступный каждому художнику, позволяющій ему передавать свой замыслъ непосредственно, ярко отражающій его индивидуальность и потому заманчивый для живописцевъ. Очень естественно, что многіе изъ этихъ послѣднихъ еще въ старые годы, какъ напр. Боровиковскій, Шебуевъ, Егоровъ, Кипренскій, Варнекъ и Бруни, упражнялись въ офортѣ; но они смотрѣли на него скорѣе какъ на забаву, на отдыхъ отъ главныхъ своихъ трудовъ, чѣмъ на серьезное дѣло. Послѣ нихъ, съ успѣхомъ гравировали крѣпкою водкою извѣстный малороссійскій поэтъ-художникъ Т. Шевченко и рисовальщикъ-дилеттантъ Л. Жемчужниковъ. Живой интересъ къ офорту возбудился въ кругу нашихъ художниковъ лѣтъ 30 тому назадъ, послѣ того, какъ любовь къ нему усилилась и въ Зап. Европѣ. Съ этого времени явился рядъ русскихъ аквафортистовъ, между которыми есть нѣсколько такихъ, которые могутъ соперничать съ современными иностранцами. Къ ихъ числу принадлежатъ Н. Мосоловъ (серія гравюръ съ избранныхъ эрмитажныхъ картинъ Рембрандта и др. мастеровъ), И. Шишкинъ (большое количество превосходныхъ пейзажныхъ эстамповъ, исполненныхъ по собственнымъ этюдамъ художника), И. Крамской (огромный портретъ имп. Александра III), В. Бобровъ (портреты разныхъ лицъ и этюды женскихъ фигуръ), В. Маковскій (альбомъ жанровыхъ сценъ собственной композиціи) и нынѣшній профессоръ академіи художествъ В. Матэ («Голова Спасителя», съ В. Васнецова, «Даная», съ Рембрандта, портреты П. Третьякова, В. В. Верещагина и др.).

Чтобы предложенный выше очеркъ новѣйшихъ движеній въ нашемъ искусствѣ былъ достаточно полонъ, мы должны были-бы остановиться на русской литографіи; но свѣдѣнія о ней уже приведены въ другомъ мѣстѣ настоящаго изданія (т. XVII, стр. 834). Необходимо также сказать нѣсколько словъ о другомъ графическомъ искусствѣ, оттѣснившемъ гравированіе на мѣди отъ многихъ задачъ, принадлежавшихъ ему предъ тѣмъ нераздѣльно — о ксилографіи. Послѣ крайняго упадка гравюры на деревѣ въ XVIII стол., она возродилась у насъ въ 1840-хъ годахъ и, становясь все болѣе и болѣе художественною, получила обширное примѣненіе къ иллюстрированію періодическихъ изданій, произведеній беллетристики и книгъ научнаго содержанія. Главнымъ виновникомъ ея пробужденія отъ летаргіи былъ бар. Л. Майдель, ученикъ Унцельмана въ Берлинѣ, открывшій въ 1837 г. ксилографическую мастерскую въ Дерптѣ, изъ которой было выпущено немалое количество политипажныхъ рисунковъ какъ для нѣмецкихъ, такъ и для русскихъ изданій, и вышелъ, кромѣ другихъ учениковъ самого бар. Майделя и его помощника Шмидта, А. Даугель, старѣйшій изъ наличныхъ петербургскихъ граверовъ на деревѣ. Почти одновременно съ бар. Майделемъ, бар. К. Клодтъ основалъ подобное же заведеніе въ Петербургѣ, существовавшее очень недолго, но тѣмъ не менѣе успѣвшее подготовить нѣсколько искусныхъ ксилографовъ, въ томъ числѣ Бернардскаго, Дерикера и Гогенфельдена. Эти первые русскіе ксилографы, въ свою очередь, образовали рядъ мастеровъ, едва успѣвавшихъ исполнять заказы издателей расплодившихся иллюстрированныхъ журналовъ и книгъ, что было причиною переселенія на берега Невы многихъ мастеровъ изъ Варшавы и чужихъ краевъ. Петербургъ былъ главнымъ центромъ дѣятельности ксилографовъ Россіи; въ остальныхъ городахъ запросъ на ихъ трудъ оставался незначительнымъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока автотипическіе цинковые клише не явились на смѣну политипажныхъ деревятекъ ручной работы. Представителемъ самаго цвѣтущаго состоянія русской ксилографіи, безспорно, долженъ считаться Л. Сѣряковъ, иллюстраціи котораго къ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ, огромный снимокъ съ картины Рембрандта «Арендаторы» и многочисленные мелкіе политипажи принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ одного съ ними рода, явившимся за послѣднее время въ Европѣ. Многое изъ живописной манеры Сѣрякова усвоилъ себѣ его ученикъ В. Матэ, гравирующій на деревѣ едва-ли не лучше, чѣмъ офортомъ.

Какъ мы видѣли, всѣ отрасли искусства, за исключеніемъ гравированія, съ достопамятной эпохи Александра II и въ зависимости отъ великихъ реформъ этого государя, двинулись впередъ по пути къ свободѣ, національности и прогресу. Большинству нашихъ художниковъ опротивѣлъ академическій классицизмъ, съ его условностями и рутиною; они принялись съ любовью за изученіе своей родной старины, своей родной природы, своего народнаго быта, и положили себѣ цѣлью не угожденіе тѣсному кругу богатыхъ и знатныхъ людей, а свое сближеніе со всѣмъ образованнымъ обществомъ. Общество, съ своей стороны, стало относиться къ трудамъ художниковъ съ большимъ интересомъ и само дѣлаться болѣе художественнымъ. Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить увеличивающееся число художественныхъ выставокъ, устраиваемыхъ не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и во многихъ провинціальныхъ городахъ, и возра-

Библиотека "Руниверс"

стающее количество посѣтителей этихъ выставокъ, а также слѣдующее одно за другимъ открытіе рисовальныхъ и художественно-промышленныхъ школъ въ главныхъ пунктахъ Имперіи—заведеній, переполненныхъ учащимися, въ число которыхъ стремятся толпою попасть молодыя дѣвушки и женщины. Все показываетъ, что русское искусство въ наши дни, не смотря на бѣдность его первоклассными талантами и на дѣлаемые имъ порою робкіе и фальшивые шаги, далеко ушло впередъ отъ того блестящаго на видъ, но безличнаго состоянія, въ которомъ оно находилось до второй половины оканчивающагося вѣка.

Литература А. Павлиновъ, «Исторія русской архитектуры» (М., 1894); А. Мартыновъ и И. Снегиревъ, «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» (М., 1851—57); В. Прохоровъ, «Русскія древности» (2 т., СПб., 1871—77); В. Сусловъ, «Матеріалы къ исторіи новгородско-псковской архитектуры» (въ «Трудахъ» I Археол. Съѣзда въ Москвѣ); А. Павлиновъ, «Древности ярославскія и ростовскія» (М., 1892); гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, «Русскія древности въ памятникахъ искусства» (вып. IV и посл.); А. Праховъ, «Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства» (въ «Древностяхъ, издав. моск. археол. общ.», М., 1887); E. Viollet-de-Duc, «L'Art russe» (Пар., 1877; въ переводѣ на русск. яз. Н. Султанова, М., 1879); П. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. академіи художествъ» (СПб., 1864—1866, 3 т.); J. Hasselblatt, «Historischer Ueberblick der Entwickelung der Kaiserlich Russischen Akademie der Künste» (СПб., 1886); Д. Ровинскій, «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII в.» (СПб., 1856); его же, «Русскіе граверы и ихъ произведенія» (М., 1870); его же, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.» (СПб., 1895, 2 т.); Ѳ. Булгаковъ, «Наши художники» (СПб., 1890); статьи и монографіи В. Суслова, А. Павлинова, В. Григоровича, Н. Рамазанова, П. Петрова, В. Стасова, Н. Собко, А. Сомова и др., разсѣянныя въ разныхъ сборникахъ и журналахъ. *А. С—въ.*

В. **Музыка.** Доисторическій и древній періодъ. 1) *Свѣтская музыка.* Нѣтъ сомнѣнія, что вокальная и инструментальная музыка (послѣдняя, вѣроятно, чаще всего какъ сопровожденіе, а затѣмъ уже и какъ замѣна первой) были извѣстны русскимъ славянамъ уже въ глубокой древности. На это указываютъ многочисленныя русскія обрядовыя пѣсни, несомнѣнно ведущія свое начало изъ языческой старины, и свидѣтельства, разсѣянныя въ сказкахъ и другихъ произведеніяхъ народной поэзіи. Въ сказкахъ упоминаются чудесные рога, вызывающіе своими звуками многочисленную рать, гусли-самогуды, заставляющіе плясать лѣса и горы и наводящіе волшебный сонъ, обличительница дудка-жилейка, сдѣланная изъ надмогильнаго тростника или изъ кости злодѣйски-убитыхъ юноши или дѣвушки, и т. д. Въ былинахъ также упоминаются гусли-звончаты, игрой на которыхъ занимаются не только гости богатые въ родѣ Садко, но и богатыри, какъ Добрыня Никитичъ, Чурила Пленковичъ, Соловей Будимировичъ, Ставръ Годиновичъ; говорится и о профессіональныхъ музыкантахъ-инструменталистахъ, гусельникахъ, гусельщикахъ и загусельщикахъ, игрокахъ, гудочникахъ, о мастерахъ-пѣвцахъ, въ родѣ Василья Буслаевича. Эти зачатки вокальной и инструментальной музыки не были самостоятельнымъ пріобрѣтеніемъ нашихъ предковъ, но представляли собой наслѣдіе, вынесенное ими изъ еще болѣе древней, общеславянской или праславянской эпохи. Доказательствомъ этому служитъ тожество извѣстныхъ природныхъ (не заимствованныхъ) музыкальныхъ терминовъ въ славянскихъ языкахъ: глаголъ *пѣть* и разныя производныя образованія отъ его корня (*пѣсня, пѣтель* и т. п.) свойственны всѣмъ или почти всѣмъ отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ. О существованіи у праславянъ инструментальной музыки свидѣтельствуетъ также рядъ общеславянскихъ названій музыкальныхъ инструментовъ: *свирѣль, сопѣлка, пищаль, дуда, труба, гусли, струна, смычекъ* (ср. Будиловичъ, «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ», ч. II, вып. I, Кіевъ, 1882, стр. 150—153). Это наслѣдіе общеславянской эпохи могло, въ древнѣйшемъ періодѣ самостоятельной жизни русскаго племени, и развиваться независимо, и подвергаться разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, напр. со стороны финновъ и тюрковъ. Для надлежащаго освѣщенія этихъ вопросовъ покуда не хватаетъ матеріала. Нѣтъ подготовительныхъ работъ въ видѣ спеціальныхъ изслѣдованій музыки русскихъ инородцевъ, самое собираніе образцовъ которой только еще начинается (С. Рыбаковъ, «Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ», СПб., 1897; его же записи киргизскихъ пѣсенъ и инструментальныхъ мелодій; Мошковъ, «Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ», въ «Извѣстіяхъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ унив.», 1893; его же, «Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ», тамъ же. 1894; библіографія, неполная, въ первомъ изъ цитированныхъ трудовъ); нѣтъ попытокъ изученія русской народной музыки сравнительно съ инородческой; нѣтъ работъ, опредѣляющихъ общія основныя черты славянской музыки, путемъ сравнительнаго изученія музыки отдѣльныхъ славянскихъ народностей; не установлено, наконецъ, какія основныя особенности русской народной музыки восходятъ къ общеславянскому и даже индоевропейскому періодамъ (попытки разрѣшить этотъ вопросъ см. у В. И. Петра, «О мелодическомъ складѣ арійской пѣсни», въ «Русской Музык. Газетѣ» 1897—98 гг., и у покойнаго А. С. Фаминцына. «Древняя индо-китайская гамма въ Азіи и Европѣ», СПб., 1889). Насколько современная русская пѣсня (см. ея музыкальную характеристику въ ст. «Русская пѣсня») сохранила свой древній обликъ, не является ли она въ значительной своей части продуктомъ сравнительно недавняго времени (можетъ быть не старше XVI—XVII в.), вытѣснившимъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

древнюю пѣсню — это вопросы первой важности, на которые историкъ русской музыки не можетъ, пока, дать отвѣта. Между тѣмъ есть основаніе сомнѣваться въ возможности опредѣленія особенностей древней русской музыки по характернымъ чертамъ народной музыки дошедшей до нашихъ дней. Въ цитированной выше книгѣ г. Рыбакова приведены весьма интересные факты, говорящіе о недолговѣчности лирической инородческой пѣсни, легко приходящей въ забвеніе, при сравнительной живучести и прочности пѣсни эпической. То же замѣчается и у насъ: старая лирическая пѣсня забывается молодыми поколѣніями, тогда какъ обрядовая, связанная съ тѣмъ или другимъ обычаемъ или культомъ, и эпическая представляются болѣе устойчивыми и архаичными. Совсѣмъ не выясненъ, далѣе, вопросъ объ отношеніи нашей народной свѣтской пѣсни (въ музыкальномъ отношеніи) къ древнему русскому церковному напѣву, сохранившемуся въ рукописяхъ такъ назыв. «знаменнаго письма». Многое въ мелодическомъ и ритмическомъ строѣ этого напѣва и его гармонической основѣ роднитъ его съ нашей народной пѣсней и какъ-бы указываетъ на общій источникъ творчества, но историческая связь между ними совершенно темна. Немногое, что намъ извѣстно о древней русской свѣтской музыкѣ, имѣетъ, главнымъ образомъ, культурно-историческое значеніе, рисуя внѣшнія общественныя условія, въ которыхъ совершалось развитіе музыкальнаго искусства; самое его содержаніе и форма въ значительной степени ускользаютъ отъ точнаго изслѣдованія. Съ начала нашей исторіи до середины XVII в. профессіональными представителями свѣтскаго музыкальнаго искусства являются у насъ «веселые молодцы, люди вѣжливые, очестливые, веселые ребята скоморохи». Отъ куда явились на Руси эти бродячіе «умѣльцы», часто бывшіе въ одно и то же время и пѣвцами, и музыкантами, и мимами, и танцорами, и клоунами, и авторами-импровизаторами исполняемыхъ произведеній — до сихъ поръ еще не выяснено; самая этимологія слова загадочна. Одно изъ его объясненій указываетъ на византійское происхожденіе скомороховъ, не обошедшееся, конечно, безъ южнославянскаго посредства. Въ Византіи были цѣлыя дружины актеровъ, танцовщиковъ, придворныхъ пѣвчихъ, которые во время торжественной царской трапезы (напр. во время пріема русской княгини Ольги) занимали и потѣшали пирующихъ. Существуетъ даже извѣстіе, что во времена византійскаго императора Константина Багрянороднаго (X в.) придворными музыкантами служили славяне, любовь которыхъ къ музыкѣ отмѣчается греческими лѣтописцами еще въ VI в. Возможно, что и съ Запада рано попадали къ намъ изрѣдка тамошніе скоморохи—жонглеры и шпильманы (послѣднее слово встрѣчается уже въ памятникахъ XIII в.; передѣлкой его является русское *шпынь* = насмѣшникъ, балагуръ, шутъ, слѣпой нищій—пѣвецъ, откуда *шпынять* = насмѣхаться, язвить, бранить). Этимъ, быть можетъ, объясняется сходство скоморошескаго платья съ латинскимъ, т. е. западно-европейскимъ, отмѣчаемое въ XIII в. лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго. Случайныя западныя вліянія едва ли, однако, могли равняться по силѣ болѣе широкимъ и постояннымъ византійскимъ. Древнѣйшій образъ, въ которомъ являются у насъ скоморохи—это «гусельники», играющіе на своихъ «звончатыхъ» или «яровчатыхъ» (т. е. яворовыхъ) гусляхъ, поющіе пѣсни, а иногда и пляшущіе, одѣтые въ особое скоморошье платье и ходящіе по одиночкѣ или цѣлыми толпами-товариществами. Они — желанные гости на свадьбахъ, народныхъ праздникахъ и сборищахъ, пирахъ княжескихъ и частныхъ; ихъ охотно зазываютъ къ себѣ въ домъ любители ихъ искусства, не смотря на поученія и запрещенія духовныхъ пастырей. Древнѣйшее историческое свидѣтельство о гусельной игрѣ на княжескихъ пирахъ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1015 г. Тамъ же (въ житіи Ѳеодосія Печерскаго) находимъ описаніе пира у великаго князя кіевскаго Святополка Ярославича, гдѣ игуменъ Ѳеодосій увидѣлъ многихъ «игрецовъ», «овы гусльми гласы испускающо», «органныя гласы поюще», «инѣмъ замарыныя писки гласящемъ и тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, *яко-же обычай есть предъ княземъ*». Замѣчаніе Ѳеодосія: «будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?» заставляетъ князя прекратить веселіе. Очевидно, что въ XI в. «игра», т. е. музыка и пѣніе, были «обычной» принадлежностью княжескаго двора на Руси, какъ и тогдашняго сербскаго царскаго двора. На старинной фрескѣ Софійскаго кіевскаго собора, относимой къ XI-му в., есть изображенія такихъ «игрецовъ» на флейтѣ, на длинныхъ трубахъ, на струнныхъ инструментахъ, въ родѣ арфы и гитары, и на тарелкахъ, при чемъ флейтистъ и тарелочникъ изображены въ то же время и пляшущими. Есть въ лѣтописи и данныя о существованіи военной музыки: во время похода Святослава въ Болгарію «пойде полкъ по полцѣ бьюще въ бубны, и въ трубы, и въ сопѣли»; въ «Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ» разсказывается, что передъ началомъ битвы «начаша гласы трубные отъ обоихъ странъ сниматися». Повидимому, количество музыкальныхъ инструментовъ находилось въ извѣстномъ отношеніи къ численности войска. Такъ, въ лѣтописи количество войска у князя Юрія Владиміровича опредѣляется числомъ знаменъ (30), трубъ и бубновъ (140). Въ описаніи междоусобицы Новгорода съ Владиміромъ (1216) указывается, что первый выставилъ въ поле 60 трубъ, а второй 40 трубъ и 40 бубновъ. Какова, однако, была и та, и другая музыка, остается неизвѣстнымъ: свѣтское искусство занимало въ общественномъ представленіи такое низменное, служебное положеніе, что о сохраненіи его никто и не помышлялъ. Отсюда отсутствіе нотаціи его и музыкально-теоретическихъ трактатовъ, уже возникающихъ въ то время на Западѣ.—Несочувственное и даже враждебное отношеніе церкви къ свѣтской музыкѣ, носящее сначала характеръ моральнаго осужденія, выражается, позднѣе, въ видѣ государственныхъ мѣропріятій. Причины

Библиотека "Руниверс"

этого враждебнаго отношенія довольно сложны. Съ одной стороны здѣсь сказывался общій византійско-христіанскій аскетическій взглядъ, осуждавшій всякія мірскія забавы; съ другой стороны, пѣсни и пляски скомороховъ часто имѣли грубо-циничный и безнравственный характеръ; наконецъ, нравственность скомороховъ и внѣ отправленія ихъ ремесла была нерѣдко весьма сомнительнаго свойства, такъ что и въ то дикое и грубое время они являлись ненадежнымъ или даже опаснымъ общественнымъ элементомъ. Позднѣе, когда московское строеніе государства приняло болѣе сознательный характеръ, скоморохи, со своей свободной сатирой на общественныя и классовыя отношенія, нерѣдко выражавшей протестъ противъ угнетенія голытьбы «жирными» боярами и купцами и изображавшей торжество первой надъ послѣдними (см. Михневичъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», 1879, стр. 81—82), могли казаться опасными и въ смыслѣ политическомъ. Укротить скоморошеское безчиніе было, однако, не легко; слишкомъ много было у скоморошества корней въ окружающей жизни и въ нравахъ общества. Музыка (исполнявшаяся, конечно, скоморохами) долго была непремѣнной принадлежностью царскаго двора, особенно на свадьбахъ. На свадьбѣ Михаила Ѳедоровича, какъ «государь пошелъ въ мыльню, во весь день и съ вечера и въ ночи на дворцѣ играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ» («Дворцов. разр.», I). Котошихинъ свидѣтельствуетъ(въ 60-хъ гг. XVII в.), что на царскихъ свадьбахъ, «на царскомъ дворѣ и по сѣнямъ, играютъ въ трубки и въ суренки и бьютъ въ литавры». Алексѣй Михайловичъ первый отказался отъ этого обычая, соблюдавшагося «на прежнихъ государскихъ радостяхъ», и «накрамъ и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ государь въ свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ... строчные и демественные большіе стихи». Это настроеніе не было продолжительно; музыка опять является при дворѣ, и ей отводится широкое мѣсто въ ряду прочихъ увеселеній. Такъ, въ сентябрѣ 1674 г. былъ при дворѣ большой пиръ, на которомъ «великаго государя тѣшили и въ арганы играли, а игралъ въ арганы нѣмчинъ, и въ сурны и въ трубы трубили и въ суренки играли, и по накрамъ, и по литаврамъ били во всѣ». Бояре также заводили у себя скомороховъ. Скоморошескія забавы нерѣдко примѣшивались и къ церковнымъ обрядамъ. Въ опредѣленіяхъ Стоглава (1551) указывается на участіе въ «мирскихъ свадьбахъ» «глумотворцевъ и органниковъ и гусельниковъ и смѣхотворцевъ», поющихъ «бѣсовскія пѣсни». Вслѣдствіе этого соборъ запрещалъ «скомрахомъ и глумцомъ» ходить «къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ» Участники «пещного дѣйства»—«халден»—на улицахъ вели себя какъ скоморохи. Митроп. Даніилъ въ своемъ поученіи (въ полов. XVI в.) говоритъ, что «суть нѣцыи отъ священныхъ, иже суть сіи пресвитери и діаконы, иподіакона, и чтецы и пѣвцы, глумяся, *играютъ на гусляхъ, въ домры, въ смыки*». Съ середины XVII в. скоморошество благодаря разнымъ законодательнымъ мѣрамъ стало падать: бродячіе скоморохи постепенно исчезаютъ, а осѣдлые превращаются въ музыкантовъ, актеровъ, балетныхъ танцоровъ и т. д. Пережитки бродячихъ и добровольцевъ скомороховъ продолжаютъ, впрочемъ, существовать и донынѣ въ видѣ сказителей былинъ на сѣверѣ, кобзарей-бандуристовъ на югѣ, народныхъ дударей, гудочниковъ-скрипачей (у бѣлоруссовъ сельскій скрипачъ и теперь еще называется «скоморохой»), балалаечниковъ, лирниковъ и др. Древнѣйшимъ музыкальнымъ инструментомъ скомороховъ являются *гусли*—струнный инструментъ, родственный нѣм. Hackebrett, цитрѣ и т. п. Въ позднѣйшее время (XIV—XV в.) гуслями назывался аналогичный струнный инструментъ, близкій къ древнему *псалтирю* или *псалтеріуму* и, вѣроятно, заимствованный съ Востока или изъ Византіи, а еще позже (въ XVIII в.)—клавирообразные многострунные цимбалы, до сихъ поръ еще изрѣдка встрѣчающіеся въ захолустныхъ уголкахъ (см. А. Фаминцынъ, «Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ», СПб., 1890). Въ началѣ XVII в. появляются у насъ указанія на употребленіе *цимбалъ*. Затѣмъ въ старинныхъ пѣсняхъ и памятникахъ упоминаются *трубы* (по всей вѣроятности прямыя, какъ на кіевской фрескѣ XI в.), *бубны* (старинные *бубны*, кажется, отличались отъ современнаго бубна и были близки къ позднѣйшимъ *накрамъ*) и *сопѣли*. Впервые мы находимъ упоминаніе объ этихъ трехъ инструментахъ въ приведенномъ выше лѣтописномъ извѣстіи о военной музыкѣ князя Святослава въ его болгарскомъ походѣ. Бубны упоминаются также въ житіи Ѳеодосія (XI в.) и въ «Словѣ о Задонщинѣ». Нѣсколько позже (XV в.) встрѣчаются указанія на существованіе *волынки*; другое ея названіе—*коза* или (болѣе древнее) *козица*. Иностранные путешественники по Россіи прошлаго вѣка называютъ ее въ числѣ обычныхъ нашихъ музыкальныхъ инструментовъ. Теперь она почти совсѣмъ вышла изъ употребленія. Близости къ Востоку, а можетъ быть и татарскому игу, мы обязаны появленіемъ у насъ *сурны* или *зурны* (персид. зурна, туркест. сурнай) —духового деревяннаго инструмента въ родѣ гобоя, упоминаемаго уже Герберштейномъ, а также *накръ* и *набатовъ*—ударныхъ инструментовъ типа литавръ (*набатъ* отличался огромными размѣрами; его возили на лошадяхъ и въ него било восемь человѣкъ), упоминаемыхъ въ XVI в. О литаврахъ говорится во второй половинѣ XVII в. (у Котошихина и въ дворцовыхъ разрядахъ). Восточнаго же происхожденія струнный лютнеобразный инструментъ *домра* (см. Фаминцынъ, «Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара», СПб., 1891), часто упоминаемая только съ начала XVII в., хотя есть нѣкоторыя указанія, что она существовала еще въ XVI в. Она строилась въ нѣсколькихъ размѣрахъ (въ 1690 г. въ описи вещей кн. Голицына упоминается домра «большая басистая»). До насъ дошло только одно плохое изображеніе домры (у Олеарія), на которомъ струнъ раз-

Библиотека "Руниверс"

личить нельзя. Въ XVIII в. домра исчезаетъ, вытѣсненная *балалайкой* (первично — двухструнной), которая вѣроятно представляетъ собой нѣкоторое видоизмѣненіе малой домры. Впервые балалайка упоминается въ 1715 г., въ описаніи шутовской свадьбы князя-папы. Штеллинъ («Nachrichten v. der Musik in Russland», въ «Haygold's Beylagen zum Neuveränderten Russland», 1770, II, стр. 67) называетъ ее уже «всенароднѣйшимъ» русскимъ инструментомъ (по исторіи балалайки, кромѣ книги Фаминцына, см. Бабкинъ, «Балалайка», въ «Русской Бесѣдѣ», 1896; перепечат. въ «Русск. Музык. Газетѣ», 1896, № 6, 7, 9). Такое же восточное происхожденіе имѣетъ болѣе древняя малорусская *кобза*. У малороссовъ она упоминается (польскими писателями) съ 1584 г.. но въ XVII в. уступаетъ мѣсто бандурѣ, которая впослѣдствіи часто тоже называется кобзой, откуда синонимы кобзарь - бандуристъ. Великороссами кобза едва-ли когда-либо употреблялась. *Бандура*, вытѣснившая кобзу, имѣетъ западное происхожденіе; прототипъ ея—англійская *бандора*, попавшая къ малороссамъ, вѣроятно, отъ поляковъ (въ XVII в.). Изъ Малороссіи бандуристы перешли и къ намъ, въ началѣ XVIII в., а можетъ быть нѣсколько раньше. Ихъ держали при дворѣ Петра I, родственныхъ ему принцессъ (напр. Мекленбургской), Анны Іоанновны; они входили также въ составъ челяди тогдашнихъ вельможъ, пословъ и т. д. Во второй половинѣ XVIII в., по свидѣтельству Штеллина (1769 г.). бандуру стали вытѣснять клавиръ, скрипка, флейта и валторна. Родственный бандурѣ *торбанъ*—большая басовая лютня, также западнаго происхожденія, принадлежитъ уже къ позднѣйшимъ нашимъ пріобрѣтеніямъ (въ началѣ этого вѣка). У богатыхъ польскихъ помѣщиковъ торбанисты встрѣчались въ составѣ домашней челяди еще въ 30-хъ гг. этого вѣка. Къ позднимъ струннымъ инструментамъ того же типа и западнаго происхожденія принадлежитъ *гитара*, завезенная къ намъ, вмѣстѣ съ *мандолиной*, въ царствованіе Елизаветы Петровны, итальянскими заѣзжими музыкантами. Смычковые струнные инструменты—также частью древняго, частью новаго происхожденія. Возможно, что нашъ примитивный смычковый трехструнный инструментъ *гудокъ* (или его еще болѣе древній и простой прототипъ) восходитъ еще къ праславянской эпохѣ. Въ народной русской пѣснѣ *гудокъ* является въ такой же обстановкѣ, какъ и *гусли*. «Гудосьники», которые «вси въ гудки играютъ», упоминаются въ былинахъ; существуетъ пѣсня, гдѣ идетъ рѣчь о срѣзаніи трехъ березовыхъ пруточковъ прохожими скоморохами съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ три гудка. Родственный мотивъ находимъ въ пѣсняхъ западныхъ славянъ. Рядомъ мы встрѣчаемъ другой терминъ для обозначенія смычковаго инструмента—старославянское *смыкъ* (скрипка, гудокъ). У насъ *смыки*, въ значеніи смычковаго инструмента, упоминаются не ранѣе XVI в., въ поученіи митрополита Даніила и въ «Стоглавѣ» («и гусли, и смыки, и сопѣли, и всякое гуденіе»). Изображеніе скомороха, играющаго на гудкѣ, находимъ у Олеарія. Въ началѣ XVII в. встрѣчаются указанія и на существованіе скрипки, очевидно, принесенной съ Запада. Въ началѣ XVII в. находимъ указанія и на употребленіе у насъ на пирахъ теперешней малорусской *лиры*. Измѣненное у насъ имя лиры было *рылé* (*рылъ*), *рылéи*, *рели*. Остальные смычковые инструменты явились у насъ въ XVIII в., и къ древнерусскимъ инструментамъ не могутъ быть отнесены. Къ числу второстепенныхъ древнерусскихъ инструментовъ принадлежали также: *варганъ*—полудуховой, полуударный инструментъ, въ который дули ртомъ и ударяли пальцемъ, и *ложки*—мѣдный ударный инструментъ, имѣющій форму обыкновенныхъ ложекъ, рукоятки которыхъ увѣшаны бубенчиками. Кромѣ перечисленныхъ выше инструментовъ, употреблявшихся главнымъ образомъ профессіональными музыкантами (скоморохами, военными и дворцовыми «игрецами»), предки наши обладали рядомъ доморощенныхъ или сельскихъ духовыхъ инструментовъ, сохраняющихся въ употребленіи и доселѣ. Таковы: *дудка* или *свирѣль* (изъ полаго ствола какого-нибудь растенія или древесной коры), пастушескій *рожокъ* разной величины (изъ бересты или дерева, обмотаннаго берестой, теперь нерѣдко изъ жести), двойная дудка *жилейка* или *сиповка* (послѣднее имя носила также введенная у насъ Дмитріемъ Самозванцемъ флейточка-пикколо), родъ греческой свирѣли или флейты Пана, сохранившійся въ видѣ курскихъ «*кувичекъ*» и др. (о русскихъ музыкальныхъ инструментахъ см., кромѣ цитированныхъ выше изслѣдованій Фаминцына: Владимірскій, «О національныхъ музык. инструментахъ», въ «Сборникѣ антроп. и этнограф. свѣдѣній о Р.» Дашкова, М. 1868; Величковъ, «О древности русск. музык. нар. инструментовъ», въ «Жив. Обозр.», 1874, № 30; Разумовскій, «Народное мірское пѣніе и собственно музыка», въ «Трудахъ Археолог. Съѣзда въ Москвѣ», 1871; Пѣтуховъ, «Народные муз. инструменты музея спб. консерваторіи», СПб., 1884; его же, «Опытъ систематич. каталога инструментальнаго музея спб. консерваторіи», СПб., 1893; Сумцовъ, «Культурныя переживанія», въ «Кіев. Старинѣ», 1889, № 9; Боржковскаго, «Лирники», тамъ же; «Краткій словарь народныхъ музык. инструментовъ въ Р.», въ «Музык. календарѣ-альманахѣ» на 1896 г.). Изъ приведеннаго обзора нашихъ старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ видно, что восточное вліяніе на нашу инструментальную музыку сказалось сильнѣе въ Московской Руси, западное—въ Малороссіи; въ послѣдней, за то, восточное вліяніе отразилось, быть можетъ, и въ самой музыкѣ (характерные восточные звукоряды въ музыкѣ кобзарей-бандуристовъ). Перечисленные инструменты употреблялись и для сольной игры (кромѣ нѣкоторыхъ ударныхъ и др.), и для совмѣстной, но до образованія настоящаго, хотя бы и «великорусскаго» оркестра дѣло не доходило. Существующія скудныя и мало надежныя данныя, разсѣянныя въ древнерусскихъ историческихъ памятникахъ, указываютъ на весьма ограниченный и случайный составъ нашихъ древнихъ инструментальныхъ ансамблей. Отсюда очевидна безпочвенность современныхъ quasi-патріоти-

Библиотека "Руниверс"

ческихъ попытокъ возстановить «древній *великорусскій*» оркестръ изъ *азіатскихъ* домръ-балалаекъ *новѣйшей* постройки и конструкціи. Напротивъ, есть указанія на то, что наши древніе «оркестры» преимущественно были духовые. Рейтенфельсъ («De rebus Moschoviticis», 1680, III, гл. 13) говоритъ, что «Московиты» «въ весьма пріятномъ согласіи» исполняютъ музыку на духовыхъ инструментахъ (трубахъ, бубнахъ, сурнахъ, сопѣляхъ и волынкахъ) и, наоборотъ, ненавидятъ «всякое созвучіе голоса и струнныхъ инструментовъ, это согласное разногласіе» («concordem discordiam). Во французскомъ собраніи путешествій («Voyages historiques de l'Europe par Mr. de B. F., Moscovie», первое изд. 1698 г.) говорится, что музыка русскихъ состоитъ изъ гобоевъ (сурнъ) и волынокъ (de hautbois et de cornemuses). О качествѣ исполнявшейся на этихъ инструментахъ музыки судить весьма трудно, по скудости и разнорѣчію свѣдѣній. Въ то время, какъ Рейтенфельсъ свидѣтельствуетъ о «весьма пріятномъ согласіи» нашего духового «оркестра», Корбъ, слышавшій нашу военную музыку въ концѣ XVII стол., уже во времена Петровскихъ нововведеній, говоритъ, что музыканты играли пѣсни «болѣе похожія на погребальныя, чѣмъ на воинскія», и скорѣе наводили тоску, чѣмъ воинственное одушевленіе, «не умѣя примѣнить музыку къ болѣе благороднымъ побужденіямъ». Веръ, описывающій свадьбу самозванца, говоритъ, что послѣ вѣнца московскіе музыканты, стоявшіе на дворѣ, производили «страшный громъ и трескъ» своими трубами и барабанами. Едва-ли мы сильно ошибемся, предположивъ, что художественность и музыкальное содержаніе оркестровой музыки нашихъ предковъ стояли немногимъ выше, чѣмъ оркестровое исполненіе какихъ-нибудь бухарскихъ или хивинскихъ туземныхъ придворныхъ оркестровъ, состоявшихъ до недавняго времени изъ такихъ же сурначеевъ, трубачей и накрачеевъ, какіе входили въ составъ старинныхъ московскихъ оркестровъ. Если и были здѣсь какіе-нибудь самобытные начатки гармоніи и контрапункта, то они ничѣмъ существенно не отличались отъ подобныхъ же зачатковъ, наблюдаемыхъ въ исполненіи современныхъ хоровъ рожечниковъ или въ хоровомъ пѣніи русскаго народа. Самостоятельное развитіе этихъ зародышей инструментальной музыки, едва-ли и возможное при совокупности условій духовнаго развитія въ древней, до-Петровской Руси, остановилось въ самомъ началѣ, прерванное вторженіемъ къ намъ въ XVIII в. готовыхъ западно-европейскихъ формъ и средствъ инструментальной музыки. Проникать къ намъ, впрочемъ, они начали еще раньше. Еще въ 1490 г. ко двору Іоанна III былъ выписанъ «органный игрецъ». При Іоаннѣ Грозномъ въ Москвѣ жили нѣмецкіе музыканты. Царю Ѳедору Іоанновичу англійскій посолъ Горсей привезъ въ подарокъ отъ своей государыни органы и клавикорды, вмѣстѣ съ музыкантами, умѣвшими на нихъ играть. Народъ толпился тысячами около дворца, желая ихъ послушать. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ выписываются нѣмцы Ансъ и Мелхартъ Луны, органнаго дѣла мастера, привезшіе съ собою «стрементъ на органное дѣло», который они въ Москвѣ «додѣлали». Царю такъ понравилась эта заморская выдумка, что онъ поручилъ Лунамъ, прожившимъ въ Москвѣ 8 лѣтъ, обучить органному дѣлу и русскихъ учениковъ. Русскіе ученики Луновъ настолько научились органному мастерству, что Михаилъ Ѳеодоровичъ могъ послать одинъ изъ органовъ ихъ работы въ Персію, шаху. Органы заводили и бояре. При комедійныхъ дѣйствахъ царя Алексѣя Михайловича (1674 г.) «на арганахъ играли нѣмцы да *люди дворовые* боярина Артемона Серг. Матвѣева», который въ 1673 г. завелъ даже особую школу (первую русскую «консерваторію»), гдѣ обучались музыкѣ и сценическому искусству русскіе ученики. Въ числѣ вещей кн. Голицыныхъ, взятыхъ въ казну въ 1690 г., показана цѣлая коллекція музыкальныхъ инструментовъ и въ томъ числѣ органовъ (см. ст. В. Стасова: «Нѣмецкіе органы у русскихъ любителей», «Истор. Вѣстникъ», 1890, № 11). Въ 1672 г. въ Москву прибыла странствующая нѣмецкая труппа, которой было позволено дать во дворцѣ представленіе. Не только зрѣлище, но и сопровождавшая его музыка произвели, по свидѣтельству Рейтенфельса, большое впечатлѣніе на московскую публику. Сначала царь былъ противъ музыкальной стороны этихъ представленій, считая музыку дѣломъ языческимъ; но когда ему сказали, что музыка необходима для танцевъ, онъ пересталъ противиться. До насъ дошелъ отрывокъ изъ музыки къ одному изъ «комедійныхъ дѣйствъ»—«Іудиѳи» (см. Шляпкинъ, «Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени», СПб. 1898, стр. V—VI). Это—часть пѣсни еврея Амаѳала въ осажденной Веѳуліи, мѣстами обнаруживающая вліяніе европ. музыки (каденція въ концѣ отрывка), мѣстами напоминающая наше обиходное церковное пѣніе, отъ котораго она отличается хроматизмомъ (весьма умѣреннымъ) и присутствіемъ модуляцій въ другіе тоны (насколько можно судить по одной партіи для пѣнія). Сопровожденіе этой музыки не дошло до насъ, хотя нѣкоторыя мѣста мелодіи заставляютъ думать, что оно существовало. Отношеніе этой музыки къ музыкѣ М. Левенгерна, написанной для драмы Мартина Опица: «Judith» (Ростокъ, 1646), еще не выяснено. Спектакли съ музыкой сдѣлались любимымъ и обычнымъ увеселеніемъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Все это подготовляло почву для воспріятія той струи западно-европейскаго музыкальнаго вліянія, которая хлынула къ намъ въ XVIII в.

2) *Церковная музыка.* Православная русская церковь, какъ и греческая, искони допускала въ богослуженіи только вокальную музыку—пѣніе. Отсюда отсутствіе у насъ инструментальной церковной музыки. Начало нашего церковнаго пѣнія, первично—только мелодическаго, одновременно съ началомъ христіанства на Руси. Владиміръ Равноапостольный, послѣ своего крещенія въ Корсуни, привезъ съ собой въ Кіевъ демественниковъ (т. е. пѣвцовъ) «отъ славянъ» (конечно—болгаръ), присланныхъ ему византійскими императо-

Библиотека "Руниверс"

ромъ и патріархомъ. Съ царицей Анной прибыли въ Кіевъ греческіе пѣвцы, прозванные «царицыными». Наше древнѣйшее церковное пѣніе явилось къ намъ, такимъ образомъ, вполнѣ готовымъ и было византійскаго происхожденія. Въ XI вѣкѣ греческіе пѣвцы-учителя насаждаютъ у насъ «изрядное осмогласіе» (т. е. систему восьми греческихъ гласовъ или напѣвовъ, положенныхъ въ основу нашего богослужебнаго пѣнія). Возникаютъ школы пѣнія въ Смоленскѣ, Новгородѣ, во Владимірѣ, а также «крылосы», т. е. пѣвческіе хоры въ разныхъ городахъ. Сохранились извѣстія и о «гораздыхъ» (свѣдущихъ, опытныхъ) пѣвцахъ, прославленныхъ современниками за ихъ искусство (можетъ быть. не только пѣвческое, но и композиторское). Церковное пѣніе знали и любили и свѣтскіе люди: лѣтопись сообщаетъ, что князь Борисъ *пѣль* псалмы передъ своею кончиной; кн. Михаилъ Тверской «бѣ зѣло любяй церковное пѣніе». Есть указанія, что и народъ иногда принималъ участіе въ церковномъ пѣніи, напр. при перенесеніи мощей свв. кн. Бориса и Глѣба. Соборъ 1274 г. выразилъ желаніе, чтобы церковное чтеніе и пѣніе производилось людьми особо для того посвященными. Въ XI и XII вв. начинаютъ замѣчаться у насъ и самостоятельныя попытки если не композиторства, то по крайней мѣрѣ «распѣва» новыхъ текстовъ на извѣстныя уже мелодіи, что, во всякомъ случаѣ, требовало извѣстной сноровки и музыкальности. Стихиры на перенесеніе мощей св. Николая въ Баръ-градъ (1087), Ѳеодосію Печерскому (1095), въ честь св. кн. Бориса и Глѣба (1108) составлены русскими пѣвцами и встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ нашихъ пѣвческихъ книгахъ XII в. Первоначальныя наши нотныя книги представляли два текста: греческій и славянскій. Послѣднему отводилось главное мѣсто, но греческій текстъ держался долго, еще въ половинѣ XIII в., въ виду плохого знанія славянскаго языка первыми іерархами-греками. Нерѣдко одинъ клиросъ пѣлъ по-гречески, а другой по-славянски. Нотація нашихъ древнихъ пѣвческихъ книгъ состояла изъ особыхъ знаковъ, называвшихся *знаменами*, *столпами*, позже *крюками* или *крюковыми знаменами* и ставившихся прямо надъ текстомъ, безъ всякихъ линеекъ, какъ древнегреческіе нотные знаки и средневѣковыя европейскія невмы. Это обстоятельство позволяетъ предполагать генетическую связь между всѣми этими родами нотаціи. Древнѣйшій видъ этой нотаціи, употреблявшійся съ XI по XIII в. въ такъ называемыхъ «кондакаряхъ», носитъ названіе «кондакарнаго знамени»; ключа къ его пониманію мы до сихъ поръ не имѣемъ, что лишаетъ насъ древнѣйшаго и потому въ высшей степени важнаго въ научномъ отношеніи историческаго матеріала. Рядомъ съ кондакарнымъ знаменемъ находимъ и «столповыя» знамена, которыя впослѣдствіи совсѣмъ вытѣсняютъ кондакарную нотацію. Терминъ «столповое» знамя, повидимому, происходилъ оттого, что имъ изображалось «осмогласное» богослужебное пѣніе, порядокъ же послѣдованія гласовъ назывался «столпомъ». И та, и другая нотаціи едва-ли опредѣляли точно не только ритмическое значеніе тоновъ, но и ихъ относительную высоту: скорѣе это были мнемоническіе знаки, долженствовавшіе напоминать пѣвцу мелодію, знаніе которой пріобрѣталось путемъ практическаго обученія въ школахъ, частью исключительно пѣвческихъ, частью общеобразовательныхъ. Древнѣйшіе памятники «столпового», «знаменнаго» или «крюкового» пѣнія не восходятъ дальше XII в. («стихирарь» 1152 г.). Сохранившійся въ этихъ памятникахъ «столповой» или «знаменный» распѣвъ является самымъ древнимъ и основнымъ изъ всѣхъ прочихъ нашихъ церковныхъ распѣвовъ (ново-греческаго, болгарскаго, кіевскаго, разныхъ мѣстныхъ и т. д.). О. Разумовскій («Церковн. пѣніе въ Р.», стр. 155) считаетъ знаменный распѣвъ «греко-славянскимъ», образовавшимся изъ древнегреческаго пѣнія въ славянскихъ земляхъ и получившимъ тамъ и свою особую нотацію. Это предположеніе подтверждается рядомъ пѣвческихъ терминовъ болгарскаго и греческаго происхожденія. По общераспространенному взгляду историковъ нашего церковнаго пѣнія, знаменный распѣвъ за время съ XII по XIV в. не измѣнился существенно ни въ мелодическомъ отношеніи, ни въ способѣ изображенія и видѣ «знаменъ». Въ концѣ XIV в. древнее столповое знамя дѣлается скорописнымъ и менѣе каллиграфическимъ, но еще въ началѣ XVI в. мелодія его и число самыхъ письменныхъ знаковъ или знаменъ остаются тѣ же, какъ и въ XII в. Изученіе знаменнаго пѣнія совершалось сначала безъ помощи какихъ-либо письменныхъ руководствъ; единственнымъ пособіемъ служили «разводы», т. е. изображенія «многостепенныхъ» знаменъ (гдѣ одна фигура изображала нѣсколько нотъ) съ помощью «единостепенныхъ» знаменъ, появляющихся въ концѣ XIV и началѣ XV в. Только со второй половины XV в. являются настоящія руководства къ чтенію знаменъ, въ формѣ особыхъ приложеній къ разнымъ нотнымъ книгамъ, преимущественно къ ирмологамъ и стихирарямъ. Въ концѣ XV в. начинаются измѣненія и въ самой мелодіи знаменнаго распѣва, подвергшейся расширенію посредствомъ варіаціи и особыхъ вставныхъ пространныхъ мелодій (такъ называемыя *лица и виты*), а частью и искаженію, происходившему отъ упадка школъ и вообще духовной культуры Руси подъ вліяніемъ татарскаго ига. Меньше пострадала отъ татаръ сѣверная Русь—и въ Новгородѣ еще въ началѣ XV в. были хорошіе пѣвцы (новгородскіе крылошане). Уже въ концѣ XV в., однако, встрѣчаются жалобы архіепископа Геннадія на то, что въ Новгородѣ «подъяки — ребята глупые и озорные; мужики озорные на клиросѣ поютъ». Школы того времени ничего не могли сдѣлать для правильной подготовки пѣвцовъ. Къ ошибкамъ и искаженіямъ мелодіи, происходившимъ отъ невѣжества, присоединилось еще измѣненіе самаго текста знаменныхъ пѣснопѣній, вызванное стремленіемъ сохранить самый напѣвъ въ древнемъ его видѣ неприкосновенно. Церковныя пѣснопѣнія распѣты были

Библиотека "Руниверс"

знаменнымъ распѣвомъ еще въ то время, когда ъ и ь произносились если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ въ словѣ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ знаменнаго пѣнія мы находимъ нерѣдко одинаковое положеніе на ноты какъ слоговъ съ гласными *а, о, у, и* и т. д., такъ и слоговъ съ гласными ъ и ь. Когда въ древнерусскомъ языкѣ гласные ъ и ь совершенно исчезли въ открытыхъ слогахъ, а въ закрытыхъ превратились въ *о* и *е*, ноты знаменной мелодіи во многихъ мѣстахъ пришлись уже на согласные звуки, вслѣдствіе чего нѣкоторыя ноты оказывались какъ-бы лишними, ненужными. Чтобы сохранить ихъ въ неприкосновенности, на мѣсто исчезнувшихъ ъ и ь подставлены были въ текстѣ гласные *о* и *е*, развивавшіеся изъ этихъ звуковъ только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ положеніяхъ. Переходъ гласныхъ ъ и ь въ *о* и *е* при указанныхъ условіяхъ произошелъ уже къ XIII в.; между тѣмъ въ нотныхъ книгахъ замѣна ъ и ь посредствомъ *о* и *е* сказывается лишь въ началѣ XIV в., а измѣненіе текста нотныхъ книгъ въ указанномъ направленіи происходитъ еще позднѣе—въ концѣ XIV и началѣ XV в. Измѣненіе это коснулось только текстовъ для пѣнія; тексты для чтенія ему не подверглись. Отсюда сильная разница между текстами для пѣнія и текстами для чтенія, получившая имя «раздѣльнорѣчія». Образчикомъ такого «раздѣльнорѣчія» можетъ служить слѣдующій отрывокъ: старый текстъ («старое истиннорѣчіе») — *сгрѣшихомъ, беззаконовахомъ, не оправдихомъ предъ тобою, ни съблюдохомъ, ни сътворихомъ, якоже заповѣда намъ, но не предажь насъ до конца отьчьскыи Боже*; новый текстъ (1515 г., «раздѣльнорѣчіе») — *согрѣшихомо и беззаконовахомо, не оправдихомо передо тобою, ни соблюдохомо, ни сотворихомо, якоже заповѣда намо, но не предаиже насо до конеца отеческыи Боже.* Благодаря часто встрѣчающемуся слогу *хомо*, въ народѣ такое исполненіе богослужебнаго пѣнія стали звать *хомовымъ* пѣніемъ; отсюда грецизованная форма *хомонія*. Въ связи съ этимъ явленіемъ въ исторіи одноголоснаго духовнаго пѣнія Р. различаются три періода: 1) *стараго истиннорѣчія* или *праворѣчія* (съ XI до XIV в.), 2) *раздѣльнорѣчія* или *хомоніи* (съ XIV в. до второй половины XVII в., когда приняты были мѣры къ исправленію текста) и 3) *новаго истиннорѣчія* (со времени исправленія текста до сихъ поръ). Въ началѣ XVI в. мы находимъ повсемѣстное нестроеніе и безурядицу въ церковномъ пѣніи, рядомъ съ усиленіемъ *хомоніи*, особенно рѣзко разошедшейся къ этому времени съ живой разговорной рѣчью и церковнымъ чтеніемъ. «Знаменное» письмо къ началу XVI в. также усложнилось; число крюковыхъ знаковъ увеличилось (явилось немало новыхъ варіацій уже прежде извѣстныхъ знаковъ). Въ текстѣ являются различныя вставки, не имѣющія никакого отношенія къ тексту и вводившіяся только для бо́льшаго протяженія напѣва и приданія ему вящшей торжественности. Таково, напр., болгарское слово *хубово* («красиво, хорошо») или *хабува*. Сначала оно писалось въ сокращеніи на поляхъ нотныхъ книгъ; въ началѣ XV в. оно уже выписывается вполнѣ, а въ концѣ XV в. и началѣ XVI в. вносится въ текстъ и поется вмѣстѣ съ нимъ. Подобныя вставки назывались «попѣвками» и встрѣчаютъ себѣ параллель въ греческихъ «кратиматахъ», употребительныхъ и донынѣ у болгаръ и грековъ (на Аѳонѣ, въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ), напр. въ видѣ припѣва «терире́мъ, те терире́мъ, терире́мъ». «Попѣвки» эти расширялись съ теченіемъ времени все больше и больше на счетъ текста, нерѣдко достигая чудовищныхъ размѣровъ (см. С. В. Смоленскаго, «О собраніи русс. древнепѣвческихъ рукописей въ Моск. Синод. училищѣ церк. пѣнія», «Рус. Музык. Газета», 1899). Въ старообрядческомъ современномъ пѣніи сохранилась попѣвка «аненайка». Наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. явилось совмѣстное пѣніе въ два и три голоса нѣсколькихъ пѣснопѣній съ разнымъ текстомъ, вытекавшее изъ желанія сократить продолжительность службы, не погрѣшая противъ устава, требовавшаго исполненія всѣхъ показанныхъ пѣснопѣній. Всѣ эти непорядки церковнаго пѣнія начинаютъ обращать на себя вниманіе правительства и высшаго духовенства. Въ 1503 г. издается распоряженіе о пополненіи «клиросовъ» опытными пѣвцами изъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Была сдѣлана даже неудавшаяся, изъ-за вражды съ Ливонскимъ орденомъ, попытка выписать изъ-за границы опытныхъ въ церковномъ пѣніи лицъ. Іоаннъ Грозный, самъ большой любитель церковнаго пѣнія и даже композиторъ стихиръ русскимъ святымъ (хранятся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры), обратилъ вниманіе Стоглаваго собора (1551) на укоренившіеся въ церковномъ пѣніи безпорядки. Соборъ устранилъ совмѣстное пѣніе нѣсколькихъ текстовъ и положилъ начало «книжнымъ училищамъ», гдѣ должно было изучаться, между прочимъ, пѣніе. Благодаря этому явилось много знающихъ и талантливыхъ мастеровъ церковнаго пѣнія, отъ которыхъ, впрочемъ, до насъ дошли только имена. Въ разныхъ мѣстахъ Р. духовные композиторы полагаютъ на ноты разныя еще не «роспѣтыя» пѣснопѣнія. Средоточіемъ этой дѣятельности служитъ Москва, гдѣ славится хоръ царя Іоанна Грознаго. Новыя мелодіи эти получаютъ разныя обозначенія, отличаясь другъ отъ друга не характеромъ, а бо́льшей или меньшей широтою развитія извѣстной мелодической основы: *«малое знамя, ино знамя, инъ распѣвъ, инъ переводъ, большое знамя, большой распѣвъ, путь»* и т. д. «Малое знамя» отличалось краткимъ изложеніемъ мелодической основы, «ино знамя» представляло уже бо́льшую распространенность напѣва, а «путевой распѣвъ» былъ самымъ расширеннымъ и цвѣтистымъ видомъ знаменной мелодіи, въ свою очередь представляя извѣстныя разновидности: путь *прибыльный*, путь *монастырскій, къ путю прикладъ* и т. д. Знаменныя мелодіи, разнившіяся въ частностяхъ, получали названія разныхъ «переводовъ»: средній, большой, новгородскій, псковскій и т. д. Особое распространеніе и употребленіе получили эти «переводы» въ XVII в., послѣ

Библиотека "Руниверс"

учрежденія патріаршества (въ 1589 г.), требовавшаго бо́льшей торжественности служенія. При всемъ своемъ разнообразіи, знаменныя мелодіи все-таки сохраняли основной характеръ того или другого церковнаго гласа, подвергая только его мелодическую основу широкой варіаціи и расширенію. Мелодіи, слишкомъ удалявшіяся отъ этой основы, получали названіе «произволъ». «Произвольнымъ» распѣвщикомъ былъ, напр., головщикъ Троицко-Сергіевской лавры Логгинъ († 1635), о которомъ архим. Діонисій говоритъ, что онъ «знамя пѣнію полагаетъ какъ хочетъ». Въ XVII в. явились у насъ и другіе распѣвы (греческій, болгарскій, кіевскій), которые, однако, не были въ состояніи вытѣснить знаменный. Знаменный распѣвъ сохранился и до нашего времени, какъ въ древнихъ крюковыхъ рукописяхъ, такъ и въ печатныхъ линейныхъ нотныхъ книгахъ, издающихся Синодомъ съ 1772 г. Онъ представляетъ три главныхъ вида: *распространенный* или *большой*, отличающійся особой пространностью и цвѣтистостью мелодіи и употребляемый по большимъ праздникамъ; *средній* или *обычный большой*, менѣе пространный и цвѣтистый, употребляемый по воскреснымъ днямъ; *малый*, состоящій изъ сжатыхъ и краткихъ напѣвовъ, употребляемыхъ внѣ торжественнаго богослуженія. Первый видъ представленъ сборникомъ «Праздники нотнаго пѣнія», обычный большой — Октоихомъ, а малый—«самогласными» стихирами и подобнами Октоиха. Малый распѣвъ сложился у насъ къ концу XVI в. и представляется частью сокращеніемъ, частью кореннымъ измѣненіемъ мелодій большого распѣва, съ сохраненіемъ, однако, его основного лада и законовъ строенія. Средній распѣвъ имѣетъ болѣе древнее начало (см. Вознесенскій, «О церковномъ пѣніи правосл. греко-россійской церкви. Большой и малый знам. распѣвъ», вып. I, изд. 2, Рига, 1890; вып. II: «Нотныя приложенія», Рига, 1889). Кромѣ главныхъ видовъ знаменнаго распѣва, у насъ существовали и другіе полные мѣстные распѣвы, родственные знаменному: южно-русскій распѣвъ, московскаго большого Успенскаго собора и др. Развитіе и усложненіе знаменной мелодіи отозвалось и на знаменной нотаціи. Въ XVI в., особенно въ концѣ его, и въ началѣ XVII в. число знаменныхъ знаковъ сильно увеличилось и они получили различное изображеніе и звуковое значеніе. Разные «мастера» пытаются примѣнить особыя «помѣты» (писавшіяся киноварью) или «подмѣтныя буквы» для точнаго указанія высоты звука, но только новгородцу Ивану Акимовичу Шайдурову удалось (въ концѣ XVI в.) дать такую систему «красныхъ» помѣтъ, которая получила всеобщее признаніе и употребленіе; она была изложена имъ въ особой «грамматикѣ». Здѣсь впервые излагается ученіе о «тріестествогласіи» или трезвучіи, даются правила гармоніи и указываются предѣлы для мелодическихъ скачковъ голоса (не болѣе чѣмъ на кварту). Въ XVI в. входитъ въ употребленіе особая нотація и для демественнаго распѣва, явившагося у насъ еще при Ярославѣ. Знаки этой нотаціи взяты изъ знаменной, но имъ приданы другое значеніе и комбинаціи. Демественный распѣвъ отличался бо́льшей свободой и разнообразіемъ, чѣмъ знаменный, такъ какъ не былъ связанъ системой восьми «гласовъ». Въ концѣ XVI в. демественное пѣніе употреблялось иногда, въ торжественныхъ случаяхъ, и въ церковной службѣ (величанія, праздничныя стихиры, многолѣтія и т. п.). Во второй половинѣ XVII в. оно вывелось изъ церковной службы, а въ домашнемъ быту было замѣнено пѣніемъ «псальмъ». Во второй половинѣ XVI в. явилась еще одна новая нотація—такъ назыв. *казанское* знамя (въ честь взятія Казани), изобрѣтенное пѣвчими дьяками Іоанна Грознаго и представлявшее собою смѣсь знаковъ знаменной нотаціи съ знаками демественной. Вслѣдствіи оно стало употребляться наравнѣ съ знаменной системой. Въ началѣ XVII в. появляются руководства для изученія и той, и другой системы, какъ напр. «*Книга, глаголемыя кокизы* (примѣры, парадигмы), *сирѣчь ключь столповому и казанскому знамени*». Существовали и другія нотаціи, не получившія большого распространенія — *знамя путевое*, *буквенная нотація* и др. Знаменная нотація второй половины XVII в. значительно разнится отъ древнѣйшей во внѣшнемъ отношеніи: почеркъ письма становится болѣе каллиграфическимъ и изящнымъ, сравнительно съ болѣе раннимъ скорописнымъ. Послѣдняя реформа, которой подверглась знаменная или крюковая нотація — приспособленіе ея къ печатанію типографскимъ способомъ. Реформа эта совпала съ исправленіемъ «хомового» текста нотныхъ книгъ «на рѣчь», т. е. сближеніемъ пѣвшагося текста съ формами живой рѣчи и церковнаго чтенія. Непорядки церковнаго пѣнія все еще продолжали держаться. Совмѣстное пѣніе и чтеніе въ два, три, четыре, «а индѣ въ пять и шесть» голосовъ вызывало осужденія патріарховъ Гермогена и Іоасафа. Частныя попытки устранить «хомонію» начинаются еще въ началѣ XVII в. Въ нотныхъ книгахъ временъ Михаила Ѳедоровича можно встрѣтить отмѣтки: «*на рѣчь*» или «*до тѣхъ мѣстъ справилъ*» и т. д. Но попытки эти велись неумѣло, каждымъ «мастеромъ» по своему собственному почину и на свой собственный ладъ, что́ еще болѣе портило дѣло. Къ старымъ неурядицамъ присоединилась еще и недобросовѣстность «мастеровъ» пѣнія, учившихъ «пѣти по перепорченнымъ и не съ прилежаніемъ, дабы кто отъ учениковъ ихъ не былъ гораздѣе ихъ». Среди самихъ іерарховъ тоже было немалое «разгласіе». Когда Никонъ сталъ у себя въ новгородской митрополіи править пѣвческіе тексты «на рѣчь», онъ встрѣтилъ противодѣйствіе патріарха Іосифа. Въ 1668 г. учреждена была коммиссія изъ шести человѣкъ, во главѣ которой сталъ справщикъ моск. печатнаго двора, извѣстный знатокъ крюкового пѣнія, старецъ Александръ Мезенецъ. Коммиссія собрала древнія нотныя рукописи за 400 и болѣе лѣтъ и по нимъ выправила «на рѣчь» хомовыя пѣвческія книги. Чтобы окончательно закрѣпить результатъ работъ коммиссіи, рѣшено было отпечатать правленыя книги крюковой нотаціей. Рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шеніе это встрѣтилось съ технической типографской трудностью печатанья рядомъ черныхъ тушевыхъ знаменъ и красныхъ киноварныхъ помѣтъ, введенныхъ Шайдуровымъ. Пришлось пожертвовать послѣдними, замѣнивъ ихъ черными же тушевыми «призначными помѣтками» или «признаками». Все уже было готово, но осуществить составленный планъ не удалось, вслѣдствіе возникшаго спора о преимуществахъ киноварныхъ помѣтокъ и черныхъ признаковъ, а также упразднявшаго и тѣ, и другіе быстраго распространенія пятилинейной нотной системы (съ квадратными нотами), заимствованной нами изъ юго-западной Руси (такъ назыв. «кіевское знамя»). Особенности крюковой или безлинейной нотаціи, въ ея окончательно сложившемся къ концу XVII в. видѣ, изложены въ «Азбукѣ знаменнаго пѣнія («Извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ») старца Александра Мезенца (изд. С. В. Смоленскій, Казань, 1888. съ обширнымъ и цѣннымъ введеніемъ). Крюковая нотація держится еще у единовѣрцевъ, безпоповцевъ и поповцевъ. Въ православной церкви она почти совсѣмъ вытѣснена пятилинейной квадратной (кіевской) и круглой (европейской) нотаціей. Возвращеніе къ ея употребленію, какъ мечтаютъ нѣкоторые энтузіасты-археологи, едва-ли осуществимо. Пятилинейная квадратная нотація введена у насъ впервые Никономъ въ бытность его архіепископомъ новгородскимъ (первыя линейныя рукописи, 1652 г., сохраняются въ библіотекѣ основаннаго Никономъ Воскресенскаго или Ново-Іерусалимскаго монастыря). Сдѣлавшись патріархомъ, онъ всячески старался распространить ее въ Р. Рядомъ съ линейной нотаціей нерѣдко употребляли и крюковую, часто даже одну надъ другой. Бороться съ линейной нотаціей крюковая, однако, не могла: простота и опредѣленность первой давали ей громадное преимущество. При Петрѣ Вел. она получила полное господство. Напротивъ, крюковая нотація начинаетъ приходить въ забвеніе, такъ что уже въ концѣ XVII в. являются ключи къ безлинейнымъ нотамъ, истолкованнымъ линейными, какъ напр. «Сказаніе о нотномъ гласобѣжаніи и о литерныхъ знаменныхъ помѣтахъ и о знамени нотномъ», монаха Тихона Макарьевскаго, бывшаго до 1691 г. келаремъ патріарха Адріана (полные экземпляры рукописи—въ библіотекахъ моск. и спб. духовныхъ академій). Изъ другихъ, кромѣ знаменнаго, получившихъ общее употребленіе осмогласныхъ полныхъ распѣвовъ особое значеніе имѣютъ *кіевскій, греческій* и *болгарскій*. Первый образовался изъ знаменнаго роспѣва въ Галиціи и на Волыни, еще до соединенія юго-западной Руси съ сѣверо-восточной, и обработанъ гармонически главнымъ образомъ православными юго-западными братствами въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Онъ черпалъ также матеріалы изъ распѣвовъ греческаго, южно-русскаго и болгарскаго. Въ Москвѣ кіевскій распѣвъ сдѣлался извѣстенъ около середины XVII в. и оттуда распространился по всей Россіи. По количеству пѣснопѣній, распѣтыхъ имъ, онъ слѣдуетъ за знаменнымъ и до сихъ поръ въ большомъ употребленіи. Кіевскіе напѣвы кратки, просты и удобоисполнимы во всякаго рода богослуженіи (см. Вознесенскій, «Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ православной русской церкви. I. Кіевскій роспѣвъ», Кіевъ, 1888). Греческій распѣвъ занесенъ въ Россію изъ Греціи во второй половинѣ XVI в. и въ первой половинѣ XVII в., частью черезъ южныхъ славянъ и югозападныя братства, сносившіяся съ греками, частью прямо изъ греческихъ нотныхъ книгъ, собиравшихся Никономъ, и отъ греческихъ выходцевъ и пѣвцовъ, попадавшихъ въ Москву вмѣстѣ съ восточными патріархами. Въ концѣ XVII в. греческій распѣвъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ, получилъ у насъ всеобщее употребленіе. Изображались мелодіи греческаго распѣва частью нашей крюковой нотаціей, частью линейной кіевской, и нотированы были, очевидно, уже у насъ въ Москвѣ, вѣроятно—непосредственно съ голоса греческихъ пѣвцовъ. Греческій распѣвъ примѣненъ главнымъ образомъ къ пѣнію *тропарей* и *кондаковъ*, частью *ирмосовъ* воскресныхъ, а также и вообще къ торжественному праздничному пѣнію (пасхальному и др.). Онъ пользовался любовью Петра Великаго, который принималъ личное участіе въ исполненіи греческихъ напѣвовъ. Систематическихъ сборниковъ пѣснопѣній греч. распѣва нѣтъ; напѣвы его разсѣяны въ разныхъ крюковыхъ и линейныхъ рукописяхъ XVII и XVIII вв., а впослѣдствіи—въ разныхъ печатныхъ нотныхъ книгахъ (синодальномъ «Обиходѣ» съ 1772 г., «Ирмологѣ и др.). При заимствованіи греческіе подлинные напѣвы подвергались и упрощенію, и передѣлкѣ, сообразно съ привычками, пріемами, вкусами и музыкальными знаніями нашихъ пѣвцовъ (см. Вознесенскій, «Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ православной русской церкви. Ш. Греческій роспѣвъ въ Россіи», Кіевъ, 1893). Болгарскій распѣвъ не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ древнеболгарскимъ распѣвомъ; онъ принесенъ въ Москву пѣвцами юго-западныхъ братствъ и другими переселенцами изъ юго-западной Руси, гдѣ онъ становится извѣстенъ лишь въ XVII в. У насъ онъ довольно скоро распространился и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получилъ широкое употребленіе, особенно въ хоровомъ клиросномъ пѣніи. У одноголосныхъ клиросныхъ пѣвцовъ онъ не привился и скоро былъ вытѣсненъ греческимъ распѣвомъ. Своимъ довольно искусственнымъ построеніемъ и характеромъ мелодіи, пространной и съ оригинальными оборотами (можетъ быть, родственными народной славянской пѣснѣ), болгарскій распѣвъ рѣзко отличается отъ другихъ нашихъ распѣвовъ и хотя и основанъ на системѣ византійскаго осмогласія, но не представляетъ ближайшаго сходства съ византійскими гласовыми напѣвами. Характерной особенностью его является симметричность ритма и такта, укладывающихся почти всегда въ $^4/_4$ размѣръ, а также и ясно проглядывающая мѣстами гармоническая основа мелодіи, указывающая на вліяніе западной европейской гармонизаціи, вполнѣ возможное на юго-западѣ Россіи. Этими сторонами онъ близко напоминаетъ поздніе сербско-болгар-

Библиотека "Руниверс"

скіе напѣвы, изданные Корниліемъ Станковичемъ. Сходные съ болгарскими напѣвы были отмѣчены Барскимъ въ началѣ XVIII в. на Аѳонѣ. Болгарскій распѣвъ нерѣдко именуется распѣвомъ Кіево-Печерской лавры, кіевскимъ или южно-русскимъ. Весьма вѣроятно, что наша редакція болгарскаго распѣва настолько же упрощена и измѣнена, какъ и употребительная у насъ редакція такъ назыв. греческаго распѣва; по крайней мѣрѣ аѳонское праздничное пѣніе болгарскихъ монаховъ отличается еще бо́льшей искусственностью и цвѣтистостью. Записанъ былъ болгарскій распѣвъ на юго-западѣ Р. кіевской линейной нотаціей, вѣроятно—прямо съ голоса аѳонскихъ и болгарскихъ выходцевъ, а потомъ переводился у насъ и на крюковыя знамена. Кромѣ старыхъ рукописей, имѣющихся въ частныхъ библіотекахъ, источникомъ для изученія болгарскаго распѣва служатъ юго-западные линейные ирмологи XVII и начала XVIII в., гдѣ онъ встрѣчается рядомъ съ греческимъ и кіевскимъ распѣвами. Въ «Обиходѣ» синодальнаго изданія имѣются лишь немногіе напѣвы этого распѣва. Болгарскій распѣвъ представляетъ два вида: пространный и цвѣтистый *недѣльный*, т. е. воскресный, и болѣе простой, близкій къ речитативу *дневный*, т. е. будничный. Вообще пѣснопѣній этого распѣва въ современномъ церковномъ употребленіи осталось очень немного; образчикомъ можетъ служить пѣснопѣніе «Благообразный Іосифъ», имѣющееся въ прекрасной гармонизаціи Е. С. Азѣева (см. Вознесенскій, «Осмигласные распѣвы и т. д. II. Болгарскій роспѣвъ», Кіевъ, 1891). Всѣ три послѣднихъ распѣва отвергаются нашими старообрядцами, какъ пновѣрныя и еретическія новшества патріарха Никона. Кромѣ перечисленныхъ распѣвовъ, у насъ употреблялись и употребляются еще множество разныхъ другихъ неосмогласныхъ и неполныхъ распѣвовъ, ведущихъ свое начало изъ XVI, XVII и даже XVIII вв. Они образуютъ самостоятельныя группы мелодій, которыя, однако, по своей отрывочности не могутъ дать яснаго представленія о распѣвахъ, къ которымъ онѣ принадлежали. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ названія по примѣненію ихъ въ богослуженіи (*перенось постный, аліось надгробный* и т. д.), другія—по особенностямъ напѣва, какъ напр. *Аллилуіа скокъ, Святый Боже волынка зовома* (и теперь въ церквахъ можно слышать напр. Отче нашъ «*съ птичкой*») и т. д., третьи — по имени ихъ творцовъ или мѣстностей, гдѣ они употреблялись (напр. роспѣвъ Григорія Цамблаха, митрополита кіевскаго; см. о немъ, какъ о композиторѣ, Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы», стр. 128 — 30) (см. Разумовскій, «Церковное пѣніе въ Р.», II, 189). Къ распѣвамъ позднѣйшаго происхожденія, не положеннымъ на старыя знаменныя ноты и потому носящимъ названіе *незнаменныхъ*, принадлежитъ рядъ *обычныхъ* напѣвовъ, не представляющихъ стройной самостоятельной системы, но являющихся смѣсью разныхъ распѣвовъ. Строеніе ихъ мелодій—бо́льшею частью упрощенное и сокращенное, въ зависимости отъ способа усвоенія этихъ напѣвовъ (бо́льшею частью устнаго, по памяти и наслышкѣ, безъ помощи нотаціи, которой они подверглись въ сравнительно недавнее время) и ихъ назначенія для обычнаго клироснаго пѣнія. Къ обычнымъ распѣвамъ принадлежатъ: 1) *петербургскій придворный* (въ «Обиходахъ», гармонизованныхъ Львовымъ и Бахметевымъ); 2) *московскій обычный* (въ «Кругѣ церковныхъ пѣснопѣній обычнаго напѣва московской епархіи»); 3) *кіевскій обычный* (въ «Кругѣ обычнаго правосл. церк. пѣнія», собранномъ свящ. Д. Абламскимъ). Многое въ исторіи перечисленныхъ распѣвовъ и ихъ взаимномъ отношеніи представляется неяснымъ или совсѣмъ темнымъ. Труды нашихъ лучшихъ музыкальныхъ археологовъ—кн. Одоевскаго, Сахарова, Ундольскаго, Потулова, о. Разумовскаго, о. Вознесенскаго, Ю. Арнольда, С. Смоленскаго, о. Металлова и др. — только частныя изслѣдованія и этюды, иногда собранія довольно сырого и неполнаго матеріала; даже взятые въ совокупности, они не даютъ полной и всесторонней исторіи нашей древней церковной музыки. Памятники этой отрасли нашего искусства только теперь начинаютъ приводиться въ порядокъ и извѣстность. Многое безвозвратно погибло, частью отъ легкомысленнаго и невѣжественнаго отношенія къ родной старинѣ, частью во время гоненій, воздвигавшихся на нашихъ старообрядцевъ; многое разбросано по частнымъ рукамъ и разнымъ захолустьямъ, но уже и того, что въ настоящее время собрано (напр. въ библіотекѣ московскаго синодальнаго училища церковнаго пѣнія) достаточно, чтобы, при надлежащей научной обработкѣ, освѣтить неясные вопросы и дать историку русской музыки массу новыхъ фактическихъ данныхъ. Собраніе московскаго синодальнаго училища (см. «Краткое предварительное сообщеніе» о немъ г. Смоленскаго, въ «Русской Муз. Газетѣ» 1899 г.) особенно богато массой «обиходныхъ» знаменныхъ напѣвовъ (изъ которыхъ въ «Пространный синодальный обиходъ» попала только весьма незначительная часть), пѣвческими сборниками самаго разнообразнаго содержанія, рукописями такъ наз. «трезвоновъ», т. е. праздничныхъ службъ разнымъ святымъ мѣстнымъ и общимъ (одноголосныхъ и хоровыхъ) и болѣе всего «партесными» композиціями конца XVII и начала XVIII в., очень важными въ историческомъ отношеніи.

Начало у насъ гармоническаго или партеснаго пѣнія относится къ XVII в. Родиной его была юго-западная Русь, гдѣ его вызвало къ жизни зап.-европейское вліяніе. Борьба съ уніей и католичествомъ, на сторонѣ которыхъ былъ перевѣсъ не только физической, но и культурной силы, заставляла противодѣйствовать имъ тѣми же средствами, какія употребляли они для привлеченія на свою сторону православныхъ. Отсюда, между прочимъ, юго-западное партесное пѣніе, которое противополагалось «органному гуденію» католическаго ритуала. Полнотѣ и гармоничности католической органной музыки православная церковь могла противопоставить только «многоголосныя составленія мусикійскія». Православныя юго-западныя братства начинаютъ

Библиотека "Руниверс"

заводить при монастыряхъ школы, гдѣ учили и церковному пѣнію. Ученики этихъ школъ, вмѣстѣ съ любителями пѣнія, образуютъ при православныхъ церквахъ хоры. Отсутствіе въ церковномъ уставѣ прямого запрещенія многоголосной музыки и разрѣшительныя грамоты греческихъ патріарховъ позволили братскимъ хорамъ воспринять зап.-европейскую гармоническую систему и примѣнить ее къ хоровой обработкѣ мѣстныхъ («кіевскихъ») и заимствованныхъ отъ грековъ или южныхъ славянъ одноголосныхъ напѣвовъ. Въ то же время юго-западные пѣвцы поддерживали оживленныя сношенія съ южными славянами, румынами и аѳонскими славянскими монастырями, какъ хранилищами истиннаго православія. Послѣ брестской уніи (1596) эти сношенія особенно усилились. Очевидное вліяніе аѳонскаго монастырскаго пѣнія обнаруживаютъ юго-западные линейные ирмологи XVII—XVIII вв., содержащіе въ себѣ такія пѣснопѣнія, распѣтыя болгарскимъ напѣвомъ, которыя поются только въ аѳонскихъ монастыряхъ и посвящены аѳонскимъ мѣстнымъ храмовымъ праздникамъ. Изъ соединенія западныхъ и греко-славянскихъ элементовъ (сохранившагося, быть можетъ, въ традиціонной гармонизаціи мѣстныхъ напѣвовъ, напр. напѣвовъ Кіево-Печерской лавры, записанныхъ и изданныхъ г. Малашкинымъ), а частью и изъ прямой пересадки западнаго хорового стиля на почву юго-западной Руси возникло, вѣроятно еще въ концѣ XVI в. и несомнѣнно къ началу XVII в., юго-западное «партесное» пѣніе на 4, 6 и 8 голосовъ. Гербиній, посѣтившій Кіевъ въ XVII в. (описаніе его путешествія изд. въ Іенѣ, въ 1675 г.), пишетъ, что «грекороссіяне гораздо святѣе и величественнѣе прославляютъ Бога, чѣмъ римляне», ибо у первыхъ священныя пѣснопѣнія «ежедневно возглашаются въ храмахъ съ припѣваніемъ народа, на языкѣ родномъ, по правиламъ музыкальнаго искусства. Въ самой пріятной и звучной гармоніи слышатся раздѣльно дискантъ, альтъ, теноръ и басъ». Если кіево-печерская традиціонная гармонизація мѣстныхъ напѣвовъ, обличающая несомнѣнно западное вліяніе, есть пережитокъ еще со временъ Гербинія, сохранившійся въ неприкосновенности, то приходится признать, что чистота и правильность голосоведенія въ юго-западныхъ партесныхъ произведеніяхъ оставляли желать очень многаго. Вообще партесныя произведенія юго-западной Руси не дошли до насъ. Даже въ вышеупомянутомъ собраніи московскаго синодальнаго училища юго-западные партесы представлены очень скудно (о церковномъ пѣніи юго-зап. Руси см. изслѣдованіе о. І. Вознесенскаго, «Церковное пѣніе юго-зап. Руси по ирмологамъ XVII и XVIII вв. Вып. I: Составъ, свойства и достоинство напѣвовъ, помѣщенныхъ въ юго-западныхъ ирмологахъ», 2 изд., М., 1898; вып. II: «Сравнительное обозрѣніе церковныхъ пѣснопѣній и напѣва старой юго-западной Руси», М., 1898; вып. III: «Ирмологъ Гавріила Головни 1752 г.»,—а также «Кругъ церковныхъ пѣснопѣній по напѣву Кіево-Печерской лавры, на 4 голоса», Л. Д. Малашкина, М., 1898). Изъ юго-зап. Руси партесное пѣніе перешло и въ московскую. Раньше здѣсь имѣлось только такъ назыв. «строчное» и «троестрочное» безлинейное пѣніе, упоминаемое уже во второй половинѣ XVI в. Мнѣніе о существованіи у насъ еще въ XI в. демественнаго пѣнія съ зародышами гармоніи высказано было Сахаровымъ («О русскомъ церковномъ пѣніи», «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1849), но источники этого мнѣнія неизвѣстны, и въ статьѣ Сахарова, который не получилъ настоящаго музыкальнаго образованія, вообще не мало ошибокъ. «Строчное» наше пѣніе писалось сначала *казанскимъ знаменемъ* (см. выше), въ видѣ партитуры (въ 2, 3, 4 строки разнаго цвѣта) надъ текстомъ. Трехстрочное пѣніе «единымъ гласомъ (тоникою) наченшеся слагалось въ тріехъ степенѣхъ (терція) и пятыхъ (квинта), тѣмъ же и гласовъ имѣло три: низъ, путь, верхъ, свой койждо гласъ имущій и во едино согласующій». Въ зависимости отъ названій «трехъ гласовъ» пѣвцы такого хора назывались: *вершники, нижники, путники*. При четырехстрочномъ пѣніи къ этимъ голосамъ прибавлялись еще *демественники*. Опытный пѣвецъ могъ спѣть каждый изъ названныхъ четырехъ голосовъ. Движеніе мелодіи совершалось во всѣхъ голосахъ въ предѣлахъ одного и того же діатоническаго звукоряда. Гармонія, вслѣдствіе употребленія однихъ мужскихъ голосовъ, имѣла очень тѣсное расположеніе. Основная, обыкновенно знаменная мелодія («Cantus firmus») находилась въ среднемъ или нижнемъ голосѣ; остальные голоса только сопровождали ее. Гармонія *строчного* пѣнія, какъ свидѣтельствуютъ Шайдуровъ и позднѣйшіе теоретики, Тихонъ Макарьевскій и Александръ Мезенецъ, основывалась на «тріестествогласіи», т. е. чистомъ трезвучіи въ разныхъ положеніяхъ и обращеніяхъ (примѣры строчного пѣнія см. у Разумовскаго, «Церк. пѣніе въ Р.», 215—218). Гармоническая сторона этого пѣнія представляетъ съ современной точки зрѣнія, частыя неправильности и ошибки; въ троестрочныхъ демественникахъ встрѣчались запрещенныя послѣдовательности квинтъ, октавъ и даже секундъ. Можетъ быть, слухъ современниковъ чувствовалъ эти недостатки, что и сказалось въ отрицательныхъ ихъ отзывахъ объ этомъ пѣніи, представлявшемъ-де собой «несогласное трехгласіе, шумъ и звукъ издающее, и токмо несвѣдущимъ благо мнится, свѣдущимъ же неисправлено быти разумѣется», такъ какъ въ немъ «подоболѣпнаго гласу нѣсть, нѣсть и чину гласовнаго (т. е. затемнялся осмогласный напѣвъ), ничтоже есть въ немъ согласно». Другимъ, однако, эта примитивная гармонія нравилась, и они называли ее «мусикійскимъ, красногласнымъ составленіемъ, премудрѣйшимъ и спорѣйшимъ». Строчное пѣніе держалось на клиросахъ до начала XVIII в., но затѣмъ, повидимому, очень скоро пришло въ забвеніе, какъ это видно изъ отзыва о немъ Бортнянскаго (не изданная рукопись о троестрочномъ пѣніи въ Имп. Публ. Библ.), свидѣтельствующаго, что «рукописи онаго еще существуютъ, но производить онаго и самые хорошіе старообрядческіе знатоки

Библиотека "Руниверс"

не могутъ». Въ концѣ XVII в. строчное пѣніе начинаетъ перелагаться на линейную нотацію. Замѣчательное собраніе демественныхъ партитуръ на два, три и четыре голоса (не старше первой половины XVII в.) имѣется въ библіотекѣ московскаго синодальнаго училища. Матеріалъ этотъ еще не тронутъ научнымъ изслѣдованіемъ; самое чтеніе этихъ партитуръ крайне трудно. Трудно, также, опредѣлить, имѣется ли какая-нибудь связь между этими начатками гармоническаго пѣнія и позднѣйшимъ настоящимъ «партеснымъ» пѣніемъ, явившимся у насъ впервые въ Новгородѣ подъ покровительствомъ Никона. Поморецъ Андрей Денисовъ, называющій его «партеснымъ и многоусугубленнымъ», сообщаетъ, что патріархъ Іосифъ былъ недоволенъ этимъ нововведеніемъ и запрещалъ его («О хомо́вомъ пѣніи», Псковъ, 1879, стр. 63). Партесное польское пѣніе латинской церкви исполнялось еще раньше въ Москвѣ, въ польскомъ костелѣ; его слышалъ патріархъ Гермогенъ, отозвавшійся о немъ такъ: «слышати латинскаго пѣнія не могу». Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ такъ же рѣшительно повелъ реформу церковнаго пѣнія, какъ и другихъ сторонъ нашего церковнаго устройства. Онъ пользовался при этомъ покровительствомъ царя Алексѣя Михайловича, въ 1652 г. приказавшаго править текстъ пѣснопѣній и вызвать изъ Кіева пѣвчихъ, свѣдущихъ въ «строчномъ» партесномъ пѣніи. Другіе южнорусскіе пѣвчіе сами отправлялись въ Московское государство, «не хотя своея христіанскія вѣры порушити отъ польскаго гоненія». Партесное пѣніе продолжало встрѣчать осужденіе приверженцевъ старины, находившихъ, что «теперь поютъ многіе стихи ни по-гречески, ни по-славянски, *согласіемъ органнымъ*». Послѣ удаленія Никона соборъ 1666—67 г. постановилъ «церковное все Божіе славословіе, чинно и немятежно и *единогласно* и гласовное пѣніе пѣти на рѣчь». Тѣмъ не менѣе въ томъ же году, 7 марта, патріаршіе пѣвчіе исполняютъ на обоихъ клиросахъ трехстрочную «Взбранной воеводѣ». Въ послѣдней четверти XVII в. мы имѣемъ уже на Москвѣ собственныхъ теоретиковъ и композиторовъ партеснаго пѣнія. Таковы были діаконъ Іоанникій Кореневъ, авторъ теоретическаго трактата «Мусикія», дополненнаго въ 1681 г. юго-западнымъ теоретикомъ Н. П. Дилецкимъ; іеромонахъ Тихонъ Макарьевскій, написавшій упомянутый выше «ключъ», вторая часть котораго, озаглавленная «Первое ученіе мусикійскихъ согласій» (изд. въ 1877 г. Общ. люб. др. письм., № VI) или «мусикійское ученіе», также вѣроятно принадлежитъ Дилецкому (см. Металловъ, «Старинный трактатъ по теоріи музыки, составленный кіевляниномъ Николаемъ Дилецкимъ», въ «Рус. Муз. Газ.», 1897 г., № 12); Василій Титовъ, государевъ пѣвчій дьякъ, положившій на музыку стихотв. псалтырь Симеона Полоцкаго, шестиголосную службу и большое многолѣтіе, исполняемое и теперь,—и др. Дилецкій, почитатель и послѣдователь польскихъ композиторовъ, перевелъ (1679 г.) съ польскаго «на словенскій діалектъ» свою «Идею грамматики мусикійской», представляющую сокращеніе болѣе ранняго его труда: «Грамматика пѣнія мусикійскаго» (Смоленскъ, 1677). «Грамматика» эта была единственнымъ русскимъ учебникомъ теоріи композиціи въ концѣ XVII и бо́льшей части XVIII в. Дилецкій былъ также композиторомъ многоголосныхъ церковныхъ произведеній. Отъ его земляковъ Коленды, Заславскаго, Заюшевича и другихъ осталась громадная масса хоровыхъ сочиненій. Въ библіотекѣ моск. синод. училища въ концѣ 1898 г. было зарегистровано: 3-хъ голосныхъ сочиненій—258 концертовъ и 6 полныхъ литургій; 4-хъ голосныхъ, только изъ 3-хъ сборниковъ (а всѣхъ ихъ 15)—579 №№; 8-ми голосныхъ—84 концерта и 14 полныхъ литургій; 16-ти голосныхъ — 9 концертовъ, 12 богослужебныхъ пѣснопѣній и 1 литургія; 24-хъ голосныхъ—16 концертовъ, литургій 2 и отдѣльныхъ богослужебныхъ пѣснопѣній 6. Особенно любимое сочетаніе голосовъ—три хора по 4 голоса или 12 голосовъ (33 полныхъ литургіи и 477 концертовъ). Сомнительно, чтобы среди этого моря многоголосныхъ композицій нашлось много произведеній, обладающихъ серьезными художественными достоинствами; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, по свидѣтельству г. Смоленскаго, проглядываетъ несомнѣнный талантъ и хорошая школа. Рядомъ отмѣчается вычурность мелодіи, крикливость, безсодержательность имитацій, служащихъ, повидимому, только предлогомъ для щегольства сложностью техники. Наиболѣе обыкновенный типъ четырехголосной гармонизаціи древнихъ распѣвовъ этого времени представлялъ основной напѣвъ въ тенорѣ, позже и въ альтѣ; прочіе голоса давали къ нему самую простую гармонію, при чемъ басъ иногда выдѣлывалъ быстрые и замысловатые ходы, носившіе заимствованное изъ латино-польской терминологіи названіе «эксцеллентованія» (excellentеr canere). Иногда это «эксцеллентованіе» приводило къ соединенію совсѣмъ несродныхъ гармоній, имѣя, такимъ образомъ, чисто механическій характеръ. Церковная мелодія иногда передавалась и верхними голосами въ секстахъ (любимый пріемъ Бортнянскаго и другихъ итальянствующихъ нашихъ церковныхъ композиторовъ) или средними въ терціяхъ. Въ діатонической мелодіи церковнаго напѣва и ея сопровожденіи иногда являлись хроматическіе ходы, нарушавшіе діатоническій характеръ. Въ голосоведеніи не рѣдкостью были запретныя послѣдовательности квинтъ и октавъ. Басъ, вслѣдствіе игривости своей, не имѣлъ иногда гармоническаго вѣса, а церковный cantus firmus средняго голоса заглушался верхними голосами, такъ что на средній голосъ приходилось ставить больше пѣвчихъ. Въ этомъ видѣ неоднократно были гармонизованы почти всѣ русскія пѣвчія книги и почти всѣ обиходные кіевскіе и греческіе напѣвы, а также написана наибольшая часть четырехголосныхъ сочиненій на тексты всенощной и литургіи, часть которыхъ уцѣлѣла до сихъ поръ въ исполненіи. Изученіе этихъ произведеній можетъ раскрыть происхожденіе разныхъ мѣстныхъ анонимныхъ церковныхъ композицій (херувимскихъ, «Милость мира» и т. д.), но-

Библиотека "Руниверс"

сящихъ названія въ родѣ «Старо-Симоновской», «Ипатьевской», «Московской» и т. д. Многія изъ нихъ носятъ разныя оригинальныя прозвища (по особенностямъ напѣва), въ родѣ «херувимская веселаго распѣва» (или умилительная), съ «выходками», «птица», «труба», «валторна», «съ чердака», «слеза», «съ переговоркою», «съ отмѣною», «стругъ» и т. п. Прозвища эти до нѣкоторой степени напоминаютъ вычурныя названія напѣвовъ у нѣмецкихъ мейстерзингеровъ.—Вся масса музыкальныхъ произведеній переписывалась особыми переписчиками, имена которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дошли до насъ. О слабой ихъ подготовкѣ свидѣтельствуютъ многочисленныя ошибки, нерѣдко искажающія произведеніе. Обозначенія оттѣнковъ и тактовыя черты еще отсутствуютъ. Замѣчательнымъ образчикомъ перенесенія выработавшагося партеснаго стиля на свѣтскую музыку является «мірская пѣсня, написанная на 8 гласовъ крюками и киноварными помѣтками», о которой см. статью кн. Одоевскаго въ «Трудахъ Археолог. Съѣзда въ Москвѣ» (1871). При царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ начинаютъ распространяться польскіе духовные стихи, канты и псалмы, вытѣснившіе, мало-по-малу, старое демественное пѣніе. Въ описанномъ видѣ партесное и концертное пѣніе это перешло изъ XVII в. въ XVIII-й и продолжало держаться до конца царствованія Петра Великаго, который самъ пѣвалъ въ хорѣ (басовую, а иногда и теноровую партіи). Въ половинѣ XVIII в. мѣсто югозападныхъ теоретиковъ и учителей начинаютъ заступать пріѣзжіе итальянцы, и наше партесное пѣніе оттѣсняется на задній планъ концертными композиціями итальянскихъ маэстро и ихъ русскихъ послѣдователей. Переходъ былъ тѣмъ менѣе чувствителенъ, что польскій многоголосный стиль былъ отпрыскомъ и сколкомъ итальянскаго католическаго хорового стиля. Оживленіе нашего церковнаго пѣнія, изображенное выше, вызвало возникновеніе многочисленныхъ хоровъ. Епископы, митрополиты, монастыри, многія церкви держали свои хоры. Особенно славились царскіе и патріаршіе (впослѣдствіи синодальные) пѣвчіе (см. Пѣвчіе и Государевы пѣвчіе дьяки).

Литература по исторіи древняго церковнаго пѣнія (кромѣ цитир. выше и общихъ сочиненій): Артамоновъ († 1756), «О хомовомъ пѣніи» (въ «Труд. Кіевск. Дух. Акад.», 1876; отд. Кіевъ и Псковъ); Евгеній Болховитиновъ, «Историч. разсужденіе вообще о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи Россійскія церкви» (Воронежъ, 1799, 2 изд., СПб., 1804, перер. въ «Рус. Муз. Газетѣ», 1897, іюль—августъ); его же, «О русскомъ церковномъ пѣніи» («Отеч. Зап.», 1821 и «Странникъ», 1871, т. IV. въ біогр. Евгенія); Н. Горчаковъ, «Опытъ вокальной или пѣвческой музыки въ Россіи, отъ древнихъ временъ до нынѣшняго усовершенствованія сего искусства», съ 2-мя гравир. фигурами старинныхъ пѣвческихъ нотъ (М., 1808); Ѳ. П. Львовъ, «О пѣніи въ Россіи» (СПб., 1834); Н. Горчаковъ, «Объ уставномъ и партесномъ церковномъ пѣніи въ Россіи» («Москвитянинъ», 1841, ч. V.); В. Ундольскій, «Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи» («Чтенія Общ. Исторіи и Др. Росс.», М., 1846, № 3 и отд.); А. Ѳ. Львовъ, «О свободномъ или несимме тричномъ ритмѣ» (СПб., 1858); prince N. Joussoupoff, «Histoire de la musique en Russie. I. Musique sacrée, suivie d'un choix de morceaux de chants d'église anciens et modernes» (П., 1862); В. Стасовъ, «Что такое прекрасное демественное пѣніе» («Извѣстія Имп. Археолог. Общ.», 1863, т. V); «О вліяніи югозападныхъ братствъ на церковное пѣніе въ Россіи» («Правосл. Собесѣдн.», 1864, сентябрь); П. Безсоновъ, «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ» («Православное Обозрѣніе», 1864 г., № 5, 6); А. Ряжскій, «О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія» («Правосл. Обозрѣніе», 1866, № 9, 10, 11); о. Разумовскій, «О нотныхъ безлинейныхъ рукописяхъ церковнаго знаменнаго пѣнія» («Чтенія въ обществѣ любителей духовн. просвѣщенія», 1863, кн. I.); его же, «Объ основныхъ началахъ богослужебнаго пѣнія православной Греко-Россійской церкви» («Сборникъ на 1866 г.», изд. общ. древне-русск. искусства); его же, «Церковно-русское пѣніе» («Труды I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ», М., 1871); его же, «Церковное пѣніе въ Россіи» (I—III, М., 1867—69); его же, «Изслѣдованіе о знаменномъ пѣніи» (предисловіе къ «Кругу древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва», изд. 1884 г. общ. любит. др. письменности); его же, «Богослужебное пѣніе православной Греко-Россійской церкви. I. Теорія и практика церковнаго пѣнія» (М., 1886); кн. В. Ѳ. Одоевскій, «Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи» (газета «День», 1864, № 17 и отд., М., 1864); его же, «О пѣніи въ приходскихъ церквахъ» (историческія свѣдѣнія о нашемъ церковномъ пѣснопѣніи, «Домаш. Бесѣда», 1866, вып. XXVI и отд.); его же, «Опыты въ предѣлахъ погласицы древнерусскихъ тетрахордовъ» (М., 1869); его же, «Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго церковнаго православнаго пѣнія» («Труды I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ», М., 1871); его же, «Письма о древне-русской музыкѣ» («Искусство», 1883, № 17); его же, «Объ исконной великорусской музыкѣ» (о крюковой нотаціи и т. д.)—предисловіе къ вып. 5 ч. II «Каликъ перехожихъ» Безсонова (1861—64); Н. М. Потуловъ, «Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія православной россійской церкви» (М., 1872, 1874, 1875, 1884, нѣсколько изданій); П. М. Воротниковъ, «Замѣтки по поводу разсужденій о гармонизаціи церковно-русской мелодіи» («Труды I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ», 1871, т. II, 474); В. Комаровъ, «Двѣ публичныхъ лекціи о древнемъ церковномъ пѣніи» («Православное Оборзрѣніе», 1873, кн. 1, 3); Ю. Арнольдъ, «О теоретическихъ основаніяхъ древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія» (въ «Правосл. Обозрѣніи», 1873, апрѣль); его же, «Древніе церковные гласы» («Правосл. Обозрѣніе», 1878, 3); его же, «Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія, на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Вып. I. Теорія православн. церк. пѣнія вообще по

Библиотека "Руниверс"

ученію эллинск. и визант. писателей» (М., 1880, прилож. къ «Правосл. Обозр.» и отд.); его же, «Гармонизація древнерусскаго церк. пѣнія» (М., 1886); «Древнерусскій церковный напѣвъ и придворная капелла» («Древняя и Новая Россія», 1877, т. I); De Castro, «Methodus cantus Ecclesiastici Graeco-Slavici» (Римъ, 1881; рус. перев. I. Вознесенскаго, М., 1899); Орловскій, «Краткій очеркъ исторіи духовнаго одноголоснаго пѣнія въ Россіи» (Харьковъ, 1884); Смоленскій, «Общій очеркъ истор. и муз. значенія пѣвчихъ рукописей соловецк. библіотеки и азбуки пѣвчей Александра Мезенца» («Правосл. Собесѣдн.», 1887, февр.); его же, «Краткое описаніе древняго (XI—XII в.) знаменнаго ирмолога, принадлежащаго Воскресенскому, «Новый Іерусалимъ» именуемому, монастырю» (Казань, 1887); его же (безъ имени автора), «Обзоръ историч. концертовъ Синодальнаго училища церковнаго пѣнія въ 1895 г.» (М., 1895); Коневскій, «Краткая исторія церковнаго пѣнія въ церкви вселенской и мелодич. пѣнія въ церкви русской» (Нижній Новгородъ, 1888, 2 изд., М., 1897); его же, «Исторія гармоническаго пѣнія въ русской церкви съ прибавленіемъ краткихъ свѣдѣній объ организаціи пѣвчихъ хоровъ» (Нижній Новгородъ, 1888, 2 изд., М., 1897); монахъ Иннокентій, «Древнерусское знаменное пѣніе и о разумномъ его исполненіи» (СПб., 1890); Вознесенскій, «Образцы осмогласія роспѣвовъ Кіевскаго, Болгарскаго и Греческаго» (Рига, 1893, IV выпускъ къ цитир. выше отдѣльнымъ выпускамъ о названныхъ роспѣвахъ); Покровскій, «Знаменный роспѣвъ (большой)» (Новгородъ, 1897); его же, «Церковное осмогласіе и его теоретическое основаніе» (Новгородъ, 1897); А. Преображенскій, «По церковному пѣнію. Указатель книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей» (1793—1896 г., Екатеринославъ, 1897). Историческихъ памятниковъ у насъ издано очень немного. Можно указать лишь на изданія общества любит. древн. письм., гдѣ находимъ слѣдующія факсимильныя изданія: за 1877 г., № XV—«Сборникъ съ лицевыми изображеніями и съ крюковыми помѣтами: «На рѣкахъ Вавилонскихъ»; за тотъ же годъ, № VI—«Муз. теорет. трактатъ, принадлежащій, вѣроятно, Дилецкому: «Мудрость четвертая: мусика»; за 1880 г., т. LI—«Знаменія осмогласнаго пѣнія съ литерными помѣтами и линейными нотами», иначе «Мусикійское ученіе»; изд. въ 1884 г. подъ ред. о. Разумовскаго «Кругъ древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва» (3 т.). Въ протоколахъ этого общества (прот. 25 апрѣля 1878 г.) напечатаны также приписываемый Бортнянскому «Проектъ объ отпечатаніи древняго россійскаго крюкового пѣнія» и докладная записка князя П. П. Вяземскаго «О русскихъ рукописяхъ по древней музыкѣ» (см. также «Отчетъ о дѣятельности общ. люб. др. письм. за 1878 г.»).

XVIII вѣкъ). *Музыка свѣтская.* XVIII вѣкъ имѣетъ значеніе переходнаго періода въ исторіи нашей музыки. Въ до-Петровской Руси, скованной невѣжествомъ, предразсудками, тяжелымъ и коснымъ общественнымъ и государственнымъ строемъ, не было мѣста внутренней свободѣ художественнаго развитія. Всѣ почти сѣмена (кромѣ элементовъ нашей церковной музыки, заимствованныхъ извнѣ, но получившихъ своеобразное развитіе на нашей почвѣ), попадавшія къ намъ и на Западъ, имѣли здѣсь и тамъ разную судьбу. Восточный древній примитивный тамбуръ превратился на западѣ въ многострунную лютню или теорбу, а у насъ остался почти такой же бѣдной двухъ-или трехструнной домрой-балалайкой. Бѣдный струнами восточный ребабъ на Западѣ превращается въ семью многочисленныхъ смычковыхъ инструментовъ, соперничающихъ по богатству выраженія съ человѣческимъ голосомъ—а у насъ долгое время влачитъ существованіе въ видѣ убогаго «гудка». Близкій къ нашимъ гуслямъ Hackebrett (родъ цимбалъ) породилъ на З клавикорды, спинетъ, фортепіано—а у насъ гусли такъ и застыли на своей первобытной стадіи развитія. Отсутствіе условій для свободнаго духовнаго развитія дѣлало невозможной и правильную преемственность результатовъ труда отъ поколѣнія къ поколѣнію. Все это даетъ себя знать и въ XVIII в., напр. въ смѣнѣ юго-зап. партескаго пѣнія итальянскимъ концертнымъ: одинъ типъ многоголосной музыки безъ борьбы уступаетъ мѣсто другому, не вырабатываясь въ нѣчто болѣе совершенное, высшее. Попытки созданія національной оперы въ XVIII в. (Ѳомина и др.) въ сущности ничѣмъ не связаны ни съ аналогичными попытками Верстовскаго, ни съ геніальными созданіями Глинки. Только въ XIX в., съ Глинки, играющаго ту же роль въ исторіи нашей музыки, какую занимаетъ Пушкинъ въ нашей литературѣ, начинается настоящее органическое, послѣдовательное развитіе нашего музыкальнаго искусства. Это развитіе, однако, сдѣлалось возможнымъ только благодаря петровской реформѣ: ея результатамъ обязаны мы тѣмъ, что впослѣдствіи научились цѣнить свои національные, способные къ дальнѣйшему развитію элементы искусства. Петровская реформа разрѣшила оковы и путы, связывавшія свободу личности, и дала ей возможность безпрепятственно развиваться, хотябы только въ нѣкоторыхъ общественныхъ классахъ и условіяхъ. На первыхъ порахъ эта свобода не могла еще проявить себя творческой работой въ занимающей насъ области. Въ царствованіи Петра I и его ближайшихъ преемниковъ музыка продолжаетъ служить такой же «потѣхой» двора и высшаго общества, какъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Для Петра музыка была только средствомъ внесенія въ общественную жизнь бо́льшаго блеска, оживленія и разнообразія. Балы, ассамблеи, парады, шутовскія и торжественныя процессіи сопровождались звуками музыки, которыя сводилась на степень внѣшняго, шумнаго аксессуара. Самъ Петръ обнаруживалъ вкусъ только къ церковному пѣнію. На пріемѣ у курфюрстины ганноверской Софіи-Шарлотты, во время перваго своего заграничнаго путешествія, Петръ слушалъ за ужиномъ итальянскихъ пѣвцовъ съ «замѣтнымъ удовольствіемъ», но тѣмъ не менѣе заявилъ, что къ такой музыкѣ «большой охоты не имѣетъ». Ф. Веберъ сообщаетъ, что Петръ «такъ же мало находилъ удовольствія»

Библиотека "Руниверс"

въ операхъ и комедіяхъ, «какъ и въ охотѣ». То же говоритъ и Берхгольцъ. Когда Петръ въ 1717 г. былъ въ Парижѣ, нѣкоторые музыканты и пѣвцы парижской оперы просились къ нему на службу, но онъ отклонилъ ихъ предложеніе. Онъ отлично игралъ на барабанѣ и иногда въ веселой компаніи показывалъ свое искусство, которому научился еще въ дѣтствѣ, исполняя роль барабанщика въ своихъ «потѣшныхъ» полкахъ. Оркестры изъ заграничныхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ музыкантовъ начинаютъ появляться въ концѣ XVII в. не только у иноземныхъ пословъ, но и у русскихъ бояръ. По словамъ Корба, въ 1698 г. музыка составляла необходимую принадлежность разныхъ праздниковъ «въ домахъ всѣхъ купцовъ и богатѣйшихъ москвитянъ и нѣмецкихъ офицеровъ». Для театра, основаннаго въ 1702 г. въ Москвѣ, выписываются музыканты изъ Гамбурга. Плѣняясь «музыкальнымъ согласіемъ», русскіе, по словамъ Корба, считали музыку, однако, пустой забавой; они «ни за что не соглашались покупать удовольствіе, продолжающееся только нѣсколько часовъ, на годичные расходы». Къ пріѣзжимъ музыкантамъ отдавали въ выучку и природныхъ русскихъ—крѣпостныхъ. При этомъ обученіи, какъ свидѣтельствуетъ Веберъ, нерѣдко примѣнялись батоги, пока ученикъ «не научится и не станетъ играть». Неудивительно, если обученные такимъ образомъ русскіе артисты, вербовавшіеся изъ крѣпостныхъ или другихъ низшихъ сословій, нерѣдко обнаруживали большую грубость нравовъ. О дикихъ побоищахъ придворныхъ пѣвчихъ сообщаетъ Веберъ; онъ же говоритъ, что русскіе музыканты играли «безъ всякаго искусства». Оркестры Петровскихъ временъ состояли изъ небольшого числа музыкантовъ; даже въ придворномъ оркестрѣ числилось всего 20 чел.; преобладали мѣдные духовые инструменты. Въ особо торжественныхъ случаяхъ составлялись и болѣе обширные, сборные оркестры; такъ, во время коронаціи императрицы Екатерины (супруги Петра Вел.) въ Москвѣ былъ собранъ оркестръ изъ 60 чел. императорскихъ, герцогскихъ и другихъ музыкантовъ. По примѣру двора, и придворные — кн. Мельшиковъ, канцлеръ Головкинъ и др.,—а также Ѳеофанъ Прокоповичъ, заводили свои оркестры. Иностранные послы часто возили съ собою свою музыку и отправляясь въ гости; нѣкоторые изъ нихъ—напр. прусскій посолъ, баронъ Мардефельдъ—сами выступали въ качествѣ виртуозовъ или пѣвцовъ. Вообще музыкальныя забавы этого времени имѣли мало художественный характеръ. То являлся какой-нибудь виртуозъ въ родѣ «часового мастера Ѳистера», тѣшившаго Екатерину I своей игрой на «хрустальныхъ колоколахъ», то пажъ шведскаго посла, обладавшій «соловьинымъ голосомъ», показывалъ передъ ней свое искусство и т. п. Были, однако, дамы, умѣвшія играть на клавесинѣ (княгини Кантемиръ и Черкасская, графини Головнины, воспитанныя въ Швеціи). Болѣе серьезнымъ, повидимому, вкусомъ, отличался Ягужинскій. По его иниціативѣ устроились первые регулярные концерты, происходившіе еженедѣльно по средамъ (съ 1722 г. до смерти Петра) въ домѣ Бассевина, тайнаго совѣтника голштинскаго двора, при участіи голштинскаго придворнаго оркестра. Возникновенію у насъ многочисленныхъ оркестровъ, частныхъ и казенныхъ, напр. военныхъ, способствовала и шведская война. Послѣ одной Полтавской битвы въ Москву въ 1709 г. приведено были 121 человѣкъ разныхъ плѣнныхъ шведскихъ армейскихъ музыкантовъ, да изъ «королевской домовой роты» 4 трубача и 4 литаврщика. Многіе изъ этихъ плѣнныхъ музыкантовъ остались въ Россіи. Военная музыка была организована у насъ и раньше. Еще въ 1704 г., по проекту фельдмаршала Огильви, однихъ барабанщиковъ полагалось на пѣхотный полкъ по 30 и на конный по 12. Уже къ этому времени, вѣроятно, къ намъ былъ занесенъ изъ Европы весь инструментальный составъ тогдашняго оркестра. Въ царствованіе Петра впервые появляется участіе музыки въ похоронныхъ процессіяхъ. Народная пѣсня только изрѣдка слышалась при дворѣ. Казаки-бандуристы тѣшили своей игрой и пѣніемъ не только нѣкоторыхъ любителей, державшихъ ихъ при себѣ, но и высокопоставленныхъ особъ, напр. герцогиню Мекленбургскую и императрицу Екатерину. Въ 1722 г. при царскомъ дворѣ состояло двое бандуристовъ. Пѣніе ихъ нравилось иностранцамъ, которые перенимали отъ нихъ нѣкоторыя «веселыя пѣсни». Репертуаръ ихъ, вѣроятно, бо́льшею частью состоялъ изъ народныхъ пѣсенъ, иногда не совсѣмъ пристойныхъ, какъ можно судить по свидѣтельству Берхгольца. Интересъ къ бандуристамъ и ихъ музыкѣ свидѣтельствуетъ о невзыскательности музыкальныхъ вкусовъ того времени, а также о томъ, что нѣмецкая оркестровая музыка не вполнѣ ихъ удовлетворяла, частью по своей сложности, частью по чуждому содержанію. Важное значеніе для сохраненія народнаго искусства имѣлъ указъ 1722 г., которымъ разрѣшались «въ храмовые праздники при монастыряхъ и знатныхъ приходахъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія» запрещенныя при предшественникахъ Петра I народныя забавы, «для народнаго полированія, а не для какого безобразія». При Петрѣ II непремѣнной принадлежностью придворныхъ празднествъ являлись концерты. При обрученіи Петра II съ княжною Долгорукою вслѣдъ за пріѣздомъ невѣсты былъ «учиненъ избранный концертъ», послѣ чего явился и государь «при боѣ на литаврахъ и играніи на трубахъ». При Аннѣ Іоанновнѣ въ первый разъ появилась въ Россіи итальянская опера. Событіе это относится къ 1735 г. (не 1736 и 1737 г., какъ ошибочно думали многіе изслѣдователи). Въ спискѣ оперъ, игравшихся въ Россіи съ прошлаго вѣка, составленномъ В. В. Стасовымъ («Русск. Муз. Газета», 1898, январь, февр., мартъ), первой исполненной у насъ оперой является «Сила любви и ненависти» («La forza dell'amore e dell'odie»), текстъ К. Ф. П. (русскій перев. Тредьяковскаго), музыка итальянскаго композитора Франческо Арайи, придворнаго капельмейстера Анны Іоанновны. Эта опера,

Библиотека "Руниверс"

по имени ея героя, носила также названіе «Abiasare», вѣрнѣе «Albiazzare» (по русски—«Абіацаръ»). Еще ранѣше, въ 1730 г., ко дню коронаціи Анны Іоанновны было прислано польскимъ корол. Августомъ изъ Дрездена нѣсколько извѣстныхъ актеровъ, пѣвцовъ и музыкантовъ, для исполненія «італіанскихъ интермедій». Капельмейстеръ Гюбнеръ далъ правильное устройство придворному театру, организовалъ придворный «камерный» оркестръ (изъ нѣмцевъ), а для бальнаго набралъ 20 русскихъ мальчиковъ. Въ исполненіи «Albiazzare» участвовали въ 1737 г., огромный придворный хоръ пѣвчихъ, оперный оркестръ въ 40 чел. и четыре военныхъ оркестра. Обязанностью Арайи было управлять придворнымъ оперным театромъ и музыкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочинять новыя оперы для постановки на придворной сценѣ, какъ это было въ обычаѣ того времени. Въ вышеупомянутомъ спискѣ оперъ, исполненныхъ въ Россіи, значатся цѣлыхъ 17 оперъ, принадлежащихъ перу Арайи и представленныхъ на протяженіи 28 лѣтъ (1735 — 63). Шумъ, поднятый «Albiazzare», совсѣмъ заглушилъ другое важное событіе, совершившееся за годъ до его постановки—первое исполненіе «драммы на музыкѣ въ трехъ дѣйствіяхъ», «Силы любви и ненависти», переведенной съ итальянскаго и представленной *русскими пѣвцами* и *хоромъ* «на Новомъ Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ», по указу императрицы. Солисты и хоръ были взяты изъ придворной капеллы. Это представленіе можетъ считаться, въ извѣстномъ смыслѣ, началомъ русской оперы, точнѣе—началомъ оперныхъ представленій на русскомъ языкѣ. Анна Іоанновна тратила большія, по тогдашнему, суммы на содержаніе итальянскихъ пѣвцовъ и блестящую постановку оперъ, но музыки не любила и завела оперу только по примѣру другихъ европейскихъ дворовъ. Рядомъ съ итальянской оперой мы видимъ при Аннѣ Іоанновнѣ и народную пѣсню, въ качествѣ дворцовой забавы. Фрейлины императрицы набирались изъ одаренныхъ хорошими голосами дѣвицъ и должны были въ обычное время находиться въ комнатѣ рядомъ съ спальней государыни. Соскучившись, Анна Іоанновна отворяла къ нимъ дверь и приказывала: «ну, дѣвки, пойте!» Пѣніе должно было продолжаться, пока государыня не скажетъ: «довольно». По примѣру своихъ предшественниковъ, Анна Іоанновна держала и дворцоваго бандуриста, учившатося въ Дрезденѣ у знаменитаго лютниста Вейса. На шутовской свадьбѣ князя Голицына, праздновавшейся въ «Ледяномъ домѣ», представители разныхъ народовъ имперіи участвовали «съ принадлежащею каждому роду музыкаліею», что напоминаетъ до извѣстной степени шутовскія процессіи Петра Великаго и свидѣтельствуетъ о мало измѣнившемся съ тѣхъ поръ уровнѣ музыкальнаго развитія. Въ царствованіе Елизаветы Петровны итальянская опера достигла особаго блеска. Оркестръ усиленъ до 80 чел., въ труппу приглашены первоклассные пѣвцы; являются и русскіе пѣвцы (Полторацкій, впослѣдствіи директоръ капеллы, Березовскій, прославившійся какъ церковный композиторъ). Во главѣ оперы стоялъ тотъ же Арайя, написавшій впервые музыку на оригинальный русскій текстъ Сумарокова: «Цефалъ и Прокрисъ». Опера эта была исполнена (1755) на придворномъ театрѣ русскими пѣвцами. Въ этой «первой русской оперѣ» ни сюжетъ, ни музыка не имѣли ничего національнаго. Настоящая первая русская опера *) была исполнена лишь въ слѣдующемъ году, 27 ноября 1756 г. Это была «Танюша, или счастливая встрѣча», текстъ который принадлежалъ И. А. Дмитревскому, а музыка—основателю русскаго театра, актеру Ѳ. Г. Волкову, являющемуся, такимъ образомъ, и первымъ русскимъ оперным композиторомъ. Отсутствіе подробныхъ свѣдѣній объ исполненіи этой оперы указываетъ на слабое впечатлѣніе, произведенное ею, быть можетъ —въ силу ея неудовлетворительности, а также и соперничества болѣе блестящей и модной итальянской оперы. Въ томъ же году учрежденъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ (на Царицыномъ лугу), на которомъ шли и оперы. Оперные артисты играли и драматическія роли, и обратно; знаменитый Дмитревскій, напр., участвовалъ и въ операхъ. Въ 1760 г. былъ выстроенъ и въ Москвѣ театръ для русскихъ комедій, трагедій и оперъ. Труппа была составлена бо́льшею частью изъ дворовыхъ людей и подъячихъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько спавшихъ съ голоса придворныхъ пѣвчихъ. Во всякомъ случаѣ, въ оперѣ Волкова и учрежденіи русскаго театра сказалось то національное теченіе въ общественной жизни, которое довольно ярко проявилось въ царствованіе Елизаветы Петровны, какъ реакція противъ бироновщины и вообще нѣмецкой тиранiи при ея предшественникахъ. Сама императрица по воспитанію и привычкамъ была ближе къ русской жизни, чѣмъ къ западной. Любимецъ императрицы, А. К. Разумовскій, прежде пѣвчій, потомъ придворный бандуристъ, былъ музыкальнымъ меценатомъ. Благодаря его страсти къ музыкѣ, петербургская итальянская опера была одной изъ самыхъ лучшихъ во всей Европѣ. Покровительствомъ Разумовскаго пользовалась народная, особенно малороссійская музыка. Въ его штатѣ постоянно находилось нѣсколько бандуристовъ, «бандурщицъ» и даже нѣкая «Малороссіянка воспѣвательница». Подъ вліяніемъ двора, итальянскіе композиторы принялись сочинять пьесы на русскія темы. Скрипачъ Мадонисъ сочинилъ сюиту на народные мотивы и двѣ симфоніи въ томъ же родѣ. За нимъ сталъ писать на малороссійскія народныя темы Арайя. Балетмейстеръ Фузано ввелъ русскую пляску въ балетъ и самъ сочинялъ контрадансы на

*) Сохранились свѣдѣнія и о другихъ, болѣе раннихъ произведеніяхъ съ пѣніемъ и танцами. Такъ, въ 1743 г. была поставлена на придворной сценѣ старинная русская быль „Роза безъ шиповъ". Въ 40-хъ годахъ XVIII в. шла на придворной сценѣ „комедія *на музыкѣ* съ пѣніемъ и танцами", взятая „изъ древнихъ русскихъ сказокъ" А. И. Колычевымъ: „Храбрый и смѣлый ботатырь Сила Боберъ". Произведенія эти, вѣроятно, имѣли характеръ водевилей и во всякомъ случаѣ не носили названія „оперы".

Библиотека "Руниверс"

русскія темы. Такимъ образомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны впервые появляется и инструментальная музыка, представляющая попытки искусственной обработки русскихъ народныхъ темъ и положившая начало тому русско-итальянскому стилю, который мы встрѣчаемъ много спустя и у собирателей народныхъ пѣсенъ, вродѣ Д. Кашина, и у русскихъ композиторовъ, вродѣ Алябьева, Варламова и др. Новая національная струя не была въ состояніи бороться съ могущественной и блестящей итальянщиной, поддержанной примѣромъ европейскихъ дворовъ XVIII в. Итальянская музыка и пѣніе являлись непремѣнной принадлежностью всякихъ баловъ, торжественныхъ обѣдовъ и тому под. празднествъ. Русскіе вельможи начинаютъ заводить собственные домашніе театры и ставять оперы, съ пѣвцами и актерами крѣпостными. Нѣкоторые даже содержали на свой счетъ итальянскія оперныя труппы. Частная итальянская оперная (буффъ) и балетная труппа Локателли, образовавшаяся въ 1757 г., сначала выдерживаетъ, благодаря казенной субсидіи и даровому помѣщенію, конкурренцію съ придворной оперой (разъ въ недѣлю Локателли обязанъ былъ давать безплатный спектакль и при дворѣ); но когда антрепренеръ вздумалъ завести первый «большой оперный домъ и въ Москвѣ» (1759), московская публика, сначала повалившая смотрѣть диковинную новинку, скоро охладѣла къ оперѣ. То же произошло затѣмъ и въ Петербургѣ, не смотря на хорошій составъ труппы и доступность цѣнъ. Дѣла пошли плохо, и Локателли, распустивъ труппу, уѣхалъ изъ Петербурга. Исторія его фіаско показала, какъ мало еще имѣло корней въ русскомъ обществѣ увлеченіе итальянской оперой. Перенесенная въ общедоступный театръ, не различавшій ни званій, ни сословій, она скоро растеряла слушателей, у которыхъ не было еще настоящихъ художественныхъ интересовъ и потребностей. Да и при дворѣ приходилось чуть не насильно загонять слушателей въ оперу. Кромѣ Арайи, въ царствованіе Елизаветы Петровны у насъ писали и ставили оперы и кантаты нѣмецъ Раупахъ, авторъ второй «русской» оперы «Альцеста», на текстъ Сумарокова (исполнена въ 1758 г., съ двѣнадцатилѣтнимъ Бортнянскимъ въ главной роли), Мадонисъ (кантата на восшествіе Елизаветы: «Р. по печали паки обрадованная», 1742), Сарти («Соединеніе любви и брака», на бракосочетаніе вел. кн. Петра Ѳедоровича, 1745), Ципписъ («Вологезъ», 175?), Манфредини, считавшійся придворнымъ композиторомъ вел. кн. Петра Ѳедоровича (оперы его ставились преимущественно въ Ораніенбаумѣ, гдѣ для этого въ 1756 г. вел. князь построилъ большую концертную залу). Въ царствованіе Елизаветы Петровны кромѣ того ставились оперы Гассе, Глука, Паэзіелло, Монсиньи и Брюэля. Въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы Петровны (1761) театральныя представленія были закрыты. При Елизаветѣ Петровнѣ вошла въ употребленіе такъ называемая роговая, охотничья или полевая музыка, изобрѣтенная чехомъ Іогапномъ-Антономъ Марешемъ (1719 — 1794). Какъ отличный валторнистъ, Марешъ былъ приглашенъ въ Р. Бестужевымъ (1748), понравился императрицѣ своей игрой и былъ взятъ въ камеръ-музыканты. Гофмаршалъ Нарышкинъ поручилъ ему исправленіе грубыхъ охотничьихъ роговъ. Изъ этихъ инструментовъ, дававшихъ только по одному звуку, Марешъ организовалъ (1751 г.) роговой оркестръ, разыгрывавшій цѣлыя симфоніи и увертюры, къ удивленію иностранцевъ, одинъ изъ которыхъ (Массонъ, «Mémoires sur la Russie», 1802) сдѣлалъ, однако, ядовитое замѣчаніе, что подобная музыка «могла быть организована только въ такой странѣ, гдѣ существуетъ рабство». Марешъ оставилъ трактатъ о роговой музыкѣ, впослѣдствіи изданный его біографомъ (I. Ch. Hinrichs, «Entstehung, Fortgang, jetzige Beschaffenheit der russischen Jagdmusik», СПб., 1796; русскій переводъ—«Начало, успѣхи и нынѣшнее состояніе роговой музыки» СПб., 1796. На этой книгѣ основана статья Карновича, «Роговая музыка въ Р.», въ «Древн. и Нов. Р.», 1880, августъ, и замѣтка подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Русской Музыкальной Газетѣ», 1896 г. № 7). Во второй половинѣ XVIII в. роговая музыка очень распространилась въ Р.; въ самое послѣднее время она реставрирована въ придворномъ оркестрѣ и фигурировала на торжествахъ послѣдней коронаціи. Царствованіе Петра III, страстно любившаго музыку, ничѣмъ не успѣло отозваться на состояніи музыки въ Р., хотя онъ и питалъ широкіе музыкальные планы. Еще будучи вел. княземъ, не смотря на ограниченность своихъ средствъ, онъ держалъ въ своемъ штатѣ дорогихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ артистовъ, устраивалъ у себя концерты и оперы и собралъ прекрасную коллекцію скрипокъ. Въ его полулюбительскомъ оркестрѣ (до 40 ч.), въ которомъ онъ держалъ первую скрипку, принимали участіе и офицеры свиты, умѣвшіе на чемъ-нибудь играть. Вступивъ на престолъ, Петръ III по прежнему продолжалъ заниматься игрой на скрипкѣ. Проживая въ Ораніенбаумѣ, онъ устроилъ музыкальную школу для дѣтей придворныхъ садовниковъ. Екатерина II была, по словамъ Сегюра, «нечувствительна къ музыкѣ». Огромныя траты на оперу должны были, въ ея глазахъ, служить показателемъ богатства и могущества имперіи. Съ другой стороны, она была убѣждена, что «народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ». Разумѣется, подъ словомъ «народъ» здѣсь можно было разумѣть только тѣ партіи высшихъ классовъ, которыя занимались дворцовыми интригами и переворотами въ предшествующія царствованія: русскому «народу» итальянская опера была такъ же чужда въ тѣ времена, какъ и нынѣ. По свидѣтельству А. Н. Энгельгардта («Записки», 49), Екатерина II «изъ всѣхъ театральныхъ зрѣлищъ болѣе всего жаловала итальянскую оперу-буффъ». Немалую долю въ этомъ увлеченіи оперой-буффъ надо отнести и на счетъ вліянія такихъ придворныхъ «меломановъ», какъ кн. Потемкинъ, гр. Безбородко и др., для которыхъ итальянскія примадонны были интересны и съ совсѣмъ другой, не-музыкальной стороны. Такъ, по словамъ Сегюра, знаменитая и страшно дорогая

Библиотека "Руниверс"

пѣвица Тоди была выписана для князя Потемкина. Знатныя дамы «безумно», въ свою очередь, увлекались пѣвцами. Въ концѣ своего царствованія даже сама императрица признавала (въ разговорѣ съ Храповицкимъ), что «опера-буффъ всѣхъ перековеркала». Въ 1772 г. возникъ какой-то «музыкальной клубъ» (въ домѣ гр. Чернышева), гдѣ еженедѣльно давались концерты. Первое мѣсто среди придворныхъ театральныхъ увеселеній занимала итальянская опера, въ которую приглашали знаменитѣйшихъ пѣвцовъ и композиторовъ, послѣднихъ — въ качествѣ дирижеровъ и поставщиковъ новыхъ оперъ для придворной сцены. Спектакли итальянской оперы открылись осенью 1762 г. оперой Манфредини «Олимпіада», написанной на восшествіе императрицы на престолъ. Этому композитору принадлежатъ еще нѣсколько оперъ и кантатъ, исполненныхъ въ царствованіе Екатерины II. Преемникомъ его былъ маэстро венеціанской школы Бальтазаръ Галуппи; онъ написалъ нѣсколько оперъ, завелъ при дворѣ еженедѣльные концерты и занимался преподаваніемъ композиціи (Бортнянскій былъ его ученикомъ и въ Петербургѣ, и потомъ въ Италіи); ему же принадлежитъ нѣсколько церковныхъ сочиненій для придворнаго хора. Особый успѣхъ имѣли его «Дидона» и «Ифигенія». Одновременно съ Галуппи служилъ балетмейстеръ и композиторъ Анжолини, прибывшій въ Россію въ 1766 г. и пошедшій по стопамъ Фузано въ сочиненіи балетовъ à la russe. Въ 1767 г. онъ сочинилъ «огромный въ русскомъ вкусѣ балетъ, и, вмѣстя въ музыку онаго русскія мелодіи, симъ новымъ ума своего произведеніемъ удивилъ всѣхъ и пріобрѣлъ всеобщую себѣ похвалу». Мѣсто Галуппи занялъ неаполитанскій маэстро Томасо Траэтта, поставившій въ Петербургѣ пять оперъ и балетовъ своего сочиненія; затѣмъ былъ приглашенъ извѣстный Паэзіелло (въ СПб. съ 1776 по 1784 г.), учитель музыки императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ спискѣ оперъ Стасова значатся 22 его оперъ и балетовъ, изъ которыхъ въ царствованіе Екатерины II поставлено около 14. По уходѣ Паэзіелло приглашенъ былъ Сарти, уѣхавшій, однако, скоро на югъ Р., гдѣ, по его мысли, Потемкинъ устроилъ-было въ Екатеринославѣ первую музыкальную консерваторію, просуществовавшую весьма недолго. По смерти Потемкина, Сарти вернулся въ Петербургъ и занималъ мѣсто придворнаго капельмейстера до конца царствованія Павла I. Кромѣ нѣсколькихъ оперъ, написанныхъ и поставленныхъ въ Россіи (у Стасова приводятся 4 его оперы; кромѣ того, одна опера — «Начальное управленіе Олега», на текстъ императрицы, — написана имъ вмѣстѣ съ Каноббіо и Пашкевичемъ), Сарти написалъ нѣсколько духовно-музыкальныхъ произведеній для православнаго богослуженія и былъ учителемъ церковныхъ композиторовъ Веделя, Дехтерева и Давыдова, собирателя народныхъ пѣсенъ и композитора Д. Н. Кашина и др. Онъ писалъ музыку и въ русскомъ вкусѣ; одинъ изъ романсовъ этого рода: «Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить» сдѣлался даже народной пѣсней. Испанецъ Мартини или Мартинъ поставилъ длинный рядъ своихъ оперъ и балетовъ (у Стасова 14 названій). Особымъ успѣхомъ пользовались его оперы «Діанино дерево» и «Рѣдкая вещь» («Cosa rara»), славившіяся и въ Европѣ. Съ 1789 по 1792 г. жилъ въ Россіи и знаменитый Чимароза (въ спискѣ Стасова значатся 12 его оперъ). Изъ другихъ иностранныхъ композиторовъ, работавшихъ въ Петербургѣ, выдаются баронъ Ванжуръ, авторъ двухъ оперъ на текстъ самой императрицы («Храбрый и смѣлый витязь Ахридѣичъ» и «Иванъ Царевичъ», обѣ 1787 г.), и французъ Бюланъ, авторъ многочисленныхъ оперъ (въ спискѣ Стасова — 15), изъ которыхъ нѣкоторыя написаны на русскіе тексты *). По числу композиторовъ, оперы которыхъ исполнялись въ С.-Петербургѣ, первое мѣсто принадлежало итальянцамъ; затѣмъ слѣдовали французы и послѣ всѣхъ нѣмцы. Въ 1766 г. на оперу и камерную музыку шло 37400 руб., на постановку новыхъ оперъ 6000 р., на придворный бальный оркестръ 9200 р. Когда, въ видахъ доставленія народу «зрѣлищъ», разрѣшено было «всякому заводить благопристойныя для публики забавы», отсюда была взята итальянская опера, составлявшая привилегію двора. Въ 1762 г., для устройства духовныхъ придворныхъ концертовъ въ великомъ посту, выписанъ былъ изъ Вѣны чехъ, концертмейстеръ Старцеръ. Концерты его имѣли весьма ограниченный кругъ слушателей и не оставили никакихъ прочныхъ слѣдовъ въ исторіи нашей музыки. Въ 1764 г. явилась франц. комическая опера, но, не смотря на успѣшное исполненіе своего репертуара, она не могла соперничать съ итальянской оперой. Когда контрактъ съ казной окончился, французы попробовали было продолжать свои спектакли, но, не имѣя успѣха, принуждены были примкнуть къ нѣмецкой труппѣ, а затѣмъ и совсѣмъ оставить Р. Замѣчательно, однако, что господство итальянской оперы (о музыкальномъ вкусѣ тогдашней петербургской публики можно получить представленіе изъ собранія наиболѣе популярныхъ мѣстъ изъ итальянскихъ оперъ того времени, изданнаго въ 1796 г. подъ заглавіемъ «Giornale musicale del Teatro italiano di S. Pietroburgo») шло рука объ руку съ подъемомъ національнаго направленія, отразившагося въ рядѣ оперъ съ сюжетами изъ русской жизни и исторіи, музыка которыхъ принадлежала русскимъ композиторамъ, и въ появленіи довольно многочисленныхъ русскихъ музыкантовъ — композиторовъ, виртуозовъ и пѣвцовъ. Народная пѣсня, неприхотливая самодѣльная инструментальная музыка съ дѣтства окружали русскаго ребенка и юношу; попавъ въ столицу, онъ не могъ отрѣшиться отъ впечатлѣній дѣтства. Любовь къ родной пѣснѣ, поэтому, не выводилась. На эрмитажныхъ вечерахъ, по словамъ П. И. Сумарокова, «иногда... пѣли хоромъ подблюдныя пѣсни»... Между близкими къ императрицѣ людьми

*) Итальянскія оперы въ царствованіе Екатерины писали и наши церковные композиторы, Березовскій и Бортнянскій, въ бытность свою въ Италіи; но для Р. эта дѣятельность ихъ осталась совершенно неизвѣстной и прошла безслѣдно.

Библиотека "Руниверс"

были такіе чисто русскіе люди, какъ графъ Алексѣй Орловъ, любившій, по словамъ Державина, «простую русскую жизнь, пѣсни, пляски и всѣ другія забавы простонародныя». Благодаря всему этому въ музыкѣ является рядъ самородковъ, вышедшихъ, бо́льшею частью, изъ народной массы. Таковъ былъ Евстигней Ѳоминъ, капельмейстеръ театра Медокса въ Москвѣ, написавшій около 30 русскихъ оперъ, на тексты самой императрицы, Аблесимова, Княжнина, И. А. Дмитревскаго, И. А. Крылова, Капниста и др. Одна изъ первыхъ его оперъ этого рода, «Анюта», была поставлена въ 1772 г. въ Царскомъ Селѣ и имѣла большой успѣхъ среди придворной публики. Въ томъ же году въ Москвѣ шла опера неизвѣстныхъ авторовъ: «Любовникъ-колдунъ», текстъ и музыка которой взяты изъ русскихъ пѣсенъ (она тожественна, можетъ быть, съ одинаковой по названію оперой Бюлана и Николева, шедшей въ Петербургѣ тоже въ 1772 г.). Оперы писалъ также капельмейстеръ Матинскій, крѣпостной, получившій образованіе на счетъ своего господина, графа Ягужинскаго, въ Россіи и Италіи. Изъ нихъ особенный успѣхъ имѣлъ «Гостиный Дворъ», текстъ которой также принадлежалъ Матинскому. Самый большой успѣхъ имѣла опера Ѳомина на текстъ Аблесимова: «Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ», поставленная въ 1779 г. въ Москвѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ, на придворномъ театрѣ; но здѣсь она была найдена слишкомъ вульгарной по содержанію и снята съ репертуара. Камеръ-музыкантъ Паскевичъ или Пашкевичъ написалъ нѣсколько оперъ въ народномъ духѣ, пользуясь народными мотивами; ему поручались также тѣ нумера оперъ, сочинявшихся иностранными композиторами, которые должны были имѣть національный характеръ. Такъ, въ операхъ на текстъ Екатерины: «Начальное управленіе Олега» и «Федулъ съ дѣтьми» Пашкевичемъ написаны всѣ народные хоры. Русскія оперы еще писали: Бюланъ, котораго «Сбитенщикъ» (1789, текстъ Княжнина) имѣлъ успѣхъ одинаковый съ успѣхомъ «Мельника», Керцелли, кн. Бѣлосельскій, Бриксъ, Фрейлихъ, Поморскій и др. Кромѣ того, иностранныя оперы обыкновенно переводились и переходили на русскую сцену, гдѣ исполнялись русскими пѣвцами. Русская оперная труппа по прежнему не была отдѣлена отъ драматической; только нѣкоторые пѣвцы съ выдающимися голосами составляли исключеніе, участвуя въ одной оперѣ. Оркестръ придворной русской оперы былъ тотъ же, что и въ итальянской. Хоры и здѣсь, и тамъ исполнялись придворными пѣвчими. Всѣ перечисленныя выше національныя оперы Екатерининской эпохи были весьма незатѣйливы. Аріи имѣли бо́льшею частью куплетную форму; речитативъ замѣнялся діалогомъ, какъ во французской опереттѣ или нѣмецкомъ Singspiel; ансамбли были сравнительно рѣдки. Инструментовка главнымъ образомъ основана была на струнномъ квинтетѣ, къ которому иногда присоединялись духовые (гобой, фаготъ, валторна, въ фортиссимо — трубы). Поползновенія на драматическую характеристику и развитіе сюжета не выходили изъ самыхъ скромныхъ предѣловъ. Національный характеръ музыки имѣлъ условный оттѣнокъ, не выходя изъ рамокъ пользованія народными мелодіями въ итальянизированномъ ихъ изложеніи или слабыхъ попытокъ подражанія имъ. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ и здѣсь замѣтны проблески таланта и извѣстное техническое умѣнье. Во всякомъ случаѣ эти произведенія вполнѣ были по плечу тогдашней публикѣ и находили постоянныхъ и многочисленныхъ слушателей. Давались русскія оперы въ Петербургѣ, кромѣ придворнаго театра, и въ нѣсколькихъ другихъ. Много было домашнихъ сценъ, содержимыхъ вельможами и богатыми помѣщиками. Крѣпостные пѣвцы и пѣвицы, оркестровые музыканты и даже композиторы подвизались на этихъ приватныхъ сценахъ. Князь Потемкинъ въ своихъ походахъ на югѣ Россіи возилъ съ собою итальянскихъ пѣвцовъ, великолѣпный оркестръ и огромный хоръ пѣвчихъ. Инструментальная музыка стояла на заднемъ планѣ: музыкальное развитіе публики находилось еще на слишкомъ низкомъ уровнѣ, чтобы она могла интересоваться симфонической музыкой. Оркестровая музыка по прежнему являлась шумной принадлежностью роскоши, блеска и тщеславія на балахъ, пирахъ, прогулкахъ по водѣ и т. д. Въ игрѣ на отдѣльныхъ инструментахъ интересовала прежде всего виртуозная сторона, вкусъ къ которой поддерживался и заѣзжими вокальными виртуозами. Лучшимъ оркестромъ былъ придворный оперный, состоявшій, по штату 1766 г., изъ 35 человѣкъ и насчитывавшій въ своей средѣ первоклассныхъ артистовъ, особенно во второй половинѣ царствованія Екатерины. По штатамъ 1766 г. въ оркестрѣ было 16 скрипачей, 4 альтиста, по два віолончелиста, контрбасиста, фаготиста, флейтиота, гобоиста, валторниста и трубача и 1 литавристъ. Въ составѣ оркестра были и русскіе виртуозы, напр. скрипачъ Антонъ Хандошкинъ († 1804), сынъ бѣднаго петербургскаго портного, первоклассный виртуозъ и плодовитый композиторъ для скрипки (сонаты, концерты, варіаціи на народныя пѣсни), въ томъ же національномъ направленіи, въ какомъ писали Ѳоминъ, Пашкевичъ, Матинскій. Особое распространеніе при Екатеринѣ получила роговая музыка: роговые оркестры (изъ крѣпостныхъ) держали, между прочимъ, Григорій Орловъ и Потемкинъ, имѣвшій у себя также хоры молдаванъ, венгерскихъ и еврейскихъ музыкантовъ. Мода на музыку отразилась и на военныхъ оркестрахъ; нѣкоторые изъ нихъ доходили до 100 чел. и болѣе. Многіе полки держали свои пѣвческіе хоры. Изъ инструментальныхъ композиторовъ Екатерининскаго времени выдавался своими полонезами («Громъ побѣды раздавайся» и «Русскими летитъ странами на златыхъ крылахъ молва», на слова Державина) О. А. Козловскій, родомъ полякъ († 1831), и его землякъ графъ М. Огинскій, полонезы котораго, невысокой музыкальной цѣнности, въ свое время были очень популярны. Симфоническихъ русскихъ произведеній, въ это

Библиотека "Руниверс"

время, еще не было. Къ Екатерининской же эпохѣ относится возникновеніе искусственной русской пѣсни и романса, нерѣдко входившихъ затѣмъ въ народное употребленіе. Тексты къ нимъ писали Богдановичъ, Капнистъ, Державинъ, Дмитріевъ, М. Поповъ, Сумароковъ, князь Горчаковъ; особенной популярностью пользовались произведенія Нелединскаго-Мелецкаго. Музыку къ нимъ сочиняли Сарти, Дицъ, Козловскій и др. Кое-что вошло въ народную пѣсню и изъ популярныхъ итальянскихъ оперъ Паэзіелло и другихъ. Распространенію вкуса къ музыкѣ служило при Екатеринѣ и воспитаніе. Хотя сама императрица и высказала (въ учебной инструкціи воспитателю великихъ князей, кн. Салтыкову) довольно пренебрежительный взглядъ на воспитательное значеніе музыки, тѣмъ не менѣе преподаваніе музыки было введено при ней въ учебныя заведенія, главнымъ образомъ женскія. Бецкій предписывалъ изъ питомцевъ воспитательнаго дома «у кого проявится способность къ пѣнію и музыкѣ — избирать учителей музыкѣ». Въ 1779 г. воспитательный домъ заключилъ контрактъ съ антрепренеромъ Карломъ Книпперомъ, державшимъ театрально-музыкальную школу, по которому тотъ долженъ былъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ обучать музыкѣ и сценическому искусству 50 воспитанниковъ дома обоего пола, а потомъ предоставить имъ оплачиваемыя мѣста въ своемъ театрѣ. Въ томъ же году основана первая у насъ спеціальная школа сценическаго и музыкальнаго искусства—театральное училище. Въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ кадеты обучались пѣнію и игрѣ на разныхъ инструментахъ; пѣвческій хоръ корпуса славился въ городѣ; для занятій съ нимъ приглашенъ былъ Бортнянскій. Въ Смольномъ институтѣ, воспитательномъ домѣ, московскомъ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ также устраивались воспитанниками концерты. Наслѣдникъ престола, вел. князь Павелъ Петровичъ, учился играть на клавикордахъ. Распространеніе музыкальнаго образованія (хотя бы и очень легкаго и поверхностнаго) въ широкой массѣ общества вызвало появленіе ряда переводныхъ руководствъ, въ томъ числѣ перваго у насъ «Вѣрнаго наставленія въ сочиненіи генералъ-баса» (соч. Келнера, пер. съ нѣм. Зубрилова, М., 1791). Плодомъ вышеизображеннаго широкаго насажденія музыкальнаго «художества» является музыкальный дилеттантизмъ, наложившій свой отпечатокъ на исторію нашей музыки и въ текущемъ столѣтіи, но служившій хорошей подготовительной ступенью для болѣе серьезныхъ занятій искусствомъ. Явились недурные пѣвцы и пѣвицы дилетанты, хорошія любительницы-музыкантши въ родѣ кн. Дашковой, дилеттанты-композиторы въ родѣ кн. Бѣлосельскаго и Горчакова. Возникаетъ довольно многочисленная литература музыкальныхъ альманаховъ, образчикомъ которой могутъ служить: «Музыкальныя увеселенія, содержащія въ себѣ оды, пѣсни Россійскія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, аріи, дуэты польскіе и пр.» (см. объ этой литературѣ брошюру г. Лисовскаго: «Музыкальные альманахи XVIII стол.», СПб., 1882). Появляется, вмѣстѣ съ интересомъ къ народной жизни, быту, преданіямъ и рядъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ сборникъ Львова и Прача («Собраніе народныхъ русскихъ пѣсенъ съ ихъ голосами», СПб., 1790; 2 изд. исправл. и дополн., 1805, 3-е—1815, 4-е—1897). Въ это же время начинаютъ появляться и обработки малорусскихъ пѣсенъ («Малороссійская пѣсня: на бережку уставка», М., 1794). Царствованіе Павла I не внесло ничего новаго въ исторію нашей музыки. Самъ императоръ былъ довольно равнодушенъ къ музыкѣ. Замѣтивъ «превеликую толпу» музыкантовъ преображенскаго полка, Павелъ отобралъ изъ нихъ по два лучшихъ валторниста и кларнетиста и одного лучшаго фаготиста, приказавъ на будущее время ограничить этимъ составъ полкового оркестра, остальныхъ же музыкантовъ перечислить въ строевые солдаты. Вслѣдъ за этимъ изданъ былъ приказъ, чтобы полковые оркестры не превышали числомъ 5 чел.; на всю артиллерію оставлялось только 7 чел. музыкантовъ. Въ театрахъ при Павлѣ продолжала господствовать иностранная опера, итальянская и французская, при чемъ замѣтно ослабленіе первой и усиленіе второй. Въ репертуарѣ большой разницы съ временъ Екатерины не замѣчается: новыя произведенія итальянской школы принадлежали почти тѣмъ же композиторамъ, пьесы которыхъ ставились въ предыдущее царствованіе; изъ французскихъ больше, чѣмъ при Екатеринѣ, поставлено оперъ Гретри и Далейрака; изъ нѣмецкихъ находимъ двѣ оперы Моцарта и одну Глука — композиторовъ, совершенно отсутствовавшихъ въ Екатерининскомъ репертуарѣ: вообще репертуаръ имѣетъ нѣсколько болѣе серьезный характеръ. При имп. Павлѣ запрещенъ былъ ввозъ нотъ изъ-за границы и отмѣнено обученіе музыкѣ въ тѣхъ институтахъ, гдѣ учились дѣвушки не-дворянскаго происхожденія. Послѣдняя мѣра исходила отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, высказавшей въ 1797 г. мысль, что обученіе музыкѣ и танцамъ, «будучи существеннымъ требованіемъ въ воспитаніи дѣвицы благородной, становится не только вреднымъ, но даже гибельнымъ для мѣщанки и можетъ увлечь ее въ общества, опасныя для добродѣтели».

Литература. Ѳ. Кони, «Начало драмы, оперы и балета въ Россіи» («Пантеонъ», 1847); Г. Геннади, «Библіографическія указанія объ операхъ въ Р. въ XVIII в.» («Русская Сцена», 1865, № 4, 5); Михневичъ, «Историческіе этюды русской жизни. Т. I. Очеркъ исторіи музыки въ Р. въ культурно-историческомъ отношеніи» (СПб., 1879); Танѣевъ, «Публичные концерты и балы въ столицахъ» («Русскій Архивъ», 1885, т. II, 442 — 446); Свѣтловъ, «Русская опера въ XVIII стол.» (2-я кн. «приложеній» къ «Ежегоднику Императорскихъ Театровъ», 1897—98). Новыя изданія русскихъ оперъ прошлаго вѣка сдѣланы Юргенсономъ (М., 1895). Изъ старыхъ изданій имѣется еще: «Музыка оперы комической Горе Богатыря Косометовича (sic!), соч. Мартина, для клавиръ съ голосами, переложен-

Библиотека "Руниверс"

ная Прачемъ» (СПб., 1789). Ср. «Каталогъ» Смирдина, № 5416.

2) *Церковная музыка.* Въ то время, какъ исторія свѣтской музыки начинается въ XVIII в. съ полнаго господства иноземной музыки, иностранныхъ оркестровъ и композиторовъ и только во второй половинѣ столѣтія возникаютъ первыя попытки созданія національной музыки, наша церковная музыка, наоборотъ, въ началѣ вѣка представляетъ гораздо больше самостоятельности и самобытности, чѣмъ въ концѣ. Наблюдается поразительная напряженность работы, направленной на гармонизацію древнихъ и мѣстныхъ напѣвовъ, созданіе новыхъ пѣснопѣній и службъ мѣстнаго и спеціальнаго характера и развитіе хоровой техники, напоминающей, своимъ пристрастіемъ къ чрезмѣрному многоголосію, отчасти техническія увлеченія нидерландскихъ контрапунктистовъ, отчасти (и гораздо болѣе) многохорныя сочиненія итальянскихъ композиторовъ XVII в. И тутъ, и тамъ сказывалось увлеченіе технической стороной, борьба и игра съ трудностями. Слабость нашей культуры, отсутствіе правильной систематической школы, не только музыкальной, но и общеобразовательной, проистекавшее отсюда отсутствіе преемственности развитія дѣлали все это движеніе непрочнымъ. Со второй половины XVIII в. указанное движеніе въ области церковной музыки уступаетъ мѣсто—повидимому, безъ особой борьбы—новымъ видамъ итальянскаго партеснаго или концертнаго пѣнія, ведущимъ свое начало отъ произведеній итальянскихъ пріѣзжихъ маэстро—Галуппи, Сарти—и ихъ ближайшихъ учениковъ и послѣдователей. Многое въ исторіи этой смѣны одного направленія другимъ еще совсѣмъ темно. Мы очень мало знаемъ, гдѣ и какъ получали свои техническія знанія наши церковные композиторы Петровскаго времени. Неясно также, когда именно начинается вліяніе пріѣзжихъ итальянскихъ маэстро на нашу церковную музыку. Уже при Аннѣ Іоанновнѣ наши придворные пѣвчіе участвуютъ въ исполненіи итальянскихъ оперъ подъ управленіемъ итальянскихъ капельмейстеровъ, привыкая, такимъ образомъ, къ новому вокальному стилю. Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ (въ разсужденіи «О древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи») относитъ появленіе «чистой италіанской музыкальной гармоніи» въ «россійскомъ церковномъ пѣніи» къ царствованію Елизаветы Петровны, когда появились, будто-бы, и знаменитые регенты, какъ Рачинскій и Березовскій. На чемъ основано это мнѣніе, неизвѣстно; но его достовѣрность подорвана невѣрной ссылкой на Березовскаго, который при Елизаветѣ былъ простымъ придворнымъ пѣвчимъ и въ Италію былъ посланъ уже при Екатеринѣ II, когда ему было всего 20 лѣтъ. Вліяніе Цонписа (капельмейстера въ театрѣ Локателли въ царствованіе Елизаветы Петровны и преподавателя теоріи въ придворной пѣвческой капеллѣ) было, повидимому, невелико: онъ былъ первымъ учителемъ Березовскаго, который окончательнымъ своимъ развитіемъ обязанъ былъ знаменитому болонскому теоретику, падре Мартини. Галуппи, своимъ примѣромъ, какъ композиторъ духовной музыки, и своимъ вліяніемъ на Бортнянскаго, бывшаго всецѣло его ученикомъ, является первымъ значительнымъ дѣятелемъ въ области нашей искусственной духовной музыки XVIII вѣка, рѣшительно и надолго направившимъ ее въ русло полнаго итальянизма. Настоящимъ церковнымъ композиторомъ, хотя-бы и въ итальянскомъ смыслѣ этого слова, Галуппи, выдающійся представитель итальянской комической оперы прошлаго вѣка, никогда не былъ; но его авторитетъ, какъ европейской знаменитости, довольно сильная техника и внѣшняя красивость музыки, вмѣстѣ съ придворнымъ его положеніемъ, создали ему такое вліяніе, съ которымъ бороться было невозможно. Съ него начинаетъ упрочиваться въ нашей духовной музыкѣ тотъ слащавый, сентиментально-игривый оперно-концертный итальянскій стиль, который до сихъ поръ господствуетъ въ ней, опредѣляя вкусы не только общества, но, отчасти, и духовенства, призваннаго блюсти чистоту и строгость церковнаго обряда. Сочиненія Галуппи (частью изданныя пѣвч. капеллою и Юргенсономъ въ Москвѣ, частью оставшіяся въ рукописяхъ) еще до сихъ поръ исполняются изрѣдка въ духовныхъ концертахъ. Рядомъ съ нимъ, по силѣ вліянія, долженъ быть поставленъ Сарти, учитель Веделя, Давыдова и Дегтерева и композиторъ нѣсколькихъ духовныхъ произведеній. Его оперный стиль даетъ себя чувствовать въ его духовныхъ композиціяхъ (разительный примѣръ—двухорное «Отче нашъ», изд. Юргенсономъ). Его произведенія, полныя внѣшняго блеска и оперная пафоса, нерѣдко разсчитанныя на грандіозныя и необычныя средства (въ родѣ извѣстной ораторіи «Тебе Бога хвалимъ», исполненной въ 1789 г. въ главной квартирѣ кн. Потемкина, подъ Яссами, хоромъ пѣвчихъ въ 300 чел., оркестромъ, нѣсколькими хорами военной музыки, съ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой изъ 10 орудій), какъ нельзя лучше отвѣчали грандіозно-блестящему и въ то же время фривольно-чувственному вѣку Екатерины II. Самымъ раннимъ представителемъ новаго итальянскаго стиля изъ числа русскихъ церковныхъ композиторовъ былъ Березовскій (1745—77), вернувшійся изъ Италіи въ 1774 г. лавреатомъ болонской музыкальной академіи и не нашедшій на родинѣ никакого примѣненія своимъ знаніямъ и таланту, что, въ связи съ извѣстной общероссійской слабостью, привело его къ трагическому концу. Наиболѣе серьезныя стороны своего таланта и композиторской техники Березовскій проявилъ въ своемъ 4-голосномъ концертѣ: «Не отвержи мене во время старости» (изд. Юргенсономъ). Остальныя изданныя вещи его слабѣе. Многія другія сочиненія, имѣющіяся въ рукописяхъ, быть можетъ только приписываются ему. Въ отличіе отъ итальянцевъ, совсѣмъ не заботившихся о соотвѣтствіи музыки тексту въ сочиненіяхъ для нашего богослуженія (въ значительной степени — по незнанію языка), Березовскій стремился къ возможно строгому соотвѣтствію музыки и

Библиотека "Руниверс"

словъ не только въ смыслѣ просодіи, но и въ смыслѣ истолкованія музыкою ихъ содержанія. Произведенія его имѣли вообще довольно слабое распространеніе. Счастливѣе былъ другой талантливый представитель итальянскаго концертнаго стиля, Бортнянскій (1751—1825), учившійся у Галуппи сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Италіи, гдѣ пробылъ до 1779 г. Вскорѣ по возвращеніи Бортнянскій былъ назначенъ «композиторомъ придворнаго пѣвческаго хора», а въ 1796 г.—директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Превосходный техникъ, хотя и въ итальянскомъ духѣ, часто жертвующемъ благозвучію музыкальной характеристикой и мелодической независимостью голосовъ (пристрастіе къ параллелизмамъ голосовъ, движущимся параллельными секстами или терціями, что влечетъ за собой въ концѣ концовъ монотонность и безцвѣтность), Бортнянскій былъ весьма плодовитымъ духовнымъ композиторомъ, создавшимъ цѣлый рядъ образцовъ, которымъ слѣдовали и позднѣйшіе наши церковные композиторы (напр. форма «Херувимской», сдѣлавшаяся типичной). Ученики Сарти—Дегтеревъ (1766—1813), Ведель (1770—1806 или 1810), Давыдовъ (1777—1825) —представляютъ еще бо́льшую степень увлеченія итальянскимъ стилемъ. У Дегтерева и Веделя преобладаетъ элементъ сентиментально-слащавый, выраженный въ кудреватомъ, мелодическомъ по преимуществу стилѣ. Стройной полноты, гармоническаго равновѣсія между голосами хора произведенія Веделя и Дегтерева не представляютъ. Оба жертвуютъ цѣлымъ въ пользу красивыхъ мелодическихъ выходокъ въ отдѣльныхъ голосахъ, обрекающихъ другіе на совершенно пассивную и безцвѣтную роль. Достоинство обоихъ композиторовъ — стремленіе согласовать музыку съ текстомъ и выразить религіозное настроеніе, заключающееся въ словахъ послѣдняго. Это не всегда удавалось имъ, вслѣдствіе ограниченности дарованія, односторонности музыкальнаго развитія и вкуса. Къ чести Веделя нужно сказать, что онъ строго судилъ свои произведенія. Сочиненія обоихъ остались въ рукописи. Сочиненія Давыдова отражаютъ блестящую сторону композиторскаго дарованія его учителя, Сарти. Мы находимъ въ нихъ звучность, бойкость и размашистость мелодическаго движенія голосовъ, бо́льшую гармоническую полноту и болѣе рѣшительную модуляцію, чѣмъ у Веделя и Дегтерева; зато въ нихъ отсутствуетъ почти совершенно глубина и чистота религіознаго чувства и настроенія. И у Давыдова есть наклонность къ аріознымъ, сольнымъ выходкамъ въ итальянскомъ мелодическомъ вкусѣ, при бо́льшей, впрочемъ, уравновѣшенности отдѣльныхъ голосовъ. Подвижный, отчетливый ритмъ придаетъ имъ какой-то маршеобразный характеръ, неумѣстный въ духовной музыкѣ. У всѣхъ трехъ мы находимъ отсутствіе самостоятельности и художественной свободы въ голосоведеніи, а также разнообразія и непринужденности модуляцій, присущихъ Бортнянскому, не смотря на указанные недостатки его стиля. Дѣятельность итальянскихъ маэстро и ихъ послѣдователей быстро распространила новый концертный стиль духовной музыки по всей Россіи; этому способствовало размноженіе пѣвческихъ хоровъ и школъ для обученія церковному пѣнію. Лучшимъ хоромъ была придворная пѣвческая капелла, поставленная на замѣчательную высоту еще предшественниками Бортнянскаго. Въ 1767 г. въ ней было 100 человѣкъ, преимущественно малороссовъ. Бортнянскій, ставъ ея директоромъ, выбралъ для нея лучшіе голоса изъ архіерейскихъ хоровъ по всей Россіи, изгналъ разныя дурныя пѣвческія привычки (крикъ и т. д.) и довелъ капеллу до высшаго совершенства. Въ 1769 г. синодъ постановилъ напечатать *Ирмологъ*, *Обиходъ*, *Октоихъ* и *Праздники* исправнаго знаменнаго распѣва (см. исторію этого печатанія у Безсонова, «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ», въ «Правосл. Обозрѣніи» 1864 г., май и іюнь, и «Знаменат. года въ исторіи Русскаго церковнаго пѣнія», въ «Православномъ Обозрѣніи» 1872 г. январь и февр.). Источниками для составленія печатныхъ нотныхъ книгъ служили линейныя рукописи 2-й половины XVIII в. Крюковыя рукописи, сохранившіяся въ употребленіи у старообрядцевъ, не были привлекаемы къ сравненію и составленію свода напѣвовъ. Самое дѣло свода, корректуры и печатанія было поручено простымъ иподіаконамъ и пѣвчимъ, не имѣвшимъ никакихъ музыкально-археологическихъ познаній и руководившихся только практикой богослужебнаго пѣнія. Этимъ объясняется, почему въ нотныя книги, изданныя синодомъ, не вошла масса исконныхъ древнихъ напѣвовъ, только теперь дѣлающихся достояніемъ музыкальной археологіи, а включены нѣкоторыя пѣснопѣнія въ родѣ «Взбранной воеводѣ» Жуковскаго распѣва. Въ 1778 г. напечатанъ «Сокращенный Обиходъ» нотнаго пѣнія, приспособленный для домашняго подготовленія къ церковному пѣнію неопытныхъ клириковъ и составленный по мѣстному обычному пѣнію новгородской епархіи. Печатныя нотныя книги оставили совсѣмъ въ сторонѣ *кондакарное*, неразобранное еще пѣніе, *демественное*, неполные *знаменные* распѣвы и разные мѣстные и частные *переводы*, а также огромное большинство пѣснопѣній *знаменнаго путевого* распѣва. Кромѣ знаменнаго и обычнаго распѣвовъ, въ печатныя книги вошли новые распѣвы—кіевскій, греческій, частью болгарскій и очень немного образцовъ гераснмовскаго, знаменнаго путевого и знаменнаго «иного распѣва». Съ тѣхъ поръ нотныя пѣвческія книги постоянно перепечатываются новыми изданіями, безъ всякихъ измѣненій. — Успѣхъ итальянскихъ композиторовъ и ихъ русскихъ послѣдователей вызвалъ много второстепенныхъ и третьестепенныхъ композиторовъ-подражателей, пустившихся писать концерты, нерѣдко весьма вычурные, совсѣмъ не церковные и даже на сочиненные, не-церковные тексты. Концерты эти стали вытѣснять изъ богослуженія исконное церковное пѣніе, превращая церковь въ концертный залъ съ программой сомнительнаго вкуса. Это злоупотребленіе вызвало указъ императора Павла (10 мая 1797 г.), которымъ предписывалось концертовъ, вмѣсто

Библиотека "Руниверс"

причастнаго стиха, не употреблять, но пѣть каноникъ или псаломъ. Тѣмъ не менѣе пѣніе концертовъ во время богослуженія этимъ указомъ не было искоренено, и запрещеніе его приходилось повторять и въ текущемъ столѣтіи.

Литература. Н. Лебедевъ, «Березовскій и Бортнянскій, какъ композиторы церковнаго пѣнія» (СПб., 1882); Никольскій, «По поводу сужденій о нотныхъ церковныхъ книгахъ синодальнаго изданія» («Церк. Вѣдом.», 1892, № 37); «Объ изданіи нотныхъ книгъ Св. Синодомъ» (тамъ же, 1888 г., 13); «Русскій композиторъ Веделевъ» («Русск. Инвал.», 1854, 94); «Арт. Лук. Ведель» («Кіевлянинъ» 1868, 57, изъ книги Аскоченскаго «Кіевъ и т. д.»); «Арт. Лукьян. Ведель» («Домашняя Бесѣда» Аскоченскаго, 1860, 19); «Духовные композиторы: Бортнянскій, Турчаниновъ» («Воскр. День», 1891); «Заслуги Бортнянскаго и Львова для церк. пѣнія» («Церковн. Вѣстн.», 1890); біографія М. С. Березовскаго въ біографич. Словарѣ митроп. Евгенія.

XIX вѣкъ. 1) *Свѣтская музыка.* Въ началѣ царствованія имп. Александра I-го, вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ общественной жизни, особенно оживилась совсѣмъ-было упавшая при Павлѣ русская опера. Главную роль въ этомъ оживленіи игралъ К. А. Кавосъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1798 г. Его неутомимый трудъ при разучиваніи новыхъ оперъ съ тогдашними русскими пѣвцами-самородками, рядъ реформъ опернаго дѣла, введенныхъ по его почину, его плодовитая композиторская дѣятельность подняли русскую оперу на такую высоту, которой въ XVIII вѣкѣ она не достигала. Въ 1803 г. русская оперная труппа была отдѣлена отъ драматической. При Александрѣ I на русской сценѣ поставлены были новыя русскія оперы слѣдующихъ композиторовъ (не считая Кавоса): Алябьева, Антонолини, Бюлана, Верстовскаго, Давыдова, Кашина, Козловскаго, Левашева, Ленгарда, Масловича, Маурера, Паскевича, А. Титова, С. Титова, Е. Фомина (послѣдняя его опера—«Золотое яблоко», 1804 г.). Большинство этихъ «оперъ» — не болѣе какъ незатѣйливыя оперетки-водевили. Новымъ элементомъ является обиліе дилетантскихъ произведеній (Алябьева, Верстовскаго, бр. Титовыхъ); композиторы Екатерининской эпохи были музыкантами-профессіоналистами. Характерно и то, что первые наши «національные» композиторы прошлаго вѣка были люди плебейскаго или разночиннаго происхожденія, тогда какъ композиторы XIX в. принадлежатъ всѣ къ дворянской, купеческой или чиновной средѣ. Плебеи-композиторы прошлаго вѣка являлись продуктомъ того общественнаго строя, въ которомъ искусство, литература и наука играли подчиненную, служебную роль и были предоставлены низшему, «подлому» сословію. Музыканты-профессіоналисты XVIII и первой половины XIX вѣка стояли на самой низкой ступени общественной лѣстницы. Наши театральные и прочіе мемуары, воспоминанія, записки полны примѣрами грубѣйшихъ оскорбленій, наносимыхъ русскимъ артистамъ и проистекавшихъ не только изъ отсутствія уваженія къ человѣческой личности вообще, но и изъ спеціально презрительнаго отношенія къ званію музыканта, пѣвца, актера. Съ начала нынѣшняго вѣка отношеніе это начинаетъ постепенно, хотя и медленно, измѣняться. Талантливые люди, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ, получаютъ мало по малу возможность если не развить вполнѣ свои способности, то по крайней мѣрѣ пріобрѣсти вкусъ къ искусству и даже къ самостоятельному творчеству. Матеріальный достатокъ даетъ много досуга, который и посвящается любимому занятію. Сочиненія русскихъ композиторовъ-дилеттантовъ первой четверти XIX в. не были, однако, богаты музыкальными достоинствами. Выше ихъ стоялъ профессіональный музыкантъ Кавосъ, хотя дарованіе его и не отличалось оригинальностью: въ его операхъ часты заимствованія у Моцарта, Керубини, Чимарозы и др. Въ сущности это была такъ называемая капельмейстерская музыка, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Отъ всякаго новаторства Кавосъ былъ далекъ; оперы его по формѣ не поднимались выше Singspiel—водевиля съ куплетными аріями, очень рѣдкими ансамблями и діалогомъ вмѣсто речитатива. Только оркестровка Кавоса была звучнѣе и богаче, чѣмъ у его предшественниковъ (такъ, онъ первый сталъ у насъ употреблять тромбоны). Національный элементъ въ операхъ Кавоса не шелъ дальше, чѣмъ у предшествовавшихъ ему композиторовъ, и заключался частью въ употребленіи народныхъ мотивовъ, частью въ поддѣлкѣ подъ нихъ, въ установившемся уже quasi-русскомъ стилѣ, съ западной (итальянской) гармонизаціей и проистекающими отсюда мелодическими уклоненіями. Бо́льшая часть оперъ его писана на тексты кн. Шаховского. Сюжеты въ большинствѣ случаевъ имѣютъ національный характеръ: попадаются сюжеты былинные («Добрыня Никитичъ», «Илья богатырь»), историческіе («Соколъ кн. Ярослава», «Юность Іоанна III», «Иванъ Сусанинъ»), сказочные («Жаръ Птица», «Князь Невидимка», «Свѣтлана»), бытовые («Откупщикъ Бражкинъ»). Нѣкоторыя оперы Кавоса имѣли особый успѣхъ, именно благодаря сюжету, напр. опера «Крестьяне», поставленная въ 1814 г. и изображавшая патріотическую готовность умереть за вѣру и царя. Такой же успѣхъ выпалъ и на долю «Ивана Сусанина», лучшей изъ оперъ Кавоса, хотя по музыкѣ нерѣдко обнаруживающей вліяніе «Водовоза» Керубини. Оперъ съ общеевропейскими сюжетами у Кавоса было немного. Какъ курьезъ, можетъ быть отмѣчено исполненіе на французской сценѣ (1806 г.) оперы А. Титова: «Tatiana ou la jeune paysanne des Montagnes de Vorobioff», на текстъ франц. пѣвца Клапареда. Замѣчается нѣкоторое усиленіе интереса къ нѣмецкой и французской музыкѣ, объясняющееся отчасти отсутствіемъ итальянской оперы, но все-таки свидѣтельствующее и о нѣкоторомъ развитіи музыкальнаго вкуса публики. Капельмейстерами, кромѣ Кавоса, въ русскихъ спектакляхъ были Антонолини и Л. Мауреръ (хорошій скрипачъ), во французской оперѣ (съ 1803 до 1811 г., когда она выѣхала изъ Рос-

Библиотека "Руниверс"

сіи) — извѣстный композиторъ Буальдьё и Штейбельтъ. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ французская опера опять возобновилась. Итальянская опера, при Павлѣ уничтоженная, была возобновлена въ 1801 г. и просуществовала до 1806 г.; открыта вновь она была лишь при Николаѣ I (1828). — Рядомъ съ давно укоренившейся оперной музыкой начинаетъ развиваться у насъ впервые симфоническая и концертная. Въ 1802 г. основывается старѣйшее наше музыкально-благотворительное «Филармоническое общество», дѣлающееся надолго единственнымъ разсадникомъ серьезной концертной и симфонической музыки. Съ 1802 по 1819 г. концертами его дирижировалъ капельмейстеръ Парисъ, исполнявшій, между прочимъ, Гайдна, Моцарта, Генделя, Бетховена. Здѣсь же выступали такіе виртуозы какъ скрипачъ Роде и піанистъ Фильдъ, съ 1804 г. жившій въ Р. и образовавшій многихъ учениковъ, въ томъ числѣ Верстовскаго. Изъ пріѣзжихъ пѣвицъ славилась Каталани. Въ началѣ этого вѣка въ Петербургѣ существовало еще «Музыкальное собраніе» (музыкальный клубъ), членами котораго были самъ императоръ, его фамилія и вся знать. Кромѣ публичныхъ концертовъ за плату, богатые люди устраивали у себя домашніе концерты. Давались концерты и въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ участіемъ воспитанниковъ. Въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ культивировалась серьезная музыка. Вообще музыкальность общества выросла особенно за это время. Изъ «Записокъ» Глинки можно видѣть, какъ много уже въ первую четверть этого столѣтія было любителей музыки и болѣе или менѣе порядочныхъ дилеттантовъ-исполнителей. По даннымъ «Указателя Петербурга на 1822—23 г.», въ Петербургѣ было около 20 дипломированныхъ профессоровъ и учительницъ музыки, множество оркестровыхъ музыкантовъ, около 40 мастерскихъ и магазиновъ музыкальныхъ инструментовъ (въ томъ числѣ фортепіанные фабриканты Тишнеръ и Шредеръ), нѣсколько нотныхъ магазиновъ и издателей. Процвѣтали домашніе оркестры, игравшіе по праздничнымъ днямъ, въ окрестностяхъ Петербурга, на дачахъ разныхъ вельможъ. Среди крѣпостныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ нерѣдко попадались люди съ несомнѣнными способностями. Крѣпостному оркестру своего дяди обязанъ былъ Глинка своими первыми музыкальными впечатлѣніями; въ немъ же онъ прошелъ первую практическую школу инструментовки. Отрицательныхъ сторонъ въ крѣпостномъ музицированіи было, однако, гораздо больше, чѣмъ положительныхъ. Исполненіе большинства крѣпостныхъ артистовъ, выученныхъ изъ-подъ палки, стояло ниже всякой критики. Невѣжественны и эстетически неразвиты были иногда и богачи-меценаты, державшіе свои оркестры и оперы. Однимъ изъ любимѣйшихъ музыкальныхъ развлеченій, особенно у свѣтской молодежи, были цыганскіе хоры, которые посѣщала и тогдашняя интеллигенція (Пушкинъ, Языковъ, воспѣвшій цыганку Таню, и т. д.). Въ театрѣ опера-водевиль пользовалась, на ряду съ балетомъ, наибольшимъ успѣхомъ. Однимъ изъ любимыхъ родовъ театральныхъ представленій являлись также дивертиссементы, состоявшіе изъ пѣнія, танцевъ, музыки и пантомимъ. Вокальными въ нихъ нумерами были большею частью народныя пѣсни. Музыку къ этого рода произведеніямъ писали Кавосъ, Кашинъ, Давыдовъ. Подъемъ патріотизма послѣ побѣды надъ Наполеономъ вызвалъ также появленіе первыхъ русскихъ ораторій: «Мининъ и Пожарскій или освобожденіе Москвы», Дегтерева, и его же (неконченная) «Бѣгство Наполеона». Къ этому роду произведеній относится и кантата Бортнянскаго на текстъ Жуковскаго: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» (съ акк. фортепіано, 1813). Невзыскательный вкусъ публики проявился и въ успѣхѣ извѣстныхъ романсовъ Александровской эпохи. Самымъ любимымъ и популярнымъ композиторомъ русскихъ романсовъ конца царствованія Александра I былъ Н. А. Титовъ (1800—1876), сынъ опернаго композитора А. Н. Титова, прозванный «дѣдушкой русскаго романса», такъ какъ онъ первый, будто-бы, началъ писать романсы съ русскимъ текстомъ. Это не совсѣмъ вѣрно: такіе романсы писались уже при Екатеринѣ II. Первый печатный романсъ Н. А. Титова, «Уединенная сосна» (1820), пользовался огромнымъ распространеніемъ и увѣковѣченъ Тургеневымъ въ одномъ изъ разсказовъ «Записокъ охотника» («Татьяна Борисовна и ея племянникъ»), гдѣ онъ ошибочно приписанъ Варламову. Къ концу царствованія Александра I относится и первый, очень слабый романсъ М. И. Глинки «Моя арфа» (1824), написанный во вкусѣ Титова. Романсы писали еще слѣпецъ-музыкантъ Жилинъ («Малютка, шлемъ нося», на слова Мерзлякова, пользовался большой популярностью), Кашинъ, Кавосъ, Верстовскій («Черная шаль», на слова Пушкина, «Бѣдный пѣвецъ», на слова Жуковскаго и др.). Особый успѣхъ выпалъ на долю только-что названныхъ романсовъ Верстовскаго, окрещенныхъ именемъ «кантатъ» и исполнявшихся на сценѣ съ сопровожденіемъ оркестра и съ сценической обстановкой. «Черная шаль» и др. «кантаты» Верстовскаго вызвали въ «Вѣстн. Европы» (1824 г., янв., № 1) восторженную статью Одоевск. (кн. В. Ѳ. Одоевскаго). Молодой критикъ нашелъ, что Верстовскій «одухотворилъ своей гармоніею піитическія произведенія, имъ избранныя, далъ имъ новую жизнь, открылъ въ нихъ оттѣнки, совершенно потерянные при чтеніи». Статья Одоевскаго вызвала цѣлую полемику съ нѣкіимъ Н. Д. (иначе «Лужницкимъ старикомъ»), сотрудникомъ того же «Вѣстника Европы», отрицавшимъ у этихъ произведеній Верстовскаго (и основательно) право называться кантатами. Одоевскій возразилъ цѣлой «ееоріей» кантаты, напечатанной въ издававшемся имъ тогда альманахѣ «Мнемозина» (1824—25); противникъ его отвѣчалъ насмѣшками надъ юнымъ возрастомъ критика, его ученостью и т. д. Приведенная полемика интересна, какъ образчикъ музыкальной критики Александровской эпохи. На самомъ дѣлѣ кантаты Верстовскаго были просто романсами довольно большого объема, съ нѣкоторыми поползновеніями къ музыкально-драматической

Библиотека "Руниверс"

характеристикѣ, но невыдержанными ни въ техническомъ, ни въ музыкально-драматическомъ отношеніяхъ: такъ напр. въ «Чёрной шали», съ ея мрачнымъ содержаніемъ, господствуетъ плясовой, вальсообразный ритмъ. Ростъ музыкальности въ обществѣ Александровской эпохи отражается и въ появленіи довольно большого числа руководствъ по теоріи музыки, школъ для разныхъ инструментовъ, музыкальныхъ журналовъ и т. д. Въ 1805 г. вышло въ СПб. первое (переводное) руководство по гармоніи: «Правила гармоническія и мелодическія для обученія всей музыки», Винченцо Манфредини, пер. съ итал. Дехтярева. Къ 1816 г. относится другое подобное же руководство: «Грессета разсужденіе о гармоніи»; перев. съ франц. Дьяконовымъ (СПб.). Черезъ два года выходитъ «Теорія музыки» Гессъ де Кальве, пер. съ нѣмецкаго Гонорскимъ (Харьковъ, 1818). Нѣсколько школъ для фортепіано указываютъ на распространеніе игры на этомъ инструментѣ. Кромѣ переводнаго «Новѣйшаго самоучителя» и т. д., Плейэля и Дюссека (СПб., 1817), является и оригинальная «Полная школа для фортеп.», соч. И. Прача (СПб., 1816). Для скрипки выходятъ двѣ переводныхъ школы. На большое распространеніе гитары указываетъ рядъ школъ, журналовъ, сборниковъ пѣсенъ для этого инструмента, впервые у насъ появившагося лишь при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ 1808 г. вышелъ «Русскій карманный пѣсенникъ для семиструнной гитары на 1808 г.» Альферова, въ 1810 г.—его же «Журналъ гитарный», въ 1819 г.—«Междудѣлье, или собраніе образцовыхъ русскихъ и др. піэсъ для семиструнной гитары», Дмитревскаго (СПб.). Двѣ школы для гуслей указываютъ на извѣстное распространеніе этого инструмента. Растетъ и число музыкальныхъ журналовъ: «Журналъ отечественной музыки на 1806 г.», изд. Д. Кашинымъ въ Москвѣ; «Журналъ для фортопіана на 1811 г., содержащій въ себѣ русскія пѣсни, съ варіаціями», изд. Ѳ. Нерлихомъ; «Азіатскій музык. журналъ», изд. въ Астрахани въ 1816—18 г. И. Добровольскимъ и заключавшій въ себѣ, между прочимъ, записи разныхъ восточныхъ напѣвовъ. Русскія пѣсни, кромѣ второго изданія сборника Прача, издаются въ рядѣ сборниковъ разныхъ наименованій.

Вторая четверть XIX столѣтія, столь знаменательная въ исторіи нашей литературы и искусства, и въ области музыки составляетъ также эпоху, характеризуемую именемъ Глинки. Если принято говорить, что Пушкинъ создалъ русскую поэзію и литературу, а Ивановъ — русскую живопись, то съ еще бо́льшимъ правомъ можно сказать, что Глинка создалъ русскую музыку. Пушкинъ и Ивановъ имѣли замѣчательныхъ предшественниковъ и современниковъ; у Глинки ихъ не было. Верстовскій, съ его слабой дилеттантской техникой и наивнымъ, безсознательнымъ творчествомъ, съ его операми-водевилями, лишенными музыкально-драматическихъ характеровъ — пигмей въ сравненіи съ Глинкой и его могучей музыкальной характеристикой, роскошью и яркостью музыкальныхъ красокъ, геніальной легкостью техники, классической простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительной новизной творчества. «Аскольдова могила» Верстовскаго уже потому не могла оказать никакого вліянія на Глинку, какъ на опернаго композитора, что послѣдній имѣлъ возможность ознакомиться съ нею лишь послѣ того, какъ «Жизнь за Царя» была если не поставлена, то написана. «Аскольдова могила» была поставлена въ Москвѣ 15 сент. 1835 г.; «Жизнь за Царя», начатая зимой 1834 г., писалась лѣтомъ и зимой 1835 г., когда Глинка, только что женившійся, былъ прикованъ къ своей смоленской деревнѣ и Петербургу. Весною 1836 г. «Жизнь за Царя» была почти кончена и поставлена 27 ноября того же года, тогда какъ «Аскольдова могила» въ СПб. шла впервые только въ 1841 г. Національный элементъ въ «Аскольдовой могилѣ» столь же, притомъ, условенъ, какъ у «русскихъ» композиторовъ прошлаго вѣка или у Кавоса. Форма оперъ Верстовскаго въ сущности даже ниже нѣмецкаго Singspiel и представляетъ собой рядъ пѣсенъ или романсовъ, исполняемыхъ то хоромъ, то солистами, т. е. очень недалека отъ обыкновеннаго водевиля. Прогрессъ, не говоря о прирожденномъ мелодическомъ дарованіи Верстовскаго, заключается лишь въ бо́льшей послѣдовательности и выдержанности, съ которою примѣненъ Верстовскимъ quasi-русскій стиль музыки. Точно также едва-ли на Глинку могли имѣть особое вліяніе оперы Кавоса. Мы знаемъ изъ «Записокъ» Глинки, что онъ находилъ музыку Кавоса въ «Иванѣ Сусанинѣ» удачной, но тутъ же онъ говоритъ, что опера эта написана «когда-то»—стало быть, едва-ли онъ часто ее слышалъ. Сюжетъ «Жизни за Царя» былъ предложенъ Глинкѣ Жуковскимъ и, слѣдовательно, даже въ выборѣ сюжета опера Кавоса могла имѣть на него только косвенное вліяніе. Особаго уваженія къ музыкѣ Кавоса Глинка, кажется, не питалъ, какъ это можно заключить изъ его непочтительнаго обращенія съ одной изъ популярнѣйшихъ темъ Кавоса, приложенной имъ еще въ пансіонѣ къ смѣхотворному школьническому «канту на подъинспектора Колмакова» («Записки», стр. 11). Правда, Глинка также не всегда, даже въ «Русланѣ», былъ свободенъ отъ обычнаго тогда полуитальянскаго, полурусскаго склада русской музыки; но рядомъ съ страницами, въ которыхъ онъ является сыномъ своей эпохи, идутъ другія, поражающія своей новизной, своимъ геніальнымъ прозрѣніемъ въ самую глубь народнаго творчества (хоры «Славься» и «Разливалася» въ «Жизни за Царя», многія мѣста «Руслана»). Какъ поэмы и драмы Пушкина ближе связаны духовно съ произведеніями Байрона, Шекспира, Шиллера, чѣмъ съ Богдановичемъ, Херасковымъ, Озеровымъ, такъ и оперы Глинки имѣютъ больше духовнаго родства съ операми Моцарта, Керубини, Вебера, чѣмъ съ произведеніями предшествовавшихъ ему русскихъ композиторовъ. Отъ великихъ европейскихъ мастеровъ Глинка усваивалъ не ту или другую внѣшнюю манеру выраженія (какъ это дѣлалъ Верстовскій, подражая Веберу), но самую основу ихъ творчества, самую тайну ихъ генія. Какъ Пушкинъ, Глинка былъ-бы

Библиотека "Руниверс"

немыслимъ въ до-Петровской Руси, съ ея духовнымъ византійско-татарскимъ рабствомъ. Родство Глинки, *создателя самобытной русской музыки*, съ геніальными европейскими композиторами сказалось, между прочимъ, въ отношеніи къ его произведеніямъ русской большой публики и европейскихъ цѣнителей. Оперы Верстовскаго пришлись вполнѣ по плечу нашей тогдашней публикѣ, еще мало развитой въ эстетическомъ и спеціально-музыкальномъ отношеніяхъ; оперы Глинки, особенно «Русланъ», были оцѣнены по заслугамъ лишь небольшимъ числомъ лицъ, поднимавшихся надъ общимъ уровнемъ массы. Успѣху «Жизни за Царя» еще способствовали патріотическій и драматическій сюжетъ, превосходное исполненіе Петровымъ роли Сусанина, а также тѣ стороны музыки, которыя наименѣе уклонялись отъ привычнаго итальяно-русскаго стиля; но геніальный «Русланъ» большинствомъ публики и многими присяжными цѣнителями былъ признанъ оперой скучной, ученой, неудачной, «нѣмецкой» и т. д. Даже такой по тогдашнему знатокъ музыки, какъ гр. М. Ю. Віельгорскій, находилъ первую половину пятаго акта плохой музыкой («Mon cher, c'est mauvais!»), а всю оперу—неудачной («un opéra manqué»). Истинное значеніе Глинки сознавалось развѣ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и еще очень немногими. Восторги и похвалы близкихъ пріятелей, какъ Кукольникъ и его компанія, имѣли обычный «пріятельскій» характеръ и были малоавторитетны. Только европейцы—Мериме, Листъ, Берліозъ, Дрэзекс — вѣрно угадали значеніе Глинки. Берліозъ далъ первую оцѣнку музыкальнаго дарованія Глинки, правильно указавъ его характерныя черты («Journal des Débats», 16 апрѣля 1845). Съ появленіемъ Глинки заканчивается переходный періодъ въ исторіи нашей музыки. Хотя послѣ Верстовскаго и являются какъ-бы эпигоны quasi-русскаго стиля—Вильбоа, съ «Наташей», и Кашперовъ, съ «Грозой»,—но по своей формѣ эти оперы все-таки принадлежатъ къ другому типу, чѣмъ оперы Верстовскаго, послѣдняго въ ряду нашихъ оперныхъ водевилистовъ. Русское самобытное музыкальное искусство, усвоившее западныя средства выраженія—извѣстные пріемы тематической разработки, общія нормы гармоніи и контрапункта, богатый и яркій западный оркестръ,—отнынѣ ищетъ и находитъ въ своемъ собственномъ исконномъ запасѣ народнаго творчества законы истинно-національной мелодіи, гармоніи и контрапункта. Глинка первый угадываетъ эти законы, первый создаетъ неувядаемые образцы вполнѣ національной русской музыки.

Начало царствованія Николая I было особенно благопріятно для русской оперы, пользовавшейся большимъ расположеніемъ публики и не встрѣчавшей опасной конкурренціи со стороны иноземныхъ труппъ. Правда, въ 1828 г. возобновилась итальянская опера, но она просуществовала только до 1830—31 г., вновь сформировалась въ 1832 г. и опять закрылась въ 1835 г. Одновременно съ нею была въ СПб. и прекрасная нѣмецкая опера (съ 1832 по 1843 г.), но ихъ присутствіе не мѣшало русскимъ оперным спектаклямъ, шедшимъ въ Большомъ театрѣ. Въ составѣ петербургской русской оперной труппы особенно выдавались знаменитый басъ О. А. Петровъ (съ 1839 г.), сопрано М. М. Степанова, А. Я. Воробьева (по мужу Петрова, прекрасное контральто, создательница партіи Вани въ «Жизни за Царя»). Въ Москвѣ составъ труппы былъ слабѣе. Капельмейстерами русской оперы въ Петербургѣ были Альбрехтъ и Лядовъ, въ Москвѣ—Польцъ и Кубишта. Въ 1843—44 г. вновь явилась въ Петербургъ итальянская труппа, съ такими знаменитостями во главѣ, какъ Віардо-Гарсіа, Рубини, Тамбурини (позже—Гризи, Фрецціолини, Альбони, Маріо, Лаблашъ и др.), и перетянула на свою сторону симпатіи всей публики и высшаго общества, съ дворомъ во главѣ. Большой театръ былъ отданъ итальянцамъ; русская труппа частью была переведена въ Москву, частью почти распалась. Итальянскій театръ былъ закрытъ для произведеній русскихъ композиторовъ. Высочайшее повелѣніе по этому предмету вызвано было, правда, заслуженнымъ фіаско оперы А. Ѳ. Львова «Bianca e Gualtiero» но изъ-за него и «Жизнь за Царя» не могла быть поставлена у итальянцевъ, не смотря на желаніе Фрецціолици дать ее въ свой бенефисъ (см. «Записки» Глинки, стр. 171). Съ этихъ поръ итальянская опера свиваетъ себѣ прочное гнѣздо въ Петербургѣ, отвлекая публику отъ роднаго искусства; она была упразднена только въ 1885 г., и содержаніе ея вполнѣ резонно предоставлено частной антрепризѣ. Въ царствованіе Николая I на нашихъ сценахъ были поставлены новыя оригинальныя произведенія слѣдующихъ русскихъ или поселившихся въ Р. композиторовъ (кромѣ Глинки): Ю. Арнольда, М. Бернарда, Верстовскаго, Геништа, Даргомыжскаго («Эсмеральда», обнаруживающая еще сильное вліяніе Галеви и Обера), О. Дютша, Кавоса, А. Ѳ. Львова, Мундта, А. Рубинштейна («Куликовская битва», «Сибирскіе охотники», «Ѳомка-дурачекъ», 1853), Сапѣнцы, Соливы, Струйскаго, Толстого, Шелехова. Преобладаніе итальянской оперы и ея вліяніе на вкусы публики вызвали появленіе композиторовъ подражателей, въ родѣ Ѳ. М. Толстого, писавшаго дилеттантскія оперы во вкусѣ Россини и Беллини. Этому вліянію поддавались и композиторы романсовъ (въ огромномъ большинствѣ—дилеттанты), которыхъ въ данную эпоху народилось безчисленное множество. Даровитый дилеттантъ А. А. Алябьевъ (1802 — 52) написалъ болѣе 100 романсовъ, обличающихъ несомнѣнныя способности. Мелодическимъ дарованіемъ онъ не уступалъ Верстовскому и превосходилъ его гармоническимъ вкусомъ, хотя его талантъ остался недоразвитымъ, вслѣдствіе отсутствія серьезнаго музыкальнаго образованія и безпорядочной жизни. Какъ и Верстовскій, Алябьевъ стремился къ національности, приближаясь иногда къ народной пѣснѣ. Попытка его въ оперномъ родѣ: «Кавказскій плѣнникъ» обнаружила полную несостоятельность его таланта передъ болѣе обшир-

Библиотека "Руниверс"

ной задачей. Не менѣе даровитый мелодистъ А. Е. Варламовъ (1801—1851) стоитъ ниже Алябьева, какъ гармонистъ, но плодовитостью превосходитъ его (болѣе 250 романсовъ). К. П. Вильбоа (1817—1882), также дилеттантъ, стремился подражать Глинкѣ. Романсы Мих. Ю. Віельгорскаго (1788—1856), немногочисленные, выдаются несомнѣннымъ вкусомъ и музыкальностью. Геништа, солидный музыкантъ, одинъ изъ первыхъ писалъ на тексты Пушкина («Черная шаль», «Шуми, шуми, послушное вѣтрило»). А. Гурилевъ, дилеттантъ-мелодистъ во вкусѣ Алябьева и Варламова, написалъ около сотни романсовъ. Ни одинъ изъ перечисленныхъ композиторовъ не можетъ, однако, считаться родоначальникомъ русскаго художественнаго романса; отцомъ его является только Глинка. У него перваго мы находимъ художественно законченную внѣшнюю форму, заключающую въ себѣ музыкально-поэтическое содержаніе. Уже ранніе его романсы, напр. «Разочарованье» (1828), превосходятъ свѣжестью музыки и художественной законченностью всѣ другіе современные русскіе романсы. Національный элементъ, хотя еще условный, начинаетъ сказываться въ нихъ съ первыхъ же шаговъ («Ахъ ты душечка», 1827; «Дѣдушка», 1828; «Ночь осенняя», 1829 и т. д.), но впослѣдствіи встрѣчается все рѣже и рѣже. Бо́льшая часть романсовъ Глинки написана въ общеевропейскомъ стилѣ, ярко обнаруживая, однако, свою принадлежность къ совершенно особой школѣ европейскаго искусства, разными особенностями гармоническими, ритмическими и мелодическими (плагальныя каденціи, рѣдкіе размѣры, обороты мелодіи, близкіе къ народнымъ). Многіе романсы Глинки устарѣли, въ особенности изъ-за безвкусныхъ текстовъ, но нѣкоторые до сихъ поръ являются неувядаемыми образчиками русскаго художественнаго романса. Таковы, напр., геніальный по декламаціи и живописности сопровожденія «Ночной смотръ», «Пѣснь Маргариты», «Еврейская пѣсня», «Слышу-ли голосъ твой», «Дубрава шумитъ», «Какъ сладко съ тобою мнѣ быть». Второе мѣсто по художественному значенію занимаютъ романсы А. С. Даргомыжскаго, написанные въ царствованіе Николая I. Они безусловно талантливѣе прочей тогдашней романсной литературы, но, за рѣдкими исключеніями («Влюбленъ я, дѣва-красота» и др.), невыдержанны или блѣдны по музыкѣ и представляютъ главнымъ образомъ историко-біографическій интересъ. Фортепіанная музыка русскихъ композиторовъ, получившая начало еще въ царствованіе Александра I (однимъ изъ первыхъ произведеній этого рода была фортепіанная соната Верстовскаго, посвященная имъ своему учителю Фильду, а также раннія фортепіанныя сочиненія Глинки—бо́льшею частью варіаціи на темы изъ модныхъ оперъ, изданныя уже послѣ его смерти), насчитывала при Николаѣ I еще очень немного представителей. Небольшія салонныя пьесы, бо́льшею частью ничтожныя по содержанію и не имѣвшія въ себѣ ничего русскаго, издавались обыкновенно въ музыкальныхъ альманахахъ, въ родѣ: «Музык. альбома» (изд. Верстовскимъ въ 1827 и 1828 гг.) или «Подарка любителямъ танцевъ для ф. п.» (Москва, 1833). Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ большимъ распространеніемъ пользовались салонныя композиціи московскаго композитора Фердинанда Лангера (фантазіи, транскрипціи и т. п.), находившія себѣ восторженную хвалу въ музыкальныхъ рецензіяхъ В. П. Боткина. Многочисленныя сочиненія Ѳ. Ласковскаго († 1855) — мазурки, вальсы, варіаціи, экспромпты, пѣсни безъ словъ, этюды, ноктюрны, тарантеллы, сонаты,— въ настоящее время совсѣмъ позабытыя представляютъ менѣе разнообразное и виртуозное фортепіанное письмо, чѣмъ у Шопена, но отличаются мелодическимъ и гармоническимъ вкусомъ, искреннимъ и задушевнымъ настроеніемъ и безусловно возвышаются надъ всѣмъ, что писалось въ то время для фортепіано, кромѣ очень немногихъ вещей Глинки («Баркарола», «Souvenir d'une mazurka»). Глинка еще менѣе тяготѣлъ къ фортепіанной музыкѣ, чѣмъ къ романсной, не будучи настоящимъ піанистомъ-виртуозомъ и обладая въ этомъ отношеніи довольно устарѣлымъ вкусомъ, заставлявшимъ его ставить Фильда, какъ піаниста, выше Листа. Фортепіанныя сочиненія занимаютъ въ его творчествѣ еще менѣе замѣтное мѣсто, чѣмъ романсы. Къ началу 50-хъ гг. относятся и первыя фортепіанныя произведенія А. Рубинштейна. Съ 1838 г. проживалъ въ Петербургѣ Гензельтъ, но его композиторская дѣятельность протекала совершенно независимо отъ нашей музыкальной жизни и не оказывала на нее никакого вліянія. Прочіе роды камерной музыки не получили еще законченнаго выраженія. Квартеты для смычковыхъ инструментовъ писали Глинка (квартетъ F-dur, 1830 г. въ Гайдновскомъ родѣ, слабое раннее произведеніе, изд. только много спустя послѣ смерти автора), Ласковскій, Мих. Ю. Віельгорскій и др. Ни одно изъ этихъ произведеній не составило эпохи въ исторіи нашей музыки. Тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ сочиненіяхъ Глинки въ камерномъ родѣ, относящихся къ ранней эпохѣ его творчества. Многія изъ нихъ напечатаны лишь послѣ его смерти, въ качествѣ интереснаго біографическаго матеріала. Зато самобытная русская симфоническая музыка, какъ и оперная, восходитъ къ Глинкѣ. Все другое въ этомъ родѣ, что было написано до Глинки и въ его время (симфоніи гр. Мих. Ю. Віельгорскаго и Д. Рѣзваго, концертныя увертюры Верстовскаго, симфоніи Л. Маурера, фантазія «Буря» Д. Струйскаго и др.), частью ординарно и не имѣетъ ничего національнаго, частью крайне слабо. Какъ въ своей оперной музыкѣ, такъ и въ симфонической, Глинка не имѣлъ въ Р. предшественниковъ. При всемъ своемъ русскомъ характерѣ, увертюра «Руслана» (увертюра «Жизни за Царя»—слабое произведеніе въ смыслѣ симфонической работы) коренится въ Моцартѣ и Бетховенѣ. Музыка къ «Князю Холмскому» обнаруживаетъ такое же духовное родство съ «Эгмонтомъ» Бетховена, какое имѣетъ, напр., «Борисъ Годуновъ» Пушкина съ хрониками и трагедіями Шекспира.

Библиотека "Руниверс"

Одно изъ самыхъ высокихъ произведеній Глинки — «Аррагонская хота» — представляетъ чисто Бетховенскую мощь тематической разработки. Юморъ, какимъ исполнена «Камаринская», также не имѣлъ у насъ раньше музыкальнаго воплощенія; только въ симфоническихъ скерцо Бетховена Глинка могъ найти нѣчто подобное. Среди этихъ произведеній, къ которымъ еще нужно прибавить «Ночь въ Мадридѣ», съ ея контрастами жгучей нѣги и бодраго веселья, а также превосходные оперные антракты въ «Жизни за Царя» и особенно въ «Русланѣ», нѣтъ ни одной настоящей симфоніи въ общепринятой четырехчастной формѣ, но мы находимъ въ нихъ вполнѣ готовый русскій симфоническій стиль, всѣ элементы симфоніи.— Концертная жизнь Петербурга въ царствованіе Николая I развилась еще болѣе, чѣмъ въ предыдущее царствованіе. По серьезности программъ (до началѣ 50-хъ гг.) выше всѣхъ стояли концерты филармоническаго общества. Русскія произведенія исполнялись здѣсь рѣдко. Къ началу 50-хъ годовъ, подъ вліяніемъ увлеченія итальянской оперой, вкусы публики все болѣе и болѣе отвращаются отъ серьезной музыки; даже «Донъ Жуанъ» Моцарта (см. статьи Сѣрова) кажется тогдашней публикѣ ученой и скучной музыкой. Концерты филармоническаго общества начинаютъ падать; дирекція, идя на встрѣчу вкусамъ общества, рѣзко мѣняетъ характеръ своихъ программъ, привлекая къ участію въ своихъ концертахъ виртуозовъ и итальянскихъ пѣвцовъ. Хоры исполнялись придворными пѣвчими до 1849 г., когда директоръ капеллы Львовъ основалъ особые концерты капеллы (см. ниже). Въ связи съ уходомъ хора находится и исчезновеніе изъ филармоническихъ концертовъ большихъ хоровыхъ произведеній. Нѣкоторые изъ этихъ концертовъ состоялись подъ управленіемъ Берліоза, исполнившаго въ нихъ рядъ своихъ произведеній, оцѣненныхъ весьма немногими. Незамѣченнымъ прошелъ пріѣздъ въ Россію Шумана (1844), хотя одна изъ его симфоній и струнный квартетъ были исполнены въ концертѣ, устроенномъ гр. М. Ю. Віельгорскимъ. Изъ-за виртуозной славы его жены, Клары Шуманъ, тогдашніе знатоки проглядѣли одного изъ величайшихъ композиторовъ XIX в. Зато Листъ, бывшій въ Россіи въ 1843 г., встрѣтилъ самый восторженный пріемъ, благодаря своей виртуозной игрѣ (см. В. В. Стасовъ, «Листъ, Шуманъ и Берліозъ въ Россіи», «Сѣв. Вѣстн.», 1889, № 4 и 8; его же, «Листъ въ Россіи», въ «Русск. Музык. Газ.», 1896). Съ 1850 г. устраивались концерты въ залѣ пѣвческой капеллы, имѣвшіе преимущественно серьезно-классическій характеръ. Въ началѣ царствованія Николая I въ Петербургѣ недолго существовали два музыкальныя хоровыя общества изъ любителей, принадлежавшихъ къ высшему обществу: «Музыкальная Академія» и «Академія пѣнія», первое подъ управленіемъ Львова, второе — гр. М. Ю. Віельгорскаго. Здѣсь исполнялись хоры Генделя, Гайдна, Моцарта, Керубини и т. д. Изъ «Академіи пѣнія» образовалась теперешняя «Sing-Akademie». Музыкально-теоретическая литература мало подвинулась за это время. Переводъ (сдѣланный Е. Вороновымъ) «Исторіи музыки» Штафорда (СПб., 1838) былъ первой русской книгой по этому предмету; въ ней данъ очеркъ исторіи музыки въ Россіи. Музыкальной критикой занимались князь В. Ѳ. Одоевскій, Ѳ. М. Толстой (подъ псевдонимомъ «Ростислава»), Сѣровъ (съ начала 50-хъ годовъ), В. П. Боткинъ, М. Я. Раппопортъ и др. Изъ прочихъ тогдашнихъ писателей о музыкѣ необходимо упомянуть о А. Д. Улыбышевѣ (1795—1858) и В. Ленцѣ (1809—1883). Первый выпустилъ въ свѣтъ біографію Моцарта, пользовавшуюся большой извѣстностью и въ европейской музыкальной литературѣ («Nouvelle biographie de Mozart», 1843; русскій переводъ Чайковскаго, съ приложеніемъ статьи Ларош «О жизни и трудахъ Улыбышева», 1890—93), а второй—не менѣе извѣстное сочиненіе «Beethoven et ses trois styles» (СПб., 1852). Музыкальное образованіе все еще было предоставлено главнымъ образомъ частному почину. Только въ женскихъ институтахъ вѣдомства Имп. Маріи, со времени назначенія Гензельта инспекторомъ музыки, наблюдалось нѣкоторое стремленіе къ болѣе раціональному методу обученія музыкѣ, подъ которой разумѣлась игра на фортепіано. Спеціальную музыкально-теоретическую подготовку можно было получить только путемъ частныхъ занятій съ теоретикомъ-музыкантомъ въ родѣ Гунке, І. Г. Мюллера, Фукса и др. Учебныхъ заведеній, посвященныхъ преподаванію разныхъ отраслей музыки, все еще не было. Только въ пѣвческой капеллѣ да въ театральномъ училищѣ преподавалась теорія музыки, вмѣстѣ съ пѣніемъ или игрой на оркестровыхъ инструментахъ. Теорію музыки въ театральномъ училищѣ преподавалъ съ 1833 г. Солива.

Оживленіе общественной жизни, начавшееся съ воцаренія Александра II, отразилось и въ области музыки. Школа передвижниковъ въ нашей живописи и такъ называемая «могучая кучка» въ нашей музыкѣ въ одинаковой мѣрѣ являются результатомъ стремленія впередъ, охватившаго наше общество. Отсюда прогрессивный, нерѣдко доходящій до полнаго разрыва съ прошлымъ характеръ новыхъ художественныхъ направленій. Въ связи съ «народничествомъ» въ литературѣ и живописи, и наша новая музыкальная школа выставляетъ своимъ девизомъ «народность», примыкая въ этомъ отношеніи къ Глинкѣ и стараясь иногда еще полнѣе и точнѣе усвоить себѣ стиль народной русской пѣсни. Рядомъ съ этой основной чертой замѣчается и сильно выраженное стремленіе къ реализму, съ которымъ связаны попытки преобразованія оперной формы (въ основныхъ чертахъ родственныя оперной реформѣ Вагнера, но совершенно отъ нея независимыя), созданіе особаго вокальнаго декламаціоннаго стиля, выборъ цѣлаго ряда поэтическихъ темъ, до тѣхъ поръ ускользавшихъ отъ воплощенія въ музыкальныхъ формахъ. Другія черты роднятъ нашу новую музыку съ ново-европейскимъ музыкальнымъ движеніемъ, вліяніемъ котораго онѣ и были вызваны. Сюда надо отнести

Библиотека "Руниверс"

стремленіе къ изобразительности, живописности музыки, замѣчавшееся уже у Глинки въ «Русланѣ», но главнымъ образомъ свойственное западному музыкальному романтизму и неоромантизму (Берліозъ, Шуманъ, Листъ, Вагнеръ), откуда оно и было усвоено нашей новой музыкальной школой. У насъ оно хорошо гармонировало съ стремленіемъ къ реализму и въ связи съ нимъ приняло нѣсколько иной характеръ, чѣмъ на Западѣ. Характерное для европейскаго музыкальнаго романтизма стремленіе расширить музыкальныя архитектоническія формы, сдѣлать ихъ болѣе гибкими и разнообразными, поставить ихъ въ зависимость отъ содержанія или требованій музыкальной характеристики или даже создать совсѣмъ новыя, небывалыя формы отразилось и у насъ, вмѣстѣ съ его чисто техническими особенностями: склонностью къ пряности и новизнѣ гармоніи, пестротѣ, богатству и яркой звучности инструментовки, разнообразію и свободѣ ритма и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи наша новая музыкальная школа въ равной мѣрѣ зависѣла и отъ европейскихъ музыкальныхъ романтиковъ и неоромантиковъ (Берліозъ, Шопенъ, Шуманъ, Листъ), и отъ своего родоначальника, Глинки. Въ связи съ указанными чертами музыкальнаго романтизма—кромѣ интереса къ фантастическому, привитому нашей музыкѣ, въ лицѣ Глинки, вліяніемъ Вебера и его «Волшебнаго стрѣлка»—находится и наклонность къ экзотическимъ сюжетамъ. Отсюда испанскій, греческій, польскій, чешскій, сербскій, финскій, еврейскій, арабскій, грузинскій и вообще восточный мѣстный колоритъ, сдѣлавшійся одной изъ необходимыхъ принадлежностей нашей новой музыкальной школы. Вліяніе Вагнера сказалось только на немногихъ нашихъ композиторахъ (Сѣровъ, Чайковскій, Глазуновъ), и то лишь отчасти.

Послѣ Глинки, новая русская музыкальная школа своими характерными особенностями болѣе всего обязана Даргомыжскому, ближайшему преемнику и въ извѣстномъ смыслѣ, послѣдователю Глинки. Главное художественное и историческое значеніе имѣютъ вокальныя произведенія Даргомыжскаго—оперы и романсы. Какъ и Глинка, Даргомыжскій не былъ профессіональнымъ музыкантомъ; музыкальное образованіе его было еще менѣе систематично и законченно, чѣмъ у Глинки. Отсюда сравнительная недостаточность композиторской техники Даргомыжскаго: извѣстная слабость симфонической разработки, блѣдность и однообразіе инструментовки, по временамъ нѣкоторая сухость и неловкость гармоніи, вообще оригинальной. Въ мелодическомъ отношеніи Даргомыжскій также былъ менѣе одаренъ, чѣмъ Глинка: его мелодіи нерѣдко блѣдны и даже банальны, обнаруживая большую зависимость отъ ходячихъ въ то время образцовъ оперной музыки, главнымъ образомъ французской. Въ одномъ отношеніи только Даргомыжскій не только равнялся съ Глинкой, но и превосходилъ его: въ отношеніи драматизма, способности переживать положеніе своихъ героевъ и передавать ихъ душевное состояніе взволнованной музыкальной рѣчью. Глинка въ своихъ операхъ является преимущественно лирикомъ и эпикомъ и ограничивается, бо́льшею частью, только общей характеристикой драматической ситуаціи; Даргомыжскій даетъ слушателю детальное изображеніе душевнаго состоянія своихъ героевъ, со всѣми изгибами и неожиданными поворотами настроенія. Въ 1856 г. (годъ постановки на сценѣ «Русалки»), Даргомыжскій писалъ: «большинство нашихъ любителей и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха «мелодій», за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ низводить для нихъ музыку до забавы. *Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды.* Они этого понять не умѣютъ». Въ правдивомъ, реалистичномъ выраженіи слова посредствомъ звуковъ и заключается главное значеніе Даргомыжскаго въ нашей музыкѣ. Въ связи съ нимъ находится и новый аріозно-мелодическій стиль речитатива, созданный Даргомыжскимъ въ лучшихъ мѣстахъ «Русалки», въ нѣкоторыхъ романсахъ и въ «Каменномъ гостѣ» и болѣе или менѣе обратившійся въ образецъ для всѣхъ послѣдующихъ композиторовъ новой русской музыкальной школы. Нѣкоторые примѣры этого стиля встрѣчаются уже у Глинки (самый выдающійся—въ романсѣ «Ночной смотръ»), но Даргомыжскій почти независимъ въ этомъ отношеніи отъ своего великаго предшественника; его аріозно-мелодическій речитативъ, превосходящій речитативъ Глинки гибкостью, точностью въ передачѣ интонацій рѣчи и драматической выразительностью, можетъ считаться его созданіемъ. Въ связи съ реализмомъ Даргомыжскаго находится и его реформа оперы, роднящая его, въ общемъ, съ Глукомъ и Вагнеромъ, хотя и достигаемая иными средствами. Съ Вагнеромъ Даргомыжскій сходился лишь въ томъ, что допускалъ условныя оперныя формы—аріи, дуэты, терцеты и проч. ансамбли — только въ умѣренныхъ, позднѣе даже минимальныхъ размѣрахъ, только тамъ, гдѣ онѣ не противорѣчили драматическому дѣйствію или прямо вытекали изъ него. Спеціальныя Вагнеровскія средства выраженія—въ родѣ лейтмотива, передачи всей музыкальной характеристики въ оркестръ и т. д.—у Даргомыжскаго отсутствуютъ. Лейтмотивъ встрѣчается у Даргомыжскаго, какъ и у Глинки, только въ зачаточномъ видѣ «реминисценціи», который находимъ уже у Моцарта, Вебера и др. Сопровожденіе оркестра къ мелодическому речитативу у Даргомыжскаго самостоятельнѣе и богаче въ смѣшанной и переходной «Русалкѣ», чѣмъ въ новаторскомъ «Каменномъ Гостѣ», гдѣ оно доходитъ иногда до аскетической бѣдности, граничащей съ отсутствіемъ музыкальнаго содержанія и характеристики. Такимъ образомъ сближеніе Даргомыжскаго съ Вагнеромъ возможно только въ самомъ общемъ смыслѣ. Гораздо ближе типъ музыкальной драмы, созданный Даргомыжскимъ въ «Каменномъ Гостѣ», подходитъ къ тому, который мы находимъ у мало извѣстнаго въ Россіи нѣмецкаго композитора Іосифа Губера (род. 1837 г.), современника и соперника Ваг-

Библиотека "Руниверс"

нера, автора оперъ «Irene» и «Die Rose von Libanon». Даргомыжскій и Губеръ не знали другъ друга, работая приблизительно въ одно и то же время, но извѣстное формальное сходство между ихъ произведеніями безусловно существуетъ и представляетъ интересный примѣръ духовнаго совпаденія. «Каменный Гость» Даргомыжскаго вызвалъ въ свое время ожесточенные споры между его поклонниками и противниками, до сихъ поръ еще не приведшіе къ соглашенію. Одни считали и считаютъ его капитальнѣйшимъ произведеніемъ новой русской музыкальной школы, другіе отрицали и отрицаютъ въ немъ всякій элементъ вдохновенія, признавая его мертворожденнымъ курьезомъ, чисто головной, тенденціозной работой, насиліемъ надъ прирожденнымъ талантомъ въ угоду книжной, мертвой теоріи. Несомнѣнно одно: при послѣдовательно проведенномъ сплошномъ мелодическомъ речитативѣ, вокальныя партіи не могли не сдѣлаться монотонными, не смотря на всю оригинальность, силу и выразительность музыкальной декламаціи. Наши новые композиторы, послѣдователи и единомышленники Даргомыжскаго, очевидно чувствовали это—и въ своихъ операхъ (сознательно или безсознательно) не пошли вполнѣ по тому пути, которымъ шелъ Даргомыжскій въ «Каменномъ Гостѣ». Даже такой безусловный поклонникъ «Каменнаго Гостя», какъ Ц. Кюи (см. его «La musique en Russie», П., 1880), ни въ одной изъ своихъ оперъ не попытался вполнѣ послѣдовательно осуществить систему мелодическаго речитатива на фонѣ блѣднаго, бо́льшею частью, оркестроваго сопровожденія, характеризующую музыку послѣдней оперы Даргомыжскаго. Какъ-бы то ни было, художественное и музыкально-историческое значеніе «Каменнаго Гостя» весьма значительно: положительныя достоинства яркой и выразительной музыкальной декламаціи, требующей всетаки особаго таланта и вдохновенія, заставляютъ забывать блѣдность собственно музыкальнаго содержанія и дѣлаютъ послѣднюю оперную партитуру Даргомыжскаго необходимымъ предметомъ изученія для каждаго русскаго вокальнаго композитора, желающаго усвоить себѣ свободный и выразительный вокальный стиль. Въ мелодическомъ речитативѣ всѣхъ выдающихся нашихъ оперныхъ композиторовъ разсматриваемаго періода замѣтны несомнѣнные, подчасъ глубокіе слѣды вліянія мелодическаго речитатива Даргомыжскаго (особенно у Кюи и Мусоргскаго, въ меньшей степени—у Бородина, Римскаго-Корсакова и Чайковскаго, не шедшаго дальше того типа речитатива, который представляетъ «Русалка»). Въ связи съ реализмомъ Даргомыжскаго находится сильно развитое комическое его дарованіе. Въ этомъ отношеніи онъ также превосходилъ Глинку, юморъ котораго имѣетъ болѣе спокойный, эпическій оттѣнокъ. Рядъ комическихъ романсовъ, такіе типы, какъ сватъ и Ольга въ «Русалкѣ», совсѣмъ новые въ нашей музыкѣ, нѣкоторыя мѣста «Каменнаго Гостя», симфоническая картина «Казачокъ» и т. д. живо свидѣтельствуютъ объ этой сторонѣ таланта Даргомыжскаго, не оставшейся безъ вліянія и на послѣдующихъ композиторовъ, особенно на Мусоргскаго. Новаторскимъ и реалистическимъ стремленіямъ Даргомыжскаго въ области оперы пришлось испытать тотъ же пріемъ со стороны русскаго общества, какой въ свое время встрѣтилъ «Русланъ» Глинки, снятый съ репертуара на пѣлыя 15 лѣтъ со времени первой постановки. «Русалка» Даргомыжскаго сначала не имѣла успѣха ни въ публикѣ, ни въ печати: исключеніе составилъ Сѣровъ, посвятившій новой оперѣ большую, сочувственную статью. Только въ концѣ 60-хъ гг. наступилъ поворотъ во мнѣніи публики, отчасти подъ вліяніемъ прекраснаго исполненія роли Наташи—Платоновою и мельника—Петровымъ. Вмѣстѣ съ «Жизнью за Царя» и «Русланомъ», «Русалка» дѣлается репертуарной оперой и начинаетъ нравиться публикѣ. Еще меньше успѣха имѣлъ «Каменный Гость», встрѣченный враждебно почти всей критикой и публикой (1872). Послѣ нѣсколькихъ представленій опера была снята съ репертуара и съ тѣхъ поръ появлялась только на частныхъ сценахъ, съ исполнителями-любителями и съ сопровожденіемъ фортепіано. Въ романсахъ Даргомыжскаго мы находимъ тѣ же основныя черты таланта, какъ и въ его лучшихъ операхъ. Среди его зрѣлыхъ произведеній этого рода имѣется нѣсколько превосходныхъ образчиковъ художественнаго русскаго романса: въ лирическомъ широко мелодическомъ стилѣ, въ закругленной стройной формѣ («Я помню глубоко», «Я все еще его, безумная, люблю», «Не скажу никому», «Какъ часто слушаю», «Что въ имени тебѣ моемъ»), декламаціонные, сильно драматическіе («Старый капралъ», «Паладинъ»), комическіе («Червякъ», «Титулярный совѣтникъ», «Мельникъ», «Охъ тихъ тихъ», «Лихорадушка» и т. д.), этюды мелодическаго речитатива («Ты вся полна очарованья» и превосходное «Мнѣ все равно»), свѣжіе и оригинальные восточные («О дѣва роза», «Ты рождена воспламенять») и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и особое историческое значеніе, по новизнѣ поэтическихъ темъ (напр. комическіе) или пріемовъ (восточные, речитативные) и т. д. Какъ композиторъ романсовъ, Даргомыжскій является болѣе обдуманнымъ и сознательнымъ мастеромъ, чѣмъ Глинка: онъ строже относится къ соотвѣтствію музыки и текста, къ музыкальной декламаціи и характеристикѣ, тоньше и гибче передаетъ смѣну настроеній и съ бо́льшимъ вкусомъ выбираетъ тексты. Симфоническія произведенія Даргомыжскаго, изъ которыхъ самыя удачныя—«Казачекъ» и «Чухонская фантазія», имѣютъ второстепенное значеніе. Существенно новыхъ элементовъ въ нашу симфоническую музыку, кромѣ извѣстнаго угловатаго комизма, иной разъ граничащаго съ карикатурой («Баба-яга или съ Волги nach Riga»), они не внесли. Національный элементъ у Даргомыжскаго блѣднѣе, чѣмъ у Глинки. Такихъ глубоко національныхъ страницъ, какъ хоры «Разливалася» или «Славься» въ «Жизни за Царя», «Не лебедка бѣлоснѣжная» или «Лель таинственный» въ «Русланѣ», у Дар-

Библиотека "Руниверс"

гомыжскаго нѣтъ. Хоры «Русалки» только въ 1-мъ дѣйствіи имѣютъ ясный національный отпечатокъ (особенно «Какъ на горѣ мы пиво варили» и «Заплетися»). Изъ романсовъ Даргомыжскаго только немногіе носятъ яркій національный отпечатокъ. Фантастическій элементъ, столь яркій у Глинки, у реалиста Даргомыжскаго блѣденъ и прозаиченъ (хоры русалокъ). Независимое положеніе въ нашей музыкѣ занималъ О. Дютшъ (1825—1863) — датчанинъ родомъ, талантливый авторъ оперы «Кроатка» (1860) и довольно большого числа романсовъ, обнаруживающихъ изящный вкусъ, прекрасную технику, теплоту и искренность чувства, но малую оригинальность творчества, примыкающаго къ Мендельсону (въ романсахъ) и Мейерберу (въ операхъ).

Меньшую степень независимости (отъ русской музыки) обнаруживаетъ композиторская дѣятельность А. Н. Сѣрова (1820—1871), автора трехъ операхъ: «Юдиѳь» (1863), «Рогнѣда» (1865) и «Вражья сила» (1871; закончена Н. Ѳ. Соловьевымъ). Широко образованный въ литературномъ отношеніи, разносторонне одаренный, Сѣровъ не получилъ систематическаго музыкальнаго образованія и выступилъ на композиторское поприще сравнительно поздно (болѣе 40 лѣтъ отъ роду). Драматическое чутье, литературное образованіе, природный умъ замаскировывали у него пробѣлы музыкальнаго таланта и техники и позволяли ему довольно успѣшно браться за крупныя задачи. Тѣмъ не менѣе отсутствіе крупнаго дарованія и опредѣленныхъ художественныхъ идеаловъ заставляло его постоянно мѣнять свой музыкальный стиль, примыкать то къ тому, то къ другому направленію. Мейерберъ, Моцартъ, Бетховенъ, Глинка, Вагнеръ, итальянцы поочередно овладѣвали имъ, уступая другъ другу мѣсто черезъ болѣе или менѣе продолжительное время. Отсюда невыдержанность музыки его операхъ, въ которой мѣста слабыя, дилетантскія и неумѣлыя чередуются съ удачными и характерными нумерами. Всего сильнѣе сказалось на Сѣровѣ вліяніе Вагнера, особенно въ «Юдиѳи», менѣе въ «Рогнѣдѣ». Вліяніе это, впрочемъ, отразилось не столько на музыкальномъ содержаніи операхъ Сѣрова, сколько на ихъ формѣ. Въ этомъ отношеніи Сѣровъ былъ далекъ отъ нашей новой музыкальной школы; образцомъ служили ему главнымъ образомъ оперы средней манеры Вагнера («Тангейзеръ», «Лоэнгринъ»), отъ которыхъ онъ заимствовалъ не только форму, но и нѣкоторыя сценическія ситуаціи (охота, хоры странниковъ въ «Рогнѣдѣ» и т. д.). Музыка Сѣрова не имѣетъ опредѣленной индивидуальности ни въ мелодическомъ, ни въ гармоническомъ отношеніи и носитъ отпечатокъ декоративности, но отличается нерѣдко эффектностью, сценичностью и драматизмомъ, выкупающими въ глазахъ публики отсутствіе глубины, оригинальности и тонкости музыкальнаго содержанія. Особенно слабы речитативы Сѣрова. Не смотря на свое увлеченіе Вагнеромъ и непріязненное отношеніе къ молодой русской музыкальной школѣ, группировавшейся около Даргомыжскаго и Балакирева (онъ признавалъ изъ нея только Н. А. Римскаго-Корсакова), Сѣровъ въ своихъ операхъ все-таки обнаруживаетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ основными принципами этой школы. Оставляя въ сторонѣ космополитическую «Юдиѳь», въ которой обнаруживается вліяніе «Руслана» (противоположеніе еврейской, т. е., строго говоря, общеевропейской музыкѣ ассирійскаго и индійскаго мѣстныхъ колоритовъ, хотя-бы и вполнѣ условныхъ), необходимо указать на народность не только сюжетовъ «Рогнѣды» и «Вражьей Силы», но и ихъ музыки (въ большинствѣ случаевъ). Правда, она не выдержана, впадая нерѣдко въ слащавый итальянонѣмецкій тонъ (пляска сѣнныхъ дѣвушекъ, пѣсенка Изяслава въ «Рогнѣдѣ» и др.), но въ большинствѣ случаевъ схвачена удачно (охотничья пѣсня съ хоромъ, жертвенный хоръ въ «Рогнѣдѣ», многія мѣста «Вражьей Силы»), хотя и граничитъ иногда съ «простонародностью» (сказка и пѣсня дурака въ «Рогнѣдѣ»). Какъ Даргомыжскій и Мусоргскій, Сѣровъ въ своихъ операхъ является реалистомъ. Отсюда свобода его оперныхъ формъ, хотя и не совсѣмъ русскаго склада, и реалистическій, иногда черезчуръ, характеръ его музыки. Въ силу всего вышесказаннаго историческое значеніе Сѣрова, не смотря на средніе размѣры его дарованія, для извѣстнаго періода въ исторіи нашей оперы можетъ быть признано довольно крупнымъ. Не надо забывать, что «Юдиѳь» и «Рогнѣда» были по счету четвертой и пятой русскими операми послѣ «Жизни за Царя», «Руслана» и «Русалки»; «Вильямъ Ратклиффъ» Кюи (1869), «Псковитянка» Римскаго-Корсакова (1873) и «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго (1873) явились только послѣ названныхъ двухъ оперъ Сѣрова. Къ послѣдователямъ Сѣрова должно отнести Н. Ѳ. Соловьева *), автора двухъ оперъ «Кузнецъ Вакула» (1874) и «Корделія» (1885), симфоническаго произведенія «Русь и Монголы» и др. Новыя русскія оперы прочихъ композиторовъ, исполнявшіяся до начала 70-хъ годовъ—дилетантскія произведенія, принадлежавшія любителямъ или мало талантливымъ композиторамъ. Таковы: «Чародѣй», комич. опера кн. Г. Вяземскаго (СПб., 1855), «Громобой», Верстовскаго (М., 1858), «Мазепа» бар. Фитингофа-Шеля (1859), «Наташа или Волжскіе разбойники», Вильбоа (1861), «Запорожецъ за Дунаемъ», Артемовскаго (1863), «Гроза» Кашперова, «Нижегородцы» Направника (1868; произведеніе солидное по фактурѣ, но мало оригинальное по формѣ и содержанію), «Воевода — юношеская опера Чайковскаго (1869), послѣ трехъ представленій снятая съ репертуара и уничтоженная авторомъ. Только начиная съ 70-хъ годовъ является рядъ новыхъ русскихъ оперъ, имѣющихъ крупное художественное и историческое значеніе и примыкающихъ къ произведеніямъ Глинки и Даргомыжскаго. Всѣ онѣ выходятъ изъ небольшого кружка талантливыхъ любителей музыки, не-профессіональ-

*) Въ виду участія Н. Ѳ. Соловьева въ редакціи настоящаго Словаря, оцѣнка его музыкальной дѣятельности здѣсь не приводится.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ музыкантовъ, сгруппировавшагося около Даргомыжскаго и Балакирева и прозваннаго впослѣдствіи «могучей кучкой». До 1869 г. «могучая кучка» успѣла заявить себя рядомъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ симфоническихъ произведеній, романсовъ и фортепіанныхъ пьесъ; не доставало только оперы, основанной на тѣхъ же принципахъ. «Вильямъ Ратклиффъ», Ц. Кюи, заполнилъ этотъ пробѣлъ. Правда, ни по сюжету, ни по характеру музыки, обличавшей вліяніе Шумана, Шопена и отчасти Листа, «Ратклиффъ» не могъ считаться національной русской оперой; тѣмъ не менѣе ясно обнаруживалась его принадлежность къ русской музыкальной школѣ—вокальнымъ стилемъ, мелодическими речитативами и цѣлымъ рядомъ мелодическихъ, ритмическихъ и гармоническихъ пріемовъ, выработанныхъ какъ-бы сообща вышеназваннымъ кружкомъ композиторовъ. Музыка «Ратклиффа», проникнутая теплотой чувства, мягкой граціей, иногда силою и глубиною выраженія, и заключенная въ свободныхъ, гибкихъ формахъ, выкупала недостатки мелодраматическаго либретто. Слабую сторону оперы, кромѣ отсутствія національнаго шотландскаго колорита и неудавшихся комическихъ персонажей, составляетъ инструментовка. Опера, исполненіе которой было довольно слабо, въ публикѣ и печати не имѣла успѣха, какъ и всѣ почти русскія талантливыя оперы на первыхъ порахъ, и послѣ 8 представленій была снята со сцены; съ тѣхъ поръ она исполнялась только на домашнихъ любительскихъ спектакляхъ. Раньше «Ратклиффа» Кюи написалъ двѣ оперы: одноактную комическую оперу «Сынъ Мандарина» (1859), исполнявшуюся только въ домашнемъ интимномъ кругу или на любительскихъ сценахъ и имѣющую лишь біографическій и историческій интересъ, и «Кавказскій плѣнникъ» (1857—58), изъ котораго до 1883 г. исполнялись только увертюра и танцы для оркестра. Впослѣдствіи (1881—82) авторъ расширилъ и переработалъ послѣднюю изъ названныхъ оперъ, прибавивъ къ ней одинъ актъ. Въ такомъ видѣ она шла въ 1883 г., съ довольно хорошимъ успѣхомъ. Вслѣдъ за «Ратклиффомъ» въ 1870 г. является малоталантливая опера Н. Я. Аѳанасьева (1821—1898) «Аммалатъ-бекъ», не имѣвшая никакого успѣха. Въ 1873 г. поставлены были «Псковитянка» Н. А. Римскаго-Корсакова и «Ермакъ» Сантиса (заслуженно не имѣвшій никакого успѣха; опера скоро снята была со сцены). «Псковитянка» (по драмѣ Л. Мея), продержавшаяся на сценѣ два года и снятая отчасти по цензурнымъ условіямъ, достойно примыкала къ національнымъ операмъ Глинки и Даргомыжскаго, даже превосходя «Русалку» вѣрностью и послѣдовательнымъ проведеніемъ національнаго колорита и не уступая въ этомъ отношеніи операмъ Глинки. Большія услуги нашимъ національнымъ композиторамъ въ этомъ смыслѣ оказалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ Балакирева (1866), давшій имъ превосходные образчики народнаго творчества, въ безукоризненныхъ записяхъ и съ фортепіаннымъ сопровожденіемъ полнымъ вкуса, изящества и вдохновенія. «Псковитянка» отражаетъ вліяніе этого сборника не столько заимствованными оттуда темами (ихъ всего три), сколько вѣрно схваченнымъ народнымъ характеромъ всѣхъ бытовыхъ и многихъ лирическихъ сценъ оперы. Здѣсь нѣтъ итальянизмовъ, которые встрѣчаются даже въ «Русланѣ», не говоря уже о «Жизни за Царя» и «Русалкѣ». Не смотря на то, что эта опера является первой въ длинномъ ряду оперъ Римскаго-Корсакова, она принадлежитъ къ значительнѣйшимъ его произведеніямъ, лучше всѣхъ другихъ его оперъ отвѣчая идеалу музыкальной драмы и превосходя ихъ глубиной и силой драматизма. Широкія и могучія народныя сцены—напр. весь второй актъ, изображающій псковское вѣче, или сцена ожиданія царскаго въѣзда въ Псковъ,—рельефно очерченные характеры, прелестныя бытовыя сцены, красота и техническія достоинства музыки (въ гармоническомъ, контрапунктическомъ и оркестровомъ отношеніи) дѣлаютъ «Псковитянку» первоклассным произведеніемъ нашей національной музыки, не смотря на нѣкоторыя слабыя или менѣе удачныя второстепенныя детали. Оперная форма въ ней отличается свободой и гибкостью, подчиняясь почти вездѣ требованіямъ драмы, но не впадая въ крайности «Каменнаго Гостя». Впослѣдствіи авторъ подвергалъ оперу двукратной переработкѣ, очистивъ ее при этомъ отъ нѣкоторыхъ техническихъ недочетовъ и переинструментовавъ ее. Въ такомъ видѣ опера была возобновлена въ 1894 г. любителями - членами «Общества музыкальныхъ собраній», на частной сценѣ, и исполнялась также неоднократно московской частной оперной труппой Мамонтова въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ 1874 г. является «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго (сюжетъ изъ трагедіи Пушкина). Не смотря на многочисленные крупные технические и формальные недочеты музыки, объясняющіеся недостаточностью музыкальнаго образованія и развитія автора - дилетанта, «Борисъ Годуновъ», по силѣ драматизма, яркости музыкальной характеристики, смѣлости и реальности музыкальной декламаціи, правдивости національнаго колорита, оригинальности музыки долженъ быть поставленъ въ ряду первоклассныхъ произведеній нашей новой музыкальной школы. Стоя ниже «Псковитянки» по художественной законченности фактуры, изяществу и безукоризненной красотѣ музыки, «Борисъ Годуновъ» не уступаетъ ей въ правдивости національнаго колорита и превосходитъ непосредственностью музыкальнаго творчества, силой и яркостью драматизма. Рядомъ съ народными сценами «Псковитянки», народныя и бытовыя сцены «Бориса» (первая сцена въ Кремлѣ, сцены въ лѣсу подъ Кромами, въ кельѣ Пимена и въ корчмѣ) принадлежатъ къ наиболѣе типичнымъ и характернымъ страницамъ новой русской музыки. Въ нихъ особенно сильно чувствуется вѣяніе эпохи, смутной и неустановившейся, но кипѣвшей жизнью и стихійными порывами къ лучшему будущему. «Борисъ Годуновъ» даетъ также рядъ превосходныхъ сценъ драматическихъ (угрызенія совѣсти Бориса, его

Библиотека "Руниверс"

смерть) и лирическихъ (причитанія Ксенія, конецъ дуэта Дмитрія и Марины). Особенно ярко проявилась въ «Борисѣ» комическая сторона дарованія Мусоргскаго, не менѣе сильно развитая у него, чѣмъ у Даргомыжскаго. Сцена въ корчмѣ, народная сцена въ началѣ оперы даютъ превосходные образчики національной комической музыки. Къ недостаткамъ оперы слѣдуетъ отнести неумѣлость инструментовки, наклонность къ нагроможденію разныхъ побочныхъ сценъ, съ неуклюжимъ и грубоватымъ реализмомъ, нѣкоторую мелочность музыкальной декламаціи въ мелодическомъ речитативѣ, представляющемъ иногда слишкомъ прозаичное и обыденное воспроизведеніе разговорной интонаціи, а также рядъ гармоническихъ, мелодическихъ и ритмическихъ вычурностей и нескладицъ, нерѣдко преднамѣренныхъ. Въ 90-хъ годахъ Н. А. Римскій-Корсаковъ подвергъ оперу Мусорскаго нѣкоторой передѣлкѣ и ретушировкѣ, выбросивъ лишніе и малоудачные эпизоды, исправивъ гармоническія и прочія шероховатости и ошибки и переинструментовавъ всю оперу заново. Въ этомъ, болѣе музыкальномъ видѣ «Борисъ Годуновъ» былъ поставленъ въ 1896—97 г. «Обществомъ музыкальныхъ собраній». На императорской сценѣ «Борисъ Годуновъ» со времени своей первой постановки не появлялся. Названныя выше три первыя оперы Кюи, Римскаго-Корсакова и Мусоргскаго испытали одинаковую участь: музыкально неразвитое большинство публики и отсталая критика встрѣтили ихъ враждебно, осыпая насмѣшками, преувеличивая слабыя или отрицательныя стороны и совсѣмъ замалчивая достоинства. Въ одинъ годъ съ «Борисомъ Годуновымъ» въ Петербургѣ была поставлена первая изъ удержавшихся въ репертуарѣ опера Чайковскаго, «Опричникъ» (1874) —произведеніе, обличавшее свѣжій и симпатичный музыкальный талантъ, но невыдержанное по стилю, представлявшему смѣсь пріемовъ русской музыкальной школы съ оперными пріемами Мейербера и Верди. Національный колоритъ здѣсь не такъ характеренъ и правдивъ, какъ въ другихъ произведеніяхъ Чайковскаго, не говоря уже о вышеназванныхъ операхъ Корсакова и Мусоргскаго. Въ 1875 г. въ Петербургѣ является «Демонъ» А. Рубинштейна, обличающій вліяніе новой русской школы своими удачными и характерными нумерами въ восточномъ родѣ (танцы, хоры, романсъ Синодала), а также сравнительно свободной оперной формой. Въ томъ же году шла опера А. Фаминцына «Сарданапалъ», не имѣвшая успѣха. Болѣе поздняя опера того же автора: «Уріэль д'Акоста», написанная въ болѣе свободной формѣ и не лишенная музыкальныхъ достоинствъ, шла только въ Германіи. Къ 1876 г. относятся «Анджело» Кюи и «Кузнецъ Вакула» Чайковскаго. Первая опера является послѣ «Каменнаго гостя» и «Бориса Годунова» наиболѣе послѣдовательнымъ воплощеніемъ принциповъ оперной реформы, какъ ихъ опредѣлялъ и высказывалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ самъ авторъ. Уступая, можетъ быть, въ непосредственной свѣжести музыкальнаго вдохновенія «Ратклиффу», «Анджело» превосходитъ его обдуманностью и послѣдовательностью музыкально-драматическихъ пріемовъ, свободой и смѣлостью музыки, гармоническія пряности и рѣзкости которой, однако, иногда переходятъ границу дозволеннаго. Мелодическому речитативу въ стилѣ «Каменнаго Гостя», но съ отпечаткомъ индивидуальности Кюи, отведено здѣсь широкое мѣсто, не исключающее и лирическихъ нумеровъ въ болѣе или менѣе стройной формѣ, принадлежащихъ, какъ всегда у Кюи, къ лучшимъ страницамъ оперы. Не смотря на извѣстный успѣхъ «Анджело» и прекрасное исполненіе нѣкоторыхъ партій, эта опера не удержалась въ репертуарѣ Императорской сцены. Опера Чайковскаго «Кузнецъ Вакула», впослѣдствіи дополненная и передѣланная имъ подъ именемъ «Черевичекъ», обнаруживаетъ, сравнительно съ другими его операми, наибольшую близость къ оперному типу новой русской школы. Мелодическому речитативу здѣсь отведено болѣе широкое мѣсто, чѣмъ въ другихъ операхъ Чайковскаго, при чемъ оркестръ иногда интереснѣе вокальной партіи, какъ у Вагнера. Мало удачны комическія мѣста, совсѣмъ не свойственныя лирическому, мягкому и меланхолическому дарованію Чайковскаго. Персонажи блѣдны и мало разнятся другъ отъ друга въ музыкальномъ отношеніи. Національный колоритъ имѣетъ общерусскій, не спеціально малорусскій характеръ, но правдивъ и характеренъ. Лучшія мѣста оперы — лирическія и симфоническія, гдѣ талантъ Чайковскаго, лирика и симфоническаго композитора по преимуществу, находился въ настоящей своей сферѣ. Особаго успѣха опера не имѣла и въ Петербургѣ не возобновлялась, кромѣ одного исполненія на частной сценѣ. Въ Москвѣ «Черевички» шли еще недавно. Въ 1877 г. въ Петербургѣ ставится вторая опера А. Рубинштейна—«Маккавеи», представляющая тѣ же достоинства, что и «Демонъ» и также носящая восточный колоритъ. Въ общемъ музыка здѣсь ровнѣе и выдержаннѣе, чѣмъ въ «Демонѣ», но, какъ всегда у Рубинштейна, представляетъ длинноты и общія мѣста, рядомъ съ сравнительно удачными по музыкѣ нумерами. Въ противоположность «Демону», сдѣлавшемуся одной изъ любимыхъ оперъ, «Маккавеи» не пріобрѣли популярности. Въ 1878 и 1879 гг. выходитъ въ свѣтъ опера Чайковскаго «Евгеній Онѣгинъ», написанная для консерваторскаго спектакля въ Москвѣ, поставленная затѣмъ въ Петербургѣ кружкомъ любителей, но на Императорскую сцену попавшая только въ 1883 г. Слабая, какъ музыкальная драма, но изящная и свѣжая по музыкѣ, написанной съ техническимъ мастерствомъ, мелодическимъ вдохновеніемъ и большой искренностью и теплотой чувства, опера эта скоро сдѣлалась необыкновенно популярной, благодаря отчасти поэтическому сюжету, отчасти — простотѣ и доступности стиля. Съ операми новой русской школы въ формальномъ отношеніи она не имѣетъ почти ничего общаго, примыкая скорѣе къ формѣ современной французской оперы Гуно или Тома, съ закругленными аріями, дуэтами и многими ан-

Библиотека "Руниверс"

самблями. Національный колоритъ, если не считать плясового хора въ первомъ дѣйствіи и нѣкоторыхъ мѣстъ въ партіи няни, почти отсутствуетъ, но въ общемъ музыкальномъ стилѣ Чайковскаго, нѣкоторыхъ мелодическихъ и гармоническихъ пріемахъ чувствуется его принадлежность къ русской музыкальной школѣ, въ той ея французо-итальяно-русской стадіи развитія, какую находимъ въ нѣкоторыхъ нумерахъ «Русалки» и романсахъ Даргомыжскаго. Вліяніе реалистическаго направленія, хотя и чисто внѣшнее, сказывается въ нѣкоторыхъ сценахъ, въ родѣ приготовленія варенья, въ музыкѣ, писанной на слова въ родѣ «Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ»... «полна, кругла лицомъ она» и т. д. Мелодическіе речитативы, употребленные съ большою сдержанностью, не отличаются ни характерностью, ни особой выразительностью. Прелестная инструментовка, тонкая и изящная симфоническая отдѣлка сопровожденія, свѣжая, мастерская гармонія и богатый запасъ мелодическаго изобрѣтенія являются наиболѣе характерными признаками таланта Чайковскаго, какъ въ этой и другихъ его операхъ, такъ и въ прочихъ его произведеніяхъ. Либретто оперы, сдѣланное очень неумѣло и съ отсутствіемъ необходимаго уваженія къ поэмѣ Пушкина, не возвышаетъ ея достоинствъ. Въ 1880 г. является опера Римскаго-Корсакова «Майская ночь». Поэтическій сюжетъ вызвалъ не менѣе поэтическую музыку, дышащую ароматомъ и прелестью «украинской ночи»; тонкій и художественный юморъ Римскаго-Корсакова, сказавшійся до тѣхъ поръ только въ его оркестровой фантазіи «Садко» и немногихъ мѣстахъ «Псковитянки» и отличающійся отъ грубоватаго, хотя и болѣе яркаго, комизма Мусоргскаго извѣстнымъ гуманнымъ, добродушнымъ и мягкимъ характеромъ, также нашелъ себѣ благодарную почву въ комическихъ характерахъ и ситуаціяхъ Гоголевской повѣсти. Не менѣе благодарна оказалась для композитора фантастическая сторона повѣсти, для выраженія которой онъ нашелъ яркіе и колоритные звуки. Къ недостаткамъ оперы слѣдуетъ отнести нѣкоторыя длинноты (въ хорахъ и пляскахъ русалокъ) и малую характерность собственно малорусскаго національнаго колорита, нерѣдко сбивающагося на великорусскій или общерусскій характеръ музыки, въ этомъ смыслѣ, однако, вѣрно и правдиво схваченный. Форма оперы въ «Майской ночи» начинаетъ приближаться къ обычной, традиціонной, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ операхъ Чайковскаго и въ позднѣйшихъ операхъ самого Римскаго-Корсакова (напр. въ «Садко», съ его этнографическимъ концертомъ въ костюмахъ, исполняемымъ заморскими гостями). Вообще съ начала 80-хъ годовъ періодъ «бури и натиска», обнимающій собою два предыдущія десятилѣтія, смѣняется бо́льшимъ спокойствіемъ и нѣкоторой реакціей среди самыхъ передовыхъ нашихъ композиторовъ. Новаторскія стремленія ихъ, иной разъ приводившія къ увлеченіямъ, смѣняются бо́льшей заботой о техническомъ и формальномъ совершенствѣ и нѣкоторыми уступками господствующему вкусу. Начинается періодъ упадка русской оперы, не смотря на провозглашеніе «чисто-русскихъ, самобытныхъ» началъ въ общественной и политической жизни Россіи. На Императорскихъ сценахъ русскія оперы ставятся все рѣже и рѣже, особенно со времени уничтоженія казенной итальянской оперы (1885 г.), изъ репертуара которой многое сдѣлалось обязательнымъ для русской сцены. Отсюда появленіе на русской сценѣ оперъ Бойто, Понкіелли, Леонкавалло, Масканьи и др. Не ставятся талантливыя оперы лучшихъ нашихъ композиторовъ, замѣняемыя дилеттантскими произведеніями кн. Трубецкого, барона Фитингофа, г. Кроткова или капельмейстерскими операми Направника и Кюнера. Изъ шедшихъ прежде русскихъ оперъ возобновляются только очень немногія, и то нерѣдко на одно или два представленія, не смотря на полные постоянно сборы. Образцовая *русская* оперная сцена отказывается отъ постановки такого крупнаго и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго произведенія, какъ опера «Садко» Н. А. Римскаго-Корсакова, и предоставляетъ честь первой его постановки частной антрепризѣ. Результатомъ такого положенія вещей неминуемо должно было явиться охлажденіе русскихъ композиторовъ къ оперѣ и сосредоточеніе ихъ творческой производительности на симфонической и камерной музыкѣ, которое и замѣчается съ наступленія 80-хъ годовъ. Впрочемъ, какъ-бы по инерціи, русскія оперы продолжаютъ еще появляться, отчасти въ разсчетѣ на частныя сцены. Первое мѣсто продолжаютъ занимать композиторы, дѣятельность которыхъ началась въ лучшія времена русской оперы: Римскій-Корсаковъ, которому принадлежатъ: «Снѣгурочка» (1882), «Млада» (1892), «Ночь передъ Рождествомъ» (1895), «Садко», «Моцартъ и Сальери» и «Вѣра Шелога», прологъ къ «Псковитянкѣ» (1898), «Царская невѣста», (Москва, 1899); Кюи — «Флибустьеръ» (Парижъ, 1894) и «Сарацинъ» (СПб., 1899)); Мусоргскій—посмертная «Хованщина» (1886, на частной сценѣ любительскаго кружка), идущая только на частныхъ сценахъ; Бородинъ—посмертный «Князь Игорь» (1890); Чайковскій—«Орлеанская дѣва» (1881), «Мазепа» (1884), «Чародѣйка» (1887), «Пиковая дама» и «Іоланта» (1890); А. Рубинштейнъ — «Купецъ Калашниковъ» (1880), «Неронъ» (написанъ въ 1877, но поставленъ въ СПб. только въ 1884 г.), «Фераморсъ» (написанъ еще раньше «Демона», но шелъ впервые въ СПб. только въ 1884 г., на любительской сценѣ «Музыкально-драматическаго Кружка»), «Горюша» (1889); Направникъ—«Гарольдъ» (1886) и «Дубровскій» (1895); Фитингофъ-Шель—«Тамара» (1886) и «Донъ Жуанъ де Тенорio» (1888). Вновь выступили Кюнеръ—«Тарасъ Бульба» (1881), Ипполитовъ-Ивановъ—«Руѳь», исп. въ Тифлисѣ 1887 г., и «Азра», Аренскій—«Сонъ на Волгѣ», М., 1890, и «Рафаэль», СПб., 1895, Бларамбергъ — «Марія Бургундская», М., 1888, «Тушинцы», М., 1895, Казаченко — «Князь Серебряный», СПб., 1892, Корещенко—«Послѣдній день Бельсаррасура», М., 1892, Рахманиновъ—«Алеко»,

Библиотека "Руниверс"

М., 1893, СПб., 1899, С. И. Танѣевъ—«Орестея», СПб., 1895, французъ Симонъ—«Ролла», М., 1892, и «Пѣснь торжествующей любви», 1898, Кротковъ — «Поэтъ», СПб., 1892, кн. Трубецкой — «Мелузина», М., 1895, Гартевельдъ — «Пѣснь торжествующей любви», Харьковъ, 1895, С. Юферовъ — «Іоланда», СПб. 1893, В. С. Сѣрова — «Уріэль Акоста», М., 1885, «Илья Муромецъ», М., 1899, Лисенко — «Різдвяна нічъ», Харьковъ, 1883, Ребиковъ «Въ грозу», Одесса, 1894, и нѣкот. др. Въ операхъ Римскаго-Корсакова, изъ которыхъ, по красотѣ музыки, впереди всѣхъ должна быть поставлена «Снѣгурочка», національный колоритъ доведенъ до этнографической почти точности и разнообразія. На ряду съ ними стоитъ посмертная опера Бородина, «Князь Игорь», соперничающая съ «Русланомъ» Глинки широтою размаха, правдивостью и красотой національнаго колорита, которому противополагается яркій восточный (половецкій) колоритъ. Посмертная опера Мусоргскаго, приведенная въ порядокъ послѣ его смерти Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, обладаетъ многими музыкальными красотами, хотя и уступаетъ «Борису Годунову». Нѣкоторыя сцены полны захватывающаго драматизма; превосходно изображена стихійная, не знающая удержу стрѣлецкая вольница, прекрасно задуманы рѣзкіе контрасты между древней Русью, олицетворяемой раскольниками и стрѣльцами, и новой, Петровской. «Флибустьеръ» Кюи уступаетъ «Ратклиффу» и «Анджело», но представляетъ собой тонкую и изящную партитуру, съ изящной и выразительной декламаціей въ стилѣ «Каменнаго Гостя» и красивыми лирическими эпизодами. Оперы Чайковскаго, уступающія музыкальными достоинствами «Евгенію Онѣгину» (особенно поздняя, напр. «Іоланта»), всѣ обличаютъ въ немъ опытнаго и талантливаго музыканта, но совсѣмъ не драматическаго композитора. Изъ новыхъ оперныхъ композиторовъ особаго вниманія заслуживаютъ П. И. Блярамбергъ, примыкающій со своими «Тушинцами» къ новой русской музыкальной школѣ и обнаруживающій симпатичное, хотя и не очень крупное дарованіе; А. С. Аренскій, по характеру своей изящной (съ технической стороны) музыки близкій частью къ новой русской школѣ, частью къ полуевропейскому стилю Чайковскаго; С. Р. Рахманиновъ, талантливый, но съ не опредѣлившимся еще стилемъ. Дирижеромъ петербургской оперы, послѣ К. Н. Лядова († 1868), состоитъ Э. Ф. Направникъ, дирижерами московской оперы—Альтани и Авранекъ. Съ половины шестидесятыхъ годовъ начинаютъ возникать частныя оперныя труппы въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ поютъ бо́льшею частью питомцы петербургской и московской консерваторій. Со времени уничтоженія казенной итальянской оперы, въ Петербургѣ и Москвѣ являются частныя итальянскія оперныя труппы, съ разными знаменитостями во главѣ и плохимъ общимъ ансамблемъ; пріѣзжаютъ также иногда оперныя труппы французская и нѣмецкая.

Въ области художественнаго русскаго *романса* выдаются, прежде всего, романсы Балакирева, написанные въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, безупречные по формѣ, оригинальные и изящные въ мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ, съ разнообразными поэтическими фортепіанными сопровожденіями, представляющими иногда какъ-бы самостоятельныя пьесы (напр. въ «Пѣснѣ золотой рыбки»). Нѣкоторые изъ этихъ романсовъ, напр. «Грузинская пѣсня» и «Пѣснь золотой рыбки», оказали сильное вліяніе на послѣдующихъ композиторовъ (такъ напр., восточныя фіоритуры «Грузинской пѣсни» отражаются у Бородина въ фіоритурахъ Кончаковны изъ «Князя Игоря»). Въ 1896 г. къ этой серіи романсовъ прибавилась еще вторая. Главныя настроенія въ романсахъ Балакирева — чисто лирическія; сатира и комизмъ несвойственны глубоко-серьезному міровоззрѣнію автора, проникнутаго религіознымъ чувствомъ («Когда волнуется», «Nachtstück»). Національный русскій колоритъ въ нихъ сравнительно рѣдокъ; лучшимъ образчикомъ его можно считать «Какъ наладили». Одновременно съ первыми романсами Балакирева появились первые романсы Кюи, но его индивидуальность сказывается особенно въ болѣе позднихъ его романсахъ, среди которыхъ есть шедѣвры интимной лирики («О чемъ въ тиши ночей», «Эоловы арфы», «Истомленная горемъ», «Люблю если тихо»). Всѣ они отличаются соотвѣтствіемъ музыки и текста, сжатостью, красивыми и разнообразными сопровожденіями, превосходной декламаціей (примыкающей къ Даргомыжскому), богатой и изящной мелодичностью, теплымъ чувствомъ и мягкой граціей. Какъ у другихъ нашихъ композиторовъ, и у Кюи въ его романсахъ нерѣдки попытки живописи звуками («Христосъ воскресъ», «Вечерняя заря», «Капля дождевая» въ «12 музык. картинкахъ» и др.). Съ 80-хъ гг. Кюи пишетъ довольно много романсовъ на французскіе тексты, въ стилѣ французской новой школы, а въ 90-хъ издаетъ еще рядъ русскихъ романсовъ. Національный русскій колоритъ въ романсахъ Кюи почти отсутствуетъ. Ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ относятся первые романсы Римскаго-Корсакова, сразу опредѣлившіе его отличительныя черты — разборчивость въ выборѣ текста, соотвѣтствіе между нимъ и музыкой, богатую разработку сопровожденій. Съ особой любовью композиторъ останавливается на тѣхъ текстахъ, гдѣ есть возможность дать описательную, живописную музыку («Ель и пальма», «Южная ночь», «На холмахъ Грузіи», «Въ темной рощѣ», «Тихо вечеръ догораетъ»). Юморъ и комизмъ въ романсахъ Корсакова отсутствуютъ; преобладаютъ лирическія интимныя настроенія. Національный русскій колоритъ, какъ и восточный, правдивы и вѣрны. Въ 1870—80 гг. Р.-Корсаковъ написалъ еще нѣсколько романсовъ, среди которыхъ выдается «Ночь». Новая серія его романсовъ, въ 90-хъ гг., нѣсколько уступаетъ прежнимъ въ свѣжести и яркости вдохновенія. Съ половины 60-хъ гг. являются наиболѣе оригинальные и крупные романсы Мусоргскаго: «Савишна», «Семинаристъ», «Озорникъ», «Козелъ», «По грибы», «Пирушка», «Стрекотунья бѣлобока»,

Библиотека "Руниверс"

«Еврейская пѣсня», «Классикъ», «Сиротка», «Колыбельная Еремушки», «Раекъ», «Дѣтская», «Безъ солнца», «Пѣсни и пляски смерти». Преобладающее содержаніе ихъ — юмористическое и комическое; нѣжныя, интимныя настроенія почти не затрогиваются; по временамъ замѣтно преувеличенное стремленіе къ реализму. Національному русскому колориту у Мусоргскаго отводится гораздо болѣе широкое мѣсто, чѣмъ у всѣхъ музыкальныхъ его товарищей. Немногочисленные романсы Бородина въ смыслѣ формальномъ вносятъ мало новаго въ нашу романсную литературу, принадлежа, однако, въ музыкальномъ отношеніи къ лучшимъ образчикамъ нашего новаго романса. Изъ романсовъ Лядова особенно хороши «Дѣтскія пѣсни», бо́льшею частью на народные тексты. Романсы Глазунова не принадлежатъ къ числу его лучшихъ произведеній. Многочисленные романсы Чайковскаго часто красивы и вдохновенны, но музыка ихъ не всегда соотвѣтствуетъ тексту, настроеніе довольно однообразное — уныло-элегичное. Аккомпанименты разнообразны, превосходно сдѣланы въ техническомъ отношеніи, часто представляютъ самостоятельныя картинки («Нѣтъ только тотъ», «Вечеръ», «Зачѣмъ», и т. д.) и, въ общемъ, хорошо иллюстрируютъ содержаніе текста. Національный русскій колоритъ въ романсахъ Чайковскаго встрѣчается рѣдко. По характеру музыки къ нимъ примыкаютъ романсы Аренскаго, отличающіеся бо́льшимъ разнообразіемъ настроенія, но менѣе оригинальные и значительные. Того же характера, только болѣе изысканные и нервные по музыкѣ, романсы Рахманинова. Романсы К. Ю. Давыдова напоминаютъ своимъ мягкимъ и элегическимъ настроеніемъ Чайковскаго; они имѣютъ совершенно европейскій характеръ (исключеніе —«Ивушка», въ русскомъ вкусѣ). Среди весьма многочисленныхъ романсовъ Рубинштейна, написанныхъ главнымъ образомъ въ 60-хъ и 70 гг. и отличающихся обыкновенно эскизностью творчества, съ преобладаніемъ музыкальной фразеологіи, выдаются изяществомъ музыки, съ яркимъ восточнымъ характеромъ, «Персидскія пѣсни», на тексты Боденштедта («Мирза Шаффи»). Къ европейскому стилю примыкаютъ романсы Направника. Менѣе развита у насъ, чѣмъ романсъ, литература хоровыхъ пѣсенъ; въ творчествѣ лучшихъ композиторовъ новой школы эти пѣсни занимаютъ второстепенное мѣсто, за исключеніемъ развѣ хоровъ Мусоргскаго. Мало культивируется нашими композиторами и ораторія или концертная кантата, для хора, оркестра и солистовъ, что́ объясняется отсутствіемъ у насъ постоянныхъ и дисциплинированныхъ хоровъ. Не говоря объ ораторіяхъ А. Рубинштейна («Потерянный рай», «Вавилонское столпотвореніе», «Моисей», «Христосъ»), имѣющихъ совершенно не русскій складъ и пошибъ, можно указать на кантату С. И. Танѣева «Іоаннъ Дамаскинъ», для хора и оркестра, кантату Н. А. Римскаго-Корсакова «Свитезянка», коронаціонныя кантаты Чайковскаго и Глазунова.

Особое развитіе въ разсматриваемый пе́ріодъ времени получила у насъ *симфоническая музыка*. Непосредственно примыкаетъ къ Глинкѣ въ своихъ первыхъ оркестровыхъ вещахъ М. А. Балакиревъ, талантливая «Увертюра на три русскія темы» котораго явилась въ 1858 г. Въ его прекрасной музыкѣ къ «Королю Лиру» (1858—61) уже замѣчается вліяніе Листа и Берліоза. Въ 1862 г. является его симфоническая поэма «1000 лѣтъ» (впослѣдствіи названная «Русь»), на народныя темы, разработанныя со вкусомъ и талантомъ. За нею слѣдуетъ «Чешская увертюра» на народныя чешскія темы (1867). Въ симфонической поэмѣ «Тамара» (1882) Балакиревъ является вполнѣ зрѣлымъ и самостоятельнымъ художникомъ. «Тамара»—превосходная программная музыка, не впадающая въ педантическое изображеніе разныхъ второстепенныхъ деталей сюжета, но рисующая главнымъ образомъ общій фонъ картины и смѣну настроеній. «Увертюра на тему испанскаго марша» примыкаетъ къ «испанскимъ» увертюрамъ Глинки. Наконецъ, въ 1897 г. окончена Балакиревымъ симфонія (C-dur). Основныя черты симфонической музыки Балакирева—строгій критическій вкусъ, цѣломудренность лирическаго чувства, возвышенность и серьезность настроенія, яркость и правдивость мѣстнаго этнографическаго колорита, рядомъ съ поэтическимъ воображеніемъ и мастерской композиторской техникой. Къ 1861 г. относится одно изъ первыхъ произведеній Мусоргскаго—«Intermezzo symphonique in modo classico», гдѣ особенно выдается средняя часть, написанная на народную тему. Реализмъ, народный колоритъ, стремленіе къ программной, описательной музыкѣ, характерные для Мусоргскаго, сказались и въ этомъ его произведеніи, изображающемъ, по словамъ автора, русскую деревенскую сцену (толпу мужиковъ, бредущую по глубокому снѣгу и идущую къ нимъ на встрѣчу по дорогѣ съ пѣснями кучку молодыхъ женщинъ). Еще раньше Мусоргскимъ написано было фортепіанное скерцо, впослѣдствіи также инструментованное; затѣмъ ему принадлежитъ еще одна программная симфоническая картина: «Шабашъ вѣдьмъ», предназначавшаяся для неконченной имъ оперы «Сорочинская ярмарка», послѣ смерти автора приведенная въ порядокъ Римскимъ-Корсаковымъ и изданная подъ названіемъ: «Ночь на Лысой горѣ». Въ этомъ видѣ это — одно изъ лучшихъ и оригинальнѣйшихъ программныхъ симфоническихъ произведеній новой русской музыки. Къ 1865 г. относится первая симфонія Римскаго-Корсакова, вполнѣ примыкавшая къ направленію Глинки и Балакирева. За нею слѣдуютъ «Увертюра на русскія темы» (1866) и «Сербская фантазія», для оркестра (1867). Въ послѣднемъ произведеніи начинаетъ уже сказываться оригинальная индивидуальность автора, блестяще развернувшаяся въ оркестровой картинѣ «Садко» (1867), полной яркаго колорита, поэзіи и техническаго мастерства. Вторая симфонія Римскаго-Корсакова, написанная на программу и озаглавленная «Антаръ» — одно изъ лучшихъ и поэтичнѣйшихъ произведеній не только новой русской школы, но и вообще современной симфонической музыки. Въ 1873 г. является третья симфонія,

Библиотека "Руниверс"

передѣланная въ 1884 г., съ прекраснымъ скерцо, носящимъ фантастическій отпечатокъ. Въ 1880 г. написана «Сказка» для оркестра, программою которой служитъ извѣстный прологъ къ «Руслану и Людмилѣ», Пушкина. Къ 1885 г. принадлежитъ оркестровая передѣлка струннаго квартета, озаглавленная «Симфоніеттой», къ 1887 г.—блестяще инструментованное «Каприччіо на испанскія темы», къ 1888 г.— симфоническая программная сюита «Шехеразада», достойно примыкающая къ «Антару», и оригинальная по замыслу и выполненію «Воскресная увертюра», основанная на церковныхъ обиходныхъ напѣвахъ, впервые получившихъ такую художественную ихъ обработку. Наиболѣе сильная сторона симфоническаго дарованія Римскаго-Корсакова — замѣчательная способность къ описательной, программной музыкѣ, идущая рука объ руку съ огромнымъ талантомъ инструментатора. Чисто симфоническія произведенія его сравнительно блѣдны; но тамъ, гдѣ онъ находится въ своей сферѣ, онъ долженъ быть признанъ однимъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ симфонистовъ, расширившимъ музыкальную изобразительность и обогатившимъ симфоническую технику рядомъ остроумныхъ и изящныхъ оркестровыхъ эффектовъ и пріемовъ разработки. Первая симфонія Бородина была исполнена въ 1867 г.; она отличается новыми и смѣлыми пріемами гармонизаціи, блестящей и своеобразной инструментовкой. Еще крупнѣе вторая его симфонія (1877): по силѣ, размаху и широтѣ темъ, колоритной оркестровкѣ и бодрому жизненному настроенію она является превосходнымъ образчикомъ нашей новой симфонической музыки. Бородинъ не былъ профессіональнымъ музыкантомъ; его занятія искусствомъ носили характеръ дилеттантизма, «забавы» въ часы досуга (его собственное выраженіе), которыхъ у него было немного. Тѣмъ удивительнѣе необыкновенная легкость, съ которой онъ разрѣшалъ труднѣйшія техническія задачи. Къ 1880 г. относится его программная картинка «Въ Средней Азіи», въ которой легко и непринужденно соединены азіатская («восточная») и русская народная темы. Къ послѣднему году жизни Бородина (1887) относятся двѣ части изъ неконченной третьей его симфоніи. Главныя черты дарованія Бородина—богатая тематическая изобрѣтательность, яркость и правдивость національнаго колорита, какъ русскаго, такъ и восточнаго, колоритная и нерѣдко оригинальная инструментовка, большой даръ музыкальной характеристики, напоминающій Глинку, богатырскій размахъ фантазіи, преимущественно эпической, не исключавшей, однако, и задушевнаго лиризма (Andante симфоній), а также яркаго юмора. Симфоническія произведенія Кюи принадлежатъ почти всѣ времени между половиной 70-хъ и половиной 80-хъ гг. («Тарантелла», двѣ сюиты, торжественный маршъ). Отличаясь обычными свойствами таланта Кюи, они страдаютъ нѣкоторой мелкостью темъ, болѣе пригодныхъ для кабинетной и интимной салонной фортепіанной музыки, чѣмъ для большихъ по размѣрамъ симфоническихъ сочиненій. Оркестровыя программныя произведенія Чайковскаго (увертюра «Ромео и Джульетта», фантазіи «Буря», «Франческа да Римини») принадлежатъ къ числу лучшихъ образцовъ новой русской программной музыки. Отличительныя ихъ черты; свѣжесть и поэтичность музыкальнаго содержанія, мастерство фактуры, глубина психологической характеристики, выступающей, сравнительно съ элементомъ описательнымъ, на первый планъ — отношеніе обратное тому, которое свойственно программнымъ произведеніямъ Римскаго-Корсакова. Симфоніи Чайковскаго, за исключеніемъ шестой, и симфоническія его сюиты уступаютъ программнымъ его произведеніямъ. Особнякомъ стоитъ въ своихъ симфоническихъ произведеніяхъ А. Рубинштейнъ, примыкающій въ нихъ скорѣе къ Мендельсону и Шуману. Съ русской молодой школой они имѣютъ только немногія общія черты: программность (симфонія «Океанъ», симфон. картины «Іоаннъ Грозный», «Фаустъ», «Донъ-Кихотъ», увертюра «Антоній и Клеопатра»), изрѣдка національный русскій колоритъ, хотя и условнаго характера (симфонія G-moll, отчасти «Іоаннъ Грозный»). Такой же характеръ носятъ и симфоническія произведенія К. Ю. Давыдова (сюита для оркестра, программная картина «Дары Терека»), свободныя даже отъ того условнаго русскаго колорита, который встрѣчается у А. Рубинштейна. Въ симфоническихъ произведеніяхъ Направника (увертюры, симфоніи, въ томъ числѣ одна программная—«Демонъ», народные танцы, сюита, симф. поэма «Востокъ») вліяніе новой русской школы чувствуется слабо (восточный колоритъ и программность въ «Демонѣ», 1874, и «Востокѣ», 1881). Изъ молодого поколѣнія русскихъ симфоническихъ композиторовъ первое мѣсто занимаетъ А. К. Глазуновъ, первая симфонія котораго (изъ 6) относится къ 1882 г. Рядомъ съ произведеніями, написанными въ обще-симфонической формѣ (греческія увертюры, симфоніи), мы встрѣчаемъ у него и многочисленныя программныя и полупрограммныя сочиненія: «Стенька Разинъ», «Лѣсъ», «Море», «Восточная рапсодія», «Кремль», «Карнавалъ», фантазія «Изъ мрака къ свѣту», «Памяти Героя», «Славянскій праздникъ», «Характеристическая сюита» и др. Для Глазунова поэтическая идея менѣе важна, чѣмъ собственно музыкальное содержаніе: техническій интересъ разработки преобладаетъ у него надъ развитіемъ музыкально-психологическимъ. Отсюда главнымъ образомъ внѣшне-описательный характеръ его программной музыки. По характеру своему музыка Глазунова большею частью глубоко національна. Рядомъ съ Глазуновымъ, но серьезности дарованія, долженъ быть поставленъ С. М. Ляпуновъ (род. въ 1859 г.), оркестровыя произведенія котораго (симфонія, концертная увертюра, баллада) отличаются большимъ гармоническимъ и мелодическимъ вкусомъ, а также прекрасной техникой, служащей у него всегда средствомъ, а не цѣлью. По характеру творчества и пріемамъ Ляпуновъ болѣе примыкаетъ къ Балакиреву и Листу, тогда какъ у Глазунова сильнѣе чувству-

Библиотека "Руниверс"

ется вліяніе Бородина, Римскаго-Корсакова, а изъ иностранныхъ композиторовъ—Вагнера. Промежуточное положеніе между петербургской школой (Римскаго-Корсакова и др.) и московской (Чайковскаго) занимаетъ А. С. Аренскій, прекрасный техникъ и образованный музыкантъ, но композиторъ безъ особо яркой индивидуальности.

Въ 1859 г. изъ остатковъ ничѣмъ не выдававшагося «Симфоническаго общества любителей музыки» (учрежденнаго въ 1841 и зачахшаго въ 1851 г.) возникло «Русское музыкальное общество» (см. XXI, 623). Первымъ дирижеромъ его симфоническихъ концертовъ (до 1867 г.) былъ А. Г. Рубинштейнъ. Между его преемниками особенно выдавался Балакиревъ (1867 — 69), при которомъ стали появляться не только лучшіе образцы классической музыки, но и произведенія Листа, Шумана, Берліоза, Вагнера и нашихъ молодыхъ композиторовъ. Вообще концертная дѣятельность петербургскаго отдѣленія «Русскаго Музык. Общества» носила характеръ довольно рутинный; только въ послѣднее время въ этомъ отношеніи наблюдался нѣкоторый поворотъ къ лучшему. Нѣсколько живѣе и разнообразнѣе была концертная дѣятельность московск. отдѣленія, открывшаяся въ 1860 г.; первымъ дирижеромъ его былъ Н. Г. Рубинштейнъ. Изъ провинціальныхъ отдѣленій успѣшную концертную дѣятельность проявляли кіевское и харьковское. Консервативное направленіе петербургскихъ симфоническихъ концертовъ Русскаго Музык. Общества скоро вызвало противовѣсъ въ видѣ концертовъ такъ наз. «Безплатной музыкальной школы», основанной Г. Я. Ломакинымъ и М. А. Балакиревымъ въ 1861 г. Особенное значеніе получили ея концерты подъ управленіемъ Балакирева (1869—72). Дѣятельность «Безплатной школы» является по истинѣ музыкальнымъ оазисомъ среди однообразной и унылой пустыни петербургской музыкальной жизни (см. В. Стасова, «Двадцатипятилѣтіе безплатной музыкальной школы», въ «Истор. Вѣстн.» 1887 г.). Другимъ такимъ оазисомъ являются «Русск. симфоническіе концерты» (съ 1884 г.) подъ управленіемъ Н. А. Римскаго-Корсакова, А. К. Глазунова, Г. О. Дютша, А. К. Лядова, иногда П. И. Чайковскаго. Своимъ возникновеніемъ эти концерты обязаны богатому коммерсанту М. П. Бѣляеву, задавшемуся цѣлью знакомить русское и европейское общество съ лучшими произведеніями русской музыки. Благодаря «Безплатной школѣ» и «Бѣляевскимъ концертамъ», наши композиторы получили возможность слышать свои произведенія, а немногочисленная, но постоянно растущая группа ихъ цѣнителей—возможность слѣдить за творчествомъ своихъ любимыхъ авторовъ. Старѣйшее музыкальное общество Петербурга—филармоническое—во второй половинѣ 80-хъ гг. и началѣ 90-хъ гг. почти совсѣмъ прекратило свою концертную дѣятельность; только въ послѣднее время нѣкоторые изъ его концертовъ представили извѣстный интересъ исполненіемъ произведеній, шедшихъ впервые въ СПб. Изъ прочихъ симфоническихъ концертовъ Петербурга интересны по программамъ были концерты студенческаго оркестра, подъ управленіемъ Г. О. Дютша, въ серединѣ 80-хъ гг. Въ Москвѣ возникли, подъ управленіемъ П. А. Шостаковскаго, концерты «Московскаго Филармоническаго Общества», образовавшагося (1883) изъ прежняго «Общества любителей музыки и драматическаго искусства». Концерты эти довольно успѣшно соперничали съ концертами «русскаго музыкальнаго общества». Подъемъ музыкальныхъ вкусовъ публики сказался и въ лѣтнихъ Павловскихъ концертахъ, заставивъ ихъ дирекцію ввести разъ въ недѣлю «симфоническіе вечера» съ серьезными программами, а въ послѣдніе годы — и «русскіе симфоническіе вечера». Попытки поднять уровень музыкальнаго развитія въ большой публикѣ устройствомъ общедоступныхъ концертовъ были сдѣланы въ Москвѣ Н. Рубинштейномъ въ 1862—66 гг. Въ 1887 и 1890 гг. попытки эти были возобновлены, но не надолго. Въ Петербургѣ общедоступные концерты были устроены въ 1889 г., но предпріятіе скоро разладилось. Въ послѣдніе два года подобные концерты организованы графомъ Шереметевымъ, при его личномъ участіи и съ помощью его духового оркестра. Публика, посѣщающая эти концерты, принадлежитъ къ среднему классу общества.

Камерная музыка, требующая для своего пониманія болѣе высокой степени музыкальнаго пониманія и болѣе строгаго вкуса, развита у насъ сравнительно мало; постоянно она исполняется почти въ однѣхъ только столицахъ. Первымъ по времени композиторомъ нашимъ, введшимъ національный элементъ въ строгія рамки струннаго квартета, былъ Н. Я. Аѳанасьевъ. Его квартетъ «Волга» (1860), написанный на темы въ народномъ вкусѣ, представляетъ собой произведеніе неглубокое, но мѣстами не лишенное изящества и вкуса. Въ одно время съ Аѳанасьевымъ писалъ камерныя произведенія А. Рубинштейнъ, но они не носили отпечатка русской національной музыки. Прекрасные квартеты Чайковскаго, Бородина и Римскаго-Корсакова можно считать первыми художественными русскими квартетами. Затѣмъ выдаются еще квартеты Глазунова. Менѣе посчастливилось у насъ формѣ струннаго квинтета и секстета (Аѳанасьева, Рубинштейна, Глазунова, Чайковскаго). Небогата наша музыкальная литература и камерными произведеніями для фортепіано со смычковыми инструментами (тріо А. Рубинштейна, Направника, Чайковскаго, Аренскаго, квартеты А. Рубинштейна, Ипполитова-Иванова и Направника, квинтеты Рубинштейна, Фаминцына и К. Ю. Давыдова, октетъ Рубинштейна, со струнными и духовыми). Немного у насъ и сонатъ для фортепіано и струнныхъ инструментовъ; большинство ихъ принадлежитъ Рубинштейну и не имѣетъ русскаго характера. Съ возникновеніемъ Имп. рус. муз. общества появились у насъ и камерные концерты въ Петербургѣ и Москвѣ. Высокой степени совершенства достигъ петербургскій квартетъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, когда въ его составѣ находились Ауэръ, Пикель, Вейкманъ и Давыдовъ. Камерные ве-

Библиотека "Руниверс"

чера даетъ также «Спб. общество камерной музыки» (преобразов. въ 1878 г. изъ «Общества квартетной музыки»). Съ 1891 г. въ Петербургѣ существуетъ также «общество любителей-исполнителей камерной музыки»; подобное же общество имѣется и въ Москвѣ. Концертныя вещи для смычковыхъ инструментовъ съ оркестромъ писали Кюи, Римскій-Корсаковъ, Рубинштейнъ, Чайковскій и др. Фортепіанная музыка наша, до половины пятидесятыхъ годовъ исчерпывавшаяся двумятремя пьесами Глинки и полудилетантскими вещицами Ласковскаго, развилась и окрѣпла за послѣднія 45 лѣтъ, представляя немало оригинальныхъ и талантливыхъ произведній. Первымъ по времени нашимъ фортепіаннымъ композиторомъ послѣ Глинки долженъ быть названъ А. Рубинштейнъ, среди многочисленныхъ фортепіанныхъ произведеній котораго лишь немногія носятъ русскій отпечатокъ. Несомнѣнное вліяніе на характерныя особенности нашей фортепіанной музыки имѣли фортепіанныя вещи Балакирева, немногочисленныя, но полныя вдохновенія и вкуса, свидѣтельствующія о превосходномъ знаніи инструмента, изъ котораго авторомъ извлекаются новые и оригинальные даже послѣ Листа эффекты. Такова, напр., превосходная фантазія «Исламей» (1869 г.). Его 30 русскихъ пѣсенъ въ 4 руки (1898 г.)—рядъ настоящихъ шедевровъ зрѣлаго мастерства, вкуса и вдохновенія. Къ половинѣ 60-хъ годовъ относится остроумная и тонкая четырехручная «Тарантелла» Даргомыжскаго. Чайковскій написалъ въ разное время нѣсколько серій фортепіанныхъ произведеній, среди которыхъ довольно много интересныхъ и свѣжихъ страницъ; особенно выдается первый концертъ съ оркестромъ (1875). Въ фортепіанныхъ піесахъ Кюи мѣстами замѣтно вліяніе Шопена, рѣже Шумана и еще рѣже Листа, но довольно часто выступаетъ и индивидуальность самого автора; музыка бо́льшею частью бодрая и свѣтлая («Миніатюры»), подчасъ глубокая и страстная («Ténébres et lueurs») или грандіозная («Le Cèdre», «Le Rocher»). Нѣсколько фортепіанныхъ пьесъ выпустилъ и Римскій-Корсаковъ, но онѣ занимаютъ въ творчествѣ его второстепенное мѣсто. Изъ фортепіанныхъ пьесъ Мусоргскаго наиболѣе содержательны «Картинки съ выставки Гартмана» (1874). Пьесы Бородина еще менѣе «фортепіанны», чѣмъ аналогичныя вещи Мусоргскаго, но гораздо выше ихъ по стройности формы, законченности и выдержанности музыки. Совершенно своеобразнымъ не только въ нашей, но и во всей фортепіанной музыкѣ является коллективное произведеніе Бородина, Кюи, Римскаго-Корсакова и Лядова, озаглавленное «Парафразы» (1879) и представляющее рядъ варіацій и отдѣльныхъ пьесъ для 4-хъ рукъ на неизмѣнную постоянную тему такъ назыв. «котлетнаго» или «собачьяго» вальса. Въ «Парафразахъ», какъ и въ тарантеллѣ Даргомыжскаго, партнеромъ можетъ быть лицо, совсѣмъ не умѣющее играть и механически исполняющее одну и ту же музыкальную фигуру. А. К. Лядовымъ написано болѣе 70 фортепіанныхъ пьесъ; онъ является по преимуществу фортепіаннымъ композиторомъ, находящимся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Шопена, Шумана и отчасти Листа (въ тѣхъ его вещахъ, которыя также отражаютъ стиль Шопена), но при этомъ обнаруживающимъ и индивидуальныя черты. Превосходная техника, замѣчательная «красивость» музыки, отличная звучность въ фортепіанномъ смыслѣ выдѣляютъ его произведенія изъ современной фортепіанной литературы. Нѣкоторыя пьесы (кое-что въ «Бирюлькахъ», нѣкоторыя мазурки, прелюдіи, баллада и т. д.) носятъ вполнѣ опредѣленный національный отпечатокъ (русскій или вообще славянскій). По психологическому содержанію фортепіанныя сочиненія Лядова не выходятъ обыкновенно изъ круга интимныхъ, бо́льшею частью простодушно-идиллическихъ, иногда даже наивно-дѣтскихъ настроеній и чувствованій. Возвышеннѣе душевный строй въ фортепіанныхъ вещахъ С. М. Ляпунова (концертъ, семь прелюдій), принадлежащихъ къ лучшему, что создано въ этой отрасли искусства нашими молодыми композиторами. Какъ техникъ и гармонистъ, Ляпуновъ не уступаетъ Лядову. Довольно много фортепіанныхъ вещей написано Глазуновымъ и Аренскимъ. Изъ менѣе крупныхъ и самостоятельныхъ дарованій выдаются Н. Щербачевъ и А. Скрябинъ. Во главѣ нашихъ виртуозовъ-піанистовъ за послѣдніе полвѣка должны быть поставлены братья Рубинштейны. Развитіе нашей музыкальной жизни тѣсно связано съ возникновеніемъ консерваторій, открытыхъ въ Петербургѣ (1862) и Москвѣ (1865), вслѣдъ за учрежденіемъ Русскаго музык. общества (см. Консерваторія). Въ области музыкальной критики выдающееся положеніе занялъ раньше всего А. Н. Сѣровъ, литературно образованный, остроумный и блестящій, но непостоянный и далеко не безпристрастный («Критическія статьи» его изданы въ СПб., въ 1892—95 гг.). Ц. А. Кюи, энергичный и настойчивый застрѣльщикъ новаго направленія, не менѣе блестящій и остроумный, чѣмъ Сѣровъ, также не былъ свободенъ отъ крайнихъ увлеченій (особенно въ первые годы своей критической дѣятельности; перечень его критическихъ статей изд. Н. Финдейзеномъ, въ 1894 г.). Г. А. Ларошъ, представитель исторической критики и гансликіанецъ, проводникъ консерваторскаго направленія, въ остроуміи и литературныхъ достоинствахъ не уступалъ ни Сѣрову, ни Кюи, но его музыкальные вкусы и взгляды не отличаются опредѣленностью. Въ Москвѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1868—76) первое мѣсто въ музыкальной критикѣ занималъ Чайковскій, являвшійся въ своихъ интересныхъ и живыхъ фельетонахъ такимъ же эклектикомъ, какъ и въ области композиціи, но, не смотря на свою мягкость, энергично возставшій противъ всего, что онъ считалъ вреднымъ для родного искусства. Кромѣ того, музыкальной критикой занимались Бларамбергъ, Званцовъ (вагнеристъ и приверженецъ Сѣрова), М. Ивановъ, Н. Карцевъ (издатель «Муз. Свѣта»), Н. Кашкинъ, С. Кругликовъ (ревностный послѣдователь и защитникъ но-

Библиотека "Руниверс"

вой русской музык. школы), Римскій-Корсаковъ (статья о «Ратклиффѣ» Кюи), А. Рубинштейнъ (въ 60-хъ гг.), Саккетти (одинъ изъ наиболѣе объективныхъ и образованныхъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ), Н. Ѳ. Соловьевъ, В. В. Стасовъ (горячій апостолъ новой русской музыки), В. С. Сѣрова, П. Трифоновъ, А. С. Фаминцынъ, Н. Финдейзенъ и др. О развитіи музыкально-издательскаго дѣла —см. XX, 145—146.

Литература. Перепелицынъ, «Исторія музыки въ Р. и т. д.» (СПб., 1889); Саккетти, «Очеркъ всеобщей исторіи музыки» (СПб., 2 изд., 1891; отд. V, гл. XLIX—LIII—очеркъ исторіи музыки въ Р.); З. Дуровъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Р.» въ «Руководствѣ къ изученію исторіи музыки» Доммера (М., 1884); Гродзкій, «Очеркъ исторіи музыки въ Р.» (журн. «Муз. и Пѣніе», СПб., 1899); В. В. Березовскій, «Русская музыка» (СПб., 1898); Кюи, «La musique en Russie» (П., 1880; пересказъ въ «Отголоскахъ» 1881 г., № 22); G. Bertrand, «Les nationalités musicales» (П., 1872, гл. XII, «L'opéra national russe»); A. Soubies, «Précis de l'histoire de la musique russe» (П., 1893; переводъ съ франц. С. Халютина, подъ загл. «Французскій критикъ русской музыки», Минскъ, 1895); Lavignac, «La musique et les musiciens» (П., 1895, стр. 566—574); Морковъ, «Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1892 г.» (СПб., 1862); Арнольдъ, «Die nationale Oper in Russland» («Neue Zeitschr. für Musik», 1863); его же, «Возможно-ли въ музыкальномъ искусствѣ установленіе характеристическо-самостоятельной русской національной школы и на какихъ данныхъ должна таковая основываться» («Баянъ», 1888, № 15—40 и 1889, № 13—14); его же, «Воспоминанія» (М., 1892—93); Сокальскій, «О будущности русской музыки» («Баянъ», 1889, № 15—17); В. В. Стасовъ, «Наша музыка за послѣднія 25 лѣтъ» («Вѣстн. Европы», 1883, окт.); его же, «Тормазы русскаго искусства» («Вѣстн. Европы», 1885, № 5—6); Рубинштейнъ, «О музыкѣ въ Россіи» («Вѣкъ», 1861); Кюи, «Русскій романсъ» (СПб., 1896); Сѣровъ, «Судьбы оперы въ Россіи», «Опера въ Россіи и русская опера» и др. (см. полное собраніе его критическихъ статей, СПб., 1892—95). Обильный матеріалъ для новой и новѣйшей исторіи музыки въ Р. разсѣянъ въ собраніяхъ критическихъ статей Чайковскаго («Муз. фельетоны и замѣтки», М., 1898), Левенсона («Въ концертной залѣ», М., 1880—81 и «Изъ области музыки» М., 1885), Ларош («Музык. критич. статьи», СПб., 1894), въ музык. журналахъ: «Музык. Сезонъ» (1869—71), «Муз. Листокъ» (1872—77), «Музык. Обозрѣніе» (СПб., 1885—88), «Баянъ» (СПб., 1888—90), «Артистъ» (1889—95), «Русская Музык. Газета» (съ 1894), а также въ «Ежегодникѣ Имп. Театровъ» (изд. съ 1890 г.). «Музыкальная лѣтопись 1893 и 94 гг.» помѣщена въ «Муз. календарѣ-альманахѣ на 1895 г.», а съ дек. 1894 по окт. 1895 г.—въ «Муз. календарѣ-альманахѣ на 1896 г.». Очеркъ исторіи русской музыки (Н. Финдейзена) имѣетъ появиться въ выходящемъ въ свѣтъ русск. переводѣ «Иллюстр. исторіи музыки» Наумана.

2) *Церковная музыка.* Не смотря на то, что Павелъ I еще въ 1797 г. запретилъ исполненіе концертовъ во время богослуженія, оно продолжало держаться; исполнялись даже аранжировки оперныхъ арій или хоровъ изъ ораторій на священные тексты (въ родѣ «Тебе поемъ» на музыку басовой аріи жреца изъ «Весталки» Спонтини или «Херувимской» на музыку хора изъ «Сотворенія міра» Гайдна). Въ 1816 г. св. синодъ запретилъ употребленіе при богослуженіи концертовъ и рукописныхъ нотъ, разрѣшивъ исполненіе только произведеній самого Бортнянскаго или одобренныхъ имъ сочиненій другихъ авторовъ. Благодаря этой мѣрѣ и дѣятельности придворной пѣвческой капеллы, съ Бортнянскимъ во главѣ, пробуждается болѣе ясное представленіе о требованіяхъ, которымъ должна удовлетворять церковная музыка; композиторы стараются писать произведенія, болѣе отвѣчающія богослужебнымъ потребностямъ и силамъ обыкновенныхъ хоровъ. Правда, концерты все еще иногда исполняются при богослуженіи, такъ что въ 1850 г. опять приходится возобновлять ихъ запрещеніе; но все-же въ нашемъ церковномъ пѣніи наблюдается поворотъ къ лучшему, въ смыслѣ постепеннаго возвращенія къ богатому запасу древнихъ традиціонныхъ напѣвовъ. Бортнянскій первый сталъ на этотъ путь. Онъ мечталъ объ изданіи древнихъ крюковыхъ напѣвовъ въ ихъ подлинной нотаціи (см. его проектъ этого изданія въ «Проток. Общ. Люб. Др. Письм.», 1878) и желалъ положить ихъ въ основу самостоятельнаго «отечественнаго контрапункта»; онъ-же началъ гармонизировать древнія мелодіи. Гармонизація эта, однако, носитъ западный характеръ. Древніе напѣвы, писанные на прозу и потому лишенные симметрическаго ритма, Бортнянскій подгонялъ къ европейской симметрической ритмикѣ, что влекло за собою нерѣдко ошибки противъ просодіи; онъ подвергалъ измѣненію и самую мелодію, часто удерживая только ея общій рисунокъ. Переложенія Бортнянскаго представляли изъ себя, такимъ образомъ, скорѣе свободныя сочиненія въ духѣ того или другого древняго напѣва. Такой же характеръ имѣютъ и переложенія его ближайшихъ послѣдователей, напр. Грибовича. Ближе держался древнихъ напѣвовъ Турчаниновъ (1779—1856). Чтобы мелодія лучше выдѣлялась изъ прочихъ голосовъ хора, онъ велъ сопровождающіе ее голоса параллельными съ нею терціями или секстами. Отсюда монотонность и извѣстная механичность переложеній Турчанинова. Гармонизація и у него имѣла западный характеръ. Какъ техникъ и композиторъ, Турчаниновъ стоялъ много ниже Бортнянскаго; его оригинальныя сочиненія не имѣютъ ни художественнаго, ни историческаго значенія. Переложенія его, разрѣшенныя св. синодомъ къ употребленію при богослуженіи указомъ 18 мая 1831 г., до сихъ поръ принадлежатъ къ числу любимыхъ и распространенныхъ въ репертуарѣ нашихъ церковныхъ хоровъ. Какъ и Бортнянскій, Турчаниновъ принадлежалъ къ составу придворной пѣвческой капеллы. Въ сторонѣ отъ капеллы стояли іеромонахъ Викторъ (1791 —

Библиотека "Руниверс"

1871) и А. П. Есауловъ, представляющіе собою крайнюю степень сентиментальнаго итальянствующаго направленія нашей церковной музыки. Первый оставилъ множество произведеній, очень невысокихъ по техникѣ, но свидѣтельствующихъ о задушевномъ религіозномъ чувствѣ; второй, обладавшій гораздо лучшей техникой, написалъ нѣсколько сочиненій (изданы изъ нихъ немногія), очень далекихъ отъ истинно-церковнаго стиля по своей вычурной и театральной манерѣ, съ драматическими диссонансами и безпокойной модуляціей. Духовныя сочиненія писали за это время также Алябьевъ, Варламовъ (херувимскія), Верстовскій (обѣдня, концерты), Л. Гурилевъ, Макаровъ, Мауеръ, Сапіенца (концерты) и др. Послѣ смерти Бортнянскаго директоромъ пѣвческой капеллы сдѣлался Ѳ. Львовъ (1826—36), дѣятельность котораго носила характеръ административный (композиторомъ онъ не былъ). Мѣсто его занялъ сынъ его, А. Ѳ. Львовъ (1798 — 1870), авторъ народнаго гимна и отличный скрипачъ. Онъ поднялъ исполненіе капеллы до такого совершенства, которое привело въ восторгъ Берліоза и позволило ему поставить нашъ придворный хоръ выше всемірно-знаменитаго папскаго. Львову принадлежитъ рядъ церковныхъ сочиненій, обнаруживающихъ недурную технику, извѣстный вкусъ, сильное вліяніе нѣмецкой классической музыки, отсутствіе итальянской слащавости, но лишенныхъ истиннаго вдохновенія и самобытности творчества. Новымъ элементомъ въ сочиненіяхъ Львова и особенно въ его переложеніяхъ съ древнихъ напѣвовъ было стремленіе подчинить музыкальное содержаніе тексту и основнымъ требованіямъ богослуженія. Взгляды свои Львовъ изложилъ въ сочиненіи: «О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ» (СПб. 1858). Онъ требуетъ «простой и приличной гармоніи, при исполненіи которой всѣ голоса произносятъ рѣчь въ одно время и въ размѣрѣ тактовъ сообразуются съ естественными удареніями словъ». Подчиненіе древнихъ напѣвовъ «правильному размѣру и опредѣленнымъ тактамъ» влечетъ за собой, по словамъ Львова, «отрѣшеніе пѣнія отъ молитвы» и разрушеніе «тѣсной связи между словомъ и пѣніемъ». Онъ возстаетъ противъ разныхъ «натяжекъ», къ которымъ должны были прибѣгать композиторы, допускавшіе, «для выполненія музыкальныхъ условій», «излишнее повтореніе словъ, неумѣстное протяженіе ихъ, а что хуже всего, неодновременное произношеніе ихъ пѣвчими, отчего рѣчь затемнялась, терялась не только сила, но исчезалъ нерѣдко и самый смыслъ ея». Требованія эти ограничивали свободу музыкальнаго творчества въ церковной музыкѣ; они исключали возможность сложнаго контрапунктическаго, особенно фугированнаго и вообще имитаціоннаго стиля. Изъ этихъ требованій вытекало также введеніе свободнаго, несимметричнаго ритма, который и встрѣчается довольно часто въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и переложеніяхъ Львова. Въ своей композиторской практикѣ Львовъ, однако, не всегда самъ исполнялъ выставленныя имъ требованія. Гармонизація Львова, имѣющая вполнѣ европейскій, главнымъ образомъ нѣмецкій характеръ (національный элементъ въ его духовной музыкѣ отсутствуетъ), вообще мужественнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у Бортнянскаго, но также не всегда отвѣчаетъ церковному стилю, представляя подчасъ употребленіе неприготовленныхъ диссонирующихъ сочетаній, въ родѣ большого и малаго нонаккордовъ, уменьшеннаго септаккорда, увеличеннаго квинтсекстаккорда и т. д. Чистота голосоведенія также не всегда отвѣчаетъ требованіямъ строгаго стиля. Львову принадлежитъ починъ въ дѣлѣ гармонизаціи обихода, законченной въ 1858 г. учителями капеллы Ломакинымъ (главнымъ образомъ) и Воротниковымъ. Эта гармонизація вызвала ожесточенную борьбу со стороны разныхъ московскихъ практиковъ церковнаго пѣнія и дилеттантовъ-композиторовъ, въ родѣ архимандрита Ѳеофана и др., которымъ Львовъ отвѣчалъ брошюрой: «О церковныхъ хорахъ и нѣсколько словъ о правилахъ сочиненія гармоническаго пѣнія» (СПб., 1859). Дѣйствительный ударъ Львовскому обиходу и его пріемамъ гармонизаціи былъ нанесенъ совсѣмъ съ другой стороны. Иниціаторами его были Глинка и кн. В. Ѳ. Одоевскій. Первый началъ заниматься церковной музыкой, когда былъ приглашенъ въ капеллу капельмейстеромъ, вслѣдъ за успѣхомъ «Жизни за Царя». За это время имъ написана его 6-голосная «Херувимская»—произведеніе высокой музыкальной цѣнности, но совсѣмъ не русское по своему характеру, что и заставило впослѣдствіи Глинку считать его «весьма неудачнымъ». Занятія Глинки въ капеллѣ были непродолжительны; къ церковной музыкѣ онъ вернулся только въ 1855 г., когда написалъ «ектенію», «литургію» и тріо для мужскихъ голосовъ: «да исправится». Къ этимъ работамъ онъ пришелъ подъ вліяніемъ исполненія Шереметевскимъ хоромъ (подъ упр. Ломакина) произведеній западной церковной музыки. Исходя изъ убѣжденія, что гармонизація нашихъ древнихъ напѣвовъ и оригинальныя сочиненія, предназначенныя для церкви, должны основываться на старинныхъ церковныхъ ладахъ, а не на общеевропейской мажорной или минорной гаммѣ, Глинка отправился къ Дену въ Берлинъ, чтобы работать вмѣстѣ съ нимъ надъ церковными ладами, но смерть помѣшала осуществленію его плановъ. Послѣднія церковныя произведенія Глинки, носившія строго діатоническій характеръ и болѣе близкія къ истинному духу нашей самобытной церковной музыки, чѣмъ сочиненія Бортнянскаго, Львова и др., проистекали изъ указаннаго выше убѣжденія, но все-таки не разрѣшали поставленной Глинкою задачи: создать истинно-національную церковную музыку, одинаково далёкую отъ итальянской слащавости «Сахара Медовича Патокина», какъ Глинка въ шутку называлъ Бортнянскаго, и отъ нѣмецкой аккуратности Львова. Единомышленникомъ Глинки былъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, выражавшій свои взгляды сначала въ бесѣдахъ съ Ломакинымъ, Глинкой, Потуловымъ, а потомъ и печатно («Труды I-го археол. съѣзда въ Москвѣ», М., 1871). Одоевскій указывалъ, что наше обычное пѣніе только

Библиотека "Руниверс"

напечатано «въ одинъ голосъ, но на клиросахъ мы всегда слышимъ гармоническія сочетанія, употребляющіяся по музыкальному гармоническому инстинкту русскаго народа и по преданію. Аккорды наши всегда консонансны. По свойству церковныхъ мелодій нѣтъ и мѣста для диссонансовъ, нѣтъ даже ни чисто мажорнаго, ни чисто минорнаго рода. Всякій диссонансъ, всякій хроматизмъ въ нашемъ церковномъ пѣніи былъ-бы величайшею ошибкою и исказилъ-бы вполнѣ всю самобытность нашихъ церковныхъ напѣвовъ». Въ этомъ основномъ требованіи Глинка и Одоевскій кореннымъ образомъ расходились съ композиторской практикой Львова и его послѣдователей, но сходились съ нею въ положеніи, что «главная цѣль нашего церковнаго пѣнія—отчетливо выговорить слова молитвы. Въ немъ не слова подчиняются мелодіи, но мелодія словамъ, до такой степени, что гдѣ оканчивается смыслъ словъ, тамъ оканчивается и музыкальная фраза. Допускается нѣсколько нотъ на одинъ слогъ, но никакое повтореніе словъ не допускается». Отсюда слѣдовала невозможность «цвѣтистаго контрапункта»: «цѣль гармонизаціи церковнаго напѣва состоитъ единственно въ томъ, чтобы, образуя правильное сочетаніе голосовъ, отнюдь не отвлечь благоговѣйное вниманіе отъ существеннаго, т. е. отъ словъ молитвы». Упомянутыми двумя направленіями: европейскимъ—Бортнянскаго и Львова, и самобытнонаціональнымъ—Глинки и Одоевскаго, исчерпывается содержаніе нашей церковной музыки за всю вторую полов. XIX в. Главными представителями Львовскаго направленія являются П. М. Воротниковъ (1804—76), обладавшій хорошей техникой въ нѣмецкомъ вкусѣ, еще болѣе опредѣленномъ, чѣмъ у Львова, но также лишенный истиннаго творчества и вдохновенія; отчасти Г. Я. Ломакинъ (1812—1885), слѣдовавшій за Львовымъ въ отношеніи соотвѣтствія текста и музыки, но примыкавшій къ Бортнянскому въ смыслѣ чисто музыкальныхъ (гармоническихъ, мелодическихъ и т. п.) пріемовъ; Н. И. Бахметевъ (1807—1891), преемникъ Львова въ должности директора капеллы, не лишенный таланта, но слишкомъ свободно примѣнявшій пріемы современной гармоніи къ церковному стилю (употребленіе диссонансовъ, хроматизмъ, энгармонизмъ, внезапныя модуляціи и т. п. эффекты), а также допускавшій нерѣдко повтореніе и неодновременное произношеніе словъ въ разныхъ голосахъ (вслѣдствіе употребленія имитацій); протоіерей М. А. Виноградовъ († 1888), находившійся въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ подъ сильнымъ вліяніемъ Львова, но въ переложеніяхъ (болѣе позднихъ) примкнувшій къ направленію Одоевскаго-Потулова. Къ этому же типу принадлежали первыя переложенія и сочиненія Г. Ѳ. Львовскаго (1830 — 1894), впослѣдствіи склонившагося къ національному направленію. Къ композиторамъ духовной музыки въ общеевропейскомъ стилѣ должны быть отнесены также Н. Я. Аѳанасьевъ («Литургія»), П. И. Чайковскій («Литургія», 1878), А. С. Аренскій и А. Гречаниновъ («Литургія», 1898), который, однако, въ то же время обнаруживаетъ и вліяніе новаго національнаго направленія нашей церковной музыки. Менѣе богато представителями это послѣднее. Продолжателемъ Глинки явился Н. М. Потуловъ (1810—1873), осуществившій въ своихъ строгихъ и возвышенныхъ переложеніяхъ древнихъ напѣвовъ идеи кн. Одоевскаго. У него древній напѣвъ остается въ полной неприкосновенности, ритмической и мелодической, и сопровождается строго діатонической гармоніей изъ однихъ трезвучій (большихъ и малыхъ) и ихъ обращеній. Ни диссонансовъ, ни хроматизма, ни модуляцій Потуловъ не допускалъ. Недостаткомъ гармонизаціи Потулова является нѣкоторая тяжеловѣсность, проистекавшая отъ стремленія понимать каждую почти ноту мелодіи какъ составную часть аккорда и снабжать ее особой гармоніей въ другихъ голосахъ. Отсюда также извѣстная бѣдность и однообразіе мелодическаго движенія въ другихъ голосахъ, какъ-бы связанныхъ верхнимъ голосомъ. Позднѣйшіе перелагатели уклоняются отъ этихъ пріемовъ и употребляютъ и такіе виды гармоническихъ сочетаній, которые строгимъ стилемъ не допускаются (септаккорды, доминантсептаккордъ, съ ихъ обращеніями, квартсекстаккордъ и т. д.). Въ такомъ родѣ, напримѣръ, переложенія древнихъ напѣвовъ въ изданіяхъ спб. братства во имя Пресвятыя Богородицы (Д. Соловьева, И. Смирнова, П. Вейхенталя). Истинно художественнаго характера, однако, и эти переложенія не имѣютъ. Къ Потулову ближе примыкаетъ то направленіе, которое проводилось придворной капеллой во время управленія ею М. А. Балакиревымъ (1883—1895). При немъ и его ближайшемъ сотрудникѣ, Н. А. Римскомъ-Корсаковѣ, дѣятельность этого учрежденія, упавшаго было при Бахметевѣ, опять поднялась (особенно въ смыслѣ музыкально-педагогическомъ) и приняла опредѣленное національное направленіе. Плодами ея является нѣсколько переложеній древнихъ напѣвовъ, во главѣ которыхъ должно быть поставлено «Всенощное бдѣніе древнихъ напѣвовъ» (1887), гармонизованное трудами дѣятелей капеллы. Стараясь дать простую и общедоступную гармонизацію древнихъ напѣвовъ, составители означенныхъ переложеній не упускали изъ виду и художественной стороны. Гармонизаціи «всенощной» и нѣкоторыхъ другихъ богослужебныхъ пѣснопѣній (тропари и кондаки св. князю Владиміру, св. Меѳодію и Кириллу, св. Нинѣ, архіерейское служеніе), изданныя капеллой за это время, имѣютъ строго-національный характеръ, удовлетворяя въ то же время всѣмъ требованіямъ истинно-церковнаго стиля. Такой же характеръ, съ бо́льшимъ перевѣсомъ въ сторону художественности, имѣютъ оригинальныя сочиненія и особенно переложенія Н. А. Римскаго-Корсакова. М. А. Балакиреву принадлежитъ лишь нѣсколько небольшихъ по объему переложеній (въ архіерейскомъ служеніи). Въ этомъ же духѣ работали Е. С. Азѣевъ, А. Копыловъ и В. Бирюковъ. Въ сторонѣ отъ этого направленія стоялъ покойный Ю. К. Арнольдъ, исходившій въ своихъ переложеніяхъ и собственныхъ композиціяхъ изъ положеній

Библиотека "Руниверс"

византійскихъ музык. теоретиковъ («Теорія древле-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія», М. 1880). Къ нему въ недавнее время примкнулъ Д. Аллеманов («Гармонизація древле-русскаго церковнаго пѣнія, знаменнаго распѣва, по христіанско-византійской теоріи и законамъ церковнаго осмогласія», М., 1898). Чайковскій, въ своемъ «Всенощномъ бдѣніи» (1882), перешелъ отъ общаго европейскаго стиля къ строгому стилю церковныхъ ладовъ, болѣе всего близкому къ типу переложеній Потулова. Еще болѣе національныхъ чертъ можно замѣтить въ девяти отдѣльныхъ духовныхъ произведеніяхъ его, относящихся къ 1885 г. Особнякомъ стоитъ В. П. Войденовъ (р. 1852), который, хотя и обнаруживаетъ вліяніе Потуловскаго направленія, но въ то же время представляетъ нѣкоторыя самостоятельныя черты, въ своихъ нѣсколько суровыхъ, аскетическихъ гармонизаціяхъ древнихъ напѣвовъ. Довольно своеобразенъ также стиль переложеній о. В. М. Металлова (р. 1862 г.), въ первыхъ своихъ опытахъ шедшаго обычнымъ путемъ, но потомъ примкнувшаго къ Потулову и къ направленію капеллы временъ Балакирева. Онъ выразилъ свои взгляды на гармонизацію древнихъ напѣвовъ въ теоретическомъ трудѣ: «Строгій стиль гармоніи. Опытъ изложенія основаній строгаго и строгоцерковнаго стиля гармоніи» (М., 1897). Послѣднее слово въ дѣлѣ гармонизаціи и художественной обработки древнихъ нашихъ напѣвовъ принадлежитъ А. Д. Кастальскому (р. въ 1856 г.), помощнику регента въ московскомъ синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія. Рядъ его переложеній (съ 1897 г. издано 20 №№) обнаруживаетъ въ немъ не только отличнаго техника, но и самобытнаго художника, сжившагося съ древними нашими напѣвами и съумѣвшаго претворить ихъ въ настоящія художественныя созданія, проникнутыя глубокимъ религіозно-поэтическимъ настроеніемъ, мастерскія по фактурѣ, вполнѣ современной и оригинальной, ярко національныя и колоритныя. Переложеніями въ тѣсномъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать, не смотря на неприкосновенность употребленныхъ въ нихъ мелодій; для обычнаго богослужебнаго употребленія они также не годятся, требуя прекрасно дисциплинированнаго и способнаго къ истинно художественному исполненію хора. Это скорѣе художественныя возсозданія на основѣ древняго напѣва.

Литература (кромѣ цитиров. выше): В. Аскоченскій, «Протоіерей Петръ Ив. Турчаниновъ» (СПб., 1863); Безсоновъ, «Знаменательные года и знаменитые представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковно-русскаго пѣснопѣнія» («Правосл. Обозр.», 1872, янв. февр.); И. Вознесенскій, «О современныхъ намъ нуждахъ и задачахъ церковнаго пѣнія» (Рига, 1891); кн. Н. С. Голицынъ, «Современный вопросъ о преобразованіи церковнаго пѣнія въ Р.» (СПб., 1884); Ларошъ, «О нынѣшнемъ состояніи церковной музыки въ Р.» (Соврем. Лѣтопись», 1869, № 47); Металловъ, «Очеркъ исторіи правосл. церк. пѣнія въ Р.» (2 изд., М., 1896); В. Морковъ, «Протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ» (СПб., 1862); «Объ объединеніи въ Р. мѣстныхъ церковныхъ напѣвовъ, о церковныхъ композиторахъ, о пѣніи партесномъ и общемъ» («Церковный Вѣстникъ», 1889); Д. В. Разумовскій, «Какое значеніе имѣетъ гармонія Потулова для пѣнія нашей правосл. церкви» («Труды 3-го Археол. Съѣзда въ Кіевѣ», т. 2); его же, статья о Потуловѣ во 2-мъ вып. VI т. «Древностей Моск. Археол. Общества»; С. В. Смоленскій, «Обзоръ историч. концертовъ синодальнаго училища церк. пѣнія» (М., 1895; сжатый, но живой очеркъ исторіи церковнаго пѣнія, особенно въ нынѣшнемъ и прошломъ вѣкѣ); П. П. Сокальскій, «Исторія церк. пѣнія въ Р.» (Одесса, 1872); Д. Н. Соловьевъ, «Церковное пѣніе въ Валаамской обители» (СПб., 1889). См. также А. Преображенскаго, «Словарь русскаго церковнаго пѣнія» (1896) и «По Церковному пѣнію. Указатель книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей» (Екатеринославъ, 1897). Библіографію духовной нашей музык. литературы см. во «Всеобщ. каталогѣ духовно-музык. сочиненій» (5 доп. изд., М., 1899, у П. Юргенсона), а также въ «Тематическомъ каталогѣ изданій придворной пѣвческой капеллы». *С. Б—чъ.*

С. **Русскій театръ.** — явленіе сравнительно новое: оффиціально его существованіе признано лишь указомъ императрицы Елизаветы Петровны отъ 30 августа 1756 г. Его начало слѣдуетъ, однако, отнести къ царствованію Алексѣя Михайловича, а именно къ 1672 г. (17 октября), когда Іоганнъ Готфридъ Грегори впервые показалъ царю и боярамъ «Комедію объ Эсѳири» или такъ назыв. «Артаксерксово дѣйство». Господствующую роль въ исторіи русскаго театра постоянно играли императорскіе театры, въ СПб. и въ Москвѣ. Съ упраздненіемъ театральной монополіи (1882) значеніе Императорскихъ театровъ не пало, такъ какъ, обладая обширными средствами и не имѣя необходимости въ матеріальномъ успѣхѣ, они могутъ привлечь къ себѣ лучшія артистическія силы и лучшія изъ появляющихся новыхъ пьесъ. Въ настоящее время Императорскіе театры находятся въ вѣдомствѣ министерства двора и подчинены *директору Имп. театровъ*, при которомъ состоятъ чиновники особыхъ порученій. Инспекторская и хозяйственная часть и все дѣлопроизводство сосредоточено въ спб. и моск. *конторахъ Имп. театровъ*, которыя состоятъ въ завѣдываніи *управляющихъ конторами*, непосредственно подчиненныхъ директору театровъ; на управляющаго московской конторой возложено также ближайшее руководство репертуарной частью московскихъ театровъ, подъ высшимъ наблюденіемъ директора. Каждая контора состоитъ изъ отдѣленій распорядительнаго, хозяйственнаго, счетнаго и монтировочнаго. Въ вѣдѣніи конторъ находятся всѣ театральныя зданія, состоящія въ ближайшемъ завѣдываніи полиціймейстеровъ театровъ, а также врачебная часть—штатные врачи при пріемныхъ покояхъ, для приходящихъ больныхъ, и дежурные врачи (по 4 въ каждомъ театрѣ), и въ Петербургѣ, сверхъ того, экипажное заведеніе, для развозки вос-

Библиотека "Руниверс"

питанниковъ театральнаго училища, артистовъ и монтировочнаго инвентаря. Во главѣ каждой труппы стоитъ *главный режиссеръ*, и при немъ режиссеръ съ помощниками; число труппъ —7 (въ Петербургѣ—русская драматическая, оперная, балетная и французская драматическая; въ Москвѣ — русская драматическая, оперная и балетная). Персоналъ оркестровыхъ музыкантовъ находится въ вѣдѣніи *завѣдывающихъ оркестрами* (по одному въ Петербургѣ и Москвѣ); завѣдываніе собственно артистической частью каждаго оркестра поручено капельмейстерамъ; число оркестровъ Имп. театровъ—5 (3 въ Петербургѣ и 2 въ Москвѣ). При оркестровомъ управленіи спб. театровъ состоитъ главная музыкальная библіотека. Имп. театровъ въ Петербургѣ 3: Маріинскій (открытый въ 1860 г., вмѣщаетъ 1625 чел.; опера и балетъ), Александринскій (открытый въ 1832 г., 1790 чел.; русская драма), и Михайловскій (откр. въ 1833 г., 1151 чел.; русская и французская драма); въ Москвѣ также 3—Большой (въ настоящемъ видѣ открытый въ 1856 г., 1740 чел.; опера и балетъ), Малый (принадлежащій казнѣ съ 1824 г., 1000 чел.; русская драма) и снятый въ аренду съ конца 1898 г. бывшій Шелапутинскій театръ, получившій названіе Новаго (опера и драма). Званіе артистовъ Имп. театровъ имѣютъ: актеры, управляющіе труппами, режиссеры, капельмейстеры, балетмейстеры, дирижеры оркестровъ, танцовщики, музыканты, декораторы, машинисты, инспекторы освѣщенія и ихъ помощники, живописцы, главный костюмеръ, суфлеры, гардеробмейстеры, фехтмейстеры, театрмейстеры, скульпторы, надзиратель нотной конторы, фигуранты, нотные писцы, пѣвчіе и парикмахеры; всѣ эти лица считаются состоящими на государств. службѣ и раздѣляются на три разряда, смотря по талантамъ и занимаемымъ ими амплуа и должностямъ. Артисты перваго и второго разряда Имп. театровъ (если они русскіе подданные), а равно и воспитанники театральнаго училища, не имѣющіе по происхожденію права на вступленіе въ гражданскую службу, получаютъ, за выслугу при театрахъ 15 лѣтъ, права канцелярскихъ служителей третьяго разряда; если они, оставляя театръ, въ гражданскую службу не опредѣлятся, то причисляются къ художникамъ, не имѣющимъ чиновъ; дѣти артистовъ пользуются правами своихъ отцовъ. Артисты третьяго разряда по окончаніи службы именуются отставными артистами Имп. театровъ третьяго разряда. Чиновники, желающіе поступить въ актеры, опредѣляются не иначе, какъ съ лишеніемъ чиновъ; по увольненіи ихъ вовсе изъ актерскаго званія, имъ возвращаются прежніе чины, но безъ всякаго старшинства за службу ихъ актерами (прил. къ ст. 32 уст. о службѣ по опред. отъ правит., Св. Зак. т. III, изд. 1896 г.). Въ петербургскихъ труппахъ въ сезонъ 1897—98 г. состояло: въ русской драматической труппѣ артистокъ 52, артистовъ 50; въ оперной труппѣ артистокъ 21, артистовъ 27, хористокъ 59, хористовъ 67; въ балетѣ артистокъ 136, артистовъ 81; во франц. драмѣ артистокъ 17 и артистовъ 21; оркестръ оперы и балета состоялъ изъ 125 музыкантовъ, въ оркестрахъ Александринскаго и Михайловскаго театровъ было по 42 музыканта. Въ Москвѣ: въ драматической труппѣ артистокъ 66, артистовъ 50; въ оперѣ артистокъ 23, артистовъ 26, хористокъ 60, хористовъ 57; въ балетѣ артистокъ 128, артистовъ 84; въ оркестрѣ оперы и балета 123 музыканта, въ оркестрѣ Малаго театра—33 музыканта. При дирекціи Имп. театровъ состоитъ *театрально-литературный комитетъ:* онъ имѣетъ цѣлью обсужденіе и оцѣнку въ литературномъ и сценическомъ отношеніяхъ всѣхъ дозволенныхъ цензурою драматическихъ произведеній на русскомъ языкѣ, представляемыхъ авторами для постановки на сценѣ Имп. театровъ. Комитетъ состоитъ изъ отдѣленій петербургскаго и московскаго; въ каждомъ отдѣленіи по четыре лица, приглашаемыхъ на 4 года директоромъ театровъ, съ разрѣшенія министра; они избираютъ изъ своей среды предсѣдателя. Въ 1897—98 г. разсмотрѣны были комитетомъ 114 пьесъ (65 въ СПб. и 49 въ Москвѣ) и одобрены къ представленію 39 (32 въ СПб. и 7 въ Москвѣ). Самый выборъ пьесъ для репертуара принадлежитъ директору Имп. театровъ. Всего въ сезонъ 1897—98 г. было исполнено пьесъ въ С.-Петербургѣ: русскихъ драматическихъ произведеній 84 (46 большихъ и 38 небольшихъ), изъ нихъ 25 новыхъ; оперъ — 28, балетовъ—15; французскихъ драматическихъ произведеній 60, изъ нихъ новыхъ 28. Въ Москвѣ исполнено: драматическихъ произведеній 87 (48 большихъ и 39 небольшихъ), изъ нихъ 19 новыхъ; оперъ 23, балетовъ 16. Въ СПб. дано спектаклей въ сезонъ 1897—98 г.: русскихъ драматическихъ 239, русскихъ оперныхъ 141, балетныхъ 48, французскихъ драматическихъ 146; они дали валового сбора 1029691 руб. (рус. драма 296 тыс. р., опера 435 тыс. руб., балетъ 121 тыс. р., франц. драма 177 тыс. р.). Въ Москвѣ дано спектаклей: драматическихъ 207, оперныхъ 112, балетныхъ 48, смѣшанныхъ (опера и балетъ) 3; они дали валового сбора 529264 руб. (драма 222 тыс. р., опера 237 тыс. р., балетъ 64 тыс. р.). За представленіе оригинальной пьесы на Имп. театрахъ авторъ получаетъ, въ видѣ поспектакльной платы, процентное вознагражденіе съ валового сбора отъ 2 до 10%, (за оперу—отъ 3 до 10%), смотря по количеству актовъ; за переводныя пьесы уплачивается не болѣе 1% за каждый актъ. Взамѣнъ поспектакльной платы, по соглашенію съ авторомъ, ему можетъ быть назначено единовременное вознагражденіе. Право на полученіе поспектакльной платы принадлежитъ по смерти автора его наслѣдникамъ не далѣе 50 лѣтъ. При Имп. театрахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ находятся императорскія *театральныя училища*, состоящія изъ балетнаго отдѣленія для мальчиковъ и дѣвочекъ (интерновъ и приходящихъ), съ пятилѣтнимъ курсомъ, и драматическихъ трехлѣтнихъ курсовъ для приходящихъ молодыхъ людей обоего пола. Въ балетномъ отдѣленіи, кромѣ спеціальныхъ предметовъ, изучаются также и общеобразовательные, въ объемѣ начальныхъ училищъ. Въ петербургскомъ училищѣ въ 1897 — 98 г. было

Библиотека "Руниверс"

въ балетномъ отдѣленіи 136 учащихся (69 ученицъ и 67 учениковъ), изъ которыхъ окончило курсъ 17 (9 ученицъ и 8 учениковъ); на драматическихъ курсахъ—34 учащихся (19 ученицъ и 15 учениковъ), окончило курсъ 8 (4 ученицы и 4 ученика). Въ московскомъ училищѣ въ балетномъ отдѣленіи было 72 учащихся (43 ученицы и 29 учениковъ), окончило курсъ 15 (7 ученицъ и 8 учениковъ); на драматическихъ курсахъ 31 учащійся (14 ученицъ и 17 учениковъ), окончило курсъ 10 (5 учениковъ и 5 ученицъ). За два послѣднія десятилѣтія замѣчается довольно быстрый ростъ частныхъ театровъ. Лучше всѣхъ обставлены частные театры въ столицахъ, а затѣмъ въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ — Варшавѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Ростовѣ на Дону, Казани и др. Во многихъ губернскихъ городахъ до сихъ поръ нѣтъ постоянныхъ театровъ. Главнѣйшій недостатокъ провинціальныхъ театровъ—отсутствіе постоянныхъ труппъ: большинство труппъ и въ настоящее время является кочующими. Быстрый ростъ театральнаго дѣла въ Россіи констатированъ былъ на происходившемъ весной 1898 г. въ Москвѣ первомъ всероссійскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей, обнаружившемъ и многіе недочеты театральнаго дѣла въ провинціи. Нѣкоторые театры пользуются поддержкой со стороны правительства (въ Варшавѣ, Тифлисѣ и др.) и со стороны городскихъ общественныхъ управленій, къ вѣдомству которыхъ, по городовому положенію, отнесено и попеченіе объ устройствѣ театровъ. Народный театръ впервые былъ устроенъ въ Москвѣ въ 1872 г., во время политехнической выставки. Въ послѣдніе годы вновь поднятъ вопросъ о необходимости устройства народныхъ театровъ; нѣсколько такихъ театровъ для рабочихъ существуетъ въ СПб., благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ фабрикантовъ, а съ 1898 г.—и попечительства о народной трезвости. Общее число народныхъ театровъ въ Россіи незначительно. Всего увеселительныхъ заведеній числится въ Россіи 2134, въ томъ числѣ клубовъ 768, военныхъ и морскихъ собраній 272, собственно театровъ 216, концертныхъ залъ 42, цирковъ 32, обществъ драматическихъ, литературныхъ, разныхъ видовъ спорта и др. 612, садовъ съ платой за входъ 192. Первое мѣсто по числу увеселеній между губерніями принадлежитъ лифляндской (198 увеселительныхъ мѣстъ), затѣмъ слѣдуютъ губерніи С.-Петербургская (154), Курляндская (125), Херсонская (81), Эстляндская (61), Кіевская (54), Таврическая (53) и др. Собственно театровъ имѣется въ Европейской Россіи 189, на Кавказѣ 15, въ Сибири 9, въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ 3.—Театральныя представленія могутъ быть даваемы лишь съ разрѣшенія полиціи, которой принадлежитъ и цензура театральныхъ афишъ; съ ея же разрѣшенія назначается плата за входъ. Исключительное право на печатаніе афишъ о спектакляхъ и т. п. въ столицахъ принадлежитъ дирекціи императорскихъ театровъ. Публичные маскарады и зрѣлища (кромѣ драматическихъ представленій на иностранныхъ языкахъ) запрещаются 23, 24, 25 декабря, наканунѣ двунадесятыхъ праздниковъ и дня усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ теченіе всего великаго поста, въ первые дни недѣли св. Пасхи, въ Успенскій постъ, въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и въ день Воздвиженія Креста Господня; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. въ С.-Петербургѣ) въ послѣднее время давались разрѣшенія на русскіе спектакли и въ великомъ посту. Съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній существуетъ уже съ 1763 г. особый сборъ въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, урегулированный закономъ 1892 г. По этому закону сборъ производится по всей Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, и уплачивается посредствомъ наклейки на входныхъ билетахъ особыхъ марокъ 2—10 коп. достоинства. Сборъ взимается въ размѣрѣ 2—50 коп. съ каждаго билета. Въ императорскихъ театрахъ взиманіе сбора производится дирекціей, при чемъ на билетахъ означается объ уплатѣ дополнительнаго сбора. Наблюденіе за наклейкой и погашеніемъ марокъ и возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи существующихъ по этому предмету правилъ, возложено на чиновъ полиціи. Цензура драматическихъ сочиненій производится состоящими для того при главномъ управленіи по дѣламъ печати особыми цензорами; для представленія на сценахъ въ Сѣверо- и Юго-западномъ краѣ сочиненій не на русскомъ языкѣ требуется, кромѣ того, разрѣшеніе генералъ-губернатора, а на представленіе драматическихъ вообще сочиненій на театрахъ Кавказскаго края—дозволеніе главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ. Въ губерніяхъ Царства Польскаго разрѣшеніе представленій не на русскомъ языкѣ возлагается на варшавскій цензурный комитетъ. Разрѣшенная къ представленію пьеса вносится въ алфавитный реестръ, заведенный въ канцеляріи главнаго управленія по дѣламъ печати; печатные алфавитные списки пьесамъ, дозволеннымъ къ представленію безусловно, безъ всякихъ измѣненій и пропусковъ, высылаются, по распоряженію главнаго управленія, черезъ посредство губернаторовъ, всѣмъ содержателямъ театровъ; эти списки пополняются ежегодно, по возможности—еще чаще, и служатъ исключительнымъ руководствомъ при постановкѣ пьесъ на театрѣ, а равно и разрѣшенія печатанія афишъ. Запрещеннымъ пьесамъ ведется въ канцеляріи главнаго управленія особый реестръ, который сообщается для свѣдѣнія губернаторамъ. На сценахъ народныхъ театровъ или театровъ, посѣщаемыхъ, вслѣдствіе низкой платы за мѣста, преимущественно простолюдинами, могутъ быть исполняемы только тѣ изъ разрѣшенныхъ драматической цензурой пьесъ, которыя будутъ для того одобрены главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, по особымъ ходатайствамъ содержателей театровъ или авторовъ и переводчиковъ.—Для постановки на сцену драматическаго или музыкальнаго произведенія требуется разрѣшеніе автора; представленіе безъ такого разрѣ-

Библиотека "Руниверс"

шенія карается по ст. 1684 Уложенія. Для охраны правъ авторовъ существуетъ въ Москвѣ общество русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ: оно разрѣшаетъ къ постановкѣ пьесы лицъ, состоящихъ членами общества, взимая за это съ содержателей частныхъ театровъ плату по количеству актовъ, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ комитетомъ общества; для наблюденія за репертуаромъ провинціальныхъ театровъ общество назначаетъ въ разныхъ городахъ своихъ агентовъ. Для защиты интересовъ русскихъ театральныхъ дѣятелей служитъ «Русское театральное общество»; оно имѣетъ цѣлью содѣйствіе всестороннему развитію театральнаго дѣла въ Россіи, для чего беретъ на себя посредничество по спросу и предложенію театрально-артистическаго труда, полномочіе на защиту авторскихъ правъ, выдачу ссудъ и пособій, содѣйствіе устройству частныхъ сценъ; при обществѣ состоятъ справочныя бюро въ СПб. и Москвѣ и убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ въ С.-Петербургѣ. О развитіи драматическаго искусства въ Р. см. выше, Русская литература и Музыка, а также Русская драма и Театръ. Статистическія свѣдѣнія объ Имп. театрахъ въ СПб. и Москвѣ, даетъ издаваемый съ 1890 г., дирекціей Имп. театровъ« Ежегодникъ». *Ф. Я.*

XII. Русская наука *). — 1) Богословіе. Древняя Русь получала свои богословскія знанія изъ Византіи. При церковномъ характерѣ всей нашей древней письменности, главную роль играли въ ней переводы твореній отцовъ церкви. Уже въ Святославовомъ сборникѣ (XI вѣкъ) встрѣчаются «Богословскіе вопросы и отвѣты» антіох. патріарха Анастасія Синаита» († 599)— родъ довольно обстоятельнаго катихизиса. «Точное изложеніе православной вѣры» св. Іоанна Дамаскина издревле пользовалось широкимъ распространеніемъ на Руси. Самостоятельными произведеніями русской богословской мысли были поученія, житія святыхъ, посланія пастырей и полемическія сочиненія. Богословской науки въ тѣсномъ смыслѣ не было, и за отсутствіемъ правильно организованныхъ школъ и быть не могло. Довольно полно изложены догматы вѣры въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго и «Истины показаніи» Зиновія Отенскаго (XVI в.). Первый написанъ противъ жидовствующихъ, второе— противъ ереси Ѳеодосія Косого. Зиновій не ограничивается, подобно Іосифу, приведеніемъ цитатъ, но стремится къ раскрытію началъ христіанской философіи. Другія полемическія сочиненія вызывались пріѣздомъ представителей западнаго духовенства **). Потребность въ катихизисѣ особенно чувствовалась въ юго-западной Руси, которую историческія обстоятельства привели въ постоянное и непосредственное соприкосновеніе съ католиками и протестантами Зап. Европы. За составленіе катихизиса взялся протоіерей Лаврентій Зизаній (Куколь) который представилъ свой трудъ на разсмотрѣніе моск. патріарха Филарета; онъ былъ напечатанъ въ Москвѣ (въ 1627 г.), но въ обращеніе не былъ выпущенъ. Катихизисъ полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго оказался латинскимъ, и самъ Мелетій перешелъ въ унію. Въ 1640 г. кіевскій митрополитъ Петръ Могила представилъ на разсмотрѣніе кіев. собора катихизисъ, составленный игуменомъ Исаіею Трофимовичемъ Козловскимъ, но извѣстный подъ именемъ «Православнаго Исповѣданія» Петра Могилы. Одобренный соборомъ, катихизисъ этотъ отправленъ былъ, для провѣрки и исправленія, константинопольскому патріарху Парѳенію. Пересмотрѣнный и дополненный на яссскомъ соборѣ 1643 г., онъ былъ одобренъ Парѳеніемъ, но, вслѣдствіе смутъ въ константинопольскомъ патріархатѣ, напечатанъ былъ въ Амстердамѣ, на греч. языкѣ, лишь въ 1662 г. По отзыву архіеп. Филарета (Гумилевскаго), въ катихизисѣ этомъ «есть нѣсколько мнѣній схоластики, не очень удачныхъ, напр., о формѣ и матеріи таинствъ, о твореніи душъ». Краткій катихизисъ Петра Могилы: «Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской», появившійся сначала на польскомъ яз., потомъ на русскомъ (Кіевъ, 1648), предназначался, между прочимъ, для употребленія въ школахъ; въ 1649 г. этотъ катихизисъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, напечатанъ былъ, съ благословенія моск. патріарха Іосифа, въ Москвѣ. Въ 1696 г. пространное «Исповѣданіе» было съ амстердамскаго изданія переведено и издано въ Москвѣ; позднѣйшія изданія принадлежатъ протоіерею П. А. Алексѣеву (М., 1769 и 1781). «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы явилось первою символическою книгою восточной церкви. Въ кіевскую академію, учрежденную, въ 1631 г., стараніями Петра Могилы, цѣликомъ перенесена была схоластика, господствовавшая еще тогда въ запад. богословскихъ школахъ. Въ готовыя формы зап. науки кіевскіе богословы вставляли догматы правосл. церкви, при чемъ имъ не всегда удавалось отрѣшиться отъ католическихъ вліяній. Учебники, ими составляемые, имѣли видъ отдѣльныхъ трактатовъ, лишенныхъ внутренней связи. Каждый богословъ старался превзойти другихъ діалектическими тонкостями и безплодными подраздѣленіями; обращалось вниманіе не столько на силу аргументовъ, сколько на правильность ихъ расположенія и на ихъ количество; при полномъ отсутствіи критики, пользовались средневѣковыми сказаніями, апокрифами, свидѣтельствами сивиллъ и т. п. источниками. Въ учебникахъ преобладалъ духъ строго полемическій; раскрытію ученія положительнаго отводилось мало мѣста. Наиболѣе сильными полемистами кіевской академіи были Іоанникій Голятовскій и Адамъ Зерникавъ, оставившіе трактаты противъ латинянъ объ исхожденіи св. Духа. Кіевская ученость перенесена была Симеономъ Полоцкимъ въ Мо-

*) Исторія науки въ Россіи до сихъ поръ не была никѣмъ разработана полностью, а потому въ предлагаемыхъ очеркахъ, по необходимости краткихъ, могутъ встрѣтиться пробѣлы, которые, впрочемъ, отчасти пополняются біографіями отдѣльныхъ научныхъ дѣятелей.

**) Для выясненія уровня богословскихъ знаній въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII в. интересны изданные А. Голубцовымъ „Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны“ (М., 1892).

Библиотека "Руниверс"

скву, но тамъ латинскій оттѣнокъ кіевскаго богословствованія вызвалъ протесть и послужилъ источникомъ многолѣтнихъ споровъ. Противъ «Вѣнца вѣры» Симеона Полоцкаго выступилъ Епифаній Славинецкій, также кіевскій ученый, но до-могилянскаго періода, когда въ юго-западныхъ братскихъ школахъ господствовало греч. образованіе. Въ видахъ противодѣйствія кіевскому вліянію, во вновь учрежденной типографской школѣ (1679 г.) введено было греч. образованіе; такой же характеръ приданъ былъ открытой вслѣдъ затѣмъ заиконоспасской академіи, въ которую приглашены были преподавателями греки—братья Лихуды. Эти ученые прибыли въ Москву въ 1685 г., когда велся ожесточенный споръ о времени пресуществленія даровъ между ученикомъ Полоцкаго, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, и Евѳиміемъ, ученикомъ Епифаніевымъ. Лихуды приняли сторону послѣдняго; Сильвестръ написалъ противъ нихъ книгу: «Манна хлѣба животнаго», а Лихуды отвѣчали ему въ «Акосѣ или врачеваніи отъ угрызеній зміевыхъ» и въ «Діалогахъ грека къ нѣкоему іисуиту». Іезуиты, жившіе въ Москвѣ, поддерживали Сильвестра; послѣдній былъ осужденъ на соборѣ (1689 г.) и долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній, а іезуиты изгнаны были изъ Москвы. На соборѣ 1690 г. «хлѣбопоклонническая» ересь предана проклятію и запрещено читать многія малоросс. книги, а также сочиненія Полоцкаго. При Петрѣ I распространителемъ кіевской учености, болѣе разносторонней, чѣмъ московская, былъ Стефанъ Яворскій. Около того же времени въ самой кіевской академіи произошла реакція противъ схоластики. Творцомъ новаго направленія явился Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ ввелъ въ богословіе новый методъ протестантской науки, въ основу котораго положено филологическое и историческое изученіе Св. Писанія и церковной древности. Ѳеофанъ первый отдѣлилъ догматику отъ нравственнаго богословія и положилъ твердое начало догматикѣ, какъ систематической наукѣ. Свою догматическую систему онъ дѣлитъ на двѣ части: въ первой излагается ученіе о Богѣ, единомъ по существу и троичномъ въ лицахъ, во второй—ученіе о Богѣ въ его дѣйствіяхъ. Трудъ Ѳеофана былъ законченъ, согласно его плану, кіев. митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ («Theophani Prokopovitz theologia dogmatica», Лпц., 1782 и 1792). Катихизисъ Ѳеофана издалъ Георгій Конисскій съ прибавленіями («Христіанское ученіе о Богѣ, о Промыслѣ, о законѣ», Могилевъ, 1761). Въ началѣ XVIII в. русская церковь вела борьбу противъ католицизма—съ одной, противъ протестантизма—съ другой стороны. Стефанъ, возражая протестантамъ, подпалъ подъ власть католическихъ авторитетовъ; Ѳеофанъ, ополчаясь на католицизмъ, поддался вліянію своихъ протестантскихъ руководителей. Важнѣйшій трудъ Стефана—«Камень вѣры» (М., 1728)—направленъ противъ протестантовъ, у которыхъ были послѣдователи среди ремесленныхъ людей и стрѣльцовъ. Вся полемическая часть книги отличается большими достоинствами. Іезуитская пропаганда распространяла сочиненіе Стефана въ латинскомъ переводѣ (разумѣется, съ пропусками) по протестантскимъ землямъ. Положительная часть слабѣе и носитъ слѣды вліянія католическихъ писателей; статьи объ оправданіи, о благихъ дѣлахъ, о заслугахъ сверхъ-требуемыхъ, о необходимости смертной казни для еретиковъ заимствованы, съ немногими измѣненіями, изъ Беллармина, Бекана и др. іезуитскихъ богослововъ. Ѳеофанъ явился въ своей богословской системѣ блистательнымъ антагонистомъ католиковъ въ ученіи о преданіи, объ исхожденіи св. Духа и объ оправданіи добрыми дѣлами; но его статья о Св. Писаніи, въ предисловіи къ богословской системѣ, вся заимствована отъ протестантовъ. Въ церкви Ѳеофанъ видитъ только совокупность лицъ, соединившихся ради пользы; идея органическаго цѣлаго, духовнаго тѣла у него исчезаетъ. Цѣлые отрывки изъ писателей западныхъ, воспроизводимые въ «Камнѣ вѣры», въ системѣ Ѳеофановой выставлены какъ ineptae opiniones; наоборотъ, въ «Камнѣ вѣры» мнѣнія Ѳеофана опровергаются какъ нареканія противниковъ православной церкви. Между обоими руководителями русской богословской науки возгорѣлась полемика. Въ 1729 г. Ѳеофанъ напечаталъ въ Іенѣ, подъ видомъ посланія протестантскаго богослова Буддея къ другу, въ Москву, критику на «Камень вѣры», въ которомъ Яворскій обвинялся въ католицизмѣ. Въ Россіи явился отвѣтъ на письмо Буддея, написанный доминиканцемъ Рибейрою, состоявшимъ при исп. послѣ въ Петербургѣ. Приверженецъ Яворскаго, Ѳеофилактъ Лопатинскій, написалъ Апокрисисъ на письмо Буддея. Въ «Молоткѣ на Камень вѣры» Яворскій прямо называется іезуитомъ, поборникомъ папежскаго духа въ Р. Противъ соч. Ѳеофана: «Распря Павла и Петра о игѣ неудобоносимомъ» — въ которомъ, по словамъ архіеп. чнрниговскаго Филарета, «многое не договорено, что необходимо было сказать, чтобы не быть ученикомъ Лютера»,—Ѳеофилактъ написалъ книгу: «Объ игѣ Господнемъ благомъ». Въ преподаваніи богословія первоначально господствовало направленіе Яворскаго, упроченное лекціями Ѳеофилакта Лопатинскаго въ моск. академіи. Опыты догматической науки составлялись въ духѣ умѣренно-схоластическомъ, безъ отдѣленія догматики отъ нравственнаго богословія. Таковы лекціи архимандрита Сильвестра Кулябки, читанныя въ кіев. академіи въ 1741—46 гг. («Compendium orthodoxae Theologicae doctrinae», Лпц., 1786), преподавателя коломенской семинаріи Іакинфа Карпинскаго, проф. каз. акд. архим. Сильвестра Лебединскаго. Переходъ къ направленію Ѳеофана представляютъ собою все еще не чуждыя схоластики лекціи Кирилла Флоринскаго въ моск. акад. (1739—1740): «Богословіе положительное и полемическое». Послѣ Флоринскаго система Ѳеофана получаетъ преобладаніе. Она служила для преподаванія въ академіяхъ еще въ первой половинѣ XIX в.; по ея образцу составлены лекціи Георгія Конисскаго (въ кіевской академіи, 1751—55 гг.), Ѳеофилакта Горскаго (въ моск. акд., 1769—74 гг.), Иринея Фальковскаго (въ кіев. акд., 1795—1804 гг.),

Библиотека "Руниверс"

впервые введшаго въ составъ догматики статьи о церкви дозаконной и подзаконной, о церкви благодатной, о іерархіи, о соборахъ. Особенно важна система Горскаго, вводящая въ составъ догматики нѣкоторые предметы нравственнаго богословія. Составленная по Буддею и Шуберту, она не свободна отъ протестантскихъ воззрѣній. Крупнымъ событіемъ было появленіе догматическихъ системъ на русскомъ языкѣ, способствовавшее выработкѣ богословской терминологіи. Таковы «Сокращенная христіанская богословія» (СПб., 1765), митроп. Платона (Левшина); «Догматическая богословія» (СПб., 1783), архим. Макарія (Петровича); «Христіанская богословія» (М., 1806), іером. Ювеналія (Медвѣдскаго). Сочиненіе митроп. Платона состоитъ изъ трехъ частей; собственно догматикѣ посвящена вторая часть; первая трактуетъ о естественномъ богопознаніи, а третья содержитъ нравственное христіанское ученіе. Митроп. Платонъ составилъ также нѣсколько катихизисовъ, между прочимъ катихизисъ для священнослужителей (М., 1775). Въ богословіяхъ митроп. Платона и архим. Макарія замѣтно еще, отчасти, вліяніе протестантскихъ источниковъ; слѣды этого вліянія моск. митрополитъ Филаретъ находилъ и въ катихизисахъ Платона. Соч. св. Тихона: «О истинномъ христіанствѣ» отводитъ много мѣста общедоступному выясненію догматовъ вѣры; изъ поученій того же святителя св. синодъ составилъ «Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ» (СПб., 1789), явившееся первымъ въ Р. опытомъ отдѣльнаго систематическаго изложенія нравственнаго богословія. Къ началу XIX ст. относятся большой и малый катихизисы, составленные митроп. Филаретомъ и одобренные св. синодомъ. Въ послѣдующихъ изд. большаго катихизиса исправлены мѣста объ источникахъ православнаго вѣроученія и нѣкот. др., возбудившія въ прежней своей редакціи подозрѣніе въ протест. тенденціи. Окончательное вытѣсненіе латыни изъ преподаванія богословія относится къ концу царствованія Александра I. Уставъ академій и семинарій 1814 г., вмѣстѣ съ ранѣе изданнымъ конспектомъ догматическихъ наукъ (1812 г.), стремились къ направленію русск. богословской науки на путь самостоятельнаго развитія. Ту же цѣль преслѣдовали правила касательно преподаванія семинарскихъ наукъ, изданныя св. синодомъ въ 1840 г. Подъ вліяніемъ этихъ мѣропріятій явились «Догматическое изложеніе ученія вѣры правосл. церкви», П. М. Терновскаго (М., 1828, 1839 и 1844), и «Догматическое богословіе православной каѳолической восточной церкви, съ присовокупленіемъ общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ», архим. Антонія (Кіевъ, 1848). Въ своемъ соч. «Православно-догматическое богословіе» (1849—53) митроп. Макарій совершенно выдѣлилъ изъ догматики предварительные общіе вспросы о началахъ богословія и посвятилъ имъ отдѣльное сочиненіе, подъ загл.: «Введеніе въ православное богословіе» (1855). Съ особенною полнотою изложены митр. Макаріемъ тѣ догматы, которые составляютъ отличительную черту православнаго вѣроученія и отвергаются или иначе понимаются въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, напр. ученіе о вѣчномъ происхожденіи Св. Духа отъ Бога Отца, о семи таинствахъ церкви, о почитаніи и призываніи на помощь ангеловъ и святыхъ, о молитвѣ за умершихъ. Послѣ Макарія,—говоритъ архіеп. Иннокентій (Борисовъ),—«иностранный богословъ не можетъ сказать, что въ восточной церкви привыкли вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно». Другой виднѣйшій русскій догматистъ, архіеп. черниг. Филаретъ (Гумилевскій), стремился къ разработкѣ догматики съ точки зрѣнія запросовъ современной жизни. Его «Православное догматическое богословіе» (Черн. 1864), писано, по словамъ автора, «не безъ вниманія къ мнѣніямъ германскаго раціонализма»; для борьбы съ послѣднимъ онъ считаетъ необходимымъ показать единство ученія Христова и ученія апостоловъ и непрерывность догмата, т. е. внести въ догматику элементъ историческій *). Другое нововведеніе догматики архіеп. Филарета касается вопроса о значеніи для догматиста-богослова соображеній разума. Митроп. Макарій отводитъ имъ второстепенное мѣсто и не видитъ въ нихъ необходимости; архіеп. Филаретъ возлагаетъ на догматиста-богослова обязанность слѣдить за современнымъ развитіемъ естественныхъ наукъ и указывать, «что основательныя новѣйшія изслѣдованія согласны съ показаніями откровенія». Болѣе общую формулировку даетъ тѣмъ же взглядамъ третій выдающійся русск. догматистъ, еписк. каневскій Сильвестръ. Въ своемъ «Опытѣ православнаго догматическаго богословія, съ историч. изложеніемъ догматовъ» (Кіевъ, 1884—86) онъ стремится къ раскрытію субъективно-психологическаго значенія догматовъ. Для Макарія догматъ есть нѣчто, извнѣ на человѣка налагаемое; для епископа Сильвестра догматъ, сверхъ того—нѣчто самимъ человѣкомъ желаемое, какъ согласное съ существенными требованіями его природы, какъ основа и норма религіозно-нравственной жизни. Задача догматиста, по словамъ еписк. Сильвестра—выяснить духъ и силу догмата и выразить его въ формулѣ, соотвѣтствующей современнымъ представленіямъ. Въ выполненіи этой задачи руководителемъ его можетъ быть только «духъ истины, живо и непосредственно присущій религіозному сознанію вселенской церкви и всегда нераздѣльный съ его природою. Храня сущность догматовъ, церковь въ каждый моментъ своего существованія понимаетъ ихъ наилучшимъ образомъ и представляетъ въ формѣ, самой пригодной для современныхъ условій жизни». Что касается системы догматики, то епископъ Сильвестръ, подобно архіепископу Филарету, возвращается къ дѣленію Ѳеофанову и дѣлитъ догматику на ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ и на ученіе о Богѣ въ явленіи Его тварямъ. Положительному ученію о Богѣ онъ, также подобно Ѳеофану, предпосылаетъ, въ видѣ пред-

*) Нынѣ дѣйствующій уставъ духовныхъ академій прямо требуетъ преподаванія догматики вмѣстѣ съ исторіей догматовъ.

Библиотека "Руниверс"

варительныхъ догматическихъ истинъ, ученіе о бытіи Божіемъ и о Богопознаніи.

Помимо авторовъ трехъ названныхъ руководствъ, духовныя академіи въ теченіе XIX стол. насчитывали въ средѣ своихъ профессоровъ догматики нѣсколько выдающихся догматистовъ, лекціи которыхъ остались въ рукописи или напечатаны лишь въ отрывкахъ. Таковъ, напр., архіеп. Иннокентій, который впервые ввелъ въ кіев. академіи исторію догматовъ; большой знатокъ какъ первоисточниковъ православнаго вѣроученія, такъ и западной богословской литературы, преимущественно протестантской, онъ любилъ проникать въ глубину христіанской и философской мистики и черпать оттуда матеріалы для своихъ религіозно-поэтическихъ мечтаній, за что и заподозрѣнъ былъ въ неологизмѣ; архіеп. черниг. Филаретъ укоряетъ его въ «легкости мыслей», приведшей къ «самымъ страннымъ ошибкамъ, мнѣніямъ и догадкамъ, оскорбительнымъ для св. вѣры». Замѣчательны, далѣе, лекціи еп. смол. Іоанна (Соколова), читанныя имъ въ спб. и казан. академіяхъ; каждый предметъ онъ развивалъ сначала чисто-умозрительнымъ путемъ, а затѣмъ уже полученный результатъ прилагалъ къ откровенному ученію, указывая, что въ послѣднемъ нѣтъ ничего противнаго разуму. Ему предшествовалъ въ каз. академіи на каѳедрѣ догматическаго богословія архим. Ѳеодоръ Бухаревъ, производившій сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей пламенностью своей вѣры, мягкостью и сердечностью общаго своего міровоззрѣнія. Тѣми же нравственными свойствами, съ огромною историческою и библіографическою ученостью отличаются лекціи догматическаго богословія (въ моск. академіи) А. В. Горскаго († 1875); онъ допускалъ въ извѣстной мѣрѣ понятіе развитія церковныхъ догматовъ. Преподаваніе богословія въ семинаріяхъ, университетахъ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ привело къ появленію краткихъ руководствъ и общихъ обзоровъ догматики, напр.: «Православно-христіанское вѣроученіе», еп. Іустина (Херс., 1884—87); «Правосл. догматическое богословіе», Малиновскаго (Харьк. 1895), «Правосл. догматическое богословіе», прот. А. Рудакова (СПб., 1876). Установленіе для профессоровъ академій обязательнаго представленія диссертацій вызвало рядъ монографій, относящихся главнымъ образомъ къ патристикѣ и исторіи догматовъ. Наиболѣе выдающіяся монографіи принадлежатъ Катанскому («Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ-писателей церкви до Оригена включ.», СПб., 1877), Елеонскому («Ученіе Оригена о божествѣ Сына Божія и Духа Святаго», СПб., 1879), Болотову («Ученіе Оригена о св. Троицѣ», СПб., 1879), Глубоковскому («Блаж. Ѳеодоритъ, еп. Кирскій», М., 1890; «Обращеніе Савла и евангеліе апостола Павла», СПб., 1896), Будрину (объ антитринитаріяхъ XVI в.), Иванцову-Платонову, Садову, Несмѣлову, Мироносицкому, Мартынову. Множество догматическихъ разъясненій разсѣяно въ словахъ и поученіяхъ митроп. моск. Филарета (ср. А. Городковъ, «Догматическое богословіе по сочиненіямъ Филарета, митр. моск.», Каз., 1887), архіеп. Иннокентія (Борисова), архіеп. Никанора (Бровковича) и др. Послѣдній особенно извѣстенъ своими апологетическими трудами, направленными къ огражденію истинъ, возвѣщенныхъ откровеніемъ, отъ нападокъ со стороны разныхъ философскихъ и естественно-научныхъ направленій. Тѣ же задачи преслѣдуютъ Ѳ. А. Голубинскій (лекціи по «Умозрительному богословію», 2 изд., М., 1886), и В. Д. Кудрявцевъ - Платоновъ («Изслѣдованія и статьи по естественному богословію», Сергіевъ-Посадъ, 1892 — 93). Соч. Голубинскаго: «Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка. О конечныхъ причинахъ» (нов. изд. М., 1894), не представляя собою системы догматики, даетъ довольно полное и цѣлостное изложеніе православно-христіанскаго ученія. Аналогичный характеръ имѣетъ соч. А. Д. Бѣляева: «Любовь божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви божественной». О руководствахъ и трудахъ по частнымъ богословскимъ наукамъ, входящимъ въ курсъ преподаванія духовныхъ академій, см. Нравственное богословіе (XXI, 408), Обличительное (XXI, 520), Основное (XXII, 295), Пастырское богословіе (XXII, 946), Патристика (XXIII, 20), Литургика (XVII, 837), а также Библейская археологія (III, 665), и исторія (III, 672), герменевтика (VIII, 536), гомилетика (IX, 161). Въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ существуетъ еще каѳедра исторіи и обличенія русскаго раскола; Н. И. Ивановскимъ издано соотвѣтствующее «Руководство» (Казань, 1886—87). О церковной исторіи и церковномъ правѣ см. ниже.

Помимо оффиціальной богословской науки, и свѣтскіе люди, не причастные къ духовнымъ академіямъ, писали у насъ по предметамъ богословскимъ. По времени первые опыты въ этомъ родѣ принадлежатъ раскольнической литературѣ (XXVI, 308) и еретической мистической литературѣ начала XIX в. (Лабзинъ, Лопухинъ, Гамалѣя). Въ духѣ православія писали А. Стурдза («Учебная книга правосл. христіанина», Од., 1849) и А. Муравьевъ («Письма о богослуженіи Вост. каѳол. церкви», СПб., 1836; «Изложеніе Символа Вѣры Правосл. Каѳол. церкви», СПб., 1838 и мн. др.). Стурдза взялъ на себя задачу распространенія правильныхъ свѣдѣній о правосл. церкви въ Зап. Европѣ, но, по словамъ архіеп. черниг. Филарета, «ни одно сочиненіе столько не унизило правосл. церкви во мнѣніи Запада, какъ разсужденія непризваннаго философа и полемиста». Сочиненія Муравьева были первыми на русскомъ языкѣ книгами духовнаго содержанія, получившими распространеніе среди высшаго русскаго общества, но научное значеніе ихъ весьма невелико. Больше значеніе имѣлъ А. С. Хомяковъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что церковь Христова, каѳолическая, вселенская, едина, и что она обладаетъ истиною безо всякой лжи. «Церковь принадлежитъ всему міру, а не какой-либо мѣстности; ею святится все человѣчество, а не одинъ какой-нибудь народъ».

Библиотека "Руниверс"

Церковь, по Хомякову, совпадаетъ съ православіемъ, которое осуществляетъ всю полноту Христова ученія. Католичество, въ своемъ историческомъ развитіи, осуществляло единство церкви въ ущербъ индивидуальной свободѣ; протестантство развило индивидуальную свободу, но утратило всякое единство; въ православіи церковь является какъ «синтезъ единства и свободы въ любви». Въ связи съ Хомяковымъ слѣдуетъ отмѣтить Ю. Ѳ. Самарина и его замѣчат. соч. о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Идея универсальнаго единства церкви, хотя и съ иными выводами, получила дальнѣйшее развитіе у Вл. С. Соловьева, который поставилъ также вопросъ о догматическомъ развитіи церкви (ст. Православіе, XXIV, 927). Онъ написалъ «Чтенія о Богочеловѣчествѣ» («Православное Обозрѣніе», 1878—81 гг.), «Духовныя основы жизни» (3 изд. 1897) и др. Ср. Н. С., «Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ съ 1801 по 1888 г.» (М., 1891), и указатели, приведенные въ ст. Библіографія (III, 746).

2) Математика. Эпоха письменныхъ памятниковъ застаетъ въ Россіи употребленіе десятичной системы счисленія въ предѣлахъ 1 — 10000 (тьма) и дробей двоичной системы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими простѣйшими дробями въ родѣ $^1/_3$, $^1/_5$, $^1/_7$ и ихъ подраздѣленіями по двоичной системѣ. Вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ алфавитомъ русскіе получили отъ греко-болгарскаго духовенства письменное счисленіе по методу обозначенія кратныхъ единицъ разрядовъ особыми знаками въ тѣхъ же предѣлахъ 1—10000, которые имѣли и сами русскіе. Скоро затѣмъ не замедлила обнаружиться и національная склонность русскаго народа къ разработкѣ математики въ ариѳметич.-алгебраическомъ направленіи. Русскіе «числолюбцы» стали переходить въ развитіи счисленія за предѣлы, устанавливаемые потребностями обыденной жизни. Новгородскій монахъ Кирикъ, написавшій въ 1134 г. сочиненіе о хронологическихъ и пасхальныхъ вычисленіяхъ, доводитъ подраздѣленія по пятиричной системѣ до единицы 7-го разряда, т. е. до дроби $^1/_{78125}$. Счисленіе въ XII в. распространилось до 10000000 и въ XIII—XVI вв. постепенно до единицъ разрядовъ 13-го, 48-го, 49-го и, наконецъ, 50-го, а двоичныя дроби, употребляемыя въ до-Петровскую эпоху въ мѣрахъ земельныхъ и зерновыхъ хлѣбовъ, до единицы 10-го разряда, т. е. до дроби $^1/_{1024}$. Въ письменномъ счисленіи русскіе стали помѣщать знакъ соотвѣтствующаго числа разряда единицъ въ кружкахъ и фигурахъ различнаго вида, выражающихъ другіе разряды. Русская дѣятельность въ области науки чиселъ проявилась также въ рѣшеніи задачъ, съ древняго времени и до нашихъ дней находящихся въ обращеніи между русскими крестьянами и принадлежащихъ часто къ рѣшенію уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, или къ неопредѣленному анализу. Средствомъ рѣшенія этихъ и подобныхъ имъ задачъ былъ методъ попытокъ. Слѣды занятій русскихъ геометріею являются впервые въ рукописяхъ по землемѣрію XVI в. Пріемы опредѣленія площадей земельныхъ участковъ не шли выше ложнаго ученія о равенствѣ площадей фигуръ при равенствѣ ихъ периметровъ. Въ дальнѣйшемъ движеніи математическихъ знаній все вниманіе было обращено на ариѳметику, изъ геометріи же заимствовались только немногія свѣдѣнія, нужныя для землемѣрія. Начавъ съ пасхаліи, хронологическихъ вычисленій и нужныхъ для нихъ частей ариѳметики, русскіе, наконецъ, достигли въ своихъ ариѳметическихъ рукописяхъ XVII в. полноты изложенія, одинаковой съ оригиналами, преимущественно германскими учебниками XV и XVI вв., при посредствѣ которыхъ также перешла въ Р. индусская система письменнаго счисленія. Въ упомянутыхъ рукописяхъ разсматривались: нумерація, четыре основныя дѣйствія надъ цѣлыми числами, счетъ костьми (въ Западной Европѣ счетными пфеннигами или жетонами), употребленіе счетовъ, русская и иностранная метрологія, дѣйствія надъ именованными числами, дроби и дѣйствія надъ ними, тройныя правила, дѣловая статья (пропорціональное дѣленіе), статья о ростѣ, мѣна, правило товарищества, правило смѣшенія, правила ложныхъ положеній и собраніе задачъ увеселительнаго характера. Предметомъ же геометрическихъ рукописей XVII в. было землемѣріе и его географическія приложенія въ смыслѣ проведенія границъ между государствами и даже частями свѣта, доставленія данныхъ для рѣшенія вопросовъ о сравнительной величинѣ различныхъ государствъ и измѣренія разстояній между городами. Введенія въ рукописи, посвященныя геометріи, занимались, поэтому, разсужденіями на географическія темы въ такой степени, что могли-бы быть приняты за заимствованныя изъ рукописей, занимающихся географіею или даже космографіею въ духѣ Козмы Индикоплова. Въ нѣкоторыхъ землемѣрныхъ рукописяхъ XVII в. находятся уже точные способы вычисленія площадей прямоугольнаго треугольника и прямоугольной трапеціи. Другимъ важнымъ заимствованіемъ у иностранцевъ было извлеченіе квадратнаго корня и его приложеніе къ рѣшенію различныхъ землемѣрныхъ задачъ. Къ землемѣрію присоединялись еще и нѣкоторые другіе вопросы практической геометріи (разстояніе между двумя мѣстами, разстояніе мѣста отъ наблюдателя, высота предмета, опредѣленіе численности войска по занимаемому имъ мѣсту) и практической стереометріи (объемъ житницъ и вмѣстимость бочекъ). Способы ихъ рѣшенія не могутъ быть, однако, отнесены къ области научной геометріи. Заимствовано изъ западно-европейскихъ источниковъ также извлеченіе кубическаго корня. До начала XVIII в. занятія русскихъ математическими науками происходили безъ всякаго вмѣшательства государства и вполнѣ согласовались съ особенностями національнаго умственнаго склада. Въ учрежденной въ 1701 г. въ Москвѣ школѣ математическихъ и навигацкихъ наукъ и въ другихъ основанныхъ позднѣе школахъ того же типа русскіе должны были заниматься геометріею въ неменьшихъ размѣрахъ, чѣмъ и ариѳметикою. Въ русской

Библиотека "Руниверс"

учебной литературѣ, наряду съ «Аріѳметікою, сирѣчь наукою числительною» (1703), учителя школы математическихъ и навигацкихъ наукъ Магницкаго, появляется въ 1708 г. «Геометріа славѣнски землемѣріе» или «Пріемы ціркуля и лінѣйки...», учебникъ не выходившій изъ предѣловъ того, что требовалось для изученія практической геометріи. Догматическій методъ изложенія, требовавшій только заучиванія наизустъ правилъ и схемъ ихъ приложеній къ частнымъ примѣрамъ, узко-практическія цѣли преподаванія и насильственное привлеченіе къ изученію наукъ множества лицъ, не имѣющихъ къ этому ни малѣйшей склонности, все это не могло приготовить способныхъ къ самодѣятельности работниковъ въ области чистой науки. За то приготовленіе дѣятелей-практиковъ удалось вполнѣ школѣ математическихъ и навигацкихъ наукъ. Наблюденія и измѣренія, произведенныя вышедшими изъ школы геодезистами и гидрографами, доставили матеріалы для изданія въ 1726—34 гг. первой «Генеральной карты» всей Р. и перваго русскаго атласа, озаглавленнаго «Atlas Imperii Russici etc.» или въ русскомъ переводѣ «Атласъ Россійской Имперіи», состоящій изъ 14 картъ. Онъ остался неоконченнымъ по истощенію денежныхъ средствъ у предпринявшаго его изданіе частнаго лица, Ивана Кирилова. Въ 1725 г. явилась спб. академія наукъ. При ней учреждены университетъ, въ которомъ академики должны были читать лекціи въ званіи профессоровъ, и гимназія, назначенная для приготовленія будущихъ студентовъ. Преподавателями въ ней были частью лица, постороннія академіи, частью же студенты академическаго университета и рѣже адъюнкты. На обязанности академиковъ лежала еще и разработка каждымъ вопросовъ своего спеціальнаго предмета, результаты которой должны были сообщаться въ ученыхъ собраніяхъ академіи или въ «конференціяхъ». Первыми приглашенными изъ-за границы академиками и профессорами математики были прибывшіе въ СПб. въ 1725 г. Германнъ, Николай II Бернулли, Гольдбахъ, Даніилъ Бернулли, Майеръ и въ 1727 г. Эйлеръ. Академиками и профессорами физики были Бюльффингеръ (1725), Мартини (1725) и Краффтъ (1728) и механики—Лейтманнъ (1726). Въ 1728 г. вышелъ въ свѣтъ относящійся къ 1726 г. первый томъ ученаго органа академіи «Commentarii Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae». Одновременно съ нимъ также вышло на русскомъ языкѣ «Краткое описаніе комментаріевъ академіи наукъ, часть первая на 1726 г.». Въ русскомъ изданіи была сдѣлана первая попытка русской научной терминологіи въ высшихъ частяхъ математики не только въ видѣ заимствованія латинскихъ терминовъ, но и въ видѣ ихъ замѣны русскими словами, напр. «De calculo integrali» (Германна), «О щетѣ Інтегралномъ или цѣлственномъ», «De integrationibus aequationum differentialium etc.» (Іоанна Бернулли), «О вцѣлоприведеніяхъ равненіи разнственныхъ», «Principia dynamica» (Вольффа), «Начала властителная». Такія крупныя научныя силы, какъ Бернулли и въ особенности Эйлеръ, очень скоро доставили юной академіи выдающееся значеніе. Однако, до появленія въ изданіи академіи работъ русскихъ ученыхъ оно, какъ и само учрежденіе академіи, было только дѣломъ мецената, удѣляющаго часть своихъ матеріальныхъ средствъ на развитіе общечеловѣческой науки, разрабатываемой иностранцами. Такое положеніе ученый органъ акад. занималъ въ теченіе періода 1726—46 гг. Слишкомъ треть всѣхъ мемуаровъ по чистой и прикладной математикѣ въ этой серіи была посвящена аналитической механикѣ. Изъ чистой математики наиболѣе разрабатывались: аналитическая геометрія, ученіе о рядахъ и интегральное исчисленіе (дифференціальныя уравненія). Значительно меньшее число мемуаровъ приходилось на долю теоріи чиселъ, алгебры и синтетической геометріи и самое незначительное—на долю тригонометріи, варіаціоннаго исчисленія и особенно теоріи вѣроятностей и разностнаго исчисленія (по одному мемуару). Первая серія академическаго изданія состояла изъ 14 томовъ, вторая, подъ заглавіемъ «Novi Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae», состояла изъ 20 томовъ и обнимала періодъ 1747 — 75 гг. Какъ содержащая въ себѣ труды первыхъ русскихъ ученыхъ, воспитанныхъ академическимъ университетомъ, Ломоносова — по физикѣ, Попова, Румовскаго, Иноходцова и Исленьева главнымъ образомъ—по астрономіи и Котельникова—по разнымъ предметамъ, она знакомитъ насъ съ первыми робкими шагами представителей русской науки. Первыми и единственными во всей серіи двумя трудами русскихъ ученыхъ по предмету высшей математики были: посвященный дифференціальному исчисленію мемуаръ Румовскаго «Solutio problematis cujusdam ad maxima minimave pertinentis» (т. VIII на 1760 и 1761 гг., стр. 189—194) и относящійся къ ученію о рядахъ мемуаръ Котельникова: «Demonstrationes seriei

$$\frac{4.6.10.14.18.22\ \ldots\ldots\ (4n-10)}{2.3.4.5.6.7.\ \ldots\ldots\ (n-1)}$$

exhibitae in recensione VI. Tomi VII Commentariorum A. S. P. P.» (т. X, на 1764 г., стр. 199—204). Котельникову принадлежали также первые русскіе ученые труды по аналитической механикѣ: «De aequilibrio virium corporibus applicatarum commentatio» (т. VIII, на 1760 и 1761 годы, стр. 286 — 303) и «De commoda acus declinatoriae suspensione dissertatiuncula» (тамъ же, стр. 304 — 312). Изъ иностранныхъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ академіи во второй серіи ея ученаго органа помѣстили мемуары по математическимъ наукамъ: Эйлеръ, Эпинусъ, Сегнеръ, Краффтъ, Іоаннъ и Даніилъ Бернулли, Кратценштейнъ, Винсгеймъ, Лекселль и Цейгеръ и по физикѣ—Браунъ, Рихманнъ, Цейгеръ, Эпинусъ и Эйлеръ. Какъ и въ первой серіи, вниманіе авторовъ мемуаровъ болѣе всего привлекала аналитическая механика, которою занималась почти $^1/_4$ всѣхъ мемуаровъ по математическимъ наукамъ. Изъ предметовъ чистой математики первое мѣсто по

Библиотека "Руниверс"

числу посвященныхъ имъ мемуаровъ (34 по каждому) занимали интегральное исчисленіе и теорія чиселъ. Всѣ мемуары по этимъ двумъ предметамъ, за исключеніемъ 5 по первому и 3 по второму, принадлежали Эйлеру. Слѣдующее мѣсто занимали ряды, алгебра и аналитическая геометрія; ниже стояли синтетическая геометрія, варіаціонное исчисленіе, теорія вѣроятностей и тригонометрія. Послѣднее мѣсто занимало дифференціальное исчисленіе (3 мемуара). Изъ предметовъ прикладной математики, кромѣ аналитической механики, разрабатывались, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, практическая механика (16 мемуаровъ) и небесная механика (14). Изъ вопросовъ, разрабатываемыхъ въ мемуарахъ по интегральному исчисленію, главное мѣсто, какъ и прежде, занимали относящіеся къ ученію о дифференціальныхъ уравненіяхъ. За ними слѣдовали: интегрированіе функцій и геометрическія приложенія. Третья серія ученаго органа академіи, выходившая подъ заглавіемъ: «Acta academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae», обнимала періодъ 1777—82 гг. и состояла изъ 12 частей. Въ этой серіи—только одинъ мемуаръ русскаго Румовскаго по интегральному исчисленію (1781, p. prior, p. 147—154). Къ иностраннымъ ученымъ теперь присоединились въ области математическихъ наукъ Николай Фуссъ, Платцманнъ и Кондорсе и въ области физики—Георги. По числу мемуаровъ между математическими науками первое мѣсто, какъ и прежде, занимала аналитическая механика, при чемъ большинство относящихся къ ней работъ принадлежало Эйлеру. За нею слѣдовало интегральное исчисленіе, въ которомъ къ вопросамъ, разработываемымъ въ прежнихъ серіяхъ, присоединились еще опредѣленные интегралы, занявшіе при томъ довольно видное мѣсто. Изъ предметовъ прикладной математики слѣдующее мѣсто за аналитическою механикою заняла теперь небесная механика, а уже за нею практическая. Четвертую серію ученаго органа академіи составляли «Nova Acta academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae», обнимавшіе періодъ 1783—1802 гг. и состоявшіе изъ 15 томовъ. Изъ русскихъ математическихъ работъ помѣщены: Румовскаго по ученію о рядахъ (т. VI) и по интегральному исчисленію (тт. XI и XII), Кононова по аналитической механикѣ «De motu coni duplicis in altum sponte ascendentis» (т. VII), Гурьева по аналитической геометріи «Mémoire sur la résolution des principaux problèmes qu'on peut proposer dans les courbes dont les ordonnées parlent d'un point fixe» (т. XII), по варіаціонному исчисленію «Essai de démontrer rigoureusement un théorème fondamental des équations de condition de la différentielle des fonctions à plusieurs variables, et du calcul des variations» (т. XIII), по дифференціальному исчисленію «Observations sur le théorème de Taylor, avec sa démonstration par la méthode des limites...» и приложенія (т. XIV) и Висковатова «Essai d'une méthode générale pour réduire toutes sortes de séries en fractions continues» (т. XV). Смерть Эйлера въ 1783 г. и Даніила Бернулли, не смотря даже на то, что мемуары перваго продолжали появляться во всѣхъ томахъ четвертой серіи и пятой (XI томовъ), подъ заглавіемъ: «Mémoires de l'académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg» (періодъ 1803—22 гг.), низвела органъ академіи съ одного изъ первостепенныхъ мѣстъ до мѣста, не возвышающагося надъ среднимъ уровнемъ. Черты національнаго умственнаго склада сохранились и въ перечисленныхъ выше первыхъ трудахъ русскихъ ученыхъ по чистой математикѣ. Всѣ они, какъ относящіеся къ анализу безконечно-малыхъ и къ ученію о рядахъ, принадлежали ариѳметическо-алгебраическому направленію. Самостоятельныя работы русскихъ ученыхъ въ области высшихъ частей геометріи начались съ аналитической геометріи, къ которой и относился названный выше мемуаръ Гурьева. Еще большее значеніе, въ смыслѣ выраженія начала самодѣятельности русскихъ въ высшей геометріи, имѣлъ трудъ Гурьева: «Опытъ о усовершеніи элементовъ геометріи» (СПб., 1798). Особеннымъ вниманіемъ автора въ этомъ трудѣ пользовался методъ предѣловъ и его приложенія къ геометріи. Почти одновременно съ Гурьевымъ и независимо отъ него занимался усовершенствованіемъ метода предѣловъ магистръ московскаго университета Александръ Барсовъ въ вышедшей въ 1797 г. книгѣ «Новая алгебра, содержащая въ себѣ не только простую аналитику, но также дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленія» (Москва). До открытія академіи наукъ, кромѣ упомянутыхъ уже учебниковъ ариѳметики и геометріи, можно указать еще на одно сочиненіе того же рода именно на «Науку статическую или механіку» (СПб., 1722) Скорнякова-Писарева. Первымъ изъ русскихъ переводчиковъ и компиляторовъ былъ Адодуровъ. Кромѣ переводовъ математическихъ мемуаровъ изъ перваго тома «Commentariorum» ему принадлежатъ переводы сочиненій Крафта: «Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ» (СПб., 1738) и Эйлера «Руководство къ ариѳметикѣ. Часть первая» (СПб., 1740). Много переведенныхъ имъ же популярныхъ статей напечатаны въ издаваемыхъ академіею «Вѣдомостяхъ» и въ «Примѣчаніяхъ» къ нимъ. Лѣкаремъ Иваномъ Сатаровымъ были переведены на русскій языкъ «Эвклідовы элементы изъ двенадцати нефтоновыхъ книгъ выбранныя, и въ осьмь книгъ чрезъ профессора маѳематіки Андрея Фархварсона сокращенныя» (СПб., 1739) и «Архимедовы Теоремы, Андреемъ Таккветомъ езуитомъ выбранныя, и Георгіемъ Петромъ Домкіно сокращенныя» (СПб., 1745). Для распространенія въ русскомъ обществѣ знаній въ популярной формѣ академія предпринимала въ разное время, начиная съ 1728 г., отдѣльныя періодическія изданія. Первымъ ихъ видомъ (по 1742 г.) были «Примѣчанія на Вѣдомости». Чистая математика представлялась въ нихъ только статьями историческаго характера. Замѣчательны статьи Эйлера «О задачѣ Quadratura Circuli» (1729), «О тризекціи ангула» (тогда же) и «О дупликаціи, усугубленіи Кубуса» (тогда же). Значительное мѣсто занимала исто-

Библиотека "Руниверс"

рія предмета по механикѣ: «О часахъ съ висячимъ маятникомъ» (1728, № VIII) и «О перпетуо мобилѣ, непремѣнномъ или непрестанномъ движеніи» (1729). Слѣдующими періодическими изданіями академіи того же рода были въ 1755—57 гг. «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», въ 1758—62 гг. «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія», въ 1763 — 64 гг. «Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ», въ 1779—81 гг. «Академическія Извѣстія» и въ 1786 — 96 гг. «Новыя ежемѣсячныя сочиненія». Математическимъ наукамъ въ этихъ изданіяхъ были посвящены статьи: «О пользѣ высшей математики въ общей жизни» Гришова и Цейгера (1757), «Исторія о Маѳематикѣ» (1779—81), переводъ сочиненія Монтюкла, сдѣланный П. Богдановичемъ и остановившійся на 5-й части III-й книги; «Объ Александрійскомъ училищѣ» П. Иноходцова (1787—88); «Письмо о изобрѣтеніи счета числъ» (1787). По механикѣ статьи: «О новоизобрѣтенной водяной машинѣ» (1759); «Описаніе пильной машины, дѣйствующей конской силою, сдѣланной въ Тобольскѣ Ѳ. И. Соймоновымъ» (1763) и «Разсужденіе о машинахъ», проф. Цейгера (1764). Съ 1774 г. популяризаціей знаній стали заниматься періодическія изданія частныхъ лицъ, не отличавшіяся, впрочемъ, продолжительностью существованія. Еще съ 1752 г. ушло изъ рукъ академіи первенствующее значеніе въ дѣлѣ составленія и изданія учебныхъ книгъ по математическимъ наукамъ. Новыми дѣятелями въ этой области явились частью лица, воспитавшіяся въ морскихъ и военныхъ школахъ, частью же въ новоучрежденномъ въ Москвѣ университетѣ. Первые учебники алгебры были «Начальное основаніе математики, сочиненное Николаемъ Муравьевымъ, капитанъ-порутчикомъ отъ инженеровъ» (СПб., 1752) и «Универсальная ариѳметика» (1757) Николая Курганова «морского шляхетнаго кадетскаго корпуса подмастерья, ранга подпорутческаго». Курановымъ были составлены также учебники по ариѳметикѣ и геометріи. Московскіе ученые: проф. московск. унив. Аничковъ и артиллеріи штыкъ-юнкеръ Ефимъ Войтяховскій составили и многократно переиздали учебники по всѣмъ предметамъ элементарной математики: первый, начиная съ 1764 г., и второй — съ 1787 г. Первыми учебниками по анализу безконечно-малыхъ были «Сокращеніе вышней математики» учителя математики и физики въ учительской гимназіи Петра Гиларовскаго и упомянутая уже выше книга Барсова. Много популярныхъ статей помѣщалось въ періодическихъ изданіяхъ, произносили рѣчи профессора въ публичныхъ собраніяхъ моск. университета. Изъ воспитанниковъ учрежденной въ 1783 г. въ Петербургѣ учительской гимназіи самымъ выдающимся былъ Осиповскій (окончилъ курсъ въ 1786 г.). Имъ были переведены съ нѣм. языка «Электрическіе опыты» Адамса, изданные Войтяховскимъ съ собственными дополненіями въ 1793 г. «Растущій Виноградъ, ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ главнаго народнаго училища города Святаго Петра» (1785—87) содержалъ математическія статьи Якова Малоземова.

Съ прекращеніемъ существованія академическаго университета въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка и академической гимназіи въ 1805 году дѣятельность академіи сдѣлалась исключительно ученою. Популяризированіе науки еще продолжалось, но оно сосредоточилось теперь частью въ издаваемыхъ академіею календаряхъ, главнымъ же образомъ въ періодическомъ изданіи, назначенномъ для распространенія практическихъ знаній и выходившемъ въ 1804 — 15 гг. подъ именемъ «Технологическаго Журнала, или собранія сочиненій и извѣстій, относящихся до технологіи и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію» и подъ именемъ его «Продолженія» въ 1816 — 26 гг. Кромѣ упомянутой уже V-й серіи своего ученаго періодическаго изданія, академія издавала для помѣщенія мемуаровъ на русскомъ языкѣ выходившія въ 1808—19 гг. «Умозрительныя изслѣдованія» (5 томовъ). Русскихъ мемуаровъ оказалось, однако же, недостаточно для наполненія этого изданія. Значительную его часть пришлось занять переводами мемуаровъ академиковъ-иностранцевъ. Не принадлежавшій къ академіи Рохмановъ (XXVII, 167) началъ свои самостоятельныя работы, по примѣру Барсова и Гурьева, съ усовершенствованія способа предѣловъ. Первымъ появившимся въ печати его ученымъ трудомъ была «Новая теорія содержанія и пропорціи геометрической соизмѣримыхъ и несоизмѣримыхъ количествъ, и въ послѣднемъ случаѣ основанная на способѣ предѣловъ» (М., 1803). Напечатавъ затѣмъ въ Вѣнѣ «Essai sur quelques usages de la Methode des limites» (1805), онъ перешелъ къ занятіямъ анализомъ безконечно-малыхъ и его аналитическими и геометрическими приложеніями. Упомянутый уже выше Осиповскій, съ 1803 г. проф. харьковскаго унив., написалъ рядъ мемуаровъ, частью въ печати не появившихся; мемуары эти были посвящены аналитической механикѣ, теоретической астрономіи и математической физикѣ. Послѣдней принадлежалъ, напр., напечатанный академіею наукъ. на французскомъ яз., мемуаръ «Recherches sur les phènomènes lumineux qu'on aperçoit quelquefois au ciel dans des positions déterminées par rapport au soleil ou à la Lune» (СПб., 1828). Послѣ смерти академиковъ Висковатова въ 1812 г. и Гурьева въ 1813 г. между представителями математическихъ наукъ въ академіи не было ни одного русскаго ученаго Такъ продолжалось до 1828 г., когда въ составъ членовъ академіи вошли по избранію Буняковскій и ученикъ Осиповскаго по харьковскому университету, Остроградскій (XXII, 361). Первый занимался главнымъ образомъ чистою математикою и въ частности теоріею чиселъ, второй—прикладною и въ частности аналитическою механикою. Замѣчательно движеніе, совершившееся въ то же время въ средѣ дѣятелей, независимыхъ отъ академіи и сгруппировавшихся теперь преимущественно около университетовъ. Ученымъ, представившимъ своею дѣятельностью этотъ почти не-

Библиотека "Руниверс"

ожиданный мощный прогрессъ русской внѣакадемической математической науки, былъ профессоръ казанскаго университета Н. И. Лобачевскій. Въ его геометрическихъ трудахъ общепризнаннаго въ настоящее время значенія геометрія впервые заняла въ русской наукѣ такое же положеніе, какое занимала до сихъ поръ наука чиселъ. Антагонизмъ между академіею и представителями независимой отъ нея русской науки, начавшійся, какъ было показано выше, съ самаго зарожденія послѣдней, выразился въ несправедливыхъ и рѣзкихъ отзывахъ Фусса и въ особенности Остроградскаго о трудахъ Лобачевскаго. Къ Буняковскому и Остроградскому присоединились, какъ члены академіи, въ 1853 г. Чебышевъ и въ 1862 г. Сомовъ. Не уступая въ научномъ значеніи трудовъ своимъ старшимъ товарищамъ и, можетъ быть, даже превосходя ихъ, они скоро заняли мѣсто въ ряду первоклассныхъ ученыхъ не только Р., но и Европы. Чебышевъ былъ избранъ въ иностранные члены парижской акд. наукъ.

В. В. Бобынинъ.

Исторія математическихъ наукъ въ русскихъ университетахъ. Математика, какъ и вообще всѣ другія науки, процвѣтавшая сначала въ академіи наукъ, потомъ, по мѣрѣ учрежденія въ Россіи университетовъ, сдѣлалась университетскою наукою, была преподаваема въ университетахъ и въ большей или меньшей степени разрабатывалась профессорами университетовъ. Здѣсь предлагается краткій очеркъ развитія преподаванія математики и самодѣятельности русскихъ ученыхъ по университетамъ.

Московскій университетъ, старѣйшій изъ русскихъ, существуя почти 150 лѣтъ, насчитываетъ много поколѣній дѣятелей по математикѣ. А. А. Барсовъ, первый преподаватель по математикѣ (съ 1755 г.), не былъ большимъ спеціалистомъ этого дѣла, и занялъ потомъ каѳедру краснорѣчія; трудъ преподаванія математики раздѣлялъ съ А. А. Барсовымъ иностранецъ И. А. Ростъ, съ 1761 недолго читалъ чистую математику С. Лобановъ, ученикъ Барсова, а Ростъ — прикладную (и физику). Почти постояннымъ преподавателемъ математики (и логики) былъ съ 1762 Д. С. Аничковъ, ученикъ Барсова и Роста. Всѣ они читали почти лишь одну начальную математику; тоже самое дѣлалъ и В. К. Аршеневскій, который вначалѣ (1789) не шелъ далѣе тригонометріи и начальной алгебры и только въ первый годъ нынѣшняго столѣтія онъ началъ излагать коническія сѣченія, а въ 1805—6 г. перешелъ къ высшей геометріи, «въ которой показалъ употребленіе дифференціальнаго исчисленія»; онъ преподавалъ до 1808 г. Иностранецъ Иде былъ приглашенъ для изложенія началъ исчисленія безконечно малыхъ, но черезъ годъ скончался (1807). В. А. Загорскій началъ читать съ 1805 г. и постепенно повышалъ научность своего преподаванія, такъ что въ 1808 — 10 г. онъ читалъ высшую геометрію и курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія (по Безу и Лакроа). Онъ перевелъ на русскій яз. курсъ математики Безу (1798 — 1803). Т. И. Перелоговъ собственнымъ трудомъ пополнилъ скудныя математическія свѣдѣнія, переданныя ему Ростомъ, но политическія событія позволили ему только въ 1813 г. стать адъюнктомъ математики въ московскомъ унив. Онъ началъ курсъ съ рѣшенія высшихъ уравненій, излагалъ коническія сѣченія и, наконецъ, дифференціальное и интегральное исчисленія. Оставилъ унив. въ 1825 г. По смерти Роста, преподавшаго физику и прикладную математику, М. И. Панкевичъ занималъ каѳедру съ 1791 по 1812 г., читая механику, оптику и астрономію. Афанасьевъ и Тростинъ излагали начальную математику. Съ 1810 до 1814 преподавалъ высшую математику также П. И. Суворовъ, «дѣйствительный магистръ наукъ оксфордскаго университета». Питомецъ московскаго университета, Ѳ. И. Чумаковъ, читалъ (1813—32) механику и переводилъ механику Пуассона (неиздана), издалъ переводъ курса математики Беллавена. П. С. Щепкинъ съ 1817 г. преподавалъ поочередно всѣ части чистой математики отъ начальной до дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, слѣдуя Лагранжу въ изложеніи ихъ началъ; прекратилъ чтенія въ 1834 г. —Д. М. Перевощиковъ (XXIII, 189), питомецъ московскаго университета, въ 1818 г. преподаватель трансцендентальной геометріи, а съ 1823 — проф. астрономіи, по которой вскорѣ издалъ свое сочиненіе; въ 1832—33 временно преподавалъ механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, то-же по своему сочиненію. Въ 1851 г. избранъ въ академики и потому прекратилъ чтеніе лекцій. Издалъ нѣсколько курсовъ своихъ и переводныхъ и «Ручную математическую энциклопедію», въ 12 томахъ, и вообще выказалъ неутомимую научную дѣятельность. Н. Е. Зерновъ — изъ московскаго университета—въ 1834 г. началъ преподавать (послѣ Щепкина) чистую математику сначала по руководствамъ Перевощикова и Брашмана, а потомъ и самъ издалъ «Дифференціальное исчисленіе». Написалъ, кромѣ диссертацій, еще нѣсколько ученыхъ работъ. Н. Д. Брашманъ, вѣнскаго унив., сначала читалъ въ казанскомъ, а съ 1834 г. въ московскомъ университетѣ, написалъ нѣсколько курсовъ и спеціальныхъ работъ и много содѣйствовалъ подъему математическихъ знаній въ Россіи (IV, 627), въ особенности—механики; † 1866 г. А. Ю. Давидовъ, изъ моск. унив., съ 1850 г. сталъ преподавать сначала теорію вѣроятностей, а потомъ механику и чистую математику (X, 1 — 2). Написалъ много работъ по механикѣ (теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость), чистой математикѣ (уравненія съ частными дифференціалами) и математической физикѣ (теорія капиллярныхъ явленій) и нѣсколько учебниковъ по начальной математикѣ. Н. В. Бугаевъ, слушатель предыдущихъ трехъ профессоровъ (IV, 827), а въ инженерной академіи — и Остроградскаго, съ 1866 г. докторъ чистой математики. Его изслѣдованія относятся преимущественно къ теоріи прерывныхъ функцій (такъ называемой теоріи чиселъ) и къ анализу (теоріи непрерывныхъ функцій); написалъ также нѣсколько начальныхъ учебниковъ. П. А. Не-

Библиотека "Руниверс"

красовъ (XX, 861), бывшій слушатель Бугаева, съ 1885 г. сталъ преподавать чистую математику, написалъ болѣе 40 ст. преимущественно по анализу, напечатанныхъ въ «Математическомъ Сборникѣ» на русскомъ яз., въ «Анналахъ» Клебша и Неймана, въ журналѣ Крелля.—Ѳ. Е. Орловъ (1843—92), воспитанникъ московскаго университета, былъ оставленъ профессоромъ чистой математики, но потомъ спеціализировался по механикѣ. Въ унив. устроилъ кабинетъ практической механики, сдѣлалъ много полезнаго для техническаго училища въ Москвѣ (XXII, 168), гдѣ онъ былъ профессоромъ съ 1872 г. Н. Е. Жуковскій, питомецъ московскаго университета и профессоръ его съ 1886 г., одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ дѣятелей по механикѣ (XII, 47), написалъ множество статей, которыхъ разнообразіе здѣсь трудно показать («Упрощенное изложеніе Гауссова способа опредѣленія планетныхъ орбитъ», «Условія конечности интеграловъ одного уравненія», «Выводъ основныхъ формулъ теоріи упругости», «Объ упругой оси турбины Лаваля», 1899 и проч.). Особенно замѣчательны его труды по гидромеханикѣ. В. Я. Цингеръ, современникъ А. Ю. Давидова, читавшій до конца своей дѣятельности анал. геометрію и высшую алгебру и извѣстный какъ превосходный преподаватель и авторъ нѣсколькихъ ученыхъ трудовъ. Ѳ. А. Слудскій, профессоръ механики, извѣстный своими трудами по механикѣ и высшей геодезіи (ум. въ 1899 г.). Б. К. Млодзѣевскій и Л. К. Лахтинъ, проф. чистой математики, питомцы московск. унив. В. В. Бобынинъ, занимающійся исторіей математики.

Казанскій унив., основанный въ 1805 г., первымъ профессоромъ имѣлъ иностранца Бартельса, но скоро изъ питомцевъ университета образовался русскій преподаватель, знаменитый Н. И. Лобачевскій, начавшій чтеніе въ 1811 г. съ небесной механики и теоріи чиселъ. Главная научная дѣятельность его относится къ неэвклидовой геометріи; его идеи были такъ оригинальны, что сначала не были признаны и поняты, напр., даже такимъ выдающимся математикомъ, каковъ былъ Остроградскій (XXII, 361), но теперь имя Лобачевскаго имѣетъ громкую славу. Ученикомъ и замѣстителемъ его былъ А. Ѳ. Поповъ, главные предметы занятій котораго были гидродинамика и гидростатика, но онъ оставилъ также и работы по чистой математикѣ и математической физикѣ (XXIV, 558). Поповъ умеръ въ 1879 г., оставя по себѣ заслуженную извѣстность. П. И. Котельниковъ (XVI, 428), въ продолженіе болѣе чѣмъ сорокалѣтней дѣятельности (1835 — 79), читалъ лекціи по многимъ отдѣламъ чистой и по прикладной математикѣ и принесъ огромную пользу унив. Ф. М. Суворовъ, заслуженный дѣятель по чистой математикѣ. А. В. Васильевъ (V, 605), спб. унив., съ 1875 г. началъ преподаваніе въ казанскомъ унив.; его ученыя работы относятся преимущественно къ высшей алгебрѣ. П. С. Назимовъ, питомецъ московскаго унив., сначала проф. варшавскаго унив., а съ 1889 —казанскаго; написалъ много работъ (интегрированіе уравненій, эллиптическія функціи, высшая алгебра).—По механикѣ: А. Н. Котельниковъ сынъ, Г. Н. Шебуевъ, перешедшій потомъ въ Москву, Д. Н. Зейлигеръ изъ Одессы и по чистой математикѣ П. Н. Граве, перешедшій въ Юрьевъ — одни были въ казанскомъ унив., другіе трудятся тамъ до настоящаго времени. В. Г. Имшенецкій также началъ свою дѣятельность въ казанскомъ унив.

Въ *харьковскомъ унив.* первымъ проф. прикладной математики былъ Г. Ѳ. Осиповскій, уже извѣстный тогда у насъ математикъ (XXII, 274); онъ началъ свои чтенія въ 1804 г., предварительно приготовивъ сочиненіе: «Курсъ аналитическихъ функцій и приложенія ихъ къ высшей геометріи». Лекціи его были прекрасно обрабатываемы и излагаемы и ему принадлежала заслуга образовать въ математическомъ отношеніи Остроградскаго, впослѣдствіи столь извѣстнаго въ математическомъ мірѣ дѣятеля. Осиповскій читалъ по временамъ и механику. Курсъ математики, написанный Осиповскимъ, не уступалъ современнымъ иностраннымъ сочиненіемъ того же рода. Съ 1808 г. приглашенъ по прикладной математикѣ профессоръ И. И. Гутъ, иностранный ученый, по спеціальности астрономъ, который оставался въ университетѣ по 1811 г., а въ 1813 г. поступилъ адъюнктъ Архангельскій, преподававшій механику, весьма способный ученый, переводчикъ нѣсколькихъ крупныхъ математическихъ сочиненій, преподавалъ до тридцатыхъ годовъ. Такимъ образомъ преподаваніе математики съ самаго начала было поставлено удовлетворительно. Послѣ него изъ извѣстныхъ профессоровъ математики можно назвать Н. А. Дьяченко, читавшаго съ 1832 по 1839 г. сначала оптику, потомъ математику (XI, 322). Съ 1872 по 1882 г. профессоромъ харьковскаго унив. по анал. механикѣ былъ В. Г. Имшенецкій, извѣстный ученый, впослѣдствіи академикъ († въ 1892 г.). О его трудахъ см. (XIII, 35) и «Жизнь и научная дѣятельность В. Г. Имшенецкаго» К. А. Андреева, П. А. Некрасова и Н. Е. Жуковскаго. Математику читали Д. М. Деларю и Ф. М. Ковальскій. К. А. Андреевъ, питомецъ московск. унив., съ 1870 г. началъ чтеніе лекцій въ харьков. унив. — спеціалистъ по геометріи («Курсъ анал. геометріи и мемуары по высшей геометріи»). Съ 1885 г. А. М. Ляпуновъ, спб. унив., началъ чтенія по механикѣ, написалъ нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій по своей спеціальности («Общая задача объ устойчивости движенія», «О постоянныхъ винтовыхъ движеніяхъ твердаго тѣла въ жидкости» и друг.). М. А. Тихомандрицкій писалъ объ эллиптическихъ и абелевыхъ функціяхъ. В. А. Стекловъ съ большимъ успѣхомъ работаетъ по чистой и прикладной математикѣ («О разложеніи данной функціи въ рядъ по гармоническимъ функціямъ», «Одинъ случай движенія вязкой несжимаемой жидкости» и мн. др.). А. П. Пшеборскій, А. П. Грузинцевъ и др.

Въ *дерптскомъ* (нынѣ юрьевскомъ) *унив.* физико-математическій факультетъ получилъ самостоятельность только съ 1850 г. До того времени были ученые, занимавшіеся преимущественно астрономіею, которые читали и нѣ-

Библиотека "Руниверс"

которыя части математики; таковы были: Г. Гутъ (1812—18) и знаменитый впослѣдствіи В. Струве (см.), затѣмъ І. Г. Медлеръ и Клаусенъ. По чистой математикѣ съ 1821 г. читалъ М. Бартельсъ и съ 1835 г. его ученикъ К. Э. Зенфъ, читавшій различныя части чистой и прикладной математики, занимавшій каѳедру до 1842 г. Онъ оставилъ изслѣдованіе по математической физикѣ (двойное преломленіе). Въ 1854 г. явился новый математикъ П. Гельмлингъ, занимавшійся спеціально интегральнымъ исчисленіемъ. (Съ 1888 г. чистую математику читаетъ Шуръ). Съ 1843 г. Ф. Миндингъ, профессоръ прикладной математики, сначала излагалъ нѣкоторыя части чистой математики (его дѣятельность продолжалась въ теченіе 40 лѣтъ). Его ученыя работы касались теоретической механики, основныхъ формулъ геодезіи, варіаціоннаго исчисленія, интегрированія дифференціальныхъ уравненій 1-й степени. Послѣ него проф. прикладной математики былъ сначала А. Линдштадтъ, затѣмъ О. Штауде, а съ 1889 г. и по настоящее время А. Кнезеръ. Съ 1892 г. университетъ, въ которомъ преподаваніе велось до тѣхъ поръ на нѣм. языкѣ, окончательно преобразовывается и преподаваніе ведется исключительно русскими учеными (сначала Лахтинъ, который въ 1898 г. перешелъ въ Москву, потомъ: В. Г. Алексѣевъ, П. П. Граве, Н. В. Верви).

Петербургскій университетъ, какъ учрежденный въ 1819 г., моложе московскаго, казанскаго и харьковскаго, если не считать и академическаго университета (см. выше) — при академіи наукъ. Но уже педагогическій институтъ (1804 г.), по обращеніи въ главный педагогическій институтъ (1816), имѣлъ факультетъ физическихъ и математическихъ наукъ, а въ 1819 г. былъ преобразованъ въ университетъ. Но въ началѣ какъ число слушателей, такъ и число преподавателей было очень ограничено. Каѳедра чистой математики не была отдѣлена отъ каѳедры механики. Д. С. Чижовъ, преподававшій съ 1811 г. въ педагогическомъ институтѣ чистую и прикладную математику, перешелъ профессоромъ и въ университетъ, и только подъ конецъ своей карьеры (кончилъ чтенія въ 1846 г.) читалъ теоретическую механику. Былъ очень хорошимъ преподавателемъ, но мало писалъ ученыхъ трудовъ. Другимъ преподавателемъ былъ старшій учитель Анкудовичъ, впослѣдствіи профессоръ, остававшійся до 1847 г., читавшій дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленія, конечныя разности и теорію вѣроятностей. Издалъ въ 1836 г. «Теорію балистики». Тихомировъ съ 1826 г. читалъ высшую алгебру и приложенія алгебры къ геометріи, умеръ 28-ми лѣтъ. Замѣчательно, что съ 1829 г. въ петербургскомъ унив., какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, обучали ариѳметикѣ на счетахъ (Свободскаго), которые ускоряли первыя четыре дѣйствія, возвышеніе въ степень и извлеченіе корней. Тѣмъ не менѣе преподаваніе вообще шло довольно серьезно. Въ продолженіе немногихъ лѣтъ (1832 — 40) читалъ другой Чижовъ (Ѳ. В.), но только начертательную геометрію. Около того-же времени появились А. Н. Савичъ и О. И. Сомовъ, а вскорѣ къ нимъ присоединились В. Я. Буняковскій и П. Л. Чебышевъ, и тогда начался блестящій періодъ математическаго факультета. О. И. Сомовъ въ началѣ (1841) читалъ высшую алгебру, аналитическую геометрію, но черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ къ дифференціальному исчисленію и аналитической механикѣ; послѣдняя сдѣлалась и осталась его спеціальностью до самой его смерти († 1875). Его ученые труды весьма многочисленны и почтенны; достаточно назвать: «Основанія теоріи эллиптическихъ функцій» (1850), «О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ срединахъ, не имѣющихъ двойного преломленія» (1847), «Курсъ математики» и т. д. Подробнѣе см. его біографію въ нашемъ Словарѣ. Курсы свои читалъ въ строгой системѣ и съ большою полнотой, и имѣлъ большое вліяніе на точное усвоеніе началъ аналитич. механики. Многіе изъ его учениковъ стали потомъ профессорами, напр. сынъ его П. О. Сомовъ и Д. К. Бобылевъ.—Академикъ и проф. В. Я. Буняковскій (V, стр. 1 — 2) сначала (1846—49) читалъ аналитическую механику, потомъ дифференціальное и интегральное исчисленія и теорію вѣроятностей, но, по слабости здоровья, оставилъ въ 1859 г. университетъ. Его лекціи были обработаны съ удивительною законченностью и были излагаемы съ изящною точностью. Списокъ его сочиненій, отъ книгъ до статей, содержитъ болѣе 100 названій, изъ которыхъ назовемъ «Основанія математической теоріи вѣроятностей» (1846), «Лексиконъ чистой математики» (т. I, 1839). П. Л. Чебышевъ въ 1847 г. началъ чтенія въ университетѣ съ высшей алгебры и теоріи чиселъ, потомъ излагалъ аналитическую геометрію, интегрированіе уравненій, теорію эллиптическихъ функцій, теорію вѣроятностей, исчисленіе конечныхъ разностей. Съ 1853 г. академикъ по прикладной математикѣ. Въ изданіяхъ спб. акд. и въ математическихъ журналахъ Крелля и Ліувилля помѣщены его труды, извѣстные всему математическому міру. Изъ отдѣльныхъ книгъ на русск. языкѣ изданы «Теорія сравненій», «Опытъ элементарнаго анализа теоріи вѣроятностей». Чебышевъ въ послѣдніе годы († 1894) занимался много изобрѣтеніемъ различныхъ механизмовъ, а въ числѣ ихъ такъ называемыми параллелограммами. Вообще-же онъ отличался изобрѣтеніемъ новыхъ методовъ рѣшеній многихъ трудныхъ математическихъ и механическихъ вопросовъ (см. его біографію въ настоящемъ Словарѣ). Память о немъ останется въ исторіи науки. О трудахъ П. Л. Чебышева см. «Біографическій словарь проф. спб. унив.». А. Н. Коркинъ (XVI, 262, 264), питомецъ петербургскаго университета, сталъ преподавать съ 1861 г. аналитическую геометрію, интегрированіе функцій по выходѣ В. Я. Буняковскаго. Предметы чтенія мѣнялись по смерти О. И. Сомова и по оставленіи университета П. Чебышевымъ и А. Коркинъ остановился на интегрированіи уравненій и варіаціонномъ исчисленіи. Написалъ нѣсколько важныхъ трудовъ по интегрированію уравненій и теоріи чиселъ, нѣкоторые совмѣстно съ

Библиотека "Руниверс"

Е. И. Золотаревымъ (о квадратичныхъ формахъ). Списокъ его сочиненій см. въ «Біографическомъ словарѣ спб. унив.». Н. С. Будаевъ (IV, 836), кончившій курсъ въ главномъ педагогическомъ инст., сталъ читать съ 1865 г. въ университетѣ по высшей геометріи и механикѣ. Е. И. Золотаревъ, питомецъ петербургскаго университета, талантливый ученый, безвременно погибшій, успѣлъ оставить по себѣ громкое научное имя преподаваніемъ и работами по чистой математикѣ (XII, 631—632). Читалъ въ 1868—78 г. различныя части чистой математики; адъюнктъ академіи наукъ. М. Ѳ. Окатовъ (XXI, 795) въ 1866—78 гг. читалъ по предметамъ практической механики и механическую теорію тепла; устроилъ въ унив. кабинетъ практич. механики. Напечаталъ 9 работъ. Д. К. Бобылевъ, сначала вольнослушатель спб. унив., потомъ съ 1871 г. преподавалъ нѣкоторыя части физики, а съ 1876 г.—механику. Написалъ около 30 сочиненій и статей по физикѣ и механикѣ (IV, 138, 139). Образовалъ нѣсколько учениковъ, изъ которыхъ Ляпуновъ — проф. въ харьковскомъ унив. и Сусловъ — въ кіевскомъ унив. Ю. В. Сохоцкій, изъ петерб. унив., началъ чтеніе лекцій въ 1868 г. — «О функціяхъ отъ мнимой перемѣнной», о непрерывныхъ дробяхъ съ приложеніемъ къ интегрированію, а потомъ—высшую алгебру, которую излагаетъ и понынѣ. Издалъ свои сочиненія: «Высшая алгебра», «Теорія чиселъ», напечаталъ, кромѣ диссертацій, нѣсколько статей на русскомъ яз. К. А. Поссе, также петербургскаго унив., началъ чтеніе лекцій аналитическою геометріею, а потомъ излагалъ дифференціальное и интегральное исчисленія до послѣдняго времени. Издалъ курсъ интегральн. исчисл., монографію о непрерывныхъ дробяхъ на франц. языкѣ и др.—А. А. Марковъ—петербургскаго унив.—профессоръ и академикъ, началъ читать въ унив. лекціи въ 1880 г. въ качествѣ приватъ доцента. Написалъ много важныхъ и оригинальныхъ работъ по алгебрѣ, теоріи чиселъ, о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ и по другимъ частямъ математики. Перечень статей до 1895 г. можно найти въ «Библіографическомъ словарѣ спб. унив.» (1896). И. Л. Пташицкій — петерб. унив.—съ 1882 г. началъ читать въ качествѣ приватъ-доцента; написалъ нѣсколько трудовъ по вопросамъ интегральнаго исчисленія. Д. Ѳ. Селивановъ, ученикъ профессора Сохоцкаго, питомецъ спб. унив., спеціалистъ по высшей алгебрѣ, читаетъ лекціи съ 1885 г. И. В. Мещерскій, ученикъ проф. Д. К. Бобылева, спеціализировался по механикѣ; допущенъ къ чтенію лекцій съ 1890 г. Д. А. Граве, ученикъ А. Н. Коркина, начавшій свою дѣятельность въ спб. унив., а теперь перешедшій проф. харьковск. унив. (напеч. «Курсъ анал. геометріи» и нѣсколько спеціальныхъ статей). Спб. университетъ обладаетъ еще многими молодыми силами, посвятившими себя математикѣ и начинающими свою преподавательскую дѣятельность въ родномъ унив., таковы: И. И. Ивановъ, С. Е. Савичъ, Б. М. Коялович, А. С. Домогаровъ.

Математика въ *кіевскомъ университетѣ*. Съ закрытіемъ виленскаго университета и основаніемъ, взамѣнъ его, университета св. Владиміра въ Кіевѣ первымъ профессоромъ въ этомъ послѣднемъ былъ С. С. Выжевскій, который читалъ (1834—37) не только дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе и аналитическую геометрію, но и статику съ динамикой. Печатныхъ трудовъ никакихъ не оставилъ. Послѣ него былъ Гречина (1834 — 38), вскорѣ перешедшій въ харьковскій унив. А. Н. Тихомандрицкій читалъ съ 1838 по 1843 г. нѣкоторыя части чистой математики и механику, потомъ перешелъ на педагогическое поприще; написалъ «Рѣшеніе двучленныхъ уравненій», диссертацію на степень доктора и «Начальную алгебру». Архитекторъ Мѣховичъ, излагавшій начертательную геометрію, написалъ сочиненіе по теоріи машинъ на польскомъ языкѣ. Н. А. Дьяченко, читавшій съ 1832 г. въ харьковск. унив., былъ перемѣщенъ въ 1839 г. въ кіевскій унив., и сначала читалъ чистую и прикладную математику, но впослѣдствіи—только чистую математику и провелъ болѣе 28 лѣтъ въ Кіевѣ. Печатныхъ трудовъ оставилъ немного († 1877). Каѳедру же прикладной математики занялъ съ 1853 г. И. И. Рахманиновъ. Его главнѣйшія сочиненія относятся къ гидравлическимъ колесамъ, теоріи относительнаго движенія и нѣкоторымъ другимъ частямъ теоретической механики. П. В. Ромеръ, съ 1867 г. докторъ чистой математики, началъ чтеніе лекцій въ универ. уже съ 1861 г. Писалъ о методѣ кватерненовъ и особыхъ рѣшеніяхъ дифференціальныхъ уравненій. Съ 1863 г. М. Е. Ващенко-Захарченко, питомецъ кіевскаго университета, послѣдовательно читалъ алгебраическій анализъ, аналитическую геометрію, теорію чиселъ и эллиптическія функціи, знакомя слушателей съ новѣйшими методами, критически разбиралъ основы геометріи и излагалъ даже неэвклидову геометрію. Онъ написалъ много разнообразныхъ математическихъ сочиненій (см. V, 658, 659) и въ томъ числѣ исторію математики и продолжаетъ до сихъ поръ свою дѣятельность. В. П. Ермаковъ—также питомецъ кіевскаго университета—читаетъ съ 1874 г. попеременно интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, варіаціонное и разностное исчисленія и теорію вѣроятностей. Написалъ нѣсколько оригинальныхъ работъ, поставившихъ его на ряду съ извѣстными русскими учеными (сходимость рядовъ, интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, варіаціонное исчисленіе и др.; см. XI, 673). П. П. Покровскій и Б. Я. Букрѣевъ извѣстны своими работами по эллип. и абелевымъ функціямъ. Г. К. Сусловъ, проф. механики, авторъ многочисленныхъ статей по этой отрасли науки. Изъ этого перечня видно, что кіевскій университетъ, имѣвшій сначала лишь добросовѣстныхъ преподавателей математики, въ самое короткое время достигъ полной научной самостоятельности.

Гораздо моложе кіевскаго унив. основанный въ 1865 г. *новороссійскій унив.* въ Одессѣ, выросшій изъ Ришельевскаго лицея. При открытіи университета преподаваніе чистой математики не имѣло спеціальнаго представителя,

Библиотека "Руниверс"

если не считать начинающаго ученаго В. П. Алексѣева, читавшаго только одинъ годъ. Но въ 1866 г. Е. Ѳ. Сабининъ, тогда еще магистръ моск. унив., занялъ мѣсто сначала доцента, а потомъ, съ пріобрѣтеніемъ докторской степени, и профессора. Главнѣйшіе труды этого ученаго посвящены разработкѣ варіаціоннаго исчисленія, наибольшимъ и наименьшимъ величинамъ опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ и др. (см. Сабининъ). Въ 1867 — 69 г. читалъ также Коростелевъ, а въ 1869 по 1870 г. А. В. Бесселъ, преждевременно скончавшійся молодой ученый (III, 617), С. П. Ярошенко—уже питомецъ новороссійскаго университета —началъ преподаваніе съ 1870 г. Написалъ: «О розысканіи особенныхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій», «Теорія опредѣлителей», «Высшую геометрію» и нѣк. др.; В. В. Преображенскій преподавалъ съ 1876—82 г. и снова съ 1890 г. понынѣ. Изъ напечатанныхъ трудовъ назовемъ: «О логариѳмическомъ потенціалѣ», «Интегрированіе уравненій съ частными производными» и нѣк. др. (XXV, 65); И. В. Слешинскій (съ 1889 г.); В. А. Циммерманъ, И. Ю. Тимченко (съ 1888 г.). По механикѣ первыми профессорами были И. Дм. Соколовъ и К. И. Коростелевъ. Первый былъ проф. харьк. унив. и уже сдѣлавшись заслуженнымъ проф. былъ приглашенъ въ Одессу. Коростелевъ былъ сначала профессоромъ въ Ришельевскомъ лицеѣ; и тотъ, и другой написали нѣсколько работъ. В. Н. Лигинъ—питомецъ сначала лицея, а потомъ и новороссійскаго университета, проф. съ 1879 г. Написалъ болѣе 30 статей и замѣтокъ, не считая переводныхъ. Былъ какъ-бы родоначальникомъ школы русскихъ ученыхъ, занимающихся кинематикою и сродными съ ней науками. Изъ его трудовъ назовемъ «Геометрическая теорія абсолютнаго движенія точки и неизмѣняемой системы», «Обобщеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ», «Кинематика» и др. (XVII, 660). Съ 1887 г. начинаетъ преподаваніе Х. І. Гохманъ, ученикъ Лигина, и немного позднѣе И. М. Занчевскій.

Варшавскій университетъ — одинъ изъ нашихъ самыхъ юныхъ; первыми проф. математики здѣсь были Н. Н. Алексѣевъ, впослѣдствіи академикъ, М. А. Андріевскій, умершій въ восьмидесятыхъ годахъ и Н. Я. Сонинъ, московскаго унив., проф. чистой математики, съ 1896 г. академикъ, написавшій цѣлый рядъ статей по теоріи опредѣл. интеграл. и приближенному ихъ вычисленію, и мн. др. Андріевскаго смѣнилъ доцентъ Зининъ. Доцентъ Баскаковъ, ученикъ московскаго профессора Бугаева, читалъ очень недолго и умеръ. Съ 1884 г. В. А. Анисимовъ, также изъ бывшихъ слушателей Бугаева. Механику читалъ Т. К. Бабчинскій (уже умеръ). Въ настоящее время математику читаютъ въ этомъ унив.: Н. Н. Зининъ, В. А. Анисимовъ и Г. Ѳ. Вороной (изъ спб. унив.), а механику—П. О. Сомовъ, тоже изъ спб. унив.

Изъ этого перечня именъ русскихъ математиковъ и нѣкоторыхъ ихъ трудовъ и изъ болѣе подробной оцѣнки дѣятельности нашихъ математиковъ, сдѣланной въ ихъ біографіяхъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ словарѣ, можно вывести заключеніе, что математическія науки прочно развились въ Р., которая въ сравнительно короткое время произвела такихъ первоклассныхъ дѣятелей, какъ Лобачевскій, Чебышевъ, Остроградскій и значительное число другихъ, цѣнимыхъ не только въ нашемъ отечествѣ, но и вообще въ ученомъ мірѣ. Труды русскихъ ученыхъ печатаются какъ на русскомъ языкѣ, въ спеціальныхъ журналахъ и запискахъ, издаваемыхъ нѣсколькими математическими обществами, и въ университетскихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ лучшихъ журналахъ на нѣм. и франц. язык. Кромѣ работъ университетскихъ дѣятелей, заслуженною извѣстностью пользуются, особенно по прикладной математикѣ, работы профессоровъ, бывшихъ и настоящихъ, въ различныхъ спеціальныхъ школахъ, изъ которыхъ назовемъ Н. І. Маіевскаго, Н. П. Петрова, П. А. Шиффа, Н. А. Забудскаго, В. Л. Кирпичева и др. *Р.*

3) Астрономія и геодезія. До Петра Вел. русскими не было произведено научныхъ трудовъ по астрономіи. Петръ Вел., посѣщая обсерваторіи въ Гриничѣ и Копенагенѣ, во второе посѣщеніе первой изъ нихъ, произвелъ самъ полное опредѣленіе положенія Венеры помощью стѣннаго круга.

Столѣтіе XVIII. Академическая обсерваторія. При учрежденной Петромъ академіи наукъ, въ 1725 г. построена обсерваторія, первыми астрономами которой были (съ 1726 г.) І. Н. Делиль и его братъ Делиль-де-ла-Кройеръ. Кромѣ нихъ, на обсерваторіи работали: Краффтъ, Винсгеймъ, Гейнзіусъ (съ 1736 г.), Трускотъ, Н. Поповъ и др., при чемъ наиболѣе важныя наблюденія сдѣланы І. Делилемъ (преимущественно затменія спутниковъ Юпитера) и Гейнзіусомъ (наблюденія надъ истеченіями изъ ядра кометы 1744 г.). Послѣ пожара въ 1747 г. обсерваторія была возобновлена, хотя и недостаточно (въ 1748 г.) и на ней начаты были наблюденія Брауномъ и Н. Поповымъ. Съ 1751 по 1760 г. обсерваторія находилась въ завѣдываніи Гришова, который произвелъ, между прочимъ, наблюденія съ неизмѣннымъ маятникомъ и рядъ наблюденій луны (въ Аренсбургѣ) для опредѣленія ея параллакса. Пріобрѣтенные въ 1760 г. большіе инструменты: стѣнной квадрантъ и полуденная труба, не были установлены ни Гришовымъ, ни его преемникомъ Румовскимъ (съ 1763 г.), а лишь послѣ 1796 г. аббатомъ Анри, который произвелъ съ этими инструментами лишь посредственныя наблюденія. Румовскій и его сотрудники: Лексель, Иноходцевъ и Черный производили преимущественно наблюденія покрытій и затменій. Въ наблюденіяхъ прохожденія Венеры въ 1761 г. принимали участіе Браунъ, Красильниковъ и Курганов въ Петербургѣ, Поповъ въ Иркутскѣ и Румовскій въ Селенгинскѣ. Для наблюденія прохожденія Венеры въ 1769 г. были приглашены многіе русскіе и иностранные ученые и снаряжено нѣсколько экспедицій, снабженныхъ хорошими инструментами. Къ числу наиболѣе удачныхъ принадлежала экспедиція Румовскаго въ Колу. На академической обсерваторіи, до перехода

Библиотека "Руниверс"

завѣдыванія ею отъ Румовскаго къ Шуберту въ 1803 г., по прежнему наблюдаемы были затменія и покрытія. Теоретическія работы по астрономіи въ Р. въ XVIII стол. произведены были иностранными учеными: І. Делилемъ, Л. Эйлеромъ, Лекселемъ и др. Подобныя же работы Н. Попова и Румовскаго не были самостоятельными.

Геодезическая дѣятельность. Значительнѣйшая часть трудовъ русскихъ астрономовъ XVIII стол. посвящена была астрономо-географическимъ и картографическимъ работамъ. Геодезическія работы (описаніе береговъ морей и рѣкъ) были начаты, иногда при личномъ участіи Петра, еще въ концѣ XVII-го стол. Для подготовки моряковъ и геодезистовъ Петромъ учреждена навигаціонная школа, переименованная въ 1715 г. въ морскую академію, обученные въ которой геодезисты отправились въ 1717 г. въ различныя мѣста Р. и производили съемки по краткой, составленной Петромъ инструкціи. Съ 1726 по 1734 г. Кирилловъ печатаетъ атласъ, для точности котораго недостаетъ опредѣленій долготъ, начатыхъ въ Р. лишь съ 1727—28 г. Въ цѣляхъ точной картографіи І. Делиль предлагаетъ покрыть Р. сѣтями треугольниковъ (предполагая воспользоваться ими также для градусныхъ измѣреній меридіановъ и параллелей) и производить астрономо-географическія экспедиціи. Послѣдній способъ, по настоянію Эйлера, принятъ академіей, организующей (до 1786 г.) многія экспедиціи, въ которыхъ принимаютъ участіе: братья Делили, Красильниковъ, Гришовъ, Румовскій, Крафтъ, Ловицъ, Иноходцевъ, Исленьевъ, Х. Эйлеръ, Черный и др. Особенной точностью отличаются географическія опредѣленія Исленьева и Красильникова. Академическими экспедиціями, къ 1786 г., опредѣляется положеніе 67 пунктовъ; — большаго числа такихъ пунктовъ не было въ то время опредѣлено ни въ одномъ изъ государствъ Зап. Европы. Съ 1786 г. и до начала XIX стол. астрономы академіи: Иноходцевъ и Шубертъ обучаютъ морскихъ офицеровъ астрономическому опредѣленію мѣстъ на морѣ и на сушѣ. Надъ составленіемъ картъ Р. въ XVIII стол., кромѣ Кириллова, трудились І. Делиль, Эйлеръ, Геинзіусъ и Винсгеймъ. Двумя послѣдними изданъ въ 1745 г. атласъ, бывшій въ употребленіи до начала XIX стол.

Столѣтіе XIX. Исторія астрономіи и геодезіи въ Р. въ теченіе XIX стол. распадается на два періода: до и послѣ учрежденія Пулковской обсерваторіи. Въ началѣ перваго изъ этихъ періодовъ астрон. работы производятся, по прежнему, преимущественно астрономами академіи наукъ. Шубертъ и его помощники, улучшивъ нѣсколько академическую обсерваторію, проявляютъ напряженную астрон. дѣятельность. Шубертъ занятъ преимущественно теоретическими изслѣдованіями, составленіемъ руководствъ и преподаванімъ астрономіи. Вишневскій производитъ разнообразныя и многочисленныя наблюденія большихъ и малыхъ планетъ, кометъ, покрытій и проч. Но устарѣлая академическая обсерваторія не соотвѣтствуетъ уже возрастающимъ требованіямъ точности наблюденій и вскорѣ первенствующее положеніе между русскими обсерваторіями занимаетъ обсерваторія дерптскаго, нынѣ юрьевскаго, университета, систематическія наблюденія на которой были начаты В. Струве (см.) въ 1814 г. Вмѣстѣ съ своими современниками, Гауссомъ и Бесселемъ, Струве является представителемъ существенно-новаго направленія въ астрономіи. Примѣняя къ изслѣдованію астрон. инструментами и къ методамъ наблюденій съ ними возможны строгіе математическіе и физическіе пріемы и Струве достигъ высокой степени точности въ своихъ наблюденіяхъ. Важнѣйшія изъ послѣднихъ состояли въ опредѣленіяхъ независимыхъ координатъ свѣтилъ и въ разысканіи и точномъ измѣреніи большого числа двойныхъ и сложныхъ звѣздъ. Педагогическая дѣятельность Струве имѣла весьма важное значеніе для развитія астрономіи въ Р. Многочисленные ученики Струве (К. Кнорре, Прейссъ, Леммъ, Федоровъ, Савичъ, Саблеръ, Делленъ, О. Струве, Шидловскій, Вронченко, Обергъ, Васильевъ и мн. др.) произвели, какъ подъ руководствомъ Струве, такъ и самостоятельно, важныя научныя работы. Директоромъ дерптской обсерваторіи Струве былъ до 1839 г. Научно-астрон. дѣятельность въ московскомъ унив. была начата проф. Гольдбахомъ (1804—1810), производившимъ опредѣленіе географ. координатъ Москвы и окрестныхъ городовъ. Въ 1805 г. Гольдбахъ составилъ планъ постройки университетской обсерваторіи и пріобрѣлъ для нея нѣкоторые инструменты (погибшіе въ 1812 г.). Проф. Перевощиковъ (1818—1851) постепенно устраивалъ обсерваторію, пользуясь ею для учебныхъ цѣлей. Первымъ проф. астрономіи казанскаго унив. былъ Литтровъ (1810—16), который построилъ небольшую обсерваторію. Ученикъ и сотрудникъ Литтрова—Симоновъ—выдавался своими талантами и познаніями; однако, его астрон. дѣятельность не была столь плодотворной, какъ можно было-бы ожидать. Тому причиной отчасти служили: астрон. путешествіе Симонова на шлюпѣ «Востокъ» (1819—21), занятія Симонова чистой математикой, физикой, метеорологіей и магнетизмомъ и выполненіе административныхъ обязанностей въ университетѣ (съ 1845 г.). Астрон. обсерваторія кіевскаго унив. была построена ученикомъ В. Струве—Федоровымъ, сдѣлавшимъ до своего назначенія въ Кіевъ двѣ важныя астрон.-географ. экспедиціи. Но въ Кіевѣ Федоровъ работалъ научно весьма мало, ограничиваясь наблюденіями немногихъ затменій и т. п. Въ петербургскомъ унив. первымъ проф. астрономіи былъ Вишневскій, о которомъ сказано выше. Послѣ него временно преподавалъ астрономію лейтенантъ Зеленый (1837 — 39). Въ 1827 г. была построена въ Николаевѣ морская обсерваторія, первымъ директоромъ которой былъ ученикъ Струве — К. Кнорре. Согласно спеціальному назначенію обсерваторіи, наблюденія, на ней производимыя, служили преимущественно для цѣлей географическихъ. Подъ руководствомъ и при участіи Кнорре производилась опись береговъ Чернаго, Азовскаго и Мраморнаго морей. Сверхъ

Библиотека "Руниверс"

того, Кнорре производилъ многочисленныя чисто астрономическія наблюденія и работы (наблюденія кометъ и вычисленіе ихъ орбитъ и проч.), а также составилъ 5-ый листъ берлинской академической звѣздной карты. Въ харьковскомъ унив. проф. Гутъ (1808 — 11) произвелъ опредѣленіе широты и долготы Харькова и устроилъ въ 1810 г. небольшую обсерваторію, съ отъѣздомъ Гута уничтоженную. Съ 1811 по 1842 г. научно-астрономическая дѣятельность въ харьковскомъ унив. почти вовсе не проявляется. Виленскій унив. обладалъ обсерваторіей, устроенной еще въ 1753 г. и сгорѣвшей въ 1875 г. во время управленія Смыслова. Директоры этой обсерваторіи: Почобутъ (до 1808 г.), Снядецкій и Славинскій, вмѣстѣ съ ихъ помощниками, производили большое число разнообразныхъ наблюденій, по характеру сходныхъ съ наблюденіями Вишневскаго на академической обсерваторіи.

Геодезическая дѣятельность. Въ началѣ XIX стол. геодезическая дѣятельность въ Р. значительно усилилась. Вишневскій опредѣлилъ, съ 1806 по 1815 г., географ. координаты 250 пунктовъ въ Европ. Р. Подобныя же опредѣленія, но въ меньшемъ числѣ, произведены (до 1806 г.) Шубертами (отцомъ и сыномъ) и Теслевымъ въ Европ. и Азіатской Р. Чисто геодезическія работы начаты сперва безъ общаго плана. По предложенію генер. Сухтелена, проф. Гольдбахъ началъ съ 1805 г. опредѣленіе геогр. каординатъ различныхъ пунктовъ въ окрестностяхъ Москвы и тріангуляцію въ тѣхъ же мѣстностяхъ *), при участіи д-ра Панснера. Послѣднему вскорѣ было поручено генер. Опперманомъ производство тріангуляціи СПб. губ. Въ 1816 г. начата Теннеромъ, ученикомъ Шуберта, первая большая тріангуляція въ Виленской губ. Въ 1822 г. учрежденъ корпусъ военныхъ топографовъ, съ спеціальною цѣлью производства геодезическихъ работъ. Окончательное астрономо-геодезическое образованіе офицеры этого корпуса получали въ Дерптѣ, у В. Струве, геодезическія работы котораго отличались тою-же высокою степенью оригинальности и точности, какъ и чисто астрономическія. Съ 1816 по 1819 г. Струве произвелъ тригонометр. съемку Балтійскихъ губерній въ картографическихъ цѣляхъ. Затѣмъ, въ тѣхъ же губерніяхъ, Струве выполнилъ (къ 1827 г.) градусное измѣреніе, результаты котораго изложены въ классическомъ сочиненіи Струве: «Beschreibung der Breitengradmessung in den Ostseeprovinzen Russlands» (1831). Соединеніе тріангуляцій Струве и Теннера, законченное къ 1831 г., увеличило измѣренную дугу меридіана до $8^{0}2'5$. Въ томъ же году, по плану и подъ руководствомъ Струве, начаты были работы по продолженію сѣти треугольниковъ градуснаго измѣренія на сѣверъ, гдѣ затѣмъ сѣть эта, при участіи финляндскихъ астрономовъ отъ 1835 по 1845 г. (см. Финляндія), была соединена съ шведско-норвежской сѣтью. Продолженіе градуснаго измѣренія на югъ производилось подъ руководствомъ Теннера. Въ 1844 г. было постановлено продолжить это измѣреніе до Дуная. Всѣ работы по русско-скандинавскому град. измѣренію были закончены въ 1855 г. и результаты измѣренія опубликованы въ 1860 г. въ сочиненіи Струве: «Arc du méridien de 25°20′, entre le Danube et la mer Glaciale». Продолженіе этой дуги до Кандіи, составлявшее «любимую мысль» В. Струве, до сихъ поръ не произведено. Кромѣ упомянутыхъ геодезич. работъ дерптской обсерваторіи, ученики Струве выполнили еще нѣсколько астрономо-геодезическихъ экспедицій, важнѣйшія изъ которыхъ: Федорова — въ Сибирь (1832—37), Савича, Саблера и Фусса въ сѣв. Кавказъ (1836—38) для опредѣленія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей.

Пулковская обсерваторія. Устроенная по мысли В. Струве, Николаевская главная обсерваторія (открыта въ 1839; т. XXI, стр. 589) предназначалась для производства постоянныхъ, возможно совершенныхъ астрономическихъ наблюденій и обязана была, сверхъ того, содѣйствовать всѣми мѣрами усовершенствованію практической астрономіи въ Р. Тщательное изслѣдованіе способовъ наблюденій, примѣненіе къ нихъ усовершенствованію открытій техники и строго научная обработка результатовъ наблюденій составляютъ неизмѣнную особенность всѣхъ производимыхъ Пулковской обсерваторіей работъ, признаваемыхъ поэтому повсюду за образцовыя. Первоначально, наблюденія Пулковской обсерваторіи служили для опредѣленія: 1) астрономическихъ постоянныхъ, 2) фундаментальныхъ положеній звѣздъ и 3) движеній въ звѣздныхъ системахъ. Впослѣдствіи введены фотометрическія, астрофизическія и астрофотографическія наблюденія. Установленный въ 1884 г. 30-ти дюймовый рефракторъ позволилъ, сверхъ того, расширить программу микрометренныхъ и астрофизическихъ наблюденій. Въ 1898 г. построена въ Одессѣ вспомогательная обсерваторія для опредѣленія точки весенняго равноденствія и наклонности экватора къ эклиптикѣ. Программныя наблюденія Пулковской обсерваторіи (между которыми выдаются по количеству наблюденій, произведенныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, наблюденія дв. звѣздъ О. Струве и меридіальныя наблюденія Ромберга) доставляютъ точнѣйшія фундаментальныя опредѣленія координатъ свѣтилъ. Изъ многихъ не-программныхъ работъ упомянемъ о хронометрическихъ экспедиціяхъ между Пулковомъ и Альтоной и Альтоной и Гриничемъ и объ экспедиціяхъ для наблюденій прохожденія Венеры 1874 г. и солнечнаго затменія 1896 г. По 1899 г. Пулковской обсерваторіей опубликовано 18 большихъ томовъ наблюденій и астрономами обсерваторіи напечатано, по августъ 1898 г., 572 научныхъ сочиненія. Изъ этихъ послѣднихъ упомянемъ: объ опредѣленіяхъ постоянныхъ аберраціи, прецессіи и вутаціи В. и О. Струве, Петерса и Нюрена; объ изслѣдованіяхъ о физическомъ строеніи кометъ Бредихина: о работахъ: по теоріи Энковой кометы—Астена, Баклунда и Витра-

*) При чемъ Гольдбахъ прокладалъ сѣти треугольниковъ по меридіану и параллели Москвы.

Библиотека "Руниверс"

ма; по теоріи движенія спутниковъ планетъ—Астена, Дубяго и Г. Струве; по теоріи движенія планетъ—Гюльденя. Дубяго, Баклунда, Жданова, Долгорукова, Гарцера; по фотометріи—Линдемана; по вопросу объ измѣняемости широтъ—Нюрена, Иванова, Костинскаго, Ковальскаго, Соколова; по астрофизикѣ и астрофотометріи — Гассельберга, Бѣлопольскаго, Ренца и Костинскаго; по изслѣдованію способовъ телеграфнаго опредѣленія долготъ—Смыслова, Кортацци и Цингера; по изслѣдованію личныхъ ошибокъ—О. Струве и Цингера; о новыхъ способахъ опредѣленія времени—Деллена и Цингера. До 1889 г. 205 молодыхъ людей (въ томъ числѣ, 126 офицеровъ арміи и флота) получили въ Пулковѣ свое окончательное астрономическое образованіе или познакомились съ производствомъ тѣхъ или другихъ наблюденій. Послѣ 1889 г. учебная дѣятельность Пулковской обсерваторіи расширена и видоизмѣнена къ лучшему по отношенію къ воспитанникамъ русскихъ университетовъ. Должность директора Пулковской обсерваторіи занимали: В. Струве (1839—62), О. Струве (1862—89), Бредихинъ (1889—95) и Баклундъ (съ 1895 г.). Преемники Струве въ Дерптѣ: Медлеръ (важнѣйшіе труды: по селенографіи и звѣздной астрономіи) и Клаузенъ (изслѣдованія по небесной механикѣ и математикѣ) сохранили въ общемъ прежній характеръ дѣятельности дерптской обсерваторіи (1840—1872). Но обсерваторія, составъ инструментовъ которой не обновлялся, начала постепенно терять свое выдающееся значеніе. Шварцъ (1872—94) и его сотрудники производили преимущественно меридіанныя наблюденія звѣздъ зоны астр. общества (отъ+70 до+75° скл.), но не закончили этой работы. Сотрудники Шварца выполнили кромѣ того въ Юрьевѣ различныя теоретическія работы, изъ которыхъ упомянемъ объ изслѣдованіяхъ Баклунда и Линдстедта по небесн. механикѣ и объ опредѣленіи постоянныхъ прецессіи и собственнаго движенія солнечной системы Л. Струве. Преемникъ Шварца — Левицкій (съ 1894 г.) расширилъ нѣсколько программу дѣятельности юрьевской обсерваторіи, на которой производятся нынѣ, кромѣ наблюденій звѣздъ зоны астр. наблюдателемъ Покровскимъ, наблюденія солнечныхъ пятенъ и ихъ фотографированіе, наблюденія и изслѣдованія съ горизонтальными маятниками и проч. Въ московской обсерваторіи Драшусовъ съ 1851 по 1856 опредѣляетъ мерид. кругомъ положенія сѣвер. звѣздъ. Назначенный въ 1856 г. директоромъ московской обсерваторіи Швейцеръ (пулковскій ученикъ В. Струве), выполнившій передъ тѣмъ нѣсколько серьезныхъ работъ и открывшій 11 кометъ, также посвящаетъ дѣятельность обсерваторіи преимущественно меридіаннымъ наблюденіямъ. Преемникъ Швейцера—Бредихинъ (1873—90) и его сотрудники (Громадскій, Цераскій, Бѣлопольскій, Соколовъ, Костинскій и др.), кромѣ меридіанныхъ наблюденій, производили многочисленныя наблюденія кометъ, малыхъ планетъ, падающихъ звѣздъ и особенно много вниманія посвящали изученію физическаго строенія солнца, планетъ, кометъ, звѣздъ и туманностей, для чего производили спектральныя, фотометрическія и фотографическія наблюденія. Теоретическія изысканія Бредихина дали замѣчательные результаты относительно физическаго строенія кометъ и происхожденія падающихъ звѣздъ. Часть упомянутыхъ работъ помѣщена въ 12-ти томахъ «Анналовъ» московской обсерваторіи, изданныхъ Бредихинымъ. Цераскій, преемникъ Бредихина, сохранивъ въ общемъ характеръ дѣятельности обсерваторіи и своихъ собственныхъ, (преимущественно фотометрическихъ) работъ, изобрѣтаетъ также многія полезныя приспособленія для астрономич. наблюденій. Обучавшійся въ Пулковѣ М. Ляпуновъ производитъ, съ начала 40-хъ годовъ, на казанской обсерваторіи опредѣленія положеній большихъ и малыхъ планетъ и кометъ, дѣлаетъ микрометрическія измѣренія (трапеція Ріона) и пр. Къ сожалѣнію, дѣятельность Ляпунова не продолжительна (былъ директоромъ обсерв. съ 1850 по 1854 г.). Ковальскій, имѣвшій еще до назначенія директоромъ обсерваторіи (1854 — 84) почетную научную извѣстность, какъ авторъ изысканія по теоріи движенія Нептуна и опубликовавшій потомъ еще нѣсколько работъ по теоретической астрономіи, небесной механикѣ, теоріи затменій и теоріи рефракціи, обращаетъ дѣятельность обсерваторіи преимущественно къ меридіаннымъ наблюденіямъ около-полярныхъ звѣздъ и звѣздъ зоны астр. общ. отъ + 75 до + 80° скл. Эту послѣднюю работу закончилъ преемникъ Ковальскаго — Дубяго, который значительно увеличилъ программу дѣятельности обсерваторіи. Кромѣ мерид. наблюденій, Дубяго и его сотрудники (Порѣцкій, А. Ковальскій, Красновъ, Грачевъ и др.) производятъ опредѣленія измѣненій широты, опредѣленія силы тяжести и пр. Часть этихъ наблюденій помѣщена въ изданномъ Дубяго рядѣ «Трудовъ» каз. обсерваторіи. Кіевскую обсерваторію Шидловскій (1856—68) нашелъ «въ крайне неудовлетворительномъ состояніи» и подвергнулъ ее значительнымъ передѣлкамъ. Научная дѣятельность кіевской обсерваторіи начата Хандриковымъ, издавшимъ 4 т. «Анналовъ», въ которыхъ помѣщены: мер. наблюденія сѣв. звѣздъ Фабриціуса, мер. наб. Хандрикова на московской обсерваторіи и опредѣленія долготы и широты обсерваторіи (Хандриковъ, Фабриціусъ, Диченко). Кромѣ того профессорами Хандриковымъ и Фогелемъ и наблюдателемъ Фабриціусомъ опубликованы различныя наблюденія и теоретич. изслѣдованія. Савичъ, ученикъ В. Струве, назначенный профессоромъ петерб. унив. въ 1839 г., весьма много содѣйствовалъ распространенію астр. знаній въ Россіи своими, нѣсколько разъ переведенными на иностранные языки, руководствами и преподаваніемъ въ университетѣ и академіяхъ генер. штаба и морской. Многіе изъ учениковъ Савича посвятили себя затѣмъ спеціальнымъ занятіямъ астрономіей и геодезіей. Теоретическая научная дѣятельность Савича была весьма разнообразна (способы опредѣленія орбитъ планетъ и ихъ спутниковъ, рефракція, задачи практ. астрон. и пр.). Сверхъ того Савичъ, вмѣстѣ съ Ленцомъ

Библиотека "Руниверс"

и Смысловымъ, произвелъ рядъ опредѣленій ускоренія силы тяжести по близости отъ русско-скандинавской дуги меридіана. Преемникъ Савича—Глазенапъ (важнѣйшія работы о затменіяхъ спутниковъ Юпитера, способы вычисленія орбитъ дв. звѣздъ, рефракція) устроилъ при спб. унив. небольшую обсерваторію, главнымъ инструментомъ которой—рефракторомъ — произвелъ нѣсколько рядовъ наблюденій двойныхъ звѣздъ въ Петербургѣ, Абастуманѣ, Гурзуфѣ и Домкинѣ. Учрежденіе въ спб. унив. второй профессуры по астрономіи, занимаемой Ждановымъ (главнѣйшія работы по небесной механикѣ и высшей геодезіи: теорія промежуточныхъ орбитъ, частныя возмущенія, вычисленіе дуги параллели), дало возможность значительно усилить преподаваніе астрономіи въ спб. унив. Въ харьковскомъ универс. профессора Шидловскій (1843 — 56) и Федоренко (1857 — 79), составили, по указанію В. Струве, извѣстный каталогъ околополярныхъ звѣздъ, наблюденныхъ Лаландомъ; они производили лишь астрономо-географическія опредѣленія. Изъ учениковъ Федоренко выдавались: Веребрюсовъ (работы по небесной механикѣ и теорет. астрономіи) и Порѣцкій (меридіанныя и др. наблюденія въ казанск. унив., работы по чистой математикѣ). Преемнику Федоренки, Левицкому, удалось постепенно устроить обсерваторію, снабженную нѣкоторыми новѣйшими инструментами и начать изданіе трудовъ обсерваторіи, въ которыхъ помѣщены: опредѣленія широты и долготы обсерваторіи, изслѣдов. способа опред. широты, наблюденія солнечн. пятенъ и выступовъ (протуберанцевъ—наблюдалъ Сикора), наблюденія горизонтальными маятниками и пр. Существенный недостатокъ обсерваторіи—отсутствіе помощника у директора—устраненъ Л. Струве (завѣдуетъ обсерв. съ 1894 г.; важнѣйшія работы, кромѣ упомянутой выше: меридіанныя наблюденія въ Юрьевѣ, двойныя звѣзды, опредѣленіе луннаго діаметра изъ покрытій и пр.), который, сверхъ начатыхъ раньше наблюденій, производитъ систематич. наблюд. меридіаннымъ кругомъ. — Обсерваторія варшавскаго универ. построена въ 1820—24 гг., но дѣятельность ея начала развиваться лишь съ 60-хъ г., благодаря трудамъ Ковальчика и Дейке. Наблюдаются (въ меридіанѣ и микрометромъ) планеты и кометы. Затѣмъ Ковальчикъ опредѣляетъ положенія звѣздъ зоны отъ — 1°50′ до — 7°10′, напечатанныя въ «Observations» В. обсерват. (часть I, 1892 г.) и, сверхъ того, производитъ рядъ теоретич. работъ (орбиты кометъ и мал. планетъ). Преимущественно теоретическими-же работами занимаются директоры обсерваторіи: Барановскій (орб. ком. Біелы), Востоковъ (теоретич. астроном., теорія возмущеній) и Красновъ (небесн. механика, особенно теорія луны). Дѣятельность виленской обсерваторіи при Фуссѣ (1847—54), вслѣдствіе его болѣзни, значительно ослабѣла. Саблеръ (ученикъ В. Струве; наблюдалъ въ Дерптѣ и Пулковѣ) поставилъ главной задачей обсерваторіи изученіе солнечной поверхности и фотометрію. За смертью Саблера (въ 1865 г.) упомянутыя наблюденія начаты Смысловымъ и продолжены до пожара обсерваторіи въ 1875 г., послѣ котораго она возобновлена не была. Дѣятельность К. Кнорре въ Николаевѣ продолжалась до 1871 г. Съ 1872 г. Кортацци производитъ наблюденія планетъ, кометъ, физич. наблюденія планетъ, опредѣленіе звѣздъ зоны отъ +1° до —2° скл., наблюденія горизонтальнымъ маятникомъ, многочисленныя опредѣленія широтъ и долготъ и проч.—Астр. обсерваторія унив. въ Одессѣ построена въ 1871 г. при проф. Беркевичѣ (главн. труды по небесн. мех.: орбиты малыхъ планетъ). Астрон.-наблюдатель обсерваторіи Блокъ произвелъ на ней многія наблюденія преимущественно кометъ и открылъ нѣкоторыя изъ нихъ. Кононовичъ (гл. труды: орбиты дв. здѣздъ, фотометр. изслѣдованія, спос. наим. квадратовъ), завѣдуя обсерваторіей съ 1881 г., ввелъ на ней астрофиз. наблюденія, часть которыхъ опубликована. Въ 1877 г. построена въ Ташкентѣ обсерваторія для производства астрономическихъ и геодезическихъ работъ, которыя и начаты съ 1880 г. Померанцевымъ (гл. работы: опред. долготъ, земельная рефракція, фигура геоида), производившимъ, кромѣ геодезическихъ экспедицій, весьма многочисленныя и разнообразныя наблюденія (кометъ, планетъ, паденія звѣздъ, звѣздъ сравненія на мерид. кругѣ, солнечн. пятенъ и проч.). Съ уходомъ Померанцева (1888) дѣятельность ташкентской обсерваторіи становится преимущественно геодезической. Однако, въ послѣднее время начаты снова чисто астрономическія работы, между прочимъ помощью пріобрѣтеннаго въ 1894 г. для ташкентской обсерваторіи астрографа.

Геодезич. дѣятельность. Во второй половинѣ XIX ст. геодезическая дѣятельность въ Россіи чрезвычайно усиливается. Въ началѣ этого періода важнѣйшія астрономо-геодезическія работы производятся какъ военными геодезистами, такъ и астрономами Пулковской и университетскихъ обсерв. Послѣ учрежденія геодезическаго отдѣленія академіи генеральнаго штаба (первый выпускъ геодезистовъ въ 1858 г.) такія работы выполняются преимущественно военно-топографическимъ отдѣломъ. Университетскими астрономами выполняются главнымъ образомъ изслѣдованія силы тяжести и теоретическія работы по геодезіи (изъ послѣднихъ важнѣйшія — труды проф. Слудскаго). Всѣ большія тріангуляціи въ Россіи также выполняются военными геодезистами и въ настоящее время сѣть треугольниковъ покрываетъ болѣе $^2/_3$ Евр. Россіи. Тѣми же геодезистами, подъ начальствомъ Лебедева, совершена замѣчательная тріангуляція Болгаріи въ 1877—79 гг. Соединеніе нѣсколькихъ русскихъ и иностранныхъ сѣтей треугольниковъ доставило градусныя измѣренія по параллелямъ $47^1/_2{}^0$ (20^0 по долготѣ) и 52° с. ш. (63°41′ по долг., изъ нихъ въ предѣлахъ Россіи 39°24′). Въ 1899 г. акад. наукъ отправила экспедицію изъ военныхъ и гражданскихъ геодезистовъ для производства градуснаго измѣренія на Шпицбергенѣ (русско-шведское град. изм.). Въ Азіатской Россіи усиленіе астрономо-геодезич. дѣятельности начинается съ учрежденія мѣстныхъ военно-топогр. от-

Библиотека "Руниверс"

дѣловъ въ 1864 г., и затѣмъ съ постройкой Сибирской жел. дороги. Результаты производимыхъ военно-топографическимъ отдѣломъ работъ излагаются въ «Запискахъ» этого Отдѣла (56 томовъ до 1899 г.). Въ этомъ выдающемся научномъ изданіи помѣщены наблюденія и изслѣдованія Теннера, Шуберта, Врончено, Ходзько, Форша, Стебницкаго, Штубендорфа, Кортацци, Артамонова, Тилло, Лебедева, Бонсдорфа, Шарнгорста, Кульберга, Померанцева, Гедеонова, Витрама, Витковскаго и мног. другихъ, труды которыхъ свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи теоріи и практики геодезіи въ Россіи.

Въ 1890 г. учреждено русское астрономич. общество, имѣющее цѣлью содѣйствовать успѣхамъ астрономіи и высшей геодезіи и распространенію этихъ знаній въ Россіи. Въ издаваемыхъ этимъ обществомъ «Извѣстіяхъ» помѣщены различные цѣнные труды по астрономіи, астрофизикѣ и проч. (Бредихина, Баклунда, Глазенапа, Кононовича, Кортацци, Иванова, Витрама и др.). Сверхъ перечисленныхъ теоретическихъ работъ, важныя изслѣдованія по небесной механикѣ произведены профессоромъ харьк. унив. А. Ляпуновымъ и Софіей Ковалевской († 1891).

Небольшія и частныя обсерваторіи. Кромѣ упомянутыхъ обсерваторій, въ Россіи существовало и существуетъ еще нѣсколько обсерваторій спеціальнаго характера (морскихъ, межевого института и пр.). Изъ подобныхъ обсерваторій нѣкоторую научную извѣстность въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣла обсерваторія митавской гимназіи (наблюдатели: Бейтлеръ и Паукеръ). Также и частными лицами производились и производятся въ Россіи полезныя астрономическія наблюденія и изслѣдованія, какъ напр. Зандтомъ и Кейслеромъ въ Ригѣ, Ламберти и Тремеромъ въ Дерптѣ, Еничемъ въ Москвѣ и др., въ началѣ этого столѣтія, и въ послѣднее время: Брунсомъ въ Симферополѣ, Каульбарсомъ въ Гельсингфорсѣ, г-жей Фрейбергъ въ Петербургѣ, Мирковичемъ въ Ярославлѣ, Воиновымъ въ Москвѣ и пр.

Г. Левицкій.

4) **Физика.** Исторія развитія физики въ Россіи, въ особенности въ нынѣшнемъ столѣтіи, тѣсно связана съ исторіей развитія преподаванія физики въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ выдающіеся представители этой науки такъ или иначе, какъ въ прошлыя времена, такъ и тѣперь, являлись и являются представителями и преподаванія физики. Въ прошломъ столѣтіи, когда наука физики, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, окончательно выдѣлилась изъ той обширной совокупности свѣдѣній по естествовѣдѣнію, которую раньше называли «физикой», явились и первые представители этой науки въ Р.—именно академики задуманной въ 1720 г. Петромъ Великимъ и открытой въ 1725 г. Екатериной I Императорской академіи наукъ. Первые физики въ академіи (и вообще въ Р.) были иностранцы; вскорѣ изъ учениковъ ихъ выработались, правда, немногочисленные вначалѣ, представители этой науки изъ природныхъ русскихъ. Точно также и первые физики въ университетахъ были почти всѣ иностранцы и только во второй четверти нынѣшняго столѣтія приглашеніе иностранцевъ для замѣщенія каѳедръ физики прекратилось. Первые академики по физикѣ, приглашенные изъ числа германскихъ ученыхъ, были въ значительной части дѣйствительно выдающіеся представители науки; нельзя сказать того же о первыхъ замѣстителяхъ каѳедръ физики при различныхъ университетахъ. Благодаря этому центромъ научной дѣятельности по физикѣ до самой середины нынѣшняго столѣтія являлась академія наукъ. Лишь въ серединѣ столѣтія русскіе замѣстители каѳедръ физики въ университетахъ, изъ которыхъ многіе довершили свое научное образованіе въ иностранныхъ, главнымъ образомъ германскихъ университетахъ, подняли уровень какъ преподаванія, такъ и научной дѣятельности по физикѣ въ русскихъ университетахъ, и въ послѣднихъ сосредоточилась научная дѣятельность и они явились разсадникомъ новыхъ научныхъ силъ. Такимъ образомъ лишь съ середины текущаго столѣтія начался въ Россіи тотъ нормальный ходъ развитія физики какъ науки, который болѣе ста лѣтъ уже держался въ университетахъ Германіи и другихъ странахъ съ болѣе ранней культурой; это объясняетъ намъ, почему научная дѣятельность по физикѣ въ Р. не носитъ такого опредѣленнаго, можно было-бы сказать «національнаго» оттѣнка, каковой замѣчается въ научной дѣятельности по физикѣ въ Германіи, Франціи и Англіи; это объясняетъ также, почему наши университеты не явились еще исходными точками опредѣленныхъ, типично выраженныхъ, традиціями создаваемыхъ «физическихъ школъ». Медленному и позднему развитію физики въ Р. служило причиной также и позднее сознаніе въ необходимости устройства физическихъ лабораторій, обставленныхъ согласно современнымъ понятіямъ и требованіямъ науки. Лишь въ самое послѣднее время нѣкоторые изъ университетовъ въ этомъ отношеніи стали наравнѣ съ университетами Европы. Но этого нельзя ставить въ укоръ представителямъ физики въ Р. Ясное представленіе о необходимости культивированія государствомъ чистой науки, какъ основы человѣческаго благополучія, представленіе, нормально возросшее въ Европѣ, какъ плодъ самой жизни, слишкомъ поздно выяснилось въ Р., гдѣ и сама наука первоначально явилась не плодомъ жизни, но экзотическимъ растеніемъ, насажденнымъ на едва подготовленную почву.

Занятія физикою въ Россіи начались въ 1691 г. съ преподаванія братьями Лихудами въ Москвѣ въ Заиконоспасской Славяно-греко-латинской академіи «Физики Аристотеля». Имъ удалось прочесть своимъ слушателямъ, однако, только двѣ первыя книги и 9 главъ третьей. Затѣмъ съ ихъ отстраненіемъ отъ академіи, преподаваніе физики прекратилось въ Р. надолго. Поэтому аристотелева наука осталась въ Р. неизвѣстною. Разсмотрѣніе дальнѣйшаго развитія физики въ Р. удобнѣе всего вести по университетамъ и

Библиотека "Руниверс"

другимъ центрамъ науки, между которыми первое мѣсто принадлежитъ:

Императорской академіи наукъ (съ 1725). Первымъ академикомъ по физикѣ приглашенъ былъ въ 1725 г., по рекомендаціи знаменитаго Вольфа, Христіанъ *Мартини*, начавшій свою карьеру въ академіи довольно неудачно заявленіемъ, о которомъ въ протоколѣ отъ 23 ноября 1725 г. сказано: «Martini viam ad perpetuum mobile a se inventum putavit»; уже въ 1726 г. онъ перешелъ на каѳедру логики и метафизики, но и тутъ оказался неспособнымъ и въ 1729 г. оставилъ Р. Замѣстителемъ его явился въ 1726 г. талантливый Георгъ *Бильфингеръ* (1693—1750), тоже ученикъ Вольфа, безпокойный человѣкъ, враждовавшій и съ Шумахеромъ (начальникъ академической канцеляріи) и съ братьями Бернулли и съ Эйлеромъ; уже въ 1731 г. онъ покинулъ академію, оставшись почетнымъ членомъ ея, и до конца жизни не прерывая съ ней сношеній. Въ «Commentarii academiae» напечатанъ рядъ работъ его о термометрахъ, барометрахъ, о капиллярности и т. д.; между ними двѣ статьи: «О причинѣ тяжести отъ движенія вихрей» и «О исправленіи барометровъ», помѣщенныя въ «Краткомъ описаніи комментаріевъ», представляютъ, вѣроятно, первыя оригинальныя работы по физикѣ, напечатанныя на русскомъ языкѣ. Съ 1730 по 1733 г. каѳедру физики занималъ знаменитѣйшій Леонгардъ *Эйлеръ* (1707—1783), впослѣдствіи академикъ по математикѣ, обогатившій въ 1769—1771 г. и физику тремя томами своей «Діоптрики». Во тоже время при академіи съ 1726 г. состоялъ механикъ и физикъ Іоганнъ *Лейтманъ* (1667 — 1736), одинъ изъ первыхъ русскихъ метрологовъ и дѣятелей по монетному дѣлу, оставившій рядъ статей по вопросу о конструкціи точныхъ вѣсовъ и по практической оптикѣ. Академическимъ механикомъ состоялъ приглашенный по рекомендаціи Эйлера Исаакъ *Брюнеръ*, насадившій въ Р. гранильное и шлифовальное мастерство, а послѣ него съ 1769 по 1801 г. знаменитый механикъ-самоучка Иванъ *Кулибинъ* (см). Съ 1733 г. каѳедру физики замѣстилъ Георгъ *Крафтъ* (1701—1754; см.), ученикъ Бильфингера, приглашенный по рекомендаціи своего учителя и занимавшій сначала доджность астронома-наблюдателя при Делилѣ. Крафтъ много потрудился по упорядоченію физическаго кабинета академіи, «такъ что корпусъ физическихъ инструментовъ вдругъ знатнѣйшимъ по всей Европѣ учинился» и былъ первый, который при академіи «полный курсъ экспериментовъ физическихъ имѣлъ». Крафтъ съ любовью, однако, занимался и астрологіей, и метеорологіей, ставилъ гороскопы, сочинялъ календари и предсказывалъ императрицѣ Аннѣ перемѣны въ погодѣ. Въ 1744 г. Крафтъ оставилъ академію, перешелъ въ тюбингенскій университетъ, и, не смотря на неоднократныя приглашенія, въ Р. не вернулся. Этотъ талантливый и плодовитый ученый оставилъ рядъ чисто научныхъ работъ (въ изданіяхъ академіи) по физикѣ, астрономіи, математикѣ и метеорологіи, и множество (109) популярныхъ статей по различнѣйшимъ вопросамъ физики и физической географіи (въ «Примѣчаніяхъ къ Спб. Вѣдомостямъ»); онъ же составилъ учебники по физикѣ и физической географіи, долго потомъ служившіе руководствомъ въ академической гимназіи. Къ тому же времени относятся работы по физикѣ проректора академической гимназіи Христлиба *Геллерта* (1713 — 1795), адъюнкта академіи съ 1736 по 1744 г., усердно занимавшагося подъ вліяніемъ Эйлера вопросами физики (главнымъ образомъ—капиллярности) и метеорологіи (данныя о колебаніи уровня Невы). Ученикъ Крафта, адъюнктъ Георгъ *Рихманъ* (см.; 1711—1753), былъ первымъ физикомъ-академикомъ, воспитаннымъ въ Р.; онъ у насъ извѣстенъ главнымъ образомъ своею трагическою смертью, послѣдовавшей отъ удара молніей при опытахъ надъ атмосфернымъ электричествомъ, но достойна памяти и дѣятельность его, какъ одного изъ основателей ученія о теплотѣ вообще и въ особенности ученія о калориметріи; въ этомъ отношеніи заслуги Рихмана не оцѣнены еще по достоинству. Академикомъ по химіи былъ съ 1741 по 1765 г. знаменитый Михаилъ Васильевичъ *Ломоносовъ* (см., 1711—1765), работы котораго по физикѣ, хотя и не создали ни ему, ни академіи извѣстности, все же изобличаютъ въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ рѣдкостно правильные по тому времени взгляды на науку. Эйлеръ высоко цѣнилъ научныя работы Ломоносова и писалъ президенту академіи графу Разумовскому: «Всѣ сіи диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо онъ пишетъ о матеріяхъ, которыя понынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я увѣренъ о справедливости его изъясненіи». Особенно интересна работа Ломоносова «Meditationes de caloris et frigoris causa» (1750), въ которой изложены основные гипотетическіе тезисы механической теоріи тепла такъ, что и въ настоящее время могутъ быть признаны въ общемъ вѣрными. Ломоносовъ изобрѣталъ и строилъ приборы, писалъ по многимъ вопросамъ физики (напр. по оптикѣ), но къ сожалѣнію многія работы его хранятся пока лишь въ видѣ манускриптовъ въ архивѣ академіи, и полной оцѣнки Ломоносова, какъ физика, еще нѣтъ; работу Н. А. Любимова («Ломоносовъ, какъ физикъ», М., 1855) нельзя признать исчерпывающей вопроса. Въ учебной литературѣ по физикѣ Ломоносовъ извѣстенъ, какъ переводчикъ «Вольфіановой физики». Академикъ по физикѣ Францъ *Эпинусъ* (1724—1802), въ 1757 г. приглашенный въ академію наукъ и въ общемъ гораздо менѣе талантливый, чѣмъ Ломоносовъ, былъ за то болѣе глубокимъ знатокомъ физики. Изъ всѣхъ его работъ (по механикѣ, оптикѣ и электричеству) наибольшею извѣстностью пользуется сочиненіе его «Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi» (1759), составившее эпоху въ ученіи объ электричествѣ. Въ немъ Эпинусъ отрѣшается отъ картезіанскихъ представленій объ «электрическихъ истеченіяхъ» и пытается построить математическое ученіе объ электричествѣ, исходя изъ дѣйствій электричества

Библиотека "Руниверс"

на разстояніи. Эпинусу мы обязаны также разсмотрѣніемъ вопроса о пироэлектричествѣ турмалина, теоріей конденсатора и электрофора. Эпинусъ ушелъ изъ академіи въ 1798 г. Почти одновременно съ Эпинусомъ призванъ былъ (1756) въ Р. и Іоганнъ *Цейгеръ* (1720—1784) на каѳедру механики. Этотъ ученый далъ нѣсколько цѣнныхъ работъ по оптикѣ, особенно по вопросу о свѣторазсѣяніи стеколъ; онъ первый указалъ, что прибавленіе свинца къ стеклу повышаетъ дисперсію, а прибавленіе щелочныхъ земель уменьшаетъ коэффиціентъ преломленія. Два другихъ профессора физики—Іоганнъ *Эйлеръ* (1734—1800), сынъ знаменитаго Л. Эйлера, вернувшійся вмѣстѣ съ отцомъ въ 1766 г. въ СПб., и Вольфгангъ *Крафтъ* (1743—1814), сынъ Георга Крафта, мало способствовали успѣхамъ физики: Эйлеръ почти всѣ свои работы посвящалъ астрономіи и навигаціи, Крафтъ—физической географіи; работы послѣдняго по изслѣдованію земного магнитизма въ Р. достойны упоминанія. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ запискахъ академіи (1793) помѣщенъ также трудъ *Севергина* о фосфоричныхъ камняхъ. Съ 1802 по 1807 г. состоялъ членомъ-корреспондентомъ, а въ 1807 г. вступилъ въ академію Василій Владиміровичъ *Петровъ* (1761—1834; см.), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ физиковъ; уже первыя сочиненія его «Собраніе физико-химическихъ новыхъ опытовъ» (1801) и «Извѣстіе о гальванивольтовыхъ опытахъ» (1803) изобличаютъ въ Петровѣ искуснѣйшаго экспериментатора и остроумнаго наблюдателя. Эти сочиненія Петрова, также какъ и позднѣйшія его работы, лишь въ послѣднее время получили надлежащую оцѣнку; подробнѣе см. Петровъ В. В. (XXIII, 460). Подъ редакціей Петрова вышелъ также переводъ сочиненія «Начальныя основанія физики» Шрадера, которымъ до 30-хъ годовъ пользовались въ качествѣ учебника. Въ 1826 г. въ академію приглашенъ былъ Георгъ-Фридрихъ *Парротъ* (1767—1852; см.), уже извѣстный въ то время профессоръ и ректоръ дерптскаго университета, работы котораго по осмосу и роли его въ жизни органической весьма замѣчательны. Парротъ былъ ярымъ поборникомъ химической теоріи Вольтовыхъ явленій и защитѣ ея, довольно, впрочемъ, неудачной, посвятилъ множество статей. Изъ лабораторіи Паррота въ Дерптѣ вышло много достойныхъ учениковъ, изъ которыхъ двое, Э. Х. *Ленцъ* (см.) и А. Я. *Купферъ* (1828), призванные въ академію, не мало способствовали развитію физики въ Р. Э. Х. *Ленцъ* (1804—65), извѣстный уже своими работами по физической географіи, совершенными во время участія его въ кругосвѣтной экспедиціи Коцебу (1823—26), въ 1828 г. былъ назначенъ адъюнктомъ, въ 1834—академикомъ. Работы его по электромагнитизму, сдѣлавшіяся классическими, упрочили ему славное въ наукѣ имя. Онъ первый далъ (1834) общій законъ сложныхъ явленій индукціи, открытыхъ Фарадеемъ, законъ, который, какъ оказалось позже (1847 г., Гельмгольцъ) есть прямое слѣдствіе принципа сохраненія энергіи, онъ же далъ первый (1835) точное количественное изслѣдованіе индукціонныхъ перемѣнныхъ токовъ и магнитной индукціи въ электромагнитахъ (совмѣстно съ Якоби). Онъ, наконецъ, высказалъ (одновременно съ Джоулемъ, въ Англіи) въ 1844 г. «законъ Джоуля-Ленца», дающій количественную связь между тепловой энергіей и энергіей электрическаго тока. А. Я. *Купферъ* (1799—1865), бывшій раньше проф. казанскаго унив., въ 1828 г. назначенъ былъ академикомъ, раньше по минералогіи, а съ 1840 г. по физикѣ. Купферъ извѣстенъ своими цѣнными работами по русской метрологіи, легшими въ основаніе для установленія въ 1835 г. нормальныхъ русскихъ мѣръ. Дальнѣйшія работы Купфера касались, главнымъ образомъ, кристаллографіи и метеорологіи; онъ былъ основатель и первый директоръ спб. главной физической обсерваторіи. Современникомъ этихъ двухъ ученыхъ былъ извѣстный академикъ Б. Г. *Якоби* (1801—75), раньше проф. инженернаго дѣла въ Дерптѣ: извѣстенъ ра-ботами по электромагнитизму (совмѣстно съ Э. Х. Ленцемъ) и открытіемъ гальванопластики въ 1837 г.; въ 1838 г. примѣнилъ построенный имъ еще въ 1834 г. электродвигатель къ движенію лодки по Невѣ. Онъ первый (1846) предлагаетъ единицу электрическаго сопротивленія (единица Якоби), которая, впрочемъ, не удержалась по своей произвольности.

Московскій университетъ. Первымъ лекторомъ физики былъ аббатъ Франкози. Въ 1758 г. физика перешла уже къ І. Х. *Керштенсу* (Kerstens) доктору медицины, изъ Лейпцига. Керштенсъ, читалъ физику экспериментальную и теоретическую «для предуготовленія тѣхъ, кои медицинѣ обучаться желаютъ». Онъ былъ талантливый и наблюдательный ученый, но чтеніе физики было лишь случайнымъ его занятіемъ. Въ 1759 г. чтеніе физики перешло къ И. Ю. *Росту* (1726—91; см.), бывшему раньше лекторомъ англійскаго языка, но въ 1758 г. перешедшему на математику. Онъ читалъ экспериментальную физику на латинскомъ языкѣ, показывалъ и опыты, для чего имѣлъ «приспѣшниковъ» француза Дюмулена, а затѣмъ итальянца Маджи (XXVII, 142). Читалъ оптику (1759) и физику (1761) также и Д. *Савичъ*, философіи и свободныхъ наукъ магистръ, который переведенъ былъ вскорѣ въ Казань. По смерти Роста чтеніе опытной физики, «почитавшейся тогда не важной», поручено было П. И. *Страхову* (1757—1813), воспитаннику московскаго университета, ученику Роста. Въ 1785 г. Страховъ посланъ осматривать европейскіе университеты; вернувшись въ Россію, назначенъ былъ инспекторомъ университетск. гимназіи и по представленіи разсужденія, «О движеніи тѣлъ вообще и въ особенности звѣздъ небесныхъ», назначенъ проф. физики. Въ 1791 г. Страховъ прочелъ первую пробную лекцію на русскомъ яз.: «О свойствахъ и химическомъ сложеніи атмосфернаго воздуха». Въ томъ же году устроено было особое отдѣленіе для физическаго кабинета, весьма бѣднаго въ то время. Страховъ читалъ по Бриссону, который и перевелъ на русскій языкъ (1803 г.), а въ 1810 г. издалъ свое «Краткое начертаніе физики». Работалъ надъ испареніемъ ртути при обыкновенной температурѣ,

Библиотека "Руниверс"

надъ явленіями при замерзаніи жидкостей, надъ атмосфернымъ электричествомъ. Повидимому, всѣ эти труды и многіе другіе, а также рѣдкія коллекціи, собранныя Страховымъ, погибли во время пожара Москвы. У него доучивались Стойковичъ (проф. въ Харьковѣ), знаменитый филантропъ врачъ Гаазъ и др. Страховъ умеръ въ 1813 г. Съ 1813 г. до 1827 г. преподавалъ физику И. А. *Двигубскій* (1771—1839; см.), ученикъ харьковскаго коллегіума и московскаго унив., съ 1798 г. читавшій естественную исторію. Двигубскій оставилъ много цѣнныхъ работъ по естествознанію; по физикѣ онъ составилъ «Списокъ физическихъ инструментовъ Имп. моск. унив.» (1821), долго служившій руководствомъ въ унив., и «Физику для благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона» (1808), долго служившую руководствомъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1820 по 1829 г. издавалъ «Новый магазинъ естественной исторіи, физики и химіи». Проф. химіи Ф. *Рейсъ* (см.) сдѣлалъ интересныя работы по физикѣ (по гальванизму и электролизу), еще не получившія надлежащей оцѣнки. Рейссъ первый, между прочимъ, замѣтилъ движеніе жидкости между электродами въ электролитѣ («водогонную силу»), такъ наз. электрическій эндосмозъ, изслѣдованный впослѣдствіи Видеманномъ и Квинке. Физику читали послѣ Двигубскаго: Д. М. *Перевощиковъ* (1788—1880; см.), извѣстный проф. астрономіи и впослѣдствіи членъ академіи наукъ, издалъ «Руководство къ опытной физикѣ» (1833), затѣмъ проф. физики, минералогіи и сельскаго хозяйства М. Г. *Павловъ* (XXII, 569), извѣстный дѣятель по сельскому хозяйству, котораго «Основанія физики» (1825 и 2-е изд., 1836) проникнуты духомъ шеллинговой натуръ-философіи (XXII, 569) и, наконецъ, И. С. *Веселовскій*, воспитанникъ московскаго университета, назначенный въ 1835 г. ордин. проф. по физикѣ (извѣстны лишь 2 статьи: «Объ электричествѣ», въ «Магазинѣ» Двигубскаго). Въ то же время въ 1834 г. появилась работа московскаго минералога Рудольфа *Германа*, въ которой впервые упоминается принципъ ледянаго калориметра, вновь предложенный впослѣдствіи Гершелемъ (1847) и Бунзеномъ. Съ 1838 года адъюнктомъ по физикѣ и физической географіи назначенъ былъ М. Ѳ. *Спасскій*, воспитанникъ главнаго педагогическаго института въ СПб. и ученикъ Купфера, въ работахъ котораго по метеорологіи и земному магнитизму принималъ дѣятельное участіе, и труды котораго переводилъ на русскій языкъ. Въ 1838 г., будучи за границей, напечаталъ въ «Анналахъ» Поггендорфа работу «О Николевой призмѣ». Читалъ, по собственнымъ запискамъ; работы его касались исключительно метеорологіи, однимъ изъ піонеровъ которой въ Р. Спасскій несомнѣнно долженъ быть признанъ. Въ 1854 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ физики назначенъ Н. А. *Любимовъ* (1830 — 1898), воспитанникъ московскаго университета, авторъ извѣстной «Начальной физики» (1876), работъ по различнымъ вопросамъ физики (теорія оптическихъ инструментовъ) и цѣнныхъ работъ по исторіи физики; подр. см. XVIII, 209. Въ 1866 г. физику началъ читать извѣстный нашъ ученый А. Г. *Столѣтовъ* (1839—69; см.), вокругъ котораго скоро сгруппировалась цѣлая школа молодыхъ ученыхъ - физиковъ. Неутомимо энергичный, глубоко образованный и съ любовью преданный своей наукѣ, Столѣтовъ высоко поднялъ преподаваніе физики въ московскомъ унив., физическая лабораторія котораго, благодаря ему, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ была центромъ русской физики и разсадникомъ молодыхъ научныхъ силъ. Имена учениковъ его Р. А. *Колли* (Москва и Казань), Н. Н. *Шиллера* (Кіевъ), П. А. *Зилова* (Москва и Варшава), А. П. *Соколова* (Москва), *Щегляева* (Москва), Б. В. *Станкевича* (Варшава), Д. А. *Гольдгаммера* (Казань), В. А. *Михельсона* (Москва) и др. достаточно указываютъ, какъ высоко поставлено было А. Г. Столѣтовымъ преподаваніе физики въ московскомъ университетѣ. Московскій университетъ достраиваетъ въ настоящее время новое зданіе физической лабораторіи.

Дерптскій (нынѣ *юрьевскій*) университетъ основанъ въ 1802 г. Первымъ ректоромъ и профессоромъ физики въ немъ былъ извѣстный Георгъ-Фридрихъ *Парротъ* (1767—1852), воспитанникъ штутгартской академіи, впослѣдствіи членъ спб. акад. наукъ, извѣстный своими работами надъ осмозомъ и надъ теоріей Вольтовыхъ явленій. Парротъ (XX, 879), кромѣ цѣлаго ряда научныхъ работъ, оставилъ нѣсколько болѣе крупныхъ сочиненій, именно: «Uebersicht des Systems der theoretischen Physik» (2 т., 1809—11), «Grundriss der Physik d. Erde» (1815) и «Entretiens sur la Physique» (6 т., 1819 — 24). Изъ учениковъ Г. Ф. Паррота получили большую извѣстность Э. Х. Ленцъ и Купферъ. Послѣ переѣзда Паррота въ 1826 г. въ СПб., каѳедру его занялъ сынъ его, Іоганнъ-Фридрихъ *Парротъ* (1791 — 1841), воспитанникъ дерптскаго унив., проф. физіологіи съ 1821 г., извѣстный уже въ то время своими научными путешествіями. Работы І. Ф. Паррота (XX, 880) относятся главнымъ образомъ къ физической географіи, медицинѣ и ботаникѣ. Послѣ І. Ф. Паррота назначенъ былъ въ 1844 г. извѣстный иностранный метеорологъ Людвигъ-Фридрихъ *Кемцъ* (Kämtz, 1801 — 1867), впослѣдствіи академикъ спб. академіи наукъ и директоръ главной физической обсерваторіи (XIV, 926). Каѳедру прикладной математики во времена Кемца занималъ *Зенфъ*, читавшій также и отдѣльныя части физики (оптику) и работавшій надъ теоріей зрѣнія и теоріей двойного лучепреломленія. Въ то же время въ Дерптѣ производилъ свои первыя работы по электромагнитизму и его приложеніямъ проф. по каѳедрѣ архитектуры (съ 1835 г.), извѣстный впослѣдствіи Мориць *Якоби* (1801—1875). Ученикомъ Кемца и замѣстителемъ его (въ 1866 г.) былъ Артуръ *фонъ-Эттингенъ* (v. Oettingen), учившійся въ Дерптѣ, Парижѣ и Берлинѣ и извѣстный къ тому времени своими диссертаціями: «Der Rükstand der Leidener Batterie» (1862) и «Ueber das Laden der Leidener Batterie durch Induction» (1862). Позднѣйшія работы фонъ-Эттингена касались вопросовъ термометріи, термодина-

Библиотека "Руниверс"

мики, колебательнаго разряда и музыкальной акустики («Das Harmoniesystem in dualer Entwicklung», 1866). Въ 1866 г. фонъ-Эттингенъ основалъ въ Дерптѣ метеорологическую обсерваторію, перешедшую въ 1869 г. къ университету. Фонъ-Эттингенъ въ настоящее время состоитъ проф. университета въ Лейпцигѣ. Каѳедру его занялъ бывшій приватъ-доцентъ московскаго унив. кн. Б. Б. *Голицынъ* (нынѣ академикъ), а послѣ него А. И. *Садовскій*, изъ спб. университета.

Военно-медицинская (раньше медико-хирургическая) *академія* въ СПб. преобразована была въ 1799 г. изъ медико-хирургическихъ училищъ въ СПб. и Кронштадтѣ и первымъ проф. математики и физики при ней былъ извѣстный В. В. *Петровъ* (1761—1834), воспитанникъ харьковскаго коллегіума и спб. учительской семинаріи. Физическій кабинетъ въ академіи былъ для того времени превосходный; часть приборовъ его отобрана была изъ Либеркюнова (XVII, 638) кабинета, существовавшаго при медицинской коллегіи, затѣмъ въ 1796 — 97 г. выписано было изъ Лондона приборовъ болѣе, чѣмъ на 6000 руб., а въ 1802 и 1804 гг. были сдѣланы еще пріобрѣтенія. Въ 1801 г. Петровъ (XXIII, 460) устроилъ Вольтовъ столбъ изъ 4000 паръ пластинокъ и съ нимъ произведены были опыты, описанные въ его замѣчательномъ сочиненіи: «Извѣстіе о гальвани-вольтовскихъ опытахъ» (СПб., 1803). Петровъ мечталъ образцово поставить преподаваніе физики въ академіи; въ 1802 г. онъ проситъ устроить особый театръ (аудиторію) для физики, темную комнату для оптическихъ работъ и т. д.; во всемъ этомъ ему отказали, а спеціальный «театръ» для физики былъ выстроенъ только въ 1809 г. Петровъ читалъ математику по Вольфу, физику по собственному рукописному сочиненію и по Майеру («Опытная физика», СПб., 1809; перев. подъ ред. ученаго секретаря академіи Я. К. Кайданова). Во времена Петрова физіологію читалъ небезызвѣстный Д. М. *Велланскій* (1774—1847), котораго «Физика опытная, наблюдательная и умозрительная» (СПб., 1834) представляетъ рѣдкій образецъ отвлеченнѣйшей и безплоднѣйшей натуръ-философіи (V, 851). По выходѣ Петрова въ отставку, въ 1833 г. каѳедру физики, соединенной съ химіей, занялъ проф. химіи С. Я. *Нечаевъ*, читавшій физику по Мейеру и Бедану; начала физики читалъ при немъ также и А. А. *Измайловъ*. Когда въ 1847 г. Н. Н. Зининъ занялъ каѳедру химіи, чтеніе всего курса физики перешло къ Измайлову, а въ 1864 г., по выходѣ Измайлова въ отставку, каѳедра поручена была дѣятельному П. А. *Хлѣбникову* (см.), много способствовавшему расширенію и упорядоченію физическаго кабинета академіи. Послѣ Хлѣбникова, вышедшаго въ отставку въ 1872 г., чтеніе лекцій перешло къ С. И. *Ламанскому* (до 1874 г.) и *Усову* (до 1879 г.). Послѣ преобразованія академіи каѳедра физики въ 1884 г. поручена была Н. Г. *Егорову* (см.), питомцу спб. университета, бывшему проф. варшавскаго унив., извѣстному своими работами по оптикѣ (спектральному анализу).

Казанскій университетъ (см.), основанный въ 1804 г., до 1814 г. представлялъ собою лишь отдѣленіе казанской гимназіи, научную дѣятельность же началъ съ начала двадцатыхъ годовъ. Въ 1823 г. на каѳедру физики приглашенъ былъ А. Я. *Купферъ* (1799 — 1865), закупившій приборовъ для физическаго кабинета на сумму около 5000 руб. Въ тоже время вызванъ былъ изъ-за границы искусный механикъ *Ней*, ученикъ Рейхенбаха и Эртеля, основавшій при университетѣ первоклассную, для тѣхъ временъ, механическую мастерскую. Въ 1824 г. Купферъ началъ чтеніе лекцій, но уже въ 1828 г. былъ вызванъ въ СПб., въ качествѣ академика. На мѣсто его приглашенъ былъ изъ Германіи Э. *Кнорръ* (род. въ 1805 г.), состоявшій до приглашенія въ Р. учителемъ въ Jochimstahler Gymnasium въ Берлинѣ. Во время пребыванія Кнорра въ Казани преподаваніе физики и физическій кабинетъ быстро расцвѣли. Съ 1836 по 1840 г. Кнорру удалось выхлопотать для пополненія кабинета сумму свыше 10 тыс. руб.—для того времени деньги огромныя. Подвѣдомственная ему механическая мастерская расширилась и изъ рукъ приглашеннаго туда оптика *Эренберга* (ученика Гиргенсона, затѣмъ Леребура и Секретана) начали выходить даже отличныя оптическія трубы и микроскопы (по свидѣтельству Савельева). Физическій кабинетъ, переведенный въ 1838 г. въ спеціальное зданіе, по свидѣтельству Кнорра, «уступалъ только кабинетамъ парижскому въ Collège de France и кабинету вѣнскаго унив.». По описанію, данному въ 1849 г. А. Савельевымъ, кабинетъ и аудиторія были для того времени обставлены въ высшей степени хорошо и раціонально. На метеорологической и магнитной обсерваторіи производились непрерывныя наблюденія, при чемъ примѣнялся термометрографъ Кнорра, по всей вѣроятности, одинъ изъ первыхъ самозаписывающихъ метеорологическихъ инструментовъ. Научныя работы Кнорра (по метеорологіи и физикѣ) изобличаютъ въ немъ серьезнаго ученаго и внимательнаго наблюдателя. Въ 1846 г. Кнорръ переведенъ былъ въ университетъ св. Владиміра и каѳедру его занялъ А. С. *Савельевъ* (1820—60; см.), воспитанникъ спб. унив., ученикъ и помощникъ Ленца, заявившій себя къ тому времени уже нѣсколькими работами, произведенными имъ отдѣльно и частью совмѣстно съ Ленцомъ, надъ поляризаціей электродовъ, диссертаціей «О явленіяхъ поляризаціи въ гальванической цѣпи». Въ Казани Савельевъ написалъ сочиненіе «О гальванической проводимости жидкостей» (1853), удостоенное академіей Демидовской преміи. Савельеву мы обязаны также магнитными наблюденіями на берегахъ Бѣлаго моря (1841) и между Казанью и Астраханью (1850). Въ 1857 г. Савельевъ вернулся въ СПб., гдѣ преподавалъ физику въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и мѣсто его занялъ І. А. *Больцани* (1818 — 76, см.), математикъ по призванію, лишь обстоятельствами принужденный занять каѳедру физики (IV, 329). Всѣ его работы относились къ частой математикѣ, докторская диссертація его по физикѣ—«Объ электролизѣ солей» —

Библиотека "Руниверс"

защищенная въ СПб., осталась не напечатанной. Больцани скончался въ 1876 г. и каѳедру занялъ Роб. Андр. *Колли* (1845 — 91), воспитанникъ московскаго университета, уже извѣстный въ наукѣ интереснымъ изслѣдованіемъ по вопросу объ одномъ случаѣ работы тока при электролизѣ. Въ Казани написано было имъ экспериментальное изслѣдованіе «О поляризаціи въ электролитахъ» (1878). Въ 1886 г. перешелъ въ Москву, въ Петровскій земледѣльческій институтъ. Дальнѣйшія весьма цѣнныя работы Колли касались изслѣдованія электрическихъ колебаній (XV, 704). Въ Казани Колли впервые правильно поставилъ практическія работы студентовъ, по образцу постановки этихъ работъ въ германскихъ университетахъ. Съ 1882 г. доцентомъ по физикѣ состоялъ въ Казани Ѳ. *Домакіонъ*, воспитанникъ новороссійскаго университета, защитившій тамъ въ 1880 г. диссертацію на степень магистра «Объ электропроводности газовъ». Въ 1886 году каѳедру физики занялъ Н. П. *Слугиновъ* (1854—97; см.), воспитанникъ с.-петербургскаго университета, магистерская и докторская диссертаціи котораго («Теорія электролиза», 1881, и «Объ электролитическомъ свѣченіи», 1884) изобличаютъ въ немъ талантливаго ученаго и искуснаго экспериментатора. Послѣ Слугинова (1897) каѳедру физики занялъ Д. А. *Гольдгаммеръ* (см.), работающій по электромагнитной теоріи свѣта.

Каѳедру физики въ *харьковскомъ университетѣ*, основанномъ въ 1810 г., занялъ А. И. *Стойковичъ*, славянинъ изъ Австріи, учившійся въ Австріи и Германіи. Стойковичъ обладалъ огромнымъ энциклопедическимъ образованіемъ, но въ наукѣ былъ скорѣе искуснымъ компиляторомъ, чѣмъ самостоятельнымъ ученымъ. Физическій кабинетъ былъ обставленъ, довольно прилично. Въ него вошла коллекція, пріобрѣтенная отъ профессора прикладной математики И. И. *Гута*, извѣстнаго астронома, занимавшагося и физикой и въ 1808 г. перешедшаго изъ франкфуртскаго университета въ Харьковъ. Стойковичъ читалъ по своимъ сочиненіямъ: «Умозрительная и опытная физика» (2 т., 1809) и «Система физики» (2 т., 1813). Въ 1813 г. каѳедру занялъ В. С. *Комлишинскій* (см.), ученикъ Стойковича, докторъ физики съ 1813 г., по защитѣ диссертаціи «De polarisatione radiorum luminis». Съ 1839 г. В. И. *Лапшинъ* (1809—88; см.), воспитанникъ спб. унив., ученикъ Щеглова, доучивавшійся затѣмъ въ Дерптѣ (гдѣ защитилъ диссертацію «Conspectus theoriae reflexionis et refractionis simplicis atque duplicis», 1832), Берлинѣ и Парижѣ. Большинство научныхъ работъ Лапшина касалось физической географіи; изъ работъ по физикѣ стоитъ упомянуть лишь «Опытъ математическаго изложенія физики» (Хар., 1840). Въ 1863 г. вышелъ въ отставку, но съ 1865 г. занялъ каѳедру физики во вновь открытомъ новороссійскомъ унив. Каѳедру физики съ 1865 г. занялъ доцентъ *А. П. Шимковъ* (см.), воспитанникъ харьковскаго унив., защитившій въ 1864 г. диссертацію «О сжимаемости газовъ». Шимковъ оставилъ каѳедру только недавно. Кромѣ научныхъ работъ, Шимковъ извѣстенъ своимъ университетскимъ «Курсомъ физики» (3 т., 1881), выдержавшимъ уже два изданія.

С.-Петербургскій университетъ былъ образованъ въ 1819 г. изъ главнаго педагогическаго института и каѳедру физики и химіи въ немъ занялъ М. Ѳ. *Соловьевъ*, питомецъ педагогическаго института, читавшій физику до 1826 г. Читалъ физику и Н. П. *Щегловъ* (1789—1831), питомецъ педагогич. института, усерднѣйшій распространитель знаній по физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ. Щегловъ былъ тогда «самою блестящею личностью въ физико-математическомъ факультетѣ» и дѣятельно слѣдилъ за развитіемъ науки. Съ 1822 по 1830 г. напечаталъ 14 работъ (изъ нихъ 3 по энтомологіи и ботаникѣ), между которыми два курса: «Основанія частной физики» (1823) и «Основанія общей физики» (1824), изданные потомъ въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ «Руководство къ физикѣ» (1829 — 1830) и долго служившіе у насъ основнымъ руководствомъ для изученія физики. Съ 1824 г. до самой смерти Щегловъ издавалъ «Указатель открытій по физикѣ, химіи, естественной исторіи и технологіи», наполняя его почти исключительно своими переводами. Физическій кабинетъ при немъ обладалъ лишь небольшой коллекціей приборовъ для лекціонныхъ опытовъ; не смотря на просьбы Щеглова объ основательномъ улучшеніи кабинета, на содержаніе его въ теченіе 5 лѣтъ (1820—24) отпущено было всего 400 р. Только въ 1832 г. кабинетъ пополнился приборами, принадлежавшими закрытому къ тому времени варшавскому университету. Изъ учениковъ Щеглова слѣдуетъ упомянуть о В. И. *Лапшинѣ* (вып. 1823 г.), впослѣдствіи проф. физики въ Харьковѣ, бывшемъ однимъ изъ первыхъ шести посланныхъ въ 1827 г. доучиваться въ Дерптъ, Берлинъ и Парижъ и образовавшихъ въ Дерптѣ такъ назыв. «профессорскій институтъ». По смерти Щеглова со второй половины 1831 г. до 1840 г. читалъ физику, по Пекле, назначенный съ 1828 г. адъюнктомъ Н. Т. *Щегловъ*, а въ 1835 г. на каѳедру физики приглашенъ былъ уже тогда извѣстный ученый (академикъ) Эм. Хр. *Ленцъ* (XVII, стр. 138); курсы раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: Щегловъ читалъ «Физику невѣсомыхъ тѣлъ съ теоріею теплорода и электричества», по Пекле, а Ленцъ читалъ теорію электричества по запискамъ и теорію свѣта по Гершелю. Но, по выбытіи Щеглова, Ленцъ долгое время читалъ всѣ части физики и физической географіи одинъ, и только за два года до смерти часть преподаванія была поручена Ѳ. Ѳ. Петрушевскому. Какъ лекторъ, проф. Ленцъ отличался строгимъ и систематическимъ изложеніемъ; лекціи его всегда иллюстрировались опытами. Любимою областью его было ученіе объ электрическомъ токѣ и электромагнетизмѣ; можно полагать, что подъ его могучимъ вліяніемъ ученіе объ электричествѣ и магнитизмѣ и получило то господствующее значеніе въ физической лабораторіи спб. унив., какое сохраняется чрезъ его преемниковъ и до сихъ поръ. Общую физику Ленцъ читалъ по своему

Библиотека "Руниверс"

«Руководству къ физикѣ» (1839), физическую географію по Баумгартнеру и Кемцу. Ленцъ написалъ «Руководство физики» (1855) и «Руководство физической географіи» (1851), долго служившія учебниками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На физическій кабинетъ по уставу 1835 г. положено было 2000 р.; въ концѣ 1851 г. цѣнность кабинета достигала свыше 19000 р. Стараніями Ленца кабинетъ приведенъ былъ въ хорошее состояніе, но практическія занятія студентовъ не производились. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ открытъ былъ доступъ въ физическій кабинетъ академіи. Въ 1864 г. Э. Х. Ленцъ скончался; преемникомъ ему по каѳедрѣ физики явился бывшій его слушатель и помощникъ его Ѳ. Ѳ. *Петрушевскій* (см.), состоящій до настоящаго времени проф. физики спб. унив. Работы его относятся главнѣйше къ магнитизму. Улучшилъ физическій кабинетъ и въ 1865 г. положилъ начало практическимъ занятіямъ студентовъ въ кабинетѣ. При немъ кабинетъ былъ перенесенъ въ новое, лучшее помѣщеніе. Изъ его слушателей нѣкоторые давно состоятъ профессорами физики въ петербургскомъ же унив. Физическую географію съ 1870 по 1880 г. читалъ Р. Э. *Ленцъ*, сынъ и ученикъ Э. Х. Ленца. Работы Р. Э. Ленца относятся какъ къ физической географіи, такъ и къ ученію объ электрическомъ токѣ (см. XVII, 539). Въ 60-хъ годахъ началась также научная дѣятельность М. Ѳ. *Окатова* (XXI, 795), проф. механики спб. унив., давшаго нѣсколько работъ по теоріи упругости и термодинамикѣ (XXI, 795); П. П. *Фанъ-деръ-Флитъ*, авторъ сочиненій: «Опытъ объясненія нѣкоторыхъ внутреннихъ явленій гидроэлектрической цѣпи», «Опытъ объясненія внѣшнихъ явленій электрическаго тока», написалъ «Основанія механики» и «Введеніе въ механику»; читаетъ физику съ 1872 года. И. И. *Боргманъ* (его ученыя работы см. IV, 388) читаетъ съ 1877 г. Его научныя работы по вопросамъ электричества и магнитизма повліяли на дальнѣйшее направленіе дѣятельности по физикѣ его учениковъ, уже выступающихъ на научномъ поприщѣ. Привелъ въ систему и расширилъ практическія работы по физикѣ. Его «Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ» (2 т., 1893 — 95, готовится 2 изд.) являются пока единственнымъ на русскомъ языкѣ полнымъ и современнымъ изложеніемъ ученія объ электричествѣ и магнитизмѣ. О. Д. *Хвольсонъ* написалъ «О механизмѣ магнитной индукціи въ стали», «О магнитныхъ успокоителяхъ» (его актинометры и др. работы см. въ его біографіи), читаетъ различныя части физики уже съ 1876 г. Написалъ весьма полный и объемистый курсъ (4 т.) наиболѣе совершенное современное руководство по физикѣ. Изъ бывшихъ слушателей Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, Д. К. *Бобылевъ*, проф. механики въ спб. унив., читалъ прежде по математической физикѣ и написалъ нѣсколько работъ по этому предмету (IV, 138). Н. А. *Гезехусъ* работаетъ по частичной физикѣ и акустикѣ (VIII, 237) и, такимъ образомъ, не принадлежитъ къ господствующему у насъ направленію, какъ и Н. Г. *Егоровъ* — спеціалистъ по спектральному анализу (см. Военно-мед. академія и XI, 545). Въ настоящее время заканчивается постройкой новый великолѣпный физическій институтъ при спб. унив.

Университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ открытъ былъ въ 1834 г. Первый преподавательскій персоналъ взятъ былъ, главнымъ образомъ, изъ профессоровъ бывшаго кременецкаго лицея, коллекціи же и учебныя пособія переведены были отчасти изъ закрытаго въ 1832 г. виленскаго университета. Первымъ физикомъ былъ бывшій кременецкій преподаватель Иги. Карл. *Абламовичъ* (1787—1848), магистръ виленскаго университета. По словамъ исторіографа кіевскаго унив. Шульгина, Абламовичъ былъ «наиболѣе даровитый, но и наименѣе полезный изъ всѣхъ профессоровъ кременецкаго состава». Работалъ онъ мало, писалъ еще меньше; преподавалъ по Пулье и Бедану. Физическій кабинетъ (изъ кременецкаго лицея) былъ въ жалкомъ состояніи и за все время Абламовича не пополнялся. Въ 1837 г. преподавателемъ физики назначенъ былъ В. П. *Чеховичъ* (1804 — 1862), бывшій профессоръ физики въ кіевской духовной семинаріи. Всѣ старанія Чеховича и совѣта университета объ увеличеніи средствъ кабинета, объ учрежденіи должностей механика и лаборанта не увѣнчались успѣхомъ; Чеховичъ читалъ физику по сочиненію Щеглова: «Начальныя основанія физики», а физическую географію по Мальтъ-Брюну. Преподаваніе его, повидимому, дальше гимназическаго курса не шло; работъ по физикѣ у него нѣтъ, метеорологическія же наблюденія его (1842—53) научной цѣнности, по неточности, не имѣютъ. Въ 1845 г. на мѣсто Чеховича переведенъ былъ изъ Казани *Кнорръ*, преподававшій на русскомъ языкѣ физику и физическую географію, руководствуясь сочиненіями Біо, Пулье, Беккереля и Кемца. При Кноррѣ дѣла физическаго кабинета и само преподаваніе пошли лучше, построена была метеорологическая обсерваторія и начались въ ней правильныя наблюденія. Въ 1858 г. назначенъ М. И. *Талызинъ*, воспитанникъ спб. университета, авторъ диссертаціи «О приливахъ и отливахъ». Немногочисленныя научныя работы Талызина касались главнымъ образомъ физич. географіи и механики; при немъ пополнялся физическій кабинетъ и продолжались метеорологическія наблюденія, заведенныя Кнорромъ. Замѣстителемъ его явился въ 1815 г. извѣстный М. П. *Авенаріусъ* (1835 — 1895), воспитанникъ с.-петербургскаго университета, учившійся затѣмъ у Магнуса въ Берлинѣ и Кирхгоффа въ Гейдельбергѣ. Выдающіяся работы этого ученаго по вопросамъ термоэлектричества и главн. образомъ теоріи жидкостей и критической температуры дали ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Ему университетъ св. Владиміра обязанъ прекрасной постановкой физической лабораторіи, изъ которой вышло много цѣнныхъ работъ учениковъ Авенаріуса (Зайончевскій, Жукъ, Надеждинъ, Страусъ) по вопросамъ, касающимся критической температуры. Съ 1874 г. теоретическую физику началъ читать Н. Н. *Шиллеръ* (см.), по настоящее время состоящій профессоромъ

Библиотека "Руниверс"

университета св. Владиміра. Ему физика обязана многими прекрасными работами по вопросамъ объ электрическихъ колебаніяхъ, по термодинамикѣ; въ послѣднее время появились цѣнныя критико-философскія работы Шиллера, посвященныя разсмотрѣнію основныхъ понятій физики.

Новороссійскій (одесскій) университетъ, преобразованный изъ Ришельевскаго лицея и открытый въ 1865 г., пригласилъ на каѳедру физики В. И. *Лапшина* (1809—88, см.), бывшаго проф. харьковскаго унив. (см.), который читалъ до 1870 г., занимаясь въ то же время, главнымъ образомъ, вопросами физической географіи. Съ 1868 г. доцентомъ по физикѣ назначенъ былъ Ѳ. Н. *Шведовъ* (см.) питомецъ петербургскаго унив., приглашенный, послѣ ухода Лапшина, на каѳедру физики, которую занимаетъ до настоящаго времени; изъ числа его работъ (см. его біографію) слѣдуетъ упомянуть объ его космологическихъ изслѣдованіяхъ и работахъ по электричеству. Съ 1871 г. теоретическую физику читалъ Н. А. *Умовъ* (см.), теперь проф. московскаго университета. Въ настоящее время (1899) окончено постройкой новое зданіе физической лабораторіи новороссійскаго университета.

Въ *варшавскомъ университетѣ*, преобразованномъ въ 1869 г. изъ «Главной Школы», первымъ лекторомъ физики былъ Д. *Булыгинскій*, магистръ физики московскаго университета по защитѣ диссертаціи «Изслѣдованіе о капиллярности нѣкоторыхъ соляныхъ растворовъ» (1870). Въ 1875 г. мѣсто его занялъ С. И. *Ламанскій* (см.), нѣкоторые же отдѣлы математической физики началъ читать Н. Я. *Сонинъ* (теперь академикъ). Въ 1878 г. на каѳедру физики приглашенъ былъ Н. Г. *Егоровъ* (см.), а съ 1881 г. доцентомъ назначенъ былъ А. П. *Соколовъ*, воспитанникъ московскаго университета, въ настоящее время проф. въ Москвѣ, извѣстный своими работами по теоріи электролиза. Въ 1884 г. Егоровъ приглашенъ былъ въ СПб. въ военно-медицинскую академію и каѳедру занялъ П. А. *Зиловъ*, ученикъ Столѣтова, состоящій и понынѣ проф. варшавскаго университета и извѣстный работами по магнитизму и электричеству (опредѣленіе діэлектрическихъ постоянныхъ). Доцентомъ въ 1883 г. назначенъ былъ Б. В. *Станкевичъ*, тоже ученикъ Столѣтова, работы котораго относятся главнымъ образомъ къ кинетической теоріи газовъ.

При петербургскомъ унив. состоитъ русское физико-химическое общество, издающее болѣе 25 лѣтъ журналъ и существующее своими средствами. Всѣ прочіе унив. издаютъ «Извѣстія» или «Записки», въ которыхъ помѣщаются, между прочимъ, статьи и по физикѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ и Полтавѣ имѣются небольшія общества или кружки.

5) Метеорологія. Метеорологическія наблюденія въ Р. начались, по словамъ перваго ихъ историка, К. С. Веселовскаго,—около средины XVIII ст.: для Петербурга правильныя наблюденія надъ температурою воздуха имѣются съ 1743 г., надъ осадками—съ 1741 г., а надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ Невы—они восходятъ къ 1706 г. Но подобныя наиболѣе раннія наблюденія были немногочисленны и неравномѣрно распредѣлены по Р., будучи пріурочены или къ крупнымъ центрамъ, какъ Петербургъ, Москва, или относятся къ нѣсколькимъ пунктамъ Финляндіи и Сибири; наконецъ, и производились они по неодинаковымъ методамъ и очень разнообразными инструментами. Однако, *М. В. Ломоносовъ* еще въ 1759 г. предлагалъ свой проектъ болѣе правильной постановки метеорологическихъ наблюденій, но только въ 1804 г. обнародовано было правительственное распоряженіе о производствѣ метеорологическихъ наблюденій при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи; однако, распоряженіе не было приведено въ исполненіе, а если гдѣ наблюденія и начались, то они не были ни обработаны, ни напечатаны. Учрежденіе въ Германіи въ 1828 г., по иниціативѣ Гумбольдта, союза для производства магнитныхъ наблюденій явилось толчкомъ, которому суждено было поставить дѣло и метеорологическихъ наблюденій на практическую почву. Въ 1829 г. Гумбольдтъ посѣтилъ Петербургъ и съумѣлъ убѣдить академію наукъ примкнуть къ этому союзу и заняться организаціею наблюденій въ Р. Одинъ изъ членовъ академіи *Купферъ* принялъ на себя осуществленіе этого дѣла. Подъ его надзоромъ и руководствомъ учреждена была въ 1830 г. въ Петербургѣ при академіи магнитная обсерваторія (помѣщавшаяся сначала въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ переведенная въ одно изъ помѣщеній горнаго корпуса); затѣмъ, по предложенію академіи, имъ были учреждены подобныя обсерваторіи въ Казани, Николаевѣ, Ситхѣ, Лекинѣ, и, наконецъ, въ Екатеринбургѣ, Барнаулѣ и Нерчинскѣ. Въ 1833 г. Купферъ подалъ проектъ учрежденія еще нѣсколькихъ обсерваторій, приспособленныхъ для производства уже не однихъ только магнитныхъ, но и метеорологическихъ наблюденій; ему удалось добиться осуществленія этого проекта и устройства магнитно-метеорологическихъ обсерваторій въ Богословскѣ, Златоустѣ и Лугани, а обсерваторіи въ Екатеринбургѣ, Барнаулѣ и Нерчинскѣ преобразовать въ постоянныя учрежденія. При горномъ корпусѣ въ Петербургѣ была учреждена обсерваторія, которая не только должна была вести наблюденія, но и снабжать всѣ метеорологическія учрежденія Р. провѣренными инструментами. Въ 1849 г. былъ утвержденъ проектъ и штаты «Главной Физической Обсерваторіи»; первымъ директоромъ ея былъ назначенъ самъ Купферъ. Подъ его управленіемъ главная физическая обсерваторія прочно поставила дѣло метеорологическихъ наблюденій въ Россіи; число метеорологическихъ станцій начало возрастать; введены были совершенно однообразные методы наблюденій; явились изданія, представляющія своды произведенныхъ наблюденій. Первымъ такимъ сводомъ былъ «Annuaire magnetique et météorologique», а затѣмъ наблюденія стали публиковаться ежегодно въ изданіи: «Сводъ наблюденій, произведенныхъ и т. д.»... Съ 1865 г. это послѣднее изданіе замѣнили «Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи», содержащія огромный матеріалъ, до-

Библиотека "Руниверс"

ставляемый наблюденіями, въ готовомъ, обработанномъ видѣ. Преемниками Купфера по управленію главною физич. обсерваторіею и руководству метеорологическими наблюденіями были Кемтцъ, затѣмъ Вильдъ и Рыкачевъ. Особенно плодотворною въ дѣлѣ развитія метеорологическихъ наблюденій въ Р. была дѣятельность *Вильда*. При немъ были заново переработаны инструкціи для руководства наблюдателей и для обработки наблюденій, изслѣдованы и введены новые наблюдательные методы (такъ, имъ данъ новый способъ установки термометровъ для измѣренія температуры воздуха, устроенъ флюгеръ съ указателемъ силы вѣтра, усовершенствованы барометры и т. п.); заведенъ періодическій осмотръ и ревизія метеорологическихъ станцій; при немъ, наконецъ, метеорологическая сѣть стала все быстрѣе и быстрѣе развиваться. Не малую службу въ дѣлѣ развитія метеорологическихъ наблюденій въ Р. сослужила также метеорологическая коммиссія при Имп. русскомъ географическомъ обществѣ. Выдѣлившись въ 1870 г. съ цѣлью болѣе детальной разработки различныхъ метеорологическихъ вопросовъ изъ состава географическаго общества въ особую коммиссію, небольшой кружокъ лицъ, въ составъ котораго вошло большинство петербургскихъ метеорологовъ, съ самаго начала существованія коммиссіи дѣятельно принялся за пропаганду метеорологическихъ наблюденій и за организацію станцій въ помощь главной физической обсерваторіи. Устройство болѣе густыхъ сѣтей для дождемѣрныхъ наблюденій и наблюденій надъ грозами, собираніе наблюденій надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣкъ—были первыми шагами коммиссіи. Съ преобразованіемъ ея въ 1883 г. ею же были организованы наблюденія надъ высотою и плотностію снѣгового покрова, наблюденія надъ продолжительностью солнечнаго сіянія, наблюденія фенологическія и т. д. Впрочемъ, метеорологическая коммиссія, ограничиваясь только пропагандою и постановкою различныхъ наблюденій, передавала эти наблюденія, какъ только они оказывались прочно поставленными, въ вѣдѣніе главной физической обсерваторіи, которой принадлежало и принадлежитъ, такимъ образомъ, общее руководство метеорологическими работами. Дальнѣйшею стадіею въ дѣлѣ развитія метеорологическихъ наблюденій въ Россіи было появленіе мѣстныхъ сѣтей, задачею которыхъ было болѣе детальное изученіе нѣкоторыхъ важныхъ метеорологическихъ явленій, ускользающихъ отъ наблюденія большихъ, сравнительно далеко отстоящихъ одна отъ другой станцій,—явленій, наблюдаемыхъ на небольшихъ сравнительно протяженіяхъ. Первымъ толчкомъ къ развитію этихъ сѣтей была организація «сѣти Юго-Запада Россіи», устроенной проф. новороссійскаго унив. *А. В. Клоссовскимъ*, добившимся устройства сѣти наблюдательныхъ пунктовъ такой густоты, которая позволила ему съ большою подробностью прослѣдить распространеніе грозовыхъ вихрей, ливней, снѣжныхъ метелей и заносовъ и т. п. По примѣру сѣти Юго-Запада Р. организовались затѣмъ сѣти: приднѣпровская, юго-западная, центральная, восточная и, наконецъ, еще болѣе мелкія, обнимающія пространства меньше одной губерніи: пермская, бугурусланская и т. д. Съ 1894 г. министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, предпринявъ организацію сельскохозяйственно-метеорологическихъ наблюденій, учредило при ученомъ комитетѣ метеорологическое бюро, поставленное подъ управленіе метеоролога; задача бюро—устройство сѣти упомянутыхъ станцій и объединеніе дѣятельности немногихъ, уже существующихъ (Метеорологич. наблюденія XIX, 175). Метеорологическихъ станцій:

Въ 1850 г. было	15				
» 1856 » »	47				
» 1864 » »	24				
» 1870 » »	47				
» 1875 » »	98				
» 1880 » »	114				
» 1885 » »	225	п	441	дождем.	пун.
» 1890 » »	432	»	603	»	»
» 1895 » »	590	»	934	»	»

Отмѣтимъ, наконецъ, нѣкоторые пункты въ Р., обладающіе наиболѣе продолжительными рядами наблюденій.

Наблюденія надъ температурою воздуха имѣются:

Въ Петербургѣ .	съ 1743 г.
» Або	» 1750 »
» Москвѣ . . .	» 1779 »
» Варшавѣ . . .	» 1779 »
» Ригѣ . . .	» 1795 »
» Вѣррё . . .	» 1800 »
» Ревелѣ . . .	» 1807 »
» Кіевѣ	» 1812 »
» Казани	» 1812 »
» Архангельскѣ .	» 1813 »

Наблюденія надъ количествомъ осадковъ:

Въ Петербургѣ .	съ 1741 г.
» Або	» 1749 »
» Улеаборгѣ . .	» 1776 »
» Варшавѣ . .	» 1803 »
» Кіевѣ . .	» 1812 »
» Ревелѣ	» 1815 »

Наблюденія надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣкъ:

Въ Ригѣ . . .	съ 1530 г.
» Петербургѣ . .	» 1706 »
» Иркутскѣ . . .	» 1724 »
» Варшавѣ . .	» 1725 »
» Архангельскѣ .	» 1734 »
» Вел. Устюгѣ . .	» 1749 »
» Барнаулѣ .	» 1751 »
» Саратовѣ	» 1762 »

Историческія свѣдѣнія о развитіи метеорологическихъ наблюденій въ Россіи — см. Веселовскій, «О климатѣ Р.» (СПб., 1857); Клоссовскій, «Новѣйшіе успѣхи метеорологіи» (Одесса, 1882); Вильдъ, «О температурѣ воздуха Росс. Имперіи» (СПб., 1878, II); Воейковъ, «Метеорологія въ Р.» (СПб., 1874); Гейнцъ, «Очеркъ дѣятельности главн. физич. обсерваторіи» («Ежемѣсячн. Бюлл Главной Физич. Обсерв.», 1899, № 3). *Г. Л.*

Библиотека "Руниверс"

6) Минералогія и кристаллографія. Можно предполагать, что первыя научныя свѣдѣнія о минералахъ проникли въ Р. при вел. кн. Іоаннѣ III, который просилъ у венгерскаго короля Матвѣя Корвина «горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи золота и серебряной руды, и въ отдѣленіи металловъ отъ земли». Неизвѣстно, прибыли ли эти «горные мастера» при Іоаннѣ III, но достовѣрно, что шведскій король Іоаннъ III, по настоянію Іоанна IV Грознаго, прислалъ въ Россію «добрыхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды и ея обдѣлываніи». Вѣроятно, и въ XVII стол. происходили подобныя же позаимствованія изъ чужихъ краевъ. Такъ, Алексѣемъ Михайловичемъ Петровскій желѣзодѣлательный заводъ (въ 133 в. отъ Олонца) былъ отданъ датчанину Розенбушу. Петръ Великій не только выписывалъ разныхъ техниковъ, въ томъ числѣ и горныхъ мастеровъ, но въ 1725 г. послалъ въ Швецію 22 русскихъ ученика, а еще ранѣе, въ 1713 г.—въ Олонецкой губ.—губернаторомъ В. И. де-Геннинomъ, и въ 1721 г. на Уралѣ (въ Екатеринбургѣ) В. И. Татищевымъ—были основаны первыя горныя школы. Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны на Уралѣ были открыты золото и магнитный желѣзнякъ (гора Благодать 1730 г.), въ Алтайскихъ горахъ серебро и въ Нерчинскомъ краѣ развилось серебряное производство. Но не смотря на это даже образованные люди того времени имѣли самыя фантастическія понятія о минералахъ. Въ Россіи до Ломоносова появилось только одно сочиненіе, касающееся минераловъ, это — «Натуралiи и минералiи камеръ въ сибирскихъ горныхъ и заводскихъ дистриктахъ и прочихъ курьезныхъ вещей абрисы», принадлежавшее перу *де-Геннина*. Авторъ поднесъ это сочиненіе Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 г.; оно заключаетъ въ себѣ также и указанія на нахожденіе въ Сибири нѣкоторыхъ минераловъ. *Ломоносову*, при многихъ прочихъ работахъ, пришлось заняться и чисто минералогическими вопросами. Тотчасъ же по вступленіи въ академію онъ началъ разрабатывать коллекціи, купленныя Петромъ Великимъ, а также собранныя путешественниками по Сибири—Мессершмидтомъ, Гмелинымъ и Крашенинниковымъ; результатомъ этой обработки явился каталогъ «Musei Imperialis Petropolitani descriptio, qua continentur res naturales ex regno mineali». Вопросовъ чисто минералогическихъ Ломоносовъ касается въ «Словѣ о рожденіи минераловъ» въ 1757 г. и въ статьѣ о «Слояхъ земли». Въ своей металлургіи Ломоносовъ раздѣляетъ минералы на: 1) металлы, 2) полуметаллы, 3) жирные минералы, 4) загустѣлые соки минеральные или соли, 5) камни и 6) земли. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ шли еще большіе споры и парили самыя фантастическія представленія о происхожденіи каменнаго угля и янтаря, Ломоносовъ съ замѣчательной ясностью доказываетъ растительное происхожденіе этихъ ископаемыхъ тѣлъ. Отъ Ломоносова не ускользнула кристалличность золота, мѣди и многихъ минераловъ, и этому признаку онъ придавалъ громадное значеніе. Вопреки такимъ авторитетамъ, какъ Валерій, Ломоносовъ считаетъ мѣдь и ртуть самородными металлами, между тѣмъ какъ Валерій, приблизительно въ это же время, утверждалъ, что мѣдь состоитъ изъ «септической земли и изъ загорающейся матеріи». Къ солямъ Ломоносовъ относилъ квасцы, купоросы, каменную соль и селитру, при чемъ указывалъ происхожденіе ихъ изъ растворовъ, циркулирующихъ въ земной корѣ и совершенно правильно и ясно объяснялъ происхожденіе громадныхъ залежей каменной соли путемъ испареній отдѣлившихся отъ моря замкнутыхъ бассейновъ. Для характеристики минераловъ Ломоносовъ признавалъ необходимымъ наличность какъ химическихъ, такъ и кристаллографическихъ признаковъ, но этого мало — можно утверждать, что Ломоносовъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, гораздо раньше Ромэ-де Лиля, высказалъ мысль о закономѣрности внѣшней формы кристалловъ и сталъ мѣрить углы ихъ. Также одинъ изъ первыхъ Ломоносовъ указывалъ на сходство образованія минераловъ и искусственныхъ солей. Въ сочиненіяхъ Ломоносова разбросано также много мыслей, указывающихъ, что, не смотря на крайне незначительное число фактовъ, геніальный ученый придавалъ громадное значеніе теплотѣ, давленію и вліянію посторонніхъ веществъ въ дѣлѣ измѣненія и превращенія минераловъ, какъ-бы предвосхищая такимъ образомъ идеи и факты, которые только во второй половинѣ нашего столѣтія легли въ основу громаднаго отдѣла минералогіи и петрографіи, носящаго названіе метаморфизма. Но идеи Ломоносова легли на неподготовленную почву; въ Р. не было еще ученыхъ, которые могли бы посвятить себя разработкѣ поставленныхъ имъ вопросовъ; да и минералогія требовала тогда систематизаціи накопленныхъ фактовъ, а русское правительство изученія Россіи—и мы видимъ, что академики Имп. россійской академіи предпринимаютъ рядъ путешествій, какъ внутрь Р., такъ и на окраины ея. Академики *Лепехинъ* (1768—72) и *Озерецковскій* (1750—1827) собрали не мало новыхъ данныхъ о «минеральномъ царствѣ» Р., описали заводы и мѣсторожденія рудныя, собрали много различныхъ минераловъ и другихъ натуральныхъ тѣлъ. Но и Лепехинъ, и Озерецковскій были энциклопедисты: минералогическія наблюденія не составляютъ для нихъ главнаго и тонутъ въ массѣ географическихъ, этнографическихъ, историческихъ, филологическихъ, техническихъ и даже астрономическихъ данныхъ. Такой же энциклопедическій характеръ носитъ и знаменитое шестилѣтнее (1768—1774) путешествіе Палласа въ сообществѣ Соколова, Зуева и Рычкова; минералогія обогатилась только указаніями на новыя мѣсторожденія минераловъ (напр. красная свинцовая руда), а кунсткамера академіи обширными коллекціями. Первымъ ученымъ, спеціально посвятившимъ себя минералогіи, былъ академикъ *Севергинъ* (1765—1826). По окончаніи курса академической гимназіи Севергинъ былъ посланъ за границу, гдѣ и учился у Кестнера, Гмелина и Лихтенберга. Но въ

Библиотека "Руниверс"

наставленіи, ему данномъ, гораздо болѣе говорится о горномъ дѣлѣ и геологіи, чѣмъ о минералогіи—въ современномъ значеніи этого слова, потому что и на Западѣ всѣ эти науки составляли одну—минералогію или «рудословіе». По возвращеніи своемъ Севергинъ былъ избранъ сначала адъюнктомъ на каѳедру минералогіи, а затѣмъ въ 1793 г. и академикомъ или проф. минералогіи. Громадной заслугой Севергина нужно считать то, что онъ и прямо и косвенно — своими работами—проповѣдывалъ необходимость для русскихъ минералоговъ описывать какъ можно точнѣе, подробнѣе и съ соблюденіемъ научныхъ требованій произведенія минеральнаго царства, о которыхъ путешественники-натуралисты упоминаютъ только въ общихъ чертахъ. Но, не смотря на стремленіе къ спеціализаціи, все же ему приходилось заниматься не только минералогіей, но и физикой, и химіей, и технологіей, и даже сельскимъ хозяйствомъ. Въ своихъ путешествіяхъ — по Западному краю, по Финляндіи, по Новгородской и Псковской губ.—Севергинъ главную часть описанія посвящалъ минералогіи. Работы его тоже касаются, главнымъ образомъ, русскихъ минераловъ и горныхъ породъ, первые называются имъ «простыя ископаемыя тѣла», а вторые «сложенныя ископаемыя тѣла». Севергинъ, слѣдуя своимъ западно-европейскимъ учителямъ и современникамъ, занимается описаніемъ, главнымъ образомъ, внѣшнихъ признаковъ ископаемыхъ тѣлъ и ихъ систематизаціей, — но онъ написалъ около 200 мемуаровъ, издалъ оригинальныя для того времени сочиненія: «Основанія минералогіи» (2 т.), «Минералогическій Словарь» (2 т.), «Опытъ минералог. землеописанія Россіи», «Химическій Словарь» (2 т.) и др. Изъ русскихъ минераловъ онъ описалъ: цеолиты Охотска, сибирскіе бериллы, авантурины, плавиковые шпаты, известняки, желѣзный блескъ на аметистѣ, агаты, гипсы (изъ Полтавской губ.), оловянную руду, финляндскую венису, разумсковитъ и др. Въ финляндскихъ гранитахъ онъ нашелъ новый минералъ, который назвалъ *лоталитомъ* (кажется, что здѣсь Севергинъ первый изъ минералоговъ отмѣчаетъ интересный и важный полевой шпатъ, впослѣдствіи названный олигоклазомъ). «Первыя основанія минералогіи» Севергина (1798, 2 тома) и его «Подробный словарь минералогическій» (1807) были первыя сочиненія русскаго ученаго, посвященныя систематическому изложенію минералогіи во всемъ ея тогдашнемъ объемѣ. Минералогіей, по опредѣленію автора, называется «часть естественной исторіи, которая научаетъ насъ познавать ископаемыя тѣла, то есть отличать оныя отъ всѣхъ другихъ тѣлъ по существеннымъ имъ признакамъ, знать ихъ свойства, мѣсторожденія, пользу и всѣ отношенія ихъ какъ между собою, такъ и къ другимъ тѣламъ». При изученіи минераловъ Севергинъ рекомендуетъ обращать вниманіе не только на внѣшніе признаки, но и на физическіе (тяжесть, упругость, магнитность) и на химическіе (изслѣдованіе мокрымъ и сухимъ путемъ), — но все же, хотя авторъ въ своей классификаціи минераловъ обращаетъ большое вниманіе на химическій составъ ихъ, признаки физическіе и химическіе тонутъ въ массѣ «наружныхъ признаковъ»; послѣднихъ авторъ приводитъ 23, это: цвѣтъ, связь, наружный видъ, поверхность, наружный блескъ, внутренній блескъ, изломъ и т. д. Изъ дальнѣйшихъ опредѣленій мы видимъ, что по Севергину кристаллическая форма является только одной изъ многочисленныхъ внѣшнихъ формъ минеральнаго вещества; видимъ также, какъ незначительно его знакомство съ кристаллическими многогранниками; кристаллографія, какъ наука, для него еще не существуетъ, и только съ появленіемъ знаменитаго сочиненія Гаю «Traité de Mineralogie» (1801), Севергинъ знакомится съ этой тогда еще только нарождавшейся наукой и въ своемъ минералогическомъ словарѣ (1807) противъ слова «кристаллографія» помѣчаетъ: «Занимается систематическимъ описаніемъ кристалловъ, съ показаніемъ всѣхъ ихъ отношеній между собою»; кристаллъ же опредѣляетъ, какъ «существо соляное, каменное и металлическое въ опредѣленномъ многогранномъ видѣ съ гладкими, либо кривыми поверхностями». Мы уже упоминали, что въ основу классификаціи минераловъ Севергинъ кладетъ химическій составъ; классы и роды опредѣляются по главной составной части. виды—«по различному смѣшенію составляющихъ частей и появленіямъ и перемѣнамъ отъ сего смѣшенія происходящимъ, присовокупляя къ тому всѣ ихъ наружные признаки». Разновидности же, которыя авторъ называетъ измѣненіями — «назначаются по перемѣнамъ въ наружныхъ признакахъ встрѣчающимся». Такимъ образомъ имена первыхъ русскихъ ученыхъ, работавшихъ въ области минералогіи, связаны, какъ то и слѣдовало ожидать, съ академіей наукъ. Но къ концу XVIII стол. и въ началѣ текущаго въ Россіи начали появляться и другіе разсадники просвѣщенія: университеты, горный институтъ; но въ послѣднемъ преслѣдовались главнымъ образомъ практическія цѣли горнаго дѣла; въ университетахъ минералогію преподавали лица, часто совсѣмъ не подготовленныя къ этому. Характерныя въ этомъ отношеніи данныя приводитъ Багалѣй въ своемъ «Опытѣ исторіи харьковскаго университета». Когда въ 1807 г. былъ купленъ для университета минералогическій кабинетъ у профессора Андрэ, то университету пришлось обратиться къ министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, съ просьбой командировать для разбора этой коллекціи адъюнкта моск. универ. Таубера, такъ какъ среди своихъ чл«новъ университетъ не могъ найти лица, которому могъ бы поручить эту работу. Въ 1802—1815 г. по естественнымъ наукамъ въ харьковскомъ унив. были слѣдующія каѳедры: 1) химія и металлургія, 2) естественная исторія и ботаника, при чемъ эту вторую каѳедру занималъ проф. Делавинь — ботаникъ и зоологъ, а помощникомъ по минералогіи у него былъ адъюнктъ Крюгеръ, читавшій минералогію по руководству Севергина, а также адъюнктъ Громовъ, въ 1813 г. защитившій докторскую диссертацію: «De methodo, qua mineralogus in

Библиотека "Руниверс"

condendo systemate corporum anorganicorum uti debeat», сочиненіе не имѣвшее, конечно, самостоятельнаго характера. Въ этомъ же 1813 г., вѣроятно на смѣну Крюгеру, появляется въ харьковскомъ унив. адъюнктъ минералогіи Тауберъ, получившій хорошую минералогическую подготовку за границей, 6 лѣтъ путешествовавшій по Германіи и Даніи для изученія минералогическихъ кабинетовъ и имѣвшій уже печатные труды; въ 1805 г. онъ былъ приглашенъ на русскую службу минералогомъ при главномъ управленіи училищъ, для приведенія въ порядокъ минеральныхъ коллекцій, присланныхъ изъ Сибири для разныхъ университетовъ и училищъ. Въ 1808 г. уже будучи адъюнктомъ московскаго университета, онъ былъ отправленъ въ Сибирь для собиранія минераловъ и два года изучалъ уральскіе заводы; затѣмъ вернулся въ Москву съ большой коллекціей минераловъ, съ картами и чертежами, «изображавшими какъ внутреннія, такъ и наружныя строенія уральскихъ горъ». Въ 1811 г. Тауберъ принялся за разработку своего описанія уральскихъ горъ, но при вторженіи Наполеона погибло все его имущество и это сочиненіе. Въ московскомъ университетѣ въ 1804 г. для минералогіи и сельскаго хозяйства была одна общая каѳедра. Въ 1817—18 гг. проф. Фишеръ читаетъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ «зоологію и минералогію, съ указаніемъ употребленія этихъ естественныхъ тѣлъ въ медицинѣ, технологіи и экономіи». Въ 1828 г. проф. Павловъ также читаетъ одновременно и минералогію (по Фишеру) и сельское хозяйство; и только въ 1834—34 гг. профессоръ, докторъ медицины Щуровскій раздѣляетъ уже минералогію отъ геогнозіи, совмѣщая все же въ своемъ лицѣ преподаваніе обоимп предметами. Сравнимъ минералогическій кабинета моск. университета, въ 1817—20 гг. и въ 1849 г.; въ первый изъ этихъ періодовъ кабинетъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ собраній: 1) систематическое собраніе ископаемыхъ, 2) собранія топографическія, 3) собраніе драгоцѣнныхъ камней; во второй періодъ большой минералогическій кабинетъ раздѣлялся уже на 4 отдѣла: 1) въ ориктогностическомъ (минералогическомъ) было 4903 нумера, 2) въ геогностическомъ 800 нумеровъ, 3) въ отечественномъ 3082 нумера и 4) въ палеонтологическомъ 2304 нумера. Въ горномъ институтѣ уже въ 1826 г. студентамъ читаютъ слѣдующіе курсы: 1) описательную минералогію или физіографію минеральныхъ видовъ, 2) петроматогнозію или палеонтологію, 3) геогнозію и 4) практическую минералогію. Въ петербургскомъ университетѣ до начала 20-хъ гг. минералогія съ геологіей и палеонтологіей составляли одно цѣлое; только въ 1822 г. проф. и оберъ-бергмейстеръ *Соколовъ* читаетъ отдѣльные курсы минералогіи и геогнозіи, при чемъ въ началѣ своей дѣятельности первую онъ читалъ по Гаю, вторую по руководству Добюисона; въ 1832 г. Соколовъ издаетъ свое руководство минералогіи, а въ 1842 г. руководство геогнозіи. Но до конца 1830-хъ гг. ни въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній мы не встрѣчаемъ отдѣльнаго курса кристаллографіи; должно быть однимъ изъ первыхъ былъ курсъ кристаллографіи, читанный проф. Соколовымъ по Розе въ началѣ 1840-хъ гг. Соколовъ, талантливый профессоръ петербургскаго университета и горнаго института, имѣлъ громадное вліяніе на развитіе въ Р. минералогическихъ и геологическихъ знаній; онъ оставилъ незначительныя печатныя работы по минералогіи, но его руководство минералогіи въ 1830—40 гг. употреблялось почти во всѣхъ университетахъ. Изъ этого руководства видно, что къ началу 1830-хъ гг. почти всѣ нынѣ извѣстные минералы изъ русскихъ мѣсторожденій были извѣстны и тогда, кромѣ изумруда, алмазнаго шпата, діаспора, аксинита, волконскоита и нѣкот. другихъ описанныхъ впослѣдствіи Кокшаровымъ. Въ основу своей классификаціи Соколовъ положилъ химическій составъ минераловъ, при чемъ обращалъ главное вниманіе на основанія, а на не на кислоты. Въ этомъ руководствѣ встрѣчаются оригинальныя мысли; такъ, авторъ полагаетъ, что «щелочи присутствіемъ или отсутствіемъ своимъ полагаютъ на минералы печать единства; что въ сложныхъ соляхъ сильнѣйшія основанія имѣютъ въ образованіи физическихъ свойствъ гораздо большее участіе, нежели основанія слабѣйшія; что не смотря на одинаковую кристаллообразовательную способность равносильныхъ и притомъ однообразныхъ веществъ (substances isomorphes), положено, однако, различіе въ общеобразовательной силѣ между тѣми изъ сихъ веществъ, кои не имѣютъ щелочныхъ свойствъ, и щелочами». Соколовъ предостерегаетъ отъ увлеченія на основаніи одного или двухъ анализовъ устанавливать новый минеральный видъ и предугадываетъ громадное значеніе изомерныхъ смѣсей, въ то время еще почти не изслѣдованныхъ. На кристаллическую форму минераловъ Соколовъ обращаетъ мало вниманія и не считаетъ возможнымъ выдѣлять новые виды на основаніи кристаллографическихъ различій минераловъ. Отрицательное отношеніе къ кристаллографіи держалось у насъ до конца сороковыхъ годовъ, когда первыя работы Кокшарова рѣзко дали толчокъ совершенно иному направленію. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Россіи не появлялось работъ по кристаллографіи, если не считать сочиненія академика *Купфера*: «Handbuch der rechnenden Krystallonomie» (СПб., 1831), въ которой дана полная теорія измѣренія кристалловъ при помощи отражательнаго гоніометра и вычисленія кристаллографическихъ постоянныхъ. Купферъ первый въ Россіи началъ заниматься точными гоніометрическими измѣреніями; но его работы, имѣвшія значенія на Западѣ, прошли какъ то стороною въ русскомъ ученомъ мірѣ. Минералогическое общество, основанное въ 1817 г., поставило своей задачей заниматься «минералогіей во всемъ пространствѣ этого слова», но членами этого общества до начала 1840-хъ годовъ не только не было сдѣлано какихъ-нибудь болѣе или менѣе значительныхъ изслѣдованій по минералогіи, но и вообще напечатано очень мало (за исключеніемъ Севергина) работъ, хотя бы и компилятив-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ, по вопросамъ этой науки. Упомянемъ замѣтки проф. Соколова: «Минералогическое описаніе острова «Паргаса, «О нахожденіи лазуреваго камня въ Р.», «О нахожденіи малиноваго шерла въ Р.» и «Мысли объ уральскихъ золотоносныхъ розсыпяхъ», изъ которыхъ только первое основано на личныхъ наблюденіяхъ автора, затѣмъ «Химическое изслѣдованіе разныхъ родовъ хребтоуральской платины» проф. Мухина (1842), «Химическое изслѣдованіе вертита» академика Гесса и нѣкоторые другіе анализы минераловъ, произведенные этимъ академикомъ. Въ это время большое распространеніе получаетъ паяльная трубка, которую съ наибольшимъ успѣхомъ примѣнялъ секретарь минерал. общ. Вёртъ. Среди разсѣянныхъ по Ингерманландіи валуновъ Вёртъ открылъ лабрадоры, а въ валунахъ близъ Петергофа онъ нашелъ два новые минерала—вертитъ и ксенолитъ; при помощи паяльной трубки были открыты еще: уваровитъ, кеммереритъ и гидроборацитъ.

Въ 1842—45 гг. горнымъ вѣдомствомъ командированъ за границу *Кокшаровъ*; онъ занимается тамъ непосредственно подъ руководствомъ Розе, Вейса и Делафосса; наибольшее вліяніе оказалъ на него Науманъ. Вернувшись въ Р., Кокшаровъ предпринялъ цѣлый рядъ точныхъ кристаллографическихъ измѣреній русскихъ минераловъ; въ 1847 г. выходитъ его первая работа о новомъ минералѣ багратіонитѣ, а уже въ 1853 г. печатаетъ онъ первый томъ своихъ «Materialien der Mineralogie des Russlands»; къ 1888 г. такихъ томовъ было издано 9 нѣмецкихъ и 5 русскихъ («Матеріалы для минералогіи Р.»); въ нихъ подробно описаны, главнымъ образомъ, съ кристаллографической стороны, почти всѣ встрѣчающіеся въ Р. минералы, въ числѣ которыхъ установлены авторомъ и новые минеральные виды—багратіонитъ, ильменорутилъ, кочубеитъ, валуевитъ и мурзинскитъ, а также впервые описаны русскіе — эвклазъ, фенакитъ, брукитъ, желтый канкринитъ, мѣдная слюдка и волластонитъ. Геометрическіе котанты, установленные Кокшаровымъ для громаднаго числа минераловъ, особенно для группъ природныхъ и углекислыхъ солей, апатитовъ, авгитовъ и роговыхъ обманокъ считаются до сихъ поръ наиболѣе точными. Полувѣковая научная дѣятельность Кокшарова наложила характерную печать на этотъ періодъ исторіи минералогіи въ Р., который можно назвать «національно-описательно кристаллографическимъ». Вѣрнымъ послѣдователемъ Кокшарова является проф. и акад. *Еремѣевъ*, также всю жизнь свою посвятившій изслѣдованію и описанію кристаллографическаго habitus'а русскихъ минераловъ; но работы Еремѣева далеко уступаютъ по точности работамъ Кокшарова.

Не смотря на то, что съ введеніемъ, въ шестидесятыхъ годахъ, новыхъ уставовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были образованы двѣ каѳедры — минералогіи и геологіи, все же кромѣ Кокшарова и Еремѣева въ Россіи, до конца восьмидесятыхъ годовъ, можно указать лишь на химико-минералогическія работы проф. спб. унив. *Пузыревскаго* «О составѣ канкринита» (1857) и «изслѣдованіе нѣсколькихъ русскихъ апатитовъ» (1860), а также на монографію прив.-доц. спб. унив. *М. Ерофеева*, «Кристаллографическія и кристаллооптическія изслѣдованія турмалиновъ» (1870), могущую служить образцомъ для подобныхъ работъ и понынѣ; въ ней Ерофеевъ развиваетъ теорію «скучиванія кристалловъ» *). Причина этого явленія лежитъ во первыхъ въ томъ, что главныя научныя силы еще болѣе, чѣмъ въ 1-й половинѣ текущаго столѣтія, — отвлекались въ область геологическихъ изслѣдованій, во вторыхъ, для оригинальныхъ работъ по минералогіи и кристаллографіи для постановки и разрѣшеній массы возникавшихъ среди зап.-европейскихъ ученыхъ вопросовъ требовалось хорошее знакомство съ физическими методами изслѣдованій и съ высшей математикой,—между тѣмъ какъ каѳедра минералогіи была приписана къ естественному факультету, на которомъ высшая математика не читается вовсе, на физику же обращено очень слабое вниманіе. Неудивительно, что до начала 1890-хъ гг. профессора минералогіи въ русскихъ университетахъ не дали ни одной сколько-нибудь значительной работы по минералогіи или кристаллографіи и что самая выдающаяся работа по кристаллографіи въ Россіи сдѣлана проф. физики и технологіи артиллерійскаго училища и академіи *А. В. Гадолинымъ*. Въ этой работѣ, носящей названіе «Выводъ всѣхъ кристаллографическихъ системъ и ихъ подраздѣленій изъ одного общаго начала» и напечатанной въ «Запискахъ Имп. Минералог. Общ.» за 1869 г. **), авторъ, исходя изъ представленій объ однородности кристаллическаго вещества, выводитъ чисто теоретическимъ путемъ изъ общихъ положеній симметріи всѣ возможныя кристаллографическія группы, числомъ 32... «Очевидныя аналогіи, говоритъ онъ въ введеніи къ этой работѣ, существующія не только между голоэдрическими, геміэдрическими и тетартоэдрическими формами данной системы, но и между различными системами, возбудили въ насъ мысль отыскать одно общее начало, изъ котораго можно было-бы не только вывести, какъ послѣдствіе, всѣ уже образовавшіяся въ кристаллографіи группы, но и предсказать всѣ группы, которыя еще можетъ быть придется образовать по мѣрѣ новыхъ открытій науки». Развивъ мысль, что и кристаллографическая форма есть въ сущности такое же физическое свойство кристалла, какъ и всѣ прочія, такъ назыв. физическія свойства, Гадолинъ этимъ объясняетъ упомянутую выше связь между наружною формою и физическими свойствами, которыя вообще всѣ зависятъ отъ проявленія частичныхъ силъ. «Вслѣдствіе этого особенную важность принимаетъ разсматриваніе направленій, одинаково расположенныхъ относительно кристал-

*) Эту же теорію проводитъ въ 1890-хъ гг. и прив.-доц. спб. унив. А. Карножицкій въ своихъ работахъ объ оптическихъ свойствахъ турмалиновъ и о винтальныхъ плоскостяхъ.

**) Въ 1896 г. эта работа появилась по-нѣмецки и включена въ серію „Ostwalds Klassiker".

Библиотека "Руниверс"

лическихъ граней». Такія направленія онъ называетъ *равными* и въ одну и ту же группу относитъ всѣ кристаллы, въ которыхъ число и расположеніе равныхъ направленій одинаково. «Большинство изъ числа группъ, образованныхъ этимъ чисто теоретическимъ путемъ, говоритъ авторъ, тожественны съ тѣми группами, которыя уже въ настоящее время приняты въ наукѣ. За этимъ остаются изъ этихъ теоретическихъ группъ еще нѣкоторыя, къ которымъ еще не найдены въ природѣ соотвѣтствующія формы». И предсказанія Гадолина оправдались: въ его время было извѣстно не болѣе 22 группъ кристаллическихъ строеній; въ настоящее время ихъ уже 28 и всѣ они находятъ соотвѣтствующее мѣсто въ его теоріи. Работа Гадолина не оказала своевременнаго вліянія на русскихъ кристаллографовъ и минераловъ и только въ концѣ 1880-хъ и въ началѣ 1890-хъ г. многочисленныя работы *Федорова* являются оригинальнымъ продолженіемъ и развитіемъ идеи Гадолина. Въ 1885 г. Федоровъ помѣстилъ въ «Запискахъ Императорскаго Минералогическаго Общества» свое капитальное сочиненіе «Начало ученія о фигурахъ», существенная часть котораго изложена имъ еще въ 1881 г. Затѣмъ появились «Симметрія конечныхъ фигуръ» (1889), «Симметрія правильныхъ системъ фигуръ» (1891), «Краткое руководство кристаллографіи», «Основной законъ кристаллографіи» (1893) и др. Въ своихъ работахъ Федоровъ проводитъ мысль, что правильности кристаллическаго строенія можно свести къ вопросу о свойствахъ геометрическихъ фигуръ, могущихъ при повтореніи заполнить пространство безъ промежутковъ. «...Теоретики по структурѣ кристалловъ, говоритъ онъ, имѣютъ въ виду въ своихъ соображеніяхъ центры тяжести кристаллическихъ частицъ, но совершенно игнорируютъ средою, окружающею эти частицы. Мы можемъ мыслить эти частицы съ небольшою частью окружающаго ихъ пространства, какъ равныя и симметричныя твердыя тѣла, которыя правильно слагаются другъ съ другомъ, выполняя пространство. Эти воображаемыя твердыя тѣла я назвалъ стереоэдрами, и показалъ, что соотвѣтственныя точки этихъ фигуръ и составляютъ въ пространствѣ правильныя системы точекъ (простыя или двойныя). Стереоэдры, слагаясь въ опредѣленномъ для каждой системы числѣ, образуютъ параллелоэдръ, т. е. фигуру, выполняющую пространство въ параллельномъ положеніи.... Стереоэдры обусловливаютъ кристаллическую фигурувещества, а параллелоэдры и есть тѣ сложныя частицы, сложившись въ которыя вещество стало кристалломъ....». Итакъ, авторъ свелъ свою задачу къ нахожденію всѣхъ теоретически возможныхъ параллелоэдровъ и разложеніе ихъ на стереоэдры — и получилъ этимъ путемъ 229 различныхъ кристаллическихъ строеній, по отношенію къ которымъ 32 класса Гадолина являются общими отдѣлами. Нужно замѣтить, впрочемъ, что доселѣ мы не въ состояніи опытнымъ путемъ провѣрить существованіе такихъ детальныхъ подраздѣленій кристаллографическихъ строеній, какія устанавливаютъ намъ теоретическія изысканія Федорова и нѣкоторыхъ другихъ зап.-европ. ученыхъ (Шенфлисъ, Зонке, Вульфъ). Кромѣ чистой кристаллографіи Федоровъ работалъ по вопросамъ физической кристаллографіи и минералогіи; упомянемъ о работахъ его о полевыхъ шпатахъ и о «Теодолидномъ методѣ минералогіи и петрографіи». Вообще конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ открываютъ новую эру въ исторіи кристаллографіи и минералогіи въ Р.: русскіе ученые начинаютъ работать по всѣмъ отдѣламъ этихъ наукъ. Хотя появляются еще работы, близкія по своему характеру къ работамъ предыдущаго періода, которыя мы назвали національно-кристалографически-описательнымъ, но даже и эти работы ставятъ гораздо болѣе широкія задачи, чѣмъ простое кристаллографическое описаніе формъ; укажемъ на обширную монографію *С. Глинки*: «Альбиты изъ русскихъ мѣсторожденій», которая, хотя и преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, кристаллографическое описаніе, но стремится дать и фактическое обоснованіе для нѣкоторыхъ пунктовъ теоріи Чермака о полевыхъ шпатахъ; кромѣ того авторъ присоединяетъ химическія и оптическія изслѣдованія альбитовъ. Къ этой же категоріи нужно отнести и работы—проф. *Пренделя* о «видуитѣ» и отчасти *Карпожицкаго* о «Евгеніи Максимиліановскихъ копяхъ». Въ области физической кристаллографіи укажемъ работу *Колленко*: «Полярное электричество кварца по отношенію его кристаллографическаго характера»; работы проф. *Вульфа*: «Свойства нѣкоторыхъ псевдосимметрическихъ кристалловъ въ связи съ теоріей кристаллическаго строенія вещества» и «Къ вопросу о скоростяхъ роста и растворенія кристаллическихъ граней». Въ послѣдней работѣ авторъ пришелъ къ интересному результату, что между скоростями роста и растворенія грани кристалла не существуетъ никакой простой взаимности и что «скорости роста грани кристалла пропорціональны капиллярнымъ постояннымъ грани относительно маточнаго раствора». Къ этой же группѣ относится и работа проф. *В. Вернадскаго*, «Явленіе скольженія кристаллическаго вещества», въ которой авторъ стремится опредѣлить положенія плоскости скольженія къ элементамъ симметріи. Химическому изслѣдованію минераловъ и вопросамъ о генезисѣ ихъ посвящено также нѣсколько большихъ работъ нашихъ ученыхъ, таковы: «О группѣ силлиманита и о роли глинозема въ силикатахъ» В. Вернадскаго и изслѣдованія проф. *Земятченскаго* желѣзныхъ рудъ и каолинитовыхъ образованій Южной Р.; въ послѣдней работѣ, кромѣ минералогическаго описанія и химическихъ изслѣдованій этихъ образованій, авторъ, съ цѣлью выяснить генезисъ ихъ ставитъ цѣлый рядъ опытовъ. *В. Агафоновъ.*

7) Геологія, какъ самостоятельная наука, существуетъ лишь съ начала истекающаго столѣтія. Соотвѣтственно этому, среди русскихъ ученыхъ прошлаго вѣка, когда спеціализація знаній еще не достигала такихъ размѣровъ, какъ нынѣ, не могло быть геологовъ въ современномъ значеніи этого слова. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ членовъ академіи наукъ, посвятившихъ свои силы изученію природы нашего отечества, были и та-

Библиотека "Руниверс"

кіе которые интересовались теоретическими вопросами геологіи и собирали фактическій матеріалъ относительно геологическаго строенія Р. На первомъ мѣстѣ среди нихъ должны быть поставлены *Ломоносовъ* и *Палласъ*. Первый въ своихъ мемуарахъ не только популяризировалъ запасъ геологическихъ знаній, накопившихся къ тому времени въ Зап. Европѣ, но и выказалъ такое правильное пониманіе многихъ геологическихъ явленій, какое врядъли существовало въ его время и тамъ. Палласъ, по знаніямъ и таланту, долженъ быть поставленъ во главѣ той плеяды ученыхъ академиковъ, по большей части иностранцевъ, которые своими путешествіями по Р. и Сибири, предпринятыми по почину правительства, положили первое основаніе естественно-историческаго изученія нашего отечества, и между прочимъ дали богатый матеріалъ къ познанію геологическаго его строенія и описали цѣлый рядъ интересныхъ явленій изъ области физической геологіи. Кромѣ Палласа, слѣдуя хронологическому порядку, должны быть упомянуты: *Мессершмидтъ*, *Іоганъ-Георгъ*, *Гмелинъ*, *Штелинъ*, *Штеллеръ*, *Крашенинниковъ*, *Гюльденштедтъ*, *Лепехинъ*, *Самуилъ-Готлибъ Гмелинъ*, *Георги*, *Фалькъ*, *Габлицль*, *Германнъ*, *Лаксманнъ*, *Рычковъ*, *Никита Соколовъ*, *Зуевъ*, *Озерецковскій*, *Северинъ* и др., всѣ болѣе или менѣе связанные съ Имп. академіей наукъ. Случайные путешественники иностранцы (Патринъ, Шапъ д'Отерошъ), иностранцы выписанные для содѣйствія развитію горнаго дѣла (Ренованцъ), наконецъ, просто любознательные люди «изъ нѣмцевъ», служившихъ въ Р., тоже интересовались различными curiosa: минералами, окаменѣлостями, особенными физическими явленіями и оставили намъ или собственныя, часто весьма наивныя, описанія ихъ, или пересылали собранный матеріалъ за границу, гдѣ онъ подвергался научной обработкѣ. На царствованіе имп. Екатерины II падаетъ блестящій періодъ дѣятельности академіи наукъ по географическому и естественно-историческому изслѣдованію Р. Начало истекающаго столѣтія не благопріятствовало дальнѣйшимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ этой цѣли. Зато основаніе горнаго института, учрежденіе общества испытателей природы при московскомъ университетѣ (1804), Имп. минералогическаго общества, нѣсколькихъ университетовъ, наконецъ, появленіе «Горнаго Журнала» (1825)—все это повело къ созданію, помимо академіи наукъ, новыхъ центровъ, куда стекались русскія геологическія наблюденія и популяризировались выдающіяся произведенія западно-европейской геологической литературы, оживленной въ это время дѣятельностью такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Ляйэлль, Кювье, Л. фонъ-Бухъ. На ряду съ этимъ возрастало и число дѣятелей на поприщѣ геологіи изъ числа горныхъ инженеровъ и особенно изъ среды ученыхъ дерптскаго университета, снабжавшаго въ этотъ періодъ Р. академиками, профессорами и подготовлявшаго къ профессорской дѣятельности, отправляемыхъ правительствомъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Всѣ эти обстоятельства отозвались, однако, на оживленіи геологическихъ изслѣдованій уже значительно позже, въ 30-хъ и 40-хъ гг. истекающаго столѣтія; къ первой же четверти его относится дѣятельность академиковъ *Паррота*, *Гесса*, проф. *Зембницкаго*, *М. фонъ-Энгельгардта*, англичанина *Странвейса* и немногихъ другихъ. Въ царствованіе имп. Николая I правительственнымъ поощреніемъ пользовались по преимуществу тѣ геологическія изслѣдованія, которыя имѣли практическое значеніе и отвѣчали потребностямъ развивавшагося горнаго дѣла. Главное вниманіе было обращено на изслѣдованіе горнопромышленныхъ районовъ Урала, Алтая, Нерчинскаго округа, Олонецкаго края; въ меньшей мѣрѣ Подмосковнаго края, Кавказа и Южной Р. Изъ дѣятелей этого времени должны быть упомянуты *Аносовъ*, *Бледе*, *Борисякъ*, *Бояршиновъ*, *братья Бутеневы*, *Ивашицкій*, *Ванценгеймъ*, *ф.-Кваленъ*, *Ковалевскій*, *Макеровскій*, *Озерскій*, *Оливьери*, *Соколовъ*, *Фольборгъ*, *Фишеръ ф.-Вальдгеймъ*, *Языковъ*, *П. Вагнеръ*, *Лавровъ*, *Асмуссъ*, *Чихачевъ* и др., отчасти извѣстные своими трудами на поприщѣ практической геологіи, отчасти палеонтологіи. Но выдающееся мѣсто среди нихъ занимали *Гельмерсенъ* и *Гофманъ* въ области практической геологіи и какъ изслѣдователи районовъ наиболѣе важныхъ въ горнопромышленномъ отношеніи, *Эйхвальдъ* и *Пандеръ*, положившіе начало палеонтологическому изслѣдованію Р. и собравшіе громадный матеріалъ въ этой области и, наконецъ, *Щуровскій*, *Куторга* и *Рулье*, помимо своихъ ученыхъ работъ, имѣющіе громадныя заслуги какъ талантливые популяризаторы геологическихъ знаній, блестящія лекціи которыхъ съ занимаемыхъ ими каѳедръ въ моск. и спб. университетѣ возбуждали интересъ къ этой наукѣ и привлекали къ ея изученію. Къ этой эпохѣ относится и начало долголѣтней дѣятельности Абиха по изученію Кавказа, экспедиція Демидова въ Южную Р., но особенное значеніе имѣетъ знаменитое путешествіе Мурчисона и его спутниковъ по Уралу и Европ. Р. Это была первая попытка охватить геологическое строеніе Европ. Р. въ ея цѣломъ и явившійся результатомъ поѣздки классическій трудъ Мурчисона, Вернейля и Кейзерлинга—«Geology of Russia and the Uralmountains» положилъ прочное основаніе дальнѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій, давъ для нихъ точку опоры. Благодаря громадной эрудиціи, талантливости и проницательности Мурчисона и его сотрудниковъ, этотъ трудъ, не смотря на полстолѣтіе, протекшее со времени его появленія, въ значительной части сохранилъ свое значеніе и до настоящаго времени; послѣдующія изслѣдованія развивали взгляды Мурчисона, видоизмѣняли ихъ въ подробностяхъ, но лишь въ немногомъ коснулись основныхъ его выводовъ. Хотя благодаря появленію превосходнаго основного труда Мурчисона для изученія геологіи Р. открылось широкое поприще, но недоставало работниковъ, которые могли бы всецѣло отдаться этой отрасли науки. Въ университетахъ каѳедра геологіи еще не существовала, а горный институтъ едва въ

Библиотека "Руниверс"

состояніи былъ удовлетворять прямому своему назначенію — приготовленію практическихъ дѣятелей горнаго дѣла и могъ выдѣлить изъ своей среды лишь немногихъ, интересовавшихся геологіей, какъ наукой. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ продолжали свою дѣятельность отчасти тѣ же вышеперечисленные ученые, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто заняли *Гельмерсенъ, Гофманъ, Антиповъ, Меглицкій, Куторга, Эйхвальдъ, Пандеръ* и *Абихъ*, къ которымъ присоединились нѣсколько новыхъ дѣятелей горнаго міра, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *Барботъ де Марни* и др., расцвѣтъ дѣятельности которыхъ падаетъ, впрочемъ, на болѣе поздніе годы. Учрежденіе по уставу 1863 г. особой самостоятельной каѳедры геологіи и палеонтологіи во всѣхъ русскихъ университетахъ дало энергичный толчекъ къ развитію геологическихъ изслѣдованій Р., которому значительно способствовали открывшіяся вскорѣ общества естествоиспытателей при университетахъ и оживленіе дѣятельности минералогическаго общества, получившаго спеціальныя средства на геологическія изслѣдованія. Подъ покровительствомъ этихъ обществъ и частью на ихъ средства производилось большинство изслѣдованій и печаталось въ ихъ изданіяхъ и отчасти въ «Горномъ Журналѣ». Въ эту эпоху (60-хъ и 70-хъ гг.) наиболѣе видными дѣятелями по геологіи и ея отраслямъ явились профессора университетовъ, горнаго института и нѣкот. другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и отчасти академики. Въ спб. университетѣ первымъ замѣстителемъ вновь открывшейся каѳедры геологіи и палеонтологіи былъ Эд. Гофманъ, кратковременная дѣятельность котораго была посвящена палеонтологіи; его мѣсто вскорѣ замѣстилъ *А. А. Иностранцевъ*, извѣстный своими трудами по геологическому изслѣдованію Сѣвера Р., по микроскопической петрографіи и до-исторической антропологіи. Одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ Иностранцева, *В. В. Докучаевъ*, до послѣдняго времени занимавшій каѳедру минералогіи въ томъ же университетѣ, пріобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность своими трудами по изученію потретичныхъ образованій Р. и почвовѣдѣнію. Въ моск. унив. Щуровскаго замѣстилъ талантливый палеонтологъ *В. Ковалевскій*, котораго смѣнилъ *А. П. Павловъ*, много сдѣлавшій по изученію мезозойскихъ и кайнозойскихъ образованій Поволжья. Въ Казани первымъ проф. геологіи былъ *Н. А. Головкинскій*, извѣстный своими изслѣдованіями пермскихъ и потретичныхъ образованій Камско-Волжскаго района, перешедшій затѣмъ въ новороссійскій университетъ и посвятившій себя изученію Крыма. Преемникомъ его былъ *А. А. Штукенбергъ* (изъ спб. унив.), занимающійся по преимуществу изслѣдованіемъ вост. Р. Съ казанскимъ унив. связана и дѣятельность П. И. Кротова, много сдѣлавшаго по изученію Казанской, Вятской губ. и зап. склона Урала. Въ харьковскомъ университетѣ каѳедру геологіи занялъ *И. Ф. Леваковскій*, а потомъ его преемникъ и ученикъ *А. В. Гуровъ*, дѣятельность которыхъ посвящена всесторонне-му изученію Харьковской, Екатеринославской и другихъ сосѣднихъ губ. Въ Кіевѣ первымъ дѣятелемъ по геологіи выступилъ К. *М. Ѳеофилактовъ*, многосторонняя дѣятельность котораго была направлена на геологич. изученіе губ., входящихъ въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Въ этотъ же періодъ работалъ въ Кіевѣ по изученію фауны позвоночныхъ третичной системы проф. ботаники *Роговичъ*. Впослѣдствіи на смѣну ихъ выступили: *П. Н. Венюковъ* (изъ спб. унив.), спеціалистъ по девонскимъ образованіямъ Р., *П. Я. Армашевскій*, много работавшій по изученію потретичныхъ образованій Черниговской, Полтавской, Кіевской губ. и Полѣсья, и проф Шмальгаузенъ, спеціалистъ по изученію ископаемыхъ растеній. Въ Одессѣ главнѣйшими дѣятелями по геологіи явились перешедшіе изъ Казани Головкинскій и *И. Ф. Синцовъ*, большая часть трудовъ котораго посвящена описанію фауны верхнетретичныхъ отложеній юга Р. Въ Варшавѣ работали по изученію геологіи Царства Польскаго: *Цейшнеръ, Юркевичъ* и *Трейдосевичъ*, въ области петрографіи *А. Е. Лагоріо*, а затѣмъ *В. П. Амалицкій* (изъ спб. унив.), знатокъ пермскихъ отложеній и ихъ фауны и изслѣдователь бассейна Сѣв. Двины. Въ Юрьевѣ (Дерптѣ) за этотъ періодъ дѣйствовали Гревингкъ, по изученію геологіи и доисторической антропологіи Прибалтійскихъ губ., *Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ* (изъ спб. унив.), спеціалистъ по петрографіи, и *Н. И. Андрусовъ*—знатокъ русскихъ верхнетретичныхъ отложеній и ихъ фауны. Въ академіи наукъ продолжалъ свою дѣятельность Гельмерсенъ и выступилъ *Ф. Б. Шмидтъ*, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей геологіи Сибири, которому геологія обязана также детальнымъ изученіемъ нашихъ силурійскихъ отложеній и ихъ фауны. Въ академіи работали также *Грюневальдтъ*, по изученію палеозойскихъ образованій Урала, и *Пахтъ*, по девонской системѣ. Въ горномъ институтѣ выступили палеонтологи: *В. И. Меллеръ, І. Лагузенъ, А. П. Карпинскій*, извѣстный своими изслѣдованіями по геологіи, палеонтологіи и петрографіи преимущественно Урала, *И. В. Мушкетовъ*, спеціалистъ по физической геологіи, много трудившійся надъ изслѣдованіемъ Туркестана и Средней Азіи, и *Г. Д. Романовскій*, палеонтологъ и спеціалистъ по полезнымъ ископаемымъ, также много лѣтъ работавшій въ Туркестанѣ. Въ началѣ 80-хъ гг. къ вышеперечисленнымъ учрежденіямъ присоединяется новое, имѣющее спеціальною цѣлью изученіе геологическаго строенія Европ. Р. и составленіе геологической ея карты—геологическій комитетъ, среди дѣятелей котораго, кромѣ Карпинскаго и Мушкетова, должны быть указаны—*Ф. Н. Чернышевъ*, спеціалистъ по палеозойскимъ отложеніямъ Урала и Сѣвера Р., *Н. А. Соколовъ*—изслѣдователь дюнъ и нижнетретичныхъ отложеній южной Р., Краснопольскій, работавшій на Уралѣ и въ Зап. Сибири, *Михальскій*—въ Царствѣ Польскомъ и, наконецъ, *С. Никитинъ*, занимавшійся преимущественно изученіемъ мезозойскихъ образованій Поволжья и гидрологическими изслѣдованіями. Къ 90 гг. относится начало система-

Библиотека "Руниверс"

тическаго изученія Сибири особыми геологическими партіями (Обручевъ, Ячевскій, Богдановичъ, Зайцевъ, Державинъ и др.), а также учрежденіе геологической части при кабинетѣ Его Вел., имѣющей цѣлью изслѣдованіе Алтая (завѣд. А. Иностранцевъ). Къ тому же времени относится учрежденіе финляндской геологической коммиссіи, главными дѣятелями которой являются молодые ученые Зедергольмъ, Берггель, Рамзай и др. Помимо дѣятельности названныхъ, такъ сказать, оффиціальныхъ представителей геологической науки, въ этотъ послѣдній періодъ къ разработкѣ русской геологіи примыкаютъ и нѣкоторыя частныя лица и хотя этотъ разрядъ ученыхъ у насъ въ Р., къ сожалѣнію очень не великъ, но нѣкоторые относящіеся къ нему ученые оказали существенное вліяніе на развитіе геологическихъ знаній; таковы изслѣдователи геологіи Сибири: Чекановскій, Черскій, Кропоткинъ, извѣстный также своими изслѣдованіями ледниковаго періода Финляндіи и Кипріановъ, авторъ прекрасныхъ монографій о ящерахъ курскаго фосфорита. Въ эти 35 лѣтъ, протекшихъ со времени введенія преподаванія геологіи въ унив., геологич. изученіе Р. подвигалось настолько успѣшно, что явилась возможность изданія геологическимъ комитетомъ, удовлетворительной, геологической карты Европ. Р. Ученые геологи, съѣхавшіеся со всего свѣта на международный геологическій конгрессъ 1897 г. въ СПб. и участвовавшіе въ организованныхъ конгрессомъ геологическихъ экскурсіяхъ по Р., свидѣтельствуютъ о вполнѣ правильной постановкѣ и успѣшномъ развитіи у насъ геологіи.

Б. Польновъ.

8) Химія. Изученіе химіи въ Р. формально ведетъ свое начало съ учрежденія въ 1725 г. въ СПб. академіи наукъ. Въ 1727 г. въ качествѣ натуралиста и химика былъ приглашенъ сынъ тюбингенскаго аптекаря Іоганнъ-Георгъ *Гмелинъ*, проведшій почти все время своего пребыванія въ Россіи въ путешествіи по Сибири и оставившій по части химіи единственный слѣдъ въ видѣ разсужденія объ увеличеніи вѣса нѣкоторыхъ тѣлъ при накаливаніи на огнѣ. Разсужденіе это относится къ началу 30-хъ годовъ, т. е. къ тому времени, когда Сталемъ была уже вполнѣ разработана теорія флогистона. Въ началѣ 40-хъ годовъ Гмелинъ покинулъ Россію. Къ этому времени возвратился въ СПб. изъ-заграницы *Ломоносовъ*, изучавшій математику и физику у Вольфа, въ Марбургѣ, а химію съ металлургіей у Генкеля, въ Фрейбергѣ, и былъ назначенъ въ 1742 г. въ академію адъюнктомъ физики, а въ 1745 г.—химіи. Въ томъ же 1745 г. Ломоносовъ представилъ проектъ химич. лабораторіи и программу научныхъ работъ въ ней. По этой программѣ въ лабораторіи предполагались химическія изслѣдованія различныхъ природныхъ продуктовъ, ихъ анализъ и синтезъ, а также синтезъ новыхъ искусственныхъ веществъ, повѣрка изслѣдованій другихъ химиковъ, изслѣдованія физическія въ связи съ химическими, и указывалось на необходимость взвѣшиванія при всѣхъ химическихъ опытахъ какъ исходныхъ матеріаловъ, такъ и получаемыхъ изъ нихъ продуктовъ. Благодаря поддержкѣ стараній Ломоносова знаменитымъ Эйлеромъ, первая русская химическая лабораторія была, наконецъ, устроена въ 1748 г. Въ этомъ же году напечатано разсужденіе перваго русскаго химика на латинскомъ и русскомъ языкахъ (въ «Содерж. ученыхъ разсужд. Имп. акад. наукъ», 1748): «О химическихъ растворахъ вообще». Стоя, какъ ученый, вполнѣ на уровнѣ тогдашней современности, Ломоносовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ химиковъ (напр. Блэкъ и Бургавъ), которые усматривали шаткость господствовавшихъ въ ту эпоху флогистическихъ воззрѣній. Дѣятельность Ломоносова, какъ химика и профессора при академическомъ университетѣ, была однако направлена, главнымъ образомъ, на пропаганду пользы химической науки, необходимости ея изученія, ея популяризацію. Преемниками Ломоносова въ акад., въ концѣ XVIII ст. были *Георги* (1768—1802), Никита *Соколовъ* (1783—92) и Т. *Ловицъ* (1790—1804). Въ 1755 г. былъ основанъ московскій университетъ и для занятія въ немъ каѳедры химіи, физики и медицины приглашенъ въ 1758 г. изъ Лейпцига *Керштенсъ*. Химію онъ преподавалъ тамъ до 1770 г., придерживаясь руководствъ Фогеля и Бургава и читая также металлургію и минералогію. Съ 1771 г. преподаваніе химіи, читавшейся только на медиц. отдѣленіи, перешло къ врачамъ *Веніаминову* и *Зыбелину*, предварительно изучившимъ ее за границей, Зыбелинъ велъ преподаваніе вплоть до 1801 г. Химія во все это время читалась ими примѣнительно къ потребностямъ медиковъ и зачастую составляла лишь добавленіе къ курсу практической медицины. Однако, чтеніе лекцій сопровождалось показываніемъ опытовъ, при каѳедрѣ химіи имѣлся химическій кабинетъ и въ 1770—80 г. при немъ состоялъ лаборантомъ ученикъ Керштенса, *Сибирскій*. Въ СПб. къ этому времени академическій унив. прекратилъ свое существованіе и лишь упомянутый выше Соколовъ читалъ съ 1785 по 1791 г. публичныя лекціи по химіи, съ опытами, въ лабораторіи, считая послѣднее особенно важнымъ. Около того же времени (1774—81) дѣлаются переводы руководствъ по химіи: P. Macquer, «Elements de chimie théorique» (П., 1756), подъ заглавіемъ: «Господина Макера начальныя основанія умозрительной и дѣятельной химіи», 3 тома (перев. сдѣланъ студентомъ Космою Флоринскимъ, ученикомъ Макера, въ 1774—75 г.), «Начальныя основаніи химіи» проф. геттингенскаго унив. Эркелебена (перев. Н. Соколова) и «Бургавова химія». Участіе немногочисленныхъ русскихъ химиковъ конца XVIII стол. въ разработкѣ научныхъ вопросовъ того времени было ничтожно. Конецъ XVIII стол. былъ въ исторіи химіи эпохою борьбы новыхъ воззрѣній, представителемъ которыхъ явился Лавуазье, противъ теоріи флогистона, борьбы, окончившейся полнымъ опроверженіемъ этой теоріи. Между русскими химиками Т. Ловицъ, по крайней мѣрѣ до начала 1790-хъ годовъ, является сторонникомъ теоріи флогистона («Новое открытіе о дефлогистирующей силѣ угля

Библиотека "Руниверс"

и ея примѣненіе въ различныхъ химическихъ операціяхъ», 1787 г., «О металлизаціи земель», 1791 г.), напротивъ, *Петровъ*, профессоръ спб. медико-хирургической академіи, въ 1801 г. выпускаетъ въ свѣтъ свое «Собраніе физико-химическихъ новыхъ опытовъ и наблюденій», въ которомъ ставитъ себѣ цѣлью доказать несостоятельность этой теоріи рядомъ опытовъ надъ горѣніемъ (напр., надъ горѣніемъ «въ безвоздушномъ пространствѣ и въ газахъ, не поддерживающихъ горѣнія», надъ «невоспламеняемостью горючихъ тѣлъ отъ калильнаго жара»), а Я. *Захаровъ* (академикъ съ 1790 по 1837 г.) переводитъ въ томъ же году съ нѣмецкаго языка Гиртаннера: «Начальныя основанія химіи, горючее существо (т. е. флогистонъ) опровергающей». Въ Москвѣ Керштенсъ читалъ химію по Бургаву, который не былъ послѣдователемъ флогистона, и тамъ уже за 2 года до перевода Захарова кандидаты хирургіи моск. врачебн. училища, Княгининъ и Каменскій, перевели съ франц. яз., Philosophie chimique etc.» Фуркруа (1796), подъ заглавіемъ: «Химическая философія или основательныя истины новѣйшей химіи по новому образу расположенныя» (Владим. 1799). Вопросы, касающіеся горючихъ тѣлъ и явленій горѣнія, привлекавшіе тогда къ себѣ въ виду работъ Лавуазье особое вниманіе, интересуютъ, кромѣ Петрова, и другихъ нашихъ химиковъ, напр. Георги и Сибирскаго («Химическое разсужденіе о сгораемыхъ тѣлахъ, естествомъ и искусствомъ произведенныхъ», 1778). Соли, ихъ составъ и кристаллизація особенно интересуютъ Ловица (въ «N. Acta Ac.» и «Технологич. Журналѣ» помѣщены его работы: «О кристаллизаціи обыкновенной соли и новомъ способѣ ея очищенія», 1792; «Опытъ кристаллизаціи ѣдкихъ щелочей», 1793; «О кристализаціи хлористаго магнія», 1793; «О кристаллизаціи солей», 1794; «Показаніе новаго способа испытывать соли», 1804 и др. Ловицъ работаетъ, кромѣ того, надъ кристаллической уксусной кислотой («N. Acta», 1791—99) и производитъ химическіе анализы цеолита, гіацинта и др. минераловъ. Георги ранѣе того анализируетъ нѣкоторые изъ русскихъ мраморовъ (1782) и даетъ первое химическое изслѣдованіе невской воды (1795, «Нов. Ежемѣсячныя Сочин.», CVIII). Въ 1782 г. *Соколовъ* занимается изслѣдованіемъ мышьяка и дѣйствія сѣры на металлы. Къ началу разсматриваемаго періода относится и выдающееся открытіе академика по части физики *Брауна*, которому впервые удалось заморозить ртуть (1760) и показать, что въ твердомъ состояніи она обладаетъ обычными свойствами металловъ. Къ началу XIX стол. съ открытіемъ 4 новыхъ университетовъ (въ Казани, Харьковѣ, Вильнѣ и Дерптѣ), съ учрежденіемъ въ СПб. медико-хирургической академіи и Педагогическаго института, преобразованнаго въ 1819 г. въ университетъ, и преобразованіемъ, тамъ же, Горнаго училища въ Горный корпусъ, обнаружился недостатокъ въ профессорахъ-химикахъ. Въ Казани, напр., химія, можно сказать, не существовала вплоть до 1830-хъ гг. Приглашенные, на первыхъ порахъ на должности профессоровъ химіи иностранцы, будучи незнакомы съ русскимъ языкомъ и стѣсненные въ средствахъ даже для сколько-нибудь сносной обстановки чтенія курсовъ опытами, не могли скоро образовать достаточнаго контингента русскихъ химиковъ. Да, наконецъ, и наступившее вскорѣ тяжелое время реакціи вообще не было благопріятно для развитія наукъ. Изъ профессоровъ химіи первой трети этого столѣтія отмѣтимъ въ СПб. бывшаго проф. химіи въ Веймарѣ и физики въ Галле, академика *Шерера*, читавшаго въ медицинской академіи и горномъ корпусѣ, Соловьева, бывшаго воспитанника Педагогическаго института, читавшаго сперва въ педагогическомъ институтѣ, а потомъ въ университетѣ и горномъ корпусѣ, горныхъ инженеровъ *Соболевскаго* и *Варвинскаго* въ горномъ корпусѣ и доктора медицины *Нечаева* въ мед. акд. и горномъ корпусѣ; въ Москвѣ—приглашеннаго въ 1804 г. изъ Геттингена *Рейса*, который тамъ «показалъ себя въ опытахъ животно - химическихъ и гальваническихъ» онъ читалъ химію примѣнительно къ медицинѣ до начала 1830-хъ годовъ на физико - математическомъ отдѣленіи университета), д-ра мед. *Геймана* (съ 1826 г.), читавшаго «опытную» химію, и на медиц. факультетѣ—*Котельницкаго*, читавшаго фармацевтическую химію, *Страхова* — общую химію и *Іовскаго*—аналитическую химію; въ Вильнѣ—*Снядецкаго* и потомъ его ученика *Фонберга*; въ Харьковѣ до 1814 г. — *Гизе*, родомъ изъ Пруссіи, изучавшаго химію въ Берлинѣ и Вѣнѣ, а потомъ *Громова*; въ Дерптѣ — сперва короткое время *Шерера*, потомъ *Гринделя*, съ 1814 г. *Гизе* и, наконецъ, *Озанна* изъ Іены. Первыя университетскія химическія лабораторіи пріурочивались преимущественно къ занятіямъ по фармаціи. Такъ, въ моск. унив. первая химическая лабораторія, устроенная согласно указаніямъ Ловица въ 1803 г. Котельницкимъ, находилась при университетской аптекѣ. Въ харьковскомъ университетѣ химическая лабораторія, устроенная въ 1812 г. проф. Гизе, до 1847 г. была общею съ фармацевтической (на ея обзаведеніе было израсходовано всего 184 руб. сер.). Въ Дерптѣ даже и самое преподаваніе химіи до 1850-хъ гг. было тѣсно связано съ фармаціей; первая лабораторія здѣсь была основана Шереромъ въ 1803 г. При Шерерѣ же, т. е. съ 1804 г., началось постепенное приведеніе въ порядокъ химическаго кабинета въ спб. медико-хирургической акд. Кабинетъ этотъ занималъ одну комнату въ нижнемъ этажѣ зданія анатомическаго театра и имѣлъ до Шерера только нѣсколько лекціонныхъ приборовъ. Въ какомъ состояніи находилась въ 1820-хъ годахъ лабораторія спб. университета можно судить уже по одному тому, что напр. за 5 лѣтъ (1820—24) на нее вмѣстѣ съ физическимъ кабинетомъ, было израсходовано всего 200 руб. асс. Только въ горн. корпусѣ въ 1826 г. для химической лабораторіи построено отдѣльное зданіе. При чтеніи лекцій въ это время профессора придерживаются большею частью руководствъ Тенара, Пайена, Розе, Пфаффа и Берцеліуса. Слѣдовательно, новое направленіе

Библиотека "Руниверс"

химіи въ Р. было усвоено весьма скоро. Къ этому же времени относится и появленіе, кромѣ переводныхъ, также и первыхъ оригинальныхъ руководствъ по химіи на русск. яз. Въ 1810—13 гг. акд. наукъ издается, въ переработкѣ академика-геолога Севергина, «Словарь химическій, содержащій теорію и практику химіи, съ приложеніемъ ея къ естественной исторіи и искусствамъ» Каде, въ 4 частяхъ (2097 стр. in 8°); Гизе въ Харьковѣ издаетъ въ 1813—16 гг. свою «Всеобщую химію» въ 5 част., а проф. горнаго корпуса Варвинскій «Начальныя основанія химіи по системѣ Тенара» и переводъ курса аналитической химіи того же автора. Въ 1830 г. вышли въ свѣтъ «Начальныя основанія химіи» проф. физики при спб. унив. Щеглова и въ 1831 г. «Основанія чистой химіи» акад. Гесса. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ о русской химической номенклатурѣ. Имъ еще въ 1810 г. занимался акад. Захаровъ («Умозрительныя изслѣдованія Имп. спб. акд. наукъ», II, 1810), а еще ранѣе того проф. Рейссъ, сдѣлавшій въ моск. физ. мед. общ. сообщеніе о пользѣ новѣйшаго химич. именословія съ опытомъ перевода химич. терминовъ на русскій яз. (1806), затѣмъ проф. *Соловьевъ*, въ своей ст. «О россійской номенклатурѣ химіи», появившейся въ журн. «Указатель открытій по физикѣ, химіи, естественной исторіи и технологіи», издававшемся въ 1824—31 гг. проф. *Щегловымъ*; далѣе, русскою химическою номенклатурою занимались Щегловъ и Гессъ. Соловьевъ ввелъ впервые названія *закись, недокись, окись* и *перекись*, Щегловъ предложилъ различать названія различныхъ кислотъ одного и того же простого тѣла по окончаніямъ *истая, оватая, оватистыя, овая* или *ная*, сталъ называть соли, измѣняя окончанія названій соотвѣтствующихъ кислотъ на *окислый*, напр. *сѣрнокислый*, и стремился руссифицировать названія элементовъ (напр. вмѣсто кальцій—известковій, вмѣсто силицій—кремнеземій и т. п., изъ которыхъ послѣднее удержалось и донынѣ, но измѣненное Гессомъ въ кремній); наконецъ, Гессъ ввелъ почти для всѣхъ извѣстныхъ тогда элементовъ (54) современныя названія. Обращаясь къ сферѣ самостоятельныхъ химическихъ изслѣдованій за первыя 30 лѣтъ текущаго столѣтія, не приходится среди нихъ отмѣтить ни одной существенно важной работы. Сравнительно даже мало замѣтно отклика въ работахъ русскихъ химиковъ на капитальнѣйшія и блестящія открытія, которыя дѣлались въ то время въ Зап. Европѣ Дальтономъ, Дэви, Гей-Люссакомъ, Тенаромъ, Берцеліусомъ и др. Напечатано («Технол. Журналъ», 1805—12) напр. только нѣсколько замѣтокъ (частью переводныхъ) по поводу изслѣдованій о составѣ и свойствахъ соляной кислоты (Шереромъ, Петровымъ, Волковымъ), затѣмъ «Новое наблюденіе касательно синильной кислоты» (Шереръ, ib., 1807), «Наблюденія и опыты надъ потассіемъ» (Петровъ, «Тр. Акд. Наукъ», 1823), гальвано-химическія изслѣдованія Петрова (по электролизу окисловъ олова, свинца, ртути, растительныхъ маслъ, спирта и др. въ 1803 г.) и Рейсса (по электролизу воды), напечатавшаго также описаніе другихъ химическихъ дѣйствій гальваническаго тока въ «Зап. Моск. Физико-Мед. Общ.» (1808) и нѣк. др. Большинство остальныхъ работъ частью прикладного, частью аналитическаго характера. Таковы работы, касающіяся изслѣдованія огнестрѣльнаго пороха и способовъ добыванія и очищенія селитры для него (Гизе, Севергинъ, Шереръ), анализы различныхъ русскихъ минеральныхъ водъ (Гизе, Рейссъ, Севергинъ, Захаровъ), «Нѣкоторыя объясненія въ разсужденіи теоріи обжиганія извести» (Севергинъ), нѣсколько работъ Севергина по методикѣ минеральнаго химическаго анализа, изслѣдованія платиновыхъ остатковъ (Озаннъ), изслѣдованія нѣкоторыхъ растительныхъ продуктовъ (Загорскій), аэролитовъ (Шереръ), химико-фармацевтическія изслѣдованія и нѣк. др.

Съ 1830-хъ гг. наступаетъ періодъ постепеннаго вступленія русской химіи на самостоятельный путь. Начало его находится въ тѣсной связи съ университетскою реформою 1835 г., давшею, между прочимъ, нѣкоторыя средства на устройство, улучшеніе и содержаніе химическихъ лабораторій, и съ появленіемъ нѣсколькихъ выдающихся химиковъ въ лицѣ *Гесса, Воскресенскаго, Зинина и Клауса*. Такъ, академикъ Гессъ заводитъ лабораторію при только-что открытомъ главномъ педагогическомъ институтѣ, куда былъ приглашенъ профессоромъ въ 1832 г. Профессора Зининъ и Клаусъ основываютъ, въ концѣ 30-хъ годовъ, химическую и техническую лабораторіи въ казанскомъ университетѣ, въ которой, уже въ 1842 г., Зининъ сдѣлалъ свое знаменитое открытіе способа искусственнаго полученія анилина и нѣк. др. ароматическихъ основаній, а въ 1844 г. Клаусъ открылъ новый элементъ рутеній. Воскресенскій, начавшій въ 1839 г. чтеніе органической химіи въ спб. университетѣ и съ 1846 г. окончательно смѣнившій Соловьева, устраиваетъ тамъ лабораторію съ аналитическимъ отдѣленіемъ и заводитъ въ нихъ практическія и научныя занятія по химіи, которыя потомъ ведетъ также послѣ Гесса (съ 1848 г.) и въ главномъ пед. институтѣ. Нѣсколько позднѣе при спб. университетѣ въ 1849 г. устраивается и лабораторія технической химіи проф. технологіи *Ильенковымъ* (1845—1855). Такимъ образомъ въ 40-хъ годахъ въ Россіи сформировались два химическихъ центра, одинъ въ СПб., а другой — въ Казани, изъ которыхъ въ 50-хъ годахъ и даже ранѣе начинаетъ выходить не мало видныхъ дѣятелей науки, каковы *Ходневъ*, упомянутый выше *Ильенковъ*, *Скобликовъ*, *Н. Бекетовъ*, *Тютчевъ*, *Абашевъ*, *Н. Н. Соколовъ* и др., съ знаменитыми *Менделѣевымъ* и *Бутлеровымъ* во главѣ. Вслѣдъ за петербургскимъ и казанскимъ унив. стали мало-по-малу устраиваться лабораторіи и въ другихъ университетахъ: въ 1854 г. въ харьковскомъ—проф. Эйнбродтомъ и Ходневымъ; въ 40-хъ гг. въ кіевскомъ (открытомъ въ 1834 г. взамѣнъ закрытаго въ 1832 г. виленскаго) — проф. Фонбергомъ; въ 30-хъ годахъ въ дерптскомъ—К. Шмидтомъ. Въ 1853 г. отстроена при проф. Илишѣ новая химическая лабораторія въ спб. технологическомъ институтѣ, от-

Библиотека "Руниверс"

крытомъ въ 1831 г. На обзаведеніе лабораторій затрачиваются даже довольно значительныя по тому времени суммы. Такъ напр. харьковскому унив. устройство лабораторіи обошлось около 2600 руб. При лабораторіяхъ постепенно заводятся и химическія библіотеки. Съ устройствомъ лабораторій болѣе или менѣе приспособленныхъ какъ для практическихъ занятій студентовъ, такъ и для научныхъ работъ самихъ профессоровъ правильная постановка преподаванія химіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальная подготовка будущихъ профессоровъ становятся до извѣстной степени обезпеченными. Однако, матеріальныя средства лабораторій вплоть до 60-хъ годовъ остаются еще весьма скудными и онѣ зачастую терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ. Этому частью конечно способствовала и общая отсталость русской культурной жизни того времени. Начинающіе ученые должны были довершать свое химическое образованіе заграницей, въ Германіи и Франціи, куда ихъ, кромѣ того, привлекала слава Либиха, Велера, Розе, Дюма, Бунзена и др. Русская учебная литература до 60-хъ гг. не дала послѣ руководства Гесса (см. выше), долгое время оставававшагося принятымъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ 1845 г. вышедшаго 6-мъ изданіемъ, ничего особенно выдающагося. Можно указать на «Основанія химіи» Шмидта, преподававшаго въ горыгорецкомъ земледѣльческомъ инст., вышедшее въ 1854 г. вторымъ изданіемъ, на «Начальныя основанія аналитической химіи», Иванова (1855), «Курсъ физіологической химіи», Ходнева. Кромѣ того, Ходневымъ переведено руководство по объемному анализу Мора (1859) и сдѣланъ переводъ руков. качеств. анализа Фрезеніуса (1848). Были сдѣланы переводы руководствъ: Реньо по неорганической химіи (Егоровымъ), Штреккера — по органической (Рейхелемъ), Либиха—по анализу органическихъ веществъ (Струбинскимъ) и нѣк. др. Раздѣленіе въ преподаваніи курсовъ неорганической, органической и аналитической химіи началось уже съ начала 30-хъ годовъ. Переходя къ обзору научныхъ работъ, относящихся къ разсматриваемому времени (30—50-ые гг.), можно уже впервые отмѣтить среди нихъ довольно значительный рядъ изслѣдованій, занявшихъ почетное мѣсто на страницахъ общей исторіи химіи. Ученикъ Озанна въ Дерптѣ, работавшій потомъ у знаменитаго Берцеліуса въ Стокгольмѣ, академикъ Гессъ (1828—50), послѣ дѣлаго ряда химико-минералогическихъ работъ, работъ по изслѣдованію химическаго состава нѣкоторыхъ русскихъ минеральныхъ водъ, невской воды и др., послѣ открытія и изслѣдованія сахарной кислоты (1837), приступаетъ въ 1839 г. къ своимъ замѣчательнымъ термохимическимъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ является основателемъ современной термохиміи. Имъ, именно, впервые въ 1840 г. было высказано основное положеніе термохиміи, что тепловой эффектъ всякаго химическаго процесса зависитъ только отъ начальнаго и конечнаго состоянія системы взаимодѣйствующихъ тѣлъ; онъ же установилъ далѣе въ 1841 г. законъ термонейтральности, т. е. отсутствіе теплового эффекта при реакціяхъ соляного обмѣна, и наконецъ показалъ, что теплота горѣнія сложнаго тѣла всегда менѣе суммы теплотъ горѣнія его составныхъ частей и именно на то количество ея, которое было ранѣе выдѣлено при образованіи даннаго сложнаго тѣла. Кромѣ того, онъ первый сталъ измѣрять *количество* тепла, а не одно лишь повышеніе температуры. Воскресенскій, ученикъ Гесса и Либиха, въ 1838 г. впервые опредѣлилъ точный составъ и плотность паровъ нафталина, въ 1839 г., при изслѣдованіи хинной кислоты, открылъ хинонъ, простѣйшій представитель неизвѣстнаго тогда, новаго класса органическихъ соединеній, въ 1840 г.—новый алкалоидъ теоброминъ (VII, 243). Упомянутое выше открытіе Зининымъ весьма простого способа искусственнаго полученія анилина и др. ароматич. основаній помимо того, что было вообще первымъ случаемъ искусственнаго полученія органическихъ основаній, веществъ столь распространенныхъ въ растительномъ царствѣ и столь интересныхъ въ физіологическомъ и др. отношеніяхъ, легло въ основу важнѣйшей части современной техники красильныхъ веществъ. Далѣе Зининымъ сдѣлано много др. изслѣдованій въ области органической химіи, преимущественно въ бензольномъ ряду; (см. XII, 793). Важнѣйшія работы Клауса относятся къ изслѣдованію группы платиновыхъ металловъ. Онъ открылъ принадлежащій къ этой группѣ новый металлъ рутеній (1844), первый указалъ на сходство между рядами Pd—Rh—Ru и Pt—Ir—Os, изучалъ осміевый ангидридъ, работалъ надъ уясненіемъ строенія платиноваміачныхъ соединеній, надъ амміачными соединеніями иридія и родія, изслѣдовалъ кобальтіаки, а въ области органической химіи занимался родановыми соединеніями и отношеніемъ камфоры къ галоидамъ (1837—41). Академикъ *Фрицше* (1838—72) далъ длинный рядъ работъ по неорганической и органической химіи, изъ которыхъ къ разсматриваемому времени относится открытіе анилина при разложеніи индиго (1840), изслѣдованія надъ амміачными соединеніями солей никкеля и двойными соединеніями хлорнаго желѣза, надъ азотистою кислотою, пятисѣрнистымъ аммоніемъ, осмистымъ иридіемъ, ванадіевой кислотой, бромными солями, соединеніями мочевой группы, индиговыми соединеніями, алкалоидами сѣмянъ степной руты, углеводородами каменноугольнаго дегтя, составомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ и др., а также далъ въ двунитроантрахинонѣ средство (реактивъ Фрицше) для распознаванія и отдѣленія ароматическихъ углеводородовъ. Онъ установилъ изомерію орто- и паранитрофеноловъ (1858) и открылъ соединенія ароматическихъ углеводородовъ съ пикриновою кислотою. Затѣмъ по неорганической химіи необходимо отмѣтить изслѣдованіе объ атомномъ вѣсѣ бериллія *Авдѣева*, давшаго вѣрный атомный составъ окиси бериллія и указавшаго на сходство бериллія съ магніемъ (1842 г.); *А. Струве*—надъ двойными солями молибденовой и вольфрамовой кислотъ (1852—53), Скобликова (проф. спб. унив., 1853—60)—надъ амміачными со-

Библиотека "Руниверс"

единеніями иридія (1851), проф. фармаціи въ спб. мед. акад. Траппа о хлористомъ іодѣ (1854), Шишкова надъ горѣніемъ пороха (1857); по органической химіи—изслѣдованіе Ходневымъ (см. выше) пектиновыхъ веществъ (1845), Лясковскимъ (проф. химіи моск. унив., 1854—71) протеиновыхъ веществъ (1845—46), Шишковымъ—состава и разложенія гремучей ртути (1855), работы Энгельгардта—о соединеніяхъ анилина съ изатиномъ и о металептическихъ производныхъ соединеній этого ряда, о сульфобензойной и пентансульфоновой кислотахъ и др., открытіе Соколовымъ (1859—65 г. проф. спб., а потомъ новоросс. унив.) глицериновой кислоты (1858) и первыя крупныя работы Бутлерова (проф. казанскаго университета 1854—68)—открытіе іодистаго метилена, (1858) оксиметилена и превращеніе послѣдняго въ метиленитанъ (нынѣ акроза), первое искусственно-полученное сахаристое вещество (1861); по теоретической и физической химіи—Абашева (проф. 1858—62 кіевск., а потомъ новоросс. унив.) о взаимной растворимости жидкостей (1858); первыя работы Н. Бекетова (проф. харьк. унив. 1855—86) по изслѣдованію явленій вытѣсненія однихъ элементовъ другими (1859—65) и Менделѣева (начавшаго съ 1857 г. чтеніе органической химіи въ спб. унив.) объ удѣльныхъ объемахъ (1856), о расширеніи жидкостей и о температурѣ абсолютнаго кипѣнія и др. Въ области общихъ теоретическихъ воззрѣній и въ разсматриваемомъ періодѣ до конца 50-хъ годовъ русскіе химики еще слѣдуютъ за господствующими теченіями химической мысли въ Зап. Европѣ, почти не принимая участія въ самостоятельной ихъ разработкѣ. Въ первой его половинѣ преобладаютъ дуалистическія (электрохимическія) воззрѣнія, проводившіяся Берцеліусомъ, Либихомъ, а также вначалѣ и Дюма и давшія въ приложеніи къ органической химіи теорію сложныхъ радикаловъ. Воззрѣнія эти кладутся въ основу университетскихъ курсовъ химіи, которые большинствомъ профессоровъ (Соловьевъ, Воскресенскій, Фонбергъ, Гейманъ, Клаусъ и др.) читаются по Берцеліусу и Либиху. Позднѣе получаютъ распространеніе новые взгляды Дюма, а въ концѣ 50-хъ годовъ все вновь народившееся молодое поколѣніе русскихъ химиковъ, воспитанное подъ руководствомъ Зинина и Воскресенскаго, примкнуло къ частично-унитарной теоріи Лорана и Жерара, съ утвержденіемъ которой начинается новый періодъ въ исторіи развитія химіи вообще. Въ числѣ первыхъ къ ней присоединился и Зининъ, не мало повліявшій въ этомъ отношеніи и на Бутлерова, ученика Клауса, оставшагося до конца своей дѣятельности приверженцемъ Берцеліуса и теоріи сложныхъ радикаловъ. Въ дѣлѣ проведенія и распространенія новыхъ воззрѣній среди русскихъ химиковъ не малая заслуга принадлежитъ ученику Жерара—Соколову, издававшему въ 1859—60 гг., вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ, первый русскій «Химическій Журналъ» и устроившему въ Петербургѣ, около того же времени (совмѣстно съ Энгельгардтомъ) частную химическую лабораторію, которая въ теченіи своего двухлѣтняго существованія привлекала въ свои стѣны многихъ начинающихъ химиковъ. Особо выдающееся значеніе въ данномъ отношеніи имѣла напечатанная въ первомъ томѣ «Химич. Журнала» статья его «О современномъ направленіи въ химіи». Съ 50-хъ годовъ русскіе химики принимаютъ уже активное участіе въ ризвитіи руководящихъ теоретическихъ представленій. Соколовъ въ своей докторской диссертаціи «О водородѣ въ органическихъ соединеніяхъ» (1859), одновременно съ Вюрцемъ и Кекуле, но вполнѣ независимо, рѣшаетъ вопросъ объ атомности и основности спиртокислотъ. Менделѣевъ въ 1861 г., въ 1 изд. своей «Органической химіи» (также въ «Бюлл. Акад. Наукъ» 1861), развиваетъ далѣе теорію химическихъ типовъ Жерара, дополнивъ ее въ приложеніи къ непредѣльнымъ соединеніямъ теоріею предѣла, а Бутлеровъ, признавъ недостаточность теоріи типовъ и припявъ, вмѣстѣ съ Кекуле и Коуперомъ, четырехатомность углерода, устанавливаетъ новый принципъ «химическаго строенія» (1861), который и легъ въ основаніе всего дальнѣйшаго быстраго и блестящаго развитія органической химіи. Тогда же русскими химиками, одними изъ первыхъ въ Европѣ, принимаются новые, исправленные Канниццаро и предложенные имъ съѣзду естествоиспытателей въ Карлсруэ, въ 1860 г., современные атомные вѣса элементовъ. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, именно въ теченіе 1860-хъ годовъ, Бутлеровъ въ ряду блестящихъ статей съ полною ясностью излагаетъ главныя основанія теоріи химическаго строенія углеродистыхъ соединеній, впервые послѣдовательно проводитъ ее въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Введеніе къ полному изученію органической химіи», вышедшемъ въ 1864 г., и подвергаетъ экспериментальной провѣркѣ. Его классическія работы: открытіе перваго третичнаго спирта триметилкарбинола (1864), новыхъ изомерныхъ углеводородовъ изобутана и изобутилена (1866), предвидимыхъ теоріей, быстро содѣйствуютъ ея укрѣпленію и общему почти признанію среди химиковъ. Проф. геттингенскаго унив. *Бейльштейнъ*, приглашенный въ 1866 г. въ спб. технол. инст., совмѣстно со своими сотрудниками, Вроблевскимъ, Рихтеромъ, Кульбергомъ, Тавилдаровымъ, Рудневымъ, Курбатовымъ и др., приступаетъ къ широкой экспериментальной разработкѣ вопросовъ изомеріи въ ряду ароматическихъ соединеній, теорія которыхъ была высказана Кекуле въ 1865 г. Ученикъ Бутлерова, *Марковниковъ*, получаетъ (1864) изомасляную кислоту, первую изомерную кислоту жирнаго ряда, и открываетъ правильности въ порядкѣ замѣщенія водорода галоидами въ кислотахъ. Зининъ даетъ новый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій надъ бензойнымъ алдегидомъ, бензоиномъ, бензиломъ и азобензоломъ, получаетъ гидробензоинъ, дезоксибензоинъ, нитробензилъ, лепиденъ, бензамаронъ, амаровую кислоту и изучаетъ различныя ихъ производныя. *Н. Соколовъ* получаетъ новый изомеръ молочной кислоты (гидракриловую кислоту), изслѣдуетъ соли нитробензойной кислоты, хлорнитробензолъ. *Н. Энгельгардтъ* (проф. спб.

Библиотека "Руниверс"

лѣсного инст.) съ П. Лачиновымъ даютъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ ряду ароматическихъ соединеній, именно надъ хлорнитропроизводными бензола, тіобензойными кислотами, тимоломъ и его производными, изомерными крезолами и т. д. Шишковъ получаетъ нитроформъ, нитроформенъ, тринитроацетонитрилъ (1861). Менделѣевъ даетъ (1865) образцовое по точности примѣненныхъ пріемовъ изслѣдованіе растворовъ спирта по удѣльному вѣсу, статьи о нитрилахъ и объ атомномъ объемѣ простыхъ тѣлъ. Н. Бекетовъ развиваетъ идею о зависимости силы химическаго сродства элементовъ отъ величины ихъ атомнаго вѣса (дисс., 1865). *П. Алексѣевъ* (проф. кіевск. универсітета въ 1865—91 гг.) начинаетъ свои изслѣдованія въ ряду азосоединеній, Вериго (проф. новороссійскаго унив. съ 1869 г.) даетъ многочисленный рядъ работъ объ азобензолѣ и его гомологахъ, появляются работы *Н. Меншуткина* (проф. спб. унив. съ 1867 г.) о водородѣ фосфористой кислоты, по синтезу и изслѣдованію уреидовъ и др., работы *Попова*, ученика Бутлерова, по окисленію кетоновъ, работы ученика Зинина и его преемника по профессурѣ въ спб. мед. акд., *А. Бородина*, *Гарничъ-Гарницкаго*, *Н. Бунге*, *Лисенко* и др. Но самымъ выдающимся событіемъ этого времени является открытіе въ 1869 г. Менделѣевымъ періодическаго закона, связавшаго свойства химическихъ элементовъ съ величиною ихъ атомнаго вѣса. Періодическій законъ съ основанною на немъ системою элементовъ укрѣпилъ, введя нѣкоторыя поправки, вѣрность принятыхъ тогда современныхъ атомныхъ вѣсовъ, подтвердилъ самую истинность основныхъ положеній, служащихъ для правильнаго ихъ вывода, открылъ новое обширное поле для изслѣдованій въ области изученія элементовъ и ихъ соединеній и придалъ совершенно особенный интересъ задачѣ отысканія новыхъ элементовъ. Въ теченіе 1860-хъ гг. кромѣ упомянутыхъ выше руководства органической химіи Менделѣева и Бутлеровскаго «Введенія», вскорѣ переведеннаго на нѣм. яз., появились полное руководство по аналитической химіи, изданное подъ ред. Менделѣева, его же «Основы химіи», учебники неорганической химіи Лисенко и Лаврова, «Лекціи органической химіи» П. Алексѣева, написанныя въ духѣ современнаго структурнаго ученія; также изданы переводы руководствъ по химіи Наке, Одлинга, по химическому анализу—Фрезеніуса, по теоретической химіи—лекцій Вюрца и др. Открытіе двухъ университетовъ, новороссійскаго и варшавскаго, Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ, рижскаго политехникума, института сельскаго хозяйства въ Новой Александріи и преобразованіе лѣсного института въ С.-Петербургѣ даютъ мѣсто возникновенію въ ихъ лабораторіяхъ новыхъ центровъ для научной разработки химіи, На устройство этихъ лабораторій соотвѣтственно требованіямъ современности изыскиваются и отпускаются необходимыя средства. Одновременно съ этимъ, съ введеніемъ университетскаго устава 1863 г. въ шесть разъ противъ прежняго увеличиваются и штатныя суммы на содержаніе унив. лабораторій. Значительно расширяется и институтъ лаборантовъ, чѣмъ обезпечивается матеріальное положеніе молодыхъ научныхъ силъ и дается возможность къ сохраненію ихъ для дальнѣйшей научной дѣятельности. а вмѣстѣ съ тѣмъ и снимается съ профессоровъ часть педагогическаго бремени, освобождая ихъ для науки. Лабораторіи начинаютъ, наконецъ, принимать тотъ видъ, который въ существенныхъ чертахъ онѣ сохраняютъ и по настоящее время. Такъ, въ кіевскомъ университетѣ по иниціативѣ проф. Тютчева и П. Алексѣева построено отдѣльное зданіе новой химической лабораторіи, а проф. Чугаевичемъ приведена въ порядокъ лабораторія техническая. Н. Соколовымъ была устроена лабораторія новороссійскаго унив., занявшая обширное помѣщеніе изъ 25 комнатъ, Энгельгардтомъ—въ Лѣсномъ институтѣ, Ильенковымъ—къ Петр. земл. акд. Зинину обязана своимъ устройствомъ нынѣшняя лабораторія спб. мед. акд. въ новомъ зданіи естественноисторическаго института. открытомъ въ 1863 г. Тогда же почти, именно въ 1867 г. при академикахъ Фрицше и Зининѣ воздвигнуто и нынѣшнее отдѣльное зданіе для лабораторіи акд. наукъ. Трудами Марковникова была выстроена первая въ Р. большая лабораторія при московскомъ университетѣ Въ С.-Петербургѣ наилучше обставлена была въ то время лабораторія Мих. артилл. академіи, находившаяся въ завѣдываніи проф. Шишкова. Лабораторія спб. унив. въ теченіе 25 лѣтъ послѣдовательно и систематически расширялась трудами Н. Соколова. Менделѣева, Бутлерова, перешедшаго изъ Казани въ СПб. въ 1868 г., и Меншуткина. а въ самое недавнее время (1894), благодаря иниціативѣ Менделѣева и заботамъ Меншуткина и Д. Коновалова, заступившаго съ 1891 г. мѣсто Менделѣева на каеедрѣ неорганической химіи, получила отдѣльное роскошное зданіе, обошедшееся со всѣми устройствами свыше 300 тыс. р. Въ настоящее время лабораторія спб. унив. является обширнѣйшею и лучшею въ Р., ни въ чемъ не уступая и лучшимъ западно-европейскимъ учрежденіямъ этого рода. Къ концу 1860-хъ годовъ число ученыхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи на химическомъ поприщѣ, стало уже настолько велико, что наступила пора и полная возможность для основанія общества русскихъ химиковъ, съ цѣлью объединенія ихъ для вящаго содѣйствія успѣхамъ всѣхъ частей химіи и распространенія химическихъ знаній въ Р., главнымъ образомъ чрезъ изданіе спеціальнаго печатнаго органа, потребность въ которомъ ощущалась уже давно. Химическою секціею 1-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ СПб. въ 1867 г. было рѣшено основаніе Русскаго Химическаго Общества при спб. унив., а въ 1868 г. оно уже открыло свои дѣйствія и съ 1869 г. начало издавать свой журналъ. Образовавшись въ составѣ 35 членовъ, къ 1 января 1899 г. общество имѣло ихъ уже 293. За 30 лѣтъ существованія общества въ засѣданіяхъ его сдѣлано 2510 ученыхъ сообщеній и въ журналѣ его напечатаны 1692 работы.

Библиотека "Руниверс"

Обращаясь къ обзору трудовъ русскихъ химиковъ, сдѣланныхъ въ теченіе этого, можно сказать, уже современнаго періода жизни русской химіи, въ виду ихъ многочисленности приходится ограничиться лишь болѣе или менѣе общими чертами. Болѣе всего приходится на долю органической химіи. Нѣтъ, можно сказать, ни одного почти отдѣла ея, который бы остался не затронутымъ изслѣдованіями русскихъ химиковъ, а есть и такіе, которые ихъ трудамъ по преимуществу обязаны своею разработкою. Такъ изъ углеводородовъ Бутлеровымъ и его учениками и послѣдователями, Марковниковымъ, Зайцевымъ, Эльтековымъ, Львовымъ, Вышнеградскимъ, Лермонтовою, Флавицкимъ, Кондаковымъ, Вреденомъ, Кучеровымъ, Д. Павловымъ, Е. Вагнеромъ, Густавсономъ, Фаворскимъ, Ипатьевымъ, Кижнеромъ, Зелинскимъ и др., съ особою полнотою изслѣдованы непредѣльные, именно этиленовые, ацетиленовые, алленовые и полиметиленовые углеводороды. Въ ряду предѣльныхъ углеводородовъ встрѣчаемъ, послѣ Бутлерова, работы Львова, Густавсона, Бевада, М. Коновалова. Терпены изслѣдовались Флавицкимъ и изучаются теперь Вагнеромъ и его лабораторіею въ варшавскомъ унив. Русская нефть и ея углеводороды изслѣдованы гл. обр. трудами Менделѣева, Бейльштейна съ Курбатовымъ, Марковникова съ Оглоблинымъ и др. его учениками, а также Тищенко, Харичковымъ и нѣкот. др. Имя Менделѣева кромѣ того тѣсно связано съ возникновеніемъ и развитіемъ всей русской нефтяной промышленности. Изъ класса предѣльныхъ одноатомныхъ алкоголей особенно много сдѣлано въ рядахъ алкоголей третичныхъ—Бутлеровымъ, открывшимъ этотъ рядъ, и его учениками Поповымъ, Павловымъ, Флавицкимъ, Вышнеградскимъ, Явейномъ и др., вторичныхъ—А. Зайцевымъ и Е. Вагнеромъ и первичныхъ—А. Зайцевымъ, который также открылъ и нѣкот. непредѣльные третичные алкоголи. Изъ многоатомныхъ алкоголей гликоли изслѣдовались Эльтековымъ, Е. Вагнеромъ, Густавсономъ и Демьяновымъ, Д. Павловымъ и Марковниковымъ, глицерины—Е. Вагнеромъ, Каблуковымъ, Реформатскимъ и друг., эритритъ—Пржибыткомъ, раффиноза—Алехинымъ. Надъ алдегидами работали А. Бородинъ, Любавинъ, Е. Вагнеръ, Тищенко (оксиметиленъ). Надъ кетонами—Бутлеровъ и Вышнеградскій (пинаколины), Поповъ и Е. Вагнеръ (окисленіе), а также Д. Павловъ и въ послѣднее время Фаворскій. Въ ряду изслѣдованій жирныхъ кислотъ послѣ Бутлерова, открывшаго триметилуксусную кислоту, особенно важны многочисленныя работы А. Зайцева надъ высшими непредѣльными кислотами, получаемыми изъ нихъ оксикислотами, а также нѣк. предѣльными кислотами. Зайцевымъ же былъ открытъ первый лактонъ—бутиролактонъ. По непредѣльнымъ кислотамъ, кетоно-, галоидо- и оксикислотамъ работали также Фаворскій, Кондаковъ, Клименко, Вериго, Петренко-Критченко, Вальденъ, С. Реформатскій, Альбицкій; по многоосновнымъ кислотамъ — Марковниковъ, Пржибытекъ, Бишофъ, Зелинскій, С. Реформатскій, Танатаръ и Семеновъ; спеціально вопросы стереоизомеріи въ ряду многоосновныхъ кислотъ изслѣдовались Бишофомъ, Вальденомъ, Зелинскимъ и Гьельтомъ. Электролизъ жирныхъ кислотъ изучалъ Н. Бунге. По изслѣдованію аминовъ, діаминовъ и гидразиновъ имѣются работы Колотова, Солонины и Кижнера. Амиды кислотъ, мочев. производныя, ціануровая кислота и нѣкот. простѣйшія ціанистыя соединенія служили предметомъ изслѣдованій Н. Меншуткина, Базарова, Горбачевскаго, Бейльштейна, Пономарева, Н. Бекетова. По ароматическимъ соединеніямъ, кромѣ дальнѣйшихъ работъ Энгельгардта и Лачинова, а также работъ ихъ учениковъ, Майкопара, Кучерова, А. Волковой и другихъ, надъ фенолами, нафтолами, сульфокислотами, производными бифенила и др., дальнѣйшихъ работъ Бейльштейна и упомянутыхъ выше его сотрудниковъ по опредѣленію мѣста замѣщенія въ бензольномъ ядрѣ и открытію новыхъ изомеровъ, изъ которыхъ кислоты ортонитробензойная и ортонитрокоричная имѣли особую важность для цѣлаго ряда синтезовъ ортосоединеній (напр. синяго индиго), необходимо упомянуть о дальнѣйшихъ работахъ П. Алексѣева и его учениковъ: Молчановскаго, Киселя, Барзиловскаго и др., а также Вериго—въ ряду азосоединеній, работахъ Загуменнаго и Голубева, надъ дезоксибензоиномъ, Загуменнаго надъ бензпинакономъ и бензпинаколиномъ, Діанина надъ конденсаціей феноловъ, Лисенко, Рымаренко, Гемиліана, Редзко, Красускаго, Кижнера, М. Коновалова и нѣкот. др. надъ производными ароматическихъ углеводородовъ, Хардина и Тихвинскаго надъ производными хиноновъ, Тихвинскаго о нитрозосоединеніяхъ, М. Коновалова надъ полученіемъ ортонитроалдегидовъ и синтезомъ изъ нихъ индиговыхъ красокъ. Область другихъ алициклическихъ соединеній пріобрѣла большой интересъ въ значительной мѣрѣ благодаря открытію Марковниковымъ и Крестовниковымъ тетраметилендикарбоновой кислоты, изслѣдованіямъ Марковникова и его учен. М. Коновалова, Шпади, Орлова, Кижнера и др. надъ нафтенами и ихъ разнообразными производными, Марковникова же надъ производными суберона и гептаметилена; Густавсона надъ триметиленомъ и пентаметиленомъ и Зелинскаго надъ производными пентаметилена и др. Гетероциклическія соединенія послѣ А. Вышнеградскаго, открывшаго тетрагидрохинолинъ и впервые указавшаго на принадлежность цинхонина и хинина къ производнымъ гидропиридиновъ и гидрохинолиновъ, почти не изучались. Въ послѣдніе года, однако, и въ этой интересной области начинаютъ появляться работы, какъ то Тихвинскаго объ индулинахъ и сафранинахъ, Петренко-Критченко надъ пиронными производными и нѣкот. др. Бѣлковыя вещества изучались Данилевскимъ, Шишковымъ, Любавинымъ, Михайловымъ, Сабанѣевымъ, Таммановъ и Панормовымъ, кислоты желчи Лачиновымъ, глюкозиды Лачиновымъ и Таммановъ. Въ области изученія минеральныхъ веществъ, въ смыслѣ накопленія новаго фактическаго матеріала, открытія новыхъ тѣлъ или превращеній за разсматриваемое время въ Р.,

Библиотека "Руниверс"

какъ, впрочемъ, и повсюду, было сдѣлано сравнительно немного. Тѣмъ не менѣе и этотъ отдѣлъ химіи былъ достойно представленъ главнымъ образомъ именами Н. Бекетова (щелочные металлы), Густавсона, Потылицына, Курнакова, Шене, Флавицкаго, Базарова, Вильма, К. Хрущова, Д. Коновалова, Курилова, Сабанѣева, Меликова, Танатара, а также и нѣк. др. Значительное большинство изслѣдованій, имѣвшихъ своимъ предметомъ тѣла минеральныя, стояло въ связи съ вопросами теоретической и физической химіи. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ дальнѣйшіе труды Менделѣева по установленію и укрѣпленію періодическаго закона и по выводу всѣхъ вытекавшихъ изъ него слѣдствій. Имъ были исправлены, на основаніи этого закона, атомные вѣса бериллія, индія, урана, церія, иттрія, титана, осмія, иридія и платины, что затѣмъ и было опытно подтверждено другими изслѣдователями, а для индія и церія имъ самимъ съ помощью опредѣленія ихъ теплоемкости. Тогда же (1871) имъ было предугадано существованіе 3 новыхъ, теперь открытыхъ элементовъ, галлія, скандія и германія, и съ точностью опредѣлены напередъ ихъ свойства. Газы со стороны ихъ сжимаемости отъ давленія и расширенія отъ температуры изслѣдовались Менделѣевымъ съ Кирпичевымъ, Богузскимъ, Гемиліаномъ и Каяндеромъ. Менделѣевымъ же дана формула для выраженія измѣненія плотности воды въ зависимости отъ температуры и данъ законъ расширенія жидкостей съ температурой, а Д. Коноваловымъ этотъ законъ былъ выведенъ затѣмъ изъ уравненія Ванъ-деръ-Ваальса. Много изслѣдованій было посвящено растворамъ. Менделѣевъ изучилъ измѣненіе ихъ удѣльнаго вѣса отъ концентраціи и температуры, развилъ такъ наз. гидратную теорію растворовъ и далъ подробную и полную разработку этой стороны предмета въ своемъ обширномъ сочиненіи «Изслѣдованіе водныхъ растворовъ по уд. вѣсу» (1887). Изслѣдованіями уд. в. растворовъ занимались также Чельцовъ, Турбаба, А. Сапожниковъ, Геричъ. По упругости пара растворовъ дали изслѣдованія Д. Коноваловъ и Таммanъ. По теплоемкости растворовъ Д. Коноваловъ. По теоріи растворовъ, вопросамъ осмотическаго давленія, распредѣленія веществъ между растворителями и гидролитической диссоціаціи имѣются работы Яковкина, по кріоскопіи растворовъ коллоидовъ—Сабанѣева, по электролизу—Н. Бунге (органическихъ кислотъ) и Танатара, по электропроводности П. Хрущова, Д. Коновалова, Бишофа, Вальдена и др. Растворимость газовъ изучали Сѣченовъ и Тимофеевъ, жидкостей —В. Алексѣевъ, твердыхъ тѣлъ— Шредеръ. Пересыщенные растворы изучались Щербачевымъ и Потылицынымъ. Явленія диссоціаціи въ связи съ контактными дѣйствіями изслѣдовались Д. Коноваловымъ. Зависимость реакцій замѣщенія и двойного обмѣна и явленій распредѣленія элементовъ отъ величины ихъ атомнаго вѣса и отъ массы взаимодѣйствующихъ тѣлъ подробно и разнообразно изучались Густавсономъ, Потылицынымъ и Н. Бекетовымъ. Вопросомъ о распредѣленіи основаній и кислотъ при реакціяхъ двойного обмѣна занимались П. Хрущовъ и Петріевъ. Надъ изученіемъ скоростей реакцій работали Каяндеръ, Бевадъ, Потылицынъ, Таммanъ, а особенно обширны начатыя еще съ 1877 г. изслѣдованія Н. Меншуткина о скоростяхъ реакцій образованія сложныхъ эѳировъ, кислотныхъ амидовъ и анилидовъ и аминовъ, при чемъ имъ было изучено вліяніе изомеріи, массы взаимодѣйствующихъ веществъ и среды на ходъ этихъ реакцій. Въ области термохиміи на первомъ планѣ стоятъ работы Н. Бекетова, Лугинина, Вернера, далѣе Осипова, Чельцова, Каблукова, Танатара и Писаржевскаго и нѣкоторыхъ др. Наконецъ, по вопросу о соотношеніи физическихъ свойствъ химическихъ соединеній съ ихъ составомъ, частичнымъ вѣсомъ и строеніемъ имѣются многочисленныя изслѣдованія Канонникова относительно свѣтопреломляющей и вращательной способности химическихъ соединеній, а также Гольдштейна, Флавицкаго и Меншуткина относительно температуръ кипѣнія углеводородовъ и спиртовъ. Изъ этого болѣе чѣмъ краткаго обзора можно видѣть, что доля участія русской химіи въ разработкѣ всемірной науки въ настоящее время представляется уже далеко не незначительной. Остается въ заключеніе указать, что вмѣстѣ съ тѣмъ не была забыта и учебная литература, которая обогатилась за это время многими оригинальными руководствами по разнымъ отдѣламъ химіи. Изъ нихъ «Основы химіи» Менделѣева вышли уже 6-мъ изданіемъ и переведены на франц., нѣмец. и англійск. языки. Столь же популярна и «Аналитическая химія» Меншуткина, тоже переведенная на франц. и нѣм. языки. По органической химіи, кромѣ нынѣ уже устарѣвшихъ руководствъ Рихтера (1870) и П. Алексѣева (1877—80—84) и перевода (М. Львовъ) учебника Шорлеммера (1873), имѣются «Лекціи органической химіи» Меншуткина (1884—91—97) и «Курсъ органической химіи» А. Зайцева (1891). «Физическая химія» Любавина, вышедшая въ 1877—83 г., уже устарѣла. Новаго самостоятельнаго руководства по этому отдѣлу химіи, къ сожалѣнію, еще пока нѣтъ, но имѣется сдѣланный подъ редакціею Каблукова переводъ руководства Оствальда: «Основыя начала теоретич. химіи» (1891). Кромѣ «Основъ» Менделѣева, по неорганической химіи большимъ распространеніемъ (6 изд.) пользовался учебникъ Рихтера (1874—1887; теперь изданъ въ переработкѣ Явейна), а недавно появился въ печати новый учебникъ каз. проф. Флавицкаго (1898). По аналитической химіи слѣдуетъ упомянуть еще объ руководствѣ (7 изд.) Бейльштейна и Явейна, руководствахъ П. Алексѣева по анализу газовъ и др., о переводѣ Тавилдаровымъ извѣстнаго нѣмецкаго руководства Фрезеніуса и Ижевскимъ, подъ редакціей Марковникова—курса объемнаго анализа Винклера (1899). Наконецъ, нельзя не указать на то, что въ Россіи же написанъ Бейльштейномъ его знаменитый, нынѣ уже четырехтомный «Handbuch der organischen Chemie», настольная справочная книга химиковъ всѣхъ странъ, изданія которой расходятся, лишь только успѣваютъ закончиться печатаніемъ.

Библиотека "Руниверс"

9) Ботаника. Ботаническая дѣятельность въ Россіи начинается собственно съ учрежденія академіи наукъ (1725), такъ какъ отрывочныя, разбросанныя свѣдѣнія о растеніяхъ въ сочиненіяхъ Турнефора, Тилландса и др. настолько незначительны, что не могли оказать никакого вліянія на ходъ исторіи развитія науки. Первымъ академикомъ-ботаникомъ былъ *Буксбаумъ*, сдѣлавшій, впрочемъ, для систематики не особенно много. Несравненно больше значенія имѣютъ труды I. *Гмелина*, составившаго «Сибирскую флору» (1178 растеній съ приложеніемъ 300 чертежей), классическое сочиненіе для своего времени. Ученикъ его, *Крашенинниковъ*, особенно извѣстенъ описаніемъ Камчатки. Однако, послѣ смерти I. Гмелина, въ ботанической дѣятельности академіи наступилъ застой и только черезъ 20 лѣтъ, въ царствованіе Екатерины II, снова начинается блестящій періодъ ботанической дѣятельности, когда (1766) былъ снаряженъ рядъ экспедицій для физико-топографическаго изслѣдованія Россіи, въ которыхъ принималъ участіе замѣчательный ботаникъ того времени *Палласъ*, а также *Гильденштедтъ*, *Гмелинъ* (младшій), *Лепехинъ*, *Фалькъ*, *Георги*. Изъ нихъ Палласъ не только далъ подробное описаніе совершенно новыхъ видовъ, но сдѣлалъ также много цѣнныхъ указаній для ботанической географіи, располагая группы растеній въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ. Кромѣ того, имъ-же была начата обработка русской флоры, законченной впослѣдствіи Георги. Въ тоже время можно указать на труды цѣлаго ряда ботаниковъ въ Москвѣ, изслѣдовавшихъ флору Россіи совершенно независимо отъ академіи. Сюда относятся труды *Х. Стефана*, *Ф. Фишера*, *Г. Гофмана*, Особую услугу дѣлу ботаники оказалъ гр. А. К. Разумовскій основаніемъ ботаническаго сада въ подмосковномъ своемъ имѣніи, Горенкахъ (1798), для разработки коллекцій котораго былъ приглашенъ рядъ ботаниковъ изъ - за границы и въ томъ числѣ Ф. Фишеръ, бывшій впослѣдствіи первымъ директоромъ ботаническаго сада въ Петербургѣ, куда перешла большая часть коллекцій изъ прекратившаго къ этому времени свое существованіе Горенскаго сада. Главной задачей вновь основаннаго сада въ Петербургѣ (1823) было изслѣдованіе флоры Россіи, главнымъ образомъ—отдаленнѣйшихъ ея окраинъ: такъ, въ этомъ отношеніи можно указать на труды *Н. С. Турчанинова*, изслѣдователя флоры юго-восточной Сибири, *К. А. Мейера*, много потрудившагося надъ флорою Кавказа, *А. И. Шренка*, изслѣдователя нашего сѣвера. Одновременно съ дѣятельностью ботаническаго сада въ академіи снова выдвинулся рядъ замѣчательныхъ ботаниковъ-систематиковъ: *Триніусъ*, извѣстный своими работами по злакамъ, вышеупомянутый *К. А. Мейеръ*, *Г. Мертенсъ*, *Бонгаръ*. Вообще, по мѣрѣ накопленія систематическаго матеріала является необходимость въ немъ разобраться; на сцену выступаетъ рядъ систематиковъ - монографовъ, работающихъ независимо отъ академіи или имѣющихъ къ ней лишь косвенное отношеніе, таковы: проф. *Р. Э. Траутфеттеръ*, *А. К. Бунге*, описавшій также флору сѣвернаго Китая; наконецъ, *К. Ледебуръ*, помимо многочисленныхъ собственныхъ изслѣдованій, объединившій всѣ разбросанныя до тѣхъ поръ свѣдѣнія о флорѣ Россіи въ одно цѣлое, подъ заглавіемъ «Flora Rossica» (1842—1851), обширный классическій трудъ, не утратившій и понынѣ своего значенія. Приблизительно съ этого времени, т. е. съ начала пятидесятыхъ годовъ, ботаническая дѣятельность въ Россіи уже замѣтно расширяется: рѣзко обозначаются два теченія. Съ одной стороны, съ увеличеніемъ числа русскихъ университетовъ и расширеніемъ поля ученой дѣятельности, у насъ необходимо должны были отразиться направленія западной мысли и въ остальныхъ областяхъ ботаники, т. е. анатоміи, эмбріологіи, морфологіи и физіологіи растеній. Дѣйствительно, области эти начинаютъ сильно разрабатываться русскими профессорами, которые всѣ являются учениками и представителями той или другой школы Запада, преимущественно германской. Съ другой стороны, начатое еще академіей и ботаническимъ садомъ изученіе флоры Россіи быстрыми шагами идетъ впередъ и кромѣ того, подъ вліяніемъ новыхъ теченій въ ботанической географіи на Западѣ (Гризебахъ), пріобрѣтаетъ особую, своеобразную окраску: на первый планъ выступаютъ уже вопросы о растительныхъ формаціяхъ, о взаимной связи между растительностью и климатомъ, почвою. Конечно, только труды, накопленные предшествующими поколѣніями ботаниковъ въ продолженіе болѣе, чѣмъ сотни лѣтъ, дали возможность систематикѣ (флористикѣ) стать на этотъ новый и въ высшей степени плодотворный для нея путь. Къ числу представителей этой переходной эпохи можно отнести, напр., *И. Г. Борщова*, съ его изслѣдованіемъ Арало-Каспійской области и въ особенности Рупрехта, смѣло заявившаго въ своемъ изслѣдованіи о черноземѣ, что «черноземъ есть вопросъ ботаническій». Произведеніе это въ высшей степени разносторонняго ученаго можетъ служить связующимъ звеномъ между академической старой школой чистыхъ систематиковъ по преимуществу и новыми теченіями по геоботаникѣ. Въ этомъ изслѣдованіи, отчасти, впрочемъ, случайнаго характера, Рупрехтъ, предлагая въ общихъ чертахъ удовлетворительную гипотезу о происхожденіи чернозема, затрагиваетъ тотъ «степной вопросъ», которому не мало силъ было посвящено еще Палласомъ и Бэромъ и который въ настоящее время привлекъ къ себѣ ученыхъ всевозможныхъ спеціальностей: геологовъ-почвенниковъ, метеорологовъ, зоологовъ, ботаниковъ. Но настоящимъ основателемъ и главой до извѣстной степени національной, фито-географической школы слѣдуетъ признать *А. Н. Бекетова*; сравнительно мало написавшій оригинальныхъ произведеній, сторонникъ гризебаховскихъ теорій, онъ создалъ, однако, цѣлый рядъ послѣдователей. Достаточно сказать, что большая часть нашихъ гео-ботаниковъ являются его учениками и продолжателями даннаго имъ направленія, прибѣгая въ тоже время къ совершенно самостоятельнымъ методамъ изслѣдованія. Впрочемъ, разработкѣ степного

Библиотека "Руниверс"

вопроса въ частности много способствовалъ извѣстный нашъ почвовѣдъ В. В. Докучаевъ, привлекшій къ его изученію цѣлый рядъ ботаниковъ: *Г. И. Танфилѣева*, *А. Н. Краснова*, и др. Кромѣ того въ этомъ направленіи можно указать на труды: *Д. А. Кожевникова*, и *В. Я. Цингера*, *Д. И. Литвинова*, *П. П. Сапицкаго*. Въ то же время фито-географія сѣв. Р. разрабатывалась: *Х. Я. Гоби*, *И. Ѳ. Шмальгаузеномъ*, *Н. И. Кузнецовымъ*, *М. П. Куриленымъ*, *Г. И. Танфильевымъ*, *В. Л. Комаровымъ*, *А. А. Антоновымъ*. Однако, за этотъ періодъ времени можно насчитать не мало работъ чисто флористическаго или монографическаго характера. Такъ, слѣдуетъ указать на труды *Н. Н. Кауфмана*, «Московская флора» котораго послужила образцомъ для дальнѣйшихъ произведеній этого рода; К. Мейнсгаузена, *Н. И. Кузнецова*, *Маевскаго*. *А. Н. Петунникова*, *О. А.* и *Б. А. Федченковъ*. Восточная флора и въ тоже время отношеніе лѣса къ степи разрабатываются кружкомъ естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ: *П. Крыловымъ*, *Ю. Шеллемъ*, *Н. Мартьяновымъ*, *Гордягинымъ*, *Бушемъ*, *Таліевымъ* и въ особенности *С. И. Коржинскимъ*. Съ открытіемъ обществъ естествоиспытателей при нашихъ южныхъ университетахъ: новороссійскомъ, харьковскомъ, кіевскомъ число флористическихъ работъ здѣсь сильно увеличилось; особенно много изслѣдованій въ этомъ направленіи падаетъ на долю кіев. унив.; такъ проф. И. Ѳ. Шмальгаузенъ пишетъ «Флору юго-зап. Р.»; кромѣ того можно указать на труды В. И. Липскаго, Монтрезора, Срединскаго, І. Пачоскаго, Совинскаго и др. Въ тоже время, съ 70-хъ гг. до послѣдняго времени, спб. ботаническій садъ дѣятельно занимается разработкою громадныхъ коллекцій, преимущественно Азіатской Р. и прилежащихъ къ ней странъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить труды: *Р. Э. Траутфеттера*, *К. И. Максимовича*, *Э. Л. Регеля*, *Ф. Е. Гердера*, *С. И. Коржинскаго*. Съ другой стороны, какъ уже было упомянуто, приблизительно съ 50 годовъ, у насъ начинаютъ разрабатываться и остальныя области ботаники: физіологія, морфологія и анатомія, а также вообще систематика споровыхъ. Однимъ изъ первыхъ, крупныхъ представителей этого рода движенія слѣдуетъ признать *Л. С. Ценковскаго*, посвятившаго свои силы главнымъ образомъ на изученіе микроскопическаго міра протистовъ и далеко подвинувшаго впередъ эту въ высшей степени запутанную до него область. Ученикъ наиболѣе выдающихся микроскопистовъ своего времени: Брауна, Шлейдена, Мюллера, Эренберга, Ценковскій въ своихъ трудахъ проявилъ настолько много самостоятельныхъ взглядовъ, что по справедливости можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ не только у насъ, но и за границей. Хотя, въ силу исторически сложившихся обстоятельствъ, онъ не могъ составить школу такъ, какъ ее понимаютъ на западѣ, тѣмъ не менѣе, благодаря своимъ выдающимся качествамъ ученаго и профессора, Ценковскій оставилъ много учениковъ, среди которыхъ достаточно указать на такія имена, какъ *А. С. Фаминцынъ* и *М. С. Воронинъ*. По числу работъ у насъ особенно выдѣляется отдѣлъ физіологіи растеній. Не входя въ детальное разсмотрѣніе работъ въ этой области, отмѣтимъ лишь выдающихся дѣятелей въ этомъ направленіи: *А. Ф. Баталина*, *И. П. Бородина*, *О. П. Баранецкаго*, *С. Н. Виноградскаго*, *Вотчала*, *Д. О. Ивановскаго*, *П. Я. Крутицкаго*, *Н. А. Монтеверде*, *Г. А. Надсона*, *В. И. Палладина*, *В. А. Ротерта*, *К. А. Тимирязева*, *А. С. Фаминцына*. Въ отдѣлѣ морфологіи и анатоміи укажемъ на труды *В. И. Бѣляева*, *М. С. Воронина*, *Х. Я. Гоби*, *Горожанкина*, *Голенкина*. *С. Г. Навашина*, *Рейнгарта*, *С. М. Розанова*, *Сорокина*, *И. Ѳ. Шмальгаузена*, *Хмѣлевскаго*. Собственно систематика (флористика) и фитогеографія споровыхъ лучше всего разработана по водорослямъ и грибамъ. Академикъ Мартенсъ оставилъ богатый матеріалъ по водорослямъ, изданный въ 1840 г. подъ заглавіемъ: «Illustrationes Algarum Rossiae». Этотъ трудъ далъ толчокъ къ появленію другихъ работъ по водорослямъ. напр.: «Algae Ochotenses», изданныя на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Миддендорфомъ. Съ тѣхъ поръ въ трудахъ нашихъ обществъ накопился богатый матеріалъ, особенно по прѣсноводнымъ водорослямъ, который еще ждетъ болѣе полной обработки. Болѣе полныхъ монографій, за исключеніемъ водорослей Финскаго залива и Бѣлаго моря, обработанныхъ Х. Я. Гоби, у насъ почти не имѣется. Сказанное о водорослях относится также и къ грибамъ, такъ какъ, со времени выхода въ свѣтъ Fungi Rossici («Hymeno et Gasteromycetes huiusque in imperio Rossico observates» и «Enumeratio stirpium in agro Petropolitano sponte crescentium», 1836 и 1837) Веймана, у насъ не появлялось сколько-нибудь значительныхъ монографій въ этомъ направленіи. Только въ самое послѣднее время изданіе гербарія русскихъ грибовъ, подъ ред. В. Л. Комарова, В. А. Траншеля и А. А. Ячевскаго, обѣщаетъ, повидимому, восполнить этотъ пробѣлъ, такъ какъ, заключая въ себѣ хорошія коллекціи преимущественно изъ отдаленныхъ окраинъ Р., вызоветъ, вѣроятно, въ скоромъ времени соотвѣтствующую литературу. Мхи и въ особенности лишаи пока еще изслѣдованы мало. Впрочемъ, въ самое послѣднее время С. Г. Навашинымъ задумано изданіе опредѣлителя русскихъ мховъ, первый выпускъ котораго уже появился въ свѣтъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ продолженіе болѣе чѣмъ 150 лѣтъ, ботаника въ Р. сдѣлала настолько крупные успѣхи въ области систематики высшихъ растеній и по фитогеографіи вообще, что можно даже говорить о самостоятельной русской школѣ въ этомъ направленіи. Что же касается остальныхъ областей ботаники, то за послѣднія 50 лѣтъ у насъ появилось столько выдающихся работъ по различнымъ вопросамъ физіологіи и морфологіи, что мы смѣло можемъ гордиться нашими успѣхами за это время. *А. Еленкинъ*.

10) Зоологія. Основатель эмбріологіи, Вольфъ, состоялъ нѣкоторое время рус. академикомъ, но тѣмъ не менѣе онъ оставался нѣмецкимъ ученымъ и связь его имени съ Р.

Библиотека "Руниверс"

чисто случайная. Уже гораздо ближе къ Р. стоялъ Палласъ, приглашенный Екатериной для изученія Р. Палласъ, первоклассный наблюдатель, обладавшій въ высшей степени яснымъ умомъ и всюду вносившій чрезвычайную трезвость взглядовъ, по отношенію къ Р. является первымъ изслѣдователемъ ея съ зоологической точки зрѣнія. Съ 1768 г. онъ начинаетъ изслѣдованіе Европ. Р., а потомъ переноситъ свою дѣятельность за Уралъ, доходитъ до подножія Алтая и до Байкала, а на югѣ до Каспія и Кавказа, а въ 1774 г. возвращается въ Петербургъ, чтобы заняться обработкой добытыхъ результатовъ. Съ 1793—94 г. онъ изслѣдуетъ на свои средства югъ Р. и Крымъ и оставляетъ Р. въ 1810 г. Капитальное изслѣдованіе русско-азіатской фауны, первое антропологическое изслѣдованіе монгольскаго племени были результатами этихъ поѣздокъ. Во всякомъ случаѣ, Палласъ все-таки остается нѣмецкимъ ученымъ, изслѣдовавшимъ Р.—Родоначальникомъ русской зоологіи надо считать *Бэра*. Остзеецъ по происхожденію, нѣмецъ по воспитанію, онъ начинаетъ свою карьеру въ Германіи и лишь съ 1834 г., будучи приглашенъ нашей академіей, переноситъ свою дѣятельность въ Р. Бэръ является весьма многостороннимъ изслѣдователемъ: онъ и первоклассный эмбріологъ, обосновавшій ученье Кювье о типахъ эмбріологически, открывшій яйцо млекопитающихъ и давшій удивительное по точности описаніе развитія позвоночныхъ; онъ и ихтіологъ, дающій при этомъ важныя практическія указанія для русскаго рыболовства; онъ и географъ, открывающій законъ отклоненія теченія рѣкъ подъ вліяніемъ вращенія земли, законъ, носящій названіе Бэровскаго; онъ и антропологъ, изучающій расовыя отличія череповъ или краніологію. Попавъ въ Р., онъ предпринимаетъ рядъ экспедицій для ея изученія: на Новую Землю, въ Лапландію (въ сопровожденіи Миддендорфа), Финляндію и рядъ поѣздокъ по Р., съ цѣлью изученія нашего рыбнаго дѣла. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательно изслѣдованіе каспійскаго рыболовства, въ которомъ принималъ участіе также Данилевскій. Если Бэръ является основателемъ русскаго анатомо-эмбріологическаго направленія, русской антропологіи и прикладной ихтіологіи, то *Ѳ. Брандтъ*, основатель зоологическаго музея академіи наукъ, является продолжателемъ Палласа въ дѣлѣ изученія русской фауны и родоначальникомъ русской фаунистики и систематики. Прослѣдимъ, такимъ образомъ, ту преемственную связь, которая существуетъ между родоначальниками русской зоологіи и ея современными представителями. Вскорѣ мы видимъ въ нашихъ университетахъ уже не профессоровъ «натуральной исторіи», преподававшихъ зоологію въ числѣ прочихъ наукъ, а настоящихъ зоологовъ-спеціалистовъ. Въ Петербургѣ— *Куторга*, давшій нѣсколько самостоятельныхъ зоологическихъ и палеонтологическихъ изслѣдованій, въ Москвѣ — *Варнекъ* и *Рулье*, обладавшій умомъ, склоннымъ къ біологическимъ обобщеніямъ, въ Казани—*Н. Вагнеръ*, открывшій замѣчательное явленіе дѣвственнаго размноженія личинокъ одного двукрылаго, получившее надлежащее истолкованіе отъ Бэра, и тамъ же—Овсянниковъ, давшій рядъ эмбріологическихъ и гистологическихъ работъ. Интересно, что всѣ эти лица вовсе не являются учениками Бэра, а получаютъ свое зоологическое образованіе или въ Дерптѣ, или за границей, такъ что Бэръ является безъ непосредственныхъ преемниковъ. Но начатое имъ дѣло продолжалось. И дѣйствительно, скоро русская зоологія, благодаря трудамъ *А. Ковалевскаго, Мечникова*, а также *Заленскаго* и *Бобрецкаго*, ученика Ковалевскаго, заняла видное мѣсто въ наукѣ и притомъ получила опредѣленную физіономію: характернымъ направленіемъ для русской зоологіи является—эмбріологическое. Русскіе эмбріологи, главнымъ образомъ Ковалевскій и Мечниковъ, являются едва-ли не главными дѣятелями въ вопросѣ объ установленіи единства эмбріологическихъ пластовъ, а слѣдовательно и единства организаціи у всѣхъ животныхъ. Если Бэру удалось свести разнообразныя формы развитія къ опредѣленнымъ типамъ, то позднѣйшимъ эмбріологамъ удалось свести эти типы къ одному общему постепенно осложняющемуся плану. Въ позднѣйшее время новѣйшее физіологическое направленіе опять-таки многимъ обязано Мечникову и Ковалевскому. Учениками Овсянникова являются *Великій*, открывшій многочисленность лимфатическихъ сердецъ у амфибій, *Гримм*, *Усовъ* и отчасти *Мейеръ*. Впрочемъ, выраженіе «ученикъ» по отношенію къ русскимъ ученымъ по большей части вовсе не имѣетъ того значенія, какъ по отношенію къ германскимъ. Русскіе ученые по большей части получали окончательное зоологическое образованіе за границей, при чемъ весьма важную въ этомъ отношеніи роль играла лабораторія Лейкарта въ Гиссенѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ. Учитель лишь направлялъ первые шаги того лица, котораго онъ съумѣлъ заинтересовать. Вообще говоря, это поколѣніе русскихъ зоологовъ не оставило школы въ буквальномъ значеніи этого слова, тѣмъ не менѣе въ одесскомъ, кіевскомъ и казанскомъ университетахъ мы видимъ рядъ профессоровъ и спеціалистовъ, которые отчасти являются учениками этого поколѣнія (Бучинскій, Репяховъ, Рейнгардтъ, Лебединскій, Остроумовъ и др.). Собственно говоря, зоологическая школа, въ точномъ смыслѣ этого слова, была только въ Москвѣ. Тамъ послѣ Рулье преподаваніе зоологіи въ университетѣ раздѣлено было между тремя его учениками: *Богдановымъ, Борзенковымъ* и *Усовымъ*. Богдановъ прошелъ хорошую школу у Лейкарта. Самостоятельныя изслѣдованія Богданова малочисленны, но онъ игралъ роль въ исторіи русской зоологіи, какъ организаторъ ученыхъ обществъ, конгрессовъ, музеевъ, выставокъ, а главное, какъ основатель зоологической школы. Рано умершіе Зенгеръ и Раевскій, а также стяжавшій себѣ репутацію первокласснаго путешественника Федченко, затѣмъ цѣлый рядъ зоологовъ, занимавшихъ и занимающихъ по большей части каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, являются его учениками: *В. Вагнеръ, Зографъ*,

Библиотека "Руниверс"

Кулагинъ и *Тихомировъ* въ Москвѣ; *Митрофановъ*, *Насоновъ* и рано умершій Ульянинъ въ Варшавѣ; Коротневъ въ Кіевѣ; *Шимкевичъ* въ Петербургѣ. Ученикомъ Борзенкова и замѣстителемъ его по каѳедрѣ явился Мензбиръ, который какъ орнитологъ въ то же время является и ученикомъ извѣстнаго путешественника Сѣверцова. Если прибавить къ перечисленнымъ зоологамъ еще лицъ, получившихъ медицинское образованіе, а потомъ сдѣлавшихся зоологами, какъ Гороновичъ и профессора: *Э. Брандтъ*, *А. Брандтъ*, *Кащенко*, *Холодковскій* (ученикъ Э. Брандта), и лицъ, получившихъ свое зоологическое образованіе за границей, какъ напр. *Шевяковъ* — ученикъ Бючли, *Полежаевъ* — ученикъ Шульце, или сдѣлавшихся зоологами самоучкой, какъ рано умершій Шманкевичъ, извѣстный своими опытами надъ вліяніемъ среды на животныхъ, то картина зоологической преемственности будетъ почти полной и роль московской школы при этомъ выступитъ съ надлежащей ясностью. Отмѣтимъ также дѣятельность варш. профессоровъ: *Ганина* и *Вржесніовскаго* (ученикъ ботаника, изслѣдовавшаго и простѣйшихъ животныхъ—Ценковскаго) и учениковъ перваго: *Урбановича* и *Нусбаума*. Послѣдній, какъ и нѣкоторые другіе русскіе зоологи, напр. *Давыдовъ*, *Бедряга*, живутъ всегда за границей и всецѣло перенесли туда свою дѣятельность. Въ настоящее время лабораторное дѣло поставлено довольно прочно. Во многихъ университетахъ совершается та постоянная лабораторная работа, которая выдвигаетъ постепенно новыя поколѣнія изслѣдователей: въ Варшавѣ работаютъ *Эйсмондъ*, *Руднев*ъ, *Мордвилко* и др. Въ Москвѣ, у профессора *Мензбира*: *Иванцовъ*, *Суткинъ*, *Львовъ*, *Сьвергіовъ* (теперь уже профессоръ въ Юрьевѣ) и др.; въ спб. университетѣ лабораторному дѣлу положено было начало *Мережковскимъ*, ученикомъ Вагнера, и въ спб. университетѣ работали: *Книпович*ъ, *Фаусекъ*, *Ю. Вагнеръ*, *Бялыницкій-Бируля*, *С. Илеръ*, *Педашенко*, *Тарнани*; *Римскій-Корсаковъ* и др. Слѣдуетъ отмѣтить также участіе русскихъ женщинъ въ зоологической работѣ, какъ то: рано умершая Павлова, Переяславцева, бывшая директоромъ Севастопольской станціи, Андрусова (нынѣ Фаусекъ), Россійская (нынѣ Кожевникова), Е. Вагнеръ и др. Громадное большинство перечисленныхъ зоологовъ является представителями того анатомо-эмбріологическаго направленія, которое получило начало отъ Бэра. Направленіе, представленное въ въ, началѣ русской зоологической эпохи Ѳ. Брандтомъ, тоже получаетъ довольно широкое развитіе. Въ Казани работали надъ русской фауной Эверсманнъ, въ спб. университетѣ Кесслеръ, главный иниціаторъ по организаціи съѣздовъ естествоиспытателей въ Россіи, въ академіи наукъ — извѣстный герпетологъ Штраухъ. Въ Петербургѣ группируются около Кесслера и Штрауха болѣе молодыя силы, частью ихъ ученики, какъ *М. Богдановъ*, *Герценштейнъ*, *Плеске*, *Никольскій*, *Бихнеръ* и цѣлый рядъ еще болѣе молодыхъ силъ. На Кавказѣ въ этомъ направленіи работаетъ—Радде. Одновременно съ Ѳ. Брандтомъ въ академіи наукъ, въ качествѣ хранителя, работалъ энтомологъ Менетріе, участвовавшій въ экспедиціяхъ въ Бразилію и на Кавказъ. Онъ является родоначальникомъ русскихъ энтомологовъ, группирующихся главнымъ образомъ около русскаго энтомологическаго общества. Имена Блекера, Моравица, Остенъ-Сакена, Порчинскаго, Родошковскаго, Семенова, Якобсона и цѣлаго ряда энтомологовъ связаны съ дѣятельностью этого общества. Мы видѣли, что Бэръ явился и первымъ зоологомъ путешественникомъ, такъ что послѣдующіе зоологи путешественники—Миддендорфъ, Сѣверцовъ, Ѳедченко, Пржевальскій — являются лишь продолжателями того, что было начато Бэромъ. Всѣ они являются изслѣдователями нашего сѣвера, русскихъ азіатскихъ владѣній или близлежащихъ къ нимъ странъ. Только Миклуха-Маклай изъ русскихъ зоологовъ-путешественниковъ пытался перенести дѣятельность въ иные, болѣе далекіе пункты земного шара. Точно также получившая отъ Бэра толчекъ прикладная зоологія начинаетъ развиваться. Практикъ Врасскій открываетъ способъ сухого оплодотворенія рыбьей икры; Гриммъ, Книпович, Варпаховскій и др. работаютъ въ области прикладной ихтіологіи и изучаютъ промысловыхъ животныхъ вообще. Кеппенъ, Порчинскій, Шевыревъ и цѣлый рядъ энтомологовъ изучаютъ вредныхъ насѣкомыхъ и содѣйствуютъ организаціи борьбы съ ними. Тихомировъ, Шавровъ и др. изучаютъ шелководство. Надо упомянуть также о тѣхъ лицахъ, которые составленіемъ общедоступныхъ руководствъ и сводокъ, какъ Гердъ. Симашко и др., старались провести въ массы знанія, добытыя спеціалистами. Въ настоящее время въ Р. имѣется двѣ каѳедры зоологіи въ Имп. академіи наукъ, занятыя Ковалевскимъ и Заленскимъ, почти въ каждомъ университетѣ двѣ каѳедры зоологіи, каждая съ своимъ кабинетомъ; при академіи наукъ, моск. и варшавскомъ унив. — первоклассные зоологическіе музеи, на Мурманскомъ берегу (прежде въ Соловкахъ), Севастополѣ и въ Вилафранкѣ функціонируютъ, содержимыя русскимъ правительствомъ, зоологическія станціи; въ трудахъ нашихъ ученыхъ обществъ, имѣющихся при каждомъ университетѣ, и въ заграничныхъ журналахъ публикуются постоянно спеціальныя изслѣдованія русскихъ зоологовъ; функціонируетъ спеціально-энтомологическое общество и нѣсколько обществъ, посвященныхъ прикладной зоологіи. Если припомнить, что три четверти вѣка назадъ русская зоологія не существовала, то прогрессъ дѣла, коему еще такъ недавно положено начало Бэромъ, станетъ по истинѣ изумительнымъ. Если глядя на будущее, мы не безъ чувства зависти можемъ смотрѣть на успѣхи нашей учительницы — германской зоологіи, которую намъ предстоитъ догнать, то, сравнивая возрастъ германской науки и оглядываясь на короткій періодъ, едва прожитый нашей зоологической наукой, мы не можемъ не испытать чувства нѣкотораго удовлетворенія.

В. Шимкевичъ.

11) **Анатомія.** — Развитіе анатоміи какъ науки въ Р. тѣсно связано съ устройствомъ при

Библиотека "Руниверс"

моск. и петербургскихъ госпиталяхъ первыхъ медицинскихъ школъ или, какъ ихъ называли въ то время, медико-хирургическихъ школъ. Въ этихъ школахъ впервые было введено правильное преподаваніе не только фармакологіи, ботаники, хирургіи и пр., но и анатоміи. Въ московской медико-хирургической школѣ первымъ преподавателемъ анатоміи, въ 1722 г., былъ извѣстный врачъ Николай *Бидлоо*, приглашенный на службу въ Россію изъ Голландіи въ 1703 г. Преподаваніе велось частью по учебнику самого Бидлоо, напечатанному имъ еще до пріѣзда его въ Р., частью по учебнику Стеф. *Бланкарда*. Иллюстраціей къ указаннымъ учебникамъ служилъ превосходной анатомическій атласъ отца *Бидлоо*. Кромѣ того, въ госпитали доставлялись еще трупы «подлыхъ людей», поднятые на улицахъ, и вскрывались тамъ въ присутствіи учениковъ. Остеологія изучалась по имѣющимся при госпиталяхъ скелетамъ и отдѣльнымъ костямъ. Съ 1754 г. въ московскихъ и другихъ медико-хирург. школахъ учреждаются должности постоянныхъ преподавателей или доцентовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и извѣстный докторъ *К. И. Щепинъ*, отправленный въ 1753 г. для усовершенствованія въ наукахъ за границу. Въ 1762 г., возвратясь изъ-за границы, онъ вступилъ въ должность «лекціоннаго доктора» при московскомъ госпиталѣ и, между прочимъ, велъ преподаваніе «анатоміи въ натурѣ». Остеологія изучалась на костяхъ, а прочія части человѣч. тѣла—на фигурахъ и на трупахъ. Въ тоже время при петербургскихъ госпиталяхъ устраиваются также школы, по образцу московскихъ, при чемъ въ этомъ дѣлѣ особенно живое участіе принималъ тотъ-же Щепинъ, который въ 1764 г. былъ переведенъ на службу въ СПб. Въ медико-хирургической школѣ петерб. сухопутнаго госпиталя анатомію читалъ самъ Щепинъ (на русскомъ языкѣ) и доцентъ *А. фонъ-Меллень* (на нѣмецкомъ языкѣ). Послѣ ухода Щепина, въ московскомъ госпиталѣ анатомію читалъ на латинскомъ языкѣ *Энгель*, а въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ, по смерти *Меллена*, преподаваніе анатоміи принялъ на себя (въ 1779 г.) *М. М. Тереховскій*. Съ 1780 г. медико-хирургическія школы были преобразованы въ училища съ опредѣленнымъ штатомъ профессоровъ и адъюнктовъ. Въ моск. медико-хирургич. училищѣ первымъ проф. анатоміи, хирургіи и физіологіи былъ *Я. А. Риндеръ*, а въ петербургскомъ мед.-хирург. училищѣ преподаваніе анатоміи было возложено на *Н. К. Карпинскаго*, которому въ помощники былъ назначенъ *И. А. Загорскій*. Вскорѣ, благодаря стараніямъ проф. *Шумлянскаго* и *Тереховскаго*, были приняты мѣры къ улучшенію медико-хирург. школъ и въ 1798 г., по предложенію директора медиц. коллегіи *А. И. Васильева*, состоялся указъ объ учрежденіи петербургской и московской медико-хирург. академій. Открытіе академій состоялось въ 1799 г., при чемъ преподавателями анатоміи въ петерб. медико-хир. академіи были назначены *Н. К. Карпинскій*, съ прозекторомъ *И. Загорскимъ*, а въ московской академіи *ф. Стефанъ*, съ прозекторомъ *А. Гильденбрандтомъ*. Кромѣ устройства академіи, въ С.-Петербургѣ было основано, при Калинкинской больницѣ, «Императорское Калинкинское медико-хирургическое училище» (съ 1783 г. институтъ), въ которомъ также преподавалась и анатомія. Первымъ профессоромъ анатоміи въ этомъ училищѣ былъ *И. Форштейнъ* (1784 г.). Съ учрежденіемъ медико-хирургической академій, а затѣмъ и первыхъ университетовъ въ Россіи, собственно говоря, и начинается расцвѣтъ анатоміи, при чемъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи заняла петерб. медико-хирургическая академія, въ которой преподавателями этой отрасли біологіи были лучшіе анатомы: проф. *П. А. Загорскій*, *И. В. Буяльскій*, *Ѳ. П. Ландцертъ*, *Н. И. Пироговъ*, *В. Л. Груберъ* и цѣлый рядъ ихъ учениковъ, какъ напр. *А. И. Таренецкій*, *П. Ф. Лесгафтъ*, *Д. С. Ермолаевъ* и др. Проф. *П. А. Загорскій* (1764—1846 г.) напечаталъ много солидныхъ работъ по разнымъ вопросамъ анатоміи и въ 1802 г. издалъ извѣстное руководство по описательной анатоміи, принятое во всѣхъ русскихъ университетахъ и выдержавшее пять изданій. Онъ же обогатилъ анатомическій музей академіи многими собственными и выписанными имъ изъ-за границы препаратами. *И. В. Буяльскій* состоялъ профес. медико-хирург. академіи съ 1833 по 1844 г. и написалъ рядъ сочиненій по анатоміи, судебной медицинѣ и хирургіи, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ его «анатомо-хирург. таблицы». Кромѣ того, онъ былъ отличнымъ инъекторомъ и очень искусно бальзамировалъ трупы для продолжительнаго ихъ сохраненія. Проф. *Ѳ. П. Ландцертъ* славился своимъ преподавательскимъ талантомъ и умѣньемъ чертить цвѣтными карандашами цѣлыя анатомическія картины. Геніальный *Н. И. Пироговъ*, занявшій каѳедру анатоміи въ медико-хир. акад. въ 1841 г., оказалъ анатоміи огромныя услуги и его сочиненія: «Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata» и «Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла» пользуются всемірною извѣстностью. Онъ, между прочимъ, въ бытность свою за границей, пригласилъ въ академію знаменитаго анатома *Грубера*, который въ 1855 г. занялъ каѳедру анатоміи и покинулъ академію въ 1887 г. Ученая дѣятельность Грубера была поистинѣ громадна и одинъ лишь указатель всѣхъ его работъ занимаетъ 4 печатныхъ листа in quarto. Груберъ особенно изучалъ и описывалъ различнаго рода уклоненія отъ нормы (аномаліи) въ строеніи человѣч. тѣла и въ этомъ отношеніи не имѣлъ себѣ равнаго въ числѣ европейскихъ ученыхъ. Грубером создана цѣлая школа анатомовъ и многіе изъ нихъ занимали и занимаютъ по настоящее время профессорскія каѳедры. Къ числу его учениковъ принадлежатъ: *К. Ф. Геппнеръ* († 1874 г.), *П. Ф. Лесгафтъ*, *А. И. Таренецкій*, *Д. С. Ермолаевъ* и много другихъ. П. Ф. Лесгафтъ былъ назначенъ проф. анатоміи въ казанскомъ университетѣ, а съ уходомъ его оттуда, въ 1872 г., каѳедру анатоміи занялъ Д. С. Ермолаевъ. Лесгафтъ издалъ много трудовъ по разнымъ отдѣламъ апа-

Библиотека "Руниверс"

томіи и въ особенности по морфологіи мускулатуры и отчасти по антропологіи и гимнастикѣ. Съ уходомъ Грубера изъ академіи каѳедру анатоміи занялъ ученикъ его *А. И. Таренецкій*, который состоитъ проф. по настоящее время и напечаталъ немало цѣнныхъ трудовъ по нормальной анатоміи человѣка и животныхъ и по антропологіи. Въ юрьевскомъ универс. своими учеными трудами по анатоміи особенно извѣстны *Штида* (нынѣ проф. анатоміи въ Кенигсбергѣ) и *Рауберъ*, издавшій отличный учебникъ по нормальной анатоміи. Въ моск. университетѣ каѳедру анатоміи занимаетъ *Д. Зерновъ*, издавшій «Руководство описательной анатоміи человѣка», пользующееся въ Р. вполнѣ заслуженною извѣстностью. *А. Догель.*

12) Гистологія. Употребленіе микроскопа для разсмотрѣнія тончайшаго строенія анатомическихъ частей впервые встрѣчаемъ при изложеніи анатоміи на медицинскомъ факультетѣ моск. унив. въ концѣ XVIII в. (1791—92). Хотя долгое время не появляется самостоятельныхъ гистологическихъ изслѣдованій, но все же, въ особенности съ усовершенствованіемъ микроскоповъ, гистологія получаетъ все болѣе и болѣе широкое значеніе въ преподаваніи. Такъ, уже съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, знаменитый Бэръ (проф. медико-хирургич. акад.) съ успѣхомъ поучалъ своихъ слушателей, изъ чего состоитъ тѣло человѣка и животныхъ и показывалъ подъ микроскопомъ то, что называли «ячейками», а впослѣдствіи «клѣточками», «клѣтками», «тѣльцами». Старинныя представленія о «шарикахъ» и «пузырькахъ» начали получать болѣе точную и подробную формулу. Съ 1840-хъ годовъ начинаютъ появляться самостоятельныя изслѣдованія русскихъ ученыхъ, а именно *Заблоцкаго, Велланскаго* и *Кленке*. Дальнѣйшія усовершенствованія микроскоповъ возбудили еще большій интересъ къ гистологическимъ работамъ. Для поощренія къ такимъ занятіямъ Александръ II, въ бытность свою наслѣдникомъ русскаго престола, заказалъ лучшій микроскопъ вѣнскому мастеру Плесселю для кабинета описательной анатоміи медико-хирургической академіи. Гистологія, какъ предметъ преподаванія, была соединена то съ нормальной анатоміей, то съ сравнительной. Впервые она выдѣляется въ отдѣльную каѳедру со спеціалистомъ преподавателемъ во главѣ—съ 1860 года, въ медико-хирургической академіи, когда на научной аренѣ появляется *Н. М. Якубовичъ*, обратившій на себя всеобщее вниманіе какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи своими гистологическими изслѣдованіями въ области нервной системы. Его работами интересовалась парижская академія и выдающіеся физіологи и гистологи въ Европѣ: Клодъ Бернаръ, Миллеръ, Гельмгольцъ и другіе. Императоръ Николай I принималъ участіе въ изданіи трудовъ Якубовича, ассигнуя на это изъ собственныхъ средствъ значительныя суммы. Одновременно съ Якубовичемъ въ области гистологіи выдвинулись *Ф. В. Овсянниковъ* и *Маркузенъ*. Приблизительно, съ 1860-хъ годовъ по образцу медико-хирургич. акад. и въ университетахъ гистологія съ эмбріологіей обособляется въ отдѣльную каѳедру. Появляются спеціалисты, своими трудами обращающіе на себя вниманіе Европы, какъ напр. проф. *А. И. Бабухинъ*—въ Москвѣ и *Л. Штида*—въ Дерптѣ. Европейскую извѣстность снискалъ себѣ *Г. Ф. Гойеръ* многочисленными трудами, касающимися различныхъ отдѣловъ гистологіи. Въ особенности важны его изслѣдованія, касающіяся строенія селезенки, лимфатическихъ тѣлъ и другія. Дальше *П. И. Перемежко* принадлежитъ также къ извѣстнымъ русскимъ гистологамъ.

Нѣкоторые изъ гистологовъ предлагаютъ свои методы, имѣвшіе огромное значеніе для успѣховъ гистологіи вообще. Такъ, *Н. А. Хржонщевскій* предложилъ методъ импрегнаціи органовъ азотно-кислымъ серебромъ, методъ, который вошелъ во всеобщее употребленіе и посредствомъ котораго добыто очень много данныхъ, выясняющихъ строеніе органовъ. *А. С. Догель* предложилъ способъ окраски нервной системы посредствомъ введенія метиленовой синьки живому животному. Пользуясь имъ, Догель произвелъ многочисленныя изслѣдованія надъ окончаніями периферическихъ нервовъ въ различныхъ органахъ, а равно надъ строеніемъ симпатической и цереброспинальной нервной системы. Способъ этотъ имѣетъ въ настоящее время огромное распространеніе въ Р. и заграницей. *М. Д. Лавдовскій* многіе изъ существующихъ въ наукѣ способовъ усовершенствовалъ и примѣнялъ для своихъ обширныхъ и разносторонникъ гистологическихъ изслѣдованій. *Ф. Н. Заварыкину* принадлежатъ работы по гистологіи почекъ, отличающіяся безукоризненностью въ техническомъ отношеніи. *Стрѣльцовъ* представилъ важныя работы, касающіяся развитія костной ткани; *Огневъ* — нѣсколько данныхъ относительно гитологическаго развитія сѣтчатки. Психо-физіологическія лабораторіи И. П. Мержеевскаго и В. М. Бехтерева доставили очень много цѣнныхъ данныхъ къ микроскопической анатоміи центральной нервной системы. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о работахъ Эрлицкаго, Данило, Розенбаха и другихъ.

И. Т

13) Физіологія. Физіологія, какъ основа медицинскихъ наукъ, развивалась въ Р. почти исключительно при медицинскомъ факультетѣ университетовъ и въ военно-медицинской академіи. Впервые физіологія, какъ наука, излагалась въ московскомъ университетѣ въ 1775 г. единственнымъ профессоромъ *Керштеномъ* догматически и только въ $179^2/_3$ учебномъ году вводится экспериментъ на живомъ животномъ —условіе, доставившее такіе огромные успѣхи новѣйшей физіологіи. Съ 1840 г. физіологія выдѣляется въ отдѣльную каѳедру, тогда какъ въ предшествующіе годы она поручалась профессору, излагавшему то общую терапію и паталогію, то анатомію и т. п. Нѣкоторые изъ профессоровъ за этотъ періодъ публикуютъ сочиненія въ качествѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, какъ напр. Скадіанъ, Барсукъ-Моисеевъ, Грузиновъ, а также переводятъ руководства Галлера, Блуменбаха, Ленгоссека на русскій языкъ. Въ 1836 г. по-

Библиотека "Руниверс"

является первое оригинальное руководство на русскомъ языкѣ *А. М. Филомафитскаго*, который пользовался при составленіи этого сочиненія и своими собственными опытами; этотъ трудъ остался, однако, неоконченнымъ. Кромѣ того А. М. Филомафитскій является авторомъ солиднаго изслѣдованія: «Исторія переливанія крови». Вторымъ по времени учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ изучалась физіологія, была военно-медицинская академія (до 1880 г.—медико-хирургическая). Въ академіи физіологія была соединена съ общей патологіей и преподавалась профессоромъ анатоміи, первый профессоръ которой—*П. А. Загорскій*—былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ профессоромъ физіологіи въ академіи. Въ преподаваніи Загорскій придерживался учебника анатома Прохаски, который являлся представителемъ сравнительно анатомическаго направленія въ физіологіи. Такъ какъ это направленіе не давало возможности вникнуть во внутреннюю жизнь органовъ, то физіологи для уясненія происходящихъ въ нихъ процессовъ прибѣгали къ различнымъ теоріямъ, часто метафизическаго характера, которыя и ложились въ основу жизненныхъ явленій организма. Такъ, Загорскій является горячимъ сторонникомъ новаго ученія о Вольтовомъ столбѣ, какъ всеобщемъ законѣ органическаго строя, а равнымъ образомъ послѣдователемъ и другихъ взглядовъ Прохаски. Такимъ образомъ въ академіи въ началѣ ея существованія не было дано надлежащаго толчка экспериментальному направленію въ физіологіи. Это имѣетъ существенное значеніе для дальнѣйшаго развитія физіологіи. Въ 1817 году физіологія съ общей патологіей была отдѣлена отъ анатоміи и передана для преподаванія Д. М. Велланскому, горячему сторонніку философскихъ взглядовъ Шеллинга и его ученика Окена. Велланскій былъ врагъ опыта, считая его грубымъ, недостойнымъ занимать умъ философа, вслѣдствіе чего опытная физіологія, уже зародившаяся на Западѣ, долгое время не получала надлежащаго значенія въ военно-медиц. академіи. А. П. Загорскій—преемникъ *Д. М. Велланскому*—только въ 1847 г. вводитъ впервые настоящій физіологическій экспериментъ при изложеніи физіологіи. Ознакомленный съ новымъ физико-химическимъ направленіемъ въ физіологіи, А. П. Загорскій явился горячимъ сторонникомъ новыхъ открытій Клодъ Бернара, Гельмгольца и другихъ извѣстныхъ зап.-европейскихъ ученыхъ. Въ то же время онъ является естественнымъ предшественникомъ И. М. Сѣченова и другихъ извѣстныхъ русскихъ физіологовъ, начавшихъ свою ученую дѣятельность съ 1860-хъ гг. Въ Казани на мед. факультетѣ, открытомъ въ 1804 г., физіологія до 1860-хъ гг. не имѣла представителя, отмѣтившаго свою научную дѣятельность самостоятельными изслѣдованіями. Преподаваніе физіологіи велось согласно тому или другому учебнику. Въ харьк. унив. проф. *И. О. Каленченко* преподавалъ физіологію, согласно новому ученію Миллера, Мажанди и Комбе. Въ Дерптѣ, приблизительно за этотъ промежутокъ времени, съ 1830-хъ до 1860-хъ годовъ привлекалъ вниманіе своими физіолого-анатомическими изслѣдованіями—*Ратке*. Въ Кіевѣ физіологическая лабораторія открыта приблизительно въ 1840 г. Въ этой лабораторіи сказывается опытное направленіе въ физіологіи, согласно новѣйшимъ открытіямъ въ этой наукѣ. Проф. *Э. Э. Мирамъ* усердно вводилъ въ преподаваніе опыты, устраивалъ лабораторію, удобную для производства физіологическихъ опытовъ. Собственно говоря, развитіе физіогіи въ Р. начинается съ 1860-хъ годовъ. Благодаря установившемуся общенію русскихъ университетовъ съ заграничными, молодые русскіе физіологи имѣли возможность знакомиться съ новѣйшими открытіями въ области физіологіи подъ руководствомъ самыхъ видныхъ ея представителей: Мюллера, Клодъ-Бернара, Гельмгольца, Пфлюгера, Людвига и др. Пріѣзжая въ Р., русскіе физіологи старались, по возможности, поставить физіологію на подобающую высоту, какъ напр. *И. М. Сѣченовъ*, стяжавшій себѣ названіе: «отца русской физіологіи». Приглашенный профессоромъ въ медико-хирургическую академію въ 1860 г., Сѣченовъ стремился прежде всего устроить физіологическую лабораторію, удобную не только для лекціонныхъ цѣлей, но и для производства самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ его лабораторіи получили физіологическое образованіе многіе, ученые, занявшіе впослѣдствіи самостоятельныя каѳедры: Спиро, Тархановъ, Пашутинъ, Ворошиловъ. Самъ Сѣченовъ съ особенною любовью разрабатывалъ физіологію спинномозговыхъ рефлексовъ и обогатилъ этотъ отдѣлъ физіологіи очень цѣнными фактами. Выйдя изъ академіи въ 1870 г., послѣдовательно занималъ каѳедры въ одесскомъ, петербургскомъ и московскомъ университетахъ и вездѣ расширялъ и обогащалъ лабораторіи и руководилъ физіологическимъ образованіемъ многихъ молодыхъ ученыхъ, сдѣлавшихся потомъ профессорами физіологіи (какъ-то Введенскій, Вериго, Поповъ въ Дерптѣ и т. д.). Въ то время, когда Сѣченовъ работалъ въ мед.-хирург. акд., въ другихъ университетахъ появляются физіологи, тоже прекрасно ознакомленные съ новыми открытіями въ этой наукѣ, какъ напр. Биддеръ и Шмидтъ въ Дерптѣ. Въ Кіевѣ представителемъ физіологіи былъ *В. Б. Томсо*, который произвелъ нѣсколько важныхъ изслѣдованій; въ Харьковѣ—*И. П. Щелковъ*, который помимо самостоятельныхъ изслѣдованій написалъ на русскомъ языкѣ учебникъ физіологіи. Въ Казани на каѳедрѣ физіологіи былъ *Н. О. Ковалевскій*, важнѣйшіе труды котораго относятся къ физіологіи дыханія. Предшественникомъ Н. О. Ковалевскаго въ Казани былъ *Ф. В. Овсянниковъ*. Въ физіологической лабораторіи московскаго университета обращаютъ на себя вниманіе труды ея директора, *Л. З. Мороховца* и его учениковъ, посвященныя химіи тканей, химіи бѣлковыхъ соединеній, явленіямъ пищеваренія, всасыванія и т. д. Переходя къ болѣе современной намъ эпохѣ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ изслѣдователей съ огромной энергіей и большой пользой работавшихъ или еще работающихъ для науки

Библиотека "Руниверс"

Преемникомъ Сѣченова на каѳедрѣ физіологіи въ военно-медиц. академіи былъ *И. Ѳ. Цюнъ*. Преподаваніе физіологіи было при Цюнѣ значительно расширено, для чего требовалась хорошо обставленная физіологическая лабораторія, снабженіе которой аппаратами и инструментами принадлежитъ въ значительной степени Цюну. Послѣ ухода И. Ѳ. Цюна, на каѳедру физіологіи былъ избранъ *И. Р. Тарханов*ъ, подъ руководствомъ котораго было произведено много изслѣдованій въ физіологической лабораторіи. И. Р. Тархановъ старался вводить въ физіологію методы, дающіе возможность опредѣлять различныя физіологическія состоянія у человѣка. Такъ, ему и его ученикамъ принадлежитъ цѣлый рядъ изслѣдованій, произведенныхъ съ эргографомъ и плетизмографомъ у человѣка, а также изслѣдованія надъ усталостью, надъ вліяніемъ музыки на животный организмъ, между прочимъ, и на человѣка. Преемникъ И. Р. Тарханова по каѳедрѣ физіологіи въ военно-медицинской акд., *И. П. Павловъ*, углубился въ область пищеваренія. Добытыя имъ и его учениками результаты составили предметъ ряда интересныхъ диссертацій. Важное значеніе И. П. Павлова заключается въ томъ, что онъ ввелъ и усовершенствовалъ методику для полученія различныхъ пищеварительныхъ соковъ въ чистомъ видѣ. Ареной учено-учебной дѣятельности Павлова является не только военно-медицинская академія, но и институтъ экспериментальной медицины, въ которомъ онъ завѣдуетъ богатымъ физіологическимъ отдѣленіемъ. Благодаря богатой научной обстановкѣ физіологической лабораторіи этого института и щедрымъ суммамъ, отпускаемымъ на производство научныхъ изслѣдованій, большинство работъ какъ самаго И. П. Павлова, такъ и его учениковъ производится въ стѣнахъ этого института, которому наука уже обязана многими цѣнными и важными изслѣдованіями. Изъ работъ болѣе юнаго поколѣнія физіологовъ обращаютъ на себя болѣе вниманія труды проф. *Н. Е. Введенскаго*, занявшаго послѣ Сѣченова каѳедру физіологіи въ с.-петербургскомъ университетѣ, проф. *В. Н. Великаго* въ томскомъ университетѣ, *Мислявскаго* въ Казани, *В. Я. Данилевскаго* въ Харьковѣ, извѣстнаго главнымъ образомъ своими работами надъ гипнозомъ у животныхъ, функціями корковыхъ центровъ и т. д., проф. *С. И. Чирьева* (въ Кіевѣ), работавшаго преимущественно надъ иннервацией слюнныхъ железъ, проф. *Б. Ф. Верига* (Одесса), извѣстнаго главнымъ образомъ своими работами надъ лейкоцитами, какъ защитниками крови, В. И. *Вартанова* (проф. женскаго медицинскаго института), *П. Я. Борисова* и *Л. Б. Попельскаго*. Въ началѣ 1890-хъ годовъ для физіологическихъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ Россіи открылось широкое поле, благодаря Императорскому институту экспериментальной медицины, въ которомъ устроена, между прочимъ, хорошо обставленная въ матеріальномъ отношеніи спеціально-физіологическая лабораторія, изъ которой вышли многія важныя работы, по преимуществу по физіологіи пищеваренія. Присутствіе въ этомъ институтѣ очень извѣстнаго по своимъ работамъ въ области физіологической химіи проф. *Неницкаго*, завѣдующаго отдѣленіемъ физіологической химіи, сильно выдвинуло научное значеніе этого учрежденія, обогативъ физіологическую литературу рядомъ капитальныхъ работъ самого Неницкаго и совмѣстно съ товарищами его и его учениками. *И. Т.*

14) **Медицина**. Въ глубокой древности приносились въ Россію медицинскія ученія изъ Персіи, какъ представительницы арабской школы во главѣ съ Авиценой, а также изъ Византіи и Александріи, какъ сосредоточія греческой и римской медицины съ ихъ представителями Галеномъ и Гиппократомъ; но въ обиходѣ была главнымъ образомъ народная медицина. Ей приходили на помощь, наѣзжавшіе изъ Византіи, а впослѣдствіи и съ Запада, и настоящіе врачи. Они иногда брали къ себѣ на выучку молодыхъ людей и такимъ образомъ распространяли нѣкоторыя медицинскія знанія. Въ первой половинѣ XVII стол. отъ такихъ заѣзжихъ врачей брались обязательства обучать молодыхъ людей, «ничего отъ нихъ не тая». Въ 1654 г. появилась въ Москвѣ первая врачебная школа при госпиталѣ, а въ концѣ XVII стол. уже стали посылать за границу молодыхъ людей учиться медицинѣ и пріобрѣтать докторскіе дипломы. Петръ I высоко цѣнилъ значеніе медицины, даже самъ занимался ею, посѣщая курсы анатоміи въ Амстердамѣ. Онъ преобразовалъ нѣкоторые госпитали во врачебныя школы, такъ называемые тогда «Генеральные гофшпитали». Первый изъ нихъ, учрежденный въ Москвѣ, находился въ завѣдываніи голландца Бидлоо (Bidloo), котораго русская медицинская наука должна считать своимъ родоначальникомъ (см. XVIII, 885—887,—Медицина въ Р.). Госпитальныя школы въ Петербургѣ были открыты только черезъ 26 лѣтъ, при чемъ ихъ было двѣ: «сухопутная гофшпиталь» и «адмиралтейская гофшпиталь». Онѣ были устроены по образцу московской. 12 молодыхъ русскихъ врачей, предназначенныхъ быть первыми преподавателями въ означенныхъ школахъ, было отправлено заграницу. Медицинская коллегія, смѣнившая медицинскую канцелярію, обязана была также и «просвѣщать медицинскую науку саму по себѣ». Въ 1798 г. построены зданія для чисто учебныхъ цѣлей, школы преобразованы въ академію, а госпиталь долженъ былъ стать только учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ. Основанная (1798) медико-хирургическая акад. была поставлена на степень первыхъ ученыхъ заведеній въ Имперіи. Преподаваніе въ ней началось въ 1800 г. при нѣсколькихъ русскихъ профессорахъ. Въ началѣ XIX стол., по окончаніи отечественной войны, съ Запада пріѣзжали врачи, повліявшіе на постановку медицинскаго образованія въ Р. Въ началѣ XIX стол. были открыты университеты дерптскій, казанскій, харьковскій и петербургскій, съ медицинскими факультетами при первыхъ трехъ. Такимъ образомъ явились условія для развитія въ Р. всѣхъ отраслей медицины.

Библиотека "Руниверс"

Общая патологія. Общая патологія въ Р. въ данное время, благодаря работамъ такихъ ученыхъ какъ *В. Пашутинъ*, *Подвысоцкій*, *Лукьяновъ* и другіе, достигла довольно высокаго уровня развитія. Разработка вопросовъ общей патологіи служитъ одной изъ задачъ спеціально построеннаго въ Петербургѣ, института экспериментальной медицины, состоящаго подъ руководствомъ проф. *И. П. Павлова*, *Лукьянова*, *Ненцкаго*, *Виноградскаго*, *Ускова* (†) и др. Работы по общей патологіи печатаются: въ «Архивѣ біологическихъ наукъ», издаваемомъ институтомъ, и въ «Русскомъ Архивѣ патологіи, клинической медицины и бактеріологіи», подъ редакціей проф. В. Подвысоцкаго, въ Кіевѣ. Упомянемъ также два распространенные въ Р. руководства по общей патологіи: 1) В. В. Пашутина, «Курсъ общей патологіи» (1885 и сл.), 2) проф. В. В. Подвысоцкаго, «Основы общей патологіи, руководство къ изученію физіологіи больного человѣка» (2 т., 3 изд.).

Терапія. Первая русская терапевтическая клиника была открыта въ мед.-хирургической академіи въ Петербургѣ въ 1806 г. Учредителемъ ея былъ клиническій профессоръ академіи знаменитый Франкъ (Johann - Peter Frank), руководилъ же этой клиникой преемникъ его, терапевтъ *Гаевскій*, бывшій въ свое время выдающимся профессоромъ. Первымъ введшимъ въ Россіи выстукиваніе и выслушиваніе, какъ методы объективнаго изслѣдованія больного, былъ проф. *Чаруковскій*, издавшій до 35 работъ по разнымъ вопросамъ терапіи и въ ихъ числѣ «Курсъ частной терапіи». Первыя клиническія отдѣленія при госпиталяхъ были устроены благодаря стараніямъ *Г. И. Базилевича* († 1802), который, завершивъ образованіе въ Страсбургѣ, занялъ мѣсто профессора патологіи и терапіи при спб. мед.-хирургическомъ училищѣ. Изъ профессоровъ этого отдѣла медицины, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, имѣлъ большое вліяніе на учащихся метафизикъ и натуръ-философъ *Велланскій*. Его преподаваніе діагностики и патологіи не опиралось на анатомію и физіологію—оно носило чисто теоретическій характеръ. Зато преемникъ Велланскаго, *К. К. Зейдлицъ* (вышелъ въ отставку въ 1854 г.), имѣлъ огромное значеніе для своей эпохи. Онъ былъ многосторонне образованнымъ ученымъ, при чемъ его «Klinischer Bericht 1846 г.» представлялъ образецъ учено-практическаго труда. Терапія его была высоко научна, основана на раціональныхъ показаніяхъ и на зрѣломъ опытѣ и близкомъ знакомствѣ съ дѣйствіемъ главныхъ врачебныхъ средствъ. Онъ пользовался и гидротерапіей. Преемникомъ Зейдлица былъ *Н. Ѳ. Здекауеръ* (XII, 372), занимавшій въ теченіе 12 лѣтъ въ военно-мед. академіи каѳедру общей патологіи, терапіи и діагностики. Онъ первый читалъ въ академіи въ 50-хъ годахъ целлулярную патологію по Вирхову, познакомилъ съ примѣненіемъ термометріи, ввелъ въ своей клиникѣ молочное лѣченіе при болѣзняхъ сердца и водянкахъ почечнаго происхожденія. Обновленіе русской жизни съ воцареніемъ Александра II отразилось и на развитіи медицинскихъ знаній въ Р. Приглашенные президентомъ спб. медико-хирургич. акад. Н. А. Дубовицкимъ на вновь учрежденныя каѳедры молодые русскіе ученые, Якубовичъ, Боткинъ, Сѣченовъ, Юнге и Беккерсъ, имѣли огромное вліяніе на постановку медицинскаго образованія въ Р. и развитіе медицинскихъ знаній. Особенно плодотворное вліяніе на развитіе медицинскихъ знаній въ Р. имѣлъ *С. П. Боткинъ* (IV, 500), главный насадитель терапевтическихъ знаній въ Р. Сущность ученія Боткинской школы сводилась къ слѣдующему: необходимо изучить сперва больного, затѣмъ болѣзнь послѣдняго и соблюдать объективность. Школа эта дала рядъ профессоровъ, представителей клинической медицины почти для всѣхъ медицинскихъ факультетовъ въ Р. Боткину принадлежитъ разработка клиническаго ученія о подвижности почекъ, сократительности селезенки и по множеству другихъ вопросовъ, но въ настоящемъ очеркѣ не мѣсто разбирать всѣ огромныя его заслуги. Его клиника заняла первенствующее мѣсто не только въ Р., но и среди многихъ заграничныхъ клиникъ. Изъ нея вышелъ цѣлый рядъ выдающихся русскихъ научныхъ работъ и много профессоровъ для нашихъ университетовъ и академіи: *Д. И. Кошлаковъ* (1835 — 91), *В. П. Покровскій* (1838—77), Ю. *Т. Чудновскій*, *В. А. Манассеинъ* (читалъ лекціи съ 1866 г.). Послѣдній, въ свою очередь, основалъ школу, изъ которой вышли: Стольниковъ, Сигристъ, Бубновъ, Костюринъ и др. Издававшійся С. П. Боткинымъ «Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней», съ 1869 г., составилъ цѣнный вкладъ въ русскую научную литературу. Боткинъ создалъ не только собственную терапевтическую школу, но имѣлъ большое вліяніе на развитіе другихъ практическихъ спеціальностей, напр. ученія о нервныхъ болѣзняхъ, болѣзней кожи, горла, электротерапіи, гидротерапіи и др. Изъ его школы выходили и представители чистой науки, какъ, напр., физіологъ И. П. Павловъ, потомъ Лукьяновъ и мн. др. Однимъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ С. П. Боткина былъ *В. Г. Лашкевичъ*, проф. харьковскаго университета. Другимъ блестящимъ и талантливымъ ученикомъ Боткина былъ покойный профессоръ кіевскаго университета Покровскій. Знаменитый въ лѣтописяхъ московскаго университета врачъ философъ *Ф. И. Иноземцевъ* (1802 — 69) пользовался большою популярностью среди своихъ учениковъ. Имъ проводилась мысль о необходимости основательнаго изученія патологической химіи и физическихъ и химическихъ методовъ изслѣдованія больныхъ. Иноземцевъ основалъ свою газету «Московскую Медицинскую» (М., 1858), въ Москвѣ. Для разработки раціональной терапіи Иноземцевъ считалъ лучшимъ и необходимымъ средствомъ научный терапевтическій опытъ. Проф. военно-медиц. акад. Кошлаковъ былъ первымъ піонеромъ по части распространенія свѣдѣній по патологической химіи. Въ его лабораторіи произведенъ рядъ работъ по физіологической и патологической химіи, токсикологіи, фармакологіи и патологической гистологіи, а также разрабатывался детально вопросъ о фи-

Библиотека "Руниверс"

зіологіи и патологіи желудочнаго пищеваренія. Его учениками были: академикъ Л. В. Поповъ, проф. Т. И. Богомоловъ, Н. И. Симоновскій, котораго онъ подготовилъ преемникомъ себѣ по каѳедрѣ ларингологіи. Въ послѣднее время на развитіе медицинской мысли въ Россіи имѣлъ большое вліяніе *Гр. Захарьинъ*, проф. моск. универс. Изъ его школы вышли выдающіеся московскіе профессора: Остроумовъ, Чериковъ, Павлиновъ, Снегиревъ и Филатовъ. Захарьинымъ создана школа, сущность которой заключается въ томъ, что врачъ долженъ ставить на первомъ мѣстѣ распросъ больного и чисто клиническое объективное изслѣдованіе, оставляя въ сторонѣ детали и стараясь возможно точно формулировать задачи терапіи.

Хирургія. Для сужденія объ успѣхахъ хирургическихъ знаній въ Р. въ госпитальныхъ школахъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія мы не имѣемъ данныхъ. Учебники въ то время были переводные, перечень же инструментовъ, употреблявшихся въ то время, показываетъ, что кругъ примѣненія хирургіи былъ обширенъ. Изъ операцій, которыя примѣнялись въ то время, наибольшей славой пользовалась операція каменной болѣзни. Существовала цѣлая школа такихъ операторовъ, основанная грекомъ П. Венедиктовымъ и распространенная его учениками на нѣсколько поколѣній. Въ XIX стол., когда въ основу изученія хирургіи была положена физика, химія, экспериментальная физіологія, макро- и микроскопическая анатомія, съ открытіемъ общей анестезіи, эта отрасль медицинскихъ знаній перетерпѣваетъ существенныя измѣненія. Въ первую треть текущаго столѣтія преподаваніе ея въ Россіи велось по руководству Буша, но школа Буша продержалась на уровнѣ европейской науки лишь до 1814—1815 г. Преемникъ по каѳедрѣ Буша — *Саломонъ* — первый сталъ примѣнять успѣхи хирургіи на практикѣ (перевязку внутренней подвздошной артеріи въ 1825 г., операцію камнедробленія). Его «Руководство къ оперативной хирургіи» (2 т.), изданное въ 1840 г., было очень хорошимъ для своего времени учебникомъ. Послѣ 1865 г. проф. мед.-хир. академіи *Рудневъ* и *Богдановскій* и др. поставили патологическую анатомію и хирургическую патологію на тотъ уровень, котораго эти предметы достигли на нѣмецкой почвѣ, благодаря трудамъ Вирхова, Отто Вебера, Бильрота, Фолькманна и ихъ учениковъ. Съ Богдановскаго (1859) длинный рядъ даровитѣйшихъ питомцевъ академіи командируется въ центры европейской учености. Проф. Дубовицкій, назначенный президентомъ спб. мед.-хир. акд., внесъ въ нее новую жизнь, пополнивъ составъ профессоровъ новыми молодыми силами и русскими талантами (Сѣченовъ, Боткинъ Юнге, Якубовичъ и др.). Богдановскій, идя рука объ руку съ проф. патологической анатоміи Рудневымъ, вмѣсто господствовавшаго тогда грубо-анатомическаго направленія ввелъ чисто патологическое: теоретическая хирургія при Богдановскомъ превратилась въ хирургическую патологію. Честь созданія школы хирургіи въ Р. принадлежитъ *Н. И. Пирогову* (XXIII, 651), положившему въ основу ея анатомію и экспериментальную хирургію. Нельзя здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ очертить огромныя заслуги Пирогова, извѣстнаго во всемъ медицинскомъ мірѣ. Своими опытами для выясненія сущности гнойнаго зараженія Пироговъ предугадалъ сущность современной бактеріологической теоріи происхожденія гноекровія и училъ, что оно происходитъ подъ вліяніемъ особыхъ бродилъ, поступающихъ извнѣ или развивающихся въ крови. Пирогову принадлежитъ честь примѣненія въ Россіи анестезирующихъ средствъ—сѣрнаго эѳира и хлороформа—при операціяхъ не только въ госпиталяхъ, а также на поляхъ сраженій на Кавказѣ, гдѣ онъ впервые примѣнилъ неподвижную повязку изъ алебастра. Повязка эта быстро распространилась въ хирургической практикѣ. Своими капитальными сочиненіями по военно-полевой хирургіи и военно-врачебному дѣлу Пироговъ указалъ на то, какое огромное значеніе въ дѣлѣ помощи раненымъ имѣетъ администрація. Лучшимъ руководствомъ по военно-полевой хирургіи было классическое твореніе Пирогова: «Начало военно-полевой хирургіи». Пирогову принадлежитъ честь изобрѣтенія костнопластическаго способа вычлененія стопы.

Дерматологія. Кожныя болѣзни, до Полотебнова, преподавались въ самомъ элементарномъ видѣ, и то лишь въ одной медицинской академіи; онѣ стали обязательными предметами только по университет. уставу 1884 г. *Полотебновъ* и его ученики (Сруповенковъ) самостоятельно разрабатывали ученіе о болѣзняхъ кожи, классифицировали ихъ, указали на связь ихъ съ общимъ состояніемъ организма и нервной системы (подробн. см. Полотебновъ). Сруповенковъ, ученикъ Полотебнова, познакомилъ русскихъ врачей съ цѣлымъ рядомъ самыхъ рѣдкихъ кожныхъ страданій и указалъ на зависимость болѣзней кожи отъ заболѣваній нервной системы и вообще состоянія организма. Изъ оригинальныхъ руководствъ по кожнымъ болѣзнямъ должно указать на «Учебникъ кожныхъ болѣзней» проф. моск. унив. Поспѣлова.

Акушерство и гинекологія. Первый по времени акушеръ въ Россіи былъ англичанинъ Якобъ, при Іоаннѣ Грозномъ, но затѣмъ не имѣется свѣдѣній о дальнѣйшемъ развитіи акушерства. Въ 1754 г. были устроены первыя акушерскія школы въ Петербургѣ и Москвѣ. а первое руководство по акушерству было составлено московскимъ проф. Эрасмусомъ по устарѣлымъ источникамъ XVII стол. Много сдѣлалъ для этой отрасли врачебныхъ знаній петербургскій проф. Н. М. Амбодикъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, и его современникъ —московскій проф. В. М. Рихтеръ, которые въ тоже время составили и хорошія руководства. Въ 1808 г., въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ, открылась акушерская клиника, въ которой первымъ профессоромъ былъ *С. А. Громовъ* († 1856). Въ харьковскомъ университетѣ преподаваніе акушерства началось въ 1815 г. Клиника получила блестящую извѣстность при *Лазаревичѣ*, на-

Библиотека "Руниверс"

наченномъ профессоромъ въ 1862 г. Въ казанскомъ унив. акушерская клиника открыта въ 1833 г., въ кіевскомъ—въ 1847 г. Акушерство и гинекологія преподавались вмѣстѣ, а въ 1860—70 гг. проф. *Флоринскій* преподавалъ, кромѣ того, еще и дѣтскія болѣзни въ спб. медико-хирургич. академіи. Первое русское руководство по гинекологіи составлено было профессоромъ *А. А. Киттеромъ*; имъ же положено начало возсозданію гинекологіи на хирургическихъ началахъ и данъ толчекъ научной разработкѣ въ Р. акушерства и гинекологіи. Имъ изданы: «Руководство къ изученію акушерской науки» (2 т., 1857—58) и «Руководство къ изученію женскихъ болѣзней» (СПб., 1858). Означенныя руководства были первыми оригинальными сочиненіями на русскомъ языкѣ, отличались выдающимися достоинствами и на нихъ воспиталось нѣсколько поколѣній русскихъ акушеровъ и гинекологовъ. Практическое примѣненіе взглядовъ, высказанныхъ и отчасти осуществленныхъ Киттеромъ, и дальнѣйшее развитіе ихъ принадлежитъ *А. Я. Крассовскому* (XVI, 567). Онъ первый въ Р. произвелъ чревосѣченіе и примѣнилъ въ широкихъ размѣрахъ оперативное вмѣшательство при лѣченіи женскихъ болѣзней. Крассовскому принадлежитъ рядъ научно-литературныхъ трудовъ, во главѣ которыхъ стоитъ «Оперативное акушерство». Изъ его школы вышли видные представители русскаго акушерства и гинекологіи, какъ *В. В. Сутугинъ*, *И. Ѳ. Масловскій*, *К. Ѳ. Славянскій*, *А. И. Лебедевъ*, *Г. Е. Рейнъ* и др. Онъ первый устроилъ акушерскую и гинекологическую клинику, вполнѣ соотвѣтствующую цѣлямъ клиническаго преподаванія этихъ отраслей медицины. Имъ были основаны: первый въ Р. «Акушерско-гинекологическій журналъ» и общество. Къ числу выдающихся руководствъ, составленныхъ Красовскимъ, принадлежатъ: «Курсъ практическаго акушерства», «Оперативное акушерство» и «Атласъ овріотомій». Дальнѣйшей разработкѣ акушерства и гинекологіи въ Р. способствовали такіе видные представители этой отрасли медицины, какъ проф. К. Ѳ. Славянскій (авторъ цѣннаго и вполнѣ оригинальнаго руководства: «Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней» (2 т.), проф. Д. О. Оттъ и др. А. И. Лебедевъ, проф. медико-хирургич. академіи (XVII, 415), напечаталъ свыше 25 научныхъ работъ и произвелъ болѣе 300 чревосѣченій. *И. П. Лазаревичъ* въ Харьковѣ опубликовалъ свыше 70 учен. работъ, изобрѣлъ нѣсколько акушерскихъ инструментовъ. *Макѣевъ* и *Снегиревъ* (моск. унив.), *Н. И. Феноменовъ* (казанск. унив.), *Н. Ф. Толочиновъ* и *П. А. Ясинскій* (харьковскаго унив.), *Г. Е. Рейнъ* (кіевскаго унив.), *Н. В. Ястребовъ* (варшавскаго унив.), Грамматикати (въ томскомъ унив.) и *Д. О. Оттъ* (проф. въ Еленинскомъ клинич. институтѣ и директоръ женскихъ медиц. курсовъ въ Петербургѣ) являются современными представителями гинекологіи и акушерства въ Р. Въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ существуютъ акушерско-гинекологическія общества, издающія печатные труды, а въ Петербургѣ издается спеціальный журналъ по акушерству. Въ настоящее время даже въ деревенскихъ земскихъ лѣчебницахъ имѣются спеціалисты по указаннымъ отраслямъ медицицы и производятся трудныя и сложныя операціи.

Дѣтскія болѣзни (педіатрія). Выдѣленію этой отрасли медицинскихъ знаній въ отдѣльную спеціальность и развитію ея въ Россіи много способствовало учрежденіе дѣтскихъ госпиталей, изъ которыхъ вторымъ въ Европѣ былъ петербургскій Николаевскій госпиталь, учрежденный въ 1834 г. Первая каѳедра дѣтскихъ болѣзней была учреждена въ моск. унив. въ 1866 г., при чемъ представителемъ ея былъ проф. *Н. А. Тольскій* (см.), который въ тоже время былъ и директоромъ дѣтскихъ клиникъ и главнымъ врачемъ моск. дѣтской больницы. Ему принадлежитъ рядъ работъ, посвященныхъ дѣтскимъ болѣзнямъ. Въ В.-медицинской (медико-хирургич.) академіи въ Петербургѣ теоретическій курсъ дѣтскихъ болѣзней читалъ проф. *Хотовицкій* уже въ 1827 г., а въ 1863 г. для дѣтскаго отдѣленія при акушерской клиникѣ академіи была лишь отдѣльная комната, самостоятельная же каѳедра открыта была въ 1869 г. Пособіемъ для студентовъ въ теченіе долгаго времени служили печатныя и литографированныя «записки по педіатрикѣ» Хотовицкаго, напечатанныя въ 1847 году въ видѣ руководства: «Педіатрика». По открытіи при академіи каѳедры педіатріи (1870 г.) представителемъ ея былъ проф. *Флоринскій*, а по уходѣ его въ 1875 г. каѳедра была занята проф. *Н. И. Быстровымъ*, подъ руководствомъ котораго получилъ спеціальное образованіе длинный рядъ врачей, изъ которыхъ нѣкоторые (Черновъ) заняли самостоятельныя каѳедры дѣтскихъ болѣзней; изъ клиники проф. Н. И. Быстрова вышло много работъ, посвященныхъ развитію этой отрасли медицины. Въ настоящее время въ Р. имѣется пять отдѣльныхъ каѳедръ дѣтскихъ болѣзней, два громадныхъ воспитательныхъ дома, 15 дѣтскихъ больницъ, дѣтскія колоніи при санаторіи (XI. 354), много пріютовъ и одинъ спеціальный органъ печати. Въ спеціальной литературѣ имѣются цѣнные оригинальные труды, къ которымъ должны быть отнесены: сочиненія проф. московскаго университета *Н. Филатова*: «Семіотика и діагностика дѣтскихъ болѣзней» (5 изд.), «Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей», (4 изд.), «Краткій учебникъ дѣтскихъ болѣзней» (3 изд.): проф. *Н. Гундобина*: «Общая и частная терапія болѣзней дѣтскаго возроста»; прив.-доц. *В. Ф. Якубовича*: «Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей» (1890 г.); проф. *В. Рейтцъ*: «Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста». (1895), «Дифтерія» (1880); «Введеніе къ изученію болѣзней дѣтскаго возраста» (СПб., 1879) и др.

Офтальмологія. Первымъ оффиціальнымъ окулистомъ на Руси считается Давыдъ *Брунъ* (1628 — 1667), затѣмъ окулистъ Яганъ *Мангорнъ* (1659). Кромѣ этихъ — пріѣзжали и другіе глазные врачи; имъ, какъ и другимъ врачамъ, давались ученики для обученія «оч-

Библиотека "Руниверс"

ному и окулистскому дѣлу». Преподаваніе офтальмологіи въ первыхъ медицинскихъ школахъ въ Р. было соединено съ хирургіей, но свѣдующіе въ офтальмологіи русскіе врачи въ XVIII в. выходили изъ французской школы, гдѣ они учились во время своихъ командировокъ за границу. Преподаваніе глазныхъ болѣзней въ Р. было устроено Моренгеймомъ († 1797) въ Калинкинскомъ хирургич. институтѣ, затѣмъ полный курсъ глазныхъ болѣзней преподавалъ проф. акушерства и физіологіи Карлъ Брандтъ. Въ концѣ XVIII ст. славой окулиста пользовалась еврейка Байнитовичъ, выдержавшая экзаменъ при медицинской коллегіи. Въ то же время появился въ Россіи опытный окулистъ проф. и докторъ *Реннеръ*. До 1870 г. преподаваніе офтальмологіи въ университетахъ было соединено съ хирургіей и только въ московскомъ унив. и медико-хирург. акад. были особыя каѳедры и клиники глазныхъ болѣзней.

Въ началѣ XIX столѣтія, съ учрежденіемъ въ спб. медико-хирургич. акад. въ 1818 г. особой каѳедры офтальмологіи съ клиникой, было положено основаніе самостоятельному развитію офтальмологіи; но уставъ 1835 г. опять соединилъ преподаваніе офтальмологіи съ оперативной хирургіей и хирургической клиникой. Въ 1860 г. было разрѣшено открытіе каѳедръ теоретической офтальмологіи въ московскомъ университетѣ и военно-медиц. академіи, а уставъ 1863 г. сдѣлалъ ее общимъ достояніемъ всѣхъ университетовъ. Въ московскомъ унив. офтальмологію читалъ совмѣстно съ хирургіей проф. *И. Ѳ. Гильдебрандъ* († 1859), а затѣмъ *Эвеніусъ*. *Воиновъ* и *Миткоменовъ*. Съ 1860 г. въ москов. унив. была открыта особенная каѳедра теоретической офтальмологіи съ назначеніемъ на нее профессоромъ д-ра *Юнге*, перешедшаго вскорѣ въ спб. медико-хирург. акад. Въ 1892 г. въ Москвѣ открыта собственная глазная клиника, и при Екатерининской больницѣ—глазное отдѣленіе. Эта больница послужила научному изученію офтальмологіи въ самый періодъ расцвѣта этой спеціальности, когда ученіе Гельмгольца и, создателя научной офтальмологіи, Грефе-отца привлекало вниманіе многихъ врачей. Ученая дѣятельность московской каѳедры офтальмологіи выразилась въ работахъ *Брауна, Маклакова, Любинскаго, Ложечникова, Волкова, Крюкова. Даршкевича, Головина, Зернова* и др. Учрежденная въ 1806 г. спб. глазная лѣчебница, въ лицѣ директоровъ: *Лерхе, Саломона, Блессига*, гр. *Магавли*, разрабатывала многіе вопросы офтальмологіи и съ 1887 г. издаетъ брошюры: «Сообщенія спб. глазной лѣчебницы». Первыми проф. офтальмологіи въ спб. медико-хирургич. академіи былъ *Груби* и его преемники: *Каллинскій, Савенко, П. П. Нелехинъ, И. А. Дубовицкій* († 1882) и *П. П. Заблоцкій-Десятовскій* († 1882). Съ образованіемъ (1840) отдѣльной глазной клиники въ Петербургѣ былъ поставленъ во главѣ ея д-ръ *И. И. Кабатъ* (1884), примѣнившій электричество для лѣченія глазныхъ болѣзней. Открытая по иниціативѣ Дубовицкаго спеціальная глазная клиника (1860), съ стоявшимъ во главѣ ея Юнге, проявила свою дѣятельность большимъ числомъ работъ по глазнымъ болѣзнямъ, нормальной и патологич. анатоміи и физіологіи глаза. Проф. Юнге, руководившій работами, создалъ на новыхъ началахъ школу русской офтальмологіи, изъ которой вышло много извѣстныхъ дѣятелей. Проф. Юнге обязаны учрежденіемъ особой каѳедры глазныхъ болѣзней наши университеты. Изъ клиники его вышелъ рядъ работъ по анатоміи, физіологіи и патологіи глаза (*Кабата, Галензовскаго* *), *Наранович* [Павелъ Андреевичъ, XX, 559], самого *Юнге, Прозорова, Нелюбина, Бетлинга, Тихомирова, Мандельштама, Добровольскаго, Траутфеттера* и мн. др.). Въ кіевскомъ университетѣ каѳедру теоретической и госпитальной хирургіи и офтальмологіи занималъ фонъ-*Гюббенетъ*. Его преемникъ, хирургъ *Караваевъ*, изучалъ глазныя болѣзни у Бера, усовершенствовавшаго способъ извлеченія катаракты. Караваевъ устроилъ самостоятельную клинику и каѳедру глазныхъ болѣзней въ Кіевѣ, въ 1870 г. Одновременно съ этимъ въ Кіевѣ *А. В. Ивановъ* (XII, 761), получилъ большую извѣстность своими изслѣдованіями по нормальной и патологической анатоміи глаза, (строеніе рѣсничной мышцы въ глазахъ различной рефракціи, анатомія и отслойка стекловиднаго тѣла, воспаленіе сѣтчатки и зрительнаго нерва, отёкъ сѣтчатки и др.). Преемникъ проф. Иванова—проф. *Ходинъ*—основалъ при клиникѣ первый журналъ по глазнымъ болѣзнямъ: «Вѣстникъ офтальмологіи». Проф. казанскаго университета Адамюкъ устроилъ спеціальную клинику (1871) и произвелъ рядъ выдающихся работъ по разнымъ отдѣламъ офтальмологіи, изъ числа которыхъ особенною извѣстностью пользуется его «Учебникъ офтальмологіи», считающійся лучшимъ изъ имѣющихся у насъ въ Р. руководствъ по этой отрасли медицины. Харьковской глазной клиникой руководилъ проф. *Л. Гиршманъ* съ 1868 г., отличный операторъ, а до него, съ 1858 г., клиникой завѣдывалъ Нарановичъ (Петръ Андреевичъ; XX, 558). *А.*

Психіатрія и невропатологія. Научная разработка психіатріи вообще началась сравнительно поздно, и исходной точкой ея служатъ труды франц. врача Пинеля, въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ Россіи первое оригинальное сочиненіе по психіатріи появилось лишь въ 1834 г. Оно принадлежитъ д-ру *П. Бутковскому* (издано въ СПб., подъ заглавіемъ: «Душевныя болѣзни, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія психіатріи»). До этого времени на русскомъ языкѣ имѣлись лишь переводы трактата Пинеля и нѣкот. нѣмецкихъ сочиненій по душевнымъ болѣзнямъ; кромѣ того, въ руководствѣ судебной медицины, составленномъ проф. *С. Громовымъ* (СПб., 1832), былъ отдѣлъ, посвященный душевнымъ болѣзнямъ. Отсутствіе ученыхъ трудовъ по психіатріи за первыя десятилѣтія нашего столѣтія находится въ связи съ недостаточнымъ преподаваніемъ этой спеціальности на медицинскихъ факультетахъ. Для нея тогда не существовало отдѣльной каѳедры, и что-

*) Давно переселился въ Парижъ, гдѣ находится и по настоящее время.

Библиотека "Руниверс"

ніе лекцій по душевнымъ болѣзнямъ происходило случайно, между прочимъ, въ видѣ добавленія къ какому-нибудь другому предмету. Такъ, напр., въ медико-хирургич. академіи въ СПб. еще въ концѣ 40-хъ годовъ психіатрію преподавалъ *Г. Кулаковскій*, бывшій собственно профессоромъ фармакологіи, рецептуры и накожныхъ болѣзней. Въ Харьковѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, ее преподавалъ профессоръ судебной медицины Свиридовъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ преподаваніе имѣло преимущественно теоретическій характеръ, не сопровождаясь систематическими занятіями въ клиникѣ, за отсутствіемъ таковой. Лишь въ 1857 году въ спб. медико-хирургической академіи была учреждена впервые самостоятельная каѳедра психіатріи, при чемъ преподавателемъ этого предмета былъ назначенъ профессоръ *И. М. Балинскій*, который до того занимался преимущественно изученіемъ дѣтскихъ болѣзней. Однако, онъ подготовилъ себя къ новой дѣятельности изученіемъ психіатріи въ Западной Европѣ и съ честью занималъ каѳедру до 1877 г. При его содѣйствіи эта каѳедра въ 1867 г. была снабжена спеціальной клиникой душевныхъ болѣзней, первой въ Р. по времени учрежденія и по размѣрамъ научной дѣятельности. Хотя профессоръ Балинскій не издалъ никакихъ ученыхъ трудовъ по душевнымъ болѣзнямъ—имѣются лишь литографированныя записки его лекцій,—онъ все-таки справедливо считается отцомъ русской научной психіатріи, такъ какъ его блистательныя лекціи привлекали толпу слушателей, изъ которыхъ вышелъ цѣлый рядъ современныхъ ученыхъ и практическихъ психіатровъ. Что касается психіатрическихъ сочиненій, то они, по прежнему, долго составляли у насъ рѣдкость. Въ 1853 г. вышли въ СПб. «Очерки психіатріи» *д-ра Герцога*, а въ 1855 г. переводъ руководства Кленке. Въ 60-хъ годахъ появились переводы знаменитаго учебника Гризингера и сочиненія Маудсли: «Физіологія и патологія души» и оригинальный трудъ д-ра *А. Фрезе*: объ устройствѣ домовъ для умалишенныхъ. Въ 1866 г. возникъ новый центръ научной психіатріи, а именно—съ этого года сталъ читать лекціи по этому предмету д-ръ Фрезе, назначенный впослѣдствіи (1872) профессоромъ психіатріи при казанскомъ университетѣ и состоявшій въ тоже время директоромъ окружной лѣчебницы для умалишенныхъ, которая была открыта въ 1869 г. Кромѣ того, Фрезе, скончавшійся въ 1884 г., издалъ составленное руководство къ душевнымъ болѣзнямъ (1881), преимущественно по нѣмецкимъ учебникамъ того времени. Вообще въ области психіатріи у насъ долгое время обнаруживалось вліяніе нашихъ ближайшихъ сосѣдей—нѣмцевъ. Изъ руководствъ, служившихъ источниками знанія для студентовъ и врачей, въ 70-хъ годахъ, наиболѣе была распространена вышеназванная книга Гризингера, составившая эпоху и въ Германіи и пользовавшаяся тамъ громаднымъ успѣхомъ въ теченіе почти трехъ десятилѣтій. Можно отмѣтить, впрочемъ, еще переводъ сочиненія Маудсли: «Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ», съ примѣчаніями д-ра О. А. Чечотта (1875). Затѣмъ у насъ руководство Гризингера было вытѣснено переводами двухъ новыхъ нѣм. учебниковъ—Шюле (1880) и Крафтъ-Эбинга (1882). Послѣднее сочиненіе было переведено докторомъ Черемшанскимъ и снабжено примѣчаніями и дополненіями проф. И. П. Мержеевскаго; объ его распространеніи у насъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что недавно вышло третье русское изданіе (переводъ съ 5-го нѣмецкаго). Наравнѣ съ нимъ, хотя въ гораздо меньшей степени, въ 80-хъ годахъ были распространены переводы нѣмецкихъ сочиненій Мейнерта и Крэпелина. Одновременно съ этимъ начинается появленіе самостоятельныхъ научныхъ трудовъ по психіатріи. Въ 1877 г., за выходомъ въ отставку профессора Балинскаго, преподавателемъ этого предмета и директоромъ клиники въ медицинской академіи сдѣлался проф. *И. П. Мержеевскій*, занимавшій эту каѳедру до 1893 г. При немъ изъ клиники стали выходить многочисленныя научныя изслѣдованія, преимущественно экспериментальныя и патолого-анатомическія. Благодаря дѣятельности проф. Мержеевскаго и его учениковъ, возобновились правильныя засѣданія общества психіатровъ въ СПб., которое было основано еще въ 1861 г., но черезъ нѣсколько лѣтъ заглохшее и не издававшее тогда печатныхъ трудовъ. Съ 1879 г. стали появляться ежегодно протоколы названнаго общества, существующаго до настоящаго времени, при чемъ предсѣдателемъ его былъ проф. Мержеевскій, а секретарями— сперва А. Е. Черемшанскій, потомъ В. М. Бехтеревъ и П. Я. Розенбахъ. Въ 1883 г. началось изданіе двухъ журналовъ, посвященныхъ спеціально психіатріи и нервнымъ болѣзнямъ. Одинъ нихъ подъ назв. «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи» былъ основанъ профессоромъ Мержеевскимъ въ СПб. и выходилъ сперва два раза въ годъ, а въ послѣднее время рѣже, въ видѣ сборника серьезныхъ научныхъ трудовъ. Многіе изъ нихъ появлялись одновременно также въ иностранныхъ, нѣмецкихъ или французскихъ журналахъ. Другой спеціальный журналъ, подъ названіемъ «Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи», былъ основанъ въ томъ же 1883 г. проф. *П. И. Ковалевскимъ* въ Харьковѣ и выходилъ въ видѣ выпусковъ 6 разъ въ годъ; изданіе его лишь недавно остановилось. Этотъ журналъ помѣщалъ преимущественно статьи клиническаго и казуистическаго характера, отчеты о движеніяхъ больныхъ въ различныхъ земскихъ лѣчебницахъ и отчасти переводы. Редакторъ его, начавшій свою профессорскую дѣятельность въ Харьковѣ въ началѣ 80-хъ годовъ, самъ выпустилъ множество сочиненій по психіатріи, въ томъ числѣ и руководство, опять-таки примыкавшее, по характеру изложенія, къ нѣмецкой школѣ; кромѣ того, подъ его редакціей вышелъ цѣлый рядъ переводныхъ сочиненій по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ. Въ 80-хъ годахъ изученіе психіатріи сдѣлало также крупный шагъ впередъ въ другихъ двухъ университетскихъ центрахъ. Въ Казани послѣ смерти Фрезе каѳедру занялъ *В. М. Бехтеревъ* (въ 1885 г.) и,

Библиотека "Руниверс"

благодаря его энергіи, здѣсь закипѣла научная работа, плодомъ которой, впрочемъ, были преимущественно научныя изслѣдованія въ области нервныхъ болѣзней, анатоміи и физіологіи нервной системы. Съ другой стороны, въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ психіатрія нашла выдающагося представителя въ лицѣ *С. С. Корсакова*, ученика профессора А. Я. Кожевникова. Послѣдній еще съ 60-хъ годовъ преподавалъ нервныя болѣзни, и хотя въ кругъ его преподавательской дѣятельности входило и ученіе о душевныхъ болѣзняхъ, но оно было на второмъ планѣ и носило теоретическій характеръ. Корсаковъ посвятилъ себя главнымъ образомъ разработкѣ клинической психіатріи и обогатилъ послѣднюю весьма цѣнными работами. Въ 1887 г. московская каѳедра, благодаря частной благотворительности, была снабжена спеціальной психіатрической клиникой и съ тѣхъ поръ заняла видное мѣсто среди психіатрическихъ каѳедръ другихъ русскихъ университетовъ. Кромѣ СПб. и Москвы, клиника душевныхъ болѣзней имѣется также при юрьевской каѳедрѣ, гдѣ она въ 80-хъ годахъ находилась подъ руководствомъ проф. Крэпелина); съ 1890 г. на нее перешелъ *В. Ф. Чижъ*, также вышедшій изъ клиники проф. Мержеевскаго. Двѣ другія каѳедры психіатріи, возникшія въ 80-хъ годахъ —въ Кіевѣ и Варшавѣ — не имѣютъ клиники; каѳедра психіатріи, основанная въ 1892 г. при томскомъ университетѣ, пока также не имѣетъ клиники. Въ 80-хъ годахъ начинается оживленіе въ области практической психіатріи. До тѣхъ поръ заведенія для умалишенныхъ и отдѣленія для нихъ при общихъ больницахъ находились преимущественно въ завѣдываніи врачей, не получившихъ спеціальнаго психіатрическаго образованія. Начиная съ 80-хъ годовъ, появляется цѣлый рядъ врачей-психіатровъ, которые прошли школу въ спб. клиникѣ, бывшей первымъ разсадникомъ не только преподавателей этого предмета, но также практическихъ психіатровъ. Впослѣдствіи, конечно, и другіе университетскіе города, въ которыхъ процвѣтало преподаваніе душевныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, Москва и Казань, стали выступать въ этой же роли. Вмѣстѣ съ тѣмъ земства, городскія управленія и вообще учрежденія, заботившіяся о призрѣніи душевно - больныхъ, стали приглашать врачей со спеціальнымъ образованіемъ на должности директоровъ и ординаторовъ заведеній. Понятно, что эти врачи, въ свою очередь, явились реформаторами этихъ заведеній, примѣняя на практикѣ пріобрѣтенныя ими спеціальныя свѣдѣнія и требуя устройства и организаціи заведеній согласно научнымъ даннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указанныя заведенія сами сдѣлались психіатрической школой для служившихъ при нихъ молодыхъ врачей. Для выясненія различныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ области практической психіатріи — относительно устройства заведеній, управленія ими, системы лѣченія, отчетности и проч. — въ 1887 г. былъ созванъ въ Москвѣ первый съѣздъ отечественныхъ психіатровъ, на которомъ вышеозначенные вопросы подверглись совмѣстному обсужденію. Впослѣдствіи подобныя задачи рѣшались на секціяхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, выдѣлявшихся при всероссійскихъ съѣздахъ врачей, которые собираются черезъ каждые два года. Такимъ образомъ 80-ые годы оказались крайне плодотворными для успѣховъ психіатріи во всѣхъ направленіяхъ. Русскіе психіатры въ короткое время достигли научнаго уровня, на которомъ эта наука стояла въ Западной Европѣ, и цѣлый рядъ заведеній для умалишенныхъ, воздвигнутыхъ у насъ за этотъ періодъ, также стоитъ на высотѣ совершенства, соотвѣтствующаго современнымъ требованіямъ науки и техники. Рука объ руку съ научной разработкой психіатріи развивалось также у насъ ученіе о нервныхъ болѣзняхъ, насколько эти двѣ спеціальности неразрывно связаны, основываясь на изученіи мозга и нервной системы въ здоровомъ и больномъ состояніи. Среди возникшей у насъ школы психіатровъ и невропатологовъ отдѣльныя выдающіяся лица пріобрѣли крупное имя, пользующееся авторитетомъ и извѣстностью не только въ Р., но и въ Западной Европѣ, благодаря все возрастающему научному и литературному сближенію. Къ числу такихъ лицъ, между прочимъ, принадлежитъ талантливый русскій психіатръ *В. Х. Кандинскій*, скончавшійся въ 1889 г., 40 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ два весьма цѣнныхъ труда—«О псевдогаллюцинаціяхъ» и «О невмѣняемости»; кромѣ того, русская литература обязана ему образцовымъ переводомъ капитальнаго сочиненія Вундта: «Основы физіологической психологіи».

Что касается спеціально нервныхъ болѣзней, то уже было упомянуто о проф. А. Я. Кожевниковѣ, преподававшемъ этотъ предметъ въ Москвѣ еще съ 60-хъ годовъ. Первоначально онъ, какъ уже сказано выше, былъ также преподавателемъ психіатріи, и лишь въ концѣ 80-хъ годовъ каѳедра была раздѣлена на двѣ, при чемъ послѣдній предметъ отошелъ къ С. С. Корсакову. Такое раздѣленіе каѳедры психіатріи, кромѣ Москвы, проведено лишь въ казанскомъ университетѣ, гдѣ каѳедру нервныхъ болѣзней занимаетъ проф. *Л. О. Даркшевичъ*, издавшій нѣсколько важныхъ работъ по анатоміи мозга. Въ остальныхъ же университетахъ эти двѣ спеціальности преподаются однимъ и тѣмъ же профессоромъ. Для изученія нервныхъ болѣзней также долго служили у насъ исключительно переводные учебники, преимущественно нѣмецкіе (Эрба, Штрюмпеля, Зеелихмоллера). отчасти французскіе (Шарко) и англійскіе (Россъ, Гоуэрсъ). Собственно говоря, и до сихъ поръ нѣтъ полнаго оригинальнаго русскаго руководства къ изученію нервныхъ болѣзней, а имѣются лишь отдѣльные частичные учебники, изъ которыхъ первымъ по времени является руководство *П. Я. Розенбаха*: «Основы діагностики нервныхъ болѣзней» (СПб., 1887). Вслѣдъ затѣмъ вышла «Методика изслѣдованія болѣзней нервной системы» *А. А. Корнилова* (М., 1893). Но зато еще съ 80-хъ годовъ русская литература по нервнымъ болѣзнямъ была богата многочисленными оригинальными трудами, въ формѣ жур-

Библиотека "Руниверс"

нальныхъ статей, докторскихъ диссертацій и отдѣльныхъ книгъ, въ томъ числѣ монографіи *И. Л. Сикорскаго* о заиканіи и «Нервныя болѣни въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ» В. М. Бехтерева (два выпуска). За послѣднее десятилѣтіе нашего вѣка научная разработка душевныхъ и нервныхъ болѣзней безостановочно шла впередъ, развиваясь одновремонно въ нѣсколькихъ центрахъ. О процвѣтаніи этихъ наукъ и кипучей дѣятельности врачей въ означенной области свидѣтельствуетъ основаніе новыхъ спеціальныхъ обществъ и спеціальныхъ журналовъ. Въ Москвѣ въ 1891 г. учреждено общество психіатровъ и невропатологовъ, въ Казани такое же общество въ 1892 г., въ Кіевѣ въ 1898 г. Въ Петербургѣ, на-ряду съ обществомъ психіатровъ, съ 1895 г. возникли научныя собранія врачей клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Къ названнымъ выше двумъ спеціальнымъ журналамъ присоединились «Неврологическій Вѣстникъ», основанный проф. В. М. Бехтеревымъ въ Казани въ 1892 г., и ежемѣсячное изданіе: «Обозрѣніе психіатріи, невропатологіи и экспериментальной психологіи», основанное имъ же въ 1896 г. въ Петербургѣ, гдѣ онъ съ 1893 г. замѣнилъ проф. Мержеевскаго; наконецъ, съ 1897 г. издается проф. И. А. Сикорскимъ въ Кіевѣ журналъ «Вопросы психо- и нерво-терапіи». Около каждаго изъ названныхъ центровъ группируется цѣлый рядъ работниковъ, которые не только выступаютъ съ научными сообщеніями и журнальными статьями, но также съ самостоятельными, болѣе или менѣе крупными трудами. Такимъ образомъ въ Москвѣ въ 1893 г. вышло руководство къ душевнымъ болѣзнямъ С. С. Корсакова, весьма сочувственно встрѣченное критикой. Тамъ же появились недавно лекціи о нервныхъ болѣзняхъ дѣтскаго возраста В. А. Муратова, изслѣдованіе о мышечной сухоткѣ *В. К. Рота*, патолого-анатомическія изслѣдованія спинного мозга *Л. С. Минора*, работы по гипнотизму *А. А. Токарскаго* и др. Въ особенности же плодовитой оказалась въ послѣдніе годы дѣятельность спб. клиники В. М. Бехтерева, изъ которой выходятъ преимущественно экспериментальныя и анатомическія работы, въ видѣ докторскихъ диссертацій. Кромѣ того, онъ самъ недавно издалъ двухтомный трудъ: «Проводящіе пути головного и спинного мозга», а *А. Ф. Эрлицкій* напеч. «Клиническія лекціи по душевнымъ болѣзнямъ». Независимо отъ клиники въ СПб., имѣется еще научный центръ для изученія нервныхъ болѣзней—клиническій институтъ, гдѣ этотъ предметъ преподается О. О. Мочутковскимъ. Заслуживаютъ также упоминанія клиническія работы по психіатріи изъ городской больницы, управляемой *О. А. Чечотомъ*, и невропатологическіе труды *Я. В. Рыбалкина* и *С. И. Даниліо*, скончавшагося въ 1896 г. Наконецъ, надо отмѣтить работы харьковскаго профессора *И. Г. Оршанскаго*, посвященныя вопросу о наслѣдственности. Имѣя въ виду недавнее начало университетскаго и въ особенности клиническаго преподаванія разсматриваемыхъ здѣсь двухъ отраслей медицины, надо признать замѣчательно быстрый прогрессъ ихъ научной разработки, давшей въ короткое время блестящіе результаты и теперь покоящейся на прочной основѣ, въ рукахъ многочисленныхъ энергичныхъ и хорошо-подготовленныхъ работниковъ. *П. Р.*

Фармація. Началомъ организаціи фармацевтическаго дѣла въ Россіи принято считать время прибытія въ Москву аптекаря Джемса Франчема (1583 г.), рекомендованнаго англійской королевой Елизаветой царю Ивану Васильевичу для основанія первой придворной аптеки въ Кремлѣ. Въ царствованіе Бориса Годунова Франчемъ, возвратившись изъ поѣздки въ Англію, привезъ большое количество медикаментовъ. Въ Ригѣ (принадлежавшей въ то время Польшѣ) были уже одна частная аптека и 4 врача. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича заведены были аптекарскіе огороды, благодаря которымъ отчасти уменьшился привозъ заграничныхъ медикаментовъ. Въ царствованіе Петра Великаго были приглашены на службу въ Россіи многіе извѣстные иностранные врачи и фармацевты. Аптекарскій приказъ, учрежденный въ 1620 г., былъ преобразованъ въ аптекарскую канцелярію и повелѣно открыть въ Москвѣ 8 частныхъ аптекъ. Первая частная аптека въ СПб. открыта въ 1721 г. Продажа сильнодѣйствующихъ медикаментовъ въ купеческихъ лавкахъ запрещена указомъ Правительствующаго сената 1733 г. Въ 1736 г. изданъ регламентъ о содержаніи военно-полевыхъ аптекъ, которыя были основаны въ 4 пунктахъ. Съ учрежденіемъ губерній заведены были городскія больницы отъ приказовъ общественнаго призрѣнія; въ это время почти во всѣхъ губернскихъ городахъ имѣлись приватныя аптеки. Первая россійская фармакопея издана въ 1798 г. Въ 1803 г. основано первое фармацевтическое общество въ Ригѣ. Въ 1818 г. *Шереръ* основалъ спб. фармацевтическое общество и школу. Въ 1864 г. основаны были фармацевтическія общества въ Москвѣ, Казани, Одессѣ, а затѣмъ постепенно и въ другихъ большихъ центрахъ. Въ этомъ же году состоялся первый съѣздъ фармацевтовъ, на который собрались фармацевты почти со всѣхъ мѣстъ обширной Имперіи. Въ 1820 г. началъ издаваться фармацевтическій журналъ; въ 1839 г. *Силлеръ* (Siller) издавалъ «Nordische Centralblatt für Pharmacie» (издавался до 1843 г.); *Гауперъ* издавалъ «Repertorium» (прекратившійся въ 1848 г.). Въ обоихъ журналахъ помѣщались оригинальныя работы русскихъ аптекарей. Въ настоящее время издаются: «Фармацевтич. Журналъ», который подъ редакторствомъ покойнаго проф. Драгендорфа значительно расширилъ первоначальную программу, печатая статьи по научнымъ вопросамъ, по фармацевтической практикѣ и по вопросамъ, касающимся соціальнаго положенія фармацевтовъ; «Журналъ Медицинской Химіи и Фармаціи» (основанъ проф. *Пелемъ*—онъ же редакторъ); «Фармацевтическій Вѣстникъ» (первоначальные редакторы проф. *Червинскій* и *Салтыковъ*); «Фармацевтъ» (ред. *Альтгаузенъ*). Кромѣ этихъ журналовъ спеціальные труды печатаются еще въ протоколахъ нѣкоторыхъ фармацевтическихъ обществъ. Что касается вопроса о

Библиотека "Руниверс"

снабженіи различныхъ лѣчебныхъ учрежденій медикаментами, то заготовленіе послѣднихъ въ XVII столѣтіи лежало на обязанности Аптекарскаго приказа (учрежденъ въ 1620 г.), который частью пріобрѣталъ лѣкарственныя вещества за границей, частью таковыя доставляли аптекарскіе огороды и отечественныя лѣкарственныя растенія, доставляемыя спеціально для этой цѣли предназначенными лицами (травниками). Командировки врачей и аптекарей за границу и въ различныя мѣста Россіи много способствовали нарощенію лѣкарственнаго матеріала. Съ развитіемъ фабрично-заводской промышленности многіе фармацевтическіе препараты стали изготовляться въ Россіи, при чемъ нѣкоторыми медикаментами удовлетворяются не только требованія внутренняго рынка, но снабжаются также заграничные аптечные склады (бобровая струя, шпанскія мушки, маточные рожки, горчица, горчичное и касторовое масла, глицеринъ, лакрица, ртуть, хромовые препараты и нѣкот. др.). Обработывающая и заводская промышленность въ Россіи еще не достигла значительныхъ размѣровъ, а потому почти всѣ алкалоиды, глюкозиды, ароматическія соединенія и др. химическіе препараты и въ настоящее время получаются изъ-за границы. Ученыя степени фармацевтовъ въ XVIII столѣтіи пріобрѣтались долговременной практикой въ аптекѣ и по выдержаніи строгаго экзамена въ столицахъ—въ физикатѣ и медицинской канцеляріи, а въ провинціяхъ — въ особыхъ комитетахъ врачей. Болѣе или менѣе систематическое преподаваніе аптекарскихъ наукъ введено было въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ медицинскихъ школахъ, основанныхъ при госпиталяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Кронштадтѣ. Открытіе медико-хирургической академіи въ Петербургѣ и университетовъ въ Москвѣ, Дерптѣ, Вильнѣ, Харьковѣ и Казани въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтій, въ связи съ успѣхами естествознанія, главнымъ образомъ ботаники, химіи и физіологіи, не могли не отразиться на характерѣ и объемѣ преподаванія фармаціи, которое въ настоящее время въ университетахъ и военно-медицинской академіи обставлено соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки и фармацевтической техники. Такому развитію фармація и фармакогнозія обязаны многимъ русскимъ дѣятелямъ, между которыми европейскую извѣстность пріобрѣли: *Кирхгофъ* (доказавшій превращеніе крахмала въ сахаръ), *Нелюбинъ*, К. *Шмидтъ*, *Клаусъ*, *Бунге*, *Бухгеймъ*, *Подвысоцкій*, *Драгендорфъ*, *Траппъ*, *Кобертъ*, *Тихомировъ* и др. Особенно способствовалъ научному развитію фармаціи основанный при юрьевскомъ университетѣ фармацевтическій институтъ, изъ лабораторіи котораго вышли многія ученыя работы по фармаціи и токсикологіи. *Д. К.*

Исторія *судебной медицины въ Россіи*, какъ науки, начинается со времени преподаванія ея съ каѳедры въ открывшемся въ 1755 г. московскомъ университетѣ. Первымъ профессоромъ судебной медицины въ с.-петербургской медико-хирургической академіи былъ *Рингебрейтъ*. Первымъ оригинальнымъ трудомъ по судебной медицинѣ было сочиненіе проф. *С. А. Громова*: «Краткое изложеніе судебной медицины для академическаго преподаванія и практическаго употребленія» (изд. 1832 г.). Научная разработка судебно медицинскихъ вопросовъ съ введеніемъ гласнаго суда и производства стала на надлежащую высоту. Съ этого времени стали выдвигаться дѣятелями, пріобрѣтшіе почетную извѣстность: *Пеликанъ*, *Драгендорфъ*, *Эргардтъ*, *Оболенскій*, *Беллинъ* и др.

Ученыя медицинскія общества въ Россіи. Первое физико-медицинское общество было основано въ 1804 г. въ Москвѣ, второе въ Вильнѣ въ 1805 г., третье общество нѣмецкихъ врачей въ Петербургѣ въ 1819 г., четвертое въ 1820 г. варшавское, затѣмъ общество русскихъ врачей въ Петербургѣ въ 1833 г. Въ промежутокъ времени съ 1820 г. до 1858 г. не было открыто ни одно общество: застой въ культурной жизни Россіи отразился и на развитіи медицины. Въ періодъ шестидесятыхъ годовъ, съ оживленіемъ русской общественной жизни и учрежденіемъ земства, замѣчается оживленіе и въ жизни медицинскихъ обществъ: въ 70-хъ годахъ основаны 14 обществъ, 80 и 90-хъ годахъ ежегодно открывалось по нѣскольку и въ 1896 г. всѣхъ врачебныхъ обществъ въ Россіи около 120. Въ 1865 году возникло общество естествоиспытателей и врачей, собирающееся періодически на съѣзды въ университетскихъ городахъ. Въ 1885 году былъ утвержденъ уставъ московско-петербургскаго медицинскаго общества, преобразованнаго въ 1887 году въ болѣе обширное Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, которое за время своего существованія собиралось уже 7 разъ. Кромѣ того въ столицахъ и провинціальныхъ большихъ городахъ, существуютъ по нѣсколько обществъ, разбившихся на спеціальности. Большинство обществъ выпускаетъ, по мѣрѣ накопленія, матеріалы, п. з. «Труда» и «Протоколы».

15) Сельскохозяйственная наука. Сельское хозяйство, какъ предметъ научнаго преподаванія, возникло въ Россіи, какъ и въ Германіи, на почвѣ университетской науки, только столѣтіемъ позже. Тамъ понадобились лица, свѣдущія въ финансовыхъ и экономическихъ наукахъ, что такъ необходимо было въ минувшемъ столѣтіи вслѣдствіе возникновенія разныхъ аграрныхъ вопросовъ. Для подготовленія такихъ людей открыты были въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ (напр., въ гиссенскомъ, галльскомъ и др.) камеральные разряды, послужившіе впослѣдствіи образцомъ и для нѣкоторыхъ русскихъ университетовъ. Агрономическія ученія, вызванныя къ жизни такими авторитетами, какими были Тэеръ въ Германіи и Домбаль во Франціи, пускали свои корни и среди нашихъ передовыхъ людей. Во главѣ такихъ лицъ исторія русскаго сельскаго хозяйства должна поставить проф. московскаго университета *М. І. Павлова*; медикъ по образованію, Павловъ особенно интересовался научнымъ сельскимъ хозяйствомъ, которое изучалъ за-

Библиотека "Руниверс"

границей. Возвратясь на родину, д-ръ Павловъ получилъ въ моск. унив. каѳедру физики, но былъ не столько физикъ, сколько агрономъ. Не довольствуясь преподаваніемъ сельскаго хозяйства въ стѣнахъ унив., онъ читалъ публичныя лекціи о земледѣліи. Будучи въ душѣ больше теоретикомъ и склонный, поэтому, къ составленію теоретическихъ воззрѣній, Павловъ въ то же время отдавалъ должное и практическому сельскому хозяйству, доказательствомъ чему служатъ существующіе и по сіе время при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства «Земледѣльческая школа» и «Учебный хуторъ». Эти первыя въ Р. спеціальныя сельскохозяйственныя учебныя заведенія — созданіе Павлова. Много оставилъ послѣ себя Павловъ и научныхъ трудовъ по сельскому хозяйству, изъ которыхъ главное— «Курсъ сельскаго хозяйства». «Сельское хозяйство, какъ наука, говоритъ Павловъ, есть приложеніе естественныхъ наукъ къ разведенію полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ». Это опредѣленіе показываетъ, какъ вѣрно понималъ авторъ глубокую связь сельскаго хозяйства съ естествовѣдѣніемъ, что такъ наглядно выразилось во второй половинѣ текущаго столѣтія. Не меньшую услугу оказалъ русской сельскохозяйственной наукѣ современникъ и совмѣстный дѣятель Павлова, *С. А. Масловъ*, переводомъ многотомнаго курса Тэера: «Объ основаніяхъ раціональнаго сельскаго хозяйства» (съ примѣчаніями М. Н. Муравьева). Эта книга въ свое время была единственнымъ у насъ руководствомъ по всѣмъ отдѣламъ сельскаго хозяйства и не потеряла своего значенія и въ настоящее время. Давъ такое капитальное произведеніе въ руководство русскимъ хозяевамъ, Масловъ продолжалъ знакомить ихъ съ научными пріемами по сельскохозяйственной техникѣ въ «Земледѣльч. Журналѣ». Изъ практическихъ дѣятелей замѣтно выдается тверской помѣщикъ Шелеховъ, который сильно ратовалъ за отмѣну трехпольнаго хозяйства и за замѣну его плодосмѣннымъ, что онъ проводилъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Петербургѣ. Онъ написалъ нѣсколько спеціальныхъ и весьма дѣльныхъ сочиненій о плодосмѣнности и составилъ «Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ». Въ 40-хъ гг. возбудилъ большое вниманіе къ сельскому хозяйству бывшій проф. московскаго университета *Я. Линовскій* своими публичными лекціями, привлекавшими массу слушателей. Часть этихъ лекцій издана подъ заглавіемъ «Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ» (1842) еще при жизни автора, а другая—скотоводство— послѣ его смерти. Къ числу полезныхъ дѣятелей на поприщѣ научнаго сельскаго хозяйства надобно причислить бывшаго долгое время директоромъ учебнаго - практическаго хутора при московскомъ общ. сельскаго хозяйства *П. М. Преображенскаго*, который написалъ обширный курсъ, въ 6 томахъ, подъ заглав.: «Общепонятное руководство къ практическому сельскому хозяйству» (1855—57) и кромѣ того нѣсколько другихъ сочиненій. Къ этому же времени относится первоначальная дѣятельность профессора сначала харьковскаго, затѣмъ кіевскаго университетовъ *С. М. Ходецкаго* и проф. петербургскаго университета *С. М. Усова*. Первый зимою читалъ публичныя лекціи о сельскомъ хозяйствѣ въ разныхъ губернскихъ городахъ центральной черноземной полосы Р. Кромѣ того онъ извѣстенъ какъ авторъ «Наставленія къ разведенію крупнаго рогатаго скота». Ему же принадлежитъ первый опытъ составленія краткой исторіи русскаго сельскаго хозяйства. Профессоръ Усовъ занималъ каѳедру сельскаго хозяйства съ 1836 по 1859 г. Онъ первый редакторъ извѣстной «Земледѣльческой Газеты», издаваемой м-вомъ государственныхъ имуществъ. Ему принадлежитъ очень почтенный трудъ «Основанія земледѣлія». Усовъ былъ первымъ магистромъ въ Р. сельскаго хозяйства; эту степень онъ получилъ за диссертацію «Капиталъ въ сельскомъ хозяйствѣ». Теперь слѣдуетъ остановиться на профессорахъ Горыгорецкой земледѣльческой школы, затѣмъ преобразованной въ 1848 въ высшее агрономическое заведеніе. Преподаватели этого института, можно сказать, положили основаніе научной постановкѣ нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Р. Всѣ они получили высшее спеціальное образованіе въ бывшемъ дерптскомъ унив. подъ руководствомъ довольно извѣстнаго профессора Шмальца, а практически изучали сельское хозяйство въ Альткусгофѣ, близъ Юрьева; затѣмъ они были отправлены за границу. Не смотря на плохое знаніе русск. языка, нѣкоторые изъ нихъ успѣли составить почтенныя руководства. Такъ проф. *Шмидтъ* издалъ «Основанія химіи», въ которомъ сдѣлана была первая попытка объясненія научнымъ путемъ нѣкоторыхъ сельскохо-зяйственныхъ процессовъ. Затѣмъ проф. *Б. А. Целинскій* написалъ «Руководство для преподаванія земледѣлія въ духовныхъ семинаріяхъ» (1860). Въ этомъ руководствѣ, къ сожалѣнію, было изложено только общее земледѣліе. Но и въ немъ имѣются попытки объяснить многіе сельскохозяйственные пріемы и процессы на основаніи ученій Либиха и Буссенго. Не малую услугу оказалъ русскому садоводству и огородничеству профессоръ горыгорецкаго института *Э. Ф. Регель*, котораго «Руководство къ садоводству и огородничеству», до появленія книги Шредера, было единственнымъ въ Россіи (выдержало 4 изданія). Долгое время завѣдывалъ хозяйствомъ института и его фольварками, въ тоже время управлявшій учебною фермою, замѣчательный практическій хозяинъ, *Б. А. Михельсонъ*, которому принадлежитъ отвѣтная задача (премированная ученымъ комитетомъ мин. земл. и госуд. имущ.) объ улучшеніи луговодства въ Р. Нѣкоторое время состояли профессорами того же института магистры сельскаго хозяйства, питомцы института, *А. М. Бажановъ* и *А. П. Людоговскій*. Первый составилъ книгу, которая представляетъ довольно извѣстный курсъ скотоводства въ Р., второй—«Основы сельскохозяйственной экономіи», долгое время единственное у насъ руководство по этому предмету. Горыгорецкій институтъ издавалъ «Записки», въ которыхъ помѣщались труды

Библиотека "Руниверс"

профессоровъ и бывшихъ его студентовъ. Это изданіе прекратилось съ переходомъ института въ 1863 г. въ Петербургъ, когда было переименовано и самое названіе этого заведенія (въ спб. земледѣльческій институтъ). Но послѣдній существовалъ недолго, только до открытія Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академіи въ Москвѣ. Такимъ образомъ Горыгорецкій институтъ былъ долгое время проводникомъ научнаго сельскаго хозяйства и его вліяніе въ этомъ направленіи несомнѣнно имѣло значеніе въ лицѣ его питомцевъ, расходившихся по всей Р. Въ настоящее время, сколько извѣстно, остались въ живыхъ изъ окончившихъ курсъ въ Горыгорецкомъ институтѣ болѣе видныхъ дѣятелей только немногіе, въ томъ числѣ бывшій проф. новороссійскаго унив. *И. У. Палимпсестовъ*, проф. спб. универ. *А. В. Совѣтовъ* и заслуженный профессоръ бывшей Петровской академіи *И. А. Стебутъ*. Труды перваго многочисленны и крайне разнообразны. Они большею частью помѣщены въ «Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Р.», въ которомъ Полимпсестовъ 17 лѣтъ былъ секретаремъ и редакторомъ «Записокъ». Кромѣ того много статей его находятся въ особомъ «Сборникѣ» съ 1830 по 1868 г. А. В. Совѣтовъ—первый въ Р. докторъ сельскаго хозяйства, также много писалъ по разнымъ предметамъ земледѣлія какъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ различныхъ статьяхъ. И. А. Стебутъ долгое время занималъ каѳедру земледѣлія сначала въ Горыгорецкомъ институтѣ, а затѣмъ въ Петровской земледѣльческой академіи. Ученые труды его многоразличны и касаются разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, преимущественно же земледѣлія. Наиболѣе извѣстны его магистерская диссертація: «Известь, какъ средство къ возстановленію плодородія почвы», и руководство къ частному земледѣлію. Петербургскій земледѣльческій институтъ, не смотря на кратковременность своего существованія, далъ двухъ замѣчательныхъ ученыхъ — *П. А. Костычева* и *А. С. Ермолова*. Изъ числа профессоровъ этого института особенно выдавался *А. П. Энгельгардтъ*. Послѣдній былъ химикъ, но внесъ большой вкладъ и въ агрономическую литературу. Онъ первый обратилъ вниманіе у насъ на значеніе для русскихъ хозяевъ костянаго удобренія, а потомъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей практической дѣятельности, почти исключительно посвятилъ себя разработкѣ вопроса о способахъ примѣненія въ русскомъ хозяйствѣ фосфористыхъ туковъ, которые, благодаря его многочисленнымъ статьямъ и опытамъ, и начали обращать на себя вниманіе. Изъ сочиненій Энгельгардта особенно извѣстны его «Письма изъ деревни». П. А. Костычевъ особенно интересовался изученіемъ почвъ черноземной области Р. и въ этомъ направленіи произвелъ много самостоятельныхъ изслѣдованій, давшихъ цѣнные результаты и освѣтившихъ вопросы происхожденія чернозема и процессы въ ней совершающіеся. Кромѣ того, онъ много написалъ руководствъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какъ самостоятельныхъ, такъ и переводныхъ. А. С. Ермоловъ написалъ массу статей по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и по техническимъ производствамъ. Особенно извѣстенъ его капитальный трудъ: «Организація полевого хозяйства», увѣнчанный акд. наукъ Макарьевской преміей. Въ числѣ профессоровъ, преподавателей и питомцевъ Петровской земледѣльческой академіи (нынѣ московскій сельскохозяйственный институтъ) встрѣчается рядъ ученыхъ агрономовъ, каковы *Э. Б. Шене* (усовершенствованіе способа механическаго анализа и работы по изслѣдованію почвъ, удобреній и растеній), *А. Н. Шишкинъ* (спеціалистъ по земледѣлію и сельско-хозяйственной экономіи; работы по вопросамъ о борьбѣ съ засухой и объ отношеніи растеній, особенно льна, къ питательнымъ веществамъ почвы); *Н. П. Чирвинскій* (изслѣдованія объ образованіи жира въ животномъ организмѣ, и зависимости въ развитіи костей у домашнихъ животныхъ отъ кастраціи и различныхъ условій кормленія; руководства); *П. Н. Кулешовъ* (спеціальныя работы по разнообразнымъ вопросамъ скотоводства, и изданіе серіи руководствъ). *И. Н. Чернопятовъ* (сочиненія объ орошеніи земельныхъ угодій, о торфяномъ хозяйствѣ), *А. А. Армфельдъ* (статьи по вопросамъ скотоводства), *В. К. Хлюдзинскій* (крупныя сочиненія по сельско-хозяйственной экономіи, шерстовѣдѣнію, скотоводству), *К. Э. Линдеманъ* (монографіи о вредныхъ насѣкомыхъ), *А. Ф. Фортунатовъ* (сельско-хозяйственныя статистическія и экономическія статьи и сочиненія), *Р. И. Шредеръ* (статьи, брошюры и сочиненія по вопросамъ огородничества и садоводства). *Д. Н. Прянишниковъ* (статьи по почвовѣдѣнію и работы по біологіи растеній), *П. С. Коссовичъ* (работы по усвоенію атмосфернаго азота мотыльковыми растеніями и водорослями), *А. А. Калантаръ* (спеціальныя статьи по скотоводству и молочному хозяйству), *А. П. Черепелкинъ* (статьи по разнымъ отдѣламъ сельскохозяйственнаго промысла), *П. Р. Слезкинъ* и мн. другіе, изъ которыхъ каждый по своей спеціальности принесъ посильную ленту.

Изъ университетскихъ современныхъ дѣятелей по научному сельскому хозяйству слѣдуетъ назвать: *С. М. Богданова*, *А. Г. Зайкевича*, *Сабанина* и *Сорокина*. Первый одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей по сельскому хозяйству и замѣчательный изслѣдователь почвы, какъ среды для питанія растенія. Второй работаетъ преимущественно въ области свекловичной культуры и завѣдуетъ сѣтью опытныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій. Сорокинъ и Сабанинъ занимаются изслѣдованіями въ области почвовѣдѣнія. Въ послѣднемъ отношеніи особенно широкою извѣстностью пользуется бывшій проф. спб. университета *В. В. Докучаевъ*, которому принадлежитъ капитальный трудъ: «Русскій черноземъ» и заслуга созданія школы русскихъ почвовѣдовъ. Въ Ново-александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства трудятся въ области земледѣлія *П. В. Будринъ* (работы объ искусственныхъ удобреніяхъ и цѣнные отчеты о сельско-хозяйственныхъ

Библиотека "Руниверс"

опытахъ на фермѣ института) и *П. Ф. Бараковъ* (статьи и изслѣдованія по сельско-хозяйственной метеорологіи и почвовѣдѣнію); въ области зоотехніи: *И. И. Калугинъ* (работы по вопросу о силосованіи кормовыхъ продуктахъ и о кормленіи домашнихъ животныхъ) и *И. О. Ширкихъ* (статьи по почвовѣдѣнію, полеводству и скотоводству). Наконецъ, въ рижскомъ политехническомъ институтѣ проф. *Кирихъ* (по животноводству) и *Г. Г. Томсъ* (по почвовѣдѣнію и анализу сельскохозяйственныхъ продуктовъ и удобреній). Изъ этого очерка можно видѣть, что научное сельское хозяйство, хотя и съ нѣкоторыми промежутками, и въ Р. постепенно шло впередъ. Особенно же замѣтно научная сельскохозяйственная дѣятельность стала выдвигаться съ появленіемъ у насъ спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одного такого по сельскому хозяйству руководства, которое было-бы обосновано не на заграничныхъ только, но и на отечественныхъ данныхъ. Особенно бѣдна наша литература по зоотехніи и сельской экономіи; по земледѣльческой механикѣ нѣтъ также ни одного цѣльнаго сочиненія на русскомъ языкѣ. За то въ послѣднее время возросло число лабораторныхъ работъ. Имъ посвящены многія молодыя силы въ разныхъ мѣстностяхъ Р., что и сближаетъ сельское хозяйство съ естествовѣдѣніемъ. На съѣздахъ естествоиспытателей и врачей, начиная съ VII съѣзда, открыта особая для агрономіи секція и на послѣднемъ съѣздѣ, бывшемъ въ 1898 г. въ Кіевѣ, эта новая секція имѣла значительный успѣхъ.

С.

16) Технологическая наука есть вообще наука недавняго времени. Учила такой наукѣ, или такимъ знаніямъ—въ началѣ особенно,— сама жизнь и школа примѣра, привезеннаго изъ чужой страны. Въ Россію техническія знанія также принесены были иностранцами. Не было недостатка и въ самостоятельныхъ самородныхъ талантахъ; особенно много фактовъ свидѣтельствуютъ о способностяхъ русскихъ людей къ механикѣ (*Кулибинъ, Ползуновъ, Зарубинъ,* разные крестьяне и строители мельницъ и плотинъ). Знанія технич. распространялись путемъ примѣра и поученія. Таковы были *Татищевъ* и Никита *Демидовъ*, помощники Петра Вел.; строитель премьеръ-майоръ *Москвинъ* (основатель Воткинскаго завода, при графѣ Шуваловѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны); графъ *Шереметьевъ* (также въ началѣ второй половины прошлаго XVIII стол.) со своими крестьянами, стараніями котораго округъ села Павлова обратился въ настоящій русскій Шеффильдъ по производству инструментальнаго (ножевого) товара; Иванъ и Андрей *Баташевы*; наконецъ, Иванъ Акимовичъ и за нимъ Сергѣй Иван. *Мальцовы*, которые давали огромную, а по продолжительности вѣковую школу примѣра по многимъ техническимъ отраслямъ и призывали и другихъ къ работѣ посредствомъ печатныхъ статей о выгодахъ промышленности и описанія собственныхъ заводовъ. Эта школа примѣра, вначалѣ по отраслямъ стеклодѣлія, чугуннаго литья, впослѣдствіи — механическихъ производствъ (съ возникновеніемъ у насъ желѣзныхъ дорогъ), обняла, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, и свеклосахарное производство, которому Мальцовъ научалъ не только примѣромъ и руководствующими статьями (напр. въ «Земледѣльч. Журналѣ», 1822) и брошюрами, но и учрежденіемъ учебно-демонстративнаго небольшого завода при опытномъ хуторѣ моск. общества сельск. хозяйства (послѣ чего вскорѣ возникли заводы Тучкова, графа *А. А. Бобринскаго*, Глѣбова, Шипова, Муханова и др.). На ряду и вслѣдъ за Мальцовымъ графъ А. А. Бобринскій является также ревностнымъ распространителемъ знаній по своей отрасли: впослѣдствіи въ этой самой отрасли, которую культивировалъ Бобринскій, установилась въ Р. прямая связь между научной учебной школой и заводскимъ дѣломъ,— и веденіе производства перешло къ русскимъ молодымъ техникамъ, подготовленнымъ учебною школою. Въ дѣлѣ прямого школьнаго обученія и преподаванія съ каѳедры, а равно и ученыхъ изслѣдованій, въ началѣ поставлена была у насъ академія наукъ; въ этомъ періодѣ, конечно, прежде всего выдѣляется имя *Ломоносова* (см.); такъ, цвѣтные, окрашенные металлическими флюсами стеклянные плавы являлись въ тѣ времена его собственнымъ изобрѣтеніемъ; и ему, въ числѣ прочаго, предписывалось (1752) «завести фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, а изъ нихъ бисера, пронизокъ, стекляруса и пр.». Нѣсколько позже, въ томъ же вѣкѣ, сдѣланное академикомъ Кирилломъ *Лаксманомъ* примѣненіе сѣрнонатровой соли—а именно самородной соли сибирскихъ озеръ — къ стеклодѣлію привело его къ устройству завода въ Сибири, въ сообществѣ съ купцомъ Барановымъ; въ то время (60-е годы XVIII в.) способы прямого остекловыванія сѣрнонатр. соли еще не были извѣстны европейскимъ химикамъ. Къ началу XIX столѣтія было поручено академіи, съ цѣлью развитія техническихъ знаній въ Р., особенно озаботиться сочиненіемъ или переводомъ на русскій яз. иностранныхъ сочиненій по этой части. Департаментъ мануфактуръ и внутр. торговли, особенно со временъ мин. графа Канкрина, въ свою очередь сильно озабочивался тою же задачей, и плодомъ переводныхъ работъ явились у насъ слѣдующіе учебники и пособники: *Гмелинъ,* химическія основанія ремеслъ и заводовъ, изд. акд. 1803 г. съ нѣкот. прилож., въ переводѣ академика *Севергина* (съ позднѣйшихъ нѣм. изданій былъ у насъ еще лѣтъ 30 тому назадъ сдѣланъ переводъ Н. Сорокинымъ); «Технологія» изд. академіи 1807 г., представляющая элементарный учебникъ, составленный при дирекціи училищъ; издаваемый по-годно при дпт. мануф. и внутр. торговли переводный лейпцигскій «Магазинъ всѣхъ новыхъ изобрѣтеній, открытій и исправленій» Зебаса и Баумгертнера (1811 г. и сл.); издаваемые съ 1820-хъ гг. академіей наукъ «Технологическій Журналъ» и «Журналъ Мануфактуръ и Торговли»; журналъ «Зрѣлище природы и художествъ»; замѣчательная книга «Руководство къ общей технологіи», сдѣланная *Ѳ. Де-*

Библиотека "Руниверс"

нисовымъ по учебнику Поппе, изд. въ Москвѣ въ 1828 г., и полный переводъ «Технологіи» Поппе, изд. по приказанію мин. финансовъ въ двухъ томахъ (СПб., 1844); «Начертаніе технологіи» Гермбштедта въ переводѣ по прик. мин. фин. 1838—39 г. Имп. вольное экономическое общество, въ дѣятельности котораго съ самаго начала (отъ 1765 г.) принимали живѣйшее участіе академики. издавало свои капитальные «Труды», хотя сперва и не совсѣмъ періодично и неоднократно на нѣм. языкѣ; къ 20-мъ годамъ рядъ этихъ трудовъ былъ уже весьма обширенъ въ Р. Замѣчательнѣйшее изданіе общества представляло огромное руководство Мильса и Артура Юнга, переводъ котораго съ англ. языка на русскій начатъ еще по приказанію имп. Екатерины и, по многотомности, изданъ сполна къ 1811 г., всего въ 15 тт., подъ назв.: «Полная система практическаго сельскаго домостроительства». Въ основавшемся, съ цѣлью подготовленія мастеровъ и руководителей заводскаго дѣла, технологическомъ институтѣ (1828), при открытіи курсовъ (1831), съ самаго начала положено было широкое основаніе практическому обученію въ учебныхъ мастерскихъ, спеціально къ тому приспособленныхъ въ институтѣ. Въ отношеніи же наукъ институтъ былъ сначала только подготовительной школой. Предначертанія основателя института графа Е. Ф. Канкрина, опережали условія своего времени (по причинѣ скудости начальной подготовки молодыхъ поколѣній и неподготовленности учителей). Съ открытіемъ классовъ въ институтѣ нѣкоторые изъ руководившихъ занятіями въ мастерскихъ института — это были большею частью нѣмцы и французы—составили руководства по своимъ предметамъ: Гюэтъ по сукнодѣлію, руководство, переведенное на русскій языкъ иждивеніемъ вольнаго экономическаго общества; Циргъ—модельный мастеръ—руководство по устройству мукомольныхъ мельницъ. Извѣстный химикъ, академикъ Гессъ, явился главнымъ организаторомъ системы преподаванія въ институтѣ. Технологія, въ составѣ предметовъ старшаго класса, возложена была на ученаго лѣсничаго Озерскаго; механикѣ училъ *Н. Ф. Ястржембскій*, оказавшій большую услугу технической наукѣ изданіемъ своего курса «Механики». Особенно выдвинулась въ преподаваніи технологія волокнистыхъ веществъ, Озерскій издалъ брошюру о хлопчатой бумагѣ и пряденіи оной; А. А. Шереръ, въ 30-хъ годахъ, подготовленный командировкою за границу, преподавалъ въ теченіе около 30-ти лѣтъ преимущественно технологію волокнистыхъ веществъ и издалъ книги по этой отрасли знанія. Преобладали по этой же спеціальности и практическія занятія — и еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ *всѣ* воспитанники проходили въ среднихъ классахъ курсъ упражненій въ *ткачествѣ*. Съ химической стороны, вслѣдъ за Гессе, явились преподавателями горные инженеры (П. И. Евреиновъ, А. Ив. Кованько). Въ Москвѣ было ремесленное училище, въ которомъ, по отношенію къ преподаванію техническихъ предметовъ было нѣсколько больше элементарности. Публичныя лекціи, поручаемыя преподавателямъ механики, технологіи (безъ раздѣленія на химическую и механическую часть) и химіи съ физикой и даже цѣлые курсы, въ разные года, устраивались и при технологическомъ институтѣ: такъ, читали Евреиновъ, Озерскій по технологіи, кандидатъ университета Ѳ. Ѳ. *Эвальдъ* (1836) читалъ по физикѣ, Ястржембскій по механикѣ. Въ 40-хъ годахъ публичныя лекціи по технической химіи читалъ *Н. Виттъ*, преподаватель технологическаго института (отъ 40-хъ до 65-го года), оставившій послѣ себя много сочиненій по техническимъ частностямъ (по производствамъ свеклосахарному, пивоварному, свѣчному, по винодѣлію) и печатный курсъ «Промышленная химія» и далѣе «Органическая промышленая химія». Позднѣе *Ѳ. Ѳ. Петрушевскій* читалъ въ технолог. инст. лекціи технической физики. Въ 40-хъ годахъ открылись при университетахъ (кромѣ московскаго) *камеральные* факультеты или *разряды*, съ цѣлью подготовить въ экономическихъ реальныхъ знаніяхъ, примѣнимыхъ и къ нуждамъ промышленной техники. Впрочемъ, въ средѣ фабрикантовъ и мануфактуристовъ не проявлялось особаго вниманія по всѣмъ этимъ печатнымъ и устнымъ пособіямъ знанія; лекціи хотя были безплатны и продолжались годами. посѣщались по преимуществу студентами и учениками гимназій чиновниками, купцами и меньше всего—заводчиками и фабрикантами, да и то чаще всего заѣзжими. Публичные курсы *М. Я. Киттары*, державные сперва при казанскомъ унив., въ 50-хъ годахъ были особенно систематичны и многолѣтни (лѣтъ 6 подрядъ). Въ Москвѣ дѣйствовалъ въ это время энергичный представитель технологической науки, профессоръ *Р. Г. Гейманъ*, издавшій еще въ 40-хъ годахъ «Чтенія общей химіи, приложенныя къ фабричному и заводскому дѣлу». Въ Севастопольскую эпоху Гейманъ печаталъ «Письмо къ отечественнымъ заводчикамъ», въ которомъ указывалъ способы эксплуатаціи колчедановъ для добыванія сѣры, сѣрной кислоты и проч. Въ спб. университетѣ въ 50-е года обособилась каѳедра технической химіи въ лицѣ *П. А. Ильенкова*, который былъ у насъ первымъ магистромъ (1847), а потомъ и докторомъ технологіи (другимъ магистромъ технологіи былъ здѣсь же Скобликовъ, а засимъ въ Москвѣ магистромъ технологіи былъ И. П. Архиповъ (1869); Ильенковъ, на ряду съ лекціями въ спб. университетѣ (впослѣдствіи въ московской Петровской академіи, гдѣ онъ читалъ агрономическую химію), составилъ «Курсъ химической технологіи» (1851), который былъ весьма важнымъ учебникомъ своего времени; онъ послужилъ основой для болѣе обширнаго курса, обработаннаго Е. Н. *Андреевымъ* (изд. 1861—64), подъ назв. 2-го изданія «Химической технологіи Ильенкова». Профессоръ *М. Скобликовъ*, къ сожалѣнію рано умершій, оставилъ послѣ себя нѣсколько серьезныхъ работъ (по спеціальности лаковъ, производству крахмала), предпринялъ періодическое изданіе отчетовъ по успѣхамъ техники (подъ заглавіемъ «Техническія Записки», которыхъ

Библиотека "Руниверс"

1-й выпускъ явился въ 1858 г.). Съ 50-хъ годовъ началась обширная и многосторонняя дѣятельность *А. И. Ходнева*. Его «Техническій курсъ химіи», часть неорганическая, изданъ въ 1855 г.; затѣмъ изданы: «Руководство къ селитроваренію въ Малороссіи», «Химическая часть товаровѣдѣнія» и пр., кромѣ большого ряда спеціальныхъ техническихъ статей. Развитіе техническихъ способовъ являло непомѣрно большіе успѣхи, чѣмъ спеціальная литература того времени. Однако, число самостоятельныхъ трудовъ множилось; среди нихъ появлялись очень важные — и на страницахъ спеціальныхъ журналовъ, какъ горнаго, морского, (сборника), артиллерійскаго; сильно нарастало и число разнообразнѣйшихъ изданій по отдѣльнымъ спеціальностямъ технологіи. Заботы о развитіи познаній въ винокуреніи и объ установкѣ правильнаго учета спиртовъ вызвали нѣсколько работъ по этой отрасли, изъ коихъ двѣ принадлежали *Ф. С. Илишу*, преподававшему химію въ технологическомъ институтѣ, это были: «Полное руководство винокуренн., пивовар. и медовар. производствъ» и «Алкоолометрія». Проф. Киттары читалъ «Публичный курсъ винокуренія», изданный позднѣе; къ тому же времени (1680-е года) относятся книга, написанная *А. В. Совѣтовымъ*: «Пивоварное производство» (1861) и сочиненія Н. Витта: «Пиво и его приготовленіе», «Соображенія о русскомъ пивоваренiи» и нѣсколько переводныхъ книгъ (по Пайену, Ф. фонъ-Сиверсу и др.), подъ заглавіями: «Выгонка алкоголя и водки» и т. д. Въ это время явился замѣчательный трудъ Д. И. Менделѣева: «О соединеніи спирта съ водою». По разнымъ другимъ отраслямъ, къ тому-же времени, накопилось довольно много спеціальныхъ изданій, напр. сочиненія *В. Писарева*— одного изъ дѣятелей вольнаго эконом. общества, касавшіяся устройства мельницъ, производства листового стекла зеленаго и бемскаго, винокуренія и медоваренія, канцелярскихъ сургучей и лаковъ, бѣленія тканей и пр. и изданныя большею частью при содѣйствіи вольн. эконом. общества. Періодъ оживленія 60-хъ годовъ выразился какъ въ научной, такъ и въ технической жизни весьма усиленною дѣятельностью. Въ этомъ періодѣ явились какъ-бы сразу въ особенно значительномъ числѣ первоклассные дѣятели науки, особенно въ области изученія законовъ природы и анализа явленій. Этотъ блестящій кружокъ, сосредоточенный главнымъ образомъ въ С.-Петербургѣ при университетѣ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составляли: Менделѣевъ, Бутлеровъ, Зининъ, Чебышевъ, Соколовъ и Энгельгардтъ, Бельштейнъ, оба Бекетовы и др. Вокругъ нихъ собиралось и развивалось общее движеніе по части реальныхъ знаній. Основаніе ученыхъ обществъ (русскаго техническаго, русскаго химическаго, петербургскаго политехническаго кружка, позднѣе—общества содѣйствія промышленности и торговлѣ, московскаго политехническаго общества), преобразованіе учебной технологической системы, подъемъ издательской дѣятельности и авторства, сильный приливъ самостоятельныхъ работъ по естественнымъ наукамъ, организація съѣздовъ ученыхъ и промышленно-экономическихъ, расширеніе анкетныхъ работъ о состояніи промышленности—все это отмѣчало эпоху обновленнаго и совершенно реальнаго движенія. Растворялись общественныя и городскія залы для публичныхъ лекцій Д. И. Менделѣева, И. А. Вышнеградскаго, А. И. Ходнева, прикладной химіи В. Ѳ. Петрушевскаго (преподаватель военныхъ училищъ) и др. Экономическія и статистическія изслѣдованія о состояніи и условіяхъ промышленности въ странѣ стали являться въ формѣ обширнѣйшихъ отчетовъ, порученныхъ опытнѣйшимъ ученымъ авторамъ («Обзоръ разныхъ отраслей мануфактуры и промышленности Россіи», издаваемый вслѣдъ за мануфактурною выставкою въ С.-Петербургѣ. 1861 г., труды Бушена, Дм. Тимирязева и др.); труды эти, чрезъ принесенное въ нихъ разъясненіе состоянія промышленности въ Р., усиливали фактическую опору для ближайшихъ приложеній технической науки къ выгодамъ промышленности. Въ составѣ ученыхъ техническихъ силъ явились *И. А. Вышнеградскій* и *Н. П. Ильинъ*—подготовленные университетомъ (педагогическимъ инст.) и заграничною командировкою; въ качествѣ профессоровъ (преобразованнаго уставомъ 1862 г. въ высшее учебное заведеніе) технологическаго инст., они въ своихъ работахъ (продолжавшихся свыше 25 лѣтъ), явились коренными основателями нашей учебной технологической школы, пособниками ея живой связи съ промышленностью и дѣятелями покровительства промышленности. Къ нимъ примыкали для совокупной работы *Н. Ф. Лабзинъ* (инж.-технологъ) — руководитель механическаго практическаго обученія въ институтѣ, и И. А. *Евневичъ* (универс.) для теоретической механики; весьма близкимъ сотрудникомъ И. А. Вышнеградскаго былъ и *Д. И. Менделѣевъ*. Работы Вышнеградскаго по водопроводамъ (особенно петербургскимъ), по устройству и оборудованію арсенала, по газовому освѣщенію, постройкѣ и администраціи желѣзныхъ дорогъ, опыты его надъ паровыми машинами, дѣятельность на всемірныхъ и русскихъ выставкахъ были прямымъ свидѣтельствомъ происходившаго воздѣйствія технической науки на промышленное и заводское дѣло. Также многозначительно было ученое воздѣйствіе Д. И. Менделѣева на развитіе нашихъ нефтяныхъ дѣлъ. Въ технологической наукѣ и въ преподаваніи значеніе этихъ именъ очень велико (Вышнеградскаго — курсы механики, теоріи и устройства паровыхъ машинъ, механической теоріи тепла; Ильина — курсы технологіи волокнистыхъ веществъ, краснаго искусства, учебникъ изд. 1874 г. ч. I: «Пигменты»). Въ технической литературѣ того времени весьма важное явленіе представляли «Энциклопедіи», изданныя по нѣмецкимъ образцамъ, частью въ переводѣ, частью съ коренной переработкой: по *Вагнеру* — «Техническая Энциклопедія» (изданіе т-ва «Обществ. Польза»), подъ редакціей Менделѣева, которая явилась въ промежуткѣ между 1862 и 1869 гг; (IX выпусковъ по разнымъ спеціаль-

Библиотека "Руниверс"

ностямъ); позднѣе предпринятая *Фр. Фр. Лесгафтомъ* — «Химическая технологія по Боллею», которой за 1869—71 г. вышло 7 тт. Они составили важное пособіе по спеціальностямъ науки. Въ ближайшемъ кругѣ учебной технологической системы являлась неизбѣжная потребность дробить науку по спеціальностямъ и умножать число каѳедръ. Съ 1870-хъ годовъ призваны были служить технологической наукѣ: *Н. П. Петровъ* (воен. инженеръ), профессоръ технологическаго института по каѳедрѣ прикладной механики, спеціально по паровозамъ—трудъ котораго надъ «Треніемъ въ машинахъ» отмѣченъ академической Ломоносовской преміей и большою медалью Имп. русскаго техническаго общества; *А. В. Гадолинъ* (артиллеристъ, академикъ), профессоръ технологическаго института, памятный курсами по механической технологіи; *П. В. Котурницкій* (технологъ), къ которому впослѣдствіи перешла каѳедра по паровымъ машинамъ, авторъ руководства по этому предмету; *В. Л. Кирпичевъ* (артиллеристъ), извѣстный въ наукѣ сопротивленія строительныхъ матеріаловъ; *Н. Ал. Бѣлелюбскій* (строитель мостовъ, инженеръ путей сообщенія), которымъ создана была при институтѣ инженеровъ путей сообщенія превосходная механическая лабораторія, въ которой сосредоточены всѣ испытанія строительныхъ матеріаловъ (въ томъ числѣ, особенно, и цементовъ); *А. К. Крупскій* (университ.), извѣстный своими курсами по химической технологіи въ технологическомъ институтѣ; *А. Р. Шуляченко* (военный инженеръ)—знатокъ цементнаго дѣла, основатель заводовъ портландскаго цемента; *Г. Е. Паукеръ* (военный инженеръ) — по строительной механикѣ, и *Х. С. Головинъ* (инженеръ) по той же спеціальности; *П. А. Аѳанасьевъ* (инженеръ-технологъ) ученый спеціалистъ въ области заводскихъ машинъ и авторъ сочиненія о «Мукомольныхъ мельницахъ»; *Н. И. Тавилдаровъ* (подготовл. техн. институтомъ и университетомъ)—по каѳедрѣ технол. питательныхъ веществъ, авторъ обширнаго труда «Хим. технологія сельскохоз. продуктовъ», организаторъ и руководитель пивоваренной школы въ СПб.; *Б. Т. Вылежинскій* (инж. техн.)—по техн. прочихъ органическихъ веществъ; позднѣе *Н. П. Лановой* (подготовленъ унив., техн. инст. и загран. командировкой) — по каѳедрѣ волокнистыхъ веществъ, предоставленной имъ позже *С. А. Ганешину*; *Н. Л. Щукинъ* (инженеръ техн.), извѣстный курсами механики, знатокъ паровозовъ; *Г. Ф. Деппъ*, по паровымъ котламъ, авторъ руководствъ; *А. Д. Гатцукъ*—по механической технологіи, знатокъ рабочихъ механическихъ станковъ; *Л. Г. Богаевскій* (авт. акд. труда о состояніяхъ вещества; *А. А. Курбатовъ* и *А. А. Русановъ*—по отраслямъ органич. техн. и др. Часть молодыхъ силъ призвана была вначалѣ къ занятіямъ строительнымъ *проектированіемъ*, которыя, на ряду съ упражненіями въ мастерскихъ и технич. лабораторіяхъ, составляютъ практическую часть технолог. учебн. системы въ Р. Работы въ механическихъ мастерскихъ приняли особенно широкое развитіе въ *московскомъ техническомъ училищѣ*, еще съ того ранняго періода, когда оно развилось въ видѣ ремесленной школы (основ. почти одновременно съ спб. технолог. инст. и преобразов. уставомъ 1844); механ. мастерская здѣсь издавна развилась въ настоящій учебный механ. заводъ (1846). Руководителемъ этихъ работъ былъ одно время (ок. 1860-хъ год.) М. Я. Киттары. Постановка здѣсь практич. занятій впослѣдствіи неоднократно обращала на себя вниманіе иностранцевъ. Въ 1870-хъ гг. ученый мастеръ *Совѣткинъ* далъ подготовительнымъ практич. занятіямъ весьма правильную форму, создавъ систематическія задачи для обученія слесарному мастерству— и тотъ же порядокъ работъ былъ усвоенъ въ мех. маст. спб-скаго технолог. института. Американецъ Dr. Runkel, одинъ изъ дѣятелей бостонскаго Massachusets Institute, особо отмѣчаетъ эту методу въ брошюрѣ своей о технол. институтѣ, гдѣ отмѣчаетъ и опытнѣйшаго руководителя ихъ въ спб. институтѣ, *А. П. Петерса* (инжен. техн.), чрезъ руки и совѣты котораго прошло столько учащихся поколѣній (съ 1869 г.); въ Massachusets Institute издавна виситъ на стѣнѣ систематически расположенная коллекція моделей, указывающая этотъ порядокъ упражненій. Точно также впослѣдствіи развитіе учебныхъ *техническихъ лабораторій*, въ которыхъ дается возможность практич. работы и домашняго наблюденія надъ нѣкотор. заводскими процессами, не менѣе приковало къ себѣ вниманіе англичанина — инженера строителя Мазера (Mather), посѣщавшаго наши технич. заведенія для соображеній о методахъ преподаванія. Основателемъ учебной технической лабораторіи въ спб. институтѣ былъ проф. *А. К. Рейхель* (подготовленный унив. и заграничн. командировкой); но особенно обширная обстановка дана была техническимъ лабораторіямъ въ *харьковскомъ* технологич. институтѣ, система котораго можетъ быть названа результатомъ дѣятельности и опыта, пережитыхъ петербургскимъ институтомъ. Изъ обоихъ этихъ институтовъ даны ученыя силы—частью еще подготовляющіяся заграничной командировкой, для кіевскаго политехническаго училища и варшавскаго; изъ нихъ же вышли тѣ силы, которыя явились руководителями науки въ промышленныхъ техническихъ училищахъ, системы которыхъ отмѣчены также особенно широкимъ примѣненіемъ практическаго обученія въ мастерскихъ: одна изъ первыхъ — красноуфимская — имѣетъ отличныя лабораторіи, устроенныя *Грузовымъ*; механическія— въ костромскихъ училищахъ (имени Чижова), для которыхъ много поработалъ *А. К. Эшлиманъ* (инж. техн., профессоръ по проектированію машинъ и заводовъ при имп. моск. техн. уч.) и пр. Изъ обоихъ технол. инст., Имп. московскаго техн. училища, рижскаго политехника (особенно же двухъ первыхъ) вышли, въ весьма большомъ числѣ, руководители по технической части на заводахъ и мануфактурахъ, жел. дорогахъ, механич. и машиностроительныхъ заводахъ (численность дѣятелей, вышедшихъ изъ спб. технологическаго института, ближайшее распредѣленіе по спеціальностямъ службы—см. въ «Отчетахъ Общества Техно-

Библиотека "Руниверс"

логовъ», напр. за четырнадцатый годъ существованія этого общества, 1897—98, СПб., 1899).

Харьковскій технологическій институтъ имѣетъ въ составѣ своихъ технологическихъ силъ: по механикѣ—*Д. С. Зернова*, *В. И. Альшицкаго* (издавшаго чертежи деталей-машинъ и по проектированію), *А. В. Гречанинова*, *А. И. Предтеченскаго* (печатн. курсъ паровыхъ котловъ), *П. М. Мухачева* (механ.-технол.); по постройкѣ машинъ *Ос. Ос. Сонина*, извѣстнаго своими строительными работами, *А. П. Лидова*—по химической технологіи, «Химическая технологія волокнистыхъ веществъ» и «Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ»), *К. Я. Зворыкина* — знатока мукомольнаго дѣла и автора изслѣдованія о сопротивленіи стружки при рѣзкѣ металловъ, отмѣченнаго большою медалью (имени Имп. Николая II Имп. русск. технич. общества.

Императорское московское техническое училище имѣетъ извѣстнаго въ наукѣ машиностроенія *П. К. Худякова* (печатныя руководства); по химической технологіи—*Я. Я. Никитинскаго* (весьма многія печатныя сочиненія), *П. П. Петрова* (по каѳедрѣ красильныхъ веществъ) и С. А. *Федорова*—по технологіи волокнистыхъ веществъ; *Н. Г. Жуковскаго* по теоретической механикѣ и *Ѳ. Е. Орлова* по прикладной механикѣ; *А. И. Сидорова*, по машиностроенію; по строительному искусству *М. М. Черепашинскаго*, по механической технологіи *А. П. Гавриленко*. Въ исторіи его ученой технологической дѣятельности памятны имена *И. П. Архипова*, *В. К. Делла-Восса* и недавно утраченнаго проф. *В. М. Руднева*, оставившаго по себѣ много научныхъ печатныхъ статей по предметамъ химической технологіи. При Имп. московскомъ техническомъ училищѣ состоитъ *политехническое общество*, имѣющее свой печатный органъ («Извѣстія Политехническаго Общества» и «Бюллетени»). Здѣсь необходимо упомянуть о музеѣ прикладныхъ знаній (см. Му-зеи промышленные) и о Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія въ Москвѣ и училищѣ рисованія барона Штиглица.

Въ *рижскомъ политехническомъ институтѣ* по механической технологіи *Э. Э. Пфуль*, очень много писавшій, спеціалистъ особенно джутоваго дѣла и писчебумажнаго производства; *К. А. Владиміровъ*, по прикладной механикѣ, извѣстный работами о керосиновыхъ двигателяхъ; *Б. М. Водзинскій* и *Мальхеръ*—по инженерному искусству, преимущественно по устройству путей сообщенія; по строительному дѣлу здѣсь былъ профессоръ *Ланъ* (нынѣ за границею), извѣстный своимъ сочиненіемъ о дымовыхъ трубахъ; по химической технологіи — *М. Ф. Глазенапъ*; по земледѣлію *В. А. фонъ-Книрим*ъ — предсѣдатель сельскохозяйственнаго отдѣла и сельскохозяйственной опытной станціи, *К. Д. Ловисъ*—по прикладной механикѣ, *Г. В. Киршгейнъ* по сельскохозяйственному строительному искусству, *Р. Ф. Генингъ* по технической механикѣ. Въ ближайшемъ отношеніи къ политехническому институту и по всей мѣстной промышленности города Риги стоитъ «Rigaer Technischer Verein»; этотъ ферейнъ издаетъ технический журналъ: «Rigaer Industrie-Zeitung». Изъ рижскаго политехническаго института вышло не малое число отличныхъ техниковъ. Вліяніе *университетовъ* на успѣхи въ технической области и развитіе технологической науки, помимо общаго воспитательнаго значенія университетской подготовки, выразилось особенно въ области такъ называемой *химической* технологіи. Въ *кіевскомъ* университетѣ съ 1870-хъ годовъ технологическая наука особо выдѣлилась въ лицѣ *Н. А. Бунге*, впослѣдствіи предсѣдателя кіевскаго отдѣленія Имп. русск. технич. общества; онъ далъ цѣлый рядъ работъ по техническимъ предметамъ и учебники: «Химическая технологія воды», «Топливо и отопленіе», «Курсъ химической технологіи», «Программа по технической химіи», «Обзоръ литературы по химической технологіи». Въ *казанскомъ* университетѣ извѣстенъ своими работами по технологіи проф. *И. Ив. Канонниковъ*, авторъ руководства къ анализу питательныхъ веществъ. Въ *московскомъ* университетѣ *Ив. Г. Каблуковъ* далъ въ сотрудничествѣ съ Имп. Антушевичемъ руководство къ анализу пчелинаго воска; особенно извѣстенъ своими многочисленными работами по техническимъ вопросамъ *Вл. В. Марковниковъ* (по изслѣдованію кавказской нефти, по минеральнымъ водамъ Кавказа, по изслѣдованію русской химической промышленности и др.).

Дерптскій, нынѣ *юрьевскій университетъ*, среди весьма большого числа научныхъ дѣятелей, которыхъ онъ воспиталъ, далъ не мало лицъ, послужившихъ и технической наукѣ; академики *Гельмерсенъ* и *Гофманъ*—изслѣдователи Урала, Донецкаго бассейна и др. областей Р., оба учились въ Дерптѣ. Высшая химическая школа проф. *К. Шмидта* подготовила *В. П. Ливена* (д-ра химіи юрьевск. унив.), работы котораго надъ составомъ цементныхъ матеріаловъ Р. (печат. въ «Архивѣ естествознанія Лифляндіи») связаны съ основаніемъ и развитіемъ у насъ цементнаго дѣла: В. П. Ливеномъ построены были цементные заводы рижскій, Портъ-Кунда и черноморскій въ Новороссійскѣ. Та же химическая школа подготовила д-ра *Бенрата* принесшаго важныя услуги технологической наукѣ по отрасли стеклодѣлія (изслѣдованія надъ нормальными пропорціями составленія стекла и книга по стеклодѣлію).

Горный институтъ (прежде институтъ корпуса горныхъ инженеровъ) далъ технологической наукѣ много замѣчательныхъ дѣятелей: *Н. В. Воронцовъ* — выдающійся инженеръ-строитель, работавшій на Уралѣ и Путиловскомъ заводѣ, строитель пермскаго завода, памятный всѣмъ постройкою (на томъ заводѣ) перваго 50-ти-тоннаго парового молота; *П. Обуховъ*—по сталелитейному дѣлу; *В. А. Полетика* и *П. Семянниковъ*—устроители извѣстнаго механическаго завода; ученый *Г. А. Госса*—памятный курсами металлургіи и горнаго искусства въ горномъ институтѣ; оба *Кованько (Алексѣй* и *Алдр. Ив.)*—изв. химики, основатели химическихъ заводовъ. *В. В. Бекъ*, извѣстный своими превосходными курсами химіи, которые онъ читалъ и въ спб. техно-

Библиотека "Руниверс"

логическомъ институтѣ, много воздѣйствовавшій на развитіе техническихъ знаній; *И. А. Тиме,* проф. горнозаводской механики, извѣстный многими ученными трудами—въ томъ числѣ по механической технологіи въ вопросѣ о сопротивленіи стружки (при рѣзкѣ металла); *К. Ив. Лисенко*, профессоръ химіи, памятный своими трудами по нефтяному дѣлу; *Н. С. Курнаковъ*, профессоръ химіи, давшій много печатныхъ работъ по техническимъ предметамъ. Въ составѣ преподавателей спб. технологическаго института было много горныхъ инженеровъ и не только въ первое время, когда при институтѣ находилась и бывшая горная школа, имѣвшая съ нимъ общіе курсы. Изъ нихъ трое были директорами института (*К. У. Бутеневъ, И. П. Чайковскій* и *Я. И. Ламанскій*); одинъ — инспекторомъ работъ въ механическихъ мастерскихъ (*Ю. И. Бутовскій*); *Н. А. Кулибинъ*, *Н. А. Іосса*, въ качествѣ преподавателей, а съ ними всего вмѣстѣ около двадцати преподавателей института, Одинъ изъ начальныхъ основателей русскаго техническаго общества—Его Выс. Николай Максимиліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій—принадлежалъ также къ составу горныхъ инженеровъ. Нынѣ въ числѣ предсѣдателей отдѣловъ русскаго техническаго общества — проф. университета *Д. П. Коноваловъ* и кандидатъ его—*Н. С. Курнаковъ*—горные инженеры. Для технологической науки всегда представлялъ большую важность «Горный Журналъ», а нынѣ еще «Извѣстія Общества Горныхъ Инженеровъ» (съ 1892). Имѣли большое значеніе также и труды «Лабораторіи горнаго департамента», при министерствѣ финансовъ въ СПб., по испытанію русскихъ матеріаловъ. Изъ *военныхъ академій* вышли извѣстнѣйшіе профессора спеціальныхъ предметовъ, имена которыхъ видны по помѣткамъ въ предыдущихъ упоминаніяхъ; къ нимъ присоединяются имена *Г. С. Войницкаго* (воен. инженеръ), *К. Ѳ. Гаусмана* (воен. инженеръ), *Э. А. Коверскаго* (артиллеристъ-геодезистъ). Въ технической наукѣ и распространеніе техническихъ знаній въ Р. большая роль принадлежитъ *обществамъ*, и изъ нихъ преобладающимъ образомъ *Императорскому русскому техническому*. Масса техническихъ сообщеній, сдѣланныхъ обществу, и спеціальныхъ трудовъ печатается въ его «Запискахъ», которыя издаютъ его главныя *отдѣленія*, раскинувшіяся по всей Р. (кромѣ спб. центра, отдѣленія: московское, кіевское, бакинское, кавказское въ Тифлисѣ, одесское, харьковское, казанское, нижегородское — «Вѣстникъ пароходства и торговли», иваново-вознесенское, либавское и пр. — всѣхъ отдѣленій по настоящее время болѣе двадцати). «Записки» общества (въ С.-Петербургѣ) развѣтвились нынѣ по спеціальностямъ, которымъ соотвѣтствуютъ *отдѣлы* технологическій, желѣзнодорожный, электротехническій, воздухоплаванія, техническаго образованія (всѣхъ отдѣловъ IX); такимъ образомъ являются отдѣльные печатные органы: «Записки», журналы «Желѣзнодорожное Дѣло», «Электричество», «Техническое Образованіе». Отдѣлъ «Технич. Образов.», въ вѣдѣніи А. Г. Небольсина съ В. В. Сабанинымъ, съ постоянной при немъ «Коммиссіей», сдѣлалъ очень много по основанію и развитію низшихъ техничсекихъ школъ въ СПб. Общество всегда не только поощряло, но прямо вызывало и субсидировало труды важные для техники. Изданіе книгъ, производство техническихъ опытовъ, поѣздки молодыхъ техниковъ за границу (стипендія); въ направленіи вызова и поощренія трудовъ, какъ особенно важные результаты, явились исполненные по порученію общества обширнѣйшія изслѣдованія «Объ упругости газовъ» Д. И. Менделѣева и «О тренін въ машинахъ» Н. П. Петрова. Кромѣ постоянныхъ спеціальныхъ сообщеній или «бесѣдъ» въ помѣщеніи общ. (въ Соляномъ городкѣ) читалось много публичныхъ лекцій по разнымъ предметамъ; музеи при немъ служатъ для всѣхъ. Лабораторія общества, въ которой нынѣ дѣйствуетъ бывшій проф. медицинской академіи *Соколовъ*, при двухъ лаборантахъ (инж. технол. *Степановъ*, помощникъ Н. И. Тавилдарова въ пивоварной школѣ), сдѣлала много по части изслѣдованій—особенно угля и др. горючихъ матеріаловъ, въ послѣднее время для изслѣдованія нефтяныхъ топокъ. Работу иного рода, касающуюся примѣненія топлива, составляютъ учебные «курсы кочегаровъ», выработанные нынѣ по программѣ П. В. Котурницкаго и И. А. Анопова. Обществу принадлежитъ изданіе техническаго словаря (въ дѣлѣ котораго много потрудился инж.-технологъ *П. П. Андреевъ*). Въ послѣднее время техническое общество устраивало у себя въ Соляномъ Городкѣ выставки: было нѣсколько электрическихъ и печатнаго дѣла, выставка по нефтяному дѣлу и освѣщенію, нѣсколько фотографическихъ, по техническому образованію вмѣстѣ со съѣздомъ дѣятелей его. Небольшое нѣмецкое *политехническое* общество (Polytechnischer Verein) въ С.-Петербургѣ, держащее собранія для чтенія докладовъ и техническихъ бесѣдъ, основалось почти одновременно съ русскими техническими. Въ его органѣ: «Protokolle des St.-Petersburger Polytechnischen Vereins» статьи русскія и нѣмецкія. Общество организовало состязаніе кочегаровъ въ СПб. 1877 и 1890 г. Въ Москвѣ *общество распространенія техническихъ знаній* дѣйствовало съ 1869—70 г. какъ и отдѣлъ «Техническаго образованія» при имп. русскомъ техническомъ обществѣ. Такъ, въ первое время оно озабочивалось организаціей обученія рисованію и устроило классы техническаго рисованія и черченія, нѣсколько ремесленныхъ школъ (школа серебряныхъ издѣлій и др. и учебныхъ мастерскихъ); организовало обширную библіотеку, помѣщав шуюся въ московскомъ «музеѣ прикладныхъ знаній»; въ особомъ «Ученомъ» отдѣлѣ его происходили иногда техническія бесѣды и сообщенія. О «Политехническомъ обществѣ» и др. см. въ статьѣ Техническія общества.

Періодическихъ изданій, посвященныхъ техникѣ, за всѣ періоды, начиная отъ 30-хъ годовъ, было въ Р. вообще не мало. Изъ нихъ на первомъ планѣ издаваемыя нынѣ отдѣленіями Императорскаго русскаго техническаго

Библиотека "Руниверс"

общества. Такъ, особую важность имѣютъ по нефтяному дѣлу «Труды Бакинскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества»; для свеклосахарной промышленности «Записки Кіевскаго Отдѣленія». Въ С.-Петербургѣ «Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества» издаются съ 1867 г. Годомъ ранѣе былъ основанъ журналъ «Техническій Сборникъ», который издавался *Горбуновымъ* (1866—1872) и затѣмъ *Ашикомъ*, при субсидіи отъ министерства финансовъ. Въ Москвѣ замѣчательный журналъ издавалъ *Кречетовъ*, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Вѣстникъ Промышленности»; однако, онъ издавался только (не сполна) три года, 1884—86 г. Въ настоящее время въ Москвѣ «Техническій Сборникъ» и «Вѣстникъ Промышленности», издаваемый К. А. *Казначеевымъ* съ 1890 г.; въ Москвѣ издавались еще: «Вѣстн. Промышленности» Чижова и Бабста (около 60-го года), «Иллюстриров. ежемѣсячный техническій журналъ заводской промышленности, кустарной промышлен. и ремесл.» (въ 80-хъ годахъ). *Политехническое Общество* при императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ издавало очень хорошія «Извѣстія», засимъ съ 1892—93 г. «Бюллетени». Общество технологовъ имѣетъ свой журналъ «Вѣстникъ»; оба технологическихъ института издаютъ повременно (петербургскій съ 1879 года) свои «Извѣстія», содержащія ученыя работы профессоровъ. Много интересныхъ трудовъ, техническихъ монографій и научныхъ статей помѣщается и въ «Извѣстіяхъ императорскаго московскаго техническаго училища»; издаются: «Извѣстія Петровской землед. и лѣсной академіи», «Извѣстія собранія инженеровъ путей сообщенія», «Изв. общество горныхъ инженеровъ», «Инженеръ», изд. въ Кіевѣ.—Среди спеціальныхъ по отраслямъ техники журналовъ имѣются: «Вѣстн. Винодѣлія», изд. Таировымъ; «Вѣстн. русскаго пивоваренія», подъ ред. Тавилдарова; «Вѣстникъ мукомольн. дѣла и хлѣбн. торговли», изд. Мердеромъ, въ С.-Петербургѣ; «Мельникъ» въ Москвѣ; «Gazeta Cucrownicza», ред. С. А. Броневскаго; «Желѣзнодорожное дѣло» (см. выше), «Электротехническій Вѣстникъ», «Электричество», «Ежегодникъ Лѣсного Института», «Лѣсной Журналъ», изд. спб. лѣснымъ общ., «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», «Торгово-Промышленная Газета» (мин. финансовъ).

Изъ обширнѣйшихъ трудовъ и изданій министерства финансовъ при министрахъ И. А. Вышнеградскомъ и С. Ю. Витте, на ряду съ основными работами по вопросамъ народопромышленнаго хозяйства (раб. конца 80-хъ годовъ по европ. таможенному тарифу, въ заголовкѣ которыхъ стоятъ «Записки» профессоровъ технол. инст., и по предмету которыхъ написана популярная книга Д. И. Менделѣева «Толковый тарифъ»; далѣе, труды 1893 г. по конвенціональному тарифу прежде всего для русско-германскаго таможеннаго и торговаго договора и др.), изданы были при департаментѣ торговли и мануфактуръ, въ вѣдѣніи *Вл. Ив. Ковалевскаго*, сборники и отчеты: «Фабрично-заводская промышленность и торговля Р.», подъ общею редакціею Д. И. Менделѣева (для выставки въ Чикаго 1893 г.), «Производительныя силы Р.» *), сборникъ, составленный для всероссійской выставки въ Нижнемъ Новгородѣ 1896 г., подъ общею редакціею В. И. Ковалевскаго, отчеты лицъ, бывшихъ делегатами Россіи на выставкѣ въ Чикаго (въ томъ числѣ спеціальные по отраслямъ технологіи: *Д. П. Коновалова, Вяч. Евг. Тищенко, В. Л. Кирпичева, А. Д. Гатцука, Ст. Ос. Гулишамбарова,* извѣстнаго многими печатными трудами по нефтяному дѣлу и др.); отчетъ о нижегородской выставкѣ 1896 г. (труды экспертной коммиссіи и пр.); департаментомъ изданы были за то же время отдѣльныя сочиненія ученыхъ авторовъ по отраслямъ технологіи. Важныя технологическія данныя заключаютъ за послѣднее время, по соотвѣтственнымъ спеціальностямъ, «Отчеты департамента неокладныхъ сборовъ», и именно «Приложенія» къ нимъ. За вновь появляющимися техническими книгами и журналами можно прослѣдить по ежемѣсячной «Политехнической Библіотекѣ» (издается въ С.-Петербургѣ). Полная библіографія русскихъ книгъ по технической части составляетъ особое изданіе; отчасти же можно прослѣдить ее по ссылкамъ, имѣющимся въ «Русской части химической библіографіи», обнимающей книги химическаго содержанія по 1893 г., изданной Имп. акд. наукъ. *А. К.*

17) **Науки инженернаго и строительнаго искусства.** При насажденіи наукъ въ Р. въ эпоху Петра Вел., любившаго строительное дѣло, пришлось начать съ переводовъ иностранныхъ сочиненій по разнымъ предметамъ. Въ Москвѣ напечатана была, по повелѣнію государя, книга подъ заглавіемъ: «Архітектура воінская, гіпотическая і еклетическая, то есть вѣрное наставленіе, какъ разнымі немецкімі, французскімі, галанскімі і італіанскімі манірамі. Съ добрымъ прібыткомъ, такъ въ регулярної, какъ въ іррегулярної фортіфікаціі пользоватіся возможно и т. д.... ізъявлено отъ публічнаго проф. (Леонарда Христофора) Штурма. Москва лѣта 1709». Затѣмъ въ теченіе XVIII стол. переводились на русскій яз. архитектурныя сочиненія, считавшіяся тогда классическими: Виньола, Витрувія, Палладіо, большею частью съ нѣмецкихъ или французск. переводовъ, съ значительными сокращеніями. Наиболѣе полнымъ былъ переводъ Витрувія, съ французскаго перевода Перро, изданный В. Баженовымъ въ теченіе 1790—1797 гг., въ 10 книгахъ. Къ тому времени потребность въ правильной организаціи строительнаго дѣла въ государствѣ привела къ учрежденію для этой цѣли правительственныхъ органовъ. Учрежденная при имп. Аннѣ Іоанновнѣ «Канцелярія Перспективной дороги», для сооруженія дороги между СПб. и Москвою, въ 1775 г., подъ названіемъ «Канцелярія отъ строенія Государственныхъ дорогъ», завѣдывала уже всѣми большими до-

*) Подъ такимъ же заглавіемъ, а именно „Essai sur les forces productives de la Russie" составленъ былъ сборникъ *Бушена* для парижской выставки 1867 г.; еще ранѣе того, подъ тѣмъ же заглавіемъ, имѣется трудъ экономиста *Тенгоборскаго*.

Библиотека "Руниверс"

рогами въ государствѣ. Въ 1797 г. имп. Павелъ I учредилъ департаментъ водяныхъ коммуникацій, который послѣ нѣсколькихъ преобразованій превратился сначала въ главное управленіе, а затѣмъ министерство путей сообщенія. Съ возникновеніемъ этого вѣдомства совпадаетъ во времени начало самостоятельной дѣятельности русской мысли на инженерномъ поприщѣ. Въ 1799 г. напечатано было въ Петербургѣ «Описаніе представленнаго на чертежѣ моста, простирающагося изъ одной дуги на 140 саженяхъ...», извѣстнаго механика-самоучки И. П. Кулибина (XVI, 955). Въ 1806 г. Томонъ издалъ въ Петербургѣ на франц. языкѣ собраніе чертежей главнѣйшихъ памятниковъ, построенныхъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ («Recueil de plans et façades des principaux monuments construits à S.Pétersbourg...»). Съ другой стороны, русскіе зодчіе и любители старины стали изучать, описывать и снимать планы и чертежи старинныхъ церквей, дворцовъ и другихъ памятниковъ и такимъ образомъ положили начало правильной разработкѣ древностей строительнаго искусства. Въ 1809 году напечатана книга П. Валуева: «Историческія свѣдѣнія изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій изустныхъ, извлеченныя о селѣ Коломенскомъ...». Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ (т. XI, стр. 411) издалъ въ 1825 г. цѣнное «Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи», съ приложеніемъ плановъ, а въ 1826 г. «Описаніе Кіево-Печерской лавры», также съ планами. Дѣятельность графа Н. П. Румянцева и учрежденіе археологическихъ обществъ въ Р. упрочило изслѣдованіе русскихъ древностей, въ томъ числѣ и старинныхъ строеній. А. Шмитъ въ 1827 г. снялъ съ натуры развалины зданій древней столицы болгарскаго царства близъ с. Успенскаго, въ Казанской губ., издавъ свой трудъ въ 1832 г. подъ заглавіемъ: «Архитектурные чертежи древнихъ болгаръ» (М.). Къ этой мѣстности относятся позднѣйшія изслѣдованія Юрткульскаго и Шпилевскаго. Изъ трудовъ А. Г. Глаголева издана была одна только тетрадь: «О русскихъ крѣпостяхъ», съ атласомъ въ 35 листовъ (СПб., 1838). «Памятники древности во Владимірѣ на Клязьмѣ» (М., 1849) описаны были В. И. Доброхотовымъ и гр. С. Г. Строгоновымъ. Ѳ. Рихтеръ напечаталъ снятые съ натуры, въ планахъ, фасадахъ и разрѣзахъ, съ деталями украшеній, каменной высѣчки и живописи: «Памятники древняго русскаго зодчества» (М., 1851—56). Изъ частей «Древностей Россійск. Государства», издававшихся по Высочайшему повелѣнію Солнцевымъ, отдѣленіе VI посвящено памятникамъ древняго русск. зодчества. Труды Д. И. Гримма, знатока церковныхъ построекъ византійскаго стиля изданы А. Бергровымъ подъ названіемъ: «Памятники византійской архитектуры въ Грузіи и Арменіи» (СПб., 1859—64). Впослѣдствіи Гриммъ издалъ «Памятники христіанской архитектуры въ Грузіи и Арменіи» (СПб., 1866), имѣющіе весьма важное значеніе для исторіи искусства. Трудами по древнему зодчеству занимались также В. В. Сусловъ (изд. акд. худ., 1895—98) и др. См. выше Русское искусство (стр. 650—656).

Выше было упомянуто, что строительная дѣятельность правительства стала сосредоточиваться въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Въ этомъ-же вѣдомствѣ получила начало, выросла и окрѣпла русская наука инженернаго искусства. Въ 1810 г. открытъ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Первыми профессорами института, начальникомъ и директоромъ его были приглашенные изъ Франціи инженеры Бетанкуръ, Сенновeръ, Фабръ, Базенъ, Потье и Дестремъ. Тогда же выписаны были изъ Парижа «лучшія иностранныя сочиненія, до наукъ инженеръ-гидравлика относящіяся». Въ 1820 г. были вызваны изъ Франціи инженеры Рокуръ, Ламе и Клапейронъ. Въ первые годы существованія института часть оканчивавшихъ въ немъ курсъ инженеровъ оставлялась при немъ въ качествѣ преподавателей и профессоровъ. Лекціи читались сначала на французскомъ языкѣ. *Я. А. Севастьяновъ*, преподававшій послѣ Потье начертательную геометрію и математику, первый сталъ употреблять на лекціяхъ русскій языкъ. Имъ же изданъ первый на русскомъ языкѣ курсъ начертательной геометріи (Потье, «Основанія начертательной геометріи», переводъ Севастьянова, СПб., 1816; его же, «Приложеніе начертательной геометріи къ рисованію», переводъ Севастьянова, СПб., 1818), которая, вообще, кромѣ института инженеровъ путей сообщенія, нигдѣ тогда еще въ Р. не преподавалась. Въ 1818 г. Потье и Севастьяновъ издали вмѣстѣ новую книгу, подъ заглавіемъ: «Начальныя основанія разрѣзки камней — «Traité de la Coupe des Pierres». Затѣмъ Севастьяновымъ самостоятельно было издано нѣсколько сочиненій по начертательной геометріи и ея приложеніямъ (послѣднее въ 1834 г.). Послѣ него по начертательной геометріи писали *Галактіоновъ*, *Зеленый*, *Кипдеревъ*, *Сомовъ* и др. Однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ Севастьянова по каѳедрѣ начертательной геометріи въ институтѣ былъ *А. Х. Редеръ*, послѣ котораго остались слѣдующіе труды (литографированные): 1) «Теорія ортогональныхъ проекцій», 2) «Теорія проекцій съ числовыми отмѣтками или дополнительными числами», 3) «Линейная перспектива» и др. Въ 1870 г. появился обширный трудъ *Н. А. Макарова*, выдержавшій нѣсколько изданій. Въ 1892—1897 гг. изданъ полный курсъ начертательной геометріи профессора *В. И. Курдюмова*, по обширной программѣ, со включеніемъ метода аксонометрическихъ проекцій. По предложенію Бетанкура, профессора института занимались изслѣдованіями надъ сопротивленіемъ растворовъ и матеріаловъ (Рокуръ, совмѣстно съ Ламе и Клапейрономъ («Журналъ Мин. Путей Сообщ.» началъ выходить съ 1824 г., на русскомъ и французскомъ языкахъ. Въ немъ помѣщались преимущественно труды профессоровъ. Стали издаваться и отдѣльныя сочиненія по разнымъ отраслямъ строительнаго искусства, и для руководства строителей печатались образцовые чертежи разныхъ категорій сооруженій. Таковы, напр., «Чер-

Библиотека "Руниверс"

тежи деревяннымъ мостамъ, для устроенія по большимъ дорогамъ въ Россіи, съ присовокупленіемъ таковыхъ же и ледорѣзамъ; сочинено при главномъ управленіи путей сообщенія» (СПб., 1816). Первая, повидимому, русская книга, трактующая о водныхъ путяхъ Р., напечатана въ Амстердамѣ. Эта книга *Корнелія Крюйса*: «Прилѣжное описаніе р. Дону или Танаиса, Азовскаго моря или Езера Меотійскаго, Понта Евксинскаго или Чернаго мор» (Амст., 1669, съ картами), посвященная проекту соединенія Волги съ Дономъ, къ исполненію котораго приступлено было Петромъ Вел., но который остался неоконченнымъ вслѣдствіе начавшейся войны съ Швеціей. Книга Крюйса, впрочемъ, была издана также на голландскомъ языкѣ. Другая мысль Петра Великаго, устройство Тверецкаго канала, была имъ-же осуществлена и этимъ былъ созданъ Вышневолоцкій водный путь, впервые соединившій воды Каспійскаго моря съ Балтійскими. Въ составъ этого пути входитъ р. Мста, весьма затруднительная для судоходства и сплава своими порогами, подводными камнями и извилистымъ быстрымъ теченіемъ. Улучшеніе судоходныхъ условій этой рѣки было одною изъ первыхъ задачъ русскихъ инженеровъ начала этого столѣтія. Особенно большую память оставилъ по себѣ на Вышневолоцкой системѣ инженеръ *И. І. Корицкій*, который изобрѣлъ, между прочимъ, нынѣ еще употребительныя въ той же конструкціи, такъ назыв. упругія заплыви. Онѣ представляютъ собою громадныя, составленныя изъ бревенъ, окованныхъ желѣзомъ, пружины, предупреждающія ударъ судовъ или плотовъ въ каменистый берегъ рѣки, и ставятся ниже поворотовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ суда быстрымъ теченіемъ наносятся на берегъ. Описаніе ихъ издано въ 1824 г. (Корицкій, «Прожектный и отчетный чертежи упругихъ заплывей на р. Мстѣ при урочищѣ Толщѣ и порогѣ Лѣстницѣ»). Работы другихъ инженеровъ, трудами которыхъ созданы были существующія въ настоящее время три системы, соединяющія р. Волгу съ Невою, и прочіе искусственные водные пути Россіи, а также производились разныя улучшенія на Волгѣ и на другихъ рѣкахъ и въ портахъ, большею частью описывались въ «Журналѣ Мин. Путей Сообщенія», на страницахъ котораго и обсуждались вызываемые практикою вопросы, интересовавшіе русскихъ гидротехниковъ и строителей. Инженерныя работы въ Р. получили большое развитіе при имп. Николаѣ I. По части научной разработки вопросовъ, касающихся улучшенія водныхъ путей, къ эпохѣ импер. Николая I относятся капитальные труды *И. Ѳ. Штукенберга*, содержащіе гидрографическое, статистическое и техническое описаніе русскихъ водныхъ путей, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ: «Beschreibung aller im russischen Reiche gegrabenen oder projektirten schiff- und flossbaren Canäle...» (СПб., 1831); его же, «Hydrographie des russischen Reiches, oder geographisch-statistisch-technische Beschreibung seiner floss- und schiffbaren Flüsse...» (СПб., 1844—49).

Въ Москвѣ первый водопроводъ былъ построенъ, какъ можно полагать, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Въ 1633 г. англичанинъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ Галловей, поднялъ воду изъ Москвы-р. въ Свиблову башню и провелъ ее оттуда въ поварни Государевыхъ Ситнаго и Кормового дворцовъ (Кипріяновъ, «Описаніе Моск. губ.»). Въ 1829 г. напечатанъ въ Москвѣ «Прожектъ о проведеніи воды въ столичный городъ Москву, учиненный генералъ-лейтенантомъ фонъ-Бауеромъ іюня 24 дня 1780 г.». Первый курсъ водопроводовъ на русскомъ языкѣ составленъ былъ инженеромъ барономъ *А. И. Дельвигомъ*. Его «Руководство къ устройству водопроводовъ» (М., 1856), обнимающее теоретическую разработку относящихся къ водопроводамъ частей гидравлики, съ дополненіями на основаніи собственной практики автора, удостоенъ былъ Демидовской преміи. Имъ было издано нѣсколько другихъ отдѣльныхъ сочиненій и печатались статьи въ «Журн. Мин. Путей Сообщенія». Работами по улучшенію московск. водопровода, сооруженнаго во времена Екатерины и пришедшаго къ началу 40-хъ гг. въ полную ветхость, Дельвигъ стяжалъ себѣ извѣстность. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. стали появляться книги, посвященныя вопросамъ о водоснабженіи отдѣльныхъ городовъ. Слѣдующимъ руководствомъ по устройству водопроводовъ, послѣ сочиненія Дельвига, была книга *А. И. Штукенберга*: «Водопроводы съ принадлежащими къ нимъ сооруженіями. Предположеніе и устройство, примѣняясь преимущественно къ водоснабженію городовъ» (СПб., 1872; второе исправленное изд. СПб., 1878). Въ настоящее время теоретическіе и практическіе вопросы, относящіеся до водоснабженія, разрабатываются собирающимися періодически водопроводными съѣздами (отчеты печатаются въ трудахъ съѣздовъ). Курсъ водопроводовъ профессора *В. Е. Тимошова* печатается въ «Сборникѣ», издаваемомъ институтомъ инженеровъ путей сообщенія. Второй выпускъ этого курса: «Водоснабженіе желѣзнодорожныхъ станцій» напечатанъ въ 1898 г. Въ томъ же сборникѣ помѣщаются матеріалы, относящіеся до сосѣднихъ съ водоснабженіемъ отраслей гидротехники: орошенія, осушенія земель и городскимъ водостокамъ.

Осушеніе болотистыхъ полей имѣетъ большое значеніе для многихъ мѣстностей Р., а потому наши инженеры стали интересоваться сравнительно рано этой задачей. Въ 1810 г. напечатанъ въ Петербургѣ трудъ *Г. Энгельмана*: «Теоретическое и практическое руководство къ осушенію угодьевъ», съ 30 листами чертежей, а въ 1827 г. появилась книга Аѳанасія *Стойковича*: «Систематическое изложеніе способовъ обезводненія мокрой, болотистой почвы и обсушенія топей» (СПб.). Особыя топографическія условія Кавказскаго края выдвинули вопросы объ ирригаціи и обводненіи (труды М. Н. Герсеванова и др.), а также о предохраненіи отъ наводненій плоскихъ береговъ рѣкъ, имѣющихъ высокіе паводки. Этимъ предметамъ посвящены многія статьи въ «Журналѣ Мин. Путей Сообщенія» прежнихъ лѣтъ. Послѣ большого на-

Библиотека "Руниверс"

водненія, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 г., вопросъ о различныхъ мѣрахъ для предохраненія столицы отъ громадныхъ бѣдствій, вызываемыхъ наводненіями, не переставалъ занимать русскихъ инженеровъ, хотя эту трудную задачу не удалось рѣшить и до настоящаго времени. Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Петербургѣ до 1824 г., напечатано было въ 1826 г. *В. Н. Берхомъ*. Первые проекты предохраненія Петербурга отъ наводненій представлены были полковникомъ Дестремомъ, академикомъ Петровымъ, архитекторомъ Модюи, англичаниномъ Гуллетомъ, профессоромъ Парротомъ, генераломъ Базеномъ, а затѣмъ французскимъ инженеромъ Дефонтеномъ. Критическій разборъ предложенныхъ проектовъ напечатанъ въ 1858 г. *В. Кипріяновымъ*. Въ настоящее время вопросъ этотъ вновь разсматривается и обзоръ всѣхъ предположеній по этому предмету напечатанъ недавно инженеромъ *В. В. Саловымъ*. Другой вопросъ, касающійся также благоустройства Петербурга и до сихъ поръ оставшійся неразрѣшеннымъ вслѣдствіе трудныхъ мѣстныхъ условій, зависящихъ отъ низменнаго расположенія города, а именно предположеніе о канализаціи столицы, также имѣлъ прямое вліяніе на научную разработку этой части гидротехники. Въ 1856 г. появилось въ печати сочиненіе *А. Н. Безпалова*: «Водостоки». Русскія системы водостоковъ, преимущественно въ примѣненіи къ Петербургу, предложены были Михаиломъ *Поповымъ* («Къ вопросу о канализаціи С.-Петербурга правильными водостоками въ связи съ улучшеніемъ мостовыхъ», М. Попова, СПб., 1870), и инженеръ-технологомъ Александромъ Буровымъ. Способъ Бурова—отводъ концентрированныхъ нечистотъ изъ общихъ выгребовъ помощью разрѣженнаго воздуха—примѣненъ былъ, начиная съ 1872 г., къ очищенію нѣкоторыхъ общественныхъ зданій СПб. и описанъ въ современныхъ брошюрахъ, а также въ издававшихся послѣ того курсахъ водостоковъ.

Въ 1830—40 гг. правительствомъ были изданы и отчасти сдѣланы обязательными къ руководству строителей образцовые чертежи зданій, сооруженій и ихъ деталей. Въ 1835—36 гг. изданы были собранія чертежей по части строительнаго искусства, составленныхъ Евреиновымъ, Кербедзомъ, Буттацомъ, Демидовымъ, Ястржембскимъ и Данненштерномъ. Въ 1843 г. изданы «Нормальные чертежи деревянныхъ мостовъ различныхъ конструкцій на каменныхъ и на деревянныхъ быкахъ и устояхъ, съ подробнымъ изображеніемъ способовъ сопряженій составныхъ частей». Въ отличіе отъ заграничныхъ балочныхъ и подкосныхъ мостовъ,—всѣ русскіе деревянные мосты построены изъ круглаго лѣса, что требуетъ особаго искусства при устройствѣ врубокъ и сопряженій, но за то придаетъ мосту болѣе красивый видъ и содѣйствуетъ прочности. Также былъ изданъ атласъ образцовыхъ чертежей деталямъ строеній, Высочайше утверждены образцовые фасады для частныхъ домовъ въ городахъ и для сельскихъ строеній. Въ 1851 г. появляется въ печати замѣчательная по полнотѣ и весьма цѣнная какъ руководство «Гражданская архитектура», *А. К. Краеновскаго*, съ атласомъ чертежей на 102 листахъ. Наиболѣе полнымъ курсомъ является перепечатанное теперь вторымъ изданіемъ «Гражданская архитектура» *М. Е. Романовича* (4 т., 2887 черт. въ текстѣ и атласъ въ 115 лист.). По спеціальной архитектурѣ, кромѣ изданныхъ многихъ переводныхъ сочиненій, оригинальной обработкѣ русскихъ строителей подверглись тѣ отдѣлы, которые вслѣдствіе національныхъ или климатическихъ особенностей не могли ограничиться усвоеніемъ зап.-европ. образцовъ. Поэтому, не говоря здѣсь объ архитектурѣ церквей, русскій зодчіе старались стилизировать въ національномъ вкусѣ возводимыя ими строенія, что оказалось возможнымъ особенно для деревянныхъ зданій. Образцами могли служить крестьянскія избы и отчасти городскія деревянныя строенія великорусскихъ губерній, благодаря любви русскаго крестьянина къ затѣйливому украшенію своего бревенчатаго жилища. Такимъ образомъ были выработаны фасады и планы деревянныхъ домовъ и дачъ въ русскомъ вкусѣ. Не перечисляя изданій, упомянемъ объ нѣкоторыхъ болѣе старыхъ авторахъ: Жуковскій, Кутеповъ, Лемъ, Мухановъ, Пановъ, Рудольскій, Шишковъ, Шрейдеръ и Феодосѣевъ. Нѣкоторые изъ составителей руководствъ по постройкѣ деревянныхъ домовъ, какъ, напр., послѣдній изъ упомянутыхъ авторовъ («Руководство къ построенію деревянныхъ домовъ», изданное В. Федосѣевымъ, СПб., 1831) ограничивались, впрочемъ, заимствованіемъ съ иностраннаго, или-же воспроизведеніемъ чертежей домовъ, построенныхъ въ Р., но безъ отпечатка національной самобытности. Бѣдствія отъ пожаровъ, пожирающихъ въ деревянной Р. ежегодно много домовъ и селеній и разоряющихъ крестьянское населеніе, заставили русскихъ строителей придумывать новые типы такъ назыв. экономическихъ построекъ для селъ и деревень, которые соединяли-бы дешевизну съ несгараемостью. Для этого составлены были проекты глинобитныхъ, земленабивныхъ, песчанощементныхъ (Дафнеръ, Бланкъ, Пальтау, Кербедзъ и др.) строеній. Импер. Павелъ въ 1797 г. повелѣлъ учредить въ селѣ Никольскомъ, Новоторжскаго у., училище землебитнаго строенія, «для доставленія сельскимъ жителямъ здоровыхъ, безопасныхъ, прочныхъ и дешевыхъ жилищъ и въ соблюденіе лѣсовъ въ государствѣ». Одновременно съ учрежденіемъ училища въ селѣ Никольскомъ, о дальнѣйшей судьбѣ котораго ничего неизвѣстно, было выстроено въ Гатчинѣ земляное битое строеніе «Пріоратъ». Въ началѣ сороковыхъ годовъ выстроены опытныя глинобитныя постройки въ Горкахъ, на фермѣ м-ства госуд. имуществъ; въ 1847 г. м-во издало и разослало безплатно «Руководство къ возведенію глинобитныхъ построекъ и глиносоломенныхъ крышъ». Имп. московское общ. сельск. хоз. издало печатныя руководства къ сооруженію огнестойкихъ построекъ. Соединенные труды московскаго общ. сельскаго хозяйства и московскаго отдѣленія Имп. русскаго техниче-

Библиотека "Руниверс"

ского общества по этому вопросу составили отдѣльный XXI т. «Трудовъ» Имп. московскаго общества сельскаго хозяйства. Разнообразныя образцовыя постройки этого рода, принадлежащія къ категоріи глинобитныхъ, глиномятныхъ, саманныхъ, сырцовыхъ, плетневыхъ и т. п., съ кровлями преимущественно глиносоломенными и потолками изъ жердей, хвороста и глины, составили цѣлый несгораемый поселокъ на нижегородской выставкѣ 1896 г. Новѣйшія изданія по этой части: *М. Крыловъ*, «Типы огнеупорныхъ построекъ» (СПб., 1897) и *С. В. Лукашевичъ*, «Практическое руководство къ устройству дешевыхъ несгораемыхъ построекъ» (СПб., 1898). Наружныя стѣны кирпичныхъ жилыхъ строеній въ Р., въ виду сурового климата, дѣлаются, какъ извѣстно, для предупрежденія промерзанія, толще, чѣмъ въ большинствѣ странъ Зап. Европы. Камины, употребляемые въ Зап. Европѣ, у насъ оказываются недостаточными и замѣнены печами. Изъ отдѣльныхъ приборовъ отопленія, рядомъ съ голландскими, шведскими и пр., вошедшими въ практику печами, сохранилась русская печь, которая въ крестьянской избѣ служитъ одновременно для нагрѣва комнаты, для варки пищи и въ качествѣ теплаго ложа при сильныхъ стужахъ. Первый опытъ выясненія цѣлесообразнаго устройства обыкновенныхъ печей сдѣланъ въ книгѣ неизвѣстнаго автора «Русская пиростатика» (СПб., 1793—99). Надъ улучшеніемъ конструкціи русской печи трудились *Шемаевъ*, *Дихтъ*, *Быковъ* и *Ярцовъ* и, въ послѣднее время, П. Брандтъ (соч. послѣдняго «Увеличеніе вдвое полезнаго теплового дѣйствія обыкновенныхъ русск. печей» и т. д., СПб., 1898). Болѣе подробно, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ направленіи, разработалъ печное дѣло преподаватель горнаго инст., архитект. *Свіязевъ*, придумавшій нѣсколько нагрѣвательныхъ аппаратовъ, отличающихся хорошими качествами. Свіязевъ издалъ два руководства по архитектурѣ, напечатанныхъ въ 1833 и 1839 гг., и кромѣ того нѣсколько спеціальныхъ трактатовъ по печному дѣлу («О калориферахъ вообще и особенно о пневматическихъ», СПб., 1837; «Теоретическія основанія печного искусства», СПб., 1867; «Современно-русскія печи», СПб., 1850). Изъ системъ центральнаго отопленія, придуманныхъ русскими инженерами, наибольшимъ распространеніемъ въ недавнее время пользовался пневматическій калориферъ *Амосова*. Инженерами *Быковымъ* и *фонъ-Дершау* введены пневматическіе кирпичные калориферы, которые, не имѣя металлическихъ трубъ, дольше держатъ тепло. Инженеръ *Войницкій* устроилъ такіе же калориферы, отличающіеся компактностью и равномѣрностью нагрѣва, полезное дѣйствіе этихъ калориферовъ оказалось отъ 72 до 80%. Всѣ упомянутые нагрѣвательные приборы русскихъ изобрѣтателей описаны въ соотвѣтственныхъ изданіяхъ и помѣщаются въ руководствахъ по отопленію. Болѣе полные курсы отопленія изданы *И. Флавицкимъ* («Вентиляція и отопленіе общественныхъ зданій и жилыхъ помѣщеній», СПб., 1870) и С. Б. Лукашевичемъ («Курсъ отопленія и вентиляціи»). Послѣдній, кромѣ того, составилъ нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ, касающихся устройства печей и отопленія. Русскій инженеръ *Шуберскій* изобрѣлъ переносную печь, которая вошла въ употребленіе въ Парижѣ.

Первыя желѣзныя дороги въ Россіи осуществлены были исключительно благодаря лишь верховной волѣ имп. Николая I, вопреки мнѣніямъ ближайшихъ его совѣтниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и главноуправляющій путями сообщенія, графъ Толь. Профессоръ института инженеровъ путей сообщенія генералъ Дестремъ на лекціяхъ излагалъ свое мнѣніе о безполезности желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія» за 1830 г. имѣется статья Дестрема: «О ложныхъ понятіяхъ о желѣзной дорогѣ». Успѣхъ дѣла, однако, скоро обнаружился и въ послѣдующій періодъ настала эпоха усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ, на продолжительное время заслонившихъ интересъ къ остальнымъ родамъ путей. Задачи, вызванныя сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, нашли вполнѣ подготовленныхъ русскихъ дѣятелей, которые съумѣли приложить къ новому дѣлу свои знанія и опытъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскими инженерами самостоятельно разработаны были тѣ отдѣлы, которые требовали измѣненій вслѣдствіе мѣстныхъ условій. Пролетныя части всѣхъ мостовъ Николаевской желѣзной дороги были деревянныя, системы Гау, заимствованной изъ Америки. Но при постройкѣ Веребьинскаго віадука, состоявшаго изъ 9 пролетовъ, по 25,5 саж., инженеръ *Д. И. Журавскій* отступилъ отъ америк. образцовъ, примѣнивъ неразрѣзныя надъ опорами фермы, съ нѣсколькими пересѣченіями раскосовъ. Онъ же первый разработалъ теоретически способъ опредѣленія усилій въ частяхъ фермы Гау, какъ разрѣзной, такъ и неразрѣзной, съ однимъ или нѣсколькими пересѣченіями раскосовъ. Изъ результатовъ этихъ изслѣдованій выяснилось, между прочимъ, что въ раскосной фермѣ съ параллельными поясами усилія въ стяжкахъ и раскосахъ увеличиваются къ опорамъ, что обратные раскосы въ фермахъ Гау, благодаря особенностямъ конструкціи, не вызываютъ неопредѣленности въ передачѣ усилій и много другихъ положеній, честь перваго открытія которыхъ принадлежитъ Д. И. Журавскому. По образцу Веребьинскаго путепровода, въ отношеніи пріемовъ разсчета и деталей конструкціи, были проектированы тогда пролетныя части остальныхъ мостовъ Николаевской желѣзной дороги. Въ фермахъ системы Гау важную составную часть составляютъ шпоночныя соединенія. Для выясненія лучшихъ условій проектированія ихъ Журавскій разработалъ теорію работы шпонокъ. Полученныя имъ опытныя данныя и понынѣ сохранили практическую цѣнность. По окончаніи постройки Веребьинскаго віадука, Д. И. Журавскій издалъ въ 1855 г. свои изслѣдованія отдѣльнымъ сочиненіемъ подъ названіемъ: «О мостахъ раскосной системы Гау». Трудъ этотъ, опередившій разработку того же вопроса заграничными учеными, удостоился отъ академіи наукъ полной Демидовской пре-

Библиотека "Руниверс"

міи. Журавскому въ дѣлѣ разработки пріемовъ разсчета усилій въ раскосныхъ фермахъ помогалъ инженеръ Хржановскій, помѣстившій статью по этому вопросу въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія», 1860 г. Въ 1858 г. подъ руководствомъ Журавскаго и по его проекту построенъ металлическій шпицъ Петропавловскаго собора въ Петербургѣ. Усилія въ составныхъ частяхъ пирамидальнаго остова шпица вычислены, подъ руководствомъ Журавскаго, инж. Рехневскимъ (ст. Журавскаго, «Шпицъ Петропавловскаго собора», въ «Журн. Мин. Путей Сообщ.», 1860). Иностранные ученые только въ послѣдніе годы занялись подробной разработкой теоріи сквозныхъ пирамидальныхъ конструкцій. Путемъ опытовъ надъ моделями Журавскій старался выяснить характеръ напряженій, проявляющихся въ тонкой стѣнкѣ сгибающейся металлической двутавровой балки, и первый обнаружилъ явленіе такъ назыв. косого скалыванія (мемуаръ, напечатанный въ «Annales des Ponts et Chaussées», 1860). При сооруженіи Московско-Курской ж. д. предположено было для моста черезъ р. Оку примѣнить фермы съ верхнимъ горизонтальнымъ и нижнимъ криволинейнымъ поясами, взаимно связанными болтами и раскошенными раскосами, на подобіе фермы Гау. Журавскій произвелъ опытныя изслѣдованія надъ моделью подобной фермы, съ цѣлью провѣрки результатовъ теоретическаго разсчета («Журн. Мин. Путей Сообщ.», 1864). Журавскимъ было возбуждено и изслѣдовано много вопросовъ и въ другихъ отрасляхъ строительнаго искусства, напр. о службѣ рельсовъ («Журн. Мин. Путей Сообщ.» 1886 г.). Современнику Журавскаго, строителю Николаевскаго моста черезъ р. Неву, инжен. С. В. Кербедзу, принадлежитъ заслуга разработки и введенія въ Р. желѣзныхъ рѣшетчатыхъ фермъ (мостъ черезъ р. Лугу С.-Пб.-Варшавской ж. д., «Журн. Мин. Путей Сообщ.», 1860). При составленіи проекта постояннаго моста черезъ р. Вислу въ Варшавѣ (нынѣ Александровскаго), *С. В. Кербедзъ* произвелъ въ 1859 г. рядъ изслѣдованій надъ заклепочными соединеніями, для выясненія сравнительнаго достоинства заклепочныхъ стыковъ съ просверленными или пробитыми отверстіями («Журналъ Мин. Путей Сообщ.», 1859). Эти изслѣдованія, первыя по этой части въ Россіи, показали, что соединенія съ просверленными заклепочными отверстіями прочнѣе соединеній съ пробитыми отверстіями. Типъ расположенія проѣзжей части, поперечныя балки которой срѣзанными концами опираются на нижніе пояса главныхъ фермъ (ѣзда понизу), примѣненный С. В. Кербедзомъ въ Александровскомъ мостѣ, получилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, широкое приложеніе въ мостахъ, построенныхъ въ Р. въ послѣднее время. Упомянемъ тутъ же, что особое устройство проѣзжей части металлическихъ мостовъ, на свободныхъ поперечныхъ балкахъ, примѣненное въ мостахъ черезъ Волгу въ Твери на Николаевской желѣзной дорогѣ, черезъ Бѣлую и Уфу на Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ, введено профессоромъ *Н. А. Бѣлелюбскимъ* впервые въ Р. Предшествующій періодъ обширной строительной дѣятельности при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, а затѣмъ и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ доставили матеріалъ, какъ практическій, такъ и теоретическій, русскимъ составителямъ руководствъ по разнымъ отраслямъ строительнаго дѣла. Примѣры изъ русской практики наиболѣе поучительны для русскихъ строителей; такимъ характеромъ отличается трудъ *П. Усова*, «Строительное искусство» (СПб., 1859 — 67), съ большимъ количествомъ чертежей и описаніемъ болѣе замѣчательныхъ сооруженій, особенно мостовъ, построенныхъ въ Р. По другимъ отраслямъ инженернаго дѣла появились также замѣчательные своею полнотою труды, каковы «Лекціи о морскихъ сооруженіяхъ» *М. Н. Герсеванова* (СПб., 1861), удостоенныя Демидовской преміей, и «Основанія и фундаменты» В. М. Карловича, за которыя автору присуждена отъ Николаевской инженерной акд. Михайловская премія. Вышеназванный трудъ Герсеванова былъ первымъ руководствомъ на русскомъ языкѣ, посвященнымъ портовымъ работамъ. Послѣ того, въ 1868 г., вышелъ трудъ *В. В. Салова*: «Портовыя сооруженія», въ настоящее же время имѣется «Курсъ портовыхъ сооруженій», профессора *А. Г. Нюберга*, занимающій мѣсто рядомъ съ наиболѣе полными руководствами по этой части на другихъ языкахъ и удостоенный преміи имени проф. П. Н. Андреева. Изъ капитальныхъ изданій шестидесятыхъ годовъ по строительному искусству необходимо еще упомянуть о «Собраніи таблицъ и формулъ» *А. Недзялковскаго* (СПб., 1868), представляющемъ богатый сводъ данныхъ, служившій пособіемъ при разсчетахъ для нѣсколькихъ поколѣній инженеровъ. Въ связи съ постройкою и эксплуатаціею желѣзныхъ дорогъ, для выясненія способовъ и средствъ къ правильному веденію желѣзнодорожнаго хозяйства, приходится разрабатывать научно рядъ побочныхъ вопросовъ; напр., трудъ проф. *Н. П. Петрова*: «Треніе въ машинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости» (СПб., 1887) представляющій серьезный вкладъ въ науку о треніи, какъ и другіе труды того же автора, изслѣдующіе условія движенія поѣздовъ, выясняющіе степень безопасности этого движенія и пр., работы Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи (1879 — 81) и т. д. Желѣзныя дороги породили громадную литературу. Трудъ составить возможно полную коллекцію всего того, что напечатано было въ Россіи по желѣзнодорожному дѣлу, взялъ на себя А. И. Баландинъ, который пожертвовалъ свою коллекцію библіотекѣ инст. инжен. путей сообщенія. При эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Р. приходилось нѣкоторыя задачи разрѣшать въ иномъ направленіи, чѣмъ на желѣзныхъ дорогахъ въ другихъ государствахъ. Такъ, напр., въ Россіи раньше стали отапливать паровозы нефтью (Грязе-Царицынъ, а затѣмъ и другія жел. дор., ближайшія къ Волгѣ), что требуетъ особаго приспособленія топки; мѣры для защиты пути отъ заносовъ снѣгомъ вызвали подробное изученіе этого вопроса, сопровождавшееся опытами и теоретическими изслѣдованіями.

Библиотека "Руниверс"

Для общаго разрѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ потребностями эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, у насъ учреждены періодическіе совѣщательные съѣзды представителей всѣхъ русскихъ жел. дорогъ. Результаты изслѣдованій русскихъ инженеровъ по разнымъ вопросамъ желѣзнодорожной практики печатаются, какъ въ трудахъ этихъ съѣздовъ, такъ и въ «Журналѣ Мин. Путей Сообщ.» и другихъ повременныхъ изданіяхъ, посвященныхъ желѣзнодорожному и вообще строительному дѣлу. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ въ разныхъ городахъ Европы періодически собирается всемірный желѣзнодорожный конгрессъ для рѣшенія стоящихъ на очереди общихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла. Въ трудахъ этихъ конгрессовъ неизмѣнно принимаютъ участіе русскіе техники и спеціалисты желѣзнодорожнаго дѣла, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ предоставлена руководящая роль въ занятіяхъ конгресса (Н. П. Петровъ, В. М. Верховскій, Н. А. Бѣлелюбскій и др.). Созданныя для облегченія сношеній желѣзныя дороги сдѣлали пауку международною, и въ этотъ соединенный трудъ всѣхъ націй и русскіе вносятъ свою долю. По другимъ отраслямъ строительнаго искусства также возникли конгрессы, и вездѣ принимаютъ участіе русскіе ученые и дѣятели. Въ международныхъ конференціяхъ по испытанію матеріаловъ дѣятельными представителями Р. являются проф. Н. А. Бѣлелюбскій, А. Р. Шуляченко, въ международныхъ конгрессахъ по судоходству, на которыхъ разрабатываются экономическіе и строительные вопросы внутреннихъ водныхъ путей и портовъ, принимаютъ участіе М. Н. Герсевановъ, проф. В. Е. Тимоновъ и др. Въ заключеніе намъ остается указать на нѣкоторыя научныя изслѣдованія русскихъ инженеровъ, въ послѣднее время. Профессоромъ *Л. Ф. Николаи* разработаны вопросы объ опредѣленіи максимальнаго сгибающаго момента отъ дѣйствующихъ на балку сосредоточенныхъ подвижныхъ грузовъ, о давленіи земли на подпорныя стѣны, о сопротивленіи трубы сплющиванію, объ опредѣленіи напряженій въ частяхъ мостовой фермы. Кромѣ того, имъ изданъ курсъ мостовъ (1895). Изслѣдованіемъ надъ сопротивленіемъ основаній при помощи моделей и теоретическимъ путемъ занимались инженеры *В. И. Курдюмовъ* и *П. К. Янковск-ій*, труды которыхъ переведены на нѣмецкій и французскіе языки. В. И. Курдюмовымъ, кромѣ упомянутаго уже труда по начертательной геометріи, изданы нѣкоторыя части курса общихъ началъ строительнаго искусства. *Ф. Е. Максименко* обнародовалъ изслѣдованіе формулы изгиба и издалъ курсъ гидравлики. Лекціи по гидравликѣ, читаемыя въ технологическомъ институтѣ проф. *И. А. Евневичемъ*, вышли 2 изд. въ 1891 г. *Н. А. Богуславскій* составилъ нѣсколько трудовъ, въ томъ числѣ «Волга, какъ путь сообщенія», и курсъ геодезіи (посл. изд. 1897 г.). По этому жо предмету имѣется трудъ В. Витковскаго, «Практическая геодезія» (1898) и В. Травина (1897). *С. К. Кунцкій* изложилъ въ нѣсколькихъ очеркахъ методы графическаго построенія въ примѣненіи къ разсчету мостовыхъ фермъ. *А. А. Брандтъ* и *М. А. Ляхницкій* изслѣдовали зависимость сопротивленія и удиненія листового литаго желѣза отъ толщины и обработки листовъ. *Θ. Г. Зброжекъ* издалъ курсъ внутреннихъ водяныхъ сообщеній. Объ устройствѣ плотинъ, преимущественно русскихъ, наша литература имѣетъ оригинальное сочиненіе *Д. О. Неелова*, съ атл. (СПб. 1884), и руководство *Н. А. Нитофа* (М. 1898). *В. Е. Тимоновъ* обнародовалъ рядъ монографій, относящихся къ морскимъ строительнымъ работамъ и дѣйствію землесосовъ. *Ф. С. Ясинскій* обнародовалъ нѣсколько теоретическихъ работъ по вопросамъ строительной механики, въ томъ числѣ о сопротивленіи продольному изгибу. *В. Г. Шуховъ* изложилъ результаты своихъ изслѣдованій по устройству покрытій, для которыхъ имъ предложены оригинальныя конструкціи, отчасти примѣненныя на бывшей выставкѣ въ Н.-Новгородѣ, въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Изысканіе раціональныхъ типовъ прямолинейныхъ стропильныхъ фермъ и теоріи арочныхъ фермъ» (М. 1897). *Н. А. Бѣлелюбскій* издалъ курсъ строительной механики, *М. А. Ляхницкій*—курсъ обыкновенныхъ дорогъ. *І. Р. Стецевичъ* и *А. Л. Васютинскій* изслѣдовали условія устойчивости желѣзнодорожнаго пути подъ проходящимъ поѣздомъ. *Л. Д. Проскуряковымъ* и *Е. В. Зотиковымъ* обнародованы нѣкоторыя изслѣдованія по теоріи мостовыхъ фермъ. На разныхъ желѣзныхъ дорогахъ производились изслѣдованія надъ службою шпалъ, пропитанныхъ противогнилостными составами, надъ изломомъ рельсовъ и т. д. Упомянутые труды печатались преимущественно въ «Сборникѣ инст. инжен. путей сообщенія», въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія», а также въ «Извѣстіяхъ» собранія путей сообщенія».

А. Таненбаумъ.

18) Географическія изслѣдованія Россійской Имперіи и развитіе географической науки въ Россіи. Первыя географическія свѣдѣнія о пространствѣ, составляющемъ въ настоящее время Росс. Имперію, мы находимъ у иностранныхъ писателей. Иностранцы были и первыми путешественниками по землѣ русской, оставившими письменные о томъ памятники. Первыми *) такими путешественниками были норвежцы *Отеръ* и *Вульфстанъ*, которые въ 890 г. совершили плаваніе къ Мурманскому берегу; описаніе его сохранилось въ сборникѣ короля Англіи, Альфреда Великаго. Арабъ *Ибнъ-Фоцланъ*, посѣтивъ въ 921 г. южную Р. по пути къ болгарскому (славянскому) царю, на Волгѣ встрѣтилъ и руссовъ, которыхъ подробно описалъ. Въ 1160 г. испанскій еврей *Вениаминъ* изъ Туделы (въ Наваррѣ) посѣтилъ южную Р., но множество невѣроятнаго въ его разсказахъ заставляетъ сомнѣваться былъ-ли онъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ пишетъ. Въ 1245 г. совершилъ свое знаменитое путешествіе *Іоаннъ де Плано Карпини*; посланный папою къ монголамъ, онъ посѣтилъ на пути Кіевъ, бывшій тогда

*) Далѣе упоминается только о болѣе важныхъ путешественникахъ.

Библиотека "Руниверс"

въ рукахъ татаръ, и черезъ Донъ и Волгу проѣхалъ къ главному татарскому хану. Черезъ 16 мѣсяцевъ онъ вернулся обратно и составилъ подробное описаніе своего путешествія. Двое изъ его спутниковъ сдѣлали тоже самое, но ихъ сочиненія дошли до насъ только въ отрывкахъ. Въ 1253 г. Людовикъ IX послалъ къ монголамъ *Рубруквиса*, который прошелъ черезъ Крымъ, съ большими затрудненіями пробрался въ гор. Каракорумъ въ степи Гоби. Въ 1271 г. началъ свое первое путешествіе венеціанецъ *Марко-Поло*, 24 года проведшій въ Азіи. Въ описаніи своихъ странствованій онъ посвящаетъ цѣлую статью Р. Въ 1436 г. *Іосафъ Барбаро*, венеціанецъ, отправился въ Крымъ, гдѣ пробылъ 16 лѣтъ, дѣлая разъѣзды въ разныя стороны. Въ описаніи его путешествія сообщено не мало свѣдѣній о Р. Къ этому времени Московское государство уже окрѣпло, возросъ и интересъ къ нему на Западѣ, почему увеличилось и число посѣщающихъ Р. иностранцевъ. Венеціанецъ *Контарини*, посолъ Венеціи въ Персію, на пути туда прошелъ черезъ Польшу и Крымъ. На обратномъ пути онъ проѣхалъ черезъ Грузію, Дербентъ, Астрахань и Рязань въ Москву (при Іоаннѣ III) и оставилъ подробный дневникъ своего путешествія. Первымъ посломъ съ Запада явился въ Москву *Николай Попель*, бывшій въ Россіи въ 1486 и 1489 гг., какъ представитель императора. *Герберштейнъ* былъ въ Р. въ 1517 и 1526 гг., оба раза почти по году жилъ въ Москвѣ и собралъ массу свѣдѣній о Р. и немало географическихъ данныхъ; къ его сочиненію были приложены и карты. Въ 1521 г. въ Краковѣ издано было сочиненіе «Descriptio Sarmatiarum», составленное каноникомъ *Матвѣемъ изъ Мѣхова*, описывающимъ среднюю Р., гдѣ, по его словамъ, онъ лично былъ. Къ этому же времени относятся два сочиненія лицъ, не бывавшихъ въ Р., но собравшихъ о ней свѣдѣнія: *Альберта Кампензе*—1523 г. и *Іоанна Фабри*—1525 г.; къ тому же роду трудовъ принадлежитъ и сочиненіе *Павла Іовія*, 1537 г., получившаго данныя отъ Герасимова, посла Іоанна IV къ папѣ. Въ томъ же году былъ въ Р. венеціанскій посолъ *Марко Фоскарини*, оставившій о своемъ путешествіи записки. Въ 1553 г. *Ричардъ Ченслеръ* попалъ случайно въ Архангельскъ и тѣмъ самымъ открылъ морской путь въ Р. Онъ былъ въ Москвѣ два раза; его путешествія описаны въ «Haklayt's Collections» (къ этому же времени относятся многія плаванія англичанъ и голландцевъ къ Новой Землѣ, Мурману и Карскому морю; см. Сибирь, Сѣв.-восточ. проходъ). *Антоній Дженкинсонъ* былъ въ Р. въ 1557, 58, 61, 66 и 71 гг., въ послѣдній разъ въ качествѣ посла королевы Елизаветы. Къ его путешествіямъ по берегамъ Каспійскаго моря приложена карта. *Рафаэлло Барберини* былъ въ Москвѣ въ 1564 г.; по пути туда онъ посѣтилъ Ригу, Ревель, Нарву, Новгородъ, Торжокъ и Тверь. *Павелъ Юстенъ*, епископъ гор. Або, былъ въ Москвѣ по порученію короля шведскаго въ 1569 г. Его посольство было сослано въ Муромъ, потомъ въ Клинъ. *Яковъ Ульфельдъ*, датскій посолъ, въ 1575 г. черезъ Перновъ, Псковъ и Новгородъ пріѣхалъ въ Москву. Въ 1578 г. онъ ѣздилъ вторично въ Россію; въ своихъ запискахъ онъ даетъ обстоятельное описаніе пути, имъ пройденнаго. Много свѣдѣній о Р. того времени содержатъ сочиненія *Антонія Поссевина*, посла папы, бывшаго въ Р. въ 1581 и 1582 гг. *Самуилъ Кихель* совершилъ большое путешествіе по восточной Европѣ и части Азіи, продолжавшееся съ 1585 по 1589 г.; въ описаніи посѣщенныхъ имъ странъ онъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о Литвѣ, Ливоніи, Эстляндіи и Псковской землѣ. Въ 1588 г. королева Елизавета отправила посломъ къ Ѳедору Іоанновичу *Джильза Флетчера*, который пробылъ въ Москвѣ 8 мѣс., собралъ массу данныхъ о всей странѣ и эти свѣдѣнія напечаталъ въ обширномъ трудѣ, изданномъ въ 1591 г. Посолъ римскаго императора. *Варкачъ* былъ въ Россіи въ 1589, 1593 и 1594 гг. и сообщилъ о ней много данныхъ. Къ тому же времени относятся и первыя морскія путешествія голландцевъ для отысканія морского пути въ Китай вокругъ сѣверныхъ береговъ Азіи, не достигшія цѣли, но познакомившія съ географіей сѣвера Россіи и косвенно—съ трудами русскихъ въ этой мѣстности, которые иначе остались-бы совершенно неизвѣстными. Въ послѣднихъ годахъ XVI ст. англичанинъ *Антоній Шерли* предпринималъ путешествіе въ Персію, откуда возвратился, въ качествѣ посланца отъ шаха, черезъ Астрахань и Москву. Съ наступленіемъ XVII ст. путешествія иностранцевъ по Россіи учащаются и свѣдѣнія, ими сообщаемыя, становятся богаче и разнообразнѣе. Въ 1600 г. канцлеръ Польши *Левъ Сапѣга* былъ посланъ въ Москву для заключенія условій о продолженіи мира: описаніе его путешествія составлено секретаремъ посольства. *Жакъ Маржеретъ* жилъ въ Россіи съ 1601 по 1606 г. и затѣмъ еще разъ посѣтилъ ее въ 1611 г. Въ своемъ сочиненіи о Россіи онъ даетъ много достовѣрныхъ свѣдѣній. Еще болѣе обстоятельное повѣствованіе о Россіи оставилъ *Конрадъ Буссовъ*, жившій въ Россіи съ 1601 по 1613 г. Въ 1609 г. былъ въ Москвѣ голландецъ *Исаакъ Масса*, собравшій много свѣдѣній о восточной Россіи и Сибири и составившій нѣсколько картъ. Шведъ *Петръ Петрей* (1608—1615) служилъ царю Василію Шуйскому, затѣмъ бывалъ въ Москвѣ посломъ; онъ оставилъ обширное сочиненіе, въ первой части котораго описывается географія современной ему Россіи. Нѣмецъ *Адамъ Олеарій* былъ въ Россіи въ 1633 и 1635 гг. Въ описаніи его путешествій очень много данныхъ, добросовѣстно записанныхъ. Другое важное описаніе Россіи оставилъ *Августинъ Мейербергъ*, посолъ цесарскій, бывшій въ Москвѣ въ 1661—63 гг. Французъ *Боплакъ*, служившій въ Польшѣ 17 лѣтъ, далъ обширное описаніе и карту Украйны, Очень много географическихъ свѣдѣній собрано у *Николая Витсена*, въ 1666 г. сопровождавшаго въ Москву голландскаго посла Бореля. Къ его сочиненію приложены описанія путешествій разныхъ лицъ на Каспійское м., по Сѣверной Сибири, по Самоѣдіи и др. *Самуилъ Коллинсъ*, англичанинъ и врачъ царя

Библиотека "Руниверс"

Алексѣя Михаиловича, проживший въ Москвѣ съ 1659 по 67 г., оставилъ сочиненіе о состояніи современной ему Россіи, содержащее много географическихъ данныхъ. *Е. Кемпферъ*, извѣстный путешественникъ по Востоку, Индіи, Кавказу, былъ и въ Россіи съ шведскимъ посольствомъ, въ 1683 г., и оставилъ описаніе своего путешествія. Болѣе важенъ трудъ французскаго іезуита *Филиппа д'Аврилля*, проѣхавшаго въ 1686 г. въ Москву изъ Ливорно черезъ Сирію, Грузію и Астрахань, съ цѣлью получить разрѣшеніе пользоваться новымъ, болѣе удобнымъ сухопутнымъ путемъ въ Китай черезъ Россію. Разрѣшенія проѣхать въ Китай онъ не получилъ, а только собралъ свѣдѣнія о Сибири и составилъ карту пути въ Китай, далекую отъ истины. Въ 1692—1695 г. голландецъ *Исбрантъ Идесъ* совершилъ путешествіе въ Китай по порученію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и въ своемъ описаніи далъ картину части Россіи, пройденной имъ до китайской границы.

Первыя попытки русскихъ проникнуть въ Сибирь относятся къ XV ст., но первое путешествіе, о которомъ сохранились свѣдѣнія, было совершено двумя атаманами казаковъ, *Петровымъ* и *Ялычевымъ*, въ 1567 г., по приказанію Іоанна IV; они прошли отъ Урала черезъ Байкалъ въ Пекинъ и достигли береговъ Японскаго моря. Послѣ покоренія Сибири движеніе къ Востоку шло двумя параллельными путями: сѣверный путь имѣлъ базою Мангазею, южный — Томскъ; первый, менѣе затруднительный съ точки зрѣнія сопротивленія мѣстныхъ жителей, былъ предпочитаемъ, и уже въ 1632 г. казаки добрались имъ до Лены и основали тамъ гор. Якутскъ. *Елисей Буза* спустился по Ленѣ до устья, посѣтилъ Оленекъ, открылъ Яну и Индигирку, а *Копыловъ* добрался до Охотскаго моря (1639) и обслѣдовалъ его побережье между р. Удою и Тацемъ. Южнымъ путемъ атаманъ *Колесниковъ* въ 1643 г. дошелъ до Байкала. Амуръ былъ открытъ *Поярковымъ*, который поднялся по Алдану, притоку Лены, перевалилъ черезъ Становой хребетъ и спустился по Зеѣ въ Амуръ въ 1643 г. Въ слѣдующемъ году онъ спустился по Амуру до его устья и вернулся на Лену черезъ Охотское море и Становой хребетъ. Бассейнъ Амура былъ изслѣдованъ въ 1650—51 гг. *Хабаровымъ*. Въ 1654 г. была открыта р. Аргунь, затѣмъ Селенга и Ингода. Въ 1689 г. китайцы вытѣснили русскихъ съ береговъ Амура; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились на время открытія въ этомъ краю. Въ сѣверной части Азіи казаки неустанно шли къ В; въ 1644 г. *Стадухинъ* дошелъ до р. Колымы и познакомился съ чукчами; въ 1646 г. *Игнатіевъ* прошелъ по берегу океака до Чаунской губы; въ 1647—48 гг. *Дежневъ* совершилъ свое знаменитое плаваніе вокругъ вост. оконечности материка Азіи, недавно названной по предложенію Ю. Шокальскаго именемъ открывшаго ее. Онъ же открылъ р. Анадырь, откуда казаки прошли и въ Камчатку (Атласовъ, въ 1696 г.). Какъ ни мало были подготовлены первые покорители Сибири къ научнымъ изслѣдованіямъ, но все же ими былъ собранъ богатый матеріалъ по этнографіи и географіи края, сосредоточенный въ Москвѣ, въ сибирскомъ приказѣ. Эти данныя были занесены на такъ наз. «Большой чертежъ» (см. Россія, Орографія). Во второй половинѣ XVIII ст. боярина *Милованова* былъ посланъ въ Сибирь для составленія описанія страны, но оно не дошло до насъ и самое древнее изображеніе сѣверной части Азіи было составлено *Рѣмезовымъ*. Оно весьма удовлетворительно для того времени; только крайняя восточная часть Сибири изображена у него очень плохо, потому что тогда еще не были извѣстны въ Москвѣ работы Дежнева. Центральная Азія тоже не осталась безъ вниманія русскихъ изслѣдователей. Въ 1619 г. *Петлинъ* посѣтилъ страну Алтынъ-хана; въ 1654 г. *Байковъ*, моск. посолъ, ѣздилъ въ Пекинъ черезъ оз. Зайсанъ и Монголію. Въ 1620 г. *Хохловъ* былъ посломъ въ Бухарѣ; въ 1646 г. туда же былъ посланъ купецъ *Грибовъ*, но не могъ добраться до мѣста назначенія по случаю смутъ въ Бухарѣ. Въ 1669 г. Хиву посѣтили *Федотовъ* и *Муромцевъ*, пришедшіе туда отъ Каспійскаго моря, черезъ Устюртъ. Въ 1676 г. послы *Даудовъ*, *Касимовъ* и *Венюковъ* были въ Бухарѣ, опять пройдя Устюртомъ черезъ Хиву. Одинъ изъ нихъ, Касимовъ, пробрался даже дальше, до Кабула. Въ 1690 г. морской офицеръ *Дубровинъ* посѣтилъ Хиву и составилъ карту Туркестана. Съ воцареніемъ Петра Великаго русская географическая наука быстро пошла впередъ; цѣлый отрядъ путешественниковъ и спеціально подготовленныхъ «геодезистовъ» занялся изученіемъ Р. Труды этихъ лицъ, положившихъ въ основу своихъ измѣреній научные пріемы, дали возможность издать первый русскій атласъ имперіи (1726 — 34). Въ 1716 г. Петръ I выписалъ изъ Германіи ученаго нѣмца *Мессершмидта* и заключилъ съ нимъ условіе о всестороннемъ изслѣдованіи Сибири. Мессершмидтъ пробылъ тамъ 7 лѣтъ и успѣлъ собрать большое количество данныхъ, сперва одинъ, а потомъ со своимъ единственнымъ помощникомъ, плѣннымъ шведомъ Тальбергомъ, больше извѣстнымъ подъ именемъ Страленберга. Труды Мессершмидта не были изданы, но ими пользовались послѣдующіе изслѣдователи. Въ 1716 г. Страленбергъ опубликовалъ описаніе своего путешествія, но онъ не былъ достаточно образованъ, чтобы дать трудъ, стоящій на высотѣ собранныхъ свѣдѣній. Въ персидскомъ походѣ Петра сопровождалъ ученый географъ; другой изслѣдователь нашелъ теперешнія Сергіевскія минеральныя воды. Не только Сибирь, но и Курильскіе острова впервые были изслѣдованы по порученію Петра I геодезистами *Евреиновымъ* и *Лужинымъ*, а берега Охотскаго моря около Шантарскихъ о-вовъ и Камчатка — *Сорокоумовымъ* и *Соколовымъ*. Петру I географія обязана также рѣшеніемъ вопроса: «сошлась-ли Азія съ Америкою», такъ какъ открытіе Дежнева оставалось неизвѣстнымъ въ Россіи и извѣстіе о немъ было позднѣе открыто Миллеромъ въ сибирскихъ архивахъ. Петръ I собственноручно начерталъ въ декабрѣ 1724 г. главныя задачи экспедиціи, на которую возлагалось рѣшеніе вопроса, и поставилъ во главѣ ея датчанина *Беринга*.

Библиотека "Руниверс"

Экспедиція выступила уже послѣ смерти императора, но за два лѣта плаваній (1728 — 29) не могла найти береговъ Америки въ Беринговомъ морѣ. За то она дала толчокъ дальнѣйшимъ работамъ; такъ, подъ начальствомъ *Шестакова* была отправлена въ Чукотскую Землю экспедиція, обслѣдовавшая мысъ Дежнева и проливъ Беринга, побывавшая на американскомъ берегу и открывшая маленькую группу острововъ въ проливѣ, названныхъ о-вами Гвоздева, по имени геодезиста экспедиціи. Академія наукъ также не мало сдѣлала для развитія географіи въ Р. и положила своими атласами основаніе картографіи имперіи. Съ 1733 по 1743 г. была выполнена громаднѣйшая работа «Большой сѣверной экспедиціи», составившей первыя карты и описанія всего побережья имперіи отъ Архангельска до р. Колымы, Охотскаго моря и Камчатки, описавшей всю Сибирь въ естественноисторическомъ и другихъ отношеніяхъ и совершившей рядъ плаваній къ берегамъ Японіи и сѣверо-зап. Америки, а по пути обслѣдовавшей Курильскіе и Алеутскіе о-ва. Въ составѣ экспедиціи, подъ начальствомъ *Беринга*, находился цѣлый отрядъ морскихъ офицеровъ и геодезистовъ (въ общемъ—до 110 чел. въ разное время), члены академіи наукъ—астрономъ *Людовикъ Делиль*, натуралистъ *Іоганъ Гмелинъ*, историкъ и географъ *Герардъ Миллеръ*; проф. *І. Фишеръ*, *Г. Штеллеръ*, *С. Крашенинниковъ* и др. Работы Миллера и Фишера по исторіи Сибири, основанныя на изученіи мѣстныхъ архивовъ, никѣмъ не тронутыхъ до нихъ, были чрезвычайно плодотворны; не менѣе важны естественно-историческіе труды Гмелина, Крашенинникова и Штеллера; двое послѣднихъ дали прекрасное описаніе Камчатки, до послѣдняго времени сохранившее свое значеніе. Въ 1743 г. академія наукъ издала новый, второй атласъ Р., гораздо болѣе полный, чѣмъ первый. Въ 1759 г. академія наукъ задумала издать еще болѣе полный атласъ и разослала по Р. для собиранія свѣдѣній программу въ 30 вопросовъ. Семь лѣтъ спустя были изданы «Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Росс. Имперіи». Въ царствованіе Екатерины II цѣлый рядъ ученыхъ работалъ надъ изслѣдованіемъ имперіи. *Палласъ*, совмѣстно съ *Соколовымъ*, *Зуевымъ* и *Рычковымъ*, совершилъ (1768—74) обширное и богатое результатами путешествіе по Кавказу и Сибири. Оно входило въ составъ обширнаго плана всесторонняго изученія Россіи, составленнаго академіей наукъ. Въ выполненіи того же плана участвовали *Самуилъ Гмелинъ* младшій, работавшій на Дону, Волгѣ и зап. и южн. берегахъ Каспійскаго моря; *Іоганъ Георги*, сопутствовавшій сперва Палласу, а потомъ Фальку въ ихъ путешествіяхъ по юго-вост. Европ. Р. и Сибири; *Гюльденштедтъ*, путешествовавшій по центральной Р., нижней Волгѣ и Кавказу, Азовскому морю и Дону; *Іоганъ Фалькъ*, начальствовавшій отрядомъ академической экспедиціи въ Сибири; *Иванъ Лепехинъ*, съ 1768 по 1772 г. путешествовавшій по средней Р., частью съ Палласомъ, частью самостоятельно; *Николай Озерецковскій*, спутникъ Лепехина и самостоятельный изслѣдователь сѣвера Р. Для улучшенія картографіи Р. академіей наукъ тогда же были посланы въ вост. и юго.-вост. Р., съ цѣлью астрономическаго опредѣленія мѣстъ, *Петръ Иноходцевъ* и *Георгъ Ловицъ*. Въ это же время на крайней оконечности Азіатскаго материка работала экспедиція *Биллингса*, въ составѣ которой много потрудился морякъ *Сарычевъ*. Экспедиція продолжалась съ 1785 по 1792 г. и изслѣдовала берега Охотскаго моря, Алеутскіе о-ва, берега Сѣв. Америки и землю чукчей. Въ 1780 г. *Лессепсъ* посѣтилъ Камчатку и Сибирь, а *Лаперузъ* обслѣдовалъ Сахалинъ и часть берега Приморской области. Внутренняя часть Сибири была посѣщена *Дж. Белемъ* и аббатомъ *Шапъ-д'Отерошъ*; ботаникъ *Сиверсъ* побывалъ на Алтаѣ и въ Забайкальѣ. Академіей наукъ изданъ новый атласъ Р. Къ началу XIX стол. относятся первыя тріангуляціи въ Р. (Теннеръ и Шубертъ); тогда же Р. выступила впервые на поприще международныхъ изслѣдованій, снарядивъ рядъ кругосвѣтныхъ экспедицій (Крузенштернъ, Лисянскій, Головнинъ, Лазаревъ, Коцебу, Беллинсгаузенъ, Литке); работы Литке и Беллинсгаузена еще и донынѣ служатъ, отчасти, основаніямъ для существующихъ картъ. Въ 1802 г. на берегахъ Охотскаго моря работали *Хвостовъ* и *Давыдовъ*. Въ 1809 г. *Геденштромъ* посѣтилъ Ново-Сибирскіе о-ва; въ 1811 г. *Головнинъ* работалъ въ Курильскомъ архипелагѣ. Въ 1820—24 гг. *Анжу* и *Врангель* работали надъ пополненіемъ географическихъ данныхъ у береговъ Сибири между Оленекомъ и Индигиркою и среди Новосибирскихъ о-вовъ. Въ 1821—24 гг. *Литке* работалъ у береговъ Мурмана и Новой Земли, а штурманъ *Ивановъ*—по берегу материка отъ Печоры до Оби. Въ 1827 г. *Постельсъ* изучалъ вулканы Камчатки. Внутри Сибири въ это время работали *Семевскій*, *Петровъ*, *Мартосъ*, *Корниловъ* и *Спасскій*, на Алтаѣ — ботаникъ *Ледебуръ*. Въ 1829 г. *Александръ Гумбольдтъ* посѣтилъ Уралъ, Тобольскъ, Барабинскую степь, Барнаулъ, Алтай, Верхній Иртышъ, Оренбургъ, Киргизскія степи, Астрахань, побережье Каспія и собралъ громадный матеріалъ, вошедшій въ его трудъ «Asie Centrale» (1843). Въ 1830—43 гг. въ Сибири работали *Геблеръ*, *Гельмерсенъ*, *Словцовъ*, *Степановъ*, *Небольсинъ*, *Вишневскій*. *Эрманъ*, берлинскій ученый, совершилъ обширное путешествіе по Сибири и собралъ массу данныхъ по физической географіи страны. *Гаустенъ* опредѣлилъ во многихъ мѣстахъ элементы земного магнетизма. *Мурчисонъ* и *Вернейль* изслѣдовали геологически Сѣв. Р., Уралъ и многія части средней и южной Р. (1840—41), результатомъ чего было классическое геологическое описаніе Р. Путешествіе *Миддендорфа*, начатое въ 1843 г., открываетъ новый фазисъ изученія Сибири, особенно ея сѣвера. Онъ посѣтилъ Таймырскій полуо-въ, Якутскую область, берега Охотскаго моря, Шантарскіе острова и прошелъ по долинѣ Амура. Возвращеніе Миддендорфа въ СПб. совпало съ моментомъ, когда назрѣла мысль объ учрежденіи географическаго общ. (1845). Съ этого момента почти всѣ экспеди-

Библиотека "Руниверс"

ціи въ предѣлахъ имперіи и въ сопредѣльныхъ съ нею странахъ Азіи или были снаряжены географич. обществомъ, или имѣли съ нимъ тѣсную связь. Одною изъ первыхъ была экспедиція на Сѣв. Уралъ (1847—50), въ которой работали *Гофманъ, Старжевскій, Ковальскій* и *Брандтъ;* результаты ихъ трудовъ и до сихъ поръ представляютъ почти единственный матеріалъ для географіи этой области. Рядъ меньшихъ экспедицій изучаетъ центральную Р. Въ 1849 г., по предложенію *Савича,* начаты наблюденія надъ качаніями маятника, продолжающіяся съ тѣхъ поръ, съ перерывами, и до настоящаго времени (Ленцъ, Соколовъ, Витрамъ, Цингеръ, Вилькицкій). Упоминая здѣсь только о наиболѣе выдающихся трудахъ, укажемъ, что географ. общ. въ 1853—55 гг., снарядило подъ начальствомъ извѣстнаго *Бэра,* экспедицію на Каспійское море для изученія его физико-географическихъ условій и рыболовства. Подобныя же изслѣдованія были предприняты мин. госуд. имуществъ между 1851 и 1860 гг. въ Балтійскомъ м., Бѣломъ м., Ледовитомъ ок., озер. Чудскомъ, Кубенскомъ, на Волгѣ, Уралѣ, Курѣ. Академія наукъ посылаетъ *Абиха, Дорна* и *Рупрехта* въ Дагестанъ, *Ленца* — по шхерамъ Финляндіи, гдѣ онъ опредѣляетъ магнитные элементы въ 172 точкахъ. Съ 1862 по 1867 г. производится рядъ работъ для разрѣшенія вопроса объ обмеленіи Азовскаго м. (*Бэръ, Радде, Данилевскій, Гельмерсенъ*). На Кавказѣ въ продолженіе ряда лѣтъ работаетъ надъ его геологіей *Абихъ,* а по вопросамъ естественно-историческимъ — *Радде.* Въ 1871—72 г. князь *Кропоткинъ* изучаетъ ледниковыя явленія въ Финляндіи, отчасти вмѣстѣ съ *Гельмерсеномъ* и *Шмидтомъ;* въ тѣ же годы предпринимаются географ. общ. рядъ этнографическихъ изслѣдованій въ разныхъ частяхъ Имперіи. Въ этихъ трудахъ постоянно принимаютъ участіе общ. естествозн., антрополог. и этнограф. въ Москвѣ и академія наукъ. На Кавказѣ выдѣляются въ 80-хъ годахъ работы *Мушкетова, Динника* и *Россикова.* Метеорологическая коммиссія географич. общ., съ *А. И. Воейковымъ* во главѣ, работаетъ надъ изученіемъ снѣжнаго покрова и установленіемъ сельскохозяйственныхъ метеорологическихъ наблюденій. Въ теченіе 90-хъ годовъ географ. общ. заботится объ установленіи сѣти сейсмическихъ станцій. Цѣлый рядъ работъ производится на Кольскомъ полуо-вѣ гг. *Подлаецкимъ, Кудрявцевымъ, бар. Рамзаемъ, Рипасомъ* и *Носковымъ;* къ концу столѣтія немного уже остается неизвѣданныхъ мѣстъ на этомъ долго бывшемъ terra incognita полуостровѣ. Геологическое и географическое изученіе губ. Олонецкой, Вологодской и Архангельской началось еще ранѣе, въ 1843 г., когда *Кейзерлингъ* и *Крузенштернъ* посѣтили мѣстность между Мезенью и Ураломъ; та же мѣстность была посѣщена *Крузенштерномъ* въ 1856—59 гг. *Иностранцевъ* (1875) изучалъ геологически пространство около Онежскаго оз. Въ 1889—90 г. экспедиція *Чернышева* изслѣдовала пространство отъ Вычегды до Печоры и Ледов. ок., а въ 1890 г. Ю. Шокальскій р. Вычегду на 650 в. Въ Сибири, послѣ 1845 г., *Ахтэ* съ сотрудниками изучалъ Становой хр. и мѣстность на границѣ съ Китаемъ, а *Невельскій* открылъ Татарскій прол. и изслѣдовалъ р. Амуръ; его спутники *Бошнякъ, Рудановскій* и *Н. М. Чихачевъ* въ 1849 — 54 гг. изслѣдовали берега Охотскаго моря. Въ 1854 г. экспедиція гр. *Муравьева-Амурскаго* обслѣдовала Амуръ до его устья, а *Маакъ* изучалъ Вилюйскій край. Въ 1855 г. Пріамурскій край посѣтили натуралисты *Шренкъ, Максимовичъ* и *Маакъ;* географич. общ. въ томъ же году снарядило «сибирскую» экспедицію, въ составъ которой вошли *Шварцъ, Рашковъ, Усольцевъ, Смирягинъ, Радде, Шмидтъ* и др. Въ 1859 г. *Маакъ* работалъ въ Амурской обл., на Уссури. Въ 1864 г. кн. *Кропоткинъ* и *Поляковъ* изслѣдовали области теченія рр. Витима и Олекмы; въ 1865 г. тамъ же работалъ *Лопатинъ,* а въ слѣдующемъ году *Шмидтъ* и *Андреевъ* посѣтили область рр. Таза и Гыды для розысковъ мамонта. Въ 1868—70 гг. *Майдель, Нейманъ* и *Афанасьевъ* изучали Чукотскую землю и область р. Анадыри. Къ этому-же времени относятся первыя работы *Н. М. Пржевальскаго* въ Уссурійскомъ краѣ. Въ 1868 г. *Миддендорфъ* работаетъ въ Барабинской степи, *Кривошапкинъ* — на Енисеѣ, нѣмцы *Финшъ, Бремъ* и *Вальдбургъ* — на Оби; первыя изслѣдованія оз. Байкала производятся *Годлевскимъ* и *Дыбовскимъ.* Въ 1871 г. цѣлая экспедиція вост.-сиб. отд. географ. общ. изучала Саяны до оз. Косогола. Въ 1872—73 гг. *Чекановскій, Миллеръ* и топографъ *Нахвальныхъ* обслѣдовали обширную мѣстность по Нижней Тунгузкѣ, Оленеку, нижней Ленѣ и Янѣ; первый изучалъ геологію края, второй производилъ магнитныя и астрономическія наблюденія. Въ 1875 г. произведена сплошная нивеллировка отъ Иркутска до Оренбургскаго края, по иниціативѣ географич. общ., подъ руководствомъ *Мошкова;* тогда же рядъ мѣстъ опредѣленъ астрономически *Шарнгорстомъ* и *Кульбергомъ.* Въ 1880 г. *Поляковъ* изучаетъ Сахалинъ. Въ 1882—84 гг. географич. общество приняло участіе въ международныхъ полярныхъ станціяхъ и учредило въ дельтѣ Лены станцію подъ начальствомъ *Н. Д. Юргенса,* который произвелъ также рядъ географическихъ работъ по берегу океана. Въ 1885 — 86 гг. *Бунге* и *Толь* обслѣдовали Пріянскій край и Ново-Сибирскіе о-ва; въ 1891—92 гг. *Черскій* работалъ на Индигиркѣ и Колымѣ, съ геологическою цѣлью; въ 1893—94 гг. *Толь* и *Шилейко* обслѣдовали область рр. Хатанги и Анабары, нижней Яны и Оленека, а также Ново-Сибирскіе о-ва. Съ 1894 по 1896 г. между Енисеемъ и Югорскимъ Шаромъ работала гидрографическая экспедиція *А. И. Вилькицкаго.* За эти же послѣдніе годы произведенъ рядъ изслѣдованій въ южной полосѣ Сибири, въ связи съ работами по проведенію Сибирской жел. дор. Въ 1895 — 97 гг. экспедиція *Богдановича* (горн. инж.), *Лемякова* (астр. и топогр.) и *Слюнина* (докт. и зоол.) работала вдоль по бер. Охотскаго моря отъ р. Уды до Охотска, затѣмъ около Гижигинска и въ Камчатки; результаты ея работъ весьма значительны какъ въ геологическомъ, такъ и въ географическомъ отношеніяхъ (подробн. см. Сибирь).

Библиотека "Руниверс"

Изслѣдованіе Туркестана (т. е. Киргизскихъ степей и Туркестана, согласно опредѣленію Мушкетова; см. выше, Орографія) въ XVIII стол. (о болѣе раннихъ работахъ сказано выше) шло почти параллельно съ ихъ подчиненіемъ русскому вліянію. Петръ I въ 1720 г. послалъ *Лихарева* въ Яркендъ; онъ же доставилъ первыя болѣе подробныя свѣдѣнія о пройденной странѣ до береговъ Чернаго Иртыша. Въ 1721 г. *Овсянниковъ* и *Вершининъ* посѣтили мѣстность къ В отъ Арала; въ 1731 г. полк. *Гарберъ* отправился въ Хиву и Бухару, но не могъ пройти далѣе Сыръ-Дарьи. Первыя серьезныя съемки были произведены *Гладышевымъ* и *Муравинымъ* въ 1740 г. въ Киргизскихъ степяхъ; они дошли до Хивы. Въ 1743 г. *Миллеръ* дошелъ до Коканда; въ 1759 г. *Гуляевъ* побывалъ въ Бухарѣ. Въ царствованіе Екатерины II мало интересовались Среднею Азіей. *Ефремовъ*, черезъ Туркестанъ, Авганистанъ и Тибетъ, прошелъ въ Индію; захваченный въ плѣнъ, въ 1774 г., киргизами, онъ бѣжалъ и, возвратясь въ Р. въ 1782 г., опубликовалъ описаніе своихъ странствованій, содержащее весьма вѣрныя указанія. Изъ числа академическихъ путешественниковъ, начавшихъ изученіе Р. при Екатеринѣ II, нѣкоторые только подходили къ окраинамъ Ср. Азіи: такъ въ 1771 г. *Барданесъ*, спутникъ Фалька, былъ на оз. Зайсанъ-Норѣ, *Сиверсъ*, въ 1793 г., въ Тарбагатаѣ, *Рычковъ* на р. Тургаѣ, *Палласъ* въ Илецкой защитѣ и на Каспіи, *Гмелинъ* на берегахъ Каспійскаго моря. Изъ нихъ Рычковъ далъ хорошее описаніе Оренбургскихъ степей, а Палласъ первый высказалъ гипотезу, что вся Арало-Каспійская равнина была прежде дномъ моря, остатками котораго являются Аралъ и Каспій. Въ началѣ XIX стол. изслѣдованій Туркестана тоже было немного; *Муравьевъ* въ 1819 г. совершилъ путешествіе отъ Каспія въ Хиву и обратно, интересное вслѣдствіе посѣщенія недоступныхъ до тѣхъ поръ Туркестанскихъ степей. Въ 1820 г. было отправлено посольство изъ Оренбурга въ Бухару, съ *Негри* во главѣ; его сопровождали натуралисты (Пандеръ, Эверсманъ), благодаря чему было собрано много данныхъ. Въ 1825 г. *Бергъ* съ *Эверсманомъ* и др. собралъ важныя свѣдѣнія о пространствѣ между Каспіемъ и Араломъ и впервые показалъ, что послѣдній выше Каспія. Въ томъ же году Эйхвальдъ изучалъ берега Каспія. Въ 1829 г. *А. Гумбольдтъ*, съ *Эренбергомъ* и *Розе*, коснулся Туркестана только въ сѣв. его части, но въ своемъ трудѣ «Asie Centrale» мастерски освѣтилъ всѣ имѣвшіяся къ тому времени свѣдѣнія о Туркестанѣ, и его трудъ составляетъ эпоху въ исторіи изслѣдованія этой страны. *Карелинъ* съ 1824 по 1827 г. занимался изслѣдованіями Оренбургскаго края и побережій Каспія; въ 1836 г. его спутники по этой экспедиціи, *Бларамбергъ* и *Фелькнеръ*, опубликовали интересныя данныя о вост. берегѣ Каспія. Въ 1832 г. *Левшинъ* посѣтилъ сѣв. часть Туркестана и далъ замѣчательное описаніе страны. Въ 1841 г. посольство, состоявшее изъ *Бутенева*, горнаго инженера *Богословскаго*, оріенталиста *Ханыкова*, натуралиста *Лемана*, геодезистовъ *Бларамберга* и *Никифорова*, прошло изъ Оренбурга въ Бухару и Хиву, по пути посѣтивъ Зеравшанъ. Въ 1842 г. другое посольство прошло въ Хиву черезъ Устюртъ; его участники *Данилевскій* и *Базинеръ* собрали много научныхъ данныхъ о Хивѣ, Устюртѣ и Аралѣ. Въ 1840 г. *Шренкъ* посѣтилъ сѣв. часть Туркестана, былъ на оз. Балхашѣ, въ горахъ Алатау, на оз. Алакуль, въ Тарбагатаѣ, т. е. обслѣдовалъ вост. часть Киргизскихъ степей. Въ это же время англійскіе путешественники посѣщаютъ Туркестанъ съ юга; такъ, *Муркрадтъ* (1819—25) и *Требекъ* были въ Бухарѣ; *Бёрнсъ* въ 1831—32 гг. изъ Индіи прошелъ черезъ Бухару и Мервъ въ Персію; въ 1836—38 гг. *Вудъ* совершилъ замѣчательное путешествіе по Памиру. Въ 1849 и 1851 гг. *Вламгали* и *Ковалевскій* посѣтили Кульджу, а первый еще раньше изучалъ Киргизскую степь; *Нифантьевъ* производилъ важныя съемки р. Или и оз. Балхаша. Въ 1856 г. *П. П. Семеновъ* изучалъ, по порученію географ. общ., вост. Туркестанъ, Семирѣчье, Тянь-Шань и Иссыкъ-куль, впервые послѣ XVIII стол. Въ 1857 г. *Сѣверцовъ* и *Борщовъ* изслѣдовали Мугоджары, Устюртъ, степи къ С отъ Арала и Киргизскія степи. Послѣ этой плодотворной экспедиціи, въ 1858 г., состоялось посольство въ Хиву и Бухару, подъ начальствомъ *Игнатьева*, котораго сопровождали разные спеціалисты (Залѣсовъ, Кильвейнъ, Лерхъ, Можайскій, Назаровъ, Салацкій, Струве). Въ 1859 г. *Голубевъ* произвелъ рядъ астрономическихъ опредѣленій въ Заилійскомъ краѣ, а *Венюковъ* далъ общее его описаніе. Въ 1863 г. *Вамбери* (венгерецъ) совершилъ свое важное путешествіе черезъ Персію въ Хиву, Бухару, Гератъ. Къ этому времени относится присоединеніе Туркестана къ Р., а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайное умноженіе отдѣльныхъ небольшихъ изслѣдованій края. Особенно выдающееся значеніе имѣютъ труды *Н. А. Сѣверцева*, съ 1864 г. посвятившаго себя изученію Туркестана; въ 1864—68 г. онъ изслѣдуетъ Тянь-Шань, въ 1874 г. путешествуетъ по Аму-Дарьинскому краю и Кизылъ-кумамъ, въ 1877—78 гг.—по Фергани, Памиру и Алаю. *Татариновъ* въ 1864 г. посѣтилъ Тарбагатай и до 1872 г. работалъ въ разныхъ мѣстахъ по геологіи Туркестана. Тянь-Шань еще въ 1867 г. былъ посѣщенъ *Полторацкимъ*, пропзведшимъ рядъ съемокъ, и бар. *Остенъ-Сакенъ*, собравшимъ ботаническія данныя. Въ 1868 и 1869 гг. край посѣтили *Радловъ*, съ этнографическою цѣлью, и *Макшеевъ*, издавшій обстоятельное статистическое описаніе его. Въ 1869 г. бар. *А. В. Каульбарсъ* совершилъ большое путешествіе по южн. Тянь-Шаню отъ Иссыкъ-куля до Ауліэ-ата; въ 1870 и 1872 гг. онъ путешествовалъ по Тянь-Шаню, и Кашгаріи; въ послѣдней поѣздкѣ его спутникъ, *Шарнорстъ*, сдѣлалъ много астрономическихъ опредѣленій. Въ 1875 г. геологъ *Г. Д. Романовскій* изслѣдовалъ Семирѣчье, а въ 1879 г.—Джунгарскій Алатау, бассейнъ оз. Ала-куля и Тарбагатай. Затѣмъ цѣлый рядъ экспедицій, направлявшихся въ Монголію, Китайскій Туркестанъ и Тибетъ, попутно давали свѣдѣнія о вост. части русскаго Туркестана; это—экспедиціи *Н. М. Пржевальскаго*, *М. В. Пѣвцова*, *Грумъ-Гржимайло*, *Громбчев-*

Библиотека "Руниверс"

скаго, Козлова, Робаровскаго, а также *Краснова* и *Игнатіева,* посѣтившаго въ 1886 г. спеціально Тянь-Шань. Въ 1887 г. для изученія причинъ вѣрненскаго землетрясенія этотъ край посѣтилъ *И. В. Мушкетовъ.* Къ зап. части Туркестана относится, прежде всего, экспедиція *А. П. Федченко,* въ 1868 г. тщательно изучившаго страну Кизылъ-Кумовъ до Алая и Памира. Въ 1870 г. экспедиція подъ начальствомъ *Абрамова,* съ участіемъ *Федченко,* бар. *Аминова, Скасси, Старцева, Соболева, Куна* и *Мышенкова,* прошла долину Зеравшана. Въ 1871 г. *Петцольдъ* посѣтилъ Туркестанъ, для описанія его въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Въ 1872 г. *Хорошихинъ* посѣтилъ пески Кизылъ-Кумъ. Одновременно начинается и изученіе Туркестана отъ береговъ Каспійскаго моря. Въ 1869 г. Мангышлакъ изслѣдованъ геологически *Дорошинымъ* и *Эйхвальдомъ.* Рядъ небольшихъ изслѣдованій познакомилъ съ условіями прилегающей къ Каспію части Туркменскихъ степей; здѣсь работали *Кошкуль, Малома, Стебницкій, Сиверсъ* и др. Въ 1873 г., во время хивинскаго похода, было попутно произведено немало изслѣдованій *Соломаки* (астрон.), *Богдановымъ* (зоолог.) и *Краузе* (ботан.), а послѣ покоренія Хивы сейчасъ же начато изученіе низовьевъ Аму-Дарьи (Глуховской, бар. А. Каульбарсъ и др.). Въ 1874 г. была послана въ тѣ же мѣста экспедиція, снаряженная географич. общ. и спб. общ. естествоиспытателей, подъ названіемъ Аму-Дарьинской. Одна часть ея, подъ начальствомъ *А. А. Тилло,* произвела точную нивеллировку между Каспіемъ и Араломъ; другая, подъ начальствомъ *Столѣтова,* производила метеорологическія, гидрологическія и естественно-историческія изслѣдованія на низовьяхъ Аму-Дарьи и въ Кизылъ-Кумахъ, а третья изучала Каспій, Аралъ и Устюртъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ особенно важны работы геолога *Барбота-де-Марни.* Во второмъ отдѣлѣ экспедиціи участвовали многіе извѣстные изслѣдователи: *Сьверцовъ, Дорандтъ* (метеорологъ), *Соболевъ* (этногр.), *Смирновъ* (бот.), *Зубовъ* (гидрографъ). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ работъ по изученію Туркменскихъ степей; изъ нихъ всего важнѣе экспедиція *Глуховского* въ 1879—85 гг., для изученія сухихъ руслъ между Аму-Дарьею и Каспіемъ. Въ 1877—78 гг. работала небольшая экспедиція, изучавшая Кара-кумы, а въ 1879 г. она въ бо́льшемъ составѣ (гр. *Ростовцевъ,* ботан. *Сорокинъ,* зоол. *Пельцамъ,* статистикъ *Маевъ,* гидрографъ *Зубовъ,* инжен. путей сообщ. *Лянуновъ* и *Соколовскій,* геологъ *Мушкетовъ*) изучила Аму-Дарью и мѣстность къ В отъ рѣки. Въ 1880 г. край отъ Оренбурга до Арала посѣтилъ инженеръ путей сообщенія *Шульцъ.* Съ завоеваніемъ Закаспійской обл. изслѣдованія получили новый толчекъ; этотъ край посѣщается въ 1881 г. *Лессаромъ,* въ 1886 г. *Коншинымъ* и *Радде,* въ 1887 г. *Богдановичемъ* и *Обручевымъ;* изъ нихъ послѣдній напечаталъ обширную монографію о Закаспійской обл. Наконецъ, съ проложеніемъ ж. дороги отъ Каспія до Аму-Дарьи Анненковымъ, начинается детальное изученіе страны. Въ юго-вост. углу Туркестана, образованномъ Алаемъ и Памиромъ, съ 1874 г. начались систематическія геологическія изслѣдованія *Мушкетова* и *Романовскаго;* въ 1875 г. Гиссаръ обслѣдовали *Маевъ, Шварцъ* и *Вишневскій.* Военная экспедиція *Скобелева* въ 1876 г. много дала для улучшенія картографіи Памира. Въ 1877 г. *Сьверцовъ* снова работалъ на Алаѣ и въ Ферганѣ, а въ 1878 г.—и на Памирѣ, съ цѣлымъ рядомъ спутниковъ. Въ 1878 г. *Миддендорфъ* изучалъ Фергану въ сельскохозяйств. отношеніи и далъ затѣмъ обстоятельное описаніе области. Въ томъ же году Каратегинъ и Памиръ посѣщены экспедиціей *Ощанина,* при чемъ открытъ громадный хребетъ Петра Великаго. Въ томъ же году было послано посольство въ Авганистанъ, подъ начальствомъ *Столѣтова;* главный его научный результатъ—съемка пути *Бендерскимъ.* Съ 1879 по 1883 г. производится рядъ изслѣдованій *Ивановымъ* — въ Таласскомъ Алатау, *Мушкетовымъ* и *Ивановымъ* — на Зеравшанскомъ ледникѣ, *Романовскимъ*—въ долинѣ Зеравшана. Въ 1883 г. большая экспедиція изъ *Путяты* (геодезистъ), *Иванова* (геологъ) и *Бендерскаго* (топографъ) обслѣдовали Памиръ до Гиндукуша на Ю и Бухары на З. Въ 1884 г. *Сорокинъ* и *Грумъ-Гржимайло,* отдѣльно другъ отъ друга, посѣтили Памиръ. Въ 1885 и 1887 гг. послѣдній снова побывалъ на Памирѣ. Въ 1888 г. географич. общ. снарядило на Памиръ экспедицію *Громбчевскаго,* повѣтившаго его юго-вост. уголъ. Много разъѣзжалъ по Бухарѣ *Борщевскій,* въ промежуткѣ между 1879—95 гг. Наконецъ, въ послѣдніе годы, по порученію географ. общ., предпринятъ былъ рядъ экспедицій въ Каратегинъ *Липскимъ,* а въ 1897 г. географ. общ. снарядило экспедицію на Памиръ, въ Рошанъ и Шугнанъ, въ составѣ ботаника *Коржинскаго,* геолога *Иванова* и зоолога *Казнакова.* Къ этому же времени относятся и разграничительныя работы русской и англійской партій на Памирѣ. Изъ европейскихъ путешественниковъ англичанинъ *Форсайтъ,* съ рядомъ спеціалистовъ (между ними геологъ Столичка), въ 1873 г. посѣтилъ Памиръ; въ 1874 г. *Столичка* вторично былъ тамъ; эти двѣ экспедиціи дали важные результаты. Французы *Капюсъ* и *Бонвало* въ 1881 г. посѣтили Фергану и многія части Средней Азіи. Наконецъ, за послѣдніе годы Памиръ былъ посѣщенъ многими англ. туристами и путешественниками, напр. *Свенъ-Гединомъ* (1894) и *Олуфсеномъ* (1897).

Одновременно съ изученіемъ внутреннихъ частей имперіи подвигались и труды по описи нашихъ морей и значительныхъ внутреннихъ водъ. Въ *Балтійскомъ* морѣ русскія гидрографическія работы начались при Петрѣ I трудами адмирала *Крюйса* (1710) и съ тѣхъ поръ не прекращались. *Сарычевъ* издалъ въ 1812 г. атласъ Балтійскаго моря. Дѣйствительно научную основу работы получили только послѣ трудовъ ген. *Шуберта,* бар. *Врангеля* и *Рейнеке;* послѣдніе произвели тріангуляцію вдоль береговъ моря, а въ 1832 г. Шубертъ устроилъ большую хронометрическую экспедицію, которая опредѣлила астрономически 72 точки по берегамъ моря. Все это дало прочную основу съемкѣ берега и промѣру, которые съ

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ поръ и продолжаются безпрерывно, особенно въ шхерахъ Финляндіи, такъ какъ гидрографія южнаго берега Финскаго залива болѣе проста и требовала меньше заботъ. Рядъ гидрографическихъ работъ, подъ руководствомъ *Н. Л. Пущина, К. И. Михайлова* и *Ю. К. Ивановскаго,* производится главнымъ образомъ въ Абосскихъ шхерахъ, а особыя партіи работаютъ въ Ботническомъ зал. Въ другихъ частяхъ Балтійскаго моря работы производятся только по мѣрѣ надобности (входы въ Рижскій зал., вдоль берега около Либавы). Для *Бѣлаго* моря долго не было другихъ картъ, кромѣ голландскихъ; русскія работы начинаются въ 1727 г. промѣрами *Казакова* и съемкою устья Сѣв. Двины *Клаверомъ* (1732); болѣе подробныя работы были произведены *Винковымъ* въ 1741 г. и *Бѣляевымъ* въ 1756—57 гг., между Архангельскомъ и Мезенью. Постепенно, затѣмъ, описываются разныя части моря, до 1798—1801 г., когда *Голенищевъ-Кутузовъ* производитъ первую общую опись всего моря. Въ 1823—24 гг. *Литке* и *Демидовъ* работаютъ въ вост. части моря; въ 1826—33 г. *Рейнеке,* стоя во главѣ отдѣльной съемки этого моря, вновь составляетъ его атласъ; послѣдній пополняется, по мѣрѣ требованій мореплаванія, работами въ разныхъ частяхъ моря до 1887 г., когда новыя потребности судоходства вынуждаютъ снова организовать постоянную съемку Бѣлаго моря, работающую съ тѣхъ поръ безпрерывно, подъ руководствомъ барона *Майделя, Мякишева, Жданко* и *Мальцова.* Ею произведены обслѣдованія зап. части моря въ губахъ Кандалакской и Онежской. Побережье *Ледовитаго* океана, начиная отъ границы съ Норвегіей, и Новая Земля впервые были изслѣдованы англичанами и голландцами еще въ серединѣ XVI стол.; здѣсь трудились *Виллоуби, Ченслоръ, Бюрроу, Петъ* и *Джакманъ, Бареніъ, Най, Гудзонъ* и др. (подробности см. Сибирь и Сѣверо-вост. проходъ). Русскія работы начинаются между 1734 и 42 гг. *Муравьевъ, Павловъ, Малыгинъ, Скуратовъ, Селифонтовъ,* составлявшіе часть «Большой сѣверной экспедиціи», описываютъ берега отъ Канина носа до устья Оби. Въ 1741 г. *Винковъ* работаетъ въ Кольскомъ зал.; въ 1765—66 г. работаетъ экспедиція *Чичагова,* по проекту Ломоносова, для отысканія пути въ Китай, но она не приноситъ никакихъ результатовъ для изслѣдованія Мурмана. Въ 1760 г. *Лошкинъ* обходитъ въ три года Новую Землю; въ 1768—69 гг. *Розмысловъ* работаетъ тамъ же. Особенно важны работы на Новой Землѣ *Литке* между 1820 и 1824 гг., затѣмъ *Пахтусова* и *Циволькы* въ 1823—34—35 гг., *Бэра* въ 1837 г., *Циволькы* съ *Моисеевымъ* въ 1838 г., *Тягина* въ 1878—79 гг., *Андреева* и *Гриневецкаго* въ 1882—83 гг., кн. *Голицына* и *Чернышева* въ 1891 г. Для изученія Мурмана много сдѣлалъ *Литке,* въ 1820—24 гг.; въ это же время *Ивановъ* описывалъ устья Печоры и берегъ океана до Канина носа, а въ 1826 г. онъ же, съ *Рагозинымъ, Пахтусовымъ* и *Бережныхъ,* описалъ берегъ отъ Печоры до Обдорска. Тѣмъ временемъ опись Мурманскаго берега была закончена (1826) *Рейнеке.* Затѣмъ и до настоящаго времени систематическихъ работъ по Мурману и далѣе къ Оби не производилось, а по мѣрѣ надобности гидрографія его пополнялась въ разныхъ мѣстахъ (работы *Козлова* и *Бѣлавенца* въ 1871 г., *Деплорайскаго, Жданко* въ 1893—95 гг.). Въ 1898 г. была организована особая «Экспедиція для изслѣдованія Ледовитаго океана», подъ начальствомъ *Л. И. Вилькицкаго,* которая въ томъ же году обслѣдовала часть Югорскаго шара, а въ 1899 г.—многія мѣста на Мурманѣ и около Печоры. Что касается до части Ледовитаго ок. отъ Оби до Берингова прол., то послѣ «Большой Сѣверной Экспедиціи» 1734—44 гг., упомянутой выше, цѣлый рядъ небольшихъ экспедицій открыли и описали архипелагъ Ново-Сибирскихъ о-вовъ, часть берега Сибири отъ Берингова прол. къ З до Колючинской губы (Биллингсъ, Сарычевъ, Гилевъ, 1787—91 гг.). Въ 1821—23 гг. *Врангель, Анжу* и *Козьминъ* дополнили описи Ново-Сибирскихъ о-вовъ и берега Сибири отъ Оленека до м. Сѣвернаго, до котораго въ 1778 г. доходилъ *Кукъ.* Въ 1878—79 г. совершено знаменитое плаваніе *Норденшельда* на «Вегѣ» вдоль береговъ Сибири, доставившее нѣсколько новыхъ данныхъ относительно картографіи береговъ. Въ 1881 г. *Берри* (американ.) сдѣлалъ первую съемку о-вовъ Врангеля; въ томъ же году на устьѣ Оби работали *Фусъ* и *Моисеевъ.* Въ 1882—84 гг. къ В и З отъ Лены произведены описи *Юргенсомъ* и *Бунге;* послѣднимъ въ 1885—86 гг. исполнены такія же работы по берегу до Яны и на Ново-Сибирскихъ о-вахъ. Въ 1893 г. *Толь* и *Шилейко* дополнили эти работы по берегу океана отъ Лены до Анабары, и на о-вахъ Ляховскихъ и Котельномъ. Въ томъ же году нѣкоторыя данныя о берегахъ между Ялмаломъ и Енисеемъ собраны экспедиціей *Добротворскаго.* Съ 1894 по 1896 г. экспедиція *Вилькицкаго* описала р. Енисей, берега отъ порта Диксона до о-ва Бѣлаго, съ Обскою губою, и р. Обь, съ Иртышемъ, отъ Тобольска до океана. Въ Тихомъ океанѣ *Шпанбергъ, Вальтонъ* и *Елагинъ* обслѣдовали въ 1738—39 гг. берега Камчатки и Курильскіе о-ва. Съ 1733 по 1743 г. *Берингъ* и *Чириковъ* изучали Алеутскіе о-ва и берега Америки. Въ 1789—93 гг. *Сарычевъ* работалъ въ Охотскомъ м., *Гилевъ* и *Худяковъ*—въ Камчаткѣ. Въ 1803—1806 гг. *Крузенштернъ* описалъ часть Японскаго м. и Шантарскіе о-ва; съ 1826 по 1828 гг. *Литке* описалъ берега Камчатки и Чукотской земли; въ 1829—30 гг. *Козьминъ* работалъ въ Удской губѣ Охотскаго м. Въ періодъ 1830—35 гг. въ Камчаткѣ работаютъ *Ильинъ, Голенищевъ* и *Скриповъ.* Затѣмъ идетъ рядъ болѣе мелкихъ работъ по берегамъ Охотскаго м. и Камчатки до 1848—51 гг., когда *Невельскій* обслѣдовалъ Татарскій пр. По утвержденіи русскаго вліянія на берегахъ Японскаго м., центръ тяжести гидрографическихъ работъ переходитъ туда. Не перечисляя мелкихъ работъ, упомянемъ о пятилѣтнихъ трудахъ *Старичкаго,* опредѣлившаго на берегахъ Охотскаго, Берингова и Японскаго м. до 38 точекъ астрономически (1866—71 гг.). Съ 1874 г. гидрографическія работы въ Тихомъ ок. поручаются *Онацевичу,*

Библиотека "Руниверс"

работающему главнымъ образомъ въ Японскомъ м., но немного и въ Беринговомъ м., и въ Ледовитомъ ок. Съ 1876 по 1880 г. этими работами руководитъ *Майдель*, и онѣ продолжаются въ сѣв. части Японскаго м.; затѣмъ ими руководитъ *Стенинъ*, потомъ опять бар. *Майдель* и, наконецъ, съ 1899 г. *Ждано*, когда часть гидрографическихъ работъ производится около Портъ-Артура и Таліенвана. Съ 1880 по 1892 гг. *Андреевъ* изучаетъ физико-географич. условія моря. Въ *Черномъ* и *Азовскомъ* моряхъ гидрографическія работы начались при Петрѣ I, съемкою устья Дона *Крюйсомъ*. Въ 1768 г. эти работы продолжалъ *Сенявинъ*, а другіе офицеры снимали устья Днѣпра, Днѣстра и Дуная. Затѣмъ, по мѣрѣ необходимости, описывались небольшія части берега; *Биллингсъ* описалъ берегъ отъ Кубани до Днѣстра въ 1797—98 гг.; *Будищевъ* снялъ берега отъ Одессы до Константинополя въ 1801 г.; *Беллинсгаузенъ* работалъ въ 1816 и 1821 гг. на вост. берегу моря, *Манганари* — въ разныхъ частяхъ моря, между 1823 и 1843 г. Наконецъ, въ 1870 г. составляется планъ систематической описи Чернаго м., которая начинается подъ руководствомъ *Зарудняго* и продолжается и до настоящаго времени, подъ руководствомъ, послѣдовательно, *Мякишева*, *Ивановскаго* и *Андреева*. Въ 1890—92 гг. производится физико-географ. обслѣдованіе Чернаго и Азовскаго м. *Шпиндлеромъ*, *Врангелемъ*, *Лебединцевымъ* и *Остроумовымъ*. Въ *Каспійскомъ* морѣ первыя работы относятся къ экспедиціи *Бековича* (1714—15 гг.), посланнаго Петромъ I для изученія старыхъ устьевъ Аму-Дарьи; онъ тогда же нанесъ на карту и Аралъ. Въ 1716—18 гг. туда же были посланы *Кожинъ* и кн. *Урусовъ*; они описывали вост. берегъ до Балханскаго зал., а *Травинъ* — сѣв. берегъ моря. Въ 1719 — 20 гг. новая, болѣе обширная экспедиція, подъ командою *Вердена*, изучала зап. берегъ отъ Астрахани до границы съ Персіей. Въ 1726—27 гг. Верденъ, съ *Соймоновымъ* и *Лунинымъ*; опять работаетъ на берегахъ Каспія. Первая общая опись моря производится въ 1764—65 гг. *Токмачевымъ*, *Пашинымъ* и *Матвѣевымъ*. Затѣмъ производится нѣсколько частныхъ работъ до 1809 г., когда *Колодкинъ* начинаетъ систематическую опись моря (до 1813 г.), на основаніи которой онъ въ 1826 г. издаетъ атласъ Каспія, основанный на 46 астрономически опредѣленныхъ точкахъ. Послѣ этого опять, по мѣрѣ возростающихъ потребностей, производились гидрографическія обслѣдованія въ разныхъ мѣстахъ, до 1856 г., когда *Ивашинцеву* было поручено составить новую опись Каспія; эту работу ему не удалось закончить за смертью, и она была доведена до конца въ 1874 г. *Пущинымъ*, издавшимъ новый атласъ и гидрографическое описаніе Каспійскаго бассейна, положеніе уровня котораго относительно Чернаго моря было окончательно опредѣлено въ 1856 г. *Савичемъ*, *Саблеромъ* и *Фусомъ*. Послѣ 1874 г. въ Каспійскомъ морѣ производятся только небольшія работы, для пополненія картъ, составленныхъ раньше. *Аральское* море впервые было снято *Бековичемъ* въ 1719 г.; въ 1741 г. геодезистъ *Муравьевъ* далъ лучшую его карту; черезъ 100 лѣтъ, въ 1847—50 гг., произвели подробную его опись *Бутаковъ* и *Мертваго*. *Внутреннія воды* Имперіи сдѣлались предметомъ научнаго описанія при Петрѣ I, когда (1712) англичанину *Перри* было поручено изслѣдованіе цѣлаго ряда рѣкъ центральной Р. На основаніи произведенной имъ нивеллировки былъ составленъ проектъ соединенія Волги и Невы каналами, что и было поручено въ 1714 г. генералу *Шютцу*. *Ладожское* озеро впервые было изображено на картѣ въ 1750 г.; затѣмъ въ 1763—65 гг. *Селяниновъ* произвелъ первые промѣры и опись озера и Шлиссельбургской губы, которые были дополнены въ 1779 г. *ф.-Дезимымъ*. Въ 1785 г. *Озерецковскій* совершилъ путешествіе по озеру на лодкѣ. Первыя сколько-нибудь точныя карты озера изданы только въ 1845 г. *Шубертомъ*. Въ 1858 г. была назначена особая экспедиція для описи озера, работавшая подъ руководствомъ *Андреева* до 1873 г. и составившая подробную карту озера и его описаніе. Въ 1897 и 1899 гг., по порученію географич. общ., *Ю. М. Шокальскій* началъ изслѣдованіе озера въ физикогеографическомъ отношеніи. *Онежское* озеро долгое время не обслѣдовалось и назначалось на картахъ приблизительно; только въ 1870 г. случайные промѣры и бѣглая опись озера, въ соединеніи съ нѣкоторыми старыми матеріалами, дали возможность составить предварительную карту озера. Въ 1873 г. назначена экспедиція для описи озера, работавшая, подъ руководствомъ *Андреева*, *Пѣтухова*, *Ивановскаго*, *Дриженко*, до 1894 г.; она составила атласъ картъ озера и его гидрографическое описаніе. Физико-географическое изслѣдованіе озера по порученію географ. общ. начато въ 1897 г. *С. А. Совѣтовымъ*. *Байкалъ* долго оставался безъ обстоятельнаго изслѣдованія. Первыя попытки были въ 1772—73 гг. сдѣланы *Пушкаревымъ*, который и далъ его первую карту; затѣмъ нѣкоторые промѣры были сдѣланы въ 1837 г. *Кюхельбекеромъ* и въ 1859 г. *Кононовымъ*. Въ 1876 г. *Дыбовскій* и *Годлевскій* произвели зимою нѣсколько промѣровъ поперекъ озера. Съ 1896 г. начались систематическія работы на озерѣ, подъ руководствомъ *Дриженко*, давшія предварительную карту озера и подробно описавшія южную его половину; работы должны быть закончены въ 1903 г. Озера Финляндскихъ губ.—Сайма, Пелисъ-ярви, Весси-ярви, Пейяне и др. — частью уже обслѣдованы, частью еще обслѣдуются гидрографическими партіями. Въ 1895 г., по порученію географ. общ., *І. Б. Шпиндлеръ* произвелъ гидрографическую рекогносцировку *Чудскаго* озера и его первое изученіе въ физико-географическ. отношеніи. Озера *Бѣлое*, *Ильмень* и *Кубенское* были описаны особыми партіями мин. путей сообщ., другія же значительныя озера Сѣв. Р. остаются еще совершенно неизслѣдованными и самыя очертанія ихъ означаются приблизительно. Многочисленныя озера внутренней Европ. Р. за послѣднее время были отчасти изслѣдованы (въ области верховьевъ Волги и Зап. Двины) *Д. Н. Анучинымъ* (1894—95). Въ 1898—99 гг. произведены изслѣдованія нѣкоторыхъ озеръ Омскаго округа *Бер-*

Библиотека "Руниверс"

гомъ, Елпатіевскимъ и *Игнатовымъ*. Озеро *Гокча* было обслѣдовано *Е. С. Марковымъ* въ 1894—96 гг. Объ остальныхъ внутреннихъ бассейнахъ имѣются, бо́льшею частью, отрывочныя свѣдѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ соленыхъ озеръ, имѣющихъ промышленное значеніе. Изъ числа рѣкъ наиболѣе значительныя изучены особыми описными партіями мин. путей сообщ. и для нѣкоторыхъ изданы подробные атласы (Сѣв. Двина, Кама, Днѣпръ, Зап. Двина, Ока, Сура, Волховъ). Волга тоже изслѣдована, но атласъ ея еще не появился. Аму-Дарья на значительномъ протяженіи изслѣдована *Зубовымъ*. Изъ рѣкъ Сибири произведены обслѣдованія: Ангары—*мин. путей сообщ.*, Енисея—отъ Енисейска до океана, Оби отъ впаденія Иртыша и этого послѣдняго отъ Тобольска—*Вилькицкимъ*, въ послѣдніе годы.

Картографія уже была достаточно подробно разобрана въ статьѣ Орографія; здѣсь остается сказать, что самою древнею картою собственно Россіи является опубликованная въ 1525 г. карта *Батиста Агнезе*, венеціанскаго географа; затѣмъ до Петра I не было картъ, основанныхъ на какихъ-либо съемкахъ. При немъ начаты первыя геодезическія работы и уже къ концу его царствованія появились первые атласы Р., построенные на основаніи непосредственныхъ съемокъ. При Екатеринѣ II начато генеральное межеваніе Р., но прочное основаніе картографическія работы получили только при Александрѣ I, когда былъ основанъ корпусъ военныхъ топографовъ и начаты первыя тріангуляціи. Однако, громадность территоріи Имперіи такова, что ко времени основанія географическаго общ. (1845) только четвертая часть Европ. Россіи, именно зап. губерніи и нѣкоторыя прибрежья морей, была покрыта тріангуляціонною сѣтью, для остальной же части Европ. Р. картографія располагала всего 200 точками, опредѣленными астрономически. Современное положеніе картографіи указано въ статьѣ Орографія.

Развитіе географической науки въ Россіи. Изъ вышеприведеннаго очерка главнѣйшихъ географическихъ изслѣдованій Р. видно, что до Петра I русское землевѣдѣніе развивалось чрезвычайно медленно; затѣмъ начинается дѣятельное изученіе имперіи, параллельно издаются и обработанные результаты изслѣдованій; за Мессершмидтомъ выступаютъ Берингъ и его сподвижники по изученію Сибири—Миллеръ, Стеллеръ и др. Въ царствованіе Екатерины II цѣлый отрядъ преданныхъ наукѣ академиковъ и ихъ помощниковъ разсыпается по Р.; труды Гмелина младшаго, Гюльденштедта, Лаксмана, Крашенинникова, Рычкова и въ особенности Палласа содержатъ въ себѣ не только матеріалы, но и обобщенія по разнымъ отраслямъ землевѣдѣнія. Начинаютъ появляться учебники географіи и географическіе словари. Въ царствованіе Александра I русская географическая наука выступаетъ и на международное поприще, цѣлымъ рядомъ кругосвѣтныхъ экспедицій и работъ въ Ледовитомъ океанѣ. Въ царствованіе Николая I развивается изученіе внутреннихъ частей Имперіи; къ этому времени относятся не только путешествія, но и важные ученые труды, какъ иностранцевъ (Гумбольдтъ, Розе, Мурчисонъ, Ледебуръ), такъ и русскихъ ученыхъ (Гельмерсенъ, Миддендорфъ, Чихачевъ, Щуровскій, Ханыковъ, Муравьевъ и особенно Бэръ). Совершаются многочисленныя экспедиціи на Амуръ (Маакъ, Шренкъ, Радде, Невельской), на сѣверъ (Гофманъ, Ковальскій, Шварцъ), по Сибири (Потанинъ, Поляковъ, Чекановскій, Крапоткинъ), въ центральную Азію (П. П. Семеновъ, Федченко, Сѣверцовъ, Романовскій, Мушкетовъ), въ сопредѣльныя части Азіи (Пржевальскій, Пѣвцовъ, Потанинъ, Грумъ-Гржимайло, Роборовскій, Обручевъ). Въ Европ. Р. начинается детальное изученіе края, предпринимаются работы по изученію озеръ и морей, дается прочное основаніе гипсометріи (А. А. Тилло), совершается подробное геологическое изученіе поверхности, съ учрежденіемъ геологическаго комитета (Карпинскій, Никитинъ, Мушкетовъ, Чернышевъ и др.). Не смотря на такой быстрый подъемъ географической науки, обширность задачи такъ велика, что выполненное представляетъ только небольшую часть остающагося впереди. *Ю. Ш.*

Обзоръ трудовъ русскихъ ученыхъ по изученію Россіи въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ см. стр. 130 и 139—152.

19) Археологія, въ смыслѣ научнаго изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ, возникаетъ въ Россіи лишь съ XIX в. Описаніе и собираніе археологическихъ памятниковъ началось, однако, гораздо раньше: древности, имѣвшія религіозное значеніе, издавна хранились въ церковныхъ ризницахъ, а всякаго рода драгоцѣнности собирались въ казнохранилищахъ царей. Правительство первоначально смотрѣло на археологическія находки исключительно какъ на клады; старинныя монеты, папр., переплавлялись и изъ нихъ чеканились новыя. Частныя лица иногда сознавали, повидимому, возможность научнаго интереса въ находкахъ: такъ напр., сохранилось описаніе найденныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, во время раскопокъ у р. Исети, металлическихъ древнихъ вещей. Правительственная поддержка археологическихъ изысканій началась у насъ со временъ Петра Великаго, который указомъ отъ 13 февраля 1718 г. назначилъ вознагражденіе за всякія «старыя вещи», могущія быть найденными «въ землѣ или въ водѣ». Петръ Великій велѣлъ охранять болгарскія зданія отъ дальнѣйшаго разрушенія, приказалъ Мессершмидту собирать въ Сибири древности, а «курьезныя» серебряныя и золотыя вещи велѣлъ присылать въ Петербургъ, не переливая. Основанный въ 1714 г. *кунсткамеръ* Петра Великаго скоро наполнился многочисленными археологическими рѣдкостями, особенно восточными и сибирскими. Въ послѣдующее время предметы древности доставлялись частью въ академію наукъ, частью въ московскія коллекціи—въ Оружейную палату, на Конюшенный и Казенный дворъ, въ Мастерскую палату и т. д. Въ царствованіе Анны Іоанновны В. Н. Татищевымъ составлена была инструкція для собиранія свѣ-

Библиотека "Руниверс"

дѣній географическихъ, этнографическихъ и археологическихъ, которая была одобрена академіею и разослана по губерніямъ. Въ 1759 г. академія наукъ, предположивъ составить новый атласъ Р., старалась собрать и свѣдѣнія о ея древностяхъ. Въ 1761 г. была предпринята экспедиція художника Грекова для снятія иконописныхъ и фресковыхъ изображеній въ церквахъ и монастыряхъ. При Екатеринѣ II Г. Ф. Миллеромъ было составлено описаніе сибирскихъ древностей, И. И. Лепехинымъ — древностей болгарскихъ, И. П. Рычковымъ — пермскихъ, В. Ѳ. Зуевымъ — екатеринославскихъ кургановъ. Въ концѣ XVIII в. особенно дѣятельнымъ на поприщѣ русской археологіи является гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, авторъ одной изъ первыхъ попытокъ по изъясненію древностей—изслѣдованія о Тмутараканскомъ княжествѣ. Дѣятельность русскихъ археологовъ стала правильнѣе развиваться съ начала XIX в., особенно когда основано было «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1804), напечатавшее въ своихъ изданіяхъ рядъ извѣстій и статей по археологіи. Въ 1806 г. изданы были правила для управленія Мастерскою и Оружейною палатою и для сохраненія въ порядкѣ и цѣлости находящихся въ нихъ древностей; въ слѣдующемъ году было издано первое описаніе Оружейной палаты. Въ 1822 г. издано было положеніе о сохраненіи памятниковъ древности въ Крыму. Однимъ изъ меценатовъ археологіи въ эти годы былъ и гр. Н. П. Румянцевъ. Въ 1817 и 1821 гг. появились проекты Ѳ. Аделунга и фонъ-Вехмана объ учрежденіи русскаго національнаго музея. Въ 1820 г. напечатанъ «Проектъ ученаго путешествія по Россіи для объясненія славянской исторіи», Зоріана Долуги-Ходаковскаго. Заслуга Д.-Ходаковскаго — поднятіе вопроса о городищахъ и составленіе особой теоріи для объясненія ихъ. Полемика по поводу городищъ вызвала рядъ цѣнныхъ изслѣдованій. Весьма многія распоряженія имп. Николая I касаются сохраненія древнихъ замковъ, крѣпостей, зданій. Къ этому времени относится дѣятельность Аделунга, описавшаго Корсунскія врата въ Кіевѣ, П. И. Кеппена, составившаго списки русскихъ памятниковъ, кургановъ и т. п., нумизмата Френа, археографовъ Калайдовича и П. М. Строева, митрополита Евгенія, А. И. Оленина, К. Н. Бороздина, А. И. Ермолова и многихъ другихъ. Благодаря дѣятельности одесскаго общества исторіи и древностей, управленію керченскаго музея и археологической коммиссіи при кабинетѣ Его Имп. Вел. удалось разъяснить многое въ древнихъ судьбахъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Изданія спб. археологическаго общества дали большое количество свѣдѣній и извѣстій о мѣстныхъ древностяхъ, существующихъ въ Р.; общество стало объявлять преміи за изданіе собранія русскихъ надписей и за сообщеніе свѣдѣній по предметамъ русской археологіи. Императорская археологическая коммиссія, основанная въ 1859 г. при министерствѣ Императорскаго двора, занималась, главнымъ образомъ, изслѣдованіемъ придніпровскихъ, крымскихъ и таманскихъ кургановъ. Самой счастливой изъ находокъ коммиссіи было открытіе въ 1879 г. богатыхъ царскихъ гробницъ на Таманскомъ полуостровѣ. Академія художествъ сдѣлала очень многое для сбереженія древнихъ зданій, храмовъ и вообще памятниковъ художественной старины. Московское археологическое общество, основанное въ 1864 г., проявило особенно плодотворную дѣятельность въ устройствѣ археологическихъ съѣздовъ. Главными дѣятелями его были гр. А. С. Уваровъ, К. К. Герцъ, А. А. Котляревскій. Особымъ учено-учебнымъ учрежденіемъ археологическимъ является основанный въ 1877 г. Н. В. Калачовымъ археологическій институтъ въ СПб.; главное его назначеніе — подготовленіе искусныхъ палеографовъ и знатоковъ архивнаго дѣла. Другой археологическій институтъ, для изученія византійской старины, основанъ въ 1894 г. въ Константинополѣ. Въ настоящее время число ученыхъ обществъ, занимающихся исключительно или преимущественно археологіею, у насъ очень велико. Главнѣйшія коллекціи предметовъ древности: Оружейная палата въ Москвѣ — хранилище остатковъ Большой казны, т. е. наслѣдственныхъ сокровищъ московскихъ государей; Императорскій россійскій историческій музей, открытый въ 1883 году; Имп. Эрмитажъ въ СПб., съ нему подчиненнымъ керченскимъ музеемъ; коллекціи Имп. академіи художествъ; Русскій музей Имп. Александра III въ СПб.; художественный музей въ Павловскѣ; спб. артиллерійскій музей, морской музей и рядъ другихъ музеевъ различныхъ вѣдомствъ; музеи археологическихъ обществъ; городскіе музеи почти во всѣхъ губернскихъ городахъ; церковные музеи и коллекціи, съ патріаршей (синодальной) ризницей въ главѣ и др. См. Россія въ археологическомъ отношеніи (стр. 423 и слѣд.). Кромѣ указанной тамъ литературы, см. еще гр. Уваровъ, «Изслѣдованіе о древностяхъ южной Р.» (1851—53); А. Сонцовъ, «Роспись древне-русской утвари» (1857—58); И. Забѣлинъ, «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи»; В. Межовъ, «Археологія русская въ періодъ времени отъ 1859 по 1868 г.» (СПб., 1873); его же и Н. Собко, «Библіографія напечатанныхъ въ Р. за 1865—76 гг. книгъ и статей по части искусствъ и археологіи» (СПб., 1884); библіографическіе указатели при «Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи» (съ 1886 г.).

20) Нумизматика. Основателемъ перваго монетнаго кабинета въ Р. былъ Петръ Вел., купившій въ 1721 г. въ Гамбургѣ нумизматическое собраніе Модерса (см. Монетные кабинеты) для кунсткамеры. Скоро послѣ того было напечатано акад. Байеромъ и первое нумизматическое сочиненіе, изд. въ Р.: «Historia Osrhoena et Edessena ex numis illustrata» (СПб., 1734); тотъ же авторъ написалъ еще нѣсколько монографій по античной нумизматикѣ. Затѣмъ напечатанъ былъ академіей наукъ каталогъ ея нумизматическихъ собраній («Catalogus Musaei Imp. Petropolitani», СПб., 1742). Основаніе разработкѣ русской нумизматики было положено кн. М. Щербатовымъ въ его «Опытѣ о древнихъ россійскихъ монетахъ»» («Академ. Изв.», 1780—81, трудъ неоконченный). Акаде-

Библиотека "Руниверс"

микъ Ф. Кругъ, въ соч. «Zur Münzkunde Russlands» (СПб., 1805, и на русск. яз.), продолжалъ его труды съ еще бо́льшими знаніями и опытностью; затѣмъ о русскихъ монетахъ появилось соч. Мальгина: «Опытъ истор. изслѣдованія о древности монетъ въ Россійскомъ государствѣ» (СПб., 1810, и на нѣм. яз.). Въ началѣ XIX в. появляются по русской нумизматикѣ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ труды барона Б. Фитингофа, Калайдовича, Воейкова, Арцыбашева, Бекетова, Брусилова, Качеиовскаго и др., а также книги Панснера («Versuch einer Tabellascher Uebersicht der Russischen Münzen» (СПб., 1831), Руссова, «Essai sur les monnaies de cuir» (СПб., 1835), Н. Муравьева—«Описаніе древней новгор. серебряной гривны» (М., 1824). Въ тоже время начинается разработка античной нумизматики—академ. Келеромъ, Бларамбергомъ, проф. Моргенштерномъ, и восточной нумизматики—академ. Френомъ, положившимъ краеугольный камень для изучающихъ мусульманскія монеты въ своемъ «Recensio nummorum Muhammedanorum» (СПб., 1826) и затѣмъ во множествѣ статей, разсѣянныхъ въ академическихъ повременныхъ изданіяхъ. Тогда же, но гораздо менѣе удачно, занялся изученіемъ восточныхъ монетъ и ихъ описаніемъ казанскій проф. Эрдманъ. Начиная со второй трети XIX вѣка, одинъ за другимъ появляются такіе капитальные труды, какъ А. Черткова—«Описаніе древнихъ русскихъ монетъ» (М., 1834 и 3 прибавленія), еще и теперь не вполнѣ утратившее своего научнаго значенія, бар. Шодуара—«Обозрѣніе русскихъ денегъ» (СПб., 1836, 3 т.), Шуберта—«Описаніе русск. монетъ и медалей (СПб., ч. I, 1843) и Сахарова—«Лѣтопись рус. нумизм.» (СПб., 1842). Классическая нумизматика въ это время менѣе разрабатывалась; восточная обогатилась трудами академиковъ Дорна и Броссе. Послѣдній занялся изслѣдованіемъ грузинскихъ и армянскихъ монетъ, которыя до него никѣмъ не изучались не только въ Р., но и въ Зап. Европѣ. Въ 1846 г. возникло въ СПб. «Нумизматическо-археологическое общество», начавшее издавать свои записки. Хотя уже черезъ нѣсколько лѣтъ общество нашло нужнымъ расширить свою дѣятельность и было переименовано въ «Археологическое общество», тѣмъ не менѣе многія статьи въ его трудахъ были по прежнему посвящены всѣмъ отдѣламъ нумизматики. Бар. Б. Кене и Я. Рейхель начали разработку до тѣхъ поръ никѣмъ не изучавшейся въ Россіи западно-европейской средне-вѣковой и новой нумизматики. Трудъ Рейхеля, «Die Reichelsche Münzsammlung» (СПб., 1842—50, 9 томовъ), и до сихъ поръ служитъ руководствомъ для собирателей. Началось и изученіе монетъ дальняго Востока; появились труды Шодуара («Catalogue des monnaies de cuivre Chinoises, Japonaises etc.», СПб., 1842), Леонтьевскаго, Шифнера, акад. Васильева и другихъ. Русская нумизматика продолжала разрабатываться Прозоровскимъ, Сонцовымъ, Бѣляевымъ, кн. Гагаринымъ, Заблоцкимъ, ак. Куникомъ, Рейхелемъ, Иверсеномъ и друг., восточная нумизматика—бар. В. Г. Тизенгаузеномъ, П. С. Савельевымъ, Б. Дорномъ, И. А. Бартоломеемъ, В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, М. М. Броссе, В. В. Григорьевымъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ нѣсколько остывшій интересъ къ русской нумизматикѣ пробуждается вновь, благодаря, главнымъ образомъ, выходу въ свѣтъ капитальнаго труда гр. И. И. Толстого: «Монеты вел. кн. кіевскаго» (СПб., 1882), породившаго цѣлую литературу, отчасти полемическаго характера, и его монографій о монетахъ Новгорода и Пскова. Въ 1888 г. въ Москвѣ открылось «Моск. нумизматич. общество», издающее «Труды». Большой толчокъ изученію русской нумизматики дало также изданіе Его Имп. Выс. вел. кн. Георгіемъ Михайловичемъ цѣлаго ряда монографій о монетахъ имп. Александра III и II, Николая I, Александра I, Павла, Екатерины II, Елисаветы и Анны, въ которыхъ напечатаны всѣ документы, относящіеся до чеканки монетъ въ Р. за эти царствованія. Въ настоящее время и въ СПб. образуется, подъ предсѣд. гр. И. И. Толстого, нумизматическое общество, уставъ котораго уже напечатанъ. *А. М—въ.*

21) Геральдика—см. VIII, 963.

22) Историческая наука въ Р. Главнымъ предметомъ исторической науки въ Р. является прошлое родной страны, надъ которымъ работало и работаетъ наибольшее число русскихъ историковъ и на которое направлена, главнымъ образомъ, дѣятельность разныхъ учрежденій, посвященныхъ исторической наукѣ (историческія каѳедры въ академіи наукъ, въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ, ученыя историческія общества, археографическая и архивныя коммиссіи, историческіе журналы*) и т. п.). Очеркъ русской исторіографіи выдѣленъ въ особую статью, предпосланную исторіи Р. (см. выше стр. 430—446); здѣсь мы остановимся главнымъ образомъ на разработкѣ въ Р. исторіи другихъ народовъ или того, что у насъ принято называть всеобщей исторіей. Занятія всеобщей исторіей у насъ находятся, отчасти, въ тѣсной связи съ разными «филологіями», т. е. съ изученіемъ иностранныхъ языковъ и литературъ, мертвыхъ и живыхъ; къ числу дѣятелей исторической науки необходимо отнести, поэтому, многихъ оріенталистовъ, классиковъ и славистовъ, поскольку они дѣлали предметомъ своихъ занятій исторію Востока, античнаго міра или славянскихъ народовъ; о нихъ, какъ и о тѣхъ государствовѣдахъ, юристахъ или экономистахъ, которые разрабатываютъ историческія темы, см. въ соотв. отдѣлахъ. Кромѣ того, благодаря, главнымъ образомъ, существованію въ нашихъ университетахъ особой каѳедры всеобщей исторіи, исторія другихъ народовъ разрабатывается у насъ и вполнѣ самостоятельно. До тридцатыхъ годовъ XIX стол. все-

*) Русскіе историч. журналы и періодич. сборники: „Византійск. временникъ“, „Историческая библіотека“, „Историческій Вѣстникъ“, „Историч. Обозрѣніе“, „Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древн.“, „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“, „Сборникъ Моск. Ист. Общ.“, „Чтенія въ Общ. ист. и древн. россійскихъ“; много статей по исторіи въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ и изданія университетовъ. Изъ журналовъ главнымъ образомъ посвящены всеобщей исторіи „Истор. Обозрѣніе“, издаваемое Истор. Обществомъ при спб. унив. и „Сборникъ Историч. Общ. при моск. университетѣ“

Библиотека "Руниверс"

общая исторія находилась въ Р. въ очень жалкомъ состояніи (см. XIII, 497—498). Лучшія времена начались для нашей науки съ обновленія нашихъ университетовъ послѣ устава 1835 г. Первыми настоящими профессорами всеобщей исторіи были Куторга, начавшій свою преподавательскую дѣятельность въ петербургскомъ университетѣ въ 1835 г., и Грановскій, занимавшій каѳедру въ московскомъ унив. съ 1839 по 1855 г. Куторгу справедливо называютъ первымъ русскимъ ученымъ, посвятившимъ себя самостоятельной разработкѣ всеобщей исторіи; Грановскій первый внесъ въ преподаваніе этой науки гуманитарную и общественную точку зрѣнія, съумѣвъ тѣмъ самымъ заинтересовать всеобщей исторіей широкіе круги общества, чему немало помогалъ его замѣчательный талантъ лектора. Отъ Грановскаго и Куторги начинается у насъ непрерывная традиція всеобщей исторіи въ университетахъ. Куторга выдвигалъ на первый планъ греческую исторію и побуждалъ своихъ учениковъ и вообще лицъ, искавшихъ ученыхъ степеней, писать диссертаціи на темы, взятыя изъ греческой исторіи (Бауеръ, Васильевскій, Люперсольскій, Ѳ. Ѳ. Соколовъ, Стасюлевичъ); Грановскій, самъ болѣе работавшій въ области средневѣковой исторіи, направлялъ въ эту сторону и интересы своихъ учениковъ (Кудрявцевъ, Ешевскій). Для занятій новой исторіей это время было крайне неблагопріятно; Грановскій, напр., не могъ читать курса по исторіи реформаціи. Реакція конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ задержала развитіе у насъ и исторической науки. На дальнѣйшіе ея успѣхи оказала вліяніе лишь посылка за границу (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) большого числа молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію, а затѣмъ университетскій уставъ 1863 г. Съ того времени подобныя командировки вошли въ обычай, что, было очень полезно, въ особенности для всеобщей исторіи. Сначала профессорскіе стипендіаты ѣздили почти исключительно въ Германію, гдѣ главнымъ образомъ «доучивались», слушая лекціи и работая въ семинаріяхъ; но съ теченіемъ времени они стали отправляться и въ другія страны—во Францію, въ Англію, въ Италію, въ Испанію, въ Швецію (не говоря о славянскихъ земляхъ, куда ѣздили и раньше), и уже для болѣе самостоятельныхъ работъ въ библіотекахъ и архивахъ. Послѣднее сдѣлалось возможнымъ благодаря лучшей научной подготовкѣ, которую они получали теперь у себя дома. Уставъ 1863 г. много содѣйствовалъ и улучшенію историческаго преподаванія. При дѣйствіи этого устава совершилось раздѣленіе историко-филологическихъ факультетовъ на отдѣленія, въ числѣ которыхъ образовано было и спеціально историческое, и начали вводиться практическія занятія по образцу нѣмецкихъ историческихъ семинарій. Уставъ 1884 г. уничтожилъ было спеціальныя отдѣленія историко-филологическихъ факультетовъ, превративъ послѣдніе въ чисто классическія школы; но такой порядокъ вещей просуществовалъ недолго, и историческія отдѣленія снова существуютъ въ нашихъ университетахъ. Благодаря болѣе живому общенію съ западною наукою и улучшенію университетскаго преподаванія, всеобщая исторія за послѣднія десятилѣтія сдѣлала у насъ замѣтные успѣхи; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить магистерскія и докторскія диссертаціи по всеобщей исторіи до-реформеннаго времени (хотя бы, напр., объ диссертаціи Грановскаго) съ теперешними. За послѣднее время не разъ печатались, бо́льшею частью по иниціативѣ самихъ факультетовъ, даже студенческія работы по исторіи (такъ назыв. «медальныя»), которыя въ былыя времена могли-бы сойти за магистерскія диссертаціи. Изъ числа диссертацій на высшія ученыя степени многія написаны на основаніи неизданныхъ источниковъ, хранящихся въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ. Лучшимъ доказательствомъ успѣховъ, достигнутыхъ русской наукой въ этой области, можетъ служить то обстоятельство, что труды русскихъ историковъ переводятся иногда на языки тѣхъ странъ, исторіи которыхъ они посвящены. Тѣмъ не менѣе у насъ все еще мало ученыхъ силъ на поприщѣ всеобщей исторіи: это видно изъ затрудненій, сопряженныхъ съ замѣщеніемъ вакантныхъ каѳедръ. Въ отношеніи научнаго метода и руководящихъ философскихъ и общественныхъ идей историческая наука въ Р. всегда, въ бо́льшей или меньшей степени, отражала на себѣ главнѣйшія историологическія направленія и теченія, возникавшія на Западѣ; но, въ то же время, въ ней чувствовались внутреннія общественныя настроенія. Научное движеніе въ области всеобщей исторіи началось у насъ подъ вліяніемъ Нибурова критицизма (Куторга) и французской и нѣмецкой историческихъ школъ первыхъ десятилѣтій XIX в. (Грановскій). На занятіяхъ исторіей славянъ, Византіи, Западной Европы сказывалось вліяніе такъ назыв. славянофильскаго и западническаго направленій; въ связи съ ихъ борьбою находится, напр., дѣятельность Грановскаго. Съ другой стороны, новѣйшія культурное и экономическое направленія въ исторіи оказали большое вліяніе и на нашу историческую науку. Въ общемъ, можно сказать, что въ области всеобщей исторіи русскіе ученые сравнительно мало занимались спеціально критикой источниковъ и что въ ихъ трудахъ такъ назыв. внѣшняя и прагматическая исторія все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ передъ исторіей внутреннихъ отношеній. Въ частности за послѣднее время изслѣдованіе соціальной (и экономической) исторіи даже стремится получить перевѣсъ надъ исторіей духовной культуры, хотя, конечно, послѣдняя не можетъ быть вытѣснена изъ науки. Переходя къ обзору русской литературы по всеобщей исторіи по главнѣйшимъ отдѣламъ, отсылаемъ за указаніями, касающимися Востока и древняго міра, къ востоковѣдѣнію и классической филологіи *), и начинаемъ прямо *съ среднихъ вѣковъ*, включая сюда

*) Русскія историческія изслѣдованія, посвященныя древнимъ Греціи и Риму, перечислены въ статьяхъ объ ихъ исторіи (IX, 636—637, и XXVI, 756, 784, 787, 789)

Библиотека "Руниверс"

и послѣднія времена римской имперіи. Начало изученія ср. вв. на Западѣ было положено въ московск. унив. Грановскимъ («Аббатъ Сугерій»), ближайшими послѣдователями котораго въ этомъ отношеніи были Кудрявцевъ («Судьба Италіи отъ паденія западной римской имперіи до возстановленія ея Карломъ» и неоконченная работа «Каролинги въ Италіи») и Ешевскій («Аполлинарій Сидоній» и прекрасный курсъ: «Исторія переселенія народовъ, меровинги и каролинги»). По средней же исторіи читалъ первоначально свои курсы въ Москвѣ и В. И. Герье, который завелъ по этому предмету и правильныя практическія занятія. Ученикъ его, П. Г. Виноградовъ, сдѣлалъ предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій зап.-европейскій феодализмъ, взятый преимущественно съ соціально-экономической точки зрѣнія. Его «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи» и «Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка», равно какъ англійская переработка этой книги («Villainage in England») — вполнѣ самостоятельныя работы, созданныя въ архивахъ и книгохранилищахъ Италіи и Англіи. Въ петербургскомъ унив. работы по средневѣковой исторіи зарождались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ В. Г. Васильевскаго. Одинъ изъ его учениковъ, Н. М. Бубновъ, написалъ большой историко-критическій трудъ: «Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ». И. М. Гревсъ предпринялъ рядъ изслѣдованій въ области исторіи землевладѣнія въ эпоху римской имперіи. Средневѣковыми городами занимались А. Н. Смирновъ («Коммуна средневѣковой Франціи»), Ѳ. Я. Фортинскій («Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза») и И. Н. Смирновъ (труды по исторіи слав. город. общинъ въ Далмаціи). Англійскому крестьянскому движенію XIV в. посвятилъ большой трудъ Д. М. Петрушевскій («Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи»). Общій очеркъ исторіи франц. крестьянъ имѣется въ небольшой книжкѣ Н. И. Карѣева. Исторіи сословно-представительныхъ учрежденій на Западѣ касаются диссертація В. К. Пискорскаго («Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ ср. вѣковъ къ новому времени») и книга Н. И. Карѣева о польскомъ сеймѣ. Средневѣковой исторіи посвящена докторская диссертація М. М. Ковалевскаго: «Общественный строй Англіи въ концѣ ср. вѣковъ» (ср. его же, «Англійская пугачовщина» въ «Русс. Мысли» за 90-е года). Въ области славистики соціальной исторіи посвящена диссертація А. Н. Ясинскаго: «Паденіе земскаго строя въ Чехіи». Религіозныя и церковныя отношенія ср. вв. тоже обращали на себя вниманіе нашихъ историковъ: Г. Вызинскій, «Папство и священная римская имперія въ XIV и XV вв.»; Налимовъ, «Вопросъ о папской власти на констанц. соборѣ»; В. К. Надлеръ, «Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Зап. Европѣ въ концѣ XIV и нач. XV в.»; Н. А. Осокинъ, «Исторія альбигойцевъ» и «Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока французами». Особенный интересъ для русскихъ изслѣдователей представляютъ личность и ученіе Гуса, при чемъ нѣкоторые авторы старались поставить ученіе Гуса въ связь съ православіемъ (Гильфердингъ, въ «Исторіи Чехіи»; Новиковъ, «Гусъ и Лютеръ»; В. А. Бильбасовъ, «Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца»; И. С. Пальмовъ, «Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи»; «Памятники кирилло-меѳод. старины въ Чехіи и Моравіи»; «Къ вопросу о сношеніяхъ чеховъ-гуситовъ съ вост. церковью въ серединѣ XV в.»). Иная точка зрѣнія—въ работахъ С. А. Венгерова о гуситахъ и таборитахъ (въ «Русск. Мысли» и «Вѣстн. Евр.» за 1881—82 гг.). Обращаетъ на себя вниманіе рядъ большихъ статей В. И. Герье въ «Вѣстн. Европы» за 90-ые годы: «Средневѣковое міровоззрѣніе», «Торжество теократическаго начала на Западѣ», «Францискъ Ассизскій» и «Катарина Сіенская». За самое послѣднее время въ русской истор. литературѣ особенно посчастливилось папѣ Григорію VII, которому посвящены работы князя Е. Н. Трубецкого («Религіозно-общественный идеалъ зап. христіанства въ XI в.») и А. Вязигина («Очерки изъ исторіи папства въ XI в.»). Отдѣльно стоятъ, кромѣ упомянутаго труда Бубнова. соч. В. А. Бильбасова («Крестовый походъ Фридриха II» и «Поповскій король Генрихъ Распе»), В. К. Надлера («Адальбертъ Бременскій»), В. Э. Регеля («Хроника Козьмы Пражскаго»), Ѳ. Я. Фортинскаго («Титмаръ Мерзебургскій и его хроника») и др. Научное изслѣдованіе *византійской исторіи* сдѣлало важные успѣхи преимущественно за послѣднюю четверть вѣка, при чемъ первымъ русскимъ византинистомъ по всей справедливости слѣдуетъ считать скончавшагося въ 1899 г. петерб. проф. средневѣковой исторіи В. Г. Васильевскаго, автора цѣлаго ряда работъ по византійской исторіи, печатавшихся въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (отдѣльно—неоконченное «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи»). Васильевскій основалъ и спеціальный органъ для этой области историческаго знанія — «Византійскій временникъ», который и редактировалъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ учениковъ, В. Е. Регелемъ. Другимъ виднымъ русскимъ византинистомъ является Ѳ. И. Успенскій, занимающій въ настоящее время должность директора археологическаго института въ Константинополѣ, спеціально основаннаго для византійскихъ изученій. Ему принадлежитъ рядъ статей въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» и книга «Очерки по исторіи византійской образованности». Къ числу русскихъ византинистовъ относятся еще П. В. Безобразовъ («Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ»), Н. А. Скабалановичъ («Византійская церковь и государство въ XI в.»), Регель («Analecta Byzantino-Russica», «Fontes rerum byzantinarum» и др.) и др. Кромѣ того, нѣкоторые ученые и раньше занимались византійскимъ правомъ (см. VI, 270), а въ области исторіи византійскаго искусства особенно важны труды Н. П. Кондакова. Въ дѣлѣ изученія *исторіи гуманизма* русская наука выдвинула двухъ ученыхъ, много работавшихъ надъ итальян-

Библиотека "Руниверс"

скимъ ренессансомъ съ культурной и литературной точекъ зрѣнія, и притомъ по неизданнымъ матеріаламъ. Александру Ник. Веселовскому принадлежатъ «Вилла Альберти», «Боккаччіо» и множество болѣе мелкихъ работъ. Недавно (1899) скончавшійся моск. проф. М. С. Корелинъ, кромѣ цѣлаго ряда статей, отчасти собранныхъ въ одну книжку («Очерки итальянскаго Возрожденія»), оставилъ капитальный трудъ: «Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія». Тѣмъ же періодомъ итал. исторіи занимались Н. А. Осокинъ («Савонарола и Флоренція». «Аттендоло Сфорца и королева Іоанна», «Неаполитанскіе государи XIV вѣка»), А. С. Алексѣевъ («Макіавелли, какъ политическій мыслитель»), Садовъ («Виссаріонъ Никейскій»), В. К. Пискорскій («Франческо Феруччи и его время»). Надъ исторіей *реформаціи* XVI в. и реформаціонной эпохи вообще наиболѣе трудились: И. В. Лучицкій («Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи», «Католическая лига и кальвинисты во Франціи»), Н. Н. Любовичъ («Исторія реформаціи въ Польшѣ», «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ», «Марниксъ де Сентъ-Альдегондъ»), Р. Ю. Виппериъ («Церковь и государство въ Женевѣ въ эпоху Кальвина»). Всѣ трое много работали въ заграничныхъ архивахъ. Менѣе важны соч. Клячина («Полит. собранія и полит. организація кальвинистовъ во Франціи въ XVI в.») и С. Ѳ. Фортунатова («Представитель индепендентовъ Генри Вепъ»). Этотъ отдѣлъ зап.-европ. исторіи привлекалъ къ себѣ вниманіе и профессоровъ дух. академій, изъ числа которыхъ всего болѣе заслуживаютъ вниманія труды Будрина («Антитринитаріи XVI в.»), П. А. Жуковича («Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени») и В. Соколова («Реформація въ Англіи»). Къ реформаціонному же періоду относятся и обѣ диссертаціи Г. В. Форстена, представляющія собою результатъ изысканій въ заграничныхъ архивахъ («Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ въ XV и XVI вв.» и «Балтійскій вопросъ въ XVII и XVIII стол.»). По *исторіи XVII и XVIII вв.* на Западѣ имѣются работы Вызинскаго («Англія въ XVIII в.»), В. И. Герье («Лейбницъ и его вѣкъ», сборникъ писемъ Лейбница), А. С. Трачевскаго («Германія наканунѣ революціи», «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II»), П. Соколова («Церковная реформа имп. Іосифа II»). Особенное вниманіе русскихъ историковъ обратила на себя Франція, въ особенности революція 1789 г., долго бывшая своего рода запретнымъ плодомъ. Начало изученія *исторіи французской революціи* въ нашихъ университетахъ положилъ своими спеціальными курсами В. И. Герье, написавшій объ этомъ предметѣ нѣсколько небольшихъ работъ («L'abbé de Mably», «Понятіе о народѣ у Руссо», «Понятіе о власти и народѣ по наказамъ 1789 г.», «Республика или монархія установится во Франціи», рядъ статей о Тэнѣ). Первымъ по времени самостоятельнымъ трудомъ, написаннымъ по архивнымъ источникамъ, является диссертація Н. И. Карѣева: «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.» (есть франц. переводъ). Особенное развитіе изученіе у насъ французской революція получило въ послѣднее время. Ей посвятилъ свой четырехтомный трудъ: «Происхожденіе современной демократіи» М. М. Ковалевскій. Одновременно И. В. Лучицкій предпринялъ большое изслѣдованіе по исторіи крестьянскаго землевладѣнія и распродажи національныхъ имуществъ во Франціи въ эпоху революціи, для чего совершилъ нѣсколько поѣздокъ во Францію, гдѣ занимался въ провинціальныхъ архивахъ; пока имъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ и брошюрахъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, обнародованы лишь нѣкоторые результаты его изысканій. Въ настоящее время въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» печатаются двѣ работы, основанныя на архивныхъ матеріалахъ: П. Н. Ардашева («Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка») и А. М. Ону («Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 г.»). Г. Хорошунъ только-что выпустилъ въ свѣтъ первый томъ большого изслѣдованія: «Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 г.». Къ этой же эпохѣ имѣютъ отношеніе труды Г. Е. Аѳанасьева («Министерская дѣятельность Тюрго», «Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.»), И. И. Иванова («Французскій театръ и философія XVIII в.»), Алексѣева («Этюды о Руссо»). Для *исторіи XIX в.* въ русской литературѣ сдѣлано сравнительно мало, если не считать изданія архивныхъ источниковъ (Ѳ. Ѳ. Мартенса и въ «Сборн. Русск. Ист. Общ.» подъ редакціей А. С. Трачевскаго и Н. К. Шильдера), а также сочиненій по дипломатической (С. М. Соловьева, В. К. Надлера, С. С. Татищева и др.) и военной исторіи, имѣющихъ бо́льшее или меньшее отношеніе къ исторіи Р. Общими трудами по исторіи XIX в. (кромѣ переводныхъ, которыхъ много) являются книги бывшаго профессора педагогическаго института Лоренца, учебникъ Григоровича и IV и V томы «Исторіи Зап. Европы въ новое время» Карѣева, да очень общій очеркъ Осокина: «Политическія движенія въ Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка». Изъ числа отдѣльныхъ работъ болѣе замѣчательны: В. Даневскій, «Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи»; Надлеръ, «Меттернихъ и европейская реакція»; А. Шаховъ, «Французская литература въ первые годы XIX в.» и «Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.»; И. Янжулъ, «Англійская свободная торговля»; М. Туганъ-Барановскій, «Промышленные кризисы въ современной Англіи»; С. Фортунатовъ, «Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ Штатахъ»; А. Градовскій, «Германская конституція»; А. Трачевскій, «Объединеніе Германіи»; А. Назимовъ, «Реакція въ Пруссіи»; Н. Молчановскій, «Цеховая система въ Пруссіи и реформа цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ»; Ю. Самаринъ, «Уничтоженіе крѣпостного права въ Пруссіи»; Н. Поповъ, «Исторія вольнаго города Кракова»; Первольфъ, «Славянское

Библиотека "Руниверс"

движеніе въ Австріи въ 1800—48 гг.»; П. Кулаковскій, «Иллиризмъ»; Б. Чичеринъ, «Исторія политическихъ ученій»; Щегловъ, «Исторія соціальныхъ ученій». Самостоятельныя занятія *польской исторіей* ведутъ свое начало съ 60-хъ годовъ. Въ виду той связи, которая существуетъ между исторіей русской и польскою, къ разработкѣ послѣдней особенно стремился пріохотить своихъ учениковъ въ Москвѣ С. М. Соловьевъ, который самъ написалъ «Исторію паденія Польши». Такъ возникли, между прочимъ, «Борьба за польскій престолъ въ 1733 г.» В. И. Герье и «Польское безкоролевье по смерти Ягеллоновъ» А. С. Трачевскаго. Къ числу историковъ, занимавшихся Польшею, нужно отнести и Д. И. Иловайскаго («Гродненскій сеймъ 1793 г.»). Тѣсная связь между русскою и польскою исторіей направила въ ту же область и Н. И. Костомарова («Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой»), а также М. Ѳ. де-Пуле («Ст.-Авг. Понятовскій и Литва въ 1794—95 гг.») и Ѳ. М. Уманца («Два года послѣ Ягеллоновъ»). Болѣе съ точки зрѣнія «всеобщихъ» историковъ занимались Польшею Н. Н. Любовичъ, авторъ названныхъ трудовъ по исторіи польской реформаціи, Н. И. Карѣевъ («Реформаціонное движеніе и католическая реакція въ Польшѣ», «Очеркъ польскаго сейма», «Польскія реформы XVIII в.», «Паденіе Польши въ исторической литературѣ»; три послѣднія соч. есть въ польск. перев.), П. Я. Жуковичъ («Гозій») и В. А. Мякотинъ («Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ»). Наибольшее количество русскихъ трудовъ по польск. исторіи посвящено, такимъ образомъ, новому времени; средневѣковая исторія Польши почти совсѣмъ не разрабатывалась у насъ (кромѣ работъ Линниченко, Филевича, Павлова, Тихомирова, Любавскаго и т. п., относящихся болѣе къ русской исторіи, какъ и «Люблинская унія» Кояловича). По исторіи польской литературы на русскомъ языкѣ имѣется трудъ В. Д. Спасовича. Особый отдѣлъ исторіографіи представляетъ собою *философія исторіи*. Интересъ къ этой отрасли знанія появился у насъ впервые въ эпоху усиленныхъ занятій философіей (особенно системой Гегеля) и спора между западниками и славянофилами въ исходѣ первой половины XIX в. Новую эпоху въ исторіи этого интереса представляютъ собою шестидесятые года, когда особенно сильное впечатлѣніе на русское общество оказала «Исторія цивилизаціи въ Англіи» Бокля. Съ семидесятыхъ годовъ историко-философскіе вопросы начинаютъ все болѣе и болѣе получать соціологическую постановку (см. ниже, Соціологія, гдѣ указана и соотвѣтствующая литература). Отмѣтимъ здѣсь только два наиболѣе важныхъ историко-философскихъ труда славянофильскаго лагеря: Хомяковъ, «Записки по всемірной исторіи» и Данилевскій, «Россія и Европа» (послѣдняя книга вызвала большую полемику). Диссертаціи на ученыя степени по философіи исторіи писались М. М. Стасюлевичемъ («Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи») и Н. И. Карѣевымъ («Основные вопросы философіи исторіи»). Историческая методологія разрабатывалась у насъ сравнительно мало (см. XIII, 508). Историографическая литература, посвященная всеобщей исторіи, представлена слѣдующими сочиненіями: Герье, «Очеркъ развитія исторической науки»; Петровъ, «Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи»; Виноградовъ, «Очерки западно-европейской исторіографіи» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за восьмидесятые годы); Тураевъ, «Очеркъ исторіи изученія финикійской древности» (въ «Истор. Обозрѣніи»), «Новѣйшіе успѣхи и современное состояніе египтологіи» (т. же); Покровскій, «Новыя явленія въ области разработки греческой исторіи» (тамъ же); Герье, «Вступленіе археологіи въ кругъ римской исторіографіи» (въ «Сборн. Моск. Ист. Общ.»); Васильевскій, «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи»; Бузескулъ, «Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ; Осокинъ, «Исторіографія среднихъ вѣковъ»; Вязигинъ, «Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ» (въ «Ист. Обозрѣніи»); Ламанскій, «Объ историческомъ изученіи грекославянскаго міра въ Европѣ»; Корелинъ, «Итальянскій гуманизмъ и его исторіографія»; Карѣевъ, «Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. въ исторической литературѣ», «Паденіе Польши въ историч. литературѣ», «Новѣйшія работы по исторіи французской революціи» (въ «Ист. Обозрѣніи»), а также небольшіе историографическіе очерки въ «Исторіи Зап. Евр.» и обзоръ историч. литературы въ «Программахъ чтенія для самообразованія»; Павинскій, «Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи» (въ «Ист. Обозрѣніи»); Пташицкій, «Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи XVIII в.» (ib.). Историографическіе обзоры можно найти и во многихъ спеціальныхъ трудахъ (напр., очеркъ исторіографіи феодализма—въ кн. Виноградова о лангоб. феодализмѣ, очеркъ разработки исторіи крестьянъ на Западѣ—въ соч. В. И. Семевскаго о русскихъ крестьянахъ при Екатеринѣ II и т. п.). Существуютъ, наконецъ, статьи объ отдѣльныхъ историкахъ (Бестужева-Рюмина объ Ешевскомъ, Бузескула о Зибелѣ и Ранке, Виноградова о Ранке, Фюстель де Куланжѣ, Грановскомъ, Герье о Тэнѣ, Мишле, Кудрявцевѣ, Соловьевѣ, Грановскаго о Нибурѣ. Карѣева о Грановскомъ и т. п.). Обширныхъ трудовъ, обнимающихъ исторію всего человѣчества, кромѣ переводныхъ, у насъ нѣтъ; университетскіе курсы издаются рѣдко (Петровъ, «Лекціи по всемірной исторіи»; Трачевскій, «Учебникъ исторіи»; С. М. Соловьевъ, «Курсъ новой исторіи»; Осокинъ, «Исторія среднихъ вѣковъ»; Бауеръ, «Лекціи по новой исторіи»; Карѣевъ, «Исторія Западной Европы въ новое время»). Имѣются собранія сочиненій Грановскаго, Кудрявцева, Ешевскаго, Куторги, Петрова и др. Лучшія школьныя руководства, обнимающія всю исторію, написаны Шульгинымъ (устарѣло) и проф. Виноградовымъ. Какъ пособія, важны христоматіи Стасюлевича (ср. вв.), Виноградова (ср. вв.), Гуревича (новая исторія). Переводная литература по всеобщей исторіи у насъ весьма

Библиотека "Руниверс"

обширна, и едва ли найдется какая-либо другая литература, которая обладала-бы такою массою переводовъ иностранныхъ историческихъ книгъ. *Н. Карѣевъ.*

23) Церковная исторія. Церковно-историческія знанія проникли въ среду русскихъ книжныхъ людей, преимущественно духовенства, вмѣстѣ съ самымъ христіанствомъ; источникомъ ихъ были агіографическіе сборники, творенія св. отцовъ и византійскія всемірно - историческія хроники, въ славянскихъ переводахъ, выборкахъ и обработкахъ. Весьма долго русскіе пользовались ими въ цѣляхъ богословско - полемическихъ. Такъ какъ девизъ православія—храненіе преданія, то при всякомъ возникавшемъ крупномъ разномысліи по вопросамъ догмата или канона каждая сторона стремилась доказать, что преданіе, то есть исторія церкви, на ея сторонѣ. Такъ было, напримѣръ, въ XV—XVI вѣкахъ, въ эпоху раздѣленія русской митрополіи, споровъ о монастырскихъ земляхъ и ересей стригольниковъ, жидовствующихъ и Ѳеодосія Косого; но особенно энергичный толчекъ полемикѣ данъ былъ брестской уніей и попытками протестантскихъ богослововъ войти въ общеніе съ восточной церковью, а затѣмъ исправленіемъ книгъ и расколомъ старообрядства. Замѣчательнѣйшіе труды русскихъ книжниковъ XV — XVII вв.: «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго, «Великія Минеи-Четіи» митр. Макарія, трактатъ Адама Зерникава о Св. Духѣ и соч. Христофора Филалета (Брянскаго) противъ уніи. Болѣе правильно и устойчиво церковно-историческія знанія стали культивироваться сперва въ западной Руси, въ школахъ православныхъ братствъ и особенно въ кіевской академіи; оттуда они перешли въ Москву, въ славяно-греко-латинскую академію. Въ полемическихъ сочиненіяхъ первой эпохи борьбы съ расколомъ обѣ стороны посвящаютъ много вниманія исторіи и археологіи церкви; такъ напр. въ «Поморскихъ отвѣтахъ» братьевъ Денисовыхъ содержатся цѣлые трактаты, выполненные мѣстами съ большимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ (напримѣръ «отвѣтъ» о двуперстіи и въ особенности блестящая критика подложнаго «дѣянія на еретика Мартина», выдвинутаго противъ раскольниковъ извѣстнымъ Питиримомъ нижегородскимъ). Въ XVIII вѣкѣ церковно - историческія знанія въ Россіи, сравнительно съ XVII в., пришли скорѣе въ упадокъ, чѣмъ поднялись, не смотря на умноженіе духовныхъ училищъ, а потомъ, постепенно, и академій. Выдающимся историкомъ конца XVIII и начала XIX вѣка можетъ быть названъ только митр. Платонъ. Вслѣдъ за нимъ явился весьма виднымъ дѣятелемъ не только церковной, но и вообще русской исторіи и археологіи кіевскій митр. Евгеній (Болховитиновъ), трудами котораго, главнымъ образомъ по собиранію, описанію и систематизаціи всякаго рода памятниковъ старины, руководила непосредственно любовь къ такому изученію помимо богословскихъ цѣлей. Религіозное оживленіе, охватившее всю Европу послѣ 1815 г., создало на Западѣ историческую богословскую школу, въ которой церковная исторія пріобрѣла, наконецъ, полную самостоятельность особой научной дисциплины. Въ русской церковно-исторической наукѣ этотъ благопріятный поворотъ долго не могъ сказаться съ полной силой и ясностью: въ дѣятеляхъ чисто научнаго духа недостатка не было, но господствовавшій режимъ стремился удержать ихъ въ старой, вѣроисповѣдно - полемической, колеѣ, и заставить служить цѣлямъ оффиціальной народности и оффиціальнаго православія. Вслѣдствіе этого наука далеко не получила всего, чего могла ожидать, напр., отъ прот. Павскаго (перваго русскаго богослова-гебраиста), проф. Гилярова (талантливаго расколовѣда, *одну сторону* воззрѣній котораго потомъ непомѣрно развилъ Щаповъ) и др.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II внѣшнія условія стали гораздо благопріятнѣе, особенно послѣ изданія устава духовныхъ академій 1874 г. Русская церковно-историческая наука остается православною, но дѣятели ея начинаютъ чаще и живѣе отзываться на теченія западной науки, и стремятся усвоить общеисторическій методъ, сблизиться съ русскими свѣтскими историками. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ дѣло еще не доведено до желаннаго положенія; между прочимъ, этому содѣйствовалъ и личный характеръ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей русской церковно-исторической науки—ихъ крайняя скромность и замкнутость, ихъ крайне недовѣрчивое отношеніе къ результатамъ собственныхъ изслѣдованій и къ собственнымъ взглядамъ и теоріямъ. Всѣ знавшіе, напр., проф. прот. Горскаго говорятъ, что по его печатнымъ трудамъ нельзя и понятія себѣ составить объ обиліи его знаній и глубинѣ его историческаго пониманія; тоже надо сказать и о нѣкоторыхъ другихъ профессорахъ, напримѣръ Ловягинѣ и Чельцовѣ. Въ духовныхъ академіяхъ имѣются по церковной исторіи нѣсколько спеціальныхъ каѳедръ (исторія вселенской церкви, русской церкви, западныхъ исповѣданій, славянскихъ церквей, русскаго раскола); духовная цензура во многихъ областяхъ чисто историческаго характера не ставитъ препятствій критическому изслѣдованію и изложенію фактовъ, требуя лишь православнаго *отношенія* къ нимъ (при Александрѣ II ставились внѣшнія преграды лишь лицамъ, считавшимся крайними отрицателями, напр. Ф. Терновскому). Преобладающія направленія русской церковно-исторической науки за время съ 1855 по 1899 г.—съ одной стороны старое, вѣроисповѣдно - полемическое, съ другой стороны новое, историко-критическое. Отличительная черта этого періода —появленіе ряда самостоятельныхъ русскихъ работъ по исторіи церкви вселенской, византійской и даже западной, тогда какъ ранѣе русскіе являлись съ самостоятельными работами почти исключительно по исторіи русской церкви. Историко-критическое направленіе не дозволяетъ, пока, широкихъ историко-философскихъ концепцій; отсюда другая преобладающая черта — монографичность и *бѣдность выходящихъ за предѣлы монографіи обобщеній.* Обязанности духовнаго пастырства от-

Библиотека "Руниверс"

влекаютъ отъ научной работы много молодыхъ силъ; можно назвать рядъ изслѣдователей, замолкнувшихъ совсѣмъ или почти совсѣмъ послѣ магистерской диссертаціи. Изъ научныхъ дѣятелей выдаются по палеографіи, библіологіи, археологіи—проф. прот. Горскій, архим. Леонидъ, Амфилохій, Порфирій (Успенскій), проф. Н. Покровскій, Красносельцевъ († 1898), Дмитріевскій; по всеобщей церковной исторіи — проф. И. Е. Троицкій («Арсеній и арсениты»—замѣчательный взглядъ на взаимоотношенія бѣлаго и чернаго духовенства въ западной и восточной церкви и на вліяніе этихъ отношеній на судьбы обѣихъ церквей), проф. А. Вороновъ («Кириллъ и Меѳодій»), прот. А. И. Иванцовъ - Платоновъ («Ереси и расколы III первыхъ вѣковъ христіанства»), проф. В. В. Болотовъ, одинъ изъ первыхъ знатоковъ церковной исторіи не только въ Россіи, но и въ Европѣ («Ученіе Оригена о Св. Тройцѣ» и множество важныхъ журнальныхъ статей, особенно по исторіи Востока), проф. Курановъ, Голубевъ, Лебедевъ *); по церковной литературѣ: — архіеп. Филаретъ Гумилевскій («Историческое ученіе объ отцахъ церкви»), архим. Сергій («Полный мѣсяцесловъ Востока»—цѣнный сводъ свѣдѣній изъ житій святыхъ восточной церкви), проф. Н. Н. Глубоковскій («Блаженный Ѳеодоритъ, епископъ киррскій), А. Спасскій («Аполлинарій Лаодикійскій»); по исторіи русской церкви—архіеп. Филаретъ Гумилевскій («Исторія русской церкви»), митроп. Макарій («Исаорія русской церкви»), проф. Е. Е. Голубинскій («Исторія русской церкви въ домонгольскій періодъ» и рядъ статей въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ», составляющихъ ея продолженіе), прот. П. Николаевскій («Учрежденіе патріаршества въ Р.»), П. Знаменскій, свящ. Морошкинъ («Іезуиты въ Р.», «Возсоединеніе уніи»), проф. Кояловичъ («Исторія возсоединенія зап.-русскихъ уніатовъ»), Ю. Ѳ. Самаринъ («Ѳеофанъ Прокоповичъ»). Постоянными органами церковной науки служатъ журналы духовныхъ академій: «Христіанское Чтеніе» (СПб.), «Богословскій Вѣстникъ» (Москва), «Труды Кіевской Духовной Акад.» (Кіевъ), «Православный Собесѣдникъ» (Казань). Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ издаются при моск., петербургской и кіевской дух. академіяхъ; изъ изданій казанской акд. особенно важенъ переводъ дѣяній вселенскихъ соборовъ. Другіе періодическіе органы, гдѣ являлись и являются цѣнныя статьи: «Вѣра и Разумъ», «Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія», «Чтенія въ обществѣ любителей древней письменн.», «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ», «Странникъ», «Душеполезное Чтеніе», «Православное Обозрѣніе», «Русскій Вѣстникъ», «Рус. Обозрѣніе», «Византійскій Временникъ». Славянофилы—Хомяковъ и Кирѣевскій—дали первую русскую философію церкви и ея исторіи. Теорія церкви Хомякова нашла въ церковной православной средѣ и поклонниковъ, и противниковъ; отношеніе къ ней церкви и факультетской науки доселѣ не установилось, но она во всякомъ случаѣ остается глубоко интереснымъ и знаменательнымъ явленіемъ. Наслѣдниками взгляда Хомякова на сущность исповѣданій явились у насъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Я. Данилевскій, Н. Н. Страховъ и др.; изъ присяжныхъ дѣятелей церковной науки во многомъ былъ солидаренъ съ нею прот. профессоръ А. И. Иванцовъ-Платоновъ; славянофильская же теорія дала толчокъ къ теоріямъ церкви и ея исторіи К. Н. Леонтьева и Владиміра Соловьева («La Russie et l'église universelle»). *Б. Меліоранскій.*

24) Востоковѣдѣніе. Въ Р., уже вслѣдствіе ея географическаго положенія, всегда были отдѣльные люди, изучавшіе для торговыхъ или дипломатическихъ цѣлей тотъ или другой восточный языкъ. Изъ средневѣковыхъ русскихъ путешественниковъ на Востокъ замѣчателенъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ (XV в.), оставившій цѣнное описаніе Индіи. Преподаваніе восточныхъ языковъ и научныя изысканія въ области востоковѣдѣнія начались у насъ съ того времени, когда вообще появились первыя правильно устроенныя школы и первые научные дѣятели. Уже Петръ Великіе принялъ мѣры къ открытію школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ (изъ нихъ первой была японская школа, открытая въ Петербургѣ въ 1705 г.); съ тою же цѣлью были отправлены молодые люди въ Персію, Турцію, Монголію и Китай. По кяхтинскому договору 1727 г. была учреждена постоянная русская миссія въ Пекинѣ, при которой должны были жить «трое священниковъ и шесть учениковъ, для узнанія китайскаго языка». Изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ разное время состоявшихъ при миссіи, вышелъ цѣлый рядъ выдающихся синологовъ (см. Пекинская духовная миссія). Съ 1852 по 1866 г. вышли четыре тома «Трудовъ членовъ Рос. Дух. Миссіи въ Пекинѣ», заключающіе въ себѣ много интересныхъ статей по исторіи Китая. Научный интересъ къ Востоку, именно къ восточной нумизматикѣ и археологіи, также былъ проявленъ еще Петромъ Великимъ. Въ 1722 г. Петръ осмотрѣлъ развалины Болгаръ на Волгѣ, принялъ мѣры къ ихъ охраненію и велѣлъ снять и перевести 50 арабскихъ, татарскихъ и армянскихъ надписей (въ печати этотъ переводъ появился только въ 1771 г., въ «Дневныхъ запискахъ путешествія по разнымъ провинціямъ Росс. Госуд.» И. И. Лепехина). Для изслѣдованія сибирскихъ древностей въ 1720 г. былъ посланъ натуралистъ Д. Г. Мессершмидтъ, вернувшійся въ Петербургъ только въ 1727 г. (первая русская научная командировка въ Азію; дневникъ Мессершмидта, на нѣмецкомъ языкѣ, остался въ рукописи; извлеченія изъ него, въ русскомъ переводѣ, помѣщены въ «Сибирскихъ древностяхъ» В. В. Радлова, т. I вып. 1, СПб., 1888). Въ Тобольскѣ Мессершмидтъ получилъ отъ шведскихъ плѣнныхъ рукопись «Исторіи тюрковъ» хивинскаго хана Абулгази, благодаря чему этотъ важный источникъ для исторіи Средней Азіи сталъ впервые

*) Собраніе сочиненій А. И. Лебедева, выходящее теперь въ свѣтъ, даетъ полную исторію церкви до раздѣленія и византійско-восточной церкви до нашихъ дней.

Библиотека "Руниверс"

извѣстенъ ученой публикѣ. Были приняты мѣры къ сохраненію восточныхъ книгъ и рукописей, добытыхъ во время персидскаго похода (1722—23). Въ академіи наукъ нашли себѣ мѣсто и вост. языки, для преподаванія которыхъ были приглашены Г. З. Байеръ († 1738) и Г. Я. Керъ († 1740). Изъ трудовъ Байера къ востоковѣдѣнію относятся «Elementa litteraturae Brahmanicae Tangutanae Mungalicae» («Commentarii Acad. Scient. Imper. Petrop.», т. III, СПб., 1732; т. IV, ibid., 1735). Керъ съ 1735 г. занимался разборомъ хранившихся въ кунсткамерѣ восточныхъ монетъ; труды его остались въ рукописи, но ими, повидимому, воспользовался составитель описанія коллекцій академіи, вышедшаго въ 1745 г.; въ этой книгѣ есть и списокъ восточныхъ монетъ, подъ загл.: «Numi chinenses, indici, ebraei, tatarici, persici, arabici, turcici». Интересный проектъ «Азіатской Академіи», представленный Керомъ въ 1733 г., не получилъ осуществленія. Тѣми же двумя теченіями, какъ при Петрѣ Вел. и его преемникахъ, опредѣляется и дальнѣйшій ходъ развитія востоковѣдѣнія въ Р. По мѣрѣ расширенія русскихъ владѣній въ Азіи развивались дипломатическія и торговыя потребности, требовавшія открытія новыхъ практическихъ школъ восточныхъ языковъ или расширенія программы прежнихъ. Въ то же время успѣхи европейской науки въ Р. обыкновенно сопровождались успѣхами востоковѣдѣнія; среди европейскихъ ученыхъ, приглашаемыхъ въ Р., какъ и среди воспитанниковъ русскихъ учебныхъ заведеній, отправляемыхъ за границу для усовершенствованія своихъ познаній, обыкновенно бывали и оріенталисты. Строгое разграниченіе этихъ двухъ направленій не всегда возможно; съ одной стороны, представители науки до послѣдняго времени нерѣдко подчиняли свое преподаваніе практическимъ цѣлямъ; съ другой стороны, преподаватели и воспитанники школъ, преслѣдующихъ практическія цѣли, нерѣдко становились въ ряды научныхъ дѣятелей и иногда достигали европейской извѣстности. Вліяніе европейской науки сказывается особенно сильно въ тѣхъ отрасляхъ востоковѣдѣнія, которыя преимущественно изучались въ Западной Европѣ (семитическіе языки), тогда какъ самостоятельность русской школы болѣе всего проявляется при изученіи языковъ и быта странъ, доступныхъ русскимъ ученымъ въ бо́льшей степени, чѣмъ другимъ (Китай и Средняя Азія). Практическое изученіе восточныхъ языковъ получило особенное развитіе въ царствованіе Екатерины II. Въ 1769 г. былъ открытъ классъ татарскаго языка при казанской гимназіи; преподавателю Санту Хальфину принадлежитъ «Азбука татарскаго языка», изданная въ Москвѣ въ 1778 г. (первое на русскомъ яз. пособіе для изученія восточнаго яз.). По указу 1782 г. въ народныхъ училищахъ Колыванской области и Иркутской губ. долженъ былъ быть введенъ китайскій языкъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, которыя «лежатъ къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской» — арабскій. Въ 1789 г. въ Омскѣ была учреждена «азіатская школа», для приготовленія переводчиковъ по татарскому, монгольскому и маньчжурскому языкамъ. Послѣ увеличенія числа гимназій въ XIX в. въ тѣхъ изъ нихъ, которыя были расположены въ губерніяхъ съ инородческимъ населеніемъ, было введено преподаваніе мѣстныхъ восточныхъ языковъ, впослѣдствіи вытѣсненныхъ классической реформой. Болѣе широкую программу имѣли восточные классы въ казанской гимназіи, гдѣ преподавались языки татарскій, арабскій, персидскій, монгольскій, китайскій, армянскій и маньчжурскій. По уставу 1836 г., восточные классы были раздѣлены на 3 разряда: арабско-персидскій, турецко-татарско-персидскій, монголо-турецко-татарскій; ученики, занимавшіеся восточными языками, освобождались отъ языковъ греческаго, славянскаго и нѣмецкаго, высшей математики, черченія и рисованія. Преподаваніе восточныхъ языковъ, за исключеніемъ татарскаго, было прекращено въ гимназіи въ 1857 г. Въ настоящее время, за исключеніемъ училищъ духовнаго вѣдомства, восточные языки преподаются только въ очень немногихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (ташкентское реальное училище, ташкентская учительская семинарія). О высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для изученія восточныхъ языковъ—см. выше, Учебное дѣло, стр. 396. Среди практическихъ соображеній, которыми опредѣлялось преподаваніе восточныхъ языковъ въ Р., видное мѣсто занимаютъ духовныя потребности инородцевъ и забота о распространеніи среди нихъ христіанства. Во многихъ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ преподавались (отчасти и теперь еще преподаются) мѣстные восточные языки (особенно татарскій); казанская духовная академія сдѣлалась однимъ изъ главныхъ разсадниковъ востоковѣдѣнія. Въ 1845 г. каѳедры восточныхъ языковъ при академіи были раздѣлены на два разряда, монголо-калмыцкій и турецко-татарскій; уставомъ 1884 г. подтверждено дѣленіе на отдѣлы татарскій и монгольскій. Православное палестинское общество своими изданіями оказываетъ важную услугу востоковѣдѣнію. Для успѣховъ востоковѣдѣнія, какъ науки, въ XVIII в. было сдѣлано очень мало. Двѣ большихъ «академическихъ экспедиціи» въ Азію имѣли цѣлью производство естественно-историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій и принесли только косвенную пользу востоковѣдѣнію. Результатомъ первой экспедиціи были сочиненія Г. Ф. Миллера («Описаніе Сибирскаго Царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ», СПб., 1750) и І. Е. Фишера («Сибирская исторія», СПб., 1774); результатомъ второй—«Собраніе историческихъ извѣстій о монгольскихъ народностяхъ», П. С. Палласа (на нѣмецкомъ языкѣ, СПб., 1776—1802), который пользовался содѣйствіемъ знавшаго монгольскій языкъ Іериха. Г. Ф. Миллеру принадлежитъ также лингвистическій трудъ: «Описаніе живущихъ въ Казанской губ. языческихъ народовъ, яко то черемисъ, чувашъ и вотяковъ, съ прилож. многочисл. словъ на семи языкахъ, какъ то: на казанско-татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ, пермскомъ и зырянскомъ», написанный въ 1743 г. и изданный въ 1791 г. Связь

Библиотека "Руниверс"

академіи съ востоковѣдѣніемъ поддерживалась только благодаря богатымъ собраніямъ рукописей и монетъ, изъ которыхъ въ 1818 г. былъ образованъ азіатскій музей. Представленный Уваровымъ въ 1810 г. проектъ азіатской академіи не былъ утвержденъ, но въ 1801 г. въ число академиковъ былъ принятъ оріенталистъ Х. Д. Френъ, а по штатамъ 1830 г. восточные языки окончательно получили право гражданства въ академіи. Въ университетскомъ преподаваніи восточные языки получили мѣсто по уставу 1804 г.; въ университетахъ московскомъ, казанскомъ и харьковскомъ были учреждены каѳедры восточныхъ языковъ (арабскаго и персидскаго). Въ московскомъ унив. эту каѳедру занялъ А. В. Болдыревъ (1811—37, † 1843), первый въ Р. арабистъ, авторъ первой арабской грамматики на русскомъ языкѣ и первыхъ хрестоматій арабской и персидской. Болдыревъ, подобно всѣмъ оріенталистамъ того времени, былъ ученикомъ Сильвестра де-Саси. Болѣе обширную программу получило преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казани, гдѣ каѳедра ихъ въ 1807 г. была занята знаменитымъ Х. Д. Френомъ. Въ 1828 г. была учреждена каѳедра турецко-татарскаго языка и замѣщена А. К. Казембекомъ, который, наряду съ Сенковскимъ, считается однимъ изъ главныхъ основателей школы русскихъ оріенталистовъ. Уставомъ 1835 г. восточное отдѣленіе въ казанскомъ унив. было раздѣлено на 3 разряда: арабско-персидскій, арабско-турецкій и монголо-санскритскій; впослѣдствіи къ нимъ прибавились еще китайскій и армянскій. Были открыты каѳедры языковъ монгольскаго (1833), китайскаго (1837), армянскаго (1839), санскритскаго (1842) и маньчжурскаго (1844). Въ петербургскомъ унив. восточные языки преподавались уже со времени его основанія. Уже въ педагогическій институтъ въ 1817 г. были приглашены Деманжъ и Шармуа, ученики Сильвестра-де-Саси; послѣ преобразованія института въ университетъ Шармуа до 1822 г. и вторично въ 1831—35 гг. преподавалъ персидскій языкъ, при чемъ его адъюнктомъ былъ персъ Мирза Джафаръ Топчибашевъ; они превосходно дополняли другъ друга и поставили преподаваніе на должную высоту. Деманжа замѣнилъ О. И. Сенковскій (1822—47), лекціи котораго оставили гораздо болѣе прочные и благотворные слѣды, чѣмъ его публицистическая дѣятельность. Сенковскій изучилъ арабскій и турецкій языки самоучкой и впослѣдствіи усовершенствовалъ свои познанія посредствомъ путешествія на Востокъ; своими лекціями онъ умѣлъ заинтересовать слушателей и положить начало цѣлой школѣ оріенталистовъ, хотя среди послѣднихъ не было ни одного выдающагося арабиста. По уставу 1835 г., были учреждены каѳедры монгольскаго и турецкаго языковъ; изъ нихъ была замѣщена только вторая. Въ 1854 г. факультетъ восточныхъ языковъ и его научныя коллекціи были переведены изъ Казани въ Петербургъ (см. Восточный факультетъ). Факультетъ, кромѣ научныхъ задачъ, отчасти преслѣдуетъ и практическія, хотя и не въ той степени, какъ прежде казанскій, первымъ профессорамъ котораго было предписано «ограничиться преподаваніемъ языковъ арабскаго и персидскаго въ томъ единственно отношеніи, въ какомъ они могутъ быть полезны Россіи по ея торговымъ и промышленнымъ сношеніямъ». Во время пересмотра устава 1863 г. профессора В. В. Григорьевъ и К. А. Коссовичъ подали записку о преобразованіи факультета, съ переименованіемъ его въ восточный, т. е. «передающій всѣ знанія относительно Востока, добываемыя наукой, а не только языки его». Осуществленіе этой программы (предполагалось, между прочимъ, ввести изученіе ассиріологіи и египтологіи) подняло-бы научное значеніе факультета и отодвинуло-бы на задній планъ его практическія задачи. Изъ историческихъ курсовъ теперь на факультетѣ читается только исторія Средней Азіи; съ 1868 по 1873 г. читалась исторія арійскихъ народовъ (Г. В. Мельгуновъ), съ 1880 по 1889 г. —исторія Персіи (арменистъ К. П. Паткановъ); В. П. Васильевъ, С. М. Георгіевскій и Д. М. Позднѣевъ въ разное время читали исторію Китая. Курсы исторіи литературы (арабской, персидской, османской, китайской, еврейской, армянской и грузинской) читаются представителями лингвистическихъ каѳедръ. Лекціи по восточной нумизматикѣ, читавшіяся проф. И. Н. Березинымъ († 1896), возобновлены въ 1897 г., въ качествѣ необязательнаго курса. Съ цѣлью поднять научный характеръ преподаванія востоковѣдѣнія бар. В. Р. Розенъ неоднократно указывалъ на необходимость учредить въ другихъ университетахъ каѳедры восточныхъ языковъ при историко-филологическомъ факультетѣ (въ качествѣ необязательнаго предмета), но въ настоящее время только въ Казани существуетъ каѳедра турецко-татарскихъ языковъ, занятая Н. Ѳ. Катановымъ, который читаетъ также арабскій и персидскій языки. Значительное вліяніе на развитіе востоковѣдѣнія въ Р. оказали археологическія общества, особенно Имп. русск. археол. общество; одно отдѣленіе его (восточное) спеціально занимается изученіемъ восточныхъ древностей. Въ «Трудахъ» вост. отд. (съ 1855 г.) напечатанъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій не только по археологіи, но и вообще по востоковѣдѣнію. «Зап. Вост. Отд. Арх. Общ.», основанныя въ 1886 г. бар. В. Р. Розеномъ, служатъ теперь главнымъ органомъ востоковѣдѣнія въ Р. Среди изданій Имп. арх. коммиссіи также есть цѣнные труды по археологіи и исторіи Востока. При имп. московскомъ арх. общ. существуетъ восточная коммиссія, издающая съ 1889 г. свои труды, подъ заглавіемъ: «Восточныя Древности». Изъ провинціальныхъ изданій статьи оріенталистовъ появляются въ «Изв. Общ. Арх., Исторіи и Этногр. при Казанскомъ Унив.» и въ «Ученыхъ Запискахъ» этого университета. Съ 1895 г. въ Ташкентѣ существуетъ «Туркестанскій кружокъ любителей археологіи», печатающій свои «Протоколы». Цѣнныя для оріенталиста свѣдѣнія, особенно по мѣстному фольклору, мы находимъ также въ изданіяхъ статистич. комитетовъ азіатскихъ областей и особенно въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и пле-

Библиотека "Руниверс"

менъ Кавказа» (издается управленіемъ кавк. учебн. округа съ 1881 г.). Работы Имп. русскаго географическаго общества и его отдѣловъ часто касались Востока; обществомъ изданы нѣкоторые труды оріенталистовъ по этнографіи (напр. труды проф. А. М. Позднѣева) и даже нѣкоторые восточные тексты (напр. тарапчинскія пѣсни, собранныя Н. Н. Пантусовымъ, СПб., 1890). Перечень важнѣйшихъ русскихъ трудовъ по различнымъ отраслямъ востоковѣдѣнія. *Арабская словесность.* Лучшая арабская грамматика на русскомъ языкѣ—«Опытъ грамматики арабскаго языка» (СПб., 1867), М. Т. Навроцкаго; лучшая хрестоматія—«Арабская хрестоматія», В. Ѳ. Гиргаса и бар. В. Р. Розена (СПб., 1875 — 76). Предметъ спеціальныхъ изысканій русскихъ семитологовъ составляли арабскія извѣстія о русскихъ, славянахъ и народахъ, населявшихъ Россію: Frähn, «Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit» (СПб., 1823); Д. А. Хвольсонъ, «Ибнъ-Даста, извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ» (СПб., 1869); А. Я. Гаркави, «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ» (СПб., 1870; «Дополненія къ нимъ», СПб., 1871); А. А. Куникъ и бар. В. Р. Розенъ, «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ» (СПб., 1878). Бар. В. Г. Тизенгаузенъ собралъ арабскія извѣстія о Золотой ордѣ («Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды», т. I, СПб., 1884). Въ настоящее время А. А. Васильевъ въ «Визант. Временникѣ» разбираетъ арабскіе источники по византійской исторіи; той же темѣ посвящены докторская диссертація бар. В. Р. Розена («Императоръ Василій Болгаробойца», СПб., 1883) и его статья: «Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена» («Зап. Восточ. Отд.», т. I). *Армянская словесность.* Наиболѣе извѣстные русскіе армянисты—Н. О. Эминъ († 1890), авторъ грамматики (Москва, 1846) и хрестоматіи (Москва, 1849) древне-армянскаго языка и переводчикъ важнѣйшихъ армянскихъ историковъ; К. П. Паткановъ († 1889), хотѣвшій своими трудами «наглядно доказать полезность армянскихъ источниковъ въ дѣлѣ изученія исторіи и литературъ другихъ народовъ». Его ученикъ Н. Я. Марръ старается придать арменовѣдѣнію характеръ самостоятельной науки. *Буддизмъ.* Въ этой области дали цѣнные труды русскіе санскритисты: И. П. Минаевъ («Буддизмъ», СПб., 1887) и С. Ѳ. Ольденбургъ («Буддійскія легенды», СПб., 1894), синологъ В. П. Васильевъ («Буддизмъ», СПб., 1857 — 69) и монголистъ А. М. Позднѣевъ («Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи», СПб., 1887). *Восточная нумизматика.* Основателемъ школы русскихъ нумизматовъ былъ академикъ Х. Д. Френъ, описавшій богатую коллекцію азіатскаго музея («Recensio numorum Muhamedanorum acad. imp. scient. Petrop.», СПб., 1826) и спеціально занимавшійся изслѣдованіемъ золотоордынскихъ монетъ. Въ той же области работали его ученикъ П. С. Савельевъ († 1860) и проф. В. В. Григорьевъ († 1881). Болѣе новые труды: бар. Б. Г. Тизенгаузенъ, «Монеты восточнаго халифата» (СПб., 1873); А. К. Марковъ, «Инвентарный каталогъ мусульманскихъ монетъ Имп. Эрмитажа», СПб., 1896). Можно еще указать на нумизматическія статьи академика Б. А. Дорна († 1881). *Грузинская словесность.* Преподаваніе грузинскаго языка было поставлено на прочную почву Д. І. Чубиновымъ († 1891), авторомъ грамматики, хрестоматіи и словаря. Какъ наука, грузинологія была создана академикомъ М. И. Броссе († 1880), нашедшимъ въ азіатскомъ музеѣ и другихъ петербургскихъ собраніяхъ богатый матеріалъ для своихъ изслѣдованій. *Египтологія.* Первымъ египтологомъ въ Россіи былъ И. А. Гульяновъ († 1841), противникъ нынѣ господствующей школы Масперо. Изъ современныхъ русскихъ египтологовъ извѣстностью пользуются В. С. Голенищевъ, владѣющій богатымъ собраніемъ египетскихъ древностей, и Б. А. Тураевъ (магистерская диссертація—«Богъ Тотъ», Лейпцигъ, 1898); послѣдній читаетъ лекціи по египтологіи въ спб. унив. Коптской литературой занимаются О. Э. Леммъ (пишущій на нѣмецкомъ языкѣ), а для богословскихъ цѣлей—В. В. Болотовъ, А. В. Розовъ, архим. Палладій (не синологъ). Не смотря на близость мусульманскаго востока къ Россіи, нѣтъ ни одного русскаго труда по исторіи *ислама* или его догматамъ, который представлялъ-бы шагъ впередъ въ наукѣ, за исключеніемъ трудовъ по ученію бабидовъ (А. К. Казембекъ, бар. В. Р. Розенъ, А. Г. Туманскій). *Исторія Востока.* Русскіе синологи (о. Іакинѳъ Бичуринъ, В. П. Васильевъ, о. Палладій Кафаровъ, П. С. Поповъ) принимали участіе въ переводѣ и разработкѣ китайскихъ источниковъ по исторіи Средней Азіи). І. Бичурину принадлежитъ также «Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ» (СПб., 1834). По исторіи Китая существуетъ только магистерская диссертація С. М. Георгіевскаго, «Первый періодъ китайской исторіи» (СПб., 1885); по отзыву компетентнаго рецензента, здѣсь «древняя китайская исторія изложена съ бо́льшею полнотой содержанія, нежели во всѣхъ другихъ написанныхъ на европейскихъ языкахъ исторіяхъ Китая». Многочисленныя статьи В. В. Григорьева по исторіи восточной Европы и Средней Азіи бо́льшею частью не отличаются строгой научностью. Большими достоинствами отличаются статьи П. И. Лерха («Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край», СПб., 1870; статьи въ «Энциклоп. Слов.» И. Н. Березина; «Khiva oder Kharezm», СПб., 1873) и въ особенности классическій трудъ В. В. Вельяминова-Зернова: «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» («Труды Вост. Отд.», ч. IX—XI). Н. И. Веселовскій издалъ нѣкоторые важные историческіе источники («Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэван-Рабтану капитана отъ артиллеріи И. Унковскаго», въ «Зап. Имп. Рус. Общ. по отд. Этногр.», т. IX; «Памятники дипломат. и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей», въ «Трудахъ Вост. Отд.», ч. XX—XXII). И. Н. Березинъ издалъ и перевелъ, съ подробными примѣчаніями, часть одного изъ важнѣйшихъ персид-

Библиотека "Руниверс"

скихъ историческихъ сочиненій — «Сборника Лѣтописей» Рашид-ад-дина («Труд. Вост. Отд.», ч. V, VII, XIII, XV). Докторская диссертація Березина: «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» (СПб., 1863). Лучшая монографія по исторіи Средней Азіи принадлежитъ В. А. Жуковскому («Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва», СПб., 1894). Исторія Грузіи разработана академикомъ М. И. Броссе, на французскомъ языкѣ. *Кавказскія нарѣчія* (кромѣ армянскаго и грузинскаго) составляли предметъ спеціальныхъ изысканій академика А. А. Шифнера († 1879) и бар. П. К. Услара († 1875). *Китайская словесность.* Труды русск. синологовъ (о. І. Бичурина, В. П. Васильева, Д. А. Пещурова и др.; ср. также «Китайско-русскій словарь» арх. Палладія и П. С. Попова, СПб., 1889) преимущественно имѣли цѣлью потребности преподаванія или изслѣдованія, по китайскимъ источникамъ, исторіи Средней Азіи. Труды французскихъ синологовъ (Абель-Ремюза и Потье) имѣли вліяніе на преподаваніе китайскаго языка и исторіи въ Р., но синологовъ, дополнившихъ свое научное образованіе въ зап.-европ. университетахъ, у насъ до сихъ поръ не было, что не могло не отразиться на успѣхахъ науки. *Маньчжурская словесность*: грамматики и словари В. П. Васильева и И. И. Захарова († 1884) и хрестоматія А. О. Ивановской. *Монгольская словесность.* Выдающимся знатокомъ и горячимъ любителемъ монгольской словесности въ началѣ нашего вѣка былъ А. В. Игумновъ († 1834); его ученикъ О. М. Ковалевскій († 1878), первый въ Р. профессоръ монгольскаго языка, составилъ монументальный «Монголо-русско-французскій словарь» (Казань, 1844—49). Труды Ковалевскаго вытѣснили труды перваго научнаго изслѣдователя монгольскаго языка, академика Я. И. Шмидта († 1847), автора первой монгольской грамматики («Grammatik der mongolischen Sprache», СПб., 1831), издателя поэмы Гэсэръ-ханъ и историческаго сочиненія Сананъ-сэцэна. Со Шмидтомъ полемизировалъ Дорджи Банзаровъ († 1855), бурятъ по происхожденію, авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ статей. Лучшая «грамматика монголо-калмыцкаго языка» принадлежитъ А. А. Бобровникову († 1865), преподавателю казанской духовной академіи. А. В. Поповъ († 1865) издалъ монгольскую христоматію (Казань, 1836) и калмыцкую грамматику (Казань, 1847). Изъ изданій проф. К. Ѳ. Голстунскаго († 1899) наибольшее значеніе имѣютъ «Монголо-ойратскіе законы 1640 г.» (СПб., 1880). Проф. А. М. Позднѣеву спб. университетъ обязанъ пріобрѣтеніемъ богатаго собранія монгольскихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій. *Персидская словесность.* Академикъ Б. А. Дорнъ писалъ (на нѣмецкомъ яз.) о нарѣчіяхъ и исторіи прикаспійскихъ областей. К. Г. Залеманъ и В. А. Жуковскій обработали персидскую грамматику для «Porta linguarum orientalium» («Persische Grammatik», Б., 1889); въ 1890 г. она издана и на русск. языкѣ. Докторская диссертація В. А. Жуковскаго: «Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій» (СПб., 1888) обратила на себя вниманіе европейскихъ иранистовъ. *Санскритская словесность.* Еще въ XVIII в. Г. С. Лебедевъ (по профессіи музыкантъ) двѣнадцать лѣтъ (1785—97) провелъ въ Индіи, выучился санскритскому языку и индійскимъ нарѣчіямъ, въ 1801 г. издалъ на англійскомъ языкѣ грамматику этихъ нарѣчій, послѣ возвращенія въ Россію завелъ въ Петербургѣ типографію съ индійскими шрифтами и въ 1805 г. издалъ «Безпристрастное созерцаніе системъ Восточной Индіи Брамгеновъ». Первымъ профессоромъ санскритскаго языка былъ П. Я. Петровъ († 1875), въ Казани и Москвѣ. Изъ крупныхъ трудовъ по санскритской филологіи на русскомъ языкѣ можно привести только докторскую диссертацію И. П. Минаева († 1890): «Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пали» (СПб., 1872), переведенную на французскій и англійскій языки. Академикомъ О. Бетлингомъ изданъ наиболѣе полный словарь санскритскаго языка (СПб., 1853—75; въ меньшемъ объемѣ, СПб., 1879—89), а также драма Калидасы «Урваси» (1846). *Семитологія* (кромѣ арабскаго языка). При преподаваніи еврейскаго яз. до сихъ поръ употребляется хрестоматія, составленная санскритистомъ К. А. Коссовичемъ (СПб., 1875). Наиболѣе крупные научные труды: «Сборникъ еврейскихъ надписей», Д. А. Хвольсона (СПб., 1884), и магистерская диссертація П. Н. Коковцева: «Къ исторіи средневѣковой еврейской филологіи. I. Книга сравненія еврейскаго яз. съ арабскимъ Абу Ибрагима (Исаака) Ибнъ Баруна» (СПб., 1893). Единственнымъ ассиріологомъ въ Р. является М. В. Никольскій, редакторъ «Восточныхъ древностей» и авторъ классическаго труда: «Клинообразныя надписи Закавказья» (Москва, 1896). Благодаря ему въ Москвѣ имѣется единственный въ Р. клинообразный шрифтъ. *Турецко-татарская словесность.* «Грамматика турецко-татарскаго языка», Казембека (Казань, 1849), въ настоящее время устарѣла, но еще не замѣнена другой ни у насъ, ни въ Западной Европѣ. Трудъ академика О. Бетлинга (санскритиста): «Ueber die Sprache der Jakuten» (СПб., 1851) считается образцомъ лингвистическаго изслѣдованія. Лучшій знатокъ турецкихъ нарѣчій въ настоящее время—академикъ В. В. Радловъ, авторъ изслѣдованія «Phonetik der nördlichen Türksprachen» (Лпц., 1882), издатель семи томовъ турецкихъ текстовъ («Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ»; первые 6 томовъ вышли также въ нѣмецкомъ переводѣ); въ настоящее время имъ издается (на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) «Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій» (съ 1888 г.). Менѣе полонъ «Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій», Л. З. Будагова (СПб., 1869—71). Труды по отдѣльнымъ нарѣчіямъ: Л. Будаговъ, «Практическое руководство турецко-татарскаго адербиджанскаго нарѣчія» (Москва, 1857); В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, «Словарь джагатайско-турецкій» (СПб., 1868); «Грамматика алтайскаго языка» (Казань, 1869; авторы —Н. И. Ильминскій и о. Макарій); В. Вербицкій, «Словарь Алтайскаго и Аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка» (Казань, 1884); П. М. Меліоранскій, «Краткая грамматика ка-

Библиотека "Руниверс"

закъ-киргизскаго языка» (СПб., 1894—97). *Финскіе языки* до сихъ поръ мало изучались въ Р., за исключеніемъ Финляндіи, гдѣ основаніе ихъ изученію было положено Кастреномъ († 1852); главные труды Кастрена были изданы послѣ его смерти академикомъ А. А. Шифнеромъ. Существуетъ нѣсколько русскихъ трудовъ по нарѣчіямъ уральскихъ финновъ (см. Зыряне и Пермяки). *Главные источники*: П. Савельевъ, «Восточныя литературы и русскіе оріенталисты» («Русскій Вѣстн.», 1856); Н. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Р.» («Труды 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ», т. I, СПб., 1879—80); бар. В. Тизенгаузенъ, «Обзоръ современныхъ въ Р. трудовъ по восточной нумизматикѣ» (тамъ-же); «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. спб. университета» (СПб., 1896—98). *В. Бартольдъ.*

25) Классическая филологія. Изъ обоихъ древнихъ языковъ на Руси узнали раньше греческій, а изъ сочиненій, написанныхъ на этомъ языкѣ, сперва читали и переводили преимущественно Св. Писаніе, толкованія къ нему и богослужебныя книги. Нашествіе монголовъ нанесло сильный ударъ всякаго рода научному движенію на Руси: начиная съ XIII столѣтія и почти вплоть до XVIII-го не можетъ быть и рѣчи о трудахъ въ области классической филологіи. Знаніе обоихъ древнихъ языковъ, однако, у насъ не исчезло, составляя достояніе весьма ограниченнаго круга лицъ. Первое достовѣрное извѣстіе о занятіяхъ греч. богословской литературой относится къ XI стол.: лѣтопись сообщаетъ про князя Ярослава, что онъ «собра письцѣ многы, и прекладаша отъ Грекъ на Словѣньское письмо и списаша книгы многы» («П. С. Л.», I, 65). Современникъ Ярослава, митрополитъ Иларіонъ, обнаруживаетъ въ своемъ словѣ «О законѣ и благодати» явные слѣды знакомства съ греческой риторикой. Въ XII столѣтіи изъ проповѣдей Кирилла Туровскаго видно, что ему знакомы греческіе христіанскіе ораторы; въ томъ же столѣтіи для черниговскаго князя Николая Святоши († 1142) былъ сдѣланъ съ греческаго переводъ 3 небольшихъ произведеній. О знакомствѣ русскихъ съ латинскимъ языкомъ въ XIII в. можно догадываться изъ описанія путешествія Плано Карпини, который говорилъ хану, что у папы нѣтъ лицъ, знакомыхъ съ русской грамотой—а между тѣмъ Карпини велъ переговоры съ княземъ Владиміро-Волынскимъ Василько и съ епископами его княжества о соединеніи съ римскою церковью. Въ XIV столѣтіи русскій путешественникъ находитъ въ Греціи своихъ соотчичей-новгородцевъ, которые «живутъ тутo списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ священнаго писанія». Изъ Степенной книги узнаемъ, что митрополитъ Кипріанъ занимался, въ часы досуга, переводами съ греческаго «святыхъ книгъ». Св. митрополитъ Алексѣй переводитъ съ греческаго все евангеліе. Эти занятія греческимъ языкомъ были все-же явленіемъ настолько рѣдкимъ, что появленіе около 1385 г. поэмы Георгія Писиды (VII в.) «О міротвореніи» было отмѣчено даже въ лѣтописи. Въ XV в. знаніе греческаго языка не могло быть чуждымъ русскому обществу уже въ виду брака Іоанна III съ Софіей Палеологъ. Знаніе латинскаго языка не было распространено: прибывшихъ съ Софіею грековъ неоднократно назначали въ посольства къ иностраннымъ дворамъ благодаря знанію ими латинскаго языка, служившаго тогда для дипломатическихъ сношеній. Впрочемъ, уже въ 1518 г. съ императоромъ Максиміліаномъ бесѣдовали по-латыни русскій посолъ Владиміръ Племянниковъ и его толмачъ Истома Малый. Къ XVI-же столѣтію относится и дѣятельность Максима Грека, у котораго были и русскіе помощники: Димитрій Герасимовъ и Власій, не знавшіе, кажется, греческаго языка. По свидѣтельству Герасимова, способъ работы былъ слѣдующій: «переводитъ Максимъ псалтырь съ греческаго толковую великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ перемѣняясь; онъ сказываетъ по-латыньски, а мы сказываемъ по-русски писаремъ». Отчасти помогалъ работѣ Максима и извѣстный князь Курбскій, который перевелъ, кромѣ того, съ греческаго языка нѣкоторыя изъ твореній Іоанна Златоустаго и историка Евсевія. Курбскій зналъ и языкъ латинскій, доставшійся ему—говоритъ онъ—не легко: «не мало лѣтъ изнурихъ по силѣ моей уже въ сѣдинахъ, со многими труды пріучахся языку Римскому». О нераспространенности классическихъ познаній въ первую половину XVII в. свидѣтельствуетъ Олеарій, говоря, что «никто изъ русскихъ, будь онъ духовнаго или свѣтскаго званія, высшаго или низшаго сословія, не понимаетъ ни слова ни по-гречески, ни по-латыни». Эти слова, которыя, впрочемъ, не слѣдуетъ понимать буквально, совершенно неприложимы ко второй половинѣ того же столѣтія, о чемъ свидѣтельствуютъ также иностранцы; напр. Генрихъ Лудольфъ прямо говоритъ въ предисловіи къ «Grammatica Russica» (1696), что нашелъ нѣсколько русскихъ, знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ. Такое распространеніе классическихъ знаній стоитъ въ тѣсной связи съ увеличеніемъ числа школъ. Въ юго-западной Руси наибольшее значеніе имѣла школа кіевская, переименованная впослѣдствіи въ академію; изученіе греческаго и латинскаго языковъ было здѣсь обязательно; особенно распространено было знаніе латинскаго языка, на которомъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катихизиса и славянской грамматики. По-латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ. За ошибку въ латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-русски, виновный подвергался строгому взысканію. Одинъ изъ воспитанниковъ кіевской академіи, Епифаній Славинецкій, перевелъ «Уставы граждано-нравоучительныя отъ Θукидидовой исторіи, книги первыя» и панегирикъ Плинія Траяну. Изъ Кіева греколатинская образованность переходитъ и въ Москву, черезъ грека Арсенія, Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго; у послѣдняго учились латинскому языку подъячіе тайнаго приказа, при чемъ руководствомъ слу-

Библиотека "Руниверс"

жилъ знаменитый тогда учебникъ португальца Альвареца, называемый для краткости Альваромъ. Въ 1679 г. основано было въ Москвѣ типографское училище—первая у насъ правительственная школа съ греческимъ языкомъ, а въ 1685 г. положено было основаніе славяно-греко-латинской академіи. Первыми дѣятельными наставниками ея явились братья Лихуды, родомъ греки. Они составили для обученія греческому языку грамматику, піитику и риторику, обильно снабженныя примѣрами изъ отцовъ церкви. Древнихъ языческихъ писателей Лихуды касались мало. Гораздо болѣе свѣтскій характеръ носила составленная Лихудами латинская грамматика, не дошедшая до насъ вполнѣ; уже въ первой части ея ученики знакомились съ именами и изреченіями лучшихъ классическихъ писателей. Изъ первыхъ русскихъ учениковъ Лихудовъ извѣстны Ѳ. П. Поликарповъ, составившій «Лексиконъ трехъязычный» (слав., греч., латин.), бывшій въ употребленіи до половины XVIII стол.; іеромонахъ Каріонъ Истоминъ, переводившій блаж. Августина и Фронтина; Іовъ, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій, устроившій при своемъ домѣ училище съ древними языками; Палладій Роговскій, ставшій послѣ удаленія Лихудовъ во главѣ академіи. Въ теченіе XVIII в. главнымъ источникомъ распространенія классическихъ знаній долгое время служитъ по прежнему слав.-гр.-латинская академія, учителя и ученики которой интересуются и языческими древнеклассическими писателями, преимущественно съ точки зрѣнія богословскихъ и моральныхъ вопросовъ; появляются, отчасти по приказанію Петра Вел., переводы Эзопа, Квинта Курція, Эпиктета, Горація, Виргилія, Иліады Гомера. Московскому университету академія дала первыхъ русскихъ профессоровъ древнеклассической литературы, Н. Н. Поповскаго и А. А. Барсова. Въ духовныхъ семинаріяхъ дѣятельно изучали какъ латинскій языкъ, на которомъ даже преподавались нѣкоторые предметы, такъ и греческій. Въ московскомъ унив. долго процвѣталъ исключительно латинскій языкъ, на которомъ читало лекціи огромное большинство профессоровъ-иностранцевъ, не знавшихъ русскаго языка. Въ гимназіи, учрежденной при университетѣ, преподаваніе древнихъ языковъ стояло особенно высоко въ ректорство Маттеи (съ 1772 г.), составившаго учебную греческую хрестоматію и описаніе греческихъ рукописей синодальной библіотеки и издавшаго, на основаніи московскихъ рукописей, нѣсколько неизвѣстныхъ дотолѣ произведеній древнегреческой литературы. Въ выходившихъ при университетѣ періодическихъ изданіяхъ питомцы его много переводили изъ древнихъ и подражали имъ; А. Ѳ. Мерзлякову, напр., принадлежитъ переводъ эклогъ Виргилія и Ѳеокрита. Въ 1768 г. императрица Екатерина II назначила 5000 руб. на изданіе переводовъ съ иностранныхъ языковъ; всего больше между ними было переводовъ съ древнихъ языковъ. Переводное направленіе въ изученіи классической филологіи продолжалось и въ началѣ XIX столѣтія, но съ болѣе опредѣленными цѣлями. Успѣхамъ классическихъ языковъ при Александрѣ I содѣйствовали политическія причины: разрывъ съ Франціей привелъ къ сближенію съ Германіей, гдѣ Фр.-Авг. Вольфъ и Винкельманъ впервые установили научныя понятія классической филологіи и археологіи. Однимъ изъ видныхъ насадителей классицизма является гр. С. С. Уваровъ, написавшій нѣсколько сочиненій по древне-греческой литературѣ и религіи. Въ бытность его министромъ просвѣщенія (1833—1849) для руководства гимназистамъ составлены были замѣчательныя для того времени лат. и греч. грамматики Д. П. Попова и словари Ивашковскаго. До сороковыхъ годовъ явились слѣдующіе наиболѣе крупные переводы: «Греческіе классики», Мартынова (26 том.), «Жизнеописанія Плутарха», Дестуниса, «Облака Аристофана», Муравьева-Апостола, и «Иліада» Гнѣдича. Изданію послѣдняго перевода много содѣйствовала россійская академія, которая продолжала исполнять задачу Екатерининской переводной коммиссіи. Въ первой четверти столѣтія появляются и первыя научныя изслѣдованія по классической археологіи и литературѣ, каковы напр. «Путешествіе по Тавридѣ», Муравьева-Апостола, книга Стемпковскаго о древнегреческихъ поселеніяхъ на Черномъ морѣ, труды иностранцевъ-академиковъ Келера, Кеппена, Бларамберга, Грефе и др. Оживленію классическихъ знаній содѣйствовало открытіе новыхъ университетовъ, хотя на первыхъ порахъ преподаваніе тормозилось профессорами-иностранцами, незнакомыми съ русскимъ языкомъ. Послѣ 40-хъ годовъ наша классическая филологія постепенно примыкаетъ къ новому направленію ея въ Германіи, проведенному Авг. Бэкомъ, К. О. Мюллеромъ и Фр. Ричлемъ и признающему, что цѣль изученія древнихъ языковъ есть возсозданіе жизни классическихъ народовъ въ полномъ ея объемѣ. Особенно наглядно такое направленіе нашей филологіи сказалось въ издававшемся въ Москвѣ въ 1851—56 гг. сборникѣ «Пропилеи». Редакторъ изданія, московскій профессоръ П. М. Леонтьевъ, пріобрѣвшій уже извѣстность диссертаціей «О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи», такъ объяснялъ названіе и цѣль «Пропилеевъ»: «Наши *Пропилеи* должны вводить въ храмъ классической, т. е. греческой и римской древности, въ тотъ изящный и стройный міръ, въ которомъ впервые начало являться міросозерцаніе собственно человѣческое и являлось со всею обаятельною свѣжестью цвѣтущей молодости». Здѣсь появлялись труды Благовѣщенскаго и Крюкова по римской литературѣ и древностямъ, Кудрявцева по Тациту и греческой литературѣ, Каткова по греческой философіи, Бабста и Куторги по греческой исторіи и т. д. Въ «Пропилеяхъ»-же началъ свой знаменитый переводъ Платона проф. спб. духовной академіи Карповъ; тамъ же переводилъ Платона и моск. пр ф. А. И. Меншиковъ, одинъ изъ первыхъ нашихъ византинистовъ (ср. его рѣчь: «De eruditione et re litterali Graecorum aetatis Byzantinae», М., 1849). Наконецъ, много мѣста удѣлено было въ «Пропилеяхъ» и древнему искусству, особенно описанію клас-

Библиотека "Руниверс"

сическихъ памятниковъ, найденныхъ въ Крыму и въ Южной Р. Изученію ихъ способствовало учрежденіе общества исторіи и древностей въ Одессѣ (1839) и археологическаго общества въ Петербургѣ (1846). На этомъ поприщѣ, помимо иностранцевъ Кене и Стефани, трудились Ашикъ, Беккеръ, Брунъ, Мурзакевичъ, Спасскій, гр. А. С. Уваровъ и др. Во время наступившей послѣ 1848 г. реакціи пострадала и классическая филологія: съ 1849 г. греч. языкъ былъ почти вовсе устраненъ изъ средняго образованія, и знаніе его не требовалось даже отъ поступающихъ на историко-филологическіе факультеты. Въ первой половинѣ 50-хъ годовъ для рѣшенія вопроса, какъ произносить греческую букву η — *е* или *и*— надо было испрашивать Высочайшее повелѣніе. Если журналы того времени и печатаютъ довольно часто классическія статьи, то статьи эти были въ огромномъ большинствѣ случаевъ не оригинальны, ничтожны по содержанію и помѣщались преимущественно за неимѣніемъ другого матеріала (ср. напр. чисто-спеціальный разборъ перевода Одиссеи Жуковскаго въ «Отеч. Зап.» за 1849 г.). Въ новый фазисъ вступаетъ классическая филологія въ началѣ 70-хъ годовъ, въ министерство гр. Д. А. Толстого, ближайшими сотрудниками котораго были П. М. Леонтьевъ, М. Н. Катковъ, А. И. Георгіевскій и Н. А. Любимовъ. Изученію древнихъ языковъ былъ сообщенъ узко-грамматическій характеръ, который не пробудилъ къ нимъ общественныхъ симпатій. Для приготовленія учителей гимназій по древнимъ языкамъ было открыто нѣсколько спеціальныхъ заведеній: спб. славянскій учительскій институтъ (1866), спб. историко-филологическій институтъ (1867), лейпцигская русская историко-филологическая семинарія (1873), нѣжинскій историко-филологическій институтъ (1877). Появилась масса учебниковъ по древнимъ языкамъ, представляющихъ по бо́льшей части передѣлку иностранныхъ руководствъ; предпринимались цѣлыя серіи изданій древнихъ классиковъ, съ русскими примѣчаніями и словарями, напр. «Римскіе классики» Вольфа, «Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ» Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. Съ цѣлью развитія самостоятельной учебной литературы по древнимъ языкамъ и улучшенія способовъ преподаванія ихъ А. И. Георгіевскій основалъ въ Петербургѣ, въ 1874 г., «Общество классической филологіи и педагогики», съ отдѣленіями въ разныхъ городахъ (нынѣ осталось только отдѣленіе въ Кіевѣ). Подобныя общества возникли впослѣдствіи въ Москвѣ, Одессѣ, Нѣжинѣ и Харьковѣ. Ученые труды по классической филологіи по прежнему примыкаютъ въ своемъ направленіи къ классической филологіи въ Германіи, гдѣ наука эта еще болѣе спеціализировалась и развѣтвилась, при чемъ особенное вниманіе обращено было на критику текста, (мѣсто которой въ послѣднее время снова заняла эксегеза), на такъ называемую эпиграфику, т. е. науку о древнихъ надписяхъ, стоящую въ тѣсной связи съ исторіей и древностями, на миѳологію и археологію. Всѣ эти отрасли науки нашли у насъ достойныхъ представителей; довольно часто на труды русскихъ ученыхъ обращаютъ вниманіе и западные ихъ собратья, и вниманіе это удѣлялось бы въ гораздо бо́льшей степени, если-бы изученіе русскаго языка не представляло неодолимыхъ почти трудностей для иностранцевъ. Особенно богатъ научными силами университетъ петербургскій. Ѳ. Ѳ. Соколовъ впервые поставилъ у насъ прочно изученіе греческой эпиграфики и приготовилъ рядъ даровитыхъ учениковъ—В. В. Латышева (издавшаго надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря), С. А. Жебелева, Д. Н. Королькова, А. В. Никитскаго, Н. И. Новосадскаго; И. В. Помяловскій сдѣлалъ для изученія римской эпиграфики то же, что Ѳ. Ѳ. Соколовъ для греческой. Изъ учениковъ И. В. Помяловскаго выдаются Г. Э. Зенгеръ, М. Н. Крашенинниковъ, М. И. Ростовцевъ, И. И. Холодняк, І. А. Шеборъ. В. И. Модестовъ впервые далъ на русскомъ языкѣ (1873 и впосл.) научное [руководство по исторіи римской литературы, доселѣ ничѣмъ не замѣненное. Изслѣдованія К. Я. Люгебиля и П. В. Никитина по греч. яз. и древностямъ стяжали почетную извѣстность и за границей. В. К. Ернштедтъ много потрудился во всѣхъ областяхъ греческой филологіи и впервые началъ преподавать греческую палеографію; ученикъ его Г. Ф. Церетели составилъ обстоятельный трудъ о сокращеніяхъ въ греческихъ рукописяхъ. Ѳ. Фр. Зѣлинскій—одинъ изъ весьма немногихъ нашихъ профессоровъ утраквистовъ, т. е. преподающій одинаково и греческую, и римскую литературу, — пріобрѣлъ извѣстность какъ въ Р., такъ и за границей своими изслѣдованіями о древнегреч. комедіи и трагедіи, а также о сочиненіяхъ Цицерона. А. В. Праховъ читаетъ интересныя и содержательныя лекціи по исторіи древняго искусства. Много содѣйствовали также успѣхамъ классич. филологіи въ Петербургѣ нынѣ покойные нѣмцы Л. А. Миллеръ и А. К. Наукъ. Изъ представителей классической филологіи въ другихъ университетахъ упомянемъ прежде всего моск. проф. Ѳ. Е. Корша, замѣчательнаго лингвиста, изучившаго основательно не только всѣ европейскіе языки, но и многіе восточные; ученики его занимаются преимущественно грамматическими и метрическими изысканіями (А. А. Грушка, Я. А. Денисовъ, М. М. Покровскій, С. И. Соболевскій). Въ Москвѣ же дѣйствуютъ В. В. Шефферъ (извѣстный болѣе за границей, чѣмъ въ Р., своими сочиненіями по греч. исторіи и древностямъ), А. Н. Шварцъ и И. В. Цвѣтаевъ, впервые давшій научное изданіе осскихъ надписей, а нынѣ усердно заботящійся о развитіи въ русск. обществѣ любви къ классич. археологіи. Изъ учениковъ Цвѣтаева пріобрѣли извѣстность В. Г. Аппельротъ и А. М. Мироновъ. Въ Харьковѣ работаютъ И. В. Нетушилъ, впервые давшій на русск. яз. самостоятельныя научныя руководства по историч. грамматикѣ лат. языка и римск. государственнымъ древностямъ, и В. П. Бузескулъ, написавшій нѣсколько сочиненій по греч. исторіи. Изъ казанскихъ профессоровъ Ѳ. Г. Мищенко далъ рус-

Библиотека "Руниверс"

ской литературѣ рядъ образцовыхъ переводовъ Геродота, Полибія, Страбона и Ѳукидида и написалъ много статей о Геродотовой Скиѳіи. Въ Кіевѣ проф. Ю. А. Кулаковскій много занимался римской исторіей и эпиграфикой, а нынѣ изучаетъ керченскія древности; А. И. Соннн защитилъ докторскую диссертацію о Діонѣ Хрисостомѣ. Въ Одессѣ профессорствуютъ Л. Ф. Воеводскій, написавшій цѣнныя изслѣдованія по изученію греческой миѳологіи и Гомера, А. Н. Деревицкій и Э. Р. ф. Штернъ, занимающійся греч. исторіей и древностями на берегу Чернаго моря; изъ учениковъ Штерна выдается М. И. Мандеса. Труды всѣхъ этихъ ученыхъ печатаются въ издающихся при каждомъ университетѣ «Запискахъ» или «Извѣстіяхъ», въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» (гдѣ съ конца 1874 г. классической филологіи посвященъ особый отдѣлъ), въ спеціальныхъ изданіяхъ по класснч. филологіи и педагогикѣ—«Гимназія» (съ 1888 г.) и «Филологическое Обозрѣніе» (съ 1891 г.), а также въ «Филологическихъ Запискахъ», «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ» и «Запискахъ Русскаго Археологическаго Общества». Духовныя академіи, особенно московская и с.-петербургская, весьма усердно работаютъ надъ переводомъ твореній св. отцовъ.

Литература: В. Лебедевъ, «Указатель ко всѣмъ учебнымъ изданіямъ и переводамъ по классическимъ языкамъ съ начала книгопечатанія до 1871 г. включительно» («Ж. М. Н. Пр.», 1877, №№ 11 и 12. отд. М., 1878; рец. Н. Д—ва въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акд.», 1878, № 11: «Литература по классич. филологіи въ Р.»); Д. Нагуевскій, «Библіографія по исторіи римской литературы въ Р. съ 1709 по 1889 годъ» (Казань, 1889); П. Прозоровъ, «Систематическій указатель книгъ и статей по греч. филологіи, напечатанныхъ въ Р. съ XVII столѣтія по 1892 г. (съ прибавленіями за 1893, 1894 и 1895 гг.); М. И. Сухомлиновъ, «О языкознаніи въ древней Р.» («Ученыя Записки 2-го отд. Акд. Наукъ», 1854, кн. 1); его же, «Исторія россійской академіи» (СПб., 1877 и слл.); Н. Ѳ. Каптеревъ, «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-латинской академіи» («Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ», 1889, № 4 и отд.); С. Смирновъ, «Исторія московской славяно-греко-латинской академіи» (М., 1885); А. Д. Вейсманъ, «Успѣхи греческаго языка и литературы въ Р. за послѣднее двадцатипятилѣтіе» («Русскій Вѣстникъ», 1880, № 4). *А. Малеинъ.*

26) **Славистика**, въ смыслѣ научнаго изученія исторіи литературы, языка и этнографіи славянъ, возникла въ Россіи только въ началѣ XIX в., въ связи съ развитіемъ международныхъ сношеній и съ усиленіемъ интереса къ древне-русскому языку и литературѣ. Русскіе путешественники и офицеры арміи Суворова и эскадры Чичагова, приходя въ соприкосновеніе съ различными славянскими племенами Австріи и Черногоріи, поражались близостью ихъ нарѣчій къ русскому языку и сходствомъ ихъ быта съ бытомъ русскихъ крестьянъ; съ другой стороны, изслѣдователямъ нашей старины приходилось сталкиваться съ церковно-славянскими памятниками южныхъ славянъ. Уже въ самомъ началѣ XIX в. А. И. Тургеневъ и П. С. Кайсаровъ, авторъ первой «Славянской миѳологіи», совершили путешествіе по славянскимъ землямъ съ научной цѣлью; въ 1809 г. вышло «Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію» Д. Н. Бантыша-Каменскаго, въ 1810 г.—«Отъ Трієста до Петербурга» Броневскаго, проникнутаго горячими симпатіями къ славянству. Въ 1813 г. А. С. Шишковъ, попавъ въ Прагу, увлекся «богемскими» книгами и съ тѣхъ поръ сталъ усерднымъ покровителемъ такъ называемаго славянофильскаго направленія русской славистики. Сдѣлавшись въ 1824 г. министромъ народнаго просвѣщенія и будучи съ 1813 г. президентомъ россійской академіи, Шишковъ сдѣлалъ очень много для утвержденія въ Россіи постояннаго изученія славянства. Другое направленіе славистики связано съ именемъ канцлера графа Н. П. Румянцева, который, приступивъ, съ 1811 г., къ изданію государственныхъ грамотъ, до такой степени увлекся древне-русской письменностью, что на свои средства снаряжалъ «археологическія экскурсіи», издалъ множество важныхъ памятниковъ и окружилъ себя ученой молодежью. Первое мѣсто среди этого кружка принадлежитъ К. Ѳ. Калайдовичу, который своимъ трудомъ: «Іоаннъ, ексархъ болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX—X стол.» (1824) положилъ начало историко-литературному направленію русской славистики. Позже въ кружокъ Румянцева вступилъ А. Х. Востоковъ, который уже въ 1820 г. выпустилъ свое «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ», послужившее исходной точкой для другого, лингвистическаго направленія славистики. Посредникомъ между кружкомъ Румянцева и А. С. Шишковымъ, съ одной стороны, и западнымъ славянствомъ—съ другой, явился П. И. Кеппенъ, который во-время путешествія по Австріи и Венгріи (1822—1824) завязалъ личныя связи съ Добровскимъ, Копитаромъ, Шафарикомъ и Ганкой. Знаменитый Вукъ Караджичъ пріѣзжалъ въ Россію (1819) и получилъ отъ Румянцева порученіе «объѣхать (въ поискахъ за рукописями) всѣ области славянскаго поколѣнія». По возвращеніи изъ-за границы Кеппенъ началъ изданіе «Библіографическихъ Листовъ» (1824—26), въ которыхъ, при участіи польскихъ, чешскихъ и сербскихъ ученыхъ, было обращено усиленное вниманіе на литературу всѣхъ «словенскихъ народовъ». Благодаря тому же Кеппену, сношенія русской науки (Шишкова, Румянцева и Востокова) съ западнымъ славянствомъ приняли такой постоянный характеръ, что Шишковъ задумалъ (1826) учредить славянскія каѳедры во всѣхъ русскихъ университетахъ, «для расширенія изученія славянства въ Р.». Въ московскомъ университетѣ «каѳедра славянской словесности» существовала уже съ 1811 г., благодаря М. Т. Каченовскому, который съ 1805 г. неустанно пропагандировалъ въ «Вѣстн. Европы» необходимость изученія славистики для русской науки; ее, занятая эстетикомъ М. Г. Ба-

Библиотека "Руниверс"

вриловымъ, который ограничивался восторженнымъ чтеніемъ славянской псалтыри, эта каѳедра не имѣла никакого значенія для науки. Поэтому Шишковъ вздумалъ обратиться за научными силами на Западъ и пригласить въ профессора Ганку, Челаковскаго и Шафарика; но учрежденный имп. Николаемъ I «комитетъ устройства учебныхъ заведеній» высказался (1827) за приготовленіе спеціалистовъ изъ русскихъ ученыхъ. Съ уходомъ А. С. Шишкова изъ министерства (1828) его проектъ былъ оставленъ. Тогда Шишковъ задумалъ учредить при россійской академіи «Славенскую библіотеку» и въ библіотекари пригласить тѣхъ же Ганку и др. Этотъ проектъ Шишкова былъ утвержденъ государемъ, но почему-то дѣло все-таки замялось. Тѣмъ не менѣе, интересъ къ славянству, поддержанный «Московскимъ Телеграфомъ» и «Московскимъ Вѣстникомъ», продолжалъ расти. Въ 1835 г. Уваровъ учредилъ во всѣхъ русскихъ университетахъ каѳедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Въ Москвѣ ее занялъ Каченовскій (до 1842 г.). Университетамъ было предложено отправить въ славянскія земли молодыхъ людей, которые по возвращеніи должны были сдѣлаться первыми профессорами славистики въ Россіи. Это были О. М. Бодянскій (отъ Москвы), написавшій цѣнное до сихъ поръ сочиненіе: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (1855), П. И. Прейсъ (отъ СПб.), замѣчательный, но рано погибшій ученый, включившій впервые въ кругъ своего изученія литовскій языкъ, И. И. Срезневскій (отъ Харькова), лекціи котораго носили первое время яркую славянофильскую окраску и привлекали толпы слушателей (съ середины 40-хъ годовъ онъ перешелъ въ спб. унив., гдѣ и оставался до самой смерти, въ 1879 г.), и, наконецъ, В. И. Григоровичъ (отъ Казани), первый пробравшійся въ турецкую Болгарію и вывезшій оттуда множество драгоцѣнныхъ рукописей (напр. Маріинское евангеліе). Это первое поколѣніе русскихъ славистовъ охватило въ своихъ лекціяхъ всѣ отрасли славистики, принесло съ собою практическое знаніе славянскихъ нарѣчій и этнографіи и воспитало, оставаясь на своихъ каѳедрахъ до конца 70-хъ годовъ (только Прейсъ умеръ въ 1844 г.), цѣлый рядъ замѣчательныхъ ученыхъ — А. Ѳ. Гильфердинга, А. А. Майкова, А. А. Котляревскаго, Н. А. и П. А. Лавровскихъ, В. И. Ламанскаго, Т. Флоринскаго и др. Какъ ни широко было поставлено изученіе славянства въ трудахъ всѣхъ этихъ ученыхъ, на судьбахъ русской славистики ярко отразилось ея двойственное происхожденіе. Кругъ изучаемыхъ ею вопросовъ ограничивался, по бо́льшей части, или тѣмъ, что имѣетъ прямое отношеніе къ древне-русской письменности, или тѣмъ, что болѣе или менѣе связано со славянофильскими тенденціями. Къ первой группѣ вопросовъ можно причислить вопросъ объ относительной древности двухъ славянскихъ азбукъ, дѣятельности славянскихъ первоучителей, исторіи первоначальнаго текста богослужебныхъ книгъ и т. п., ко второй — славянское возрожденіе въ началѣ XIX в., дѣятельность Гуса и гуситовъ, подлинность Краледворской рукописи и т. д. Цѣльныхъ обзоровъ отдѣльныхъ отраслей славистики у насъ почти нѣтъ, да и тому, что есть, мы обязаны главнымъ образомъ профессорской дѣятельности нашихъ славистовъ. Цѣльные обзоры по исторіи Чехіи, Сербіи и Болгаріи представляютъ курсы А. Гильфердинга, а также книга Первольфа: «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи». Славянскому языкознанію посвящены «Сравнительная грамматика» Шерцля (не окончена) и курсъ проф. Т. Флоринскаго (1894—1896). По исторіи славянскихъ литературъ мы имѣемъ извѣстную книгу А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (2 изд., 1879 — 1881). «Поэтическимъ воззрѣніямъ славянъ на природу» (т. е. славянской миѳологіи) посвященъ огромный трудъ Афанасьева, но авторъ увлекается «природной» миѳологіей и довѣряетъ чешскимъ фальсификатамъ. Наиболѣе полно собранъ матеріалъ (итоговъ еще никто не подвелъ) по вопросу о *характерѣ первоначальныхъ южно-славянскихъ переводовъ священныхъ книгъ*. Вслѣдъ за составителями знаменитаго «Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки» (1855), Горскимъ и Невоструевымъ, пошли изслѣдователи текста Евангелія — арх. Амфилохій (Галичское Еванг. 1144 г., 1882—83), В. Ягичъ, южно-славянскій ученый, читавшій въ началѣ 80-хъ гг. лекціи въ спб. университетѣ, редакторъ извѣстнаго журнала: «Archiv für slavische Philologie» (съ 1875 г.) и авторъ множества важныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ славистики («Маріинское Еванг.», 1884) и Г. Воскресенскій («Характер. черты... Еванг. отъ Марка», 1896). Кромѣ текста Евангелія, подверглись спеціальному изслѣдованію Апостолъ (Г. Воскресенскій, 1879), Псалтырь (арх. Амфилохій, 1877 — 79, В. Срезневскій, 1877, В. Ягичъ, 1884), Символъ Вѣры (А. Гезенъ, 1884), Служебныя Минеи (Ягичъ, 1886), а изъ Ветхаго Завѣта книга Іисуса Навина (В. Лебедевъ, 1890), книга Бытія (А. Михайловъ, 1894) и книга пророка Исаіи (И. Евсѣевъ, 1897). Нѣкоторые изъ названныхъ изслѣдователей преслѣдуютъ только цѣли богословскія, а потому ихъ труды оставляютъ въ тѣни важныя стороны предмета. Изъ отдѣльныхъ славянскихъ земель *Польша* стала привлекать вниманіе русскихъ ученыхъ сравнительно поздно, и языкъ въ русской наукѣ изучался мало. Есть работы Бодуэна-де-Куртенэ (1870) и К. Аппеля (1880) о древне-польскомъ языкѣ, статьи К. А. Аппеля (1879) и И. Лося (1891) о польскихъ діалектахъ, да нѣсколько учебныхъ грамматикъ, изъ которыхъ лучшая принадлежитъ Р. Брандту (1895). По исторіи польской литературы (кромѣ работы Спасовича) русская наука дала немного: о Кохановскомъ писалъ Глокке, о Реѣ — С. Пташицкій (1883), который по-русски писалъ также о Длугожѣ (1888), Бѣлевскомъ (1878) и Лелевелѣ (1878), о Варшевицкомъ — Ѳ. Вержбовскій (1886), о Фричѣ-Моджевскомъ—В. Ламанскій (1874) и Дылевскій (1881), о Кленовичѣ—Стороженко (1881), о Каз. Бродзинскомъ—К. Арабажинъ

Библиотека "Руниверс"

(1890), этюды о Сырокомлѣ, В. Полѣ и Мицкевичѣ — В. Д. Спасовичъ. Даже о Мицкевичѣ у насъ нѣтъ ни одного крупнаго и самостоятельнаго труда (назоветъ Мякотина, 1891, и Л. Волкова, 1897). По *чешскому языку* у насъ работали мало, зато сдѣлано кое-что въ исторіи чешской литературы, при чемъ особенное вниманіе было оказано остаткамъ Кирилловскаго преданія въ Чехіи (И. Пальмовъ, 1883; И. Малышевскій, 1890; Е. Новиковъ, 1848) и эпохѣ Гуса и гуситскихъ войнъ (о Гусѣ—А. Гильфердингъ, 1871; Ал. Дювернуа, 1871; Ю. Анненковъ, 1877; о П. Хельчицкомъ, «Сѣть вѣры» котораго издалъ Ю. Анненковъ—Б. Ястребовъ, 1895), Цѣльный характеръ имѣютъ «Очеркъ исторіи чешской литературы», А. Степовича (1886), и курсъ В. Макушева: «Изъ чтеній о старо-чешской письменности» (1877 — 78). Чешскіе фальсификаты XIX в., при самомъ своемъ появленіи въ Россіи (1821) были переведены А. С. Шишковымъ; ихъ изслѣдовали И. Некрасовъ (1872) и А. Стороженко (1880), подложность ихъ доказывалась В. Ламанскимъ (1879—80). По исторіи Чехіи мы имѣемъ изслѣдованіе В. Регеля «О хроникѣ Козмы Пражскаго» (1891), трудъ К. Грота о «Моравіи и мадьярахъ съ половины IX до начала X вѣка» (1881), диссертацію В. Н. Надлера о «противокатолическомъ движеніи въ Чехіи въ XIV в.» (1864) и статьи П. Лавровскаго о паденіи Чехіи въ XVII в. (1868). О чешскихъ писателяхъ XIX в. у насъ писали Н. Задерацкій (о Юнгманѣ и Палацкомъ), П. Лавровскій (о Ганкѣ и Шафарикѣ), П. А. Лавровъ (о Шафарикѣ) и др. *Южные славяне* возбудили больше интереса въ русской наукѣ. Мы имѣемъ обширный болгарско-русскій словарь А. Л. Дювернуа, сербско-русскій и русско-сербскій словари П. Лавровскаго, рядъ изслѣдованій словинскихъ говоровъ (резьянскаго, 1875, боханско-посавскаго, 1876—77—Бодуэна-де-Куртенэ, фріульскаго — И. Срезневскаго, старо-словинскаго языка XV—XVI вв., 1878—В. Качановскаго). П. А. Лаврову принадлежитъ важный «Очеркъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей болгарскаго языка» (1894). О средне-болгарскомъ нарѣчіи мы имѣемъ образцовое изслѣдованіе Билярскаго. Важныя работы по сербскому (и вообще славянскому) ударенію принадлежатъ Р. Брандту (1880) и А. Шахматову. Изъ учебныхъ грамматикъ сербскаго языка лучшая—Р. Брандта (1899). Наконецъ, русскими учеными сдѣлано также кое-что въ области южно-славянскаго фольклора: такъ, мы имѣемъ «Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ» В. Качановскаго (1882), «Македонскій сборникъ» Драганова, обширное описаніе Черногоріи П. Ровинскаго (1893 — 98), сборникъ «Обычаевъ и пѣсенъ турецкихъ сербовъ» И. Ястребова (1886), изслѣдованіе М. Халанскаго о пѣсняхъ, касающихся Кралевича Марка (1894—97). Въ области исторіи южно-славянскихъ литературъ у насъ есть работы о далматинцахъ (В. Макушевъ, «Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника», 1867; о Маврѣ Ветраничѣ писалъ Г. Князевъ, 1883, объ Антонѣ Глегевичѣ — Качановскій, о Каваньинѣ—А. Будиловичъ, 1883, объ «Османѣ» Гундулича — Р. Брандтъ, 1879, о В. Караджичѣ и объ «Иллиризмѣ»—П. Кулаковскій, 1894). Законодательству Стефана Душана посвящены работы Т. Флоринскаго (1888) и Зигеля (1872), южно-славянскому праву—труды Леонтовича («Древнее хорвато-далматское законодательство», 1868) и И. Н. Смирнова (о городскихъ общинахъ Далмаціи. 1880—84). Въ исторіи болгарской литературы русской наукой наиболѣе изучена эпоха Евфимія Терновскаго (Арх. Леонидъ, 1870; В. Качановскій, 1882; Радченко, 1898; П. Сырку, 1890—99). Сюда же относится изслѣдованіе К. Грота объ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго относительно сербовъ и хорватовъ (1880). Сербской исторіей XIV вѣка занимался Т. Флоринскій (1882). *Лужицкіе* сербы (о нихъ Е. Новиковъ, 1847, и Е. Пѣтуховъ, 1898), *кашубы* (Бодуэнъ-де-Куртенэ, 1897, Стремлеръ, 1874 и Гильфердингъ, 1862) и *полабскіе* и *поморскіе* славяне (Котляревскій, 1874, А. Петровъ, 1883) бывали предметомъ изученія въ русской наукѣ рѣдко и случайно. По исторіи славистики см. статьи А. Н. Пыпина, «Вѣстникъ Европы» 1889, № 7 — 9; А. А. Кочубинскій, «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія», Одесса, 1880.

А. Погодинъ.

27) Историческая географія имѣетъ предметомъ исторію колонизаціи, историч. этнографію инородцевъ и построенную на той или другой исторію областей. Главнѣйшимъ ея источникомъ являются лѣтописи; затѣмъ идутъ писцовыя и переписныя книги, разнаго рода акты и грамоты, описанія путешествій, сказанія иностранцевъ и т. п. До сихъ поръ научной разработкѣ историческая географія подвергалась у насъ мало; сравнительно лучше обслѣдована географія начальнаго періода русской исторіи, благодаря, главнымъ образомъ, труду Н. Барсова: «Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи» (Варшава, 1884, 2-е изд.); для московскаго періода такое же почти значеніе имѣетъ диссертація Е. Е. Замысловскаго: «Сигизмундъ Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія» (СПб. 1884); послѣдующая эпоха почти не затронута. Изъ отдѣловъ исторической географіи наиболѣе изучалась исторія колонизаціи, которой посвятили обстоятельныя изслѣдованія Ѳирсовъ, Перетятковичъ («Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вв.», 1882 г.), Ядринцевъ, Соколовскій, Скальковскій, Огородниковъ («Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большого Чертежа»), К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («О колонизаціи велико-русскаго племени», въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1867, № 6), Д. Багалѣй и др. Попытка дать первый общій очеркъ исторической географіи Россіи принадлежитъ Н. Надеждину («Опытъ исторической географіи русскаго міра» въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1837 г., т. XXII, неоконч.), поставившему много новыхъ и важныхъ вопросовъ. Второй опытъ этого рода сдѣланъ И. Д. Бѣляевымъ, но его «Географическія свѣдѣнія на Руси въ IX, X, XI и XII столѣтіяхъ до 1110 г.» (въ

Библиотека "Руниверс"

«Запискахъ Географическаго Общества» т. VI, 1852 г.) крайне устарѣли. Характеръ руководства по исторической географіи имѣютъ «Объясненія» Е. Я. Замысловскаго, приложенныя ко второму изданію (1869 г.) его «Историчоскаго учебнаго атласа», который, впрочемъ, и въ третьемъ ствоемъ изданіи (1887 г.) мало чѣмъ превосходитъ «Историческій атласъ Россіи» Павлищева (Варшава, 1845, 2-е изд. 1873), являющійся, послѣ «Атласа историческаго, хронологическаго и географическаго Русскаго государства, составленнаго на основаніи Карамзина, Ив. Ахматовымъ» (1829), вторымъ по времени. Въ тѣсной связи съ исторической географіей стоитъ и старинная *картографія*. На послѣднемъ археологическимъ съѣздѣ въ Кіевѣ (1899 г.) довольно подробно можно было ознакомиться съ картографическими представленіями о русской землѣ съ конца XV и до XVIII вв., по картамъ Николая Кузана (1491 г.), Шеделя (1493), далѣе по картамъ 1507 г., 1525 г. (подлинный экземпляръ въ Венеціи—первая карта Россіи), Герберштейна (1556), Джеккинсона (1562 г.) Гесселя Геритса (1614 г.; посвящена царю Михаилу Ѳедоровичу и составлена по рукописи, принадлежавшей Ѳедору Борисовичу Годунову) и мн. др. Отъ XVII и особенно XVIII в. сохранилось много плановъ городовъ (Москвы, Кіева, Новгорода, Гродны и др.) и картъ областныхъ, относящихся къ сѣверной и сѣв.-восточной Р. *В. Р—въ.*

28) Исторія всеобщей литературы, какъ наука—понятіе не установившееся; довольно трудно, поэтому, точно опредѣлить ея объемъ и сущность, а также ея судьбы до и послѣ ея оффиціальнаго признанія у насъ университетскимъ уставомъ 1863 г. По основнымъ своимъ задачамъ и пріемамъ изслѣдованія, она распадается на нѣсколько дисциплинъ. Прежде всего «всеобщая литература» можетъ быть понята какъ изученіе тѣхъ произведеній словеснаго творчества, которыя имѣютъ міровое значеніе, служа показателями эволюціи духовной жизни человѣчества. Въ этомъ смыслѣ она есть отрасль всеобщей исторіи культурныхъ народовъ, между которыми предполагается духовная связь и преемство. Съ другой стороны, ограничивъ понятіе «мірового значенія», можно расширить количественно объемъ предмета, включивъ въ него всѣ многообразныя проявленія человѣческаго духа въ памятникахъ словеснаго творчества и дать, такимъ образомъ, общую картину формъ и видовъ словесности, отъ низшихъ степеней до высшихъ. Такая задача сводится къ тому, что можетъ быть названо «исторической поэтикой», т. е. изученію родовъ и видовъ литературы въ ихъ зарожденіи, развитіи и послѣдовательной смѣнѣ или сосуществованіи. Далѣе, исторія всеобщей литературы можетъ быть также сведена къ историко-сравнительному изученію памятниковъ литературы для уясненія или ихъ относительной цѣнности, или обусловленности одного отъ другого, или параллелизма. Главной цѣлью науки могутъ быть, наконецъ, поставлены законы (предполагаемые или открытые) духовнаго развитія, а также законы творчества. Толкованіе задачъ исторіи всеобщей литературы находится въ зависимости отъ пріемовъ и методовъ изученія, отъ ихъ бо́льшей или меньшей научности. Главные изъ этихъ методовъ—отвлеченно-эстетическій, историко-эстетическій, чисто историческій и историко-филологическій. Первый есть по преимуществу философскій методъ критики или оцѣнки произведеній съ точки зрѣнія общихъ принциповъ и отвлеченныхъ понятій. Въ силу своей отвлеченности онъ легко можетъ впасть въ произволъ и субъективность, съ перевѣсомъ апріорныхъ взглядовъ. Такой синтезъ, служа первымъ импульсомъ къ пробужденію научной мысли, долженъ представиться, однако, и вѣнцомъ зданія, являясь конечнымъ выводомъ индуктивныхъ изслѣдованій. Историко-эстетическій методъ ведетъ къ нѣкоторому ограниченію задачъ науки, такъ какъ онъ сводится къ опредѣленію значенія памятниковъ литературы лишь въ исторической ихъ обстановкѣ, по отношенію къ ближайшимъ—предшествующимъ и послѣдующимъ — явленіямъ литературной жизни. Онъ имѣетъ преимущества бо́льшей точности изслѣдованія и оцѣнки, но съ точки зрѣнія лишь опредѣленной исторической эпохи. По чисто историческому методу вопросъ объ оцѣнкѣ художественной какъ-бы совсѣмъ упраздняется: памятники литературы разсматриваются лишь какъ документы проявленія человѣческаго духа въ той или другой формѣ. Методъ филологическій примыкаетъ, по своему характеру, къ историческому, но опредѣляется особыми пріемами филологической критики—изученіемъ языка даннаго памятника, ближайшихъ условій его возникновенія, связи и соотношенія съ однородными или смежными явленіями. Методы психологическій и біографическій, примѣнимые лишь къ изученію отдѣльныхъ моментовъ литературнаго развитія, служатъ дополненіемъ предшествовавшихъ, такъ какъ психологія должна вообще считаться основной наукой при изученіи продуктовъ словеснаго творчества. Вышеуказанные методы, опредѣлившіеся въ извѣстной исторической послѣдовательности развитія науки, не вполнѣ исключаются одинъ другимъ; возможна ихъ комбинація, при чемъ взаимное отношеніе между ними и ихъ отношеніе къ предмету выразятся примѣрно въ слѣдующемъ видѣ: филологическій методъ (съ біографич. и психологическ.) *объясняетъ* произведеніе литературы, историческій и историко-эстетическій *указываютъ его мѣсто* и значеніе въ ряду другихъ явленій исторической жизни, отвлеченно-эстетическій *опредѣляетъ болѣе общее значеніе* его въ исторіи человѣческой мысли вообще. Эта послѣдняя оцѣнка предполагаетъ у изслѣдователя литературы обще-философское міровоззрѣніе и, выходя за предѣлы такъ назыв. положительныхъ наукъ, представляется въ тоже время конечной цѣлью научно-философскаго синтеза. Исторія всеобщей литературы еще очень далека отъ приближенія къ такому идеалу и, отчасти вслѣдствіе сложности и многообразія матеріала, отчасти вслѣдствіе неустойчивости понятія о законахъ развитія человѣческаго духа, представляется нынѣ въ

Библиотека "Руниверс"

дробномъ видѣ отдѣльныхъ дисциплинъ, соотвѣтствующихъ условіямъ постановки преподаванія и личнымъ особенностямъ изслѣдователя. У насъ каѳедра по исторіи всеобщей литературы есть по преимуществу каѳедра исторіи иностранныхъ, т. е. западноевроп. литературъ, за выдѣленіемъ Востока, Греціи и Рима, а также отечественной литературы. Разсмотрѣнію вопроса о задачахъ и методахъ ист. лит. посвященъ у насъ рядъ статей: Александръ Ник. Веселовскій, «О методахъ и задачахъ исторіи лит., какъ науки» («Ж. М. Н. Пр.», 1870); Н. П. Дашкевичъ, «Постепенное развитіе науки исторіи лит. и современныя ея задачи» («Изв. Кіев. Унив.», 1877); Н. И. Карѣевъ, «Что такое исторія литературы?» (1883); Л. З. Колмачевскій, «Развитіе исторіи литерат. какъ науки, ея методы и задачи» («Ж. М. Н. Пр.», 1884); А. И. Кирпичниковъ, «Всеобщая лит. въ нашихъ университетахъ» («Истор. Вѣстн.», 1886); Е. В. Аничковъ, «Научныя задачи исторіи лит.» («Извѣстія Кіевскаго Университета», 1896). Такъ какъ развитіе русской литературы, особенно съ XVIII вѣка, зависѣло отъ иностранныхъ образцовъ, то на первомъ мѣстѣ въ исторіи изученія у насъ иностранныхъ литературъ должна стоять исторія поэтикъ (см. Поэзія и Поэтика), изъ которыхъ самая значительная, на рубежѣ XVIII и XIX вв.—Аполлоса Байбакова, «Правила піитическія» (ср. Кадчубовскаго, въ «Ж. М. Н. Пр.», 1899, іюнь). Переводъ «Лицея» Лагарпа («Ликей или кругъ словесности древней и новой», 1810—14) былъ первой у насъ книгой по всеобщ. лит. въ началѣ вѣка. Точка зрѣнія автора—догматико-эстетическая. Къ задачамъ общей ист. лит. могутъ быть отнесены и попытки опредѣлить сущность и исторію отдѣльныхъ родовъ лит. (Мерзляковъ, «Разсужденіе о драмѣ»). Къ трудамъ зап.-европ. ученыхъ конца XVIII и первой половины XIX вѣка—Эйхгорна, Вахлера, Гервинуса, Вильмена и др.—примыкаетъ первый у насъ курсъ ист. всеобщ. лит., москов. проф. Шевырева: «Исторія поэзіи индійцевъ и евреевъ, съ приложеніемъ вступит. характеристики образованія главныхъ народовъ новой Зап. Европы» (СПб., 1835; 2 изд. 1837). Почину Шевырева послѣдовалъ въ 50-хъ годахъ въ Казани проф. Фойхтъ, читавшій четырехгодичный курсъ ист. всеобщ. лит. Историко-описательное направленіе отразилось и въ трудѣ компилятивномъ, но не безполезномъ для общей ориентировки—Вл. Зотова, «Исторія всемірной литературы» (1876—82). Затѣмъ, кромѣ переводовъ трудовъ Шерра и компендія Штерна, у насъ было предпринято обширное изданіе подъ редакціей В. Ѳ. Корша (1880—83), продолженное подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова (1885): «Всеобщая исторія литературы». Задача исторіи всеобщ. лит. рѣшалась здѣсь съ распредѣленіемъ работы между многими лицами; различные отдѣлы выполнены неравномѣрно. Потребность въ спеціализаціи вызвана неразработанностью нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ правильность общихъ выводовъ. Начало собственно научнаго изслѣдованія основъ общей ист. литер. арійскихъ народовъ положено у насъ Ѳ. И. Буслаевымъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ ученыхъ (особенно Як. Гримма). Такое пониманіе задачъ науки развивалось параллельно сравнительному языкознанію. Съ цѣлью опредѣленія именно *основъ* литературы, изслѣдователи обращались по преимуществу къ даннымъ народной словесности и миѳологіи. Затѣмъ возникъ вопросъ объ отношеніяхъ книжной и устно-народной литературы. Отдѣльную отрасль ист. всеобщ. литерат. составило изученіе сказаній и такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей. Въ объясненіе происхожденія «сказаній» возникло (послѣдовательно) нѣсколько теорій — миѳологическая, историческая, теорія заимствованій и теорія независимаго зарожденія сходныхъ сюжетовъ, при повторяющихся въ исторіи сходныхъ условіяхъ жизни. Буслаевъ придерживался первой теоріи, нынѣ оставленной. Къ памятникамъ иностранной литературы онъ обращался или для выясненія древне-русскихъ преданій, или давая мастерскіе, въ смыслѣ изложенія и характеристики, но чисто описательные очерки народной поэзіи въ Зап. Европѣ («Пѣсня о Роландѣ», «Поэма о Сидѣ» и т. д.). Своими лекціями въ моск. унив. и научными статьями Ѳ. И. Буслаевъ оказалъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе у насъ научнаго изученія литературы (см. «Четыре рѣчи о Ѳ. И. Буслаевѣ, читанныя въ засѣданіи Отд. Коменскаго», 1898, СПб.). Непосредственнымъ преемникомъ Буслаева выступилъ А. Н. Пыпинъ, въ магистерской диссертаціи: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (1858), гдѣ приняты во вниманіе иностранные источники и параллели. А. Н. Пыпинъ читалъ курсъ по исторіи иностранной литературъ въ спб. унив. (1859), ограничившись обзоромъ древне-провансальской поэзіи. Съ выходомъ А. Н. Пыпина изъ университета, каѳедра оставалась незамѣщенной до 1870 г., когда ее занялъ Ал-ръ Н. Веселовскій, ученикъ Буслаева. Онъ сразу поставилъ вопросъ, должно ли преподаваніе исторіи всеобщ. литературы въ университетѣ отвѣчать требованіямъ общаго образованія или спеціально научнымъ, и своей послѣдующей дѣятельностью рѣшилъ его въ послѣднемъ смыслѣ, даже съ нѣкоторымъ перевѣсомъ въ пользу чистой эрудиціи. Каѳедра, по его убѣжденію, должна приготовлять самостоятельныхъ работниковъ, а не только сообщать слушателямъ выводы и общія воззрѣнія зап.-европ. изслѣдователей. Сначала А. Н. Веселовскій занимался почти исключительно вопросами методики; затѣмъ имъ были прочитаны курсы по исторіи національныхъ литературъ въ отдѣльныя эпохи (преимущественно—средніе вѣка и Возрожденіе), а также по исторіи отдѣльныхъ родовъ и видовъ литературы. Имъ организованы также практическія занятія языками, съ чтеніемъ и разборомъ памятниковъ средневѣковой литературы. Постепенно онъ поставилъ преподаваніе ист. всеобщей лит. на почву романской и германской филологіи, и въ результатѣ явилось самостоятельное отдѣленіе по романо-германской филологіи на двухъ старшихъ

Библиотека "Руниверс"

курсахъ псторико-филологич. факульт. въ спб. университетѣ, съ двумя подъ-отдѣлами, для романистовъ и для германистовъ. Первоначально проф. Веселовскій велъ преподаваніе по обѣимъ отраслямъ, но потомъ сказалась потребность въ большей спеціализаціи. Ѳ. Д. Батюшковъ съ 1886 г. читалъ сперва лекціи тоже по романистикѣ и германскимъ нарѣчіямъ, но позже—почти исключительно по романской филологіи (ср. его «Энциклопедію Романской Филологіи» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1886). Р. О. Ланге открылъ курсы по англійской филологіи; Ѳ. А. Браунъ преподаетъ германск. нарѣчія, а также читаетъ общіе курсы по исторіи зап.-европ. литературы. До 1899 г. читалъ курсы по новѣйшимъ эпохамъ зап.-европ. литературы П. И. Вейнбергъ. Съ 1899 г. Д. К. Петровъ читаетъ по испанскому яз. и литературѣ. Въ *Москвѣ* преподаваніе поставлено на болѣе общую почву псторико-литерат. занятій, съ точки зрѣнія объясненія выдающихся фактовъ литературной жизни Запада. Проф. Н. И. Стороженко ввелъ также чтеніе и разборъ отдѣльныхъ памятниковъ иностранной литературы. Алексѣй Ник. Веселовскій читаетъ курсы иностранныхъ литературъ, съ указаніемъ ихъ отношеній (вліянія и отраженія) къ русск. литературѣ. Въ *Кіевѣ* проф. Н. П. Дашкевичъ параллельно общимъ курсамъ, обставленнымъ широкой эрудиціей, ввелъ семинаріи новыхъ языковъ въ ихъ историческомъ развитіи. Е. В. Аничковъ ведетъ спеціальныя занятія по англ. яз. и читаетъ общіе курсы по исторіи критики въ XIX в. Въ *Харьковѣ* проф. А. И. Кирпичниковъ (впослѣдствіи проф. въ *Одессѣ*, теперь въ Москвѣ) читалъ общія обозрѣнія исторіи западно-европ. литературы и велъ практическія занятія языками. Вспомогательнымъ предметомъ въ курсы литературы имъ введены вопросы исторіи искусствъ и археологіи. Кратковременная преподавательская дѣятельность Л. З. Колмачевскаго, оставившаго цѣнный научный трудъ по псторико-сравнительному изученію сказокъ и животнаго эпоса, распредѣляется между казанскимъ и харьковскимъ университетами (ср. Л. Ю. Шепелевичъ, «Каѳедра исторіи всеобщ. литер. въ Имп. харьк. унив.», 1897). Преемниками проф. Колмачевскаго въ Казани выступили Л. Ю. Шепелевичъ, ученикъ А. И. Кирпичникова, и Сергѣй Соловьевъ. Въ *Варшавѣ* курсы по исторіи зап.-европ. литературы, преимущественно съ точки зрѣнія общихъ эволюціонныхъ процессовъ, читалъ проф. Н. И. Карѣевъ; затѣмъ преподаваніе предмета поручено проф. русской словесности И. П. Созоповичу, удѣлившему широкое мѣсто въ своихъ курсахъ вопросамъ фольклора и изученію народныхъ сказаній. Въ *Дерптѣ* (Юрьевѣ) не было спеціальнаго преподавателя всеобщей литературы, но проф. Лоо Мейеръ читалъ курсы по германской филологіи. Кромѣ университетовъ, преподаваніе предмета включено въ учебныя программы: Имп. Александровскаго лицея въ СПб. (Р. О. Ланге, Н. А. Котляревскій), спб. духовной академіи (проф. А. П. Пономаревъ), высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ (А. Н. Веселовскій, Ѳ. Д. Батюшковъ, Н. А. Котляревскій, Ѳ. А. Браунъ) и въ Москвѣ (кромѣ профессоровъ университета, А. А. Шаховъ, курсы котораго о Гете и о франц. литературѣ начала XIX в. вышли посмертнымъ изданіемъ), педагогическихъ курсовъ (П. И. Вейнбергъ, Ѳ. А. Браунъ, В. Ѳ. Шишмаревъ). Серія публичныхъ лекцій по исторіи всеобщей литературы въ педагогическомъ музеѣ при Соляномъ Городкѣ въ Петербургѣ прочитана П. И. Вейнбергомъ. Преподаваніе общей исторіи литературы включено также въ программы педагогическихъ классовъ при нѣкоторыхъ частныхъ женскихъ гимназіяхъ, въ Петербургѣ и Москвѣ.

Ѳ. Батюшковъ.

29) Исторія русской литературы. Собственно говоря, научное изученіе исторіи русской литературы начинается только съ XIX в., когда явился рядъ новыхъ и замѣчательныхъ открытій въ области древней письменности, подверглась изслѣдованію почти неизвѣстная дотолѣ народная словесность, и къ изученію новой русской литературы были примѣнены новые методы. До тѣхъ поръ существовали только труды библіографическаго характера. Замѣчательнымъ сборникомъ, въ который вошло все богатство русской житійной литературы до XVI в., были «Великія Минеи-Четьи» митроп. Макарія. «Отцомъ» русской библіографіи, со словъ В. М. Ундольскаго, считаютъ Сильвестра Медвѣдева, которому приписывается «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ»; но ко времени болѣе раннему относится замѣчательное описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составленное въ концѣ XV в. Здѣсь примѣнены пріемы описанія большею частью тѣ же, какіе приняты и теперь (см. Н. Никольскій, «Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, XV в.», СПб., 1897). Къ XVIII в. относятся: J. Petri-Kohlii, «Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum» (1729), и Н. Новикова, «Опытъ историческаго словаря о росс. писателяхъ» (СПб., 1772; переизданъ въ «Матеріалахъ по русск. литературѣ» Ефремова, СПб., 1875). Въ сочиненіи Новикова собраны впервые свѣдѣнія о многихъ писателяхъ, особенно XVIII в.; слабая сторона его—незначительныя свѣдѣнія о древней русской литературѣ. Какъ бы дополненіемъ къ нему служитъ «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ», Дмитревскаго (впервые появившееся на нѣмецкомъ яз. въ Лейпцигѣ 1768 г. и потомъ переизданное въ «Матеріалахъ» Ефремова). Болѣе серьезны труды митроп. Евгенія: «Словарь историч. о писателяхъ дух. чина» (1818) и «Словарь россійскихъ свѣтскихъ писателей» (2 изд., М., 1845). Къ началу XIX в. относятся и первые обзоры русской литературы—Греча, «Опытъ краткой исторіи русской литературы» (1822) и «Учебная книга рус. слов.» (1830) и Максимовича, «Исторія древне-русск. словесности» (1839). Еще раньше выходятъ отдѣльныя изданія памятниковъ русск. литературы, съ критическими и литературными замѣчаніями. Таковы изданія гр. А. И. Мусина-Пушкина: «Правда русская» (СПб., 1792, въ сотрудничествѣ Болтина и Елагина); «Духовная вел. кн. Влади-

Библиотека "Руниверс"

міра Всеволодовича Мономаха» (съ переводомъ, СПб., 1793), «Историческая пѣснь о походѣ кн. Игоря Святославича» (М., 1800). Эти первыя изданія русскихъ памятниковъ не отличаются точностью передачи рукописнаго текста и нерѣдко даютъ невѣрный переводъ или объясненіе, что объясняется общимъ состояніемъ тогдашней палеографической и филологической науки въ Р. Умѣнье правильнѣе разбираться въ явленіяхъ и особенностяхъ древняго русскаго языка появляется нѣсколько позже, начиная съ трудовъ Востокова. Къ этому времени относятся труды и изданія дѣятелей кружка гр. Н. П. Румянцова, особенно К. Ѳ. Калайдовича и П. М. Строева (бывшихъ въ то время, вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ, лучшими знатоками древне-русск. литературы). А. Х. Востокову, кромѣ замѣчательнаго изданія «Остромирова Евангелія», принадлежитъ образцовое «Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума» (1841), заключающее въ себѣ рядъ изслѣдованій о многихъ памятникахъ русской литературы. Подобный же характеръ носилъ и позднѣйшій трудъ А. В. Горскаго и К. Невоструева, посвященный «Описанію рукописей московской синодальной библіотеки». Критическая оцѣнка дѣятелей русской литературы въ XVIII в. была очень слаба. Отдѣльныя статьи Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, посвященныя современнымъ имъ литературнымъ явленіямъ, занимаются разсмотрѣніемъ «стиля» критикуемыхъ сочиненій и соотвѣтствія ихъ установившейся теоріи. Слаба критическая оцѣнка и въ «Словарѣ» Новикова, и въ солидномъ трудѣ Л. Бакмейстера: «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland» (11 том.), представляющемъ обзоръ литературныхъ явленій на Руси въ теченіе 11 лѣтъ, съ 1770 г. Шагъ впередъ представляетъ критика Карамзина; въ статьѣ о Богдановичѣ имъ уже ставится вопросъ о причинѣ успѣха «Душеньки», объ отношеніи ея къ Лафонтенову подлиннику. Далѣе слѣдовали критическія статьи Мерзлякова, Надеждина, Полевого, наконецъ, Бѣлинскаго; данная послѣднимъ оцѣнка дѣятелей русской литературы XVIII и XIX вв. въ главныхъ чертахъ удержалась доселѣ; съ нею часто совпадаютъ замѣчанія Пушкина въ его замѣткахъ, статьяхъ и письмахъ. Общіе труды по исторіи русской литературы и компилятивные напр. А. П. Милюкова, «Очеркъ исторіи русской поэзіи» (СПб., 1847), и болѣе самостоятельные, напр. А. Галахова, «Исторія русской словесности» (1863—68; 2 изд., 1880) — въ эстетической и исторической оцѣнкѣ русскихъ писателей часто слѣдуютъ Бѣлинскому. Главные позднѣйшіе общіе труды по исторіи русской литературы: С. Шевыревъ, «Исторія русск. слов., преимущественно древней» (М., 1858—60); О. Ѳ. Миллера, «Опытъ историческаго обозрѣнія русск. словесности, съ христоматіей, расположенной по эпохамъ» (2 изд., СПб., 1865—66); И. Порфирьева, «Исторія русск. словесности», доведенная до начала XIX в.; А. Н. Пыпина, «Исторія русск. литературы» (СПб., 1898—99), заканчивающаяся разсмотрѣніемъ литературной дѣятельности Гоголя; А. Скабичевскаго, «Исторія новѣйшей русской литературы» (3 изд., 1897). Сжатый обзоръ древней русской литературы до-монгольскаго періода данъ въ «Исторіи русск. церкви» Е. Голубинскаго (т. I). Только въ силу устава 1835 г. въ университетахъ появляется каѳедра русской литературы, въ замѣнъ каѳедры краснорѣчія и стихотворства. Эта реформа дала блестящіе результаты. Въ московскомъ университетѣ проф. словесности послѣ Мерзлякова были Шевыревъ, Буслаевъ, Тихонравовъ, В. Ѳ. Миллеръ, М. И. Соколовъ; писали по русской литературѣ и занимавшіе другія каѳедры (славянскихъ нарѣчій — О. М. Бодянскій, всеобщей литературы — Алексѣй Н. Веселовскій и А. И. Кирпичниковъ). Въ спб. унив. проф. русской литературы были П. А. Плетневъ, М. И. Сухомлиновъ, А. В. Никитенко, О. Ѳ. Миллеръ, А. И. Незеленовъ, А. И. Соболевскій, И. Н. Ждановъ, доцентами: И. А. Шляпкинъ, П. О. Морозовъ, С. А. Венгеровъ, А. К. Бороздинъ, В. Н. Перетцъ; въ кіевск. унив.—М. И. Максимовичъ, А. И. Линниченко, А. И. Селинъ, И. П. Хрущовъ, А. И. Соболевскій, П. В. Владиміровъ; въ харьковскомъ унив. — Н. А. и П. А. Лавровскіе, А. А. Потебня, Н. Ѳ. Сумцовъ, М. А. Халанскій; въ казанскомъ унив. — Н. Н. Буличъ, А. С. Архангельскій; въ новороссійскомъ—П. Н. Полевой, И. С. Некрасовъ, В. А. Яковлевъ, В. Мочульскій, В. Истринъ; въ варшавскомъ унив. — М. А. Колосовъ, А. И. Смирновъ, П. А. Кулаковскій, И. Созоновичъ; въ юрьевскомъ унив.—А. Ѳ. Воейковъ, П. А. Висковатовъ, Мазингъ, Е. В. Пѣтуховъ; въ гельсингфорскомъ унив. — Я. К. Гротъ, Соловьевъ, В. А. Семеновъ, Мандельштамъ; въ спб. историко-филолог. институтѣ — А. Д. Галаховъ, Н. П. Некрасовъ, И. Н. Ждановъ. Изъ профессоровъ духовныхъ академій наиболѣе извѣстны трудами по исторіи русской литературы А. В. Горскій, Е. Е. Голубинскій (моск.), Н. И. Петровъ, В. Малининъ (кіевской), И. Я. Порфирьевъ (казанск.), А. И. Пономаревъ, Н. К. Никольскій (петербургск.). «Школу» и учениковъ создали немногіе изъ перечисленныхъ выше дѣятелей по изученію русск. литературы. Сильное вліяніе на рядъ изслѣдованій оказалъ Ѳ. И. Буслаевъ, особенно въ дѣлѣ изученія древне-русск. литературы и искусства и народной словесности (гдѣ Буслаевъ является послѣдователемъ миѳологической теоріи Гримма). Рядъ учениковъ Тихонравова (М. Н. Сперанскій, А. Карнѣевъ, В. М. Истринъ, С. Н. Северьяновъ, В. А. Михайловъ, С. О. Долговъ и др.) посвятили себя изученію, главнымъ образомъ, древней русской литературы, примѣняя методы своего учителя («Сочин.» Тихонравова изд. въ Москвѣ, въ 1898 г., со вступительной статьей Пыпина). А. Н. Пыпинъ недолго былъ университетскимъ преподавателемъ, но его диссертація «Очеркъ литерат. ист. старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» оказала вліяніе на первыя работы Александра Н. Веселовскаго и стала исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изученій въ области древне-русской повѣствовательной литературы. Проф. слав.

Библиотека "Руниверс"

нарѣчій И. И. Срезневскому принадлежитъ открытіе и опубликованіе многихъ памятниковъ древне-русской литературы; составленіе библіографическаго обзора ихъ и составленіе словаря древне-русскаго языка. Оригинальностью и выдающеюся вдумчивостью отличаются труды А. А. Потебни, посвященные, главнымъ образомъ, народной словесности. Главнѣйшій изъ нихъ—«Объясненіе малороссійскихъ и сродныхъ пѣсенъ». Учениками Потебни являются проф. Сумцовъ, Халанскій, Б. М. Ляпуновъ. Академія наукъ, издавшая 10 томовъ «Извѣстій рус. отд.» (въ 50-хъ годахъ, подъ ред. Срезневскаго) и болѣе 60 т. «Сборника отдѣл. рус. яз.» (съ изслѣдованіями Грота, Пекарскаго, Сухомлинова, Пыпина, митроп. Макарія и мн. др.), занимается критическимъ изданіемъ сочиненій рус. писателей (сочин. Державина и Хемницера—подъ ред. Я. К. Грота; Ломоносова—подъ ред. М. И. Сухомлинова; Пушкина только что начатое подъ ред. Л. Н. Майкова). По почину А. А. Шахматова, ею предпринимается теперь критическое изданіе сочиненій древнихъ рус. писателей. Очень много памятниковъ литературы помѣщено въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ». Общество любителей древней письмен. въ Петербургѣ издало множество памятниковъ старинной литературы какъ критически, такъ и въ воспроизведеніяхъ рукописей (труды Буслаева, Ключевскаго, архим. Леонида, И. А. Шляпкина, Х. М. Лопарева, Н. П. Лихачева, Н. К. Никольскаго и мн. др.). Археографической коммиссіи принадлежитъ изданіе русскихъ лѣтописей, Великихъ Миней-Четій Макарія (начато) и нѣк. друг. Много матеріаловъ по рус. литературѣ разсѣяно въ сборникахъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, въ возобновленныхъ съ 1897 г. «Извѣстіяхъ рус. отдѣла академіи наукъ», въ «Библіограф. Записках» Аѳанасьева, въ «Лѣтописяхъ рус. литер. и древности» Тихомирова, въ журн. «Древняя и Новая Россія», «Рус. Старина», «Рус. Архивъ», «Кіевская Старина» и др. Обширный историко-литературный матеріалъ собранъ въ изданіяхъ С. А. Венгерова: «Критико-біограф. словарь рус. пис. и ученыхъ» (вышло 5 т.), «Русская поэзія» (вышелъ 1 т.) и «Русскія книги» (вышло 3 т.). Справочныя свѣдѣнія даютъ «Словарь писателей» Геннади (1876—80); «Словарь русскихъ писательницъ», кн. Голицына (СПб., 1890); «Опытъ словаря псевдонимовъ», Карцова и Мазаева (СПб., 1891); Сильное развитіе получило за послѣднее полустолѣтіе изученіе народной словесности. Обильные матеріалы, собранные Рыбниковымъ, Кирѣевскимъ, Гильфердингомъ, Е. В. Барсовымъ, П. В. Шейномъ, П. А. Безсоновымъ и мн. др. вызвали рядъ изслѣдованій, начиная съ Буслаева (перечисленіе въ «Ист. русской этнографіи» Пыпина). Отдѣльныхъ трудовъ по исторіографіи русской литературы пока нѣтъ. Ей посвящены первыя главы I т. «Исторіи рус. литературы», Пыпина, и «Введеніе въ исторію русской словесности», П. В. Владимірова (Кіевъ, 1896). Ср. также А. М. Лобода, «Русскій богатырскій эпосъ» (Кіевъ, 1896). *А. Ляпченко.*

30) Исторія искусства—см. Искусство.

31) Русскій языкъ и сравнительное языкознаніе. Языкознаніе въ древней Руси носило вполнѣ опредѣленный подражательный характеръ. Работы грамматическаго содержанія, имѣвшія предметомъ главнымъ образомъ церковнославянскій языкъ и составленныя по византійскимъ образцамъ, шли къ намъ сначала изъ южнославянскихъ земель—Сербіи и Болгаріи, а потомъ возникали и на русской почвѣ. Первыя свѣдѣнія о церковнославянскомъ языкѣ и изобрѣтеніи славянской азбуки находимъ въ такъ называемыхъ «паннонскихъ легендахъ» о жизни славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, изъ которыхъ они были заимствованы и «Повѣстью временныхъ лѣтъ». Болѣе подробныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ даетъ сказаніе черноризца Храбра «О письменехъ», относящееся къ X вѣку и извѣстное въ болгарскихъ редакціяхъ XIII—XIV в. и русскихъ спискахъ XV—XVII вв.; прототипомъ его послужило аналогичное разсужденіе византійскаго грамматика Псевдо-Ѳеодосія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается разсужденіе Іоанна, экзарха болгарскаго, о славянскомъ языкѣ, входившее въ составъ его предисловія къ переводу богословія св. Іоанна Дамаскина и трактующее о нѣкоторыхъ различіяхъ славянскаго языка отъ греческаго. Большимъ распространеніемъ у насъ пользовалось также разсужденіе «о восьми частяхъ слова», составленное, по мнѣнію Ягича («Разсужденія южнослав. и русск. старины о церковнослав. яз.», въ «Изслѣдованіяхъ по русск. яз.», т. I, СПб., 1895), въ XIV в., въ Сербіи, по греческимъ образцамъ, точно еще не опредѣленнымъ (разсужденія «о восьми частяхъ слова» у грековъ не были рѣдкостью), затѣмъ перешедшее къ болгарамъ, а отъ нихъ, черезъ молдаво-валахскіе списки, попавшее и къ намъ (русскія рукописи XVI—XVII в.). Въ 1586 г., въ Вильнѣ, статья «о восьми частяхъ слова» была напечатана подъ заглавіемъ «Словенской грамматики» (мы находимъ здѣсь впервые славянскую грамматическую терминологію). Гораздо меньше было распространено извлеченіе изъ обширнаго грамматическаго трактата Константина Философа или Грамматика, жившаго въ Сербіи въ концѣ XIV в. Извлеченіе это, озаглавленное, «Словеса вкратцѣ избранна отъ книги Константина» и составленное очень плохо (въ Сербіи), подверглось вторичной передѣлкѣ и въ этомъ видѣ изрѣдка встрѣчается въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVII в. Призванный для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ, Максимъ Грекъ часто прибѣгалъ къ грамматическимъ доводамъ и объясненіямъ и пріобрѣлъ у насъ репутацію лучшаго знатока грамматики, хотя и не оставилъ настоящихъ грамматическихъ работъ. Рядъ замѣтокъ, принадлежавшихъ и приписывавшихся ему, неоднократно вносился въ разные наши грамматическіе рукописные сборники; нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи даже печатались (напр. въ московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго, 1648). Въ одной рукописи XVI в. встрѣчается краткій очеркъ грамматики и ея

Библиотека "Руниверс"

содержанія, принадлежащій, повидимому, Максиму Греку. Этотъ очеркъ находится въ связи съ весьма распространенной въ сборникахъ XVI—XVII вв. статьей: «*Книга глаголемая буквы иже в началѣ отъ грамматикія о просодіяхъ*» (въ двухъ редакціяхъ—пространной и сокращенной). Вообще, начиная съ XVI в. въ нашихъ сборникахъ статьи грамматическаго содержанія попадаются все чаще и чаще. По составу сборники эти весьма разнообразны; единственнымъ общимъ признакомъ ихъ является безъименность. Только въ позднѣйшихъ рукописяхъ упоминаются имена извѣстныхъ грамматиковъ Лаврентія Зизанія, Мелетія Смотрицкаго, Герасима Ворбозовскаго и др. Въ вышеупомянутомъ трудѣ акад. Ягича издано нѣсколько статей этого рода. Содержаніе ихъ сводится къ слѣдующимъ главнымъ вопросамъ: 1) о просодіяхъ, т. е. надстрочныхъ значкахъ, и о разныхъ знакахъ препинанія, попутно также о почеркахъ письма; 2) объ орѳографіи и орѳоэпіи, т. е. о правильномъ употребленіи различныхъ буквъ, о сокращеніи извѣстныхъ словъ подъ титлами и правильномъ чтеніи такихъ сокращеній; 3) о классификаціи гласныхъ и согласныхъ по ихъ положенію въ словѣ или физіологическимъ свойствамъ; 4) о грамматическомъ анализѣ словъ на основаніи теоріи «о восьми частяхъ слова». Грамматическій матеріалъ этихъ статей основанъ почти исключительно на греческой грамматической теоріи и только изрѣдка, въ нѣкоторыхъ терминахъ, обнаруживается вліяніе латинской грамматики. Источникомъ этого вліянія могла быть русская передѣлка латинской грамматики Доната или «Донатуса», извѣстная у насъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Казанскій списокъ замѣчателенъ тѣмъ, что писанъ, по словамъ переписчика, «единымъ русскимъ языкомъ, безъ латиньскаго, да бы прочитающимъ ю и учащимся въ нем болѣе разумно было»; только въ концѣ приложены, въ качествѣ образца, латинскія молитвы (русскими буквами). Какъ источникъ для исторіи нашей грамматической терминологіи, эта передѣлка Доната представляетъ большую цѣнность. Въ связи съ ней находится и «Книга глаголемая простословія, некнижное ученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся безпокоя, Евдокимищемъ препростымъ» и т. д., относящаяся къ концу XVI в. и имѣющая компилятивный характеръ. Въ другомъ спискѣ (второй половины XVII в.) авторомъ трактата названъ столь же неизвѣстный Боголѣпъ, который, вѣроятно, воспользовался трудомъ Евдокима, если только оба они не одно лицо, носившее два имени—монашеское и свѣтское (подробное изслѣдованіе и характеристику нашей рукописной грамматической литературы см. въ цитир. выше обширномъ трудѣ акад. Ягича). Большимъ распространеніемъ пользовались у насъ, далѣе, такъ называемые «азбуковники», соединявшіе въ себѣ словари чужихъ или непонятныхъ словъ съ своего рода энциклопедіею, куда вносились, въ азбучномъ или иномъ порядкѣ, разнаго рода интересныя свѣдѣнія. Древнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ болѣе узкій, опредѣленный характеръ настоящихъ глоссаріевъ; энциклопедическое направленіе азбуковники приняли съ половины XVI в. Толкованіе греческихъ реторическихъ терминовъ есть уже въ «Изборникѣ Святослава» (1073 г. въ статьѣ «о образѣхъ»). Первая попытка составить словарь непонятныхъ словъ и именъ (еврейскихъ) дошла до насъ въ новгородской Кормчей 1282 г., подъ заглавіемъ «Рѣчь жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разумъ и въ Евангеліихъ и въ Апостолахъ и въ Псалтири и въ Пареміи и въ прочихъ книгахъ». Кромѣ еврейскихъ словъ, сюда вошли и нѣкоторыя греческія и даже славянскія или русскія. Къ 1431 г. относится второй новгородскій словарь, при книгѣ Іоанна Лѣствичника) въ новгородскомъ монастырѣ) «Тлъкованіе неудобь познаваемымъ въ писаныхъ речемъ». Здѣсь уже не мало русскихъ словъ (отвлеченнаго значенія, напр. качество, количество, свойство, художество и т. д.). Изданія ихъ см. у Калайдовича, «Іоаннъ экз. Болгарскій» (М., 1824), и Сахарова, «Сказанія русскаго народа» (т. II). Часть этого матеріала вошла въ позднѣйшіе азбуковники или «алфавиты иностранныхъ рѣчей», которыхъ особенно много явилось въ XVI—XVII вв. (см. Буслаевъ, «Дополненія и прибавленія ко 2-му тому «Сказаній Сахарова», въ I кн. «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» Калачева; Мордовцевъ, «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.», М., 1862; «Объ источникахъ свѣдѣній по различнымъ наукамъ, въ древнія времена Россіи», въ «Православн. Собесѣдникѣ»; 1860 г., кн. I; Ширскій, «Очеркъ древнихъ славянорусскихъ словарей», «Филологич. Записки», 1869, кн. 1—2; Баталинъ, «Древне-русскіе азбуковники», тамъ же, 1873 г., вып. 3, 4, 5; Карповъ, «Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки», въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1877 г., приложенія). Составители азбуковниковъ принимаютъ иногда разныя названія одного языка за два разные языка (напр. греческій и еллинскій); принадлежность словъ разнымъ языкамъ часто показана совсѣмъ ошибочно; произношеніе многихъ иностранныхъ словъ обозначено невѣрно, напр. «французские поивре» (poivre, перецъ). Кромѣ грамматическихъ статей, въ азбуковникахъ приводятся азбуки (польская, греческая, еврейская, нѣмецкая, латинская, пермская, русская, «литоренская» и сирская), разсказъ о раздѣленіи языковъ по столпотвореніи вавилонскомъ, свѣдѣнія по метрикѣ, отрывки польскихъ молитвъ, греческія молитвы (русскими буквами), не говоря о разныхъ другихъ статьяхъ, не имѣющихъ отношенія къ языкознанію. Съ конца XVI в. у насъ начинаютъ являться печатные грамматики и словари. Во главѣ первыхъ должна быть поставлена упомянутая уже выше «Кграматыка славеньска языка» (Вильно, 1586), за ней явилась во Львовѣ (1591) «Грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка», иначе «Адельфотисъ». Первая, очень небольшая по объему, являлась плодомъ наблюденій надъ тогдашнимъ славянск. языкомъ (Острожской библіи), къ которому была примѣнена теорія восьми частей слова; вторая имѣла въ

Библиотека "Руниверс"

виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но нерѣдко заходила и въ область славянскаго. Въ 1596 г. явилась въ Вильнѣ «Грамматіка Словенска» Лаврентія Зизанія, къ которой былъ приложенъ «Лексисъ»—первый печатный славянскій словарь, послужившій источникомъ для азбуковниковъ или алфавитовъ иностранныхъ рѣчей XVII и XVIII вв., а также для словаря Памвы Берынды («Лексиконъ славенороссkій», Кіевъ, 1627). Источниками послѣдняго словаря, кромѣ «Лексиса» Зизанія, вошедшаго туда почти цѣликомъ, служили, повидимому, и рукописные словари. Въ свою очередь печатные словари Зизанія и Берынды легли въ основаніе цѣлаго ряда рукописныхъ словарей, въ родѣ изданнаго Житецкимъ («Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», Кіевъ, 1889, приложеніе) словаря XVII в.: «Синонима славенороссkая». Въ 1619 г. выходитъ грамматика Мелетія Смотрицкаго, надолго сдѣлавшаяся основнымъ грамматическимъ руководствомъ и выдержавшая нѣсколько передѣлокъ и изданій. На ея основаніи составлялись практическія школьныя грамматики, въ родѣ изданной въ Вильнѣ въ 1621 г., или руководства Аѳанасія Пузины, епископа луцкаго (Кременецъ, 1638). Въ Москвѣ грамматика Смотрицкаго была передѣлана, расширена вставкой грамматическихъ разсужденій, приписываемыхъ Максиму Греку, и въ такомъ видѣ издана безъ имени автора (1648) Цѣль Смотрицкаго была чисто практическая — дать кодексъ правилъ, при помощи которыхъ можно было-бы «читать по словенску и чтомое выразумѣвати», а также «писати раздѣлне» чистымъ славянскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе чистаго славянскаго языка и въ оригинальной редакціи грамматики Смотрицкаго (не говоря уже о позднѣйшихъ ея передѣлкахъ) не было: рядомъ съ формами древними встрѣчаются формы позднѣйшія, вызванныя вліяніемъ живыхъ славянскихъ языковъ (русскаго, польскаго), а также и самодѣльныя, искусственныя. Историческаго метода нѣтъ и слѣда; все изложеніе носитъ характеръ догматическій и чисто-описательный. Внѣшнія схемы, въ которыхъ расположенъ матеріалъ (гораздо болѣе обильный, чѣмъ у Зизанія), скопированы съ греческой грамматики, нерѣдко вопреки природѣ славянскаго языка. Терминологія Смотрицкаго очень близка къ современной традиціонной школьнограмматической (см. Засадкевичъ, «Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ», Одесса, 1883). Особнякомъ стоитъ «Граматично изказанје об русском језику» (1666), принадлежащее Крижаничу (см.) и изданное Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ Общества Ист. и Др. Росс.» (1848, I и 1849, III). Это грамматика не русскаго и не славянскаго языковъ, а созданнаго самимъ Крижаничемъ общеславянскаго языка, который онъ называетъ «стародавнимъ и коренным, русскимъ именемъ». Какъ первый опытъ этого рода, заключающій въ себѣ не мало остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній о славянскомъ языкѣ и славянскихъ нарѣчіяхъ, сочиненіе Крижанича является весьма интереснымъ памятникомъ. Появленіе юго-зап. ученыхъ въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в. отозвалось оживленіемъ нашей грамматической литературы. Епифаніемъ Славинецкимъ составлены были два словаря: «филологическій» (объясненіе разныхъ церковныхъ словъ) и «Лексиконъ реченій языка словенскаго и греческаго». Братья Лихуды съ 1685 г. преподавали грамматику и другія науки въ Заиконоспасской школѣ, для чего составили особые учебники, хранящіеся въ библіотекѣ моск. дух. акд. Въ народъ элементарныя школьно-грамматическія знанія проникали путемъ букварей въ родѣ «Науки чтенія и разумѣнія письма славянскаго» (самый первый—Вильно, 1596), «Азбуки» Бурцева: «Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія» (1637) или «Букваря славяно-россійскихъ письменъ» Каріона Истомина (1694). Просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго слабо отозвалась на нашемъ языкознаніи. Петру нужны были прежде всего точныя и прикладныя, техническія знанія; поэтому среди членовъ учрежденной имъ академіи наукъ совсѣмъ не было языковѣдовъ. Даже вліяніе Лейбница, съ которымъ Петръ вступилъ въ сношенія и который составлялъ ему проекты развитія наукъ и просвѣщенія въ Россіи, осталось въ этомъ отношеніи безрезультатнымъ. Изъ разныхъ мѣръ, которыя предлагалъ Петру Лейбницъ, всѣ, имѣвшія значеніе для языкознанія, остались неосуществленными (см. В. И. Герье, «Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому», СПб., 1871; «Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Р. и Петру Вел.», СПб., 1873). Грамматическая литература ограничивалась немногими учебниками (Копіевича, Поликарпова, Максимова), основанными на грамматикѣ Смотрицкаго, рус.-латинско-нѣмецкими вокабулами Копіевича («Nomenclator in lingua latina, germanica et russica», 1700) и немногими букварями, въ родѣ «Букваря треязычнаго славенскими, греческими и римскими письмены» Ѳедора, Поликарпова (М., 1701). Такой же практическій характеръ имѣли: «Лексиконъ треязычный» (слав., лат. и греч.) Ѳ. Поликарпова (М., 1704) и «Книга лексіконъ или собраніе рѣчей по алфавіту съ россійскаго на голанской яз.» (СПб., 1717). При Петрѣ начинаются и первыя у насъ попытки собиранія лингвистическаго матеріала. Такія работы производили: Боданъ, посланный въ Казань и Астрахань, Шоберъ, посланный на Кавказъ (1717) и, Мессершмидтъ, натуралистъ и оріенталистъ, отправленный въ 1721 г. въ Сибирь. Работы ихъ остались, однако, въ рукописи (см. Пекарскій, «Наука и литер. при Петрѣ I», т. I, 350—51). При преемникахъ Петра условія научнаго развитія существенно не измѣнились. Тредьяковскій написалъ «Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи старинной и новой» (1748), въ которомъ проводилъ смѣлую по тогдашнему мысль о необходимости фонетическаго правописанія, «по звонамъ» (по выговору). Сообразно съ этимъ принципомъ, Тредьяковскій изгонялъ изъ русской азбуки нѣкоторые лишніе знаки, въ родѣ *щ*, которое замѣнялъ со-

Библиотека "Руниверс"

четаніемъ *шч*, а также *з*, *и*, *э*, *ѳ*, *ѵ*. Вопросовъ метрики и версификаціи онъ касался въ «Способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ» (1735) и въ разсужденіи «О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ» (1755), гдѣ впервые устанавливалъ тоническую теорію русскаго стихосложенія. Объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, въ зависимости отъ содержанія и характера сочиненія, онъ говоритъ въ предисловіи къ переводному сочиненію: «Ѣзда на островъ любви», затрогивая здѣсь вопросы, поднятые также и Ломоносовымъ въ его ученіи о трехъ штиляхъ. Весьма интересны для характеристики филологическихъ пріемовъ Тредьяковскаго его «Три сужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; о первоначаліи Россовъ; о варяго-россахъ славянскаго званія, родѣ и племени» (1773). Свое положеніе о первенствѣ слав. языка Тредьяковскій доказываетъ рядомъ курьезныхъ этимологій, основанныхъ на созвучіи и дающихъ яркое понятіе о его филологическомъ методѣ, въ которомъ онъ являлся, впрочемъ, ученикомъ современныхъ ему западно-европейскихъ филологовъ-историковъ. Такъ скиѳы у него=*скиты* (отъ *скитаться*); Британія=*Пристанія* (гдѣ *пристали* кельты, названные такъ за *желтый* цвѣтъ своихъ волосъ) и т. д.. Первую русскую, не «славенороссійскую» грамматику (на нѣм. языкѣ) находимъ въ нѣмецко-латино-русскомъ словарѣ Вейсмана, изд. акд. наукъ въ 1731 г. («Teutsch- Lateinisch- und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache», СПб.). Грамматика эта, приписываемая студенту Ададурову, по отзыву Ломоносова «весьма несовершенная и во многихъ мѣстахъ неисправная», представляетъ собой передѣлку и сокращеніе грамматики Смотрицкаго, примѣненной къ русскому языку, и далека отъ какого-бы то ни было научнаго отношенія къ фактамъ языка. Только ученіе Смотрицкаго о глаголѣ очевидно не понравилось Ададурову, который, однако, не умѣлъ замѣнить его чѣмъ-либо лучшимъ и изложилъ эту часть грамматики очень кратко и неполно. Между тѣмъ необходимость порядочной русской грамматики ощущалась уже давно. Еще Крижаничъ («Русское государство въ половинѣ XVII в.», ч. II, 2) жаловался на отсутствіе «доброй грамматики и лексикона». Посошковъ, въ началѣ XVIII в. («Сочиненія», т. I, 11), говоря о мѣрахъ къ образованію духовенства, указывалъ, что «Его императорскому величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ». Въ 1735 г. учреждено было при акд. наукъ такъ назыв. «Россійское Собраніе», долженствовавшее «радѣть о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ». Въ числѣ задачъ новаго учрежденія было составленіе «грамматики доброй и исправной» и «дикціонарія полнаго и довольнаго». Осуществить эту задачу задумалъ Ломоносовъ, начавшій еще съ конца сороковыхъ годовъ собирать матеріалъ для своей «Россійской грамматики» (1755), которая и явилась первой полной грамматикой русскаго литературнаго языка. Хотя Ломоносовъ во многомъ пользовался грамматикой Смотрицкаго и ея передѣлкой, сдѣланной Ададуровымъ, тѣмъ не менѣе геніальность его выразилась и въ выборѣ грамматическаго матеріала, и въ его обработкѣ и систематизаціи. Черновые наброски Ломоносова свидѣтельствуютъ о чрезвычайно добросовѣстной подготовительной работѣ, въ которой сказался индуктивный пріемъ натуралиста. Цѣлые листы исписаны примѣрами, общій выводъ изъ которыхъ представленъ въ видѣ грамматическаго правила. За норму языка Ломоносовъ принимаетъ «разсудительное его употребленіе». Педантизма, стремящагося исправлять живой языкъ, даже сочинять небывалыя формы (какъ это дѣлалъ Смотрицкій), у Ломоносова нѣтъ и въ поминѣ. Онъ смѣло заявляетъ, что большинство «надстрочныхъ знаковъ принято отъ грековъ безъ нужды» и выкидываетъ изъ азбуки десять лишнихъ буквъ. Дѣлая разумныя уступки фонетическому принципу правописанія, онъ признаетъ необходимость и этимологическаго принципа, несоблюденіе котораго было-бы «весьма странно и противно способности легкаго чтенія». Хорошій знатокъ живого русскаго языка не только въ сѣверномъ его нарѣчіи, но и въ московскомъ говорѣ и «украинскомъ діалектѣ», съ которымъ онъ познакомился въ Кіевѣ, Ломоносовъ удачно выдѣлилъ въ литературномъ языкѣ два его составныхъ элемента: «просторѣчіе», т. е. матеріалъ, идущій изъ живыхъ областныхъ говоровъ, и церковно-славянскій осадокъ, внесенный многовѣковой совмѣстной жизнью живого народнаго языка съ книжнымъ славянскимъ языкомъ. Отдѣленіе «славянизмовъ» отъ «руссизмовъ» въ общемъ составѣ русскаго языка придало его грамматикѣ характеръ сравнительный. Иногда Ломоносовъ вводилъ и историческіе доводы, ссылаясь, напримѣръ, на «уложенія, указныя книги, печатныя и письменныя права и указы», въ которыхъ имѣются извѣстныя «написанія». Его упрекали въ вульгаризаціи языка, внесеніи въ него многочисленныхъ провинціализмовъ, подмѣнѣ русскаго языка «холмогорскимъ нарѣчіемъ»; на самомъ дѣлѣ, однако, изъ всѣхъ живыхъ говоровъ онъ отдавалъ предпочтеніе московскому, не только «для важности столичнаго города, но и для его отмѣнной красоты». Рядъ замѣчаній о произношеніи извѣстныхъ звуковъ или словъ, употребительности тѣхъ или другихъ формъ и т. д. дѣлаютъ «Грамматику» Ломоносова важнымъ до сихъ поръ историческимъ памятникомъ, изъ котораго историкъ языка можетъ извлечь много цѣнныхъ фактовъ. Недостаткомъ ея является искусственность и насильственность схемъ, въ которыхъ изложена въ ней морфологія, особенно ученіе о глаголѣ. Кое въ чемъ Ломоносовъ даже сдѣлалъ шагъ назадъ сравнительно съ М. Смотрицкимъ: такъ, понятіе о видѣ, встрѣчаемое въ зародышѣ уже у Смотрицкаго, не было оцѣнено и развито Ломоносовымъ, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ построить систему цѣлыхъ десяти временъ, чтобы какъ нибудь втиснуть въ нихъ своеобразныя фор-

Библиотека "Руниверс"

мы русскаго глагола. Понятіе развитія языка было не чуждо Ломоносову: «какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено и одними простыми рѣченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по мало умножилось, что происходило произвожденіемъ и сложеніемъ». Еще до Шлецера онъ устанавливалъ семью славянскихъ языковъ и предугадывалъ дѣленіе ихъ на юго-восточную и сѣверо-западную группы, отмѣчая бо́льшее сходство русскаго языка съ южнославянскими (задунайскими) языками, чѣмъ съ польскимъ. Онъ же различалъ древнерусскій языкъ отъ старославянскаго, указывая на договоры князей съ греками, «Русскую Правду» и «прочія историческія книги» (вѣроятно—лѣтописи), какъ на памятники *русскіе*, а не *славянскіе*. Въ «Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» онъ пытался найти незыблемыя основы для русской стилистики, разграничивая и опредѣляя употребленіе въ разныхъ родахъ сочиненія славянизмовъ и природныхъ русскихъ словъ. Въ «Письмахъ о правилахъ россійскаго стихотворства» (1739) Ломоносовъ является единомышленникомъ Тредьяковскаго, признавая тоническую систему стихосложенія единственно пригодной для русскаго языка, но даетъ рядъ поправокъ и дополненій къ его теоріи. Въ своихъ историч. работахъ Ломоносовъ, какъ и Тредьяковскій, прибѣгалъ къ филологическимъ доказательствамъ, но гораздо сдержаннѣе. См. К. Аксаковъ, «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» (М., 1846); Будиловичъ, «Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (СПб., 1869); Гротъ, «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» (СПб., 1876, стр. 48—69); статьи Буслаева, «Ломоносовъ какъ грамматикъ», и Лавровскаго, «О трудахъ Ломоносова по грамматикѣ русскаго языка и рус. исторіи», въ сборникахъ моск. и харьковскаго университетовъ, изданныхъ по случаю Ломоносовскаго юбилея (1865). Другіе члены академіи наукъ, хотя и не языковѣды по профессіи, начали собирать лингвистическіе матеріалы. Знаменитый историкъ-оріенталистъ Байеръ (академикъ съ 1726 г., † 1738) занимался изученіемъ китайскаго, монгольскаго, калмыцкаго, маньчжурскаго, тангутскаго, тибетскаго языковъ. Одинъ изъ первыхъ, если не самый первый у насъ, началъ онъ заниматься съ пріѣзжимъ въ СПб. индусомъ изученіемъ «браминскаго» языка, т. е. санскрита. Плодомъ этихъ занятій были напечатанныя въ изданіяхъ академіи работы по литературѣ и грамматикѣ перечисленныхъ выше языковъ: «Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mongolicae»; «Elementa brahmanica», «Elementa calmucica» и т. д. Во второй половинѣ XVIII в. Г. Л. Хр. Бакмейстеръ собралъ массу матеріаловъ для сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ земного шара. Эти матеріалы легли въ основаніе словаря, изданнаго Екатериной II. Императрица, какъ она писала доктору Циммерману 9 мая 1785 г., «составила реэстръ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ, которыя велѣла перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла ихъ найти: ихъ уже болѣе двухъ сотъ». Помощникомъ Екатерины въ этомъ трудѣ былъ берлинскій ученый Фридр. Николаи, составившій для нея (1785 г.) общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра (хранящееся въ рукописи въ библіотекѣ эрмитажа). Дальнѣйшее веденіе дѣла было поручено Палласу. Въ 1787 г. была издана первая часть словаря (на рус. и латинск. яз.), содержавшая 285 словъ (напечатанныхъ русскими буквами) изъ 51 европейскаго и 149 азіатскихъ языковъ и нарѣчій. Новое изданіе всего словаря, подъ редакціей Ѳ. Я. Яковича де Мириево («Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный»), вышло въ СПб., въ 1790—91 гг., на одномъ русскомъ языкѣ; оно было дополнено 4 европ. и 22 азіатскими, а также 30 африк. и 23 америк. языками. Недоступное европейской публикѣ, какъ напечатанное по-русски, оно и у насъ поступило въ продажу только въ 1813 г. Научное значеніе словаря было невелико. Ошибочная идея «всеобщаго» сравнительнаго словаря могла явиться только въ XVIII в., до возникновенія научнаго сравнит. языкознанія; выполненіе ея носило характеръ скороспѣлости и необдуманности. Тѣмъ не менѣе словарь Екатерины II оживилъ научную жизнь того времени; появленіе его вызвало рядъ рецензій и поправокъ, которыя уже сами по себѣ были пріобрѣтеніемъ для науки. Положительную сторону словаря составляло обиліе новаго матеріала, хотя-бы часто и не надежнаго. Свѣдѣнія о многихъ языкахъ Р., Сибири и Азіи проникали съ трудомъ въ Европу того времени, и многое въ словарѣ было новинкой для европейскихъ ученыхъ. См. Я. Гротъ, «Филологическія занятія Екатерины II» («Русскій Архивъ», 1877, кн. 1), и Фр. Аделунгъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde» (СПб., 1815; краткое извлеченіе отсюда: «Заслуги Екатерины Великой въ сравнит. языкознаніи», вѣроятно одновременное съ главнымъ сочиненіемъ). Первыми преподавателями словесности въ московскомъ унив. были Поповскій и А. Барсовъ; послѣдній въ своихъ грамматическихъ трудахъ («Правила россійской грамматики», М., 1771, 8 изд., и «Обстоятельная россійская грамматика», оставшаяся въ рукописи) является послѣдователемъ Ломоносова и отчасти Тредьяковскаго. Оцѣнку граммат. трудовъ Барсова и Свѣтова («Краткія правила по изученію языка россійскаго», М. 1790, «Опытъ о правописаніи», 1773 и др.) см. у Сухомлинова, «Истор. росс. акд.», вып. IV, 186—298 — 327. Протоіерей П. А. Алексѣевъ (1727 — 1801) издалъ «Церковный словарь» (1773 — 6; 4 изд.)—первый опытъ церковнослав. словаря, составленный совсѣмъ по образцу древнихъ азбуковниковъ и дававшій нерѣдко обширныя предметныя объясненія энциклопедическаго характера. Главнымъ трудомъ этого времени, имѣвшимъ важное значеніе для изученія русскаго языка, является «Словарь Академіи Россійской» (СПб., 1789

Библиотека "Руниверс"

—94, 2 изд. 1806—22). Въ составленіи его приняли участіе всѣ ея члены, раздѣлившіеся на 3 отдѣла: грамматикальный (для грамматическихъ объясненій), объяснительный (для опредѣленія значенія словъ) и распорядительный (для веденія самаго печатанія). Составленъ былъ планъ, въ обсужденіи котораго принялъ участіе, между прочимъ, Болтинъ и Фонъ-Визинъ (исторія «Словаря» см. у Сухомлинова, «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII, 1887). Какъ первый опытъ *русскаго* словаря, академическій словарь, не имѣвшій почти никакихъ предшественниковъ, долженъ быть признанъ довольно полнымъ (43000 словъ). Слабыя его стороны — недостаточное различеніе славянскихъ элементовъ отъ природныхъ русскихъ (см. Буличъ, «Церковнослав. элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ», ч. I, СПб., 1893, стр. 78—82); изгнаніе областныхъ словъ, кромѣ тѣхъ, «которыми изображаются вещи, орудія и пр. въ столицахъ неизвѣстныя», или «которыя своею ясностію, силою и краткостію могутъ послужить къ обогащенію... языка»; введеніе обветшалыхъ и даже вновь составленныхъ словъ въ замѣнъ иностранныхъ и вообще стремленіе исправлять и регламентировать живое употребленіе языка, находившееся въ связи съ основной цѣлью «Россійской Академіи», учрежденной (1783) для «вычищенія и обогащенія языка, установленія и употребленія словъ витійства и стихотворства». Наивно механическій взглядъ на звуковую сторону языка, этимологіи, основанныя на грубомъ пониманіи (въ родѣ *воробей* отъ *воръ* и *бей*), отсутствіе правильнаго историческаго изученія языка, сказавшееся, напр., въ признаніи слѣдовъ славянскаго языка въ нѣкот. кельтскихъ словахъ, схожихъ со славянскими, вытекали изъ условій того времени, когда словарь возникъ. Совершенно внѣ господствовавшихъ въ то время взглядовъ и представленій о языкѣ стояла работа Краценштейна: «Qualis sit natura et character sonorum litterarum vocalium a, e, i, o, u» (СПб., 1781), представлявшая попытку разрѣшить опытнымъ путемъ предложенную нашей академіей наукъ задачу изслѣдовать природу гласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи—задачу, выполненную лишь восемьдесятъ почти лѣтъ спустя знаменитымъ Гельмгольцемъ. Какъ первый опытъ этого рода, хотя и весьма несовершенный, работа Краценштейна занимаетъ нѣкоторое мѣсто въ исторіи научной фонетики.

Начало XIX вѣка не представляетъ выдающихся явленій въ области языкознанія. Сравнительно лучшія грамматики—И. Орнатовскаго (Харьковъ, 1810) и И. Тимковскаго (Харьковъ, 1811)—отразившія на себѣ такъ называемое «общеграмматическое» направленіе, въ научномъ отношеніи стоятъ не выше грамматикъ предшествовавшаго вѣка. Оба автора (особенно первый) плохо отличаютъ славянскій языкъ отъ русскаго, устанавливая общій «славяно-россійскій языкъ». Грамматики Фатера («Prakt. Grammatik der russ. Sprache», Лпц., 1808, 2 изд., 1814) и Таппе («Neue theoretisch praktische russische Sprachlehre für Deutsche», СПб. и Рига, 1810, 6 изд. 1835) превосходили наши доморощенныя грамматики систематичностью и обдуманностью и впервые послѣ Смотрицкаго вводили у насъ понятіе о глагольныхъ видахъ. Какъ первый опытъ, замѣчательна «Грамматика малорусскаго нарѣчія» Павловскаго (СПб., 1818). Сравнительное языкознаніе, только что зарождавшееся на Западѣ, еще не находило у насъ почвы для развитія; тѣмъ не менѣе еще до появленія перваго труда Боппа (1816) у насъ начинаютъ являться первые опыты сравненія русскаго языка съ санскритомъ, образцомъ для которыхъ могло послужить разсужденіе Корн. Готтл. Антона: «De lingua russica ex eadem cum Samscrdamica matre orientali prognata» (Виттенбергъ, 1809). Такой же характеръ носитъ небольшая безымянная книжечка, вышедшая въ 1811 г. въ СПб. на яз. франц. («Rapports entre la langue Sanscrite et la langue Russe») и русскомъ («О сходствѣ санскр. языка съ русскимъ»). Авторомъ этой брошюры впослѣдствіи оказался Фр. Аделунгъ (1768 — 1843). Она снабжена предисловіемъ Н. И. Греча и анонимными замѣчаніями. Самому Аделунгу принадлежитъ введеніе—о важности филологическихъ изысканій «для изъясненія исторіи народовъ», о санскритѣ, о пособіяхъ для его изученія,—и затѣмъ сопоставленіе 178 санскр. словъ съ русскими. Сходство русскаго съ санскритомъ объясняется общимъ ихъ происхожденіемъ изъ древняго персидскаго или «мидійскаго» языка. Не выше стоитъ и вызванная этимъ сочиненіемъ «Dissertation sur l'utilité et le merite d'un ouvrage anonyme ayant pour titre: Rapports entre la langue... etc.» (СПб., 1812), И. Леванды. Въ 1820 г. Аделунгъ издалъ обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и ихъ діалектовъ («Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte», СПб., 1820)—голый перечень, безъ всякой характеристики. Филологическая дѣятельность А. С. Шишкова, отдававшая дань безграничному всесравнительному направленію, носила яркій отпечатокъ дилетантизма. Только съ 20-хъ годовъ этого вѣка занятія языкознаніемъ начинаютъ пріобрѣтать у насъ болѣе научный характеръ. Подготовительный характеръ имѣетъ дѣятельность К., П. и И. Калайдовичей, А. Болдырева, М. Т. Каченовскаго, И. Комаровскаго, рядъ статей которыхъ по разнымъ вопросамъ грамматики русскаго и славянскихъ языковъ помѣщенъ въ «Трудахъ Моск. Общества Любит. Россійск. Словесности» (1812—20). Общее ихъ направленіе—чисто эмпирическое. Въ 1820 г. является въ свѣтъ знаменитое разсужденіе Востокова «О славянскомъ языкѣ», составившее эпоху въ сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ и положившее начало русской филологической и лингвистической школѣ. Къ 1831 г. относятся его же грамматики русскаго языка, «сокращенная» и «полная», выдержавшія много изданій. Обѣ онѣ имѣютъ характеръ чисто описательныхъ школьныхъ грамматикъ, безъ историческаго и сравнительнаго освѣщенія и объясненія фактовъ, но замѣчательны по точности данныхъ и полнотѣ матеріала. Нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколько ранѣе явившіеся грамматическіе труды Н. И. Греча не могутъ идти съ ними въ сравненіе и представляютъ собой плохія компиляціи, что не мѣшало имъ имѣть огромное распространеніе. Съ конца 20-хъ годовъ чаще начинаютъ являться и работы сравнительнаго характера. Таковы грамматическіе этюды академика Ѳ. Б. Грефе, написанные по-нѣмецки или по-латыни, хотя и напечатанные въ изданіяхъ нашей акад. наукъ. Не отличаясь самостоятельностью взглядовъ, они обнаруживаютъ знакомство автора съ европейской научной литературой, трудами Боппа, Гримма и др. Своеобразное явленіе представляетъ объемистый трудъ свящ. Константина Экономида, «Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ», изданный въ греческомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ росс. академіей (СПб., 1828). Авторъ старается подробнымъ грамматическимъ и лексическимъ сравненіемъ славянскаго, русскаго и др. славянскихъ языковъ съ греческимъ (рѣже—санскритомъ, готскимъ, нѣмецк., лат. и другими языками) доказать положеніе, что славянскій языкъ есть одинъ изъ діалектовъ «ѳракo-пеласгійскаго» языка или того «необразованнаго греческаго языка», которымъ говорили греки до-гомеровскихъ и даже «до-орфеевскихъ» временъ. Методъ его не отличается точностью, сближенія весьма часто основаны на простомъ созвучіи, но встрѣчаются и удачныя сопоставленія и грамматическія замѣчанія. Гораздо выше по методу диссертація Б. Дорна: «De affinitate linguae slavicae et sanscritae» (Харьковъ, 1833), дающая довольно подробное сравненіе грамматическаго строя славянскаго и санскрита; въ концѣ около 100 русскихъ словъ, сравниваемыхъ съ санскритскими. Мало научный характеръ носитъ «Этимологическій словарь русск. яз.» Рейфа (СПб., 1835—36). Особенное оживленіе начинаетъ замѣчаться въ нашей филологической литературѣ съ 40-хъ годовъ, когда является рядъ монографій Максимовича, Буслаева, Надеждина, Билярскаго, Новикова, К. Аксакова, Каткова, Срезневскаго и др. Отсутствіе строгой школы чувствуется въ бо́льшей или меньшей степени у всѣхъ названныхъ ученыхъ, особенно сильно у К. Аксакова, менѣе всего у Буслаева. Максимовичъ, бывшій ботаникъ, потомъ профессоръ русск. словесности, написалъ «Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1838), «Исторію древней русской словесности» (Кіевъ, 1839), гдѣ нерѣдко идетъ рѣчь и о языкѣ, и «Начатки русской филологіи» (Кіевъ, 1845), въ которыхъ особенно замѣчательны его взгляды на русское «полногласіе» (см.), имъ этимъ именемъ и окрещенное. Буслаевъ въ 1844 г. выступаетъ съ трудомъ «О преподаваніи отечественнаго языка», гдѣ уже сказывается будущій историкъ языка. Въ 1848 г. выходитъ его разсужденіе «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» (М.). Здѣсь и въ другихъ своихъ лингвистическихъ трудахъ Буслаевъ является вѣрнымъ ученикомъ нѣмецкихъ языковѣдовъ Раумера, Гримма, Боппа и др., единственнымъ почти проводникомъ къ намъ ихъ метода и выводовъ, и безусловно единственнымъ, надолго, у насъ языковѣдомъ съ такой широкой и глубокой сравнительно-исторической научной перспективой, какой не было еще и у Востокова. Къ этому же направленію должно быть отнесено изслѣдованіе Каткова: «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» (М., 1845), представляющее меньшую степень учености и точности метода, но во многомъ для своего времени интересное. Надеждинъ, въ своей статьѣ: «Mundarten der russischen Sprache» (вѣнскіе «Jahrbücher d. Literatur», 1841), является первымъ почти у насъ изслѣдователемъ народныхъ русскихъ говоровъ. Историческій характеръ имѣетъ, по своей основной цѣли, и монографія К. Аксакова: «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» (М., 1846), страдающая недостаткомъ строгаго и точнаго метода и отсутствіемъ настоящаго фактическаго изслѣдованія. Билярскій выступаетъ съ блестяще написаннымъ научно-полемич. разсужденіемъ: «Судьбы церковнаго языка» (СПб., 1848). Новиковъ («О важнѣйшихъ особенностяхъ пужицкихъ нарѣчій», М., 1849) является однимъ изъ самыхъ первыхъ нашихъ славистовъ-языковѣдовъ, вызванныхъ учрежденіемъ у насъ каѳедръ по слав. филологіи (1838), на которыя приглашены были Бодянскій, Григоровичъ, Прейсъ и Срезневскій. Послѣдній выступилъ въ 1849 г. съ «Мыслями объ исторіи русскаго языка», составившими эпоху въ области историческаго изученія русскаго яз. и являющимися предтечей болѣе поздней Буслаевской «Исторической грамматики». Въ сторонѣ отъ разсмотрѣнныхъ направленій стоятъ дилеттантскіе труды Павскаго («Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка», СПб., 1841—42, 2-е изд., 1850) и Костыря («Предметъ, методъ и цѣль филологич. изученія русскаго языка», Кіевъ, 1848). Павскій является представителемъ дилеттантскаго языкознанія, которое долго держалось и до сихъ поръ еще встрѣчается въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Нѣкоторыя его замѣчанія и до сихъ поръ имѣютъ цѣну, но ни метода, ни научной школы у него не было. Костырь, строгій критикъ чужихъ трудовъ, «разрушитель славы» Павскаго и Каткова, былъ послѣдователемъ и поклонникомъ Шишкова, съ слабыми научными знаніями и большой наклонностью къ туманнымъ и велерѣчивымъ разглагольствованіямъ. Къ 40-мъ годамъ относится 4-томный «Словарь церковно-слав. и русскаго языка» (СПб., 1847), изданный вторымъ отд. Имп. акад. наукъ, превосходившій объемомъ прежніе академическіе словари (ок. 115000 словъ), но страдавшій неполнотой (въ немъ не находятся иногда слова, пмѣвшіяся въ прежнихъ словаряхъ), случайностью матеріала и традиціоннымъ смѣшеніемъ двухъ языковъ—славянскаго и русскаго. Знаменитымъ Востоковскимъ изданіемъ «Остромирова Евангелія» (СПб., 1843) открывается рядъ аналогичныхъ изданій, предпринятыхъ Срезневскимъ и др. нашими палеографами и доставившихъ обильный матеріалъ для грамматическихъ изслѣдованій. Какъ явленіе совершенно исключительное и на много лѣтъ опередившее свое

Библиотека "Руниверс"

время, должны быть отмѣчены «физіологическія изслѣдованія» Самуила Барана: «Стихіи человѣч. рѣчи» (СПб., 1844; отд. оттискъ изъ журнала «Маякъ»), представляющія такое отчетливое и тонкое пониманіе звуковой стороны русскаго языка, какого не было ни у одного изъ знаменитыхъ современниковъ этого скромнаго учителя русскаго языка, никѣмъ въ свое время неоцѣненнаго. Какъ образчикъ курса общаго языкознанія въ примѣненіи къ русскому языку, не безъинтересенъ конспектъ лекцій проф. Ришельевскаго лицея Зеленецкаго: «Система и содержаніе философскаго языкоученія съ приложеніемъ къ языку русскому» (СПб., 1841). Гораздо слабѣе другое его разсужденіе: «Объ особенностяхъ языка русскаго и объ отношеніи его къ языкамъ западно-европейскимъ» (Одесса, 1848). Санскритъ въ это время читался въ одномъ только казанскомъ унив. Отсюда слабое знакомство съ нимъ у нашихъ филологовъ того времени и отсутствіе работъ по сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ и смежнымъ дисциплинамъ. Многія сопоставленія въ «Корнесловѣ русскаго языка» Ѳ. Шимкевича (СПб., 1842, 2 части) не выдерживаютъ научной критики, хотя для того времени это была работа не безъ достоинствъ. Въ 50-хъ годахъ непосредственно къ «Мыслямъ» Срезневскаго примыкаетъ изслѣдованіе П. Лавровскаго: «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» (СПб., 1852)—первая подробная историческая монографія по одному изъ великорусскихъ поднарѣчій (новгородскому). Здѣсь положено основаніе исторической діалектологіи русск. яз., представляемой въ наше время трудами проф. Соболевскаго и акад. Шахматова. Менѣе значительна работа П. Лавровскаго: «О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками» (СПб., 1853). Изъ другихъ работъ Лавровскаго выдаются: «Обзоръ особенностей нарѣчія малорусскаго» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1859)—первая подробная характеристика звуковыхъ и формальныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, «О русскомъ полногласіи» («Матеріалы для словесности и грамматики», V, 1861), «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ» («Сборникъ II отд. Имп. акад. наукъ», 1867). Въ послѣднихъ двухъ работахъ П. Лавровскій вступилъ на историко-сравнительный путь, открытый Буслаевымъ. Однимъ изъ капитальнѣйшихъ явленій этого времени долженъ быть признанъ «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (М., 1858), Буслаева, съ примыкавшей къ ней «Исторической хрестоматіей церк.-слав. и древне-русскаго языковъ» (М., 1861). Въ первой сравнительно-грамматическому освѣщенію исторіи русскаго яз. отводилось болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ трудахъ предшественниковъ Буслаева. Рядомъ продолжалась дѣятельность Срезневскаго, направленная главнымъ образомъ въ сторону собиранія и изданія памятниковъ языка. Важное значеніе имѣла его академическая дѣятельность, какъ редактора «Извѣстій Имп. акад. наукъ по отдѣлу русскаго языка и словесности» (X т., СПб., 1852—63), съ цѣлымъ рядомъ статей Аѳанасьева, архим. Амфилохія, Билярскаго, Голотузова, И. И. Давыдова, архим. Макарія, Микуцкаго, Погодина, самого Срезневскаго и друг.; въ видѣ приложеній при «Извѣстіяхъ» вышли 6 томовъ «Матеріаловъ для сравнительнаго словаря и грамматики» (1852—61). Здѣсь же напечатанъ «Словарь церковно-славянскаго языка» Востокова (1858—61). Подъ редакціей Востокова вышло другое важное академическое изданіе: «Опытъ областного великор. словаря» (СПб., 1852), съ «Дополненіемъ» къ нему (СПб., 1858). Не смотря на крупные недостатки, «Словарь» этотъ до сихъ поръ является важнымъ пособіемъ для каждаго занимающагося русскимъ языкомъ и неизбѣжнымъ источникомъ для каждаго будущаго русскаго словаря. Въ 1860 г. вышелъ послѣдній крупный трудъ Востокова—«Грамматика церковно-слав. языка» (СПб.), основанная главнымъ образомъ на русскихъ памятникахъ и потому теперь потерявшая свое значеніе *церковнослав.* грамматики, но сохраняющая цѣну какъ добросовѣстный сводъ особенностей церковнослав. языка *русской* редакціи. Изъ послѣднихъ работъ Максимовича особое значеніе имѣли «Филологическія письма къ Погодину» («Русск. Бесѣда», 1856—57 гг. и «День», 1863 г.), занимавшіяся вопросомъ о древнѣйшихъ слѣдахъ малорусскаго нарѣчія въ историч. памятникахъ русскаго языка. Отрицательнымъ образчикомъ безсодержательной оффиціальной науки того времени является «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» (1852), И. И. Давыдова. «Опытъ русской грамматики» К. Аксакова (ч. I, М., 1860 и въ собраніи его сочиненій) характеристиченъ какъ одинъ изъ отголосковъ любительскаго языкознанія Шишкова и др., подправленнаго философствованіями въ духѣ Гегеля и московскихъ славянофиловъ 40-хъ гг. Послѣднимъ представителемъ этого языкознанія былъ проф. харьк. унив. Безсоновъ, снабдившій новое изданіе грамматики своимъ предисловіемъ. Важное значеніе имѣла работа знаменитаго нашего санскритиста О. Н. Бетлинга: «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» («Уч. Зап. Имп. Акд. Наукъ» по I и III отд., СПб., 1852, I), дающая рядъ такихъ тонкихъ наблюденій надъ живымъ произношеніемъ русскаго языка, какихъ русская наука и въ то время (кромѣ вышеупомянутой работы Барана), и много лѣтъ спустя не знала. Къ 50-мъ годамъ относятся и первыя болѣе крупныя работы Я. К. Грота («О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка», «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1852 и др.). Большинство его статей вошло въ позднѣйшій сборникъ подъ заглавіемъ: «Филологическія Розысканія» (СПб., 1873). Не представляя ничего цѣльнаго, работы Грота занимаютъ извѣстное мѣсто въ исторіи нашего языкознанія, давая рядъ лексическихъ, этимологическихъ и фонетическихъ наблюденій. Къ началу 50-хъ годовъ относится первая крупная діалектологическая работа Даля, «О нарѣчіяхъ русск. языка» («Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1852), а къ 60-мъ годамъ — главный трудъ всей его жизни, монументальный по обилію и важности матеріала «Толковый словарь живого великорусскаго

Библиотека "Руниверс"

яз.» (СПб., 1861—68, 2 изд., 1880—82), остающійся, не смотря на довольно крупные недостатки, незамѣнимымъ научнымъ пособіемъ для каждаго занимающагося русскимъ языкомъ, благодаря обилію новаго и бо́льшею частью достовѣрнаго матеріала. Въ половинѣ 60-хъ годовъ являются первыя работы Потебни («О полногласіи», «Филол. Зап.», 1864, «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», тамъ же, 1865), сразу обратившія на себя вниманіе своею обстоятельностью и серьезностью. Важное въ свое время для нашей науки провинціальное изданіе — «Филологич. Записки» (Воронежъ, съ 1860 г. и донынѣ)— помѣстило на своихъ страницахъ рядъ весьма цѣнныхъ трудовъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Кромѣ нѣкоторыхъ лексическихъ сопоставленій русскаго и славянскаго яз. съ санскритомъ (Хомякова, Микуцкаго) и скандинавскимъ (Сабинина, Грота) и т. д., а также работъ Гильфердинга («О сродствѣ языка слав. съ санскритомъ», СПб., 1853, и «Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ», М., 1855), работъ сравнительнаго характера въ 50-хъ годахъ не появлялось. Замѣчательна мысль Гильфердинга о ближайшемъ родствѣ восточныхъ индоевропейскихъ (арійскихъ и литво-слав.) языковъ, къ которой современная Гильфердингу критика отнеслась отрицательно, но которая теперь становится все болѣе и болѣе вѣроятной. Въ 1858 г. Коссовичъ началъ читать въ спб. унив. санскритъ и зендъ; онъ составилъ первыя у насъ по времени руководства по этимъ языкамъ и санскрито-русскій словарь (не оконченный). Учрежденіе новыхъ каѳедръ сравнительнаго языкознанія по уставу 1863 г. не могло быстро измѣнить положеніе этой науки. Новыя каѳедры пустуютъ довольно долго и начинаютъ замѣщаться только къ самому концу 60-хъ годовъ и началу 70-хъ. Въ Петербургѣ каѳедру занимаетъ И. П. Минаевъ, единственный лингвистическій трудъ котораго—«Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пали»; въ Москвѣ—А. Л. Дювернуа, затѣмъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ и В. Ф. Миллеръ; въ Казани—И. А. Бодуэнъ де Куртенэ; въ Харьковѣ—В. И. Шерцль (впослѣдствіи въ Одессѣ); въ Варшавѣ—С. П. Микуцкій, послѣ ухода котораго каѳедра долго оставалась вакантной до назначенія Г. К. Ульянова. Въ Кіевѣ и Одессѣ каѳедры языковѣдѣнія пустовали еще дольше и были заняты лишь въ недавнее сравнительно время Ѳ. И. Кнауэромъ и Д. К. Овсянико-Куликовскимъ. Не удивительно, если и наша скудная литература по сравнительному языкознанію развивалась за послѣднія 30—35 лѣтъ довольно туго. Изъ новыхъ оффиціальныхъ представителей языкознанія раньше всѣхъ выступили въ научной литературѣ И. А. Бодуэнъ де Куртенэ, съ отличными монографіями по славянскому языкознанію, имѣющими и общее значеніе, В. И. Шерцль («Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ», ч. I, Харьковъ, 1871; ч. II, 1873 и др.), и Микуцкій, любитель-самоучка, сравнивавшій между собой чуть не всѣ языки земного шара. Позднѣе являются выдающіяся сравнительно-грамматическія изслѣдованія Фортунатова («Sâmaveda-Aranyaka-Samhitâ», М., 1875, университетскіе курсы и т. д.) и В. Ѳ. Миллера («Очерки арійской миѳологіи. I. Ашвины-Діоскуры», М., 1876; «Осетинскіе этюды», М., 1881; «Руководство къ изученію санскрита», СПб., 1891, вмѣстѣ съ Кнауэромъ и т. д.). работы по сравнит. миѳологіи Овсянико-Куликовскаго, цѣнныя изслѣдованія Ульянова («Основы наст. вр. въ стсл. и литовск. языкахъ», Варшава, 1888, и «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-слав. языкѣ», ч. I и II, Варшава, 1891). Въ теченіе 80-хъ годовъ опредѣленнѣе обрисовываются три школы среди нашихъ представителей сравнительнаго языкознанія: 1) петербургская, съ И. П. Минаевымъ во главѣ, выпускавшая преимущественно индіанистовъ-филологовъ, какъ С. Ѳ. Ольденбургъ, проф. санскрита на восточн. факультетѣ петербургскаго университета, г. Щербатскій, Д. Н. Кудрявскій (проф. юрьевск. университета), не чуждый и сравнительнаго языкознанія (рядъ статей и замѣтокъ въ научныхъ журналахъ); 2) московская, съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ во главѣ, учениками котораго являются такіе ученые, какъ проф. Ульяновъ, академикъ А. А. Шахматовъ, проф. Будде и рядъ молодыхъ ученыхъ—гг. Поржезинскій, Покровскій. Яблонскій, Щепкинъ и др.; 3) казанская, основанная И. А. Бодуэномъ де Куртенэ, учениками котораго являются: талантливый, рано умершій языковѣдъ Н. В. Крушевскій, преемникъ Бодуэна на казанской каѳедрѣ, В. А. Богородицкій (преемникъ Крушевскаго), авторъ талантливыхъ работъ по фонетикѣ русскаго яз., общему и сравнительному языкознанію, психологіи и физіологіи рѣчи, А. И. Александровъ, проф. славистики въ казанскомъ университетѣ, С. К. Буличъ, проф. спб. историко-филол. института и др. Изъ этихъ трехъ школъ петербургская не имѣетъ опредѣленнаго направленія въ смыслѣ грамматическомъ. Казанская школа близко стоитъ къ европ. новограмматической (см. статьи о Бодуэнѣ де Куртенэ и Крушевскомъ въ «Критико-біогр. словарѣ» Венгерова), хотя и сложилась въ значительной мѣрѣ самостоятельно. Московская школа занимаетъ болѣе обособленное положеніе, вообще также обнаруживая прогрессивное направленіе. Характерной ея особенностью является стремленіе относить начало разныхъ новыхъ діалектическихъ звуковыхъ особенностей въ отдаленную эпоху праязыка, приводящее часто къ предположенію весьма разнообразныхъ и тонкихъ оттѣнковъ произношенія въ этомъ послѣднемъ. Въ общемъ разница между школами московской и казанской не столько формальная, сколько матеріальная: онѣ сходятся въ признаніи непреложности звуковыхъ законовъ и огромной роли психическихъ процессовъ для исторіи формальнаго строя языковъ, такъ что могутъ считаться лишь варіаціями или оттѣнками русскаго новограмматическаго направленія. Между прочими современными русскими языковѣдами выдается Ѳ. Е. Коршъ, оффиціальное положеніе котораго (проф. греческой филологіи въ моск. унив.) не позволяетъ ему, од-

Библиотека "Руниверс"

нако, имѣть широкое вліяніе на развитіе сравнительнаго языкознанія въ Р. По своему научному направленію Ѳ. Е. Коршъ примыкаетъ къ московской школѣ. Преемникомъ Шерцля въ Одессѣ является А. И. Томсонъ, по спеціальности арменистъ. Возникновеніе новой каѳедры въ нашихъ университетахъ отразилось у насъ замѣтнымъ подъемомъ и другихъ отраслей языкознанія. Въ области изученія русскаго языка выдаются работы Потебни, среди которыхъ особенное значеніе имѣютъ глубокія и мѣткія синтактическія и семасіологическія наблюденія, озаглавленныя: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (ч. I, 1874; ч. II, 1874; 2 изд., 1888; ч. III, 1899), а также длинный рядъ этимологич. изслѣдованій, бо́льшею частью подъ загл. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», печат. въ «Русск. Филол. Вѣстникѣ», «Филол. Запискахъ» и «Живой Старинѣ» («Этимологическія замѣтки», 1891). Вопросы общаго языкознанія, въ которыхъ Потебня примыкалъ главнымъ образомъ къ Штейнталю, также занимали его («Мысль и языкъ», 1862, 2 изд., 1892). Этимъ объясняется то, что въ числѣ его учениковъ находимъ сравнительнаго языковѣда—талантливаго, рано умершаго А. В. Попова («Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, зват. и винит. въ санскритѣ, зендѣ, греч., лат., нѣм., литовск., латыш. и славянскомъ», Воронежъ, 1881, и «Филолог. Зап.» 1879—81). М. А. Колосовъ далъ первый въ нашей научной литературѣ хронологическій обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго языка по памятникамъ («Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русск. яз. съ XI по XVI стол.», 1872). У него встрѣчаются уже замѣчанія о принадлежности тѣхъ или другихъ особенностей языка въ рукописяхъ разнымъ нарѣчіямъ (сѣв. новгородскому или южно-русскому—малорусскому). Ему принадлежитъ еще рядъ цѣнныхъ работъ по русской діалектологіи, основанныхъ въ значительной части на собственныхъ наблюденіяхъ во время путешествій по Р. («Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русск. языка», Варшава, 1878 и др.). Главнымъ ихъ недостаткомъ является соединеніе вмѣстѣ данныхъ, взятыхъ изъ разныхъ говоровъ, такъ что охарактеризовать тотъ или другой говоръ на основаніи работъ Колосова не представляется возможнымъ. Колосовымъ основанъ въ Варшавѣ «Русскій Филологическій Вѣстникъ» (съ 1870 г.), продолжающійся донынѣ (подъ редакціей проф. А. И. Смирнова). Одновременно работалъ надъ исторіей малорусскаго нарѣчія П. И. Житецкій («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», 1876, и «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.», 1888), основывавшійся на рукописныхъ памятникахъ XVI — XVII вв. Важное значеніе для малорусской діалектологіи имѣютъ «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» (7 т.; въ послѣднемъ изъ нихъ цѣнна статья г. Михальчука: «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Р. въ связи съ нарѣчіями Галичины», 1877), гдѣ собранъ обильный лингвистическій матеріалъ. Вообще для научнаго изученія и характеристики малорусскаго нарѣчія сдѣлано мало, гораздо меньше, чѣмъ для бѣлорусскаго (см. ниже), что̀ объясняется въ значительной степени нѣкоторыми особенными условіями, лежащими внѣ области науки. Полемическій и не всегда объективный характеръ имѣютъ статьи Крымскаго («Погодинская гипотеза и сравнительная филологія») и Михальчука («Что такое малорусская рѣчь») въ «Кіевской Старинѣ», 1898—99 гг. Особо видное мѣсто въ исторіи русскаго языка вообще занимаютъ за послѣднія 20 лѣтъ многочисленные труды профессора А. И. Соболевскаго. Ученикъ Буслаева и Дювернуа, Соболевскій уже въ первой своей работѣ («Изслѣдованія въ области русской грамматики», 1881) обнаружилъ хорошее знакомство съ рукописнымъ историческимъ матеріаломъ. Еще бо́льшее значеніе имѣютъ его «Очерки изъ исторіи русскаго языка» (1884), поставившіе на твердую почву исторію нашихъ древнихъ говоровъ и выдѣлившіе вполнѣ опредѣленно цѣлую группу галицко-волынскихъ памятниковъ XII—XV вв. Въ 1888 г. вышли его «Лекціи по исторіи русскаго языка» (2 изд. 1891), третій трудъ этого рода со времени «Исторической грамматики» Буслаева, гдѣ впервые дается самостоятельный итогъ новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ памятниковъ и характеризуются звуковыя и формальныя особенности древнерусскаго языка вообще и его говоровъ. Важное значеніе имѣетъ также его «Опытъ русской діалектологіи» (вып. I, СПб., 1897, второе изданіе статей, печатавшихся въ «Живой Старинѣ», 1892), какъ сводъ данныхъ о живыхъ русскихъ говорахъ, составленный на основаніи печатнаго матеріала. Сравнительно съ діалектологическими трудами Колосова, «Опытъ» Соболевскаго представляетъ шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что даетъ характеристики (хотя бы и неполныя) уже отдѣльныхъ говоровъ, а не всего «народнаго языка», какъ было у Колосова. Учениками проф. Соболевскаго являются приватъ-доценты спб. университета Н. В. Волковъ, А. Л. Погодинъ, гг. Тупиковъ, Каринскій и др. Не менѣе важное научное значеніе имѣютъ труды академика А. А. Шахматова. Его обширное «Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» (СПб., 1886) представляетъ образецъ всесторонняго изслѣдованія письма и языка названныхъ памятниковъ. «Изслѣдованія въ области русской фонетики» (Варш., 1893) даютъ полную картину одного фонетическаго явленія древнерусскаго языка (вторичный переходъ *е́* въ *о*) и устанавливаютъ рядъ важныхъ положеній относительно исторіи звукового строя въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ древне-русскаго языка. Въ академіи наукъ А. А. Шахматовъ обнаруживаетъ энергическую дѣятельность, напоминающую покойнаго Срезневскаго; онъ состоитъ редакторомъ «Академическаго Словаря русскаго языка» (съ 1897 г., 3 вып. на Е—За), возобновленныхъ съ 1896 г. «Извѣстій отд. русск. яз. и слов. Имп. акд. наукъ» (вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ, а послѣ смерти послѣдняго—съ А. Н. Пыпинымъ); ему же принадлежатъ прекрасныя академическія программы по собиранію діалек-

Библиотека "Руниверс"

тологическаго матеріала (по сѣвернымъ и южнымъ великорусскимъ говорамъ) и т. д. Особаго вниманія заслуживаютъ его работы по русской акцентологіи и по вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій. Цѣнный вкладъ въ науку представляютъ работы проф. Е. Ѳ. Будде по южновеликорусской діалектологіи («Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій», Варшава, 1892, изъ «Русск. Филол. Вѣст.», и «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ», Казань, 1896), устанавливающія смѣшанный характеръ рязанскихъ говоровъ. Для изученія бѣлорусск. нарѣчія, кромѣ словаря Носовича, довольно неполнаго (изд. Имп. акд. наукъ, 1870,) статей Аппеля и Недешева («Русск. Филол. Вѣстн.», 1880 и 1884 г.) и цитиров. уже «Опыта русской діалектологіи» проф. Соболевскаго, мы имѣемъ рядъ трудовъ проф. Е. Ѳ. Карскаго, являющагося въ наше время лучшимъ знатокомъ исторіи и діалектологіи бѣлорусскаго нарѣчія («Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», М., 1886; «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Варшава, 1893 и др.) и поставившаго впервые его изученіе на широкое историческое основаніе. Болѣе или менѣе крупныя и цѣнныя работы по исторіи русскаго языка за послѣднія 35 лѣтъ дали еще Н. П. Некрасовъ, Р. Ѳ. Брандтъ, П. В. Владиміровъ, Б. М. Ляпуновъ, Н. В. Волковъ, В. Шимановскій. Важныя академическія изданія: «Матеріалы для историческаго словаря русскаго языка» И. И. Срезневскаго (СПб., съ 1890 г., еще не кончено), областные словари нарѣчій архангельскій (Подвысоцкаго, 1885) и олонецкій (Куликовскаго, 1898), матеріалы, собранные при помощи діалектологическихъ программъ, и т. д. По литовскому языку можно указать на собранія народныхъ пѣсенъ братьевъ Юшкевичей (Казань, 1880 — 82), ихъ же словарь (I-й вып., СПб., 1897), сборникъ литовскихъ пѣсенъ проф. Миллера и Фортунатова (М., 1873), вышеназванныя работы проф. Ульянова, статью Ф. Ѳ. Фортунатова «Объ ударенін и долготѣ въ балт. языкахъ» («Русск. Филол. Вѣстн.», 1895), статью епископа Барановскаго, «Замѣтки о литературномъ языкѣ и словарѣ» (СПб., 1898, изъ LXV-го тома «Сборника отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ»), работы проф. о. К. Яуниса (по лит. діалектологіи въ «Памятной книжкѣ» Ковенской губ.), статьи Э. А. Вольтера.

Литература (кромѣ цитир. выше): А. Лиличенко, «Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія ученыхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно исторической науки о языкѣ» («Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ лицея князя Безбородко за 1853 — 54 гг.», Кіевъ, 1856); Балицкій, «Матеріалы для исторіи слав. языкознанія» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», приложеніе, 1875—76); «Die Sprachwissenschaft in Russland» («Baltische Monatschrift», 1865, № 6, 463 — 472); Н. Волковъ, «Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка» (вступительная лекція, СПб., 1894); П. В. Владиміровъ, «Пятидесятилѣтіе Мыслей объ исторіи русскаго языка» (очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы, Кіевъ, «Унив. Изв.», 1899); его же, «Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія 10 лѣтъ» (1886—1896)», въ «Учен. Зап. Кіевск. Унив.» (1897); А. С. Архангельскій, «Изъ лекцій по исторіи русск. литературы. Первые труды по изученію языка» (Казань, 1898, изъ «Учен. Записокъ Казан. Унив.» за 1893—94 гг.); В. Качановскій, «Объ историческомъ изученіи русскаго языка» (Каз., 1887). *С. Буличъ.*

32) Философія. Философіей въ Россіи занимались и занимаются, но говорить о русской философіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о французской, нѣмецкой или англійской, нельзя: національнаго философа, какимъ являются, напр., Декартъ для французовъ, Кантъ для нѣмцевъ, Баконъ для англичанъ, въ Россіи не было. Философскія науки — *метафизика, логика, этика, психологія, исторія философіи и эстетика*—развились у насъ, какъ и на Западѣ, въ связи, главнымъ образомъ, съ университетскимъ преподаваніемъ. Съ конца XVIII-го в. всѣ теченія западно-европейской философской мысли отражались и въ русской философской литературѣ; чѣмъ тѣснѣе становилась связь умственной жизни Запада съ Россіей, тѣмъ замѣтнѣе и вліяніе философіи Запада на Р. Область философской литературы въ Р. до конца XVIII вѣка еще весьма мало изслѣдована. Первая книга, написанная кіевскими философами — «Ѳеика іерополитика или философія правоучительная преуподобленія изъясненна къ наставленію и пользѣ юнымъ», Аѳанасія Мирославскаго, архимандрита печерскаго (Кіевъ, 1712); первый писатель, проявившій своеобразное философское дарованіе—Г. Сковорода (1722 — 1794), въ которомъ находятъ любопытное сочетаніе мистицизма съ раціонализмомъ. Сочиненія его до сихъ поръ еще не всѣ могутъ быть изданы; хорошее изданіе ихъ принадлежитъ проф. Багалѣю (Харьковъ 1894); статьи о Сковородѣ написаны Г. П. Данилевскимъ въ «Украинской Старинѣ» (Харьковъ, 1866) и профессоромъ Зеленогорскимъ, въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» 1894 г. Съ открытіемъ москов. унив. началось свѣтское преподаваніе философіи; у насъ водворилось Вольфіанство, господствовавшее въ то время въ Германіи; въ Р. были приглашаемы иностранные учителя или вводимы ихъ учебники (напр. Баумейстера, Винклера). Вольфіанство отразилось на сочиненіяхъ Д. Аничкова и А. Брянцева. Общество, однако, находилось всецѣло подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ; популярно и талантливо написанныя сочиненія Дидро и Вольтера были гораздо болѣе по плечу дилетантамъ изъ образованнаго общества, чѣмъ тяжеловѣсные и скучные учебники Вольфа. На смѣну французскому вліянію явился мистицизмъ, особенно въ царствованіе Александра I. И въ этомъ направленіи, центромъ котораго сдѣлалась въ Москвѣ типографія Лопухина, руководящая роль принадлежала иностраннымъ писателямъ, Сенъ-Мартену и Якову Бэму (см. книгу Лонгинова: «Московскіе Мартинисты»). Вліяніе Канта сначала сказалось главнымъ образомъ на университетскомъ преподаваніи. Первый,

Библиотека "Руниверс"

кто возражалъ противъ ученія Канта о пространствѣ и времени, былъ Осиповскій, профессоръ харьковскаго университета («О пространствѣ и времени», Харьковъ, 1807). Шеллингъ оказалъ вліяніе особенно на преподаваніе естественныхъ наукъ или натуръ-философіи; первымъ русскимъ шеллингіанцемъ былъ проф. медико-хирургической академіи въ СПб. Данило Велланскій. Его многочисленныя сочиненія и талантливыя лекціи (о которыхъ разсказываетъ Н. Розановъ, «Русскій Вѣстникъ», 1867) производили значительное впечатлѣніе, теперь его сочиненія имѣютъ лишь историческій интересъ. Въ Москвѣ проповѣдникомъ шеллингіанства былъ проф. сельскаго хозяйства и физики М. Павловъ (см. Е. Бобровъ, «Матеріалы къ исторіи русской философіи»). Съ общими философскими принципами Шеллинга знакомили публику и студентовъ А. И. Галичъ въ Петербургѣ и И. И. Давыдовъ въ Москвѣ. Нѣкоторое вліяніе Шеллинга можно замѣтить и на князѣ Одоевскомъ, Н. И. Надеждинѣ и И. М. Скворцовѣ. Меньшее вліяніе оказала философія Фихте; все же это вліяніе можно прослѣдить на О. Новицкомъ (1806 — 1884) и И. Михневичѣ. Англійская эмпирическая философія нашла представителя въ лицѣ протоіерея Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, преподававшаго философію въ петербургскомъ университетѣ послѣ безцвѣтнаго А. А. Фишера. Сочиненіе Сидонскаго: «Введеніе въ науку философіи» (СПб., 1833) до сихъ поръ сохраняетъ цѣнность. Значительнѣйшее вліяніе на русскую литературу имѣлъ Гегель: цѣлый рядъ писателей, начиная съ Герцена и кончая Н. Н. Страховымъ, находились подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ Гегеля. Славянофилы одинаково обязаны Шеллингу и Гегелю (см. И. Пановъ, «Славянофильство какъ философское ученіе», «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1880). Гегеліанство имѣло блестящихъ представителей и въ числѣ университетскихъ представителей (С. С. Гогоцкій, Б. Н. Чичеринъ, К. Неволинъ, П. Г. Рѣдкинъ). Внѣ университета въ духѣ гегеліанства писали: Е. В. Амфитеатровъ, отчасти Н. Г. Дебольскій и В. В. Розановъ («О пониманіи», Москва, 1886). Послѣ паденія гегелевской системы наступилъ періодъ разочарованія въ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ господства матеріализма и позитивизма. Первымъ выразителемъ этого направленія былъ у насъ Н. Г. Чернышевскій; одновременно съ нимъ писали М. А. Антоновичъ и П. Л. Лавровъ. О позитивизмѣ заговорили еще раньше В. Майковъ и В. Милютинъ. Главнымъ представителемъ позитивизма слѣдуетъ считать Е. В. де-Роберти; отчасти къ этому ученію примыкаютъ Н. К. Михайловскій и В. В. Лесевичъ, въ первый періодъ его дѣятельности; впослѣдствіи онъ сталъ сторонникомъ неокантіанизма, въ той формѣ, въ которой его выразилъ Авенаріусъ. Упадокъ философіи продолжался короткое время; начиная съ 70-хъ годовъ интересъ къ философіи на Западѣ и у насъ постепенно возрасталъ и выразился въ чрезвычайномъ разнообразіи направленій. Въ Р. этому оживленію способствовалъ университетскій уставъ 63-го года, благодаря которому появился цѣлый рядъ талантливыхъ профессоровъ по каѳедрѣ философіи. Въ это же время и въ духовныхъ академіяхъ появляются крупныя философскія силы. Руководящая роль въ этомъ оживленіи философіи принадлежала психологіи; ей удобнѣе всего было сломить вліяніе матеріализма и ослабить значеніе позитивизма, въ которомъ она не находила себѣ надлежащаго мѣста. Роль психологіи, первоначально критическая, съ теченіемъ времени измѣнилась; на ней самой отразилось развитіе методовъ естествознанія и она постепенно стала экспериментальной наукой. Системы Лоце, Шопенгауера и Гербарта послужили той почвой, на которой велась борьба съ матеріализмомъ. Первымъ выступилъ противъ матеріализма П. Д. Юркевичъ боровшійся съ Н. Г. Чернышевскимъ; за нимъ пошли М. И. Владиславлевъ («Современныя направленія въ наукѣ о душѣ», 1866), Г. Струве («Самостоятельное начало душевныхъ явленій, психофизіологическое изслѣдованіе», Москва, 1870) и К. Д. Кавелинъ («Задачи психологіи» 1872). Англійской эмпирической психологіи также принадлежала видная роль въ реконструкціи философскихъ началъ; представителемъ этого направленія въ Россіи служитъ профессоръ московскаго университета М. И. Троицкій († 1899), выступившій съ строгой критикой нѣмецкой идеалистической психологіи («Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», Москва, 1867) и съ защитой англійскаго эмпиризма («Наука о духѣ», Москва, 1882); того же направленія держатся А. И. Смирновъ, проф. казанской дух. акд. Снегиревъ («Психологія», 1892) и П. Ѳ. Каптеревъ. Послѣдователей Спенсера у насъ весьма много; въ первомъ періодѣ дѣятельности Н. Я. Грота вліяніе Спенсера очевидно. Въ области историческаго изслѣдованія эволюціонизмъ защищаетъ проф. Н. И. Карѣевъ («Основные вопросы философіи исторіи», М., 1883, III т., СПб., 1890). Къ эволюціонистамъ слѣдуетъ причислить и Л. Е. Оболенскаго. Самый видный защитникъ новокантіанства въ Р.—проф. спб. университета А. И. Введенскій («Опытъ новаго построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи», СПб., 1888, а также его полемика съ проф. М. И. Каринскимъ). Философское направленіе проф. дерптскаго университета Тейхмюллера нашло послѣдователя въ лицѣ А. А. Козлова («Свое Слово»), и проф. казанскаго университета А. Боброва. Наиболѣе самостоятельные труды въ области философской мысли принадлежатъ В. С. Соловьеву («Критика отвлеченныхъ началъ», М., 1880; «Религіозныя основы жизни», М. 1884; «Оправданіе добра», СПб., 1897), защищающему идеалистическую философію, имѣющую не мало сходныхъ чертъ съ философіей Баадера и Шеллинга. Вліяніе В. С. Соловьева сказалось на Л. М. Лопатинѣ и кн. С. Н. Трубецкомъ. Кромѣ того здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о трудахъ проф. моск. дух. акд. В. Д. Кудрявцевѣ (см. «Полное собраніе соч. К.»). Хотя Кудрявцевъ и не отличается большой оригинальностью мысли, но защищаемый имъ трансцендентальный монотеизмъ предста-

Библиотека "Руниверс"

вляетъ цѣльное, продуманное раціоналистическое міровоззрѣніе.

Философская переводная литература пріобрѣтаетъ у насъ особое значеніе въ виду отсутствія національной философіи. Въ харьковскомъ журналѣ «Вѣра и Разумъ» помѣщаются переводы классическихъ философскихъ произведеній, напр. Лейбница. Моск. психологическое общество, издающее, журналъ «Вопросы философіи и психологіи», въ тоже время издаетъ выпусками разные классическіе труды по философіи (напр. пер. В. С. Соловьева «Пролегом. къ метафизикѣ Канта»). Первый философскій журналъ въ Р., «Философскій трехмѣсячникъ», издавался въ Кіевѣ въ 1885—86 гг. Въ «Трудахъ» кіевской и московской духовной литературы издается по преимуществу патристическая литература. Изъ греческихъ философовъ Платонъ переведенъ Сидоровскимъ (въ концѣ XVIII стол.) и В. Н. Карповымъ, проф. спб. дух. акд.; новый переводъ предпринятъ В. С. Соловьевымъ (т. I, М. 1899). Изъ сочиненій Аристотеля «Политика» переведена Скворцовымъ (2 изд.), «Аналитика первая»—Н. Н. Ланге, «Этика» и «Объ истолкованіи»—Э. Л. Радловымъ, «О душѣ»—Снегиревымъ, «Категоріи» — Касторскимъ, «Поэтика»—Захаровымъ. «Разсужденіе о методѣ Декарта» переведено дважды: Скіадою (издано къ Воронежѣ) и проф. Н. А. Любимовымъ, который снабдилъ переводъ обширнымъ комментаріемъ. «Этика» Спинозы переводилась нѣсколько разъ (В. И. Модестовымъ и Иванцевымъ.) Избранныя сочиненія Лейбница изданы московскимъ психологическимъ обществомъ (3-й выпускъ); «Теодицея» Лейбница появилась въ переводѣ на страницахъ «Вѣры и Разума». «Опытъ о человѣческомъ разумѣніи» Локка переведенъ Савинымъ (М. 1897). Сочиненія Бэкона переведены г. Бибиковымъ, съ предисловіемъ проф. Ріо. Канта переводили М. И. Владиславлевъ («Критика чистаго разума»), Смирновъ («Критика практическаго разума»); Скворцовъ перевелъ всѣ три критики. Панаевъ перевелъ нѣкоторыя произведенія Фихте, Чижовъ—Эстетику и Логику Гегеля, Е. Коршъ —«Микрокозмъ» Лоце. Переведены также «Система Логики» и «Философія Гамильтона» Дж. Ст. Милля. Всего больше появилось въ Р. сочиненій по логикѣ, психологіи и исторіи. Первая исторія философіи принадлежитъ Галичу (СПб., 1819); за нею слѣдуетъ «Исторія философіи» архимандрита Гавріила (Казань, 1839). Зедергольмъ, перешедшій въ православіе и принявшій монашество, написалъ «Исторію древней философіи» (Москва, 1841). Соч. проф. Новицкаго: «Развитіе древней философіи въ связи съ религіозными представленіями» (1860—61) написано подъ вліяніемъ Гегеля; нѣкоторыя его части до настоящаго времени не потеряли своего значенія. Е. В. Роберти, въ сочиненіи «Прошедшее философіи» (М., 1886—87), проводитъ позитивный взглядъ на исторію философіи. Особенное вниманіе заслуживаетъ обширное сочиненіе Б. Чичерина: «Исторія политич. ученій». Н. М. Коркуновъ написалъ «Курсъ исторіи философіи права» (СПб., 1897), въ которомъ отведено значительное мѣсто русскимъ законовѣдамъ - философамъ. Этотъ курсъ лучше курсовъ Пилянкевича и Бершадскаго. Н. Страховъ перевелъ извѣстное изложеніе новой философіи Куно Фишера и исторію матеріализма Ф. Ланге. 3-й томъ Ибервега («Новая философія»), переведенъ Я. К. Колубовскимъ (2-е изд. 1899), дополнившимъ его очень цѣнными свѣдѣніями о философіи въ Россіи (глава эта переведена на нѣмецкій языкъ и помѣщена въ 104 томѣ «Zeitschrift für Philosophie und philos. Kritik»). Курсы Вебера, Виндельбандта, Швеглера, Бауера, Фуллье, Льюиса тоже переведены. Особаго упоминанія, заслуживаетъ соч. П. Г. Рѣдкина: «Изъ лекцій по исторіи философіи права» (древняя философія до Аристотеля включительно). Монографіи по исторіи философіи: кн. С. Трубецкого, «Метафизика въ древней Греціи» (М., 1890); Гилярова-Платонова, два сочиненія о софистахъ (1888—91); М. М. Владиславлева, «Плотинъ» (СПб., 1868); Каринскаго, «Безконечное Анаксимандра» (СПб., 1890); Ю. Кулаковскаго, «Объ Эпикурѣ и Лукреціи»; А. Казанскаго, «Объ Аристотелѣ» (Одесса, 1891); пр. Зеленогорскаго, «Объ Аристотеловской психологіи»; Эльпидинскаго, «О Плутархѣ» (СПб., 1893); И. Чистовича, «Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка» (СПб., 1891); Г. В. Малеванскаго, «Нравственные принципы и характеры древнихъ греческихъ философовъ» (Кіевъ, 1897); Бронзова, «Аристотель и Ѳома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности» (СПб., 1884); А. Садова, «Лактанцій» (СПб., 1895); В. С. Серебреникова, «О Локкѣ» (СПб., 1892); Н. Ланге, «Исторія нравственныхъ идей въ XIX в.» (СПб., 1888); А. Козловъ, «Генезисъ ученія о пространствѣ и времени по Канту»; В. Соловьевъ, «Кризисъ западной философіи» (противъ позитивистовъ, М., 1874); архимандритъ Никаноръ, «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе» (СПб., 1875—1888); кн. Д. Цертелевъ, «Философія Шопенгауера» (СПб., 1880); его же, «О философскомъ пессимизмѣ»; Смирновъ, «Беркли» (1873); его же, «Исторія англійской этики» (I т., Казань, 1880); С. Гогоцкій, «Философія XVII и XVIII в. въ сравненіи съ философіей XIX в. и отношеніе той и другой къ образованію» (Кіевъ, 1877 — 1884); В. Штейнъ, «Шопенгауеръ» (СПб., 1887); А. Введенскій, «Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи» (М., 1894); М. Каринскій, «Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи» (СПб., 1873); Я. Озе, «Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце» (Юрьевъ, 1896); В. А. Кожевниковъ, «Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи» (ч. I, М., 1897).

Изъ болѣе старыхъ сочиненій по *логикѣ* упоминанія заслуживаютъ книги Новицкаго и Карпова. Логика Владиславлева (большое изданіе) имѣетъ значеніе потому, что къ ней приложена обстоятельная исторія логики, начиная отъ Аристотеля до Дж. С. Милля—единственный въ русской литературѣ обзоръ всей исторіи логики. Сочиненія И. Лейкфельда касают-

Библиотека "Руниверс"

ся направленій въ логикѣ и развитія индуктивной логики (1895). Ѳ. А. Зеленогорскій написалъ: «О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства» (Харьковъ, 1877). Въ своемъ «Учебникѣ логики» (Москва, 1885 — 1888) М. М. Троицкій слѣдуетъ англійскимъ образцамъ, главнѣйше Д. С. Миллю и Бэну. На философію онъ смотритъ какъ на систему ученій о началахъ науки, заканчиваемую ученіями трансцендентными, т. е. переступающими предѣлы науки. Въ сочиненіи Н. Я. Грота: «Къ вопросу о реформѣ логики» (Лпц., 1882) логика разсматривается какъ теоретическое знаніе. Не смотря на ошибочность основной мысли автора—сведенія логики къ психологіи—въ сочиненіи Грота имѣются цѣнныя психологическія замѣчанія. Самая замѣчательная русская книга по логикѣ принадлежитъ М. И. Каринскому; это—«Классификація выводовъ» (СПб., 1880), представляющая совершенно оригинальную обработку предмета. На выводъ авторъ смотритъ какъ на перенесеніе одного изъ основныхъ элементовъ готоваго сужденія въ другое сужденіе, на основаніи какого-либо отношенія между остальными элементами сужденія. Всѣ выводы дѣлятся на два класса: выводы, представляющіе перенесеніе предиката съ одного субъекта на другой и основывающіеся на сличеніи субъектовъ, и выводы, основывающіеся на сличеніи предикатовъ и представляющіе перенесеніе субъекта. Взглядъ свой Каринскій обосновываетъ критикой силлогистическаго ученія.

Психологическая литература нѣсколько богаче, чѣмъ логическая. Архимандритъ Гавріилъ написалъ «Основанія опытной психологіи» (СПб., 1858). Опытнымъ этотъ курсъ названъ въ томъ значеніи, въ которомъ въ 50-хъ годахъ понимали этотъ терминъ въ примѣненіи къ психологіи, т. е. въ смыслѣ внутренняго опыта, самонаблюденія. Большимъ значеніемъ пользовалась книга К. Ушинскаго: «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи» (СПб., 1873). П. Каптеревъ, въ «Педагогической психологіи» (1877), придаетъ значеніе англійской психологіи и подробно разсматриваетъ физіологическую подкладку явленій. Экеблатъ, авторъ «Опыта обозрѣнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа»—шеллингіанецъ; главная его забота—выясненіе смысла разныхъ видовъ душевной дѣятельности. Н. Гротъ написалъ «Психологію чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ» (СПб., 1880). Историческая часть этой книги представляетъ несомнѣнную цѣнность; въ положительной части авторъ является зависимымъ отъ Спенсера. Общая мысль «Психологіи» М. Владиславлева (СПб., 1881) состоитъ въ томъ, что волѣ принадлежитъ главенство во всей психической области. Въ ученіи объ ассоціаціяхъ есть правильныя и тонкія замѣчанія. Въ другомъ сочиненіи: «Современныя направленія въ наукѣ о душѣ» (СПб., 1866) Владиславлевъ даетъ подробный очеркъ исторіи психологіи. М. Троицкому принадлежатъ два сочиненія по психологіи: «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» (М., 1867; хорошее изложеніе англійской психологіи и пристрастная критика нѣмецкой) и «Наука о душѣ» (М., 1882; психологія въ англійскомъ духѣ, съ попыткой сведенія психическихъ явленій къ ассоціаціямъ). Третій выпускъ «Трудовъ москов. психол. общества» (М., 1889) содержитъ въ себѣ статьи о свободѣ воли Н. Грота, Л. М. Лопатина, Н. В. Бугаева, С. С. Корсакова, А. А. Токарскаго, П. Е. Астафьева. Г. Челпановъ, въ соч.: «Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности» (часть I), доказываетъ, что два измѣренія непосредственно даны въ зрительномъ воспріятіи, а третье есть результатъ умозаключенія. Сочиненіе Н. Н. Ланге: «Психологическія изслѣдованія, законъ перценціи, теорія волевого вниманія» (Одесса, 1893)—до настоящаго времени единственный у насъ трудъ по экспериментальной психологіи, имѣющій несомнѣнную цѣнность. Много психологическаго матеріала содержитъ въ себѣ книга Д. Дриля: «Малолѣтніе преступники» (М., 1884—90). Наконецъ, упоминанія заслуживаютъ «Теорія волевыхъ представленій» (СПб., 1892), Т. Соловьева, и работы М. Манасеиной: «О сознаніи» (М., 1896) и «Сонъ, какъ треть жизни человѣка» (СПб., 1892), съ богатыми библіографическими указаніями.

Сочиненій по *эстетикѣ* на русскомъ яз. немного (о первыхъ попыткахъ по эстетикѣ см. ст. Колубовскаго въ «Ж. М. Н. П.», 1890). Одно изъ первыхъ по времени сочиненій принадлежитъ А. Галичу: «Опытъ науки изящнаго» (СПб., 1825). Исторію эстетики Галичъ дѣлитъ на три періода; третій періодъ—полнаго владычества разума—открытъ Платономъ, продолженъ Лессингомъ, Гердеромъ, Шлегелемъ и др.; въ духѣ этихъ писателей и сочинена эстетика Галича. Въ соч. Розберга: «О развитіи изящнаго въ искусствахъ и особенно въ словесности» (Дерптъ, 1839) замѣтно вліяніе Гегеля. Въ 1854 г. А. Никитенко на актѣ спб. университета произнесъ рѣчь «О началѣ изящнаго въ наукѣ». Годъ спустя появилось извѣстное сочиненіе Чернышевскаго: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», а также его разборъ перевода: (Б. Ордынскаго) «Эстетики» Аристетеля. Въ 1878 г. Вл. Виллямовичъ издалъ «Психофизіологическія основанія эстетики» (СПб.). Самое заглавіе показываетъ направленіе труда; красота сводится къ понятію пользы и наслажденія. Нѣкоторыя метафизическія начала эстетики излагаетъ В. С. Соловьевъ («Красота въ природѣ», «Смыслъ искусства», «Смыслъ любви», въ «Вопр. Филос. и Психологіи», 1889—94). В. А. Гольцевъ написалъ «Объ искусствѣ. Критическая замѣтка» (М., 1890). Подробный курсъ эстетики принадлежитъ А. И. Смирнову («Эстетика какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Физіологическія и психологическія основанія и законы красоты и ихъ приложеніе по эстетической теоріи музыки и живописи», Казань, 1894). Точка зрѣнія его характеризуется слѣдующими

Библиотека "Руниверс"

словами: «эстетическія чувства относятся къ разряду удовольствій и страданій слѣдовательно, какими-бы особенностями ни отличались наши чувства изящества и красоты, они должны подчиняться общимъ законамъ удовольствій и страданій». Въ соч. Боброва: «О понятіи искусства» (Юрьевъ, 1894) къ сферѣ эстетики примѣняется принципъ философіи Тейхмюллера. Упомянанія заслуживаетъ еще работа Л. Саккетти: «Изъ области эстетики и музыки (СПб., 1896). Большое вниманіе обратила на себя ст. Л. Н. Толстого «Объ искусствѣ» («Вопр. Филос. и Психол.» 1898 и отд.). Точка зрѣнія Толстого имѣетъ нѣкоторое сходство со взглядами, которыя высказывалъ Гюйо въ своихъ трудахъ по эстетикѣ. По исторіи *этики* (кромѣ переводныхъ соч., въ родѣ Іодлая) имѣется книга М. Олесницкаго: «Исторія нравственности и нравственныхъ ученій» (часть I, Кіевъ, 1882). А. Мальцевъ, въ «Нравственной философіи утилитаризма» (СПб., 1879) даетъ историческій обзоръ утилитарной нравственности, начиная отъ софистовъ и Аристиппа и кончая Спенсеромъ, а затѣмъ критическій разборъ основныхъ началъ нравственной философіи утилитаризма. О сочиненіи А. И. Смирнова по англійской этикѣ упомянуто выше. А. Кунцыну принадлежитъ сочиненіе:— Право естественное» (М. 1878), Мокіевскому—«Цѣнность жизни» (СПб., 1884), Н. М. Минскому—«При свѣтѣ совѣсти» (СПб. 1890), Н. Г. Дебольскому: «О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности» (СПб., 1886). Счастье, по Дебольскому, есть соединеніе наименьшей возможной мѣры страданія съ наибольшею возможною мѣрою положительнаго удовольствія. Въ соч. Вл. С. Соловьева: «Оправданіе добра. Нравственная философія» (СПб., 1897) разбираются первичныя данныя нравственности—аскетическое начало, жалость и религіозное начало. Корень всякой нравственности—въ религіозномъ началѣ. Иванъ Поповъ («Естественный нравственный законъ», Сергіевъ Посадъ, 1897) задается вопросомъ о томъ, въ какихъ свойствахъ человѣческой природы коренится нравственный законъ, понимаемый въ смыслѣ внутренняго побужденія къ добру. Давъ нѣчто въ родѣ феноменологіи нравственныхъ явленій, на основаніи ихъ историческихъ формъ, авторъ замѣчаетъ, что нравственность вытекаетъ изъ основного стремленія человѣческаго духа къ гармоніи, порядку, единству.—Свѣдѣнія о русскихъ философскихъ трудахъ можно найти въ упомянутыхъ въ текстѣ сочиненіяхъ архимандрита Гавріила и Я. Н. Колубовскаго; сверхъ того см. «Матеріалы для исторіи философіи въ Р.» (въ «Вопр. философіи и психологіи»); А. Введенскій, «Судьба русской философіи» (тамъ же) и статьи М. Филиппова о русской философіи (въ «Научномъ Обозрѣніи») и Е. Бобровъ, «Матеріалы къ исторіи русской философіи» (въ «Казанск. Университетскихъ Извѣстіяхъ»). *Э. Р.*

33) Соціологія. Эта молодая наука, развившаяся преимущественно за послѣднія тридцать лѣтъ, имѣетъ въ Россіи нѣсколькихъ представителей. Первыми ея піонерами у насъ были не присяжные ученые, а литературные дѣятели, выступавшіе, съ конца шестидесятыхъ годовъ, главнымъ образомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Знаніи». Скоро у насъ сдѣлалась возможной рѣчь объ особой русской соціологической школѣ, которая называется также субъективною. Примыкая, прежде всего, къ «Курсу положительной философіи» Конта, представители этой школы отнеслись критически и вполнѣ самостоятельно къ основнымъ положеніямъ основателя соціологіи. Главною задачею русской соціологіи въ семидесятыхъ годахъ было, съ одной стороны, примѣненіе къ изученію общественныхъ явленій принциповъ эволюціонизма, потребовавшее критики основныхъ положеній Спенсера и дарвинистическихъ взглядовъ въ соціологіи, а съ другой— разработка сравнительнымъ методомъ данныхъ этнографіи, фольклора, до-исторической археологіи и исторіи культуры, въ цѣляхъ соціологическаго знанія. Изъ отдѣльныхъ важныхъ вопросовъ русскіе соціологи этого періода занимались въ особенности ролью личности въ исторіи и опредѣленіемъ того законнаго субъективизма, который неизбѣженъ въ соціологіи. Къ этому времени относятся первыя соціологическія работы П. Л. Лаврова (подъ псевдонимомъ Миртова) и Н. К. Михайловскаго, а также и «Соціологическіе этюды» С. Н. Южакова. Нѣсколько позднѣе приняли участіе въ разработкѣ соціологическихъ вопросовъ представители университетской науки. Уже въ 1870 г. въ диссертаціи В. И. Сергѣевича: «Задача и метода государственныхъ наукъ» Конту и его соціологическому методу было отведено почетное мѣсто. Въ восьмидесятыхъ годахъ Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ предметомъ своей докторской диссертаціи («Основные вопросы философіи исторіи») примѣненіе новыхъ соціологическихъ взглядовъ къ старой проблемѣ философіи исторіи, а съ начала девятидесятыхъ годовъ читалъ въ спб. унив. и небольшіе соціологическіе курсы (изъ нихъ образовалась книга: «Введеніе въ изученіе соціологіи»). Соціологическое мышленіе сильно сказалось на общихъ теоріяхъ права С. А. Муромцева и Н. М. Коркунова. Другое направленіе соціологіи на университетской каѳедрѣ въ Москвѣ было представлено юристомъ М. М. Ковалевскимъ, который изложилъ свои основные взгляды въ брошюрѣ: «Историко-сравнительный методъ въ соціологіи и пріемы изученія права» и написалъ рядъ работъ по эволюціи соціальныхъ формъ. То же направленіе представлялъ собою и экономистъ Н. И. Зиберъ («Очерки первобытной экономической культуры»). Оба направленія соціологіи только дополнялись одно другимъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда расходились между собою по отдѣльнымъ пунктамъ, не вступали во враждебныя отношенія. Въ девятидесятыхъ годахъ въ русской соціологіи произошелъ расколъ. Именно въ это десятилѣтіе выступили въ литературѣ представители экономическаго матеріализма, напавшіе на «субъективную школу», какъ на школу, съ ихъ точки зрѣнія, не научную и отсталую (П. Б. Струве, Н. Бельтовъ и др.). Господствовавшее до тѣхъ поръ

Библиотека "Руниверс"

въ русской соціологіи направленіе, стремившееся къ синтезу позитивизма Конта, эволюціонизма Дарвина и Спенсера, экономическихъ формулъ Маркса, сравнительно-историческаго изученія культурныхъ и соціальныхъ фактовъ и современныхъ этическихъ и соціальныхъ идей, ближайшую основу соціологіи полагало въ психологіи, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Новое направленіе, опирающееся главнѣйшимъ образомъ на Маркса и Энгельса, основу всего общественнаго развитія усматриваетъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Въ полемикѣ, вызванной появленіемъ этого новаго направленія, особенно важное мѣсто (кромѣ, конечно, вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между экономикою и другими сторонами общественной жизни) принадлежитъ вопросамъ о роли личности въ исторіи и о субъективизмѣ въ соціологіи. Субъективную школу экономическіе матеріалисты отожествляютъ съ «народничествомъ», но ихъ противники протестуютъ противъ этого. Сочиненія по соціологіи (въ алфавитномъ порядкѣ): Арнольди, «Задачи пониманія исторіи»; Бельтовъ, «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію»; Глинка, «Наука о человѣческомъ обществѣ»; Де-Роберти, «Соціологія»; Звѣревъ, «Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи»; Зиберъ, «Очерки первобытной экономической культуры»; Каблицъ, «Основы народничества»; Карѣевъ, «Основные вопросы философіи исторіи», «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», «Историко-философскіе и соціологическіе этюды», «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ», «Введеніе въ изученіе соціологіи»; М. Ковалевскій, «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія права», «Современный обычай и древній законъ», «Первобытное право», «Очеркъ происхожденія семьи и собственности»; Коркуновъ, «Лекціи по общей теоріи права»; Лесевичъ, «Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи»; Лиліенфельдъ, «Мысли о соціальной наукѣ будущаго»; Миртовъ (Лавровъ), «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе», «Историческія письма», «Опытъ исторіи мысли», «Цивилизація и дикія племена», «Формула прогресса г. Михайловскаго», «До человѣка»; Милюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры» (введеніе); Михайловскій, «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ», «Что такое прогрессъ?«, «Борьба за индивидуальность», «Герои и толпа», «Органъ, недѣлимое, общество», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Идеалы человѣчества и естественный ходъ вещей», «Политическая экономія и общественная наука» и мн. др.; Муромцевъ, «Очерки общей теоріи гражданскаго права», «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права»; Николаевъ, «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ»; Оболенскій, «Организмъ и органическая теорія», «Личность и прогрессъ», «Субъективный и объективный методы въ соціологіи», «Что такое прогрессъ?», «Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ», «Новый расколъ въ нашей интеллигенціи», «Народники и марксисты»; Писаревъ, «Историческія идеи Огюста Конта»; Сергѣевичъ, «Задача и метода государственныхъ наукъ»; Слонимскій, «Основные вопросы политики»; Смоликовскій, «Ученіе О. Конта объ обществѣ», «Изложеніе началъ позитивной философіи и соціологіи Конта»; Стронинъ, «Исторія и методъ», «Политика, какъ наука», «Исторія общественности»; Струве, «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Р.»; Чичеринъ, «Соціологія»; Южаковъ, «Соціологическіе этюды», «Общежитіе и обществовѣдѣніе»; Юзовъ (Каблицъ), «Соціологическіе этюды». Весьма обширна переводная литература по соціологіи (соч. Милля, Спенсера, Тарда, Фулье, Гиддингса и др.); въ скоромъ времени будетъ изданъ и русск. переводъ Конта. Болѣе подробныя указанія на оригинальную и переводную литературы см. въ «Введеніи въ изученіе соціологіи», Карѣева.

Н. К.

34) **Философія и энциклопедія права.** Ученіе естественнаго права стало проникать въ Россію съ начала XVIII в. По приказанію Петра I была переведена книга Пуффендорфа «О должности человѣка и гражданина по закону естественному» (СПб., 1726); ея же придерживались профессоръ академіи наукъ Гроссъ и первый московскій профессоръ Дильтей; самостоятельное изложеніе теоріи естественнаго права сдѣлано В. Золотницкимъ въ соч.: «Сокращеніе естественнаго права» (СПб., 1764). Во второй половинѣ XVIII в. является стремленіе къ историческому изученію права: его держались А. Полѣновъ и С. Десницкій. Воззрѣній Хр. Вольфа на естественное право придерживались проф. московскаго университета Шаденъ, Баузе, Шнейдеръ. Проф. петербургскаго университета Куницынъ въ соч. «Естественное право» (СПб., 1818—20) излагалъ ученіе Канта. Изъ философскихъ ученій, господствовавшихъ въ Германіи въ XIX стол., наибольшее значеніе среди русскихъ юристовъ имѣло ученіе Гегеля: наиболѣе вѣрнымъ, хотя и самостоятельнымъ послѣдователемъ Гегеля является Б. Чичеринъ въ своихъ соч.: «Курсъ государственной науки» (1894—98), «Философія права» и др. Существуетъ еще «Исторія философіи права», Пилянкевича (Кіевъ, 1870). Университетскимъ уставомъ 1884 г. упразднена самостоятельная каѳедра исторіи философіи права, и профессорамъ предоставлено читать необязательныя лекціи, но лишь въ предѣлахъ древней исторіи. Съ конца XVIII в. началось преподаваніе энциклопедіи права. Первоначально подъ этимъ именемъ подразумѣвался краткій обзоръ, конспектъ другихъ юридическихъ наукъ; затѣмъ энциклопедія получила характеръ самостоятельной дисциплины, имѣющей своей задачей выясненіе общей связи различныхъ вопросовъ, изучаемыхъ спеціальными науками въ отдѣльности. Первыми въ Р. профессорами юридической энциклопедіи были Баузе, читавшій свои лекціи по Стефану Пюттеру, и Пургольдъ. Первымъ печатнымъ курсомъ энциклопедіи является соч. Дегая: «Пособія и правила изученія рос-

Библиотека "Руниверс"

сійскихъ законовъ или матеріалы къ энциклопедіи, методологіи и исторіи россійскаго права» (1831). Съ изданіемъ университетскаго устава 1835 г. энциклопедія права была введена въ число обязательно преподаваемыхъ предметовъ, при чемъ она понималась какъ «общее обозрѣніе системъ законовѣдѣній». Изъ послѣдующихъ сочиненій большое научное значеніе имѣлъ въ настоящее время уже устарѣвшій трудъ Неволина: «Энциклопедія законовѣдѣнія» (Кіевъ, 1839—40). Неволинъ—послѣдователь Гегеля, хотя не безусловный; энциклопедія его состоитъ изъ философскаго введенія, въ которомъ выясняется понятіе права, исторіи философіи законовѣдѣнія и исторіи положительнаго законовѣдѣнія. Соч. Рождественскаго: «Энциклопедія законовѣдѣнія» (СПб., 1863) имѣетъ исключительно догматическій характеръ; она состоитъ изъ философскаго введенія, въ духѣ ученія Фихте младшаго, и изъ обозрѣнія содержанія отдѣльныхъ юридическихъ наукъ. У новѣйшихъ русскихъ юристовъ почти общепринято отожествленіе энциклопедіи права съ общей его теоріей: такъ, соч. Капустина—«Юридическая догматика» (1868), Ренненкампфа «Очерки юридической энциклопедіи» (2 изд., Кіевъ, 1880) и «Курсъ юридической энциклопедіи» (2 изд., Кіевъ, 1898) представляютъ только общее ученіе о правѣ; съ точки зрѣнія философской они имѣютъ эклектическій характеръ. Наиболѣе вліятельнымъ профессоромъ энциклопедіи права былъ П. Г. Рѣдкинъ, всегда стремившійся ставить свою науку въ живое соприкосновеніе съ современностью; передъ смертью онъ издалъ 7 выпусковъ, «Изъ лекцій по философіи права» (1889—91). Самостоятельными изслѣдователями въ области общаго ученія о правѣ являются Н. М. Коркуновъ и С. А. Муромцевъ. Первый напечаталъ «Энциклопедію права» (СПб., 1883) и «Лекціи по общей теоріи права» (5 изд., 1898); второй—«Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» (М., 1879), «Ученіе нѣмецк. юристовъ объ образованіи права» (М., 1886) и др. Оба они въ изученіи права отводятъ широкое мѣсто историко-соціологическимъ элементамъ. Рядъ блестящихъ страницъ по общимъ вопросамъ права содержится во введеніи къ лекціямъ по гражданскому праву Н. Л. Дювернуа (СПб., 1889), являющагося противникомъ іерингговской теоріи права. Такимъ же противникомъ іерингговскихъ воззрѣній выступилъ С. В. Пахманъ въ рѣчи «О современномъ движеніи въ наукѣ права» (СПб., 1882), на которую Муромцевъ отвѣтилъ этюдомъ: «Что такое догма права»? Полемика эта обратила на себя вниманіе и за границею. «Энциклопедія права» Карасевича (1872) даетъ почти одно только введеніе. Въ «Очеркахъ энциклопедіи права» Деларова (1878, не оконч.) право разсматривается какъ одинъ изъ элементовъ общественной жизни, на ряду и въ связи съ ними. Статья проф. Звѣрева: «Энциклопедія права въ ряду юридическихъ наукъ» («Юридическій Вѣстникъ», 1880, № 1), въ противоположность господствующему среди русскихъ юристовъ мнѣнію, проводитъ взглядъ о необходимости сохранить различіе между философіей и энциклопедіей права. Изъ иностранныхъ энциклопедій на русск. языкъ переведены «Юридическая энциклопедія» Аренса (М., 1862—63) и «Энциклопедія государственныхъ наукъ» Моля (1867).

35) Русское государственное право. Въ этой области есть нѣсколько заслуживающихъ вниманія попытокъ дать систематическое обозрѣніе нашего государственнаго устройства и управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ она крайне бѣдна монографіями и даже журнальными статьями, посвященными разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Существуетъ немало работъ по положительному государственному праву западныхъ державъ, по его литературѣ; о нѣкоторыхъ государствовѣдахъ Германіи, напримѣръ Л. Штейна, у насъ имѣется нѣсколько работъ; не очень богата количественно, но весьма высока по своимъ достоинствамъ литература исторіи русскаго государственнаго права (работы Градовскаго, Сергѣевича, Петровскаго, Романовича-Славатинскаго и мн. др.)—но догма дѣйствующаго русскаго права и теоретическая разработка отдѣльныхъ его институтовъ еще ожидаютъ монографической разработки. Серьезная, имѣющая научное значеніе разработка вопросовъ русскаго государственнаго права начинается лишь съ шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія: до того времени всѣ сочиненія по госуд. праву представляли въ лучшемъ случаѣ обстоятельный сухой пересказъ дѣйствующихъ законовъ.

Въ эпоху до изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ, наше законодательство, частью разсѣянное по отдѣльнымъ нумерамъ «Сенатскихъ Вѣдомостей», частью распубликованное отдѣльными оттисками указовъ сената, а главнымъ образомъ состоявшее въ Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ, сообщавшихся лишь подлежащему вѣдомству, для населенія фактически было почти недоступнымъ. Основною задачею русскихъ юристовъ являлось тогда собираніе сырого законодательнаго матеріала и внѣшнее систематизированіе его. Первымъ опытомъ въ этомъ родѣ было «Краткое руководство къ россійскимъ правамъ», составленное для цѣлей академическаго преподаванія въ 1748 — 1755 гг. академикомъ Штрубе-де-Пирмонтомъ, съ 1738 г. занимавшимъ каѳедру правовѣдѣнія въ спб. академіи наукъ. Работа эта, только отчасти посвященная государственному праву, осталась неоконченною и ненапечатанною, такъ какъ въ 1755 г. академія признала систематическую сводку дѣйствующихъ законовъ дѣломъ безполезнымъ. При учрежденіи моск. университета на профессоровъ юридическаго факультета была возложена обязанность читать, между прочимъ, и *политику*, но, за отсутствіемъ спеціальныхъ преподавателей, государственныя науки, въ качествѣ особой дисциплины, студентамъ въ XVIII вѣкѣ не читались. По уставу дерптскаго университета 1803 г. и по общему уставу русскихъ университетовъ 1804 г., на факультетѣ «нравственныхъ и политическихъ наукъ» преподавалось «право политическое». Въ эту эпоху въ исторіи науки

Библиотека "Руниверс"

права въ Р. наибольшее значеніе имѣлъ московскій университетъ, профессора котораго —Дильтей, Десницкій, Сандуновъ, Цвѣтаевъ и др.—хотя сами и не оставили печатныхъ трудовъ по русскому государств. праву, но дали своими лекціями сильный толчекъ къ его разработкѣ. Ученику Десницкаго, З. Горюшкину; принадлежитъ первое печатное систематическое изложеніе русскаго законодательства: «Руководство къ познанію россійскаго законоискусства. Четыре переплета», 1811—1816. Къ госуд. праву относится преимущественно четвертый «переплетъ». Матеріала тутъ сведено довольно много, но систематизація самая грубая, обобщеній и руководящихъ идей почти вовсе нѣтъ. «Законоискусство» носитъ по преимуществу практическій характеръ, равно какъ и другая работа, пользовавшаяся въ то время значительною извѣстностью: «Систематическое собраніе россійскихъ законовъ съ присовокупленіемъ правилъ и примѣровъ изъ лучшихъ законоучителей, расположенное трудами С. Хапылева», 1817—1819. Несравненно болѣе догматическій характеръ имѣютъ описанія русскаго государственнаго строя, данныя адъюнктомъ моск. университета И. Васильевымъ, сначала въ актовой рѣчи, произнесенной имъ въ 1824 г. («О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ въ россійскомъ государствѣ»), а затѣмъ въ «Новѣйшемъ руководствѣ къ познанію россійскихъ законовъ» 1826 г., при чемъ въ «Руководствѣ» имѣется и краткая исторія законодательства. Изданіе въ 1832 г. Полнаго Собранія и Свода Законовъ весьма значительно облегчило работу юристовъ и должно было, повидимому, дать сильный толчекъ дальнѣйшему развитію науки госуд. права. Къ тому же, по мысли Сперанскаго, нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ Неволинъ, Рѣдкинъ и др., тогда же были посланы въ Берлинъ для подготовленія, подъ руководствомъ Савиньи, къ каѳедрамъ на юридическихъ факультетахъ. Но общественныя условія того времени были настолько неблагопріятны для развитія политическихъ и государственныхъ наукъ, что, не смотря на приливъ въ наши университеты повыхъ научныхъ силъ, отъ времени появленія Свода до шестидесятыхъ годовъ появились лишь два руководства по государственному праву: «Опытъ государственнаго права Россійской Имперіи», К. Д. Дюгамеля (1833), гдѣ имѣется попытка дать самостоятельную систему изложенія русскихъ законовъ, и «Руководство къ познанію законовъ», Ѳ. Проскурякова, представляющее безцвѣтный пересказъ статей Свода, но тѣмъ не менѣе выдержавшее два изданія.

Эпоха «великихъ реформъ» въ нашемъ государственномъ правѣ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ научной его разработки. Возникновеніе ряда вопросовъ, требовавшихъ теоретическаго освѣщенія, и существенное измѣненіе цензурныхъ условій естественно дали сильный толчекъ государственнымъ наукамъ. Въ это время у насъ впервые появляются монографіи по вопросамъ государственнаго права: напр. вокругъ земской реформы располагаются труды И. Е. Андреевскаго «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», А. В. Лохвицкаго—«Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія» (1864), кн. А. И. Васильчикова—«О самоуправленіи» (1870 — 1871). Къ этому времени относится и появленіе систематическихъ, научно разработанныхъ курсовъ русскаго государственнаго права. Первымъ изъ нихъ является «Русское государственное право», И. Е. Андреевскаго (1866). Вышедшій первый томъ этого труда стоитъ внѣ всякаго сравненія со всѣмъ, что раньше появлялось у насъ же въ томъ родѣ, но, какъ первый опытъ научной разработки русскаго государственнаго права, онъ страдаетъ многими существенными недостатками: отдѣльныя учрежденія и институты освѣщены лишь съ исторической точки зрѣнія; теоретическая разработка вопросовъ права и сравнительное ихъ изученіе выдѣлены почти цѣликомъ въ пространное введеніе и не составляютъ одного органическаго цѣлаго съ изложеніемъ дѣйствующаго права. Слѣдующимъ по времени является также оставшееся не оконченнымъ (вышли только 2 выпуска) «Пособіе для изученія русскаго государств. права» Романовича. Славатинскаго (1871) — работа по преимуществу описательнаго характера, со многими весьма интересными и цѣнными историческими сопоставленіями, но почти вовсе безъ теоретическаго освѣщенія и юридическаго анализа разсматриваемыхъ вопросовъ. Въ 1886 г. появилось новое изданіе перваго выпуска «Пособія», подъ заглавіемъ: «Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи, сравнительно съ государственнымъ правомъ Зап. Европы». Это—единственная въ русской учебной литературѣ попытка исполнить выраженное, послѣ изданія новаго университетскаго устава, министерствомъ народнаго просвѣщенія требованіе—считать истиннымъ предметомъ науки о государствѣ существо русскаго монархическаго начала. Наиболѣе крупнымъ явленіемъ въ литературѣ русскаго государственнаго права слѣдуетъ признать «Начала русскаго госуд. права», проф. А. Д. Градовскаго. Хотя и этотъ курсъ остался неоконченнымъ (авторъ не успѣлъ дать обзора нашего городского и земскаго самоуправленія, крестьянскихъ и городскихъ сословныхъ учрежденій), но появившіеся три тома охватываютъ матеріалъ несравненно болѣе обширный, чѣмъ предшествовавшіе курсы, дававшіе лишь общій очеркъ государственнаго устройства Имперіи и организаціи нѣкоторыхъ центральныхъ учрежденій. Въ «Началахъ» I томъ (1875) заключаетъ въ себѣ общее ученіе о законѣ и описаніе государственнаго устройства Р., томъ II (1876, третье изд. 1887)—государственную службу и центральныя установленія, т. III (1883) — мѣстное управленіе. Самою сильною стороною «Началъ» является догматическое и историческое освѣщеніе основныхъ вопросовъ нашего государственнаго права—заслуга тѣмъ болѣе крупная, что многіе изъ детально разработанныхъ проф. Градовскимъ вопросовъ, наиболѣе существенныхъ и характерныхъ для нашего государственнаго строя, вовсе до тѣхъ поръ не были предметомъ научнаго изслѣдо-

Библиотека "Руниверс"

ванія (напр. ученіе о государственной службѣ и сословіяхъ). Не меньшее значеніе имѣютъ и историческіе очерки; по нѣкоторымъ вопросамъ (сенатъ, сословія) они обращаются въ блестящія историческія монографіи. Теоретическое освѣщеніе разсматриваемыхъ вопросовъ далеко не всегда стоитъ на такой же высотѣ; юридическія конструкціи, вообще значительно менѣе интересующія автора, тоже не всегда удовлетворительны. Слѣдующіе затѣмъ по времени курсы русскаго государственнаго права — Сокольскаго, Эйхельмана, Алексѣева, Куплевасскаго, Ивановскаго — значительно уступаютъ «Началамъ», какъ по полнотѣ содержанія, такъ и по научнымъ достоинствамъ. Непропорціональность частей, недостаточно подробное изложеніе многихъ существенныхъ вопросовъ, отсутствіе ясно проведенной основной идеи, неудовлетворительность многихъ юридическихъ конструкцій — все это, въ различной степени, свойственно всѣмъ названнымъ курсамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно, при томъ, поверхностное знакомство съ существующими въ наукѣ государственнаго права теоріями и господствующими въ ней теченіями. Отъ этихъ курсовъ весьма выгодно отличается «Русское Государственное право» проф. Н. М. Коркунова (2 тома, 1892). Юридическая конструкція государства, какъ юридическаго отношенія, объектомъ котораго является властвованіе, а субъектами — граждане, конструкція весьма своеобразная, хотя и довольно спорная, послѣдовательно развиваемая въ курсѣ, является руководящею его идеею, связывающею его въ одно органическое цѣлое. Въ юридической конструкціи отдѣльныхъ институтовъ и въ весьма цѣнномъ иногда теоретическомъ ихъ освѣщеніи виденъ тонкій юристъ, знатокъ положительнаго права Р. и западныхъ державъ и существующихъ въ наукѣ права теорій. Непропорціональность отдѣльныхъ частей курса объясняется тѣмъ, что детальнѣе всего въ немъ разработаны вопросы, представляющіе наибольшій теоретическій или общественный интересъ. Принадлежащая автору юридическая теорія государства болѣе подробно развита въ монографіи его: «Указъ и Законъ» (1894), содержащей въ себѣ, сверхъ того, весьма цѣнную теоретическую и догматическую (по законодательствамъ русскому и главнѣйшихъ западно-европейск. державъ) разработку вопроса о соотношеніи закона и административнаго распоряженія. О литературѣ государственнаго права см. статью Коркунова въ III т. «Сборника государственныхъ знаній»; Романовичъ-Славатинскій, «Система русскаго государственнаго права« (I, 9—33); Коркуновъ, «Русское государственное право» (I,108—132). *Н. Л.*

36) Полицейское право — см. XXIV, 324—325.

37) Церковное право. Преподаваніе церковнаго права впервые введено было митроп. Платономъ (Левшинымъ) въ моск. дух. академіи въ 1776 г. Въ 1798 г. св. синодъ распорядился, чтобы и въ прочихъ дух. академіяхъ преподавалось церковное право по инструкціи, составленной митроп. Платономъ для моск. академіи. По этой инструкціи преподаваніе сводилось къ объясненію Кормчей книги. Съ преобразованіемъ въ 1810 г. духовно-учебныхъ заведеній церковное право введено было въ кругъ наукъ богословскихъ, а программа для систематическаго его изложенія составлена была въ 1814 г. архим. Филаретомъ (Дроздовымъ). Въ 1835 г. преподаваніе церковнаго права было введено и въ университетахъ, но первоначально лишь какъ часть богословія, обязательная для однихъ только студентовъ-юристовъ православнаго исповѣданія; съ 1863 г. ей посвящена самостоятельная каѳедра на юридическомъ факультетѣ. Первая въ Россіи ученая работа въ области церковнаго права вызвана была практическими потребностями коммиссіи составленія законовъ, которой понадобилось сличить постановленія византійскаго права съ ихъ слѣдами въ нашихъ законахъ; въ результатѣ появилось «Обозрѣніе кормчей книги въ историч. видѣ» (М., 1829). Первымъ опытомъ систематическаго изложенія церковныхъ законовъ, но безъ всякаго историческаго освѣщенія, являются «Записки по церковному законовѣдѣнію», профессора кіевскаго унив., протоіерея І. М. Скворцова (Кіевъ, 1848; 3 изд., 1861). Прочное основаніе изученію церковнаго права положилъ широко задуманный «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія» (СПб., 1851—52) еп. Іоанна (Соколова), который поставилъ себѣ задачею обозрѣть источники церковнаго права какъ въ историческомъ отношеніи (т. е. по ихъ происхожденію), такъ и въ каноническомъ (т. е. по ихъ содержанію и важности). Въ 1872 г. издано въ русск. переводѣ «Краткое изложеніе каноническаго права единой, святой, соборной и апостольской церкви», румынскаго митроп. Шагуны, представляющее собою смѣсь догматики съ церковнымъ правомъ. Затѣмъ проф. моск. унив. Н. К. Соколовъ предпринялъ въ 1874 — 75 гг. изданіе своихъ лекцій по церковному праву, но успѣлъ напечатать лишь два выпуска, изъ которыхъ первый содержитъ введеніе въ церковное право, а второй представляетъ собою трактатъ о церковномъ обществѣ. Въ 1882 г. вышелъ краткій курсъ лекцій по церковному праву свящ. Альбова. За нимъ послѣдовали: «Курсъ общаго церковнаго права» проф. М. Богословскаго (М., 1885), «Краткій курсъ церковнаго права правосл. греко-росс. церкви, съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей католическаго и протестантскаго церковнаго права», казан. проф. И. С. Бердникова (Каз., 1888, дополн. 1889), «Курсъ церковнаго права» проф. Н. С. Суворова (Яросл., 1889—90), который впослѣдствіи напеч. и «Учебникъ церковнаго права» (Яросл. 1898). Изъ другихъ профессоровъ-канонистовъ М. Остроумовъ напеч. «Введеніе въ православное церковное право» (т. 1, Харьк., 1893), Н. Заозерскій—«Историческое обозрѣніе источниковъ права православной церкви» (вып. 1, М. 1891), Лашкаревъ—«Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ» (Кіевъ, 1889); въ послѣднемъ проводится мысль о томъ, что изученіе права правосл. церкви должно быть поставлено на почву «античной юриспруденціи» и вестись съ точки зрѣнія

Библиотека "Руниверс"

юридическихъ принциповъ римско-визант. императоровъ и древнихъ отцовъ церкви (объ этомъ см. И. Бердникова, «Архаическое направленіе въ церковномъ правѣ», Каз., 1896). Изъ монографическихъ работъ по церковному праву на первый планъ должны быть поставлены изслѣдованія московскаго проф. А. С. Павлова († 1898 г.), который поставилъ себѣ задачей общее изученіе исторіи византійскаго права, свѣтскаго и церковнаго, у южныхъ славянъ и въ Россіи. Много потрудился А. С. Павловъ и надъ подготовкою и разработкою матеріаловъ для созданія догматической системы права отечественной церкви. Сюда относятся два изслѣдованія его: «Номоканонъ при Большомъ Требникѣ» (Одесса, 1872; пов. совершенно переработанное изданіе М., 1897) и «50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права» (М., 1887). Весьма важны и труды А. С. Павлова по исторіи русск. церковнаго права—обширное изслѣдованіе о секуляризаціи церковныхъ земель въ Р. (ч. 1, 1871), образцовое изданіе памятниковъ древне-русск. каноническаго права, частью имъ же открытыхъ (въ VI томѣ «Русской Историч. Библіотеки», изд. археографич. коммиссіей, СПб., 1880) и др. М. И. Горчакову принадлежатъ многографіи: «Монастырскій приказъ» (СПб., 1868), «О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, 988—1738» (СПб., 1871), «О тайнѣ супружества» (СПб., 1880); Н. С. Суворову—«О церковныхъ наказаніяхъ» (СПб., 1876), «Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ» (Ярославль, 1884) и «Слѣды западнокатолическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права» (Ярославль, 1888). По поводу послѣдняго изслѣдованія возникла полемика между Суворовымъ и Павловымъ, на статью котораго въ «Чтеніяхъ общ. люб. духовн. просв.» (1891, № 11—12) первый отвѣтилъ брошюрою: «Къ вопросу о западн. вліяніи на древне-русск. право» (Ярославль, 1892). Монографіи по праву правосл. церкви какъ въ предѣлахъ Р., такъ и внѣ ея принадлежатъ Т. В. Барсову («Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русск. церковью», СПб., 1878; А. С. Павловъ усмотрѣлъ въ этой книгѣ «теорію восточнаго папизма»), Заозерскому («Церковный судъ въ первые вѣка христіанства», Кострома, 1878; «О церковной власти», Сергіевъ Посадъ, 1894), Никольскому («Греческая кормчая книга Пидаліонъ», М., 1888), Курганову (объ устройствѣ церкви королевства греческаго), Пальмову (объ устройствѣ церкви болгарской, сербской), Красножену (объ Аристинѣ, Зонарѣ и Вальсамонѣ) и др. Т. В. Барсовъ издалъ «Сборникъ дѣйствующихъ и руководственныхъ церковныхъ и церковно-гражданскихъ постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія» (СПб., 1887). Въ 1880 г. св. синодъ приступилъ къ изданію «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Росс. Имперіи» съ 1720 г.; до сихъ поръ вышло 7 томовъ. По церковно-общественнымъ вопросамъ наиболѣе выдаются статьи Т. И. Филиппова («Сборникъ», СПб., 1896). Однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ канонистовъ долженъ быть признанъ покойный архіеп. виленскій Алексій (А. Ѳ. Лавровъ), который одно время былъ профессоромъ церковнаго права въ моск. дух. академіи. Ему принадлежатъ два анонимныхъ сочиненія: «Предполагаемая реформа церковнаго суда» (вып. I — 2, СПб., 1873) и «Чего желать для нашей церкви» (вып. I—II, 1882—85). Первое изъ нихъ направлено противъ проекта оберъ-прокурора св. синода гр. Д. А. Толстого, клонившагося къ освобожденію свѣтскихъ лицъ отъ церковной подсудности (по дѣламъ бракоразводнымъ и др.) и, главнымъ образомъ, къ коренному преобразованію духовнаго суда, въ смыслѣ перенесенія судебной власти отъ епархіальныхъ архіереевъ въ выборные пресвитерскіе суды. Однимъ изъ поборниковъ реформы былъ моск. проф. Н. К. Соколовъ, напечатавшій рядъ статей о духовномъ судѣ въ «Православномъ Обозрѣніи» (1870—71).

38) Наука гражданскаго и римскаго правъ. Характерной особенностью русскаго юридическаго развитія въ теченіе очень долгаго времени является отсутствіе не только у массы населенія, но и у высшихъ классовъ потребности привести въ извѣстность существующее въ отечествѣ право и точно установить по крайней мѣрѣ обыденныя юридическія отношенія между гражданами. Въ то время какъ на Западѣ при первыхъ же зачаткахъ организованной государственной жизни выдвигаются на первый планъ не только юристы-практики, но и теоретики, сочиненія которыхъ получаютъ значеніе руководства въ судахъ иногда наравнѣ съ закономъ или взамѣнъ его, Россія до второй половины XVIII в. не даетъ ни одного не только выдающагося, но и вообще сколько-нибудь образованнаго юриста; не появляется въ Р. ни одного юридическаго трактата, хотя-бы самаго элементарнаго состава. *Дьяки* и *подьячіе*, единственные юристы-дѣльцы древней Руси до начала XVIII столѣтія, не обладаютъ ни общимъ, ни юридическимъ образованіемъ; простая грамотность, дѣловой навыкъ и опытъ, смѣтливость составляютъ ихъ единственное достояніе и руководство при рѣшеніи подчасъ сложныхъ государственныхъ и частно-правовыхъ вопросовъ. Въ русскихъ училищахъ до Петра Великаго не преподавалось не только право, но даже этика. Лишь въ грамотѣ, данной въ 1682 г. царемъ Ѳедоромъ греко-славянской академіи, установлялась обязанность преподавать «ученіе правосудія духовнаго и мірскаго», но въ дѣйствительности этого не было. Въ 1703 г. было открыто въ Москвѣ такъ наз. «Нарышкинское» училище, въ которомъ нѣкто Іоаннъ Рейхмутъ преподавалъ «изъ философіи дѣятельныя этику и политику»; въ 1715 г. это училище было закрыто. Съ начала XVIII ст. потребность въ сколько-нибудь образованныхъ юристахъ-практикахъ становится все настоятельнѣе, вынуждая правительство принимать мѣры къ организаціи болѣе правильной подготовки судей и чиновниковъ административныхъ вѣдомствъ. Подготовку

Библиотека "Руниверс"

юристовъ-практиковъ правительство думало устроить путемъ прикомандированія молодыхъ дворянъ (юнкеровъ) къ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, для занятій подъ надзоромъ опытныхъ служащихъ. По Генеральному Регламенту коллегіи юнкеровъ учреждаются во всѣхъ коллегіяхъ; табель о рангахъ предписываетъ учредить краткую школу для обученія тому, «что касается до праваго суда» и вообще «что колежскимъ правленіямъ подлежитъ». Это практическое обученіе дѣлопроизводству и законоискусству существуетъ въ теченіе всего XVIII стол., при чемъ число обучающихся растетъ настолько, что становятся излишними принудительныя мѣры. Обученіемъ завѣдывали секретари и повытчики; за «лѣность и гулянье» даже двадцатилѣтніе юноши подвергались тѣлесному наказанію. Неудовлетворительность такого обученія праву сознается въ теченіе всего XVIII стол. и выражается княземъ Щербатовымъ въ слѣдующихъ словахъ: означенные юнкеры, «не имѣвъ... воспитанія, ниже знавъ грамматику и логику, начинаютъ съ простыхъ писцовъ свою службу и производятъ ее далѣе. Вся жизнь ихъ употреблена на списываніе и напамяновеніе законовъ, не оставляя имъ ни малѣйшаго времени на разсмотрѣніе ихъ. И тако становятся весьма памятные на законы, но не искусстные въ познаніи ихъ». Уже Петръ I проектировалъ учредить въ Р. «академію политики», для изученія юридическихъ наукъ. Въ 1721 г. была основана школа подъячихъ для дѣтей приказныхъ, гдѣ обученіе было практическимъ; въ 1722 г. въ инструкціи герольдмейстеру проектируется учрежденіе «краткой школы для изученія гражданскихъ дѣлъ», не осуществленное въ дѣйствительности. Юридическое обученіе вводится въ общія школы, а также въ кадетскій корпусъ, гдѣ съ самаго его основанія читалось естественное и гражданское право, а съ 1748 г. предписано читать «подлежащіе къ знанію гражданскихъ правъ уставы, регламенты и указы». Съ 1724 г. при академическомъ университетѣ учреждается каѳедра «права натуры и публичнаго купно съ политикою и этикою». Съ 1758 г. въ академіи, подъ управленіемъ Ломоносова, создается и юридическій факультетъ, гдѣ Бекенштейнъ читалъ «institutiones juris» и «introductio ad prаxim forensem», а Штрубе—права натуральное и народное; раньше онъ читалъ въ академіи и право гражданское. Преподаваніе юриспруденціи въ академическомъ университетѣ успѣха, однако, не имѣло: въ 1765 г. здѣсь былъ, напр., лишь одинъ студентъ. Послѣдовательное развитіе изученія права начинается только съ учрежденіемъ московскаго университета, въ которомъ уже при его основаніи было введено, рядомъ съ правомъ естественнымъ и общенароднымъ, и изученіе «положительныхъ правъ», т. е. римскаго и русскаго гражданскаго и уголовнаго. Первое время ихъ, вмѣстѣ съ правомъ естественнымъ и общенароднымъ, преподаетъ Дильтей, а затѣмъ появляются въ качествѣ профессоровъ воспитанники московскаго универ., Десницкій и Третьяковъ; первый читаетъ пандекты и русское право, второй — институціи. Въ 1783 г. отдѣльное отъ римскаго преподаваніе русскаго гражданскаго права и судопроизводства («практической россійской юриспруденціи и судопроизводства») начинаетъ колл. регистраторъ И. Аничковъ, съ 1790 по 1811 г. продолжаетъ Горюшкинъ. Римское и русское право вмѣстѣ въ 80-хъ гг. XVIII стол. читаютъ иностранцы Пургольдъ, Шнейдеръ, Баузе и Штельцеръ. Каѳедру римскаго права изъ русскихъ занимаетъ одинъ Цвѣтаевъ; русское право послѣ Горюшкина преподаетъ снова практически, а не теоретически Сандуновъ. Позднѣе выступаетъ одинъ только непосредственный и теоретически широко образованный ученикъ Цвѣтаева и Дегая, Морошкинъ. Съ основаніемъ университетовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани теоретическое изученіе римскаго и русскаго права развивается еще больше, но привлеченіе достаточно подготовленныхъ профессоровъ въ эти университеты встрѣчаетъ большія затрудненія. Съ 1803 по 1820 г. «положительныя права» въ спб. унив. преподаетъ иностранецъ Кукольникъ; съ 1820 г. его замѣняетъ на каѳедрѣ римскаго права остзеецъ В. В. Шнейдеръ, остающійся на ней до 1861 г. и замѣняемый остзейцемъ по происхожденію, хотя и воспитанникомъ спб. унив., Дорномъ. Каѳедру русскаго права послѣ Кукольника занимаетъ С. Г. Боголюбовъ, совсѣмъ къ ней не подготовленный теоретически; съ 1832 г. онъ замѣщается бар. Е. В. Врангелемъ, воспитанникомъ дерптскаго унив., плохо знавшимъ русскій языкъ. Въ Харьковѣ и Казани, кромѣ иностранцевъ (Гомперце, Филипповичъ, Швейкартъ, Финке, Нейманъ, Врангель) римское право преподаютъ учителя гимназій (Пауловичъ въ Харьковѣ, Лукашевичъ въ Казани).

Сознаніе потребности въ опредѣленіи своихъ правъ съ половины XVIII в. ясно сказывается и въ обществѣ. Въ одномъ изъ проектовъ («О правахъ благородныхъ»), представленномъ въ Екатерининскую коммиссію, указывается на то, что старое уложеніе царя Алексѣя «начинается опредѣленіемъ наказаній за преступленія, но *имѣетъ-ли кто къ чему либо право или чѣмъ кто обязанъ, о томъ тамъ умалчивается*, какъ-бы на то особливое уложеніе уже предварительно издано было, равнымъ образомъ и въ послѣдующихъ указахъ весьма многое случайно запрещено, *но того трудно сыскать, по какому праву остальнымъ кто пользуется*». Зарождающаяся юриспруденція, въ лицѣ какъ русскихъ своихъ представителей, особенно Десницкаго и Третьякова, такъ и иностранныхъ профессоровъ—Дильтея, Баузе и др.,—широко ставитъ задачи насажденія правового сознанія въ Р. Гражданское и римское право занимаютъ лишь часть программы, въ составъ которой входитъ изученіе не только отвлеченныхъ началъ естественнаго права, но и западно-европейскаго государственнаго и частнаго права, въ его историческомъ развитіи. Первые русскіе юристы не стремятся къ тому, чтобы перенести на русскую почву цѣликомъ западное правосозерцаніе, а хотятъ создать самостоятельную

Библиотека "Руниверс"

философію права, которая помогла-бы имъ объяснить сходства и отличія русской жизни сравнительно съ западно-европейской (особ. Десницкій). Осуществить эту задачу русскимъ ученымъ конца XVIII и первой четверти XIX в. не удалось; этому мѣшала, кромѣ политическихъ условій, недостаточная разработка не только историческихъ матеріаловъ, но и источниковъ дѣйствующаго русскаго права. Изъ учебной литературы перваго періода для римскаго права характерны: «Краткое очертаніе римскихъ и россійскихъ правъ» (1777), ученика Дильтея, Артемьева; «Основанія римскаго права», перев. съ латинскаго Ѳ. Ленкевича (1809—10); переводъ учебника Макельдея, сдѣланный Цвѣтаевымъ; три самостоятельныхъ учебника послѣдняго по римскому праву; «Начальныя основанія римскаго права» (СПб., 1810) Кукольника. Памятниками практическаго преподаванія русскаго права остались «Руководство къ познанію россійскаго законоискусства» и «Описаніе судебныхъ дѣйствій» Горюшкина, а теоретическаго — «Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго права Россіи», проф. Терлаича, «Начальныя основанія россійскаго частнаго права», Кукольника и «Опытъ начертанія россійскаго гражданскаго права», Вельяминова-Зернова, юриста-практика, принимавшаго непосредственное участіе въ законодательныхъ работахъ. Широкообразованные учителя могли передать свои взгляды отдѣльнымъ ученикамъ, приготовлявшимся къ каѳедрѣ, но не могли, по условіямъ времени, дать большого числа подготовленныхъ юристовъ. Не только въ началѣ вѣка, поэтому, пришлось выписывать для законодательныхъ работъ бар. Розенкампфа, но и въ эпоху подготовки Полнаго собранія и Свода Законовъ недостатокъ юристовъ ощущался настолько, что далъ Сперанскому основаніе написать слѣдующія слова: «Обученіе россійскаго законовѣдѣнія въ университетахъ нашихъ доселѣ не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ — по недостатку учебныхъ книгъ и по недостатку учителей. Двѣ учебныя книги, одну для учителей, другую для учащихся, необходимо нужно составить. Трудъ сей немаловаженъ, но составленіемъ сводовъ и уложеній онъ будетъ облегченъ... Пріуготовленіе учителей представляетъ болѣе трудностей. Здѣсь должно начать почти съ самаго перваго образованія. Должно сперва снабдить каждый университетъ двумя или хотя однимъ русскимъ профессоромъ правъ, пріуготовленнымъ исключительно для сей части. Къ сему пріуготовленію наши университеты мало представляютъ способовъ. Въ нихъ есть каѳедры римскаго права, но въ петербургскомъ, харьковскомъ и казанскомъ университетахъ это пустой обрядъ: ибо какъ учиться римскому праву безъ латинскаго языка? Въ другихъ университетахъ можетъ быть болѣе успѣховъ: въ Дерптѣ въ правахъ римскомъ и нѣмецкомъ, въ Вильнѣ въ римскомъ и польскомъ, но, къ сожалѣнію; нигдѣ въ россійскомъ». Сперанскій проектируетъ, поэтому, усиленіе состава профессоровъ путемъ посылки нѣсколькихъ молодыхъ людей за границу. Посылка состоялась, и съ этого времени начинается новая эпоха въ развитіи русской юриспруденціи вообще, и въ изученіи римскаго и гражданскаго права въ особенности. Въ первую очередь за границу были посланы Неволинъ, Богородскій, Благовѣщенскій, Знаменскій, Орнатскій (о ходѣ ихъ образованія см. Неволинъ), во вторую — Крыловъ, Рѣдкинъ, Мейеръ, Осокинъ, А. Куницынъ, Ѳедотовъ-Чеховскій и Кранихфельдъ. Къ тѣмъ изъ этихъ лицъ, которыя заняли каѳедры гражданскаго и римскаго права, примыкаютъ группы учениковъ, составившихъ себѣ имя въ русской научной цивилистической литературѣ. Непосредственно съ Неволинымъ связанъ своей плодотворной дѣятельностью И. Е. Энгельманъ; по направленію къ Неволину близки Митюковъ, Никольскій, Демченко и Загоровскій. Съ Крыловымъ связаны Кавелинъ, Дювернуа, Муромцевъ, Умовъ, Боголѣповъ, Нерсесовъ, Гамбаровъ, съ Мейеромъ — Вицынъ, Пахманъ и Малышевъ; къ послѣднимъ примыкаютъ Цитовичъ, Гольмстенъ, Шершеневичъ. Особнякомъ отъ этой непосредственной преемственности стоятъ Дорнъ, Голевинскій, Побѣдоносцевъ, Ефимовъ и нѣк. др. Посылка за границу упомянутыхъ выше лицъ состоялась въ эпоху расцвѣта исторической школы права, сильной не только своими идеями, но и покровительствомъ, которое оказывали ея ученіямъ правительства, въ томъ числѣ и русское, взявшее на себя задачу руководить насажденіемъ этого ученія въ умахъ профессоровъ черезъ попечителей учебныхъ округовъ*). Въ духѣ идей этой школы, соотвѣтственно видамъ правительства, должны были быть воспитаны и посланныя въ Берлинъ лица. Политическія тенденціи отразились, однако, лишь въ незначительной мѣрѣ на научной и преподавательской дѣятельности названныхъ лицъ, проявившихъ большую научную самостоятельность. Ученые, запявшіеся разработкой исторіи русскаго гражданскаго права,— а въ эту область внесли свою дань и романисты,—пытались не только возстановить, подобно представителямъ нѣмецкой исторической школы, составъ фактовъ старой юридической жизни, но и освѣтить смыслъ историко-юридическаго развитія Р. Главный представитель романизма, проф. Крыловъ, съ самаго начала своей дѣятельности, перенесъ центръ тяжести изученія римскаго права съ абстрактной догматики на историческую почву. Ученики Нево-

*) О политическихъ тенденціяхъ исторической школы, въ огромной мѣрѣ способствовавшихъ посылкѣ за границу русскихъ молодыхъ ученыхъ при имп. Николаѣ I, А. Менгеръ совершенно справедливо пишетъ слѣдующее: „Историческая школа, руководившаяся политическими стремленіями по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ и научными, съ самаго начала была склонна къ возвеличенію авторитета. Сочиненія ея основателей учили почти безпрекословному поклоненію предъ исторически образовавшимися учрежденіями народовъ, слѣпому восхищенію римской классической юриспруденціей и подчиненію безъ критики.... Правительства изъ политическихъ видовъ поддерживали это направленіе тѣмъ, что въ учебныхъ планахъ отводили самое широкое мѣсто историческимъ дисциплинамъ права, тогда какъ критическія, особенно философскія была оттуда изгнаны или лишены почти всякаго значенія" („Задачи совр. юриспруденція").

Библиотека "Руниверс"

лина и Крылова продолжали ихъ дѣятельность, примкнувъ, въ значительномъ большинствѣ, къ новымъ теченіямъ историко-юридической мысли во Франціи, Англіи и Германіи, и расширивъ область исторіи римскаго и русскаго права сравнительнымъ изученіемъ права другихъ культурныхъ народовъ и общей культурной исторіи. Обиліе задачъ, поставленныхъ русской жизни съ конца 50-хъ годовъ, широкое поле практической дѣятельности, открывшееся съ введеніемъ судебныхъ уставовъ и отвлекшее многихъ отъ ученой работы, послужили причиной тому, что результаты научной разработки римскаго и гражданскаго права не соотвѣтствуютъ силамъ и талантамъ творцовъ русской юриспруденціи. Ихъ огромной заслугой во всякомъ случаѣ останется то, что они съумѣли подготовить и воспитать достойныхъ проводниковъ въ жизнь и вѣрныхъ хранителей принциповъ, лежащихъ въ основаніи преобразованій импер. Александра II. Труды нашихъ ученыхъ юристовъ сосредоточены по преимуществу въ юридическихъ журналахъ, возникшихъ для живого общенія между университетской наукой и практикой («Журналъ Мин. Юстиціи» старой и новой редакціи, «Юридическій Вѣстникъ», изданіе спб. юрид. общества, выходившее подъ разными названіями). Практическая юриспруденція также выдвинула рядъ писателей, оказавшихъ крупныя услуги наукѣ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ покойный Оршанскій. Принципіальныя точки зрѣнія на задачи судьи-цивилиста развилъ въ своемъ «Отчетѣ судьи» А. Л. Боровиковскій. Съ начала 90-хъ годовъ начинается новый періодъ въ разработкѣ русскаго и римскаго права. Несовершенства русскаго гражданскаго права, отсутствіе практическаго значенія рецепированнаго въ Германіи римскаго и связь необходимыхъ преобразованій русскаго гражданскаго законодательства съ общими вопросами русской политической и общественной жизни направляли вниманіе юристовъ школы Неволина, Крылова и Мейера въ сторону вопросовъ de lege ferenda гораздо болѣе, чѣмъ въ сторону ученія de lege lata. Въ этомъ отношеніи ихъ не увлекъ на другую дорогу и капитальный трудъ Побѣдоносцева, проникнутый консервативными тенденціями. Такое настроеніе цивилистической литературы еще болѣе усиливало въ молодыхъ юристахъ интересъ къ соціально-политическимъ наукамъ, который, въ силу условій русской жизни, и безъ того былъ великъ. Притокъ новыхъ ученыхъ силъ къ изученію римскаго и гражданскаго права, вслѣдствіе этого, уменьшился. Ко времени введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, чрезвычайно расширившаго изученіе догматики римскаго и русскаго права, не оказалось въ наличности достаточнаго количества ученыхъ силъ. Министерство народнаго просвѣщенія, въ видахъ подготовки преподавателей гражданскаго права, учредило семинарію въ Берлинѣ, куда и отправлены были цѣлыя группы молодыхъ людей изъ разныхъ университетовъ. Здѣсь они должны были учиться догматикѣ римскаго права и чтенію римскихъ источниковъ; другіе предметы изученія, въ противоположность тому, что имѣло мѣсто при командировкѣ Неволина и его товарищей, были старательно удалены изъ программы. Не принято было даже предложеніе Виндшейда включить въ программу, для избѣжанія односторонности, изученіе германскаго національнаго права. Рядъ возвратившихся изъ Берлина молодыхъ людей заняли каѳедры и доцентуры въ русскихъ университетахъ: Гриммъ и Петражицкій въ Петербургѣ, Соколовскій въ Москвѣ (раньше въ Кіевѣ), Гуляевъ, Зелеръ и Покровскій въ Кіевѣ, Дыновскій и Пергаментъ въ Одессѣ, Тиле и Колатинскій въ Казани, Пассекъ и Кривцовъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ), Кассо въ Харьковѣ. Эта школа юристовъ дала уже рядъ научныхъ трудовъ по римскому праву, написанныхъ въ общемъ духѣ господствующей германской догматической литературы. Отдѣльныя лица изъ среды новой школы успѣли, однако, заявить себя оригинальностью мысли, внести нѣкоторыя свѣжія мысли въ старѣющую нѣмецкую догму и возвыситься до болѣе общихъ задачъ изученія права въ связи со всей культурной жизнью. Русская наука гражданскаго права, повторяя, въ общемъ, смѣну западно-европейскихъ школъ (естественнаго права, исторической и историко-философской), сохраняетъ, такимъ образомъ, опредѣленную традицію и самостоятельность развитія, чуждаясь односторонностей увлеченій и не забывая конкретныхъ задачъ русской дѣйствительности. Она выдвигаетъ на первый планъ общіе вопросы и стремится заложить прочный философскій фундаментъ изученія, выяснить методы его и опредѣлить какъ факторы правообразованія вообще, такъ и основные методы юридическаго творчества (труды Кавелина, Муромцева, Гамбарова, Пахмана). Вмѣстѣ съ тѣмъ она разрабатываетъ тѣ частные вопросы, на которыхъ особенно ясно видна разница принципіальныхъ точекъ зрѣнія (вопросы владѣнія въ трудахъ Морошкина, Митюкова, Муромцева, корреальныхъ и солидарныхъ обязательствъ въ трудѣ Дювернуа, представительства и negotiorum gestio въ трудахъ Нерсесова, Гордона, Эвецкаго, Гамбарова, историческіе вопросы сравнительнаго характера въ трудахъ Муромцева, Боголѣпова, Ефимова, Доримедонтова, Покровскаго, связь права съ экономикой въ трудахъ Гримма и Петражицкаго и т. д.), и, наконецъ, создаетъ общіе курсы.

Литература. Неволинъ, «Энциклопедія законовѣдѣнія» (II); Благовѣщенскій, «Исторія и методъ науки законовѣдѣнія въ XVIII в.» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1835 г.); Станиславскій, «О ходѣ законовѣдѣнія въ Р.» (СПб., 1853); Шершеневичъ, «Наука гражд. права въ Р.» (Казань, 1893); Лаппа-Данилевскій, «Полное собраніе законовъ, сост. въ царств. имп. Екатерины II» (СПб., 1898); Коркуновъ, «Десницкій, первый проф. права»; его же, «З. А. Горюшкинъ, россійскій законоискусникъ» (въ «Журн. Мин. Юстиціи», 1894, № 2 и 1895, № 7). *В. Нечаевъ.*

39) Наука гражданскаго судопроизводства. До изданія судебныхъ уставовъ 1864 г. литература гражданскаго процесса въ Р.

Библиотека "Руниверс"

была весьма незначительна, не смотря на то, что въ университетахъ уже съ давнихъ поръ преподавалось гражданское судопроизводство, существовали и курсы судопроизводства (Дегай, «Учебная книга россійскаго гражд. судоводства», 1840; Кукольникъ, «Основаніе роспроизсійскаго судопр.», М., 1832; Варадиновъ, «Дѣлопроизводство и т. д.», СПб., 1857 и др.). Болѣе значенія, чѣмъ эти курсы, имѣютъ появившіяся тогда изслѣдованія по вопросамъ исторіи процесса, напр. соч. Дмитріева—«Исторія судебныхъ инстанцій и т. д.» (М., 1859), Пахмана—«О судебныхъ доказательствахъ по древнерусскому праву» (М., 1851), Кавелина—«Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ» (М., 1844). Послѣ введенія судебной реформы первой попыткой систематической научной разработки всего матеріала гражд. судопроизводства является «Курсъ» Малышева (СПб., 1874—79). Курсъ Гольмстена: «Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства» (3 изд., СПб., 1899)—первый въ русской литературѣ опытъ философскаго построенія науки русск. гражд. процесса, исходящій изъ установленнаго Бюловымъ понятія процессуальнаго отношенія. Фальковскому принадлежатъ «Лекціи судоустройства и гражд. судопроизводства» («Юр. Вѣстн.», 1875—76), Малинину—«Теорія гражд. процесса» (Одесса, 1881), Нефедьеву—«Задача и элементы науки гражд. процесса» (Казань, 1883), Адамовичу—«Пособіе къ лекціямъ рус. гражд. судопроизводства» (СПб., 1891) и «Очеркъ русск. гражд. процесса» (СПб., 1894). Изъ пбслѣдующихъ практическихъ разработокъ системы русскаго гражданскаго процесса выдаются: Анненковъ, «Опытъ-комментарія къ уст. гражд. судопр.» (СПб., 1878—87); Верблювскій, «Движеніе русскаго гражд. процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ» (2 изд., 1889—пособіе для уясненія хода процедуры въ общихъ судебныхъ установленіяхъ); Исаченко, «Гражданскій процессъ. Практическій комментарій» (Минскъ, 1893); Носенко, «Производство гражд. дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ» (М., 1894). Лучшія справочныя изданія—Думашевскаго («Систематическій сводъ рѣшеній кассац. д-товъ», 4 изд., СПб., 1881); Поворинскаго и Шайкевича («Систематическій сборникъ рѣшеній гражд. кас. дпт.», т. II, судопроизводство, СПб., 1880), Алексѣева («Руководство для мировыхъ судей, тяжущихся и судебныхъ приставовъ», М., Вит. и СПб., 1879—91); Боровиковскаго («Уставъ гражд. судопр., съ объясненіями по рѣшеніямъ гр. кас. дпт.», 10 изд., СПб., 1898). Монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ гражданскаго процесса: Митюковъ, «О собственномъ признаніи, какъ доказательствѣ по дѣламъ гражданскимъ» (К., 1847); Вицынъ, «Третейскій судъ по русскому праву« (М., 1856); Зарудный, «Охранительные законы частнаго гражданскаго права» (СПб., 1859); Демченко, «Историческія изслѣдованія о наказаніяхъ свидѣтелей» (К., 1859); Фриде, «Положеніе о несостоятельности торговой и неторговой» (М., 1869); Хоткевичъ, «Вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ и удостовѣреніе въ безвѣстномъ отсутствіи» (М., 1873); его же, «Выкупъ родовыхъ имуществъ и охранительное судопроизводство» (М., 1863); Миловидовъ, «Законная сила судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ» (Яр., 1875); Малининъ, «Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ» (Одесса, 1877); Рихтеръ, «Объ огражденіи правъ кредиторовъ въ случаѣ смерти должника» (СПб., 1882); Васильевъ и Тепферъ, «Судебные сроки по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ» (СПб., 1884); Гольмстенъ, «Ученіе о правѣ кредитора опровергать юридическіе акты, совершенные должникомъ въ его ущербъ, въ современной русской литературѣ» (СПб., 1893); Мордухай-Болтовской, «Замѣтка для руководства судебныхъ приставовъ въ ихъ служебной дѣятельности» (СПб., 1888); Дерюжинскій, «Отводы и возраженія по русскому гражданскому процессу» (СПб., 1889); Шершеневичъ, «Ученіе о несостоятельности» (Каз., 1890); Нефедьевъ, «Къ ученію о сущности гражданскаго процесса. Соучастіе въ гражд. процессѣ» (Каз., 1891); Носенко, «Производство судебно-межевыхъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ» (СПб., 1892); Флексоръ, «Отмѣна рѣшеній по просьбѣ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ» (СПб., 1894); Загоровскій, «Очерки гражд. судопроизводства въ новыхъ административныхъ учрежденіяхъ» (Од., 1892). Ср. Поворинскій, «Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному» (СПб., 1896).

40) Торговое право и торговое судопроизводство. Первыя попытки открыть курсъ торговаго права, въ видѣ дополнительнаго къ курсу гражданскаго права, были сдѣланы Цитовичемъ, въ 1873 г. (въ новороссійскомъ унив.), и Малышевымъ въ 1875 г. (въ спб. унив.), но оставлены были въ самомъ началѣ. Иниціатива учрежденія особой каѳедры торговаго права принадлежитъ училищу правовѣдѣнія (1883). Университетскій уставъ 1884 г. установилъ спеціальную каѳедру торговаго права на всѣхъ юридическихъ факультетахъ. Въ результатѣ появились руководства: Башилова («Русск. торговое право», 1888; неоконч.), Некрасова («Торговое право», 1896), Шершеневича («Учебникъ русскаго торговаго права», 1896 и 1899), Цитовича («Учебникъ торговаго права», 1891). Еще раньше Цитовичъ изд. «Лекціи по торговому праву» (1873). На наиболѣе капитальныхъ трудахъ Цитовича и Шершеневича не могло не отразиться ничтожное содержаніе юридическаго матеріала въ нашемъ торговомъ законодательствѣ, тогда какъ на Западѣ именно кодификаціи вызывали оживленную разработку торговаго права. Цитовичъ въ своихъ построеніяхъ исходитъ или изъ нормъ иностранныхъ кодексовъ, или изъ теоретическихъ положеній, и начертанная имъ картина торгово-юридическаго быта не вполнѣ соотвѣтствуетъ русской дѣйствительности; Шершеневичъ наполняетъ свой курсъ положеніями общегражданскаго права и данными нашей судебной практики по торговымъ дѣламъ, рѣдко основывающейся на нормахъ нашего торговаго обычнаго права. Законъ возлагаетъ на бир-

Библиотека "Руниверс"

жевые комитеты «составленіе сводовъ торговыхъ обычаевъ», но попытки, какія дѣлались въ этомъ направленіи петерб. биржевымъ комитетомъ, были безуспѣшны (см. Золотаревъ, «Соображенія о способахъ и порядкѣ кодификаціи торговыхъ обычаевъ», 1877). Одинъ только рижскій биржевой комитетъ собираетъ и кодифицируетъ торговые обычаи мѣстной биржи и періодически публикуетъ ихъ въ приложеніяхъ къ издаваемымъ имъ, на нѣм. яз., ежегоднымъ отчетамъ. Попытка юридической разработки торговыхъ обычаевъ сдѣлана въ «Очеркахъ по русск. торговому праву», Гольмстена (1895). Мартенсомъ изд. «Опытъ комментарія русск. торговаго права на основаніи судебныхъ рѣшеній» (1880). Сборники судебныхъ рѣшеній: «Практика спб. коммерч. суда 1872—81 гг.»; Носенко, «Сборникъ рѣшеній Сената по комерч. дѣламъ» (1878—82); Гребнеръ, «Практика IV деп. и общ. собранія сената по торговымъ дѣламъ 1889—97 гг.»; Вильсонъ, «Судебная практика по торговымъ дѣламъ» (1896). Монографіи по торговому праву: Шершеневичъ, «Система торговыхъ дѣйствій (1888); Нисселовичъ, «О торговыхъ книгахъ» (1893); труды Гордона и Рабиновича въ области частнаго желѣзнодорожнаго права; Гельбке, «Торговое право и гражданское уложеніе» (1884). Послѣдній высказывается за включеніе матеріала торговаго права въ гражданское уложеніе. Такое единство частнаго права отстаивается и Пахманомъ, Шершеновичемъ и др. и проводится обнародованнымъ въ 1899 г. проектомъ обязательственнаго права, выработаннымъ коммиссіей по составленію гражд. уложенія. За особность торговаго права стоятъ Петражицкій, Туръ, Удинцевъ и др. На русск. языкъ переведено соч. Гарейса, «Германское торговое право» (1893—95). Торговому судопроизводству посвященъ отдѣлъ въ «Курсѣ гражд. судопр.» Малышева. Сюда же относятся еще: Малышевъ, «Историч. очеркъ конкурснаго процесса» (1871); Гольмстенъ, «Историческій очеркъ русскаго конкурснаго процесса» (1888); Шершеневичъ, «Конкурсное право» (1898); Вильсонъ, «Судебная практика по дѣламъ о торговыхъ администраціяхъ и несостоятельности» (1897). Существуетъ еще краткій «Учебникъ торговаго права и судопроизводства», Вальдберга (1899). По вексельному праву, кромѣ литературы, указанной въ ст. Вексель (V, 739): Барацъ, «Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ о вексельныхъ операціяхъ» (1893—обширное сочиненіе, особенно цѣнное указаніями на практику русскаго торговаго міра); его же, «Задачи вексельной реформы въ Россіи» (1896); Книримъ, «О новомъ проектѣ устава о векселяхъ» (1896).

41) Уголовное право. Научная разработка уголовнаго права и на Западѣ принадлежитъ новѣйшему времени; въ Р. же едва-ли не современникъ нашъ—В. Д. Спасовичъ—долженъ быть признанъ первымъ представителемъ рус. уголовнаго права, какъ науки въ собственномъ смыслѣ этого понятія. Въ каталогахъ юридическихъ библіотекъ и въ учебникахъ, дающихъ перечень литературы предмета, вслѣдъ за относящимся къ 1803 г. переводомъ (Д. Языкова) извѣстнаго разсужденія Беккаріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, можно встрѣтить «Начальныя основанія уголовнаго права» (1814), Неймана, «Опытъ начертанія россійскаго уголовнаго права» (1815), Герогляда, «Начертаніе теоріи уголовныхъ законовъ» (1824), Цвѣтаева, «Россійское уголовное право, составленное изъ россійскихъ государственныхъ узаконеній» (1826, 2 изд., 1830), Гуляева, «Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (1841), С. Баршева; но только послѣднее сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться. Изложеніе у Баршева своеобразное; рѣзко выдѣляется характерное стремленіе автора связать съ выводами западной науки фактическія условія русской дореформенной жизни; есть попытки научнаго анализа, есть внѣшняя полнота, систематичность, но все это перемѣшано съ утвержденіями часто наивными, часто совершенно ненаучными и произвольными. Наиболѣе полный отдѣлъ — ученіе о вмѣненіи (подъ заглавіемъ: «О вмѣненіи въ правѣ» Баршевымъ, въ 1840 г., была издана отдѣльная книга). Область безнравственнаго авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывался отдѣлять отъ области преступнаго. Наказаніе, по Баршеву, необходимо само по себѣ; основная его идея—возмездіе. Съ смертной казнью должно «обходиться осторожно», но доколѣ она нужна, «доколѣ ни справедливость, ни цѣлесообразность ея не можетъ быть оспорена». Ссылка, «если она хорошо устроена», «удовлетворяетъ всякаго, какой бы кто теоріи ни держался». Учебникъ уголовнаго права В. Д. Спасовича (т. I, часть общая, СПб., 1863) сохраняетъ до настоящаго времени научное значеніе. Анализъ юридическихъ понятій является здѣсь уже не въ видѣ попытокъ, а всесторонне развитымъ. Начинается учебникъ съ критическаго обзора важнѣйшихъ философскихъ теорій о существѣ преступнаго дѣянія и наказанія. Изложеніе живое, образное, формулировка мысли опредѣленная, смѣлая. Почти одновременно съ изданіемъ учебника В. Д. Спасовичъ оставилъ профессорскую дѣятельность, но и послѣ того изъ-подъ его пера вышло не мало цѣнныхъ для русской науки уголовнаго права изслѣдованій. Особаго упоминанія заслуживаетъ его статья: «Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права», первоначально напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» за 1891 г. и изданная отдѣльно въ 1898 г. Въ шестидесятыхъ же годахъ появились первые научные труды Н. А. Неклюдова—«Уголовно-статистическіе этюды» и переводъ учебника Бернера, съ примѣчаніями и дополненіями (1865), Н. С. Таганцева—«О повтореніи преступленій» (1867), А. Кистяковскаго — «Изслѣдованіе о смертной казни» (1867), Лохвицкаго—«Курсъ русскаго угол. права» (1867), и два изслѣдованія о покушеніи, Лякуба (1866) и Орлова (1868); изданъ также учебникъ раньше скончавшагося проф. Калмыкова. Начавъ съ изученія физіологическаго значенія возраста по отношенію къ преступленію («Угол. статистич. этюды»), Неклюдовъ вскорѣ перешелъ къ спеціальной разработкѣ

Библиотека "Руниверс"

и комментированію дѣйствующаго права («Руководство для мировыхъ судей», «Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права» и «Конспектъ общей части»). Какъ комментаторъ, Неклюдовъ отличался по формѣ—послѣдовательностью и логичностью анализа, по существу—суровостью критики. Въ предисловіи къ переводу учебника Бернера онъ говорилъ, что излагаетъ параллельно съ переводомъ, въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, опредѣленія отечественнаго права, съ тою дѣлью, чтобы поставить ихъ «насупротивъ» выводовъ науки. Этими словами онъ мѣтко и вѣрно охарактеризовалъ свое отношеніе какъ къ уложенію о наказаніяхъ, такъ и еще болѣе къ толкованіямъ практики. Въ оберъ-прокурорскихъ своихъ заключеніяхъ, однако, Неклюдовъ далеко не всегда держался той же точки зрѣнія. Изъ послѣдующихъ работъ Кистяковскаго выдается подробный «Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права» (1-е изд., 1875), изъ трудовъ Н. С. Таганцева — «О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву» (1870—71), «Объ отвѣтственности малолѣтнихъ преступниковъ» (1872), «Курсъ русскаго уголовнаго права» (1874—79), «Уложеніе и мировой уставъ съ разъясненіями, выдержавшіе до десятка изданій, и «Лекціи по общей части уголовнаго права» (1887 — 92). Особенно важно научное значеніе «Лекцій», въ которыхъ сосредоточено все что имѣетъ прямую связь съ общимъ ученіемъ о преступномъ дѣяніи и наказаніи. Изложены всѣ теоріи, въ ихъ исторической послѣдовательности; опредѣленія русскаго права разработаны съ полной детальностью, какъ въ историческомъ ихъ развитіи, такъ и сравнительно съ опредѣленіями западныхъ кодексовъ; весьма цѣнны библіографическія указанія русской и иностранной литературы. Таганцевъ — рѣшительный сторонникъ такъ называемаго классическаго направленія въ уголовномъ правѣ, созданнаго Фейербахомъ. Преступное событіе, по его словамъ, есть прежде всего юридическое отношеніе, и съ этой точки зрѣнія оно должно быть изучаемо уголовнымъ правомъ, какъ одною изъ юридическихъ наукъ. «Было-бы неразумно отрицать значеніе трудовъ по соціологіи преступленія», но «соединеніе въ одно цѣлое соціологическаго и юридическаго изслѣдованія однихъ и тѣхъ же фактовъ послужило бы только ко взаимному вреду обѣихъ отраслей знанія, такъ какъ онѣ разнятся и по методамъ или пріемамъ изученія, и по своимъ задачамъ или цѣлямъ»... То же самое нужно сказать и о внесеніи въ уголовное право уголовной антропологіи. «Антропологическія изслѣдованія, изученіе анатомическихъ и патологическихъ особенностей организма преступниковъ, должны занять свое спеціальное мѣсто въ группѣ наукъ біологическихъ и не могутъ быть включаемы въ право уголовное». Предметъ уголовнаго права — «изученіе юридической конструкціи преступныхъ дѣяній и вызываемой ими карательной дѣятельности государства». Классическая школа вообще господствуетъ среди русскихъ криминалистовъ (Спасовичъ, Кони, Сергѣевскій, Вульфертъ и др.). Д. А. Дриль («Малолѣтніе преступники», 1884; «Психофизическіе типы», 1890; «Преступность и преступники», 1895 г.) — единственный, кажется, у насъ послѣдователь антрополого-позитивнаго направленія (итальянская школа). Обстоятельному разбору положеній итальянской школы посвященъ двухтомный трудъ А. К. Вульферта: «Антропологопозитивная школа уголовнаго права въ Италіи» (1887 и 1893). Своеобразное и самостоятельное мѣсто занимаетъ И. Я. Фойницкій. Уголовное право, по его опредѣленію, есть наука о личномъ состояніи преступности. «На входныхъ дверяхъ науки уголовнаго права мы читаемъ, что его предметъ есть не преступленіе, а преступность, т. е. состояніе лицъ, вызывающее нарушеніе юридическихъ отношеній, охраняемыхъ карою, и подтверждаемое совершеніемъ въ мірѣ юридическаго порядка разнообразныхъ измѣненій, составляющихъ выраженія его». Эта мысль была имъ высказана впервые во вступительной лекціи, читанной въ спб. университетѣ и напечатанной въ «Судебномъ Журналѣ» за 1873 г. Впослѣдствіи авторъ повторилъ ее въ предисловіи къ «Ученію о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ» (1889), и вообще она составляетъ основу его воззрѣній, какъ криминалиста. «Ученіе о наказаніи»—трудъ капитальный, дающій массу матеріала, преимущественно по вопросамъ о ссылкѣ и о тюремномъ заключеніи. Рѣшительный противникъ ссылки, И. Я. Фойницкій посвятилъ ей, кромѣ того, отдѣльное изслѣдованіе: «Ссылка на Западѣ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи» (1881) и рядъ журнальныхъ статей. Важнѣйшіе труды Фойницкаго по особенной части уголовнаго права: «Мошенничество по русскому праву» (1871 г.) и «Посягательства на личность и имущество» (2 изд., 1893). Онъ принимаетъ живое участіе въ дѣятельности пенитенціарныхъ конгрессовъ и международнаго союза криминалистовъ. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ группою русскихъ, преимущественно молодыхъ криминалистовъ были изготовлены доклады по всѣмъ вопросамъ, обсуждавшимся на петербургскомъ (1890 г.) и парижскомъ (1895 г.) конгрессахъ. Самостоятельное мѣсто занимаетъ и Н. Д. Сергѣевскій. Болѣе крупные его труды: «О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ» (1880), «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка» (1888), и «Русское уголовное право. Часть общая, пособіе къ лекціямъ» (3 изд., 1896). Второе изъ поименованныхъ сочиненій въ свое время вызвало много толковъ и въ спеціальной и въ общей прессѣ, обусловленныхъ, главнымъ образомъ, своеобразнымъ отношеніемъ автора къ наказаніямъ, практиковавшимся въ московскій періодъ. По общимъ своимъ воззрѣніямъ, Сергѣевскій—послѣдователь національно-историческаго направленія въ правѣ. Его пособіе къ лекціямъ отличается полнотою, сжатостью и ясностью изложенія. Изъ общихъ курсовъ уголовнаго права слѣдуетъ еще отмѣтить учебники А. Ѳ. Кистяковскаго и Л. Е. Владимірова и «Очеркъ русскаго уголовнаго права» Есипова (1894),

Библиотека "Руниверс"

изъ монографій—«О соучастіи въ преступленіи», Колоколова (1881) и «Преступленія противъ религіи», Бѣлогорицъ-Котляревскаго (1886). Съ 1895 г. русская наука уголовнаго права обогатилась работой, совершенно исключительнаго, по важности, значенія: «Объясненія редакціонной коммиссіи къ проекту уголовнаго уложенія», въ восьми томахъ. Хотя «Объясненія» — изданіе оффиціальное, имѣющее цѣлью служить обычною объяснительною запискою къ проекту, но какъ по методу изложенія, такъ и по содержанію, они составляютъ работу строго научнаго характера. Они даютъ исторію отечественнаго уголовнаго законодательства, критическую оцѣнку дѣйствующихъ законовъ, въ связи съ семью западными кодексами, разборъ главнѣйшихъ теорій, оцѣнку воззрѣній комментаторовъ и замѣчаній представителей судебной практики и собственные выводы составителей. Къ сожалѣнію, эта работа до настоящаго времени въ продажу не поступала и составляетъ достояніе немногихъ библіотекъ и частныхъ лицъ. На разработку проекта коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, въ составѣ членовъ Н. А. Неклюдова, Е. Н. Розина, Н. С. Таганцева, В. К. Случевскаго и И. Я. Фойницкаго, употребила болѣе 13 лѣтъ.

Отдѣльная отрасль уголовнаго права, *право военно-уголовное*, какъ наука, находится въ Р. въ зачаточномъ состояніи. Всестороннее научное освѣщеніе получили только памятники Петровскаго законодательства, преимущественно «Артикулъ воинскій», частью — въ общихъ курсахъ исторіи права и уголовнаго права, такъ какъ этотъ памятникъ имѣетъ не только спеціально-военное, но и общее значеніе (съ наибольшей подробностью онъ разработанъ Н. Неклюдовымъ въ приложеніяхъ къ переводу учебника Бернера), частью въ изслѣдованіи М. П. Розенгейма: «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Р. до кончины Петра Великаго», 1878 г., главнымъ же образомъ—въ рядѣ историко-юридическихъ изслѣдованій П. О. Бобровскаго, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ: «Военное право въ Р. при Петрѣ Великомъ, часть вторая, артикулъ воинскій» (три выпуска, 1882, 1886 и 1898). Въ этомъ сочиненіи авторъ дѣлитъ главы «Артикула» на три группы, каждой группѣ предпосылаетъ очеркъ состоянія военнаго права въ Россіи и на Западѣ, затѣмъ излагаетъ текстъ отдѣльныхъ артикуловъ параллельно съ шведскимъ и датскимъ кодексами, даетъ подробнѣйшій комментарій и заканчиваетъ выясненіемъ преемственной связи дѣйствующаго права съ законодательствомъ Петра. Общему изложенію предмета посвящена книга В. Д. Кузьмина-Караваева: «Военно-уголовное право» (вып. 1-ый, 1895). Ему же принадлежитъ: «Характеристика общей части уложенія и воинскаго устава о наказаніяхъ» (1890). *К.-К.*

42) **Наука уголовнаго процесса.** Научная разработка уголовно-процессуальнаго законодательства началась въ Р. сравнительно недавно. До конца 50-хъ годовъ текущаго столѣтія по уголовному процессу появлялись главнымъ образомъ сочиненія, имѣвшія характеръ практическихъ руководствъ (напр. Адр. Неклюдова, Н. Орлова, В. Казанскаго, Ѳ. Наливкина); было издано также нѣсколько разсужденій теоретическаго характера (Хавскаго, Руровскаго, К. Пауловича) и по исторіи процесса въ Р. (Куницына, В. Линовскаго, Мальгина). Не смотря на то, что уголовное судопроизводство было введено въ курсъ университетовъ съ самаго ихъ основанія, до судебной реформы были изданы только два курса русскаго уголовнаго процесса—С. Баршева, въ 1841 г., и Н. Стояновскаго въ 1852 г., Проф. С. Баршевъ, въ своихъ «Основаніяхъ уголовнаго судопроизводства», старался примирить съ теоретическими началами дѣйствовавшій въ то время въ Р. розыскной процессъ и рѣшительно высказывался противъ устности и гласности судопроизводства; устность производства, по его мнѣнію, «служитъ обыкновенно источникомъ незрѣлаго и не обсудливаго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ и влечетъ за собою ораторство въ судахъ», а гласность «часто служитъ средствомъ къ распространенію среди молодежи умѣнья дѣйствовать при совершеніи преступленій». Изъ монографій, появившихся до судебной реформы, слѣдуетъ отмѣтить «Теорію уликъ» Жиряева (Дерптъ, 1855), въ которой авторъ далъ блестящую, и теперь не утратившую значенія разработку ученія о косвенныхъ доказательствахъ. Тому же вопросу посвящены изданныя отдѣльно публичныя лекціи В. Спасовича: «О теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ». Бѣдность юридической литературы въ ту эпоху объясняется съ одной стороны недостаткомъ образованныхъ юристовъ среди практиковъ, съ другой—неудовлетворительною постановкою преподаванія уголовнаго права въ университетахъ, гдѣ до устава 1863 г. профессорамъ предписывалось преподавать не «правовѣдѣніе», а «законовѣдѣніе». Съ началомъ законодательныхъ работъ по составленію судебныхъ уставовъ 1864 г. научная разработка уголовнаго процесса сразу значительно подвинулась впередъ; были переведены выдающіяся иностранныя сочиненія по уголовному процессу; въ печати, какъ спеціально юридической, такъ и общей, началось критическое обсужденіе дѣйствовавшаго въ то время дореформеннаго порядка судопроизводства и основныхъ положеній преобразованія судебной части. Съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. научной разработкѣ подвергнутъ былъ прежде всего вопросъ о судѣ присяжныхъ. Кромѣ переводныхъ сочиненій о судѣ присяжныхъ Миттермайера, Браухера и Гуэ Глунека, появились оригинальныя работы по этому предмету Н. Сергѣевскаго (1875), В. Палаузова (1876), Н. Тимофѣева (1881), Владимірова (1872), Кначевскаго (1882); защитникамъ суда присяжныхъ приходилось опровергать доводы, приводимые противниками примѣненія его на нашей почвѣ (напр. «Судъ и полиція», В. Фукса). Вторымъ вопросомъ, разработкою котораго усиленно занимались наши юристы, является вопросъ объ адвокатурѣ, которая также съ самаго открытія ре-

Библиотека "Руниверс"

формированныхъ судовъ подвергалась разнаго рода нападкамъ. Труды Стоянова, Васьковскаго и др. по исторіи адвокатуры, Кистяковскаго и Шмакова по вопросу объ организаціи адвокатуры въ зап.-европ. государствахъ, Макалинскаго, Сліозберга, Рихтера и др. о дѣятельности русской адвокатуры, монографіи К. Арсеньева («Замѣтки о русской адвокатурѣ»), И. Фойницкаго («Защита въ уголовномъ процессѣ какъ служеніе общественное») и Г. Джаншіева («Веденіе неправыхъ дѣлъ» и «Вопросы адвокатской дисциплины») выяснили необходимость адвокатуры въ современномъ строѣ уголовнаго процесса и твердо установили начала адвокатской этики. Изъ другихъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ судоустройства и судопроизводства выдаются труды Н. Буцковскаго и Н. Муравьева — о прокурорскомъ надзорѣ, Квачевскаго — объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи, Макалинскаго — о предварительномъ слѣдствіи, Кистяковскаго и Миклашевскаго — о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, Селитренникова и Палаузова — о постановкѣ вопросовъ, Берлина — о гражданскомъ искѣ на судѣ уголовномъ. Исторіи судебной реформы 1864 г. посвящены работы М. Филиппова (1871), А. Головачева (въ книгѣ «Десять лѣтъ реформъ», 1872) и Г. Джаншіева («Основы судебной реформы» 1891), разработкѣ основныхъ началъ реформированнаго процесса — труды К. Арсеньева («Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до судебнаго слѣдствія», 1870, и «Судебное слѣдствіе», 1871) и Н. Буцковскаго («Очерки судебныхъ порядковъ», 1875). Первый общій курсъ уголовнаго судопроизводства принадлежитъ проф. Чебышеву-Дмитріеву (1875); представляя собою подробное изложеніе русскаго уголовнаго процесса, онъ имѣетъ характеръ комментарія къ уставу уголовнаго судопроизводства, основаннаго главнымъ образомъ на кассаціонной практикѣ сената. Въ 1884 г. появился I-й томъ «Курса уголовнаго судопроизводства» проф. И. Фойницкаго, посвященный вопросамъ судопроизводства и подсудности и отличающійся совершенно инымъ характеромъ: авторъ даетъ теоретическіе конструкціи разсматриваемыхъ имъ процессуальныхъ институтовъ, сравниваетъ положенія русскаго права съ иностраннымъ законодательствомъ и въ блестящихъ историческихъ очеркахъ выясняетъ смыслъ и значеніе основныхъ началъ процесса. Въ 1894 г. I томъ курса проф. Фойницкаго вышелъ новымъ, переработаннымъ и нѣсколько сокращеннымъ изданіемъ, а въ 1899 г. изданъ II томъ курса, посвященный вопросамъ судопроизводства. Такимъ же теоретическимъ характеромъ отличается курсъ уголовнаго процесса проф. Тальберга, за смертью автора оставшійся неоконченнымъ (вышли только I т. въ 1889 г. и 1 вып. II т. въ 1891 г.; 2-й вып. изданъ по записямъ слушателей уже послѣ смерти автора); особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ курсѣ прекрасное изложеніе ученія объ уголовныхъ доказательствахъ. Полный курсъ русскаго уголовнаго процесса изданъ въ 1889 г. проф. В. Случевскимъ (въ 1895 г. вышло 2-е изданіе); авторъ излагаетъ главнымъ образомъ русскій процессъ, при чемъ подробно анализируетъ кассаціонную практику сената. Большія услуги разработкѣ науки уголовнаго процесса оказали юридическія общества въ Москвѣ, Петербургѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Тифлисѣ. Масса статей и замѣтокъ по различнымъ процессуальнымъ вопросамъ появилась въ изданіяхъ университетовъ и въ юридическихъ журналахъ и газетахъ. Полный систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству (уголовному и гражданскому) составленъ А. Поворинскимъ по порученію Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части и изданъ въ 1896 г. *А. С. Л.*

43) Наука международнаго права. Преподаваніе науки международнаго права введено въ русскихъ университетахъ уставомъ 1835 г. подъ именемъ общенароднаго права, которое уставомъ 1863 г. переименовано въ международное право. Оригинальныхъ сочиненій, обнимающихъ всю систему международнаго права, на русскомъ языкѣ очень мало. Первымъ по времени является «Курсъ международнаго права» проф. Каченовскаго (Харьковъ, 1863), остановившійся на исторіи международныхъ отношеній въ средніе вѣка; онъ даетъ громадный научный матеріалъ, въ соединеніи съ блестящимъ изложеніемъ, но во многихъ отношеніяхъ уже устарѣлъ. Проф. Капустину принадлежатъ «Обозрѣніе предметовъ международнаго права» (Москва, 1856) и «Международное право. Конспектъ лекцій» (Ярославль, 1873); первое сочиненіе значительно устарѣло, второе является попыткой самостоятельной систематизаціи всей науки международнаго права. Проф. Стоянову принадлежатъ «Очерки исторіи и догматики международнаго права» (Харьковъ, 1875). Проф. Бялэцкій, въ сочиненіи: «О значеніи международнаго права и его матеріаловъ» (Варш. 1872), излагаетъ различные взгляды представителей иностранной литературы относительно международныхъ трактатовъ, обычаевъ, распоряженій правительствъ и др. источниковъ международнаго права. Единственнымъ полнымъ изложеніемъ на русскомъ яз. всей системы международнаго права является сочиненіе проф. Мартенса: «Современное международное право цивилизованныхъ народовъ» (1 изд., СПб., 1882 — 83; перев. на нѣмец., франц. и испан. яз.). Мартенсъ является представителемъ позитивнаго направленія въ наукѣ международнаго права и стремится, путемъ изученія юридическихъ нормъ и учрежденій, открыть законы ихъ развитія. Отношенія между народами находятся въ связи съ юридическими учрежденіями отдѣльныхъ государствъ и съ духовными и экономическими интересами общества; такъ какъ удовлетвореніе послѣднихъ зависитъ отъ уваженія, которымъ пользуется внутри государства человѣческая личность, то по степени свободы личности, можно судить и о степени участія государства въ международномъ общеніи. Проф. Незабитовскому принадлежатъ

Библиотека "Руниверс"

соч.: «Ученіе публицистовъ о междугосударственномъ владѣніи» (К., 1862) и «О новѣйшихъ проектахъ международнаго устава» («Кіевскія Унив. Извѣстія», 1874, № 2). Отрицая основное положеніе юриспруденціи, что право возникаетъ лишь въ обществѣ, онъ различаетъ право общенародное, охраняющее права человѣка независимо отъ принадлежности его къ опредѣленному государству, и право междугосударственное, которымъ защищаются интересы самихъ государствъ: общенародное право должно служить основою и границею междугосударственнаго права. Проф. гр. Камаровскій написалъ «Обзоръ современной литературы по международному праву» (главнымъ образомъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій, Москва, 1887), и «Основные вопросы науки международнаго права» (Москва, 1895). Онъ держится религіозно-идеалистическаго направленія, стоитъ за идею международнаго мира и прочной междугосударственной организаціи, основанной на юридическихъ началахъ. Проф. Даневскому принадлежатъ: «Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву» (СПб., 1876) и «Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права» (Харьк. 1892) —довольно полный курсъ. Даневскій стремится внести цивилистическій методъ въ изученіе международнаго; онъ относится сочувственно къ новымъ задачамъ международнаго права и вѣритъ въ ихъ осуществленіе. Изъ сочиненій, касающихся общихъ вопросовъ международнаго права, слѣдуетъ упомянуть также соч. Иванова: «Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи» (1874). Важнѣйшія монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ международнаго права: В. Спасовича, «О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза» (СПб., 1851); Каченовскаго, «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ» (Москва 1855); Мартенса, «О правѣ частной собственности во время войны» (СПб., 1869) и «О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ» (СПб., 1873); гр. Камаровскаго, «Начало невмѣшательства» (Москва, 1874) и «О международномъ судѣ» (М., 1881; перев. на франц. яз.); Кантакузина гр. Сперанскаго, «Опытъ опредѣленія военной контрабанды» (Одесса, 1875); Даневскаго, «Историческій очеркъ нейтралитета и критика парижской морской декларації» (1879); Лодыженскаго, «О плебисцитѣ въ международномъ правѣ» (1883); Никольскаго, «О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права» (1884); Ивановскаго, «Женевская конвенція» (1884), «Взаимное содѣйствіе государствъ по дѣламъ уголовнымъ» (Одесса, 1889); «Женевская конвенція и право войны» (Одесса 1891), Штиглица, «Изслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности» (1889—92); Вейнера, «Консулы въ христіанскихъ государствахъ Европы и Америки» (1894); Пиленко, «Международная литературная конвенція» (1894); Симсона, «О завладѣніи по началамъ международнаго права» (1894); бар. Таубе, «Исторія зарожденія современнаго международнаго права» (1894); Казанскаго, «Институтъ международнаго права» (1893) и «Договорныя рѣки» (1895). Сборники международныхъ договоровъ, заключенныхъ Россіей: Мартенса, «Собраніе трактатовъ и конвенцій заключенныхъ Россіей съ иностранными державами (СПб., съ 1874 г., договоры съ Австріей, Германіей и Англіей); Ивановскаго, «Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Р. съ иностранными державами» (Одесса, 1889—90); Эйхельмана, «Хрестоматія русскаго международнаго права» (К., 1889). Разработкѣ вопросовъ международнаго права главнымъ образомъ былъ посвященъ «Журналъ международнаго и государственнаго права», выходившій въ СПб. въ 1897 г. (№№ 1 — 6), подъ редакціей Э. Симсона.

44) Экономическая наука. Первый русскій переводъ книги Ад. Смита: «О богатствѣ народовъ» былъ сдѣланъ Политковскимъ въ 1802—06 г. Идеи Смита пользовались значительной популярностью какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Названный переводъ сдѣланъ по приказанію м-ра финансовъ гр. Васильева. Въ оффиціальномъ органѣ мин. вн. дѣлъ, «Санктпетербургскомъ Журналѣ», популяризаціи идей Смита было посвящено нѣсколько статей. Въ 1805 г. вышелъ курсъ профессора московскаго университета Хр. Шлецера—«Начальныя основанія государственнаго хозяйства», составленный вполнѣ въ духѣ Смита. Курсъ Шлецера былъ для своего времени выдающимся произведеніемъ и переведенъ на франц. и нѣмец. языки. Самымъ замѣчательнымъ послѣдователемъ Смита, писавшимъ хотя и не по-русски, но въ Россіи, былъ Шторхъ. Его «Statistische Gemälde des russischen Reichs» (1798 — 1803) представляютъ собой чрезвычайно полное и точное описаніе русскаго хозяйственнаго строя того времени; его «Cours d'économie politique» (1815) — одинъ изъ лучшихъ экономическихъ курсовъ первыхъ десятилѣтій этого вѣка. Оригинальныя воззрѣнія Шторха оказали значительное вліяніе на европейскую науку (особенно его теорія цѣнности, въ основаніе которой положена мысль, что цѣнность создается полезностью, и теорія «невещественнаго производства» — ученіе о производительности труда, не направленнаго на матеріальные предметы). Крѣпостное право встрѣчало со стороны Шторха рѣзкое осужденіе. Широкое распространеніе въ русскомъ образованномъ обществѣ Александровской эпохи идей А. Смита сдѣлало возможной энергичную агитацію въ пользу свободной торговли, предпринятую вліятельнымъ еженедѣльнымъ журналомъ: «Духъ Журналовъ» (изд. 1815—20 гг. въ Петербургѣ). Эта агитація привела къ кратковременной побѣдѣ — изданію либеральнаго тарифа 1819 г., продержавшагося недолго и уже въ 1822 г. замѣненнаго новымъ тарифомъ, въ духѣ крайняго протекціонизма. Къ школѣ Ад. Смита принадлежалъ и Николай Тургеневъ, авторъ обратившей на себя вниманіе книги «Опытъ теоріи налоговъ» (СПб., 1819). Противникомъ свободной торговли былъ знаменитый государственный дѣятель адмиралъ Мордвиновъ. Его книга: «Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Р.» по оригинальности мысли рѣзко выдѣляется

Библиотека "Руниверс"

среди русской экономической литературы того времени. Защищая покровительственный тарифъ, Мордвиновъ высказалъ значительно ранѣе Фр. Листа очень многіе изъ аргументовъ, которые впослѣдствіи составили славу этого писателя. Такъ, Мордвиновъ съ полной ясностью установилъ зависимость успѣховъ земледѣлія отъ роста промышленности, а также формулировалъ ученіе о «ёмкости населенія» страны въ связи съ ея хозяйственнымъ строемъ. Гораздо слабѣе другая книга Мордвинова: «Разсужденіе о пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ». Доктрина «оффиціальной народности», выдвинувшаяся на первый планъ при императорѣ Николаѣ I-мъ, наложила свою печать и на экономическую науку. Начало романтическаго направленія въ русской экономической наукѣ было положено нѣмцемъ Гакстгаузеномъ, оказавшимъ глубочайшее вліяніе на нашу экономическую мысль. Невѣрно мнѣніе, будто Гакстгаузенъ открылъ въ Р. общину: общинное владѣніе крестьянъ описывалось въ Р. много разъ до Гакстгаузена, но онъ дѣйствительно раскрылъ огромное значеніе этого института въ общемъ строѣ русской жизни. Будучи убѣжденнымъ консерваторомъ, Гакстгаузенъ нашелъ въ Р. поразившее его соединеніе автократическаго строя съ экономическими формами, до нѣкоторой степени соотвѣтствующими требованіямъ западно-европейскихъ соціальныхъ реформаторовъ. «Во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ»—говоритъ Гакстгаузенъ въ своей замѣчательной книгѣ: «Studien über die inneren Zustände Russlands»—«глашатаи соціальной революціи ополчились противъ богатства и собственности: уничтоженіе права наслѣдства и равномѣрное распредѣленіе земли—вотъ лозунгъ этихъ революціонеровъ. Въ Р. такая революція невозможна, такъ какъ утопія западно-европейскихъ революціонеровъ получила въ этой странѣ свое полное осуществленіе». Россія обладаетъ крестьянской земельной общиной — «однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и интересныхъ учрежденій, какія только существуютъ.... Въ русскихъ общинахъ... живетъ такая компактная соціальная сила, какъ нигдѣ». Община избавляетъ Р. отъ главнаго зла современнаго общественнаго строя Зап. Европы — отъ пролетаріата. Книга Гакстгаузена является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской экономической науки. До Гакстгаузена русская наука не пыталась охватить одной общей идеей нашъ хозяйственный строй во всемъ его своеобразіи. Послѣ Гакстгаузена противопоставленіе народнаго хозяйства Р. западно-европейскому стало основнымъ мотивомъ русской экономической мысли. Экономическія воззрѣнія какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ, сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Гакстгаузена. Изъ общихъ курсовъ политической экономіи въ николаевскую эпоху можно указать трехтомное сочиненіе А. Бутовскаго: «Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи» (1847). Сочиненіе это совершенно не оригинально и интересно лишь въ томъ отношеніи, что оно является первымъ обширнымъ курсомъ экономической науки, авторъ котораго, русскій ученый, примыкаетъ къ буржуазнымъ экономистамъ и слѣдуетъ, главнымъ образомъ, Сэю и Дюнойе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно большинству современныхъ ему русскихъ экономистовъ, крайне идеализируетъ русскія хозяйств. условія. Гораздо интереснѣе экономическія сочиненія министра имп. Николая I—Канкрина. Канкринъ является самымъ характернымъ представителемъ реакціонно-націоналистическаго направленія въ нашей экономической наукѣ. Его идеалы—всецѣло въ прошломъ, въ патріархальномъ строѣ. Онъ не только протекціонистъ, но даже по многимъ пунктамъ примыкаетъ къ меркантилизму. Къ капитализму, машинному производству, крупной промышленности, желѣзнымъ дорогамъ онъ относится съ рѣшительной враждебностью. Мелкое производство, не отрывающее крестьянина отъ земли, кажется ему наилучшей системой хозяйства. Въ его критикѣ западно-европейскаго капитализма чувствуется вліяніе Сисмонди. Подобно Гакстгаузену, но съ меньшей ясностью и глубиной, Канкринъ отдаетъ предпочтеніе русскому хозяйственному строю передъ западно-европейскимъ. Уничтоженіе крѣпостного права и послѣдующія реформы не могли не повліять на направленіе русской экономической мысли. Самымъ блестящимъ представителемъ освободительной эпохи былъ Н. Г. Чернышевскій. Основныя воззрѣнія его на особенности русскаго хозяйств. строя сложились подъ вліяніемъ Гакстгаузена; но по своему соціальному міросозерцанію Чернышевскій примыкалъ къ утопическимъ соціалистамъ (въ особенности къ школѣ Фурье). Ни одинъ русскій экономистъ, ни раньше, ни послѣ, не оказывалъ такого вліянія на русскую экономическую мысль, какъ Чернышевскій. Значеніе его—въ томъ, что онъ первый связалъ въ одну законченную общественно-экономическую систему констатированныя Гакстгаузеномъ особенности русскаго хозяйства съ идеалами, выработанными на Западѣ. Всѣ симпатіи Гакстгаузена были позади; защита общины и артели съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Гакстгаузенъ, могла только скомпрометтировать эти русскія бытовыя особенности въ глазахъ прогрессистовъ. Чернышевскій попытался доказать, что община и артель являются прочнымъ базисомъ для русскаго прогресса. Не смотря на свою отсталость, Россія, по мнѣнію Чернышевскаго, гораздо ближе многихъ западно-европейскихъ странъ къ осуществленію идеаловъ коллективизма, именно въ силу особенностей своего хозяйственнаго строя. Съ наибольшей ясностью эта точка зрѣнія выражена въ статьѣ: «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія». Въ основаніе своей аргументаціи Чернышевскій кладетъ тезисъ, что «высшая форма развитія всегда бываетъ сходна по формѣ съ началомъ, отъ котораго развитіе отправляется». Такъ какъ развитіе начинается съ коллективныхъ формъ владѣнія землею, то и закончиться оно должно такими же коллективными

Библиотека "Руниверс"

формами. Нѣтъ, однако, необходимости для каждой страны проходить всѣ фазисы развитія: средніе фазисы могутъ выпасть, существовать лишь логически, и въ такомъ случаѣ послѣдній фазисъ можетъ непосредственно слѣдовать за первымъ. Именно въ такомъ положеніи находится Россія. Какъ истый послѣдователь философіи XVIII в., Чернышевскій объяснялъ недостатки соціальнаго устройства несовершенствомъ соціальной науки. Самымъ обширнымъ экономическимъ произведеніемъ Чернышевскаго являются его «Примѣчанія къ Полит. экономіи Милля», но по оригинальности мысли они значительно уступаютъ его статьямъ объ общинѣ. Къ противникамъ Чернышевскаго принадлежалъ проф. петербургскаго унив. Вернадскій, его главный оппонентъ въ спорѣ объ общинѣ, типичный либералъ «эпохи великихъ реформъ», авторъ нѣсколькихъ сочиненій, посвященныхъ преимущественно исторіи политической экономіи, и издатель журнала «Экономическій Указатель». Того же направленія былъ и Горловъ, проф. сначала казанскаго, а затѣмъ петербургскаго унив., авторъ многихъ работъ преимущественно описательнаго и статистическаго характера, а также обширнаго курса полит. экон. («Начала полит. экономіи», 1859—62). Этотъ курсъ неоригиналенъ, но все же по серьезности разработки значительно выше курса Бутовскаго. Довольно много мѣста въ немъ отводится хозяйственнымъ условіямъ Россіи. Ив. Бабстъ, профессоръ московскаго университета, былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ экономистовъ 60-хъ годовъ. Въ 1872 г. вышелъ первый выпускъ его «Изложенія началъ народнаго хозяйства», содержащій очеркъ историческаго развитія полит. экономіи и ученіе о производствѣ. Научная дѣятельность Н. Х. Бунге, министра финансовъ при имп. Александрѣ III, относится преимущественно къ той же эпохѣ. Главная заслуга Бунге, какъ ученаго—разработка теоріи кредита и денежнаго обращенія. Какъ теоретикъ, Бунге всецѣло примыкаетъ къ классической школѣ; онъ былъ энергичнымъ противникомъ бумажнаго денежнаго обращенія. Статьи Бунге по исторіи политической экономіи, переизданныя въ 1895 г., подъ названіемъ: «Очерки политико-экономической литературы», представляютъ мало интереса. Выдающееся мѣсто въ литературѣ 60-хъ годовъ занимаетъ книга Корсака: «О формахъ промышленности въ Западной Европѣ и Р.» (1861), и по настоящее время являющаяся одной изъ очень немногихъ попытокъ научной обработки русской промышленной исторіи. По строгости научнаго анализа, обилію историческаго матеріала, ясности мысли, она далеко оставляетъ за собой литературу по кустарной промышленности 70-хъ и 80-хъ годовъ. Корсакъ былъ, быть можетъ, самымъ крупнымъ русскимъ ученымъ экономистомъ 1860-хъ гг. Книга В. Флеровскаго: «Положеніе рабочаго класса въ Р.» (1869) произвела громадное впечатлѣніе на публику безотрадной картиной жизни русскаго мужика и рабочаго, но совершенно лишена научнаго значенія. При бѣдности оригинальной литературы, переводы иностранныхъ авторовъ всегда имѣли у насъ особое значеніе. Въ 60-хъ годахъ наша литература обогатилась переводами сочиненій Ад. Смита, Мальтуса, Д. С. Милля, Бентама, Тюнена, Рошера, Бруно Гильдебранда и др. На новѣйшее развитіе русской экономической науки оказалъ огромное вліяніе Марксъ. Ни въ одной литературѣ Марксъ не пользовался такимъ авторитетомъ, какъ въ русской. Наша экономическая литература 70-хъ и 80-хъ гг. представляетъ собою попытку связать идеи Чернышевскаго съ идеями автора «Капитала». Мысль о существованіи коренныхъ особенностей русскаго хозяйственнаго строя прочно укоренилась въ умахъ послѣдователей Чернышевскаго. Статистическое изученіе Р. первое время только содѣйствовало укрѣпленію этой мысли. Это статистическое изученіе представляетъ собою самое цѣнное изъ научнаго наслѣдія 70-хъ и 80-хъ годовъ. Въ русскихъ курсахъ статистики справедливо указывается, что статистическія работы земствъ являются своего рода unicum въ міровой статистической литературѣ. Особенно замѣчательны статистическія работы московскаго земства, организованныя В. И. Орловымъ, книга котораго: «О формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губ.», представляетъ собою и понынѣ едва ли не лучшую работу по вопросу о крест. землевладѣніи. Вообще русская статистическая наука насчитываетъ нѣсколько крупныхъ именъ. Нельзя не упомянуть, напр., о проф. петербургскаго университета Янсонѣ, курсъ статистики котораго былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ. Его «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ» (1879) имѣлъ въ свое время огромное общественное значеніе. Главой школы, отстаивавшей мысль о самобытности Р. и невозможности для капитализма получить у насъ такое же развитіе, какъ на Западѣ, можно считать В. П. Воронцова (В. В.). Его работа «Судьбы капитализма въ Р.» (1882)—безспорно выдающееся произведеніе. Задача этой книги, какъ ее формулируетъ самъ авторъ, заключается въ доказательствѣ «исторической невозможности капиталистическаго производства въ Р.». Отъ Маркса Воронцовъ заимствуетъ рѣзкую критику капиталистическаго строя, отъ Чернышевскаго — идею о возможности избѣгнуть промежуточныхъ фазисовъ развитія и сразу перейти отъ первичныхъ формъ хозяйства къ самымъ высшимъ. Капитализмъ въ Р., по мнѣнію Воронцова, имѣетъ лишь отрицательныя стороны и никакихъ положительныхъ. Эту же точку зрѣнія Воронцовъ развиваетъ и въ другихъ своихъ работахъ; нѣкоторыя изъ нихъ не лишены значенія въ качествѣ фактическихъ изслѣдованій, но въ теоретическомъ отношеніи онѣ мало прибавляютъ къ первому его труду. Почти одновременно съ книгой Воронцова была помѣщена въ журналѣ «Слово» работа другого русскаго экономиста, Николая — она, по основнымъ взглядамъ своимъ примыкающаго къ Воронцову. Эта работа — «Очерки нашего общественнаго пореформеннаго хозяйства» (вышедшая съ значительными дополненіями отдѣльнымъ изданіемъ въ 1893 г.) — по пол-

Библиотека "Руниверс"

нотѣ статистической обработки оставляетъ за собой книгу В. Воронцова, но уступаетъ ей по оригинальности мысли. Къ тому же направленію принадлежитъ и большинство современныхъ русскихъ экономистовъ прогрессивнаго лагеря—Исаевъ, Посниковъ, Южаковъ, Каблуковъ, Карышевъ и др. (А. А. Исаевъ, впрочемъ, за послѣднее время измѣнилъ свои взгляды и не можетъ болѣе считаться единомышленникомъ Воронцова). Большинство земскихъ статистиковъ также должны быть отнесены сюда. Теорія цѣнности Маркса положена въ основаніе большей части нашихъ курсовъ полит. экономіи. Лучшій изъ нихъ, по продуманности и теоретической законченности—курсъ А. И. Чупрова. Достоинствомъ курса А. А. Исаева является полнота и обиліе иллюстрацій теоріи фактами русской жизни. Курсы Л. В. Ходскаго и И. И. Иванюкова стоятъ ниже двухъ предшествующихъ. Въ теоретическомъ отношеніи интересенъ курсъ профессора сельскохозяйственнаго института въ Новой Александріи А. И. Скворцова. Общей для всѣхъ названныхъ курсовъ (кромѣ курса Л. Ходскаго) является теоретическая основа — трудовая теорія цѣнности Маркса, но большинство изъ авторовъ, по своему общему міросозерцанію, примыкаетъ въ большей или меньшей степени къ такъ назыв. «исторической» школѣ. Новымъ направленіемъ въ нашей экономической наукѣ является «неомарксизмъ», какъ называютъ его противники; сами представители его считаютъ себя послѣдовательными марксистами. Это направленіе выдвинулось у насъ еще очень недавно. Предшественникомъ его былъ даровитый экономистъ 70 и 80-хъ гг., Н. Зиберъ; въ настоящее время къ нему можно отнести Струве, Бельтова, Ильина, Булгакова, Скворцова, И. Гурвича. Особое положеніе занимаетъ И. И. Янжулъ, строгій послѣдователь «исторической школы»: онъ никогда не примыкалъ къ марксизму и въ тоже время, по своей концепціи экономическаго развитія Р., нѣсколько приближается къ названному направленію. Къ числу экономистовъ, стоящихъ внѣ всякаго вліянія марксизма, принадлежатъ И. Кауфманъ, Георгіевскій, Пихно, Слонимскій.

Литература. Общіе курсы политической экономіи: А. Чупровъ, «Политическая экономія» (М., 1892); И. Иванюковъ, «Политическая экономія какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій» (М., 1891, изд. 3-е); А. Исаевъ, «Начала политической экономіи» (СПб., 1898, изд. 4-е); Л. Ходскій, «Политическая экономія въ связи съ финансами» (СПб., 1899, изд. 3-е); А. Скворцовъ, «Основаніе политической экономіи» (СПб., 1898); П. Георгіевскій, «Политическая экономія» (1896); А. Карелинъ, «Краткое изложеніе политической экономіи» (СПб., 1894); З. А. Богдановъ, «Краткій курсъ экономической науки» (М., 1898); Д. Пихно, «Основанія политической экономіи» (Кіевъ, 1890); Д. Моревъ, «Руководство политической экономіи» (СПб., 1899, изд. 4-е). *Исторія политической экономіи:* А. Чупровъ, «Исторія политической экономіи» (М., 1892); И. Иванюковъ, «Основныя положенія теоріи экономической науки отъ Адама Смита до настоящаго времени» (М., 1891, изд. 3-е); И. Вернадскій, «Очеркъ исторіи политической экономіи» (СПб., 1858). *Задачи и методы политической экономіи:* В. Левитскій, «Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ» (Ярославль, 1890); А. Исаевъ, «Составныя части и методы политической экономіи» (Яросл., 1887); А. Чупровъ, «О современномъ значеніи и задачахъ политической экономіи» (М., 1874); Н. Зиберъ, «Общественная экономія и право» («Юрид. Вѣстникъ», 1883). *Ученіе о цѣнности:* Н. Коссовскій, «Цѣнность и цѣна» (Харьк., 1883); Л. Бухъ, «Основные элементы политической экономіи» (ч. I, СПб., 1896); Н. Зиберъ, «Теорія цѣнности и капитала Рикардо» (Кіевъ, 1871) и «Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ» (СПб. 1898, изд. 3-е). *Деньги и кредитъ:* Никольскій, «Русскія бумажныя деньги» (1892); И. Кауфманъ, «Кредитъ, банки и денежное обращеніе» (СПб. 1873); его-же, «Кредитные билеты» (СПб., 1888); его-же «Бумажноденежные проекты» (СПб., 1879); Н. Бунге, «Теорія кредита» (Кіевъ, 1852); В. Судейкинъ «Государственный банкъ» (1891); Г. Сазоновъ, «Ростовщичество - кулачество» (1895); Р. Гвоздевъ, «Кулачество - ростовщичество» (СПб., 1899). *Формы землевладѣнія:* М. Ковалевскій «Общинное землевладѣніе» (М., 1877); А. Посниковъ, «Общинное землевладѣніе» (Одесса, 1878); кн. Васильчиковъ. «Землевладѣніе и земледѣліе» (1877); В. В., «Крестьянская община» (СПб., 1892); Посниковъ, «Южно-русское крестьянское хозяйство» (СПб., 1891); Н. Бржескій, «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ» (СПб., 1897); И. Гурвичъ, «Экономическое положеніе русской деревни» (М., 1896); Л. Ходскій, «Земля и земледѣлецъ» (СПб., 1891). *Формы промышленности:* Прилежаевъ, «Что такое кустарное производство» (СПб., 1882); В. В., «Очерки кустарной промышленности въ Россіи» (СПб., 1886); М. Туганъ-Барановскій, «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ» (т. I, СПб., 1898); А. Исаевъ, «Артели въ Россіи» (СПб., 1881); В. В., «Артель въ кустарномъ промыслѣ» (СПб., 1895); его же, «Артельная начинанія русскаго общества» (СПб., 1895). *Экономическое развитіе Россіи:* П. Струве, «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Р.» (СПб., 1894); Бельтовъ, «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» (СПб., 1895); А. Исаевъ, «Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства» (СПб., 1896); Maxime Kovalewsky, «Le Régime économique de la Russie» (П, 1898); В. Ильинъ. «Развитіе капитализма въ Р.» (СПб., 1899); Н. Каблуковъ, «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Р.» (М., 1899).

М. Туганъ-Барановскій.

45) **Статистика.** Русская научно-статистическая литература начинается трудами академиковъ конца XVIII и начала XIX ст., Германа и, главнымъ образомъ, Шторха (H. Storch, «Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs Ende des XVIII Jahrh», Рига—Лпц., 1793—1803 и др.). Но ихъ труды, какъ и лек-

Библиотека "Руниверс"

ціи профессоровъ статистики въ университетахъ, двигались въ рамкахъ такъ назыв. нѣмецкой университетской статистики или описательнаго государствовѣдѣнія. Это направленіе оставалось господствующимъ до половины XIX в.; образцомъ его могутъ служить «Статистическіе очерки» К. И. Арсеньева (СПб., 1848; авторъ раньше преподавалъ статистику Цесаревичу Александру Николаевичу), единственное изъ ученыхъ сочиненій этого направленія, которое сохранило нѣкоторое значеніе. Уже въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ являются попытки научной разработки русскихъ статистическихъ матеріаловъ въ новомъ духѣ, получившемъ преобладаніе лишь во второй половинѣ XIX в. Таковы изслѣдованія академика Кеппена и сотрудниковъ Киселева въ первую эпоху министерства государств. имуществъ (Протопопова, Заблоцкаго-Десятовскаго, Соловьева, Вешнякова и др.). Къ нимъ примыкаютъ нѣкоторые дѣятели министерства финансовъ той эпохи (Гагемейстеръ и особенно Г. П. Неболсинъ) и нѣкоторые мѣстные дѣятели (Д. П. Журавскій, А. Скальковскій, Фундуклей). Самый выдающійся научно-статистическій трудъ той эпохи — «Обозрѣніе внѣшней торговли Россіи», Г. П. Неболсина (СПб., 1850). Къ этому-же времени относится и первое серьезное изслѣдованіе по уголовной статистикѣ Россіи, Анучина. Оживленіе, которое Кетле повсюду внесъ въ научное развитіе статистики, сказалось и въ Россіи, особенно благодаря тому, что оно совпало съ оживленіемъ, происшедшимъ въ нашей умственной и общественной жизни послѣ крымской войны. Новое направленіе въ научно-статистической литературѣ Россіи выразилось въ появившихся въ это время трудахъ Е. И. Ламанскаго — о русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и денежномъ обращеніи, Ф. Г. Тернера—о внѣшней торговлѣ, И. И. Вильсона—по статистикѣ сельскаго хозяйства. Въ это же время начинается преобразованіе статистическихъ учрежденій различныхъ вѣдомствъ, и въ составѣ этихъ учрежденій оказывается рядъ лицъ, пріобрѣвшихъ себѣ своими трудами ученую репутацію: въ центр. статист. комитетѣ—К. И. Арсеньевъ, П. П. Семеновъ; въ министерствѣ госуд. имуществъ — И. И. Вильсонъ, А. С. Ермоловъ, В. И. Ковалевскій; въ министерствѣ финансовъ—А. Б. фонъ-Бушенъ и А. К. Веселовскій; въ военномъ вѣдомствѣ — Н. Н. Обручевъ; въ министерствѣ путей сообщенія—А. А. Головачевъ. Большею частью труды этихъ лицъ входятъ въ составъ оффиціально-статистическихъ изданій различныхъ вѣдомствахъ, но они имѣютъ значеніе монографическихъ изслѣдованій, въ которыхъ систематически разработанъ огромный матеріалъ. Таковы, напр., объясненія П. П. Семенова къ русской статистикѣ землевладѣнія, изслѣдованія фонъ-Бушена по русской демографіи, изслѣдованія Вильсона и Ермолова по русскому сельскому хозяйству, И. С. Иващенко—о банкахъ, русская финансовая статистика Кауфмана и его-же русская банковая статистика, трудъ А. Рейнбота по мобилизаціи земли (1898) и т. д. Производились и статистическія изслѣдованія неоффиціальнаго свойства, возникавшія по частному научному почину; образцомъ ихъ является изслѣдованіе русской хлѣбной торговли, исполненное спеціалистами по статистикѣ изъ числа членовъ географическаго и вольно-экономическаго обществъ—Янсономъ, Чаславскимъ, Безобразовымъ и др.—Наконецъ, новое поле для статистическихъ изслѣдованій у насъ явилось съ возникновеніемъ богатой трудами земской статистики (см. Велецкій, «Земская статистика», М., 1899). Труды такихъ земскихъ статистиковъ, какъ В. И. Орловъ, братья Н. А. и К. А. Вернеръ, В. Н. Григорьевъ, Ѳ. А. Щербина, Н. А. Каблуковъ, И. П. Боголѣповъ, С. А. Харизоменовъ, М. И. и Е. И. Красноперовы, П. П. Червинскій, В. И. Покровскій, Н. Н. Романовъ, Д. И. Рихтеръ, А. А. Кауфманъ, В. Е. Варзаръ, А. А. Русовъ, Н. Ф. Анненскій, А. И. Шликевичъ и многіе другіе, надолго сохранятъ цѣну и значеніе при изученіи русскаго народнаго хозяйства и его положеніи въ концѣ XIX стол. Собственно по теоріи статистики русская ученая литература вправѣ гордиться сочиненіемъ по этому предмету покойнаго проф. Янсона, которое принадлежитъ къ лучшимъ въ европейской литературѣ и по образцу котораго составлены другіе университетскіе курсы—Чупрова, Федоровича и Ходскаго. *И. К.*

46) Финансовая наука, до сихъ поръ во многихъ странахъ еще не выдѣленная на степень самостоятельной отрасли знанія и трактуемая какъ часть науки о народномъ хозяйствѣ или политической экономіи, раздѣляла въ Россіи судьбу этой послѣдней, т. е. до послѣдняго почти времени представляла малое число оригинальныхъ трудовъ, особенно по теоріи, и въ большинствѣ сочиненій повторяла лишь иностранные образцы, въ формѣ переводовъ или компиляцій. Исключенія сравнительно рѣдки; однимъ изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно лучшимъ изъ нашихъ раннихъ сочиненій по финансовой наукѣ слѣдуетъ считать «Опытъ теоріи налоговъ» Н. И. Тургенева (два изданія, СПб., 1818 и 1819 гг.; доходъ отъ изданія былъ посвященъ на пользу крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости). Если-бы это сочиненіе было издано въ свое время на языкѣ, болѣе распространенномъ въ Западной Европѣ, оно заняло бы видное мѣсто между лучшими въ началѣ XIX в. трудами по теоріи налоговъ и осталось-бы на нихъ не безъ вліянія. Авторъ основательно изучилъ экономическую литературу Германіи, Англіи и Франціи и, въ отличіе отъ большинства русскихъ писателей того времени, по своимъ воззрѣніямъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является даже оригинальнымъ. Книга его подробно трактуетъ всѣ вопросы о налогахъ, начиная отъ ихъ происхожденія и источника до описанія разныхъ видовъ и общаго дѣйствія, при чемъ бумажныя деньги разсматриваются какъ особый видъ налоговъ. Съ обширными свѣдѣніями авторъ соединяетъ тонкій аналитическій умъ и даръ прекраснаго изложенія. Его критическія замѣчанія на нѣкоторыя воззрѣнія Юма, Канара сохраняютъ свою цѣну до сихъ поръ. По условіямъ того

Библиотека "Руниверс"

времени и состоянію самой финансовой науки на Западѣ, сочиненіе Тургенева долго оставалось у насъ своего рода оазисомъ въ пустынѣ. Немногочисленные русскіе труды финансоваго содержанія, вышедшіе въ свѣтъ за первую половину XIX в. и сколько-нибудь заслуживающіе вниманія, или трактуютъ по преимуществу практическіе вопросы (какъ сочиненія по кредиту извѣстнаго адмирала Мордвинова, Попова и др.), или направлены на темы историческаго содержанія. Вообще, исторія финансовъ у насъ представлена гораздо полнѣе и лучше, нежели теорія. Къ раннимъ трудамъ такого рода слѣдуетъ отнести книгу Ю. А. Гагемейстера: «Розысканія о финансахъ древней Россіи.» (СПб., 1833); она обнимаетъ русскую финансовую исторію до Іоанна III-го (1462) и добросовѣстно знакомитъ съ важнѣйшими видами государственныхъ доходовъ правами и особенностями отдѣльныхъ сословій и устройствомъ финансовой администраціи. Авторъ хорошо изучилъ иностранную литературу, но далеко не воспользовался всѣмъ русскимъ, даже печатнымъ матеріаломъ, напр. литературными трудами Строева. Какъ-бы дальнѣйшій шагъ по исторіи русскихъ финансовъ представляетъ собою сочиненіе графа Д. А. Толстого: «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины имп. Екатерины II» (СПб., 1848). Авторъ пользовался лишь весьма немногими печатными трудами, не касаясь архивовъ, въ которыхъ лежитъ груда матеріаловъ по исторіи финансовъ, еще не тронутыхъ разработкой. Толстой знакомитъ не съ общимъ характеромъ финансовыхъ учрежденій, въ хронологической послѣдовательности, а съ отдѣльными видами государственныхъ доходовъ, почему содержаніе его книги дробится на мелкія подраздѣленія. Къ серединѣ XIX стол. относятся также небольшіе, но цѣнные труды казанскаго проф. Осокина («Внутренія таможенныя пошлины въ Р.», 1850, «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ объ исторіи русскихъ финансовъ», 1855), работы И. Бѣляева, Чулкова и др. Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ по исторіи финансовъ появились талантливыя работы Лаппо-Данилевскаго («Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ», СПб., 1890), Милюкова («Государственное хозяйство Р. первой четверти XVIII стол.», СПб., 1892), Ключевскаго («О рублѣ», статья о подушной подати и пр.). Въ основѣ этихъ изслѣдованій лежатъ уже первоисточники и архивные матеріалы. Бржесскій, въ своей книгѣ о государственныхъ долгахъ Р. (СПб., 1884), даетъ обширный сводъ историко-статистическихъ свѣдѣній по исторіи русскихъ долговъ. И. С. Бліохъ, въ огромной сводной работѣ: «Финансы Россіи XIX столѣтія» (1882), довольно подробно излагаетъ исторію и статистику русскихъ финансовъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, въ особенности за текущій вѣкъ; это—наиболѣе полная справочная книгу, которая у насъ по этому предмету существуетъ. Труды В. П. Безобразова объ актовыхъ налогахъ и классификаціи государственныхъ доходовъ, И. И. Кауфмана о кредитѣ и банкахъ, Н. Х. Бунге по вопросамъ о кредитѣ, проф. Цитовича и Лебедева о мѣстныхъ расходахъ и налогахъ, Алексѣенко и Исаева о кредитѣ и налогахъ, Озерова о подоходныхъ налогахъ и нѣкоторые другіе представляютъ болѣе или менѣе цѣнные вклады въ общую теорію финансовой науки. За послѣднія 15 лѣтъ пополненъ, наконецъ, и тотъ важный пробѣлъ русской финансовой литературы, отъ котораго она наиболѣе страдала: у насъ начали появляться учебники этой науки, до тѣхъ поръ почти отсутствовавшіе, за исключеніемъ стараго компилятивнаго учебника профессора Горлова. Таковы руководства по финансовому праву Львова, Патлаевскаго, Ходскаго, Янжула и Лебедева; послѣдній представляетъ собою наиболѣе выдающійся русскій трудъ по данному предмету. По своимъ размѣрамъ и широкому плану этотъ неоконченный учебникъ, часть котораго вышла уже вторымъ изданіемъ, можетъ даже считаться скорѣе пособіемъ при изученіи финансовой науки, нежели обыкновеннымъ руководствомъ для учащихся. *И. Я.*

47) Военныя науки можно подраздѣлить на двѣ главныя отрасли—военное искусство и военное право; первое обнимаетъ собою какъ теорію военнаго искусства (тактику и стратегію), такъ и исторію его (исторію войнъ, военнаго искусства, войскъ и военныхъ учрежденій); второе, въ свою очередь, распадается на военно-административное право (организація войскъ, комплектованіе ихъ и управленіе ими, военное хозяйство) и военно-уголовное право (матеріальное и формальное). До тридцатыхъ годовъ XIX стол. по теоріи и исторіи военнаго искусства въ русской литературѣ появилось всего нѣсколько сочиненій, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ. Къ числу оригинальныхъ трудовъ конца XVIII и начала XIX в. относятся сечиненія Рубана, «Походъ боярина Шеина къ Азову» (1773); Михайлова, «Старинный военный уставъ ратныхъ пушкарныхъ и другихъ дѣлъ» (1777), «Опыты полевого воинскаго искусства» (1794), «Полевая карманная книжка къ познанію военнаго искусства» (1795), «Тактическія правила или наставленіе къ воинскимъ эволюціямъ» (1797); Бестужева, «Правила военнаго воспитанія и наставленіе для офицеровъ, военной службѣ себя посвятившимъ» (1807), «Общій опытъ тактики» (1807); Антоновскаго, «Наука успѣшно воевать по правиламъ Суворова» (1807), «Наука побѣждать по правиламъ Петра Великаго» (1808), «О военномъ искусствѣ древнихъ и новыхъ временъ» (1808); Де-Санглена, «Краткое изображеніе воинской исторіи XVIII в.» (1809), Чуйкевича, «Разсужденіе о войнѣ 1812 г.» (1813); Тихонова, «Пораженіе французовъ на Сѣверѣ въ 1812 г.» (1814); Вистицкаго, «Тактика въ пользу и употребленіе военнослужащихъ» (1817), «Памятная книжка для военныхъ людей» (1818); Ахшарумова, «Описаніе войны 1812 г.» (1819); Глинки, «Жизнь Суворова имъ самимъ описанная» (1819); Бутурлина, «Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ (1819—23), «Исторія нашествія имп. Наполеона на

Библиотека "Руниверс"

Россію въ 1812 г.» (1823), «Картина войнъ Р. съ Турціей въ царствованіе имп. Екатерины II и имп. Александра I» (1829—30) и «Картина осенняго похода 1813 г. въ Германіи» (1830); Давыдова, «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій» (1821); Пушкина, «Краткія извѣстія объ образованіи въ Европѣ войскъ» (1821); Мальгина, «Россійскій ратникъ или общая военная повѣсть о государственныхъ войнахъ» (1825); Фукса, «Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 года» (1825); Окунева, «Réflexions sur le système de guerre moderne» (1823), «Исторія кампаніи 1800 г. въ Италіи» (1825), «Considérations sur les grandes opérations de la campagne de 1812 en Russie» (1829), «Mémoires sur les principes de la stratégie» (1830) и «Examen raisonné des propriétés des trois armes» (1832); Мяхкова, «Опытъ энциклопедическаго обозрѣнія военнаго искусства» (1828). Разработка теоріи военнаго искусства начата у насъ бар. Жомини; труды его—«Наука о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ» (1836),«Аналитическій обзоръ главныхъ соображеній военнаго искусства и объ отношеніяхъ оныхъ съ политикою государствъ» (1833), съ дополненіемъ къ нему (1838), и «Краткое начертаніе военнаго искусства» (1840)—появились первоначально на французскомъ языкѣ. Послѣ основанія въ 1832 г. военной академіи появляются работы бар.Медема: «Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи» (1836) и «Чистая и прикладная тактика» (1837); Веймарна, «Высшая тактика» (1840); Языкова, «Опытъ теоріи стратегіи» (1842); М. Богдановича, «Записки стратегіи, правила веденія войны» (ч. I, 1847); Ѳ. Горемыкина, «Руководство къ изученію тактики» (1849); Неелова, «Очеркъ современнаго состоянія стратегіи» (1849); Вупча, «Малая война» (1850); Энгельгардта, «Краткое начертаніе малой войны для всѣхъ родовъ оружія» (1850); Д. Милютина, «Наставленіе къ занятію, оборонѣ и атакѣ мѣстныхъ предметовъ» (1850); Карцова, «Тактика» (1850 — 1852); Липранди, «Взаимныя дѣйствія пѣхоты, конницы и артиллеріи» (1854); Столыпина, «Опытъ объ употребленіи легкой кавалеріи» (1854); Астафьева, «О современномъ военномъ искусствѣ» (1856); кн. Голицына, «О партизанскихъ дѣйствіяхъ въ большихъ размѣрахъ» (1859); Новицкаго, «Лекціи малой войны» (1865); Батезатула, «Стратегическіе очерки настоящаго положенія европейскихъ государствъ» (1868); М. Драгомирова, «Тактика» (1866), «Опытъ руководства для подготовки частей къ бою» (1870, 3-я ч., 1885), «Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей» (1881); Г. Леера, «Стратегія» (1867, послѣднее изданіе 1898), «Дѣйствія арміи въ сферѣ крѣпостей» (1869), «Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ войны» (ч. I., «Положительная стратегія», 1869), «Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовки стратегическихъ операцій въ особенности» (1875), «Высшая тактика» (1880), «Прикладная тактика» (1880), «Стратегическіе этюды» (1886), «Сложныя операціи» (1892), «Методъ военныхъ наукъ» (1894); Сухотина, «Рейды и поиски кавалеріи» (1875); Богуславскаго, «Выводы по тактикѣ изъ опыта войны 1870 г.» (1872); Преженцова, «Кавалерія впереди фронта арміи» (1877); Скобельцына, «Конница, ея боевыя свойства и предпріятія» (1880); Карцева, «Командованіе ротою и эскадрономъ» (1881), «Командованіе отдѣльною частью» (1883); Байкова, «Опытъ руководства къ отправленію кавалеріей стратегической службы» (1882); Потто, «Степная война» (1883); Пистолькорса, «Записки о значеніи русской конницы» (1884); Селиванова, «Движенія и бой ночью» (1889); Баскакова, «Ночныя движенія и дѣйствія войскъ» (1889), «Война, военное дѣло, военная наука, военное искусство» (1890); Михневича, «Вліяніе новѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній на тактику войскъ» (1892); Клембовскаго, «Тайныя развѣдки» (1892), «Партизанскія дѣйствія» (1894); Скугаревскаго, «Атака пѣхоты». (1893); Заіончковскаго, «Наступательный бой» (1893) «Самостоятельность частныхъ начальниковъ» (1894); Мартынова, «Стратегія въ эпоху Наполеона I и въ наше время» (1894); Гейсмана, «Опытъ изслѣдованія тактики массовыхъ армій» (1894), «Война, ея значеніе въ жизни народа и государства» (1896); Маслова, «Научныя изслѣдованія по тактикѣ» (1897). Преобразованіе военно-учебныхъ заведеній дало цѣлый рядъ учебныхъ руководствъ по тактикѣ: Бѣлинскаго (1866), Корибута (1868), Левицкаго (1872), Радзишевскаго (1877), Кублицкаго (1882), Василевскаго (1883), Дурота (1882), фонъ-Фохта (1884), Преженцова (1893). Въ послѣднія 25 лѣтъ, когда было обращено особенное вниманіе на подготовку войскъ въ мирное время, по всѣмъ отраслямъ обученія и воспитанія войскъ появилось множество компилятивныхъ руководствъ, пособій и справочныхъ изданій. По исторіи военнаго искусства и войнъ въ текущемъ столѣтіи появились труды: Жомини, «О великихъ военныхъ дѣйствіяхъ или критическое и сравнительное описаніе походовъ Фридриха Великаго и Наполеона» (1809—17) и «Политическая и военная жизнь Наполеона» (1835); Зедделера, «Обозрѣніе, исторіи военнаго искусства» (1836 и 1843); Михайловскаго-Данилевскаго, «Описанія войнъ императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году» (1844), «Александра съ Наполеономъ въ 1806 — 1807 гг.» (1846), «Турецкой 1806—12 гг.» (1843), «финляндской 1808—09 гг.» (1841), «Отечественной 1812 г.» (1839), «Записки о походѣ 1813 г.» (1834), «Описаніе войны 1813 г.» (1840), «Записки 1814 г.» (1831), «Описаніе похода во Францію въ 1814 г.» (1841), «Воспоминанія и путевыя записки 1815 г.» (1831); М. Богдановича, «Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова» (1846), «Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію» (1852), «Походъ 1796 г. Бонапарта въ Италію» (1860),«Исторія отечественной войны 1812 г.» (1859 — 1860), «Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи» (1863), «Исторія войны 1814 г.» (1865), «Исторія военнаго искусства и замѣчательныхъ походовъ» (1853), «Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италіи» (1849), «Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ

Библиотека "Руниверс"

Крымъ» (1856), «Русская армія въ вѣкъ Екатерины II» (1873), «Восточная война 1853—56 гг.» (1856); Бѣляева, «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Оеодоровича» (1846) и «О сторожевой службѣ на Польской Украйнѣ» (1846); Устрялова, «Русское войско до Петра Великаго» (1856); Карцева, «Военно-историческіе обзоры войнъ»: Сѣверной (1851), 1812 г. (1852) и 1813 г. (1855); Д. Милютина, «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 г. въ Сѣверномъ Дагестанѣ» (1850) и «Исторія войны 1799 г. Россіи съ Франціей» (1852); Окунева, «Исторія 2-ой половины польской войны 1831 г». (1835) и «Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 г.» (1841); Медема, «Петръ Великій, какъ основатель арміи и военнаго искусства въ Россіи» (1825); Сухтелена, «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ войну 1808 — 1809 г.» (1832); Зубова, «Картина войны Р. съ Персіей 1826—28 г.» (1834); Муханова, «Штурмъ Праги 1794 г.» (1834); Ушакова, «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828—29 гг.» (1836); Зотова, «Военная исторія Россійскаго государства» (1839); Лукьяновича, «Описаніе турецкой войны 1828 — 1829 гг.» (1844); Невѣровскаго, «О началѣ безпокойствъ въ Дагестанѣ» (1847), «Истребленіе аварскихъ хановъ» (1848); Дарагана, «Записки о войнѣ въ Трансильваніи» (1849); Лебедева, «Графъ Радецкій и его походы въ Италію» (1850); Богдановича и Лебедева, «Очеркъ венгерской войны» (1850); Соковича, «Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцева и его сотрудниковъ» (1852) и «Дѣйствія Суворова въ Турціи въ 1773 г.» (1853); Аничкова, «Разборъ сраженія при Ваграмѣ» (1852); Шпехта, «Королевство Вестфальское и разрушеніе его Чернышевымъ» (1852); Анучина, «Защита укр. Ахты и Самурскаго окр. въ 1848 г.» (1858); Жандра, «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя» (1859); Муравьева-Карскаго, «Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г.» (1859) и «Турція и Египетъ въ 1832—33 гг». (1870); Шпилевскаго, «Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ 1741—43 гг». (1859); Зыкова, «Военно-историческій обзоръ кампаніи 1815 г.» (1860); Ѳадеева, «60 лѣтъ кавказской войны» (1860); Драгомирова, «Сольферинская битва» (1861) и «Очерки австро-прусской войны 1866 г.» (1867); Станкевича, «Критическій разборъ кампаніи 1809 г.» (1861); Смита, «Исторія польскаго возстанія и войны 1830—31 гг.» (1863), «Суворовъ и паденіе Польши» (1867); Лихутина, «Записки о походѣ въ Венгрію» (1889) и «Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854—55 гг.» (1863); Муравьева, «Изъ записокъ о войнѣ 1855 г. въ Малой Азіи» (1863); Духовского, «Матеріалы для описанія войны на Западномъ Кавказѣ» (1864); Иванова, «Исторія регулярной кавалеріи отъ Петра Великаго до нашихъ дней» (1864); Акинина и Страндена, «Очеркъ датской войны» (1865); Петрова, «Война Р. съ Турціей и польскими конфедератами 1769 — 96 гг.» (1866), «Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II» (1880), «Войны Россіи съ Турціей 1806—1812» (1885), «Война Россія съ Турціей 1853 — 54 гг.» (1890); Непокойчицкаго, «Описаніе войны 1849 г. въ Трансильваніи» (1866); Чудовскаго, «Война за Шлезвигъ-Голштейнъ» (1866); Романовскаго, «Кавказъ и кавказская война» (1870); Тотлебена, «Описаніе обороны Севастополя» (1868); Дубровина, «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» (1871), «Закавказье отъ 1803 до 1806 г.» (1876), «Матеріалы для исторіи крымской войны и обороны Севастополя» (1871), «Отечественная война въ письмахъ современниковъ» (1882), «Восточная война 1853—56 гг.» (1868); Леера, «Публичныя лекціи о войнѣ 1870 г.» (1871) и «Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней» (1885); кн. Голицына, «Всеобщая военная исторія» (1872) и «Великіе полководцы исторіи» (1875); Гудимъ-Левковича, «Историческое развитіе вооруженныхъ силъ Р. до 1708 г.» (1875); Ореуса, «Описаніе венгерской войны» (1880); Сухотина, «Замѣтки по исторіи военнаго искусства» (1881), «Фридрихъ Великій» (1882), «Наполеонъ и австро-французская война 1809 г.» (1885); Маркова, «Исторія конницы» (1882); А. Петрушевскаго, «Генералиссимусъ кн. Суворовъ» (1884); Пузыревскаго, «Записки по исторіи военнаго искусства въ эпоху 30-ти лѣтней войны» (1882), «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка» (1884), «Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго» (1889); «Польско-русская война 1831 г.» (1866); Масловскаго, «Русская армія въ семилѣтнюю войну» (1866); «Состояніе русскихъ войскъ въ эпоху предшествовавшую царствованію Екатерины II» (1883), «Матеріалы по исторіи военнаго искусства въ Р.» (1892), «Записки по исторіи военнаго искусства» (1894); Михневича, «Исторія военнаго искусства съ древнихъ временъ» (1896), «Значеніе германо-французской войны въ исторіи военнаго искусства» (1892) и «Война между Германіей и Франціей 1870 — 71 гг.» (1897); Гейсмана, «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка» (1894); Баскакова, «Сѣверная война 1700—1721 гг.» (1890); Мышлаевскаго, «Матеріалы для исторіи военнаго искусства въ Р., Война въ Финляндіи въ 1712 — 1714 гг.» (1896). Разработка исторіи отдѣльныхъ частей войскъ началась еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1798 г. появилось «Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ построеніи регулярнаго войска въ Р.» Шмидта, а въ 1799 г.—«Хроника россійской арміи» кн. Долгорукова; затѣмъ были изданы исторіи многихъ отдѣльныхъ полковъ. Научная разработка военно-административнаго права началась въ Россіи сравнительно поздно: только въ 1860 г. вышло первое оригинальное сочиненіе Аничкова: «Военное хозяйство»; затѣмъ появились труды Затлера, «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время» (1865), «О госпиталяхъ въ военное время» (1861) и «Краткій критическій обзоръ механизма арміи» (1867); Фаддѣева, «Вооруженныя силы Россіи» (1868); Лобко, «Записки военной администраціи» (1867); Газенкампфа, «Очеркъ современнаго состоянія вооруженныхъ силъ Турціи» (1876)

Библиотека "Руниверс"

и «Военное хозяйство» (1880); Редигера, «Комплектованіе и устройство вооруженной силы» (1892) «Унтеръ-офицерскій вопросъ» (1880) и «Мобилизація арміи» (1886); Макшеева, «Военная администрація» (1894). О военно-уголовномъ правѣ—см. выше, уголовное право. Военно-уголовнаго судопроизводства касаются слѣдующіе труды: Володимірова, «Военное судопроизводство» (1893) и «Руководство къ изученію военно-судебнаго устава» (1896); Шендзиковскаго, «О военно-полевомъ судѣ» (1892); Огнева, «Военная подсудность» (1896); Абрамовича-Барановскаго, «Значеніе военнаго начальства въ военномъ процессѣ» (1896); Лыкошина, «Порядокъ постановки вопросовъ въ военныхъ судахъ» (1896). Въ разное время издано нѣсколько учебниковъ законовѣдѣнія для военно-учебныхъ заведеній — Михайлова, Оссовскаго, Калинина, Бакшеева и Мушникова. Появился также рядъ справочныхъ изданій для офицеровъ, производящихъ дознанія и принимающихъ участіе въ отправленіи правосудія; изъ нихъ наиболѣе распространены изданія Анисимова, Мартынова, Щербакова и Швейковскаго. Въ 1858 г. вышелъ «Военно-энциклопедическій словарь» Зедделера; къ 1892 г. закончена «Энциклопедія всенныхъ и морскихъ наукъ» Леера. Въ «Военной Библіотекѣ» (1839 и 1868), «Русскомъ Инвалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ» помѣщено много статей и замѣтокъ по разнымъ отдѣламъ военныхъ наукъ. *А. Лыкошинъ.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТ. РОССІЯ.

I. Русскія монеты.

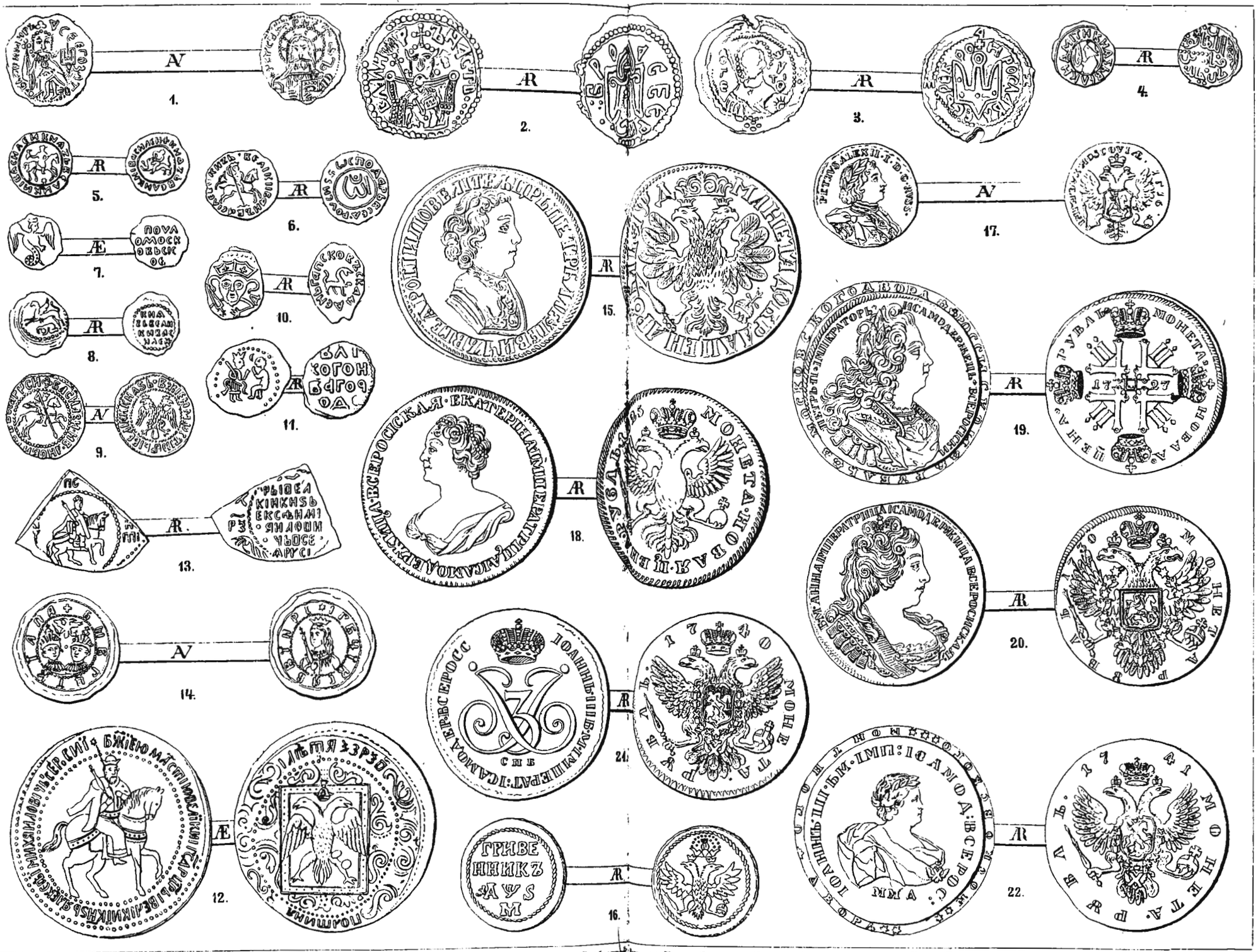
Русскія монеты. Въ древнѣйшее время существованія Россійскаго государства (въ IX—X вв.) вся обращавшаяся въ немъ монета была иностранная. Обращались драхмы Сассанидовъ (царей Персіи) V—VII вв. по Р. Хр., затѣмъ диргемы халифовъ династіи Омайядовъ VII—VIII вв. и Аббасидовъ VIII—X вв., а также мелкихъ мусульманскихъ династій, признававшихъ верховную власть халифовъ. Вся эта монета принималась на вѣсъ какъ серебро, вполнѣ независимо отъ ея легальной стоимости въ государствѣ халифовъ. Возникновеніе самостоятельнаго чекана монеты въ Р. восходитъ ко времени вел. кн. Владиміра святого, при которомъ оживленныя сношенія съ Византіею повели къ усвоенію положенія римско-византійскаго государственнаго права, видѣвшаго главное выраженіе самодержавной власти правителя въ выпускѣ монеты его имени. Древнѣйшія русскія монеты вел. князя Владиміра выпущены между 972 и 1015 г. по Р. Хр. Золотыя имѣютъ на лицевой сторонѣ изображеніе вел. князя на престолѣ и надпись ВЛАДИМІРЪ НА СТОЛѢ. Рядомъ съ изображеніемъ — знакъ, точное значеніе котораго и до сихъ поръ не разъяснено. На оборотѣ изображеніе сидящаго Іисуса Христа, съ надписью вокругъ: Іисусъ Христосъ. Существуетъ нѣсколько варіантовъ золотыхъ монетъ Владиміра. Серебряныя имѣютъ на аверсѣ тоже изображеніе и туже надпись, а на оборотѣ—«А се его сребро», вокругъ знака вел. князя. Какъ золотыя, такъ и серебряныя монеты—византійской фабрикаціи и выбиты по вѣсу золотыхъ и серебряныхъ византійскихъ монетъ того времени. По тому же типу выбиты и серебряныя монеты вел. кн. Святополка Ярополковича (1015—1019). Серебряныя монеты вел. кн. Ярослава Владиміровича (1019—1054) имѣютъ на лицевой сторонѣ, вокругъ изображенія св. Георгія, надпись по-гречески ὁ Γεώργιος, а на реверсѣ —Ярославле сѣребро (по-славянски), вокругъ особаго знака, точное значеніе котораго не выяснено. Мѣдныя монеты Ярослава поддѣльны. По смерти Ярослава выпускъ монеты въ Р. прекращается. Причина прекращенія—отсутствіе надобности въ монетѣ, вслѣдствіе крайне неразвитаго экономическаго строя и господства мѣнового торга. Съ этого времени обращалась, какъ и ранѣе, иностранная серебряная монета, на вѣсъ (германская, датская, норвежская, шведская, англо-саксонская), слитки серебра, также принимавшіеся на вѣсъ, затѣмъ выбиваемые ханами Золотой орды серебряные диргемы (съ 1266 г. до конца владычества татаръ). Только въ концѣ XIV в. возникаетъ опять самостоятельный чеканъ монеты въ Р., вслѣдствіе требованія хановъ Золотой орды, чтобы князья помѣщали на своихъ монетахъ, вмѣстѣ съ собственными именами, и имена ихъ сюзереновъ-хановъ. Такъ возникаютъ русско-татарскія монеты, имѣющія на лицевой сторонѣ имя хана (Тохтамыша), изображеніе араб-

Библиотека "Руниверс"

скими буквами, а на оборотѣ имя князя (Андрея Храбраго, Юрія Димитріевича Галицкаго, Бориса Константиновича Городецкаго) или вел. князя, написанное по-русски (Димитрія Донскаго, Василія Димитріевича, Василія Темнаго). При Іоаннѣ III прекращается упоминаніе на монетахъ имени хана, но арабскія надписи, содержащія имя князя (Ибанъ = Иванъ, Михаила Теверчи = Михаилъ Тверской) еще встрѣчаются. Ихъ употребленіемъ старались расширить область обращенія монеты и открыть для нея восточные рынки. Русская монета XIV и XV вв. имѣетъ вѣсъ и величину татарскихъ диргемовъ этого времени. Названіе серебряной монеты было деньга (отъ татарско-персидскаго тенга); денегъ на рубль (чисто счетную въ XIV в. монетную единицу) шло 100 штукъ, а въ XV в.— 200 московскихъ, 100 псковскихъ и новгородскихъ. Съ XV в. появляются и мѣдныя монеты—пулы. Съ конца XIV в. выбиваются монеты только съ русскими надписями въ вел. кн. Московскомъ, Суздальскомъ, Нижегородскомъ, Рязанскомъ и Тверскомъ и въ удѣльныхъ княжествахъ Галицкомъ, Можайскомъ, Дмитровскомъ, Серпуховскомъ, Верейскомъ, Ростовскомъ, Ярославскомъ, Микулинскомъ, Кашинскомъ, Городенскомъ и Углицкомъ. Вольные города Новгородъ и Псковъ, а также Торжокъ начинаютъ чеканъ монеты только въ началѣ XV в. и скоро послѣ потери самобытности его прекращаютъ (см. Новгородки). За исключеніемъ Пскова и Новгорода, въ это время монеты чеканили мало; почти вся серебряная валюта заключалась въ продолговатыхъ кускахъ литого серебра, *гривнахъ*. Только при Іоаннѣ III серебряная монета начинаетъ выбиваться въ большомъ количествѣ, достаточномъ для употребленія въ торговыхъ оборотахъ. При его преемникахъ, до Петра I включительно, выбивались серебряныя копѣйки, по 100 штукъ на рубль. При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда въ Россію стала проникать серебряная западноевропейская монета — талеры — въ большомъ количествѣ, правительство допустило ихъ обращеніе сначала по курсу 50 коп., затѣмъ, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, вынуждено было поднять ихъ цѣнность до 64 коп. (21 алтынъ и 2 деньги), наложивъ на нихъ два штемпеля (1655 г. и изображеніе царя на конѣ). Такимъ образомъ образовались ефимки. Въ 1657 г. приступлено было къ выпуску серебряной монеты величиною въ талеръ, но съ номинальною цѣнностью, вдвое превосходившею цѣнность металлическую. На нихъ съ лицевой стороны изображенъ царь на конѣ, съ его титуломъ вокругъ, а на оборотной — государственый гербъ, слово «рубль» и годъ 7162 (= 1654 по Р. Хр.). Тогда же выпущены были полтинники изъ мѣди, съ подобными же изображеніями, величиною въ серебряный рубль, съ надписью «полтина». Золото чеканилось еще со времени Іоанна III; мы имѣемъ съ этого времени золотыя монеты всѣхъ царствованій до конца XVII в., но въ обращеніи золотой монеты не было вовсе, а чеканилась она для раздачи въ видѣ награды служилымъ людямъ, т. е. была тѣмъ, что теперь наградныя золотыя медали. Правильный чеканъ монеты былъ установленъ въ Россіи только Петромъ Великимъ съ 1699 г., когда выбита была серебряная полтина. Выпускъ золота (червонцы, двойные червонцы) начался съ 1701 г., а мѣди—съ 1700 г. Въ настоящее время въ Р. дѣйствуетъ монетный уставъ, Высочайше утвержденный 7 іюня 1899 г. (Собр. узакон. и распор. правит., № 74 за 1899 г.), по которому россійская монетная система основана на золотѣ. Изъ золота, содержащаго сто частей лигатуры (мѣдной) и девятьсотъ частей чистаго металла, выбиваются монеты въ 15, 10, $7^1/_2$ и 5 р., по разсчету 476 р. $3^{27}/_{121}$ коп. изъ фунта лигатурнаго металла. Вѣсъ этихъ монетъ (лигатурный) 3 зол. 2,4 доли, 2 зол. 1,6 доли, 1 зол. 49,2 доли и 1 зол. 0,8 доли. Терпимость на вѣсѣ при фабрикаціи для 15 р. 0,0013, для 10 и $7^1/_2$ р.— 0,002, 5 руб.— 0,003 ниже и выше указнаго вѣса, на пробѣ—въ 0,001 часть ниже и выше указной пробы. Золотая монета чеканится также изъ золота, представляемаго на монетный дворъ частными лицами, если представлено не менѣе $^1/_4$ фн., при чемъ взимается за чеканку съ пуда чистаго золота по 42 руб. $31^1/_2$ коп., а принимается оно по разсчету 5 р. $50^{350}/_{363}$ коп. за золотникъ. Кромѣ перечисленныхъ номиналовъ, выбиты были въ 1896 г. и 25-рублевики (по разсчету полуимперіала $=7^1/_2$ руб.), на парижскомъ монетномъ дворѣ. Серебряная монета выбивается въ рубль, полтину, четвертакъ (полноцѣнная, девятисотой пробы) и въ 20, 15, 10 и 5 коп. (размѣнная, пятисотой пробы), по разсчету 1000 руб. полноцѣнной монеты изъ 1 пд. 8 фн. 79 зол. 48 дол. и 1000 р. размѣнной монеты изъ 1 пд. 3 фн. 90 зол. 72 доли лигатурнаго металла. Серебро отъ частныхъ лицъ для перечеканки въ монету не принимается, также какъ и мѣдь. Предѣльный вѣсъ для пріема въ уплату золотой монеты по указной ея цѣнѣ полагается для 15 руб. 3 зол. 1 доля, 10 руб. 2 зол. 0,6 доли, $7^1/_2$ руб. 1 зол. 48 долей и 5 руб. 1 золотникъ. Золотая монета, выбитая по закону 1885 г., принимается по 15 р. за имперіалъ и по $7^1/_2$ р. за полуимперіалъ, вся же золотая монета, выпущенная до 1885 г., принимается только по цѣнѣ содержащагося въ ней металла, равно какъ истертая и испорченная монета, выбитая по законамъ 1885 и 1899 гг.; кромѣ того, вычитается на перечеканку послѣдней по 1 коп. съ каждыхъ пяти рублей. Серебряная и мѣдная монета считается вспомогательною, а потому уплаты серебряною полноцѣнною монетою обязательны къ пріему только до 25 руб., а размѣнною и мѣдною—только до 3 руб Количество серебряной монеты, находящейся въ обращеніи, не должно превышать суммы 3 руб. на душу населенія Имперіи. Мѣдная монета (въ 5, 3, 2, 1, $^1/_2$ и $^1/_4$ коп.) чеканится изъ чистой мѣди. *А. М—въ.*

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЯ МОНЕТЫ. I.

1. Златникъ Великаго Князя Владиміра Равноапостольнаго (980—1015 г. по Р. Хр.). 2. Сребренникъ его же. 3. Сребренникъ Великаго Князя Ярослава Мудраго (1016—1054 г. по Р. Х.). 4. Деньга Великаго Князя Московскаго Димитрія Донскаго съ именемъ хана Тохтамыша по-арабски на оборотной сторонѣ. 1380—1389 г. 5. Деньга Великаго Князя Московскаго Василья Васильевича Темнаго. 1425—1462 г. 6. Деньга его же. 7. Пуло анонимное Великаго княжества Московскаго 1425—1505 г. 11. Деньга Псковская времени самобытности 1420—1478 г. 10. Деньга Псковская времени самобытности 1425—1510 г. 9. Золотой царя именемъ на оборотѣ по-арабски (1462—1505). Василія Іоанновича Шуйскаго (1606—1610). 12. Мѣдный полтинникъ (кредитной цѣнности) царя Алексѣя Михайловича 1654 г. 13. Серебряный четвертакъ его же 1654 г. 14. Дукатъ царей Петра и Іоанна Алексѣевичей и царевны Софіи (1682—1689 г. 15. Рубль Петра Великаго 1704 г. 16. Гривенникъ Петра Великаго 1706 г., московскаго монетнаго двора. 17. Черезъ его же, 1716 г. Рубль Екатерины I 1725 г. 19. Рубль Петра II 1727 г., московскаго монетнаго двора. 20. Рубль Анны Іоанновны 1730 г. 21. Рубль Іоанна Антоновича 1740 г., спб монетнаго двора. 22. Рубль Іоанна Антоновича 1741 г., московскаго монетнаго двора.

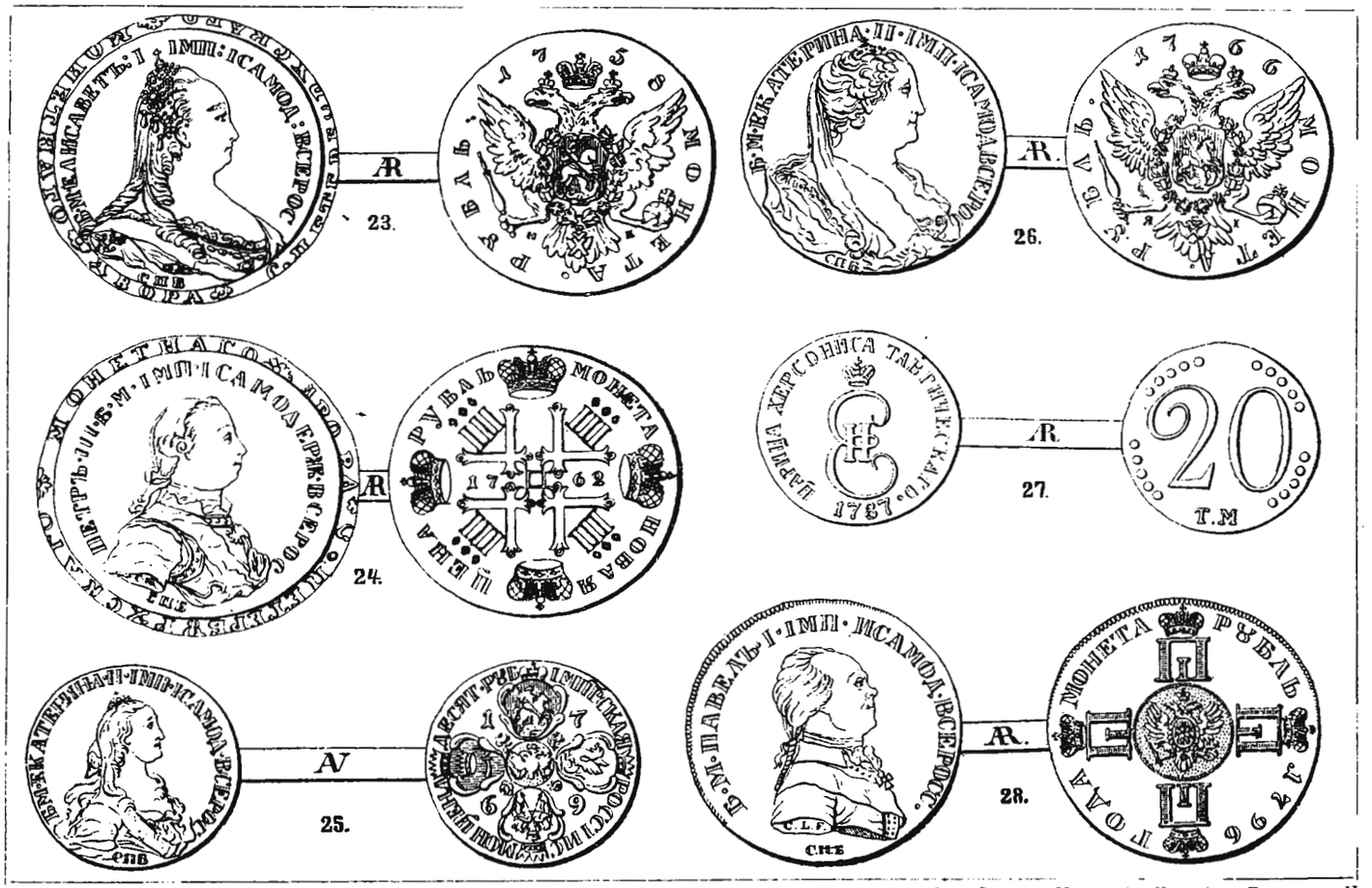
Знаки: AN=золото, A=серебро, Æ=мѣдь.

Брокгаузъ и Ефронъ. „Энцикл. Слов.“

Спб. Тип. Ефрона.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

23. Рубль Елисаветы Петровны 1758 г., спб. монетнаго двора. 24. Рубль Петра III, спб. монетнаго двора; работы Самуила Юдина. 25. Империаль Екатерины II 1769 г., спб. монетнаго двора. 26. Рубль Екатерины II 1766 г., спб. монетнаго двора. 27. 20-ти копѣечникъ ея же, 1787 г., чеканенный для обращенія въ Крыму 28. Рубль Павла I 1796 г., спб. монетнаго двора; работы Карла Леберехта.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

II.

Площади бассейновъ и длины рѣкъ:

А. ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ [1]).

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. верстъ	Длина рѣкъ. киломъ.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. киломъ.	Длина участковъ въ верстахъ. не сплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоход.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бассейнъ Сѣвернаго Ледовитаго океана.									
Тана	Скіетисоіоки.	378	402	4123	4692	—	—	—	Стр. (Это относ.
Патсъ-Іоки	Івала Іоки.	399	425	16973	19316	—	—	—	Стр. къ ст. 3
Тулома	Гирвасъ.	317	339	21393	24346	—	—	—	Стр. и 4).
Поной	—	248	265	9698	11037	—	—	—	Стр.
Кемь	оз. Орель.	380	405	27679	31499	—	—	—	Стр.
Выгъ	дер. Каркольская.	290	409	23149	26344	—	—	—	
Онега	озеро Лача.	370	395	49905	56793	—	380	—	
Сѣв. Двина	гор. Устюгъ.	675	720	318346	362284	—	—	690	
Сухона	озеро Кубенское.	500	533	45257	51503	—	—	526	
Югъ	59° 37′—16° 3′	405	431	31797	36186	88	—	312	
Притокъ Юга:									
Луза	59 40—18 15	390	416	15373	16495	72	318	—	
Вычегда	62 52—24 56	1035	1103	107018	121789	117	—	934	
Притоки Вычегды:									
Вымъ (Юлва)	64 20—20 50	345	368	21287	24225	321	—	24	
Сѣверная Кельтма.	61 00—24 45	125	133	5372	6114	16	—	98	
Сысола	59 50—21 45	340	363	17559	19983	98	—	242	
Пинега	62 17—16 13	615	657	37001	42108	—	182	433	
Вага	59 55—11 5	470	501	38295	43581	41	88	353	
Итого по бас. Сѣв. Двины	—	—	—	—	—	1265	1904	3939	
						7108 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	2467 в.			
Кулой	64 35—27 50	260	277	13832	15741	—	—	—	
Мезень	гор. Похъ-ю-щъ.	765	716	70363	80074	35	445	313	
Пеза	65 30—18 27	290	309	15512	17653	—	—	—	
Вашка	62 30—17 50	385	420	15800	17981	—	—	—	
Печора	Сопка Болванъ-изъ	1545	1647	281490	320342	259	—	1344	
Илычъ	63° 32′—27° 50′	355	378	14785	16826	—	—	—	
Усса	Хуробада пай.	630	673	80205	91275	—	—	—	
Ижма	62° 39′—24° 45′	555	591	24181	27519	—	—	—	
Цыльма	65 6—17 36	285	304	18249	20768	—	—	—	
Сула	68 15—27 45	225	239	9830	11187	—	—	—	
Итого по бас. Ледов. ок.	—	—	—	—	—	1683	3493	5596	
						10772 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе	—	—	—	—	—	2467 в.			

[1]) Въ столбцѣ 1 даны названія рѣкъ и ихъ притоковъ; вообще рѣки даны не всѣ, а только главнѣйшія. Столбецъ 2 указываетъ, что было принято за истокъ рѣки при измѣреніи ея длины; для нѣкоторыхъ рѣкъ, измѣренныхъ только ген. Стрѣльбицкимъ, это свѣдѣніе не указано имъ. Столбцы 3 и 4 даютъ длину рѣкъ, по большей части по даннымъ ген.-лейт. А. А. Тилло („Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ." 1883 г.). Для тѣхъ рѣкъ, длина которыхъ у него не указана, взяты цифры ген. Стрѣльбицкаго („Исчисл. пов. Росс. Имп.„ 1899 г.) и тогда въ столбцѣ 10 поставлено—*Стр.* Столбцы 5 и 6 даютъ площади бассейновъ въ кв. в. и кв. км., по даннымъ ген.-лейт. А. А. Тилло („Поясн. зап. къ картѣ басс. водн. пут. Евр. Россіи", 1897 г.). Столбцы: 7, 8 и 9 даютъ свѣдѣнія о длинѣ судоходныхъ, сплавныхъ и несплавныхъ участковъ рѣкъ въ верстахъ; эти данныя заимствованы изъ изданія м-ва путей сообщ: „Перечень внутр. водн. путей сообщ. Евр. Россіи", 1892 г. Необходимо обратить вниманіе, что суммы этихъ трехъ чиселъ для каждой рѣки зачастую не сходятся съ числами длинъ рѣкъ столбца 3-го, потому что измѣренія произведены были по разнымъ картамъ и источникамъ. Также и общія суммы участковъ судоходнаго, сплавного и несплавного по бассейнамъ рѣкъ всегда больше нежели дѣйствительныя суммы изъ данныхъ въ столбцахъ 7, 8 и 9 чиселъ, потому что здѣсь многія меньшія рѣки выпущены, а общая сумма дана, принимая во вниманіе и ихъ.

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассейновъ.		Длина участковъ въ верстахъ.			Примѣчанія.
		версты.	киломъ.	квадр. версты.	квадр. киломъ.	не сплавн.	сплавного.	судоходн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бассейнъ Балтійскаго моря.									
Одеръ . .	—	—	—	14918	16977	—	—	—	(въ пред. Россіи
Висла . .	дер. Юрашовка.	975	1040	108920	123953	—	—	618	(въ пред. Россіи
Зап. Бугъ . . .	съ Буго-Нарѣвымъ.	680	726	52191	59394	76	200	308	(въ пред. Россіи
Притокъ Зап. Буга:									
Нарѣвъ . .	дер. Рудавецъ.	370	395	18726	12311	89	91	194	
Итого по бассейну Вислы	—	—	—	—	—	931	1212	1785	
						2997 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на .	—	—	—	—	—	551 в.			
Нѣманъ	дер. Антоново.	810	864	81028	92212	29	26	674	
Вилія .	дер. Чупры.	420	448	20649	23499	24	365	41	
Шара .	дер. Новоселки.	250	266	6278	7145	—	—	—	
Итого по басс. Нѣмана	—	—	—	—	—	636	1318	965	
						2919 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на . .	—	—	—	—	—	493 в.			
Виндава .	дер. Повондоне.	275	293	10302	11724	—	282	—	
Зап. Аа . . .	дер. Ражи.	230	245	15640	17799	184	—	66	
Двина Зап. . .	оз. Жеданье.	870	928	74200	84441	—	61	834	
Итого по басс. Зап. Двины	—	—	—	—	—	1146	2085	1357	
						4588 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на .	—	—	—	—	—	113 в.			
Вост. Аа . . .	дер. Зуши.	370	395	8000	9104	—	—	—	
Пернова . .	дер. Эттель.	125	133	5999	6827	44	77	10	
Нарова	озеро Пейпусъ.	70	75	49507	56340	—	3	67	весь бассейнъ.
Оз. Пейпусъ (Чудское)	озеро Бардовъ.	315	336	10963	12476	—	—	98	
Великая	озеро Бардовъ.	315	336	22453	25552	—	—	—	
Эмбахъ . . .	озеро Пюхаярвъ.	190	212	9003	10246	—	—	88	
Нарова	озеро Пейпусъ.	70	75	7088	8066	—	—	—	басс. соб. рѣки
Притокъ Наровы:									
Плюсса . . .	дер Поддубье.	260	277	5807	6608	231	—	29	
Итого по басс. Наровы	—	—	—	—	—	580	53	400	
						1033 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на . .	—	—	—	—	—	346 в.			
Луга	дер. Мысинке.	290	309	11589	13189	249	—	45	
Нева	Ладожское озеро.	70	75	247733	281925	—	—	70	
Оз. Онежское .	дер. Лукьяновская.	75	80	53086	60413	—	—	—	
Прит. Онежскаго оз.									
Шуя . . .	—	171	182	8879	10105	—	—	—	Стр. (Отн. къ
Вытегра .	дер. Лукьяновская.	75	80	892	1015	—	—	67	и 4 ст.).

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассейновъ.		Длина участковъ въ верстахъ.			Примѣчанія.
		версты.	киломъ.	квадр. версты.	квадр. киломъ.	не сплавн.	сплавного.	судоходн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оз. Ладожское	дер. Серкино.	225	239	194647	221512	—	—	—	
Прит. Ладожскаго оз.									
Вуокса (Сайма) . .	—	—	—	59091	67247	—	—	—	
Свирь . . .	озеро Онежское.	205	218	18187	20697	—	—	196	
Сясь . .	дер. Серкино.	225	239	6382	7263	7	133	91	
Волховъ . .	дер. Троица.	205	218	70379	80093	—	—	208	
Оз. Ильмень . . .	озеро Мстино.	380	405	59065	67217	—	—	—	
Притоки Ильменя:									
Ловать .	дер. Плеханы.	465	496	26018	29609	206	113	125	
Мста	озеро Мстино.	380	405	20581	23422	—	306	106	
Шелонь	дер. Яблонова.	215	229	8409	9570	182	—	38	
						1656	3862	2071	
Итого по басс. Невы съ оз. Ладожск., Онежскимъ и Ильменемъ.	—	—	—	—	—	7589 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на .	—	—	—	—	—	2650 в.			
Кюмене	—	—	—	32850	37384	—	—	—	
Кокема	—	—	—	23229	26435	—	—	—	
Улео	—	97	104	21039	23943	—	—	—	Стр. 3 и Стр. 4 ст.. Отн. къ
Кеми	—	463	494	44401	50529	—	—	—	
Оунасъ-Іоки . . .	—	328	349	11915	13560	—	—	—	
Торнео	—	176	188	12654	14464	—	—	—	(въ пред. Россіи).
Муоніо	—	337	360	7685	8746	—	—	—	(въ пред. Россіи).
Бассейнъ Чернаго моря.									
Кубань . . .	Гора Нахаръ.	770	822	52700	59974	446	—	347	
Лаба	г. Черхъ-Маръ-Хуча	285	303	10734	12216	—	—	—	
Днѣпръ	р. Днѣпрецъ.	2005	2139	448816	510534	174	76	1867	
Березина . .	дер. Докшицы.	430	459	21438	24397	84	—	363	
Припять . . .	51° 19′—7° 29′ дер. Полежаево.	610	652	102268	116383	81	147	471	
Притоки Припяти:									
Стырь	дер. Загорце.	370	395	9784	11134	—	348	—	
Горынь . .	дер. Алексинецъ.	575	613	24441	27814	166	353	10	
Случь . .	дер. Яновка.	415	453	12207	13892	91	300	—	
Птичъ . .	дер. Барсуки.	365	389	8799	10014	242	120	—	
Тетеревъ . . .	дер. Посовки.	310	331	13364	15208	—	279	21	
Рось	дер. Жидовцы.	325	346	11107	12640	—	—	—	
Ингулецъ .	дер. Богдановка.	515	549	13054	14856	392	—	146	
Сожъ .	дер. Басина.	515	549	36681	41744	172	—	332	
Десна . .	гор. Ельня.	890	949	77908	88671	42	229	640	
Притоки Десны:									
Сеймъ	дер. Колодянской.	620	661	24321	27678	115	404	54	
Сула	дер. Зеленая-Роща	380	405	17376	19744	—	—	—	
Псіолъ	дер. Ильинскій.	625	665	19883	22627	—	—	—	
Ворскла . . .	д. Рождественское.	405	432	12830	14601	—	—	—	
Орелъ	дер. Ефремовка.	300	320	8441	9606	—	—	—	
Самара	дер. Марьино.	290	309	19794	22526	254	—	34	

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. версты.	Длина рѣкъ. килом.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. килом.	Длина участковъ въ верстахъ. не сплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоходн.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Южный-Бугъ	дер. Купель.	720	768	56591	64812	583	—	130	
Синюха	дер. Б. Выська.	250	266	14726	16758	—	—	—	
Ингулъ	дер. Федоровка.	330	353	8848	10069	—	—	—	
						4375	4791	4300	
Итого по басс. Днѣпра и Южнаго Бута	—	—	—	—	—	13466 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	3209 в.			
Днѣстръ	дер. Волча.	1260	1343	36492	41529	—	53	778	(въ пред. Россіи)
Дунай	—	—	—	17501	19917	—	—	150	(въ пред. Россіи)
Прутъ	58° 9′—5° 46′	760	811	8294	9439	—	—	645	(въ пред. Россіи)
Итого по басс. Дуная въ предѣлахъ Россіи	—	—	—	—	—	795 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	150 в.			
Бассейнъ Азовскаго моря.									
Бассейнъ Сиваша	—	—	—	18693	21273	—	—	—	
Калміусъ	дер. Ясиноватое.	175	246	4489	5109	—	—	—	
Міусъ	дер. Никитинъ.	210	224	6209	7065	—	—	—	
Донъ	дер. Колодезной.	1695	1808	377653	429777	221	324	1274	
Сосна	—	301	321	15125	17213	205	35	—	Стр. (3 и 4 ст.)
Чиръ	выше д. Маіорской.	340	363	10949	12460	297	—	25	
Сѣв. Донецъ	дер. Плющаны.	925	986	86791	98770	427	332	189	
Притоки Сѣв. Донца:									
Осколъ	дер. Синее озеро.	395	421	13019	14816	—	—	—	
Калитва	д. Кантеміровка.	295	314	2220	10493	—	—	—	
Воронежъ	дер. Новоспасское.	460	491	18798	21392	151	284	—	
Битюгъ	дер. Петровское.	330	352	7695	8757	—	—	—	
Хоперъ	дер. Ивановка.	850	906	53836	61266	511	363	—	
Притоки Хопра:									
Ворона	дер. Веденятино.	375	400	11669	13280	364	3	—	
Бузулукъ	между д. Гончарово и Орл.-Денисово.	270	288	8324	9473	—	—	—	
Медвѣдица	д. Ново-Бурасы.	625	667	30138	34298	278	361	—	
Иловля	д. Франц. Россоши.	315	336	8040	9150	—	—	—	
Салъ	46° 20′—13° 50′	—	—	18733	21318	368	210	52	
Зап. Манычъ	р. Уланъ Зауху. 46° 9′—13° 57′	445	475	35350	40229	169	—	50	
Притокъ Зап. Маныча:									
Егорлыкъ	ст Темнолѣсская.	390	416	13430	15284	—	—	—	
						3646	1912	1862	
Итого по басс. Дона	—	—	—	—	—	7420 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	1559 в.			
Ея	дер. Трушкова.	290	309	7506	8542	—	—	—	

Библиотека "Руниверс"

В. АЗІАТСКАЯ РОССІЯ [1]).

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. версты.	Длина рѣкъ. килом.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. килом.	Длина участковъ въ верстахъ. несплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоходн.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бассейнъ Ледовитаго океана	—	—	—	10032719	11416424 [2])	—	—	—	
Кара	69° 55′—35° 55′	210	224	10395	11830	150	—	70	
Обь	—	4880	5206	2588958	2946281	—	—	3350	Съ губою. Стр.
Бія	—	—	—	30901	35165	145	140	15	
Катунь	—	—	—	53817	61245	—	—	—	
Чарышъ	—	—	—	18708	21290	—	280	—	
Эпта	—	—	—	5454	6205	—	—	—	
Иня	—	—	—	12460	14180	—	500	—	
Чумышъ	—	—	—	21106	24020	—	—	—	
Томь	—	790	843	52170	59370	185	50	515	Стр. (3 и 4 ст.)
[3]) *Притоки Томи:*									
Мрасъ-су	—	—	—	8382	9540	—	250	—	
Кондома	—	—	—	7946	9043	—	400	—	
Шагарка	—	—	—	10429	11868	—	250	—	
Притокъ Шагарки:									
Бакса	—	—	—	4971	5659	—	135	—	
[4]) Чулымъ	—	1486	1585	125787	143148	225	685	1040	Стр. (3 и 4 ст.)
Притоки Чулыма:									
Черный Юсъ	—	—	—	6618	7532	—	180	—	
Бѣлый Юсъ	—	—	—	5978	6803	225	—	—	
Кія	—	—	—	27782	31617	310	—	165	
Яя	—	—	—	10150	11551	—	265	—	
Кеть	—	1020	1088	79500	90472	255	—	865	Стр. (3 и 4 ст.)
Васъ-Юганъ	—	798	851	56188	63944	—	620	110	Стр. »
Вахъ	—	760	811	45774	74852	80	—	540	Стр. »
							[5])	[5])	
Иртышъ	—	3480	3712	919116	1045972	—	130	3190	Стр. »
Бухтарма	—	377	402	14524	16530	235	105	25	Стр. »
Ульба	—	—	—	4789	5450	85	50	—	
Уба	—	—	—	6713	7641	250	115	—	
Омь	—	696	743	43666	49693	280	125	315	Стр. »
Тартасъ	—	—	—	13266	15097	270	—	70	
Тара	—	394	420	19055	21686	—	135	185	Стр. »
Уй	—	385	411	5564	6332	200	50	—	Стр. »
Шишъ	—	—	—	4715	5365	185	85	—	
Туй	—	—	—	7893	8982	—	—	240	
Ишимъ	—	1680	1792	116075	132096	190	1800	150	Стр. »
Богай	—	—	—	17339	20870	—	330	—	
Тоболъ	—	1210	1291	342006	389212	625	165	600	Стр. »
Исеть	—	423	451	48045	54563	275	250	—	Стр. »
Тура	—	680	725	71824	81738	170	310	395	Стр. »

[1]) Всѣ числа длины рѣкъ, столбцы 3 и 4, взяты у ген. Стрѣльбицкаго, кромѣ р. Кары и системы Волги, которыя взяты по даннымъ ген.-лейт. А. А. Тилло. Для многихъ рѣкъ у ген. Стрѣльбицкаго длинъ нѣтъ; всѣ числа Стрѣльбицкаго въ столбцѣ „Примѣчанія“ отмѣчены — *Стр.* Столбцы 5 и 6 даютъ площади бассейновъ по измѣренію ген.-лейт. А. А. Тилло; они заимствованы изъ неизданнаго еще и неоконченнаго труда, любезно предоставленнаго авторомъ въ наше распоряженіе. Столбцы 7, 8 и 9 даютъ длины участковъ: несплавного, сплавного и судоходнаго по свѣдѣніямъ м-ва путей сообщ.: „Перечень внутр. водн. путей Аз. Р.“ 0000. Суммы длинъ этихъ участковъ могутъ по каждой рѣкѣ и не сходится съ числами столбца 3, потому что измѣренія были произведены по разнымъ картамъ. Общія суммы длинъ этихъ участковъ по бассейнамъ рѣкъ всегда больше дѣйствительной суммы числъ въ соотвѣтствующихъ столбцахъ, потому что здѣсь приведены только важнѣйшія рѣки, а суммы относятся ко всѣмъ воднымъ путямъ даннаго бассейна.

Бассейнъ Волги причисленъ сюда для того, чтобы не разъединять общаго бассейна Каспійскаго моря.

[2]) Ниже показаны только болѣе важные бассейны, почему ихъ сумма меньше бассейна всего океана.

[3]) Притоки вездѣ показаны только главные, потому сумма пл. ихъ басс. не равняются площ. басс. гл. рѣки.

[4]) Съ Бѣл. Юсомъ.

[5]) Считая только въ предѣлахъ Имперіи.

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. версты.	Длина рѣкъ. километ.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. километ.	Длина участковъ въ верстахъ. не сплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоход.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Тагилъ	—	—	—	6075	6913	10	70	280	
Ница	—	—	—	20907	24794	—	330	140	
Пышма	—	—	—	17592	20029	175	—	290	
Тавза	—	980	1046	78227	89025	—	—	630	Стр.—Длина съ Лозьвой Ю.
Сосьва	—	—	—	14736	28150	140	165	235	
Вагранъ	—	—	—	1495	1701	85	55	—	
Лозьва Ю.	—	—	—	17794	20248	—	210	290	
Пелымъ	—	—	—	11260	12815	—	—	280	
Туртасъ	—	—	—	13551	15421	—	280	—	
Демьянка	—	—	—	31698	36072	—	500	—	
Конда	—	—	—	55035	62632	—	620	—	
Сосьва сѣв.	—	650	693	69730	79355	350	—	300	Стр. (3 и 4 ст.)
Сыгва	—	—	—	12605	14346	—	85	145	
Манья	—	—	—	3193	3637	—	—	85	
						4805	9720	14542	
Всего по бассейну Оби	—	—	—	—	—	29067 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	10690 в.			
Надымъ	—	—	—	26585	30253	—	—	—	
Пуръ	—	466	497	55129	62739	—	—	—	Стр.— Дл. съ зал.
Тазъ	—	1250	1334	94565	107617	—	—	—	Стр.—Дл. съ губою.
Ныда	—	—	—	14700	16730	—	—	—	
Гыда	—	460	491	22122	25176	—	—	—	Стр.—Дл. съ зал.
Енисей (съ Байк.)	—	3760	4011	2239992	2549157	—	—	[1])3000	Стр. (3 и 4 ст.)
Усъ	—	—	—	5947	6768	—	135	—	
Оя	—	—	—	5000	5690	190	10	—	
Абаканъ	—	496	529	29419	33479	—	400	55	Стр. (3 и 4 ст.)
Туба	—	—	—	27761	31478	—	—	105	
Казыръ	—	—	—	16377	18638	—	—	—	
Алымъ	—	—	—	5447	6199	65	70	15	
Сесимъ	—	—	—	3132	3565	—	155	—	
Мана	—	—	—	9152	10427	—	500	—	
Канъ	—	—	—	27391	31057	285	—	300	
Ангара	—	2670	2848	440452	501129	—	550	1760	Стр.—Дл. съ оз. Байк. и Вер. Ангарою.
Иркутъ	—	—	—	13710	15602	250	—	40	
Китой	—	—	—	8230	9366	390	440	120	
Ока	—	—	—	69894	79542	—	600	—	
Ія	—	—	—	31056	36481	200	—	211	
Илимъ	—	—	—	20236	23030	—	170	—	
Тасѣева	—	—	—	106714	121445	435	380	145	
Чуна	—	—	—	38394	43693	400	—	290	
Бирюча	—	—	—	50696	57693	—	230	85	
Усолка	—	—	—	10927	12477	—	—	—	
Нитъ	—	—	—	28815	32792	175	—	195	
Больш. Касъ	—	—	—	7173	8162	50	—	189	
Подкам. Тунгузка	—	1220	1302	175019	199174	—	1250	375	Стр. (3 и 4 ст.)
Елогуй	—	—	—	20604	23449	—	485	—	
Нижн. Тунгузка	—	2530	2699	418394	476142	—	2750	—	Стр.
Туруханъ	—	478	510	49727	56591	—	470	—	Стр.
						2460	8835	6974	
Итого по басс. Енисея собственно	—	—	—	—	—	18269 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	4322 в.			

[1]) Отъ грнн. Имперіи.

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. версты.	Длина рѣкъ. киломъ.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. киломъ.	Длина участковъ въ верстахъ. не сплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоходн.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
[1]) Басс. озера Байкалъ	—	—	—	511818	582461	—	—	660	
Варнн. Ангара . .	—	—	—	20200	22989	305	—	115	
Баргузинъ . . .	—	—	—	20494	23323	280	—	60	
Турка	—	—	—	3685	4193	—	200	—	
Селенга	—	1130	1206	[2]) 399946	[2]) 455147	—	—	390	Стр. (3 и 4 ст.).
Джида	—	—	—	20587	23429	—	450	—	
Чикой	—	—	—	38031	43279	465	235	—	
Хилокъ	—	—	—	30632	35997	625	75	—	
Уда	—	—	—	33644	38287	310	70	—	
Басс. озера Косоголъ	—	—	—	6385	7266	—	—	—	
						1985	1030	1225	
Итого по бассейну озера Байкалъ . . .	—	—	—	—	—	4240 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на .	—	—	—	—	—	660 в.			
Итого по басс. Енисея и Байкала . . .	—	—	—	—	—	22509 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на . .	—	—	—	—	—	4982 в.			
Пясина	—	—	—	134143	152658	—	—	660	
Таймыръ	—	—	—	53573	72348	—	—	—	
Хатанга	—	691	737	273489	311237	—	—	—	Стр.--Дл.сѣзалив.
Котуй	—	—	—	52844	60138	—	—	—	
Моньсеро	—	—	—	43083	49029	—	—	—	
Хета	—	—	—	105161	119676	—	—	—	
Анабара	—	341	364	93497	106402	450	200	—	Стр.
Оленекъ	—	1280	1366	236892	269589	2000	250	—	Стр.
Лена	—	4311	4599	2092974	2381849	200	—	4200	Стр.
Илыта	—	—	—	5727	6518	105	—	25	
Кута	—	—	—	7300	8308	230	—	50	
Мука	—	—	—	2706	3080	75	20	10	
Киренга	—	410	437	40485	46072	—	600	—	Стр.
Витимъ	—	1650	1760	179694	241496	1250	—	550	Стр.
Патома	—	—	—	21576	24554	240	260	—	
Олекма	—	1060	1331	178602	203252	1200	—	25	Стр.
Чара	—	—	—	73738	83916	420	—	380	
Нимань	—	—	—	10360	11790	130	110	—	
Алданъ	—	1750	1867	583853	664438	1050	—	1220	Стр.
Учуръ	—	—	—	98797	112435	—	800	—	
Мая	—	—	—	149207	169811	525	180	320	
Амга	—	—	—	58513	66590	680	520	—	
Вилюй	—	1980	2112	420425	478453	950	—	1350	Стр.
						7055	2490	8130	
Итого по басс. Лены .	—	—	—	—	—	17675 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на . .	—	—	—	—	—	4655 в.			
Яна	—	1150	1227	278557	317705	—	—	—	Стр.
Ядыча	—	—	—	103958	118306	685	55	—	
Тостахъ	—	—	—	40107	45642	330	160	—	

[1]) Съ басс. озера Косоголъ.
[2]) Съ басс. оз. Косогелъ.

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. версты.	Длина рѣкъ. киломъ.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. киломъ.	Длина участковъ въ верстахъ. не сплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоходн.	Примѣчаніе.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Индигирка	—	981	1046	349290	397500	575	965	—	Стр. (3 и 4 ст.).
Селегнях̀ъ	—	—	—	54413	61922	370	210	—	
Ульядина	—	—	—	39220	44633	—	440	—	
Алайха	—	—	—	5195	5922	945	1800	—	
Алазея	—	—	—	58647	66742	—	600	—	
Колыма	—	1675	1787	522597	594726	—	700	1060	Стр.
Омолонъ	—	—	—	136582	155434	775	275	—	
Больш. Анюй	—	—	—	48564	55266	350	280	—	
Мал. Анюй	—	—	—	37100	42220	420	110	—	
Верконъ	—	—	—	23277	26491	—	—	—	
Амгуема	—	—	—	26448	30098	—	—	—	
						22410	27655	32661	
Итого по басс. Ледовитаго океана	—	—	—	—	—	82726 в.			
Въ томъ числѣ сплавныхъ и судоходныхъ	—	—	—	—	—	60316 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	20327 в.			
Басейнъ Восточнаго океана	—	—	—	3531863	4019336[1]	—	—	—	
Беринтово море	—	—	—	301760	457221	—	—	—	
Анадырь	—	440	469	175985	200273	—	900	—	Стр.
Олютора	—	—	—	23096	26285	100	—	80	
Камчатское море	—	—	—	117028	133180	—	—	—	
Камчатка	—	—	—	44483	50622	105	—	475	
Охотское море	—	—	—	2401508	2732966[2]	—	—	—	
Большая	—	—	—	15441	17572	—	—	—	
Пенжина	—	—	—	67686	77028	—	—	—	
Гижигинская губа	—	—	—	77775	82565	—	—	—	
Тауй	—	—	—	28783	38757	—	—	—	
Кухтуй	—	—	—	8773	9984	200	120	—	
Охота	—	—	—	38290	43574	350	120	—	
Уракъ	—	—	—	7677	8737	—	250	—	
Улья	—	—	—	7726	8792	80	—	190	
Удь	—	—	—	57866	65852	—	—	—	
Амуръ	—	4198	4478	1702454	1937430	—	—	2750	Стр.
Шилка	—	1160	1238	165199	188000	—	15	540	Стр.
Ингода	—	—	—	32981	39809	215	205	225	
Ононъ	—	—	—	75573	86005	—	520	—	
Нерча	—	—	—	22091	25140	460	—	5	
Аргунь	—	1662	1773	203555	231649	—	460	425	Стр.
Хайларъ	—	—	—	43999	50071	—	—	—	
Халга-голъ		—	—	18129	20632	—	—	—	
Каруланъ	—	—	—	44228	50335	—	—	—	
Амазаръ	—	—	—	15673	17837	125	165	—	
Олдой	—	—	—	7213	8208	90	110	—	
Зея	—	1086	1159	201555	229374	525	—	575	Стр.
Гилюй	—	—	—	22087	25136	120	320	—	
Уръ	—	—	—	15356	18614	—	365	—	
Дэнъ	—	—	—	12730	14488	—	320	—	
Селенджа	—	—	—	46906	53379	—	650	—	
Томь	—	—	—	16849	19174	—	300	—	

[1]) Съ Сахалиномъ, въ томъ числѣ внѣ предѣловъ Имперіи = 1585317.
[2]) Съ Сахалиномъ.

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. версты.	Длина рѣкъ. килом.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. килом.	Длина участковъ въ верстахъ. не сплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоходн.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6.	7	8	9	10
Бурея	—	723	771	66312	75464	280	—	400	Стр. (3 и 4 ст.).
Тырма	—	—	—	16743	19054	125	95	—	
Уссури	—	721	769	165095	187882	165	110	565	Стр.
Дауби-хэ	—	—	—	5862	6671	140	—	130	
Сунгача	—	—	—	21311	24252	—	—	145	
Иманъ	—	—	—	9290	10572	180	165	—	
Бикинъ	—	—	—	22399	25491	95	280	—	
Хоръ	—	—	—	23965	27272	220	90	—	
Амгунь	—	478	510	52713	59989	—	—	870	Стр.
Сунгари	—	1598	1705	403903	460036	—	—	—	Стр.
						3198	5112	6735	
Итого по басс. Амура	—	—	—	—	—	15045 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на	—	—	—	—	—	4315 в.			
Тунджа	—	—	—	21502	24470	135	135	—	
О-въ Сахалинъ	—	—	—	62022	73997	—	—	—	
Японское море.	—	—	—	116425	132495	—	—	—	
Суйфунъ	—	—	—	6752	7684	—	112	78	
Тумень-Ула	—	—	—	39011	44394	—	—	—	
Арало-Каспійскій бассейнъ и всѣ внутр. бассейны	—	—	—	5432834	6182681 [1]	—	—	—	
Басс. озера Балхашъ	—	—	—	376055 [2]	427959	—	—	—	
Или	—	980	1046	129459	147326	—	—	640	Стр.
Аягузъ	—	—	—	11988	13643	—	—	—	
Караталъ	—	—	—	12359	14064	—	—	—	
Бакпнасъ	—	—	—	17482	19896	—	—	—	
Басс. озера Кара-Соръ.	—	—	—	7095	8073	—	—	—	
Басс. группы озеръ Алакуль, Сасыкъ-Куль и Уяхы.	—	—	—	48299 [3]	54964	—	—	—	
Басс. оз. Иссыкъ-Куль	—	—	—	79472	90441	—	—	—	
Р. Чу	—	862	920	61043	69469	—	—	—	Стр.
Басс. озера Кара-куль	—	—	—	4751	5407	—	—	—	
Р. Урченъ	—	—	—	16126 [4]	18351	—	—	—	
Р. Нура	—	—	—	47022	52373	—	—	—	Стр.
Басс. оз. Денгизъ	—	—	—	41117	46792	—	—	—	
Бассейнъ оз. Джаманъ, Акъ-куль	—	—	—	21401	24355	—	—	—	
Басс. оз. Сары-Су	—	780	832	89164	101470	—	—	—	Стр.
» » Чубаръ-Тенизъ	—	—	—	28283	32187	—	—	—	
Басс. группы оз. Чалкаръ-Тенизъ. Сары-Копа и др. съ р. Турчай	—	—	—	160409	182550	—	—	—	
Аральское море	—	—	—	1000759 [5]	1138885	—	—	—	
Сыръ-Дарья	—	2370	2863	232740	264861	915	140	1220	Стр.
Таръ	—	—	—	26148	29758	—	—	—	
Аму-Дарья	—	2118	2512	271352	308804 [6]	860	—	440	Стр.
Пянджъ	—	—	—	104147	118521	—	—	1	
Вахшъ	—	—	—	32173	36613	—	—	—	
Акъ-Серай	—	—	—	32980	37532	—	—	—	

[1]) Съ частью Тарима.
[2]) Изъ этого внѣ Имперіи=56913.
[3]) Внѣ Имперіи=17717.
[4]) Только въ предѣлахъ Имперіи.
[5]) Это съ пл. моря=67962. Въ томъ числѣ внѣ Имперіи=293184.
[6]) Считая и Пянджъ.

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ. версты.	Длина рѣкъ. киломъ.	Площади бассейновъ. квадр. версты.	Площади бассейновъ. квадр. киломъ.	Длина участковъ въ верстахъ. не сплавн.	Длина участковъ въ верстахъ. сплавного.	Длина участковъ въ верстахъ. судоходн.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кафирнаганъ . . .	—	—	—	13888	15804	—	—	—	
Сурханъ . .	—	—	—	8471	9641	—	—	—	
Зеравшанъ . . .	—	—	—	35895	40849	—	—	—	
Кара-Су	—	—	—	12262	13955	—	—	—	
						1775	140	2980	
Итого по Аральскому морю	—	—	—	—	—	4895 в.			
Итого по всѣмъ внутреннимъ водамъ Азіатской Россіи	—	—	—	—	—	107256 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на . .	—	—	—	—	—	24684 в.			
Бассейнъ Каспійскаго моря	—	—	—	3344585	3806208 [1]	—	—	—	
Волга	10 в. выше оз. Стержа.	3180	3392	1231916	1401949	—	114	3344	
Тверца . . .	В. Волочекъ.	160	170	5507	6267	—	—	176	
Вазуза	д. Марвина.	135	143	5922	6740	—	132	—	
Шоша . . .	—	—	—	5363	6104	155	—	5	
Шексна . .	Бѣлое озеро.	385	410	39365	44798	—	—	406	
Суда	—	—	—	12140	13816	47	125	64	
Кострома . . .	с. Рождество.	355	378	20883	23766	47	—	291	
Унжа	дер. Талица	480	511	25889	29463	124	—	369	
Ветлуга . . .	д. Лучинская.	700	747	31513	35861	120	—	592	
Кама	д. Картушина.	1685	1797	460766	524362	117	508	1139	
Вятка . . .	58°29′—21°50′	1025	1092	113565	129240	74	335	713	
Кильмесъ . . .	—	—	—	14228	16192	—	—	—	
Чепца	дер. Агѣева.	465	496	16805	19123	107	303	—	
Икъ	дер. Левашъ.	435	464	17289	19676	—	—	—	
Бѣлая	30 в. выше д. Махмутова.	1205	1284	124639	141841	21	801	465	
Уфа	оз. Уфимское.	780	831	47944	54561	55	731	—	
Дема	дер. Алешкина.	415	443	11314	12876	—	—	—	
Чусовая	оз. Среднее.	645	689	41699	47455	152	208	368	
Сылва	Зав. Саргинскій	520	554	17972	20463	198	183	158	
Косьва	—	—	—	7265	8268	173	121	—	
Вишера	г. Оше-Нэръ.	475	507	25819	29383	183	—	250	
Свіяга	дер. Баевка.	360	384	14731	16765	286	—	55	
Черемшанъ	дер. Павловка.	330	352	11759	13382	—	—	—	
Самара	дер. Судаки.	515	549	39918	45428	—	—	—	
Иргизъ	д. Карнаухова.	535	570	24599	27994	—	—	—	
Ока	дер. Очки.	1380	1441	210278	239300	92	—	1333	
Клязьма . . .	д. Екатерининo.	595	634	34327	39065	189	—	398	
Москва	дер. Поповка.	460	491	15942	18142	—	257	185	
Мокша	дер. Березовка.	560	597	45482	51759	175	—	387	
Цна . . .	хут. Солдатскіе.	385	410	18019	20507	206	—	159	
Сура . .	д. Томашкино.	770	820	59616	67845	99	105	606	
Сокъ .	д. Плотникова.	295	314	11057	12584	—	—	—	
Молога	дер. Плотники.	510	544	32340	36804	245	74	225	
Еруслань	д. Вел. Плесъ.	315	336	10074	11465	—	—	—	
						13306	13001	13451	
Итого по бассейну Волги	—	—	—	—	—	39758 в.			
Въ томъ числѣ пароходное движеніе на . .	—	—	—	—	—	9843 в.			

[1]) А безъ самаго моря=3369862. Въ томъ числѣ: въ Европ. Россіи—1861771, въ Сибири—981570, въ Закавказьѣ—160021 и внѣ Имперіи—366500.

Библиотека "Руниверс"

Названія рѣкъ: Главныя. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассейновъ.		Длина участковъ въ верстахъ.			Примѣчанія.
		версты.	километ.	квадр. версты.	квадр. километ.	несплавн.	сплавного.	судоходн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Уралъ	54° 42′—29°6′	2230	2379	193239	219910	1379	910	—	
Сакмара	—	651	695	29739	33844	—	—	—	
Илекъ	—	—	—	35131	39979	—	—	—	
Эмба	—	520	555	36117	39963	—	—	—	Стр. (3 и 4 ст.).
Атрекъ	—	—	—	34975	39802	—	—	—	
Кура	—	1244	1327	165765	188645	665	191	392	
Араксъ	—	958	1022	85214	96975	—	—	—	
Басс. оз. Гокча	—	—	—	5121	5827	—	—	—	
Кара-Су	—	—	—	11465	13048	—	—	—	
Алазань	—	340	363	16085	18305	—	—	—	Стр.
Самуръ	гора Сари Дагъ.	190	213	4801	5463	—	—	—	
Сулакъ	гора Сарыдагъ.	290	309	12563	14297	—	—	—	
Терекъ	дер. Сивераутъ.	545	581	38719	44062	488	84	—	
Сунжа	—	—	—	9626	10955	—	—	—	
Кума	гора Тамгсаиръ.	610	652	24016	27331	—	—	—	
Калаусъ	гора Брыкова.	350	373	19499	22191	—	—	—	
Сефидъ-Рудъ	—	—	—	48000 [1]	54625	—	—	—	
Мургабъ	—	—	—	55167	62782	—	—	—	
Геры-Рудъ	—	—	—	68344	77777	—	—	—	

Длины искусственныхъ водныхъ путей Европ. Россіи [2].

	Общая длина верстъ.		Общая длина верстъ.
Маріинскій путь		**Огинскій путь**	
отъ Рыбинска до С.-Петербурга	1071	между устьями Паны и Шары	293
Тихвинскій путь		**Березинскій путь**	
между устьемъ Мологи и Сяськими Ряжами	654	между устьями Березины и Улы	515
Вышневолоцкій путь		**Висло-Нѣманскій путь**	
между Тверью и Новою Ладогою	812	между пунктомъ соедин. канала Августовскаго съ Нѣманомъ и устьемъ Зап. Буга	391
Путь Герцога Александра Вюртембергскаго.		**Шлюзованная часть р. Москвы**	
между соедин. канала Топорнинскаго съ р. Шексною и устьемъ р. Сухоны	652	между городомъ Москвою и устьемъ р. Москвы	170
Днѣпровско-Бугскій путь		**Шлюзованная часть р. Тезы**	
между устьемъ Припяти и Зап. Буга	1011	между гор. Шуей и устьемъ Тезы	84

[1]) Внѣ Имперіи.
[2]) Заимствовано изъ „Перечень внутр. вод путей сообщ." 1892 г., изд. м-ва путей сообщ.".

Библиотека "Руниверс"

Площади озеръ Россійской Имперіи [1]).

А. ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

НАЗВАНІЕ ОЗЕРА.	Въ какомъ бассейнѣ.	Широта сѣв.	Площадь въ кв. верстахъ.	Площадь въ кв. километр.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6
Ахтарскій лим.	Азовскаго море.	45½	434	494	
Баскунчакское	Самостоятельное.	48°	109	124	
Бейсугскій лим.	Азовскаго море.	46°	197	224	
Бѣлое	р. Волги.	60°	988	1125	
Вирцъ-Ярви	р. Наровы.	58½°	242	276	
Воже	Сѣв. Двины.	60½°	376	428	Съ Елотскимъ озер.
Водлозеро.	р. Водла.	61½°	411	468	
Выгозеро	р. Выгъ.	63½°	756	861	
Днѣстровскій лим.	Черное море.	46½°	337	384	
Ильмень	р. Невы.	58½°	807	919	Съ Мшановскимъ и Синецъ.
Имандра	р. Колы.	67½°	748	852	
Каменное	—	64½°	215	245	
Кереть	р. Керешь.	66°	355	404	съ Варги.
Ковдозеро	р. Кандалакши.	67°	513	584	
Кондозеро	Бѣлаго моря.	67°	228	260	
Косъ-булатъ	—	—	220	250	
Кубинское	Бѣлаго моря.	59½°	346	393	
Кунто нижнее	р. Кемь.	65°	209	238	
Кунто верхнее			256	291	
Кунто среднее.			433	494	
Ладожское	р Невы.	60°—62°	15923	18130	
Лача	р. Онеги.	61½°	321	356	
Лекша	р. Кемь	63½°	212	242	
Потозеро	р. Туломы.	68½°	387	441	
Нюкъ	р. Кемъ.	64½°	181	206	
Ондозеро	р. Выгъ.	63½°	157	179	
Онежское	Балтійскаго моря.	61°—63°	8569	9751	
Телисъ-ярви	Балтійскаго моря.	63°	962	1095	
Пявозеро	р. Кандалакши.	66½°	492	560	
Сайма	р. Невы.	61°—62°	1546	1760	
Сандалъ	Онежскаго озера.	62½°	260	296	
Сивашъ	Азовскаго моря.	45°—46°	2156	2454	
Сива-ярви	Балтійскаго моря.	63°	163	185	
Сегозеро	р. Выгъ.	63°	1095	1246	
Селигеръ	р. Волги.	57°	228	260	съ оз. Хросны и Серема.
Сямозеро	—	62°	226	258	
Суитіенъ-ярви	Балтійскаго моря.	63°	146	166	
Сякозеро	р. Выгъ.	64½°	125	142	
Тилигульскій лим.	Чернаго моря.	46½	102	116	
Топозеро	р. Кандалакши.	65½°	936	1065	
Тулосъ	р. Кемъ.	63½°	246	280	
Хэутяйнекъ	Балтійскаго моря.	63°	401	456	
Чудское	р. Наровы.	58°—59°	3087	3213	съ оз. Псковскимъ.
Энаре	Ледовитаго ок.	69°	1249	1421	
Элозеро	Ледовитаго ок.	—	188	214	
Элтонское	Самостоятельное.	50½°	142	161	

[1]) Для озеръ Азіатской Россіи, включая сюда и Каспійское съ Аральскимъ моремъ, взяты новыя, еще не опубликованныя, данныя изъ рукописи помощника предсѣдателя Императорскаго русскаго географическаго общ. ген.-лейт. А. А. Тилло. Для Европ. Россіи приведены числа Стрѣльбицкаго. Здѣсь даны площади только главныхъ озеръ.

Библиотека "Руниверс"

В. АЗІАТСКАЯ РОССІЯ.

НАЗВАНІЕ ОЗЕРА.	Въ какомъ бассейнѣ.	Широта сѣв.	Площадь въ кв. верстахъ.	Площадь въ кв. километр.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6
Ала-Куль	Внутр. Ср. Азіи.	46°	—	1890	
Балхашъ	Самостоятельный басс.	45½°	—	18715	
Бурунча	оз. Чанкаръ-Тенизъ.	48½°	—	438	
Бурунъ-Торей	р. Амуръ.	50°	—	522	
Байкалъ	р. Енисей.	53°	—	34168	
Безымянное	къ сѣв. отъ р. Юрибей Карскаго моря.	69°	—	664	
Воеволи	р. Хатанчи.	67°	—	2098	
Гокча	р. Аракса.	40°	—	1439	
Денгизъ	р. Оби.	53°	—	1448	
Денгизъ	Самостоятельное.	50°	—	1474	
Ессей	р. Хатанчи.	68°	—	1476	
Иссыкъ-Куль	Самостоятельное.	42°	—	5893	
Кулундынское	р. Оби.	52½°	—	877	
Кидзи	р. Амуръ.	51°	—	498	
Красное	р. Анадырь.	63½°	—	1100	
Креноцкое	Камчатскаго моря.	54½°	—	555	
Курильское	Охотскаго моря.	51½°	—	556	
Нерпичье	Камчатскаго моря.	56°	—	317	
Кара-Куль	Самостоятельное	38½°	—	342	
Комешка	р. Хатанчи.	68°	—	600	
Копыдакъ	р. Енисея.	63°	—	903	
Могатаево	Ледовитый ок.	71½°	—	307	
Марка-Куль	р. Оби (Иртыша).	48½°	—	318	
Норъ-Зайсань	р. Оби (Иртыша).	47½°	1967	2239	
Ожогинское	р. Индигирки.	69°	—	348	
Онгнеко	р. Хатанчи.	68°	—	329	
Паланское	Охотскаго моря.	58½°	—	251	
Плальское	р. Гыды.	69½°	—	269	
Пясино	р. Пясины.	69°	—	294	
Сасыкъ-Куль	оз. Ала-Куль.	46°	—	471	
Сонъ-Куль	р. Сыръ-Дорьи.	41½°	—	261	
Сары-Кана	оз. Чалкаръ-Тенизъ.	50°	—	461	
Таагелинда	р. Лены	63°	—	258	
Теке	р. Оби.	54°	—	457	
Тенисъ	р. Оби.	56°	—	264	
Таймыръ	р. Таймыръ.	73½°	1918	2183	
Телецкое	р. Оби (Бія).	51°	—	373	
Убинское	р. Оби.	55°	—	456	
Улькунъ-Корей	р. Оби.	54°	—	573	
Убаганъ-Денизъ	р. Оби (Тоболь).	52½°	—	576	
Ханка	р. Амуръ.	44½°	3459	3936	часть оз. въ Китаѣ
Челкаръ	р. Урала.	51°	—	251	
Чаны	р. Оби.	54½°	3180	3619	безъ оз. Мал. Ханка.
Денгизъ-Куль	р. Оби.	54°	—	370	
Чубаръ-Тенизъ	Самостоятельное.	47½°	—	336	
Чалкаръ-Тенизъ	Самостоятельное.	47½°	1784	2030	
Чекчагирское	р. Амуръ (Амгунь).	51½°	—	515	
Эджегетай-Куль	р. Индигирки.	69°	—	280	
Эворонъ	р. Амура.	50½°	—	596	
Шива	р. Аму-Дарьи.	37°	—	268	
Косоголъ	оз. Байкала.	51°	—	2945	въ Авганистанѣ.
Кулунъ (Далай Норъ)	р. Амура.	48½°	—	1564	въ Монголіи.
Буиръ-Норъ	р. Амура.	48°	—	1103	въ Китаѣ.
Аральское море	—	—	—	67962	въ Китаѣ.
Каспійское море	—	—	—	436346	

Библиотека "Руниверс"

Площади острововъ Россійской Имперіи [1]).

А. ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

НАЗВАНІЕ.	Въ какой администрат. части.	Широта сѣв.	Площадь въ кв. верстахъ.	Площадь въ кв. километр.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6
Вайгачъ	Архангельской губ.	70°	3254	3703	
Дагъ-э	Эстляндской губ.	59°	844	960	
Кимито	Або-бі рнеборгской губ.	—	481	548	
Колгуевъ	Архангельской губ.	69°	3072	3496	
Маріехамнъ	Або-біернеборгской губ.	60½°	563	640	
Междушарскій	Архангельской губ.	71°—72°	282	321	
Моонъ	Лифляндской губ.	59°	182	207	
Новая Земля	Архангельской губ	71°—76°	80025	91070	
Сенгейскій	» »	68½°	156	178	
Эзель	Лифляндской губ.	58½°	2300	2618	

В. АЗІЯТСКАЯ РОССІЯ.

Бѣлковскій	Якутской обл.	75°	337	384	
Вилькицкаго	Енисейской губ.	73°	474	540	
Котельный	Якутской обл.	74½°	14149	15988	
Новая Сибирь	» »	75°	4126	4696	
Фадѣевскій	» »	75½°	3172	3611	
Аіонъ	» »	69°	1894	2156	
Бѣлый	Тобольской губ.	73°	1455	1656	
Диксона	Енисейской губ.	73°	143	163	
Карагинскій	Приморской обл.	58½°	1688	1913	
Командорскіе	—	—	—	—	
Беринга	» »	54½°	1416	1543	
Мѣдный	» »	54½°	290	329	
Де-Лонга	—	—	—	—	
Беннета	Якутской обл.	76½°	2051	2335	
Генріета	» »	76½°	145	165	
Жанета	» »	76½	93	106	
Ляховскіе	—	—	—	—	
Ближній	» »	73°	3383	3850	
Малый	» »	73½°	587	668	
Находка	Енисейской губ.	67°	1537	1749	Тазовская губа.
Пуни	» »	66½°	656	696	тоже.
Сибирякова	» »	73°	900	1024	Енисейск зал.
Сахалинъ	Приморской обл.	45°—54°	65022	73997	
Таймыръ	—	76°	782	890	
Тюленій	Приморской обл.	48°	471	537	Охотское море.
Уединенія	Тобольской губ.	77½°	167	190	Сѣв. Лед. ок.
Шантаръ больш.	Приморской обл.	54½°	1388	1580	
Эвнерманзале	Енисейской губ.	67½°	976	1110	Тазовская губа.
Ягодный	» »	67°	653	743	тоже.
Феклистова	Приморской обл.	54°	474	540	Охотское море.
Земля Врангеля	Якутской обл.	71°	3914	4457	
Челекенъ	Туркестанской обл.	39°	450	513	Каспійское море.
Николая I	» »	44½°	203	229	Аральское море.
Сарга	» »	46°	274	311	тоже.

[1]) Для Евр. Россіи площади взяты изъ труда ген. Стрѣльбицкаго („Исчисл. Нов. Росс. Имп.“, 1889 г.), а для Азіатской Россіи—изъ рукописи ген.-лейт. А. А. Тилло. Приведены только главнѣйшіе острова

Ю. Шокальскій.

Библиотека "Руниверс"

РОССІЯ. I. Оглавленіе.

I. Физическая географія.

Стр.

A. Границы и пространство Имперіи. 1—5

B. Орографія Россійской Имперіи:
- 1) Общій взглядъ на современное состояніе нашихъ знаній по орографіи Имперіи . . . . . 5—6
- 2) Краткія историческія свѣдѣнія по орографіи Россіи . . . . . 6—8
- 3) Общій взглядъ на рельефъ Россійской Имперіи . . . . 8—12
- 4) Общій взглядъ на рельефъ равнины Европ. Россіи и его причины. 12—13
- 5) Равнина Азіятской Россіи 13
- 6) Уральскій хребетъ . . 13—14
- 7) Нагорье Восточной Сибири . . 14—15
- 8) Окраинные хребты (Кавказъ. Памиръ, Алтай и др.) . . . . 15—17

C. Гидрографія:
- Рѣки Европ. Россіи 17
- Рѣки Кавказа 18
- Рѣки Туркестанскаго бассейна . 18
- Рѣки Сибири 18
- Озера 18
- Моря 19
- Ледяной покровъ 19—20

D. Климатъ:
- Давленіе воздуха . . . 21—23
- Температура воздуха . . 23
- Облачность 26
- Осадки . . . . . 27—29
- Климатъ Восточной Сибири . . . 29—32

E. Фауна:
- а) Общій обзоръ наземной и прѣсноводной фауны и зоогеографическихъ областей Россіи . . . . 32—35
- б) Фауна русскихъ морей . . . 35—39
- в) Вредныя насѣкомыя для лѣсоводства . . . . . 36—39
- г) Вредныя насѣкомыя для сельскаго хозяйства . 39—42

F. Растительность: Вступленіе 42

A) Сѣверная зона:
- 1) Область арктическо-альпійская. 43—45
- 2) Область сѣверныхъ лѣсовъ . 45—46
- 3) Область степей . . . 46—47

B) Зона южныхъ флоръ:
- 4) Область среднеазіатскихъ пустынь . 47
- 5) Область горностепной флоры 47
- 6) Область реликтовыхъ лѣсовъ 48
- 7) Область третичныхъ лѣсовъ 48—49

G. Основныя черты геологическаго строенія:
- Европейская Россія . . 49—53
- Азіятская Россія . . 53—44

Стр.

H. Почвы: . . . . . 54—57

I. Минеральныя богатства:
- Поваренная соль . . . . . 58—60
- Минеральные ключи 60
- Каменный уголь . . . . 60—62
- Торфъ 62
- Горючій сланецъ 63
- Нефть 63
- Асфальтъ, Горная смола и Озокеритъ 63
- Золото . . . . . 64—65
- Серебро . . . 65—66
- Мѣдь, Цинкъ и Олово . . . 66—67
- Желѣзо . . . . . 67—69
- Хромъ, Марганецъ, Никкель, Кобальтъ, Сурьма . . . 69—70
- Драгоцѣнные камни . . 70
- Строительные камни 70
- Мѣлъ, Гипсъ, Аспидный сланецъ и проч. 71
- Фосфориты 71
- Глины 71
- Графитъ 72
- Сѣра, Селитра, Глауберова соль, Сода, Квасцы 72

K. Почвенныя воды . . . 73—75

II. Населеніе.

A. Статистика:
- Источники свѣдѣній о населеніи . 75—76
- Численность населенія по послѣдней переписи 1897 г. 76
- Густота населенія . . . 76—81
- Распредѣленіе жителей по населеннымъ мѣстамъ:
- Городское населеніе 81—83
- Сельское населеніе . . . . . 83—85
- Размѣщеніе населенія по жилищамъ 85—86
- Составъ населенія по вѣроисповѣданіямъ 86
- Составъ населенія по сословіямъ . 86
- Племенной составъ населенія . . 86
- Составъ населенія по полам . 87—90
- « » » возрастамъ 90—91
- Движеніе населенія (брачность, рождаемость и смертность) . . . 92 105
- Эмиграція и иммиграція . . . 105
- Пространство и населеніе губерній, областей, уѣздовъ и округовъ (таблицы) . . . . . 106—11
- Населеніе городовъ, посадовъ и друг. важнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ (таблицы) . . . 115-

Библиотека "Руниверс"

Стр.

B. Россія въ антропологическомъ отношеніи . . . . . 128—139
C. Россія въ этнографическомъ отношеніи . . . . . 139—152

III. Политическій отдѣлъ и финансы.

A. Государственное устройство въ XVIII и XIX вв.:
1) Верховная власть . . . . . 153—157
2) Центральныя учрежденія . . . 157—160
3) Мѣстное управленіе . . . . 160—164
4) Судоустройство . . . . . 164—167
B. Церковь.
Русская православная церковь . . 167—170
Инославныя и иновѣрныя исповѣданія 170—171
C. Вооруженныя силы.
1) Сухопутное войско:
Историческій очеркъ . . . 171—174
Современное состояніе войскъ . . 174—180
2) Русскій флотъ:
Историческій очеркъ . . . . . 180—181
Современное состояніе . . . . . 181—184
D. Финансовое хозяйство.
1) Древнѣйшій періодъ 185
2) Московское государство . . . 185—186
3) Эпоха Петра Великаго . . . 186—188
4) Преемники Петра 188
5) Первая половина XIX вѣка . . 189—190
6) Періодъ общегосударственныхъ реформъ . . . . . 190—192
7) Періодъ реформъ въ финансовомъ хозяйствѣ . . . . . 192—197
8) Государственный бюджетъ и его составныя части:
Обыкновенный доходный бюджетъ . . . . . 197—204
Обыкновенный расходный бюджетъ . . . . . 204—207
Чрезвычайный бюджетъ . . . 207—209
Государственный долгъ . . . . 209—210
E. Административное дѣленіе Россіи. 211—213

IV. Медицина и народное здравіе.

Историческій очеркъ и современное устройство медицинской администраціи . . . . . 214—215
Фабрично-заводская медицина и санитарія . . . . . 215—218
Городская медицина . . . . 218—222
Курорты . . . . . 222—224
Современное санитарное состояніе Россіи . . . . . 224—227

V. Экономическій отдѣлъ *).

A. Дѣленіе Россіи на раіоны по естественнымъ и экономическимъ признакамъ . . . . 227—231
B. Россія въ сельскохозяйственномъ отношеніи.
Общія данныя о заграничной торговлѣ сельскохозяйственными продуктами о распредѣленіи земель . . . . . 231—232
ы 232

чдѣніи въ Россіи см. т. XII, 401—10.

Стр.

Климатъ 233
Растенія, разводимыя на поляхъ 233—234
Сѣвообороты . . . . . 234—235
Машины и орудія 235
Удобреніе 235
Посѣвъ, урожаи и уборка . . . 235—236
Вредныя вліянія и враги растеній 237
Спеціальныя культуры (сахарная свекла, хмель, табакъ, хлопокъ, ленъ, пенька, масличныя растенія, виноградъ, чай) . . . . 237—240
Огородничество и садоводство . . 240—241
Скотоводство . . . . . 241—245
Молочное дѣло . . . . . 245—246
Птицеводство . . . . . 246—247
Правительственныя мѣропріятія по сельскому хозяйству . . . 247—248
Сельскохозяйственное образованіе, сельскохозяйственныя общества, періодическія изданія и дѣятельность земствъ по сельскому хозяйству . . . . . 248—250
C. Ветеринарно-санитарная часть . 250—251
D. Лѣса и лѣсное хозяйство 251—256
E. Промыслы *).
1) Охота . . . . . 256—258
2) Рыболовство . . . . . 258—261
3) Морской звѣриный промыселъ . . 261—262
4) Шелководство . . . . . 262—264
5) Отхожіе промыслы . . . . . 264—274
F. Промышленность и торговля Россіи.
а) Историческій очеркъ . . . . . 275—283
б) Общая производительность фабрикъ и заводовъ, заработокъ фабричнаго рабочаго и топливо . . . . 283—285
в) Обзоръ отдѣльныхъ отраслей промышленности
I. Обработка волокнистыхъ веществъ
1) Хлопкообрабатывающая промышленность . . . . 285—287
2) Обработка шерсти . . . . 287—288
3) Обработка льна . . . . 288—288
4) Обработка пеньки . . . 289—290
5) Шелковая промышленность 290—291
6) Джутъ 291
7) Готовое платье . . . 291—292
II. Обработка питательныхъ веществъ:
1) Винокуреніе, дрожжевое и водочное производство . . 292—293
2) Винодѣліе 293
3 и 4) Пивоваренное и медоваренное производство . . 293
5) Маслобойное производство 294
6) Сахарное производство . 294—295
7) Мукомольное дѣло . . 295—29
8 по 11) Крупа, рисъ, крахмалъ солодъ . . . . . 296—297
III. Обработка животныхъ продуктовъ (кожа и кожевенныя издѣлія, клей, костяная мука, землеудобрительныя туки, салостеаринъ и мыло) . . . . . 297—298

*) О пчеловодствѣ см. т. XXV, 865—873.

Библиотека "Руниверс"

Стр.

IV. Древообрабатывающая промышленность (лѣсопильное дѣло, столярное, мебельное, бондарное, пробочное, древотерочное и др. производства) . . . 299—300
V. Писчебумажное производство (бумага, древесная масса, обои, переплетное дѣло) . . . . . 303—301
VI. Добыча ископаемыхъ и обработка металловъ:
1) Золото 301
2) Серебро 302
Канительное и мишурное производство. Серебряныя и золотыя издѣлія. Серебро- и золото-ткацкое производство. 302
Часовое производство . . 302
3) Платина 302
4) Ртуть 302
5 по 8) Мѣдь, Свинецъ, Цинкъ; Олово и Марганецъ . . . 303—304
9) Желѣзо, Чугунъ и Сталь 304—306
10 по 14) Производства рельсовое, чугунолитейное, артиллерійскихъ снарядовъ и ножевое, машиностроеніе . 306
15) Судостроеніе . . . . . 306—307
16) Каменный уголь . . . . 307—308
17) Нефть . . . . . 308—309
18) Соль . . . . . 309—310
VII. Керамическія производства (кирпичное, гончарное производство и майоликовое, фаянсовое, фарфоровое и стеклянное, зеркальное и цементное . . . . 310—311
VIII. Химическая промышленность (сѣрная, азотная и соляная кислоты, селитра, бѣльильная известь, сода, квасцы, краски, солодковый корень, лаки и сургучъ, порохъ и спички . 311—312
IX. Табачныя издѣлія, резиновое произв. и экипажное произв. . 313—314
г) Кустарные промыслы . . . 314—318
д) Внутренняя торговля (промысловое обложеніе) . . . . . 319—322
Торгово-промышленныя товарищества и общества 323
Ярмарки, биржи, товарныя цѣны 323—325
Перевозка грузовъ, элеваторы . . 326
е) Внѣшняя торговля. Ввозъ и вывозъ по главнѣйшимъ группамъ товаровъ и по государствамъ . . 331—332
Главные предметы вывоза . 332—333
Главные предметы ввоза . . . . 333—334
Торговое мореходство и каботажъ 335
Транзитъ 336
G. Кредитныя учрежденія . . . 337—340
H. Метрологія русская . . 340—344
I. Пути сообщенія:
Водные внутр. пути сообщенія . . 344—343
Морскіе пути . . . . . 352—354
Шоссейныя и грунтовыя дороги . 354—355
Желѣзныя дороги . . . . . 355—366
K. Почта, телеграфъ, телефонъ . 363—371
L. Страхованіе . . . 371—382

VI. Просвѣщеніе.

Стр.

A. Учебное дѣло.
1) Историческій очеркъ учебнаго дѣла въ Россіи . . . 382—391
2) Характеристика главн. типовъ существующихъ учебн. завед. 391—398
3) Статистика учебн. дѣла . . . 398—409
B. Ученыя учрежденія и общества 410—414
C. Печатное дѣло . . . . . 414—420
VII. Общественное призрѣніе и благотворительность . . . . . 421—422

VIII. Исторія.

A. Россія въ археологическомъ отношеніи . . . . . 423—430
B, Источники русской исторіи и русская исторіографія . . . . . 430—446
C. Исторія Россіи:
Приднѣпровская Россія IX XII в. 446—450
Сѣверо-вост. Россія XIII—XV вв. 450—455
Моск. государство XVI и XVIII в. 455—466
Имперія въ XVIII в. . . . . 466—478
» XIX в. . . . . 478—489
D. Малороссія:
1) Исторіографія . . . . . 490—492
2) Исторія Малороссіи . . . . 492—509
E. Хронологія русской исторіи . . 509—513

IX. Русское право.

A. Исторія русскаго права
1) Очеркъ развитія госуд. учрежденій и источниковъ правообразованія до начала XVIII в. . . . . 513—525
2) Очеркъ развитія общихъ понятій о преступленіи и наказаніи по древнему русскому праву . . . 525—529
B. Русское гражданское право. Вступленіе . . . . . 529—530
Источники русскаго гражд. права 530—531
Исторія личнаго права и современное русское право лицъ . 531—533
Исторія отдѣльныхъ институтовъ рус. гражд. права:
1) Періодъ торгово-городского права Кіева, Пскова и Новгорода . . . 533—535
2) Періодъ земскаго права . . . 535—537
3) Періодъ моск. государства . . . 537—539
4) Петербургскій періодъ . . . . . 539—542
5) Современное русское гражд. право 542—547
C. Русское крестьянское обычное право . . . . . 547—551
D. Гражданское судопроизводство 551—553
E. Торговое право и судопроизв. . 554—556
F. Русское уголовное право и судопрозводство
1) Историческій очеркъ уголовнаго законодательства . . . . . 556—557
2) Основныя черты современ. уголовнаго права . . . . . 557—559
3) Уголовный процессъ . . . . . 559—562
4) Военно-угоковное судопроизводство 562—563
G. Сводъ законовъ . . .
H. Законодательство военное .

Библиотека "Руниверс"

Стр.

X. Русскій языкъ и русская литература.

А. Русскій языкъ . . . . . 564—566
Сѣв.-великорусское нарѣчіе 566—569
Южно-великорусское нарѣчіе . 568
Бѣлорусское нарѣчіе 569
Малорусское нарѣчіе . . . . . 569—570
Краткій очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка . . . . 570—581

В. Исторія русской литературы.
I. Отъ первыхъ памятниковъ до татарскаго ига . . . . . 581—586
II. Отъ татарскаго нашествія до конца XVII в. . . . . 586—603
III. Восемнадцатый вѣкъ и первая половина XIX вѣка . . . . 603—619
Библіографія русской литературы за первые три періода . . . . 619—634
IV. Новѣйшій періодъ
Послѣдніе годы дореформенной эпохи (1848—55) . . . . 634—637
Начальные годы эпохи великихъ реформъ (1855—62) . . . 637—642
Реакція и эпоха нигилизма . . 642—644
Эпоха высшаго развитія альтруизма (1870-е гг.) . . . . . 644—648
Эпоха разброда и исканія новыхъ идеаловъ (1880-е и 1890-е гг. . . . . 648—650

XI. Русское искусство.

А. Архитектура, Живопись и Гравированіе *) . . . . . 650—675

В. Музыка.
Доисторическій древній періодъ:
1) Свѣтская музыка . 675—679
2) Церковная музыка . 679—688
XVIII вѣкъ: 1) Музыка свѣтская 688—695
» » 2) Музыка церковная . 695—697
XIX вѣкъ: 1) Музыка свѣтская . 697—714
» » 2) Музыка церковная . 714—717

С. Русскій театръ . . . 717—720

XII. Русская наука

1) Богословіе . . . . . 721—724
2) Математика . . . . . 724—732
3) Астрономія и Геодезія . . . . 732—737
4) Физика . . . . . 737—744
5) Метеорологія . . . . . 744—646
6) Минералогія и Кристаллографія 746—750
7) Геологія . . . . . 750—753
8) Химія . . . . . 753—760
9) Ботаника . . . . . 761—762
10) Зоологія . . . . . 762—764
11) Анатомія . . . . . 764—766
12) Гистологія 766
13) Физіологія . . . . . 766—768
14) Медицина (Общая патологія, терапія, хирургія, дермотологія, акушерство и гинекологія, дѣтскія болѣзни, офтальмологія, психіатрія и невропатологія, фармація и судебная медицина) . . . . 768—776
15) Сельскохозяйственная наука . . 776—779
16) Технологическая наука . . . . . 779—785
17) Науки инженернаго и строительнаго искусства . . . . . 785—791
18) Географическія изслѣдованія Россійской Имперіи и развитіе географической науки *) . . . . . 791—800
19) Археологія . . . . . 800—801
20) Нумизматика . . . . . 801—802
21) Геральдика (см. т. VIII, 461—63). 802
22) Исторія . . . . . 802—807
23) Церковная исторія . . . 807—808
24) Востоковѣдѣніе . . . . . 808—813
25) Классическая филологія . . . 813—816
26) Славистика . . . . . 816—818
27) Историческая географія . . 818—819
28) Исторія всеобщей литературы . . 819—821
29) Исторія русской литературы . 821—823
30) Исторія искусства (см. XXVIII, 650—717).
31) Русскій языкъ и сравнительное языкознаніе . . . . . 823—833
32) Философія . . . . . 833—837
33) Соціологія . . . . . 837—838
34) Философія и Энциклопедія права . 838—839
35) Русское государственное право 839—841
36) Полицейское право (см. XII, 325). 841
37) Церковное право . . . . . 841—842
38) Гражданское и римское право . . 842—845
39) Гражданское судопроизводство . 845—846
40) Торговое право и торговое судопроизводство . . . . . 846—847
41) Уголовное право . . . . . 847—849
42) Уголовный процессъ . . . . . 849—850
43) Международное право . . . . 850—851
44) Экономическая наука . . . . . 851—832
45) Статистика . . . . . 854—855
46) Финансовая наука . . . . . 855—856
47) Военныя науки . . . . . 856—859

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Русскія монеты . . . . . 859—860
II. Площади бассейновъ и длины рѣкъ въ Европ. и Азіатск. Россіи . . . . 861—871
Длина искусственныхъ водныхъ путей. 871
Площади озеръ Европ. и Азіатской Россіи . . . . . 872—873
Площади острововъ Европ. и Азіатской Россіи . . . . . 873—874

*) Исторія русскаго ваянія изложена въ V томѣ (стр. 668—670).

*) Обзоръ трудов[illegible] ованіи Россіи въ антропологическом[illegible] ческомъ отношеніяхъ представленъ въ [illegible] 139—152.

Библиотека "Руниверс"

РОССІЯ.

II. Оглавленіе географическихъ картъ, картограмъ, діаграммъ и рисунковъ.

	Стр.
Гипсометрическая карта Европейской Россіи	8
Карта бассейновъ Европейской Россіи	16
» » Азіатской Россіи	—
» изотермъ Европ. Россіи и Кавказа	24
» » года Азіатской Россіи	—
» » января и іюля Азіатской Россіи	—
ботаническихъ областей Россійской Имперіи	48
распространенія нѣкоторыхъ древесн. породъ въ Европейской Россіи	—
» реликтовыхъ лѣсовъ. центровъ распространенія и путей переселенія лѣсныхъ деревьевъ	—
Геологическая карта Европейской Россіи.	50
Карта распредѣленія моря въ Европ. Россіи въ отдаленныя геологическія эпохи	—
Почвенная карта Европ. Россіи	54
Карта минеральныхъ богатствъ Европ. Россіи	64
Карта минеральныхъ богатствъ Азіатской Россіи	—
» Европейской Россіи. Густота населенія	80
» Азіатской Россіи. Густота населенія	—
Картограммы къ статьѣ Населеніе:	
I. Увеличеніе густоты населенія съ 1863—1897 г.	96
II. Людность населенія	—
Русскій флотъ I, II, III, IV, V и VI	184
Карта раздѣленія Европ. Россіи на пространства и области № 1 и 2	212
» раздѣленія Европ. Россіи на районы по естеств. и экон. признакамъ	228
Картограммы изъ статьѣ Сельское хозяйство и скотоводство I и II	240
Карта распредѣленія лѣсовъ Европ. Россіи	256
Картограммы и діаграммы къ статьѣ Промышленность и торговля Россіи	—
I. Распредѣленіе фабричной промышленности въ 1896 г. по губерніямъ	282
II.—VI. Распредѣленіе промышленности по группамъ производствъ; распредѣленіе по мануфактурной промышленности; распредѣленіе производствъ по обработкѣ питательныхъ веществъ; распредѣленіе рабочихъ по полу, возрасту и группамъ производствъ; распредѣленіе паровой силы по группамъ производствъ	284
VII. Привозъ хлопка въ Россію и колебаніе цѣнъ на хлопокъ	286
VIII. Добыча шлихового золота и платины въ Россіи въ XIX столѣтіи	300
IX. X и XI. Производительность, вывозъ и привозъ желѣза; производительность, привозъ и потребленіе чугуна и каменнаго угля	306
XII. Цѣнность (въ золотой и кредитной валютѣ) вывоза и привоза товаровъ во внѣшней торговлѣ Россіи съ 1802 по 1898 г.	328
XIII и XIV. Внѣшняя торговля Россіи въ 1897 г. Внѣшняя торговля важнѣйшихъ европ. государствъ въ 1897 г. и участіе въ ней Россіи	330
XV. Колебаніе цѣнъ на пшеницу, ячмень и овесъ съ 1800 по 1899 г.	332
XVI. Привозъ чая, кофе и сахара съ 1800 по 1898 г.	306
Карта Европ. Россіи съ обозначеніемъ желѣзн. дорогъ	360
» Азіатской Россіи съ обозн. желѣзн. дорогъ	—
» распространенія начальныхъ школъ въ Европ. Россіи	400
Діаграмма русской періодической печати.	416
Этнографическая карта Россіи	421
Историческія карты Россіи.	
I. 1) Восточная Европа около 862 г.	445
2) Княжества XI—XIII вѣковъ	
3) Постепенное разростаніе московскаго княжества	
II. 4) Московское государство 1598—1682 гг.	468
5) Россія 1682—1762	
III. 6) Россія 1762—1801 г.	484
7) Пріобрѣтенія Россіи на Кавказѣ и въ Средней Азіи въ XIX вѣкѣ.	
Русское искусство (таблицы) I—VI	652
Русскія монеты (таблицы) I, II.	360

Библиотека "Руниверс"

С.

С—восемнадцатая буква русской азбуки, обозначающая согласный глухой переднеязычный альвеолярный спирантъ дорсальной артикуляціи (соотвѣтствующій парный звонкій согласный—*з*). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пишется на мѣстѣ этимологическаго *с*, перешедшаго въ живой рѣчи, путемъ фонетическаго уподобленія, въ другіе звуки: *просьба* (звучитъ *прóзьба*), *сжалиться* (звучитъ *жжáлиться*), *сшибить* (звучитъ *шшибúть*) и т. д. Знакъ *С* ведетъ свое начало отъ старославянскаго С (*слово*), источникомъ котораго служило греческое заглавное С (см. таблицу, въ т. XXIII, 704). Цифровое значеніе *с* въ старославянской и церковнослав. азбукѣ было 200. Соотвѣтствующій нашему *с* звукъ имѣется и въ другихъ языкахъ: во французскомъ (обозначается посредствомъ *s*, *c* передъ *e* и *i*, *ç*), нѣмецкомъ (*s* или *ss*, также ß), англійскомъ (*s*, *c*) и т. д.

С. Б—чъ.

S—служитъ въ музыкѣ для сокращеннаго обозначенія многихъ словъ, какъ то: Segno, sinistro, solo, subito, sul (напр. S. ponticello или S. pon.). Въ старинныхъ сочиненіяхъ, напр. въ X ст. у Гукбальда, S. служило для обозначенія полутона (semitonium). S.S. обозначаетъ senza sordini, S.t.—senza tempo.

Са (Эммануилъ Sa или Saa, 1530—1596)—португал. богословъ, іезуитъ; трудился надъ изданіемъ латинскаго перевода Библіи. Богословскіе его труды: «Scholia in quatuor Evangelia» (1596), «Notationes in totam sacram Scripturam» (1598) и «Aphorismi confessariorum» (Дуэ, 1627), въ которыхъ онъ излагалъ самыя смѣлыя антимонархическія идеи. Большинство изъ нихъ не было пропущено цензурою.

Саа—арабская зерновая мѣра въ Тунисѣ (см.)=2,58 м.

Сааведра (Ангелъ de-Saavedra герцогъ de Rivas, 1791—1865)—испанскій писатель и политическій дѣятель, участвовалъ въ войнѣ противъ французовъ; послѣ заключенія мира вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника и жилъ въ Севильѣ. Въ это время впервые выступилъ, какъ писатель, «Ensayos poéticos» (1813, 2 изд., 1820—21). Нѣкоторыя изъ его трагедій поставлены на сценѣ (1815—16). Во время революціи 1820 г. С. былъ ревностнымъ сторонникомъ конституціи 1812 г. и поставилъ въ Севильѣ, свою трагедію «Lanuza», которая, благодаря политической подкладкѣ, возбудила огромный интересъ. Во время вторженія французовъ (1823) С. удалился въ Лондонъ, гдѣ началъ эпическую поэму «Florinda». Въ 1825 г. переселился на Мальту и занялся изученіемъ англійскихъ писателей, вслѣдствіе чего окончательно освободился отъ вліянія франц. классической школы. Въ 1830 г. устроилъ школу рисованія въ Орлеанѣ. Позже жилъ въ Турѣ, гдѣ окончилъ народную эпическую поэму «El moro expósito» (П., 1834). Въ 1834 г. С. разрѣшено было вернуться въ Испанію, гдѣ онъ получилъ по наслѣдству титулъ герцога и возведенъ былъ въ испанскіе гранды. Онъ принадлежалъ къ сторонникамъ умѣренной оппозиціи, въ 1836 г. занималъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, но вскорѣ долженъ былъ удалиться за границу, откуда возвратился (1844) съ королевой Маріей-Христиной. До 1848 г. былъ посланникомъ въ Неаполѣ, въ 1854 г. былъ консервативнымъ членомъ такъ называемый «Сорокачасоваго» министерства, павшаго вслѣдствіе движенія, поднятаго О'Доннелемъ; позже былъ посланникомъ въ Парижѣ и Флоренціи. Въ 1864 г. занималъ мѣсто президента государственнаго совѣта. Сааведра написалъ комедію «Tanto vales cuanto tienes» (1834), трагедію «Don Alvaro, o la fuerza del sino» (1835—79), драмы «Solaces de un prisionero», «La morisca de Alajuar» (1842). Своими «Moro expósito» и эпическими поэмами С. способствовалъ возрожденію народной поэзіи въ Испаніи. Въ Неаполѣ онъ написалъ: «Historia de la Sublevacion de Nàpoles» (Мадр., 1848, 1881).

Сааведра (Diego Saavedra y Faxardo, 1584—1648)—исп. писатель и государственный дѣятель, докторъ правъ; былъ посланникомъ при многихъ европейскихъ дворахъ, присутствовалъ (1636) на сеймѣ въ Регенсбургѣ при избраніи Фердинанда III, былъ посланъ Филиппомъ IV на конгрессъ въ Мюнстеръ, умеръ членомъ верховнаго совѣта Индіи. Онъ написалъ: «Empresas politicas, ó idea de un principe politico-cristiano, representa da en cien empresas» (Монако, 1640), «Locuras de Europa, dialogo postumo entre Mercurio y Luciano», «Corona gótica, castellana y austrica, politicamente ilustrada» (Мюнст., 1646), «Obras politicas y historicas» (Мадр., 1789—90). Полное собраніе его сочиненій появилось въ Антверпенѣ въ 1688 г. О немъ De Rochey, «S., sus pensamientos, sus poesias, sus opusculos» (Мадр., 1884).

Сааведра де Ривасъ — испанскіе поэты; см. Ривасъ (XXVI, 678).

Библиотека "Руниверс"

Саадакъ или *сагадакъ, сагодакъ, сайдакъ* (стар.)—названіе полнаго прибора вооруженія конныхъ воиновъ лукомъ и стрѣлами. Состоялъ обыкновенно изъ лука, съ налучіемъ или лубсмъ, и стрѣлъ, съ колчаномъ или туломъ, и украшался разнообразно и роскошно; въ XVII в. были С. цѣною въ 2965 руб. и даже въ 6660 руб. (см. Вельтманъ, «Описаніе оружейной палаты»). Въ числѣ частей С. упоминаются въ описяхъ еще *тохтуи* или тахтуи, служившіе чехлами для колчановъ во время походовъ.

Саади (соб. Са'дій, ибнъ-Мосліходдинъ Ширазскій) — величайшій поэтъ-моралистъ Персіи, представитель практическаго, житейскаго суфизма (см.); родился вѣроятно около 1184 г., ум. въ 1291 г. Жизнь его раздѣляютъ на три періода: школьный (1196—1226), скитальческій (1226 — 1256), шейхскій (1256—1291). Прозвище «С.» (=Саадовъ) происходитъ отъ имени фарсскаго атабека Саада ибнъ-Зенги́ (1195 — 1226; см. Персія, XXIII, 392, 394), которому служилъ еще отецъ поэта, рано умершій, и который принялъ участіе въ сиротѣ. Его попеченіемъ Саади былъ помѣщенъ въ багдадскую низалійскую школу. Онъ много учился у суфійскихъ шейховъ и старался проникнуться ихъ аскетическими идеалами; однако, тѣ стихи, какіе тогда С. писалъ, дышатъ юношеской любовью къ жизни и ея радостямъ; и самъ онъ въ старости сознавался, что всѣ убѣжденія шейха Абуль-Фараджа Джузія не могли его исцѣлить отъ любви къ музыкѣ. Нашествіе монголовъ на Персію и низверженіе Саада ибнъ-Зенгія (1226) заставило С. бѣжать, и въ теченіе 30 лѣтъ судьба, полная всякихъ превратностей, безпрерывно бросала его то въ одинъ, то въ другой конецъ мусульманамъ міра. Въ Индіи, въ Суменатѣ, для сохраненія своей жизни, С. притворно принялъ вѣру огнепоклонниковъ и потомъ бѣжалъ, убивъ камнемъ сторожевого жреца. Въ Меккѣ, бо́льшею частью пѣшкомъ, С. побывалъ 14 разъ. Благодаря блестящему знанію классическаго арабскаго яз., онъ былъ муллою-проповѣдникомъ въ Дамаскѣ и Баальбекѣ, но началъ томиться міромъ и уединился въ пустынѣ подъ Іерусалимомъ; тутъ онъ попалъ въ плѣнъ къ крестоносцамъ, которые перевезли его на сирійское прибрежье, въ Триполи, и заставили тамъ рыть окопы для крѣпости. Его за 10 червонцевъ выкупилъ одинъ знакомый богачъ изъ Алеппо, привезъ къ себѣ и женилъ на своей безобразной и сварливой дочери. Спасаясь отъ невыносимой семейной жизни, С. бѣжалъ въ сѣверную Африку. Пространствовавъ сквозь всю Малую Азію, С. очутился въ родномъ Ширазѣ (1256) и, подъ покровительствомъ Абу-Бекра, сына покойнаго Саада, прожилъ въ подгородномъ монастырѣ до конца жизни. «Князья, вельможи и лучшіе горожане», по выраженію Девлетъ-шаха, «являлись на посѣщеніе шейха». Тамъ на досугѣ С. написалъ много стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, при чемъ, въ качествѣ поучительныхъ примѣровъ, очень часто пользовался личными воспоминаніями изъ своей скитальческой жизни. Испытавъ на себѣ всю бренность міра, С. теоретически вполнѣ согласенъ съ такими своими суфійскими предшественниками или современниками, какъ поэты Феридеддинъ Аттаръ и Джеляледдинъ Руми, шейхъ С. Абдоль-Ка̂диръ Гилянскій и др.; но, хорошо зная людей, С. понимаетъ, что далеко не всѣ способны удалиться отъ міра, умертвить плоть и исключительно предаться мистическому созерцанію. Поэтому у С. сплошь да рядомъ рекомендуется міранамъ аскетизмъ житейскій: жить въ мірѣ, но не пристращаться къ нему, сознавать его превратность и быть ежечасно готовымъ къ потерѣ земныхъ благъ. Такія правила какъразъ подходили къ тяжелымъ соціально-экономическимъ условіямъ жизни въ эпоху монгольскаго лихолѣтья и наиболѣе содѣйствовали славѣ С. Въ 1257 г. онъ написалъ поэтическій трактатъ «Бустâнъ» (Плодовый садъ), гдѣ, въ десяти главахъ, стихами изложена суфійская философія и этика, подкрѣпляемая занимательными притчами и разсказами. По глубинѣ поэтическаго чувства и по высотѣ нравственныхъ идей, «Бустâнъ»—одно изъ величайшихъ произведеній всей суфійской литературы. Однако, не «Бустâнъ», а «Голистâнъ» (= «Розовый садъ», — писанъ прозою въ перемежку со стихами, въ 1258 году), во многомъ аналогичный съ предшествующимъ произведеніемъ, но приспособленный къ понятіямъ эгоистической массы, считается у персовъ вѣнцомъ твореній С., составляетъ до сихъ поръ настольную книгу каждаго перса и съ дѣтства заучивается въ школахъ. Голистâнъ по остроумію выше, чѣмъ Бустâнъ; онъ имѣетъ и своеобразную прелесть народности, потому что пересыпанъ множествомъ народныхъ пословицъ и поговорокъ; но по художественности и особенно по нравственнымъ идеямъ Голистâнъ значительно уступаетъ Бустâну. Глава 5-я (Размышленія и наставленія касательно любви и юности) кажется европейцу по меньшей мѣрѣ неэстетической; мудрые совѣты заключительной 8-й главы освящаютъ правило того смутнаго времени, что homo homini lupus: «Не довѣряй тайны своему другу: знаешь ли, быть можетъ, онъ со временемъ будетъ твой врагъ? Такъ же, не дѣлай всевозможное зло своему (сильному) непріятелю, потому что онъ, статься можетъ, явится тебѣ другомъ»... «Будь тихъ въ рѣчи съ друзьями: говоря даже къ стѣнѣ, берегись, не подслушиваетъ ли тебя кто-нибудь за стѣною»... «Не будь волкомъ, но и овцою не будь»... «Не имѣй жалости къ слабому непріятелю: онъ, когда возьметъ силу, вѣрно не умилосердится надъ тобою» и т. д. Аналогію съ Голистâномъ имѣетъ еще довольно сухая «Книга совѣтовъ» (Пенд-наме), одноименная съ такой же книгой Феридеддина Аттара; но ея принадлежность С. не вполнѣ доказана. Критическія изд. *Бустâна* съ перс. коммент.—К. Графа (Вѣна, 1850), Дж. Платтса и А. Роджерса (фотот., Л., 1891); изъ многочисленныхъ вост. изд. важно «Шерх-и Бустâнъ» Ріяза Алія и Ка̂дира Алія (Кальк., 1845, 1849) и комментир. Каунпорское (1836, 1879 и 1888, со словаремъ). Переводы: турецкій (Констант., 1871); франц. Барбье де Мейнара (П., 1880); нѣм. К. Графа (Іена, 1850),

Библиотека "Руниверс"

Шлехты-Вшегрда (Вѣна, 1852) и Ф. Рюккерта (Лпц., 1882); англ. Вильберфорсъ-Кларка (Л., 1879), Г. С. Деви («The garden of fragrance», Л., 1882), извлеченія въ «Flowers from the Bústán» (Кальк., 1877) и въ «Persian poetry» Робинсона (1883); по-русски былъ рукоп. переводъ XVII в. (съ нѣм.): «Деревной садъ»; нов. извлеченія даны И. Н. Холмогоровымъ въ его диссертаціи (см. ниже) и по-малорусски А. Крымскимъ въ журн. «Житье і Слово» (Львів, 1894). *Голистáнъ* издавали европейцы — Э. Истникъ (Eastwick, Гертфордъ, 1850, со словаремъ), А. Шпренгеръ (Кальк., 1851), Джонсонъ (Гертф., 1863, со слов.), Дж. Платтсъ (Л., 1874) и др., перечисленные въ библіографіи у Ценкера. Изъ вост. изданій (перс., индійск., казанскихъ, константиноп. и египетскихъ) крайней дешевизной отличаются константинопол. и казан., но они не лишены опечатокъ; «Шерх-и Голистáн»—Абдор-расуля (Лукновъ, 1264 г. Г.). Переводы: араб. (Булакъ 1263 г. Г.); гиндустан. — Миръ-Ширъ Али Эфсуса, подъ редакціей Дж. Гилькрайста (Gilchrist, Кальк., 1802), Низамоддина (Пуна, 1855); гиндск. — Михръ Чендъ Даса (Дели, 1889); турецк.—съ коммен. Судія (Констант., 1833 и сл.), съ перс. оригиналомъ (К., 1874 и 1876, три разныхъ версіи); латин.—Генціуса: «Rosarium politicum» (Амст., 1651, 1655 и 1687); франц.—Дю-Pie (Du Ryer—1634 г., изд. 1711 г.), Д'Алегра (1704), аббата Годена (1789), Семеле (П., 1828, литогр.), Дефремери (П., 1858), кромѣ того старый переводъ изъ Олеарія — Галланда, и прованс. (Монпелье, 1888); нѣм.— А. Олеарія, «Persianischer Rosenthal» (Шлезв., 1654 и 1660), Б. Дорна, «Rosenhain» (Гамб., 1827), Ф. Вольфа (Штуттг., 1841), К. Графа (Лпц., 1846); англ. — Фр. Гладуина (Кальк., 1806, два тома съ перс. текстомъ, и Лонд., 1809, 1833) Дюмулена (1807), Джемса Росса (Л., 1823, 1890), Э. Истника (Гертфордъ, 1852, Л., 1880), Дж. Платтса (Л., 1873), общества Кама Шастра (Бенаресъ, 1888), извлеченія у Робинсона въ «Persian poetry» (Л., 1883); польск. — Отвиновскаго, изд. Яницкимъ (В., 1879). На рус. яз. «Кринный долъ» былъ переведенъ съ нѣм. въ концѣ XVII в. (рукоп.), лучшіе печатные пер.—И. Холмогорова (М., 1882) и С. Назарьянца (М., 1857: «Розовый кустарникъ»), неполные — К. Ламброса (Од., 1862), Ю. Богушевича («Сборн. студ. спб. унив.», 1857, вып. I), А. Казембека (введеніе, «Каз. Вѣстн.», 1829, кн. 2—3), Н. Коноплева («Телескопъ», 1833, № 21; 1834, № 46; «Сѣв. Минерва», 1832, № 5, № 7; «Литер. приб. къ «Русск. Инвал.», 1836; «Вѣстн. Европы», 1826, № 2, № 19 — 20; 1827, № 9), А. Паского-Шарапова («Отеч. Зап.», 1851, № 10), отрывокъ С. Соловьева («Азіат. Вѣстн.», 1827, кн. 2 и 3); малорусскій перев.—А. Крымскаго («Житье і Слово», 1894). *Пендъ-Намé* изд. въ «Persian Moonshee» Фр. Гладвина (1801, 1840, съ англ. перев.), Руссо: «Flowers of persian literat.» (1801), «Persian Reader» (Кальк., 1835) и мн. др.; гиндуст. переводъ—Кальк., 1829 (съ ориг.); латин.—Г. Гейтлина (съ текстомъ, Гельсингф., 1835; ср. «Сѣв. Пчела», 1835, № 143); франц.— Гарсенъ де-Гасси, въ «Expos. de la foi musulm.» (П., 1822) и въ «Allégories. récits poétiques» и т. д. (2-е изд., П., 1876); англ.—въ Кальк. (1788) и Ф. Гладуина (1801, 1840); нѣм. — отрывки у К. Графа при «Rosengarten» (Лпц., 1846), ср. библіогр. Ценкера I, 418 сл., II. 480; русск. отрыв.—въ «Вѣстн. Европы», 1826. № 3, и 1827, № 9 (Н. Коноплева), «Молвѣ» 1835, № 31—34, «Сѣв. Пчелѣ», 1835, № 143. Прочія произведенія С., составляющія до $^2/_3$ его дивана, относятся преимущественно къ лирикѣ и имѣютъ множество названій: касыды персидскія, касыды арабскія, причитанія, газели «пестрыя» (вычурныя: въ нихъ полустишія арабскія правильно чередуются съ персидскими и иногда еще съ турецкими), припѣвы, новинки, печати, обрывки, благоуханія и т. д. Въ нихъ обыкновенно воспѣвается Богъ, выражается страстное стремленіе души человѣческой къ Нему, прославляются отрады дервишескаго, подвижническаго образа жизни. Съ этими набожными темами плохо гармонируетъ отдѣлъ «Хебисáтъ» (Мерзости): это — крайне порнографическіе разсказы и стихи, написанные, какъ говоритъ С., по грозному приказанію какого-то «царевича» и снабженные оправдательнымъ замѣчаніемъ, что «шутка въ рѣчи—какъ-бы соль въ пищѣ». Такую же двойственность мы видимъ въ семи прозаическихъ «Рисáлат»-ахъ («Посланіяхъ»), изъ которыхъ первыя шесть трактуютъ о божественныхъ и нравоучительныхъ предметахъ и о святой мистической любви, а седьмая («Шутливое засѣданіе») является скабрезной пародіей на благочестивыя мистико-религіозныя «засѣданія» 2-й рисáлы. Переводы *лирическихъ* стихотвореній: на нѣм.—К. Графа («Zeitsch. d. Deutsch. Morg. Gesell.», т. IX, XII, XIII, XV, XVIII), Фр. Рюккерта (изд. Байера, Б., 1893, 1894), В. Бахера: «S. Aphorismen» (Страсб., 1879, ср. Флейшера въ «Z. D. M. G.», т. XXXIV), по-русски—«Гимнъ Богу», перев. В. Григорьевъ («Радуга», 1833, № 3) и Г. С—въ («Цвѣтникъ», 1810, ч. 6), «Старикъ»—Л. Якубовича («Литер. Газ.», 1831. № 23), «Подражанія»— его же («Соврем.», 1836, т. 4; «Сынъ Отеч.», 1837, ч. 184), Ѳ. Миллера («Газ. Гатч.», 1880, № 74), Х. Тростина («Моск. Телегр.», 1831, № 6), Хомякова («Моск. Вѣстн.», 1830, № 5). также въ «Казан. Вѣстн.», 1829, кн. 7. *Рисáлатъ*: Бисутунское введеніе—англ. пер. Дж. Герингтона (Haringtоn) въ «Introduction» къ кальк. изд. собранія соч. С.; изъ 2-й рисалы 2-е и 3-е «засѣданіе» перев. (и изд. съ текст. и коммент.) М. Гведеманнъ (Бреслау, 1858), а 5-е—Дж. Россъ («Bombay Transactions», I); 3-я и 6-я рисáлá по-англ. у Герингтона въ «Introduction», а по-нѣм. въ «Lustgarten» Bûstân К. Графа. *Полное собраніе соч. С.* (Колліятъ) — изд. Дж. Герингтонъ (два тома, Кальк., 1791—1795); Тавризъ 1257, 1264 (отъ Гижры); Тегеранъ, 1263, 1268 и др.; Бомб., 1226, 1267. 1280 и др.; Дели 1269; Каунпоръ 1280; Лукновъ, 1287 и т. д. Ср. В. Бахеръ, «Saadi-Studien» («Z. D. M. G.», т. XXXIV); Ф. Невъ (Nève. «Le poète S.», Louvain, 1881); Пицци («Giorn. d. Società Asiat. Ital.», IV); Г. Эте («Grundr. d. iranisch. Philol.», т. II, Страссб., 1896); всего подробнѣе — по-русски въ диссертаціи И. Н. Холмогорова: «Шейхъ Мослихуддинъ С. и

Библиотека "Руниверс"

его значеніе въ исторіи персидской литературы» (Казань, 1865, отт. изъ «Учен. Записокъ Казан. Унив.»). *А. Крымскій.*

Саадія Гаонъ (Саадія-бенъ-Іосифъ, араб. Саидъ) — извѣстный еврейскій ученый (892—942), родомъ изъ Файюма въ Египтѣ; уже въ молодости пріобрѣлъ обширныя познанія въ области раввинской письменности и въ свѣтскихъ наукахъ, особенно въ философіи. Въ 928 г. сдѣлался гаономъ (главой еврейской академіи) въ Сурѣ (въ Вавилонѣ). Эта академія, вмѣстѣ съ академіей въ Пумбадитѣ бывшая средоточіемъ еврейской учености въ Вавилонѣ, къ тому времени нѣсколько пришла въ упадокъ; благодаря новому гаону, значеніе ея вновь поднялось и въ ней начали преподавать, кромѣ богословскихъ наукъ, также и свѣтскія — философію и другія. Черезъ нѣсколько времени Саадія былъ смѣщенъ, благодаря интригамъ тогдашняго экзиларха (свѣтскаго главы вавилонскихъ евреевъ) Давида бенъ Заккаи, но черезъ нѣсколько лѣтъ былъ вновь утвержденъ въ званіи гаона. Саадія стремился къ тому, чтобы примирить противоположныя направленія въ іудействѣ и въ то же время опровергнуть противорѣчащія религіи мнѣнія: онъ боролся противъ различныхъ сектантовъ и старался согласовать іудейство съ тогдашней философской мыслью. Важнѣйшее сочиненіе С., религіозно-философскій трудъ «Emunot w'deot» (напис. въ 933 г., арабскій оригиналъ подъ заглавіемъ «Китабъ аль аманатъ валь-и' тикадатъ»—книга о вѣрованіяхъ и религіозныхъ мнѣніяхъ; переведенная на еврейскій языкъ Іудой ибнъ Тиббономъ въ 1160 г.), является первымъ систематическимъ изложеніемъ религіозной философіи; С. опровергаетъ мнѣніе, что вѣра несовмѣстна съ разумомъ и наукой. Сочиненіе Саадія имѣло большое вліяніе на позднѣйшее процвѣтаніе философской литературы арабско-испанскихъ евреевъ и послужило образцомъ для ряда сочиненій по религіозной философіи у евреевъ и у христіанъ; оно выдержало множество изданій и переведено на нѣмецкій языкъ Фюрстомъ (Лпц., 1845). Другой выдающійся трудъ С.— арабскій переводъ Библіи и обширный комментарій къ ней, въ которомъ С. опровергаетъ превратныя толкованія библейскаго текста, разъясняетъ смыслъ многихъ мѣстъ Библіи, заключающихъ, по мнѣнію С., указанія на разныя научныя истины, и оправдываетъ свой переводъ филологически. Кромѣ того, С. писалъ сочиненія по экзегетикѣ, грамматикѣ, талмудическому законовѣдѣнію, календарно-астрономическимъ вопросамъ, комментировалъ древнія книги, привелъ въ порядокъ весь циклъ литургическихъ произведеній, къ которымъ добавилъ свои синагогальныя пѣсни; его сочиненіе по грамматикѣ, лексикографіи и поэзіи еврейскаго языка, подъ заглавіемъ «Сеферъ Агронъ» (араб. «Китабъ ашъ-ширъ»), долгое время служило важнѣйшимъ руководствомъ по этимъ предметамъ; его полемическое сочиненіе «Китабъ ар-роддъ ала Ананъ» (возраженіе Анану, караимскому учителю) нанесло сильный ударъ караимству. С. написалъ также комментарій къ «Сеферъ Іецира» (книгѣ Творенія), литургическій требникъ на арабскомъ яз., подъ заглавіемъ «Сиддуръ Рабби Саадія» и др. Многія сочиненія С. до сихъ поръ еще хранятся въ рукописяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, хранящіяся въ спб. публичной библіотекѣ, изданы А. Я. Гаркави въ «Studien und Mitteilungen aus der St.-Petersburger Oeffentl. Bibliothek» (СПб., 1891). По случаю 1000-лѣтія рожденія С. предпринято было І. Деренбургомъ обширное изданіе его сочиненій, для котораго Конъ издалъ и перевелъ книгу Іова (Альтона, 1889), Деренбургъ издалъ Пятикнижіе (Пар., 1895) и вмѣстѣ съ Ламбертомъ Притчи (П., 1894); послѣдній издалъ также и «Сеферъ Іецира» (Пар., 1891). См. Munk, «Notice sur Rabbi Saadia Gaon» (Пар., 1838); Landauer, «Sâadja Kitâb al ammânât w'al I'tiqâdât» (Лейденъ, 1861); «Die Religionsphilosophie des Saadia» (Геттинг., 1882); Grätz, «Geschichte der Juden» (т. 5); А. Гаркави, «Р. Саадія Гаонъ Альфаюми» («Восходъ», 1887, № 4); Г. Генкель, «Р. Саадія Гаонъ» (СПб., 1895).

Саадуллахъ-паша (Saadullach-Pascha, 1838—1891) — турецк. государственный дѣятель, сынъ *Эссади-паши*, занимавшаго высшія должности и прославившагося въ качествѣ турецк. поэта; былъ министромъ торговли; въ 1876 г. сдѣлался первымъ секретаремъ султана Мурада V; въ 1877 г. назначенъ посломъ въ Берлинѣ; въ 1878 г. былъ турецк. уполномоченнымъ при заключеніи мирнаго трактата въ Санъ-Стефано и на Берлинскомъ конгрессѣ; съ 1883 г. состоялъ посломъ въ Вѣнѣ, гдѣ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Саад-эд-динъ († 1599)—первый турецкій оффиціальный историографъ, «вакаа-невисъ». Онъ былъ учителемъ султана Мурада III раньше его восшествія на престолъ, а потомъ — шейх-уль-исламомъ, очень авторитетнымъ въ своихъ фетвахъ. Его исторія называемая «Ходжатарихи» («Учителева лѣтопись») или «Тадж-ут-теварихъ» («Корона лѣтописей»); она хронологически, по царствованіямъ, излагаетъ судьбы Османской династіи отъ ея начала до 1522 г.; изложивъ царствованіе какого-нибудь султана, С. даетъ вслѣдъ затѣмъ свѣдѣнія объ ученыхъ и поэтахъ, умершихъ въ тотъ періодъ. Не смотря на свое оффиціальное положеніе, С. безпристрастенъ къ турецкимъ султанамъ. Его трудъ оказывается полнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ сказаній, существовавшихъ до него, и представляетъ, поэтому величайшую важность для древнѣйшаго періода турецкой исторіи. Стиль С. высокопаренъ, искусственъ, пересыпанъ стихами, хотя авторъ считаетъ его только среднимъ и упрекаетъ своего предшественника Идриса (1-ая пол. XVI в.) въ напыщенности. Ср. В. Смирновъ, «Очеркъ исторіи турецкой литературы».

Саарбрюкенъ (Saarbrücken) — г. въ Пруссіи, въ Трирскомъ округѣ Рейнской провинціи, на р. Сааръ. 17082 жит. Замокъ, принадлежавшій до 1793 г. князю Нассау-Саарбрюкенскому, ратуша, гимназія, реальное училище, горное и маркшейдерское училища, женское среднее-учебное заведеніе и сиротскій домъ. Производство приводныхъ ремней, уксуса, обоевъ. Въ 4 км. отъ города, въ сел.

Библиотека "Руниверс"

С. Арнауль, находится древняя готическая церковь (1315) съ множествомъ древнихъ памятниковъ членовъ Нассау-Саарбрюкенскаго княжескаго дома. С. былъ когда-то главн. городомъ графства, которое съ 1381 по 1797 г. принадлежало Нассау-Саарбрюкенской вѣтви Вальрамовской линіи Нассаусскаго дома. Съ 1801 по 1815 г. С. находился во владѣніи Франціи, затѣмъ отошелъ къ Пруссіи. Здѣсь произошло первое столкновеніе французовъ съ пруссаками въ франко-германскую войну 1870—71 г. Маршалъ Базенъ, во главѣ весьма крупныхъ силъ, произвелъ, 2 августа, рекогносцировку къ С., занятому небольшимъ отрядомъ пруссаковъ, и только послѣ 3-часового боя успѣлъ вытѣснить его изъ города. Рекогносцировка выяснила неготовность французовъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а потому на слѣдующій день король Вильгельмъ отдалъ приказаніе высаживать перевозимыя по жел. дорогамъ изъ Германіи войска почти у самой французской границы.

Саарбургъ (Saarburg)—г. въ нѣм. Лотарингіи, на р. Сааръ. 8700 жит. Гимназія, женское средне-учебное заведеніе. Производство пружинъ для часовъ, перчатокъ и кружевъ.

Сааргемондъ (Saargemünd)—г. въ нѣмецк. Лотарингіи на р. Сааръ и Саарскомъ каналѣ, 13888 жит. Гимназія, реальное училище, женское среднеучебное заведеніе, окружной домъ для умалишенныхъ. Фабрика фарфоровой и фаянсовой посуды, производство бархата, плюша и денежныхъ шкафовъ.

Саардамъ (Saardam и Zaardam и Zaandam) — г. въ нидерландской провинц. Сѣв. Голландіи, на р. Саанъ. 16200 жит. Мукомольныя мельницы, лѣсопильни, маслобойное, писчебумажное и цементное производства. Въ 1697 г. здѣсь жилъ и учился корабельному мастерству Петръ I. Въ настоящее время кораблестроеніе здѣсь почти исчезло.

Саарлуи (Saarlouis)—г. въ Пруссіи, въ Трирскомъ окр. Рейнской провинціи, на р. Сааръ; прежде крѣпость. 7368 жит. Ратуша съ гобленами, подаренными Людовикомъ XIV; прогимназія, женское средне-учебное заведеніе. Въ окрестностяхъ значительная промышленность: фаянсовый и стеклянный заводы, фабрики эмалированной посуды и др. Добыча каменнаго угля. Городъ основанъ въ 1681 г. Людовикомъ XIV и укрѣпленъ Вобаномъ. Во время вел. франц. революціи г. назывался Саррлибръ. По парижскому трактату 1815 г. городъ перешелъ къ союзнымъ державамъ, которыя передали его Пруссіи. Ср. Niessen, «Geschichte des Kreises Saarlouis» (1893).

Саарсфильдъ—графъ, потомокъ одного изъ ирланд. выходцевъ, переселившихся въ Испанію вслѣдствіе паденія Стюартовъ. Выдвинулся во время борьбы испанцевъ противъ Наполеона I. При Фердинандѣ VII командовалъ наблюдательнымъ корпусомъ на португальской границѣ; въ 30-хъ годахъ успѣшно дѣйствовалъ противъ карлистовъ. Въ 1837 г., во время одного изъ «пронунціаменто», С. былъ убитъ собственными солдатами.

Сааръ (нѣм. Saar, франц. Sarre) — правый притокъ Мозеля, длина 246 км., образуется изъ Бѣлаго и Краснаго Саара, которые сливаются при Лерхингенѣ. С. течетъ по нѣм. Лотарингіи, нижнему Эльзасу и впадаетъ въ прусскомъ Трирскомъ округѣ въ Мозель. Рѣка судоходна начиная съ Саргемюнда до Вердена съ помощью шлюзовъ, а съ Вердена безъ шлюзовъ всего на протяженіи 119 км. Бассейнъ р. занимаетъ 5672 км. Саарскій каменноугольный каналъ соединяетъ Саарскій каменноугольный бассейнъ съ каналомъ Рейнско-марнскимъ и желѣзнодорожной линіей Страсбургъ-Парижъ. Долина р. С. защищена большею частью хорошими лѣсами и воздѣлана подъ виноградники (мозельвейнъ).

Сааръ (Фердинандъ von Saar) — одинъ изъ талантливѣйшихъ австрійскихъ писателей. Род. въ 1833 г. По окончаніи гимназическаго курса былъ нѣкоторое время военнымъ и участвовалъ въ итальянскомъ походѣ 1859 г. С. написалъ 5 драмъ, въ томъ числѣ 3 историческія: «Kaiser Heinrich IV» (2 ч.: «Hildebrand» и «Heinrichs Tod», 1863—67 гг.; 2-е изд. 1872); «Die beiden de Witt» (1875 г., 2-е изд. 1879) и «Thassilo» (1885 г.). Лучшая драма—первая. Фигуры папы Григорія VII и его противника, императора Генриха IV, нарисованы мощною кистью; культурный фонъ — борьба церкви съ государствомъ — намѣченъ ярко и опредѣленно. У С. Григорій до конца остается деспотомъ: умирая, онъ открываетъ графинѣ Матильдѣ, что сдѣлалъ ее аскеткой, лишилъ земного счастья съ тѣмъ, чтобы обладать ею вполнѣ. Кромѣ того С. написалъ драму «Tempesta» (1881) и народную пьесу «Eine Wohlthat» (1885). Глубоко современное міросозерцаніе С. сказывается въ его лучшихъ повѣстяхъ: «Novellen aus Oesterreich» (1876 г.; 2-е изд. 1894 г.; новое изд. 1898 г.), «Drei neue Novellen» (1883) и «Schicksale» (1889 г.). Въ первомъ сборникѣ выдѣляются тонкой психологіей и мастерской отдѣлкой повѣсти «Innocenz», «Marianne» и «Die Steinklopfer». Во второмъ сборникѣ разсказъ «Tambi» по мотиву напоминаетъ «Муму» Тургенева. Въ третьемъ сборникѣ находимъ потрясающую жанровую картинку «Seligmann Hirsch»: бездушный еврейскій выскочка выгоняетъ своего необразованнаго старика-отца, котораго стыдится, и тотъ съ горя лишаетъ себя жизни. «Die Troglodytin» (тамъ-же) затрогиваетъ жизнь пролетаріевъ. Новыя повѣсти С.: «Frauenbilder», «Schloss Kostenitz» и «Herbstreigen» (1892 и 1897). Какъ поэтъ, С. обнаружилъ также выдающійся талантъ. Въ 1882 г. появились его «Gedichte», въ 1893 г. — «Wiener Elegien», въ 1897 г. поэма въ 5 пѣсняхъ «Die Pincelliade» (2-е изд. 1898 г.), въ 1897 г. — «Nachklänge. Neue Gedichte und Novellen». С. можно назвать идеалистическимъ реалистомъ: грубая правда жизни облагораживается у него гармоническимъ міропониманіемъ и правдой художественною. Въ лирикѣ С. выведена цѣлая галлерея современныхъ женщинъ, озаренныхъ послѣдними лучами «осеннихъ чаръ» («An Ottilie», «Stella», «High life», «Freie Rythmen»). Это — поэзія пессимистическая, въ которой идеализмъ окутанъ легкой дымкой чувственности. *А. Р.*

Библиотека "Руниверс"

Saatarah—индійскій инструментъ, родъ гитары съ тремя струнами, обмотанными канителью.

Саатъ (тат.)—часъ времени; часы. Въ Закавказьѣ С. примѣняется часто къ разстоянію, т. е. означаетъ такое разстояніе, которое можно пройти въ одинъ часъ.

Саба (Saba)—одинъ изъ голландскихъ Антильскихъ о-въ къ СЗ отъ о-ва Св. Евстафія, подъ 17°39′ с. ш. и 63°19′ з. д. Жит. 2002.

Сабадилла (Sabadilla officinarum Brandt, Asagraea officinalis Lindl.)—растеніе изъ сем. Melanthaceae, ростетъ въ Мексикѣ и Центр. Америкѣ; изъ сѣмянъ его добываются вератринъ, сабадиллинъ и др.; порошокъ изъ сѣмянъ С. вызываетъ сильное чиханіе.

Сабадиллинъ, по изслѣдованіямъ Вей гемма—представляетъ собой алкалоидъ состава $C_{21}H_{35}NO_7$ (?), находящійся совмѣстно съ вератриномъ и вератридиномъ въ сѣменахъ сабадиллы. Представляетъ собой безцвѣтные кристаллы, весьма трудно растворимые въ эѳирѣ, легче въ бензолѣ и спиртѣ; въ холодной водѣ въ 150 частяхъ. Кристаллы плавятся при 200° Ц. и съ сѣрной кислотой и сахаромъ даютъ красное и краснофіолетовое окрашиваніе (отличія отъ вератрина).

Сабадинъ $C_{29}H_{51}NO_8$ и *сабадининъ* $C_{27}H_{45}NO_8$—представляютъ собой выдѣленные въ чистомъ видѣ алкалоиды сабадиллы (E. Merck, «Jahrber.», 1890 и 1891). Оба алкалоида, что для нихъ характерно, изъ водныхъ растворовъ ихъ солей не выпадаютъ при дѣйствіи щелочей на холоду, а лишь при нагрѣваніи. Первый плавится при 239° Ц., трудно растворимъ въ водѣ и эѳирѣ, легко въ спиртѣ; пыль вызываетъ чиханіе. Второй при 160° какъ-будто начинаетъ плавиться, при дальнѣйшемъ нагрѣваніи разлагается; трудно растворимъ въ эѳирѣ, легко въ водѣ и хлороформѣ; пыль его чиханія не вызываетъ.

А. С. Г. Д.

Сабазіеро (груз., отъ базіери—сокольничій)—повинность, существовавшая въ Мингреліи и состоявшая въ томъ, что крестьяне обязаны были кормить сокольничьихъ помѣщика. Для этой цѣли они вносили въ годъ по 3 катха гоми ($^1/_4$ батмана), по кокѣ вина и по козленку съ каждаго двора.

Сабакинъ (Левъ)—механикъ. По повелѣнію имп. Екатерины II былъ посланъ въ Англію для изученія практической механики. Особенное его вниманіе привлекали паровыя или «огненныя» машины. По возвращеніи въ Россію, С. одною изъ задачъ своей дѣятельности сдѣлалъ распространеніе въ русскомъ обществѣ свѣдѣній по практической механикѣ. Онъ перевелъ съ англ. соч. Фергюссона: «Лекціи о разныхъ предметахъ касающихся до механики, гидравлики и гидростатики, какъ то: о матеріи и ея свойствахъ, о центральныхъ силахъ, о механическихъ силахъ, о мѣльницахъ, о крапахъ, о телѣжныхъ колесахъ, о машинѣ колотить сваи и о гидравлическихъ и гидростатическихъ машинахъ вообще» (СПб., 1787). Къ этому переводу С. присоединилъ собственную статью «О огненныхъ машинахъ», напечатанную также въ 1788 г. отдѣльно; «Малое зданіе, или разговоры, касающіеся до астрономіи, физикии механики, основанные на ясныхъ доказательствахъ и самопростѣйшихъ опытахъ» (М., 1789). *В. В. Б.*

Сабакъ, *Сабаконъ*, *Сабакосъ*, Shabak егип.; Shabê, acc.; Sévé, Soua, So, евр.; Σαβάκων Σαβακώς)—родоначальникъ эѳіопской, 25-ой, династіи въ Египтѣ, сынъ Kashta. Еще до него эѳіопы проникли въ верхній Египетъ. Пятидесятилѣтній періодъ владычества эѳіоповъ до съ ихъ тремя царями: Shabak, Shabatok, Tahraqa, Геродотъ и Діодоръ соединилъ въ одно царствованіе перваго изъ нихъ, вопреки показаніямъ туземныхъ памятниковъ, согласно съ которыми излагалъ и Манеѳонъ исторію эѳіопскихъ царей. Геродотъ разсказываетъ, будто С. по истеченіи 50 лѣтъ покинулъ Египетъ добровольно: онъ не пожелалъ послѣдовать внушенію сновидѣнія—изрубить всѣхъ египетскихъ жрецовъ, усматривая въ немъ только испытаніе или искушеніе отъ боговъ, за которымъ должно было-бы послѣдовать жестокое наказаніе отъ тѣхъ же боговъ. Онъ подавилъ возстаніе въ Саисѣ и тамошняго правителя Бокхориса (Bokenranw) сжегъ живымъ, какъ мятежника. Правленіе С. отличалось вниманіемъ къ нуждамъ страны, которую новый царь нашелъ раздробленною на нѣсколько областей, управляемыхъ независимыми другъ отъ друга и обыкновенно между собою враждовавшими владыками. И теперь мѣстные правители остались нетронутыми во внутреннихъ дѣлахъ, но они были обязаны повиновеніемъ царю. Въ умиротворенной странѣ С. занялся очисткою и расширеніемъ каналовъ, а также защитою городовъ отъ наводненій при помощи насыпной земли: грунтъ, на которомъ стояли города, былъ поднятъ; особенно выигралъ отъ этихъ работъ одинъ изъ городовъ дельты, Бубастъ; многіе храмы, находившіеся до того времени въ развалинахъ, были возстановлены и украшены. Съ цѣлью имѣть побольше свободныхъ рукъ, С. замѣнилъ смертную казнь для преступниковъ обязательными общественными работами; эта мѣра создала ему славу царя милостиваго. Союза съ С. стали искать ближайшіе иноземные владыки, прежде другихъ—израильскіе цари для войны съ ассиріянами. С. потерялъ власть и вскорѣ послѣ этого умеръ, какъ разъ въ то время, когда разсчитывалъ далеко распространить предѣлы своего царства. На пути къ Ягубиду и Ганнону, своимъ союзникамъ, С. встрѣтился съ войсками царя ассирійскаго Саргона и въ битвѣ подъ Рафіей, къ Ю отъ Газы, былъ разбитъ. Мелкіе владыки Дельты подняли мятежъ и провозгласили себя независимыми; эѳіопы были отброшены къ Ѳивамъ. Одинъ изъ родственниковъ Бокхориса, Стефинатесъ, возстановилъ Саидское царство и объявилъ себя фараономъ, а С. бѣжалъ въ верхній Египетъ и сыну своему Сабаку оставилъ въ наслѣдіе Ѳивы и ближайшіе округа (714). Геродотовская хронологія этого событія, какъ и царствованія С., ошибочна: онъ пріурочиваетъ ихъ къ XI и X вв. до Р. Хр. См. Геродотъ II, 136—139, 152; Діод. I, 65; Синкелл. 74, 75; Oppert, «Mémoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie»; Sayce, «Ancient empires of the East». *Ѳ. М.*

Библиотека "Руниверс"

Сабалъ (Sabal Adans.)—родовое названіе низкорослыхъ и высокоствольныхъ вѣерныхъ пальмъ, дико растущихъ въ Америкѣ, отъ Венецуелы до Антильскихъ о-вовъ и до южныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Всего извѣстно до 7 видовъ, по внѣшнему виду нѣсколько напоминающихъ пальмы рода Chamaerops; листья у нихъ крупные, съ широкою пластинкою, вѣерно разсѣченною на болѣе или менѣе узкія лопасти. Листья безъ иголъ. Мелкіе, бѣловатые, обоеполые цвѣтки собраны въ большіе, метельчатые початки; вѣнчикъ глубоко трехраздѣльный, тычинокъ шесть, пестикъ съ завязью о трехъ желобкахъ. Плодъ —темносиняя ягода съ блестящими плоскими полукруглыми сѣменами. Нѣкоторые виды С. разводятся въ оранжереяхъ, какъ декоративныя растенія; таковъ напр. почти безстебельный видъ S. Adansonii, дико растущій въ Каролинѣ и Флоридѣ; листья у него разсѣчены на многочисленныя линейныя лопасти, съ двурасщепленными концами, нижняя сторона листа обыкновенно сизовато-серебристая, сама пластинка превышаетъ черешокъ. S. filifera (Corypha filifera) отличается отъ другихъ видовъ тѣмъ, что нѣкоторыя лопасти листа бываютъ тонки какъ нити. S. Palmetto, родомъ изъ Каролины и Флориды, имѣетъ стволъ до 2 метр. высоты. У S. mauritiaeforme стебель достигаетъ до 16—24 метр. высоты, сизозеленые листья у этого вида громадны, они бываютъ до $3^1/_2$ метр. въ поперечникѣ и съ черешкомъ въ 2 метра длиною. Ягода величиною съ горошину. У S. umbraculiferum стебель еще выше, до 20—28 метр.; листья сѣрозеленые до $1^1/_2$—2 метр. въ поперечникѣ, круглые, черешки до 2 метр. и болѣе длиною; родомъ этотъ видъ изъ Вестиндіи. Культура С. такая же, какъ и латаніи. *С. Р.*

Сабанилья (Sabanilla)—гавань въ южноамер. респ. Колумбіи, въ дит. Боливаръ, близъ устья р. Магдалены. Соединена желѣзной дорогой съ Баранквиллой. Прежде цвѣтущее селеніе, С. теперь находится въ упадкѣ; вся вывозная торговля (кофе, благородные металлы, руды) идетъ черезъ Салгаръ и Баранквиллу. Жит. 500 (1893).

Сабанинъ (Алексѣй Николаевичъ) — дѣятель по сельскому хозяйству. По окончаніи курса въ моск. унив. по разряду естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, занялъ въ 1873 г. должность лаборанта при агрономической лабораторіи того же унив. Съ 1890 г. С. поручено чтеніе лекцій по агрономіи и зоотехніи. Въ 1895 г. при Импатор. московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства учреждена почвенно-климатологическая коммиссія, предсѣдателемъ которой былъ избранъ С., а по раздѣленіи этой коммиссіи на почвенную и климатологическую состоитъ предсѣдателемъ первой. Совмѣстно съ покойнымъ профессоромъ Н. Е. Ясковскимъ напечаталъ въ «Landw.-Versuchs-Stat.» (1875): «Ueber den Einfluss des Lichtes auf die Bildung von Spaltungs-Producten der Eiweis Substanzen bei der Keimung des Kürbis»; въ «Landw. Versuchs-Stat.» (1870): «Ueber den Verlauf der Athmung bei den reifende Früchtonn d. Mohnes und des Rapses»; затѣмъ въ «Zeitschrift f. analytische Chemie» (1878): «Eine Reaction auf Citronensäure»; въ «Извѣстіяхъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института» (1896): «Анализъ почвъ и сѣмянъ»; въ «Извѣстіяхъ Комитета шелководства» (1897): «О химическомъ составѣ листа скорцонера (Scorzonera hispanica L.)». Составилъ записку «О необходимости организаціи почвенно-климатологическихъ изслѣдованій въ интересахъ русскаго сельскаго хозяйства и въ видахъ содѣйствія разнымъ учрежденіямъ и лицамъ» («Русское Садоводство», 1896, № 23). *А. С.*

Сабанъ (южно-татарск.)—бревно, кряжъ; (вятск.)—корабельное дерево, мачтовое, срубленное и очищенное, вывозимое изъ лѣсу *сабанной дорогой* (просѣкой, нарочно расчищаемой для выволока крупнаго лѣса).

Сабанъ—см. Плугъ.

Сабанѣевъ (Александръ Павловичъ)—химикъ, род. въ г. Ярославлѣ 1842 г., окончилъ курсъ въ моск. унив. въ 1866 г. по физико-математическому факультету. Въ 1874 г. защитилъ въ московскомъ университетѣ магистерскую диссертацію: «Изслѣдованіе о соединеніяхъ ацетилена» и состоялъ приватъ-доцентомъ и преподавателемъ аналитической химіи. Въ 1884 г., по защитѣ въ с.-петербургскомъ университетѣ докторской диссертаціи, былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1887 г. ординарнымъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ. Изъ ученыхъ трудовъ С. отмѣтимъ: «Ueber die Einwirkung von Wasser auf Antimonchlorür» (въ «Zeitschr. für Chemie», 1871), «Ueber Acetylenderivate» («Ann. d. Chemie u. Pharm.», 1875, т. 178), «Дѣйствіе цинка и цинковой пыли, какъ общая реакція отнятія галоидовъ и возстановленія галоидныхъ органическихъ соединеній» («Журн. Русск. Хим. Общ.», 1877), «Ueber Siedepunkte Aethan- und Aethylen-Haloidverbindungen»; «Ueber Acetylenderivate» («Ann. d. chem. u. Pharm.», 1883, т. 216), «О діаллилѣ», «О добываніи и полимеризаціи бромацетилена» («Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.», 1885), «О гексабромтетраметиленѣ», «Опредѣленіе молекулярнаго вѣса коллоидовъ» («Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.», 1889), «Кріоскопическія изслѣдованія коллоидовъ», «О зависимости коллоидальнаго состоянія тѣлъ отъ природы растворителя» (ib., 1890), «Опытъ классификаціи коллоидовъ», «О молекулярномъ вѣсѣ яичнаго альбумина» (ib., 1891), «О кристаллическомъ діаллилтрацетинѣ» (ib., 1892), «О молекулярномъ вѣсѣ альбумозы и пептона», «О карамели» (ib., 1893), «Nichtexistenz der kolloidalen Wolframsäure» («Zeitschr. für anorg. Chemie», 1897, т. 14), «Structurisomerie bei anorganischen Verbindungen» (ib., 1898, т. 17), «Ueber einige anorganische Hydrazinsalze und ueber die Darstellung der Stickstoffwasserstoffsäure» (ib., 1899, т. 20), «Изомерія солей аммонія, гидроксиламина и гидразина» («Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.», 1899) и др.

Сабанѣевъ (Евгеній Александровичъ) —архитекторъ, род. въ 1847 г., получилъ образованіе въ Имп. акад. худож., отъ которой получилъ медали: мал. и большую серебряныя и мал. золотую въ 1871 г. за проектъ православной церкви для кладбища. Отказавшись

Библиотека "Руниверс"

отъ конкурса на больш. золотую медаль, отправился на два года, на собственный счетъ, за границу и слушалъ лекціи исторіи искусства въ Дюссельдорфѣ, Гейдельбергѣ и Парижѣ. Въ 1873 г. получилъ званіе художника 2-ой степ., въ 1875 г., за проектъ церкви для римско-католическаго кладбища, признанъ художникомъ 1-ой степ., и въ 1879 г. возведенъ въ званіе академика. Съ 1872 по 1880 г. служилъ при главномъ артиллерійскомъ управленіи. Съ 1878 по 1892 г. былъ преподавателемъ исторіи искусства въ акад. худож. Въ 1878 г. сталъ преподавать тотъ же предметъ, а также акварельную живопись и сочиненіе декоративныхъ рисунковъ въ рисовальной школѣ Имп. общества поощр. художествъ и въ 1881 г. избранъ въ директоры этой школы, которымъ состоитъ и до настоящаго времени, служа, кромѣ того, инспекторомъ архитектурныхъ работъ по Исакіевскому собору съ 1887 г. Преподавательская дѣятельность и управленіе упомянутою школою не позволяли С. много заниматься собственно-архитектурными работами. Изъ произведенныхъ имъ построекъ можно указать на домъ г. Чернова, въ Москвѣ, на дачу кн. Грузинскаго, въ Владимірской губ., и на часовню Нарышкиныхъ, на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Сабанѣевъ (Иванъ Васильевичъ)—ген. отъ инфант. (1770—1829). Участвовалъ во 2-й турецкой войнѣ, въ дѣйствіяхъ противъ польск. конфедератовъ, въ итальянскомъ и швейц. походахъ Суворова. Раненый и взятый въ плѣнъ въ бою при Альтдорфѣ, былъ отправленъ во Францію, гдѣ изучилъ новыя правила разсыпного строя. По возвращеніи въ Россію С. представилъ проектъ о введеніи этого строя въ нашей арміи, что и было исполнено. Въ 1803 г., во главѣ 12-го егерскаго полка, онъ ходилъ за Кубань; въ 1807 г. отличился въ кампаніи противъ Наполеона; въ 1808—9 гг. участвовалъ въ войнѣ со шведами; въ 1810—11 гг. принималъ выдающееся участіе въ турецкой войнѣ, затѣмъ — въ кампаніяхъ 1812—14 гг. Въ 1815 г. С., командуя корпусомъ, блокировалъ Мецъ и очистилъ Вогезскія горы отъ непріятеля.

Сабанѣевъ (Леонидъ Павловичъ, 1844—1898) — зоологъ и знатокъ охотничьяго дѣла, въ московскомъ университетѣ, окончилъ курсъ наукъ кандидатомъ по естественному факультету. Напечаталъ рядъ статей о фаунѣ Ярославской губ. въ «Bullet. Natur.» и въ протоколахъ общества любителей естествознанія. Въ 1870 г. С. опубликовалъ сочиненіе «О фаунѣ позвоночныхъ Средняго Урала», затѣмъ началъ печатать, какъ результатъ своихъ изслѣдованій, цѣлый рядъ сочиненій объ Уралѣ: «Охота на козловъ въ Уральскихъ горахъ» («Журналъ Охоты и Коннозаводства», 1871), «Звѣриный промыселъ въ Уральскихъ горахъ» («Бесѣда», 1872, VI), «Каталогъ птицъ, звѣрей и гадовъ Средняго Урала» («Bullet. Natur. Moscou», 1872 г.), «Соболь и соболиный промыселъ» («Природа», 1874; отд., 1875), «Козуля и козлиный промыселъ въ Уральскихъ горахъ» (ib. 1875). Съ 1873 г. С. приступилъ на собственныя средства къ изданію научно-популярнаго журнала «Природа», пригласивъ къ участію проф. моск. унив. Усова. Въ ближайшемъ сотрудничествѣ съ А. Н. Петунниковымъ и Д. Н. Анучинымъ, С. началъ выпускать въ свѣтъ роскошныя книги сборника «Природы». Выпущено было 17 томовъ «Природы», а затѣмъ въ 1878 г. этотъ журналъ С. соединилъ съ «Журналомъ Имп. Общ. Охоты», который также самъ редактировалъ, и изданіе стало выходить въ свѣтъ подъ общимъ именемъ «Природа и Охота». С. указывалъ въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій, что наша охота и наша обильная фауна имѣютъ весьма важное значеніе для національнаго богатства. За два года до соединенія журнала «Природа» съ журн. «Охотой» С. нашелъ возможнымъ, при содѣйствіи Имп. общ. охоты, сдѣлать, такъ сказать, одновременную перепись охотѣ на всемъ пространствѣ Россіи. Мысль эта была приведена въ исполненіе отъ имени общества охоты. Выяснилось, что всюду количество промысловыхъ и охотничьихъ животныхъ замѣтно уменьшалось, и главными причинами этого повсюду были губительные способы веденія промысловъ и размноженіе хищныхъ животныхъ, истребляющихъ полезную дичь. Повсемѣстное почти прекращеніе псовыхъ охотъ также наносило значительный вредъ населенію. Выяснилось, наконецъ, что во многихъ губерніяхъ населеніе крайне нуждалось въ огнестрѣльномъ оружіи и въ порохѣ. Еще раньше С. обратилъ вниманіе на вопросъ объ уничтоженіи хищныхъ звѣрей и написалъ объ этомъ рядъ статей. По орнитологіи С. написалъ рядъ сочиненій о птицахъ, по ихтіологіи напечаталъ въ «Журн. Имп. Общества Охоты» (1871) превосходную монографію «Бѣлуга», а въ 1875 г. выпустилъ свой, въ высокой степени цѣнный въ научной литературѣ, трудъ: «Рыбы «Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ» (М., 1875). Въ 1876 г. С. изданы отдѣльно «Таблицы для опредѣленія родовъ и видовъ прѣсноводныхъ рыбъ, встрѣчающихся въ Россіи» (съ 92 рис., М., 1876). Въ 1885 г. изданъ былъ «Рыболовный календарь», вошедшій въ приложеніе къ охотничьему календарю. Въ 1896 г. С. выпустилъ 1-й томъ задуманнаго имъ сочиненія «Собаки», подъ загл.: «Собаки легавыя», по полнотѣ изслѣдованія единственный въ своемъ родѣ трудъ не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ. С. составилъ еще «Библіографическій указатель книгъ и статей охотничьяго и зоологическаго содержанія», «Охотничій календарь», «Справочную книгу для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ», «Списокъ книгъ и брошюръ охотничьяго содержанія» (1877) и др.

Сабанѣевы—дворянскій родъ, происходящій по семейному преданію отъ мурзы Сабанъ Алея, выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ Касимовъ при вел. кн. Василіи Темномъ и имѣвшаго двухъ сыновей: Робчака — родоначальника С., и Тагая — родоначальника Бакаевыхъ и Тарбѣевыхъ; оба эти сына были, по тому же преданію, переведены изъ Касимова въ Романовъ. Романовскій татаринъ Кутлу-Маметъ С., въ крещеніи Ѳедоръ Ишкеевичъ, въ 1675 г. пожалованъ помѣстьями. Объ Иванѣ Васильевичѣ, Леонидѣ Павловичѣ и Евгеніи Александровичѣ С. см. выше. Родъ

Библиотека "Руниверс"

С. внесенъ въ VI ч. род. книги Ярославской, Тверской и Костромской губ. (Гербовникъ X, 137). *В. Р.*

Сабатье (Антуанъ Sabatier, 1742—1817) — франц. писатель. Въ 1766 г. издалъ сборникъ стихотвореній: «Quarts d'heure d'un joyeux solitaire», отъ котораго впослѣдствіи отрекся. Примкнувъ къ противникамъ энциклопедистовъ, напечаталъ памфлетъ: «Le Tableau philosophique de l'esprit de M. de Voltaire». Пристроившись при Версальскомъ дворѣ, С. выступалъ въ защиту религіи и въ то же время переводилъ, подъ псевдонимомъ, Боккаччіо. Эмигрировалъ вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи и написалъ брошюру: «Tocsin des politiques» (1791). Главные его труды: «Les trois siècles de la littérature française ou Tableau de l'esprit de nos écrivains depuis François 1-er jusqu'en 1772» (II., 1772), «Dictionnaire de littérature» (1777), «Les Siècles païens» (1784), «Le véritable esprit de J. J. Rousseau» (1804).

Сабатье (Арманъ) — проф. зоологіи въ Монпелье, род. въ 1834 г., образованіе получилъ въ лицеѣ въ Монпелье, а потомъ на естественномъ и медицинскомъ факультетахъ. Въ 1862 г. получилъ званіе доктора медицины въ Монпелье и сталъ прозекторомъ по каѳедрѣ анатоміи. Въ 1873 г. получилъ званіе доктора естественныхъ наукъ парижскаго университета, съ 1875 г. профессоръ сравнительной анатоміи въ университетѣ въ Монпелье, потомъ директоръ зоологическаго института этого университета и зоологической станціи въ Сетѣ (Cette). Труды С. посвящены отчасти медицинѣ и физіологіи (дыханіе черепныхъ), но главнѣйшіе эмбріологіи и зоологіи: «Anatomie de la moule commune (Mytilus edulis)» («Mém. Acad. Montpellier», т. 8, 1872—1875), «De la spermatogenèse chez les Crustacés decapodes («C. R. Ac. Sc.», Paris, v. 100, 1885), «De la spermategenèse chez les Plagiostomes et Amphibiens» («C. R. Ac. Sc.», Paris, 1882). Рядъ мелкихъ замѣтокъ относительно скелета и мускулатуры позвоночныхъ, въ частности рыбъ, а также статьи, посвященныя общимъ вопросамъ о жизни и смерти, о безсмертіи съ эволюціонной точки зрѣнія и др. На русскій языкъ переведены: «Опытъ изслѣдованія о жизни» и «О безсмертіи души» (1898). *В. М. Ш.*

Сабатье (Луи-Огюстъ Sabatier)—франц. протестантскій богословъ, род. въ 1839 г., былъ доцентомъ въ Страссбургѣ, въ 1873 г. перешелъ въ Парижъ профессоромъ вновь учрежденнаго протестантскаго богословскаго факульт. Главные труды его: «Le témoignage ed Jésus Christ sur sa personne» (1863), «Essai sur les sources de la vie de Jésus» (1866), «Jésus de Nazareth, le drame de sa vie, la grandeur de sa personne» (1867), «L'apôtre Paul, esquisse d'une histoire de sa pensée» (1870), «Guillaume le Taciturne» (1872), «De l'influence des femmes sur la littérature française» (1873), «Le canon du Nouveau Testament» (1877), «La notion hébraïque de l'esprit» (1879), «De l'ordre des livres canoniques dans l'Ancie Testament» (1887), «De l'origine du péché dans la théologie de l'apôtre Paul» (1887), «Les origines littéraires et la composition de l'Apocalypse de saint Jean» (1888), «De la vie intime des dogmes» (1889), «L'évangile de Pierre et les évangiles» (1893).

Сабатье (Петръ Sabatier, 1682—1742)—франц. ученый; 18 лѣтъ поступилъ въ бенедиктинскій орденъ; вслѣдствіе живого участія въ янсенистскихъ спорахъ, былъ высланъ изъ Парижа въ Реймсъ. Работалъ надъ возстановленіемъ латинскаго перевода Библіи, предшествовавшаго переводу св. Іеронима, для чего дѣлалъ выборки изъ твореній отцовъ церкви, древнихъ служебниковъ и т. п. источниковъ, напечатанныя подъ загл. «Bibliorum sacrorum Latinae versiones antiquae seu vetus Italica» (Реймъ, 1742—1743).

Сабатье (Петръ-Юстинъ Sabatier, 1792—1869) — нумизматъ. Служилъ въ наполеоновской арміи; послѣ паденія имперіи участвовалъ въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью ея возстановленіе; былъ приговоренъ къ смертной казни, но бѣжалъ; жилъ въ Голландіи, потомъ въ Россіи, гдѣ подъ руководствомъ Рейхеля (XXVI, 516) занялся нумизматикой и напечаталъ: «Iconographie de 5000 médailles Romaines, Byzantines et Celtibériennes» (СПб. и Парижъ, 1847—1856), «Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore» (СПб., 1849 г.; здѣсь впервые были описаны нѣкоторыя золотыя вещи, найденныя въ Крыму и сообщенъ каталогъ монетамъ Воспорскаго царства) и «Production de l'or, de l'argent et du cuivre chez les Anciens et Hôtels monétaires des empires Romain et Byzantin» (СПб., 1850, вмѣстѣ съ сыномъ). Позже С. издалъ обширный трудъ о контріатахъ и византійскихъ монетахъ. Ср. «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» (т. VIII, Одесса, 1872).

Сабатье (Рафаэль Біенвеню Sabatier, 1732—1811)—франц. хирургъ, ученикъ своего отца, также хирурга. Въ 1756 г. членъ хирургической академіи и профессоръ. Во время революціи, хирургъ при арміяхъ и хирургъ-консультантъ при Наполеонѣ I. Главные труды: «Traité complet d'anatomie» (1791), «De la médicine expectative» (1796) и др.

Сабаціи (Σαβάζιος, Σαβάδιος, Σαβάσιος, Σαβάνδος, Σεβάζιος, Σεβάδιος)—главное фригійское божество, нѣкоторыми чертами своего значенія и культа сближающееся съ божествами греческими, Зевсомъ и Діонисомъ, черезъ посредство ѳракіянъ вліявшее на культы этихъ греческихъ божествъ и на самыя представленія о нихъ и потому нерѣдко съ ними смѣшивавшееся. Около времени пелопоннесской войны почитаніе С., какъ особаго божества, проникло въ Аѳины и совершалось открыто, хотя аѳиняне не забывали объ его иноземномъ происхожденіи и культъ его встрѣчалъ противодѣйствіе и осужденіе со стороны правовѣрующихъ. На нѣкоторыхъ памятникахъ Сабаціи именуется «владыкою вселенной»; самое имя божества — общаго корня съ санскр. sabhâdj, чтимый, и съ греч. σέβειν, чтить; служители С. назывались σαβοί, равно какъ и мѣста почитанія его; празднества С. оглашались восклицаніями εὐοῖ σαβοῖ. Лукіанъ сопоставляетъ С. съ другими фригійскими бо-

Библиотека "Руниверс"

жествами—Атисомъ, Кибелою, Корибантомъ; у другихъ писателей С. сближается съ малоазійскимъ и сирійскимъ божествомъ луны — Mên, именемъ котораго называлась деревня во Фригіи. Въ наиближайшей связи С. находился во Фригіи съ тамошнимъ первенствующимъ женскимъ божествомъ Mâ, великою матерью боговъ и всего сущаго, вмѣстѣ съ нею образуя верховную божественную двоицу; въ этомъ видѣ Сабацій носитъ имя «отца» или «бога». Въ силу первоначальнаго этнографическаго родства, память о которомъ поддерживалась непрерывными сношеніями и въ историческое время, общность религіозныхъ представленій у фригіянъ, народа азіатскаго, и ѳракіянъ, народа ѣвропейскаго, была исконнымъ явленіемъ. Страбонъ называетъ фригіянъ выходцами изъ Ѳракіи, откуда, по его словамъ, перенесены во Фригію и религіозныя вѣрованія, съ именами божествъ, обрядами чествованія ихъ, съ тѣми самыми музыкальными инструментами, употреблявшимися на празднествахъ; во главѣ боговъ, общихъ ѳракійцамъ и фригіянамъ, географъ называетъ С., котораго греки отожествляли съ Діонисомъ и такъ называли его (Страб. X, 3, 15 — 17). Женскую половину двоицы во Ѳракіи представляла не только Матерь боговъ (Mâ, Кибела), но и божество юное луны (Cotys, Cotytto, Bendis,) которое греки называли то Артемидой, то Деметрой или Персефоной. Какъ во Фригіи, такъ и во Ѳракіи, главныя божества, мужское и женское, образовавшія верховную двоицу, въ свою очередь двоились: С. и сынъ его Атисъ съ одной стороны, Cotys и дочь ея Bendis съ другой, такъ что первоначальный эпитетъ становился именемъ другого божества, отдѣльнаго отъ перваго, но ему весьма близкаго по происхожденію и въ миѳологическихъ сочетаніяхъ. Символомъ С. во Фригіи служилъ змѣй, во Ѳракіи-же С. изображался въ видѣ быка или человѣка съ бычьими небольшими рогами. Главное святилище С. находилось на горѣ Пангеѣ, вблизи Филиппъ; неподалеку оттуда возвышался и Діонисовъ холмъ. Греческій Діонисъ представлялся то какъ божество тожественное съ С. и съ нимъ совпадающее, то какъ отъ него отдѣльное, только близкое къ нему. Спутниками и спутницами ѳракійскаго С. были тѣ же второстепенныя божества, что и въ культѣ Діониса: Панъ, Силенъ, Сатиры, Наяды, Нимфы. Менады Діонисовыхъ оргій, вакханки, носили здѣсь имя Mimallones, а служители его — Bessoi. Изъ Ѳракіи почитаніе С. рано перешло въ Македонію, преимущественно, кажется, въ видѣ мистерій. Во ѳракійскихъ мистеріяхъ С. представлялся въ образѣ толстощекой змѣи (ὄφις παρείας); въ томъ же образѣ С. перешелъ и въ мистеріи македонскія. Впрочемъ, здѣсь С. снова является верховнымъ божествомъ и получаетъ отъ грековъ имя Зевса. Ревностной участницей оргій въ честь С. была мать Александра Великаго Олимпіада; отсюда возникла легенда о томъ, что самъ Зевсъ въ образѣ змѣя вступалъ въ связь съ Олимпіадой и что плодомъ этихъ отношеній былъ Александръ; ходилъ даже разсказъ, будто царь Филиппъ потерялъ глазъ за то, что подсмотрѣлъ въ замочную скважину, какъ божество въ видѣ змѣя возлежало съ его супругой (Плут., Александръ). Культъ С. представляетъ яркій примѣръ того, какъ религіозныя вѣрованія различныхъ народовъ, сосѣднихъ и родственныхъ, переплетаются между собою, какъ подъ вліяніемъ вѣрованій одного народа измѣняется туземное представленіе о божествѣ у другого, пока религія остается дѣломъ самого народа, не замыкается въ догму, охраняемую особымъ классомъ священнослужителей или лицъ, облеченныхъ государственною властью. Съ теченіемъ времени, когда на стражѣ родной религіи становится правительственная власть или когда руководящая часть населенія находитъ извѣстныя вѣрованія несогласными съ ея пониманіемъ божества и съ господствующими требованіями нравственности, чужеземныя вѣрованія, запечатлѣнныя чертами болѣе первобытной религіи, усваиваются только низшими слоями населенія, исповѣдуются тайно и, выходя на свѣтъ, подвергаются строгому осужденію, какъ оскорбительныя для народной нравственности. Такъ было и съ культомъ С. въ исторической Греціи и въ Римѣ; тѣмъ не менѣе въ народныхъ массахъ онъ дожилъ до сравнительно поздней поры христіанства. Фригійскій и ѳракійскій С. извѣстны намъ, и то далеко не вполнѣ, въ греческомъ обликѣ, который чужеземное божество получило въ сектѣ орфиковъ; къ тому же свѣдѣнія эти доходятъ до насъ главнымъ образомъ черезъ христіанскихъ писателей, Климента Александрійскаго (II—III в. по Р. Хр.) и Арнобія, а они пользовались въ полемикѣ съ язычниками преимущественно такими языческими вѣрованіями, которыя изобличали-бы возможно бо́льшую грубость и безнравственность. Если фригійскій и ѳракійскій С. вліялъ на греческіе культы Зевса и Діониса-Вакха, то въ свою очередь и эти культы налагали свою печать на богопочитаніе иноземное, обратно вліяя на него. Страстно влюбленный въ родную мать, Зевсъ удовлетворилъ своей страсти, принявъ видъ быка; потомъ, подъ видомъ кающагося и будто-бы оскопившаго себя, онъ въ лоно матери вложилъ бараньи ядра: Деметра родила дочь, Персефону, къ которой снова воспылалъ страстью Зевсъ и въ образѣ змѣи соединился съ родной дочерью; плодомъ этой связи былъ мальчикъ Загрей съ бычьей головой (Clem. Cohort. I, p. 14; Arnob. advers. gent., V, 21). Въ орфическихъ гимнахъ этотъ разсказъ восполненъ другимъ, о томъ, какъ Титаны, подстрекаемые Герою, напали на ребенка, разрубили его на куски и пожрали. Аѳина спасла только сердце, еще трепетавшее, и принесла его Зевсу, который или самъ проглотилъ сердце, или передалъ его Семелѣ, отъ которой родился Діонисъ—другой, юный Загрей. Титаны были поражены перунами Зевса и изъ ихъ пепла произошли люди, соединяющіе въ себѣ, такимъ образомъ, начала божеское и человѣческое, доброе и порочное. Отсюда въ моленіяхъ къ С. было выраженіе: быкъ породилъ змѣю и змѣя породила быка. Близостью религіозныхъ представленій греческихъ и ѳракійскихъ объясняется то, что многія черты

Библиотека "Руниверс"

ѳракійскаго С. вошли въ образъ греческаго Діониса, и эти два первоначально отдѣльныя божества понимались греками, какъ одно и то же божество. Однако, со второй половины V в. до Р. Хр. почитаніе фригійскаго С., не смотря на противодѣйствіе лучшей части гражданъ, заняло особое мѣсто въ ряду публичныхъ празднествъ; гоненіе на иноземное божество было пріостановлено вмѣшательствомъ дельфійскаго оракула. Отъ IV в. имѣется свидѣтельство оратора Демосѳена о способѣ публичнаго чествованія С., въ которомъ Эсхинъ вмѣстѣ съ матерью не разъ принималъ участіе. Это были уличныя оргіи, денныя и ночныя, сопровождавшіяся громкимъ, безпорядочнымъ пѣніемъ, шумной музыкой на кимвалахъ и литаврахъ и своеобразными, слишкомъ вольными плясками. Участники процессіи (thiasos) украшали себѣ голову укропомъ и листьями тополя, покрывались кровавыми шкурами молодыхъ оленей, сжимали въ рукахъ толстыхъ змѣй и потрясали имъ въ воздухѣ и, совершивъ обрядъ очищенія водою, глиною и отрубями, произносили: «Я бѣжалъ отъ зла и обрѣлъ благо»; въ дневныхъ процессіяхъ слышались восклицанія: εὐοῖ σαβοῖ, ὗης ἄττης, ἄττης ὗης; вождя процессіи старухи награждали разными печеньями изъ муки и меда съ изюмомъ (Demosth. pro coron., pp. 259, 260). Важнѣйшимъ актомъ при посвященіи новичковъ въ таинство было пропусканіе змѣи черезъ одежду посвящаемаго, при чемъ змѣя сползала по груди къ ногамъ, какъ-бы символизируя и напоминая любовныя отношенія Зевса и Персефоны. По описанію Страбона, тѣ же самые обряды соблюдались въ фригійскомъ культѣ С. Самыя разнузданныя половыя отношенія и блажничество мужчинъ и женщинъ составляли одну изъ принадлежностей этихъ оргій. По увѣренію жрецовъ С., души человѣческія получали въ таинствахъ божества очищеніе и отпущеніе грѣховъ. Есть, къ тому же, основаніе предполагать, что въ мистеріяхъ С., какъ и въ елевсинскихъ таинствахъ, посвященные воспринимали указанія на безсмертіе души: въ культѣ и молитвахъ оно знаменовалось умираніемъ и вторичнымъ рожденіемъ С. Сліяніе С. съ другими восточными божествами, сирійскими, персидскими, даже съ іудейскимъ Саваоѳомъ, принадлежитъ первымъ вѣкамъ христіанства, хотя начало этого смѣшенія восходитъ уже ко II в. до Р. Хр.: въ 139 г. евреи были изгнаны изъ Рима за прозелитизмъ среди римскихъ гражданъ въ силу закона, обрекавшаго на изгнаніе распространителей почитанія Юпитера-С. Ср. Lobeck, «Aglaopham.» (K., 1829); Georgii, «Sabazius» («Real-Encyclop. d. klass. Althorthumsw.»); Foucart, «Associations religieuses en Grèce» (П., 1873); Lenormant, «R. Archéologique» (1874—75).

Ѳ. Мищенко.

Сабашинскій (Адамъ Осиповичъ) — ген.-лейт. (1800—1870), участвовалъ въ кампаніяхъ: турецкой 1828—29 гг., польской 1831 г. и венгерской 1849 г. Въ 1853 г., С., командуя Селенгинскимъ пѣх. полкомъ, получилъ въ бою при Ольтеницѣ (XXI, 921) нѣсколько контузій и ранъ, но въ мартѣ 1854 г. опять вступилъ въ командованіе своимъ полкомъ и съ нимъ оказалъ геройскіе подвиги при оборонѣ Севастополя. Въ 1866—70 гг. былъ керченскимъ комендантомъ.

Саббадино (Cristofforo Sabbadino) — завѣдывалъ приморскими сооруженіями Венеціанской республики (1496—1560). Оставилъ замѣчательный рукописный трудъ, въ которомъ разсматриваются вопросы о приливахъ и отливахъ моря подъ вліяніемъ притяженія луны и солнца и объ измѣненіи уровня Адріатическаго моря.

Саббатай Цеви—еврейскій лже-мессія, уроженецъ г. Смирны (1626—76); уже съ дѣтства проявлялъ склонность къ уединенной жизни и въ раннемъ возрастѣ предался изученію каббалы (XIII, 782). Будучи 20 лѣтъ отъ роду, онъ стоялъ во главѣ небольшого кружка послѣдователей, которые смотрѣли на него, какъ на святого. Въ то время среди евреевъ были сильно распространены идеи о скоромъ пришествіи Мессіи. Среди христіанъ также ожидали съ волненіемъ наступленія апокалипсическаго 1666 г., который, по заключеніямъ изъ пророчествъ Даніила и Апокалипсиса Іоанна, долженъ былъ ознаменовать наступленіе «пятой монархіи» и переходъ власти Христовой въ руки святыхъ: евреи должны быть возвращены изъ изгнанія и слиться съ христіанами въ одной вѣрѣ. Въ 1648 г. С. объявилъ своимъ послѣдователямъ, что въ его лицѣ явился Мессія, освободитель; когда это сдѣлалось извѣстнымъ, С. былъ отлученъ отъ синагоги и изгнанъ изъ Смирны. Отправившись въ Константинополь, С. сблизился съ проповѣдникомъ Авраамомъ Яхини, который началъ пророчествовать о близкомъ пришествіи Мессіи. Число послѣдователей С. все увеличивалось, особенно когда нѣкій Натанъ изъ Газы принялъ на себя роль воскресшаго пророка Иліи, долженствовавшаго открыть дорогу Мессіи. Натанъ пророчествовалъ, что въ 1666 г. появится Мессія, который освободитъ евреевъ отъ турецкаго ига и возьметъ въ плѣнъ султана. Въ 1665 г. С. появился въ Іерусалимѣ открыто въ качествѣ Мессіи, и большинство евреевъ Іерусалима и сосѣднихъ общинъ увѣровали въ него. Въ томъ же году С. съ большимъ торжествомъ вступилъ въ Смирну и въ день еврейскаго новаго года провозгласилъ себя публично въ синагогѣ, при звукѣ роговъ, ожидаемымъ Мессіей; толпа съ ликованіемъ привѣтствовала его. Послѣ этого евреями Смирны овладѣло какое-то мистическое бѣснованіе. Каждое дѣйствіе С. разсматривалось какъ чудо; дѣловые люди бросали свои занятія и готовились къ наступленію царства Мессіи; многіе подвергали себя тѣлеснымъ истязаніямъ, постились, не спали ночей, купались въ сильные холода и т. д.; другіе предавались безграничному ликованію и устраивали празднества въ честь Мессіи. Вѣсти о событіяхъ въ Смирнѣ произвели чрезвычайное впечатлѣніе и на живущихъ въ Европѣ евреевъ; повсемѣстно повторялись сцены, подобныя смирнскимъ: появлялись люди, возвѣщавшіе о появленіи Мессіи; настроеніе умовъ было повсюду фантастически-напряженное, люди

Библиотека "Руниверс"

бичевали свою плоть, раздавали милостыню, чтобы подготовиться къ пришествію Мессіи. Особенно сильно распространилось вѣра въ явившагося Мессію среди евреевъ Венеціи, Ливорно и др. итал. городовъ, а также въ Амстердамѣ и Гамбургѣ. Почти въ каждой еврейской общинѣ появились двѣ враждебныя партіи: саббатіанцевъ и противниковъ ихъ, и почти повсюду приверженцы С. брали верхъ: изъ всѣхъ городовъ посылались въ Смирну послы и депутаціи, привѣтствовавшіе С. царемъ евреевъ и осыпавшіе его подарками. Подъ вліяніемъ всеобщаго поклоненія С. провозгласилъ себя намѣстникомъ Бога и даже самимъ Богомъ; такъ, онъ подписывался: «Я Господь вашъ Богъ С.-Цеви». Въ началѣ 1666 г. С., по требованію турецкихъ властей, отправился въ Константинополь, гдѣ былъ заключенъ въ замкѣ Абидосѣ при Дарданеллахъ. Этимъ арестомъ хотѣли прекратить волненія среди евреевъ въ Смирнѣ и во всей Турціи, но цѣль не была достигнута: послѣдователи С. провозгласили, что тюремное заключеніе С. является неизбѣжнымъ моментомъ въ періодѣ страданій Мессіи, который долженъ былъ, по каббалистическому ученію, предшествовать моменту окончательнаго торжества. Въ Абидосъ начали стекаться евреи изъ всѣхъ странъ, для лицезрѣнія С., который въ это время началъ также проводить реформы въ религіозныхъ обрядахъ, уничтожилъ посты, установилъ праздникъ «великой субботы»; день разрушенія Іерусалима (9 аба), бывшій днемъ рожденія С., онъ предписалъ обратить въ праздничный. Между тѣмъ султану было донесено о фантастическихъ и опасныхъ въ государственномъ отношеніи планахъ С. Не желая казнью С. обратить его въ мученика и способствовать образованію новой секты, которыя вызвала-бы новыя смуты и волненія, султанъ рѣшилъ склонить С. къ переходу въ мусульманство, что и удалось безъ большого труда; С. принялъ имя Мехмеда Эффенди и былъ назначенъ капиджи-баши (камергеръ), съ большимъ жалованьемъ. Хотя извѣстіе объ отпаденіи С. отъ еврейства чрезвычайно поразило евреевъ, но спокойствіе этимъ еще не было возстановлено: ревностные приверженцы С. утверждали, что не онъ самъ принялъ магометанство, а его тѣнь, самъ же онъ ушелъ на небо и скоро явится снова для исполненія освободительнаго дѣла; другіе говорили, что переходъ С. въ исламъ есть каббалистическая тайна и что этимъ онъ лишь содѣйствуетъ установленію мессіанскаго царства. Въ болѣе отдаленныхъ странахъ евреи вовсе не хотѣли вѣрить въ измѣну С.; почти повсюду продолжало существовать саббатіанское движеніе, съ которымъ не прекращали борьбу противники С., съ раввинами-талмудистами во главѣ. Около 1670 г. въ сѣв. Африкѣ появился новый агитаторъ, Авраамъ Михель Кордозо, пропагандировавшій мессіанство С. и пріобрѣвшій множество приверженцевъ. Между тѣмъ С., жившій въ Адріанополѣ, снова сблизился съ евреями, заявляя, что на него вновь снизошелъ св. духъ и далъ ему откровеніе; одновременно онъ написалъ брошюрку, гдѣ доказывалъ, что остается истиннымъ Мессіей, не смотря на вѣроотступничество. Чтобы не возбуждать подозрѣнія султана, С. увѣрялъ его, что сближеніе съ евреями имѣетъ цѣлью обращеніе ихъ въ исламъ; и дѣйствительно, многіе изъ послѣдователей С. для виду приняли исламъ. Но будучи однажды застигнуты въ синагогѣ въ то время, какъ распѣвалъ еврейскіе псалмы, С. былъ сосланъ въ г. Дульциньо, гдѣ и умеръ. Со смертью С. саббатіанское движеніе не прекратилось: еще долго послѣдователи С. волновали умы евреевъ проповѣдями о близкомъ пришествіи Мессіи; такъ дѣйствовали, кромѣ Кордозо, Мордохай Айзенштатъ, Нехемія Хайонъ, Хаимъ Малахъ, Іуда Хасидъ и др. Саббатіанское движеніе вызвало появленіе хасидизма и франкистовъ. Одна секта саббатіанцевъ существуетъ въ Салоникахъ и въ настоящее время: считаясь мусульманами, они тайно исповѣдуютъ еврейскую религію (см. Евреи, XI, 466).

Саббатини (Луиджи-Анатоніо Sabbatini, 1739—1809)—итал. композиторъ и музык. теоретикъ. Напеч. «Elementi teorici della musica» (Римъ, 1789), «Vera idea delle musicali numeriche segnature» (Венеція, 1795); «Trattato sopra le fughe musicali» (ib., 1802,), «Vie de Valloti» (1780). Въ рукописяхъ остался рядъ трудовъ его по духовной музыкѣ.

Сабеи — названіе одного изъ главныхъ племенъ въ южной (Счастливой) Аравіи, которое въ древности господствовало въ Іеменѣ. Греческіе и римскіе писатели одинаково указываютъ на высокую культуру страны и на ея богатство, о которомъ передавались баснословные разсказы. С. вели обширную торговлю золотомъ, драгоцѣнными камнями и т. п. съ Сиріей, Египтомъ, Индіей и Эѳіопіей; о богатствѣ С. свидѣтельствуютъ также разсказы Библіи о царицѣ Савской, современницѣ царя Соломона. Уже въ 715 г. С. были въ числѣ народовъ, платившихъ дань ассиріянамъ; но эта зависимость была непродолжительна. Соперниками С. въ южной Аравіи были минеи, которые еще до С. составляли могущественное промышленное государство; они вели съ С. постоянную борьбу и впослѣдствіи были ими вытѣснены. Главнымъ городомъ С. былъ Марибъ (Маріаба). Въ 25 г. до Р. Хр. въ страну С. предпринималъ походъ римскій намѣстникъ Египта Элій Галлъ, но безуспѣшно. О крѣпости города свидѣтельствуютъ остатки стѣнъ, о высокой культурѣ страны — постройка крѣпкой плотины для большихъ цистернъ вверху города, слѣды которой сохранились до сихъ поръ. Съ теченіемъ времени городъ и страна пришли въ упадокъ, вслѣдствіе измѣненія торговыхъ путей. Въ III в. господству С. былъ положенъ конецъ Гимьяритами (см.).

Сабеизмъ—поклоненіе звѣздамъ, обоготвореніе небесныхъ свѣтилъ. Въ древнее время С. былъ особенно распространенъ въ Вавилонѣ и Ассиріи, гдѣ храмы одновременно служили обсерваторіями, въ Аравіи, Сиріи, Малой Азіи и т. д. Кромѣ нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ, въ особенности были предметомъ поклоненія планеты, которымъ приписывалось вліяніе на все земное, на при-

Библиотека "Руниверс"

роду и людей. Магія, предсказанія и гороскопы, изготовлявшіеся по астрологическимъ правиламъ, находятся въ связи съ С. Названіе С. въ послѣднее время оставлено наукой, какъ основанное на смѣшеніи религіи сабеевъ съ религіей сабіевъ.

Сабелла (Sabella)—родъ семейства Serpulidae сидячихъ (Sedentaria) многощетинковыхъ (Polychaeta) кольчатыхъ (Annulata) червей (XIX, 554). Встрѣчаются въ теплыхъ моряхъ (Средиземномъ) и живутъ въ хитиновыхъ трубкахъ, прикрѣпленныхъ къ различнымъ подводнымъ предметамъ; много видовъ; наиболѣе извѣстный, Sabella gracilis, до 3 стм. длины. *В. Ш.*

Сабеллико (Marc-Antonio Coccio, лат.—Marcus Antonius Coccius) — итал. историкъ (1436—1506). Учился въ академіи, основанной Помпоніемъ Летомъ. Когда члены акад. начали борьбу противъ папы Павла II, С. удалось избѣжать вызванныхъ этой борьбой преслѣдованій (1468). Онъ преподавалъ краснорѣчіе въ Удино до 1477 г., когда долженъ былъ выѣхать изъ этого города по случаю чумы; потомъ онъ получилъ каѳедру въ Венеціи (1484). За свою «Исторію Венеціи» онъ получилъ, кромѣ пожизненнаго пенсіона въ 200 секиновъ, званіе хранителя библіотеки св. Марка. Главнѣйшія работы С.: «Annotationes in Plinium etc.» (Венеція, 1487), «Rerum Venetarum historiae» (ib., 1487), «De Venetis magistratibus» (ib., 1488), «De Venetae urbis situ» (1494), «Rhapsodiae historiarum» (1496), «Epistolae familiares» (1502), «Exemplorum libri X» (1507). Полное собраніе его сочиненій вышло въ Базелѣ (1560).

Сабельникъ—подъ этимъ именемъ извѣстно нѣсколько растеній, которыя формою своихъ мечевидныхъ листьевъ или побѣговъ напоминаютъ саблю; такови: Acorus Calamus (см. Аиръ), Phragmites communis (см. Тростникъ), Iris pseudacorus (см. Касатикъ), Polygonum bistorta (см. Горлецъ); наиболѣе обыкновеннымъ С. называется одно многолѣтнее травянистое растеніе, растущее по сырымъ, болотистымъ мѣстамъ, Comarum palustre L. Растеніе это перезимовываетъ при помощи длиннаго ползучаго вѣтвистаго, довольно крѣпкаго корневища, покрытаго короткими волосками. Корневище даетъ приподнимающіеся побѣги, несущіе перистые листья о 5—7 сближенныхъ, продолговатыхъ, по краю остропильчатыхъ листочкахъ; верхняя сторона листочковъ темнозеленая, нижняя сѣровойлочная; къ черешку вполнѣ приросли прилистники. На приподнимающихся побѣгахъ появляются немногочисленные цвѣтки темно-краснаго цвѣта. Цвѣтки обоеполые, правильные, типа сем. розанныхъ, къ которому относится само растеніе. Чашечка двойная; подчашіе состоитъ изъ 5 довольно мелкихъ листьевъ; чашелистиковъ также 5; они яйцевидные, заостренные, совнутри темно-красные; лепестки ланцетные заостренные, темно-красные, въ два или три раза короче чашелистиковъ; ихъ также 5. Тычинокъ и пестиковъ много. Плодики—голыя сѣмянки, сидящія на губчатомясистомъ цвѣтоложѣ. С. встрѣчается по всей Россіи до Ледовитаго океана и на югѣ до Чернаго моря. Въ народной медицинѣ С. находитъ большое употребленіе: отъ поноса, ломоты, какъ потогонное и отъ чемера у лошадей. *С. Р.*

Сабесъ (Александръ Sabes, принявшій имя Pétion, 1770—1818) — президентъ республики Гаити, по происхожденію мулатъ. Въ 1802 г. возсталъ противъ французовъ; въ слѣдующемъ году занялъ Портъ-о-Пренсъ и сдѣлался губернаторомъ южной части острова. Когда островъ раздѣлился на два государства, республику мулатовъ и государство негровъ, С. сдѣлался въ 1808 г. президентомъ республики мулатовъ. Въ 1815 г. С. былъ вновь избранъ въ президенты, пожизненно и съ правомъ назначить себѣ преемника. Въ 1816 г. онъ далъ республикѣ либеральную конституцію. Ср. St.-Rémy, «Pétion et Haïti» (П., 1858).

Сабзаваръ—см. Себзеваръ.

Сабина — см. Казацкій можжевельникъ (XIII, 921).

Сабина (Julia Sabina † 138) — римская императрица, жена Адріана, дочь Матидіи, племянницы Траяна. Платина, покровительствовавшая Адріану, женила его на С., чтобы упрочить за нимъ власть. Бракъ былъ несчастенъ. Адріанъ, вступивъ на престолъ, относился къ С., какъ къ рабѣ, хотя она, кромѣ красоты, отличалась тонкимъ умомъ и строгостью нравовъ. Съ годами ненависть императора къ женѣ все усиливалась; умирая, онъ принудилъ С. лишить себя жизни, чтобы она не могла радоваться его смерти. Въ XII-й годъ царствованія Адріана, когда сенатъ напменовалъ его «отцомъ отечества», С. была провозглашена «священной» (Augusta); на нѣкоторыхъ александрійскихъ монетахъ она носитъ этотъ титулъ еще ранѣе.

Сабина (Карлъ Sabina, род. въ 1813 г.)—чешскій писатель; въ 1848 г. принялъ участіе въ мартовскихъ движеніяхъ; въ 1849 г., по обвиненію въ государственной измѣнѣ, былъ присужденъ къ смертной казни, замѣненной 18-лѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости; черезъ 8 лѣтъ былъ помилованъ и вернулся въ Прагу. Цензурныя преслѣдованія были постояннымъ удѣломъ С. Еще въ началѣ 1840-хъ гг. онъ написалъ романъ «Гуситы»; цензура пять разъ требовала его передѣлки и, наконецъ, разрѣшила, когда онъ былъ разбитъ на отдѣльные разсказы («Obrazy z XV a XVI století», Прага, 1854). Другіе труды С.: «Basnie» (1844), «Powidky, powiesti a nowelly» (1845), «Napoleon Buonaparte» (1848), «Jarosława» (1859), «Wieczny żenich» (1858—63), «Hrobnik», новелла (3 изд., 1862), «Jen trzi leta» (1860), «Blouznieni» (1857), «Diejepis literatury czeskoslowanske» (1860—64), «Duchowni Komunismus» (1861). Подъ псевдонимомъ Leo Blass С. издалъ «Das Theater und Drama in Böhmen bis zum Anfange des XIX Jahrh.» (Прага, 1877).

Сабине или *Сэбинъ* (нѣм. Sabineinsel)—о-въ около восточнаго берега Гренландіи, подъ 74°32′ с. ш. и 18°19′ з. д.; посѣщенъ Клэверингомъ и Сэбиномъ въ 1823 г.; станція германской нѣмецкой полярной экспедиціи 1869—70 гг. Годовая температура средняя—11,7°; maximum мороза — 40,3°; maximum тепла + 13,1°.

Библиотека "Руниверс"

Сабининъ (Анатолій Христофоровичъ)—врачъ-писатель, род. въ 1850 г., окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1875 г., состоитъ старшимъ врачемъ воронежской губернской земской больницы. Съ 1887 г. издаетъ журналъ общественной медицины и гигіены «Медицинская Бесѣда». Главные труды С.: «Учебникъ физіологіи» (для фельдшерскихъ школъ и фельдш., 4-е изд., 1898), «Къ статистикѣ сифилиса въ Воронежской губ.» («Прот. съѣзда зем. врачей Ворон. губ.», 1882), «Животные паразиты въ кишкахъ» (брошюра. 1890), «Физіологическія бесѣды» (ib., 1888), «Дифтерія и мѣры борьбы съ нею» («Мед. Бесѣда». 1893), «Исторія чумы съ древнѣйшихъ временъ» (1897) и др.

Сабининъ (Егоръ Ѳедоровичъ) — проф. математики, род. 1833 г., образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ подъ руководствомъ Остроградскаго. Степень магистра получилъ въ московск. унив., защитивъ разсужденіе: «Объ условіяхъ, служащихъ къ отысканію и различенію maximum и minimum двойныхъ интеграловъ» и послѣ этого былъ избранъ доцентомъ по чистой математикѣ въ новороссійскомъ унив. Степень доктора получилъ въ 1868 г. въ новороссійскомъ унив., защитивъ диссертацію: «Изслѣдованіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ»; послѣ этого избранъ былъ профессоромъ экстраординарнымъ, а затѣмъ вскорѣ ординарнымъ. Статьи и сочиненія его: «Démonstration d'un formule de M. Ostrogradsky, relative au calcul des variations des integrales multiples» («Crelle J. d. Math.», т. 59, 1861), «Sur la méthode de distinguer les maxima et les minima des intégrales définies multiples» («Bulletin de l'Acad. d. Sc. de St.-Pét.», т. XV, 1869), «Объ остаточномъ членѣ формулы Гаусса» («Мат. Сборн.», 1867), «Développement analytique pour servir à completer la disussion de la variation seconde d. intégrales définies multiples» (Darboux, «Bulletin des sc. math.», 2 сер. т. II, 1878), «Sur le principe de la moindre action» («Annali di Matem. pura ed appl.», т. 12, 1884), «Sur le minimum d'une intégrale» (тамъ же, 14, 1886), «Sur les considérations d'Ostrogradsky et de Jacobi relatives au principes de la moindre action» (тамъ же, 15, 1886), «О мемуарѣ Саррюса» («Математическій Сборникъ», т. XIV, 1889), «Курсъ варіаціоннаго исчисленія» (М., 1893).

Д. Б.

Сабининъ (Михаилъ Павловичъ, Гебронъ) — историкъ грузинской церкви, по происхожденію грузинъ. По окончаніи тифлисской гимназіи, поступилъ вольнослушателемъ въ спб. духовную академію и получилъ степень кандидата за сочиненіе: «Исторія грузинской церкви до конца VI в.» (СПб., 1877). Еще ранѣе, въ 1871 г., онъ издалъ «Полное жизнеописаніе святыхъ грузинской церкви». Оба сочиненія писаны по грузинскимъ рукописнымъ первоисточникамъ, почему излагаютъ предметъ съ гораздо бо́льшею подробностью, чѣмъ предшествовавшіе ему изслѣдователи, напр. Іосселіани. Главный и наиболѣе цѣнный трудъ С.: «Древніе акты грузинской церкви», извлеченные изъ рукописей и на грузинскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ С., изданные академіей наукъ.

Н. Б—въ.

Сабининъ (Стефанъ Карповичъ, 1789—1863)—археологъ и богословъ, сынъ дьячка Воронежской губ. Учился въ спб. дух. акд. и по полученіи степени магистра назначенъ на каѳедру нѣм. языка въ той же академіи. Въ 1823 г. назначенъ священникомъ къ русской посольской церкви въ Копенгагенѣ. Съ этого времени начинается его многосторонняя ученая дѣятельность, первое мѣсто въ которой занимаетъ христіанское богословіе вообще и въ частности—филологическія изслѣдованія объ отдѣльныхъ мѣстахъ и цѣлыхъ книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта (толкованіе на книгу «Пѣснь Пѣсней» и др.). Всего въ журн. «Христіанское Чтеніе» съ 1829 по 1839 г. имъ напечатано свыше семнадцати обширныхъ экзегетическихъ монографій по исторіи и археологіи Ветхаго Завѣта. Многія изъ его сочиненій остаются доселѣ въ рукописяхъ въ библіотекѣ спб. дух. акд.. Сюда относятся переводы цѣлыхъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта на русскій языкъ (книга Іова переведена имъ и прозою, и стихами; первыя 12-ть главъ книги Исаіи также переданы близко къ подлиннику правильною русскою рѣчью, съ присоединеніемъ обширнѣйшихъ примѣчаній), а также «Библейскій ветхозавѣтный лексиконъ», гдѣ на каждый ветхозавѣтный терминъ дѣлается сводъ относящихся къ нему параллельныхъ мѣстъ. «Исландская грамматика» С. издана Имп. акад. наукъ. Въ рукописи имѣется еще его «Сирская грамматика». Въ Копенгагенѣ С. сошелся съ тамошними учеными и въ 1843 г. былъ избранъ въ члены «королевскаго общ. сѣв. антикваріевъ» и «комитета для изученія древне-русской исторіи». Въ собраніяхъ какъ общества, такъ и комитета онъ постоянно присутствовалъ, результатомъ чего былъ рядъ цѣнныхъ научныхъ статей въ «Чтеніяхъ» моск. общества исторіи и древн. (начиная съ 1840 г.): «Извлеченіе изъ саги Олава, короля норвежскаго», переводъ сочиненій Сума (съ датскаго), «О хозарахъ», «О Галиціи и Людоміріи», «О пацинакахъ или печенѣгахъ», «О славянахъ, ихъ происхожденіи и древнѣйшихъ жилищахъ», «О финнахъ», «О половцахъ», «О бармахъ», «О Всеславѣ Брячиславичѣ», «О происхожденіи наименованій: бояринъ и боярынъ», «Купало», «Волосъ, языческое божество, сравнительно съ Одиномъ скандинавскимъ». Въ Веймарѣ, куда С. перешелъ на службу къ вел. кн. Маріи Павловнѣ (въ 1837 г.), вел. княгиня поручала ему прочитывать книги и давать ей отзывы. Онъ сошелся близко съ іенскими, а также мекленбургскими (мекленбургскій «союзъ исторіи») учеными, въ изданія которыхъ доставлялъ много матеріала въ видѣ рецензій, особенно о книгахъ, имѣвшихъ предметомъ жизнь Россіи. С. находился въ перепискѣ съ знаменитыми въ то время славянами—Коларомъ, Ганкой, Шафарикомъ, которые обыкновенно къ нему обращались за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній о славянскихъ древностяхъ и по части филологіи. С. любилъ нѣмецкую поэзію и принималъ у

Библиотека "Руниверс"

себя мѣстныхъ или заѣзжихъ поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, музыкантовъ и литераторовъ. Подъ руководствомъ С. его семьей переведены на русскій яз. многія лучшія произведенія тогдашней нѣм. (а также франц.) проповѣди. Его письма къ М. П. Погодину напечатаны въ «Сборникѣ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древностей». *Н. Б—въ.*

Сабиніанцы—представители юридической школы I-го вѣка по Р. Хр., основанной Капитономъ (см.), но названной по имени ея наиболѣе выдающагося руководителя, Массурія Сабина (см.). Къ ней принадлежали Массурій Сабинъ, Кассій, Целлій Сабинъ, Яволенъ, Валенсъ, Тусціанъ и Юліанъ. По своимъ принципамъ она противополагала себя прокульянцамъ (см.), но составъ разногласій ея съ послѣдними почти неопредѣлимъ, по скудости извѣстій (см. XXV, 391). *В. Н.*

Сабинская война, извѣстная въ исторіи больше подъ назв. «похищеніе сабинянокъ» — относится къ легендарному періоду римской исторіи. По разсказамъ римск. историковъ, Римъ былъ заселенъ одними только мужчинами; сосѣднія племена не хотѣли выдавать своихъ дочерей замужъ за бѣдное населеніе Рима. Тогда Ромулъ устроилъ праздникъ Консуалій и пригласилъ сосѣдей. Тѣ явились со своими семействами. Во время праздника римляне неожиданно бросились на безоружныхъ и похитили у нихъ дѣвушекъ. Возмущенные сосѣди начали войну. Римляне разбили латинянъ, напавшихъ на Римъ. Гораздо труднѣе была война съ сабинянами, которые особенно много потеряли женщинъ. При помощи дочери начальника капитолійской крѣпости, Тарпеи, сабиняне завладѣли Капитоліемъ. Борьба продолжалась очень долго. Сабиняне, подъ начальствомъ царя Тита Тація, наконецъ одолѣли римлянъ и обратили ихъ въ бѣгство. Ромулъ взывалъ къ богамъ и обѣщалъ построить храмъ Юпитеру Статору (Останавливателю), если онъ остановитъ бѣгущихъ. Въ эту рѣшительную минуту сабинскія женщины, привязавшіяся уже къ своимъ мужьямъ, съ распущенными волосами и въ разорванныхъ одеждахъ бросились между сражавшимися и умоляли ихъ прекратить битву. Сабиняне согласились и былъ заключенъ вѣчный миръ, по которому два народа соединялись въ одно государство, подъ верховнымъ главенствомъ Тита Тація и Ромула; римляне должны были носить, кромѣ своего имени, еще сабинское названіе *квириты;* религія становилась общая. Такимъ образомъ, женщины спасли Римъ; въ воспоминаніе объ этомъ Ромулъ учредилъ праздникъ Матурналій и далъ женщинамъ много почетныхъ правъ.

Сабинумъ (Sabinum) — имѣніе Горація, находившееся въ Сабинской области (къ сѣверу отъ Тибура); Меценатъ въ 33 г. подарилъ его поэту (описаніе этого имѣнія Горацій далъ въ 16 письмѣ I кн., 1—14). Имѣніе было не особенно большое, лежало въ гористой мѣстности, имѣло прохладную долину и тѣнистые лѣса; близъ дома находился чистый холодный источникъ (Горацій далъ ему имя Bandusia) и возвышеніе Lucretilis. Ср. Gaston Boissier, «Nouvelles promenades archéologiques» (П., 1886, стр. 1—62); И. Гревсъ, «Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія».

Сабинъ (Авлъ Sabinus)—латинскій поэтъ и ораторъ, современникъ Августа, другъ и подражатель Овидія. Побуждаемый примѣромъ послѣдняго, С. занимался сочиненіемъ отвѣтовъ на написанныя Овидіемъ посланія героинь (Героидъ), которыя онъ издалъ; поэтому его считали составителемъ послѣднихъ шести Овидіевыхъ посланій. По Овидію (ex Pont. 4, 16, 13 сл.) ему приписываютъ также стихотвореніе «Troezen» — элегію, прославляющую одну дѣвушку того же имени, и «Opus dierum», подобное «Ἔργα» Гезіода или «Georgica» Виргилія. Первое крайне недостовѣрно, ибо въ указанномъ мѣстѣ Troezena составляетъ только конъектуру Гейнзія вмѣсто рукописнаго Trisemen и, можетъ быть, вѣрнѣе предполагать эпическую поэму; второе слѣдуетъ скорѣе считать за продолженіе Овидіевыхъ «Fasti»; оно не было окончено. Умеръ С. еще въ цвѣтущемъ возрастѣ, послѣ 11 г. до Р. Хр. Прежде приписывали ему еще три сохранившіяся письма, написанныя элегическимъ размѣромъ и изданныя впервые въ ed. princ. Овидія, но теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что эти письма составлены однимъ ученымъ второй половины XV в. (около 1467 г.), *Ангеломъ Квириномъ Сабиномъ;* критически обработаны Lörs'емъ, въ его изданіи «Героидъ» Овидія.

Сабинъ—имя двухъ римскихъ юристовъ: 1) *Массурій С.*, юристъ 1-й половины I-го в. по Р. Хр., изъ біографіи котораго извѣстно лишь то, что онъ жилъ въ большой бѣдности, къ 50 годамъ достигъ онъ всадническаго званія и получилъ jus respondendi отъ Тиверія; нѣкоторые труды его написаны при Неронѣ. Среди другихъ римскихъ юристовъ онъ занимаетъ выдающееся мѣсто и считается главой школы, названной по его имени, хотя она основана Капитономъ (см.). Онъ въ дѣйствительности былъ руководящимъ умомъ школы, сообщившимъ ей опредѣленное направленіе въ изученіи и развитіи права. Въ его главномъ трудѣ—«Libri tres juris civilis»—поставлены и разрѣшены въ опредѣленной системѣ, которая теперь возстановлена, основные вопросы гражданскаго права. Помпоній, Ульпіанъ и Павелъ пишутъ къ этому труду свои комментаріи и на нихъ воспитываются. Количество трудовъ, связанныхъ съ именемъ С. (ad Sabinum, ex Sabino и т. д.), было настолько велико, что изъ нихъ составлена особая группа (Сабинова масса) при составленіи Дигестъ (см.). Отрывки изъ нихъ извѣстны намъ, впрочемъ, только въ передачѣ его комментаторовъ, принятой въ Дигесты. 2) *Кней Ардлен Целій С.,* консулъ въ 60 г. по Р. Хр., ближайшій послѣдователь Массурія С., занималъ очень вліятельное положеніе при Воспасіанѣ. Изъ трудовъ его замѣчательна обработка эдильскаго эдикта, которую внимательно изучалъ Ульпіанъ. Ср. Krüger, «Gesch. der Quellen und Litteratur des Röm. Rechts» (§ 21, Лпц., 1888). *В. Н.*

Сабинъ (Юлій)—родомъ изъ Галліи, сдѣлалъ попытку (67 — 70 г. по Р. Хр.) въ пар-

Библиотека "Руниверс"

ствованіе Веспасіана освободить Галлію отъ римскаго владычества. Воспользовавшись возстаніемъ Цивилиса, подчинившаго себѣ германцевъ и батавовъ, С. въ союзѣ съ двумя тревирами Юліемъ Классикомъ и Юліемъ Тутором подня̀лъ противъ римлянъ галльскія племена, и одно время счастье ему благопріятствовало. Но принятіе имъ титула цезаря погубило дѣло. Могущественное секванское племя отложилось отъ него и когда С. захотѣлъ силою заставить его присоединиться къ нему, то былъ разбитъ. Позже С. былъ схваченъ и привезенъ въ Римъ, гдѣ и былъ казненъ по приказанію Веспасіана.

Сабинъ (Георгъ, собственно Schüller, Sabinus, 1508 — 1560) — писатель, профессоръ литературы во Франкфуртѣ на Одерѣ, потомъ ректоръ вновь учрежденнаго университета въ Кенигсбергѣ. Труды его: «De electione Caroli V historia» (Майнцъ, 1544), «In Ovidii fabulas» (Витенбергъ, 1556), «Poemata et epistolae» (Лпц., 1558—1559). Особою извѣстностью пользуются его стихотворенія въ духѣ Овидія. Въ первомъ бракѣ С. былъ женатъ на дочери Меланхтона. Ср. Töppen, «Die Gründung der Universität zu Königsberg und das Leben ihres ersten Rektors Georg S.» (Кенигсбергъ, 1844); Hefftter, Erinnerung an Georg S.» (Лпц., 1844); Fürstenhaupt, «Georg S.» (Б., 1849).

Сабинъ (сэръ Эдуардъ Sabine, 1788 — 1883)—англ. физикъ и математикъ, состоялъ на военной службѣ по артиллерійскому вѣдомству. С. принималъ участіе въ экспедиціи Парри 1818—1819 г., имѣвшей цѣлью открытіе сѣверо-западнаго прохода, при чемъ производилъ изслѣдованія въ области магнетизма и ученія о маятникѣ. Для продолженія этихъ изслѣдованій онъ въ 1823 г. объѣздилъ морской берегъ Sierra-Леона и отъ восточнаго берега Сѣверной Америки добрался въ 1823 г. до Гаммерфеста, Шпицбергена и Гренландіи. Результаты измѣреній, произведенныхъ во время этихъ путешествій, онъ изложилъ въ своемъ трудѣ «A pendulum expedition etc.» (Л., 1825). Въ 1865 г. С. сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ, съ 1818 г. состоялъ членомъ Royal Society, а съ 1850 г. до 1871 г. вице-президентомъ его. Въ своемъ «Report on the variationis of the magnetic intensity observed at different points of the earth's surface» (Л., 1838) С. пытался подкрѣпить Гауссовскую теорію земного магнетизма графическимъ изображеніемъ результатовъ наблюденій Эрмана и Ганстина. Особенно С. прославился своими трудами по устройству системы метеорологомагнитныхъ обсерваторій въ англійскихъ колоніяхъ. Объ этихъ обсерваторіяхъ, которыя долго состояли подъ главнымъ его управленіемъ, онъ напечаталъ: «Contributions to terrestrial magnetism» (1840 — 1876). С. принадлежитъ еще соч.: «On the cosmical features of terrestrial magnetism» (Л., 1862). Жена С. перевела на англійскій языкъ «Путешествіе по Сибири» Врангеля, «Kosmos» и «Ansichten der Natur» Гумбольдта.

Сабиняне (Sabini) —древне-италійское племя; принадлежали къ умбро-сабелло-осколатинской группѣ и составляли промежуточное звено между умбрами и осками. Область собственно С. (Sabina) представляла собой длинную узкую полосу между Лаціемъ и Умбріей, простираясь отъ Тибра и города Nomentum до области вестиновъ. Общаго имени у области всего сабинскаго племени не было: существовали названія отдѣльныхъ саб. племенъ (Vestini, Mamertini, Marsi, Marrucini, Peligni, Frentani, Picentes, Hernici) и двѣ области—собственно Sabina и Samnium. Отдѣльныя племена сабинскаго народа называются сабельскими, въ отличіе отъ коренныхъ *сабинянъ*. Жители Samnium'a—самниты, говорившіе на оскскомъ діалектѣ, были потомками С. Занимая первоначально сравнительно небольшую горную площадь въ средней части Апеннинскаго хребта, сабинское племя ко времени самнитскихъ войнъ распространилось во всѣ стороны, занявъ почти половину Италіи. Въ своемъ движеніи на западъ С. дошли до Тибра и почти до Тирренскаго моря (между прочимъ они основали городъ Cures) и даже заняли Квиринальскій холмъ (переселенцы изъ г. Cures). Двинувшись на югъ, С. заняли Самніумъ, часть Апуліи, Кампаніи и Луканіи. Такому распространенію племени способствовалъ религіозный институтъ такъ называемой «священной весны» (ver sacrum, см.): въ трудныя минуты войны или по случаю мора С. обрекали все, что должно родиться въ слѣдующую весну—людей и животныхъ,—подземнымъ богамъ, и особенно Марсу; обреченныя такимъ образомъ животныя приносились въ жертву, а люди по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ (обыкновенно 20), подобно пчелиному рою, выселялись изъ мѣста прежней осѣдлости и завоевывали себѣ новыя мѣста для поселенія. Такимъ образомъ создались мелкія сабелльскія племена, изъ которыхъ нѣкоторыя получили свое наименованіе отъ имени бога Марса (Marsi, Mamertini) или его тотемовъ (отъ picus—дятелъ получилось названіе Picentes, отъ hirpus=lupus—названіе племени Hirpini). Въ исторіи Рима С. сыграли видную роль, благодаря близкому соприкосновенію и даже ассимиляціи съ римскимъ народомъ. Подчинившись римлянамъ, которые были сильны политическимъ началомъ и умѣли хорошо организоваться, С. скоро утратили свою самостоятельность и въ 290 г., побѣжденные М. Куріемъ Дентатомъ, получили римское государственное устройство, а съ нимъ и союзническія права (безъ ius suffragii). Сабелльскія племена также рано стали признавать политическое господство римлянъ и только союзническая война (91—88) заставила ихъ отпасть отъ римскаго народа; по окончаніи войны римляне на всегда романизовали сабелльскія племена. Самымъ упорнымъ было племя самнитянъ, которое не смирилось и по окончаніи союзнической войны 91—88 годовъ; вслѣдствіе этого въ 82 г. Сулла уничтожилъ этотъ народъ, отчасти перебивъ населеніе, отчасти продавъ его въ рабство, послѣ чего опустѣвшіе города и мѣстечки были заселены римскими вольноотпущенниками. Къ концу I в. до Р. Хр. самнитянъ, сабинянъ и сабелловъ уже не существовало. Физическія условія стра-

Библиотека "Руниверс"

ны, отсутствіе культурныхъ вліяній, формы быта общиннаго, родового и семейнаго — способствовали развитію у С. тѣхъ національныхъ чертъ, которыя путемъ инфильтраціи такъ отчетливо проявились въ характерѣ римскаго народа: нравственной строгости и выдержки, простоты и умѣренности жизни, благочестія, духа повиновенія и дисциплины, консерватизма. С. жили искони въ незащищенныхъ мѣстечкахъ (подобно спартанцамъ); у нихъ существовалъ общинный бытъ, было развито родовое и фамильное начало, съ patris auctoritas, но, какъ у горнаго народа съ сельскими формами жизни, не было склонности къ политической централизаціи: оттого столкновеніе съ политически организованными жителями равнины (римлянами) и окончилось для горцевъ С. потерею независимости и романизаціей племени. О вліяніи С. на римлянъ въ сферѣ религіи говоритъ преданіе, приписывающее религіозныя реформы двумъ царямъ изъ С. — Нумѣ Помпилію и Анку Марцію; но что принадлежитъ собственно С. и что римлянамъ—опредѣлить трудно. Достовѣрно извѣстно, что при общности многихъ латинскихъ и сабинскихъ божествъ (Quirinus, Mars), сабинскими божествами были Semo Sancus, Feronia, Vacuna, Angitia, Flora, Hercules; С. же принадлежитъ, въ области религіи, установленіе «священной весны», развитіе авгурской науки, учрежденіе жреч. коллегіи Тиціевъ и пр. С. занимались скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ; главными продуктами были овцы, сыръ, ленъ, виноградъ, оливы, смоквы, бобы, также лѣсъ и лѣкарственныя травы. Города, принадлежавшіе сабинскому племени: Amiternum (родина Саллюстія), Reate, Nursia, Cures, Nomentum; въ области вестиновъ—Aternum, въ области марсовъ—Maruvium, Lucus Angitiae и Cerfennia, въ области марруциновъ—Teate, въ области пелигновъ—Corfinium и Sulmo (родина Овидія), въ области френтановъ—Ortona, Histonium, въ области гирпиновъ и Самніумѣ — Aesernia, Bovianum, Aquilonia, Beneventum, Venafrum, Calatia, Caudium и др. Ср. Schwegler, «Römische Geschichte» (I т., 1867, стр. 179—181; 239—253); Mommsen, «Römische Geschichte» (т. 1 passim); его же, «Unteritalische Dialecte» (1850); Ed. Meyer, «Geschichte des Abendlandes» (т. 2 «Geschichte des Altertums», стр. 488—526, 1893 г.). *Н. О.*

Сабіи.—Подъ именемъ С. были извѣстны у европейскихъ и мусульманскихъ писателей самыя разнообразныя народности, относившіяся къ различнымъ историческимъ эпохамъ, но, вслѣдствіе созвучія названія, постоянно смѣшивавшіяся. Проф. Хвольсонъ въ своемъ сочиненіи: «Die Ssabier und der Ssabismus» (СПб., 1856) раздѣляетъ всѣхъ извѣстныхъ С. на историческихъ и мнимыхъ С. Историческіе С. суть: 1) истинные С. или халдейскіе—упоминаемые въ коранѣ парсифицированные халдейскіе язычники или внѣхристіанскіе гностики, родоначальники современныхъ мандеевъ (см.) или христіанъ св. Іоанна, которые живутъ недалеко отъ Персидскаго залива и говорятъ испорченнымъ халдейско-арамейскимъ нарѣчіемъ; и въ настоящее время они извѣстны среди магометанъ подъ именемъ С. или субба, т. е. умывающіеся (благодаря своимъ частымъ омовеніямъ); 2) псевдосабіи или сирійскіе С., остатки древне-сирійскихъ язычниковъ греческой культуры, которые около 830 г. приняли названіе С., чтобы пользоваться среди магометанскихъ народовъ вѣротерпимостью, которую коранъ обѣщалъ истиннымъ С.; они жили въ сѣв. Месопотаміи (въ Гаранѣ, Эдессѣ, Багдадѣ и др.); религія ихъ есть смѣшеніе халдеизма, парсизма, іудейства, христіанства, гностицизма, неоплатонизма; съ XII стол. они болѣе не встрѣчаются въ исторіи, но возможно, что продолжаютъ существовать гдѣ-либо въ Месопотаміи подъ другимъ именемъ; отъ этихъ С. осталось много литературныхъ памятниковъ, написанныхъ на чистѣйшемъ сирійско-арамейскомъ нарѣчіи. Мнимыми С. являются нѣкоторые народы и религіозныя секты древнихъ и среднихъ вѣковъ, которые у арабскихъ, еврейскихъ и персидскихъ писателей назывались С., въ смыслѣ звѣздопоклонниковъ и язычниковъ, а позднѣе были пріурочены европейскими учеными къ историческимъ С., напр. древніе халдеи, персы временъ Зороастра, буддисты, сабеи Аравіи и др.; отъ этого названія С. образовался терминъ сабеизмъ, въ смыслѣ поклоненія звѣздамъ.

Сабле, (Sablé)—городъ въ франц. департаментѣ Сарты. Въ средніе вѣка носилъ названіе Sabloilum, былъ маркизатомъ, принадлежавшимъ Бурбонамъ. 20 августа 1488 г. король Карлъ VIII заключилъ здѣсь мирный договоръ съ Франциской II бретанскимъ.

Саблеръ (Владиміръ Карловичъ)—юристъ; род. въ 1847 г., окончилъ курсъ на юридич. факультетѣ моск. унив. Получилъ степень магистра за сочиненіе: «О значеніи давности въ уголовномъ правѣ» (М., 1872). Въ 1872—73 г. читалъ уголовное судопроизводство въ московскомъ унив., потомъ былъ юрисконсультомъ св. синода и управляющимъ его канцеляріей; теперь состоитъ сенаторомъ и товарищемъ оберъ-прокурора св. синода.

Саблеръ (Егоръ Егоровичъ, 1810—64)—русскій астрономъ, ученикъ В. Я. Струве. Знаменитый астрономъ, замѣтивъ выдающіяся способности С., доставилъ ему еще до окончанія курса мѣсто младшаго помощника въ дерптской обсерваторіи. Въ 1839 г. С. получилъ степень доктора философіи въ дерптскомъ унив. Вскорѣ послѣ того, при открытіи Пулковской обсерваторіи, онъ, по предложенію Струве поступилъ въ число ея астрономовъ. Здѣсь С. не только изслѣдовалъ мѣста многихъ звѣздъ, служившихъ въ разное время для сравненія съ положеніями кометъ, которыя наблюдались въ Пулковѣ, но и участвовалъ въ составленіи обширной росписи звѣздъ, которая впослѣдствіи приведена къ окончанію и заключаетъ въ себѣ всѣ звѣзды, наблюдавшіяся Брадлеемъ въ половинѣ XVIII в., а потому представляетъ драгоцѣнные матеріалы для изысканія о собственномъ движеніи звѣздъ. Сверхъ постоянныхъ трудовъ въ Пулковѣ, С. участвовалъ въ геодезическихъ работахъ, производившихся подъ главныхъ руководствомъ Струве. Такъ, онъ принималъ участіе, въ

Библиотека "Руниверс"

1843 г., въ хронометрической экспедиціи для вывода разности долготъ Пулковской и Альтонской обсерваторій, а потомъ участвовалъ въ трудахъ, относящихся къ большому градусному измѣренію дуги меридіана, идущей чрезъ западныя области Имперіи. С. опредѣлилъ длины базисовъ (основныхъ линій въ сѣтяхъ треугольниковъ) въ Финляндіи и Бессарабіи. Съ успѣхомъ С. занимался также практическою механикою и оптическими изслѣдованіями; ему удалось сдѣлать ахроматическіе объективы, съ помощью двухъ стеколъ кронгласа, между которыми заключалась прозрачная жидкость съ соотвѣтственными коэффиціентами преломленія свѣторазсѣянія; записка его объ этомъ напечатана въ «Бюллетеняхъ» академіи наукъ и даетъ средства отыскивать коэффиціенты безъ помощи призмъ. Въ 1854 г. С. былъ опредѣленъ директоромъ Виленской обсерваторіи, которая обогатилась, благодаря ему фотогеліографомъ, вывезеннымъ изъ Англіи.

Саблинъ (Михаилъ Алексѣевичъ)—статистикъ и общественный дѣятель (1842—98), родился въ помѣщичьей семьѣ Вологодской губ.; по окончаніи курса въ спб. унив. былъ преподавателемъ географіи въ гимназіяхъ и др. учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Съ 1868 г. состоялъ секретаремъ моск. губернскаго, а съ 1869 г. одновременно и московскаго городского статистическихъ комитетовъ. По его плану и подъ его руководствомъ было произведено подворное описаніе селеній Московской губ. чрезъ волостныя правленія, при посредствѣ мировыхъ посредниковъ и духовенства; первый томъ этого изслѣдованія изданъ въ 1873 г. подъ названіемъ: «Свѣдѣнія о селеніяхъ и жителяхъ Московской губерніи. Богородскій уѣздъ». Въ 1871 г. подъ руководствомъ С. произведена первая однодневная перепись Москвы («Статистическія свѣдѣнія о жителяхъ Москвы по переписи 12 декабря 1871 г.», М. 1872). Въ 1872 С. собралъ свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ для политехнической выставки въ Москвѣ; при его ближайшемъ содѣйствіи организованъ былъ и кустарный отдѣлъ на всероссійской промышленно-художественной въ Москвѣ выставкѣ въ 1882 г. С. былъ предсѣдателемъ коммиссіи по осмотру фабрикъ и заводовъ Москвы (1876); часть трудовъ этой коммиссіи выполнена самимъ С. Труды эти дали богатый матеріалъ для послѣдовавшихъ затѣмъ работъ по русскому фабричному законодательству. Имъ же составленъ «Сборникъ русскихъ фабричныхъ законовъ» («Труды коммиссіи учрежденной. кн Долгоруковымъ», М. 1883). Въ 1882 г. московскимъ городскимъ управленіемъ было издано обширное изслѣдованіе С. о пожарахъ Москвы за десятилѣтіе 1870—79 гг. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ земскимъ статистикомъ В. И. Орловымъ (XXII, 165—166) С. способствовалъ учрежденію статистическаго отдѣленія при московскомъ юридическомъ обществѣ; отдѣленіе это, пока существовало общество, служило объединяющимъ центромъ русскихъ земскихъ статистическихъ работъ. Начиная съ 1870-хъ годовъ С. сотрудничалъ въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», а съ 1883 г. вошелъ въ составъ издающаго эту газету товарищества и принималъ въ изданіи газеты дѣятельное участіе. Въ теченіе многихъ лѣтъ С. состоялъ гласнымъ моск. городской думы и почти постоянно работалъ въ коммиссіяхъ по обсужденію различныхъ вопросовъ, касающихся экономическихъ нуждъ столицы. *Д. Р.*

Саблины—дворянскій родъ, восходящій къ концу XVI в. Алексѣй Николаевичъ С. былъ вице-адмираломъ и главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта (1809—17), а потомъ и сенаторомъ. Родъ С. раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, внесенныхъ въ VI, I и II ч. род. кн. Вологодской, Олонецкой, С.-Петербургской и Новгородской губ.

Саблі̀ръ (Маргарита de la Sablière, урожден. Hessein, 1636—93)—хозяйка блестящаго салона въ Парижѣ, въ которомъ собирались выдающіеся ученые и свѣтскіе люди того времени. Сама С. отличалась вѣжливостью, веселостью, остроуміемъ и ученостью (она изучала физику, математику и астрономію). Въ ея домѣ двѣнадцать лѣтъ прожилъ Лафонтенъ, посвятившій ей свои лучшія басни. Мужъ ея, *Антуанъ Рамбуле, сьеръ де ла С.* (1624—79), былъ извѣстенъ какъ авторъ мадригаловъ, собранныхъ его сыномъ (П., 1689) и выдержавшихъ много изданій; они помѣщены, между прочимъ, въ «Coellction des petits classiques français» (П., 1828).

Саблуковъ (Александръ Александровичъ, 1782—1857)—генералъ-лейтенантъ, инженеръ, занимавшійся техническими науками, много писалъ на франц. языкѣ, между прочимъ: «Mémoire concernant quelques applications et la construction de machines générale ment connues sous le nom de ventilateurs ou même principe pour le déplacement des corps liquides» (П., 1841).

Саблуковъ (Гордій Семеновичъ, † 1880) — оріенталистъ, проф. каз. дух. акд. по миссіонерству противъ магометанъ, знатокъ магометанства. Ему принадлежитъ лучшій переводъ (съ арабскаго) Корана Магомета (Казань, 1878); приложеніе къ нему (1879) и два трактата: «Свѣдѣнія о Коранѣ «(Казань, 1884) и «Сличеніе магометанскаго ученія о именахъ Божіихъ съ ученіемъ о нихъ христіанскимъ» (1873). О другихъ его ученыхъ работахъ, особо не изданныхъ, см. въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1880 г., гдѣ находится и біографія этого оріенталиста. Имъ переведена также на русскій языкъ съ турецкаго 1-я часть «Исторіи турокъ» соч. Богадуръ-хана (въ III ч. «Библіотеки восточн. историковъ»).

Саблуковъ (Николай Александровичъ, 1776—1848) — генералъ, авторъ «Записокъ». Получивъ весьма тщательное домашнее образованіе, предпринялъ путешествіе по Европѣ, затѣмъ служилъ въ конногвардейскомъ полку, который оставилъ около 1802 г. и отправился во второе путешествіе по Европѣ. Вернувшись, служилъ въ морскомъ министерствѣ, участвовалъ въ войнѣ 1812 г. и по окончаніи ея жилъ въ отставкѣ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Написалъ весьма важныя «Записки» о времени Павла и Александра I на англійскомъ языкѣ, предназначая ихъ единственно для замкнутаго семейнаго круга; онѣ

Библиотека "Руниверс"

попали въ печать только въ 1865 г. («Frazer's Magazine», августъ и сентябрь); отрывки изъ нихъ напечатаны во французскомъ переводѣ въ «Revue Moderne» (ок. 1866 г.) и въ рус. переводѣ въ «Русскомъ Архивѣ» (1869).

Саблуковы—дворянскій родъ, происходящій отъ польскихъ шляхтичей Якова и Николая Савлуковъ, оставшихся въ русскомъ подданствѣ послѣ покоренія Смоленска. Александръ Ульяновичъ (1712—1773) былъ кофишенкомъ имп. Елисаветы и получилъ отъ нея значительныя помѣстья. Его сынъ Александръ Александровичъ (1749—1828) былъ сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта. О сыновьяхъ послѣдняго Александрѣ и Николаѣ см. выше. Родъ С. внесенъ въ VI ч. род. кн. С.-Петербургской, Ярославской, Владимірской и Новгородской губ. (Гербовникъ, I, 80). *В. Р.*

Сабль д'Олонъ (Les Sables d'Olonnes)—г. во франц. дпт. Вандеи, на Атлант. океанѣ, къ В отъ мыса Пуэнтъ-де-л'Эгильъ. Жит. 10261. Гавань. Кораблестроеніе. Ловля сардинокъ; устрицы; торговля хлѣбомъ и лѣсомъ. Морскія купанія; великолѣпный пляжъ. Маякъ.

Сабля — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Р. этимъ именемъ называютъ растеніе Gladiolos, обыкновенно извѣстное подъ именемъ шпажника.

Сабля—горный кряжъ (по мѣстному названію—парма), одинъ изъ зап. отроговъ Уральскаго хр., на границѣ Архангельской и Вологодской губ. Длина пармы 35 вер., на ней 14 пиковъ, изъ нихъ высочайшій, похожій на острый гвоздь, носитъ названіе *Сабли* (подъ 64°46′ с. ш. и 50° в. д.), абс. выс. 5142 фт.

Сабля—рубящее оружіе, съ изогнутымъ клинкомъ, имѣющимъ обыкновенно въ длину не менѣе 90 стм. Въ видахъ употребленія С. и въ качествѣ колющаго оружія оконечность клинка на протяженіи 10 стм. оттачивается съ обѣихъ сторонъ. Названіе С. одни производятъ отъ араб. *сейф*, другіе отъ санскр. *шубра*, «сіяющій», или отъ древне-бактрійскаго *суфра* или *субра*, «сабля», или отъ греч. средневѣковаго ζαβός, «согнутый». Кромѣ того указываютъ на итал. sciabla, sciabola, венец. sabola, исп. sable, франц. sabre, нѣм. Säbel, венг. szablya. Предполагаютъ, что С.—оружіе восточное, распространившееся по Европѣ вслѣдствіе сношеній ея съ Востокомъ. Въ древности С. была оружіемъ скиѳовъ, въ Греціи она была въ употребленіи лишь у пелопонесцевъ. Римляне не знали С.; занесли ее съ Востока гунны. Арабы и турки употребляли преимущественно С., тогда какъ на Западѣ главнымъ оружіемъ служилъ мечъ. Въ Западную Европу С. проникла черезъ посредство венгровъ и поляковъ. Русскимъ С. извѣстна была изстари. Въ лѣтописяхъ читаемъ подъ 968 годомъ: «и въдасть Печенѣжьскій князь Ирѣтичю конь, саблю, стрѣлы». Въ Словѣ о Полку Игоревомъ: «сабли изъострени.—Поскепаны саблями каленными шеломы Оварьскыя.—Ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя». Въ Московской Руси составныя части С.—клинокъ и ефесъ—назыв. *полосою* и *крыжемъ*. Полоса, обыкновенно съ *елманью* (т. е. съ нижнимъ расширеніемъ, для приданія большей силы удару), дѣлалась изъ булата, стали, желѣза. Остріе полосы называлось *лезомъ* или *лезвеемъ*, а тупая сторона ея—*тильемъ*. Въ набалдашникѣ сабельнаго крыжа дѣлалось небольшое отверстіе, сквозь которое продѣвался *темлякъ* съ кистью и круглою *ворворкою* у соединенія темлячной тесьмы и кисти. С. были турскія, угорскія, кизылбашскія, горскія. На турскихъ С. вырѣзывались или наводились иногда слова татарскія. С. московской работы, по различію образцовъ, были на литовское дѣло, на турское дѣло, на угорское дѣло, на черкасское дѣло, на кизылбашскій выковъ, на нѣмецкій выковъ, на угорскій выковъ. Былъ и собственный московскій выковъ. Объ употребленіи въ Россіи С. послѣ Петра см. Бѣлое оружіе (V, 217 и 218).

Сабляница (Pelecus cultratus) — см. Чехонь.

Саблянка (Xiphias gladius)—см. Мечъ-рыба.

Сабовскій (Владиславъ Sabowski, 1837—1888) — польскій беллетристъ и журналистъ (писалъ подъ псевдонимомъ Wołody Skiba и Omikron). Въ многочисленныхъ юмористическихъ и другихъ повѣстяхъ его все вниманіе обращено на внѣшній интересъ интриги, поддерживаемую нагроможденіемъ всякихъ неожиданностей и случайностей. Изъ повѣстей и романовъ С. заслуживаютъ упоминанія: «Nieszczęśliwa» (1864), «Pierwsza pacyenika» (1866), «Kwiat z Sumatry» (1868), «Rodzina Orskich» (1869), «Po niewczasie» (1869), «Kanarki» (1868), «Za miesiąc» (1869), Pan Walery (1869), «Bucik» (1871), «Pod jednym dachem» (1871), «Kręte drogi» (1871), «Intrygant» (1876), «Na paryskim bruku» (1882), «Samobojca», «Pojedyńek amerykański», «Odwrotna strona medalu», «Dziwni ludzie», «Grzes» (1884) и «Nad poziomy (1887). Комедіи его («Wojna z sąsiadką», «Półmiliona», «Przestroga ciocі Zosi») отличаются живостью и непринужденностью дѣйствія и умѣлымъ веденіемъ діалога. Очень хороши переводы С. (напр. «Демона» Лермонтова въ «Bibl. Warsz.» 1859, Гюго и др.). С. былъ нѣкоторое время редакторомъ «Kraj»'я (галицкаго), издавалъ «Kurjer Krakowski», редактировалъ «Dziennik mód».

Саболчскій комитатъ (мадьярск. Szabolcs-Vármegye, нѣм. Szaboltscher Gespanschaft)—въ Венгріи, на лѣв. берегу р. Тисы; занимаетъ пространство въ 4917 кв. км. На З и СЗ представляетъ долину, въ восточной части покрытую лѣсами, а вдоль Тисы усѣянную содовыми озерами и топями, но вообще очень плодородную и богатую прекрасными пастбищами. Только такъ назыв. Ньирь—песчанная равнина съ дюноподобными возвышеніями, — менѣе плодородна. Главныя рѣки — Тиса съ Самошемъ. Жители (244945 чел.) занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ (крупный рогатый скотъ овцы, свиньи) въ большихъ размѣрахъ. Главный городъ комитата—Ньиредьгаза.

Саборей (евр. разсуждающіе, взвѣшивающіе)—еврейскіе учители, жившіе въ эпоху послѣ заключенія вавилонскаго талмуда (ок. 500 г. по Р. Хр.). Дѣятельность С., продолжавшаяся около 50 лѣтъ, заключалась въ записываніи всего устнаго ученія (талмуда), со-

Библиотека "Руниверс"

брачнаго и приведеннаго въ систему ихъ литературными предшественниками, *амореями* (объяснителями перешедшаго по преданію ученія). Имъ принадлежатъ также многія прибавленія и объясненія въ текстѣ и новыя постановленія брачнаго права.

Саботта—зоологъ, род. въ 1867 г. Въ 1891 г. получилъ званіе доктора медицины. Главнѣйшія работы его касаются эмбріологіи позвоночныхъ: «Die Befruchtung und Furchung des Eies der Maus» («Archiv f. mikrosk. Anatomie», 1896), «Die Bildung des corpus luteum beim Kaninchen» («Anatomische Hefte», 1897), «Die Reifung und Befruchtung des Eies von Amphioxus lanceolatus» («Arch. f. mikrosk. Anatomie», 1897), «Die Gastrulation von Amphioxus lanceolatus» («Verhandlungen der physikal. mediciniscen Gesellschaft», Вюрцбургъ, 1897): также напеч. рядъ статей въ «Ergebnisse der Anatom. und Entwickl.» (1897 и 98).

В. М. Ш.

Саботчи-катами (груз.) — сборъ куръ съ крестьянъ въ пользу помѣщика. Эта повинность существовала въ Мингреліи; взыскиваніе ея производилось, обыкновенно, разъ въ мѣсяцъ.

Саботьеръ — франц. народный танецъ, исполняемый въ деревянныхъ башмакахъ (sabots). Такъ какъ неуклюжая тяжелая обувь не даетъ возможности дѣлать быстрыя тѣлодвиженія, то немаловажную роль въ немъ играютъ ритмическія фигуры, производимыя ударами сабо. Принципъ тотъ же, какъ въ американской и англійской жигѣ.

Сабрей-пай и Саври-пай—двѣ скалистыя горы Архангельской губ., Печерскаго уѣзда, крайніе отпрыски Уральскаго хребта въ Большеземельской тундрѣ. Первая расположена на лѣв. берегу р. Сабрей-яги, близъ соединенія ея съ р. Саври-ягой; вторая—на прав. берегу р. Саври-яги, при выходѣ послѣдней изъ горъ. Разстояніе между горами около 4 вер. Обѣ горы, по опредѣленію г. Гофмана, состоятъ изъ тальковаго сланца. *Н. Л.*

Сабрей-лга—верхняя часть теченія р. Уссы до впаденія въ послѣднюю р. Ельца (см. р. Усса).

Сабунъ—рѣка и озеро Тобольской губ., Сургутскаго у. Озеро С. лежитъ въ лѣсистыхъ болотахъ, близъ границъ Енисейской губ., длин. до 25 вер., шир. 1—5 вер. На ЮВ вытекаетъ р. С., правый притокъ р. Ваха. Длина до 125 вер., шир. 10—25 саж., глубина $1^1/_2$—3 арш. Течетъ извилисто по болотистолѣсистой мѣстности; берега пустынны. Съ правой стороны въ С. впадаетъ Малый Сабунъ.

Сабурка или *сабуровка*—русская разновидность капусты; самый лучшій и наиболѣе распространенный въ Россіи поздній сортъ ея. Кочень у этого сорта большой, плоскій, нѣжный, листья крупные; идетъ для шинкованной и кислой капусты.

Сабурова (Аграфена Тимоѳеевна, † 1867) — выдающаяся московская актриса. Сперва пѣла въ русскихъ операхъ; потерявъ голосъ, стала играть роли благородныхъ матерей; прослуживъ 40 лѣтъ, въ 1855 г. оставила сцену. Ея дочь, *Екатерина Александровна*, изв. драматическая актриса, на сценѣ спб. Александринскаго театра съ 1855 г., раньше того выступала въ Москвѣ (съ 1846 г.) въ операхъ и водевиляхъ съ пѣніемъ. Лучше всего ей удавались роли Софьи Павловны («Горе отъ ума»), и Елены Глинской (драма Полевого). См. «Изъ воспоминаній Е. А. Сабуровой» («Ежегодникъ Имп. театровъ», сезонъ 1895—1896).

Сабуровъ (Александръ Матвѣевичъ)—артистъ Имп. моск. театровъ (1800—31), мужъ Аграфены Тимоѳеевны С.; очень хорошо игралъ роли свѣтскихъ молодыхъ людей, отличался прекрасною дикціею и благородствомъ осанки. Большой успѣхъ имѣлъ въ водевиляхъ, особенно въ роли Грифьяка («Феникъ или утро журналиста»).

Сабуровъ (Андрей Александровичъ)—статсъ-секретарь, род. въ 1838 г.; высшее образованіе получилъ въ Александровскомъ лицеѣ. Въ качествѣ одного изъ первыхъ товарищей предсѣдателя спб. окружнаго суда много способствовалъ правильному развитію судебной практики. Его резюме, обращенныя къ присяжнымъ по справедливости считались образцовыми. Позже С. былъ товарищемъ оберъ-прокурора угол. касс. дпт. сената и вице-директоромъ дпт. мин. юстиціи. Въ 1875 г. С. былъ назначенъ попечителемъ дерптскаго учебнаго округа. Съ апрѣля 1880 г. по мартъ 1881 г. управлялъ мин-вомъ народнаго просвѣщенія, затѣмъ засѣдалъ въ первомъ и гражд. касс. д-тахъ сената и былъ первоприсутствующимъ въ четвертомъ департаментѣ. Въ 1899 г. назначенъ членомъ госуд. совѣта.

Сабуровъ (Иванъ Васильевичъ, 1788—1873)—сельскій хозяинъ, инженеръ-капитанъ. Изъ статей С., помѣщенныхъ въ журналахъ, выдаются «Записки пензенскаго землевладѣльца», печатавшіяся въ «Отечественныхъ Запискахъ» начала 1840-хъ годовъ. Ему же принадлежатъ «Карта Россіи», съ раздѣленіемъ на полосы по отношенію къ сельско-хозяйственной производительности, «Таблицы для собиранія статистическихъ свѣдѣній» и мн. др.

Сабуровъ (Михаилъ Ивановичъ, † 1881)—священникъ, писатель. Окончилъ курсъ въ московской дух. акд. Написалъ диссертацію: «Объ антихристѣ» (въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отецъ», М., 1858) и нѣсколько поученій и мелкихъ статей.

Сабуровы — дворянскій родъ, одного происхожденія съ Годуновыми Праправнукъ мурзы Чета Ѳедоръ Ивановичъ Зерновъ, по прозванію Сабуръ, былъ родоначальникомъ С. Старшій сынъ его, Михаилъ († 1464), служилъ Дмитрію Шемякѣ, а потомъ Василію Темному и Іоанну III. Братья его, Василій († 1485) и Семенъ Пѣшко († 1484), также были боярами; отъ послѣдняго изъ нихъ произошла угасшая въ концѣ XVI в. вѣтвь Пѣшковыхъ-С. Отъ младшаго ихъ брата Константина Сверчка происходила вѣтвь Сверчковыхъ-С., угасшая въ XVII в.; старшій изъ его сыновей Юрій Константиновичъ († 1512), боярина, былъ отцомъ Соломоніи — 1-й жены Василія III; братъ ея, Иванъ-Василій Константиновичъ, былъ крайчимъ. Василій Борисовичъ († 1578) и Богданъ Юрьевичъ С. († 1598) были боярами. Дочь Богдана Юрьевича Евдокія († 1619),

Библиотека "Руниверс"

въ иночествѣ Александра, была 1-ю женою царевича Іоанна Іоанновича, сына Грознаго. Андрей Ивановичъ С. (1797—1866) былъ оберъ-гофмейстеромъ и директоромъ Имп. театровъ. Его племянникъ ПетръАлександровичъ (род. въ 1835 г.) былъ посланникомъ въ Аѳинахъ (1870—79), посломъ въ Берлинѣ (1879—84), теперь сенаторъ; извѣстный археологъ и собиратель древностей. Объ Андреѣ Александровичѣ см. выше. Родъ С. внесенъ въ VI и IV ч. род. кн. Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Смоленской, Московской и Владимірской губ. (Гербовникъ, I, 43).

Сабуръ (*бот.*)—см. Алоэ (I, 478).

Сабуръ (*медиц.*)—сгущенный сокъ, получаемый изъ мясистыхъ листьевъ различныхъ видовъ Aloë (см.), кустарниковыхъ или деревянистыхъ растеній, произрастающихъ въ Африкѣ, Азіи и Южной Америкѣ. Въ торговлѣ различаютъ главнымъ образомъ два сорта: *блестящій капскій* (Aloë lucida s. Capensis) и *тусклый* (Aloë hepatica). Первый, лучшій изъ нихъ представляетъ неправильные куски, похожіе на смолу, краснобураго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ и блестящимъ изломомъ. При обыкновенной температурѣ С. довольно хрупокъ и удобно растирается въ порошокъ, Имѣетъ непріятный запахъ и противный очень горькій вкусъ; вполнѣ растворяется въ горячей водѣ и въ спиртѣ; содержащаяся въ препаратѣ желтобурая смола не растворяется въ холодной водѣ и такой растворъ представляется мутнымъ. С. содержитъ кристаллическій глюкозидъ *алоинъ*, которому принадлежитъ слабительное дѣйствіе препарата, смолистое вещество, бѣлковыя вещества, жиръ и значительное количество эѳирнаго масла. Въ дозахъ 0,02—0,05 С. и его препараты дѣйствуютъ какъ горькое средствс, усиливая аппетитъ, способствуя пищеваренію и увеличивая отдѣленіе желчи. Дозы 0,2—1,0 вызываютъ, въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій, черезъ 6—12 часовъ болѣе или менѣе обильное слабительное дѣйствіе, въ большинствѣ случаевъ не сопровождающееся болевыми ощущеніями. Повидимому, для проявленія слабительнаго эффекта необходимо присутствіе желчи, такъ какъ при введеніи С. въ прямую кишку не наблюдается обычнаго дѣйствія препарата. Въ противоположность другимъ слабительнымъ средствамъ, С. оказываетъ дѣйствіе даже при частомъ употребленіи. Въ большихъ дозахъ С. ядовитъ и можетъ вызвать смертельное отравленіе. При остромъ и хроническомъ отравленіи сабуръ вызываетъ воспалительныя явленія кишечника и почекъ. Какъ слабительное средство, препаратъ назначается при вялой дѣятельности пищеварительнаго канала, преимущественно лицамъ, страдающимъ привычными запорами, большею частью въ формѣ пилюль. Кромѣ экстракта употребляются: *настойка*, какъ горькое средство, улучшающее пищевареніе; *итальянскія пилюли* (С. съ желѣзомъ въ равныхъ доляхъ); *слабительныя пилюли* (С., клубни ялапы, медицинское мыло и анисъ); *элексиръ Парацельса* (С., мирра, шафранъ, спиртъ, разведенная сѣрная кислота), какъ желудочное средство. С. остерегаются назначать во время беременности, менструаціи, при наклонности къ гемморроидальнымъ кровотеченіямъ и при воспалительныхъ состояніяхъ кишечника. *Д. К.*

Сава (у славянъ Сава, мадьярск. Szava, нѣмецк. Save или Sau)—правый притокъ Дуная въ Австріи, образуется у Радолицы въ Крайнѣ изъ сліянія двухъ рѣчекъ—Вурценской С., берущей начало на высотѣ 483 м. надъ моремъ на сѣв. склонѣ Мангарта (въ Юльскихъ Альпахъ) и Савицы (Малой или Бохинской С.), которая береть начало ва высотѣ 837 м. на южн. склонѣ Триглава и образуетъ Бохинское озеро (526 м.). С. пересѣкаетъ въ юго-восточномъ направленіи равнину Лайбаха, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Канкру и Быстрицу, справа Сору и Люблянку, становится послѣ этого судоходной, затѣмъ вступаетъ въ узкую горную долину, образуетъ отъ Загора до Ранна границу между Крайной и Штиріей, при чемъ принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Савину (или Саннъ, см.) и Сотлу, а справа Керку. С., на высотѣ 129 м. надъ моремъ, вступаетъ въ хорватскую равнину, отъ Ясеновца образуетъ границу Хорватіи—Славоніи со стороны Сербіи и Босніи, принимаетъ здѣсь притоки съ лѣвой стороны Крапину, Лонью и Орляву, а съ правой—Кульпу, Унну, Врбасъ, Босну и Дрину и подъ Бѣлградомъ, на высотѣ 64 м., впадаетъ въ Дунай. С. имѣетъ въ длину 712 км., ея бассейнъ равенъ 97361 кв. км. Нижнее ея теченіе имѣетъ очень незначительное паденіе, и берега здѣсь по мѣстамъ болотисты. Мелкія мѣста, песчаныя отмели и мѣняющійся уровень воды представляютъ серьезныя затрудненія для судоходства; тѣмъ не менѣе отъ Сисека до самаго устья, на протяженіи 589 км., по ней ходятъ пароходы.

Савагили, *суагели* (Sawahili, Suaheli, т. е. побережные жители) — обитатели Занзибарскаго побережья вост. Африки и близлежащихъ острововъ, смѣсь вторгнувшихся арабовъ съ туземцами и негритянками, доставленными въ качествѣ невольницъ изъ внутренней Африки. Языкъ С. — *кисуагели* (Kisuaheli, Suaheli, Suahili, Swahili), съ родственными ему діалектами Занзибара, составляетъ самую сѣв. группу восточнаго отдѣла системы языковъ Банту. Какъ наиболѣе употребительный въ юго-вост. Африкѣ, въ особенности въ тамошнихъ германскихъ владѣніяхъ, кисуагели является нынѣ предметомъ тщательнаго изученія и систематическаго преподаванія въ берлинской восточной семинаріи. Новѣйшія грамматики этого языка изд. Daull (Кольмаръ, 1879), Steere (3 изд., Л., 1885), Seidel (Вѣна, 1890), Slack (Л., 1891), Raddatz (Лпц., 1892), St. Paul-Illaire (Берл., 1890); словари—Krarf (Л., 1882); Shaw (Лпц., 1885), Büttner (Берл., 1890), Madan (Л., 1890; Оксфордъ, 1894), von Nettelbladt («Suaheli-Dragoman», Лпц., 1891) и St. Paul-Illaire («Swahili-Sprachführer». Б., 1896). Христоматіи составили Steere (Лонд., 1890) и Büttner (2 изд., Лпц., 1891). Послѣдній издалъ также антологію на этомъ языкѣ (Б., 1894) и «Lieder und Geschichten der S.» (Лпц., 1893). Сборники сказокъ С. издали: Rankin («Arabian tales in Swahili», Л., 1887),

Библиотека "Руниверс"

Steere («Tales as told by natives of Zanzibar», Л., 1889) и Taylor («African Aphorisms», Л., 1891).

Савакоты—одна изъ ингерманландскихъ вѣтвей финскаго племени; по языку и нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ древнимъ обычаямъ, С. можно причислить къ выходцамъ изъ Финляндіи, именно изъ Саволакса (см.). С., вмѣстѣ съ эпрэмейзетами и др. финскими племенами, населяютъ мѣстность, прилегающую къ р. Невѣ, въ С.-Петербургскомъ, Царскосельскомъ и Шлиссельбургскомъ уѣздахъ С.-Петербургской губ. Численность С. точно неопредѣлена; приблизительно ихъ можно считать около 15000 душъ.

Саваку (Nycticorax cancrophagus)—одинъ изъ видовъ рода кваквъ (см.) сем. цапель, живущій по берегамъ лѣсныхъ рѣкъ въ Бразиліи. Рѣзко отличается отъ другихъ видовъ формою клюва. Слабо выпуклое надклювье съ тупымъ гребнемъ имѣетъ форму ложки, повернутой дномъ кверху, и оканчивается крючкообразно загнутымъ зубцомъ. Этотъ большой, широкій клювъ, длинный и узкій хохолъ на затылкѣ, на подобіе косички, сравнительно короткая шея и короткій обрѣзанный хвостъ, едва заходящій за довольно длинныя, закругленныя на вершинѣ крылья—придаютъ птицѣ своеобразный видъ. Спинная сторона С. сѣраго цвѣта; лобъ, щеки и передняя сторона шеи—бѣлыя. Брюхо ржавчино-бураго цвѣта. Длина птицы около полуметра. Образъ жизни С. почти неизвѣстенъ. Пищу его составляютъ мелкія водяныя животныя. *Ю. В.*

Савала — рѣка, Несудоходный притокъ Хопра, дл. 101 вер. Протекаетъ по Тамбовскому и Борисоглѣбскому уу. Тамбовской губ.

Саванна (Savannah) — г. въ Сѣв.-Амер. Шт. Георгіи, на правомъ берегу р. С., въ 18 км. отъ ея впаденія въ океанъ, въ песчаной равнинѣ. Гор. правильно построенъ, имѣетъ широкія улицы и бульвары. Въ центрѣ прекрасный паркъ (Forsight Place); главныя зданія—таможня, биржа, судъ, театръ; церквей 30, изъ нихъ 13 для негровъ; много частныхъ школъ. Портъ С. одинъ изъ лучшихъ на южномъ берегу Союза; рѣка С. судоходна до Августы. С.—конечный пунктъ четырехъ желѣзныхъ дорогъ. Главные предметы вывоза: хлопокъ, рисъ, лѣсные матеріалы и корабел. принадлежности. Ежегодно вывозится до 700000 тюковъ хлопка. С.—2-й вывозной портъ хлопка въ Соед. Штатахъ; общая сумма вывоза до 50 милл. долл. въ годъ. Промышленность сравнительно незначительна. С. основана генераломъ Огльторпомъ въ 1733 г. Во время междоусобной войны была взята генераломъ Шерманомъ. Жителей 43189 (1890), изъ нихъ 20000 негровъ.

Саванна (Savannah) — значительная р. въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ, орошающая Южн. Каролину и Георгію; образуется изъ двухъ маленькихъ рѣчекъ: Тугалу и Кайови, течетъ въ юго-юго вост. направленіи, служитъ границей между двумя вышеупомянутыми штатами. Пройдя путь въ 720 км., впадаетъ въ Атлантическій океанъ, въ 18 км. отъ г. С.

Саванны (иначе кампосы или льяносы)—степеподобныя мѣста, свойственныя болѣе возвышеннымъ тропическимъ странамъ, съ сухимъ континентальнымъ климатомъ. Въ отличіе отъ настоящихъ степей (а также и сѣвероамериканскихъ прерій), С., кромѣ травъ, содержатъ также кустарники и деревья, растущіе иногда цѣлымъ лѣсомъ, какъ напр. въ такъ назыв. «campos cerrados» Бразиліи. Травянистая растительность С. состоитъ по преимуществу изъ высокихъ (до $^1/_3$—1 метра), сухо- и жесткокожистыхъ злаковъ, растущихъ обыкновенно дерновинами; къ злакамъ примѣшиваются дерновины другихъ многолѣтнихъ травъ и полукустарниковъ, а въ сырыхъ мѣстахъ, затопляемыхъ весною, также и различныхъ представителей семейства осоковыхъ (Cyperaceae). Кустарники разрастаются въ С. иногда большими зарослями, занимая площадь во много квадратныхъ метровъ. Деревья С. обыкновенно низкорослы; самыя высокія изъ нихъ бываютъ не выше нашихъ плодовыхъ деревьевъ, на которыя они очень похожи своими кривыми стеблями и вѣтвями. Деревья и кустарники иногда оплетаются ліанами и обростаютъ эпифитами. Луковичныхъ, клубненосныхъ и мясистосочныхъ растеній въ С., особенно въ Южной Америкѣ, бываетъ не много. Лишайники, мхи и водоросли встрѣчаются въ С. крайне рѣдко, только по камнямъ и деревьямъ. Общій обликъ С. различенъ, что зависитъ съ одной стороны отъ высоты растительнаго покрова, а съ другой стороны отъ относительнаго количества злаковъ, другихъ многолѣтнихъ травъ, полукустарниковъ, кустарниковъ и деревьевъ; напр. бразильскія С. («campos cerrados») представляютъ собственно свѣтлые, рѣдкіе лѣса, гдѣ свободно можно ходить и ѣздить въ любомъ направленіи; почва въ такихъ лѣсахъ покрыта растительнымъ травянистымъ (и полукустарниковымъ покровомъ) въ $^1/_2$ и даже въ 1 метръ высотою. Въ С. же другихъ странъ деревья совершенно не растутъ или встрѣчаются крайне рѣдко и бываютъ очень низкорослы. Травянистый покровъ также иногда очень низокъ, даже прижатъ къ землѣ. Особенную форму С. составляютъ такъ назыв. льяносы Венецуэлы, гдѣ деревья или совершенно отсутствуютъ, или встрѣчаются въ ограниченномъ числѣ, за исключеніемъ лишь сырыхъ мѣстъ, гдѣ пальмы (Mauritia flexuosa, Corypha inermis) и другія растенія образуютъ цѣлые лѣса (впрочемъ, эти лѣса не принадлежатъ къ С.); въ льяносахъ встрѣчаются иногда одиночные экземпляры Rhopala (деревья изъ сем. Proteaceae) и другихъ деревьевъ; иногда злаки въ нихъ образуютъ покровъ въ ростъ человѣка; между злаками растутъ сложноцвѣтныя, бобовыя, губоцвѣтныя и др. Многія льяносы въ дождливое время года затопляются разливами рѣки Ориноко. Растительность С. вообще приспособлена къ сухому, континентальному климату и къ періодическимъ засухамъ, бывающимъ во многихъ С. по цѣлымъ мѣсяцамъ. Злаки и другія травы рѣдко образуютъ ползучіе побѣги, а обыкновенно растутъ дерновинами. Листья у злаковъ узки, сухи, жестки, волосисты или покрыты восковымъ налетомъ. У злаковъ и осоковыхъ молодые листья остаются свернутыми въ трубку. У деревьевъ

Библиотека "Руниверс"

листья мелки, волосисты, блестящи («лакированы») или покрыты восковиднымъ налетомъ. Растительность С. имѣетъ вообще рѣзко выраженный ксерофитный характеръ. Многіе виды содержатъ большое количество эѳирныхъ маслъ, въ особенности виды семействъ вербеновыхъ, губоцвѣтныхъ и миртовыхъ Южной Америки. Особенно своеобразенъ ростъ нѣкоторыхъ многолѣтнихъ травъ, полукустарниковъ (и кустарниковъ), а именно тѣмъ, что основная часть ихъ, находящаяся въ землѣ (вѣроятно, стебель и корни), сильно разростается въ неправильное, клубневидное, деревянистое тѣло, отъ котораго отходятъ потомъ многочисленные, большею частью неразвѣтвленные или слабо вѣтвистые отпрыски. Въ сухое время года растительность С. замираетъ; С. желтѣютъ, а высохшія растенія зачастую подвергаются пожарамъ, по причинѣ которыхъ кора деревьевъ обычно является опаленною. Съ началомъ дождей С. оживаютъ, покрываясь свѣжею зеленью и испещряясь многочисленными различными цвѣтками. С. свойственны собственно Южной Америкѣ, но и въ другихъ странахъ можно указать многія мѣста, весьма похожія по характеру своей растительности на С. Таковы, напр., такъ наз. Campine въ Конго (въ Африкѣ); въ Капландѣ нѣкоторыя мѣста одѣваются растительнымъ покровомъ, состоящимъ преимущественно изъ злаковъ (Danthonia, Panicum, Eragrostis), изъ другихъ многолѣтнихъ травъ, полукустарниковъ и деревьевъ (Acacia horrida), такъ что такія мѣста напоминаютъ и преріи Сѣверной Америки, и С. Южной Америки; подобныя же мѣста встрѣчаются еще въ Англіи. Эвкалиптовые лѣса Австраліи весьма похожи на «campos cerrados» бразильцевъ; они также свѣтлы и до того рѣдки (деревья далеко отстоятъ одно отъ другого и не смыкаются кронами), что въ нихъ легко ходить и даже ѣздить въ любомъ направленіи; почва въ такихъ лѣсахъ въ дождливое время года покрывается зеленою зарослью, состоящею, главнымъ образомъ, изъ злаковъ; въ сухое время года почва обнажается. *С. Р.*

Саванные лѣса—см. Саванны.

Саванныя травы—см. Саванны.

Саванье (Франсуа-Карлъ-Фрндрихъ-Августъ Savagner, 1808—49)—франц. писатель. Будучи офицеромъ національной гвардіи, С. принималъ участіе въ революціи 24 февраля 1848 г. Во время іюньскаго возстанія онъ старался препятствовать кровопролитію и помѣшалъ даже устройству одной баррикады; тѣмъ не менѣе онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на о-въ Бель-Иль. Здѣсь онъ своимъ товарищамъ по заключенію читалъ лекціи по исторіи, приводившія въ восторгъ слушателей. Главные его труды: «Archives historiques et statistiques du departament du Rhône» (Лионъ, 1832), «Histoire de l'empereur Napoléon» (1833), «Histoire d'Angleterre» (1833), «Abrégé de l'histoire d'Allemagne» (1841), «Abrégé de l'histoire des Suisses» (1841), «Abrégé de l'histoire de Carthage» (1845), «Abrégé de l'histoire de la Chine», «Abrégé de l'histoire universelle» (1842—45), «Histoire de Charlemagne», «Histoire de France depuis l'avénement de Louis XVI», «Les Bourbons, leurs belles actions, leurs vertus, leurs fautes, leurs crimes» (1844—45), «Encyclopédie populaire» (1844).

Саваоѳъ (съ еврейскаго *силы, воинства*)—одно изъ библейскихъ названій Бога. Въ отличіе отъ другихъ названій Бога, какъ Элогимъ, Іегова, Адонаи, С. выдвигаетъ особенно свойство всемогущества, образъ котораго заимствованъ отъ воинства. Названіе это не встрѣчается въ древнѣйшихъ книгахъ Библіи, но оно часто употребляется у пророковъ и въ псалмахъ («Господь Саваоѳъ»). Въ виду того, что это названіе заимствовано отъ воинства, нѣкоторые видятъ въ Саваоѳѣ просто «Бога войны»; но это мнѣніе опровергается уже тѣмъ фактомъ, что названіе С. совсѣмъ еще не употребляется въ то время, когда избранный народъ развивалъ свою высшую воинственную дѣятельность (при завоеваніи Палестины), и, напротивъ, часто употребляется въ ту эпоху, когда воинственность давно уступила мѣсто мирному развитію. Правильнѣе видѣть въ этомъ терминѣ идею Бога какъ всемогущаго Владыки всѣхъ силъ неба и земли, такъ какъ по библейскому представленію звѣзды и другія космическія явленія—тоже своего рода «воинства», повелитель которыхъ есть Богъ, какъ «Іегова Саваоѳъ»—«Господь силъ» (1 Цар. XVII, 45; Пс. XXIII, 10, Ис. I, 24 и др.). *А. Л.*

Савари (Аннъ-Жанъ-Мари-Рене Savary, герцогъ de Rovigo)—французскій политическій дѣятель (1774—1833); участвовалъ въ революціонныхъ войнахъ; съ 1800 г. былъ адъютантомъ и довѣреннымъ лицомъ генерала Бонапарта, который давалъ ему деликатныя, хотя не всегда почетныя порученія, въ родѣ тайныхъ разслѣдованій. С. обнаружилъ въ этихъ дѣлахъ большія способности, и потому въ 1802 г. былъ назначенъ директоромъ бюро тайной полиціи. Онъ открылъ въ 1804 г. заговоръ Жоржа Кадудаля и Пишегрю и руководилъ какъ арестомъ герцога Энгіенскаго, такъ и судомъ надъ нимъ. Впослѣдствіи (1823) С. въ особой брошюрѣ: «La catastrophe de M. le duc d'Enghien» (вошедшей потомъ въ его мемуары) пытался взвалить всю отвѣтственность на Талейрана, что произвело сильную сенсацію. Въ 1805—7 гг. С., въ званіи дивизіоннаго генерала, принималъ участіе въ походахъ противъ Австріи, Пруссіи и Россіи. Послѣ Тильзитскаго мира Наполеонъ отправилъ его посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ одинъ изъ виновниковъ смерти герцога Энгіенскаго, онъ не могъ пользоваться симпатіями. Въ 1808 г. С. командовалъ корпусомъ въ Испаніи. Въ 1810 г. Наполеонъ назначилъ его министромъ полиціи на мѣсто Фуше; послѣдній оказался для Наполеона слишкомъ самостоятельнымъ, между тѣмъ какъ С. былъ покорнымъ, искуснымъ и жестокимъ исполнителемъ приказаній императора. Онъ сохранилъ портфель до паденія Имперіи. Во время ста дней С. сдѣланъ пэромъ и главноначальствующимъ надъ жандармеріей. Послѣ вторичнаго паденія Наполеона С. хотѣлъ сопровождать его на островъ св. Елены, но былъ взятъ въ плѣнъ англичанами и поселенъ на

Библиотека "Руниверс"

островѣ Мальтѣ. Въ 1816 г. онъ бѣжалъ, въ 1819 г. добровольно явился въ Парижъ и отдался въ руки судебной власти; судъ оправдалъ его по обвиненію въ убійствѣ герцога Энгіенскаго. Послѣ революціи 1830 г. С. былъ назначенъ главнокомандующимъ французскихъ войскъ въ Алжирѣ, гдѣ дѣйствовалъ чрезвычайно энергично, много сдѣлалъ для завоеванія, колонизаціи и культивированія края, но обнаружилъ такую дикую жестокость, что въ 1833 г. былъ отозванъ. «Mémoires» С. (П., 1828) представляютъ значительный интересъ для исторіи Наполеоновскаго времени, хотя не безусловно достовѣрны; они написаны въ духѣ восхваленія Наполеона, но авторъ чрезвычайно наивно разсказываетъ множество фактовъ, рисующихъ императора съ очень некрасивой стороны. *В. В—овъ.*

Савари (Жакъ Savary, 1622 — 1690) — писатель. По иниціативѣ Кольбера С. редактировалъ «Ordonnance du Commerce 1673 г.», представляющій собою первый кодексъ торговаго права, сухопутнаго и военнаго и называемый многими писателями «Code Savary». Изъ его работъ извѣстны: «Le parfait négociant» (П., 1675, 1676, 1713, 1800), «Parères ou avis et conseils sur les plus importantes matières du commerce» (П., 1688). См. Goldschmidt, «Handbuch des HR.» (1894); Rodiere, «Les grands jurisconsultes» (1877). Сынъ его, *Жакъ*, составилъ «Dictionnaire universel de commerce», изданный въ прошломъ столѣтіи, въ сокращенномъ переводѣ, и въ Россіи, какъ «Саваріевъ лексіконъ».

Савари (Клодъ-Этьеннъ Savary, 1750 — 1788)—франц. путешественникъ, знатокъ восточныхъ яз. Въ 1776 г. отправился въ Египетъ, посѣтилъ главные города, гдѣ изучалъ нравы и памятники; въ 1781 г. вернулся въ Парижъ, гдѣ принялся за переводъ Корана, къ которому присоединилъ примѣчанія и очеркъ жизни Магомета (1783). Прочіе труды С.: «Morale de Mahomet», «Lettres sur l'Egypte» (1788 — 89), «Lettres sur la Grèce» (1782), «Amours d'Anas-Eloujoud et Quardi» (1789), «Grammaire de la langue arabe vulgaire et littérale» (1813—изъ Ленглэ).

Савари (Félix Savary, 1797—1841)—проф. По окончаніи курса политехнической школы получилъ порученіе преподавать геодезію и прикладную механику, затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ астрономіи и геодезіи въ политехнической школѣ. Наиболѣе важна для кинематики и прикладной механики открытая имъ теорема, выражающая зависимость между кривизнами двухъ катящихся одна по другой кривыхъ.

Савари де-Молеонъ (Savari de Mauléon, род. въ концѣ XII в., умеръ въ 1234 г.)—франц. трубадуръ и воинъ; принималъ участіе въ походѣ противъ Іоанна Безземельнаго, но попалъ въ плѣнъ и перешелъ къ нему на службу. Въ 1208 г. С. предпринялъ путешествіе во Францію, гдѣ, въ 1211 г., по порученію Іоанна Безземельнаго, отлученнаго папою отъ церкви, оказалъ помощь альбигойцамъ. Въ 1214 г. Іоаннъ Безземельный наградилъ его званіемъ сенешаля Гасконіи и правомъ чеканить монету. Когда неудачи стали преслѣдовать Іоанна Безземельнаго, С. послѣдовалъ за нимъ въ Англію, гдѣ присоединился къ королевской партіи; въ 1215 г. командовалъ королевской арміей, въ 1216 г. принялъ участіе въ крестовомъ походѣ, въ 1219 г. взялъ Даміетту, въ 1223 г. вернулся во Францію. Извѣстенъ какъ трубадуръ; оставилъ прекрасные стихи.

Саварка — село Кіевской губ., Васильковскаго у., при р. Роси, въ 90 верст. отъ уѣздн. города. По преданію, С. было городомъ Саварою, городище котораго, окружённое валомъ, видно и донынѣ. Вблизи двѣ большихъ и множество малыхъ могилъ, гдѣ часто выкапываютъ древнія вещи. Около села тянется древній валъ. Жителей 1400; древняя церковь, школа, лавки, мельницы вѣтряныя, водяныя и вальцовая. См. Похилевичъ, «Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губ.», стр. 522.

Саварна (санскр. Savarṇâ = буквально «одинаковаго цвѣта съ чѣмъ-либо, одинаковая, тожественная»)—въ индійской миѳологіи жена солнца; Саранью (см.), жена Вивасвата, подставила ее вмѣсто себя, когда бѣжала отъ мужа. Сыномъ ея былъ Ману. Въ Вишну-Пуранѣ С. является дочерью океана, женою Прачинабаргиса (см.) и матерью десяти Прачетасовъ (см.).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"